

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

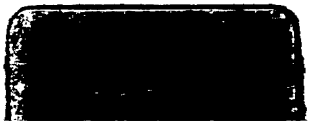
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

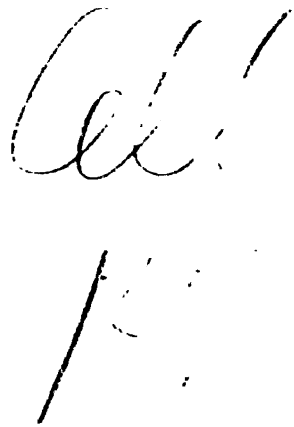
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 05929348 4

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
LXIII.

Digitized by Google

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

Ἐμοὶ δὲ τὶ αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέρους μὴ δύνασθαι περὶ ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῶναι μήτε ποιῆσαι; Ὁρῶ δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων ἐν τοῖς ἐπιγιγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont. IV, 8, 9.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ.

63

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810648
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 1844 года, февраля 29 дня.

Цензоръ П. Корсаковъ.
Цензоръ А. Никитенко.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭТИЧЕСКІЕ
ПАМЯТНИКИ ОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Неизданныя стихотворенія Державина и фонъ-Визина.

Въ библіотекѣ покойнаго графа Р***, проданной недавно съ публичнаго торгу въ Одессѣ, существовало собраніе неизданныхъ поэтическихъ достопамятностей прошлаго вѣка, которыя просвѣщенный вельможа, лично знакомый со всѣми знаменитыми писателями вре-

Digitized by Google

менъ Екатерины, тщательно сохранялъ и вне ь въ особенную опись съ показаніемъ именъ авторовъ. При продажѣ этой драгоцѣнной библіотеки, господину М***, молодому и весьма образованному любителю отечественной словесности, удалось спасти для русской литературы нѣсколько стихотвореній, отмѣченныхъ въ описи какъ произведенія Державина и фонъ-Визина. Въ числѣ этихъ рукописей находится между прочимъ и давно уже извѣстное стихотвореніе Державина, «Вельможа», съ отмѣткою на концѣ: *Санктпетербургъ, ноября 12, 1794* (сигнатурою). Оно здѣсь названо «*Вельможи*», во множественномъ числѣ. Списокъ сходенъ во всемъ съ напечатаннымъ текстомъ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ мѣстъ, которыя авторъ, видно, счелъ за нужное слегка измѣнить впослѣдствіи. Различія эти такъ незначительны, что безполезно было бы по поводу ихъ перепечатывать здѣсь эту знаменитую піесу. Мы сбережемъ мѣсто для другихъ пріобрѣтеній господина М***. Изъ стихотвореній, остававшихся доселѣ неизвѣстными и, по свидѣтельству описи, принадлежащихъ перу Державина, предпочтительнаго вниманія заслуживаетъ «Безпристрастный зритель нѣкоторыхъ состояній нашего вѣка (1794), *письмо къ пріятелю*,» — вѣроятно, къ самому владѣльцу библіотеки, въ которой оно найдено. Если оно дѣйствительно Державина, — мы не имѣемъ права подозрѣвать описи въ неточности, — то нашъ знаменитый лирикъ рѣшительно былъ въ этомъ году въ сатирическомъ расположеніи духа. «Безпристрастный зритель» — сочиненіе почти столь же рѣзкое какъ и «Вельможа» или «Вельможи»: авторъ, съ тѣмъ же негодующимъ вдохновеніемъ, но съ большею веселостью, съ удивительною легкостью фразы и превосходно выдержанною иронією, послѣ современныхъ вельможъ, разсматриваетъ другія современныя «состоянія». Если жестокая сатира «Вельможи», по своей формѣ, болѣе клонится

Digitized by Google

къ одѣ, то это стихотворное письмо къ другу совершенно подходитъ къ разряду настоящей, и притомъ прелестной, сатиры. Какъ и въ піесѣ «Вельможи», очевидно, играютъ здѣсь роль дѣйствительныя лица, хорошо извѣстныя въ тогданнемъ обществѣ; но теперь подобныя иносказанія — неразгадаемая тайна, и, изъ всей этой живой, злой, разнообразной картины исчезнувшихъ состояній, лицъ и нравовъ для насъ остаются только остроуміе, стихъ и искусство поэта, которые литература беретъ себѣ по праву, какъ законное наслѣдіе. Преувеличенія — привилегія поэтовъ, особенно когда ими овладѣваетъ демонъ лиризма или сатиры. «Безпристрастный зритель» наполненъ преувеличеніями, безъ которыхъ, собственно, поэзія была бы математикою, а не игрою воображенія. Этого обстоятельства не должно выпускать изъ виду при чтеніи вновь открытой піесы. Впрочемъ, при всей своей рѣзкости, преувеличенія ея отнюдь не сильнѣе тѣхъ, какія встрѣчаются въ другихъ, извѣстныхъ, давно напечатанныхъ выходкахъ Державина противъ тогдашнихъ нравовъ. Да и некому теперь обижаться ими! Поэтъ безбоязненно нападаетъ здѣсь на *россійскихъ судей*, на судей своего вѣка, болѣе по старинному предразсудку, оставленному въ народѣ безнравственностью прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, чѣмъ по дѣйствительнымъ поводамъ къ негодованію. Ему не нравится такое введеніе коллегіальности въ русскихъ судахъ, и онъ сожалѣетъ о томъ времени, когда дѣла вершилъ *одинъ* судья. Но опытъ теперь вполнѣ оправдалъ мудрость мѣры, передавшей у насъ правосудіе вѣдѣнію и отвѣтственности совѣщательныхъ засѣданій. Если русская юстиція улучшилась и безпрерывно улучшается, то мы обязаны этимъ важнымъ нравственнымъ успѣхомъ именно тому нововведенію, которое нападаетъ поэтъ и которое сначала могло дѣйствительно представлять разныя неудобства.

Digitized by Google

Совершенно въ одномъ и томъ же тонѣ иронiи написано и другое стихотворенiе, показанное въ описи какъ произведенiе Державина, именно, «Посланiе къ творцу посланiй» (1781). Несмотря на примѣтное различiе въ слогѣ, зависящее быть-можетъ отъ различiя въ предметѣ и во времени сочиненiя, эти двѣ пiесы явственно принадлежатъ одному и тому же перу, и «Посланiе къ творцу посланiй» должно быть Державина. Литературная вражда между нимъ и Фонъ-Визинымъ — обстоятельство нынче почти неизвѣстное, но между-тѣмъ дѣйствительное. Изъ числа двухъ стихотворенiй, относимыхъ описью къ Фонъ-Визину, одно называется просто «*Ода*»: оно не что иное какъ насмѣшка надъ одами Державина, забавная и ловкая фарса, составленная вся изъ намѣковъ на разныя его оды, — *оды на заказъ*, говоритъ авторъ, — на его обращенiя къ миѳологическимъ богамъ, сравненiя воспѣваемыхъ лицъ съ героями древней исторiи, и такъ далѣе. Сочинитель этой комической «Оды» даетъ уразумѣть, будто авторъ серiозныхъ одъ (Державинъ) пробирается «на Парнасъ, *проселочными дорогами, безъ Пегаса, на долгихъ*... «Ода» начинается стихомъ—«*Хочу къ безсмертью пріютиться*,» и она не совсѣмъ безъизвѣстна въ литературномъ свѣтѣ: ее приписывали разнымъ другимъ стихотворцамъ Екатерининскихъ временъ, но не Фонъ-Визину. Между-тѣмъ «Посланiе къ творцу посланiй» представляетъ настоящiй отвѣтъ на эту насмѣшливую «Оду»: оно точно такъ же состоитъ все изъ намѣковъ на разныя сочиненiя противника, но, чтобы никто не могъ ошибиться въ его имени, внизу страницъ приведены заглавiя этихъ сочиненiй и даже выписки изъ нихъ: противникъ самъ однако жъ назвалъ только первою буквою, *В* (Визинъ), или первыми буквами, *Виз.* (Визинъ). Творецъ посланiй, кажется, напалъ на творца одъ колкою пародiей *оды*; въ отвѣтъ, творецъ одъ отдѣлалъ творца посланiй сочиненiемъ въ его любимомъ родѣ,

Digitized by Google

посланіемъ, и отдѣлалъ нещадно. Болѣе: въ «Посланіи къ творцу посланій» повторяются даже слова «Оды»; авторъ ея говоритъ въ концѣ:

«Быть-можетъ, не всему я міру,
Набрякавъ оду, угодилъ:
Да надо вѣдать, что вѣдь *лиру*
Я у косячаго купилъ.»

Авторъ «Посланія къ творцу посланій» отвѣчаетъ на это прямо фонъ-Визину, тоже въ концѣ:
«*Брякай*, и не жалѣй отмѣнной *лиры* струнъ!»

Вотъ что̀ слѣдовало сказать въ оправданіе показанія описи, приписывающей эти чрезвычайно примѣчательныя стихотворенія Державину и фонъ-Визину. Читатели рѣшатъ вопросъ: потому что вопросъ, и не одинъ, можетъ быть сдѣланъ. Замѣтимъ еще, что и въ «Безпристрастномъ зрителѣ,» встрѣчаются колкіе намѣки на характеръ, стихи, мнѣнія и послѣднія занятія фонъ-Визина. Эта піеса носитъ число 1794 года, когда творца посланій уже не было на свѣтѣ. Но можно предположить, что она сочинена гораздо прежде, еще при жизни злаго *литературнаго старосты*, а въ 1794 только передѣлана въ видѣ «письма къ пріятелю», подобно тому какъ піеса «Вельможи» была въ томъ же году передѣлана изъ прежней Оды на знатность.

Второе стихотвореніе, уже открыто, безъ иносказаній, направленное противъ «пѣвца Фелицы», и которое опись называетъ также фонъ-Визиновымъ, не можетъ быть напечатано: оно дотого наполнено обидными личностями, что становится уже вовсе не литературнымъ произведеніемъ.

Digitized by Google

I.

БЕЗПРИСТРАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

НѢКОТОРЫХЪ СОСТОЯНІЙ НЫНѢШНЯГО ВѢКА.

(1794 года.)

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Куда ни погляжу, вездѣ я вздоръ встрѣчаю!...
Хоть я не много примѣчаю,
Но вздоръ повсюду такъ великъ,
Что самъ является собою:
Дурачество свой кажетъ ликъ,
И громко всѣмъ гласитъ трубою:
«Я здѣсь!»
Добро съ дурачествомъ ты свѣсь:
На крошечку добра найдешь ты вздору
Большую гору!
Противъ прямыхъ путей
Безумно всякъ шагаетъ,
И глупости сѣтей
Никто не избѣгаетъ.
Портной ввѣкъ пакостно одѣтъ,
Сапожникъ—босикомъ, уроды—щеголяетъ
М.... таращится на свѣтъ,
Судья душой приватъ, работники гуляютъ,
Дуракъ собой какъ чортъ надутъ:
Честнымъ себя зоветъ, а... плутъ!
Скрываетъ всякъ личину,
Всякъ кажетъ нынѣ спину, —
У всѣхъ фальшивые умы:
Чертямъ подобны стали мы!....
Какая чепуха и злоупотребленье!

Digitized by Google

Монархиня, о насъ имѣя попеченье,
Премудрости своей со трона льетъ законъ,
Мня онымъ прекратить дворянъ россійскихъ ссоры,—
Не будутъ говорить: судьи россійски — воры,
И правда процвѣтетъ въ Россіи безъ препонъ.....

Царица истины! тебя мы обманули!
Мы больше во сто разъ къ коварству поприльнули!
Ты думаешь, въ судахъ ученые сидятъ?....
Намѣстники о томъ и думать не хотятъ!
Ты думаешь—судей мы сами избираемъ?...
Намѣстникъ изберетъ, а мы... не помышляемъ!
Козелъ не знаетъ что̀ есть азъ;
Козелъ бодать горазда рогами;
Козелъ подобенъ дураку:
Да онъ съ-родни быку!
Козла садятъ въ судьи, въ приказъ...
Козелъ равняется съ богами!...
И этому судьѣ-козлу святаго нѣтъ, —
По нуждѣ и отца до нитки оберетъ:
Живетъ въ душѣ его самъ дьяволъ искуситель!
.....
.....
.....
У нихъ одинъ законъ,—
Чтобъ вѣчно у другихъ карманы были гладки!
А къ пущей намъ бѣдѣ,
Умножился у насъ судейскій родъ толико,
Какъ равно рыбъ въ водѣ.
Ну! можетъ ли теперь имѣнье быть велико?
Бывало, къ одному барана принесешь,—
И правъ пойдешь!
Не хочешь, чтобъ твое имѣніе пропало?—
Такъ нонче ихъ и сотни мало!
Ты здѣсь дари,
А тамъ—и болѣ!—
Пойдешь съ сумою по-неволѣ!...
Судьямъ и нужды нѣтъ,—хоть съ-голоду умри!
Межъ нами хитрость обитаетъ,

Digitized by Google

Неправда, и корысть, и зло;
А правда, смутное чело
Отъ смертныхъ сокрываетъ.
«Свѣтъ нынѣ просвѣщенъ!»
Ученый говоритъ,
Но кто изъ насъ уменъ?
Кто въ должности не спитъ?
Кто, должности свои разсудкомъ измѣряя,
Природѣ вслѣдъ
Идетъ?
Кто, къ смерти дней не ускоряя,
Кладетъ веселію предѣлъ?
Кто бъ, прибыль позабывъ, о благѣ всѣхъ радѣлъ?
О пользѣ общей кто помыслитъ?
Заслуги свои кто не числитъ?
А гдѣ они?... спроси!... не знаетъ онъ и самъ!
Какая польза намъ,
Что съ помощью шара гулять въ эѳирѣ можемъ?
Мы собственнымъ бѣдамъ чрезъ это не поможемъ!
Когда бъ такой родился человѣкъ,
Который весь свой вѣкъ
Употребить бы могъ людей на исправленье,
И, несмотря на исключенье,
Скотамъ
И дуракамъ
Указомъ повелѣлъ отъ свѣта удалиться,
Тогда могли бы мы хвалиться,
Что свѣтъ на путь прямой попалъ,
Что родъ людей блаженнѣй сталъ.
А то, какъ не возьмись, всё глупости встрѣчаешь.
Напрасно, философъ, напрасно разсуждаешь:
Ты пагубой поставилъ намъ порокъ,
Учить насъ захотѣлъ: ну, вотъ прекрасно!
Мораль твоя темна; не ври жъ!... все будетъ ясно;
Скажи: Ты бѣденъ?... будь игрокъ!
Безбожникъ?... справедливъ! болтунъ?... весела нрава!
Льстецъ?... правду говоритъ! лукавецъ?... всѣмъ примѣръ!
Буянъ?... молодцоватъ!... и скроменъ лицемѣръ!
Вотъ логика! Твоя и правда!
Тогда ты и въ чести!...

Digitized by Google

Ты хочешь быть въ чести? Польсти, мой другъ, польсти,
Солгать старайся
Для счастья своего;
Въ вонахъ валяйся;
Хвали того,
Кто вверхъ попалъ, хоть онъ кнута достоинъ:
Когда м..... глупецъ;
Скажи, что онъ мудрецъ;
Кто трусъ, скажи что онъ весьма отважный воинъ,
Бездушный секретарь — обиженныхъ отецъ,
Своякъ секретаря, хотя и нонѣшній Имомъ, —
Любимецъ его — плутъ: скажи, они съ умомъ,
Достойны всѣ порфиры.
И, словомъ, будь тотъ прямъ,
Кто кривъ и косъ.
Хвали повсюду ихъ, и тамъ и сямъ,
Суй ладонъ всѣмъ подъ носъ,
И убѣгай сатиры:
А то ты пропадешь,
Когда не вознесешь
Того, кто ничего не знаетъ, —
Такого сатану,
Который помышляетъ,
Что онъ верхомъ сѣлъ на луну, —
Направя путь свой на планеты,
Объѣздомъ полетѣлъ осматривать всѣ свѣты.
На правду языку ты воли не давай.
Пожалуй, не лѣзись!... ранѣшенько вставай!
Въ прихожихъ у господъ являйся съ пѣтухами;
Тамъ проповѣдничай; во всѣ дѣла входи,
И что ты коротокъ, безъ милости тверди.
Листовъ десятка три курьозными стихами
Въ честь барину тому умненько измарай:
Пою велика мужа!
Пою, воплю, кричу!
Воспѣть хочу
Того, кому ничто ни зной, ни стужа,
Который за-живо попадетъ прямо въ рай....
Вотъ этакъ начинай
Похвальную ты оду!

Digitized by Google

Толкуй всему народу,
Что баринъ тотъ во всемъ—примѣрный господинъ;
Что въ свѣтѣ онъ — одинъ;
Что порохъ выдумалъ не Шварцъ, монахъ германскій,
Но князь Тмутараканскій,
Прапрадѣдъ барина того,
Которому не зримъ мы въ пару никого;
Который въ мирно время,
Навьючилъ на себя претягостное бремя,
И взялъ подъ свой покровъ
Сиротъ и вдовъ,
А на войнѣ, на ратномъ полѣ чистомъ,
Готовъ на-единѣ сразиться съ Антихристомъ.
Болтливой госпожи пороковъ не считай,—
А знай,
Что вретъ она пустыя дудки,
Бранитъ людей,
Изъ дружбы, ради шутки:
То дѣлаетъ равно и дьяволъ Асмодей.

Противъ тѣхъ стариковъ, изученныхъ клятвѣ,
Которые кричатъ противъ людскихъ страстей,
Не смѣй употреблять отнюдь своихъ кистей;
Не говори, что сами,
Желали бы опять,
Оборотиться вспять
Къ грѣхамъ, которые ругаютъ;
Хоть мысленно хотятъ, но—жаль!—не дотягаютъ!
Льстецу не говори, что совѣсти въ немъ нѣтъ,
Что онъ всѣмъ ложь поетъ,
Что всѣ его слова — обманы,
Что правда отъ него бѣжала прочь;
Что ищетъ онъ набить карманы
И вретъ, что день, когда претемна ночь.
У болтуна, смотри, не перебей ни слова!
Пружиннымъ языкомъ
Являя пустослова,
Быть хочетъ дуракомъ;
Ложь правдой объявя, по свѣту публикуетъ;
Что видѣлъ онъ во снѣ, то грезитъ на яву,

Digitized by Google

Божась безсовѣстно; всѣ городу толкуетъ,
Пуская по себѣ прекрасную молву.

М..... ты опять..... не касайся,
* .....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
Б — въ то нѣкогда знать свѣту далъ:
За то его клюкою
Побили на-повалъ.
Кто жъ проигралъ?...
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

И длятого бранить послѣднихъ запрещаю,
И къ свѣтскому опять обратно приступаю.
Все въ свѣтѣ хорошо! все къ лучшему идетъ!...
Согласенъ съ дѣдушкой ученымъ я Панглосомъ.
Кандидъ пустое вретъ.
Старикъ Панглосушка расчухалъ добрымъ носомъ,
Что нѣтъ худаго въ насъ, что свѣтъ блеститъ во тьмѣ,
Что польза есть во всемъ и есть добро въ дерьмѣ.
Какая нужда мнѣ, скажу я то примѣромъ,

* Мѣсто, выпущенное редакціей.

Digitized by Google

Когда дѣвица съ кавалеромъ,
Безъ позволенія отца,
Тихонько уплелась изъ батюшкина дому,
И какъ она ушла, въ окошко иль съ крыльца,
И нѣтъ ли въ домѣ томъ и шуму и содому.
Какая нужда мнѣ!
Когда отецъ такъ плохъ, — хоть онъ гори въ огнѣ!
Наполненъ городъ весь молвою,
Что Гуръ иль Евдокимъ
Поссорился съ женою:
Богъ съ нимъ!
Я не забочуся, хотя бъ дошло до драки.
Терентій задурилъ,
На экипажъ и фраки,
Три тысячи крестьянъ и больше раззорилъ:
Пускай Терентій тотъ мотаетъ!...
Въ награду магистратъ * Терентья ожидаетъ.
Такая-то княжна вчера родила дочь:
За это никому я не ломаю шапки;
И тутъ-таки опять отъ міру я не прочь:
То дѣло не мое, а повивальной бабки.
Пафнутій Сидорычъ сталъ нынече богатъ,
А былъ до свадьбы очень бѣденъ, —
Такъ, люди говорятъ
(Не въявъ, а стороною),
Что онъ ссужается женою.
Пафнутій для меня, ей-ей, совсѣмъ не вреденъ:
Не стану, право, я трубить о немъ трубой.
Ссужайся онъ себѣ, по-мнѣ, хоть и собой!
Меркурій городской, Ермила, парень ловкой,
Связался, слышу я, съ какою-то чертовкой,
Которая его искусно провела,
Анюту обѣщалъ представить онъ натурой,
Да слышно не пошли на ладъ его дѣла,
Не сладилъ, говорятъ, никакъ онъ съ этой дурой.
И въ этомъ, кажется, бѣда не велика:
Да худы слѣдствія! За Аннушку плутовку,
Ермилѣ задали недавно потасовку....

* Высшій судейскій санъ, магистратура, magistratus, *Ред.*

Digitized by Google

Терпѣли въ томъ одни Ермилины бока.
У тётки подъ крыломъ воспитанный прилежно
Маіоръ въ шестнадцать лѣтъ поѣхалъ на войну.
«Пропалъ Ванюшенька! пропалъ онъ неизбѣжно!
«Доколь онъ въ арміи, я ночи не усну!»
Такъ тётушка кричитъ. Уѣхалъ нашъ Ванюша,
Уже онъ предъ полкомъ;
Порядка не наруша,
Онъ ходитъ вечеркомъ
Къ полковнику всегда два раза на недѣли.
Подъ непріятелемъ тотъ полкъ былъ, и въ дѣлѣ
Ванюша.... занемогъ.
Однако нашъ маіоръ читалъ армейски штаты,
И знаетъ, что въ полку есть фуры и солдаты;
И, для такихъ причинъ,
Ванюшѣ дали чинъ.

У Трускина душа сраженіемъ кипѣла....
Мечталися ему всё пули да штыки....
Лишь-только свистнули свинцовы дураки, —
Бѣжитъ мой храбрый мужъ и прячется отъ дѣла,
Лежитъ подъ ящикомъ, читаетъ «Отче нашъ»,
Блѣднѣетъ и дрожитъ, не вымолвитъ ни слова,
На помощь требуетъ Григорья Богослова:
А дѣло кончилось, — пришелъ его куражъ!
Вскочилъ; помчался онъ; бѣжитъ коня быстрѣе;
На непріятельской явился баттареѣ;
Устроилъ караулъ, разставилъ часовыхъ....
И что жъ явилося отъ дѣйствій таковыхъ?
Не устыдился вѣдь обмануть царицу!
Что жъ, дали Трускину Георгія въ петлицу:
Ну! какъ же тутъ молчать?... А? что же скажешь ты?...
Сомнительны тебѣ покажутся кресты....
Тебѣ такъ кажется!... тому жъ, кто крестъ тотъ носитъ,
Честь, удовольствіе и славу онъ приноситъ....
И длятого
Ѳедотъ
Имѣетъ на него
Претензію большую....
Какую?

Digitized by Google

Пять гренадерскихъ ротъ
Привелъ въ сикурсъ за три дня до сраженья!
Да и въ сраженіи отъ фрунта не бѣжалъ!
За это самое онъ проситъ награжденья.
А подъ присягою царю онъ обѣщалъ
Служить нелицемѣрно!...
Присягу нынече не держатъ, братецъ, вѣрно:
Ѳедотъ —
Не скотъ,
Онъ это знаетъ,
И лгатого къ кресту насильно приступаетъ.
Ѳедотъ дурачится! Забота не моя.
Ну, виноватъ ли я?..
Таки опять не отвѣчаю,
И смѣло утверждаю,
Что я не пособлю
Прескучною моралью.
Переговоровъ я до-смерти не люблю.

Якимша содержалъ въ любовницахъ Наталью,
Она — измѣнщица! Наталью онъ согналъ,
А взялъ сестру ея, Маврушу.
Неужли отъ того Якимша нашъ пропалъ?
Неужли погубилъ чрезъ то Якимша душу?
Якимша — философъ! живетъ онъ безъ фигуръ!
Стоически живетъ, какъ древній.... Эпикуръ!
Того таки и жди — какъ онъ Маврушу сгонитъ,
Такъ третію сестру себя любить наклонитъ.
Якимша хватъ!
И удалой дѣтина!
Якимшѣ дудки все, и палки и дубина!
Ты бей его-себѣ: онъ всё-таки богатъ.
По равнодушію Якимшину такому
И мнѣ объ немъ кричать, я чаю, по-пустому.
Притомъ
Сказалъ, что ни о чемъ
Переговаривать не стану.

Пахомій чрезъ жену подобенъ сталъ барану.
Хоть по наружности жена его строга,

Digitized by Google

Но у Пахомушки явилися рога.
Пріѣхавъ изъ гостей, Пахомій видѣлъ ясно,
Что притворяется жена его напрасно.
Пахомій закричалъ: — Безстыдная жена!
— «За что прогнѣвался, мой другъ?» — Ахъ, сатана!
Скажи мнѣ, кто такой спустился изъ окошка? —
Жена ему въ отвѣтъ: — «Любезный! это кошка!...»
Ну! какъ они хотятъ! Вѣдь я ни архирей.
Союзы и разводы
Вѣдь не касаются до должности моей.
Между мужьями есть великіе уроды:
Да мнѣ ихъ не учить!
Изъ нихъ большая часть, божуся, чортъ на чортѣ.
Да какъ же быть?
У Карпа, двадцать лѣтъ,
Какъ нѣтъ
Ужъ зуба во ртѣ:
Женился, молодецъ! Семидесяти лѣтъ;
Не ловитъ ужъ мышей: да вотъ — лихъ, нужды нѣтъ!
Подвижины рѣбятъ, и нѣжитъ, и лелѣетъ!
Расчухать, старый хрѣнъ, ни мало не умѣетъ,
Что дѣти не его....
Что нужды до того?
Пускай онъ тѣшится ребятками своими,
Не занимаюсь я пороками чужими.

Послали на Олимпъ Юпитера искать.
Оставить надобно полицію скакать:
Когда и богъ боговъ не избѣжалъ расправы,
Пусть вѣдаетъ и онъ служителей Управы!
Когда Юпитеръ — плутъ, когда Юпитеръ — воръ,
Пусть учинятъ ему по формѣ приговоръ!

Недавно Сидора возила одноколка:
Кафтанъ съ подборами носилъ онъ, съ кушакомъ;
На рожѣ борода висѣла какъ метёлка;
А нынѣ Сидоръ нашъ — въ мундирѣ съ галуномъ!
Четверкою въ каретѣ
Изволитъ разъѣзжать!

Digitized by Google

Живетъ въ великомъ свѣтѣ!
Не хочетъ торговать!
Какое дѣло мнѣ — за деньги или даромъ?
Но Сидоръ нынече кригсъ-оберъ-комиссаромъ.
Хотѣлъ себѣ добра:
Сказалъ — давно пора!...
И выходилъ тотъ чинъ:
Такъ сталъ и господинъ!
Ему же то похвально.
Всѣмъ стоикамъ скажу въ глаза я, и формально,
Что всякій для себя на свѣтѣ семъ живетъ.
Княжнинъ сказалъ давно: «все уди что плаваетъ».
Инда своей забавы,
Лишь интересъ храни.
Что въ свѣтѣ разны нравы,
То было искони!
Чего ты не найдешь въ похвальномъ нашемъ мірѣ!
У насъ жена одна, у Турковъ по четыре.
Одинъ имъ создалъ Богъ, и Турка, и меня:
А такъ мы разнимся, какъ ночь отъ ясна дня!
Я говорю: — Жена мнѣ слѣдуетъ едина.
А Турокъ скажетъ мнѣ: «Ты — глупая скотина;
Держи ихъ пятьдесятъ.»
— Я радъ, да не велятъ!
Эхъ! если бы меня не устрашали черти,
Убей меня до смерти,
Когда бъ я не надѣлъ сегодня же чалму!
Не выходилъ бы я изъ тепленькой серали;
Безъ грусти, безъ печали
Я жилъ бы, братъ, по-твоему....
Но это говорю я только мимоходомъ:
А правду вымолвить — шучу,
И съ глупымъ турскимъ я народомъ
Дѣлить блаженства не хочу;
А только подтвержу, что въ мірѣ — равно въ морѣ,
Въ которомъ воды безъ числа:
Такъ и на свѣтѣ семъ — и гадости и горе.
Порядочнаго нѣтъ на свѣтѣ ремесла!
Не за свое хватается всякъ дѣло;
Въ природѣ что черно, у насъ то бѣло.

Digitized by Google

Иной, на смѣхъ уму, въ химической печи
Мѣшаетъ съ сѣрою чугунъ и кирпичи,
Для полученія и славы и доходу:
Онъ золото нашелъ—а ѣстъ лишь хлѣбъ и воду!

Другой, на интересъ пуститься не хотя,
Дурачится себѣ какъ сущее дитя:
Съ духами говоритъ, — съ стихіями бунтуетъ, —
А мозгу для себя ни какъ не наколдуетъ!

Скупой лежитъ у сундука,
Замокъ держа зубами:
Червонныхъ у него навалено горами;
Самъ голоденъ какъ волкъ, зимой — безъ сюртука.

Тотъ, чести не имѣвъ, за честь подраться ищетъ.
Онъ думаетъ, что тѣмъ не погрѣшилъ,
По правиламъ когда другаго онъ убилъ.

Того замучили затѣи, да проекты.
А этотъ цѣлой вѣкъ всё смотритъ на аспекты.

Кривой знатокъ
Физической науки,
Разсудку давъ толчокъ,
Глаголь беретъ за буки, —
Кричитъ мнѣ, что луна
Весьма населена,
Что звѣзды, и планеты,
И черти, и кометы,
Суть интересныя и важныя дѣла,
Которыя узнать быть, польза не мала:
А сверхъ еще того таращится къ Парнасу!...
Ни дня ни часу
Умамъ чувствительнымъ не дастъ покоя;
Гудокъ свой не настроя,
Теребитъ бѣдныхъ Музъ:
Стихи писать онъ хочетъ;
Съ умомъ всегда хлопочетъ,

Digitized by Google

И, за-воротъ схватя, до-смерти мучитъ вкусъ.
А хуже-то всего — доволенъ самъ собою....
Ахъ! прахъ его бери, съ очками и трубою!
Пускай гудокъ деретъ!
Поетъ пусть какъ ворона!
Пусть каверзитъ Невтона!
Пускай-себѣ онъ вретъ,—
Умолкну! не хочу съ дурачествомъ возиться!
Не лучше ль пріучиться
Спокойно то сносить,
Чего нельзя перемѣнить?...

=

II.

ОДА.

=

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ.
Хочу сворганить кой-какъ *оду*,
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ
Ни Аполлонъ дѣтина строгой.
Хочу *проселочной дорогой*
На долгихъ ѣхать на Парнасъ.

* *
*

Горшки не боги жъ обжигаютъ!
А мнѣ кто не велѣлъ строчить?
Ну, право, насъ не лучше знаютъ,
Какъ строку риѳмой заострить!
Мы также въ людяхъ вѣдь живали!....

Digitized by Google

И всякихъ молодцовъ видали!....
Видали *оды на заказъ*!
Въ нихъ, правда, разныя есть штуки:
Анъ посмотришь, взявши въ руки —
Такъ врядъ поставятъ чище насъ.

* *
*

Ну, что жъ? за чѣмъ же дѣло стало?
На-прикладъ: кинемся къ богамъ.
Вѣдь въ Пантеонѣ ихъ не мало!....
Притараканимъ-ка ихъ къ намъ.
Пускай Полимніо и Кліо
Съ Эвтерпой пропоютъ намъ тріо,
Клотона, Лахеза — дуэттъ;
Пусть Вакхъ царапнетъ до обѣда, —
Венера, Марсъ, Юпитеръ, Леда,
Анкатръ пусть дёрнутъ менуэтъ.

* *
*

Велимъ—поворотя оглобли
Рѣкѣ Алфею течь назадъ,
А чтобъ Эака сбросить съ кровли
Велимъ Ираклу ѣхать въ адъ;
Пусть Момъ словъ острыхъ пять шесть скажетъ,
Пускай Эолъ мѣшки развяжетъ,
Отъ вѣтровъ станетъ пыль столбомъ,
Борей, Аквилоны, и Ноды,
Эолы, дутики народы,
Пусть опрокинутъ все верьхъ дномъ.

* *
*

Съ богами какъ не будетъ мочи,
Съ Олимпа лыжи навострю
И, вылупя ясныя очи,
Въ исторію я посмотрю.
Прильнувъ на-часъ къ Семирамидѣ,
Въ Египтѣ окунясь въ Меридѣ,

Digitized by Google

Скажу, что есть у Крымцевъ ханъ;
Сочту подушны въ Римѣ сборы *;
Потомъ замѣчу, какъ эфоры
Тузили, гладили Спартанъ.

* *
*

Двойные заплаты прогоны,
Возьмемъ копейныхъ на-часокъ,
И, новы вздумавъ забобоны,
Героевъ примемъ за високъ;
Велимъ собраться имъ толпою, —
Чтобъ Сципіонъ, явяся къ бою,
На Ганнибала наплевалъ,
Помпея Цезарь въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарій лопнулъ,
Ахиллъ туза Гектору далъ.

* *
*

Взявъ въ руки посохъ и свирѣлку,
А за-поясъ заткнувъ дуду,
Читателя, ужъ на отдѣлку,
Въ Аркадію я поведу;
Въ поля что и зимой не снѣжны,
Гдѣ всѣ сердца какъ мякишъ нѣжны,
Узетить сельска простачка,
Какъ онъ изъ Леты тянетъ кружкой
И пляшетъ горюна съ пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

* *
*

Тамъ пусть читатель мой замѣтитъ,
Пускай зарубитъ на носокъ:

* Можно полагать, что этотъ стихъ намѣкаетъ на службу Державина въ Комиссіи Государственныхъ Доходовъ: въ такомъ случаѣ «Ода» была бы сочинена около 1781 года, не задолго до «Посланія къ творцу посланій», которое служитъ ей отвѣтомъ.

Digitized by Google

И красно солнце лучше свѣтитъ,
Улизывая за лѣсокъ.
На пастушковъ смотря Аврора,
Поприрумянится съ задора,
Зря дюжій молодецкой жаръ;
По пальцамъ сласти ихъ считаетъ
Денёчки прежни вспоминаетъ,
И тужитъ, что Титонъ ужъ старъ.

* *
*

Быть-можетъ не всему я міру,
Набрякавъ оду, угодилъ.
Да надо вѣдать, что вѣдь лиру
Я у носячаго купилъ.
Иной на рынкѣ лиръ не купитъ,
А оды славно таки лупитъ!
Ну, такъ и нашъ братъ, грамотей.
Пожалуй, не судите строго:
Вѣдь Ломоносовыхъ немного!
Другіе ходятъ всѣ съ жалудей.

=

Digitized by Google

III.

ПОСЛАНІЕ

КЪ ТВОРЦУ ПОСЛАНІЙ,

ИЛИ

КОПІЯ КЪ ОРИГИНАЛУ.

(Соч. въ кампаментѣ подъ С.-Петербургомъ, 1784 года въ іюлѣ.)

Посланій образецъ, людскихъ умовъ безмѣнъ,
Парнасса капитанъ-исправникъ, почты членъ,
Предъ коимъ безъ вины разсудкомъ виноваты
И тѣ, кто скудны имъ, и тѣ, кто имъ богаты;
По скромной склонности и должности своей,
Великій браковщикъ достоинствъ и людей,
Дай имъ на нѣсколько минутъ отдохновенья,
И удостой мое посланіе воззрѣнья.
Когда бъ даровъ твоихъ изящность всѣхъ очамъ
Казалась такова, какъ зришь ее ты самъ,
Тогда бы правыя причины стали явны,
За что россійскіе писцы тебѣ неправны;
Узнали бъ, что изъ нихъ ты первенькихъ браниш
По-истинѣ за то, что достохвально мнишь,
Насъ щедро богатя своихъ твореній тмою,
Безсмертье отказать и справить за собою;
И правдолюбящій едва-ль не скажетъ всякъ,
Что жребія лишить нельзя тебя никакъ —
Оставить по себѣ столь громкое наслѣдство.
Къ познанью первенства сравненіе есть средство.
Посмотримъ. Напримѣръ: всеобщій слышенъ крикъ,
Что Сумароковъ былъ и есть всегда великъ.
Но что имъ сдѣлано?... Синавъ, Хоревъ, Семира....

Digitized by Google

Бездѣлицы! А ты?... Ты далъ намъ.... «Бригадира!»
Тотъ чувствіями насъ и нѣжностью плѣнилъ,
.....
.....
.....
Тотъ, восхищая насъ, насъ плакать заставлялъ
Какъ ядомъ иль мечомъ героевъ умерщвлялъ:
Не ядъ Сиднею далъ, далъ выкушать *водицу*.
.....
Тотъ остротой блисталъ: природѣ долженъ онъ....
Словъ острыхъ наизустъ ты знаешь лексиконъ.
Подумай!... люди врутъ.... о злоба! о измѣна!...
Что будто у тебя онъ и уму замѣна,
И что.... нескромные!... вѣдь какова пора,
Подъ-часъ и золота не хуже мишура,
А Ломоносову съ тобою лъзя ль равняться?
Онъ не заставилъ насъ ни разу разсмѣяться
Безсмертныхъ и живыхъ картинъ своихъ огнемъ;
Тебя жъ читая, мы всегда отъ смѣху мрёмъ!
Онъ славу Россіянъ, онъ славу пѣлъ Петрову,
А ты *посланіе* отправилъ *къ Ямщикову* (1).
Тотъ — риторъ, тотъ — пѣвтъ, любитель тотъ наукъ:
И это все твоихъ не миновало рукъ.
Россійскій Пиндаръ сей на небеса взывался:
Ты съ челядью въ мирской системѣ упражнялся,
Что *тряско разсуждать о свѣтѣ* утвердилъ,
И чрезъ *Шумилова* то миру объявилъ (2).
Но Русскіе ль чета твоей великой славѣ?...
Примѣры лучшіе возьмемъ въ другой державѣ,
И узримъ каково, для сраму и стыда,
Иноплеменникамъ отъ твоего труда.
Отмѣнный, рѣдкій слогъ, полуславенскъ и дивенъ,
Не сдѣлалъ ли, что намъ сталъ Битобѣ противенъ (3)?
А твой другой *Сиднеи* не есть ли намъ доводъ

(1) *Посланіе къ Ямщикову, Г. В.* (Визина).

(2) Мнѣ *тряско разсуждать* о жизни и о свѣтѣ.
Посланіе къ слугамъ, Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ. Г. В. (Визина).

(3) *Іосифъ*, господина Битобѣ, переводъ господина В. (Визина).

Digitized by Google

Что *дружбе сдѣлать* ты удобенъ *переводъ* (4)?
Когда же показалъ свою какъ ритторъ силу,
И на Русь отнесъ Аврелія въ могилу (5),
Не ты ль о Томасѣ намъ думать повелѣлъ,
Что за покойника онъ панихиду пѣлъ?
Не чрезъ тебя ли Сифъ, бродя необычайно,
Намъ тускло разсказалъ все что въ Египтѣ тайно (6)?
Не ты ль у старика Вольтера отнялъ честь?
Какъ удалось тебѣ Алзиру перевесть!...
Но Муза у тебя лукаво покрадкой,
Напавъ въ плохомъ мѣстахъ на смыслъ Вольтера съ тыла.
Что съ мыслью автора разъѣхалась въ другихъ,
И что въ трагедіи, межъ прочими, есть стихъ,
Котораго она совсѣмъ не разумѣла,
Не ты въ томъ виноватъ. Чего жъ она смотрѣла?
Нельзя, чтобъ ты *меча* съ *пескомъ* не распознялъ
И столько мудрыми очами захворалъ.
Нельзя! Твои дѣла, конечно, совершенны (7)!
Но симъ не всѣ твои таланты изочтены.
Чтобъ показать невѣждъ великому числу
Сколь гибокъ къ всякому твой разумъ ремеслу,
Особымъ ты перомъ и кистію своею
Какъ яблошникъ писалъ къ разнощику Матвѣю (8).
Задумалъ пошутить, — и *унтеръ-офицеръ*
Въ-минуту сдѣлался *проказъ* твоихъ *примѣръ*,
Которымъ, для затѣй такъ счастливо *жерѣба*
Благословенная содѣлалась *утроба* (9).

(4) *Сидней и Силли*, переводъ Г. В. (Визина).
(5) *Рѣчь Марку-Аврелію*, Томаса, переводъ Г. В. (Визина).
(6) *Житіе Сифа*, переводъ Г. В. (Визина).
(7) *Алзира*, Г. Вольтера, переводъ Г. В. (Визина).
Les marbres impuissants, en *sabres* façonnés....
«Безсильны мраморы *въ пескѣ* преображенны».
(8) *Посланіе къ Матюшкѣ Разнощику*, Г. Виз. (Визина).
(9) Стихи г. Визина въ *Посланіи къ Ямщикову:*
«Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Шпыня, философъ и унтеръ-офицеръ.»

Digitized by Google

Актеромъ вздумалъ быть: всѣ знаютъ какъ игралъ!
Софію полюбилъ.... философомъ ты сталъ!
И мудреца титулъ, почтенный, рѣдкій въ свѣтѣ
Стяжалъ благодаря себѣ, коняшъ, каретѣ.
О ты, котораго, *себѣ на похвалу* (10),
Творецъ пустилъ на свѣтъ какъ куклу по столу!
Свершай великое судебъ опредѣленье;
Дай быстротѣ твоей свободное теченье;
Тебѣ противный умъ насмѣшкою карай;
Ругайся надъ однимъ, другаго презирай;
И, омрача невѣждъ главы твоей парами,
Пиши посланія и прозой и стихами,
Бряцай, и не жалѣй отмѣнной *лиры* струнъ,
И, какъ Зевесъ, бросай въ противниковъ перунъ.
Хотя идетъ молва между незнатоками,
Что славы кто себѣ не пріобрѣлъ дѣлами,
Тотъ, сколько ни божись, что славенъ онъ, но.... ахъ!...
Надутой самохвалъ останется въ срамцахъ;
Что цѣну знать всему даютъ прямое право
Науки, тонкій умъ и разсужденье здраво
Что не всегда bon-mot ума бываетъ знакъ,
Что молвитъ иногда гладенько и дуракъ,
И что не надобно, на переломъ натурѣ,
Считать за старосту себя въ литературѣ,
На зло и ей самой и миру вопреки....
Тебѣ ль, тебѣ ль внимать такіе пустяки!
Пиши и говори что̀ въ умъ тебѣ ни вспало!
Тобой восхищенныхъ найдешь людей не мало.
Не помню кто сказалъ, я чаю Боало̀,
Что умному съискать всегда не тяжело,
Еще умнѣйшаго, которому онъ нравенъ:

(10) Въ *Посланіи къ слугамъ*, *Шумилову*, *Ванькѣ* и прочая.

..... себѣ на похвалу,
Всевышній насъ пустилъ какъ куколъ по столу.

Digitized by Google

Гряди себѣ во слѣдъ, и вѣрно будешь славенъ
У тѣхъ, которые на то осуждены,
Чтобъ истинной твоей не объявлять цѣны.
Они рѣкутъ, плетя тебѣ изъ лавръ корону,
Что мало для тебя быть другомъ Аполлону,
И, мня, что титлъ иныхъ достоинъ ѣдкій умъ,
Воскликнуть: «Музамъ ты по-малой-мѣрѣ кумъ!»

Digitized by Google

ИГРОКЪ.

При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы безумные людей,
Приличьемъ стянутыя маски.

М. Лермонтовъ.

Въ Петербургѣ есть длинная улица съ каменными домами по обѣимъ сторонамъ. Въ одинъ очень благопристойный домъ на этой улицѣ, на одну прекрасную квартиру собрались гости посидѣть вечерокъ у премилаго человѣка: не то надворнаго, не то коллежскаго совѣтника. Хозяинъ, маленькій, кругленькій толстякъ, съ лысиною на головѣ въ полтину серебра, не болѣе, былъ, какъ я уже сказалъ, премилый человѣкъ, разсказывалъ очень забавно анекдоты о пошехонцахъ, говорилъ удачно русскіе каламбуры, занятые изъ Александринскаго Театра, даже иногда собственные, и отъ души смѣялся своимъ остротамъ. Всѣ знакомые заглазно называли его: «душа компаніи», а въ глаза: Иванъ Агапонитовичъ. Начальники и въ глаза и въ бумагахъ тоже давали ему это имя.

Жена Ивана Агапонитовича, Силезія Саввазаровна, была прелестная женщина; тоненькая, узенькая, вѣчно съ опущенными глазками, со вздохомъ на устахъ, съ

Digitized by Google

головою немного наклоненною къ лѣвому плечу, съ двумя длинными русыми локонами, висящими небрежно отъ висковъ вдоль тоненькой шейки.

О гостяхъ я умалчиваю. Могли ли быть у Ивана Агапонитовича не хорошіе гости?!

Былъ вечеръ. Лампы горѣли по стѣнамъ, а на столѣ передъ диваномъ горѣлъ кенкетъ. Изъ третьей комнаты долеталъ звонъ чайныхъ чашекъ и довольно тихо хлопнула раскупоренная бутылка. Въ углу Силезія Санназаровна любезничала съ пріѣзжимъ кавалеристомъ; какой-то важный старикъ въ вицмундирѣ, сидя на диванѣ передъ лампою, безпощадно ругалъ карболеинъ; Иванъ Агапонитовичъ, прохаживаясь дробными шагами по комнатѣ, весело потиралъ руки и думалъ: чѣмъ у меня не вечеръ? есть люди нужные мнѣ по службѣ, есть капиталисты, есть офицеры — народъ необходимый для дамскаго общества; есть даже литераторъ!... Хоть мнѣ и не совѣтуютъ водиться съ этими людьми: за хлѣбъ за соль, говорятъ, литераторъ плюнетъ тебѣ въ самую душу.... да чортъ его побери!.... всё-таки оно лучше. Славныя декораціи у меня сегодня!...

Гости зѣвали.

Чай немного развлекъ общество; а между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ:

Столы зеленые раскрыты
Зовутъ задорныхъ игроковъ.

— Полно, господа, терять золотое время, сказалъ хозяинъ: не перекинуть ли?

— Не худо бы перекинуть, говорили гости, подымаясь со стульевъ.

— Ваше превосходительство! въ вистикъ прикажете?...

— Да партіи то, кажется, нѣтъ, любезнѣйшій Иванъ Агапонитовичъ.

— Помилуйте! Играть съ вами всякій почтетъ за особенное счастіе, можно сказать.... Вотъ Елена Ми-

Digitized by Google

хайловна, вы, ваше превосходительство, Меналкъ Ѳеокритовичъ....

— Только трое насъ....

— Помилуйте! вотъ.... да вотъ Василій Андреевичъ!... смѣю рекомендовать: молодой человѣкъ, подающій большія надежды.

— Благодарю за честь, сказалъ Василій Андреевичъ, низко кланяясь.

— Ничего, молодой человѣкъ, благосклонно прибавилъ его превосходительство.

— Покорно благодарю: я не играю.

— Какъ, вы не играете?! Василій Андреевичъ! что вы? что вы? съ ужасомъ закричалъ хозяинъ.

— Не играю, Иванъ Агапопитовичъ.

— Полноте шутить! да я васъ самъ, что называется собственноручно видѣлъ играющихъ.

Гости улыбнулись остротѣ хозяина.

— Я прежде игралъ, а теперь пересталъ; мнѣ нѣтъ счастія: всегда проигрываю.

— Придетъ же этакая блажь! слушать смѣшно. Садитесь, я ручаюсь, что выиграете; только посчастливится быть партнеромъ его превосходительства, съ-разу запишете трипель.

— Ну, это еще въ рукѣ Божіей, скромно замѣтилъ генералъ.

— Согласенъ, ваше превосходительство; но по-крайней-мѣрѣ съ-разу будете въ девяти: это весьма возможно, при вашемъ искусствѣ въ коммерческихъ играхъ, при постоянномъ, внимательномъ занятіи....

— Не слушайте его! перебила Елена Михайловна: давно уже сказано: «въ девяти нѣтъ пути». Вотъ со мной сядете играть такъ за большое не ручаюсь, а въ одну сядемъ *въ окряхъ*.

— Французская королева долго сидѣла *въ окряхъ*, замѣтилъ Меналкъ Ѳеокритовичъ.

— Къ чему спорить! можно сѣсть en trois; я, по-

Digitized by Google

жалуй; сяду вместо молодаго человѣка съ гольцманомъ, сказалъ генералъ значительно ударяя на слово гольцманъ.

— Какъ вы милостивы, ваше превосходительство, почти со слезами сказалъ хозяинъ: я очень умѣю цѣнить ваше снисхожденіе; я очень виноватъ.... Этотъ экономъ не пріѣхалъ; знаете, экономъ казеннаго заведенія.... онъ всегда играетъ въ какую угодно: хоть въ тысячную; достойный человѣкъ, а не пріѣхалъ!...

— Ничего, ничего, успокойтесь: я иногда люблю даже забавляться просто en deux.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.... А вы, господа, прошу за преферансъ. Золотой капитанъ! по пятачку въ преферансъ угодно?

— Играю, отвѣчалъ титулярный совѣтникъ въ рыжемъ парикѣ.

— И прекрасно! такъ вотъ вы, да я, да Прокл Гурьевичъ, да серебряный капитанъ. Вотъ и партія!...

— Для серебрянаго-то капитана дорогонько, замѣтилъ сѣдой титулярный совѣтникъ.

— Экое себялюбіе, закричалъ хозяинъ: слышите, ваше превосходительство: серебряный капитанъ бойтся на серебро играть?!..

— Эге!... проворчалъ генералъ собирая карты.

Василій Андреевичъ ушелъ въ кабинетъ и сѣлъ въ углу въ глубокія вольтеровскія кресла; къ нему долетали шуточки, поговорки и приговорки играющихъ.

— Безъ одной! говорилъ, вздыхая, серебряный капитанъ: подкузьмили вы меня!

— Да что вамъ! Да вы въ малинѣ! говорили его товарищи.

— Помилуйте, господа! какая тутъ малина!?

— Въ малинѣ, въ малинѣ! кричалъ чей-то голосъ.

— Не прикажете ли портеру, ваше превосходительство? спрашивалъ хозяинъ.

Digitized by Google

— Два левѣ и два онёра! щебетала Елена Михайловна.

— Сущія невичія птицы! проворчалъ Василій Андреевичъ, и, вытянувъ спокойно ноги во всю длину комнаты, началъ философствовать о суетѣ міра, точно какъ философствуютъ всѣ люди съ пустымъ карманомъ.

Легкій шорохъ пробудилъ Василья Андреевича отъ глубины его умозрѣній; въ комнату вошла Силезія Санназаровна шумя огромными складками своего длиннаго гроденаплеваго платья. Рядомъ съ нею шелъ кавалеристъ.

— Такъ вы рѣшительно не вѣруете въ симпатію? говорила Силезія Санназаровна, жеманно опускаясь на диванъ.

— По-крайней-мѣрѣ не вѣрилъ до нынѣшняго вечера; отвѣчалъ кавалеристъ, ловко закручивая усы.

Силезія Санназаровна немного смутилась, тихонько вздохнула, повернула раза два на своемъ пальчикѣ черное черепаховое колечко, и вдругъ, быстро поднявъ головку, спросила:—А! вы здѣсь, Василій Андреевичъ! Что вы не играете?

— Я рѣшительно оставилъ игру.

— Что же вы станете дѣлать на свѣтѣ?

— Самъ еще не знаю; но играть не буду — вѣчно проигрываю.

— Фи! какой вы мужчина! двѣ, три неудачи и вы лишаете себя почти лучшаго удовольствія жизни.... Стоитъ только быть твердымъ; мнѣ кажется, мужчина съ достаточною твердостію всего можетъ достигнуть.

Силезія Санназаровна бросила взглядъ на кавалериста.

— Я навсегда отказываюсь отъ карточной игры и этимъ хочу показать мою твердую волю.

— Такъ играйте въ другую игру, гдѣ нельзя проиграться.

— Напримѣръ, Силезія Санназаровна?

Digitized by Google

— Напримѣръ.... играйте.... хоть на скрыпкѣ; тутъ, кажется, трудно проиграться....

Силезія Саинназаровна лукаво улыбнулась.

— Я съ вами совершенно согласенъ, замѣтилъ кавалеристъ: это самая безопасная игра.

— Разумѣется, сказала хозяйка. Этимъ можно доставить удовольствіе и себѣ и другимъ.

Я здѣсь лишній, подумалъ Василій Андреевичъ, взялъ шляпу и по-тихонько ушелъ домой.

—

Василій Андреевичъ былъ молодой человѣкъ, какихъ очень много въ Петербургѣ; родился и воспитывался въ дальней провинціи, имѣлъ кучу братцовъ, сестрицъ и отца, исполненнаго идей добраго стараго времени, почти не имѣлъ никакого состоянія, служилъ уже четвертый годъ въ какомъ-то департаментѣ, жилъ однимъ жалованьемъ. Но у Василія Андреевича впереди были блистательныя надежды:

Во-первыхъ, въ Москвѣ жилъ, въ собственномъ домѣ, старый холостякъ дядя и крестный отецъ Василія Андреевича; онъ, въ каждомъ письмѣ жалуясь на подагру, намѣкалъ любезному племяннику о возможности наслѣдовать *оный* домъ.

Во-вторыхъ, въ департаментѣ штатный чиновникъ Каблучковъ, при которомъ Василій Андреевичъ былъ помощникомъ, очень подозрительно кашлялъ, видимо угасалъ, и наконецъ слегъ въ постель. Доктора говорили: «не вставать болѣе штатному чиновнику». Самъ начальникъ отдѣленія говорилъ Василію Андреевичу:— Вы весьма можете занять мѣсто Каблучкова; будьте благонадежны. Товарищи говорили: — Василій Андреевичъ! какъ получите мѣсто—за вами вечерокъ.

Въ-третьихъ, Василій Андреевичъ, по обычаю всѣхъ людей, у которыхъ еще довольно быстро кровь переливается въ жилахъ, былъ влюбленъ и влюбленъ не безнадежно. «Владычица души его» дочь начальника от-

Digitized by Google

дѣленія, живая брюнетка, была къ нему внимательна, отличала его передъ другими. Даже самъ начальникъ отдѣленія, кажется, не только замѣчалъ эту любовь; но даже ей покровительствовалъ.

Съ такими надеждами можно еще жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но это все были надежды!... Доктора увѣряютъ, что иные подагрики живутъ по два вѣка; дочка начальника отдѣленія еще дѣвушка, и вольна отдать свою руку кому ей прикажутъ; а мѣсто Каблучкова.... Тутъ невольно приходилъ на память Василію Андреевичу одинъ случай съ начальникомъ отдѣленія:

Шелъ начальникъ отдѣленія по улицѣ и глубоко задумался, о чемъ?—одному Богу вѣдомо! Откуда ни взялись изъ подворотни двѣ собаченки, залаяли, завизжали, и давай его дергать за полы шинели. Начальникъ отдѣленія поклонился на обѣ стороны, самымъ ласковымъ голосомъ сказалъ: «будьте благонадежны», закутался но-крѣпче въ шинель — и пошелъ далѣе.

Имѣя виды на дочь своего начальника, Василій Андреевичъ питалъ въ себѣ дерзкую мысль когда-нибудь вечеромъ пригласить его на преферансъ въ свою квартиру; но для этого потребовались нѣкоторыя улучшенія: покупка нѣсколькихъ креселъ съ эластическими подушками (на другихъ стульяхъ начальникъ не любилъ сидѣть) и новаго ломбернаго стола. Какъ ни думалъ Василій Андреевичъ, а денегъ не хватало! и онъ рѣшился, первый разъ въ три года, попросить у своего отца сотни двѣ ассигнаціями. Въ надеждѣ на будущія блага, дня за три до начала нашего разсказа, онъ проигралъ все свое мѣсячное жалованье, а въ самый день, кончившійся извѣстнымъ намъ вечеромъ у Ивана Агапонтовича, получилъ отъ отца пестрый ситцевый халатъ и письмо слѣдующаго содержанія:

Digitized by Google

«Любезный сынъ мой, Василій Андреевичъ!

«Удивляюсь я, куда ты дѣваешь деньги, получая въ годъ тысячу двѣсти рублевъ жалованья. Это сумма не бездѣльная, можно бы и отложить что-нибудь на черный день, а ты еще у меня вздумалъ просить!... Ты вѣдь знаешь сколько васъ у меня наплодилось! Дай тому, другому, и давать будетъ нечего; а тутъ неурожай — хлѣба нѣтъ; вотъ у сосѣдки Бульбулькиной все село опухло. А ты, братъ, вѣрно въ столицѣ таво.... или тебя мясники, да всякіе купцы общитываютъ да обвѣшиваютъ. Съ этими бездѣльниками надо торговаться и смотрѣть въ оба. Посылаю тебѣ очень красивый халатъ; ты на такомъ мѣстѣ, что, чай, нерѣдко просителей принимаешь, а въ этомъ халатѣ хоть кого принять не стыдно; только ты съ этимъ народомъ не очень нѣжничай: они народъ грубый: съ ними церемониться нечего — такъ будешь совершеннымъ человѣкомъ и отцу поможешь. Вотъ тебѣ мой родительскій совѣтъ и благословеніе.

«Твой отецъ, Андрей».

Василій Андреевичъ прочелъ письмо, сосчиталъ всѣ свои деньги — ихъ оказалось четыре рубля семьдесятъ три копѣйки, вздохнулъ и машинально отправился на вечеръ къ Ивану Агапонтовичу.

—

Съ самаго дѣтскаго возраста Василій Андреевичъ занимался скрыпичною игрою; въ пансіонѣ, гдѣ воспитывался, онъ игралъ вторую скрыпку, когда во время торжественныхъ случаевъ изъ воспитанниковъ составляли хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ. Родители юныхъ музыкантовъ плакали отъ восторгу, цѣловали своихъ птенцовъ, и дарили разными домашними произведеніями музыкальнаго учителя Карла Ивановича Фисмоля. Фисмоль вѣжливо раскланивался, и, осыпая нѣжныхъ родителей любезностями, обыкновенно говаривалъ отцу Василія Андреевича: «Вашъ сынъ, это маленькій Себастіанъ Бахъ, это молодой Глукъ, немножко Моцартъ, немножко Бетговенъ, и больше ничего».

Digitized by Google

Дома, во время вакаціи, Василій Андреевичъ часто наигрывалъ на скрыпкѣ вальсы, кадрили и мазурки; сосѣдки танцовали до-упалу подъ эту игру; благодарностямъ конца не было.

Василій Андреевичъ привезъ съ собою въ Петербургъ скрыпку и на другой день, осматривая городъ, купилъ за сорокъ рублей нотъ; разъигралъ ихъ, и чрезъ три дня пошелъ въ тотъ же магазинъ перемѣнить: разъигранныя ноты взяли и дали новыхъ на тридцать рублей; скоро и эти были перемѣнены; перемѣненныя опять мѣнялись, и наконецъ, недѣли черезъ три, остался въ рукахъ аматёра одинъ какой-то галопадъ. Василій Андреевичъ разъигралъ галопадъ и подумалъ: — Дрянная штука, даже аплікатуры мало, а пришлась въ сорокъ рублей! Между-тѣмъ онъ получилъ мѣсто; явились новыя служебныя заботы, новые пріятели, которые не только не производили его въ Моцарты и Бетговены, но даже никогда не просили и поиграть, хоть часто спрашивали чаю и трубокъ. Скрыпка была положена въ ящикъ; вмѣсто смычка, Василій Андреевичъ вооружился картами, вошелъ въ колею обыкновенной жизни и тихо, ровно покатился по ней въ общемъ водоворотѣ мелкаго служащаго міра.

Послѣ этого понятно, отъ чего совѣтъ Силезіи Санназаровны играть на скрыпкѣ не только не удивилъ, не огорчилъ Василія Андреевича, но еще казался ему пророческимъ голосомъ судьбы, посланнымъ пробудить въ немъ уснувшій талантъ.

— Вѣдь правду говорила Силезія Санназаровна, думалъ Василій Андреевичъ, подходя къ своей квартирѣ: игра на скрыпкѣ и не убыточна и пріятна; мнѣ грѣшно, что я оставилъ ее. Разумѣется, здѣсь никто не произведетъ меня въ Моцарты за мѣшокъ гороху или за барана. Я и далекъ отъ этого, а всё же у меня есть талантъ. Да и дочка начальника отдѣленія любитъ музыку, вотъ двѣ недѣли всё только и слышишь: ахъ, Липпинскій! ахъ, чудо! ахъ, прелесть! Пусть себѣ

Digitized by Google

Паганини первый скрыпачъ: спорить не стану; всё же-таки я игрывалъ его варіаціи, можетъ-быть не такъ, какъ самъ авторъ — на то онъ и авторъ, — а всё же игралъ: этого отъ меня никто не отниметъ. Не помню, гдѣ-то я читалъ изреченіе Бюффона, что трудъ есть геній... Кто знаетъ, что бы вышло, если бъ я досихъ-поръ вмѣсто картъ занимался музыкою? а? что бы изъ того вышло! Во-первыхъ, я бы не проигрался въ преферансъ: это вѣрно! во-вторыхъ... да кто его знаетъ, что бы вышло? Чѣмъ лучше меня заѣзжіе Нѣмцы, что пилятъ по струнамъ цѣлый постъ въ залѣ Энгельгардта!... и собираютъ же денежки... истинно собираютъ. Можетъ-быть въ этомъ вся моя будущность... Принимать просителей въ халатѣ и грубо принимать ихъ я предоставляю сверстникамъ моего батюшки: это ихъ дѣло; мнѣ уже совѣсть не позволитъ, хоть оно, можетъ-быть, и пріятно и полезно, да совѣстно... а игра —дѣло другое.... Я же дворянинъ, и тутъ выгода, и служба пойдетъ своимъ порядкомъ, а можетъ-быть наслѣдство придетъ кстати, а тамъ и женюсь. *Она* такъ любитъ музыку! пріятно заслужить ея похвалу!...

Василій Андреевичъ дернулъ колокольчикъ у своей двери, весело отдалъ шинель старому своему слугѣ Фарафонту, въ минуту смѣнилъ вицмундиръ халатомъ, вытащилъ изъ-подъ кровати запыленный скрыпичный ящикъ и бережно вынулъ изъ него скрыпку. Видно было, что давно ни чья рука не дотрогивалась до этого инструмента: подставка стояла косо, басокъ былъ спущенъ, квинта оборвана.

Какое-то грустное чувство, въ родѣ упрека совѣсти, налегло на душу Василія Андреевича, когда онъ взглянулъ на забытую скрыпку, доставлявшую ему нѣкогда столько удовольствій. Подъ скрыпкою лежалъ листокъ нотъ, пожелтѣвшій отъ времени, съ надписью: Sonata C-dur, Violino Secondo (*будующему* великому артисту Васѣ Андреевичу въ знакъ утѣшенія отъ maestro Fis-

Digitized by Google

mol)». Эти ноты были писаны собственною рукою Фисмоля, были когда-то играны Василіемъ Андреевичемъ, заслужили ему рукоплесканія невзыскательной публики и горячія объятія родителей.

И гдѣ теперь этотъ фанатикъ музыки Фисмоль? Всё ли онъ тощій, высокій, сѣдой, съ очками на носу, съ смычкомъ въ рукахъ, твердитъ мальчикамъ: на четвертой *d*, подъ пятой *e*, на пятой *f* и такъ далѣе. Всё ли онъ по-прежнему гоняется за славою композитора, которая нѣкогда, въ дни юности, свела его съ родныхъ цвѣтущихъ горъ Тироля, заставила бѣгать за собою по бѣлу-свѣту, завела на холодныя русскія поляны и бросила въ какой-то пансіонъ учить ребятъ нотной азбукѣ! Всё ли онъ, дряхлый старикъ, надѣется поймать эту неуловимую мечту юности, быстро спѣша ко гробу?... Глупъ ли онъ или судьба въ насмѣшку гнала его, тѣснила обстоятельствами и безжалостно обрывала въ цвѣту его надежды?... Быть-можетъ, онъ мнѣ пророчилъ истину, а я такъ безсовѣстно обманулъ его.

Такъ, или почти такъ думалъ Василій Андреевичъ, глядя на ноты и навязывая квинту на скрыпку.

Скрыпка настроена, смычокъ въ рукахъ, только осталось его немного потереть канифолью. Василій Андреевичъ отыскалъ въ ящикѣ канифоль; она была завернута въ какую-то исписанную бумажку. Василій Андреевичъ теперь только замѣтилъ, что это былъ лоскутокъ письма его покойной матери, писаннаго къ нему еще въ пансіонъ. Буквы почти стерлись отъ канифоли, но еще можно было прочитать: «Ты занимаешься музыкою, милый Вася, это мнѣ очень пріятно; музыка облегчаетъ душу человѣка, утѣшаетъ въ горѣ и...» больше ничего не могъ разобрать Василій Андреевичъ... и, вздохнувъ, сказалъ: — да, это ея рука, это она писала; покойница была умная и добрая женщина! Миръ праху ея!... Потомъ заигралъ любимую пѣсенку покойной своей матушки. При звукахъ этой

Digitized by Google

пѣсенки, воскресало для него дѣтство, веселое, безаботное, окруженное ласками обожавшей его женщины... Рука играла, глаза были влажны, душа наполнялась спокойствіемъ, озарялась тихимъ, кроткимъ свѣтомъ; въ ней отражалось прошедшее, какъ на чистомъ, гладкомъ озерѣ свѣтъ молодой луны. Но вотъ вспомнилъ Василій Андреевичъ свою юность; звуки скрыпки сдѣлались живѣе, перешли въ котильонъ; передъ Васильемъ Андреевичемъ потянулась цѣлая вереница деревенскихъ баловъ и вечеровъ, цѣлый рой молоденькихъ сосѣдокъ, толпа провинціальныхъ сосѣдей въ разныхъ фракахъ, въ цвѣтныхъ жилетахъ, съ усами и безъ усовъ, съ каблуками и безъ каблуковъ... Василій Андреевичъ улыбался и игралъ, съ котильона перешелъ на мазурку, съ мазурки на другую, съ другой на третью и кончилъ, когда-то славнымъ, вальсомъ прусской королевы. Свѣча страшно нагорѣла, Фарафонтъ храпѣлъ за перегородкой, на башнѣ ударилъ часъ. — Василій Андреевичъ легъ въ постель, совершенно довольный собою, почти счастливый, и скоро заснулъ богатырскимъ сномъ. — Какъ подумаешь, кто изъ насъ не бывалъ въ свое время Васильемъ Андреевичемъ?

Кажется, счастливо уснулъ человѣкъ; а и тутъ не дали ему покоя сновидѣнія. Приснилось Василью Андреевичу, что онъ сидитъ въ департаментскомъ вицмундирѣ на скамейкѣ своего провинціальнаго пансіона, кругомъ мальчишки, старые товарищи въ нанковыхъ курточкахъ, шумъ, визгъ... одинъ говоритъ такъ страшно, такимъ голосомъ, будто съ каждымъ словомъ лопается у него во рту квинта; двое дерутся за булку, не линѣйками, какъ обыкновенно, а какими-то звуками; звуки разбиваясь сыплются по полу staccato.

— Это непріятно, подумалъ Василій Андреевичъ; этакъ пожалуй скоро и ходить нельзя будетъ отъ этого гороху... и сказалъ школьникамъ: — Полно вамъ, господа, сорить въ классѣ: учитель придетъ, всѣ будемъ отвѣчать.

Digitized by Google

— Молчи, крыса! не твое дѣло! закричали шалуны.

— Я, господа, не крыса, это всѣ видятъ: крыса бѣгаетъ на четырехъ ногахъ, а я на двухъ; перестаньте, господа, я вамъ дамъ свою булку..

— Давай свою булку! гдѣ твоя булка?

— Вотъ моя булка, и вынувъ изъ кармана булку, Василій Андреевичъ положилъ на скамью.

— Ха, ха, ха! такъ это твоя булка?!

— Это моя булка.

— Ѣшь самъ ее, бумажная душа. У! У!...

Посмотрѣлъ Василій Андреевичъ на булку и видитъ, точно это не булка, а галопадъ изъ «Озера Волшебницъ». Развернулъ ноты — тамъ настоящее озеро съ водою, съ рощами; волшебницы купаются, ныряютъ въ свѣтлой водѣ; у самой воды большой пѣтухъ играетъ на контрабасѣ козачка и какой-то лысый толстякъ въ синемъ фракѣ, пляшетъ безъ-устали. Чуть начнетъ Василій Андреевичъ разсматривать очень пристально какую-нибудь хорошенькую волшебницу, толстый плясунъ какъ синяя тѣнь снуетъ передъ глазами.

— Да перестаньте, милостивый государь, танцовать; вы мнѣ мѣшаете, сказалъ Василій Андреевичъ.

— Ого! насмѣшливо отвѣчалъ плясунъ: поддай-ка, Филька, пару!

Пѣтухъ улыбнулся, и началъ отхватывать носомъ престрашное *пиччикато;* синій фракъ пошелъ въ-присядку.

— Ни будочника нѣтъ, ничего, подумалъ Василій Андреевичъ: пускай дуракъ танцуетъ....

Вотъ показалась изъ воды головка, за нею шейка, по шейкѣ вились два длинные мокрые локона. Ба! Да это кажется Силезія Саввазаровна? именно она! не худо бы разсмотрѣть въ толкость: дама знакома. А тутъ плясунъ пуще прежняго такъ и виляетъ [redacted]

Digitized by Google

глазами. Василій Андреевичъ не выдержалъ, да какъ дастъ тумака синему танцору.

— Покорно благодарю, ваше благородіе! сказалъ танцоръ.

— Что вы сдѣлали! закричала Силезія Санназаровна: вы убили Моцарта!... Безумный молодой человѣкъ!

Силезія Санназаровна стояла передъ синимъ фракомъ уже не въ прежнемъ видѣ волшебницы, а въ гроденаплевомъ платьѣ, очень скромно сшитомъ: даже на шейку надѣла тюлевой *модестіи*.

— Извините, я не зналъ, это нечаянно, такъ, руки расходились.

— Ни чего-съ, это пройдетъ, отвѣчалъ Моцартъ.

— Дай Богъ! сказала Силезія Санназаровна. Честь имѣю рекомендовать моего ученика, Василія Андреевича.

— Очень пріятно; въ какомъ департаментѣ изволите служить? спросилъ Моцартъ.

— Нѣтъ, онъ мой ученикъ, дико закричалъ пѣтухъ, подымая кверху смычокъ: развѣ ты не узналъ меня?

— Карлъ Ивановичъ! Фисмоль! А я, право, думалъ, что вы пѣтухъ.

— Молодой человѣкъ! развѣ пѣтухи такъ играютъ на контрабасѣ?...

— Да, да, и мнѣ казалось немного страннымъ.

— То-то же; но, праведное небо! что я вижу! на челѣ твоемъ печать позора, ты рабъ мазурокъ и кадрилей, ты сдѣлался музыкальнымъ гаеромъ, шутомъ! ты звуками своей скрыпки тѣшилъ самокъ роду человѣческаго, заставляя ихъ безумно прыгать въ нелѣпыхъ танцахъ!... Такъ это плоды трудовъ моихъ? такъ это музыка!... Такъ вотъ мои надежды!... А я, глупецъ! думалъ что не умру въ тебѣ, что люди еще долго будутъ чувствовать Фисмоль на свѣтѣ! Ты будешь безъ обѣда, съ тебя снимутъ сапоги, не пустятъ въ отпускъ. Покайся, молодой человѣкъ!... изучай со-

Digitized by Google

наты и фуги, пойми, перечувствуй, усвой всѣ сорокъ капризовъ Крейцера, а нето, да поразитъ тебя праведный смычокъ.

Фисмоль взмахнулъ смычкомъ; Василій Андреевичъ вздрогнулъ и — проснулся. На дворѣ было свѣтло; на столикѣ въ передней весело кипѣлъ самоваръ, и Фарафонтъ, стоя у кровати, говорилъ:—Чай готовъ, ваше благородіе, что̀ прикажете взять въ булочной?

— Возьми Фисмоль.

— Что̀-съ?

— Плюху, братецъ, или сухарей на десять копѣекъ, да скорѣе.

Когда вышелъ Фарафонтъ, Василій Андреевичъ стеръ съ лица холодный потъ, вздохнулъ свободно и отъ души перекрестился, что онъ уже не школьникъ.

Василій Андреевичъ провелъ цѣлый день на службѣ въ департаментѣ, занимался прилежно дѣлами; но сонъ не выходилъ у него изъ головы. Онъ думалъ, что, можетъ-быть, точно со-временемъ сдѣлается великимъ музыкантомъ, что сновидѣніе имѣло глубокій смыслъ, что играя мелкія штуки, онъ видимо отстанетъ отъ серіозной музыки. Вслѣдствіе подобныхъ разсужденій Василій Андреевичъ передъ выходомъ изъ департамента занялъ у казначея, въ счетъ жалованья, двадцать пять рублей и возвратясь въ квартиру, вмѣстѣ съ казенными бумагами, принесъ подъ мышкой скрыпичную школу Роде, Крейцера и Балiо̀ и толстую тетрадь самыхъ трудныхъ этюдовъ....

—

Василій Андреевичъ жилъ на казенной квартирѣ, состоявшей изъ маленькой, темной передней, гдѣ жилъ слуга, отставной солдатъ Фарафонтъ, и еще одной комнаты въ два окна, изъ которыхъ видъ былъ прямо на березовые дрова, сложенные на дворѣ въ четыреугольникъ, и на крышу. Въ углу комнаты стояли

Digitized by Google

ширмы, а за ширмами кровать; налѣво, за стѣною, жилъ старикъ столоначальникъ, бывшій когда-то гдѣ-то профессоромъ; направо за стѣною департаментскій назначей; внизу экзекуторъ; вверху былъ чердакъ, безъ постоянныхъ жителей: на немъ кочевали мыши, голуби, кошки, словомъ, всѣ кому нравилось тамошнее мѣстоположеніе, климатъ, удобство для жизни и прочее.

Часу въ десятомъ вечера Василій Андреевичъ, стоя у стола въ одномъ жилетѣ, наигрывалъ какой-то трудной пассажъ, состоявшій изъ двухъ самыхъ безбожныхъ трелей; дребезжаніе звуковъ дотого было сильно и рѣзко, что пламя на свѣчкѣ дрожало, будто въ лихорадкѣ, и мѣдный ключъ отъ сахарницы шевелился на кругломъ столикѣ, словно живой. Василій Андреевичъ игралъ неутомимо; уже тысячный разъ повторилъ онъ трудный пассажъ, а трели никакъ не выигрывались! Наконецъ, переставивъ пальцы какимъ-то новымъ способомъ, онъ потянулъ смычкомъ— и даже самъ изумился дикости и вою, огласившему комнату. Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжалъ столоначальникъ, сѣдой старикъ въ зеленомъ халатѣ, подпоясанномъ красною тесемкою....

— Что вы дѣлаете? закричалъ онъ, разводя въ стороны руками.

— Играю, отвѣчалъ Василій Андреевичъ, и снова принялся за трель.

— Да перестаньте, ради Бога! вѣдь это невыносимо! лучше быть сосѣдомъ кузнеца или слесаря.... я вамъ не позволю себя мучить.

— Вы всё-еще думаете, что взыскиваете со школьниковъ — я такой же чиновникъ какъ и вы, милостивый государь: прошу мнѣ не мѣшать заниматься.

— Вы мнѣ сами мѣшаете; вотъ уже двѣ недѣли какъ ничего не могу дѣлать, отъ этой дурацкой скрипки.

Digitized by Google

— Во-первыхъ, скрыпка не дурацкая, а моя; а во-вторыхъ, лучше играть на скрыпкѣ, нежели перекладывать въ глупые стихи Исторію Россійскаго Государства.

— Это значитъ, мои стихи глупы? Вы знаете, милостивый государь, что это личность, это пахнетъ уголовной палатой. Я на васъ буду жаловаться, вы у меня отнимаете будущность! — да; вотъ уже двѣ недѣли бьюсь надъ удѣльной системой и, благодаря вамъ, не могу кончить; стихи нейдутъ! вы мнѣ разстроиваете мысли: такъ я никогда не кончу стихотворной исторіи.

— Напрасно трудитесь: ея никто не прочитаетъ.

— Не прочитаетъ чурбанъ, болванъ не прочитаетъ, да слава Богу свѣтъ не изъ однихъ чурбановъ; а вашу пискотню какой болванъ станетъ слушать?... Хотѣлъ бы я посмотрѣть!

— А, напротивъ, нѣкоторые слушаютъ—и даже сердятся.

— Только не я, милостивый государь, не я; это уже слишкомъ, я стану жаловаться начальству.

Столоначальникъ вышелъ, повторяя за дверью: это уже слишкомъ! это уже слишкомъ! У меня есть начальство.... есть начальство!...

Василій Андреевичъ опять принялся за трель.

Въ передней послышалось сопѣніе и—тяжелыми шагами ввалился въ комнату сосѣдъ-казначей. Его огромное, толстое туловище было одѣто въ широкій гороховый сюртукъ съ боковыми карманами.

— А! мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! сказалъ Василій Андреевичъ.

— Здравствуйте, любезный! Уфъ! позвольте присѣсть, усталъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Откуда это вы?

— Изъ своей комнаты, нарочно къ вамъ.

— Покорно благодарю.

Казначей усѣлся, вздохнулъ раза два, понюхалъ та-

Digitized by Google

баку и сказалъ: — а я вотъ къ вамъ нарочно, съ просьбою: нельзя ли вамъ бросить вотъ эту музыку?

— Что вы, Иванъ Ивановичъ! неужели и вамъ не нравится музыка?

— Нѣтъ, я не такой человѣкъ: по мнѣ дрова ли рубятъ, играетъ ли кто на чемъ, дрожки ли ѣдутъ, мнѣ всё-равно, это меня не пропекаетъ, а есть другое обстоятельство, непріятное обстоятельство.

— Что же такое?

— Оно и пустяки, а непріятное обстоятельство... вотъ видите.... вы знаете мою Бибишку?...

— Какъ же! прекрасная собачка....

— И очень умная, прибавьте. Ну, вотъ какъ вы начнете играть, она и давай выть; я уже ее и платкомъ носовымъ стегалъ и картузомъ билъ — не унимается; воетъ, да и только!

— А вы не любите собачьяго вою?

— Нѣтъ, мнѣ и это ничего, у меня не такая натура, а примѣта, говорятъ, не хорошая.

— Неужели вы вѣрите примѣтамъ?

— Не хорошая примѣта, право, не хорошая: помню, какъ сегодня, покойникъ отецъ былъ боленъ, и цѣлую зиму выла собака, а лѣтомъ онъ умеръ... Нѣтъ, лучше не играйте; вамъ это удовольствіе, занятіе, а мнѣ можетъ быть худо... перестаньте, пожалуйста.

— Да какъ же, Иванъ Ивановичъ, вѣдь я...

— Скучно вамъ?—займитесь чѣмъ-нибудь другимъ; клеите что-нибудь изъ картона или что другое.... Мало ли есть занятій!

— Но отъ чего же я не могу играть? вѣдь я хозяинъ у себя въ квартирѣ?

—Какъ хотите: вамъ хочется играть, а мнѣ еще хочется пожить на свѣтѣ; я васъ предостерегаю: если моя Бибишка не перестанетъ выть, я возьму свои мѣры. Спокойной вамъ ночи.

Digitized by Google

— Прощайте.

Казначей ушелъ, немного обиженный. Василій Андреевичъ принялся снова за трель.

Минутъ черезъ десять вбѣжалъ экзекуторъ въ вицмундирѣ.

— Помилуйте, Василій Андреевичъ, что вы дѣлаете!

— Играю.

— Вы рѣшительно не даете покою всему казенному дому!

— Я дома не трогаю.

— На васъ безпрестанныя жалобы, сейчасъ были у меня ваши сосѣди: житья, говорятъ, нѣтъ.

— Не бросить же мнѣ заниматься пріятнымъ искусствомъ отъ того, что одинъ не справится въ стихахъ съ русской исторіей, а другой боится собачьяго вою?

— Положимъ такъ, но согласитесь, что моя жена не исторія въ стихахъ и не Бибишка казначейская? а вы и ей не даете покою; я о себѣ не говорю; весь департаментъ знаетъ мою ревностную службу: я бѣгаю отъ ранняго утра до полночи, какъ почтовая лошадь, всё бьюсь изъ-за казеннаго интересу, всё смотрю гдѣ бы что лучше приладить, гдѣ бы что выгадать для казны, всѣ это знаютъ, и вы сами это скажете, не правда ли?

— Правда.

— Ну, вотъ видите, такъ гдѣ мнѣ прислушиваться до всего; а жена моя, бѣдная, что выноситъ, сидя дома! Такія, говоритъ, раздирательныя штуки Василій Андреевичъ выкидываетъ: грудь, говоритъ, даже заболѣла. Купи, говоритъ, у Имзена эстляндскаго шоколаду; въ нашемъ климатѣ, чего добраго, какъ-разъ угодишь въ чахотку....

— Пожалуй, я сегодня не буду больше играть, оттого, что усталъ, наигрался въ волю, да и боюсь, чтобъ кто не пришелъ еще съ чердака мѣшать

Digitized by Google

мнѣ, а завтра, если захочется играть, такъ не стану ни у него спрашиваться: я, слава Богу, человѣкъ, служу какъ и всѣ: хоть можетъ-быть и меньше бѣгаю по лѣстницамъ; зналъ очень хорошо, что играть на скрипкѣ у себя дома для своего удовольствія пьесы дозволенныя, законъ не запрещаетъ, и стану играть сколько захочу; понимаете?

— Понимаю, ворчалъ экзекуторъ, выходя изъ комнаты.

Спустя недѣли три послѣ этого вечера, въ одномъ изъ неслишкомъ свѣтлыхъ переулковъ, передъ высокимъ каменнымъ домомъ стоялъ ломовой извощикъ съ роспусками, нагруженными разнымъ хламомъ: тутъ во всѣ стороны торчали ножки стульевъ и кровати, между ними красовался самоваръ, печально качалась вѣтка зелёной герани, изъ-подъ ширмы выглядывалъ чубукъ и что-то завернутое въ пестрое одѣяло. Рѣзкій вѣтеръ гналъ по небу мрачныя тучи, обдававшія улицу добрымъ дождикомъ; старикъ слуга, отставной солдатъ, поминутно выходилъ изъ дому, бралъ что-нибудь у извощика, и опять скрывался на-долго въ темную, низенькую дверь. У роспусковъ стоялъ молодой человѣкъ, раскрывъ надъ головою огромный парусинный зонтикъ; прохожіе шли по узенькому, мокрому тротуару, заглядывали подъ зонтикъ—и пропадали далѣе.

— Ба! это вы, Василій Андреевичъ? закричалъ одинъ прохожій, заглянувъ подъ зонтикъ молодаго человѣка.

Я, Иванъ Агаѳоникитовичъ.

— Зачѣмъ же вы можете на дождикѣ? ужъ вѣрно какое-нибудь рандеву? Ась? Охъ, вы, молодые люди!...

— Нѣтъ-съ. Вы видите, я переѣзжаю съ квартиры.

— Какъ? а казенная-то?

— Понадобились кое-какія передѣлки, улучшенія въ домѣ, такъ нельзя же оставаться.

— Плохо, молодой человѣкъ! плохо!

— Что же тутъ плохаго? на вольной гораздо спокой-

Digitized by Google

нье—я думаю вы пожалуете когда-нибудь ко мнѣ въ этотъ домъ, въ четвертомъ этажѣ, № 36-й.

— Заверну когда-нибудь, а всё-таки плохо. До свиданія.

— До свиданія.

Иванъ Агапонитовичъ ушелъ ворча:—Плохо, плохо; знаю я эти поправки, эти улучшенія....

Настала зима. Василій Андреевичъ свелъ знакомство съ артистами-аматёрами, нашелъ по себѣ невзыскательную секунду, таковаго же альта и віолончель, часто по вечерамъ поилъ ихъ чаемъ, и игралъ съ ними квартетъ. Не знаю хорошо ли они играли, но играли храбро, отчаянно, несмотря ни на какія трудности. Это онъ называлъ собственными музыкальными вечерами.

Часу въ пятомъ вечера Василій Андреевичъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ; то самодовольно потиралъ руки, то печально задумывался; вдругъ двери съ шумомъ растворились и въ комнату вбѣжала секунда—панъ Цвириньковскій; альтъ—геръ Оверштагъ и басъ—студентъ Алёша: другаго имени ему не было, и врядъ-ли кто зналъ его фамилію....

— Чудесная новость! чудесная новость! кричали они разными голосами.

— И у меня есть новость, господа, отвѣчалъ Василій Андреевичъ, я надѣюсь....

— Да ужъ вѣрно у тебя не квартетъ Бетговена? правда? говорилъ студентъ.

— Правда.

— Ну, и кончено, не слушайте его, господа: его новость дрянь противъ нашей. — Здѣсь, братецъ, самый трудный квартетъ Бетговена, отъ котораго Нѣмцы чуть съ ума не сошли.

— Смѣю вамъ доложить, что за этотъ квартетъ Нѣмцы назвали Бетговена сумасшедшимъ, говорилъ Цвириньковскій.

Digitized by Google

— Не сумасшедшимъ, а помѣшаннымъ, замѣтилъ Овершлагъ.

— Одинъ дьяволъ! почтеннѣйшій Овершлагъ, а дѣло въ томъ, что квартетъ засѣлъ, словно смертный грѣхъ, въ мозгу у Нѣмцевъ. И этотъ квартетъ здѣсь, закричалъ студентъ торжественно, бросая на столъ толстую трубку нотъ. Давай, Вася, скорѣе инструменты; да свѣчей не-больше: мы его съ-раву спустимъ, у насъ не Германія!

— Эхъ, господа, я не знаю чего бы не далъ за удовольствіе поиграть съ вами такую рѣдкую вещь; но мнѣ надобно скоро ѣхать, въ шесть часовъ я долженъ непремѣнно....

— Ого! да еще пять квартетовъ можно проиграть до этого времени. Гдѣ твои часы? сказалъ студентъ.

— Въ другой комнатѣ.

— А вотъ посмотримъ; вѣрны они?

— Сегодня свѣрялъ нарочно.

— Еще четвертаго половина, говорилъ студентъ, возвращаясь съ часами въ рукахъ, пятаго половина — часъ, шестаго половина — два... да еще, братецъ, два часа съ половиною можно по-играть.

— Что это? сказалъ удивленный Василій Андреевичъ: кажется недавно было пятаго четверть!...

— Хорошъ же ты!... цѣлымъ часомъ впередъ смотрѣлъ.

— Если такъ, то еще успѣемъ.

Въ минуту былъ раскрытъ ломберный столъ, поставлены пюльпитры, на нихъ ноты, подлѣ нихъ свѣчи; друзья пріударили въ смычки и великое созданіе Бетговена огласило комнатку четвертаго этажа въ темномъ переулкѣ. Господа аматёры играли храбро; но квартетъ подвигался очень тихо впередъ; послѣ двухъ тактовъ, довольно еще сносныхъ, въ третьемъ непремѣнно выходила нестерпимая дичь; тактъ переигрывали по десяти разъ и, наконецъ, оставляли, соглашаясь

Digitized by Google

единодушно, что тутъ покойникъ нагородилъ немного чепухи, причемъ геръ Овершлагъ значительно улыбался и прибавлялъ:—Нѣмцы не совсѣмъ виноваты. Василій Андреевичъ всё поглядывалъ на часы, и только еще половина квартета была проиграна, какъ онъ торжественно положилъ скрыпку и объявилъ, что уже около шести часовъ и ему непремѣнно нужно ѣхать.

— Ну, братъ, поздравляю, кричалъ студентъ, хохоча гомеровскимъ смѣхомъ: поздравляю! Теперь ты можешь спокойно остаться дома и доиграть съ нами квартетъ....

— Что̀ это значитъ? спросилъ Василій Андреевичъ встревоженнымъ голосомъ.

— А то значитъ, что твоя Дульцинея, прождавъ тебя лишній часъ, отправилась во-свояси: я вѣдь твои часы перевелъ часомъ назадъ. И студентъ принялся хохотать.

— Чтобъ тебя чортъ побралъ съ твоею Дульцинеею! вскричалъ Василій Андреевичъ, вскакивая со стула, будто укушенный ядовитою змѣею; схватилъ шляпу, накинулъ шинель и стремглавъ бросился бѣжать по лѣстницѣ съ четвертаго этажа.

— Ужъ не Бетговенъ ли такъ на нихъ подѣйствовалъ? сказалъ лукаво улыбаясь Цвиринковскій, когда уже не слышно стало на лѣстницѣ шаговъ Василія Андреевича.

— Экъ юркнулъ! словно отъ долговъ, прибавилъ студентъ, вынимая изъ кармана папироску: гдѣ этотъ дуракъ Фарафонтъ? хоть бы чаю намъ далъ.

— Ваша правда, замѣтилъ Нѣмецъ.

Между-тѣмъ Василій Андреевичъ взялъ перваго встрѣтившагося извощика, и гналъ его что̀ есть силы къ почтамту. У почтамта попался ему навстрѣчу Фарафонтъ.

— А что̀ Фарафонтъ?

— Плохо, ваше благородіе! уѣхали.

— Давно?

— Съ полчаса будетъ.

Digitized by Google

— Да какъ же это можно! да вотъ я имъ разскажу!

— Тамъ никого нѣтъ, ваше благородіе, почтовая карета уѣхала, и контору заперли, а мнѣ отдали ваши бумаги и чемоданъ; сказали: коли хочетъ, пускай догоняетъ.

— Хорошо, давай сюда чемоданъ и бумаги. Извощикъ, пошелъ въ Яицкую!

Заплативъ очень дорого за тройку до Средней Рогатки, Василій Андреевичъ ѣхалъ не очень быстро, приказывалъ ѣхать живѣе — ямщикъ не слушалъ; ругнулъ ямщика—тотъ отвѣчалъ, что договорился свезти его на Среднюю Рогатку, а не слушать брань и что онъ возилъ графовъ и князей; Василій Андреевичъ обѣщалъ полтину серебра на водку—ямщикъ отвѣчалъ, что ему тройка самому дорого стоитъ, и несходно за полтину серебра загнать ее. Сокращая время подобными разговорами, наконецъ пріѣхали на Среднюю Рогатку, когда тамъ уже и забыли объ отъѣздѣ почтовой кареты. Василій Андреевичъ былъ въ отчаяніи, хотѣлъ гнаться за нею до слѣдующей станціи; но какой-то писарь отсовѣтовалъ, говоря, что почтовая карета—экипажъ казенный, ѣдетъ безъ замедленія и догнать ее очень трудно и дорого, а вы лучше возьмите перекладную и поѣзжайте съ Богомъ.

— Ну, давай перекладную, да по-скорѣе, закричалъ Василій Андреевичъ.

— Очень хорошо, пожалуйте вашу подорожную.

— Какую подорожную? у меня нѣтъ подорожной.

— Если нѣтъ, такъ мы не можемъ дать лошадей.

— Что жъ я буду дѣлать?

— Не могу знать, какъ вамъ угодно, а если вамъ угодно, я пошлю ямщиковъ: авось кто возьметъ свезти васъ за двойные прогоны.

— Спасибо, братъ: вы меня этакъ ограбите; здѣсь возьмутъ двойные, тамъ тройные, а тамъ четверные, и я гдѣ-нибудь посереди дороги буду сидѣть безъ гроша. Спасибо, я возьму лучше подорожную.

Digitized by Google

— Какъ вамъ угодно.

Писарь вышелъ, и вошелъ ямщикъ.

— Ты зачѣмъ? сердито спросилъ Василій Андреевичъ.

— А какъ же-съ, ваше благородіе, на водочку пожалуйте.

— Ахъ ты, борода этакая! еще на водку смѣешь просить?! взялъ втрое, ѣхалъ тараканьимъ шагомъ, да еще на водку!... Я бы цѣлковый далъ тебѣ, если бъ ты догналъ карету, а теперь вотъ что получишь! При этомъ Василій Андреевичъ поднесъ ко рту ладонь, дунулъ на неё и началъ ходить по комнатѣ.

— Вольно вамъ было не сказать, ваше высокородіе, вотъ-молъ, догони, дуракъ, карету—ужъ я бы не пожалѣлъ гнѣдковъ: для такого барина можно постараться.... Что же ваше высокоблагородіе, хоть гривенничекъ на чай!...

— Убирайся!... А не хочешь ли, я назадъ съ тобою поѣду?

— Прибавить-то надо, баринъ!

— Еще прибавить!

— Да какъ же-съ, лошади томленыя, дорога сами изволили видѣть какая, а кладь тяжелая. И то я такъ беру, потому что обратно ѣду: здѣшніе вдвое дороже не повезутъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Василій Андреевичъ за ту же цѣну съ прибавкою четвертака на водку, пріѣхалъ въ Петербургъ, разругалъ Фарафонта, швырнулъ подъ столъ квартетъ Бетговена и цѣлую ночь не могъ спать отъ досады.

И точно было чего досадовать Василію Андреевичу: дня за три до этого несчастнаго вечера, онъ получилъ письмо отъ своего пріятеля изъ Москвы, съ извѣстіемъ, что почтеннѣйшій дяденька, имѣющій собственный домъ, сильно боленъ, и что доктора предрекаютъ ему жить не болѣе недѣли. Василій Андреевичъ, какъ сердобольный племянникъ, выхлопоталъ себѣ отпускъ на двѣ недѣли, взялъ билетъ въ почто-

Digitized by Google

вую карету; но какъ мы уже знаемъ, проигралъ на скрыпкѣ отъѣздъ кареты, и долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ, Богъ знаетъ еще сколько времени, между-тѣмъ, какъ дядюшка лежитъ больной безъ родственной помощи; а ему оставалось жить по разсчету не болѣе двухъ, трехъ дней.—Отъ подобныхъ обстоятельствъ не всегда спится спокойно человѣку.

Рано поутру былъ Василій Андреевичъ на ногахъ, обѣгалъ половину города и едва нашелъ мѣсто въ дилижансѣ, который долженъ былъ отправиться въ четыре часа того же дня.

— Ну, еще слава Богу, думалъ Василій Андреевичъ садясь въ дилижансъ: что мнѣ попался хорошій поспѣшный дилижансъ. Кондукторъ говоритъ будто это всё-равно что почтовая карета и мы будемъ на третьи сутки въ Москвѣ.

Настали третьи сутки, а дилижансъ былъ еще далеко отъ Москвы. Онъ выѣхалъ только изъ Петербурга парадно, на шестеркѣ, а съ первой станціи началъ брать по четыре лошади; дорога была скверная, вездѣ то ухабы, то раскаты; на Валдайскихъ горахъ раза четыре подъ-гору останавливались лошади и пассажиры выходили изъ экипажа; на какой-то станціи ямщики заспорили объ очереди, долго бросали жеребій, а потомъ часа три судились у старосты. Притомъ, по несчастію, въ дилижансѣ этомъ ѣхалъ богатый Англичанинъ, который обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ и два раза въ день пилъ чай удивительно медленно, будто у себя дома; кондукторъ, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, нимало не замѣчалъ этой медленности, не торопилъ его. А время всё шло!... Наконецъ на пятыя сутки пріѣхали въ Москву. Василій Андреевичъ поскакалъ на извощикѣ къ приходу Никиты или Спиридонія.

Въ передней у дядюшки никого не было; на порогѣ двери, растворенной во внутреннія покои, стоялъ

Digitized by Google

московскій франтъ, молодой человѣкъ, съ усами, съ эспаньолкою, одѣтый въ безмѣрно короткій сертукъ; на головѣ круглая шляпа, на рукахъ желтыя перчатки, въ рукахъ чудовищная трость à la Balzac.

— Позвольте васъ побезпокоить моимъ вопросомъ, началъ Василій Андреевичъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? отвѣчалъ франтъ, ни мало не перемѣняя своего положенія.

— Дома ли дядюшка?

— Какой?

— Мой дядюшка, хозяинъ этого дома.

— Я хозяинъ этого дома, милостивый государь.

— Извините, вѣрно, я ошибся, удивительное сходство... Назадъ тому четыре года, кажется, я былъ здѣсь: вѣдь это домъ коллежскаго совѣтника С....

— А!... Вы опоздали! вчера похоронили прежняго хозяина, и это мой домъ, я Леонтодонъ Тараксаки, къ вашимъ услугамъ. Человѣкъ, подай шубу. Хороша погода?

— Изрядная, жалкимъ голосомъ отвѣчалъ Василій Андреевичъ: но смѣю спросить, дядюшка....

— Благодаря Бога у меня нѣтъ племянниковъ.

— Нѣтъ... но... мнѣ бы хотѣлось узнать....

— Если у васъ есть дѣло, приходите послѣ, видите, теперь мнѣ некогда: я иду гулять.

Надѣвая шубу, франтъ безмолвно подвигался къ Василію Андреевичу, Василій Андреевичъ безмолвно отступалъ—такъ они оба очутились на крыльцѣ. Франтъ пошелъ по улицѣ, а Василій Андреевичъ съ изумленіемъ началъ перечитывать надпись надъ воротами дядюшкинаго дома: «Домъ иностранца Леонтодона Тараксаки». Долго, можетъ-быть, онъ упражнялся бы въ этомъ совершенно безгрѣшномъ занятіи, если бъ прямо изъ воротъ носъ къ носу не вышелъ на него человѣкъ въ синихъ очкахъ, въ тепломъ картузѣ, въ какихъ-то шумящихъ и хлопающихъ теплыхъ коло-

Digitized by Google

плахъ и въ плащѣ съ поднятымъ къ верху воротникомъ.

— Милостивый государь, сказалъ Василій Андреевичь, осматривая съ ногъ до головы страннаго человѣка: позвольте васъ побезпокоить моимъ вопросомъ.

— Извольте, отвѣчалъ странный человѣкъ, и остановился.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, что это Леонтодонъ Тараксаки?

— Это очень просто: Леонтодонъ Тараксакумъ, по-русски одуванчикъ.

— Понимаю, то есть, надувало, сказалъ иронически улыбаясь Василій Андреевичъ.

— Надувало? говорилъ размышляя странный человѣкъ: нѣтъ, это названіе сюда не входитъ; такого я не слышалъ, развѣ гдѣ въ далекой провинціи; правда, иногда и здѣсь въ просторѣчіи называютъ его цикоріемъ; но это совершенно несправедливо. Леонтодонъ Тараксакумъ, не должно смѣшивать съ цикоріемъ, употребляемымъ многими вмѣсто кофе: это просто одуванчикъ, растеніе, изъ листьевъ котораго съ примѣсью соли, уксусу и масла, иногда съ малымъ количествомъ перцу, приготовляется довольно вкусный салатъ. Оставя въ покоѣ Турнфора и Жюсьё, въ которыхъ я не очень вѣрую, думаю и вы также, милостивый государь, и слѣдуя системѣ Линнея, оно будетъ принадлежать къ....

— Покорнѣйше васъ благодарю; но мнѣ хотѣлось бы знать не о растеніи, а о хозяинѣ этого дома, въ которомъ, кажется, и вы живете.

Странный человѣкъ нѣсколько обидѣлся невниманіемъ къ его ботанической рѣчи и сухо отвѣчалъ: — Господинъ Тараксаки молодой воспитанникъ умершаго хозяина этого дома, получилъ домъ по духовному завѣщанію: — объ этомъ нечего спрашивать. Это всѣ знаютъ: дворники знаютъ.

Digitized by Google

— И вы точно это знаете?

— Я думаю, когда и я подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи.

Странный человѣкъ пошелъ своею дорогою, а Василій Андреевичъ своею. Его мысли, спутанныя, уничтоженныя неожиданною встрѣчею съ фантомъ, приходили въ порядокъ; теперь только онъ вспомнилъ, что Тараксаки—фамилія ему не вовсе незнакомая, что еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, онъ когда-то заѣзжалъ къ дядюшкѣ: что тогда еще у дядюшки не было своего дома, онъ жилъ на небогатой квартирѣ и занимался высыпкою полотна подъ шоссе; что тогда у него на квартирѣ постоянно разливала чай черноокая дѣвушка, звалъ Тараксаки, что отецъ никогда не подходилъ къ ручкѣ мамзель Тараксаки и называлъ ея, въ-тихомолку, бѣсомъ съ Кузнецкаго Моста; что ѣдучи въ Петербургъ, года четыре тому назадъ, онъ, Василій Андреевичъ, видалъ у дядюшки какого-то оборваннаго мальчика, сорванца лѣтъ пятнадцати, который вмѣсто пансіона ходилъ съ книжкою по городу, пугалъ голубей, игралъ въ орлянку и надувалъ извощиковъ; что дядюшка, часто расплачиваясь за проказы мальчика, вздыхая говаривалъ: «укоротитъ мнѣ вѣку этотъ мальчикъ; сущій огонь; ни чего не напасешся на него: вчера сапоги — сегодня уже пальцы выглядятъ; вчера купилъ ему шляпу—сегодня уже бѣгаетъ въ солдатской фуражкѣ», и тому подобное.

Наконецъ вспомнилъ Василій Андреевичъ, что въ послѣднее время мамзель Тараксаки управляла домомъ дядюшки, что этотъ домъ былъ благопріобрѣтенный— махнулъ рукой и поѣхалъ обратно въ Петербургъ, ругая дорогою скрыпку, Бетговена и студента.

Насталъ постъ, жители Петербурга, нашаркавшись въ кадриляхъ и степенно нагулявшись въ шляпахъ на маскерадахъ во время масляницы, — отдыхали; на театрахъ, вмѣсто драмъ и оперъ начали показывать

Digitized by Google

живыя картины; въ частныхъ домахъ вѣчные танцы подъ фортопіано смѣнились музыкальными вечерами. Но артистовъ такъ мало въ Петербургѣ, ихъ такъ трудно залучить къ себѣ въ домъ; притомъ они такъ капризны, а любителей музыкальныхъ вечеровъ очень много. Что прикажете дѣлать? Петербургцы народъ разсчетливый; и тутъ не сробѣли: они принялись вербовать аматёровъ и составили изъ нихъ свои дешевые дуэты, квартеты и квинтеты. Это бываетъ почти такъ:

Положимъ, N. N. играетъ, играетъ на чемъ-нибудь, на скрыпкѣ, на кларнетѣ, на рожкѣ, это всё-равно, лишь бы игралъ. На послѣднихъ дняхъ масляницы N. N. на вечерѣ у своихъ знакомыхъ; хозяева особенно внимательны къ N. N.; хозяйка, если она молода и не дурна, или хозяйская дочка, заводитъ съ N. N. рѣчь о скукѣ предстоящаго поста, о томъ, что она въ отчаяніи, нѣкоторымъ образомъ разлучаясь такъ надолго съ своими добрыми пріятелями, и, наконецъ, будто спохватясь, говоритъ:—Впрочемъ, мнѣ пришла прекрасная мысль. Знаете, мосьё N. N., у меня къ вамъ есть просьба?

— Ожидаю приказанія, обыкновенно отвѣчаетъ N. N.

— Кромѣ шутокъ, не составить ли намъ музыкальные вечера?... не правда ли? Ахъ, какъ бы это было весело!... Вы не откажете намъ въ этомъ удовольствіи?

— Ваше желаніе для меня законъ, почти всегда отвѣчаетъ N. N.: но что я могу сдѣлать?...

— Всё. Я знаю, вы музыкантъ, и, судя по вашему уму, по вашимъ прекраснымъ чувствамъ, должны играть прелестно.

— Но....

— Безъ всякихъ *но*.

— Положимъ, что я играю, всё же я одинъ не составлю музыкальнаго вечера.

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо! отрывисто говорилъ кто-то вполголоса, подлѣ Василія Андреевича.

Василію Андреевичу въ этомъ мѣстѣ пришлась пауза въ цѣлый тактъ; онъ, пользуясь свободною секундою, быстро взглянулъ на своего сосѣда и низко поклонился ему, не отодвигая скрыпки отъ подбородка. Сосѣдъ былъ самъ директоръ департамента, гдѣ служилъ Василій Андреевичъ. Директоръ снисходительно кивнулъ головою и ласково показалъ ему пальцемъ на ноты. Василій Андреевичъ ударилъ смычкомъ по струнамъ— страшная музыкальная нелѣпость раздалась по комнатѣ.—Василій Андреевичъ съ-разу смѣкнулъ, что во время должнаго поклона, вмѣсто одного пропустилъ нѣсколько тактовъ, хотѣлъ поправиться; но еще болѣе сбился и сбилъ съ толку молодую піанистку; она покраснѣла до ушей, заплакала, и убѣжала.

— Я виноватъ, сударыня! проговорилъ ей вслѣдъ Василій Андреевичъ.

— Разумѣется, не кто другой; а вамъ охота, сударь, не умѣя играть, акомпанировать порядочнымъ дѣвицамъ, сказалъ сухо директоръ уходя къ карточному столу.

— Жаль, что вы такъ скомпрометировали дочь вашего директора, какъ я замѣчаю по вашему вицъ-мундиру, сказалъ какой-то человѣкъ въ черномъ фракѣ.

— Это дочь его превосходительства? съ ужасомъ спросилъ Василій Андреевичъ.

— Да, *они* только четвертаго дня вышли изъ института—хорошій же вы чиновникъ когда этого не знаете.

Если бы, кажется, половина вселенной обрушилась на Василія Андреевича, онъ меньше былъ бы пораженъ, уничтоженъ этимъ, нежели несчастнымъ дуэтомъ съ директорской дочкой. Онъ опрометью схватилъ скрыпку, шляпу, торопливо надѣлъ шинель и, оставя осиротѣлую секунду и альта съ басомъ, бросился бѣгомъ домой. Глубокая печаль и вѣтеръ сильно по-

Digitized by Google

дѣйствовали на Василія Андреевича: у него разболѣлась голова, онъ кашлялъ всю ночь, на другой день не могъ итти въ департаментъ—окуталъ шею красным шерстянымъ шарфомъ, послалъ въ департаментъ записку о болѣзни, и остался дома.

Подъ-вечеръ пришелъ къ Василью Андреевичу юноша, чиновникъ съ пухлыми розовыми щеками, въ вицмундирѣ съ суконнымъ воротникомъ. Василій Андреевичъ ласково привѣтствовалъ, называя его Андреемъ Васильевичемъ и спросилъ: что новаго?

— Новостей много, Василій Андреевичъ, говорилъ усѣхаясь Андрей Васильевичъ: я и подумалъ, дай зайду къ нашему помощнику, да и зашелъ прямо не обѣдавши; думалъ, вамъ скучно.

— Это правда, разсказывайте.

— Позвольте, Василій Андреевичъ, нѣтъ ли у васъ трубочки? Съ самаго утра не курилъ....

— Возьмите, тамъ на окнѣ.

— Знаете, очень пріятно, Василій Андреевичъ, затянуться, долго не куривши, да и полезно передъ обѣдомъ: не такъ ѣсть хочется, говорилъ молодой чиновникъ набивая трубку.

— Да разсказывайте, какія у васъ тамъ новости? Пріятныя?

— Не очень.

— Что? была кому распеканція?...

— Нѣтъ, особенной никому, а такъ по мелочамъ кое-кому досталось, а главная новость.... да вы вѣрно слышали, Василій Андреевичъ?

— Право нѣтъ, отъ кого жъ бы мнѣ слышать!... Сижу дома.

— Вчера Каблучковъ приказалъ долго жить.

— Неужели! впрочемъ, этого надобно было ожидать: такая у него была немочь, царство ему небесное.— Что же начальникъ отдѣленія?

Digitized by Google

— Какъ вы недогадливы, мосьё N. N., говоритъ хозяйка съ улыбкой, грозя хорошенькимъ пальчикомъ: неужели у васъ нѣтъ знакомыхъ, которые занимаются музыкой? Пригласите ихъ къ намъ; вѣрьте, что ваши знакомые всегда для насъ будутъ такъ же дороги, какъ и вы.

N. N. говоритъ еще нѣсколько пріятныхъ фразъ; хозяйка то же, и вслѣдствіе этого разговора, «въ одинъ прекрасный вечеръ» на второй недѣлѣ поста, N. N. приводитъ къ заботливой хозяйкѣ двухъ, трехъ артистовъ-аматёровъ, иногда довольно странной наружности; за ними приносятъ ящики съ инструментами, нотныя тетради—и вы часто волею и неволею выслушиваете квартетъ ни чѣмъ не хуже Крыловскаго. Многіе изъ насъ, господа, вѣрно бывали жертвою этой аматёрской пытки и храбро высиживали музыкальные вечера, иной, чтобъ посмотрѣть *на нее*, другой чтобъ тутъ встрѣтиться съ важнымъ человѣкомъ, третій чтобъ поужинать, четвертый изъ снисхожденія, пятый для поддержанія связей, шестой разъигрывая роль диллетанта, а нѣкоторые,—Богъ ихъ прости,—чтобъ убить время. Послѣднихъ я вовсе не понимаю.

Съ окончаніемъ поста исчезаютъ изъ гостинной музыканты, пріятели N. N. и до слѣдующаго поста объ нихъ даже не вспомнятъ. Если вамъ иногда случается видѣть въ извѣстное время въ порядочныхъ домахъ людей, которыхъ нигдѣ не встрѣчаете въ обществѣ, немного робкихъ, немного не на своемъ мѣстѣ—это вѣрно аматёры, бѣдные труженики, играющіе дома, чтобъ прогнать хоть на минуту горе своей жизни, чтобъ отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ, дающихъ имъ насущный хлѣбъ—и призванные въ порядочную гостиную для декорацій, которыя вынесутъ по окончаніи спектакля, призванные для того, чтобъ знакомые мадамъ N. говорили: «у мадамъ N. по четвергамъ музыкальные вечера».

Digitized by Google

Такой уже обычай въ Петербургѣ, такой разумный крѣпкій людъ въ Петербургѣ.

На одномъ изъ подобныхъ музыкальныхъ вечеровъ, у одного очень важнаго человѣка, былъ Василій Андреевичъ, былъ панъ Цвириньковскій и еще какихъ-то два Нѣмца-аматёра. Въ дальнихъ комнатахъ большая половина гостей играла въ карты, въ залѣ аматёры играли квартетъ. Молодыя дѣвушки веселымъ, ласковымъ роемъ окружали музыкантовъ, шептались, улыбались, глядя на лысину Нѣмца, игравшаго на альтѣ; какой-то франтъ надъ самымъ ухомъ пана Цвириньковскаго говорилъ французскіе каламбуры; но несмотря на всѣ эти маленькія помѣхи, даже несмотря что во время самаго чувствительнаго адажіо кто-то довольно громко чихнулъ, квартетъ сошелъ хорошо; многіе аплодировали.

Хозяйка рѣшилась, кажется, уничтожить своихъ гостей музыкою и принялась упрашивать одну розовенькую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, чтобъ она сыграла сонату, именно ту сонату, которую играла при выпускѣ изъ института. Дѣвушка краснѣла, отговаривалась, сказала, что нѣтъ нотъ; за нотами хотѣли тотчасъ же послать; сказала, что ей совѣстно, что будутъ надъ нею смѣяться—ей отвѣчали, что это пустяки: вы, дескать, у добрыхъ пріятелей; наконецъ ухватилась за послѣднее: объявила, что безъ акомпанимента играть не можетъ; и на выпускѣ играли съ акомпаниментомъ музыкальнаго учителя; но и это не помогло: принесли ноты, усадили дѣвушку за рояль, привели со скрыпкою Василія Андреевича, который храбро игралъ съ-разу всякія ноты, и соната началась. Многіе, оставя карточные столики, пришли слушать молодую піанистку.

Дуэтъ шелъ хорошо, въ такту; дѣвица въ бѣломъ платьѣ начинала оправляться отъ смущенія и бѣгала довольно быстро по клавишамъ своими маленькими пальчиками, что̀ заслужило всеобщее одобреніе.

Digitized by Google

— Сейчасъ понесъ директору бумагу объ утвержденіи васъ на мѣсто Каблучкова....

— Вотъ видите!... И охота жъ было ему такъ спѣшить! Иной подумаетъ, что я ему не даю покоя. Всё-равно, у директора пролежитъ съ русской мѣсяцъ.

— Нѣтъ, сегодня же и подписалъ.

— Вотъ какъ! такъ вы меня пришли поздравить? Экой вы проказникъ!... а еще говорите печальныя новости.

— Въ томъ то и бѣда, что васъ не утвердилъ, а утвердилъ помощника изъ другаго отдѣленія, какого-то Поклончикова, что ли. Это у васъ Жукова табакъ или Богосова?

— Да какъ же это можно? да этого быть не можетъ; да вы, вѣрно, шутите, Андрей Васильевичъ?

— И мы всѣ удивились! Подслушалъ я какъ начальникъ отдѣленія говорилъ секретарю, отведя его къ окошку:—Не знаю, говоритъ, за что его превосходительство чувствуетъ неблагорасположеніе къ Василію Андреевичу; я, говоритъ, подалъ объ немъ бумагу, а онъ и говоритъ: это Василій Андреевичъ — аматёръ? Такъ точно, ваше превосходительство, отвѣчалъ я. — Да, сказалъ онъ, это чиновникъ хорошій; но Поклончиковъ лучше его будетъ на мѣстѣ Каблучкова; я знаю Поклончикова и по службѣ и въ обществѣ: онъ бываетъ въ хорошихъ домахъ; прекрасный молодой человѣкъ.—Да, говоритъ, и утвердилъ его.

— И лучше, сказалъ Василій Андреевичъ дрожащимъ голосомъ: по-крайней-мѣрѣ я теперь совершенно спокоенъ; кто на мѣстѣ, тотъ и отвѣчаетъ за дѣла, а мое дѣло сторона.

Какъ ни преслѣдуетъ человѣка судьба, какъ ни гнетутъ его обстоятельства, всегда въ его сердцѣ остается мѣсто для надежды; въ самый черный день жизни человѣка, вдали привѣтно блеститъ для него эта свѣтлая звѣздочка, объ ней мечтаетъ онъ и несетъ тя-

Digitized by Google

мелое настоящее для невѣрнаго будущаго — и счастливъ. Василій Андреевичъ провелъ эту ночь гораздо спокойнѣе, нежели можно предполагать; его ласкала и согрѣвала любовь; въ любви онъ нашелъ противодѣйствіе всѣмъ другимъ отравамъ своей жизни. Что жъ, думалъ онъ, ложась въ постель, я лишился наслѣдства, — да она меня любитъ, она мнѣ недавно сказала: «не забывайте насъ!» и какимъ голосомъ сказала это!!... Да, она меня любитъ: чортъ побери наслѣдство, я готовъ ѣсть хлѣбъ и воду, лишь бы она меня любила... Ну, я потерялъ мѣсто. Богъ съ нимъ! Мѣсто не одно на свѣтѣ; не только свѣту, что въ окнѣ: свѣтъ не клиномъ сошелся!... Зато я знаю, что ея отецъ ко мнѣ расположенъ, онъ самъ хлопоталъ о моемъ повышеніи, это я и давно замѣчалъ.... Что жъ? смѣлѣе, Василій Андреевичъ: она тебя любитъ, отецъ не откажетъ, — да я за это готовъ служить цѣлый вѣкъ канцеляристомъ на послѣднемъ окладѣ... На что мнѣ чины, на что мѣсто, когда она меня любитъ?... ничего не нужно!... А впрочемъ, для зятя начальника отдѣленія, найдется мѣсто, а современемъ и по-выше и еще по-выше! Чѣмъ же я хуже другихъ? Поживу—заслужу... буду имѣть свои дрожки.... Весело поѣхать въ Александринскій Театръ въ ложу съ женою... Что скажетъ Мартыновъ каламбуръ, я и толкну жену, а она на меня и посмотритъ.... И откуда у этого Каратыгина такой голосъ?... Такъ разсуждая, Василій Андреевичъ заснулъ пріятнымъ сномъ.

Смѣйтесь, господа, надъ бѣднякомъ, если вы не бывали никогда въ подобномъ положеніи.

—

Если мы безнаказанно позволяемъ натуралистамъ называть себя двурукими животными, такъ должны согласиться, что имѣемъ хоть въ малой степени принадлежность животныхъ — инстинктъ, пожалуй, облагородьте это словомъ предчувствія, а всё-таки оно есть

Digitized by Google

въ природѣ человѣка: на это тысячи примѣровъ и писанныхъ и печатныхъ. Всякій изъ насъ испыталъ это въ жизни; довелось перечувствовать это ощущеніе и Василію Андреевичу.

Онъ вышелъ изъ квартиры очень веселый: его приводила въ восторгъ мысль, что идетъ на вечеръ къ начальнику отдѣленія, гдѣ увидитъ *ее*, станетъ говорить, танцовать съ *нею*. Онъ едва не прыгалъ по тротоару; нѣсколько разъ принимался насвистывать веселую арію, словомъ, былъ счастливъ; но чѣмъ болѣе подходилъ къ квартирѣ начальника отдѣленія, тѣмъ дѣлался серіознѣе; какая-то безотчетная грусть налегла на душу, какая-то непонятная робость овладѣла имъ: ему сдѣлалось даже страшно, когда онъ протянулъ руку къ колокольчику завѣтной двери; онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ мучительной нерѣшимости; хотѣлъ-было вернуться и вдругъ зажмуря глаза съ-размаху бросился къ колокольчику, будто на непріятельскую баттарею. Колокольчикъ грустно еще звенѣлъ, когда Василій Андреевичъ вошелъ въ переднюю, да звучалъ такъ грустно, будто плакалъ. Самъ Василій Андреевичъ готовъ былъ заплакать, у него навернулись на глазахъ слезы, да къ счастію онъ подумалъ: неужели мнѣ, губернскому секретарю, плакать отъ колокольчика? на что это похоже! Принужденно улыбнулся и началъ онъ раскланиваться съ гостями.

Гостей было уже довольно; всѣ знакомыя лица; дѣвушки стояли у экрана *ея* работы, и *она* тамъ стояла; человѣкъ въ полу-военной одеждѣ разсказывалъ какое имѣютъ значеніе на Востокѣ цвѣты, вышитые на экранѣ; онъ бредилъ Востокомъ послѣ своей поѣздки въ Крымъ по казенной надобности; Василій Андреевичъ отдалъ поклонъ группѣ у экрана; дѣвушки отвѣчали поклономъ; полу-военный человѣкъ тоже, одна *она* не замѣтила его и наклонясь къ экрану спросила:—А этотъ цвѣтокъ?

Digitized by Google

— Это Анютины глазки?

— Да, кажется.

— Они означаютъ: твои очи льютъ благодать, какъ голубая чаша неба, опрокинутая надъ мірозданіемъ.

Въ это время Василій Андреевичъ почтительно поклонился проходившему мимо хозяину. Начальникъ отдѣленія довольно сухо подалъ ему два пальца, едва кивнулъ головою и, быстро отворотясь, привѣтствовалъ входящаго въ комнату Поклончикова, восклицаніемъ:—А! дорогой гость, милости просимъ! положите вашу шляпу!

Поклончиковъ подошелъ къ экрану, раскланялся, ему отвѣчали тѣмъ же; дочка начальника отдѣленія премило присѣла передъ нимъ: она уже не разсматривала экрана.

Начались танцы. Василій Андреевичъ робко подошелъ къ *ней* и просилъ на французскую кадриль.

— Ахъ, здравствуйте! я васъ и не замѣтила, сказала она ласково, но такъ странно, что у Василія Андреевича сердце замерло отъ печали.

— Я васъ прошу на кадриль.

— Извините, я ангажирована.

Кадриль танцовала она съ Поклончиковымъ, говорила съ нимъ безъ умолку и бросала на него самые пламенные, косвенные взгляды.

— Точь-въ-точь на меня, во-время-оно! думалъ Василій Андреевичъ: экое зелье!...

Послѣ кадриля Василій Андреевичъ подошелъ къ *ней* и спросилъ: — Вы, вѣрно, уже танцуете мазурку?

— Да, отвѣчала она простодушно, глядя на Василья Андреевича.

— Съ Поклончиковымъ?

— Да. Кчему этотъ вопросъ?

— Такъ, ничего—съ.

Въ этотъ вечеръ Василій Андреевичъ постарѣлъ десятью годами.

—

Digitized by Google

Въ четыре часа пришелъ Василій Андреевичъ изъ должности, пообѣдалъ какимъ-то горячимъ составомъ, который Фарафонтъ принесъ отъ кухмистера подъ именемъ супу, разсѣянно съѣлъ свиную котлетку, выкурилъ трубку, прошелся раза два по комнатѣ и сталъ глядѣть въ окно, по-тихоньку насвистывая извѣстную пѣсенку:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?

Съ полчаса свистѣлъ Василій Андреевичъ, потомъ присѣлъ къ столу, подперъ лѣвою рукою голову, взялъ карандашъ и началъ дѣлать на листѣ бумаги коротенькіе штрихи справа налѣво //////, приговаривая за каждымъ штрихомъ *идутъ* и перекрещивалъ ихъ съ лѣвой направо ХХХХХ, приговаривая: *ѣдутъ*. Часъ-отъ-часу штрихи дѣлались скорѣе и въ комнатѣ довольно явственно раздавалось быстрое: идутъ, идутъ, идутъ, идутъ, ѣдутъ, ѣдутъ, ѣдутъ, ѣдутъ.... Бѣлый листъ бумаги превращался въ кусокъ сѣтчатаго ситцу или тюлю. Ударило шесть часовъ: Василій Андреевичъ всё-еще напѣвалъ: идутъ, ѣдутъ.

— Совершенная правда! Подъ крыльцо пріѣхалъ, а по лѣстницѣ пришелъ, сказалъ надъ Василіемъ Андреевичемъ громкій голосъ.... и вслѣдъ за тѣмъ раздался хохотъ.

— Боже мой! Иванъ Агапопитовичъ! Я васъ и не замѣтилъ, говорилъ смѣшавшись Василій Андреевичъ, и проворно нырнулъ подъ столъ листъ бумаги.

— Что это вы за каракули такія пишете?

— Это такъ, отъ скуки, для препровожденія времени.

— Хорошее препровожденіе времени! Да этакъ, съ позволенія сказать, можно угодить на седьмую версту.

— Помилуйте!

— Нѣтъ, не помилуйте, молодой человѣкъ: у васъ,

Digitized by Google

что-то не доброе на умѣ; посмотрите на себя, на васъ лица нѣтъ!... Что съ вами?

— Право, ничего.

— Э-эхъ, не говорите мнѣ этого; я не даромъ жилъ на свѣтѣ, ко всему присмотрѣлся.

Василій Андреевичъ, желавшій съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ чувствомъ, разсказалъ откровенно всѣ свои неудачи и огорченія.

— И только-то? спросилъ Иванъ Агапопитовичъ— есть отъ чего съума сходить!... По-моему здѣсь только и важнаго — дядюшкинъ домикъ, да вѣдь мертвыхъ изъ гроба не воротишь. Плюньте на наслѣдство, да наровите построить свой домикъ, а мѣсто — пустяки: послужите дослужитесь, только бросьте вашу сирыжку: довольно уже вы на ней проиграли; играли бы лучше въ преферансъ и мѣсто бы отъ васъ не ушло, и то и другое и третье...

— Какъ?

— Да вѣдь Поклончиковъ у меня за преферансомъ сошелся съ его превосходительствомъ и понравился ему, и въ ходъ пошолъ. Видите!

— Его превосходительство у васъ бываетъ?

— А почему ему не бывать у меня? Вы оставили насъ совершенно, ничего и не знаете,—пріѣзжайте-ка: все поправимъ; все пустое!... право, пустое!...

— А.....

— Ну, что а? А *она* дескать? она пустѣе всего! Стоитъ ли вамъ хлопотать изъ-за этого мыльнаго пузыря? Стоитъ ли вамъ сохнуть по дѣвушкѣ, которая не васъ любила, а ваше будущее наслѣдство и мѣсто? которая, съ позволенія сказать, бросается на шею всякому, на чей счетъ надѣется современемъ наряжаться, кукла куклою, да ѣздить въ театръ. Забудьте ее, мы вамъ не такую персону съищемъ, если вамъ пришла въ голову блажь непремѣнно жениться.

— Отъ чего же блажь?

Digitized by Google

— Благо, батюшка, блажь, говорилъ Иванъ Агапопитовичъ грустнымъ голосомъ: вы теперь свободны, какъ вольный вѣтеръ, а тогда не то: женитесь, перемѣнитесь, истинно говоритъ пословица. Не вѣрьте женатымъ краснобаямъ, которые поютъ какъ зяблики о своемъ счастіи, которые всякому молодцу говорятъ: женитесь, женитесь! Что за чудная жизнь женатаго человѣка! Ничего искать не надобно, все у тебя подъ рукою: придешь со службы, ни у тебя на столѣ, бѣлье чистое, и не знаешь откуда это, ни о чемъ не заботишься! Женитесь!... Врутъ, бездѣльники, повѣрьте мнѣ, врутъ; я самъ женатый человѣкъ; моя Силезія, грѣхъ сказать, примѣрная супруга, я совершенно счастливъ съ нею, а всё-таки скажу вамъ: не женитесь, Василій Андреевичъ!.. Ну, бросьте вашу печаль, не смотрите сентябремъ, смѣйтесь надъ судьбою, тогда она не станетъ смѣяться надъ вами, да поѣдемъ ко мнѣ: у меня здѣсь свои дрожки, проведемъ вечерокъ, поиграемъ въ картишки, а?

— Я въ такомъ положеніи, что не могу пуститься въ игру....

— Денегъ мало? Правда? И этому пособимъ. Бросьте вашу скрыпку, она вамъ надѣлала много бѣды: продайте ее и деньги будутъ на первый разъ. Что, не рѣшитесь? Опять будете пилить по струнамъ?

— Боже меня сохрани!..

— О чемъ же думать? Скрыпка ваша недурна?

— Даже хорошая.

— Ну, я куплю ее: меня просилъ одинъ знакомый. Хотите за нея пятьдесятъ рублей?

Скрыпка хорошая, подумалъ Василій Андреевичъ: батюшка за нея заплатилъ по случаю полтораста рублей, — ну, да для добраго Ивана Агапопитовича можно уступить, и громко сказалъ: — Извольте.

Василій Андреевичъ получилъ деньги, приказалъ Фа-

Digitized by Google

ресонту отнесть скрыпку къ Ивану Агапонтовичу и увналъ играть въ преферансъ.

Недавно, у извѣстнаго музыканта я видѣлъ скрыпку Василія Андреевича; музыкантъ заплатилъ за нея Ивану Агапонтовичу, кажется, осемь сотъ рублей: хвалится, что купилъ очень дешево и говоритъ, что Иванъ Агапонтовичъ долженъ быть дуракъ.

На семейныхъ вечерахъ, въ клубѣ соединеннаго общества, вы увидите, если захотите, Василія Андреевича: онъ отростилъ себѣ порядочное брюшко, у него уже у самого лысина въ полтину серебра, и какой-то орденъ на шеѣ; онъ играетъ въ преферансъ по гривеннику, и ему почтительно кланяется прежній начальникъ отдѣленія, уволенный отъ службы по болѣзни.

В. ГЕНЕЛИКА.

Digitized by Google

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАБАНИСЪ.

РОМАНЪ АЛЕКСИСА *.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Воспоминанія дѣтства моего еще свѣжи у меня въ памяти. Особенно памятно мнѣ все, случившееся послѣ того, какъ мнѣ минуло осемь лѣтъ, можетъ-быть потому, что одно изъ приключеній того времени, хотя незначительное само по себѣ, было однако жъ первой причиной, первымъ шагомъ, къ странной, необыкновенной моей жизни.

* Виллибальдъ, или *Алексисъ*, съ нѣкотораго времени сталъ въ ряду знаменитѣйшихъ романистовъ нашего времени: его называютъ, одни *германскимъ Вальтеромъ Скоттомъ*, другіе *нѣмецкимъ Больверомъ*, и творенія его съ жадностью переводятъ на англійскій и другіе языки. «Библіотека для Чтенія» считаетъ долгомъ познакомить съ новымъ «Вальтеромъ Скоттомъ» русскихъ читателей, для которыхъ имя Виллибальда (Алексиса) еще, кажется, совсѣмъ ново. Къ сожалѣнію, вкусъ нашъ не сходствуетъ со вкусомъ знаменитыхъ цѣнителей таланта Алексиса, и мы находимъ, что нѣкоторые изъ предпослѣднихъ его романовъ лучше послѣднихъ, прославляемыхъ нѣмецкими и англійскими журналами. «Кабанисъ» принадлежитъ именно къ предпослѣднимъ.

Digitized by Google

Это было въ одной изъ улицъ Берлина. Я какъ теперь вижу эту улицу, домá, лица, выглядывавшія изъ оконъ, дымившіяся трубы; я даже думаю, что узнáю камни на мостовой, на которыхъ такъ часто сиживалъ съ товарищами своими—а между-тѣмъ послѣ приключенія, которое я намѣренъ разсказать, прошло уже двадцать лѣтъ!.... Я радовался, что весеннее солнышко грѣло и весело освѣщало крутыя кровли, а такъ какъ мнѣ не позволено было итти съ товарищами за-городъ, то я былъ уже доволенъ тѣмъ, что улица была такъ широка, что въ ней не было школьной скамьи и что розги не выглядывали изъ-за зеркала!

Я игралъ съ товарищами въ шары, любимую игру нашихъ школьниковъ съ незапамятныхъ временъ. Едва только послѣдній снѣгъ растаетъ на улицахъ, какъ толпы мальчиковъ располагаются на мостовой и каждый вынимаетъ изъ кармана свое богатство, свои мраморные шарики; тогда, забывъ полицію и блюстителей порядка, молодые игроки вырываютъ изъ мостовой булыжникъ, роютъ въ землѣ ямочку, куда изъ нѣкотораго разстоянія: старается, каждый въ свою очередь, катить свой шарикъ, это цѣль всей игры.

Игра дотого овладѣла всѣмъ вниманіемъ нашимъ, что мы забыли весь міръ и Берлинъ, школу и улицу, и не замѣчали, что происходило возлѣ насъ.

Между-тѣмъ изъ всѣхъ сосѣднихъ домовъ вышли люди, прохожіе останавливались и изъ открытыхъ оконъ выглядывали чепчики и фризуры. Надобно однако жъ замѣтить, что въ 1740 году число тунеядцевъ было въ Берлинѣ очень не велико. Даже старухѣ, не говоря уже о незамужнихъ женщинахъ, не прилично было показаться у окна безъ вязанья въ рукахъ, а мужчинъ еще другія причины заставляли быть, или казаться, дѣятельными; потому что слишкомъ опасно было попасться на встрѣчу старому королю, Фридриху-Вильгельму, когда онъ, бывало, подзываетъ къ себѣ прохожаго и начинаетъ разспрашивать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Плохо приходилось бѣдняку, который не могъ дать удовлетворительнаго отвѣту, или котораго франтовской нарядъ не приходился по вкусу короля.

Тѣмъ поразительнѣе было сборище на углу Охотничьей

Digitized by Google

улицы. Многіе изъ прохожихъ остановились, можетъ-быть, только потому, что другіе стояли. Говорятъ, что это съ незапамятныхъ временъ, отличительная черта характера Берлинцовъ. Парикмахеръ, на котораго мы, дѣти, привыкли смотрѣть какъ на представителя вѣчнаго движенія, остановился; двое мастеровыхъ, несшихъ гробъ, опустили его наземь, выпучивъ глаза на зрѣлище, которое читателямъ моимъ можетъ показаться весьма обыкновеннымъ, но которое произвело на нашихъ кухарокъ и нянекъ сильное впечатлѣніе. Взоры всѣхъ слѣдили за стаей хищныхъ птицъ, преслѣдовавшихъ молодаго орла. То поднимались онѣ такъ высоко, что представлялись глазамъ какъ темныя точки, то спускались и солнце играло на черныхъ перьяхъ прекраснаго орла и пестрыхъ крыльяхъ ястребовъ и коршуновъ. Они спускались почти до самыхъ крышъ, такъ что можно было разсмотрѣть огненные глаза ихъ, загнутые клювы и острыя когти. По временамъ раздавался крикъ, и летавшія въ воздухѣ перья свидѣтельствовали о враждебномъ расположеніи хищныхъ птицъ къ орлу и о мужественной защитѣ его.

— Вотъ, вотъ!.... нѣтъ еще!.... раздавались восклицанія въ толпѣ, изрѣдка прерывавшія глубокое, внимательное молчаніе.

Бой завязался и минуту спустя, раненый ястребъ упалъ на одну изъ сосѣднихъ кровель; въ то же мгновеніе орелъ съ быстротою стрѣлы спустился внизъ, такъ, что всѣ зрители невольно присѣли. Орелъ былъ спасенъ. Хищныя птицы, испуганныя присутствіемъ людей, у которыхъ орелъ, напротивъ, искалъ какъ-бы защиты, разсѣялись съ рѣзкими криками, преслѣдуемыя насмѣшливыми восклицаніями толпы, которая вскорѣ разошлась, и все опять пришло въ однообразный порядокъ.

Тогда фантазія моя, покинувъ заоблачныя сферы, опять опустилась на важную задачу, предстоявшую мнѣ на плоской землѣ, и отъ успѣшнаго разрѣшенія которой я могъ ожидать значительной выгоды. Орелъ и ястребъ были забыты, когда шарикъ выкатился изъ рукъ моихъ и товарищи, съ вытаращенными глазами слѣдили за нимъ.

— Попадетъ! закричала вся лежачая толпа, приподнявшись и упершись руками въ мостовую.

Digitized by Google

И точно, я бы попалъ, и остался побѣдителемъ, если б въ самую рѣшительную минуту большая мужская нога в башмакѣ, съ огромной пряжкой, не стала между шари комъ и ямочкой... шарикъ ударился о толстую кожу, от скочилъ и... я не выигралъ!... Къ чести товарищей мо ихъ я долженъ однако жъ сказать, что несчастіе мое не обрадовало ихъ, но хриплый, продолжительный смѣхъ и не подвижная нога показывали, что я не одному случаю обязан былъ несчастіемъ своимъ. Внѣ себя отъ досады, схватилъ я остальные шарики, чтобы бросить ихъ въ голову негодному, помѣшавшему игрѣ нашей.... но скоро горячая кровь моя остыла, рука моя остановилась и пальцы судорожно сжали три мраморные шарика, когда я увидѣлъ передъ собою человѣка, котораго одно присутствіе наводило на меня непріятное чувство.

— Кидаться, любезнѣйшій! протяжно сказала худощавая фигура, въ коротенькомъ адвокатскомъ плащѣ, сложивъ длинныя руки на спинѣ, какъ-бы выжидая, чтобы я исполнилъ намѣреніе мое, между-тѣмъ какъ одного движенія было достаточно, чтобы остановить вооруженную мою руку. — Что жъ не кидаешь? Ты, братъ, не дѣлаешь чести своимъ родителямъ....

И длинными, костлявыми пальцами своими ударилъ онъ меня по рукѣ, такъ что я уронилъ шарики, отъ боли или отвращенія, не помню. Онъ поднялъ ихъ, скаля зубы, и опустилъ въ карманъ, какъ доказательства моего преступленія.

— Такъ эти шарики назначались мнѣ, и притомъ милымъ моимъ крестникомъ! продолжалъ незнакомецъ:—Я доложу о томъ своевременно папенькѣ и маменькѣ и учиню слѣдствіе, достоитъ ли они даютъ тебѣ карманныя деньги, чтобы ты покупалъ каменные шарики, и бросалъ ими въ почтенныхъ, чиновныхъ особъ?.... Ты, кажется, хочешь сдѣлаться уличнымъ мальчишкой?.... Хорошо, хорошо!.... Ты идешь по одной дорогѣ съ негодяемъ, старшимъ братцомъ.... а панталоны, сапоги, на что похожи!.... Конечно, кто цѣлый день валяется на мостовой, у того скоро протираются локти, колѣни и подошвы.... а папенька и маменька подавай только новое.... не такъ ли?

Не знаю, что внушало мнѣ болѣе отвращенія: рѣзкій

Digitized by Google

ли и протяжный голосъ крестнаго отца моего или наружность его? Адвокатъ Шлипаліусъ принадлежалъ къ числу родственниковъ нашихъ со стороны отца моего; за мать мою онъ самъ нѣкогда сватался. Я не хочу думать, чтобы отказъ ея былъ причиной того, что онъ сдѣлался нарушителемъ домашняго нашего спокойствія. Онъ былъ завистливъ, скупъ, остороженъ, хитеръ, терпѣливъ, ползалъ, гдѣ нужно и рысьи глаза его не переставали слѣдить за всѣми нашими поступками. Добрая, кроткая маменька чувствовала при появленіи его какое-то непреодолимое отвращеніе, потому что у него всегда были въ запасѣ жалобы на насъ, дѣтей, или даже на слугъ. Отецъ мой былъ напротивъ, очень доволенъ этимъ. Онъ считалъ Шлипаліуса честнымъ человѣкомъ, котораго ни какая малодушная снисходительность не могла совратить съ прямаго пути. Даже процессъ, о починкѣ стараго садоваго забора, ни съ того, ни съ другаго, навязанный адвокатомъ моему отцу на шею, утвердилъ его въ томъ мнѣніи, что Шлипаліусъ дѣйствовалъ всегда по побужденію прямаго, желѣзнаго своего права. Когда отецъ мой выигралъ этотъ процессъ, то къ величайшему горю нашему, адвокатъ сталъ приходить каждое воскресенье къ намъ обѣдать и почти всегда съ жалобой.

Ненависть стараго короля къ адвокатамъ всѣмъ извѣстна. Такъ какъ деспотической волѣ его не удалось уничтожить все это сословіе, которое онъ считалъ не нужнымъ, то онъ рѣшился сдѣлать странное предписаніе. Каждый адвокатъ долженъ былъ носить коротенькій плащъ, и горе тому, кто безъ этого костюма, сдѣлавшагося почти позорнымъ, осмѣливался являться на улицѣ. Плащъ этотъ былъ особенно неблаговиденъ на высокой, худощавой фигурѣ моего крестнаго отца, съ его длинными руками и журавлиными ногами. Когда онъ не пряталъ рукъ въ карманы жилета, то онѣ висѣли изъ-подъ плаща, какъ два грозные бича. Манжетты его и длинный жилетъ съ пестрыми цвѣтками, были рѣдко чисты; на всклоченномъ парикѣ недоставало мѣстами пудры..... Онъ, казалось, ощущалъ удовольствіе, при видѣ невольнаго страху, который внушала отвратительная его наружность.

Товарищи мои, которымъ надоѣли наконецъ слишкомъ

Digitized by Google

продолжительныя нравоученія адвоката, пріободрились, и одинъ изъ нихъ, подавая мнѣ мой шарикъ, сказалъ:

— Нерекинь, Этьенъ: это не въ счетъ.

— Не въ счетъ! повторила маленькая толпа.

— Ногу прочь! закричалъ смѣльчакъ.

Я дрожалъ; слезы повернулись на глазахъ моихъ; но болѣе слезы досады на несправедливость, нежели болзни.

— Бросай смѣлѣе, Этьенъ! кричали товарищи. Какое имѣетъ онъ право мѣшать нашимъ играмъ? — Пошелъ прочь, долговязый болванъ!

— Прочь! закричалъ и я, пріободренный восклицаніями товарищей моихъ. Крестный отецъ мой посторонился.... я прицѣлился и шаръ мой вкатился въ ямочку. Всеобщій радостный крикъ возвѣстилъ о моей побѣдѣ, а я, достигнувъ цѣли своей, робко взглянулъ на адвоката, чтобы узнать, чего будетъ мнѣ стоить торжество мое.

Онъ злобно улыбался, ворча сквозь зубы:—милыя дѣти; но увы! въ то самое мгновеніе, когда я хотѣлъ овладѣть выигрышемъ своимъ, онъ носкомъ башмака засыпалъ яму и толстая подошва его притоптала шарики! Пропали всѣ мои трофеи и крупныя слезы брызнули изъ глазъ моихъ!.... Но мучитель мой этимъ не удовольствовался. Побѣда была на его сторонѣ и онъ хотѣлъ вполнѣ воспользоваться ею.

— Теперь не худо позвать полицейскаго, говорилъ онъ, и спросить его, кто позволилъ вамъ вырывать камни, портить городскую мостовую и копать ямы, чтобы прохожіе падали? А, каково вамъ покажется, если придется просидѣть ночку въ полиціи на хлѣбѣ и водѣ, а къ утру насчитаютъ на извѣстномъ мѣстѣ, нѣсколько нравоучительныхъ уроковъ?

Крестный отецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не встрѣчая сопротивленія, дѣлаются смѣлѣе. Костлявые пальцы его барабанили по головѣ моей. Мнѣ было ужасно больно: я сталъ кричать. Когда нѣсколько прохожихъ остановились, чтобы вступиться за меня, возрасла и смѣлость моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ, бойкій Фрицъ, схватилъ уже горсть земли, чтобы пустить ею въ желтое лицо адвоката и шумъ превратил-

Digitized by Google

ся бы въ тѣлесный оскорбленія особѣ Шлипаліуса, если бъ новое зрѣлище не заставило всѣхъ разступиться.

Изъ-за угла вышло скорымъ шагомъ нѣсколько отрядовъ королевской гвардіи, состоявшей изъ великановъ. Всѣ, отъ мала до велика, снимали шляпы передъ этими любимцами Фридриха-Вильгельма, а дѣти смотрѣли на нихъ какъ на существа особаго роду. И точно, едва-ли въ цѣломъ мірѣ было вмѣстѣ столько великановъ, какъ въ то время въ Берлинѣ. И какія чудныя, почти невѣроятныя вещи разсказывали о томъ, какими средствами вынюхивали ихъ со всѣхъ сторонъ свѣта, чтобы завербовать въ королевскую гвардію.

Всѣ привыкли видѣть эту гвардію въ извѣстное время, выступающую мѣрными, торжественными шагами, а потому внезапное появленіе и скорость, съ которою шли великаны, навели на всѣхъ немалое изумленіе. И лица ихъ, обыкновенно холодныя, безжизненныя, были печальнѣе, грустнѣе обыкновеннаго. Наконецъ солдаты прошли.... товарищи мои опять хотѣли приняться за адвоката, но онъ уже исчезъ.

По всему городу было замѣтно какое-то особенное движеніе; на углахъ останавливались люди и о чемъ-то съ живостію разговаривали; наступилъ вечеръ, а лавки не запирались, купцы не расходились по домамъ. Фельдъегери и курьеры скакали во всѣ стороны, кареты подъѣзжали къ дворцу и отъѣзжали отъ него, полки выступали.... несмотря на все это движеніе, всѣ было тихо.... всѣ разговаривали шопотомъ....

Съ толпой товарищей бѣгалъ я изъ улицы въ улицу, останавливаясь, гдѣ было на что позѣвать. Полный еще негодованія на грубое обхожденіе со мною адвоката, я вдругъ замѣтилъ на углу поперечной улицы сильный свѣтъ, происходившій отъ жестяной лампы въ угольной лавочкѣ. По овальному отраженію на противоположномъ домѣ узналъ я, гдѣ мы находились и закричалъ во все горло:

— Фрау Курцинна зажигаетъ свою жестяную лампу!

Жестяная лампа фрау Курцинны была намъ всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстна, и въ то же мгновеніе представилась мнѣ возможность отомстить за оскорбленіе, которое нанесъ мнѣ адвокатъ.

Digitized by Google

Фрау Курцинна содержала угольную мелочную лавочку, въ которой уже почти сорокъ лѣтъ собственноручно разливала покупателямъ водку. Маленькая, горбатая, красноглазая женщина, съ рѣзкимъ голосомъ и огромными руками, слыла у всѣхъ дѣтей въ окружности вѣдьмой; они ужасно боялись ея, а между-тѣмъ всегда дразнили. Она была дѣятельная женщина, знавшая свое дѣло и проводившая уже на тотъ свѣтъ двухъ мужей, которые не могли ужиться съ нею или ея водкой. Она была такъ же бережлива въ хозяйствѣ, какъ расточительна на слова и каждый покупатель долженъ былъ выслушивать длинныя жалобы на плохія времена, натяжелые налоги, на злобу людей и на погоду, какая бы она ни была. Въ ратушѣ фрау Курцинна была какъ у себя дома и никто не помнилъ, чтобы она когда-либо проиграла процессъ. Двѣ такія особы, какъ фрау Курцинна и адвокатъ Шлиналіусъ, непремѣнно должны были сойтись, что и случилось.

Адвокатъ купилъ большой угольный домъ, находившійся противъ лавки ея и проведя въ немъ одну ночь, на слѣдующее же утро подалъ въ магистратъ жалобу на вдову Курцинну. Вотъ въ чемъ состояло дѣло.

Фрау Курцинна, лѣтомъ и зимой, лишь-только смеркнется, постоянно зажигала жестяную лампу свою, о которой мы уже упомянули. Съ 1701 года отраженіе отъ этой лампы упадало на противоположный домъ, и съ 1701 года, ни одному изъ хозяевъ дому не приходило на умъ жаловаться на это. Но адвокатъ утверждалъ, что свѣтъ съ противозаконной силой собранный въ отражателѣ, такъ ярко ударялъ въ окна его кабинета, что онъ во весь вечеръ не могъ взять пера въ руки и когда, чтобы освѣдомиться о причинѣ этого свѣта, подошелъ къ окну, то былъ потого ослѣпленъ, что цѣлую ночь страдалъ глазами. Когда магистратскій приставъ явился къ вдовѣ съ предписаніемъ, чтобы она перевернула лампу свою или повѣсила ее такъ, чтобы свѣтъ падалъ на землю, то она крикнула адвокату черезъ улицу одно изъ тѣхъ дюжихъ нѣмецкихъ ругательствъ, которыя ни на какой языкъ перевесть нельзя, да и на нѣмецкомъ въ печати не употребляются.

Завязался процессъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Въ одно утро сосѣди были чрезвычайно удивлены, уви-

Digitized by Google

дѣлъ, что адвокатъ Шлипаліусъ вошелъ въ угольную лавочку и съ весьма пріятной улыбочкой попросилъ рюмочку водки. Впродолженіи цѣлаго часа выпилъ онъ три рюмки, не переставая похваливать водку; наконецъ когда дѣло дошло до расплаты, то фрау Курцинна остановила его, сказавъ съ необыкновенною любезностью, что онъ напрасно безпокоится и что они ужъ «сосчитаются» послѣ; сама проводила адвоката до дверей и во всеуслышаніе пожелала ему добраго апетита.

Два дня спустя они «сосчитались», а на третій у насъ въ гостинной, за раззолоченой рамой зеркала торчали свадебныя приглашенія.

Послѣ свадьбы все осталось въ прежнемъ положеніи: адвокатъ жилъ въ своемъ домѣ, жена его въ своей лавочкѣ, и уличные мальчишки по-прежнему собирались у дверей ея, громко распѣвая:

Фрау Курцина, фрау Курцина,
Гадкая ты образина!

за что фрау Шлипаліусъ такъ же злилась, какъ и бывшая фрау Курцинна. И въ тотъ вечеръ, когда мы собрались у дверей лавки, ей ни сколько не помогло то, что она сдѣлалась женою адвоката! Ей рѣшились мы отомстить за обиду, которую причинилъ намъ мужъ ея!... Теперь только я извиняю нашу дѣтскую несправедливость, потому что впослѣдствіи видѣлъ, что и взрослые очень часто такъ же поступаютъ. Послѣ долгихъ толковъ, переговоровъ, споровъ, отъ которыхъ наше намѣреніе чуть не разстроилось, мы рѣшили слѣдующее:

Съ каждаго угла былъ входъ въ лавку, черезъ стеклянныя двери, къ которымъ были привѣшены колокольчики. Всѣ мы должны были, поочередно, войти въ одну дверь, освѣдомиться о здоровьѣ хозяйки, пожелать ей добраго вечера и скоро выбѣжать въ другую. Выдумка эта очень понравилась, каждый изъ насъ предлагалъ нѣкоторыя дополненія. Одинъ хотѣлъ всепокорнѣйше освѣдомиться о здоровьѣ супруга ея, другой спросить сколько въ дрейерѣ пфенниговъ, третій размѣнять полушку. Чтобы не возбудить съ самаго начала подозрѣнія, тѣ, которыхъ Курцинна не знала, должны были итти первые. Мнѣ при-

Digitized by Google

шлось пти тринадцатому и какъ вы сейчасъ увидите, я не избѣгнулъ участи, связанной съ этимъ несчастнымъ числомъ.

Все шло прекрасно. Первый, скромный, хорошенькій мальчикъ, робко освѣдомившійся о здоровьѣ господина адвоката, получилъ очень ласковый отвѣтъ и еще въ-добавокъ кусокъ сахару; но онъ воротился къ намъ съ непріятною вѣстью, что фрау Курцинна сама не выходила, а выслала только своего прикащика. Второй, съ математическимъ вопросомъ получилъ въ отвѣтъ, что онъ глупъ, а третьему велѣно было по-скорѣе убраться по-добру, по здорову. Но такъ какъ, лишь одна дверь затворялась, то отворялась другая, звонокъ дребежжалъ, двери хлопали, вопросы, одинъ другаго забавнѣе сыпались, раздавался громкій смѣхъ, то и не слишкомъ проницательный умъ прикащика какъ-бы почуялъ, что все это дѣлалось не съ-проста.

Дюжій, приземистый парень стоялъ за конторкой, засунувъ руки подъ коричневый передникъ и скаливъ зубы, прищуривъ маленькіе, свѣтло-голубые глаза свои, какъ человѣкъ, которому пріятнѣе было бы принять участіе въ шалостяхъ нашихъ, нежели сторожить лавку. Въ ту самую минуту, какъ я отворилъ дверь, вбѣжала въ лавку жена адвоката съ сжатыми кулаками и напала на прикащика.

— Чего вы смотрите, Масманъ? Эти мальчишки видятъ что вы ротозѣй, и скоро станутъ плясать у васъ на носу! Стоитъ какъ олухъ и съ мѣста не трогается! Зачѣмъ Богъ вамъ руки далъ? Ну-ка, намыльте этимъ сорванцамъ затылки, порядкомъ, чтобы помнили!

Масманъ, казалось, только и ждалъ разрѣшенія отъ хозяйки. Онъ отвелъ отъ лица длинные, бѣлокурые волосы, уперся на прилавокъ и вмигъ перескочилъ черезъ него. Едва успѣлъ я захлопнуть дверь, какъ она опять за мною растворилась. Поспѣшность, съ которою я выскочилъ, дала товарищамъ моимъ сигналъ бѣжать. Всѣ восклицанія, всѣ просьбы мои были напрасны—все бѣжало!

— Хоть одного, Масманъ, кричала жена адвоката: хоть одного, чтобы служилъ примѣромъ для другихъ!

Товарищи-измѣнники исчезли, а тяжелая рука прикащи-

Digitized by Google

ка схватила меня за волосы; я тщетно кричалъ изо всѣхъ силъ и звалъ товарищей на помощь.

— Только подойдите! кричалъ Масманъ, показывая имъ изъ-дали кулакъ, и это болѣе дѣйствовало на соучастниковъ моихъ нежели всѣ мои просьбы.

Прикащикъ, не обращая вниманія на то, что я крѣпко щипалъ его, притащилъ меня за волосы къ лавкѣ.

— Вотъ онъ! вскричалъ Масманъ.

— Постой, дружокъ! сказала хозяйка.

Я кричалъ такъ громко, что вскорѣ собралась около насъ порядочная толпа прохожихъ. Никто не вступался за меня. Фрау Курцинна вышла на порогъ, съ жестяной лампой, и приказывала Масману не щадить меня. Тяжелые удары неуклюжаго прикащика сыпались на меня, такъ что одинъ изъ предстоявшихъ рѣшился сказать, что не должно такъ строго взыскивать съ ребенка, за шалость. Но на мою бѣду изъ окна сосѣдняго дому показалась голова сапожника.

— Ничего, сосѣдка, кричалъ онъ, надо проучить этихъ мальчишекъ. Съ ними житья нѣтъ!

— Полно, сказала жена его; вѣдь это сынъ знатныхъ родителей!

— Что-о! знатныхъ людей? А мнѣ какое до этого дѣло. Колотите крѣпче, Масманъ, хоть бы онъ былъ графчикъ!

— Хорошъ графчикъ! вскричала фрау Курцинна; это сынъ Бома. Долговязый инспекторъ отецъ его, а мать, чванная французская *мадама*. Важничаютъ, потому что принадлежатъ къ колоніи и пасторъ съ ними въ воскресенье по-французски говоритъ! И я должна уважать ихъ! Какъ бы не такъ: не хочу уважать! Отецъ мой былъ трубачъ, а мужъ адвокатъ и мнѣ самой Господь далъ языкъ, чтобы проучить ихъ! Я берлинская гражданка, живу своими трудами и не хочу уступать тѣмъ, которые важничаютъ!... Колотите крѣпче, Масманъ!

Я лежалъ на мостовой, а прикащикъ сидѣлъ на мнѣ.

— Проси прощенія! говорилъ онъ и ущипнулъ мнѣ ухо. Я закусилъ зубы и удерживалъ слезы.

— Вишь упрямая тварь! кричала Курцинна. Крѣпче, Масманъ; чтобы маменька видѣла, какой у нея сынокъ.

Злобный, бѣлокурый прикащикъ обратился къ хозяйкѣ своей с ь ужаснымъ предложеніемъ:

Digitized by Google

— Хозяйка, сказалъ онъ, принесите по-скорѣе горшокъ съ чернымъ мыломъ. Я его такъ намылю, что цѣлую недѣлю отъ него вонь будетъ!

Это привело меня въ отчаяніе. Онъ могъ оборвать мнѣ воротничокъ, выщипать волосы, прибить до-крови и въ такомъ видѣ отпустить домой — кровь никого не безчеститъ, но.... черное мыло! Радуясь выдумкѣ своей, злодѣй теръ уже мнѣ сухою рукою уши, щеки, носъ, ротъ, голову, шею, платье.... я уже слышалъ запахъ чернаго мыла.... и въ такомъ видѣ я долженъ былъ предстать передъ родителями моими!

Отчаяніе мое можетъ показаться смѣшнымъ, но для объясненія его я долженъ сказать, что со стороны матери я принадлежалъ къ *колоніи*! Колоніей называлось общество Французовъ-протестантовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи. Несмотря на то, что въ 1740 году эти эмигранты были такіе же патріоты и вѣрноподданные, какъ и всѣ Прусаки, однако жъ они сочли бы личною обидою, если бъ кто назвалъ ихъ природными Нѣмцами: они считали себя лучшими существами, съ болѣе утонченнымъ вкусомъ, болѣе нѣжными чувствами и страстями. Еще въ оправданіе свое я долженъ сказать, что одна изъ моихъ тётокъ упала у насъ однажды въ обморокъ только отъ того, что у маіорши фонъ-Пульвермюль, сидѣвшей возлѣ нея на диванѣ, платокъ былъ мытъ чернымъ мыломъ.

И послѣ этого я долженъ былъ позволить вымазать себѣ лицо этимъ холоднымъ, жирнымъ, вонючимъ мыломъ? Никогда! Прежде нежели Масманъ успѣлъ опустить руку въ горшокъ, я пронзительно вскрикнулъ и, обхватилъ ноги мучителя моего. Но и это не помогло бы, если бъ въ то же время не явился защитникъ. Масманъ вскрикнулъ, повалился и прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, прежде чѣмъ узналъ кому обязанъ неожиданнымъ спасеніемъ своимъ, я услышалъ громкій голосъ, кричавшій:

— Кто дотронется до этого ребенка, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною!

Это былъ сильный и дюжій братъ мой, Готлибъ; уперевъ лѣвую ногу въ Масмана, а правою рукою угрожая толпѣ, онъ стоялъ какъ герой! Жестяная лампа освѣщала выразительное лицо и широкія плечи сильнаго юноши.

Digitized by Google

Фрау Курцпина ругалась, сосѣдъ сапожникъ угрожалъ полиціей, а Масманъ, вставъ, обколачивалъ пыль съ колѣнъ и глупо улыбался. Тогда и ободрившіеся товарищи мои приблизились; начался шумъ, толкотня, крикъ, и, пользуясь суматохой, я удалился съ братомъ.

Добрый Готлибъ! Я никогда иначе не называлъ его, потому что онъ былъ всегда добрымъ братомъ. Онъ строгалъ мнѣ прутики, на которыхъ я ѣздилъ верхомъ, онъ дѣлалъ мнѣ дудочки изъ коры молодыхъ вѣтокъ, онъ игралъ со мною въ лошадки и всегда позволялъ мнѣ быть всадникомъ или кучеромъ. Какъ часто заступался онъ за меня! Сколько шалостей, моего изобрѣтенія, исполнялъ сильный Готлибъ! Какъ теперь еще я помню, какъ немилосердо билъ его отецъ нашъ за то, что онъ привѣсилъ къ парику адвоката длинный бумажный хвостъ, а между-тѣмъ онъ сдѣлалъ это, чтобы угодить мнѣ! Дрожа всѣмъ тѣломъ, стоялъ я какъ вкопанный у двери и не имѣлъ силы отворить ее, не могъ выговорить ни слова, и каждый ударъ заставлялъ меня страдать и при каждомъ вздохѣ Готлиба, сердце мое готово было разорваться на части!

— Зачѣмъ ты не сказалъ, что я виноватъ? спросилъ я его послѣ, пожавъ ему руку.

— Глупенькій! отвѣчалъ онъ: ты бы расплакался.

Съ-тѣхъ-поръ рѣшился я никогда не плакать, но увы!...

Съ адвокатомъ Готлибъ находился въ открытой враждѣ; несмотря на то, старый скряга не стыдился принимать услугъ непріятеля своего. У Шлипаліуса была голубятня, а у Готлиба была страсть воспитывать и ловить голубей. Часто случалось ему заманивать къ себѣ и чужихъ голубей, но это нисколько не безпокоило его и онъ извинялся тѣмъ, что вѣдь и его голубей могутъ украсть у него.

Какъ бы то ни было, но эта способность и эти разсужденія брата моего очень понравились адвокату и онъ ввѣрилъ ему надзоръ за своей собственной, прекрасной голубятней.

— Распоряжайся какъ знаешь, сказалъ онъ ему и прибавилъ таинственно: и не выпускай ничего со двора, хоть бы оно не къ нашей голубятнѣ принадлежало, а украшай и обогащай ее, сколько возможно.

Digitized by Google

Готлибъ буквально слѣдовалъ приказанію крестнаго отца моего. Никогда голубятня не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и адвокатъ былъ такъ доволенъ, что обѣщалъ брату томпаковые часы, когда онъ будетъ совершеннолѣтнимъ. Между-тѣмъ какъ голубятня процвѣтала, дѣла адвоката въ ратушѣ были очень плохи; онъ безпрестанно долженъ былъ платить штрафы за то, что не являлся по призывамъ, которые однако жъ до него не доходили. Дѣло не могло оставаться скрытымъ и канцелярскій служитель объявилъ, что онъ передавалъ всѣ бумаги и приглашенія какому-то молодому человѣку, который, вѣроятно, находился въ услуженіи у адвоката.

Стали разспрашивать Готлиба и онъ очень откровенно признался, что обклеилъ этими бумагами внутреннія стѣны голубятни, чтобы защитить голубей отъ холоду и что онъ дѣйствовалъ по приказанію адвоката же—ничего не выпускалъ со двора, хоть оно и не принадлежало къ голубятнѣ, которую онъ украшалъ.

Отговорка эта не спасла его отъ побоевъ; вообще Готлибъ слылъ за блуднаго сына, уже почти не принадлежавшаго къ нашему семейству. Всѣ обвиняли отца нашего въ излишней снисходительности, а между-тѣмъ не проходило ни одного дня, чтобы Готлибъ не былъ тѣлесно наказанъ!

Я долго не могъ понять причины предпочтенія, которое оказывали мнѣ передъ моимъ старшимъ братомъ. Сукно на сюртукѣ его было грубѣе, онъ всегда сидѣлъ на нижнемъ концѣ стола, и часто долженъ былъ прислуживать; онъ даже чистилъ отцу и мнѣ сапоги и — что было для меня въ то время удивительнѣе всего, — ему рѣдко давали отвѣдывать дорогихъ кушаньевъ. Всѣ эти обстоятельства дотого подстрекнули любопытство мое, что я сталъ всѣхъ разспрашивать и вскорѣ узналъ, что Готлибъ незаконный сынъ моего отца.

Надѣясь, что Готлибъ скорѣе исправится въ чужихъ рукахъ, отецъ мой рѣшился отдать его въ іохимтальскую гимназію. Но и оттуда вскорѣ стали приходить жалобы, что онъ лѣнтяй и развращаетъ товарищей. Сначала доносчикомъ былъ адвокатъ, но вскорѣ пришелъ одинъ

Digitized by Google

ихъ учителей съ тѣми же жалобами; отецъ мой просилъ его быть какъ-можно строже.

— Сомнѣваюсь, сказалъ молодой учитель: чтобы одними побоями можно было его исправить. У этого мальчика безпокойный нравъ и удивительная физическая сила, такъ, что я думаю, что природа создала его не для науки.

Слово *природа* взбѣсило папеньку; онъ сталъ обвинять учителя въ томъ, что тотъ принадлежитъ къ новѣйшей школѣ; онъ говорилъ, что не природа, а родители должны располагать судьбой дѣтей и что непреклонная строгость и наученіе болѣзни суть лучшія средства для воспитанія. Учитель промолчалъ—время проходило—Готлиба безпрестанно наказывали и — Готлибъ не исправлялся.

Какъ я былъ радъ, когда мнѣ сказали, что въ день рождества Готлибъ будетъ обѣдать съ нами; но увы! не тотъ Готлибъ воротился домой! Онъ похудѣлъ, лицо его приняло выраженіе дикаго упрямства, улыбка и глаза ясно говорили, что Готлибъ нашъ пересталъ быть ребенкомъ!... Онъ говорилъ мало и видно было, что общество наше ему не нравилось.

Освободивъ меня изъ рукъ Мосмана, Готлибъ тащилъ меня такъ скоро, что я едва могъ слѣдовать за нимъ.

— Рано жъ ты начинаешь любить драку, сказалъ онъ голосомъ, который со вступленія его въ гимназію сдѣлался весьма грубымъ: забавляйся чѣмъ нибудь другимъ: ты еще ребенокъ!

— Готлибъ! отвѣчалъ я, раздосадованный послѣдними словами его; я бы не пикнулъ, если бъ онъ не хотѣлъ вымазать меня чернымъ мыломъ.

— Точно; жаль было бы оскорбить такъ жестоко такого барчика, который только того и ждетъ, чтобы надѣть шляпу съ пером, да привѣсить шпагу!

Никогда еще Готлибъ не обходился со мною такъ грубо. Я сталъ упрекать его и не забылъ припомнить, что когда его сажали на хлѣбъ и на воду въ карцеръ, то я на веревочкѣ пересылалъ ему кушанья, за что папенька больно наказалъ меня.

— Правда, отвѣчалъ Готлибъ, ты всегда обходился со мною какъ добрый братъ! Не такъ какъ другіе...—И слезы брызнули изъ глазъ его; онъ обнялъ меня и поцѣло-

Digitized by Google

валъ съ жаромъ. Ты не отталкиваешь меня, ты не пройдешь мимо меня по улицѣ не кланяясь, ты даже протянешь мнѣ руку и спросишь: какъ поживаешь, братъ? Но, Богъ знаетъ, долго ли это продолжится!...

— Я всегда останусь твоимъ братомъ, отвѣчалъ я.

Онъ покачалъ головой и сѣлъ на камень у публичнаго сада.

— Ты говоришь это, потому, что не знаешь, что я не братъ твой.... вѣдь я побочный сынъ!

Никогда еще выраженіе лица его не было такъ дико; не понимая еще хорошенько словъ его, я сталъ уговаривать его, напоминая ему о томъ, какія горькія слезы проливала маменька, когда папенька его наказывалъ.

— Притворство! закричалъ онъ. Зачѣмъ же она морщилась, когда я, бывало, худо стряхнувъ снѣгъ съ сапоговъ, входилъ въ комнату? А когда она морщилась—отецъ колотилъ. Знать не хочу ея и всей ея французской родни. Видишь ли, если бъ ты не былъ добрый малый, такъ я схватилъ бы тебя вотъ, такъ, поперегъ, да и швырнулъ бы въ канаву!

Теперь только я замѣтилъ, какъ Готлибъ былъ разгорячонъ. Я замѣтилъ ему, чтобы онъ застегнулъ куртку и завязалъ по-крѣпче галстухъ, потому что становилось холодно. Онъ громко засмѣялся.

— Я, братъ, не барчикъ: обо мнѣ заботиться нечего. Что ты вытаращилъ на меня глаза?... Тебѣ странно, что я такъ веселъ? Ни по чемъ! Я выпилъ рюмку водки.... Кончено! Бѣги скорѣй прочь отъ меня, я тебѣ плохой товарищъ!

Маменька часто говорила мнѣ, что пьянство верхъ безнравственности. Мнѣ разъ случалось видѣть, какъ передъ домомъ нашимъ пьяный кистеръ лежалъ въ лужѣ и ругалъ тѣхъ, которые хотѣли отвесть его домой—эта картина подѣйствовала на меня сильнѣе всѣхъ наставленій маменьки. И что же? теперь и Готлибъ пилъ водку! Только теперь сталъ я понимать, почему его называли блуднымъ сыномъ.... Воображенію моему живо представилось, какъ Готлибъ валяется въ лужѣ и хочетъ драться съ прохожими.... Со слезами на глазахъ обнялъ я его и умолялъ не пить больше водки.

Digitized by Google

— Что ты, струсилъ, чтобы я тебя въ канаву не бросилъ? Не бойся.... пить больше не буду; притомъ же у меня и денегъ больше нѣтъ! Я сейчасъ провѣтрюсь и все пройдетъ!

Я спросилъ его, кто ему позволилъ итти гулять.

— Я самъ себѣ позволилъ. Мнѣ все надоѣло! Я прочелъ всю толстую грамматику, отъ начала до конца и вижу, что все это вздоръ. Старый профессоръ нашъ, съ растрепаннымъ парикомъ, самъ ничего не смыслитъ. Я не хочу учиться, и посмотримъ, кто меня принудитъ глотать буквы. Самъ король сказалъ, что ученый только полу-человѣкъ; они запираютъ меня длятого, чтобы сдѣлать изъ меня не человѣка, а собаку, которая будетъ имъ носить новоску. А я имъ докажу, что у меня есть своя воля. Если отецъ не отпуститъ, такъ я убѣгу!... Меня надо отдать къ лѣсничему: я хочу быть охотникомъ, скакать черезъ пни и кочки за старымъ королемъ и кричать виватъ! когда онъ убьетъ кабана. Всѣ твои французскія тётушки лопнули бы съ досады, когда бы увидѣли, что я въѣзжаю верхомъ въ Берлинъ, за его высочествомъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ серебряными галунами—этого-то онѣ и не хотятъ!

Мнѣ давно уже было извѣстно желаніе Готлиба сдѣлаться егеремъ. Но строгій отецъ указалъ ему на карету и сказалъ, что если онъ еще разъ осмѣлится только намекнуть объ этомъ, то онъ пожалуетъ его въ такіе егеря, которые стоятъ за каретами, на запяткахъ. Папенька поставилъ себѣ закономъ дѣлать всегда противное тому, что дѣти вожелаютъ. Я убѣдительно просилъ Готлиба не имѣть такихъ дурныхъ мыслей и воротиться въ гимназію.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ и закрылъ лицо обѣими руками, какъ-бы въ раздумьи: я рѣшился не возвращаться болѣе туда.

— Готлибъ, братъ! вскричалъ я, и бросился къ нему на шею. Не дѣлай этого! Я буду просить маменьку, дяденьку-совѣтника, чтобы они уговорили папеньку отдать тебя къ лѣсничему.

Онъ мрачно улыбнулся:—И ты думаешь, что это къ чему-нибудь послужитъ? Да, если бъ просили не обо мнѣ.

Digitized by Google

— Ты сегодня спасъ меня, я этого во всю жизнь не забуду, продолжалъ я. Ради Бога, Готлибъ, милый братецъ, не уходи отъ насъ!

Просьбы мои поколебали его рѣшимость.

— На долго ли это? сказалъ онъ. Вѣдь это только значитъ откладывать въ долгій ящикъ, потому что я ни за что не останусь. Они вывели меня изъ терпѣнія, я имъ покажу кто я!... Я усталъ; спокойной ночи, братъ, кто знаетъ когда мы съ тобой опять увидимся!... Онъ утеръ слезу, поцѣловалъ меня и продолжалъ: Обѣщай мнѣ, Фрицъ, что когда ты будешь знатнымъ барономъ, то не станешь стыдиться брата своего и не разсердишься, если я назову тебя Фрицомъ. Знай, что если я тебя назову Эпенемъ, такъ это будетъ значить, что ты мнѣ ужъ не братъ!

Въ числѣ прочихъ именъ, меня при крещеніи назвали и Фридрихомъ, въ честь королю, но родственники меня никогда такъ не называли.

— Отправляйся-ка домой, продолжалъ братъ мой, да только не показывайся крестному отцу. Если тамъ ужъ узнали о твоей шалости, то спрячься за маменьку. И онъ удалился медленными шагами.

Между-тѣмъ наступила ночь. Шелъ освѣжительный дождь и вдали слышались перекаты грома, но несмотря на то, улицы были такъ же оживлены, военныя патрули маршировали по всѣмъ направленіямъ, окна во дворцѣ и въ большей части близъ лежащихъ домовъ были освѣщены. Надобно было наконецъ воротиться домой.

Я шелъ все медленнѣе, чѣмъ ближе подходилъ къ дому. Съ каждымъ шагомъ сердце мое билось сильнѣе.... Къ стыду своему я долженъ признаться, что въ первыя минуты забылъ Готлиба и всѣ страданія его, и помнилъ только слова его: «Если тамъ ужъ узнали о твоей шалости!»—Какъ не узнать! Адвокатъ, вѣроятно, побѣжалъ прямо къ папенькѣ съ отнятыми у меня шариками. Фрау Курцинна переслала жалобу, Масманъ разсказалъ все дѣло—а я не возвращался домой!

Наконецъ я подошелъ уже къ фонарю, возлѣ нашего дому. Вѣтеръ, предвѣщавшій грозу, покачивалъ фонарь и свѣтъ отъ него перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Кто-то попадется мнѣ первый на встрѣчу? думалъ я. Вдругъ дверь

Digitized by Google

скрыпнула и крестный отецъ вышелъ изъ дому. Фонарь освѣтилъ лицо его и въ маленькихъ, зеленыхъ глазахъ его ясно можно было прочесть, что ему что-то удалось.... Кто теперь защититъ меня?...

Я схватился наконецъ за ручку и дрожащею рукою сталъ отворять дверь.... Притаивъ дыханіе и едва касаясь полу взошелъ я по лѣстницѣ.... Я надѣялся, что никто не увидитъ меня, потому что въ домѣ нашемъ происходило что-то необыкновенное. Служанка мыла лѣстницу, слуга бѣгалъ въ хлопотахъ, а въ залѣ папенька скоро ходилъ взадъ и впередъ: мнѣ были хорошо знакомы шаги его. Я посмотрѣлъ въ замочную скважину.... никогда еще не видалъ я отца своего такимъ сердитымъ. Закинувъ руки на спину и съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ гнѣву прохаживался онъ по комнатѣ. Маменька, въ боязни и смущеніи, стояла у окна. Она, казалось, тщетно уговаривала его:

— Поговори сперва съ братцомъ, совѣтникомъ, сказала она.

— Что мнѣ совѣтникъ! Я господинъ въ домѣ и семействѣ своемъ и докажу это ему! отвѣчалъ отецъ.

— Несчастіе, постигшее всю Пруссію, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: должно бы сдѣлать насъ болѣе снисходительными....

— Нѣтъ, madame, возразилъ папенька, топнувъ ногою, — только въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ онъ съ маменькой слово *madame:*—нѣтъ, madame, хоть бы вся Пруссія просила меня за него! Никто не можетъ запретить честному отцу семейства исполнять свою обязанность!

— Никто.... повторила маменька со вздохомъ; если бы только *онъ* былъ здѣсь!

— Никто! продолжалъ отецъ, не разслышавъ словъ ея: ты можешь это сказать дорогимъ своимъ родственникамъ. Я отецъ, и наказывая его, я наказываю самого себя. Я не хочу, не могу и не долженъ быть болѣе снисходительнымъ.

— Баринъ, баринъ! шепнула мнѣ сверху служанка, увидѣвъ меня. Не ходите туда: тамъ вамъ плохо будетъ.

Съ испугомъ отскочилъ я отъ дверей и услышалъ еще, какъ папенька гнѣвно спросилъ:

— Гдѣ Этьенъ?

Digitized by Google

— Я схожу за нимъ, отвѣчала маменька и какъ—бы радуясь тому, что могла удалиться, скоро отворила дверь. Увидѣвъ меня, она не говоря ни слова схватила меня за руку и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ. Служанкѣ велѣла позвать старую няню Сусанну.

— Уложи его спать, сказала она по-французски: онъ не долженъ сегодня показываться на глаза къ отцу.

И такъ экзекуція моя была отложена. Камень свалился у меня съ сердца.

Старая Сусанна или Сюзаннъ, какъ ее всѣ называли, принадлежала къ малому числу тѣхъ изъ нашей колоніи, которые родились еще во Франціи. Ей было уже около осьмидесяти лѣтъ, но воспоминанія обо всѣхъ ужасахъ гоненія, которому подверглись протестанты, были еще свѣжи въ ея памяти. Она любила о нихъ разсказывать и всѣ въ домѣ нашемъ слушали ее со вниманіемъ. Я былъ отданъ ей на руки; Готлиба она не любила, за то, что онъ называлъ ее старой вѣдьмой. Я очень былъ привязанъ къ старой нянѣ, не столько за ея попеченія обо мнѣ, сколько за множество чудныхъ сказокъ, которыя она мнѣ разсказывала.

Въ этотъ вечеръ, однако жъ, ей было не до сказокъ, когда она меня раздѣвала; меня самого болѣе занимала мысль о томъ, что будетъ со мною завтра и дрожа всѣмъ тѣломъ, я молчалъ.

— Да, баринъ, да, ты самъ дрожишь, говорила она: да и есть отчего. Что-то будетъ съ нами завтра! Семь хищныхъ птицъ за однимъ орломъ—ахъ, ты, Господи мой, плохо!

Слѣдовательно проступокъ мой былъ разсказанъ со всѣми подробностями, думалъ я.

— Они говорятъ, что это предвѣщаетъ войну, продолжала старуха: да, войну, но какую? Они погубили добраго короля нашего, любившаго протестантовъ.... опять придутъ езуиты.... и завтра, чуть свѣтъ, насъ всѣхъ выгонятъ! Что-то будетъ со старой Сюзаннъ!

Она плакала и ломала руки; я понялъ, что тутъ дѣло шло не о побояхъ, предстоявшихъ мнѣ, а о чемъ-то другомъ.

— Кто можетъ тебя выгнать? спросилъ я.

Digitized by Google

— Добрый протестантскій король, Фридрихъ Вильгельмъ, умеръ!... Въ праздникъ и будни ходилъ онъ въ церковь и терпѣть не могъ католиковъ. За это-то они его и отравили. О, мы, старые люди, понимаемъ всѣ эти продѣлки!

— Что же, прервалъ я ее: вѣдь у насъ будетъ молодой король?

— Такъ, но какой онъ король? Никогда въ реформатскую церковь не ходитъ; окруженъ католиками и получаетъ каждую недѣлю разныя книги изъ Парижа, этого безбожнаго города! Тамъ написано, что насъ надо опять обратить въ католическую вѣру. Завтра, не позже какъ завтра, продадутъ насъ антихристу и будетъ «плачъ и скрежетъ зубовъ»; въ мрачныхъ подземельяхъ будутъ пытать насъ и вороны, привлеченные запахомъ крови, будутъ биться крыльями о желѣзныя рѣшетки нашихъ темницъ!

Разсказы старухи, самые удары грома и молнія, часто освѣщавшая темный уголъ комнаты, въ которомъ на печкѣ лежали три прута, служившіе отцу моему для исправленія Готлиба и меня, все это вмѣстѣ навело на меня неизъяснимый ужасъ. И такъ завтра получу я заслуженное наказаніе и сдѣлаюсь—католикомъ!... Усталость одержала наконецъ верхъ надъ страхомъ; но всю ночь разстроенному моему воображенію представлялись ужасающіе образы—пытка, католицизмъ, розги, черное мыло и адвокатъ Шлиппаліусъ безпрестанно являлись мнѣ во снѣ....

Сусанна разбудила меня.

— Вставай, вставай, баринъ, они ужъ собираются. Скорѣй, одѣвайся.... но ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ?

Несмотря на то, что она надѣла на меня голубую праздничную куртку, одинъ видъ которой могъ уже развеселить меня, я не переставалъ дрожать, и едва слышнымъ голосомъ произнесъ:

— Кто собирается?

— Родные.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ! на совѣщаніе!... Постой же, я тебя причешу!

Въ это время вошла служанка и сняла съ печки розги.

— Сегодня имъ будетъ дѣло! сказала она смѣясь, и я слы-

Digitized by Google

мать, какъ эта жестокосердая женщина, расшевая, сходила по лѣстницѣ и какъ прутья ударяли о перила.... Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Я пролилъ половину молока, которое принесли мнѣ къ завтраку и не могъ проглотить ни кусочка хлѣба. Сусанна сердилась и повела меня съ собою. На первой же ступени ноги мои подкосились, я схватилъ няню за платье и умолялъ итти по-тише.

— Стыдись, Этьенъ, сказала она: ты ужъ большой мальчикъ: что скажутъ родственники?

Какая мнѣ нужда была до родственниковъ? Я очень хорошо понималъ цѣль этого совѣщанія.... и это еще болѣе отталкивало меня отъ нихъ: Я готовъ былъ любить мать свою и уважать отца, но что мнѣ было въ родственникахъ? Я всегда досадовалъ, когда въ праздничные дни они приглашали насъ и сажали родителей моихъ на послѣднее мѣсто и все это потому, что они были богаче насъ!...

Изъ залы слышался глухой говоръ: тамъ собрались они, разряженные и раздушенные, и все это для того, чтобы видѣть—какъ меня будутъ бить! Скрѣпя сердце, привигнулъ и черезъ нѣсколько ступеней и смѣло хотѣлъ войти въ залу, какъ-вдругъ новое зрѣлище поразило меня. Въ сосѣдней комнатѣ увидѣлъ я черезъ полурастворенную дверь двухъ высокихъ солдатъ. Служанка подавала одному рюмку водки и онъ ущипнулъ ея красную, полную щеку, между-тѣмъ какъ другой пробовалъ гибки ли прутья... Я вспомнилъ, что отецъ неразъ грозилъ намъ, что если мы выведемъ его изъ терпѣнія, то онъ призоветъ унтеръ-офицера, чтобы наказать насъ!

Ни кѣмъ не замѣченный вошелъ я въ залу. Все имѣло какой-то праздничный, торжественный видъ. Дамы, въ широкихъ платьяхъ и кавалеры, съ высокими напудренными париками, составляли самую пеструю, живую картину. Сначала каждый гость подходилъ къ маменькѣ, потомъ [illegible]лись между пришедшими поклоны, расшаркиванья [illegible]ванья. Я бы тогда уже посмѣялся надъ этой карной картиной, если бъ всѣ эти приготовленія, комплименты не имѣли цѣлью бѣдную мою спину. о смѣяться, когда слезы на глазахъ!

Digitized by Google

Около четверти часа прошло прежде, нежели все это волнующееся море причесокъ и перьевъ разместилось по стульямъ и диванамъ. Стали подавать шоколадъ и замѣтивъ меня, отецъ велѣлъ мнѣ обойти всѣхъ гостей и поцѣловать у каждой дамы ручку. Хотя это было въ порядкѣ вещей, но въ тотъ день это было болѣе нежели жестоко, потому что одна злоба привела къ намъ всю эту родню. Нечего было дѣлать, я сталъ подходить ко всѣмъ женщинамъ и при каждой костлявой или толстой рукѣ, которую подносилъ къ губамъ своимъ, повторялъ одно и тоже привѣтствіе:

— Bon jour, мы радуемся чести видѣть васъ въ нашемъ домѣ.

Только одна тётушка, жена совѣтника, погладила меня по щекѣ и сказала, чтобы я не боялся. Шлепалусь съ лукавой усмѣшкой погрозилъ мнѣ пальцомъ, когда взоры наши встрѣтились. Обойдя всѣхъ, я занялъ мѣсто между своими двоюродными братьями и сёстрами. Тамъ сидѣла маленькая Стефанія, дочь совѣтницы, которую я любилъ болѣе другихъ и которую мать называла моей невѣстой. Я впослѣдствіи узналъ, что тётушка дѣйствительно прочила ее мнѣ въ невѣсты; папенька называлъ это ребячествомъ, а маменька молчала. Для меня же въ то время лошадка была пріятнѣе всѣхъ невѣстъ на свѣтѣ; но теперь я не безъ намѣренія сѣлъ возлѣ Стефаніи и любезничалъ съ нею, надѣясь этимъ пріобрѣсть въ матери ея немаловажную заступницу.

Отецъ мой былъ спокойнѣе, нежели я могъ предполагать; сложивъ руки на спинѣ, стоялъ онъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня и я могъ разслушать разговоръ его съ совѣтникомъ.

— Напрасно хотите вы сдѣлать это гласнымъ, говорилъ совѣтникъ: вы только увеличите стыдъ, навлеченный на насъ этимъ происшествіемъ. Объ этомъ заговорятъ въ цѣломъ городѣ и всѣ будутъ меня спрашивать....

— Вы можете отвѣчать, прервалъ его отецъ мой: что я господинъ въ домѣ и начальникъ въ своемъ семействѣ.

— Все это прекрасно, любезный другъ, замѣтилъ дядя, тщетно старавшійся шопотомъ своимъ принудить отца

Digitized by Google

умѣрить голосъ: — но все это можно было кончить безъ шуму и огласки.

— Нѣтъ! вскричалъ отецъ, и я видѣлъ, какъ на правой рукѣ его надулись жилы. Я хочу доказать этому негодяю, и всей родни, и всему городу, и всему міру, что я не слабый отецъ, что я имѣю твердую волю и властенъ надъ своими дѣтьми. Я это докажу! Именно потому, что преступленіе всѣмъ извѣстно, я хочу чтобы всѣ знали и о примѣрномъ наказаніи. По-старинному, доброму, нѣмецкому обычаю пригласилъ я всѣхъ родныхъ, а кто не хочетъ быть свидѣтелемъ того что здѣсь будетъ происходить, тотъ можетъ воротиться домой.

Совѣтникъ покачалъ своею аккуратно и чистенько напудренною головою и продолжалъ нерѣшительно:

— Конечно, родные....

— Рады позору моему, вскричалъ отецъ.

— Прошу исключить мою семью, геръ инспекторъ.

— А ваши-то именно всѣ здѣсь на лицо, геръ совѣтникъ.

Адвокатъ оскалилъ зубы и съ удовольствіемъ понюхалъ табаку; совѣтникъ притворился, что не разслышалъ послѣднихъ словъ папеньки и сталъ играть часовой цѣпочкой.

— Какъ время скоро идетъ. Въ двѣнадцать часовъ мнѣ надо быть въ коллегіи, сказалъ совѣтникъ.

— Къ тому времени все будетъ кончено, отвѣчалъ отецъ мой.

— Напрасно вы выбрали такой день....

— Одинъ день для меня такъ же важенъ, какъ и другой, вскричалъ папенька: никто и ничто не помѣшаетъ мнѣ исполнить долгъ свой; даже самъ новый король.... Не знаете ли вы, прибылъ ли онъ Рейнсберга?

— Конечно.

— Славное наступитъ времячко! сказалъ отецъ съ горькой усмѣшкой. Берлинъ нашъ сдѣлается магнитомъ для всѣхъ тунеядцевъ. Фокусники, плясуны и стихокропатели французскіе попадутъ въ тайные и дѣйствительные совѣтники, а честный Нѣмецъ будетъ низко кланяться и кромѣ насмѣшки ничего не получитъ. Солдаты будутъ расущены, потому что, говорятъ, молодой король въ во-

Digitized by Google

сиромъ дѣлѣ ничего не смыслитъ; академіи будутъ переведены въ королевскій замокъ. Въ государственномъ совѣтѣ будутъ давать концерты. Да, почтеннѣйшій, повѣрьте мнѣ, все это сбудется: король Фридрихъ Первый, блаженной памяти, положилъ начало процвѣтанію Пруссіи, а при Фридрихѣ Второмъ она погибнетъ въ стыдѣ и позорѣ!

— Вы сегодня въ ужасномъ раздраженіи, сказалъ съ ужасомъ совѣтникъ, осматриваясь, не подслушалъ ли кто рѣчей моего отца.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! отвѣчалъ отецъ мой. Иной смотритъ и въ черные очки, да прямо. У меня что на умѣ, то и на языкѣ. О, я знаю, многіе, которымъ прежняя строгость была не по-нутру, надѣятся на восхожденіе новаго свѣтила; а я вамъ скажу, что все это вздоръ! Старинные обычаи, которые они называютъ предразсудками, будутъ уничтожены и мужики заговорятъ по-французски, потому что молодой король философъ!.... Мы живемъ въ бѣдной странѣ, въ которой одни солнечные лучи ничего не произведутъ. Тутъ надобно не апельсины и не виноградъ собирать, а сѣять хлѣбъ для насущнаго пропитанія; не плясать, не пѣть, не французскіе стихи кропать, а въ потѣ лица своего трудиться, обработывать землю, сѣять и пожинать то, чѣмъ милости Господа Бога угодно будетъ надѣлить насъ!

— Помилуйте, дождитесь конца и тогда....

— Аминь! прервалъ его отецъ мой: хорошо, что я не молодъ, а потому не доживу до конца. Не нужны мнѣ ваши нововведенія, которыя вы называете улучшеніями. Я лучше останусь при старомъ!.... Домъ мой старъ, но въ немъ дубовыя двери и желѣзные засовы.

Разговоръ былъ прерванъ восклицаніемъ:

— Идетъ, идетъ, и съ любопытнымъ ожиданіемъ всѣ взоры устремились на дверь, за которою слышались чьи-то шаги.

— Кто идетъ? подумалъ я, и сердце мое забилось такъ сильно, что маленькая сосѣдка моя испугалась.

Дверь отворилась и Готлибъ, вмѣстѣ съ учителемъ гимназіи, вступилъ въ залу. Не знаю, кто былъ болѣе смущенъ, братъ мой или молодой учитель, который, какъ видно было, не охотно принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Готлибъ утромъ смотрѣлъ вяволь; всѣ родные были чрезвычайно обижены тѣмъ, что онъ даже не приправдился и никому не поклонился. Настала мертвая тишина, подобная той, какая бываетъ передъ грозой.

— Готлибъ! заговорилъ отецъ: откровенное признаніе можетъ смягчить наказаніе, тебя ожидающее.

— Вѣдь вы все знаете? отвѣчалъ дерзкій.

— Не хочешь?

Братъ мой не успѣлъ еще отвѣчать, какъ учитель стала увѣрять, что Готлибъ нынче утромъ передъ собраніемъ учителей во всемъ признался; и вслѣдъ затѣмъ молодой человѣкъ разсказалъ все дѣло. — Такъ ли? спрашивалъ изрѣдка папенька и когда Готлибъ отвѣчалъ утвердительно; то учитель продолжалъ. Вотъ въ чемъ состояло дѣло:

Лѣность, непослушаніе и дерзость Готлиба со дня на день увеличивались, и наконецъ онъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ изъ гимназіи и шатался по улицамъ, развращая товарищей своихъ. Однажды, проходя по узенькой и грязной улицѣ одного предмѣстья увидѣли они великолѣпную, новую карету. Прохожіе съ удивленіемъ слѣдили глазами за этимъ рѣдкимъ явленіемъ, когда по несчастію, хозяйка этого экипажа; изъ любопытства выглянула изъ кареты... Это была молодая жидовка. Въ то же мгновеніе вѣсть эта разнеслась по всей улицѣ и толпа съ ругательствами и свистомъ бѣжала за каретой. На рынкѣ было столько народу, что лошадямъ не было проѣзду. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ и раздраженіемъ толпы, что не встрѣчала никакого сопротивленія, чернь стала требовать, чтобы бѣдная жидовка, сидѣвшая одна, опустила стекло и показалась народу. Такъ какъ требованіе это не было выполнено, то кочерыжки полетѣли въ карету; кучера и лошадей. Какой-то молодой человѣкъ подскочилъ къ каретѣ, отворилъ и насильно вытащилъ молодую дѣвушку, лишившуюся чувствъ; ничто не могло смягчить бѣшеной черни; ни красота, ни великолѣпный нарядъ, ни болѣзнь, выражавшаяся въ прекрасныхъ, черныхъ глазахъ: Всѣ смѣялись, кричали, указывали пальцами на бѣдную жертву!

— Вонъ ее! вонъ ее! На мостовую! Научите ее пѣшкомъ ходить! — Эти жидовскія твари вздумали въ каретахъ разъѣзжать! — кричала толпа, и бѣдная жидовка по-

Digitized by Google

страдала бы отъ народной ненависти, если бъ не явился защитникъ. Это былъ братъ мой, Готлибъ. Неизвѣстно, что заставило его вступиться за жидовку, красота ли ея или другая причина. Онъ никому не хотѣлъ признаться въ томъ, говоря будто бы единственная причина была та, что молодой человѣкъ, вытащившій ее изъ кареты былъ изъ монастырской гимназіи, съ которою іохимтальскіе гимназисты были въ враждебныхъ отношеніяхъ.

— Неужели мы позволимъ, чтобы эта монастырская крыса передъ нами важничала! закричалъ Готлибъ товарищамъ, и тотчасъ же спросилъ грозно противника своего: кто ему далъ право отворить дверцы?—Тотъ отвѣчалъ ему другимъ вопросомъ, а именно: кто далъ ему право вступаться за жидовку? Это было только начало спора, не ограничившагося одними словами. Началась драка, во время которой жидовка успѣла сѣсть въ карету и уѣхать. Вскорѣ полиція вмѣшалась въ это дѣло, Готлибъ былъ схваченъ и отведенъ на гауптвахту.

— За жидовку! раздалось между родственниками нашими, когда учитель кончилъ разсказъ свой.

— Негодный мальчишка! вскричалъ отецъ съ негодованіемъ. Какое тебѣ было дѣло до жидовки? Мало того, что ты причиняешь родителямъ своимъ столько огорченій, еще въ-добавокъ срамишь ихъ!

— Мнѣ что за дѣло, что она жидовка; я бы для другой то же сдѣлалъ, отвѣчалъ Готлибъ мрачно: мнѣ всё-равно!

— Всё-равно! повторили присутствовавшіе и съ ужасомъ посмотрѣли на дерзкаго.

— Готлибъ, милый Готлибъ, подумай, что ты говоришь: сказалъ папенька шопотомъ, схвативъ брата моего загрудь. Отецъ мой дрожалъ и произнесъ слова эти какъ-бы невольно, между-тѣмъ какъ въ то же время слеза покатилась по щекѣ его.

Готлибъ не видѣлъ слезы и не разслышалъ просьбы отца. Онъ глядѣлъ въ это время на одну изъ кузинъ, разряженную куколку, которая, улыбаясь и указывая на Готлиба пальцемъ, шептала что-то сосѣдкѣ своей на-ухо.

— Нѣтъ, не всё-равно! вскричалъ онъ. За такую жеманную дѣвчонку, которая не отвѣчаетъ на поклонъ мой, которая стыдится ясня, потому что на мнѣ сюртукъ изъ

Digitized by Google

грубаго сукна, я не вступился бы, хоть бы она была красавица, богатая и притомъ моя кузина!

— Готлибъ, Готлибъ! вскричали нѣкоторые, покачивая головами.

— Хоть бы она десять тысячъ разъ была моя кузина и говорила бы по-французски, такъ я бы пальцемъ не пошевельнулъ для нея!

Всѣ съ ужасомъ отворотились. Отецъ едва удерживалъ гнѣвъ свой.

— Подумай, несчастный, сказалъ учитель: передъ кѣмъ ты говоришь? Эти благородныя дамы и дѣвицы....

— Зачѣмъ онѣ пришли сюда? прервалъ его Готлибъ.

— Милый, милый Готлибъ, шепнулъ я ему умоляющимъ голосомъ.

— Эти благородныя дамы, продолжалъ учитель, краснѣютъ за тебя!

— А мнѣ что за дѣло! закричалъ Готлибъ. Если онѣ краснѣютъ отъ стыда, такъ пусть поблѣднѣютъ отъ злости, когда я скажу имъ, что жидовка лучше ихъ всѣхъ и что когда она взглянетъ своими черными глазами, то я готовъ бы за нее бросится въ огонь. Простая жидовка лучше и добрѣе всѣхъ берлинскихъ барышень, потому что она не пришла бы сюда, чтобы смотрѣть, какъ меня будутъ бить; нѣтъ, она не сдѣлала бы этого! Я лучше соглашусь сдѣлаться жидомъ, нежели полюбить одну изъ этихъ жеманныхъ дѣвчонокъ, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни души.

Твердость и рѣшительность, съ которыми Готлибъ произнесъ эти слова, поразили всѣхъ изумленіемъ. Только маменька, питавшая непреодолимое отвращеніе къ жидамъ, невольно вскрикнула.

Отецъ бросилъ на нее недовольный взглядъ и въ то же мгновеніе ударилъ Готлиба въ щеку; онъ пошатнулся, папенька схватилъ его за грудь и громко вскрикнулъ:

— Проси прощенія! Видишь ли, какъ ты огорчилъ мать свою!

— Ради Бога, просила маменька, не мѣшайте меня въ это дѣло! Я васъ болѣе ни о чемъ не прошу.

Французскіе родственники посмотрѣли на отца моего и

Digitized by Google

онъ понялъ, что нельзя было отказать. Онъ указалъ брату моему на блѣдную жену свою и сказалъ:

— Смотри, что ты надѣлалъ. Сколько разъ эта бѣдная женщина заступалась за тебя, и за добро ты платишь ей зломъ! Сколько слезъ пролила она за тебя....

— Да она не мать моя, прервалъ Готлибъ.

Это было дурно! Папенька побѣднѣлъ, и далъ полную свободу своему гнѣву:

— Негодяй! Нѣтъ, она тебѣ болѣе нежели мать. Она имѣла право требовать, чтобы я выгналъ тебя, чтобы я заставилъ тебя работать на дворѣ, а между-тѣмъ этотъ ангелъ заступался за тебя, обходился съ тобою какъ съ сыномъ....

— Какъ съ собакой, заворчалъ Готлибъ.

— Негодяй! закричалъ папенька и сжалъ кулаки. Голосъ его дрожалъ.

— Зачѣмъ вы не оставили меня у *моей* матери? продолжалъ Готлибъ: она можетъ-быть и простая женщина, но она вѣрно любила бы меня болѣе и тогда бы все было иначе!

Судорожно схватилъ папенька его за грудь, сжалъ кулакъ... выраженіе лица его было ужасно! Всѣ мужчины, исключая адвоката, сидѣвшаго на окнѣ и не перестававшаго улыбаться, бросились къ папенькѣ и остановили его:

— Ради Бога! пощадите себя и всѣхъ родныхъ!

Отецъ опомнился, опустился въ кресла и подалъ учителю знакъ, чтобы онъ продолжалъ. Вотъ въ чемъ состояло второе обвиненіе:

Я уже говорилъ о враждѣ, существовавшей между двумя гимназіями. За обиду, причиненную монастырскому гимназисту, всѣ товарищи его рѣшились мстить и нѣсколько дней спустя двѣ многочисленныя партіи встрѣтились за городомъ. Завязалась страшная драка и никто не замѣтилъ какъ подошла къ нимъ стража и стала ловить одного за другимъ. Съ сверкающими глазами посмотрѣлъ Готлибъ на двухъ товарищей своихъ. Они поняли взглядъ его, отвѣчали утвердительно, и въ то же мгновеніе бросились на полицейскихъ служителей. Готлибъ ударилъ одного концемъ палки по лицу, такъ что тотъ отшатнул-

Digitized by Google

ся. Увидѣвъ кровь и испугавшись того, что сдѣлалъ, Готлибъ рѣшился спастись бѣгствомъ и съ нѣкоторыми товарищами пробился сквозь окружавшую ихъ стражу; наступавшая темнота помогла имъ скрыться, и, прибѣжавъ въ городъ, Готлибъ успѣлъ еще высвободить меня изъ рукъ Масмана.

— Сопротивленіе и оскорбленіе полиціи! вскричалъ дядя-совѣтникъ, всплеснувъ руками.

— За это надобно поплатиться! проворчалъ Шлиппалiусъ, и понюхалъ еще табаку.

— Онъ срамитъ и позоритъ насъ! — Имя наше будетъ вписано въ полицейскія книги! — За жидовку причинитъ онъ столько горя родителямъ своимъ! — восклицали присутствовавшіе.

Медленно и съ выраженіемъ холодной твердости на лицѣ всталъ папенька.

— Не отопрешься ли ты? спросилъ онъ.

— Все вѣрно, возразилъ Готлибъ.

— Ты былъ зачинщикомъ?

Готлибъ подумалъ съ минуту, потомъ отрицательно покачалъ головой.

— Они подговорили тебя? продолжалъ отецъ и приблизился на шагъ. Грудь его высоко подымалась. Онъ опять сдѣлался отцомъ, а не судьей: онъ надѣялся.

Но Готлибъ засмѣялся. О, зачѣмъ онъ смѣялся!

— Зачѣмъ же ты былъ предводителемъ ихъ?

— Я не могъ же оставить ихъ однихъ, отвѣчалъ Готлибъ съ гордостію: я старшій въ этомъ классѣ.

— Онъ говоритъ такъ рѣшительно, сказалъ совѣтникъ, что, кажется, готовъ опять сдѣлать то же.

— Сто разъ! вскричалъ Готлибъ. Я былъ бы негодяй, если бъ отсталъ отъ *своихъ*!

— А полиція! вскричалъ съ ужасомъ совѣтникъ. Онъ какъ-бы умолялъ Готлиба взвѣшивать слова свои: а родные твои!

— Не хочу знать родныхъ. Они сами никогда меня знать не хотѣли.

— Ты не будешь ихъ знать! вскричалъ отецъ. Слушай! Ты причинилъ мнѣ много горя съ самыхъ тѣхъ

Digitized by Google

поръ, какъ вышелъ изъ колыбели. Я былъ строгъ, какъ честному отцу слѣдуетъ быть; меня ты не можешь обвинить въ томъ, что сдѣлался дурнымъ человѣкомъ: я тебѣ никогда ничего не прощалъ. Я никогда не исполнялъ ни малѣйшаго твоего желанія. Рука моя устала прежде спины твоей, и такъ не обвиняй меня, Готлибъ, въ слабости. Ты не хотѣлъ и не хочешь понять, какъ эта добролѣтельная женщина, имѣвшая право выгнать тебя изъ дому, берегла, лелѣяла и воспитывала тебя какъ роднаго сына. Ты отплатилъ ей ужасною неблагодарностью. Знаешь ли ты, сколько ты мнѣ уже стоилъ? знаешь ли ты, сколько огорченій причинило мнѣ твое дурное поведеніе? знаешь ли, сколько безпокойныхъ вечеровъ проводилъ я ожидая тебя, и сколько ночей не могъ сомкнуть глазъ, когда тебя приводили домой какъ преступника? Готлибъ, тѣ огорченія, которыя ты причинялъ отцу и матери, тяжелою горою лягутъ нѣкогда на твоей могилѣ! Но это были одни ребяческія шалости. Теперь же ты пошелъ по дорогѣ, которая ведетъ прямо на висѣлицу. Не думай, что ты отдѣлаешься этими выговорами; нѣтъ! я хочу, чтобы ты никогда не могъ сказать, что я былъ снисходителенъ къ тебѣ. Но какъ отецъ, я желаю чтобы ты самъ понялъ преступленія свои и поблагодарилъ меня за наказаніе. Прежде чѣмъ я рѣшусь выгнать тебя, я даю тебѣ время раскаяться. За тебя просили—слышишь? за тебя просили!.... Подыми голову. Посмотри на почтенныхъ родственниковъ, которыхъ ты еще и теперь такъ жестоко оскорбилъ: посмотри на нихъ и упади на колѣни! ползай отъ одного къ другому и проси каждаго, чтобъ тебѣ подали руку, чтобы ты могъ поцѣловать ее и умолять о прощеніи.

Слезы выступили на глазахъ у Готлиба. Онъ поднялъ глаза, осмотрѣлся и скоро отеръ слезы. Колѣни его задрожали, но это продолжалось одну секунду и онъ опять выпрямился и не трогался.

— На колѣни, негодяй, и проси прощенія!

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Готлибъ! въ первый и послѣдній разъ проситъ тебя отецъ твой.... Голосъ его дрожалъ.

— Не хочу.

Сапожникъ схватилъ шляпу и трость, пошелъ папенькѣ

Digitized by Google

руку, слегка поклонился дамамъ и скоро вышелъ изъ комнаты. Это былъ приговоръ Готлиба. Пощады уже было нечего ждать. Дядя самый добрый человѣкъ изъ всей нашей фамиліи.

Я ожидалъ, что принесутъ прутья, но вмѣсто того Готлиба вывели. Настала мертвая тишина.... папенька отошелъ къ окну, и приложилъ горящее лицо къ стеклу..... Тётушки махали опахалами.... никто не говорилъ ни слова, и между-тѣмъ, какъ ужасенъ былъ разговоръ, слышавшійся изъ другой комнаты!....

— Долго ли это продолжится? спрашивали съ нѣкоторымъ участіемъ нѣсколько родственниковъ; Стефанія со страхомъ прижалась ко мнѣ, а адвокатъ бормоталъ сквозь зубы:

— Крѣпокъ! еще не пикнулъ!

Вдругъ несчастный братъ мой, перешедшій уже въ руки втораго мучителя, невольно и страшно вскрикнулъ. Тётушка-совѣтница вскочила съ дивана и схватила папеньку за руку:

— Ради Бога, любезный братъ, прикажите имъ перестать!

Не выслушавъ уже отвѣта папеньки, молодой учитель бросился изъ комнаты и воротился съ Готлибомъ. Одна щека несчастнаго была въ крови—во взглядѣ его было еще болѣе прежняго дикости и упрямства. Онъ отряхнулся, но лицо его не выражало ни малѣйшаго страданія.

— Будешь ли теперь просить прощенія?

На всѣхъ лицахъ выражалось болѣзненное ожиданіе.... судорожно сжавъ руки и удерживая дыханіе ожидалъ отецъ отвѣта. Готлибъ провелъ лѣвою рукою по спинѣ, осмотрѣлся и грубымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Не хочу.

Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу моему; всѣ, не исключая даже адвоката, вздрогнули.... одинъ папенька остался спокойнымъ. Онъ всталъ и, казалось, отецъ совершенно уступилъ мѣсто судьѣ. Не говоря ни слова, сдѣлалъ онъ знакъ рукою. Тётушка опять подбѣжала къ нему и вскричала:

— Боже мой, да вы убьете его!

Еще разъ растворилась дверь и вошли высокіе унтеръ-

Digitized by Google

офицеры. У нихъ не было ни палокъ, ни прутьевъ, только у одного въ рукахъ была синяя куртка съ красными выпушками. Не говоря ни слова унтеръ-офицеръ подошелъ къ Готлибу и смѣрилъ ростъ его.

— Годится! сказалъ онъ и отступилъ опять къ дверямъ.

Одно это слово рѣшило судьбу Готлиба: онъ уже не принадлежалъ къ нашей семьѣ!

Отецъ подалъ знакъ унтеръ-офицерамъ; они развернули мундиръ.

— Смотри, негодный, смотри! Тебѣ не нравится домъ отца твоего, такъ я пріискалъ тебѣ другой!.... Еще три шага, Готлибъ, и ты исключенъ изъ семьи нашей. Тогда тебя никто ни о чемъ просить не будетъ, никто не прольетъ ни одной слезинки о тебѣ, я не буду ждать тебя вечеромъ, я буду спокойно спать, имя твое будетъ вычеркнуто изъ домашней библіи, въ день рожденія твоего мы будемъ поститься. Иди же, иди скорѣй....

Готлибъ не трогался съ мѣста и не говорилъ ни слова, но на лицѣ его ясно было написано: не хочу!

— Онъ не хочетъ итти, такъ принудьте его!

Унтеръ-офицеры схватили его за воротникъ. Еще разъ посмотрѣлъ на него папенька; во взорѣ его было еще ожиданіе, послѣдній слабый отблескъ надежды.... но и позднее раскаяніе не приходило! Тогда отецъ опять отвернулся къ окну; съ Готлиба сорвали куртку, и стали надѣвать на него мундиръ, который былъ ему не въ пору, но Готлибъ самъ помогъ унтеръ-офицерамъ и, сдѣлавъ сильное движеніе обѣими руками, натянулъ на себя мундиръ. Его застегнули и Готлибъ былъ — солдатъ!... Дамы отвернулись. Стефанія опустила голову ко мнѣ на грудь и мы оба горько плакали....

Холоднымъ, глухимъ голосомъ, какъ-бы выходившимъ изъ могилы, заговорилъ отецъ:

— Вотъ до чего ты дошелъ..., но ты пойдешь еще далѣе. Ты выгнанъ изъ моего дому, исключенъ изъ семьи. Теперь начальникъ твой — фельдфебель. О, мы скоро услышимъ о тебѣ!.... Теперь ты можешь убивать время, грѣться на солнышкѣ, дразнить мирныхъ гражданъ и оскорблять почтенныхъ женщинъ. Теперь ты можешь драться

Digitized by Google

сколько угодно въ корчмахъ и водиться съ распутными тварями. Чтобы добыть денегъ и быть обманутымъ, ты будешь обманывать. Отъ обмана къ воровству одинъ шагъ. Подъ фухтелями будешь ты вспоминать объ отцовскихъ наказаніяхъ. О, если бъ я тебя больнѣе наказывалъ.... если бъ.... тогда не дошло бы до этого! Но ты пойдешь дальше, выше... прямой дорогой къ висѣлицѣ!.... Когда тебя будутъ гнать сквозь строй, когда земля подъ ногами твоими будетъ горѣть, когда кровь будетъ течь ручьями со спины твоей, когда мясо будетъ висѣть клочьями, тогда вспомни....

Громкое восклицаніе женщинъ прервало отца. Маменька, не проливщая доселѣ ни одной слезы, блѣдная и неподвижная, упала въ обморокъ. Шумъ, суматоха. Старались привести ее въ чувства, требовали воды. Отецъ ничего не дѣлалъ, онъ уже ничего не могъ дѣлать; послѣднія силы измѣнили ему. Вперивъ взоръ на Готлиба, блѣдный, опустился онъ на стулъ....

Еще во время суматохи адвокатъ созвалъ слугъ. Онъ указалъ имъ на блуднаго сына и сказалъ, что онъ не принадлежитъ уже къ семьѣ, что онъ не смѣетъ переступить черезъ порогъ этого дому, что никто не смѣетъ не только впустить его, но даже принять отъ него какое бы то ни было препорученіе. И съ особеннымъ удовольствіемъ прибавилъ онъ, что кто не будетъ повиноваться этому, того немедленно прогонятъ.

Слуги слушали въ боязливомъ молчаніи. Готлибъ всѣ-еще стоялъ посереди комнаты, но съ-тѣхъ-поръ какъ на немъ былъ мундиръ, вся наружность его измѣнилась. Мнѣ казалось, что онъ даже выросъ. Вытянувшись и руки по швамъ, стоялъ онъ какъ старый служака и смѣло смотрѣлъ отцу въ глаза.... Отецъ не могъ смотрѣть на него....

Служанка должна была дать Готлибу кусокъ хлѣба.

— Это прощальный и послѣдній хлѣбъ изъ дому родительскаго, сказалъ адвокатъ.... И приказалъ ему бросить послѣдній взглядъ на стѣны, въ которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ. Готлибъ посмотрѣлъ на стѣны, но ни на кого изъ присутствовавшихъ. Еще слеза выступила на глазахъ его....

— Налѣво кру́-гомъ — маршъ! скомандовалъ унтеръ-

Digitized by Google

офицеръ, и.... Готлибъ навсегда вышелъ изъ родительскаго дому!

Отецъ мой попросилъ адвоката поблагодарить за него всѣхъ родныхъ за ихъ вниманіе и участіе. Онъ всталъ.... низко, низко поклонился гостямъ, но не говорилъ ни слова и вышелъ изъ комнаты....

—

Это ужасное утро произвело на меня сильное впечатлѣніе. Съ этого дня я не могъ ни любить, ни уважать отца моего. Я повиновался изъ страху и изъ любви къ матушкѣ.

Онъ заперся на цѣлый день въ своей комнатѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и ничего не ѣлъ—и съ-тѣхъ-поръ никогда улыбка не появлялась на лицѣ его; глаза его были мрачны и неподвижны, какъ глаза человѣка, снѣдаемаго болѣзнію и скрывающаго свои страданія. Всѣ избѣгали встрѣчи съ нимъ и за обѣдомъ не говорили ни слова.

О бѣдномъ изгнанномъ не было никакого слуху. Только Шлиппаліусъ иногда упоминалъ о немъ и то, кажется, для того, чтобы сердить папеньку — ему непремѣнно надобно было сердить кого-нибудь. Отъ одного изъ товарищей своихъ узналъ я, что во время ученія, Готлиба наказали фухтелями и что одинъ капралъ сказалъ про него шутя, что онъ «продувной мошенникъ».

Я забылъ разсказать одно происшествіе, хотя незначительное по себѣ, но находящееся въ тѣсной связи съ исторіей моей жизни. Въ этомъ происшествіи есть что-то таинственное.

Родители послали меня съ какимъ-то порученіемъ къ фрау Курцинне. Она едва успѣла спросить меня, что мнѣ нужно, какъ на улицѣ, почти у самыхъ стеклянныхъ дверей ея лавки раздался бой барабана и вслѣдъ затѣмъ что-то прочли вслухъ. Содержаніе этой прокламаціи было слѣдующее: новый король объявлялъ, что уплачивая долги отца своего, покойнаго короля, онъ не намѣренъ платить долговъ, сдѣланныхъ имъ самимъ при жизни и безъ согласія отца. Всѣмъ было извѣстно, что это только форма, которою онъ хотѣлъ предостеречь ростовщиковъ и спекуляторовъ, чтобы они не забывали настоящаго монарха, въ надеждѣ на будущаго, между тѣмъ какъ втайнѣ онъ уже

Digitized by Google

удовлетворилъ всѣхъ кредиторовъ своихъ. Этотъ великій примѣръ, для котораго Фридрихъ не побоялся выставить собственную честь свою въ невыгодномъ свѣтѣ, не подѣйствовалъ однако жъ на народъ.

— Онъ не хочетъ развязывать кошелька, говорили берлинскіе уличные остряки: это и мы умѣемъ, хоть мы и не короли!

— Попробуй-ка нашъ братъ обанкродовать такую проклямацію: какъ-разъ въ тюрьму посадятъ!

Я былъ еще въ лавкѣ, когда туда вошелъ Шлипаліусъ; улыбаясь налилъ онъ себѣ рюмку водки и, ударяя по крышкѣ табакерки своей, сказалъ:

— Эта новость заставитъ многихъ поморщиться! Любопытно знать, какой оборотъ примутъ дѣла *маркиза* при дворѣ; онъ сейчасъ пріѣхалъ....

— Удержи языкъ свой: развѣ ты не видишь инспекторскаго сынка, сказала жена, указавъ на меня; тогда супругъ ея кивнулъ мнѣ ласково головою и погладилъ по головѣ.

— Я думаю, ты крѣпко испугался, когда брата наказывали? сказалъ онъ: успокойся, успокойся.... дай ему кусочекъ ячменнаго сахару на дорогу, продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ своей.

— Вотъ еще! вскричала она, отламывая однако жъ сахаръ. Онъ скоро самъ будетъ такой же негодяй, какъ почтенный его братецъ.

Несмотря на то, я получилъ сахаръ и адвокатъ очень ласково проводилъ меня, приказавъ кланяться дома. Что это значило? Какая причина и цѣль вѣжливости адвоката? Долго думалъ я и рѣшился наконецъ причислить и это обстоятельство ко многимъ другимъ, которыхъ я не понималъ.

Возвратившись домой, я встрѣтилъ старую Сусанну. Она схватила меня за руку.

— Баринъ! баринъ! не шуми, господинъ маркизъ тамъ! Сними фуражку, Этьенъ: онъ сейчасъ сюда сойдетъ. Какъ у тебя галстухъ худо повязанъ! скорѣй, скорѣй!

Вмѣсто въ родѣ почтительнаго страху овладѣло мною при этой извѣстіи. Маркизъ тамъ! Но кто этотъ маркизъ? Человѣкъ, которому всѣ въ домѣ нашемъ, не ис-

Digitized by Google

ключая даже батюшки, оказывали глубочайшее почтеніе, котораго звали не иначе какъ маркизомъ или просто monsieur и который всегда являлся въ красномъ французскомъ кафтанѣ и безъ шпаги. Я однажды спросилъ отца, отчего у маркиза нѣтъ шпаги, когда всѣ знатные люди носятъ шпаги и получилъ въ отвѣтъ—пощечину. Дядюшка-совѣтникъ при этомъ самомъ вопросѣ ущипнулъ меня слегка за ухо и сказалъ:—Много будешь знать, скоро состарѣешься.

Несмотря на то, что свѣдѣнія мои о таинственномъ маркизѣ были такъ ограничены, кровь моя волновалась, когда мнѣ говорили: онъ пріѣхалъ! Впрочемъ и было отчего. Во всемъ домѣ было тогда необыкновенное движеніе: его принимали у подъѣзда и провожали до подъѣзда; Сусанна казалась двадцатью годами моложе, а папенька надѣвалъ праздничный парикъ. Посѣщенія маркиза были не часты и не продолжительны; но всякій разъ онъ раздавалъ подарки. Сколько фарфоровыхъ, хрустальныхъ и серебряныхъ вещей берегли у насъ какъ святыню, потому что это были подарки маркиза. Розовое атласное платье маменьки, съ серебряными украшеніями на фижмахъ, было подарено маркизомъ; золотые часы съ репетиціей подарилъ папенькѣ маркизъ; жемчужное ожерелье, которое показывали намъ въ праздничные дни, было дано тоже маркизомъ. Но никто не говорилъ мнѣ, зачѣмъ маркизъ дарилъ намъ всѣ эти драгоцѣнныя вещи. Съ перваго взгляду на маркиза никакъ нельзя было узнать, что онъ такъ богатъ, однако жъ, видно, у него было много денегъ: иначе слуги не кланялись бы ему такъ низко.

Если бъ онъ пріѣхалъ прежде, то прибытіе его могло бы, можетъ-быть, имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу бѣднаго Готлиба.

Я не смѣлъ войти въ гостинную, гдѣ маркизъ скорыми шагами прохаживался взадъ и впередъ, а Сусанна не позволяла мнѣ подслушивать у дверей. Онъ, казалось, былъ въ сильномъ волненіи и когда, провожаемый родителями моими, вышелъ на лѣстницу, то я могъ еще разслышать послѣднія слова, которыя онъ произносилъ, съ живостію размахивая руками:

— Онъ не хочетъ платить долговъ, не хочетъ! Вы са-

Digitized by Google

ми слышали. Съ барабаннымъ боемъ провозгласилъ онъ объ этомъ, а при звукахъ трубъ и литавръ ему прокричатъ: ты долженъ! Онъ обнародовалъ, что не будетъ платить ихъ. Отцовскіе же долги всѣ будутъ уплачены, провозгласилъ онъ, а между-тѣмъ никому не платитъ! Зачѣмъ онъ такъ поступилъ? Затѣмъ, что думалъ, что у отца долговъ нѣтъ. Нѣтъ долговъ?... Да пусть онъ положитъ на вѣсы все королевство свое съ одной стороны, и требованія мои съ другой, такъ посмотримъ, на чьей будетъ перевѣсъ! Если онъ не хочетъ платить долговъ отца, такъ не долженъ носить и [illegible] корону!...

Родители мои почтительно слушали, но ничего не отвѣчали. Маркизъ хотѣлъ продолжать, но отецъ мой замѣтилъ ему, что за дверьми могъ стоять кто-нибудь, понимающій по-французски. Онъ тотчасъ замолчалъ и маменька воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы представить ему меня.

Видъ мой какъ-будто бы тронулъ его. Онъ хотѣлъ поднять меня, но я былъ слишкомъ тяжелъ; только тогда замѣтилъ я, что онъ былъ не высокъ ростомъ, слабаго сложенія, и имѣлъ на спинѣ небольшую неровность.

— Какъ онъ выросъ! сказалъ онъ, гладя меня по головѣ длинными, бѣлыми пальцами, на которыхъ блестѣли перстни съ драгоцѣнными каменьями. Мнѣ даже показалось, что на глазахъ его выступили слезы.—Чувствуетъ ли онъ особенное расположеніе къ какому-нибудь званію или роду занятій?

Маменька хотѣла-было сказать, что мнѣ очень хочется быть офицеромъ на лошади, но папенька скоро перебилъ ее, сказавъ:

— Онъ не смѣетъ еще объ этомъ думать.

— Прилежно ли онъ учится?

— Ему не позволяютъ лѣниться, отвѣчалъ отецъ.

— Ему надобно учиться по-италіянски, продолжалъ маркизъ. По-италіянски! непремѣнно. Италіянскій языкъ исполненъ мелодіи, звучности, гармоніи, полноты, нѣжности и силы, мягкости и твердости! Таковъ долженъ быть характеръ мужчины! A propos, съ характеромъ ли онъ? Родители мои не успѣли еще отвѣчать, какъ онъ,

Digitized by Google

придерживаясь за перилы, сбѣжалъ уже съ лѣстницы. Мы едва могли слѣдовать за нимъ.

— Даютъ ли тебѣ карманныя деньги? спросилъ онъ меня, забывъ уже прежній вопросъ свой.

Папенькѣ было очень непріятно, что я сказалъ:—Нѣтъ; а потому онъ прибавилъ: — Онъ получаетъ все, что ему нужно.

— Иногда надобно имѣть болѣе этого, сказалъ маркизъ и вынулъ изъ кармана пять талеровъ и сардинскій червонецъ.—Въ слѣдующій разъ, прибавилъ онъ, когда ты будешь знать по-италіянски, то получишь пять испанскихъ дублоновъ и португальскій червонецъ. Что тебѣ еще нужно?

— Шпагу! вскричалъ я, обрадовавшись случаю открыть тайное желаніе мое.

— Кривую? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, прямую, отвѣчалъ я.

Боже мой, что я надѣлалъ!

— Этому не бывать! закричалъ маркизъ, сталъ бранить папеньку, что онъ меня худо воспитываетъ и почти заплакалъ отъ досады. Насилу удалось маменькѣ успокоить его тѣмъ, что я еще ребенокъ, и самъ не знаю что говорю. Гнѣвъ его скоро прошелъ; онъ отеръ слезы и смотря на меня ласково, сказалъ:

— Тебѣ, бѣдняжка, нельзя носить прямой шпаги, потому что ты не дворянинъ. Не плачъ, не плачъ; попроси меня о чемъ-нибудь другомъ.

О чемъ мнѣ было болѣе просить! Чтобы меня не наказывали? Тогда-то бы мнѣ и досталось! И такъ я ни о чемъ не просилъ. Маркизъ поцѣловалъ сначала меня, а потомъ торжественно маменьку въ бѣлый, прекрасный лобъ ея. Папенька поклонился очень низко. Сусанна схватила полу краснаго кафтана, поцѣловала ее, наклонившись чуть не до земли и сказала:

— Dieu vous bénisse, monsieur le Marquis.

И такъ я долженъ былъ учиться италіянскому языку. Зачѣмъ? Такъ угодно было маркизу. Ни мать моя, ни отецъ, никто изъ всей фамиліи не зналъ по-италіянски, и врядъ-ли во всемъ Берлинѣ можно было въ 1740 году найти десять человѣкъ, которымъ этотъ языкъ былъ

Digitized by Google

знакомъ. Въ самыхъ учителяхъ былъ такой недостатокъ что для меня должны были нанять отставнаго солдата изъ Ломбардіи, великана, служившаго въ лейбъ-гвардіи покойнаго короля. Этотъ человѣкъ, по природѣ своей, былъ всегда и всѣмъ недоволенъ. Будучи еще на службѣ, онъ клялся каждый день, что убѣжитъ, а когда молодой король далъ ему отставку, онъ былъ очень недоволенъ; ни одного часу не хотѣлъ онъ оставаться въ холодной и безплодной странѣ, а теперь, когда у него были и средства и возможность воротиться въ Миланъ, онъ остался въ Берлинѣ и завелъ кандитерскую. Въ іюлѣ жаловался онъ на холодъ, а въ январѣ прогуливался въ тонкихъ лѣтнихъ панталонахъ и шелковыхъ чулкахъ. Онъ все зналъ лучше другихъ, все могъ сдѣлать лучше другихъ и съ италіянскою живостію и самоувѣренностью безостановочно разсуждалъ по нѣсколько часовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, разлагалъ его на мельчайшія части, спорилъ, шумѣлъ и подъ конецъ всё-таки ничего не доказывалъ.

Несмотря на то, онъ имѣлъ на меня значительное вліяніе. Если я выучился по-италіянски, то болѣе обязанъ случаю и Провидѣнію, нежели моему учителю, который во время уроковъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, спорилъ иногда о формѣ чернилицы и приходилъ въ бѣшенство отъ одной кривой буквы. Отецъ мой, слышавшій иногда бѣшеные крики моего учителя, думалъ, что онъ не даетъ мнѣ спуску, слѣдовательно, долженъ быть честнымъ человѣкомъ. Послушалъ бы папенька, какъ онъ бранилъ нѣмецкую флегму и какъ насмѣхался надъ всѣмъ нѣмецкимъ!

— Одна половина песчаная полоса, а другая, ледяная— можно ли это назвать королевствомъ? восклицалъ Италіянецъ. Отъ Берлина до Потсдама только три мили, однако, чтобъ туда доѣхать, загоняешь четырехъ лошадей и выѣхавъ утромъ всё-таки пріѣдешь когда солнце сядетъ.... и это называется большой дорогой! На поляхъ колосья стоятъ одинъ отъ другаго на пол-аршина. Можно ли это назвать полемъ, засѣяннымъ хлѣбомъ? Дубовые и еловые жолуди, вотъ ваши плоды! Хороша нація, въ которой на одной квадратной милѣ сто овецъ и три оборванныхъ мужика! Когда король кашляетъ въ Потсдамѣ, то слышно

Digitized by Google

бываетъ на всѣхъ четырехъ концахъ Пруссіи. И это вы называете королевствомъ? Берлинъ вашъ большой городъ! Да гдѣ же колонны, башни, дворцы? Гдѣ же мосты со сводами, монументы, аркады? Гдѣ живописцы, скульпторы, поэты? Гдѣ академіи, галереи и гдѣ капитолій? Гдѣ граждане и гдѣ дворяне? Варвары, а не граждане!

Когда Италіянецъ замѣчалъ, что неуваженіе, съ которымъ онъ говорилъ о моей родинѣ нѣсколько оскорбляло меня, онъ принимался разсказывать про чудеса Италіи.

Я мысленно вдыхалъ въ себя чистый, ароматическій воздухъ, наполненный солнечными лучами, видѣлъ города, въ которыхъ каждый домъ былъ дворецъ, мраморныя церкви, пеструю толпу на площадяхъ. Я слышалъ какъ толпа веселилась и шумѣла, между-тѣмъ какъ у насъ на улицахъ все было такъ однообразно, чинно. Какъ восхищался я тѣмъ, что нищій подъ открытымъ небомъ живетъ безъ заботъ какъ дворянинъ, что ему даже ночью не нужно жилища, потому что безъ горя и заботъ склоняетъ онъ голову на церковныхъ ступеняхъ и ни какой строгій отецъ, ни какая полиція не гонитъ его домой! Учиться никого не заставляютъ, никому не запрещаютъ играть на улицахъ; всѣ могутъ спокойно прогуливаться подъ благоухающими апельсинными деревьями, и виноградными лозами! Дыни и арбузы, которые только по большимъ праздникамъ появляются на столѣ у дядюшки-совѣтника, тамъ такъ обыкновенны, что даже уличные мальчишки не ѣдятъ ихъ. Но болѣе всего изумляло меня то, что ломбардскія молочницы такъ же прекрасны и величественны, какъ наши знатныя дамы! Одно мнѣ не нравилось—тамъ не играли въ снѣжки!... Потомъ быстрымъ оборотомъ переходилъ учитель мой къ войскамъ.

— Что это? восклицалъ онъ: такъ ли маршируютъ? Ваши солдаты не умѣютъ даже прямо стоять! А унтеръ-офицеръ переваливается со стороны на сторону, точно будто стадо овецъ гонитъ!... Это не солдаты, а дѣти, мокрыя курицы!... Разъ, два, разъ, два, шагу ступить не умѣютъ! А барабанщикъ, ни на что не похоже!... Убирайтесь вы всѣ къ чорту!...

И, взбѣшенный, открывалъ онъ грамматику, но на третьемъ же словѣ останавливался и опять начиналъ бранить.

Digitized by Google

Иногда очень искусно описывалъ мнѣ ограниченный кругъ дѣйствія бѣднаго гражданина, такъ что я самъ начиналъ страшиться своей будущности. Трудиться въ горести и нуждѣ и жить безъ всякаго наслажденія и удовольствія! Я вслушивался въ разсказы Италіянца Казери, какъ прародители наши въ сладкія рѣчи змѣя-искусителя!...

Однажды учитель исторіи посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, когда при описаніи геройскихъ подвиговъ Аѳинянъ, я глубоко вздохнулъ и на вопросъ его о причинѣ моего вздоха, отвѣчалъ, что мы не можемъ сдѣлаться ни Аѳинянами, ни Спартанцами!

— Отчего же? спросилъ учитель.

— Потому что у насъ солнце не свѣтитъ и не грѣетъ, отвѣчалъ я: горизонтъ всегда покрытъ тучами и туманомъ, земля неплодородна, природа бѣдна, у насъ нѣтъ ни страстей, ни крови въ жилахъ!... Пестрыя фразы изъ разсказовъ Казери.

Учитель сказалъ мнѣ, чтобы я не безпокоился, что за кровью дѣло не станетъ, а что страстей нѣтъ, такъ это и слава Богу! Дядюшка и папенька покачивали только головами. Но никто не догадался, гдѣ источникъ этой мечтательности, потому что Казери былъ хитеръ какъ лиса и съ родителями моими говорилъ совсѣмъ иначе, нежели со мною. При нихъ онъ называлъ меня пустымъ мечтателемъ, въ которомъ разсудокъ возьметъ однако жъ свое, только бы меня держали по-строже и по-чаще посылали въ церковь.

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы.

Однажды отецъ мой ранѣе обыкновеннаго возвратился къ обѣду. Онъ былъ очень блѣденъ. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, онъ бросилъ трость и шляпу, и скорыми шагами сталъ прохаживаться по комнатѣ.

— Такъ и есть, сказалъ онъ, какъ-бы въ отвѣтъ на боязливые взгляды матушки: императорскій австрійскій посланникъ уѣхалъ.

Не объясняя этихъ словъ, онъ вышелъ изъ комнаты, но въ ту же минуту, въ полу-растворенную дверь просунулась голова адвоката Шлипаліуса:

— Съ вашего позволенія, кумушка?

Въ первый разъ, можетъ-быть, въ жизнь свою, матушка обрадовалась адвокату.

Digitized by Google

— Скажите, ради Бога, что̀ случилось?

— Война, война! сказалъ адвокатъ, злорадостно улыбаясь. — Рѣшено. Всѣ штабъ-офицеры торопятся во дворецъ, гдѣ эта новость будетъ объявлена имъ оффиціально.

— Война, война! повторяла матушка машинально, какъ-бы не вѣря этимъ словамъ.

— Война, кумушка! Inter arma silent leges. Пожары, кровь и убійства, иначе быть не можетъ. Будутъ стрѣляться, колоться и рубиться. Что̀ такое война? Процессъ, гдѣ вмѣсто доказательствъ употребляютъ пули, а вмѣсто перьевъ—штыки! Бумага же дороже всякаго пергамента, *потому* всякая переписка производится на тѣлѣ человѣческомъ кровавыми чернилами!... Дѣло вотъ въ чемъ: у Маріи Терезіи оспориваютъ законное право на отцовское наслѣдіе....

— Боже мой, Боже мой! вскричала маменька, невольнымъ движеніемъ сжавъ меня въ объятіяхъ.

— Пойдутъ-то въ походъ всѣ войска наши, но сколько ихъ воротится, это другое дѣло. Ужъ будетъ война, какой мы еще не видывали! Вѣдь мы идемъ не на Шведовъ и Поляковъ, а на всю австрійскую армію, съ которою принцъ Евгеній, блаженной памяти, побилъ великаго французскаго короля, разогналъ Турковъ и овладѣлъ Бѣлградомъ. Тамъ всѣ народъ опытный, а у насъ едва-ли изъ десяти одинъ нюхивалъ порохъ! Конецъ можетъ быть дурной. Насъ порядочно поколотятъ. И кто знаетъ? сегодня у насъ на головѣ королевская корона, а завтра будемъ рады, если на плечахъ оставятъ мантію курфирста!

Адвокатъ ушелъ, потому что батюшка воротился въ комнату, гдѣ мы сидѣли. Несмотря на доброе расположеніе къ Шлипаліусу, отецъ мой никогда не могъ простить ему недостатка любви къ отечеству. Мнѣ никогда еще не случалось видѣть твердаго, сильнаго отца моего въ такомъ разстроенномъ положеніи. Мрачный и молчаливый прошелся онъ, по обыкновенію своему, раза два по комнатѣ. Видно было, что онъ хотѣлъ говорить, искать утѣшенія; но гордость, чувство долгу, честь или что̀-нибудь другое заставляли его молчать. Наконецъ бросился онъ на диванъ, какъ изнеможенный внутреннею борьбою; схватился за голову и крѣпко прижалъ руки къ глазамъ.

Digitized by Google

Добрый геній внушилъ маменькѣ воспользоваться этой минутой. Она съ живостію схватила меня и объяснила живымъ, краснорѣчивымъ взглядомъ что мнѣ дѣлать, она бросилась со мною къ батюшкѣ. Мы упали на колѣни, схватили руки его, маменька хотѣла говорить, но одно имя сорвалось съ языка ея: Готлибъ! и слезы потекли изъ прекрасныхъ глазъ ея.

Батюшка не отталкивалъ насъ — это былъ добрый знакъ.

— Маленька, Готлиба убьютъ, проговорилъ я.

— Мужъ и отецъ! сказала матушка, замѣтивъ что батюшка слушалъ ее спокойно. Господь только испытывалъ Авраама. И твое испытаніе кончилось, ты поступилъ какъ строгій отецъ; поступи жъ теперь какъ милостивый отецъ! Ты вѣдь не хотѣлъ наказать, ты только желалъ исправить его!

Отецъ молчалъ, Матушка продолжала:

— Теперь еще есть время; но когда онъ будетъ на войнѣ, израненный, когда лошади копытами притопчутъ его, когда Готлибъ будетъ убитъ, тогда будетъ поздно!

Батюшка покачалъ головой.

— Я любилъ этого мальчика, сказалъ онъ.—И точно, въ ту только минуту понялъ я, что онъ любилъ Готлиба, что онъ любилъ его болѣе, нежели меня. Видно было, что слова маменьки произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ прислушивался къ раздававшемуся вдали барабанному бою....

— Испытай только одинъ разъ, продолжала маменька, всё-еще оставаясь на колѣняхъ: можетъ-быть, на него подѣйствуетъ ласка, милость. Нѣтъ на свѣтѣ такого преступника, на котораго не подѣйствовало бы милостивое слово. Какъ радуется сердце, когда послѣ продолжительнаго дождя, проглянетъ солнышко! Человѣкъ становится добрымъ, когда радуется. Обрадуй Готлиба, и онъ сдѣлается добрымъ! Онъ, вѣроятно, надѣется теперь на отца; о! не обмани его надежды—только этотъ разъ, только одинъ разъ! Слово отца будетъ для него какъ первый теплый весенній лучъ солнца послѣ долгой зимы. Когда его отдали въ солдаты, то было мирное время—теперь же война; неужели ты хочешь, чтобы его убили, сдѣлали на-

Digitized by Google

никой! О, нѣтъ, нѣтъ, ты этого не захочешь, ты не можешь этого хотѣть! Возьми назадъ строгій приговоръ свой!

О, зачѣмъ она употребила это слово!

— Назадъ!.... вскричалъ отецъ и лицо его опять нахмурилось.

Честный, но жестокій Нѣмецъ никогда не отступалъ ни одного шагу назадъ. Намѣреніе, которое онъ однажды принялъ, непремѣнно исполнялось. Онъ могъ простить, онъ охотно бы простилъ, потому что онъ чувствовалъ столько любви въ душѣ своей, что простилъ бы цѣлому міру, но....—Слова своего *я назадъ* не возьму! вскричалъ онъ и всталъ. Маменькѣ удалось бы, можетъ-быть, еще умилостивить его, но, по несчастію, въ это самое время послышались на лѣстницѣ голоса французскихъ дядюшекъ. Быстрымъ движеніемъ поднялъ отецъ жену свою:

— Не здѣсь твое мѣсто.

Все было кончено.

— Знаете ли, сказалъ совѣтникъ, входя: войска наши отправляются въ Силезію.

— Въ Силезію! вскричалъ батюшка и грудь его высоко подымалась и грубый голосъ его звучалъ страшно, какъ-бы крикомъ онъ хотѣлъ придать себѣ твердости.... — слѣдовательно, Готлибъ идетъ въ Силезію....

— Вспомните, вы говорили....

— И говорилъ, что домъ мой закрытъ для того, кто опозорилъ его!.... Я сдержу свое слово. Король нашъ не боится ставить въ эту кровавую игру благосостояніе своего народа и свое собственное, династію свою, государство свое, а вы думаете, что простому гражданину жаль пожертвовать сыномъ! Передъ тѣмъ самымъ судьей, передъ которымъ Фридрихъ Второй дастъ отчетъ въ поступкахъ своихъ, предстану и я, и онъ увидитъ, что я всегда шелъ по прямой дорогѣ, ни пол-шага не отступая ни направо, ни налѣво. И пусть онъ умираетъ съ-голоду или жажды, пусть лежитъ окровавленный въ холодномъ снѣгѣ или горячемъ пескѣ, пусть онъ, изуродованнымъ калѣкой постучится въ двери родительскаго дому, или пусть принесутъ его на носилкахъ и на порогѣ моемъ испуститъ онъ послѣдній вздохъ, я всѣ-таки не буду ни пла-

Digitized by Google

кать, ни раскаяваться..., потому что поступилъ справедливо!

Жаръ, съ которымъ батюшка произносилъ эти слова, былъ искусственный. Онъ кончилъ, и блѣдный, изнеможенный, медленно удалился. Мы молчали.... да и что намъ было говорить!

Строже нежели когда-либо смотрѣли за тѣмъ, чтобы я не выходилъ изъ дому и не видѣлъ выступленія войскъ. Отъ одного изъ товарищей своихъ узналъ я, что высокій мужчина, закутанный въ плащъ, стоялъ на мосту и потомъ вмѣстѣ съ народомъ послѣдовалъ за удалявшимися солдатами за городъ. Тамъ, когда войска на минуту остановились, высокій мужчина вмѣшался въ толпу солдатъ и вложилъ что-то одному изъ нихъ въ руки. Солдатъ увидѣлъ туго набитый кошелекъ, но прежде нежели онъ могъ поблагодарить, высокій мужчина исчезъ. Готлибъ даже не узналъ отца своего!....

—

Весело жить и быть молодымъ въ такое время, когда новый духъ смѣло вступаетъ на арену всемірной исторіи и смѣло бросаетъ перчатку столѣтнимъ предразсудкамъ. Какое прекрасное время было въ Германіи, когда Лютеръ мощною рукою ударялъ по виттенбергской каѳедрѣ и когда голосъ его распространялся по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и достигалъ до стѣнъ Ватикана! Первыя дѣянія Фридриха Великаго можно сравнить съ юнымъ мужествомъ знаменитаго августинца. Какъ поблѣднѣла коварная политика передъ утреннимъ лучомъ, блеснувшимъ на мечѣ юнаго героя! Никто не вѣрилъ, чтобы онъ осмѣлился итти противъ древняго, вѣками утвержденнаго трона, а между-тѣмъ, Фридрихъ куда ни появлялся, вездѣ побѣждалъ!

И у насъ въ Берлинѣ всѣ умы были такъ озадачены смѣлостію молодаго короля, что никто не могъ предвидѣть послѣдствій, не понимая настоящихъ дѣйствій. «Ja, ja,» угрюмо говорили бюргеры, значительно покачивая головами и попивая пиво; но этимъ ограничивались всѣ сужденія ихъ.

Несправедливо было бы сказать, что въ нѣмецкихъ жилахъ нѣтъ огня. Тихо горитъ онъ, и тогда только, когда

Digitized by Google

нагрѣется тѣло, вспыхиваетъ пламя.... но потомъ оно свѣтитъ ярко и жжетъ! Бываютъ минуты, когда вдругъ какая-то завѣса спадаетъ съ глазъ нашихъ и воодушевленіе, свѣтлое какъ сѣверное сіяніе, и теплое какъ іюльскій день, оживляетъ Германца. Такая минута наступила для Пруссіи. Силезія сдалась намъ безъ битвы, Глогау былъ взятъ приступомъ, древній Бреславль отворилъ войскамъ нашимъ свои ворота. Бюргеры всё-еще говорили «Ja, ja,» но покачивали головами не со стороны на сторону, а сверху внизъ, значительно улыбаясь и покрякивая съ удовольствіемъ, послѣ каждаго глотка пива. Казалось, во всей Бранденбургіи скрывались до-тѣхъ-поръ горячіе уголья подъ золой.... вѣтеръ сдулъ ее и вездѣ засвѣтилось яркое пламя патріотизма!.... И тяжелый языкъ развязался.... поэтъ Раммлеръ въ прекрасныхъ гимнахъ воспѣлъ дѣянія и славу Фридриха.

Отецъ мой долго принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые недовѣрчиво покачивали головами. Старый князь Дессаускій, по обыкновенію своему, открыто хулилъ нѣкоторыя распоряженія Фридриха, приведенныя въ исполненіе не по старинному порядку; онъ даже готовъ былъ переначать удачно исполненное, только потому, что оно удалось не по старой тактикѣ. Все, что ни дѣлалось, было необдуманно и успѣхъ, по мнѣнію стараго князя, былъ незаслуженный. Несмотря однако жъ на ропотъ свой, онъ радовался при каждомъ новомъ извѣстіи, за стаканомъ провозглашалъ виватъ королю своему и никому не позволялъ сказать ни одного слова противъ молодаго героя.

Но ничто не убѣждало Италіянца Казери, который рѣшился, во что бы то ни стало, восхищаться Маріей Терезіей. Онъ надѣлялъ ее всѣми прелестями и преимуществами, могущими украшать молодую, прелестную дочь императора. И противъ этого идеала красоты, милости, величія, осмѣлился выступить бездушный молодой король? Отнять у слабой женщины часть отцовскаго наслѣдія ея, было первымъ дѣйствіемъ его по вступленіи на престолъ!

— Этьенъ! восклицалъ Казери съ италіянскою горячностью: если ты когда-нибудь осмѣлишься итти противъ обворожительной императрицы, то я собственными рука-

Digitized by Google

ни задушу тебя! Чудесный, геройскій подвигъ! Итти войною противъ женщины, чтобы обрѣзать у нея часть атласнаго ея плеча. Но берегись! она можетъ оглянуться и бросить на него такой взглядъ, что онъ невольно упадетъ на колѣни!.... Марія Терезія, продолжалъ онъ, поднявъ сложенныя руки кверху, ты, которая говоришь по-флорентински, точно будто родилась въ Миланѣ, ты, очаровательнѣйшая изъ царскихъ дочерей, повелительница страны, въ которой говорятъ на десяти языкахъ, въ которой течетъ токайское вино и чеканятся червонцы, за дѣло твое вступится Пресвятая Богородица, твоя покровительница; она сама поведетъ полки твои.

Какой рыцарь? думалъ я. Дядюшка, папенька и учитель исторіи сказали мнѣ, что рыцарей теперь нѣтъ. Однако Казери, говоря о немъ, очень значительно посматривалъ на меня—вѣрно не даромъ! Этотъ рыцарь у меня изъ головы не выходилъ, такъ же какъ и Марія Терезія. Нѣсколько ночей снилась она мнѣ, окруженная непріятелями; вдругъ являлся рыцарь, спасалъ ее и упадалъ передъ нею на колѣни; она подавала ему руку и просила поднять забрало. Онъ исполнялъ желаніе ея и въ рыцарѣ я узналъ—самого себя! Она обнимала и цѣловала меня.

— Этьенъ, что̀ у тебя красные глаза? Ты плакалъ? спросилъ меня однажды папенька, когда я пришелъ къ завтраку.

— Нѣтъ, папенька, я не плакалъ, отвѣчалъ я.

— Какъ не плакалъ? Да у тебя еще и теперь слезы на глазахъ.

Если бъ я сказалъ, что я видѣлъ сонъ, то мнѣ еще хуже бы досталось, нежели за слезы. Папенька терпѣть не могъ сновъ.

— О чемъ ты плакалъ? говори сейчасъ.

— О Маріи Терезіи, отвѣчалъ я, потому что во взорѣ отца было что̀-то невольно заставлявшее говорить правду.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня; вѣроятно, онъ думалъ сначала, что я плакалъ о Готлибѣ.

— Какое тебѣ дѣло до Маріи Терезіи? О чемъ ты плакалъ?

— О томъ, что они такъ дурно поступаютъ съ нею и хотятъ у нея все отнять.

Digitized by Google

— Кто хочетъ у нея все отнять?

— Враги ея, отвѣчалъ я осторожно.

— А кто враги ея? закричалъ онъ вспыльчиво. Я молчалъ. Онъ схватилъ меня за-воротъ.—Не угодно ли вамъ будетъ сказать, кто враги ея? Ужъ не держишься ли ты партіи Маріи Терезіи, непріятельницы всемилостивѣйшаго короля нашего? закричалъ громовымъ голосомъ отецъ мой.

— Мнѣ жаль бѣдной Маріи Терезіи!

Я получилъ въ отвѣтъ пощечину.

— Вотъ тебѣ на память за то, что ты за-одно съ врагами всемилостивѣйшаго нашего короля. Кто тебя этому научилъ? Я ли, или маменька, или пасторъ, когда онъ молится за королевскій домъ? Кто?

Я молчалъ.

— Что, жаль тебѣ еще Маріи Терезіи?

— Жаль, отвѣчалъ я упрямо.

Оплеухи посыпались справа и слѣва.

— Вотъ тебѣ за Марію, а вотъ и за Терезію!.... Щеки мои горѣли, но я не плакалъ.—Если ты опять будешь думать о Маріи Терезіи, такъ не забывай же и меня!

Отеческія пощечины не могли однако жъ заставить меня полюбить Фридриха. Я не скрывалъ нѣсколько распухшей и раскрасившейся щеки своей; напротивъ, я гордился ею какъ мученикъ за правое дѣло. Казерн былъ постояннымъ въ предположеніяхъ, что нашей арміи придется плохо.

— Если бъ ты былъ смѣлѣе, сказалъ мнѣ однажды Италіянецъ: ты бы убѣжалъ. Мы бы вмѣстѣ перешли къ Австрійцамъ.

Перейти! Это было ужасное слово. Я испугался при одной мысли объ этомъ.... но тутъ же я вспомнилъ, что вѣдь и Готлибъ хотѣлъ убѣжать и лучше бы сдѣлалъ, потому что тѣмъ избавился бы отъ побоевъ, не попалъ бы въ солдаты и не долженъ былъ бы итти пѣшкомъ на войну. Я не могъ себѣ иначе представить Австрійцевъ какъ кавалеристами, между-тѣмъ какъ у Прусаковъ была пѣхота, которую я ненавидѣлъ еще болѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ бѣднаго Готлиба сдѣлали пѣхотинцемъ.

Digitized by Google

— Что же мы будемъ дѣлать у Австрійцевъ? спросилъ я.

— Мы присягнемъ служить вѣрой и правдой прелестной Маріи Терезіи, отвѣчалъ Итальянецъ.

Все это было прекрасно, но я тутъ же вспомнилъ, что защищая Марію Терезію, я долженъ былъ итти противъ земляковъ своихъ.

— Варвары! вскричалъ Казери; варвары, а не земляки! Долгъ всякаго рыцаря есть сражаться противъ варваровъ!

И это могло быть справедливо, но всё-таки мнѣ не хотѣлось бы итти противъ Готлиба, роднаго брата своего, и я прекратилъ этотъ разговоръ, хотя всё болѣе и болѣе привязывался къ прелестной императрицѣ.

—

Двадцать четыре трубача провозглашали по широкимъ, свѣтлымъ улицамъ новаго Берлина о первой великой побѣдѣ, одержанной прусскимъ оружіемъ. Толстымъ слоемъ лежала пыль на высокихъ сапогахъ курьера, за которымъ слѣдовали трубачи; онъ же самъ былъ весь закиданъ лентами и вѣнками. Отъ самаго Шарлоттенбурга провожали его толпы народа. Какъ смѣло сидѣлъ онъ на конѣ, какъ блестѣли большіе голубые глаза его, какая радость сіяла на загорѣломъ лицѣ! На каждомъ шагу кланялся онъ знакомымъ, и на него онъ смотрѣлъ, тотъ былъ счастливъ! Онъ одержалъ бы множество побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ, если бъ захотѣлъ. Радостныя восклицанія раздавались по всему городу и имя бѣдной, силезской деревушки, Мольвицъ, сдѣлалось съ этого дня безсмертнымъ!

Нашихъ бюргеровъ нельзя было узнать. Иной, человѣкъ трезвый и порядочный, но недовольный слишкомъ малымъ запасомъ веселости, которымъ одарила его природа, отправлялся въ винный погребокъ и осушалъ стаканъ за стаканомъ, пока не начиналъ чувствовать слабости въ ногахъ; тогда онъ выходилъ на улицу, бросалъ шляпу вверхъ и кричалъ виватъ за виватомъ!

Отецъ мой напѣвалъ пѣсенку. Я его не узнавалъ: такъ онъ былъ гордъ и нарядевъ, такъ весело кланялъ онъ руку встрѣчному и поперечному. Ему надо было раздѣлить съ кѣмъ-нибудь радость свою, а потому онъ пригла-

Digitized by Google

силъ всѣхъ родныхъ на обѣдъ. Это былъ такой пиръ, какого въ домѣ нашемъ еще не бывало. Всѣ были заняты приготовленіями, даже старая Сусанна чистила рѣпу и запахъ изъ кухни разносился по всѣмъ комнатамъ. И синьоръ Казери былъ приглашенъ, не какъ политикъ и учитель, а какъ поваръ и пирожникъ. Тортъ съ торжественной надписью Vivat Fridericus былъ готовъ уже рано утромъ къ величайшему восторгу моему и слугъ. Самъ Италіянецъ былъ очень оригиналенъ, когда онъ въ бѣлой куртки, въ бѣломъ передникѣ и съ перстянымъ колпакомъ на головѣ, готовилъ макароны и поленту.

Всеобщая, сердечная радость оживляла всѣхъ, когда ровно въ часъ мы садились за столъ. Вино, рѣдкость въ экономномъ хозяйствѣ нашемъ, достигло и до людскихъ; доказательствомъ тому служилъ шумъ, доходившій до насъ со двора. Намъ прислуживали дурно, то разбивалась тарелка, то стаканъ; однако жъ отецъ мой не сердился,—онъ весь предался радости о торжествѣ молодаго короля. Строгіе обычаи дому нашего дотого нарушились, что всѣ хоромъ запѣли хвалебную пѣснь и сама тѣтушка-совѣтница вилкой била тактъ по столу. Прекрасный, высокій хрустальный бокалъ съ вышлифованной короной и надписью Fridericus-Wilhelmus Rex переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ рта ко рту, безпрестанно наполняясь, и маленькая Стефанія, сидѣвшая возлѣ меня сказала, что я пью слишкомъ много, но я отвѣчалъ ей, что это въ честь короля Фридриха, и что онъ самъ за это отвѣчаетъ.

Только одинъ человѣкъ не принималъ участія въ общей радости. Шляпаліусъ, хотя и старался принудить себя улыбаться и смягчать голосъ при всякомъ новомъ тостѣ, но, по натурѣ своей, онъ не могъ быть въ хорошемъ расположеніи духа тамъ, гдѣ всѣ радовались и веселились. Онъ не могъ ѣсть до-сыта и вино казалось ему горькимъ. Мнѣ всѣ казалось, что онъ возметъ трость и шляпу, но до обѣда еще видѣлъ онъ въ кухнѣ на вертелѣ индѣйскаго пѣтуха и это удерживало его.

Вино веселитъ сердце человѣка, но оно заставляетъ его иногда забываться—особенно ребенка, не привыкшаго къ нему. Маленькая Стефанія была права, когда увѣщевала

Digitized by Google

меня не пить слишкомъ много, потому что вскорѣ мной овладѣла непреодолимая охота сыграть съ адвокатомъ какую-нибудь шутку. Я опустился подъ столъ, чтобы поднять салфетку. Вдругъ увидѣлъ я въ щели иголку.... искусительница блестѣла и какъ-будто говорила:

— Возьми меня и уколи адвокату Шлипаліусу икру!

Но толстая подошва адвоката, безпрестанно постукивавшая по полу, говорила:

— Не тронь, будешь битъ.

Однако жъ тоненькая, англійская иголочка блестѣла такъ ярко:—Колй только, никто не увидитъ; онъ подумаетъ, что это комаръ.

— Не тронь, скрыпѣла подошва: ты не знаешь, что изъ этого воспослѣдуетъ.

— Колй: такой случай не скоро представится.

Я бы, можетъ-быть, и не послушался искусительницы, если бъ въ то самое время, какъ я ее вытаскивалъ изъ щели, толстая подошва нарочно или ненарочно наступила мнѣ на руку.... пальцы мои требовали мщенія и икра, покрытая сѣрымъ шерстянымъ чулкомъ, поплатилась за оскорбленіе, причиненное подошвой.

— Что съ вами, кумъ? спросилъ отецъ мой, замѣтивъ гримасу адвоката.

— Маленькія судороги въ ногѣ, отвѣчалъ протяжно адвокатъ, съ пріятной улыбкой смотря на меня, когда я вылѣзалъ изъ-подъ стола. Я покраснѣлъ до ушей и понялъ, что дѣло плохо. Адвокатъ ничего въ жизнь свою, даже улыбки, не давалъ никому даромъ.

— Что вы ищете въ карманѣ, кумъ? продолжалъ отецъ.

— Я кое-о-чемъ вспомнилъ теперь, случайно. Только бездѣлица....

— Сегодня и бездѣлица важна, если она въ состояніи содѣйствовать искренней радости добрыхъ гражданъ, отвѣчалъ батюшка, ожидавшій поэмы.

— Съ искренней радостью добрыхъ гражданъ она, конечно, не имѣетъ ни какой связи....

— Всё-равно, давайте только!

Отецъ мой нѣсколько разочаровался, когда вмѣсто ожидаемой бумаги, въ костлявыхъ пальцахъ адвоката появились три сѣренькихъ, мраморныхъ шарика. Какъ забли-

Digitized by Google

стали сѣрые узенькіе глаза, какъ выступили грязные зубы изъ широкаго рта, когда онъ мнѣ ихъ показалъ!

— Знакомы тебѣ эти шарики?

Я поблѣднѣлъ. На лицѣ маменьки выразился страхъ. Стефанія схватила подъ столомъ руку мою, а папенька спросилъ:

— Что это значитъ?

— Ничего, геръ инспекторъ; не хочу портить такого прекраснаго дня воспоминаніями о ребяческой злобѣ! Меня только удивляетъ, какъ эти шарики остались съ тѣхъ-поръ у меня въ карманѣ?

Слово «злоба» требовало объясненій. Индѣйскій пѣтухъ былъ уже на столѣ, запахъ отъ него разносился по комнатѣ, когда я долженъ былъ встать, пока адвокатъ объяснялъ все дѣло.

— Онъ дерзнулъ бросить въ васъ! вскричалъ папенька.

— Юношеская кровь, кумъ; это въ духѣ нашего времени. Другія времена, другіе нравы! Нынче дѣти насъ учить хотятъ.

Обстоятельство это было очень непріятно папенькѣ, но какъ добрый патріотъ, онъ не хотѣлъ сердиться въ такой радостный день, а потому надѣясь, что дѣло приметъ другой оборотъ, онъ спросилъ:

— Я надѣюсь, что вы его тутъ же наказали?

— Не возможно было, почтеннѣйшій! Этьенъ нашъ былъ, такъ сказать, предводителемъ цѣлой шайки отчаянныхъ уличныхъ мальчишекъ. Они готовы были закидать меня грязью и каменьями!... Впрочемъ, я надѣюсь, что онъ успѣлъ уже раскаяться въ своемъ проступкѣ.

— Слѣдовательно этимъ дѣло и кончилось?...

Никогда отецъ мой не былъ такъ милостивъ.

— Конечно, головы мнѣ проломить не изволили, а потому передаю corpus delicti въ родительскія руки, надѣясь, что *оные* мраморные шарики, какъ орудіе которымъ сынокъ вашъ посягалъ на личность извѣстной и чиновной особы, не будутъ возвращены ему, Этьеню. Только, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ своей: можетъ-быть, таковыми же шариками онъ разбилъ ваши окна, или другое какое безчинство учинилъ, когда вы нашлись вынужденными послать за полиціей?

Digitized by Google

Это несчастное слово испортило все дѣло. Отецъ мой требовалъ объясненій и жена адвоката разсказала шалость мою со всѣми подробностями. Мужъ ея вздыхалъ и говорилъ маменькѣ, дрожавшей отъ страху, что если бъ онъ это зналъ, то не говорилъ бы ни слова. Я же былъ въ веселомъ расположеніи, потому что со страху выпилъ еще цѣлый стаканъ вина сосѣда моего, адвоката.

— Когда это было? спросилъ папенька.

— Въ тотъ самый день, когда покойный король нашъ Богу душу отдалъ.

— А зачѣмъ вы молчали до-сихъ-поръ?

— Потому что онъ колпакъ, вскричала фрау Курцанна: потому что объ оскорбленіи, причиненномъ женѣ его онъ такъ же мало заботится, какъ о чернильномъ пятнѣ на зеленомъ сукнѣ письменнаго своего стола!

Между благовоспитанными родственниками моими, лавочницѣ рѣдко приходилось сказать словцо; зато ужъ теперь она расходилась! и негодный-то мальчишка я былъ, который, съ позволенія сказать, валялся въ грязи какъ свинья; и обругалъ-то я честную женщину, имѣющую свой кусокъ хлѣба; а жеманные-то, важничающіе родственники ей ни по чемъ, и Богъ вѣсть что еще она наговорила!

— Этьенъ! вскричалъ папенька, вонъ! Въ благородномъ обществѣ не терпятъ уличныхъ мальчишекъ!...

Отецъ мой былъ еще милостивъ въ этотъ день. Онъ не зналъ однако жъ, что слово «вонъ!» можетъ рѣшить судьбу человѣка. И кто изъ насъ могъ это думать? Въ столовой наступила глубокая тишина.... Матушка вздохнула и опустила глаза, даже жена адвоката бормотала сквозь зубы что-то объ излишней строгости. Одна тётушка-совѣтница осмѣлилась замолвить за меня слово.

— Неужели не проведете вы этого дня въ мирѣ и спокойствіи?

Но гордость моя была оскорблена слезами, которыя проливала за меня Стефанія: сладкое вино бродило въ маленькой головѣ моей.... Я вскочилъ, бросилъ салфетку и дерзко пошелъ къ дверямъ.

— Смотрите, вотъ какъ упрямый мальчишка благода-

Digitized by Google

ритъ васъ! сказалъ отецъ мой совѣтницѣ, и гнѣвъ его достигъ до высшей степени: Вонъ,—вонъ изъ дому!

— Помилуйте, кумъ, сказалъ Шлиппаліусъ, я думалъ что вы дадите ребенку кусочикъ жаркаго.

— Кусокъ чернаго хлѣба! вскричалъ отецъ. Этьенъ!

Я остановился у дверей, но не оборачивался.

— Хочешь кусокъ чернаго хлѣба?

— Не надо.

— Сюда! закричалъ громовымъ голосомъ отецъ мой, протягивая ко мнѣ черезъ столъ на концѣ ножа, которымъ онъ разрѣзалъ жаркое, кусокъ чернаго хлѣба. Отъ одного взгляда отца прошла у меня вся смѣлость, я задрожалъ, взялъ хлѣбъ и порѣзалъ себѣ палецъ концомъ ножа.—Вонъ изъ дому, негодяй, и до утра не показывайся мнѣ на глаза. Завтра мы съ тобой разсчитаемся.

Но мы не разсчитывались.

Это были послѣднія слова, сказанныя мнѣ отцомъ.

Маменька вскочила и подбѣжала къ дверямъ, чтобы остановить меня.

— Оставь его! сказалъ отецъ мой: никто не избѣгнетъ судьбы своей!

Не понимаю, что внушило ему эти пророческія слова.... не понимаю, отчего мнѣ стало такъ грустно, когда я перешагнулъ черезъ порогъ. Сердце мое сильно билось. Я былъ озлобленъ, однако жъ не захлопнулъ за собой двери. Я еще разъ посмотрѣлъ назадъ.... сквозь замочную скважину. Мнѣ казалось, что со мною повторилось изгнаніе Готлиба. Та же зала, тѣ же лица, тѣ же занавѣсы и черезъ тѣ же маленькія стекла дневной свѣтъ падалъ на тѣ же красные, камковые обои!... И я былъ изгнанъ.... завтра папенька хотѣлъ разсчитаться со мною, но я напередъ зналъ что ему получать нечего.... все достанется мнѣ одному. Маменька осушала прелестные глаза свои, омоченные слезами и уговаривала маленькую Стефанію, чтобы она не плакала....

На дворѣ былъ циръ. Какой-то бѣднякъ, котораго у насъ всѣ называли магистромъ и который въ каждый торжественный день являлся къ намъ со стихами своего сочиненія, не пропустилъ этого удобнаго случаю и написалъ прелинную поэму, въ которой сравнивалъ Фридриха съ

Digitized by Google

Александромъ Македонскимъ, Кесаремъ и Аннибаломъ.

Поэма эта была назначена для господъ; но слуги остановили магистра на дворѣ, поднесли ему нѣсколько стакановъ вина и заставили продекламировать стихи свои. Казери, всегда недовольный, называлъ пьянство однимъ изъ важнѣйшихъ пороковъ Нѣмцевъ; несмотря на то, онъ самъ сдѣлался совершеннымъ Нѣмцемъ въ этомъ отношеніи. Колпакъ упалъ съ головы его, за нимъ послѣдовалъ и парикъ.... Когда магистръ кончилъ, то Казери сталъ доказывать ему, что у него нѣтъ ни голоса, ни мимики, ни жестовъ, ни дара декламаціи. Чтобы научиться всему этому, надобно ѣхать въ Миланъ: тамъ на каждомъ углу можно встрѣтить импровизатора и декламатора!... Потомъ вырвалъ онъ изъ рукъ магистра стихи, вскочилъ на столъ и топая ногами, размахивая руками, прочелъ нѣсколько весьма дурныхъ стиховъ.

Я думалъ, что столъ сломается: такъ сильно Казери запрыгалъ на немъ.

— Что у васъ въ жилахъ? кричалъ онъ между прочимъ: вода съ молокомъ, да съ водкой—это развѣ кровь? Вотъ, разрѣжьте мнѣ жилу и вы увидите италіянскую кровь, горячую, кипучую, черную какъ лава! Таковы были Римляне.... Латы изъ кованнаго желѣза, копье изъ трехъ дубовъ, дрались они днемъ и ночью, зубами строили мосты, ногтями срывали горы, выпивали цѣлыя рѣки и все это, когда ими командовалъ Кесарь!

— Славный былъ народъ, Господь съ ними! сказала старая служанка, полагавшая, вѣроятно, что Римляне были добрые протестанты.

Казери соскочилъ со стола, взялъ меня за руку и вывелъ на улицу.

— Тебѣ здѣсь дѣлать нечего, Этьенъ, сказалъ онъ: чѣмъ скорѣе ты уйдешь отсюда, тѣмъ лучше. У этого народу нѣтъ души. У нихъ нѣтъ лѣта—въ іюлѣ стряхаютъ они еще снѣгъ, а въ августѣ думаютъ уже о морозѣ!... И они смѣютъ *его* сравнивать съ Александромъ? А кто былъ Александръ? Божественный юноша, побѣждавшій не только арміи мужчинъ, но и женщинъ, потому что онъ зналъ, что такое красота! А видѣлъ ли ты сѣрое, безжизненное лицо новаго Александра? Онъ все испыталъ, исплъ ча-

Digitized by Google

ину до дна и въ немъ не осталось ни страстей, ни желаній! У кого кровь не кипитъ въ жилахъ, глаза не сверкаютъ отъ жажды наслажденій, тотъ садись за печку, да пиши книги!... Плохое время, Этьенъ, сѣрое, глупое и жалкое время! Карликъ, который сдѣлаетъ себѣ высокіе каблуки, считается великаномъ!...

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ изъ-за угла послышался барабанный бой. Толпа мальчиковъ съ дѣтскими барабанами и бумажными знаменами проходила мимо.

— Вотъ ваши герои! закричалъ Италіянецъ, всплеснувъ руками, и громко захохоталъ. Куклы и мишура! Пока родители и полиція не запретятъ, такъ мы храбры!...

Начальствовавшій отрядомъ былъ старый пріятель мой, Фрицъ.

— Ступай съ нами! закричалъ онъ мнѣ.

— Куда?

— За городъ.

— Что тамъ будетъ?

— Мольвицкое сраженіе.

Я посмотрѣлъ на Италіянца. Онъ подалъ мнѣ стаканъ водки.

— Выпей, ступай и не возвращайся! сказалъ онъ.

Ярко блестѣли бумажные гренадерскіе кивера; барабаны трещали безъ всякаго такту; сердце мое билось.... Все это было чрезвычайно заманчиво.

— Только ты долженъ быть Австрійцемъ, Прусаковъ у насъ ужъ много! сказалъ Фрицъ.

Что могло быть заманчивѣе!

— Виватъ Марія Терезія! Отваливай и не приходи домой, закричалъ мнѣ еще разъ долговязый Италіянецъ.

Барабаны затрещали пуще прежняго; дома, крыши, трубы, церкви и весь городъ завертѣлся, я ничего не видѣлъ и не слышалъ до самыхъ тѣхъ поръ, какъ мы вышли за городскія ворота.

Наконецъ мы были за городомъ, на волѣ; но увы! Къ знамени Маріи Терезіи, которое я водрузилъ въ песокъ, никто не хотѣлъ добровольно присоединиться. Стали бросать монету: кому выпадалъ профиль молодаго короля, тотъ былъ Прусакъ, кому надпись—тотъ Австріецъ. Но и тутъ Прусаки должны были почти принудить противни-

Digitized by Google

комъ своихъ быть Австрійцами. По счастію, кому-то пришло на мысль, что охоту нашу подраться, мы могли выместить на комъ-нибудь другомъ.

Мы воротились въ городъ съ громкимъ шумомъ, звонили у всѣхъ дверей, смѣялись надъ весьма почтенными людьми, которые въ честь торжественнаго дня, возвращались домой нетвердымъ шагомъ и сама полиція сбросила для этого случая строгую маску свою.

Бѣгая по улицамъ, мы гдѣ-то случайно нашли маленькія дѣтскія сани. По-очередно каждый изъ насъ садился въ нихъ, а другіе тащили. Это было утомительно и вскорѣ мы нашли средство прицѣпляться къ проѣзжающимъ экипажамъ.

Вдругъ увидѣли мы красивую дорожную карету, запряженную четверкой ретивыхъ жеребцовъ. Всѣ отступили, но мнѣ именно пришла охота прокатиться за такимъ славнымъ экипажемъ.

— Оставь! кричали товарищи, но то же говорила подошва адвоката, а это самое и задѣло меня за-живое.

На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ сюртукѣ, обшитомъ по швамъ золотомъ и серебромъ; возлѣ него два статные лакея съ усами и дротиками; сундуки, прикрѣпленные къ задку кареты, были обиты серебромъ, все это было такъ великолѣпно, что изъ почтенія шапка сама съ головы валилась.

— Ну-ка, попробуй! сказалъ мнѣ Фрицъ, насмѣшливо улыбаясь.

Если бъ Фрицъ не сказалъ этого, то я, можетъ-быть, и оставилъ бы намѣреніе свое, но тутъ боязнь подвергнуться насмѣшкамъ товарищей превозмогла почтеніе, внушенное мнѣ графскимъ гербомъ на каретѣ. Улучивъ минуту, я бросилъ петлю, она прицѣпилась и сани мои запрыгали по мостовой.

Толпа школьниковъ, преслѣдовавшая карету, обратила на себя вниманіе сидѣвшихъ въ ней.

— Иванъ, не развязалось ли тамъ что? спросилъ кто-то съ саксонскимъ выговоромъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ кучеръ, замѣтившій меня при поворотѣ въ другую улицу:—какой-то мальчишка прицѣпился.

— Такъ прикажи ему уйти.

Съ обѣихъ сторонъ кареты высунулись головы, чтобы

Digitized by Google

посмотрѣть на меня. Сколько кучеръ ни хлопалъ длинным бичомъ, но никакъ не могъ достать до меня; я же съ товарищами отъ души смѣялся и надъ злостью кучера, и надъ гнѣвомъ господъ его.

Господа, сидѣвшіе въ каретѣ, оставили бы наконецъ это дѣло безъ вниманія, если бъ на каждомъ перекресткѣ не увеличивалось число любопытныхъ. Мальчикъ, который несмотря на красивую фризуру и на свѣтло-голубой кафтанчикъ обшитый серебромъ, не пренебрегалъ шутками уличныхъ мальчишекъ, забавлялъ всѣхъ; всѣ смѣялись надъ раскраснѣвшимся отъ досады лицомъ господина въ густо напудренномъ, огромномъ парикѣ, выглянувшаго изъ кареты. Кажется и патріотизмъ вмѣшался въ это дѣло, потому что хозяинъ кареты, по-видимому, принадлежалъ къ саксонскому посольству, а дрезденскій дворъ начиналъ уже въ то время нѣкоторыя козни противъ Фридриха. По этому-то случаю многіе изъ толпы кричали вслѣдъ за каретой, что обижаться нечего и что посланникъ въ этой дѣтской шалости долженъ видѣть не что иное, какъ доказательство «берлинской привязанности». Поощренія толпы до того вскружили мнѣ голову, что я ни за что въ мірѣ не выпустилъ бы веревки изъ рукъ.

— Далеко ли ты поѣдешь? спросилъ меня запыхавшись Фрицъ.

— До заставы! отвѣчалъ я, почти не замѣтивъ какъ кучеръ стегнулъ мнѣ кнутомъ подъ самый лѣвый глазъ, отчего и теперь еще у меня остался знакъ.

— Виватъ, Фридрикусъ! кричала толпа.

— Кровь! завопили товарищи мои.

— Стой! вскричалъ хозяинъ кареты.

И мгновенно все остановилось.... голова моя закружилась.... Я лишился чувствъ....

Когда я открылъ глаза, то все вокругъ меня измѣнилось. Высокая карета остановилась, саночки мои не летѣли болѣе по весьма неровной, въ то время, мостовой. Я самъ лежалъ на землѣ; отъ того ли, что карета внезапно остановилась, или отъ боли—не знаю. Изъ кареты выѣзжалъ сердитый господинъ, лакеи стояли возлѣ меня, а кучеръ съ поднятымъ бичомъ шелъ ко мнѣ.

Digitized by Google

— Эка бестія! еще держится, закричалъ одинъ слуга: стегни его хорошенько!

Сердитый господинъ въ зеленой шубѣ и аллонжевомъ парикѣ приказывалъ мнѣ, чтобы я отпустилъ веревку.... Несмотря на то, что чувствовалъ сильную боль подъ глазомъ и на порѣзанномъ пальцѣ, я судорожно стиснулъ зубы, крѣпче затянулъ веревку и ожидалъ удара. Однако до этого не дошло, потому что въ то же мгновеніе послышался дѣтскій голосокъ и хорошенькая головка маленькой дѣвочки, съ черными кудрями, выглянула изъ кареты.

— Не надо бить, не надо бить, папа. У него кровь на лицѣ.

Кучеръ остановился, но господинъ его, еще болѣе разсердившійся, схватилъ меня за воротникъ и мнѣ бы плохо пришлось, если бъ маленькая дѣвочка, которой казалось не болѣе пяти лѣтъ, не высвободилась изъ рукъ удерживавшей ее гувернантки и не подоспѣла ко мнѣ на помощь.

— Папа, что это вы дѣлаете? спросила она по-итальянски сердитаго господина, который, какъ-бы невольно повинуясь ей, остановился.

— Ты видишь, этотъ упрямый мальчишка дразнитъ насъ.

— Посмотрите, его до крови прибили! Жакъ, зачѣмъ ты прибилъ этого мальчика? спросила она кучера по-нѣмецки.

— Не прикажите ли беречь этихъ уличныхъ мальчишекъ? проворчалъ кучеръ.

Она посмотрѣла на меня ближе:—Да это не уличный мальчишка: онъ слишкомъ хорошо одѣтъ.

— Что за бѣда! продолжалъ ворчать кучеръ, между тѣмъ какъ дѣвочка смѣло подошла ко мнѣ и платочкомъ своимъ отерла кровь съ моего лица. Даже она замѣтила, что рана не была опасна.

— Онъ это заслужилъ, Евгенія, сказалъ отецъ ея, какъ будто обязанъ былъ давать ей отчетъ. Родители наказали бы его еще строже, а если полиція возьметъ его, то посадитъ въ тюрьму.

— Не надо полиціи, не надо! закричала съ живостію молодая дѣвушка, сердито топнувъ ногою.

— Неужели же мы должны позволить дразнить себя, любезная Евгенія? Посмотри сама, онъ и теперь еще держитъ веревку.

Digitized by Google

Она сама увѣрилась въ томъ и оборотившись ко мнѣ, спросила по-нѣмецки:—Скажи мнѣ, мальчикъ, зачѣмъ ты такъ шалишь?... Я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, но она продолжала:—Зачѣмъ ты дразнишь насъ? Зачѣмъ не опускаешь веревку? Хорошо ли это? Зачѣмъ ты не въ школѣ? Что скажутъ родители твои? Стыдно! Поди домой и вымойся: у тебя лицо въ крови.

Здѣсь прекрасныя читательницы мои увидятъ, какъ я въ то время былъ не любезенъ. Я, который заставилъ четырехъ ретивыхъ коней тащить себя, за которымъ съ одобрительными восклицаніями слѣдовала половина босоногаго населенія столицы, я, который не повиновался его сіятельству, не могъ хладнокровно выслушать наставленій пяти-лѣтней дѣвочки.

— Экая принцесса! тебѣ что за дѣло!... отвѣчалъ я. Слова эти были произнесены.... теперь ни чѣмъ ихъ не воротишь.

Умная дѣвочка, казалось, нѣсколько испугалась грубости моей, и я продолжалъ:—Кажется и я могу ѣхать по той дорогѣ, по которой ты ѣдешь.

Со всею живостію, свойственною жителямъ юга, просила она отца своего, чтобы онъ объяснилъ ей, имѣю ли я на то право и потомъ опять обратилась ко мнѣ:

— Ты бы могъ попросить папеньку и меня; мы взяли бы тебя къ себѣ въ карету.

— *Тебя* просить! вскричалъ я. Я не привыкъ просить такихъ маленькихъ дѣвочекъ и знать не хочу вашей кареты! Убирайтесь по-скорѣе туда, откуда пріѣхали.

Чтобы слова мои были ей понятнѣе, я сказалъ ихъ по-италіянски, что еще болѣе удивило ее.

— Фи! Ты говоришь по-италіянски и такъ грубъ. Знаешь ли, ты будешь дурной человѣкъ.

— А знаешь ли ты, что тебѣ долго надо будетъ ждать, пока добудешь мужа.

— Это не бѣда, сказала она съ досадой.

— А знаешь ли отчего? Отъ того, что ты ужъ черезъчуръ разумна!

— Ты дурной, негодный мальчикъ! Ты никогда не доставишь счастія своимъ родителямъ. Ты будешь ихъ огорчать и изъ тебя никогда ничего дѣльнаго не будетъ.

Digitized by Google

И ты никогда не женишься: ни одна дѣвушка не выйдетъ за тебя! потому что ты такой грубый мальчишка каких ъ на свѣтѣ мало.

Я не отставалъ отъ нея; мы говорили оба вмѣстѣ и не понимали другъ-друга. Я часто слышалъ, какъ тётушки мои бранили дочерей своихъ и нарочно, чтобы больше огорчить маленькую разумницу, употреблялъ тѣ же выраженія.

Горько заплакавъ, бросилась она къ отцу, жалуясь на невѣжливость берлинскихъ мальчиковъ. Ее усадили въ карету, одинъ изъ лакеевъ перерѣзалъ веревку саней моихъ, кучеръ взмахнулъ кнутомъ и лошади понеслись.

И вотъ я съ санями своими остался посреди улицы, окруженный толпой громко смѣявшихся мальчишекъ. Вдругъ откуда ни возьмись, явился полицейскій сержантъ, который, узнавъ все дѣло, безъ церемоніи схватилъ меня за воротъ и непремѣнно отвелъ бы домой, если бъ злой геній нашего дому, адвокатъ Шлиппаліусъ, не попался намъ на встрѣчу.

— Прекрасно, прекрасно! ты перещеголялъ еще почтеннаго своего братца Готлиба. Видно, хотѣлъ иголочкой въ икру уколоть? Это не всякой снесетъ. Ну, обрадуется жъ маменька, когда ты воротишься домой, въ сопровожденіи полиціи. Готлибъ попался только за жидовку. Тебѣ этого мало; ты выше идешь. Ты оскорбляешь посланниковъ! хорошо! Это дойдетъ до его высочества. Хорошо! но что послѣ будетъ, то еще лучше!

Доброе имя мое было навѣки потеряно въ Берлинѣ! О, зачѣмъ не уцѣпился руками и зубами за карету, чтобы она увлекла меня за собою оттуда, гдѣ я не смѣлъ уже смотрѣть на дневной свѣтъ. Сознаніе положенія моего возрастало во мнѣ съ каждымъ шагомъ, свинцовая тяжесть окована мои ноги.

Могъ ли я теперь предстать передъ отцомъ своимъ, не смотрѣть на маменьку?.... Я вспомнилъ объ Италіянцѣ; слова его раздавались въ ушахъ моихъ и твердая рѣшимость овладѣла мною: они меня больше не увидятъ!... Воспользовавшись минутой, когда толпа разлучила меня съ сержантомъ, я, какъ стрѣла, бросился за уголъ. Наступавшіе сумерки благопріятствовали моему побѣгу. Не оглядываясь

Digitized by Google

ьшался, бѣжалъ я изъ улицы въ улицу и только у заставы остановился на-минуту.... Тамъ стояла дорожная коляска и какой-то мужчина, въ красномъ французскомъ кафтанѣ разговаривалъ съ досмотрщикомъ. Это былъ *онъ!*.... Но ни обѣщанные дублоны, ни заступничество *его* не остановили меня. У меня въ карманѣ были еще три талера и сардинскій червонецъ, которые онъ мнѣ подарилъ, и этого достаточно было, чтобы бѣжать туда, гдѣ нѣтъ служанокъ, которыхъ посылаютъ за прутьями, нѣтъ семейныхъ совѣщаній и іохимтальской гимназіи!

Я добрался до песчанаго пригорка и тамъ отдохнулъ.... Была темная ночь и столица, съ тысячами огней, лежала у ногъ моихъ. Я прощался съ нею и сердце мое сильно билось. На всѣхъ башняхъ звонили въ колокола и мнѣ казалось, что они безпрестанно повторяли: бѣглецъ! бѣглецъ! Мнѣ стало страшно. Мысль о маменькѣ сдавила мнѣ сердце и слезы невольно потекли по щекамъ моимъ. Въ черной массѣ, усыпанной огнями какъ звѣздочками, старался я опредѣлить то мѣсто, гдѣ былъ нашъ домъ, сложилъ руки и хотѣлъ молиться.... но не могъ. Слезы всё сильнѣе струились изъ глазъ моихъ. Я закрылъ глаза.... и какъ свѣтлое видѣніе во мракѣ предстала передо мною маменька. Взоръ ея былъ грустенъ, но она улыбалась.... поцѣловала меня и исчезла....

Холодный ночной воздухъ проникъ меня насквозь. Я крѣпче застегнулъ кафтанъ свой, перевязалъ раненную щеку, еще разъ простился съ Берлиномъ и пошелъ.... Куда? Я самъ не зналъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я опять закрылъ глаза и новое видѣніе представилось мнѣ.... Молодая женщина съ золотыми кудрями, съ короной на головѣ и въ парчевой мантіи.... она манила меня къ себѣ.... Это была Марія Терезія! Радость опять проникла въ мое сердце. Я былъ увѣренъ, что съ тремя талерами и кускомъ хлѣба въ карманѣ, вездѣ будетъ лучше, нежели въ Берлинѣ.

А куда мнѣ было мнѣ и итти, какъ не къ Маріи Терезіи?

Вечерній вѣтеръ покачивалъ верхушки деревъ въ паркѣ, и тѣни ихъ всё далѣе и далѣе проникали въ окна замка и ложились на паркетъ.

Digitized by Google

Графиня положила книгу на столъ и подошла къ окну.

— Не прикажете ли подать огня? спросила ее компаніонка.

Графиня отрицательно покачала головой, открыла окно, опять закрыла его и подошла къ другому. Компаніонка разсѣянно открыла книгу, съ полу-насмѣшливой улыбкой поглядывая на графиню.

— Ты, кажется, хотѣла принесть огня? сказала послѣдняя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Но вѣдь вы не приказали.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, вѣтеръ можетъ задуть свѣчу.

— Здѣсь? въ комнатѣ? Вы очень разсѣянны.

— А ты не разговорчива. Разскажи мнѣ что-нибудь.

— Не прикажете ли, разсказать вамъ какую-нибудь исторію о привидѣніяхъ? Теперь, въ темнотѣ это было бы очень кстати. Скажите, ради Бога, отчего вы такъ скучны, такъ задумчивы? Зимняя квартира наша и безъ того уже не такъ-то пріятна.

— Принеси огня, сухо отвѣчала графиня. Компаніонка улыбнулась украдкой, и вышла изъ комнаты.

Графиня Евгенія медленно прохаживалась взадъ и впередъ. Шорохъ атласнаго платья ея разносился по обширной залѣ; сквозной вѣтеръ шевелилъ камковыми занавѣсями оконъ и тѣни отъ тяжелыхъ кистей играли на полу.

Мѣсяцъ тускло освѣщалъ пруды парка и обширные луга. Усиливавшійся вѣтеръ игралъ ставнями и наносилъ изъ отдаленной корчмы пѣсни прусскихъ солдатъ. Графиня остановилась у окна, приложила лицо къ холодному стеклу и со вниманіемъ устремила взоръ къ колодцу, возлѣ котораго что-то шевелилось, медленно приближаясь къ замку. Луна освѣтила формы мужчины.... Евгенія открыла окно, но въ то же мгновеніе облако закрыло луну, и все исчезло....

— Привидѣніе, котораго пугаетъ шумъ открывающагося окна, подозрительно! сказала она и позвонила.

Смущенная, нѣсколько блѣдная, вошла минуту спустя компаніонка; нетвердой рукою держала она въ рукахъ подсвѣчникъ, такъ что воскъ со свѣчи капалъ ей на руку.

Digitized by Google

— Ты видѣла?....

— Такъ вы знаете?....

— Что—говори!

— Каммергеръ здѣсь!

— Каммергеръ! вскричала графиня, быстро перейдя отъ сильнаго любопытства къ самому холодному равнодушію. —Что ему нужно здѣсь?

— Мнѣ кажется, не трудно угадать! возразила компаніонка, ставя на столъ свѣчи. Но какъ онъ пришелъ, это довольно странно. Я не могла дозваться никого изъ слугъ и потому сама сходила за огнемъ. Возвращаясь изъ кухни по корридору, я съ ужасомъ отскочила, увидѣвъ что кто-то влѣзъ въ окно. Когда я опомнилась, то узнала каммергера и уже хотѣла хорошенько побранить его, но онъ такъ умилительно смотрѣлъ на меня, приложивъ палецъ къ губамъ и такъ жалко упрашивалъ не измѣнить ему и доставить ему возможность видѣться съ вами, что я невольно промолчала.

— Пусть онъ придетъ.

Каммергеръ вошелъ въ комнату въ костюмѣ, ни сколько не соотвѣтствовавшемъ его званію; изъ-подъ грубаго кафтана выглядывало жабо, толстые рукава оканчивались манжетами, и мѣховая шапка скрывала напудренный, нѣсколько растрепанный парикъ. Съ танцорскими ужимками подскочилъ каммергеръ къ графинѣ и полу-преклонивъ колѣно, поцѣловалъ ея руку.

— Что значитъ этотъ маскарадъ, геръ фонъ-Курцъ?

— О, ради Бога! Говорите что хотите, только не произносите моего имени. И у стѣнъ есть уши!....

— Откуда вы?

— Изъ Варшавы. Мнѣ надобно поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ, только.... только безъ свидѣтелей, шепнулъ онъ лукаво улыбаясь.

Компаніонка удалилась, повинуясь знаку графини; но она не успѣла еще переступить за порогъ, какъ каммергеръ подскочилъ къ ней и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Я могу положиться на вашу скромность?

— Не безпокойтесь; мнѣ еще никогда не приходило на умъ говорить про васъ, отвѣчала компаніонка удаляясь.

Digitized by Google

Графиня небрежно опустилась на диванъ. Каммергеръ схватилъ ея руку и хотѣлъ поднесть къ своему сердцу.

— Вы удивитесь.... началъ онъ.

— Не было ли новыхъ танцевъ въ Варшавѣ? спросила графиня, отнявъ руку.

— Лѣтомъ не танцовали.

— Странно! Однако италіянская опера переселилась туда, по милости короля прусскаго....

— Скоро мы уже не будемъ нуждаться въ его милости! прервалъ ее каммергеръ, значительно поднявъ голову.

— Что вы говорите?

— Довольно ему повелѣвать! Онъ самъ долженъ будетъ повиноваться!

Графиня съ изумленіемъ взглянула на него.

— Да, вы, прелестнѣйшая изъ прекраснаго полу, вы, которую укачивали граціи, воспитали музы, вы, которой сама Діана могла бы позавидовать въ смѣлости, Минерва въ мудрости, а Марсъ въ силѣ, вы вскорѣ увидите всепокорнѣйшаго поклонника вашего въ иномъ свѣтѣ! Я пришелъ къ вамъ какъ сообщникъ, скажу болѣе, какъ зачинщикъ дѣла, отъ успѣха котораго зависитъ....

Евгенія съ безпокойствомъ схватила его за руку:

— Вы? каммергеръ.....

— Ужасная война, возгорѣвшаяся въ Европѣ и избравшая прекрасную нашу Саксонію своимъ средоточіемъ, лишилась важнѣйшихъ силъ въ семи страшныхъ битвахъ протекшаго года!.... Теперь первое значительное сраженіе рѣшитъ, можетъ ли король, командующій потсдамской гвардіей, быть побѣжденъ—если нѣтъ, то надобно будетъ покориться и прибѣгнуть къ его великодушію; но если счастіе измѣнитъ ему, то мы будемъ предписывать ему условія мира и великодушіе будетъ съ нашей стороны.

— Только-то? сказала Евгенія съ прежнимъ равнодушіемъ.

Каммергеръ улыбнулся.—Но что вы скажете, если искусная рука стасуетъ карты передъ рѣшительнымъ сраженіемъ, если *подготовленъ* счастливый *случай*, который предастъ намъ въ руки.... и если я тотъ счастливецъ, который,...

Digitized by Google

— Остановитесь! вскричала графиня, быстро вставъ.

Каммергеръ, который готовъ уже былъ преклонить колѣно, отскочилъ, боязливо оглядываясь, на три шага.

— Что такое? шепнулъ онъ по-италіянски.

— Не отецъ ли мой сдѣлалъ васъ своимъ повѣреннымъ?

— Такъ вы все знаете?

— Я ничего не знаю. Говорите.

Они опять сѣли. Каммергеръ, боязливо оглядываясь, продолжалъ по-французски:

— Батюшка вашъ, графиня, этотъ неистощимый въ тонкихъ планахъ дипломатъ, достойный любимецъ, ученикъ и другъ достойнаго министра нашего, уже третій день находится въ лагерѣ короля прусскаго.

— Я такъ и думала!

— Будьте спокойны! Онъ въ совершенной безопасности. Видите ли, графиня, уже съ прошлой зимы мы заботимся объ окончаніи войны, съ тѣмъ, чтобы Саксонія была вознаграждена за всѣ убытки, за всѣ несправедливости, претерпѣнныя ею. Хотя у насъ и въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ много друзей, но все это ни кчему не вело. Вдругъ нечаянный случай самымъ неожиданнымъ образомъ доставляетъ намъ то, чего мы такъ долго домогались. Дѣятельная пріятельница наша въ Дрезденѣ, старая фрейлина Клинкауфъ имѣетъ знакомыхъ и пріятелей во всѣхъ закоулкахъ и подвалахъ берлинскаго королевскаго замка. И вотъ что она узнала отъ одной изъ каммеръ-юнгферъ сестры Фридриха, принцессы Амаліи. Она спорила съ братомъ объ одной картинѣ, находящейся въ замкѣ нашего министра Брюля. Фридрихъ утверждалъ, что купидонъ, представленный на этой картинѣ, написанъ по зеленому грунту, а принцесса увѣряла, что по голубому. Объ этомъ спорѣ мы знали уже въ прошломъ декабрѣ, но только такой фантастъ, какъ нашъ маркизъ, могъ видѣть въ этомъ нѣчто могущее быть намъ весьма полезнымъ. И что же? Едва Фридрихъ прибылъ сюда, какъ непремѣнно потребовалъ, чтобы его проводили къ Брюльскому замку; онъ не забылъ спора своего и хочетъ собственными глазами удостовѣриться въ томъ, зеленый ли или голубой грунтъ.

Digitized by Google

Батюшка вашъ тотчасъ предложилъ королю разогнать пикеты, расположенные около замка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ король, зачѣмъ горячиться; я лучше подожду, пока они сами отступятъ.... Въ тотъ же день маркизъ нашъ былъ обо всемъ извѣщенъ....

— Пикеты отступили! вскричала Евгенія.

— Добровольно! отвѣчалъ съ значительной усмѣшкой фонъ-Курцъ.

— И Фридрихъ на пути къ....?

— А мы на пути къ избавленію отъ смертельнаго своего врага! Гонцы посланы къ главнокомандующему. Впрочемъ, если онъ и опоздаетъ, то около замка расположены Кроаты и венгерскіе гусары. Пока мы здѣсь разговариваемъ, тамъ, можетъ-быть....

— Боже, сохрани его!

— Графиня! помилуйте! вскричалъ каммергеръ съ невыразимымъ страхомъ.

— Боже! Отецъ мой....

Послѣ этихъ словъ каммергеръ опять пришелъ въ себя.

— Восклицаніе ваше нѣсколько испугало меня, сказалъ онъ: я понялъ слова ваши въ такомъ смыслѣ, какой никогда не придастъ имъ дочь графа Мерони!.... О батюшкѣ вамъ нечего безпокоиться. Если предпріятіе наше и не удастся, то онъ не только ничего не потеряетъ, но даже еще выиграетъ. Вы удивляетесь; но это такъ. У вашего батюшки въ карманѣ черновой проектъ о томъ, какъ бы сдѣлать Саксонію прусскою провинціею, написанный совершенно въ духѣ Фридриха. Если подозрѣніе и падетъ на него, то онъ вынетъ изъ кармана приготовленный проектъ, въ которомъ онъ является какъ величайшій приверженецъ прусскаго короля. Не правда ли? Это очень ловко.

— Прекрасно! сказала графиня, съ полу-презрительной улыбкой смотря на каммергера. Что еще? каммергеръ.

— Батюшка вашъ приказалъ еще сказать вамъ, чтобы вы отъ его имени пригласили сегодня всѣхъ прусскихъ офицеровъ къ ужину. Онъ говорилъ, чтобы вы не жалѣли старыхъ сокровищъ его погреба. Для насъ весьма важно занять здѣшнихъ офицеровъ, чтобы они ничего не

Digitized by Google

слышали, если дѣло дойдетъ до стычки въ Брюльскомъ паркѣ.

— Я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло!

— Какъ!.... Но вашъ батюшка, графиня.... посудите сами, отъ этого зависитъ....

— Жизнь Фридриха!

— И жизнь отца вашего! Графъ находится въ свитѣ короля.... вы блѣднѣете.... ради Бога, что вы дѣлаете!...

Графиня позвонила; компаніонка вошла и Евгенія сказала ей нѣсколько словъ на-ухо. Каммергеръ измѣнился въ лицѣ: онъ не зналъ бѣжать ли ему или оставаться.

— Что вы сдѣлали? проговорилъ онъ заикаясь.

— Я приказала просить сюда офицеровъ.

— Загадочное существо!.... но я долженъ былъ сомнѣваться въ патріотизмѣ вашемъ.

— Каммергеръ! мнѣ жаль васъ.... берегитесь попасться въ когти льву!

— Графиня! отвѣчалъ смѣло фонъ-Курцъ: мнѣ весьма лестно ваше участіе, но будьте увѣрены, что я не рѣшился бы дѣйствовать противъ Фридриха, не принявъ всевозможныхъ предосторожностей. Если дойдетъ до того, то при мнѣ всегда находится подробный доносъ о дрезденскомъ заговорѣ и если меня спросятъ, зачѣмъ же я самъ въ немъ участвовалъ, то я могу отвѣчать, что это было только для того, чтобы лучше проникнуть во всѣ тайны этого заговора и передать ихъ Фридриху!.... Тутъ могутъ многіе пострадать, но ни мнѣ, ни отцу вашему опасаться нечего. Главной жертвой будетъ, вѣроятно, маркизъ, но что намъ въ этомъ чудакѣ!.... Вы видите, что я вооружился съ обѣихъ сторонъ.

— Вашъ достойный министръ Брюль будетъ вамъ очень благодаренъ!.... Но кто-то идетъ; спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе. Вы, вѣроятно, не желаете встрѣтиться съ моими гостями. Амалія спрячетъ васъ, на сѣновалѣ или въ гардеробной.... уйдите по-скорѣе.... потому что я вамъ не желаю мученической смерти!

Каммергеръ немедленно послѣдовалъ совѣту ея и такъ поспѣшно, что вѣжливый придворный забылъ даже поклониться дамѣ!—Евгенія, не желая встрѣчаться съ гостями, удалилась въ свою комнату.

Digitized by Google

Слуги накрывали столъ къ на-скоро приготовленному ужину и Амалія принимала гостей.

— По-настоящему, господа, говорила она: такихъ героевъ какъ вы, я не должна бы иначе принять, какъ съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ въ одной рукѣ и съ лавровой вѣтвью въ другой. Но такъ какъ со времени послѣдняго отступленія Австрійцевъ оранжерея наша находится въ самомъ жалкомъ положеніи, то у насъ не растутъ болѣе лавры и я нахожусь въ большомъ затрудненіи, чѣмъ бы достойнымъ образомъ украсить столькихъ героевъ.

— Странно! я думалъ, что женщины никогда не бываютъ въ затрудненіи! проворчалъ старый, сѣдой полковникъ, командовавшій отрядомъ волонтеровъ.

— Безъ комплиментовъ, полковникъ! сказала улыбаясь Амалія. Впрочемъ, такъ какъ присутствіе мое можетъ только быть помѣхой пріятельскимъ разговорамъ вашимъ, то позвольте мнѣ удалиться. Распоряжайтесь какъ дома, господа, и не жалѣйте графскаго погреба!.... И съ этими словами она поспѣшно удалилась, не обращая вниманія на просьбы молодыхъ офицеровъ, упрашивавшихъ ее остаться.

Всѣ размѣстились около стола и молчаніе было прерываемо только стукомъ ножей и вилокъ о тарелки.

— Я готовъ биться объ закладъ, сказалъ наконецъ толстый маіоръ, утоливъ первый голодъ и первую жажду: что угрюмой физіономіи полковника мы обязаны тѣмъ, что прелестныя хозяйки этого замку бѣгаютъ отъ насъ!

— Кто смѣетъ говорить объ угрюмыхъ физіономіяхъ, когда мы пьемъ за здоровье нашего короля? закричалъ капитанъ, уже не разъ опорожнившій стаканъ свой.

— Тише, капитанъ! Полковникъ находится теперь передъ военнымъ судомъ. Зачѣмъ спугнули вы нашу веселенькую козяюшку? Куда она дѣвалась?

— Къ чорту! отвѣчалъ полковникъ, закуривая трубку.

— Полковникъ, это не хорошо! Когда вы идете по улицамъ съ такимъ пасмурнымъ лицомъ, что у крестьянскихъ дѣвушекъ, которыя попадаются вамъ на встрѣчу, киснетъ молоко въ кринкахъ, такъ это еще простительно. Но вы забываете, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣвицами знатнаго происхожденія, и не хорошо платить имъ

Digitized by Google

грубостями за чудесный ужинъ и отличное вино!.... Ротмистръ Ицвицъ, вы о чемъ задумались? Развѣ не слышите, что я всѣми силами стараюсь защищать графиню?

— И очень хорошо дѣлаете, маіоръ, потому что она любитъ Пруссаковъ и обожаетъ нашего короля! вскричалъ съ жаромъ молодой ротмистръ.

Нѣкоторые недовѣрчиво покачали головами. Молодые офицеры обступили разговаривавшихъ.

— Ротмистръ! сказалъ капитанъ и желая придать болѣе торжественности рѣчи, онъ хотѣлъ встать, но тотчасъ же счелъ за лучшее опять опуститься на стулъ: — Ротмистръ!.... ты добрый малой, лихой товарищъ, храбрый офицеръ.... въ тебѣ горячая кровь..., ты можешь составить себѣ хорошую каррьеру.... ей Богу, можешь.... ты хорошей фамиліи.... только, пожалуйста, голубчикъ.... берегись смуглаго личика дочери графа! Она тебѣ не годится.... право, не годится тебѣ.... ну, хоть самъ посмотри.... посмотри, вотъ такіе большіе, черные глаза. А развѣ это хорошо? Нѣтъ, скажи самъ.... развѣ хорошо? Правда, она Италіянка.... Это точно, но только не красавица. Ты думаешь, что она на тебя смотритъ?.... Какъ бы не такъ! Она ни на кого не смотритъ.... то есть, какъ-будто бы и смотритъ.... а въ самомъ-то дѣлѣ и не смотритъ!.... У меня вотъ такъ морозъ по кожѣ и пробѣжитъ, какъ съ нею встрѣчусь!.... Не ухаживай за нею, голубчикъ ты мой!

Краска выступила на лицѣ молодаго офицера.

— Конечно, она не такъ блѣдна и бѣлокура какъ наши барышни, которыя живутъ безъ заботъ изо дня въ день!

— Поцѣлуй меня, голубчикъ, и держись краснощекихъ!

— Вы всѣ не понимаете этого существа, продолжалъ горячо ротмистръ: потому что природа одарила ее пламенной душой, твердой волей, словомъ, потому что она совершенна!

— Вотъ что̀ правда, то правда, заговорилъ маіоръ: твердая воля есть у нея; она отца своего на веревочкѣ держитъ и едва-ли въ цѣломъ Лейпцигѣ найдется такая ученая женщина!

— Тѣмъ хуже, продолжалъ капитанъ: развѣ латинская

Digitized by Google

жена годится прусскому ротмистру?.... Да я готовъ бѣжать на край свѣта отъ невѣсты, которая напишетъ мнѣ любовное письмо по-гречески!.... А тутъ и пишутъ и читаютъ до поздней ночи.... Не смѣйтесь!.... Если бъ мы могли прочесть всѣ письма, которыя отсюда отправляются къ кузинамъ и тётушкамъ, такъ славныя бы вещи узнали. Не смѣйтесь, говорятъ вамъ!.... Скажите-ка, зачѣмъ въ полночь прокрадываются сюда люди? а?.... привидѣніе, это быть не можетъ, потому что привидѣнія не перепрыгиваютъ черезъ заборы и не прячутся въ тѣни.... намъ измѣняютъ.... это ясно!

— За графиню я ручаюсь! вскричалъ молодой ротмистръ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Ручается за женщину!... И капитанъ, громко захохотавъ, сталъ подливать вина въ свой, и безъ того уже полный до краевъ, стаканъ:—Полковникъ, объясните ему хорошенько, что̀ такое женщины и можно ли ручаться за нихъ!

Ротмистръ сердито оттолкнулъ отъ себя стулъ, а полковникъ всталъ и отвелъ капитана всторону.

— Здѣсь перелѣзаютъ черезъ заборы и прячутся въ тѣни? спросилъ онъ.

— Это такъ же вѣрно какъ то, что я стою передъ вами, отвѣчалъ капитанъ:—я видѣлъ своими глазами.

— Видѣли и не схватили?

— Полковникъ, знаете.... ночью, при лунномъ свѣтѣ.... особенно, когда немножко въ головѣ.... впрочемъ, я сказалъ часовымъ, что если они увидятъ подозрительнаго человѣка, чтобы стрѣляли въ него....

Полковникъ покачалъ головой и поставилъ трубку въ уголъ: — Капитанъ, мы должны обойти весь домъ и часовыхъ теперь же.

— Сейчасъ.... возразилъ капитанъ поморщившись, потому что въ это самое время подошелъ къ нимъ маіоръ, указывая на три пуншевыя чаши:—Нѣтъ, полковникъ, эту ночь я самъ на часахъ у пунша, отъ котораго ни за что̀ въ мірѣ не отлучусь!

Разговоръ опять оживился. Разгоряченный ротмистръ утверждалъ, что весь міръ у ногъ Фридриха, что подозрѣвать, значитъ—трусить; маіоръ похваливалъ пуншъ;

Digitized by Google

капитанъ налилъ два стакана, изъ которыхъ одинъ подавалъ полковнику, но тотъ покачавъ головой, медленно надѣлъ шпагу, и пошелъ къ дверямъ. На самомъ порогѣ встрѣтилъ онъ графиню; волосы ея были въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, лицо блѣдно, въ глазахъ выражалось безпокойство, грудь высоко подымалась, какъ-будто послѣ скорой ходьбы. Она смутилась, увидѣвъ полковника.

— Вы, вѣроятно, ищете здѣсь кого-нибудь? спросилъ онъ, пристально смотря ей въ глаза.

— Кузину мою.... отвѣчала она, окинувъ быстрымъ взглядомъ все собраніе.

Полковникъ поклонился почтительно и хотѣлъ удалиться.

— Куда же вы? полковникъ.

— Хочу объискать замокъ.... тутъ есть что-то подозрительное. Но, успокойтесь, графиня: это дѣлается для вашей же безопасности.

— Мнѣ показалось, что вдали раздаются выстрѣлы.... Она поспѣшно отворила окно.... вѣтеръ вылъ, качая деревья.

— О чемъ вы безпокоитесь? спросилъ полковникъ.

— Я жду отца.... Евгенія сѣла у окна.—Мнѣ съ той стороны послышались выстрѣлы....

— Вы, вѣроятно, ошиблись....

— О, нѣтъ!.... можетъ-быть, прибавила она, какъ-бы испугавшись перваго восклицанія своего. Скажите, есть ли въ той сторонѣ форпосты?

— Есть. Но они не могутъ вступить въ бой.

— Однако я слышала очень явственно.

Сильный порывъ вѣтру съ шумомъ распахнулъ обѣ половинки окна.

— Это съ юга! вскричала графиня, когда очень явственно послышались три, четыре выстрѣла. Полковникъ высунулся изъ окна; Евгенія встала дрожа всѣмъ тѣломъ, и закрыла руками лицо.

— Боже! Отецъ мой.... или онъ!...

Выстрѣлы становились чаще и сильнѣе.

— Это не на шутку! съ живостію сказалъ старикъ.

— Торопитесь, ради Бога! не медлите ни минуты! вскричала графиня, схвативъ его за руку.

— Чортъ возьми! закричалъ полковникъ громовымъ

Digitized by Google

голосомъ. Ротмистръ! Кто командуетъ гусарскими пикетами?

Усиливавшаяся стрѣльба обратила на себя вниманіе всѣхъ офицеровъ; сабли зазвучали, всѣ вскочили.... Капитанъ, оттолкнувъ отъ себя стаканъ, твердымъ шагомъ послѣдовалъ за другими офицерами.... Трубы затрубили тревогу и нѣсколько секундъ спустя со всѣхъ концовъ деревни раздавался барабанный бой.

— И никакого извѣстія отъ гусаровъ! кричалъ полковникъ, нетерпѣливо ударяя по эфесу своей шпаги. Что, мы здѣсь на зимнихъ квартирахъ или на форпостахъ?... И онъ гнѣвно взглянулъ на ротмистра, который немедленно подошелъ къ нему и приложивъ руку къ каскѣ, сказалъ:

— Какія будутъ приказанія? полковникъ.

— Свѣчи къ окнамъ, факелы на улицу! Ко всѣмъ выходамъ приставить часовыхъ! волонтеровъ разсѣять по деревнѣ! Гусарамъ выступать!...

Полковникъ вышелъ на крыльцо и всѣ приказанія его исполнялись съ неимовѣрною быстротою. Весь замокъ освѣтился, факелы ярко горѣли на дворѣ, изъ деревни слышался барабанный бой и топотъ отъ копытъ гусарскихъ лошадей на каменной мостовой....

Не прошло минуты, какъ всадникъ прискакалъ на дворъ замка. То былъ старикъ, въ богатомъ, украшенномъ золотымъ шитьемъ, полушубкѣ, и въ треугольной шляпѣ. Всѣ съ изумленіемъ узнали хозяина замка, графа Мерони. Онъ не сходя съ лошади кричалъ:

— Ради Бога, господа! Что вы медлите! Король вашъ, великій король вашъ находится въ опасности!

Всѣ собравшіеся офицеры вскрикнули съ ужасомъ. Только полковникъ былъ спокоенъ. Свѣтъ факеловъ заблестѣлъ молніями на обнаженныхъ шпагахъ и сабляхъ. Но пока старому дворянину помогали сойти съ лошади, другой всадникъ, адъютантъ короля, прискакалъ къ замку.

— Что вы дѣлаете, графъ! вскричалъ онъ. Васъ увлекла привязанность къ королю нашему, за драгоцѣнную жизнь котораго намъ уже нечего страшиться.

— О, какъ я счастливъ, вскричалъ графъ запыхавшись: что мнѣ первому удалось вызвать васъ на помощь къ ве-

Digitized by Google

ликому монарху. Полковникъ, и вы всѣ, достойные офицеры славнаго Фридриха, не забудьте, что тутъ дѣло идетъ о томъ, что у васъ есть драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ, а потому спѣшите къ нему на помощь! Хоть одинъ разъ забудьте дисциплину и повинуйтесь голосу вашего сердца.

— Напрасно, сказалъ адъютантъ улыбаясь:—Не трогайтесь съ мѣста, полковникъ—это воля его высочества.

Графъ торжественно заключилъ дочь въ свои объятія.

— Что бы сказала дочь моя, вскричалъ онъ громко: если бъ подумали, что отецъ ея предалъ короля прусскаго въ руки враговъ его?... И цѣлуя ее въ лобъ, онъ прибавилъ шопотомъ: Каммергеръ былъ здѣсь?

— Будьте покойны! отвѣчала дочь.

— Но какимъ образомъ случилось, что его высочество?... спросилъ полковникъ адъютанта.

— Позвольте мнѣ разсказать всѣ обстоятельства этого дѣла, прервалъ его съ живостію графъ. Еще разъ небу угодно было спасти славнаго монарха вашего отъ очевидной опасности и мы должны благодарить Господа....

Полковникъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я не буду распространяться, продолжалъ графъ, схвативъ старика за руку: его высочеству угодно было осмотрѣть разрушенный Брюльскій замокъ. Я осмѣлился сказать, что это было не совсѣмъ безопасно, потому что еще за нѣсколько дней въ паркѣ этого замка стояли непріятельскіе форпосты. Однако король настаивалъ и мы уже подъѣзжали къ развалинамъ замка, когда послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили ихъ. Улыбаясь въѣхалъ король верхомъ во внутренность замка и сталъ разсматривать стѣны, какъ-вдругъ послышался громкій крикъ, и въ то же мгновеніе молодой венгерскій гусаръ пробивается сквозь свиту, подскакиваетъ къ лошади его величества и хватаетъ ее за узцы, восклицая: Ваше высочество! жизнь ваша въ опасности.... не медлите ни минуты! Прочь отсюда, непріятель приближается!... Мы схватились уже за пистолеты, но остановились, когда молодой человѣкъ разсказалъ намъ о намѣреніи Австрійцевъ овладѣть особой короля, и подалъ намъ совѣтъ, въ которую сторону мы должны были бѣжать... Едва договорилъ онъ

Digitized by Google

послѣднія слова, какъ на другомъ концѣ парка послышались уже дикіе крики Кроатовъ....

— Адъ и черти! заревѣлъ во все горло капитанъ.

— Венгерскій гусаръ—измѣнникъ! Что побудило его къ тому? спросилъ полковникъ.

— Спасти жизнь короля гораздо доходнѣе, нежели получать жалованье лейтенанта! отвѣчалъ съ злобной усмѣшкой графъ. Но, господа, я и не посмотрѣлъ на измѣнника. Я глядѣлъ на короля вашего; да, только одинъ Фридрихъ можетъ въ такую рѣшительную минуту сохранить все присутствіе духа. Заходящее солнце освѣщало лицо героя. Свѣтлый взоръ его былъ устремленъ на незнакомца; онъ, казалось, читалъ въ душѣ его.... онъ повѣрилъ словамъ его и выговорилъ только два слова:—Веди насъ!... Вотъ какимъ образомъ спаслись мы отъ преслѣдовавшаго насъ непріятеля и только къ ночи, на дорогѣ къ моему замку, встрѣтились мы съ шайкой пандуровъ.... Я надѣюсь, что это былъ одинъ случай, и что дезертёръ....

— О, нѣтъ, прервалъ адъютантъ, мужество его во время этой незначительной стычки доказало его искренность. Онъ раненъ и если я не ошибаюсь, то вотъ онъ самъ ѣдетъ сюда съ возвращающимися гусарами.

Нѣсколько минутъ спустя всѣ офицеры вошли въ нижнюю залу замка, куда ввели Венгерца. Онъ былъ тяжело раненъ и адъютантъ, опасаясь чтобы онъ не умеръ, рѣшился приступить къ допросу.

Закутавшись въ шинель лежалъ дезертёръ и отрывисто отвѣчалъ на всѣ вопросы, между-тѣмъ какъ фельдшеръ, стоя возлѣ него на колѣняхъ, перевязывалъ его рану. Факелъ освѣщалъ блѣдное лицо Венгерца....

— Имя ваше Стефанекъ? Вы природный Венгерецъ? спросилъ адъютантъ.

— О себѣ я буду отвѣчать одному королю.... зачѣмъ торопиться.... онъ спасенъ, отвѣчалъ раненный чистымъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ.

— Что заставило васъ оставить службу?... перейти къ намъ?

— Боже мой!... Кчему эти вопросы.... теперь.... Фридрихъ.... все бы погибло...

Digitized by Google

— Вы протестантъ?

— Да.

— Какъ вы узнали, что король поѣдетъ къ Брюльскому замку?

— Неужели вы не можете отложить допроса до другаго времени?

— Онъ очень слабъ, замѣтилъ графъ. Слишкомъ больное напряженіе можетъ ввергнуть его въ горячку и тогда мы долго ничего не узнаемъ.

— Завтра, завтра.... говорилъ тихимъ голосомъ Венгерецъ.

— Мнѣ поручено его высочествомъ, холодно возразилъ адъютантъ.

— Вы не знаете человѣка, который извѣстилъ Австрійцевъ о намѣреніи короля; впрочемъ, имя его вамъ ни къ чему не послужитъ, потому что онъ находится внѣ опасности, въ главной квартирѣ императрицы.

— Я вижу, что мы имѣемъ дѣло съ дипломатомъ, а не съ дезертёромъ, желающимъ вступить въ нашу службу, сказалъ адъютантъ съ замѣтной досадой:—Увѣряю васъ, господинъ Стефанекъ, что король не жалуетъ тѣхъ, которые съ нимъ торгуются.

— Я за него всѣмъ пожертвовалъ, можетъ-быть, и честью! возразилъ обидясь Венгерецъ. Впрочемъ, я не назову вамъ того человѣка еще и потому, что онъ мой благодѣтель!... Король вашъ окруженъ шпіонами и въ непріятельскомъ лагерѣ извѣстны всѣ дѣйствія, всѣ поступки его. Я даже знаю имя того, кто въ этомъ случаѣ передалъ непріятелю извѣстіе о желаніи короля осмотрѣть....

— Это, вѣроятно, баронъ фонъ-Курцъ! невольно вскричала графиня.

— Евгенія! вскричалъ графъ испугавшись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ раненный, устремивъ взоръ на графиню. Нѣтъ.... не онъ.... но всё-равно, имя его мнѣ хорошо памятно.... Король вашъ спасенъ, будьте довольны этимъ, а что касается до прочаго, такъ.... онъ взглянулъ на графиню — умоляющимъ взоромъ смотрѣла она на него: — такъ мы увидимъ.

Въ это время раздались на дворѣ звуки трубъ, бой бара-

Digitized by Google

бановъ, громкіе клики вивать! и прибытіе Фридриха по ложило конецъ тягостному для раненнаго, допросу.

—

На другой день около полудня всѣ жители замка собра лись въ большой залѣ.

Когда Фридрихъ прибылъ въ замокъ, молодой дезер тёръ такъ убѣдительно просилъ, чтобы ему позволили представиться королю, что одинъ изъ штабъ-офицеров рѣшился доложить о томъ монарху; но Фридрихъ отвѣ чалъ, нахмуривъ брови, что ему некогда разговаривать с всякимъ бѣглецомъ. Нашлись добрые люди, которые пе редали раненному эти слова и онъ пришелъ отъ того въ такое отчаяніе, что нѣсколько разъ покушался сорвать повязки ранъ своихъ. Успокоившись, сталъ онъ про сить высшихъ офицеровъ, чтобы они совершили надъ нимъ военный судъ, при которомъ должны присутствовать не одни офицеры, но и всѣ, проживающіе въ замкѣ. Нѣкоторые изъ офицеровъ старались отклонить его отъ этого страннаго намѣренія, увѣряя, что онъ будетъ зачисленъ въ прусскую службу тѣмъ же чиномъ, безъ всякаго суда; но онъ оставался твердымъ въ намѣреніи своемъ, публично оправдать себя, такъ какъ оскорбленіе, причиненное ему королемъ, было также публично.

— Что мнѣ за дѣло до этого суда! сказала графиня, когда Амалія поспѣшно вбѣжавъ въ ея комнату, просила ее сойти въ залу. Я не имѣю ни малѣйшей охоты присутствовать при военномъ судѣ.

— Такъ позвольте же мнѣ оставить васъ одну; и такъ какъ этотъ случай васъ нисколько не занимаетъ, то я даю вамъ обѣщаніе, ни слова не говорить вамъ о немъ.

— Тамъ ли отецъ мой? спросила Евгенія, когда Амалія схватилась уже за ручку двери.

— Кажется; но навѣрное не знаю: зала была уже такъ полна.

— Такъ погоди, я пойду съ тобою; отсутствіе мое можетъ быть непріятно отцу моему.

— Онъ этого не говорилъ.

— Всё-равно, я знаю его.

— А я знаю дочь его,—сказала вполголоса Амалія.

Когда онѣ пошли въ залу, судъ уже начался.

Digitized by Google

Дезертёръ былъ высокій, стройный мужчина. Въ живописномъ, богатомъ, полу-дикомъ, въ сравненіи съ прусскими мундирами, венгерскомъ костюмѣ, стоялъ онъ посереди залы. Лѣвая рука его покоилась въ повязкѣ; красивый доманъ былъ перекинутъ черезъ плечо. Голова его была не покрыта и выраженіе прекраснаго, благороднаго, блѣднаго лица живо говорило въ его пользу.

— Господа, говорилъ онъ чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, хотя съ нѣкоторыми оборотами и легкимъ акцентомъ, заставлявшимъ сомнѣваться въ томъ, что это природный языкъ его: господа, королю хотѣлъ я первому ввѣрить причины, на которыхъ теперь основываю защиту свою: его одного хотѣлъ я сдѣлать судьей своимъ.... но онъ не счелъ меня достойнымъ этой чести. Тяжесть подозрѣнія и недовѣрчивости, которую вы можете питать ко мнѣ, гнететъ меня, она невыносима и отъ васъ жду я рѣшенія, можетъ ли поступокъ мой согласоваться съ законами чести. — Я обращаюсь къ вамъ, господа, не только какъ къ военнымъ, офицерамъ, но и какъ.... къ соотечественникамъ. Я родился въ Берлинѣ; родители мои были Пруссаки. Строгое, жестокое воспитаніе внушило ребенку съ раннихъ лѣтъ нерасположеніе къ дому, въ которомъ я родился, къ воздуху, которымъ дышалъ. Не бойтесь, я не стану утомлять васъ оправданіями дѣтскихъ моихъ проступковъ. Нѣтъ, но я долженъ сознаться, что, по несчастію, ненавидѣлъ своего отца, къ родственникамъ чувствовалъ отвращеніе, не терпѣлъ короля и презиралъ отечество. Мнѣ былъ десятый годъ, когда, осьмнадцать лѣтъ тому назадъ, я убѣжалъ изъ родительскаго дому, изъ Берлина, изъ отчизны!... Я бѣжалъ изъ дѣтскаго страху: я боялся заслуженнаго наказанія и послѣ горько раскаялся въ томъ!... Это было въ то самое время, когда слава Мольвицкой битвы уже осѣнила юное чело Фридриха.... Случай привелъ меня въ Австрію, и тому же случаю обязанъ я воспитаніемъ, которое сдѣлало меня еще болѣе чуждымъ моей родины и воспоминаніямъ дѣтства. Благодѣтель мой, человѣкъ съ необыкновенными странностями, и котораго я зналъ еще въ домѣ родительскомъ, помѣстилъ меня въ военную академію; окончивъ курсъ, я впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ вмѣстѣ съ покровите-

Digitized by Google

лемъ своимъ и воротившись въ Австрію поступилъ на службу. Это было въ самомъ началѣ теперешней кровавой войны. Короля прусскаго я считалъ клятвопреступнымъ вассаломъ, честолюбивымъ воиномъ, человѣкомъ безпокойнымъ и безъ всякихъ правилъ. О неосновательности притязаній его на силезскія княжества читалъ я длинное разсужденіе на вышскномъ экзаменѣ....

Съ подобными идеями представился я Маріи Терезіи и, кляпусь вамъ, господа, одинъ взглядъ ея еще болѣе утвердилъ во мнѣ эти идеи!..... Я хотѣлъ поцѣловать ея платье, она протянула мнѣ руку.... тогда я внутренно поклялся служить ей вѣрой и правдой и формальная присяга, которую я потомъ, съ десятью товарищами, долженъ былъ повторять за капитаномъ, казалась мнѣ какъ-бы оскверненіемъ той клятвы, которая безъ всякихъ словъ, сдѣлала меня рабомъ императрицы!... Впечатлѣніе этой минуты много содѣйствовало моему ослѣпленію втеченіи многихъ лѣтъ.

Наконецъ наступилъ давно желанный день. Съ высотъ Коллинскихъ увидѣлъ я въ первый разъ прусскую армію. Тысячи и тысячи штыковъ блестѣли передъ нами, освѣщенные солнцемъ. Пруссаки пѣли пѣсни, хлопотали около котловъ, валялись по травѣ, какъ-будто бы имъ не предстояло ничего необыкновеннаго.... На лицѣ каждаго солдата можно было прочесть: «Фридрихъ не можетъ быть побѣжденъ»! У насъ же была мертвая тишина.... часовые не трогались съ мѣстъ своихъ, офицеры наводили зрительныя трубы на непріятельскій лагерь и сомнительно покачивали головами.... сорвавшаяся лошадь, труба фуражира, все производило у насъ тревогу и на каждомъ лицѣ можно было прочесть: «Завтра мы будемъ побиты, несмотря на преимущество силъ, на твердую нашу позицію, потому что Фридрихъ тамъ»! Тогда, господа, только тогда я вспомнилъ съ гордостію, что и я Пруссакъ!... Кровавая битва зажглась. Скала подъ ногами нашими дрожала отъ грому орудій, а Пруссаки стояли твердо. Мнѣ казалось, что барабанъ, который я такъ часто слышалъ изъ отцовскаго дому, труба, которая созывала разсѣянныя массы, звали и меня туда, гдѣ было настоящее мое мѣсто! Всѣ окружающіе казались мнѣ чу-

Digitized by Google

ними, я досадовалъ на безжизненныя лица ихъ. Что-то горячее пробѣжало по моимъ жиламъ.... по призыву трубы бросился я съ полкомъ нашимъ на прусскія карѣ.... не помню что я дѣлалъ и что со мною было. Пруссаки отступили. Полковникъ передъ цѣлымъ полкомъ похвалилъ меня за мужество — но, мнѣ кажется, я не заслуживалъ похвалъ его. Рѣзкому звуку трубъ, грому пушекъ, горячности моей лошади, которая несла меня всё впередъ, обязанъ я мужествомъ своимъ.... рѣшите жъ, господа: могу ли я еще носить эту саблю, обагренную прусскою кровію? могу ли вступить въ прусскую службу?...

Позвольте мнѣ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, которое, можетъ-быть, болѣе всего послужило къ тому, чтобы привязать меня къ Фридриху. — Мы одержали побѣду, но всадники наши шайками рыскали по полю битвы, нанося раненымъ послѣдніе удары, какъ-бы страшась, чтобы отъ одного слова, одного взгляду Фридриха не воротились къ нимъ и жизнь, и силы! Вдругъ изъ кучи убитыхъ поднялся гренадеръ.... еще разъ поднялъ онъ ружье.... раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ офицеровъ нашихъ палъ мертвый....

— Сдавайся! закричалъ кто-то гренадеру, но онъ не отвѣчалъ ни слова, откусилъ патронъ и приготовился вновь зарядить ружье, но ударъ въ затылокъ заставилъ его пошатнуться.

— Сдавайся! раздалось еще разъ, но, заскрежетавъ зубами, гренадеръ-великанъ, схватилъ ружье поперегъ и наносилъ страшные удары по сторонамъ. Я подоспѣлъ въ то самое время, когда сильный ударъ палашомъ заставилъ его упасть на колѣни.... онъ оперся правой рукой на барабанъ, между-тѣмъ какъ лѣвой прижималъ къ груди обломки своего ружья. Жестокій Саксонецъ, нанесшій ему послѣдній ударъ, съ ужасными проклятіями вытиралъ о траву окровавленный палашъ свой.

— Будь я проклятъ, кричалъ саксонскій драгунъ: если не заставлю его прокричать ура за курфирста и моего государя!... Кричи: виватъ, Августъ!

Пруссакъ протянулъ руку къ фляжкѣ.... желаніе его было исполнено.... онъ пригладилъ усы, омоченные потомъ и кровію, приподнялся, приложилъ фляжку къ гу-

Digitized by Google

бамъ.... глаза засверкали и какъ-будто бы грудь его освѣжилась, онъ закричалъ:—Виватъ королю моему, Фридриху!

Онъ упалъ.... голова его опустилась на барабанъ....

— Глупецъ! закричалъ драгунъ умирающему на ухо Фридриху твоему пришелъ конецъ—наша взяла!

Гренадеръ еще разъ открылъ глаза; мнѣ показалось, что на лицѣ его, искаженномъ страданіями и быстро приближавшеюся смертію, проявилась улыбка.... онъ, казалось, къ чему-то прислушивался, едва замѣтнымъ образомъ кивая головою. И точно, вскорѣ и мы разслушали прусскую военную музыку. Фридрихъ собиралъ остатки своей арміи къ славному отступленію и гренадеръ, съ усиліемъ поднявъ руку, торжественно показывалъ въ ту сторону.

— Онъ воротится! выражалъ послѣдній предсмертный взглядъ его....

Что придало этому человѣку это мужество, это воодушевленіе, эту радостную увѣренность въ непобѣдимости Фридриха? Надежда на славу, на безсмертіе? Увы! Кто знаетъ имя этого гренадера? Многимъ ли извѣстенъ поступокъ его?.... Что же такое? Вѣроятно, когда-нибудь Фридрихъ проходя мимо его, кивнулъ ему головою, ударилъ по плечу и сказалъ: я знаю тебя!.... Хотя Фридрихъ былъ разбитъ при Коллинѣ, но я, съ этого только дня увѣрился въ томъ, что онъ точно непобѣдимъ!

Судьба моя была рѣшена. Я, нѣкоторымъ образомъ, зависѣлъ отъ благодѣтеля моего, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Ему я былъ всѣмъ обязанъ, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшился усыновить меня. Я увѣдомилъ его о намѣреніи моемъ и просилъ выхлопотать мнѣ отставку.—«Проклятіе мое,» писалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: «дезертёру, ненависть измѣнннку, на висѣлицу труса, который просится въ отставку во время кампаніи». Вслѣдъ за письмомъ прискакалъ онъ самъ на почтовыхъ и умолялъ меня перемѣнить неблагоразумное мое намѣреніе. Нечего было дѣлать! я еще годъ прослужилъ, но потомъ, несмотря ни на просьбы, ни на угрозы покровителя моего, самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ отказъ. Прошелъ еще годъ, я подалъ вторичную просьбу и рѣшился, не ожидая

Digitized by Google

отвѣта, оставить службу, хоть бы меня разжаловали и посадили въ крѣпость. Третьяго дня вечеромъ все было кончено. Письмо къ командиру моему было отослано, лошадь была осѣдлана и я сдалъ уже караулъ другому офицеру, какъ-вдругъ въ комнату мою вошелъ курьеръ съ письмомъ отъ моего покровителя. Онъ воображалъ, что намѣреніе мое оставить службу происходило единственно отъ того, что меня нѣсколько разъ обошли чиномъ. «Теперь,» писалъ онъ мнѣ, «тебѣ предстоитъ случай отличиться». Онъ совѣтовалъ мнѣ торопиться, пока другой не предупредилъ меня. Дѣло шло, какъ вы уже знаете, о жизни, о свободѣ Фридриха.... вамъ навѣстно, какъ я поступилъ. Судите жъ меня теперь, господа, по всей строгости законовъ. Забудьте объ услугѣ моей королю. Это одинъ случай, безъ котораго я всё-таки оставилъ бы австрійскую армію и перешелъ бы къ вамъ. Фридрихъ назвалъ меня переметчикомъ. Правъ ли онъ? Неужели я поступилъ какъ негодный бродяга, неужели не имѣлъ въ душѣ святаго права уйти отъ непріятелей законнаго короля моего и стать подъ его знамена? Рѣшите!....

Молодой человѣкъ хотѣлъ отступить, но въ то же мгновеніе всѣ судьи встали съ мѣстъ своихъ.

— Никто не осмѣлится сказать, вскричалъ генералъ, съ жаромъ схвативъ руку Стефанека: что вы поступили не какъ благородный человѣкъ.

— Никто, никто! воскликнули всѣ офицеры.

— Благодарю васъ, сказалъ Стефанекъ съ чувствомъ: я отъ души желаю, чтобы скорѣе представился мнѣ случай съ саблей въ рукѣ подтвердить слова ваши.

— Однако жъ, сказалъ генералъ, вы должны перемѣнить саблю, съ которою шли нѣкогда противъ насъ. Господинъ ротмистръ, помѣняйтесь саблями съ возвратившимся къ намъ соотечественникомъ.

Приказаніе генерала было исполнено и ротмистръ поцаловалъ Стефанеку руку.

— Теперь остается намъ узнать прусскую фамилію вашу, чтобы я зналъ, какъ представить васъ королю.

— Простите, имя мое такъ невзвѣстно—притомъ же я не знаю, позволитъ ли мнѣ еще отецъ мой носить его имя. Въ родительскомъ домѣ меня звали Этьеномъ — потому

что мать моя была Француженка,—въ венгерскомъ полку переѣли это имя въ Стефанека. Позвольте жъ мнѣ отбросить венгерское окончаніе и просто называться.... Стефаномъ.

Присутствіе молодаго дезертёра оживило однообразіе ежедневной жизни обитателей замка. Онъ скоро выздоровѣлъ и комната его безпрестанно была наполнена офицерами, желавшими пожать руку новому товарищу. Посѣщенія эти утомляли выздоравливавшаго, такъ что онъ чрезвычайно обрадовался возможности выѣзжать прогуливаться по окрестностямъ.

Однажды онъ, давъ полную свободу усталому коню, медленно возвращался въ замокъ, какъ по выѣздѣ изъ соснового лѣсу встрѣтился съ молодою всадницею—то была графиня. Они не встрѣчались послѣ того вечера, въ который въ первый разъ познакомились; несмотря на то, оба невольно покраснѣли, когда эта нечаянная встрѣча заставила ихъ сблизиться и вступить въ разговоръ.

— Графиня, сказалъ офицеръ, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы разсказать вамъ одно довольно странное приключеніе, которому я былъ свидѣтелемъ.

Евгенія взглянула на него; утвердительно кивнула головой и заставивъ нетерпѣливую лошадь итти шагомъ, поѣхала возлѣ молодаго офицера.

— Я осматривалъ форпосты, какъ встрѣтилъ нечаянно телѣгу, запряженную четверкой лошадей, и пробиравшуюся по проселочной дорогѣ. Гусары, сопровождавшіе меня, остановили лошадей, вступили въ споръ съ извощикомъ, не позволяя ему переѣхать на непріятельскую сторону. Извощикъ отвѣчалъ, что онъ везетъ навозъ и что, кажется, бѣды большой нѣтъ, если онъ весь навозъ съ нашей стороны переброситъ къ непріятелю. Видя, что я съ улыбкой смотрѣлъ на эту сцену, не говоря ни слова, гусары мои заключили, что этого человѣка можно было отпустить; однако жъ я изъ любопытства поскакалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за телѣгой и на самомъ поворотѣ увидѣлъ какъ оттуда, изъ-подъ навозу, выскочилъ человѣкъ еще довольно молодой и побѣжалъ въ лѣсъ; я пустился за нимъ въ погоню, но опоздалъ; онъ успѣлъ счастливо перебраться за черту нашихъ форпостовъ, въ непріятель-

Digitized by Google

скую сторону. Когда я воротился, то извощикъ съ телѣгой и лошадью исчезъ. Однако жъ я узналъ въ немъ одного изъ вашихъ людей....

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на графиню.

— Какъ вы думаете, графиня, продолжалъ офицеръ: могу ли я оставить это обстоятельство безъ вниманія?

— Помните ли вы, спросила она послѣ минутнаго молчанія съ живостію: помните ли вы имя того, кто принималъ участіе въ заговорѣ противъ короля?

— Помню.

— И вы не считаете нужнымъ предать его въ руки Пруссаковъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я даю вамъ вѣрное слово, что объ этомъ ничтожномъ приключеніи и говорить не стоитъ. Тотъ, кого вы видѣли, человѣкъ весьма ничтожный, заботится только о собственной безопасности. Королю вашему нечего бояться его.

— Слава Богу! вы успокоили меня.

— Но, скажите пожалуйста, спросила съ улыбкой графиня: почему вы такъ довѣряете мнѣ?

— Подозрѣніе не согласно съ гусарской натурой.

— Однако жъ если дѣло идетъ о благѣ государя и отчизны!.... Я не понимаю спокойствія вашего и должна буду думать, что вы совсѣмъ не то, за что выдаете себя.

Офицеръ грустно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Вы хотите сказать, что я, можетъ-быть, шпіонъ? А между-тѣмъ я готовъ биться объ закладъ, что вы не можете такъ дурно думать обо мнѣ.

— Благодарю васъ за это мнѣніе. Я вижу, что вы должны были полюбить Фридриха; у васъ много сходнаго въ характерахъ. Онъ такъ же очень неосторожень.

— Его берегутъ добрые геніи. Напримѣръ, здѣсь въ замкѣ.

— Кто же это?

— Вы, графиня.

— Господинъ Стефанекъ, я Саксонка!....

— А всё-таки ревностная поклонница Фридриха.

— К то вамъ это сказалъ?

Digitized by Google

— Я прочелъ бы это въ прекрасныхъ глазахъ вашихъ, если бъ товарищи мнѣ не сказали.

— Я не помню, чтобы повѣряла тайны свои кому-нибудь изъ вашихъ товарищей.

Между-тѣмъ они подъѣхали къ замку. Графиня кивнула Стефану головою, ударила лошадь свою хлыстикомъ и одна въѣхала на дворъ. Тамъ не было ни одного слуги, и между-тѣмъ какъ она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ осматривалась, въѣхалъ на дворъ и Стефанъ. Въ то же время нѣсколько офицеровъ, замѣтившихъ Евгенію изъ оконъ, спѣшили внизъ по лѣстницѣ. Быстро повернула она лошадь къ проводнику своему, который немедленно соскочилъ съ коня, помогъ графинѣ сойти и почтительно поклонившись, взялъ лошадей подъ узцы, чтобы удалиться.

— Вы можете отдать лошадей конюху, сказала Евгенія.

Въ это самое время прибѣжалъ конюхъ и принялъ лошадей. Стефанъ, какъ-бы не желая понять намёка графини, еще разъ поклонился, между-тѣмъ какъ ротмистръ и другіе офицеры подоспѣли, чтобы принять молодую хозяйку.

— Куда вы спѣшите?

— Я уступаю мѣсто счастливѣйшимъ, отвѣчалъ Стефанъ шопотомъ.

Ротмистръ подалъ графинѣ руку, но она, какъ-бы не замѣтивъ движенія его, скоро обратилась къ Стефану, сказавъ:

— Я уже просила господина Стефана проводить меня наверхъ.

Ротмистръ, желая дать какое-нибудь значеніе слишкомъ поспѣшному своему движенію, сталъ гладить гриву лошади.

—

На слѣдующій день утромъ Стефанъ вышелъ изъ замка. Медленно прогуливался онъ по аллеямъ парка, какъ вдругъ неожиданное явленіе заставило его остановиться.... у окна красивой бесѣдки сидѣла Евгенія.

Солнце, разогнавъ туманъ, согрѣвало весенній воздухъ и свѣтлые лучи его освѣщали лицо молодой дѣвушки. У нея въ рукахъ было какое-то рукодѣлье. Стефанъ во-

Digitized by Google

шелъ въ бесѣдку. Ласково привѣтствовала его графиня.

— Я очень рада, что вы пришли, сказала она звучнымъ, спокойнымъ голосомъ. Не знаю, почему забыла я васъ спросить о томъ, что меня такъ давно занимаетъ. Признаюсь вамъ, исторія жизни вашей, которую вы разсказали совѣту, меня крайне тронула, но,... во мнѣ остались нѣкоторыя сомнѣнія. Неужели родители ваши не отыскивали васъ? Неужели вы не имѣете о нихъ никакихъ извѣстій? Живы ли они?

— Живы.

— Вы это знали и ничто не влекло васъ въ объятія родной матери?

— Вы пробуждаете во мнѣ горестныя воспоминанія, графиня. Тысячу разъ думалъ я воротиться къ милой, нѣжной, любимой матери. Но тамъ былъ у меня отецъ.

— Но что сдѣлалъ онъ вамъ? Неужели въ осьмнадцать лѣтъ страхъ, который внушалъ онъ вамъ въ дѣтствѣ, не могъ разсѣяться?

— Впродолженіи девяти лѣтъ, онъ не успѣлъ заставить меня привязаться къ нему, между-тѣмъ какъ я готовъ былъ полюбить его всею душою. Еще понынѣ невольный страхъ овладѣваетъ мною, когда я о немъ вспомню.

— Кто знаетъ, онъ, можетъ-быть, былъ добръ въ душѣ.

— Ребенку это трудно разобрать. Между-тѣмъ судьба ниспослала покровителя, который замѣнилъ мнѣ отца и, несмотря на всѣ странности свои, умѣлъ душевно привязать къ себѣ.

— Какъ же вы съ нимъ встрѣтились?

— Оставивъ Берлинъ, бродилъ я по одной изъ песчаныхъ полянъ, окружающихъ эту столицу. Я былъ голоденъ, усталъ, заблудился, солнце пекло меня и я совершенно лишился всей своей рѣшимости. Я бросился въ изсохшій кустъ и проливалъ горькія слезы, полагая, что послѣдняя минута моя настала, какъ-вдругъ послышался стукъ колесъ и какой-то господинъ, принимая меня за пастуха, высунувшись изъ кареты, спрашивалъ гдѣ бы выбраться на большую дорогу. Этотъ господинъ былъ чудакъ, котораго я нѣсколько разъ видѣлъ уже въ домѣ

Digitized by Google

своихъ родителей, гдѣ его просто называли маркизомъ. Я не знаю, кто болѣе обрадовался этой встрѣчѣ. Онъ выскочилъ изъ кареты, обнималъ, цѣловалъ меня....

— Зачѣмъ же онъ не проводилъ васъ къ родителямъ вашимъ? спросила Евгенія.

— Я думалъ, что онъ это сдѣлаетъ и уже умолялъ его, чтобы онъ замолвилъ за меня словцо. Онъ побранилъ меня, но когда я заговорилъ о возвращеніи, то онъ отвѣчалъ, что ужъ если я убѣжалъ, такъ видно Богу такъ угодно, и взялъ меня съ собою.

— Странно!

— Вообще всѣ поступки покровителя моего отличаются какою-то странностію. Я послѣдовалъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что дѣтскому воображенію моему представлялась другая мать, и ее-то желалъ я видѣть. То была мать цѣлаго народа: Марія Терезія! Къ ней привязался я впослѣдствіи всѣмъ жаромъ юношеской души!

— Пока любовь къ отечеству не одержала верхъ надъ этой привязанностью?

— Любовь къ отечеству и долгое размышленіе.

— Слѣдовательно, вы повиновались не влеченію души?... и горькая улыбка появилась на лицѣ Евгеніи.

— Я повиновался чему-то необъяснимому, что влекло меня къ Фридриху. То, чѣмъ онъ очаровываетъ весь міръ, образумило и меня.

Графиня накинула платокъ на шею. Лицо ея, на которомъ сначала видно было участіе, приняло холодное выраженіе. Она скоро встала.

— Какъ холодно стало.

— Боже мой! я огорчилъ васъ? вскричалъ съ безпокойствомъ офицеръ.

— Нѣтъ! Меня только удивляетъ, какъ вы, поступками котораго всегда, какъ я вижу, управляетъ *разумъ*, могли такъ безотчетно привязаться къ Фридриху?

— Я люблю въ Фридрихѣ того человѣка, который не заботясь о свѣтскомъ мнѣніи, самъ предписываетъ себѣ законы! Онъ, какъ великій преобразователь, далъ всему другое направленіе! Этому смѣлому, неутомимому генію поклоняется разумъ мой какъ полубогу!

Еще въ началѣ разговора Стефана съ графиней послы-

Digitized by Google

шался изъ деревни барабанный бой; но они не обратили на это вниманія.

— Боже мой, что это! вдругъ вскричала Евгенія.

— Барабанный бой.

— Нѣтъ.... вопль, страшный вопль!

— Это ничего! отвѣчалъ Стефанъ, между-тѣмъ какъ блѣдность покрыла лицо его: по бою барабановъ и по воплю онъ понялъ, что тамъ происходило, и чтобы скрыть свое смущеніе, выглянулъ въ окно.

— Это не тревога, будьте спокойны; это ничего! сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Ничего!.... Теперь только я поняла этотъ вопль.... Это голосъ несчастнаго!.... Слышите ли?.... Слышите. Это былъ, можетъ-быть, послѣдній стонъ его! Но что съ вами? Вы блѣднѣете? О, ради Бога, спѣшите, спасите что можетъ-быть еще спасено, молите, чтобы его пощадили! Между-тѣмъ какъ мы здѣсь такъ спокойно разговаривали, такъ пріятно спорили, тамъ.... тамъ человѣкъ умиралъ подъ ударами палачей вашего полубога!....

Грудь ея высоко подымалась, она дрожала всѣмъ тѣломъ, рука невольно сжималась и краска безпрестанно смѣнялась блѣдностью на прекрасномъ лицѣ ея.

Стефанъ почти не разслышалъ восклицаній ея, взоръ его былъ устремленъ на дорогу, проходившую возлѣ самой бесѣдки. Вдругъ схватилъ онъ руку Евгеніи.

— Пойдемте, вы не можете здѣсь оставаться.

— Умеръ! вскричала она: онъ умеръ?

— Уйдемте, графиня, умоляю васъ.

— Я останусь.

— Онъ перенесъ наказаніе.

— Неужели вы думаете, что я боюсь посмотрѣть въ лицо умирающему. Я хочу прочесть на лицѣ его укоръ жестокимъ судьямъ.

Барабанный бой прекратился, но тяжелые шаги, глухой шумъ приближался къ бесѣдкѣ. Вели наказаннаго. Его два раза прогнали сквозь строй—и онъ остался живъ. Его вели два товарища, на плечахъ которыхъ висѣли обезсиленныя руки несчастнаго. Мундиръ былъ накинутъ у него на спину и воротникъ застегнутъ впереди на крючки, но не закрывалъ всѣхъ слѣдовъ претерпѣннаго нака-

Digitized by Google

занія. Онъ не могъ или не хотѣлъ, чтобы его вели далѣе, а потому, собравъ послѣднія силы, высвободился изъ рукъ товарищей и бросился на дорогу подъ самой бесѣдкой.

— Боже милосердый! вскричала Евгенія.

Мундиръ несчастнаго разстегнулся и окровавленный, лежалъ онъ въ пыли. Въ полу-закрытыхъ глазахъ его выражалась еще угроза. Солдаты, крестьяне, ребятишки и женщины смотрѣли на него съ состраданіемъ, смѣшаннымъ съ невольнымъ страхомъ.

— Онъ умеръ? спросила Евгенія.

— Какое умеръ! вскричалъ капралъ; онъ и теперь еще здоровѣе насъ! Только упрямится.

Евгенія съ поспѣшностію искала чего-то, но не находила.

— Кошелекъ вашъ, сказала она Стефану, скорѣй, кошелекъ вашъ!

Стефанъ исполнилъ ея желаніе; она вырвала кошелекъ изъ рукъ его и бросила несчастному. Тотъ приподнялся, громко вскрикнулъ ура! схватилъ кошелекъ, взглянулъ на него и задрожалъ.... потомъ скоро всталъ безъ помощи товарищей, сжалъ кошелекъ въ рукѣ, какъ будто боясь чтобы у него не отняли его и опустивъ голову, проговорилъ сквозь зубы:

— Я этого не забуду!

Товарищи повели его далѣе.

— Позвольте мнѣ проводить васъ въ замокъ, сказалъ офицеръ.

Евгенія отказалась отъ его предложенія.

— Господинъ Стефанъ, сказала она гордо посмотрѣвъ на него: сегодня я увѣрилась, что мы никогда не поймемъ другъ друга!

Она скоро удалилась. Разсказы офицеровъ предувѣдомили уже Стефана о непонятномъ, своенравномъ, пылкомъ характерѣ графини, а потому онъ зналъ, что ничто не могло успокоить ее въ эту минуту. Онъ слѣдилъ за нею взоромъ, пока она не исчезла при поворотѣ въ другую аллею; съ недовольнымъ движеніемъ отеръ слезу, съ досадой топнулъ ногою и пошелъ въ другую сторону.

Digitized by Google

Въ деревнѣ всё было еще въ движеніи. Старики, собравшись толпами, разговаривали о наказаніи, припоминали, гдѣ впервые силы измѣнили несчастному, гдѣ онъ вскрикнулъ; босоногіе ребятишки считали шаги, пройденные имъ и замѣтно было по выраженію всѣхъ лицъ, что это приключеніе произвело на нихъ впечатлѣніе на всю жизнь.

Стефанъ узналъ, что солдатъ этотъ запоздалъ однажды въ деревнѣ, когда туда нахлынули непріятельскіе форпосты и онъ успѣлъ только спрятаться на сѣнникѣ. Одинъ изъ крестьянъ открылъ непріятелямъ убѣжище его и онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но вскорѣ прусскій отрядъ освободилъ его. Тогда солдатъ ужаснымъ образомъ отомстилъ крестьянамъ. Предавшій его спасся отъ смерти только тѣмъ, что залѣзъ въ колодецъ. Когда все пришло опять въ порядокъ, то была подана жалоба, несчастный солдатъ былъ судимъ военнымъ судомъ.... Въ самое то время, когда его гнали сквозь строй, онъ нѣсколько обратился къ дому виновника его несчастія, поднялъ окровавленную руку и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Мы еще увидимся!

Стефанъ рѣшился отыскать въ лазаретѣ несчастнаго, въ которомъ принималъ невольное участіе и купить у него кошелекъ свой, которымъ очень дорожилъ, потому что онъ былъ подаренъ доброй его матерью.

—

Въ тотъ же день полки, стоявшіе въ окрестностяхъ замка, получили приказаніе выступить.

Во время всеобщей суматохи, бѣготни, графиня прогуливалась съ Амаліей по саду.

— О чемъ вы задумались? спросила наконецъ Амалія, выведенная изъ терпѣнія продолжительнымъ молчаніемъ графини.

— Амалія, я буду съ тобою откровенна....

— Въ первый разъ въ жизни.

— Не шути. Знаешь ли, о чемъ я сегодня такъ долго разговаривала съ отцомъ моимъ?

— Не знаю, но догадываюсь.

— Онъ предостерегалъ меня.... Я увѣрена, говорилъ

Digitized by Google

онъ: что дочь моя не забудетъ кто она и кто этотъ дезертёръ.... сказала Евгенія, какъ-бы неохотно выговоривъ послѣднее слово.

— И вы отвѣчали?....

— Я отвѣчала, что съ дѣтства привыкла имѣть свою волю, сама располагала своими поступками и что если въ сердцѣ моемъ родится.... привязанность, къ этому молодому человѣку, то ни какія предостереженія и увѣщанія не заставятъ меня....

— Разлюбить его! воскликнула Амалія, когда графиня остановилась. Прелестно, очаровательно! Этого я отъ васъ не ожидала. Прекрасно!

— Амалія, я начинаю думать, что поступила дурно, потому что ты довольна мною.

— Полно, не сердитесь! сказала Амалія ласково. Милая кузина моя, вы знаете, я не зла: немножко вѣтрена, насмѣшлива, беззаботна, но не зла, право не зла!.... Позвольте жъ мнѣ вознаградить васъ—посмотрите, вотъ подвели лейтенанту лошадь — онъ долженъ проститься съ вами!

— Амалія!

— Не теперь. Вотъ идетъ графъ съ ротмистромъ. Они прощаются. Посмотрите, какъ батюшка вашъ дружески жметъ ему руку. У него на лицѣ написано: какъ я радъ, что вы, наконецъ, уѣзжаете отсюда!

Послышались трубы удалявшихся гусаровъ. Графиня глубоко вздохнула и бросилась на грудь подруги.

— Бѣдная Евгенія! сказала она тихимъ голосомъ, но съ выраженіемъ такого участія, какого графиня еще никогда не видѣла въ ней. Амалія скоро освободилась, выбѣжала изъ саду и какъ-бы случайно подошла къ Стефану, кивнула ему головой и лукаво погрозила пальцемъ.

— Не прощаясь съ дамами!

— Насъ торопятъ!

— Кчему торопиться! Вашъ арабскій конь легко догонитъ тяжеловѣсныхъ прусскихъ лошадей. А мнѣ надобно съ вами поговорить.

Она взяла его подъ руку и медленно повела къ садовой калиткѣ.

Digitized by Google

— На войнѣ бываютъ сраженія, а на сраженіи можно умереть,—подумали ли вы объ этомъ?

— Если бъ не думалъ, то не былъ бы военнымъ.

— Хорошо. Любите ли вы платить долги свои?

— У меня ихъ нѣтъ.

— Лейтенантъ—и нѣтъ долговъ!

Они всё ближе подходили къ калиткѣ.

— Нѣтъ долговъ! продолжала Амалія. Это рѣдкость! И вамъ никто не долженъ?

— Извините: мнѣ, право, некогда. Долгъ службы зоветъ меня.

— Какой вы упрямый! Прошу васъ замѣтить, что вѣжливость къ женщинамъ есть первый долгъ мужчины, особенно военнаго. Ступайте на войну, на смерть или куда хотите, но будьте, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливы и поклонитесь графинѣ, съ которою нечаянный случай заставилъ васъ встрѣтиться.

Они вошли въ садъ и подошли къ графинѣ, стоявшей близъ калитки.

— Повѣрите ли, графиня, продолжала Амалія, гость нашъ хочетъ уѣхать, не простившись даже съ нами. Что же вы молчите? прибавила она, обращаясь къ лейтенанту.

Каждая минута была драгоцѣнна. Трубы звучали, на дворѣ была суматоха, гусары удалялись. Амалія очень хорошо поняла это и оставила Стефана одного съ графиней. Молча стояли молодые люди. Графиня первая уступила волновавшему ее чувству. Свѣтлая слеза выкатилась изъ глазъ ея и она подала лейтенанту руку.

Молча прижалъ онъ ее къ губамъ своимъ и упалъ бы на колѣни, если бъ въ то же мгновеніе ротмистръ съ графомъ не вошли въ садъ.

— Мы еще увидимся, сказала она. Онъ почувствовалъ трепетное пожатіе руки ея.

— Вы еще здѣсь, лейтенантъ! закричалъ съ явной досадой ротмистръ. Вы должны знать, что у Пруссаковъ офицеръ ѣдетъ впереди эскадрона. Если вамъ пріятнѣе ѣхать позади, то вы могли остаться у Австрійцевъ.

Лицо Стефана вспыхнуло.

— Я думаю, сказалъ онъ, подойдя къ ротмистру: что у

Digitized by Google

Пруссаковъ, какъ и у Австрійцевъ, храбрый человѣкъ умѣетъ дать удовлетвореніе за необдуманное слово.

Взоръ Евгеніи, схватившей отца за руку, чтобы удалиться, одобрилъ слова Стефана.

— Просите и дастся вамъ, отвѣчалъ ротмистръ. Когда будетъ время, мы увидимся.

И они разошлись въ разныя стороны. Графъ, не зная чѣмъ начать разговора, разстался съ дочерью и замѣтивъ Амалію, подозвалъ ее къ себѣ.

— На одно слово! вскричалъ онъ грозно.

— Ахъ, графъ, какъ вы сегодня угрюмы! отвѣчала она.

— Берегитесь короче познакомиться со мною.

— Кажется, я давно уже имѣю честь....

— Это всѣ ваши продѣлки. Повѣрьте мнѣ, изъ этого ничего не будетъ.

— Могу ли я не вѣрить вамъ, сказала Амалія и наклонилась, чтобы поцѣловать руку графа.

— Не вмѣшивайтесь больше въ это дѣло—отъ этого зависитъ судьба ваша.

Между-тѣмъ какъ она, опустивъ глаза, низко присѣла, гордый вельможа важно удалился. Однако онъ могъ еще разслышать послѣднія слова Амаліи:

— Добренькій! онъ вѣрно хочетъ отдать меня замужъ!

—

Лагерь Пруссаковъ составлялъ самую оживленную, разнообразную картину. Офицеры стояли грушами и разсуждали о чемъ-то съ жаромъ и недовольными лицами. Зрительныя трубы были наведены на лагерь непріятеля; часто проносили имя короля, но покачивая головами:—офицеры были недовольны. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, болѣе сотни гренадеровъ, собравшись въ кружокъ, такъ громко пѣли пѣсни, что вѣтеръ доносилъ ихъ звуки до непріятельскаго лагеря.

Вдругъ громкое «виватъ!» огласило воздухъ, сотни шапокъ полетѣли въ воздухъ, и толпы разступились.

Король обходилъ лагерь. Онъ остановился и посмотрѣлъ на солдатъ, которые за минуту такъ весело распѣвали.

— Повтори послѣдніе стихи, сказалъ монархъ, обращаясь къ одному изъ солдатъ. Ты,—пропой.

Digitized by Google

Солдатъ выступилъ на шагъ, вытянувшись, руки по швамъ, выставивъ грудь, закинувъ нѣсколько голову назадъ и устремивъ взоръ, безъ всякаго выраженія, на короля, затянулъ какую-то солдатскую пѣсню.

Фридрихъ обратился къ одному изъ адъютантовъ своихъ и сказалъ:—Вотъ солдатская поэзія! пошелъ далѣе. Пѣвецъ не трогался еще съ мѣста, когда король тростью указалъ на другаго солдата:

— И онъ пѣлъ?

— Съ позволенія вашего высочества, отвѣчалъ солдатъ.

— Экой плутъ!

— Онъ удивительно какъ милостивъ сегодня, говорили шопотомъ солдаты, между-тѣмъ какъ король медленно шелъ впередъ, по длинной улицѣ, образовавшейся между рядами воиновъ. Онъ ласково выслушивалъ просьбы и представленія и поровнявшись съ ротмистромъ кивнулъ ему головою, въ знакъ благоволенія за послѣднее дѣло, въ которомъ тотъ отличился. Воспользовавшись милостивымъ расположеніемъ короля, знакомый уже намъ генералъ, полюбившій Стефана, рѣшился представить его.

— Вотъ, ваше высочество, лейтенантъ Стефанъ, который вчера разогналъ австрійскихъ фуражировъ и овладѣлъ тремя возами съ сѣномъ.

— Сухо ли было сѣно? спросилъ король, вынимая изъ кармана табакерку.

— Оно пришлось очень кстати. Это, ваше высочество, тотъ самый офицеръ....

Фридрихъ понюхалъ табаку и посмотрѣлъ большими, свѣтлыми глазами своими на представляемаго; но во взорѣ его не было ни участія, ни воспоминанія о чемъ-нибудь, когда онъ прервалъ генерала:

— Жена твоя, кажется, родила?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Сына или дочь?

— Сына.

— Какъ ты его назовешь?

— Именемъ побѣдителя при Прагѣ и Лейтенѣ, если вашему высочеству угодно будетъ позволить.

— По мнѣ какъ хочешь.

Digitized by Google

И скорыми шагами пошелъ онъ далѣе, между—тѣмъ какъ за нимъ раздавалось громкое ура!

Случайно а, можетъ быть и по особенному расположенію начальника, Стефанъ былъ откомандированъ съ эскадрономъ своимъ въ деревню, принадлежавшую къ имѣнію графа. Возвращаясь къ себѣ, послѣ немилостиваго поступка короля, лейтенантъ увидѣлъ въ недальнемъ разстояніи карету, возлѣ которой стоялъ баронъ Ицвицъ, ротмистръ его, дружески разговаривавшій съ графомъ. Изъ кареты выглянула Евгенія.

— Она здѣсь! пронзнесъ Стефанъ вздрогнувъ.... Въ то же время кто-то слегка потрепеталъ его по плечу. То былъ старый полковникъ.

— Послушайте, молодой другъ мой: не огорчайтесь поступкомъ короля. Ужъ у него такой обычай: онъ не любитъ, чтобы ему напоминали о томъ, что онъ у кого-нибудь въ долгу — несмотря на то, я увѣренъ, что онъ не забываетъ васъ.

— Какое мнѣ дѣло до короля! отвѣчалъ нетерпѣливо лейтенантъ.

Старый полковникъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головой:

— Такъ вотъ откуда дуетъ вѣтеръ! Молодой человѣкъ, берегитесь женщинъ. Онѣ всѣ вмѣстѣ никуда не годятся. Не забудьте, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ: что здѣсь играютъ не вами одними!

Полковникъ удалился.

Слова его раздавались еще въ ушахъ Стефана, когда онъ сидѣлъ уже въ своей комнаткѣ.

— Зачѣмъ она здѣсь? спросилъ онъ самъ себя; потомъ быстро вскочилъ и написавъ нѣсколько словъ, запечаталъ записку и отослалъ ее съ деньщикомъ своимъ къ ротмистру.

Хотя вся комнатка была не длиннѣе шести шаговъ, однако жъ лейтенантъ въ невыразимомъ волненіи сталъ прохаживаться взадъ и впередъ. Наконецъ подошелъ онъ къ окну и позвалъ одного изъ гусаровъ. Минуту спустя, молодой, красивый солдатъ стоялъ у дверей. Стефанъ заряжалъ пистолетъ.

Digitized by Google

— Не прикажете ли, ваше благородіе зарядить? Вы съ...зете порохъ вино.

Стефанъ бросилъ пистолетъ и закричалъ:

— Не стыдно ли тебѣ?

Гусаръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Не стыдно ли тебѣ связываться съ этой дѣвкой!

— Виноватъ.... проговорилъ гусаръ еще болѣе изумленный: я не зналъ.... можетъ, она приглянулась вашему благородію?

— Дуракъ! Ты парень молодой, дерешься какъ старый служака, а связываешься съ этой дѣвкой, которая гадка какъ смертный грѣхъ, а по лѣтамъ годится тебѣ въ матери!

— Ахъ, ваше благородіе, отвѣчалъ гусаръ вздохнувъ свободнѣе. Это только, знаете, такъ.... отъ нечего дѣлать, въ военное время....

— Да неужели ты не можешь найти по-лучше? Притомъ же она не знаетъ ни слова по-нѣмецки....

Гусаръ не зналъ что отвѣчать, какъ по счастію молодой поручикъ Штрахъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Что за бѣда! вскричалъ онъ; есть особенный языкъ, который понятенъ всѣмъ націямъ. Не такъ ли?

— Точно такъ, ваше благородіе: вы это знаете лучше моего. Замолвите за меня словечко. Если не прикажутъ, такъ я на эту женщину и смотрѣть не стану, только съ позволенія сказать, если она мнѣ не годится, такъ его благородію и по-давно.

Стефанъ невольно долженъ былъ громко захохотать и отпустилъ гусара, который однако, ъ остановился еще у двери и повертывая фуражку въ рукахъ, сказалъ:

— Извольте видѣть, ваше благородіе, я не сталъ бы ухаживать за нею, да она дочь старой вѣдьмы, хозяйки нашей, у нея ключи отъ всего съѣстнаго, такъ я, знаете, то-го.... и думаю: старуха неохотно угощаетъ нашего поручика, такъ надо принять другія мѣры, и пошелъ волочиться за дочерью! Глаза-то у нея черные! Не сегодня такъ завтра будетъ сраженіе и вѣроятно я съ нею больше и не увижусь!

Digitized by Google

Вотъ что я думалъ, ваше благородіе! А не прикажете, такъ я иначе заговорю; сейчасъ же пойду, прибью ее, чтобъ она знала.... вотъ я ее проучу!...

Насилу уговорили гусара оставить намѣреніе, которымъ онъ хотѣлъ выразить свое раскаяніе.

— Вы, кажется, наблюдаете за нравственностію людей вашихъ, спросилъ Штрахъ насмѣшливо, когда гусаръ удалился.

— Меня удивляетъ, какъ такой красивый парень, который могъ бы свесть съ ума всѣхъ деревенскихъ красавицъ, можетъ волочиться за такимъ уродомъ!

— У всякаго свой вкусъ! сказалъ Штрахъ, громко засмѣявшись.

— Да она отвратительна.

— Гусары на войнѣ не разборчивы. Притомъ же война измѣняетъ человѣка; и, повѣрьте, что дома я не хуже другаго знаю толкъ въ столѣтнемъ рейнвейнѣ, но, чортъ меня побери, когда языкъ покрытъ слоемъ пыли, толщиною въ палецъ, такъ я охотнѣе выпью рюмку водки!

— Не прикажете ли? спросилъ Стефанъ.

— Нѣтъ. Я пришелъ не за тѣмъ..

— Что вамъ угодно?

— Кой чортъ разберетъ, что у васъ въ жилахъ течетъ такая горячая кровь! Вы, видно, у Австрійцевъ выпили много венгерскаго.

— Къ дѣлу.

— О-го! Не хотите ли и со мной затѣять ссору?... Вызовъ вашъ принятъ, товарищъ.

— Вы отъ ротмистра?...

— Какъ секундантъ. Знаете ли, что все это очень глупо? Знаете ли, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ ротмистра? Поручикъ, колкой запиской осмѣливается вызывать ротмистра своего во время войны, передъ сраженіемъ? Чортъ меня побери! Да я бы заставилъ васъ проглотить эту колкую записку и съ бумагой, и съ чернилами, да и съ сургучемъ на придачу! Посадилъ бы васъ въ крѣпость....

Digitized by Google

— Я увѣренъ, что ротмистръ не можетъ такъ низко поступать....

— Конечно! сошлись два глупца....

— Если я останусь въ живыхъ, то, вѣроятно, мы и съ вами встрѣтимся....

— Пожалуй! отвѣчалъ засмѣявшись Штрахъ.

— Я не шучу, господинъ фонъ-Штрахъ!

— Вздоръ! Развѣ мы мѣшаемъ другъ другу?

— Какое время назначилъ ротмистръ?

— Завтра утромъ.

— Гдѣ?

— За лѣсомъ. Я приду за вами.

— На чемъ?

— На пистолетахъ. Я буду заряжать. До свиданія!

Штрахъ пошелъ къ дверямъ.

— Послушайте, продолжалъ онъ остановившись. Боже меня сохрани, чтобы я когда-нибудь помѣшалъ двумъ благороднымъ людямъ раздѣлаться съ оружіемъ въ рукахъ; но повѣрьте, что въ настоящее время подобный поступокъ явная глупость.... Не позже какъ черезъ недѣлю представится вамъ случай встрѣтится со смертію на полѣ чести, зачѣмъ же....

— Не ротмистръ ли поручилъ вамъ сказать мнѣ это? прервалъ его Стефанъ.

— Благоразумія отъ влюбленнаго ожидать не должно; вамъ, товарищъ, слѣдуетъ говорить первому, а не ротмистру!

— Вы хотите, чтобы я просилъ.... вспыльчиво вскричалъ Стефанъ.

— Есть средства отложить это дѣло.... и не забудьте сказать ротмистру, чтобы онъ впередъ выбиралъ секунданта лучше.

— Я ничего не хочу откладывать.

— Не забуду! отвѣчалъ сухо Штрахъ. Мы еще увидимся когда-нибудь.

И онъ удалился.

Ё 16648
Digitized by Google

Хозяйка принесла свѣчу и Стефанъ, закрывъ лицо руками, долго сидѣлъ въ задумчивости у стола; потомъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая изгнать изъ головы непріятныя мысли и сталъ писать.... къ той, которая въ эту рѣшительную минуту его жизни предстала передъ нимъ какъ свѣтлое, лучезарное видѣніе....

Онъ писалъ прощальное письмо къ матери!

Сквозной вѣтеръ колебалъ пламя нагорѣвшей свѣчи, бумага была сыра, чернила покрыты плѣсенью, перо не писало, мысли не приходили въ порядокъ, онъ не находилъ приличныхъ словъ для выраженія того, что̀ чувствовалъ, однако жъ часъ спустя онъ перечитывалъ уже двѣ исписанныя страницы, только начало которыхъ относилось къ матери его, между-тѣмъ какъ конецъ былъ написанъ къ Евгеніи.... Сильный октябрьскій вѣтеръ, который такъ и рвалъ крыши съ крестьянскихъ домовъ и завывалъ въ трубѣ, не безпокоилъ Стефана.... Онъ не переставалъ перечитывать письма и не находилъ начала къ концу, конца къ началу.

Вдругъ двери съ шумомъ растворились.... вошла хозяйка. Она кашлянула, онъ не смотрѣлъ на нея.... Она слегка ударила его по плечу, онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она ему не мѣшала.

— Ужъ это слишкомъ! вскричалъ наконецъ знакомый голосъ.

— Это вы, Амалія.... вскричалъ Стефанъ вздрогнувъ.

— По-тише. Успокойтесь.

— Вы пришли....

— Стъ! Не мѣшайте мнѣ. Графиня здѣсь. Смѣшонъ тотъ влюбленный, котораго надо увѣдомлять о близости его милой.... Несмотря на то, я сжалилась надъ вами и пришла сюда. Графиня здѣсь — она хочетъ видѣть васъ.

— О, скорѣй!...

— Не горячитесь. Графъ также здѣсь, по какимъ-то дѣламъ; мы остановились на фермѣ, которая принадлежитъ къ имѣнію графа. До полуночи вы однако жъ не можете прійти къ намъ.

Digitized by Google

— Что же помѣшаетъ мнѣ войти гостемъ въ домъ графа?

— Извольте, мы пришлемъ вамъ пригласительную карточку; вы придете, проговорите полчаса съ графомъ, поклонитесь графинѣ и съ тѣмъ и уйдете! Хотите?

— О, нѣтъ!... но что это вы прячете?

— Это не ваше дѣло.

Онъ съ силой схватилъ руку ея.

— Что съ вами? спросила хладнокровно Амалія: это ключъ отъ маленькой двери.

— О, какъ вы добры? Дайте ключъ.

— Полно стоите ли вы того? спросила она, какъ-бы колеблясь.

— Умоляю васъ....

И онъ выхватилъ ключъ и съ такимъ жаромъ прижалъ руку Амаліи къ губамъ своимъ, что она чуть не вскрикнула.

— Не забудьте же! сказала она: послѣ полуночи. Видите ли вы тамъ, за липами, огни? Это наша ферма. Вы пойдете полемъ; чѣмъ далѣе отъ деревни, тѣмъ лучше. За маленькой рощей, вы перескочете черезъ ровъ и проберетесь вдоль забора до самаго саду. Тамъ вамъ не трудно будетъ найти маленькую дверь. Къ окну графини я привѣшу красную шаль.... Остальное вы сами должны знать....

— О! чѣмъ отблагодарю я васъ за это! вскричалъ Стефанъ, еще разъ прижавъ руку ея къ губамъ своимъ.

— Не забудьте, что подобный случай не скоро представится! сказала Амалія, приложивъ палецъ къ губамъ и прежде, нежели онъ успѣлъ посвѣтить ей, она сбѣжала уже по лѣстницѣ и исчезла.

Стефану стало душно въ узенькой комнаткѣ. Онъ накинулъ шинель и вышелъ.

По разнымъ направленіямъ ярко горѣли огни. Солдаты, закутавшись въ шинели и съ трубками во рту, лежали на травѣ, расположившись около стараго служаки и прислушивались къ разсказамъ его. Стефанъ шелъ всё далѣе и далѣе.... Онъ чувствовалъ что-то странное, непріятное; ему было то жарко, то холодно....

Digitized by Google

Въ нѣкоторомъ разстояніи Стефанъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, на бѣлыхъ шинеляхъ которыхъ отражался свѣтъ отъ огня, вокругъ котораго лежали три человѣка. На разбитомъ барабанѣ играли они въ карты. Ночная тишина была только прерываема дикимъ смѣхомъ выигрывавшаго, проклятіями проигрывавшаго и восклицаніями ихъ:

— Король!—Тузъ!—Козырь!

И съ силою бросали они карты на старый барабанъ, который при каждомъ ударѣ издавалъ глухой, протяжный звукъ, подобный стону.

Стефанъ сказалъ пароль, гусары отдали ему честь и опять обратили взоры къ играющимъ.

— Обходилъ ли дозоръ? спросилъ Стефанъ одного изъ часовыхъ.

— Давно, ваше благородіе.

— Какъ же маіоръ не запретилъ имъ играть?

— Какъ имъ запретишь, ваше благородіе? Это такіе отчаянные, что и Боже упаси!

— Давно они играютъ?

— Съ самаго полудня.

— Эй, ты! закричалъ Стефанъ солдату, который лежалъ къ нему спиной. Развѣ тебѣ другаго нѣтъ дѣла?

— Козырь! проворчалъ солдатъ не оборачиваясь.

— Бью козыремъ! закричалъ товарищъ его.

— Хоть вы его убейте, сказалъ часовой: такъ онъ не тронется съ мѣста!

— Откуда онъ?

— Изъ волонтеровъ; только-что вышелъ изъ лазарета и чортъ его знаетъ, гдѣ деньги досталъ.

— А другой изъ гусаровъ—не стыдно ли ему!

— Полноте, ваше благородіе, сказалъ старый часовой, покачивая головой: будто не всё-равно, у того или другаго деньги въ карманѣ!

— А третій, который лежитъ на спинѣ — пьянъ или спитъ?

Digitized by Google

— Спитъ, отвѣчалъ часовой съ изумленіемъ посмотрѣвъ на лейтенанта:—спитъ сномъ непробуднымъ!

Стефанъ подошелъ по-ближе.

— Мертвецъ! вскричалъ онъ съ ужасомъ.

— Да! Онъ съ ними игралъ давича, да свиснула пуля и, поминай какъ звали!

— И эти негодяи продолжаютъ играть! вскричалъ Стефанъ съ невольнымъ трепетомъ.

— Что же? Онъ имъ не мѣшаетъ, да и они не тревожатъ его. Вотъ какъ насъ смѣнятъ, такъ мы выроемъ ему яму.

— Баста! закричалъ счастливый игрокъ. Давай еще!.... Я вижу, что у тебя пріятель есть еще монетка. Хочешь?

Проигравшій произнесъ страшное проклятіе и бросилъ талеръ на барабанъ.

— А всѣ эта блѣдная рожа надѣлала, сказалъ онъ, указывая на убитаго:—Не гляди на меня такъ пристально, жаба проклятая! Пошла—не гляди!

— Не тронь его! сказалъ другой.

— Хочу и буду трогать. — Оборотись, чучела, и гляди на него..

— Не тронь; мертвый всѣ-равно что козырь: его надо уважать!

Дѣло дошло бы до ссоры, если бъ старый гусаръ не закричалъ имъ:—Смирно, собачьи дѣти, смирно или прибью!... Часовой смотрѣлъ съ изумленіемъ на Стефана, который стоялъ неподвижный и не сводилъ взора съ игравшихъ.... Поручикъ не могъ припомнить, гдѣ онъ уже видѣлъ одного изъ игроковъ, именно того, который проигрался.

— Что? Нѣтъ больше пуговицъ? спросилъ, громко смѣясь, счастливецъ. Давай сюда зеленый бисерный кошелекъ—я буду великодушенъ и поставлю на него цѣлый гульденъ.

— Кошелекъ?.... Не хочу.

— Ставлю талеръ....

— Не хочу, говорятъ.

Digitized by Google

— Экая упрямая крыса... Два талера!...

Хозяинъ кошелька сталъ колебаться, когда вдругъ Стефанъ схватилъ руку его и сжалъ ее какъ въ желѣзныхъ тискахъ:

— Откуда у тебя этотъ кошелекъ?

Это былъ тотъ самый кошелекъ, который Евгенія бросила несчастному, черты котораго показались Стефану знакомыми. Солдатъ изъ-подлобья взглянулъ на поручика и въ то же мгновеніе, опять опустивъ глаза, сжалъ кошелекъ такъ крѣпко въ рукахъ своихъ, что, казалось, пыткой нельзя было бы отнять его.

Наклонившись надъ несчастнымъ и смотря ему въ лицо, Стефанъ стоялъ неподвижно.... Кровь съ силою бросилась ему въ голову, огонь пробѣжалъ по жиламъ, морозъ сковалъ всѣ его члены.... Голова его закружилась, онъ хотѣлъ удержаться на ногахъ, но солдатъ оттолкнулъ его, вскочилъ и исчезъ въ темнотѣ ночной...,

— Поручикъ, что вы здѣсь дѣлаете!

Стефанъ быстро вскочилъ.... Игроки, часовые, все исчезло; отъ всей картины, столько поразившей его, остались только разбитый барабанъ, мертвецъ и дымившійся огонь. Но около него были сотни незнакомыхъ лицъ, Кроаты, Пандуры, Австрійцы.... Все это двигалось, дѣйствовало не прерывая мертвой тишины.

— Намъ измѣнили? спросилъ Стефанъ и обнажилъ саблю.

— Нѣтъ еще, шепнулъ ему прусскій офицеръ, разбудившій его.—Нѣтъ еще, но я опасаюсь....

— Кто эти люди?

— Непріятельскіе дезертёры..... Но имъ довѣрять нельзя, когда они сотнями перебѣгаютъ. Боже праведный! Еще!

Стефанъ видѣлъ какъ изъ непріятельскаго лагеря перебѣгали цѣлыя толпы....

Широкоплечій Кроатъ подошелъ къ мертвецу и крикнулъ ему что-то на-ухо съ грубымъ, дикимъ смѣхомъ. Сте-

Digitized by Google

фанъ прислушался къ словамъ его, схватилъ руку прусскаго офицера и шепнулъ ему на-ухо:

— Осторожнѣй! Или мы погибли. Я проберусь въ главную квартиру. Тутъ измѣна! Не оглядывайтесь.

Поручикъ, ни кѣмъ не замѣченный, спустился въ довольно глубокій ровъ и почти ползкомъ пробрался нѣсколько шаговъ. Когда наконецъ темнота скрыла его отъ взоровъ Венгерцевъ—онъ пустился бѣжать.

Случай благопріятствовалъ ему. Изъ попавшагося на встрѣчу драгунскаго патруля ему уступили лошадь, и Стефанъ поскакалъ во весь опоръ къ квартирѣ главнокомандующаго.

— Не говорилъ ли я, сказалъ Цитенъ окружавшимъ его, когда Стефанъ передалъ ему то, что понялъ изъ словъ Кроатовъ: а *онъ* всѣ не вѣритъ, потому что не хочетъ вѣрить! Поручикъ, вы должны итти со мною къ королю. Пойдемте!

При имени Цитена немедленно растворились двери королевской квартиры. Нѣсколько спустя туда былъ призванъ и Стефанъ.

Король сидѣлъ на походной кровати, Цитенъ стоялъ передъ нимъ, и на столѣ между ними лежала карта.

— Онъ не осмѣлится этого сдѣлать, сказалъ король.

— Почему знать, ваше высочество, отвѣчалъ главнокомандующій.

— Цитенъ, можешь ли ты написать французскіе стихи?

— Не могу, ваше высочество.

— Умѣешь ли играть на флейтѣ?

— Не умѣю, ваше высочество.

— Ну, вотъ видишь, такъ точно и Даунъ не можетъ и не умѣетъ напасть на меня, потому что онъ Даунъ, а я Фридрихъ.

— Ваше высочество, вотъ поручикъ Стефанъ, который слышалъ слова Венгерцевъ....

— Ну, что же онъ слышалъ? спросилъ король и посмотрѣлъ на поручика.

Digitized by Google

— Ваше высочество, они говорили....

— По-венгерски, не правда ли? прервалъ его монархъ.

— Я знаю этотъ языкъ.

— Сколько жъ въ немъ склоненій? Скажи-ка.

— Ваше высочество, продолжалъ Стефанъ, какъ-бы не разслышавъ послѣдняго вопроса короля: я слышалъ и понялъ слова дезертёровъ.... непріятель намѣревается напасть на насъ и употребляетъ военную хитрость, перебѣгая къ намъ мнимыхъ дезертёровъ, чтобы овладѣть нашими форпостами.

— Ну, такъ! это просто незначительное нападеніе на форпосты; но гусары постоятъ за себя. Не такъ ли, Цитенъ?

— Ваше высочество, дезертёры говорили о генеральной аттакѣ.

— Что жъ они говорили? Слово въ слово — но не по-венгерски, а по-нѣмецки.

— Тебя не разбудятъ пушки наши, сказалъ одинъ Кроатъ, наклонившись къ убитому Пруссаку. Если бъ всѣ твои земляки спали такимъ крѣпкимъ сномъ, то фельдмаршалу нашему не трудно было бы исполнить свое намѣреніе!

— И вы думаете, вскричалъ Фридрихъ съ досадой: что Даунъ повѣритъ планы свои простому солдату? Э!

— Все это такъ, ваше высочество, отвѣчалъ очень спокойно Цитенъ: но...

— И ты вѣришь этому вздору?

— Что тамъ предназначается, отвѣчалъ главнокомандующій, указавъ на небо: того мы знать не можемъ, ваше высочество.

— Слѣдовательно ты велѣлъ сѣдлать?

— Гусарамъ и драгунамъ.

— И довольно; не зачѣмъ по-напрасну тревожить людей.

Наступило молчаніе. Цитенъ улыбнулся.

— Однако жъ вы, ваше высочество, не слишкомъ большой любитель сна; вы даже изволили однажды, назвать его дурной привычкой.

Digitized by Google

— Конечно, это одна слабость. Учился ли ты естественной исторіи, Цитенъ?

— Я только знаю, что мы всѣ сотворены Господомъ.

— Такъ, но не всѣ сотворены, чтобы бодрствовать.

Закинувъ руки на спину, король прохаживался взадъ и впередъ, когда наконецъ взоръ его уплылъ на Стефана.

— А ты отъ чего не спалъ?

— Ваше высочество....

— Командированъ былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество.... я только осматривалъ форпосты....

Подозрительно посмотрѣлъ на него король:

— Какая ревность! Ты, кажется, особенно любишь открывать заговоры. Этимъ, братъ, у насъ мало выслужишь. Ты молодъ; тебѣ не пришла еще пора бодрствовать за другихъ и когда ничего не приказываютъ, такъ кулакъ подъ-ухо, да и спи!

Цитенъ покачалъ головой и, казалось, хотѣлъ замолвить слово за молодаго офицера, но Фридрихъ отклонилъ его рукою и сказалъ тихимъ голосомъ Стефану:

— На тебя есть жалобы—это не мое дѣло. Однако берегись, не залетай слишкомъ высоко. Выбрось эту дрянь изъ головы. Пѣтуху черезъ заборъ трудно перелетѣть.

Въ эту самую минуту вошелъ офицеръ съ рапортомъ.

— Ваше высочество, лейбъ-гусары воротились съ рекогносцировки. Къ намъ всѣ-еще переходятъ Австрійцы; однако непріятель спокоенъ и незамѣтно ни малѣйшаго движенія. Сторожевые огни горятъ, какъ обыкновенно, и слышны клики часовыхъ и пѣсни солдатъ.

Фридрихъ всталъ. Большіе глаза его сверкали, какъ-будто бы онъ одержалъ побѣду:

—Что скажешь, Цитенъ?.... Никогда Даунъ не осмѣлится напасть на меня! Вели разсѣдлать.

Цитенъ съ нѣкоторой досадой стукнулъ саблей въ полъ, поклонился и вышелъ.

— А поручикъ остается при мнѣ дежурнымъ, продол-

Digitized by Google

жалъ Фридрихъ. Какъ станетъ разсѣтать, такъ пришлетъ сюда Венгерцевъ: мы приступимъ къ допросу. Поручикъ будетъ переводчикомъ.

Въ передней нѣсколько младшихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ свитѣ короля, играли въ карты. Видно было, что Фридрихъ не любилъ этого занятія, потому что офицеры говорили шопотомъ и безпрестанно поглядывали на дверь.

— Не шумите! сказалъ одинъ изъ игравшихъ, указавъ на Стефана, который вышедъ изъ королевской комнаты, сѣлъ на скамью, скрестивъ руки на груди и опустивъ голову.

— Не бойтесь, отвѣчалъ докторъ: этому мы не помѣшаемъ! Я еще давича, по лицу его узналъ, что въ немъ готовится горячка. Играйте, господа.

Пробилъ часъ. Протяжно раздавался гудъ отъ одного удара. Всѣ невольно вздрогнули, когда Стефанъ скоро соскочивъ со скамьи, вскричалъ съ сверкающимъ взоромъ:

— Часъ! она ждетъ меня!

— Кто ждетъ? спросилъ докторъ, бросивъ карты и схвативъ Стефана за грудь. Интрижка, не такъ ли? Подождетъ.

— Нельзя ждать, вскричалъ Стефанъ: но въ то же мгновеніе нѣсколько рукъ обхватили его и опять усадили на скамью. Пустите, блаженство моей жизни зависитъ отъ этой минуты!

— Поручикъ, вы на службѣ. Блаженство не уйдетъ. Завтра успѣете еще увидѣться, сказалъ докторъ, и спокойствіе это какъ-бы побѣдило больнаго.

Нѣсколько минутъ Стефанъ сидѣлъ спокойно, но вдругъ дико, съ выраженіемъ болѣзненнаго отчаянія вскричалъ:

— Пустите, я долженъ спасти брата!

— Гдѣ братецъ вашъ?

— На краю ада!

— Оставьте его тамъ въ покоѣ, а нето сами туда попадете, сказалъ грознымъ голосомъ докторъ.

Digitized by Google

Слова его подѣйствовали на больнаго, мысли котораго снова смѣшались и голова опустилась на грудь. Шумъ снаружи опять пробудилъ его.

— Пустите! закричалъ онъ громче прежняго, съ непостижимой силой вырвался изъ рукъ удерживавшихъ его и схватился уже за саблю, когда лекарь, напавъ на него сзади, остановилъ его:

— Куда вы?

— Меня зоветъ....

— Кто?

— Долгъ чести. У меня ничего нѣтъ кромѣ чести, такъ не отнимайте ее у меня. Лучше смерть—тысячу смертей, но не безчестье! Они ждутъ меня.

— Такъ вы хотите драться? спросилъ строгимъ голосомъ докторъ.

— Я далъ честное слово.

— Такъ успокойтесь: честь ваша останется за вами. Вы дали противнику вашему слово, но король велитъ вамъ оставаться здѣсь, слѣдовательно онъ ручается и отвѣчаетъ за васъ. Ложитесь-ка лучше спать.

— Не худо бы пустить ему кровь, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Кровь, да кровь! закричалъ Стефанъ.

— Послѣ, лейтенантъ, послѣ; ложитесь, вы не здоровы.

— Дайте слово, докторъ, что вы не захотите удерживать меня, когда раздастся бой непріятельскихъ барабановъ!... Тогда я сяду на коня....

— Дайте слово, докторъ.

— Честное слово, поручикъ, отвѣчалъ докторъ. Тогда вы должны будете повиноваться одному долгу чести, и доктору нечего будетъ вамъ приказывать.

Стефанъ спокойно легъ на скамью.

— Какъ вы думаете, спросилъ одинъ изъ офицеровъ: можетъ ли онъ успѣть выспаться и принять участіе въ сраженіи?

Digitized by Google

— Отчего не пить? Дикая, неиспорченная кровь просит ся наружу. Ланцетъ ли нашъ или штыкъ выпуститъ ее это всё-равно, и кто знаетъ, можетъ-быть штыкъ пош детъ еще вѣрнѣе. Ктому же, если суждено умереть, так умрешь такъ же хорошо въ постели, какъ и на войнѣ! Н къ дѣлу, господа. У меня игра такъ хороша, что жал было бы бросить. Три туза, четыре короля!....

—

У графа, на фермѣ, были гости. Только послѣ полуно чи разошлись они, и Евгенія могла удалиться въ свою ком нату. Амалія послѣдовала за нею. Никогда еще беззабот ная веселость послѣдней не надоѣдала столько графинѣ Ежеминутно прерывала она болтовню компаніонки, кото рая тотчасъ же начинала разговаривать о другомъ пред метѣ.

— Да скажите жъ, ради Бога, что мнѣ дѣлать? вскри чала наконецъ Амалія. Вы, можетъ-быть, хотите спать?

— Не могу.

— Понимаю.—Такъ что же намъ дѣлать? Сѣсть за ста рое разстроенное фортепіано? Дворовая собака завоетъ.— Вздыхать? Вы скажете, что я насмѣхаюсь надъ вами. — Слѣдовательно, мнѣ остается только сѣсть напротивъ васъ, и сложить руки; но и тутъ я боюсь, что если мы долго будемъ смотрѣть одна на другую, то разхохочемся.

— Прочти мнѣ что-нибудь—нешитересное.

Амалія принесла книгу, открыла ее, поправила свѣчу и стала читать басни Геллерта, не перемѣняя голоса, не ос танавливаясь на знакахъ препинанія, самымъ однообраз нымъ тономъ, пока наконецъ Евгенія не вырвала у нея книги изъ рукъ.

— Какъ ты уродуешь бѣднаго Геллерта! сказала она.

— Фридрихъ сказалъ, что это умнѣйшій человѣкъ въ Германіи. Только я увѣрена, что Фридрихъ и не читалъ его сочиненій.

— Какъ все ушло въ деньгѣ, сказала Евгенія съ гру стію.

Digitized by Google

— Тѣмъ слышнѣе несносные крики часовыхъ. Ахъ, графиня, не даромъ горизонтъ былъ красенъ какъ кровь, когда заходило солнце: быть сраженію!....

— Не ночью же!.... Но что ты дѣлаешь, Амалія? зачѣмъ повѣсила ты платокъ мой къ окну?

— Если дѣло дойдетъ до сраженія, то я хочу, чтобы они знали, что здѣсь живутъ женщины и не стрѣляли бы сюда.—Ахъ, посмотрите, какое свѣтлое небо!

Евгенія подошла къ окну. Далекія долины были освѣщены и вдали виднѣлись сторожевые австрійскіе огни.

— Вѣтеръ унялся. Ночь совершенно іюльская.

— Да, только холодненько. Я не понимаю, что за охота пришла вашимъ предкамъ, графиня, переселиться въ Германію. Представьте себѣ лучше, что мы въ какой-нибудь аллѣ; легкій вѣтерокъ наноситъ намъ благоуханія и звуки страстной канцоны какого-нибудь amorato.... возлюбленный перескакиваетъ черезъ балюстраду балкона, бросается къ ногамъ вашимъ, а я удаляюсь, ложусь спать и къ утру ничего не помню.... Это Италія! Перенесемтесь же въ Германію; вообразите, что пріятель нашъ, Венгеренъ, хочетъ дать вамъ серенаду. Прежде чѣмъ онъ доберется до окна вашего, то будетъ блуждать по лабиринту конюшенъ, сараевъ, овчаренъ.... наконецъ находитъ дверь; но тутъ на него нападаетъ стая дворовыхъ собакъ. Пока онъ заботится о томъ, чтобы не попасться на зубы злымъ церберамъ, просыпаются конюхи и коровницы, и принимая нашего amorato за вора, нападаютъ на него съ дубинами и рогатинами.... это Германія!

— Не знаю, что у тебя за страсть вѣчно шутить!

— Не знаю, что у васъ за страсть вѣчно грустить!

Наступило молчаніе.

— Не понимаю, продолжала Амалія: какъ хозяева фермы могли такъ дурно распорядиться! И сторожъ и собаки находятся на той сторонѣ, на дворѣ, между-тѣмъ какъ тутъ, изъ саду, легко можно забраться къ намъ.

— Но кто рѣшится?

Digitized by Google

— Кто знаетъ!.... онъ молодъ, предпріимчивъ.... мыс. о предстоящемъ сраженіи.... можетъ нѣтъ ничего, ес онъ рѣшится еще разъ увидѣться съ вами....

— Кто? Амалія.

— Нашъ молодой пріятель....

— Амалія, ты....

— Я все исполнила, какъ вы приказали.

— Въ которомъ часу будетъ онъ завтра?

— Завтра?.... Завтра мы ужъ не здѣсь будемъ....

Слова ея были внезапно прерваны сильнымъ шумомъ Кто-то стучался въ подвальное окно, но такъ сильно, чт и въ верхнихъ окнахъ дрожали стекла.

Амалія поблѣднѣла.

— Онъ съ ума сошелъ! вскричала она и подбѣжала к окну.

— Что тамъ такое, Амалія?

— Это не здѣсь! вскричала она и бросилась въ коридоръ, къ окну, выходившему на дворъ.

Фельдфебель стучался въ окно квартиры, которую занималъ маіоръ.

— Я пришелъ доложить вашему благородію, что кирасирамъ приказано сѣсть на коней безъ шуму, и быть готовыми къ выступленію.

— Какъ я испугалась, сказала Амалія, воротившись въ комнату; я было-думала, что это онъ!...

Евгенія молча слѣдила за каждымъ движеніемъ компаньонки. Послѣднія слова ея поразили графиню и она спросила ее съ гордостію:

— Что ты сдѣлала?

Не отвѣчая ни слова, Амалія преклонила колѣни, схватила руку графини и стала цѣловать ее. Потомъ украдкой взглянула на Евгенію и замѣтивъ на лицѣ ея болѣе страха и безпокойства, нежели гнѣва, она тихо произнесла, опустивъ голову:—Онъ придетъ.

— Когда?

Digitized by Google

— Сейчасъ.

— Неблагоразумная! ты забыла....

— Нѣтъ! Я ничего не забыла. У него ключъ отъ маленькихъ дверей.

— Я надѣюсь, что ты шутишь? спросила Евгенія отступивъ.

— Смѣю ли я шутить съ вами?

— Но кто позволилъ тебѣ?

— Привязанность моя къ вамъ.

— Нѣтъ! Это уже слишкомъ! вскричала графиня съ негодованіемъ: какъ смѣешь ты играть честью и добрымъ моимъ именемъ?

— Выслушайте меня сперва, а потомъ обвиняйте.

— Говори, несчастная, что ты сдѣлала?

— Ни честь, ни доброе имя ваше не подвергаются ни малѣйшей опасности. Онъ проберется черезъ садъ, тамъ нѣтъ ни сторожа, ни собакъ; окна квартирующихъ въ этомъ домѣ военныхъ, снаружи закрыты ставнями. Я введу его сюда, я же провожу и назадъ. Если кто-нибудь и увидитъ его, то подозрѣніе падетъ на меня, а ваше доброе имя останется неприкосновеннымъ. Въ одномъ я виновата: онъ думаетъ, что вы сами велѣли ему прійти сюда, но вамъ будетъ не трудно разувѣрить его въ томъ.

— Амалія! сказала строго Евгенія: завтра мы разстанемся. Ты не должна болѣе оставаться при мнѣ.

— Какъ вамъ угодно—но я всё-таки не раскаюсь въ томъ, что сдѣлала. Я люблю васъ, горячо, душевно; я люблю васъ такъ, какъ вы не можете любить меня, а потому желаю вашего счастія. Мы не знаемъ, что завтра будетъ и вы сами, можетъ-быть, раскаетесь, что обидѣли бѣдную Амалію, когда принесутъ къ вамъ тѣло убитаго.... Тогда вы забудете гордость вашу, броситесь къ нему и цѣлому свѣту скажете, что любили его!... Но тогда уже будетъ поздно!...

Когда Амалія начала говорить, Евгенія сорвала съ

Digitized by Google

окна платокъ. Приложивъ лицо къ холодному стеклу, она слушала Амалію.

— Куда ты идешь? спросила графиня, когда компанья онка схватила со стола свѣчу, чтобы удалиться.

— Я хочу запереть калитку на задвижку.

И Амалія подошла уже къ дверямъ, хватилась за ручку, когда услышала тихо произнесенное:

— Останься!

Она бросилась къ Евгеніи и обняла ее.

— О, Евгенія! Если бъ ты знала, какъ я люблю тебя! Всѣмъ готова я пожертвовать для твоего счастія! Тобой хочу я дышать, тобой жить!...

— Амалія, отвѣчала графиня съ чувствомъ: благодарю тебя; но признайся, мы поступаемъ дурно.

— Никто не узнаетъ, сказала Амалія, ласкаясь къ графинѣ.

И платокъ опять висѣлъ у окна. Молча сидѣли молодыя дѣвушки, рука въ руку; все было такъ тихо, что слышенъ былъ стукъ маленькихъ, карманныхъ часовъ. Только Амалія изрѣдка подходила къ окну....

— Стъ!... Я слышу шумъ.... И Евгенія задрожала.

Это ночной вѣтеръ завывалъ въ каминѣ и скрыпѣли петли полурастворенной двери. Но въ саду все было тихо.... Калитка не отворялась.... не слышно было шаговъ... На колокольнѣ деревенской церкви пробило два часа.... три... четыре.... четверть, половина пятаго.

Грудь Евгеніи подымалась всё выше и выше, она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Амалія стала безпокоиться; она обняла подругу:

— Ради Бога, успокойтесь!

Пробило три четверти пятаго.

Графиня не могла болѣе противиться горестному чувству, которое овладѣло ею.... Слезы ручьями полились изъ глазъ ея; она бросилась на грудь подруги и вскрикнула съ отчаяніемъ, и задыхающимся голосомъ:

Digitized by Google

— Онъ не придетъ!

— Онъ, можетъ-быть, откомандированъ куда-нибудь.

— Я съ нимъ болѣе не увижусь.... о! какъ я желала еще разъ поговорить съ нимъ.... Одинъ, одинъ только разъ....

— Ложитесь, Евгенія.... Я пойду къ нему....

Пять часовъ пробило на гохкирхенской башнѣ, тринадцатаго октября тысяча-семьсотъ-пятьдесятъ-сѣдьмаго года, и звукъ послѣдняго удара дребезжалъ еще въ воздухѣ, какъ раздался выстрѣлъ, другой, третій: они быстро слѣдовали одинъ за другимъ, — зазвѣнѣли сабли— и страшные крики огласили воздухъ!

Окна задребезжали и молодыя дѣвушки, блѣдныя, испуганныя, бросились одна къ другой въ объятія.

Съ высотъ слышалась австрійская музыка, какъ-бы возвѣщавшая о томъ, что это была не простая стычка, не незначительное нападеніе на форпосты, но что вся императорская армія выступила на бой, цѣлію котораго было— уничтоженіе Пруссаковъ.

Мгновенно вся ферма пробудилась, ожила, какъ-бы въ контрастъ къ мертвой тишинѣ, въ которую она была погружена за нѣсколько минутъ. Маіоръ выскочилъ изъ окна и уже отдавалъ приказанія на дворѣ....

Раздался первый пушечный выстрѣлъ. Не прошло минуты и за нимъ послѣдовалъ залпъ тысячи орудій.... Несмотря на шумъ и суматоху явственно слышны были вопли и стоны раненыхъ и умирающихъ....

Дверь въ комнату Евгеніи растворилась и графъ, блѣдный, растроенный, полу-одѣтый, вбѣжалъ туда. Молча и съ выраженіемъ глубокаго отчаянія пожалъ онъ руки дочери и Амаліи.

— Мы уже не можемъ бѣжать, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ: всѣ дороги заняты солдатами.... вездѣ дерутся....

— На Фридриха напали! сказала Амалія: кто могъ этого ожидать!

— Смотри, нѣтъ ли на тебѣ черной и бѣлой ленты?

Digitized by Google

спросилъ графъ, въ изнеможеніи опустившись на стулъ: вѣдь это прусскій цвѣтъ.

— Ночью все кажется чернымъ, отвѣчала Амалія, какъ-бы машинально принявшись укладывать вещи.

— Страшная будетъ ночь.... О, зачѣмъ пріѣхалъ я сюда!

Каммердинеръ и егерь вбѣжали въ комнату.

— Ваше сіятельство! Пандуры уже въ селѣ, они перелѣзаютъ черезъ заборы, бьютъ стекла, ломаютъ двери....

— Боже мой, вскричалъ графъ, поднявшись со стула: неужели они рѣшатся обидѣть мирныхъ гражданъ....

— Они не станутъ разбирать, проворчалъ егерь, помогая Амаліи укладываться.

— Дѣти мои, сказалъ графъ, становясь между дочерью и Амаліей: вамъ извѣстна любовь моя къ отечеству; если бъ жизнь моя могла быть полезна ему, то.... Милосердый Боже! Они кажется взорвали всю деревню, — Евгенія, милая дочь моя, скажи мнѣ только одно! Вѣдь ты не принимала никакихъ подарковъ отъ ротмистра? Успокой меня!

— Никакихъ.

Отецъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты всегда была любезною, послушною дочерью!

— Но что намъ дѣлать? спросила Евгенія, оглядываясь со страхомъ и не обращая вниманія на слова отца.

— Я ничего не боюсь! рѣшительно сказала Амалія.

Громче и ближе слышалась пальба.... венгерскіе полки, съ страшными криками и проклятіями стремились уже по улицамъ села.

— Пресвятая Богородица! закричалъ каммердинеръ. Вонъ они врываются уже въ садъ. — Цѣлая толпа Кроатовъ! Спаси и помилуй!

— Отворите всѣ двери настежь, вскричалъ графъ, со сверкающими глазами и какъ-бы вдохновенный внезапною мыслію:—Это друзья наши! Мы предаемся въ ихъ руки; они защитятъ насъ!

Digitized by Google

— Кроаты? И несмотря на близкую опасность, егерь засмѣялся: — Вы думаете, что эти проклятые басурманы защитятъ насъ?

— Они уважатъ союзниковъ императрицы....

— Какъ бы не такъ! продолжалъ егерь: — присядьте скорѣе... они хотятъ стрѣлять въ окна!

Раздался страшный выстрѣлъ.

— Вотъ какъ они уважаютъ насъ! закричалъ егерь.

Между-тѣмъ въ саду и за садомъ завязался кровопролитный бой. Пандуры, овладѣвшіе уже селомъ, встрѣтились съ прусскимъ отрядомъ, отрѣзаннымъ отъ главной арміи.

— Только тамъ спасеніе, вскричала Евгенія. Присоединитесь къ Пруссакамъ!

— Лошадей! закричала Амалія, проходившему подъ окнами конюху.

Графъ, какъ-бы уничтоженный, послѣдовалъ за Евгеніей и махая платкомъ, воспицалъ слабымъ голосомъ:

— Вивать королю прусскому!

Но уже было поздно. Видя, что непріятель безпрестанно усиливался, маіоръ рѣшился на отчаянное дѣло.

— Впередъ, друзья! закричалъ онъ кирасирамъ своимъ: пробьемтесь сквозь непріятельскіе ряды: насъ зоветъ Фридрихъ! Ура!

Видя, что и съ этой стороны не было спасенія, графъ приказалъ затворить всѣ выходы, а самъ въ какомъ-то безумномъ разстройствѣ бѣгалъ вверхъ и внизъ по лѣстницамъ; то втаскивалъ онъ на верхъ ненужную корзину, то спосилъ внизъ какую-нибудь шкатулку, закрывалъ ставни, чтобы пули не могли влетѣть въ комнату, то бранилъ короля прусскаго, то прижимая руку камердинера своего къ груди, говорилъ:

— Онъ великій король: я это всегда говорилъ!

Digitized by Google

Наконецъ утомленный безпрерывнымъ движеніемъ опустился онъ въ кресла и вскричалъ, вздохнувъ свободнѣе:

— Слава Богу, начинаетъ свѣтать!

— Только и денёкъ-то будетъ не хорошій! сказалъ камердинеръ.

На востокѣ горизонтъ освѣтился красными полосами и ужасное зрѣлище представилось глазамъ графа и молодыхъ дѣвицъ....

Длинная огненная полоса лежала надъ деревней; съ трескомъ горѣли соломенныя крыши, съ шумомъ распадались накалившіяся трубы. Кивера, треугольныя шляпы, султаны, сабли, ружья, мелькали по узенькимъ улицамъ..... Тамъ остатки знамени, тутъ высокій офицеръ на лошади, съ саблей въ рукахъ и почти въ одной рубашкѣ созывалъ разсѣянныя толпы.... вездѣ австрійскіе мундиры, только изрѣдка небольшія толпы Пруссаковъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, защищались до послѣдней капли крови....

Но вотъ между бѣлыми, красными и синими мундирами показалось что-то черное, прорѣзывавшееся сквозь непріятельскіе ряды... то была небольшая толпа черныхъ гусаровъ, одинъ видъ которыхъ наводилъ на непріятеля ужасъ. Они дрались съ ожесточеніемъ и хотя погибель ихъ была очевидна, но никто не хотѣлъ пощадить тѣхъ, которые никогда не просили и не давали пощады. Мало-по-малу толпа уменьшалась.... Наконецъ остались только два офицера.

— За мной, товарищъ! закричалъ одинъ; погибнемъ, но не сдадимся!

Прислонившись къ каменной стѣнѣ, окружавшей ферму, черные гусары защищались.

— Если бъ ворота были отперты! закричалъ камердинеръ графа и въ то же мгновеніе Евгенія и Амалія бросились внизъ по лѣстницѣ; но одинъ изъ офицеровъ предупредилъ ихъ, вскочилъ съ лошади на стѣну и, закричавъ товарищу: — Держись еще минуту! саблей отодвинулъ задвижку: — ворота растворились настежь.

Digitized by Google

— Въѣзжай, товарищъ; я тебѣ говорилъ, что мы увидимся!

Это были послѣднія слова его. Пуля ударила его въ затылокъ и лейтенантъ Штрихъ мертвый повалился на дворъ, въ то самое мгновеніе, когда и Стефанъ заставилъ лошадь свою податься назадъ... на головѣ его не было кивера, доломанъ и мундиръ были изрублены, лѣвая рука опустилась безъ чувствъ, по лицу текла кровь, только правая рука была невредима. Стефанъ поднялся еще разъ въ сѣдлѣ, голова его опрокинулась назадъ и онъ медленно упалъ съ лошади, въ объятія подоспѣвшей Евгеніи.... Она встрѣтила послѣдній взглядъ его и громко вскрикнувъ, упала возлѣ него безъ признаку жизни.

Когда она очнулась, отецъ ея велъ переговоры съ австрійскимъ генераломъ.

— Графъ Мерони, говорилъ послѣдній: саксонскій подданный, нашъ союзникъ; а потому оставить здѣсь караулъ, чтобы графу и почтенному семейству его не было причинено никакой обиды.

Взоръ адъютанта, брошенный на безчувственнаго Стефана, какъ-бы спрашивалъ, не принадлежитъ ли и онъ къ семьѣ?

— Оставимте этого на произволъ судьбы! сказалъ генералъ тихимъ голосомъ адъютанту: онъ не останется въ-живыхъ!—Потомъ опять обратившись къ графу, онъ продолжалъ: вы можете быть совершенно спокойны; битва рѣшительно кончена, непріятель отступилъ и мы примемся тушить огонь.

Графъ поклонился генералу и подошелъ къ Евгеніи, чтобы отвлечь ее отъ смертельно раненнаго Стефана.

— Онъ умеръ, сказалъ графъ шопотомъ.

— Онъ не умеръ! Не можетъ-быть, чтобы онъ умеръ, съ силой произнесла Евгенія.

— Но если жъ?... спросила Амалія, опустившись возлѣ графини на колѣни.

Digitized by Google

— Тогда и я должна умереть съ нимъ! отвѣчала мрачн Евгенія и приложила руку къ сердцу Стефана. — Он живъ!... Эти слова вырвались изъ глубины души ея; глаз ея заблистали радостью, щеки покрылись ярким румянцем и съ искреннимъ, сердечнымъ чувствомъ прижавъ руку от ца къ сердцу, она повторила голосомъ, въ которомъ выра жалось высочайшее благополучіе:

— Онъ живъ!

=

Digitized by Google

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПАДЕНІЕ ИСКОВА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Паденіе Пскова составляетъ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ нашей исторіи. Государственная необходимость требовала уничтоженія вольнаго города, который своими правами напоминалъ прошедшее, въ то время, когда уже всѣ сѣверо-восточныя русскія земли слились въ одно могущественное московское государство; но вполнѣ постигая необходимость скрѣпленія всѣхъ русскихъ земель въ одну, необъятную Россію, историкъ не можетъ не сочувствовать великодушію Псковитянъ, которые не хотѣли поднять оружія, поставить щитъ противъ государя, а напомнивъ ему прежнее, предоставили все его же собственному рѣшенію. Новгородъ палъ послѣ борьбы, и великій Іоаннъ Третій воспользовался правами побѣдителя; но Псковъ дѣйствовалъ не такъ, и въ душѣ каждаго Русскаго невольно пробуждается глубокое соучастіе къ судьбѣ этого *послѣдняго* вольнаго города. Псковитяне сами чувствовали неизбѣжность своего паденія, говоря, что въ народномъ правленіи «самоволіе и непокореніе другъ дру-

Digitized by Google

гу», что власть въ вольныхъ городахъ присвоиваютъ себѣ люди, у которыхъ, «голова не вѣдаетъ что̀ языкъ говоритъ», и «которые своего дома устроить не умѣютъ, а городами повелѣвать хотятъ».

Сострадая къ несчастнымъ жертвамъ политической необходимости, историкъ, однако жъ, не можетъ отказать въ удивленіи и политикѣ московскаго двора, которою онъ безъ кровопролитія уничтожалъ удѣлы при Іоаннѣ Третьемъ и Васильѣ, возсоединяя всѣ русскія земли въ одно могущественное государство. Стремленіе къ единству—отличительный признакъ великихъ народовъ. «Единство—законъ природы и всемірной исторіи», справедливо сказалъ одинъ юристъ-мыслитель.

Вотъ истинная точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на дѣйствія московской политики! Горестное для современниковъ паденіе удѣловъ, Новгородскаго государства и младшаго брата его, Пскова, оказывается необходимымъ въ глазахъ потомства!

Историческая характеристика, предлагаемая здѣсь, была читана авторомъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ пятаго декабря 1838 года. Основаніемъ ея служила псковская лѣтопись, сличенная съ другими источниками. Сохранить всѣ любопытныя подробности паденія древняго Пскова, родины святой Ольги, всѣ отличительныя черты того вѣка во взглядѣ современниковъ и даже въ самомъ изложеніи событій, передать весь разсказъ языкомъ, сколько можно близкимъ къ тому времени, сохранивъ грубую, но выразительную черту описаній, и переговоровъ, находимыхъ у лѣтописцевъ: такова была цѣль автора; въ какой мѣрѣ успѣлъ онъ достигнуть ея—предоставляется судить читателямъ.

—

....Отъялся слава Псковская. И бысть плѣненье не иновѣрными, но своими единовѣрными людьми.

Псковская лѣтопись.

Долго вѣрили на Руси громкой пословицѣ: «Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?» И гордъ былъ своею

Digitized by Google

славою «Господинъ Великій Новгородъ», богатый, могучій, крѣпкій единодушіемъ гражданъ въ минуту опасности и привязанностію ихъ къ древнимъ уставамъ отцовъ. Вѣрный былъ у него и союзникъ, «братъ Новугороду молодшій» древній Псковъ, отчина Ольги. Грозили ль враги Новгороду, витязи псковскіе являлись на помощь братьямъ, защищать храмъ святой Софіи; и новгородскія дружины при первой опасности младшему брату-союзнику, становились въ ряды на берегахъ рѣки Великой. Не даромъ же говорили въ народѣ, что у людей новгородскихъ душа у святой Софіи, а сердце на Великой. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко гдѣ можно встрѣтить подобное братство. А сколько великодушія показывали вольные города русскіе! Всякій изгнанный князь изъ Литвы, изъ Руси, искалъ спасенія или въ Новгородѣ или въ Псковѣ, и несчастному не отказывали въ убѣжищѣ. Не постыдили русскаго имени добрые Псковичи во время борьбы Москвы съ Тверью, когда преслѣдуемый гнѣвомъ хана Узбека, гонимый великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ Даніиловичемъ, Александръ Михайловичъ Тверской бѣжалъ въ Псковъ. Потомство не забудетъ, какъ, не страшась ни силы московской, ни лести ханской, Псковичи приняли гонимаго подъ свою защиту, безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ, единственно по чувству народнаго великодушія и справедливости. Смѣло вооружились они, повторяя слова Александра Невскаго: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ Богъ». Напрасно митрополитъ, убѣжденный великимъ княземъ Іоанномъ, приводитъ въ дѣйствіе то страшное орудіе, которымъ такъ ловко дѣйствовали папы на Западѣ и которое должно было повидимому произвесть сильное потрясеніе въ народѣ благочестивомъ, привязанномъ къ Церкви. «Въ дѣлѣ правомъ самъ Богъ за насъ, и отлученіе отъ церкви не имѣетъ силы», говорили Псковичи, избирая себѣ отдѣльнаго архипастыря, и отрицая непогрѣшимость сужденій главы духовенства: великодушіе и тонкій юридическій инстинктъ, который такъ глубоко вкоренень въ русскомъ народѣ, и которымъ объясняется лучше всего, почему церковная власть не могла у насъ пріобрѣсть первенства надъ свѣтскою.

Было и минуло золотое время вольныхъ городовъ рус-

Digitized by Google

ских. Начались крамолы, а между-тѣмъ крѣпла и выси-
лась Москва, сто лѣтъ управляемая одною твердою поли-
тикою, и все преклонилось передъ великимъ Іоанномъ
Третьимъ. Русскія земли быстро сосредоточились около
московскаго государства; Псковъ примкнулъ къ нему, хо-
тя и сохранилъ наружный видъ прежней свободы; Новго-
родъ палъ, и навсегда. Псковичи видѣли намѣреніе
братьевъ своихъ передаться къ Литвѣ, вспомнили клятву:
«не отходить отъ великаго князя московскаго ни въ Лит-
ви, ни въ Нѣмцы», соразмѣрили силу противниковъ и явно
приняли сторону Іоанна. Зато, имъ удалось сохранить
прежнее вѣчевое управленіе, и вѣчевыя собранія, и вѣче-
вой колоколъ. Іоаннъ великодушно оставилъ Пскову всѣ
права его, довольный повиновеніемъ вольныхъ людей, а
Псковичи свято соблюдали свои обязанности, исполнили
волю державнаго повелителя. Когда возникъ вопросъ о на-
слѣдствѣ престола и внукъ великаго Іоанна, юный Димит-
рій, провозглашенный наслѣдникомъ, лишенъ былъ мило-
сти дѣда, Псковъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ областей воз-
высилъ голосъ за несчастнаго, которому грозила опала *.
Іоаннъ, примирясь съ супругою, простилъ сына, Василія,

* Внукъ Іоанна Третьяго, Димитрій, былъ старшимъ сыномъ Іоанна Іоанновича Молодаго, рожденнаго великимъ княземъ отъ перваго брака съ Маріею Тверскою, и слѣдственно законный наслѣдникъ дѣда въ прямой нисходящей линіи. Василій Іоанновичъ, сынъ великаго князя отъ второго брака съ греческою княжною Софіею Палеологъ, не могъ бы по праву наслѣдовать престолъ отца, какъ младшій сынъ; права старшаго переходили, по праву представительства, къ Димитрію. Дворъ раздѣлился на партіи. Открылось, что Василій хочетъ погубить племянника, уйти въ Вологду, захватить тамъ казну и провозгласить себя наслѣдникомъ. Іоаннъ Третій казнилъ заговорщиковъ, удалилъ отъ себя супругу, Василія отдалъ подъ стражу, а Димитрія торжественно вѣнчалъ на царство, четвертаго февраля 1498. Черезъ годъ, Іоаннъ Третій помирился съ хитрою Софіею, простилъ сына; наконецъ, въ 1502 году, Василій объявленъ наслѣдникомъ «всея Руси», а несчастный внукъ, Димитрій Іоанновичъ, и мать его Елена Молдавская, отданы подъ стражу. Передъ кончиною, Іоаннъ Великій велѣлъ привести къ себѣ внука, просилъ у него прощенія; но смерть внезапно оковала языкъ его. Василій этимъ воспользовался, приказалъ схватить Димитрія, и злополучный юноша скончался четырнадцатаго февраля 1509 года, въ темницѣ, «отъ голоду и холоду», какъ увѣряетъ посолъ императора, баронъ Герберштейнъ.

Digitized by Google

и назвавъ его, въ 1499 году, государемъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова, началъ оказывать холодность внуку, хотя еще называлъ его Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ. Зная любовь государя къ хитрой Софіи, не трудно было предузнать, на чью сторону склонится онъ: казнь приверженцевъ Димитрія очень ясно показывала, что обстоятельства перемѣнились и что наслѣдство перейдетъ къ сыну. Дворъ безмолвствовалъ; города и области также; одни вольные люди Псковичи отправили къ Іоанну трехъ посадниковъ, Григорія Хрустолова, Ѳедора и Стефана, да по три боярина съ каждаго конца, бить челомъ государю, чтобы тотъ, кто остается великимъ княземъ на Москвѣ, тотъ же былъ и государемъ Пскова. Владыка, архіепископъ Геннадій, прибылъ тридцатаго мая въ Псковъ и хотѣлъ соборовать * за Василія; Псковичи ему не позволили, говоря, что ихъ посадники уже отправились съ представленіемъ о томъ великому князю. Но Государь *опалился* ** на посольство: «развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество». Посадниковъ Григорія и Ѳедора заключили въ крѣпость, а Стефана отпустили въ Псковъ, но въ сентябрѣ освобождены и тѣ двое Іоанномъ, которому нравилось извиненіе Псковичей. Онъ прислалъ къ нимъ боярина Чеботова, объявить прощеніе за дерзость. Посла угощали много медомъ и на поминки дали ему десять рублей.

Іоаннъ скончался двадцать-седьмаго октября 1505 года. Василій Іоанновичъ возсѣлъ на престолѣ «всея Руси»; вѣчанному его племяннику юному Димитрію досталось въ удѣлъ вѣчное заточеніе. Вольные люди Псковичи безпрекословно повиновались новому властителю; но этого было недостаточно для него. Уничтожая безъ пощады все, что напоминало о прежнемъ разновластіи, онъ положилъ въ умѣ своемъ привесть Псковъ въ совершенную зависимость, лишить всѣхъ древнихъ правъ и уравнять со всѣми областями Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что не забыта была и привязанность, оказанная Псковомъ несчастному Димитрію

* Совершать соборомъ торжественное молебствіе.

** Возложилъ опалу.

Digitized by Google

Іоанновичу.... * Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, псковскій намѣстникъ великаго князя, можетъ-быть, по его же наказу, сѣялъ раздоры между старшими и младшими гражданами; возбуждалъ однихъ къ жалобамъ на другихъ, и потомъ жаловался на всѣхъ, будто бы никто изъ нихъ не хочетъ уважать правъ его. Но самъ же онъ первый «учалъ жить во Псковѣ не по крестному цѣлованію и не добра хотѣлъ Живоначальной Троицѣ и мужамъ Псковичамъ», замѣчаетъ псковской лѣтописецъ. Князь Иванъ Михайловичъ писалъ къ государю: «Псковичи держатъ меня нечестно, не такъ какъ держали и чтили прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла твои, государскія, дѣлаютъ не по-прежнему: вступаются и въ суды и въ пошлины и въ оброки и во всякіе доходы; всѣмъ людямъ твоимъ, государь, отъ Псковичь безчестно и насильство великое» **. Такъ писалъ онъ къ Василію Іоанновичу, который съ войскомъ уже выступилъ къ Новгороду.

* Участіе Псковитянъ въ дѣлѣ несчастнаго внука Іоаннова, много поясняетъ отношеніе Василія ко Пскову. Ростовскій лѣтописецъ, разсказывая о паденіи Пскова (Исторія Государства Россійскаго, томъ VII, примѣчаніе 69), говоритъ: «Вина Псковичей та, что былъ архіепископомъ Геннадій въ Псковѣ, и они не велѣли своимъ попамъ съ нимъ служити; а проскурницамъ проскуръ печи». Весь этотъ разсказъ псковскаго лѣтописца, помѣщенный въ выпискѣ Карамзинымъ (томъ VII, примѣчаніе 445) изъ рукописи графа Толстаго, пропущенъ въ печатномъ изданіи псковской лѣтописи М. П. Погодинымъ; замѣчу еще, что въ этомъ изданіи (страницы 176, 178) Вассіанъ коломенскій ошибочно вездѣ названъ епископомъ смоленскимъ. Смоленскъ взятъ былъ Василіемъ въ 1514 году) Карамзина томъ VII, страницы 62–66; Арцыбашева «Повѣствованія о Россіи» книга IV, страницы 94—97); слѣдственно, во время взятія Пскова съ Василіемъ никакъ бы не могъ находиться епископъ смоленскій. Въ псковской лѣтописи графа Толстаго и Малиновскаго (Карамзина томъ VII, примѣчаніе 68) Вассіанъ Кривой именно названъ епископомъ коломенскимъ. Впрочемъ, слѣдуя московской лѣтописи (Русскій Временникъ 1790) Карамзинъ (томъ VII, страница 35) и Арцыбашевъ (книга X, страница 90) называютъ его митрополитомъ. Еще замѣчаніе: Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, относитъ взятіе Смоленска къ 1513 году (страница 183), а Супрасльская рукопись къ 1515 (страницы 147 и 149): такъ ли стоитъ въ подлинникахъ, или же та и другая ошибка принадлежитъ издателямъ?

** Русскій Временникъ (напечатанный въ 1790 году въ московской синодальной типографіи) II, страница 227.

Digitized by Google

Двадцать-шестаго октября 1509 года, Василій пріѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, царевичемъ Петромъ, царемъ Абдулъ-Летифомъ, боярами, духовенствомъ и многочисленною дружиною. Псковъ, утѣсняемый корыстолюбивымъ намѣстникомъ, отправилъ посольство къ Василію Іоанновичу. Посадники Юрій, Михаилъ и другіе бояре со всѣхъ концовъ, всего семьдесятъ человѣкъ, явились въ Новгородъ, поднесли великому князю полтораста рублей новгородскихъ, благодарили государя за то, что держитъ свою отчину, Псковъ, по старинѣ, какъ его родитель, и били челомъ, «пожаловать своей отчины мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что изобижены отъ князя Ивана Михайловича Рѣпни и отъ его намѣстниковъ пригородскихъ». Василій Іоанновичъ принялъ дары, обѣщалъ разсмотрѣть дѣло: «Хочу жаловать и оборонять васъ, мою отчину», говорилъ государь посадникамъ. «Если на моего намѣстника, а вашего князя, станутъ многія жалобы, я обвиню его передъ вами». Посадниковъ отпустили. Возвратясь домой, они сказали, на вѣчѣ, что князь великій дары ихъ честно принялъ, «а сердечныя мысли его никто не вѣдалъ, что онъ задумалъ на свою отчину и на свои мужи и на городъ Псковъ», прибавляетъ лѣтописецъ. Государевы сановники, окольничій князь Петръ Васильевичъ Шуйскій-Великій и дьякъ Третьякъ Далматовъ, отправлены въ Псковъ разбирать взаимныя жалобы Псковичей и намѣстника, другъ на друга, не могли вызвать ихъ на очную ставку и ни съ чѣмъ возвратились въ Новгородъ къ Василію Іоанновичу, говоря: «только самъ ты, государь, можешь изслѣдовать и рѣшить ихъ тяжбу».

Спустя нѣсколько времени, въ Новгородъ прибылъ и самъ князь Рѣпня съ жалобою, что Псковичи его «безчествовали» *; а боярскіе и посадничьи дѣти, которымъ на-

* Его прозвали *найденомъ*. Псковской лѣтописецъ графа Толстаго (Карамзинъ, томъ VII, примѣчаніе 383), подъ годомъ 1509 объясняетъ причину такого прозвища: «а потому его найденомъ, что онъ не пошлиною (не по обычаю) пріѣхалъ; нашли его Псковичи на Загорскомъ дворѣ, а священники противъ его съ кресты не ходили, а пѣли молебенъ на торгу, да шли ко Святой Троицѣ и посадили его на княженіе, и бысть той князь люто до людей». Въ изданіи М. П. Погодина это мѣсто пропущено.

Digitized by Google

намѣстникъ много зла чинилъ, отправились также въ Новгородъ бить челомъ великому князю. Посадники писали грамоты по пригородамъ и волостямъ, убѣждая всѣхъ, у кого есть жалоба на князя, ѣхать въ Новгородъ, лично бить челомъ государю. На той же недѣлѣ посадникъ Леонтій поѣхалъ бить челомъ на посадника Юрія, Юрій поѣхалъ отвѣчать и тягались передъ государемъ. Вскорѣ получена въ Псковѣ грамота отъ посадника Юрія, а въ грамотѣ писалъ онъ приказъ государя: всѣмъ посадскимъ явиться на очную ставку съ княземъ Рѣпнею; если же не поѣдутъ они говорить противъ намѣстника, то вся земля будетъ виновата. И въ ту пору, «Псковичамъ сердце уныло, какъ-бы предчувствуя грядущее горе.

На четвертый день, по полученіи этой грамоты, девять посадниковъ и купеческихъ дѣтей, старосты всѣхъ родовъ, поѣхали въ Новгородъ и явились къ Василью Іоанновичу. Однако жъ великій князь управы имъ не далъ, а приказалъ всѣмъ жалобнымъ людямъ копиться къ Крещенію, и тогда ожидать рѣшенія: «тогда всѣмъ я подамъ управу», говорилъ онъ. Всѣ возвратились въ Псковъ, а передъ наступленіемъ срока, и посадники, и купеческіе старосты вторично поѣхали въ Новгородъ, нетерпѣливо ожидая назначеннаго срока....

И вотъ наступило шестое января 1510 года, день Крещенія Господня, обѣщанный день рѣшенія ихъ участи. Великій князь со всѣми боярами, посадниками и купеческими старостами слушалъ литургію въ Софійскомъ храмѣ; потомъ въ торжественномъ ходѣ на Волховъ, присутствовалъ при водосвятіи, которое совершалъ владыка коломенскій, потому что владыка новгородскій находился въ отсутствіи. По окончаніи обряда, боярамъ псковскимъ и посадникамъ и всѣмъ «жалобнымъ людямъ» объявленъ приказъ государя: собраться на «Владычень дворъ» всѣмъ и сполна, подъ опасеніемъ казни въ противномъ случаѣ. Государь всѣмъ хочетъ управу дать! говорили радостные Псковичи, спѣша прямо съ водосвященія къ архіепископскому двору. Ихъ спросили: «Всѣ ли?» и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, посадниковъ, бояръ и купцовъ ввели въ палату, между-тѣмъ, какъ младшіе люди остались на дворѣ. Нетерпѣливое ожиданіе изображалось на всѣхъ

Digitized by Google

лицахъ. Наконецъ растворились внутреннія двери—всѣ взоры обратились туда. Вышли бояре Василія Іоанновича, воцарилось общее молчаніе; они сказали: «Пойманы вы Богомъ и государемъ великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ всея Руси!» Ужасъ овладѣлъ несчастными, которые не могли ожидать ничего подобнаго. Въ то же мгновеніе всѣхъ тутъ бывшихъ отдали подъ стражу; младшихъ людей переписали и роздали по улицамъ, Новгородцамъ, поить, кормить и беречь до управы. Слухъ о томъ, какъ Василій Іоанновичъ захватилъ въ полонъ всѣхъ Псковичей, быстро разнесся по окрестностямъ. Въ это время ѣхалъ къ Новгороду купчина Псковитинъ, Филиппъ Поповичъ, и присталъ у Веряжи. Услышавъ ту злую вѣсть, онъ бросилъ товаръ и погналъ назадъ ко Пскову. Скоро весь Псковъ узналъ о случившемся. Много разъ приходили Нѣмцы (Ливонскіе рыцари) осаждать Псковъ, но никогда не было такой скорби и печали какъ теперь *. Собралось вѣче. Унылые, трепеща за жизнь единоземцевъ, захваченныхъ великимъ княземъ, Псковичи разсуждали на вѣчѣ: запираться ли въ городѣ и ставить ли щитъ противъ Василія? Такъ думали одни; другіе напоминали крестное цѣлованіе ему и полонъ всѣхъ лучшихъ людей. Долго они думали, соображали силы свои и наконецъ положили: бить челомъ государю о старинѣ, предать себя волѣ его и Божіей. Съ такою вѣстію отправили гонца въ Новгородъ къ государю. Гонецъ Евстафій Сотскій явился къ нему и сказалъ: «Государь нашъ, великій князь Василій Іоанновичъ! Бьютъ тебѣ челомъ со слезами весь Псковъ отъ мала до велика, чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, не отступны были и прежде и нынѣ отъ тебя, государь, и не противны были тебѣ, государю. Богъ воленъ, да и ты своею отчиною и съ нами». Василій Іоанновичъ обнадежилъ ихъ своею милостію, а между-тѣмъ всѣхъ захваченныхъ привели въ палаты архіепископа. «Божіею милостію, царь государь и великій князь всея Руси, Василій Іоанновичъ, сказали бояре несчаст-

* И нападе на Псковичъ страхъ и трепетъ, и пресохша (пересохли) гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ прилягли яко же многажды приходиша Нѣмцы на нихъ—и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ.» Псковскій лѣтописецъ, страница 376.

Digitized by Google

нымъ плѣнникамъ: объявляетъ вамъ великую опалу, за нарушеніе правъ его, сопротивленіе и оскорбленіе его намѣстнику; такія вины заслуживаютъ гнѣва и казни; но государь обѣщаетъ милость, если уничтожите вѣче, и примете государевыхъ намѣстниковъ не только во Псковъ, но и во всѣ пригороды; въ противномъ случаѣ, съ Божіею помощію, государь и великій князь будетъ дѣлать свое дѣло, и кровь христіанская падетъ на головы виновныхъ». Плѣнники видѣли невозможность сопротивленія и поцѣловали крестъ на вѣрность Василію *. Послѣ того ихъ пригласили къ государеву столу, позволили имъ писать въ Псковъ **: великій князь согласился ждать отвѣта отъ Пскова только до шестнадцатаго января.

Девятаго числа Далматовъ отправился въ Псковъ. Тамъ народъ радостно собрался на вѣче, узнавъ, что пріѣхалъ изъ Новгорода дьякъ Трѣтьякъ-Далматовъ «съ жалованнымъ словомъ государя, съ милостію и стариною». Далматовъ явился и сказалъ народу: «Государь и великій князь Василій Іоанновичъ шлетъ поклонъ Живоначальной Троицѣ и отчинѣ своей Пскову и всѣмъ мужамъ Псковичамъ. Вотъ его государева пошлина*** вамъ: хотите ли въ старинѣ проживать? Исполните двѣ воли мои: первую,—чтобъ у васъ вѣче не было и колоколъ вѣчевой былъ снятъ; а вторую,—быть у васъ здѣсь двумъ моимъ намѣстникамъ, а по пригородамъ по одному намѣстнику. А только вы тѣхъ моихъ двухъ воль не сотворите и мнѣ, государю, на то не изволите: буду дѣлать, что̀ мнѣ Богъ на сердцѣ положитъ. Силы у меня много готовой. И кровопролитіе на тѣхъ,

* Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, страница 176.— Сравните переиначенный разсказъ московскихъ лѣтописцевъ на страницахъ 128 и 129, въ Русскомъ Временникѣ. Н. М. Карамзинъ, какъ и слѣдовало, основалъ свое повѣствованіе на псковскомъ лѣтописцѣ, которому лучше были извѣстны событія его родины; а Н. С. Арцыбашевъ (книга IV, страницѣ 88—89), основываясь на Русскомъ Временникѣ, представилъ все дѣло иначе и гораздо короче.

** Карамзинъ излагаетъ содержаніе письма (томъ VII, страницы 37—38) ссылаясь (въ 63 примѣчаніи) на архивскую лѣтопись, листъ 200 на оборотѣ; къ сожалѣнію, онъ не выписалъ подлинныхъ словъ письма посадниковъ, а въ изданіи М. П. Погодина оно пропущено.

*** Посланіе.

Digitized by Google

кто моей воли не изволитъ». Кончивъ рѣчь, Далматовъ сѣлъ на ступени вѣча, прибавивъ, что государь «хочетъ быть къ намъ въ гости, на поклонъ къ Троицѣ». Исполнивъ порученіе, дьякъ замолчалъ, съ хладнокровіемъ ожидая отвѣта. Напрасно: никто не могъ говорить отъ слезъ и «туги сердечныя»; наконецъ сказали дьяку: «Посолъ государевъ! дастъ Богъ заутра и мы себѣ подумаемъ: тогда тебѣ обо всемъ скажемъ!»

Въ то же время получены письма отъ посадниковъ и всѣхъ, кто былъ задержанъ въ Новгородѣ. Они извѣщали о своей присягѣ, умоляя послѣдовать этому примѣру и не раздражать государя, для избѣжанія конечной гибели. Письма еще болѣе увеличили смятеніе въ народѣ. А срокъ уже приближался; надо было думать объ отвѣтѣ послу: скорбная для Псковитянъ ночь уже проходила... Какъ-бы прощались на смерть, всѣ обнимали другъ друга; только и слышались плачъ и рыданія по всему городу; не плакали одни лишь младенцы, ничего не понимавшіе.... Начало свѣтать больше и больше, и раздались колокола, призывая народъ въ храмы, однако жъ народъ какъ-бы не спѣшилъ туда, несмотря на то, что былъ день недѣльный *: всѣ ждали чего-то... Взошло солнце, ударили въ вѣчевой колоколъ и протяжные звуки его слились со звономъ утренняго благовѣста.... Смертная блѣдность покрыла у всѣхъ лица; словно похоронному звону по милой отчизнѣ внимали Псковичи послѣднимъ ударамъ вѣчеваго колокола, послѣднимъ отголоскамъ умирающей самостоятельности Пскова.

Пріѣхалъ дьякъ государевъ Далматовъ. Ему дали такой отвѣтъ: «У насъ написано въ лѣтописцахъ, съ прадѣдами, дѣдами и отцомъ его государя, у насъ положено было крестное цѣлованіе, что намъ Псковичамъ, отъ государя своего и великаго князя, какой будетъ на московскомъ государствѣ, не отходить ни въ Литву, ни въ Нѣмцы и жить по старинѣ въ добровольи. Если мы, Псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или отдѣлясь, начнемъ жить о себѣ **, безъ государя: да будетъ на насъ

* Воскресеніе.—«На утріяжь освитающу дню недѣльному позвониша на Вѣчѣ.» (Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, страница, 177.)

** Особенно, отдѣльно.

Digitized by Google

гнѣвъ Божій и гладъ и огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. Если же и государь преступитъ крестное цѣлованіе, перестанетъ держать насъ по старинѣ: и на него тотъ же обѣтъ. Мы не хотимъ и теперь измѣнить прежняго крестнаго цѣлованія, запереться въ городѣ и поднять руку на государя: воленъ Богъ да и государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, во градѣ Псковѣ и въ насъ, и въ вѣчевомъ нашемъ колоколѣ. Хочетъ побывать государь въ своей отчинѣ, помолиться Живоначальной Троицѣ—рады ему, государю, всѣмъ сердцемъ и молимъ не погубить насъ». Но горько заплакали Псковичи по своей старинѣ и по своей волѣ, когда начали спускать вѣчевой колоколъ у Святой Троицы и потомъ повезли на Снятогорскій дворъ къ Іоанну Богослову, тринадцатаго января 1510 года *.

Въ туже ночь Далматовъ и послы псковскіе отправились въ Новгородъ, куда и прибыли пятнадцатаго января; вслѣдъ за ними везли и вѣчевой колоколъ. За недѣлю до вступленія государева прибыли съ дружинами въ Псковъ князь Петръ Васильевичъ Великій-Шуйскій **, Иванъ Васильевичъ Хаваръ ***, Иванъ Андреевичъ Челяднинъ, привели Псковичей къ крестному цѣлованію, и сказали посадникамъ, что государь будетъ въ пятницу. Посадники, бояре, дѣти боярскіе и посадничьи, купцы и множество народу, отправились на Дубровно встрѣчать Василія; двад-

* Въ память покоренія Пскова, великій князь поставилъ церковь во имя Святой Ксеніи,—въ этотъ день взятъ Псковъ,—и на вѣкъ установилъ держать неугасимые огни въ соборахъ: Троицкомъ, Псковскимъ и Софійскомъ новгородскомъ. Въ 1518 году, онъ прислалъ ко храму Святой Троицы новый большой колоколъ на мѣсто вѣчеваго.

** У Карамзина въ 383 примѣчаніи къ VII тому помѣщена выписка изъ лѣтописей, изъ которой видно время, когда князь Шуйскій былъ прежде псковскимъ намѣстникомъ: подъ годомъ 1507 сказано, что Василій Іоанновичъ, вызвавъ изъ Пскова князя Дмитрія Ростовскаго, прислалъ на его мѣсто князя Петра Васильевича Шуйскаго-Великаго; а подъ годомъ 1509 говорится, что князь Петръ Васильевичъ сѣвенъ государемъ, который назначилъ въ Псковъ намѣстникомъ князя Ивана Михайловича Рѣпню-Оболенскаго. Этихъ извѣстій нѣтъ въ печатной псковской лѣтописи М. П. Погодина.

*** Такъ сказано въ псковской лѣтописи (страница 178). Н. С. Арцыбашевъ, напр отивъ, говоритъ, что приводилъ къ присягѣ Иванъ Ивановичъ Хабаръ (книга IV, страница 89).

Digitized by Google

цать-четвертаго января назначенъ торжественный входъ государя. Того же дня рано утромъ пріѣхалъ въ Псковъ, для встрѣчи же, коломенскій владыка, Вассіанъ Кривой. Хотѣли встрѣтить государя съ иконами, священниками и образами еще въ полѣ, но владыка коломенскій не позволилъ, сказавъ, что государь не велѣлъ встрѣчать себя далеко. Началось шествіе: окруженный множествомъ вельможъ и дружинами, государь вступилъ въ городъ. Псковичи ожидали его за три версты * и ударили челомъ доземли. Василій спросилъ ихъ о здравіи—они безмолвствовали; старосты отвѣчали: «лишь бы государь здравствовалъ». Уже въ городѣ встрѣтилъ его владыка съ священнымъ соборомъ на площади, гдѣ нѣкогда былъ торгъ. Великій князь слѣзъ съ коня на площади у Всемилостиваго Спаса и подошелъ подъ благословеніе. Потомъ всѣ отправились во храмъ Святой Троицы, пѣли молебенъ, многолѣтствовали государя. Когда же владыка, благословляя Василія, сказалъ ему: «Богъ тебя благословляетъ, безъ брани даровавъ тебѣ Псковъ», предстоящіе зарыдали и всеобщій стонъ огласилъ своды храма.

Великій князь приказалъ быть у себя въ *недѣлю*: посадникамъ, боярамъ и дѣтямъ посадничьимъ: «хочу васъ жаловать моимъ жалованьемъ,» сказалъ онъ. Двадцать-седьмаго января собрались всѣ лучшіе люди на дворъ государевъ. Князь Петръ Васильевичъ Шуйскій началъ кликать по переписи посадниковъ, бояръ, старостъ, купцовъ и житыхъ людей: всѣхъ ихъ отдали «за приставовъ» и приказали собрать въ Большую Судебную Избу **; младшимъ же людямъ, то есть, людямъ изъ низшихъ сословій, князь Петръ Васильевичъ Шуйскій сказалъ: «до васъ государю дѣла нѣтъ, кто ему нуженъ, тѣхъ онъ беретъ съ собою, а васъ онъ пожалуетъ грамотою жалованною, въ которой изложены будутъ ваши обязанности». Между-тѣмъ въ судебной избѣ собрались всѣ лучшіе люди, которыхъ предположено было удалить изъ роднаго города.

* Псковская лѣтопись, страница 178. Карамзинъ же пишетъ (томъ VII страница 41), что «имъ приказано было остановиться въ *двухъ* верстахъ отъ города».

** Главное присутственное мѣсто.

Digitized by Google

Василій Іоанновичъ, находившійся съ боярами въ передней избѣ, выслалъ къ несчастнымъ князя Александра Васильевича Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича Давыдова *, конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, окольничаго князя Петра Васильевича Шуйскаго-Великаго, казначея Дмитрія Владимірова, дьяковъ: Третьяка - Далматова, Мисюря Мунехина, Ивана Телешева и Луку Семенова. Они сказали: «Великій князь Василій Іоанновичъ, Божіею милостію царь и государь всея Руси, говоритъ вамъ: «Объявляю вамъ милость, жалую васъ и въ имущества ваши не вступаюсь, но здѣсь на васъ приносили многія жалобы, за ваши неправды и обиды, а потому здѣсь вамъ, въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, быть не пригоже: отнынѣ вы должны находиться въ области московской; ступайте туда съ женами и дѣтьми». Всѣмъ имъ приказано тогда же готовиться къ отъѣзду. Ихъ повели по подворьямъ, велѣли взять женъ, дѣтей, легкіе пожитки, прочее все брошено, и въ ту же ночь съ плачемъ и рыданіемъ триста семей увезено въ Москву. Въ Новгородѣ находилось много Псковичей; триста человѣкъ изъ нихъ захвачены по дорогѣ и также повезены въ Москву. Среднимъ и младшимъ гражданамъ объявили, что «государь ихъ жалуетъ жалованною грамотою и развода имъ не будетъ. Убылые замѣнены переселенцами изъ низовыхъ городовъ. Самовластно распоряжался покоритель Пскова, уничтожая все, что могло препятствовать укорененію самодержавія. Изъ десяти московскихъ городовъ собрано триста семей, имъ пожалованы дворы въ среднемъ городѣ, а Псковичей выпроводили въ окольные города и на посадъ. Деревни сведенныхъ бояръ псковскихъ розданы московскимъ боярамъ. Намѣстниками въ Псковѣ государь назначилъ боярина Григорья Ѳедоровича Давыдова съ конюшимъ Иваномъ Андреевичемъ Челядниным; дьяку Мисюру Мунехину приказалъ государь вѣдать дѣла приказныя, другому дьяку ямскому, Андрею Никифоровичу Волосатому, писать грамоты полныя, то есть, крѣпости кабалы и докладныя (о переходѣ холопа или объ увольне-

* Такъ онъ названъ въ Русскомъ Временникѣ, но въ псковской лѣтописи (страница 179), онъ названъ Григорьемъ Ѳедоровичемъ Морозовымъ.

Digitized by Google

він); сверхъ-того назначено двѣнадцать городничихъ, двѣнадцать старостъ псковскихъ и двѣнадцать московскихъ. Имъ розданы деревни. Всѣмъ пригородамъ разосланы княжескіе намѣстники изъ боярскихъ дѣтей; они должны были привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Въ столицу отправленъ Петръ Яковлевъ Захарьевъ отъ имени государева здравствовать всей Москвѣ, что Псковъ взятъ. Прожившъ во Псковѣ четыре недѣли, Василій выѣхалъ въ Новгородъ, откуда и возвратился въ Москву, семнадцатаго марта 1510 года.

Государь оставилъ въ Псковѣ сто дѣтей боярскихъ и пятьсотъ пищальниковъ новгородскихъ; по возвращеніи въ Москву онъ прислалъ еще тысячу пищальниковъ и воротняковъ, установивъ таксу и уничтоживъ безпошлинную торговлю, которая искони процвѣтала во Псковѣ. Двѣнадцать старостъ, выбранныхъ Василіемъ изъ родовыхъ Псковичей, не имѣли довольно силъ положить преграду корыстолюбію и притѣсненіямъ своихъ товарищей, московскихъ тіуновъ, дьяковъ и пригородскихъ намѣстниковъ, «которые торговали и продавали великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ. Великъ налогъ тогда былъ людямъ! Приставы брали отъ порукъ по пяти, по семи, по десяти рублей; а если кто изъ Псковитянъ ссылался на грамоту великаго князя, того убивали». Несмотря на обѣщанія, что развода больше не будетъ, съ Стараго Застѣнья въ Псковѣ всѣхъ жителей вывели и домы ихъ розданы приведеннымъ съ Москвы гостямъ; а въ Застѣньи было шесть тысячъ пятьсотъ дворовъ. Кремль опустѣлъ. Безпрерывно раздавались повсюду вопли. Десять пригородовъ, Кобылье городище и Вышегородище, съ того времени стали пусты отъ намѣстниковъ и тіуновъ. Быстро уничтожались послѣдніе слѣды вольности Псковитянъ: «Далъ великій князь Пскову уставную грамату о судѣ и правдѣ, но бѣдные Псковичи не видали правды московской», пишетъ московскій лѣтописецъ: «ихъ правда и крестное цѣлованье улетѣли на небо и кривда начала ходить на землѣ». Вольность и торговля исчезли въ одно время: иноземные гости не хотѣли подвергать себя и свое имущество явнымъ опасностямъ, и всѣ удалились. «Кто только могъ, бросалъ жену, дѣтей и уходилъ въ чужія

Digitized by Google

страны, кому нельзя и некуда было скрыться, тѣ только и остались, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ: «земля не разступалась, а на небо не улетишь...» Многіе постригались, надѣясь принятіемъ иноческаго образа избавиться отъ плѣну и дожить вѣкъ на родинѣ. На второй годъ Василій свѣдалъ о насильствахъ, свелъ прежнихъ намѣстниковъ и прислалъ князя Петра Васильевича Шуйскаго-Великаго, да Симеона Курбскаго; новые намѣстники добры были до Псковитянъ, соблюдали уставную грамоту. Нѣкоторые изъ Псковичей, разбѣжавшихся до того времени, опять явились на родину, но кратковременное управленіе князей Петра Васильевича Шуйскаго и Симеона Курбскаго не могло возвратить древнему городу святой Ольги ни прежней силы, ни прежняго богатства: если ни отъ намѣстниковъ, такъ отъ дьяковъ терпѣли бѣдные Псковичи. Желая водворить порядокъ, Василій Іоанновичъ часто перемѣнялъ дьяковъ, присылалъ изъ Москвы новыхъ; но и это не помогало: «дьяки московскіе были *частные* (часто смѣняемые) и мудрые, а земля пуста», замѣчаетъ псковская лѣтопись. Исключеніе составляетъ одинъ Мисюръ Мунехинъ, памятный сооруженіемъ большой церкви и новыхъ монастырскихъ зданій Печерской Обители, въ сорока верстахъ отъ Пскова *. Но и Мисюръ чѣмъ держался? Когда онъ умеръ (1528 г.), то въ его казнѣ нашли книги

* Въ 1519 году «начаша Мисюръ Мунехинъ дьякъ, да его подъячій Ортюша Псковитинъ, назирати убогое мѣсто, не знаемо никимъ же, подъ нѣмецкимъ рубежемъ сорокъ верстъ отъ Пскова, въ Тайловѣ погостѣ, семь верстъ отъ новаго городка нѣмецкаго, Печерскій монастырь, Виѳліянскую пещеру, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣздити со многими людьми и монастырь кормити, а монастырь былъ на верегѣ горы... И нача Пречистая недужныя изцѣляти и услыша вся земля русская, яко не токмо крестьянъ, (то есть, христіанъ православнаго исповѣданія), но латыни (римско-католиковъ), и нача Мисюръ волостьми своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и церковь большую созидати, и въ гору копатися далѣ и глыбже, и начаша монастырь строити и гору возыдоша вверхъ, а святыя Ѳеодосія и Антонія снесоша съ горы въ Печеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою къ государю ѣздити, и нача быти славенъ монастырь до моря Варяжскаго». (Выписка изъ лѣтописей въ 382 примѣчаніи къ VII тому исторіи государства россійскаго.) Въ псковской лѣтописи, изданной М. П. Погодинымъ, этого извѣстія нѣтъ.

Digitized by Google

вкратцѣ написанныя: кому что̀ далъ на Москвѣ боярамъ и дьякамъ, и великій князь все то выискалъ на себя; а иное его племянники. Подъячій Мисюра, Ортюша Псковитинъ, любезный его, призванъ въ Москву и былъ на пыткѣ. Тогда-то начался рядъ тѣхъ частныхъ и мудрыхъ дьяковъ, при которыхъ земля была пуста. Но ихъ любостяжаніе и корыстолюбіе послужили только къ обогащенію казны велико-княжеской, ибо «сами не одинъ не ѣхалъ по-здорову со Пскова къ Москвѣ, воюя другъ на друга», говорятъ лѣтописцы (*).

Такъ совершились судьбы древняго Пскова, родины Ольгиной, младшаго брата Новугороду Великому, участника славной Ганзы... Отнялась тогда слава Пскова: было плѣненье не иновѣрными, но единовѣрными! «И кто не восплачетъ и не возрыдаетъ о томъ?» говоритъ псковскій лѣтописецъ. Онъ обращается къ городу родному и слышитъ его стенанія; спрашиваетъ о чемъ сѣтуетъ и рыдаетъ славный Псковъ, «великій во градѣхъ»? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о моемъ запустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрыльный орелъ, а крылья его со львовыми когтями и взялъ онъ отъ меня три кедра Ливанова,—похитилъ и красоту мою и богатства мои и чадъ монхъ. Землю мою онъ пусту сотворилъ, городъ раззорилъ, людей увлекъ въ плѣнъ, торжища раскопалъ, а другія коневымъ каломъ заметалъ. Отцовъ и братій нашихъ, матерей и сестеръ, говоритъ лѣтописецъ, развели по городамъ, гдѣ не бывали ни дѣды, ни прадѣды. А все зло на насъ отъ самоволія и непокоренія

(*) И этого характеристическаго описанія также нѣтъ въ изданіи М. П. Погодина. Въ карамзинской выпискѣ изъ лѣтописей (томъ VII, примѣчаніе 383) читаемъ: «1528 года, марта одиннадцатаго преставился дьякъ Мисюръ, и положенъ въ Печерѣ, и нача великій князь животъ его сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Володиміра Племянникова, и найдоша въ его казнѣ книги вкратцѣ написаны, кому что̀ далъ на Москвѣ бояромъ или дьякомъ, и великій князь все то выискалъ на себя, и иное его племянники; и подъячій Ортюша Псковитинъ, любезный его, на Москвѣ на пыткѣ былъ; и бысть въ людехъ матежъ о его животахъ. И быша по Мисюры дьяки частые и мудрые, а земля пуста, и нача казна великаго князя множитися во Псковѣ; а сами не одинъ не съѣхаша по-здорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя.»

Digitized by Google

другъ другу: голова не вѣдаетъ, что языкъ говоритъ; своего дома не умѣемъ строить, а городами повелѣвать хотимъ *.—Замѣчательное сужденіе современника о народномъ правленіи.

Н. САВЕЛЬЕВЪ.

---

* Описавъ разореніе Пскова, лѣтописецъ оканчиваетъ свой разсказъ поученіемъ: «Нынѣ же братія, сія видѣвши, убоимся претерпѣнія сего страшнаго, прибѣгнемъ къ Богу своему, исповѣдующе грѣховъ своихъ, да не явитъ въ большой гнѣвъ Господень и не наведетъ на ся казни большіе первой: ждетъ бо нашего покаянія и обращенія и мы не покаяхомся, но еще на большій грѣхъ превратихомся, на злые поклепы, и лихія дѣла, и увѣчье, крищаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ говоритъ, и не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хотимъ. Сего ради самовольія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны!» (Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, страница 179.) Далѣе (страница 181) читаемъ: «а все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти, занеже писано въ Апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестой есть, но не убо пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси Скиѳскаго. — Си бо шестой именуетъ, и седьмой потомъ, а осьмой Антихристъ. Се бо Христосъ во святомъ Евангеліи глаголя: да не будетъ бѣгство ваше зимѣ, ни субботу. Се убо прінде на ны зима! Се бо нарсту разширятися и злодѣйству разможитеся! Охъ! увы! да насъ Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ, избавитъ отъ всего зла и вѣчнаго мученія, и сподобитъ насъ вѣчныхъ благъ молитвами Святой Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь.»

Digitized by Google

КАРПАТСКІЯ ГОРЫ ЗИМОЮ.

Ноябрь уже былъ на исходѣ; мирные люди, я хотѣлъ сказать, люди ни отъ кого, ни отъ чего не зависящіе, сосредоточивались въ городахъ и плотнѣе кутались въ комнатахъ; въ Петербургѣ, конечно, стояла вьюга на дворѣ и печи топились до бѣлокалильнаго жару, что, какъ вамъ извѣстно, означаетъ высшую степень жару; но мнѣ нездоровилось и особенно зѣвалось въ городѣ гдѣ я жилъ на ту пору, а городъ былъ Бухарестъ; теплая и ясная погода манила въ даль; а въ дали чуть виднѣлась голубая полоса горъ, горъ Карпатскихъ, роскошнѣйшихъ горъ, какія я когда-либо видывалъ въ жизни, а я видывалъ ихъ довольно; горъ, которыя сулили мнѣ столько надеждъ.... Хотя я долженъ былъ ѣхать цѣлымъ караваномъ, однако сборы были не долги: три экипажа, каждый въ двѣнадцать лошадей, запряженныхъ гусемъ, вытянулись отъ моей квартиры въ длину нѣсколькихъ бухарестскихъ улицъ и въ ширину каждой изъ нихъ, совершенно запрудивъ собою путь другимъ; арнауты сидѣли на козлахъ, держа ружья на отвѣсѣ, какъ здѣсь водится, пугая собою однихъ ямщиковъ почтовыхъ проходящихъ; бичи захлопали оглушительно и подняли прикъ десятка погонщиковъ, суруджи, который слышенъ былъ и среди этого шумнаго бичеванья и среди стуку экипажей по мостовой. Мы отправились.

Digitized by Google

До Плоещи, верстъ семьдесятъ, дорога ровна и скучна. Жители бѣдны и слабы, какъ жители бо́льшей части равнинъ Валахіи и Молдавіи. Здѣсь еще отдается городомъ, его болѣзнями и нищетой. Но чѣмъ далѣе отъ Плоещи въ горы, тѣмъ народъ крѣпче, ловче; довольство развивается по мѣрѣ повышенія горной полосы. У Брязы представляется вамъ міръ Карпата, отдѣльный, счастливый своимъ уединеніемъ и безмятежною жизнію, населенный людьми, постигающими инстинктомъ все величіе окружающей ихъ природы и благословляющими ее за то, что она оградила ихъ отъ вліянія валахскихъ земскихъ властей, супт-откермиторовъ и разныхъ зончіевъ, которые показываются здѣсь только изрѣдка, налетомъ.

Плоещи въ родѣ нашего малороссійскаго порядочнаго городка, но отличается отъ него своимъ азіятскимъ *духомъ*, своею тѣснотой и этимъ вѣчнымъ базаромъ на улицахъ, столь общимъ всѣмъ городамъ Востока. Плоещи —главный городъ Праовскаго округа, чѣмъ онъ, конечно, долженъ гордиться, потому что далеко не стóитъ своего округа, и мѣстопребываніе откермитора, исправника, который, послѣ самаго радушнаго гостепріимства, снабдилъ насъ драбансами и письмами въ горы. До Брязы — сорокъ пять верстъ отъ Плоещи—можно ѣхать въ коляскѣ: дорога, пока, хороша; но далѣе не совѣтую брать экипажа и лучше ѣхать верхомъ. До Кумарника часъ ѣзды, вдоль русла Праово, которую вы должны переѣхать на этомъ пространствѣ разъ пятнадцать. Дорога идетъ съ камня на камень, по осыпямъ горъ; несмотря на то, вы встрѣчаете безпрестанно ряды навьюченныхъ лошадей, а иногда и подводы съ тяжестями, потому что здѣсь путь сообщенія не почтовой, однако соединяетъ съ границею австрійскою, и собственно съ Кронштатомъ, до котораго отсюда часа четыре ѣзды.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о Кумарникѣ, чтобы вы имѣли понятіе о томъ, что́ означаетъ деревню въ горахъ, тѣмъ болѣе, что Кумарникъ можетъ назваться, по преимуществу, деревнею. Сотни три чистенькихъ, бѣленькихъ домиковъ, съ деревянными кровлями, разсѣяно на большомъ

Digitized by Google

пространствѣ, въ горахъ; почти каждый домикъ стоитъ особнякомъ, каждый обнесенъ садикомъ, состоящимъ преимущественно изъ деревьевъ сливныхъ и волоскихъ орѣховъ, также грушъ и яблоковъ и грядами кукурузы, а иногда и ячменю; въ домикѣ чистота и довольство; широкая нара, устланная самодѣльными коврами или одѣялами и подушками, занимаетъ пол-комнаты, маленькая печь, которой топка бо́льшею частію снаружи, въ сѣняхъ, нѣсколько образовъ, нѣсколько кухонной посуды. Хозяйка рослая, съ прекрасной таліей,—принадлежность горныхъ жителей, —съ черными, блестящими глазами — принадлежность жителей Валахіи — хозяйка и всѣ домочадцы женскаго пола ткутъ сукно и пестрядь для одежды мужской и собственной, потому что онѣ, подобно нашимъ Малороссіянамъ, ходятъ въ шерстяныхъ запаскахъ; бѣлая, шитая въ узоръ рубаха дополняетъ ихъ нарядъ. Мужчинъ вы не увидите въ избѣ: благодаря благодатному климату, они всегда на дворѣ, всегда въ работѣ: горы не долины, земли мало: надобно трудомъ дополнять недостатокъ ея. Мужчины въ бѣлыхъ свиткахъ; только лапти, вмѣсто сапоговъ, да подбритые спереди волосы, какъ у Сербовъ и Черногорцевъ, отличаютъ отъ Малороссіянъ. Грудь ихъ, мощная, обросшая волосами, всегда обнаженная въ стужу и въ жаръ: ей такъ легко дышать горнымъ воздухомъ! Воли и воли проситъ она, и какъ высоко цѣнитъ здѣшній житель эту волю, какъ благословляетъ Русскихъ, своею кровію искупившихъ ему свободу, какъ благоговѣетъ передъ именемъ русскаго царя, освободившаго его отъ чужеземнаго ига и даровавшаго ему «регламентъ!»

До самаго адріанопольскаго трактата здѣшній крестьянинъ не могъ располагать своею собственностію, на всѣ произведенія его назначались цѣны правительствомъ, которая доходила до трехъ рублей ассигнаціями за четверть пшеницы и все это отдавалось на откупъ или забиралось правительствомъ, по системѣ Мегемета Али; почему валахскій крестьянинъ и не думалъ о накопленіи своей собственности и если у него былъ годичный запасъ кукурузы, то онъ считалъ себя счастливымъ человѣкомъ. Теперь же обыкновенная годичная подать здѣшняго се-

Digitized by Google

лянина состоитъ въ такъ-называемой десятинѣ, то есть, десятой части всѣхъ его сельскихъ произведеній въ пользу владѣльцевъ земли и государственной подати, простирающейся за одинъ червонецъ, со включеніемъ рекрутскихъ, дорожныхъ и другихъ повинностей; кромѣ-того онъ платитъ за излишекъ земли, опредѣленной закономъ, если его имѣетъ, а его имѣетъ почти каждый; да работаетъ двѣнадцать дней въ пользу владѣльца. Правда, такъ какъ бо́льшая часть имѣній Валахіи находится въ арендѣ и преимущественно у Грековъ, то часто права поселянъ нарушаются, но гдѣ же не бываетъ злоупотребленій власти! а въ Валахіи и Молдавіи, конечно, болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, временемъ и закономъ упрочившихъ права своихъ подданныхъ.

Кумарникъ, помѣстье господаря Бибеско, доставшееся ему вмѣстѣ съ другими обширными владѣніями за женою, которая изъ фамиліи Бранковани, одной изъ богатѣйшихъ фамилій въ обѣихъ княжествахъ. Мы пріѣхали въ Кумарникъ вечеромъ. Молодая луна ярко освѣщала и чистенькой, бѣло-на-бѣло выкрашенный деревянный господарскій домъ, и широкій дворъ обнесенный небольшими пристройками и загородями, и всю картину, рисовавшуюся на немъ во фламандскомъ вкусѣ: два три горныхъ пастуха, въ шляпахъ съ широкими тульями, облокотившись на свои посохи, съ изумленіемъ глядѣли на толпу всадниковъ; нѣсколько собакъ лаяли изъ-дали, какъ-бы недоумѣвая, что имъ дѣлать при видѣ столь небывалыхъ пришельцевъ; усталые, безпатежно лежавшіе быки приподняли свои головы; словомъ, все было въ вечернемъ сборѣ и все съ любопытствомъ глядѣло на насъ. Арендаторъ—Грекъ стоялъ на крыльцѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ ввелъ насъ въ комнаты, уютныя и убранныя, но въ которыхъ отзывалось еще сыростію, несмотря на яркій огонекъ въ печи, потому что онѣ оставались долго нежилыми; только князь во время своихъ пріѣздовъ занималъ ихъ. Долго раздавался шумъ моего поѣзда на дворѣ, долго суетились въ комнатѣ домочадцы, укладывая мои вещи и заботясь о моемъ ночномъ пріютѣ; наконецъ, мало-по-малу, все пришло въ порядокъ; подали кипящій самоваръ и хозяева, примѣ-

Digitized by Google

тишь, что бесѣда ихъ начинаетъ надоѣдать мнѣ, удалились. Ухъ, какъ легко! Теплота уже разливалась въ комнатѣ; отрадная влага чаю оживляла истомленные трудной дорогой мои члены; за окномъ шумѣла и кипѣла Праова, вырвавшаяся изъ горныхъ ущелій и яростно несущаяся впередъ, какъ голодная львица; а мой самоваръ ворковалъ мнѣ про радости домашней жизни, про мирный кровъ; на дворѣ, противъ окна, высилась грознымъ великаномъ покрытая снѣгомъ, какъ гробовымъ саваномъ, конусообразная гора Плѣшува и шумѣла и качалась покрытая инеемъ дубовая трущоба, сверкая кристаллами снѣгу и переливаясь лучами мѣсяца; въ уютной комнатѣ было свѣтло, а на душѣ легко, и тѣлу такъ было покойно и мыслямъ такъ раздольно: роились и улетали опѣ свѣтлымъ хоромъ.... Мудръ тотъ человѣкъ, кто умѣетъ опредѣлить себѣ цѣль въ жизни и терпѣливо идетъ къ ней черезъ камни и болота, великъ, кто имѣетъ столько силы духа, столько твердости характера, чтобы достигнуть ея, — но гораздо мудрѣе, гораздо выше, тотъ, кто умѣетъ уловить минуту счастія, потому что счастіе дается не произволомъ людей, не состоитъ подъ разсчетомъ ихъ мудрости, а приходитъ нечаянно, нежданное, и уносится быстро, невозвратно... Чѣмъ болѣе я скитаюсь по свѣту, тѣмъ нахожу правильнѣе сравненіе жизни человѣческой съ вѣчнымъ странствованіемъ, и особенно по дорогамъ Россіи и въ Киргизской степи. — Оставимъ вторую, какъ мало извѣстную для читателей, потому что я могъ дать только темное о ней понятіе—и скажемъ о первой, здѣсь, то есть въ Россіи, путешественникъ страдаетъ во всѣ времена года: зимою онъ ныряетъ изъ ухаба въ ухабъ, только дивишься, какъ душа не выпадетъ изъ тѣла; лѣтомъ грузнетъ въ сыпучемъ пескѣ, весною тонетъ въ разливахъ рѣки, а индѣ такъ грянется объ паромъ, что не только коляска, кости трещатъ; осенью, Боже мой, осенью!... Куда же вѣчно спѣшитъ бѣдный странникъ? зачѣмъ такъ торопитъ смотрителей и гонитъ ямщиковъ? Не то ли самое ждетъ его и впереди? Не тѣ ли же муки и на станціяхъ: самый воздухъ почтовыхъ станцій, какъ вамъ извѣстно, убійственъ. И такъ терпѣніе и терпѣніе, добрый путникъ! А если случайно встрѣтишь

Digitized by Google

на пути уютный и теплый пріютъ, — скорѣй съ себя одежду, пользуйся минутой покоя, пока всемощная нужда не потребуетъ тебя снова въ дорогу.

Мирныя мысли навѣвали дремоту на отяжелѣвшіе глаза мои (какъ, можетъ-быть, и на ваши добрый читатель) и я едва дошелъ до постели, какъ сонъ склонилъ меня, сонъ крѣпкій и безмятежный. Вдругъ слышу, кто-то меня будитъ; протираю глаза и едва вѣрю тому, что̀ вижу, при слабомъ свѣтѣ догорающихъ въ печкѣ углей. Тощая, полу-раздѣтая человѣческая фигура сидѣла на краю моей постели; лицо ея было блѣдно, но кротко; глаза мутны, но не зловѣщи и умильная улыбка, которая такъ убѣдительно ручалась за незлобныя намѣренія пришельца не сходила съ устъ его.

— Не обезпокоилъ ли я васъ? сказалъ мой ночной посѣтитель по-французски, тихимъ голосомъ.

— Странный вопросъ!

— Но мнѣ до васъ крайняя нужда.

— А, это другое дѣло! Говорите, чѣмъ могу служить вамъ?

— Вы изъ Аѳинъ?

— Нѣтъ, изъ Петербурга.

— Всё-равно. Петербургъ греческая колонія, и вамъ, вѣрно, извѣстны всѣ новости нашей всемірной столицы, а эта новость громовымъ ударомъ раздалась въ свѣтѣ.

Я смотрѣлъ на незнакомца, какъ говорится, во всѣ глаза.

— У насъ говорятъ, что умеръ Сократъ, и умеръ въ темницѣ и умеръ осужденный; если это правда, то на свѣтѣ нѣтъ правды.

— Какой Сократъ?

— Какой! Мужъ Ксантиппы, сынъ Софрониска и Фенареты, свѣтило міра, величайшій мудрецъ нашего времени.

— Вашего времени!—Умеръ, и очень давно, такъ, лѣтъ четыреста до Рождества Христова.—Съ этими словами я отворотился къ стѣнѣ и уже начиналъ дремать, ме-

Digitized by Google

жду-тѣмъ какъ потокъ непритворныхъ сокрушеній лился изъ устъ моего посѣтителя.

— Еще два слова, сказалъ онъ съ невыразимымъ страданіемъ сердца, которое заставило меня опять оборотиться къ нему лицомъ: — Живъ ли любимый ученикъ Сократа, мой единственный другъ — и онъ сказалъ какое-то тарабарское имя.

— Живъ и приказалъ вамъ кланяться.—Съ этимъ словомъ я натянулъ себѣ на голову одѣяло.

— Такъ онъ не забылъ меня! О, вы оживили меня, и я, успокоенный, оставляю васъ, — если только вамъ это не противно.

— Ни сколько, ни сколько, откликнулся я изъ-подъ одѣяла и едва только заслышалъ шорохъ удаляющихся шаговъ, вскочилъ съ постели и заперъ на замокъ двери за незваным гостемъ.

На другой день встрѣтилъ я въ хозяйской семьѣ и своего ночнаго посѣтителя. Онъ былъ молчаливъ; тоска и муки изображались во всѣхъ чертахъ его блѣднаго и изнуреннаго лица.

— Что съ нимъ? спросилъ я сына арендатора.

Тотъ обвелъ указательнымъ пальцемъ вокругъ головы: знакъ очень понятный!

— Онъ очень страдаетъ?

— О, да, и помѣшательство его тѣмъ болѣе жалко, что обнаруживается одною глубокою меланхоліей, которая сохранила въ немъ все самопознаніе своего бѣдствія. Онъ рѣдко говоритъ, но изъ немногихъ словъ его видно, что онъ считаетъ себя и всѣхъ насъ жильцами древнихъ временъ и никакъ не признаетъ нашего девятнадцатаго по Рождествѣ Христовѣ вѣка. — Тутъ молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ въ немногихъ словахъ его исторію.

Несчастный этотъ былъ родной племянникъ арендатора, сынъ ученаго, извѣстнаго въ Бухарестѣ и у насъ въ Россіи доктора Ф. Онъ кончилъ воспитаніе свое въ Парижѣ; но когда нить его умственныхъ занятій оборвалась, вмѣстѣ

Digitized by Google

съ послѣднимъ экзаменомъ, не удерживаемый ею, Ф. предался со всѣмъ жаромъ школьника упоенію парижской жизни,—не подготовленный разсудокъ его сокрушился въ вихрѣ свѣта; вскорѣ настала пора разочарованія сердечнаго и умственнаго, а за нею глубокая меланхолія.... Жалкій, но вѣрный оттискъ нашего вѣка!

Днемъ картины предстали нашимъ глазамъ отчетливѣе; правда, не было этой таинственной неопредѣлительности и трепетныхъ тѣней ночи, въ которыя робко и невольно всматривается глазъ и какого-то невиятнаго говора, къ которому прислушивается душа, зато панорама была шире и величественнѣе. Съ Плѣшивы, которая какъ вѣрный стражъ стояла надъ Кумарникомъ, по ту сторону рѣки Прово, отъ Плѣшивы, на югъ, въ подзорную трубку видна была безпредѣльная даль, равнина, обнимающая Бухарестъ и самый городъ плавалъ въ туманѣ, какъ стадо лебедей въ озерѣ; окрестъ, какъ волны, вздымались горы; но на сѣверѣ, Бучечи, одна изъ высочайшихъ горъ Карпата, ревниво заслоняла отъ насъ видъ на Трансильванію. Мы рѣшились подняться на вершину Бучечи, или по-крайней-мѣрѣ до того пункта на ней, который былъ достижимъ. Вершина же оканчивалась обрывистымъ утесомъ, на которомъ не могъ держаться снѣгъ и посереди зимы: какъ духъ тьмы возставалъ этотъ утесъ на бѣломъ полѣ снѣговъ.

Бучечи стоитъ на границѣ Валахіи и Трансильваніи; переночевавъ въ Синаѣ, большомъ монастырѣ, отстоящемъ за четыре часа отъ Кумарника, мы начали подыматься на Бучечи. Снѣгъ становился глубже; едва прикрытый тонкою ледяной корой, онъ мѣстами не сдерживалъ насъ и мы грузли и падали; панорама горъ разстилалась шире и величественнѣе; казалось, вотъ горизонтъ замыкалъ ее, но по мѣрѣ возвышенія нашего онъ отступалъ—и новые дѣйствователи, новые гиганты являлись на сцену. Тамъ ущелье черной змѣей лежало на бѣлой равнинѣ, тутъ обнаженная отъ своей зелени дубрава казалась синимъ озеромъ; туманы плавали то въ разрѣзѣ горы, вѣнчаясь ея лучезарной главой, то поверхъ ея свиваясь и развиваясь по волѣ вѣтровъ. Глухой гулъ казался

Digitized by Google

величественнымъ говоромъ стихій. Все было мощно, дивно, громадно! Шиллеръ сказалъ: даже въ дѣтской затѣи кроется иногда глубокій смыслъ; какая жъ мысль скрывается въ этомъ гигантскомъ чудно-гармоническомъ созданіи!...

Мы обогнули послѣднюю маковку, заслонявшую отъ насъ пикъ Бучечи. Туманы становились гуще, воздухъ сырѣе; солнце заволоклось толстою пеленой, холодъ проникалъ до костей. Цѣль была въ глазахъ нашихъ, хотя чуть видна въ туманѣ,—терпѣніе, терпѣніе! Мы утѣшались тѣмъ, что въ эту пору были, конечно, одни на такой высотѣ и горько ошиблись, какъ ошибаются большею частію люди въ пылу своей самонадѣянности: тутъ же шелъ человѣкъ, съ обнаженной головой, съ открытой грудью; обрывки тряпья прикрывали его плечи и руки, а избитые лапти, чуть держались на ногахъ. Это была одна изъ живописнѣйшихъ фигуръ нищеты, какія когда-либо мнѣ случалось видѣть. Обнаженный черепъ головы возвышался круто къ верху и изобличалъ его породу; морозная пыль блестѣла на немъ; клоки волосъ у висковъ и курчавая борода развивались вѣтромъ; черные глаза метали искры еще непотухшаго внутренняго огня и казались еще чернѣй подъ сѣдыми нависшими бровями. Смуглое, морщинистое лицо носило выраженіе горя и заботы; это была фигура, годившаяся въ любой романъ Вальтеръ-Скотта и въ любую картину Рембранта. Старикъ шелъ, опираясь на посохъ, и видимо направлялся къ намъ. Мы пріостановились.

— Не видали ль вы женщины? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Встрѣтите, — скажите, что отецъ ищетъ ее.

Мы было-сдѣлали ему нѣсколько вопросовъ въ свою очередь, но онъ удалился, не слушая насъ.

— Я вернусь назадъ, не могу дальше идти,—воскликнулъ Радовецъ ...

Я привыкъ къ его дерзкимъ выходкамъ, но эта вывела меня изъ терпѣнія; я зналъ, что не физическая слабость заставляетъ его отказываться отъ путешествія, а одно своеволіе и отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Такъ пойдешь черезъ силу.

— Я не хочу итти.

— Пойдешь противъ воли.—И я приказалъ ему итти впереди, чтобы онъ не скрылся отъ насъ. Не повиноваться нельзя было. Радованъ стиснулъ зубы и, едва удерживая кипѣвшій гнѣвъ, пошелъ впередъ. Пикъ на минуту проглянулъ изъ-за тумана и что-то странное, движущееся показалось на вершинѣ его. Радованъ остановился, прищурилъ глаза, всмотрѣлся, потомъ, приложившись къ ружью, сталъ цѣлиться.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

— Дикая коза, отвѣчалъ Радованъ.

— Человѣкъ! воскликнулъ другой арнаутъ и ударилъ по ружью его. Неприцѣленный выстрѣлъ раздался, но неразгаданное нами существо стояло неподвижно, почти на самой вершинѣ пика.

— Згинуть бы тебѣ, проклятому, прошепталъ сквозь зубы Радованъ, замахнувшись ружьемъ на своего соотечественника.

— Что за бѣшенство овладѣло имъ сегодня? спросилъ я.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла, отвѣчалъ Нико, отстранившись отъ удара:—Не сдобровать тебѣ, Радованъ: умереть отцовскою смертью.

— Погоди, умрешь прежде меня, да еще собачьей смертью, отвѣчалъ тотъ.

Сербъ обиды не прощаетъ, это я зналъ и только дожидалъ случаю, чтобы развести своихъ арнаутовъ.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ, какъ-вдругъ, существо, стоявшее на вершинѣ утеса, соскочило оттуда съ легкостію лани и черезъ камни и кустарникъ, по глубокому снѣгу, неслось прямо на встрѣчу намъ.

Полу-нагая, дикая, гибкая, быстрая, вся огонь, вся отчаяніе, съ глазами искрометными, съ распущенными волосами, истерзанная, окровавленная, предстала передъ нами женщина и схватилась за руку Радована.

— А, ты здѣсь, ты здѣсь, вопила она: сама судьба при-

Digitized by Google

вела тебя сюда; сама судьба отдаетъ тебя мнѣ; такъ ты не станешь итти наперекоръ судьбы: ты останешься здѣсь со мною въ горахъ, или уведешь меня къ себѣ въ городъ. Не выпущу, — кричала несчастная, которую съ силой оттолкнулъ Радованъ, освободивъ свою руку, — вцѣпилась въ его платье и волоклась за нимъ. Судорожно держалась она за него, какъ за свою послѣднюю надежду, какъ погибающій въ волнахъ держится за попавшуюся ему доску; напрасно арнаутъ толкалъ ее въ грудь ногою, она была безчувственна къ боли; тѣло ее замерло для мукъ, одна душа болѣла и болѣла невыразимо. — И самая смерть сжалилась надо мною; такъ сжалься же и ты. Помнишь ту ночь, въ Яссахъ, — а тебѣ и нужды нѣтъ до того, — помнишь, когда полу-живую втолкнулъ ты меня въ чей-то дворъ, и заперъ калитку; только внутри я очнулась и очнулась на-бѣду; вокругъ меня были люди, звали меня притворщицей, воровкой, били, мучили и выбросили какъ собаку за ворота: я осталась тогда одна-одинёхонька въ свѣтѣ.... Я увидѣла тебя послѣ, когда ты садился на козлы.... протягивала къ тебѣ руки, гналась за тобой, умоляла, ты не сжалился.... Сжалься жъ хоть теперь!

— Отстань отъ меня! закричалъ Радованъ и, истощая всѣ усилія, чтобы освободиться отъ нея, уже занесъ было надъ нею прикладъ ружья. Несчастная не отшатнулась: она только прикрыла рукою свои глаза, какъ-бы для того, чтобы не видѣть страшнаго удара смерти и стояла. Дыханіе замерло въ груди ея. Но люди мои удержали ударъ и страдалица снова ожила для бѣдствій, и грудь ея всколебалась пуще прежняго и потокъ слезъ и потокъ рѣчей, полныхъ скорби и отчаянія, лился неудержанный, билъ ключомъ.

— Убей, убей! кричала она: пусть умру у ногъ твоихъ: съ меня и того довольно, и то мнѣ радость! А если ты улыбнешься мнѣ на прощаньѣ, моя краса, мое счастье, я съ того свѣта буду приглядывать за тобою; буду стеречь тебя отъ злой бѣды, отъ чернаго недуга, отъ измѣны твоей голубицы.

— Прочь! говорилъ остервенѣлый арнаутъ: а вы, за кого заступаетесь, это собака, это Цыганка!...

Digitized by Google

— А! теперь ты говоришь, что я Цыганка; а что говорилъ когда я жила въ Бухарестѣ? и ясной лебедью, и горлицей и ненаглядной своей и неразлучницей величалъ меня,—теперь я тебѣ собака, хуже,—постылая Цыганка; а что говорилъ, когда надъ тобой, больнымъ, просиживала я безсонныя ночи, а дни проводила въ трудѣ, чтобы выработать тебѣ покой и пищу? что говорилъ, когда прислонясь ко мнѣ лицомъ, злою немочью повитымъ, ты, словно дитя нѣжной матерью, убаюкивался мною. А я всё была та же, была Цыганкой!... И скулистое, смуглое лицо ея выражало то отчаяніе, то мольбу, то надежду.

Непостигаю, какъ могла вообразиться мнѣ въ эту минуту женщина свѣтская, небрежно раскинувшаяся въ своемъ кабинетѣ, окруженная зеленью середи зимы и роскошью, въ благоухающей атмосферѣ, сіяющая при обманчивомъ свѣтѣ большаго китайскаго фонаря, вздѣтаго на жилѣ змѣи или на клыкѣ носорога, пластической, холодной, полуискусственной красотой, женщина, высказывающая избраннику своего сердца, положимъ хоть и не мужу, — тайну своей любви такъ осторожно, такъ прилично, такъ мѣрно, что не знаешь чему больше удивляться, ея уму или ея скромности.... Цыганка со своею дикою любовью напомнила мнѣ эту женщину; значитъ, самыя крайнія противоположности имѣютъ въ себѣ точки сближенія: такъ два минуса даютъ плюсъ.

Несчастная билась на снѣгу, поалѣвшемъ отъ ея крови.

Мнѣ стала невыносима предстоявшая сцена. Ясно было, что эта Цыганка — дочь встрѣтившагося намъ старика и я отправилъ ее, почти безчувственную, внизъ къ подошвѣ горы, куда направился старикъ и гдѣ черными пятнами виднѣлись три, четыре цыганскія землянки, какъ заброшенныя могилы, и было душно и темно въ нихъ, какъ въ могилахъ: тамъ обитала нагая нищета, а тупая, безсмысленная покорность нищетѣ ужаснѣе самой отчаянной борьбы съ нею.

Между-тѣмъ началъ порошить снѣгъ: онъ становился сильнѣе и сильнѣе помѣрѣ-того какъ мы приближались къ вершинѣ Бучечи. Совсѣмъ стемнѣло, а день былъ еще

Digitized by Google

высоко. Надо было искать убѣжища, чтобы въ потемкахъ не сорваться гдѣ-нибудь съ утеса, или не утонуть въ снѣгу. Мятель въ горахъ ужасна! Вѣтеръ выл, ударяясь въ утесы и стоналъ прорываясь черезъ дебри.

— Далеко ли до Синая?

— Часа три и не по теперешней погодѣ.

До цыганскихъ землянокъ было ближе, но грустно и больно было провести тамъ ночь; притомъ же я боялся новой сцены со стороны моего Радована.

— А гдѣ же монастырь Пѣщери, о которомъ вы мнѣ говорили? онъ и на картѣ значится здѣсь гдѣ-то недалеко.

— Недалеко и есть, да его на зиму заноситъ весь снѣгомъ, такъ что ни въ него никто не попадетъ, ни изъ него никто не выйдетъ.

— Ну, отвѣчалъ другой проводникъ: зима-то еще не глубокая, можетъ-быть и не замело его; держите только всѣ правѣй!

Мы шли да шли; то грузли по колѣно въ снѣгу, то пробирались по голымъ отсыпямъ или чащею и валежникомъ. Вдругъ передовой вожатый остановился и пощупавъ палкою, а потомъ ногою что-то чернѣющееся, — исчезъ такъ быстро, что никто изъ насъ и не примѣтилъ. «Дома» кричалъ онъ изъ-подъ ногъ нашихъ и голосъ его отдавался какъ изъ могилы. Другой вожатый смѣялся во все горло надъ нашимъ недоумѣніемъ.

— Ну, вотъ вамъ и Пѣщери! говорилъ онъ, — а вправду сказать больше на медвѣжью берлогу похоже, чѣмъ на монастырь —Что же вы стоите? спускайтесь скорѣе, пока не занесло ее совсѣмъ снѣгомъ; не бойтесь, не глубоко и не ушибетесь, и онъ, прочистивъ ногою отверзтіе, которое мы до того и не примѣтили, спустился внизъ; за нимъ послѣдовали и мы.

Никогда не забуду я зрѣлища которое представилось глазамъ моимъ въ ту пору. Нѣсколько человѣкъ, такъ чудно вошедшихъ со мною въ это святое убѣжище, заслоняли собою скудную струю дневнаго свѣту, стоя у входа, если можно назвать входомъ отверзтіе, въ которое мы во-

Digitized by Google

шли и которое мало-по-малу опять заносилось снѣгомъ. Только лампада, висѣвшая передъ небольшой божницей, служившей церковью и другая вдали освѣщала великолѣпіе и убожество этого жилища. Шла вечерня; одинъ монахъ отправлялъ ее, трое другихъ благоговѣйно молились и не обращали вниманія на нашъ неожиданный приходъ. Это было все населеніе пещеры, которая, то подымаясь великолѣпными, на сталактитовыхъ колоннахъ уставленными куполами, то изгибаясь темными, длинными корридорами и опять раскидываясь широкою площадью, терялась въ неизвѣданномъ пространствѣ и могла вмѣщать, и нѣкогда вмѣщала, многія тысячи людей, какъ свидѣтельствуютъ преданія, какъ говорятъ еще уцѣлѣвшіе человѣческіе останки и нѣкоторыя искусственныя придѣлки въ самыхъ дальнихъ углахъ пещеры. Душа благоговѣйно трепетала въ этомъ чудномъ храмѣ и въ такую торжественную минуту, какъ-будто въ ней отражались и эти черныя, волнистыя тѣни и кристаллическія блестки, являвшіяся на куполѣ пещеры, по волѣ лампаднаго свѣточа, колеблемаго порывомъ вѣтру.

Вечерня шла на валахскомъ языкѣ, но напѣвъ и многія слова напоминали намъ славянскій текстъ ея и дѣлали ее совершенно понятною для насъ. Вѣрно, давно мы не молились такъ искренно, какъ въ то время!.... По окончаніи вечерней молитвы, добрые иноки не безъ удивленія обступили насъ. Мы сказали причину нашего посѣщенія и, загнанные непогодой, просили убѣжища на ночь. — Располагайте этой обителью, какъ собственнымъ жилищемъ, сказалъ со всевозможнымъ радушіемъ старшій изъ иноковъ: но не взыщите за скудность ея.—Скудность! А какой зодчій могъ бы воздвигнуть столь чудные чертоги! Если же инокъ разумѣлъ скудность жизненныхъ средствъ своихъ, то онъ былъ совершенно правъ въ выборѣ словъ: несмотря на то, что припасы были заготовлены на всю зиму, потому что монахи уже прекратили сообщеніе свое со свѣтомъ до весны, немногимъ можно было отъ нихъ поживиться. Люди мои мигомъ разложили большой огонь. Между-тѣмъ, какъ они хлопотали около чайника, необходимой походной принадлежности Русскаго, монахи обсѣли вокругъ меня

Digitized by Google

близ'ъ пріятнаго огня. Разговоръ всего прежде склоняется на церковь. Само собою разумѣется, что Валахи слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ и обрядамъ грекo-католической Церкви, какъ и мы. Церковныя книги ихъ переведены только въ началѣ семнадцатаго вѣка; до того же времени Богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ, на которомъ писаны были и всѣ акты княжества. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Богослуженіе отправляется на греческомъ языкѣ, но такихъ весьма немного. Христіанство въ Валахіи введено гораздо прежде, чѣмъ въ другихъ земляхъ, далѣе отстоящихъ отъ его благодатнаго источника. Еще въ 325 году находившійся въ Дакіи епископъ Никита, бывши на соборѣ Никейскомъ, удостоился тамъ назначенія апостола или гласителя Слова Божія въ Ренезею, нынѣшній Банатъ: онъ соорудилъ нѣсколько церквей и христіанство распространялось вокругъ его какъ свѣтъ отъ солнечнаго луча; но впослѣдствіи религія, языкъ, на которомъ исповѣдывались они, самый бытъ народа былъ подавленъ, сглаженъ разрушительнымъ дѣйствіемъ обстоятельствъ. Первый митрополитъ Валахіи, былъ Нифонъ, нѣкогда митрополитъ константинопольскій, но потомъ опальный, ссыльный, находившійся въ Адріанополѣ, и освобожденный воеводою Радулемъ, прославленнымъ исторіею Валахіи подъ именемъ Великаго. Нифонъ былъ достойный сподвижникъ Радуля и положилъ здѣсь краеугольный камень вѣры.

Нынче въ Валахіи считается всѣхъ монастырей и метоховъ (младшихъ, подчиненныхъ монастырей) до 250. Нельзя не сознаться, что это не пропорціонально-большое число монастырей, владѣя множествомъ богатой земли, рѣкъ и озеръ, истощаетъ финансовыя средства княжества; особенно обременительны для него тѣ монастыри, которые принадлежатъ патріархамъ антіохійскому, іерусалимскому и другимъ; всѣ доходы этихъ монастырей отправляются къ ихъ владѣльцамъ, за границу княжества, а эти доходы огромны!

Несмотря однако на богатство монастырей, большіе долги тяготѣютъ на нихъ и эти долги нароспи не отъ не-

Digitized by Google

лишней ревности къ благолѣпію церквей и украшенію монастырей, но единственно потому, что настоятели ихъ, игумены, епископы, сами митрополиты, принуждены были покупать свои мѣста и долгого занимали большія суммы, а чрезмѣрные проценты, которые здѣсь и нынче во всеобщемъ ходу, увеличивали эти долги, и довели многіе монастыри дотого, что они принуждены были отдать за долги лучшія свои земли. Должно однако надѣяться, что столь бѣдственное состояніе монастырскихъ имѣній хотя нѣсколько измѣнится при настоящемъ порядкѣ вещей.

— А какъ велики ваши владѣнія и какъ велики долги на нихъ? спросилъ я, шутя, монаха, когда разговоръ началъ спадать съ предметовъ серіозныхъ на предметы общежитія.

— Долговъ, благодаря Бога, нѣтъ, а помѣстья не велики: одна покатость этой горы, да прилисныхъ къ ней три цыганскихъ лачуги; вы ихъ вѣрно замѣтили отсюда. Цыганъ-то было по-больше, да молодежь разбрелась, остались старики, да дѣти.

— Такъ женщина, что̀ мы видѣли на самой вершинѣ?...

— А, это, вѣрно, бѣдная Оприна, сказалъ монахъ тихимъ голосомъ, изъ котораго замѣтно было, что ему извѣстно кое-что̀ и изъ свѣтскаго быту.

— Какъ же можно въ такую пору, одной, на такой высотѣ!

— Что̀ же будете дѣлать: ужъ это не въ первый разъ, и я говорилъ нѣсколько разъ отцу ея, — такъ не въ его, видите, волѣ.

— Странно!

— Тутъ цѣлая исторія. Оприна жила въ городѣ у бояръ; тамъ, прости Господи, и сошлась съ какимъ-то арнаутомъ, да вѣдь знаете, арнауту что̀ въ женѣ! Ему нужна воля, а не жена; онъ ее и бросилъ. Бѣдняжка вернулась къ отцу, къ матери. Отецъ бы ничего, подъ-часъ еще прикроетъ ее отъ матери; да мать — бѣда; только и знаетъ что неволитъ дочь къ работѣ, а бѣдная за горемъ ни какой работы несможетъ, на мѣстѣ не усидитъ, бьется, но-

Digitized by Google

стъ да и только; исчахла какъ щепка но *немъ*, прости Господи. Вотъ какъ наступилъ холодъ, мать со злобы и стала посылать ее за валежникомъ; а та рада-радёхонька, что изъ избы вонъ, и бродитъ, въ чемъ видѣли, по горамъ, да таскаетъ, что̀ есть силы, дрова къ шалашу: горе смотрѣть на нея; хоть и соблазнъ, а иногда не утерпишь, послать къ ней съ цыганенкомъ кусокъ хлѣба, состраданія ради. Да и лапти-то мы ей выслали.—Недобрый арнаутъ! Тяжкой грѣхъ—хоть она и Цыганка, да всё же человѣкъ! Господи, прости ихъ! И старикъ поднялъ кверху глаза, испрашивая прощенія преступнику и его жертвѣ.

Я посмотрѣлъ на Радована; глаза всѣхъ были обращены на него; онъ это видѣлъ, онъ ясно понималъ этотъ безмолвный укоръ и сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угляхъ.

— Да отстанете ль вы отъ меня, наконецъ воскликнулъ онъ: и будетъ ли мнѣ покой?

— Не будетъ, ни здѣсь, ни тамъ, если ты не исправишь вины своей передъ Господомъ, произнесъ торжественно и пророческимъ голосомъ монахъ, какъ-бы вдохновеніемъ угадавшій преступника и постигшій всю бурю, происходившую въ груди его.

Радованъ схватилъ свое ружье и, какъ сумасшедшій, кинулся изъ пещеры. Не скоро, послѣ того и не къ добру встрѣтился я съ нимъ опять!

Время было не позднее; спать было рано; стали мы разсказывать другъ другу про свое прежнее житье-бытье. Исторія монаховъ была коротка и проста. Одинъ изъ нихъ былъ мелкимъ торговцемъ, проторговался и пошелъ въ монахи; другой былъ пастухомъ; всегдашнее созерцаніе величія и лѣпоты міра навели его на мысли набожныя и благочестивыя; третій ни чѣмъ не былъ, такъ-себѣ; четвертый, когда я сталъ спрашивать его—махнулъ рукой,-какъ-будто хотѣлъ сказать: эхъ, что̀ вамъ до меня? По этому рѣзкому знаку вы сейчасъ узнаете южнаго Славянина, который такъ неохотно начинаетъ разсказъ о себѣ, и съ такимъ жаромъ продолжаетъ, если вы задѣнете его нѣжную струну. Монахъ, родомъ Булгаръ, подстрекаемый нами, наконецъ оживился воспоминаніемъ былаго,

Digitized by Google

близкаго сердцу. Такъ бранный конь, застоявшійся долго время въ неволѣ, сначала ступаетъ робко, недовѣрчиво; но почуявъ знакомый призывъ трубы, летитъ быстрый, огнеметный....

На послѣдней, такъ сказать, страницѣ исторіи Валахіи является лицо свѣтлое, запечатлѣвшее жизнію безсознательную, безусловную любовь свою къ родинѣ: это нѣкто капитанъ Іордаки, о которомъ и нынче ни одинъ арнаутъ не вспомнитъ безъ сердечнаго трепета. Нашъ Булгаринъ былъ сподручникомъ и нераздѣльнымъ спутникомъ Іордаки.

Вы слыхали объ этеріи, возбужденной въ Молдавіи и особенно въ Валахіи въ 1821 году Ипсилантіемъ. Главная цѣль ея была, отвлечь силы Турковъ отъ Греціи, уже замышлявшей свое великое возстаніе. Въ то же время явился въ Валахіи Владиміреско со своими пандурами, и сталъ ратовать противъ Грековъ вообще и противъ греческихъ господарей особенно, угнетавшихъ и грабившихъ народъ. .. Ипсиланти и Владиміреско встрѣтились старыми знакомцами, а разстались врагами!—Явилась и третья вооруженная сила, по-видимому противодѣйствовавшая обѣимъ первымъ: это Савва, съ своими арнаутами, которыхъ было до тысячи человѣкъ. Савва—лицо занимательное. Онъ служилъ въ послѣднее время съ Турками, отличался своею храбростію и получилъ отъ нихъ въ награду званіе бимъ-баши; потомъ, когда Турки заключили миръ и ему нечего было дѣлать, перешелъ онъ съ преданнѣйшими себѣ арнаутами къ Калимахи, господарю Молдавіи и, наконецъ, въ Бухарестъ; дѣйствуя въ этомъ случаѣ по обыкновенному побужденію арнаута, — гдѣ больше смутъ, туда и онъ! Ничто такъ вѣрно не характеризуетъ Савву, какъ отзывъ объ немъ Іордаки и отзывъ перваго о самомъ Іордаки; надобно замѣтить, что они были соперниками славы между собою, но Іордаки всегда говорилъ:—Савва умнѣе и хитрѣе меня, и я отдаю ему справедливость,—и онъ уступилъ защиту города ему, а самъ отправился въ поле. Савва въ свою очередь говорилъ:—Іордаки храбрѣе меня,—и я отдаю ему первенство!

Digitized by Google

Господаря уже не было; въ Валахіи кто говоритъ, что его отравили, но вѣрнѣе, что онъ умеръ своею смертью. Савва стоялъ въ Бухарестѣ, но вскорѣ сдалъ его почти безъ бою Владимірескѣ, а самъ укрѣпился въ митрополіи, что на краю города; ужъ Богъ знаетъ, какъ они между собою положили. Валахія представляла самое жалкое зрѣлище. Всюду слышенъ былъ звукъ оружія и вопль отчаянія; сегодня грабили именемъ этеріи, завтра именемъ защитниковъ правъ; небывало никому покоя, ни селянину ни горожанину; не гдѣ было затаиться, ни въ горахъ ни въ долинахъ,— и въ такомъ жалкомъ положеніи напрашули Турки, *для возстановленія порядка* и мечъ опустошенія пришелъ по Валахіи. ..

Владимірескѣ со своимъ отрядомъ былъ истребленъ. Вскорѣ выгнанъ былъ Ипсиланти. Савву Турки знали: предложили ему миръ и звали въ Бухарестъ. Зналъ и Савва Ахметъ-Пашу, командовавшаго тогда въ Бухарестѣ: это былъ истинный Турокъ, вылитый въ форму янычара; жестокъ, какъ звѣрь, но слову вѣренъ и Савва поддался лестнымъ обѣщаніямъ; напрасно Іордаки убѣждалъ его не вѣрить,—онъ поѣхалъ, а съ нимъ и часть его арнаутовъ. Турки приняли ихъ ласково, но разъ Ахметъ-Паша призвалъ Савву къ себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы наградить его, и влѣпилъ въ него нѣсколько пуль.— Выстрѣлъ подалъ знакъ измѣны. Арнауты кинулись бѣжать,—Турки за ними; тѣ и другіе перемѣшались. Сорокъ арнаутовъ успѣли запереться въ церкви и двадцать четыре часа выдерживали осаду турецкаго войска, наконецъ разстрѣлявши всѣ патроны вышли съ тѣмъ, чтобы умереть, но дорого продать жизнь свою и разсѣкая толпу непріятеля направо и налѣво, двинулись однимъ дружнымъ, всесокрушающимъ мечомъ и пока не раздробился онъ въ куски, пока не палъ послѣдній арнаутъ,—кровь Турковъ не переставала литься. Валахи оставались безмолвными, трепетными зрителями этого зрѣлища.

Между-тѣмъ Іордаки, принявшій этеріи, продолжалъ свое дѣло, съ другомъ своимъ Фурнеки. Турки сильно тѣснили ихъ къ горамъ. Іордаки, отступая всюду травилъ

Австріи и Молдавіи, дорого продавалъ Туркамъ каждый шагъ земли, но для нихъ потеря ста человѣкъ была незамѣтна и пополнялась свѣжими людьми; а для Іордаки недочетъ десятка храбрыхъ сподвижниковъ былъ очень чувствителенъ. «Насъ-то всего оставалось человѣкъ три ста, говорилъ Булгаръ, а Турковъ было до трехъ тысячъ; на-бѣду еще Іордаки тяжко заболѣлъ; стали-было совѣщаться, что дѣлать; даже приняли письмо отъ Ахметъ-Паши, гдѣ онъ обѣщалъ пощаду и прощенье всѣмъ, кто отдастся безъ оружія, да Іордаки, хоть и при смерти былъ, а какъ привсталъ, да какъ прикрикнулъ, такъ первый кто сталъ возлѣ турецкаго посланца, тотъ ему и отсѣкъ голову. Рѣшили только, чтобъ послать въ городъ къ Нѣмцамъ просить доктора. Я поѣхалъ. Долго водили меня по городу отъ одного къ другому, то за карауломъ, то съ почетомъ, а кончилось тѣмъ, что доктора не дали, а сказали, что коли-де боленъ, такъ пусть самъ пріѣдетъ къ доктору: да еще прибавили въ-тихомолку: что примутъ насъ въ свои границы, если сдадимъ оружіе.—Я передалъ, какъ было, Іордаки.—Доктора мнѣ и не надо, сказалъ онъ: я, и безъ того не умру отъ болѣзни; а оружіе положить—не положу, пока живъ; умру, какъ подобаетъ.—На другой день ему стало лучше: онъ отступилъ къ монастырю Секую и тамъ заперся. Турки, какъ муравьи облѣпили монастырскія стѣны; сначала намъ то было и по рукѣ; били ихъ да били, не стало свинцу,—заряжали серебромъ, а у кого было золото, тотъ и золота не жалѣлъ: только, чтобъ въ Турка влѣпить: на томъ свѣтѣ десятерицей отдастся.

— Не гнѣви Господа, замѣтилъ набожно старый монахъ.

Булгаръ перекрестился.—Стало и намъ жутко: не стало и крохи хлѣба! Капитаны (Іордаки и Фурмаки) стали толковать. Пытались-было посылать малыя партіи на вылазки, да тѣ и не возвращались. Іордаки, отсчиталъ половину людей и сказалъ: одни идите съ Фурмакомъ, и попробуйте пробиться сквозь Турковъ, а другіе останьтесь со мною: увидимъ послѣ, что надо будетъ дѣлать. Кажется, капитанъ думалъ напасть на Турковъ, когда замѣтитъ, что

Digitized by Google

еще можно будетъ помѣряться съ нимъ силами; а какъ нѣтъ, такъ онъ уже рѣшилъ въ умѣ своемъ, что ему дѣлать. Мнѣ досталось на вылазку. На прощанье Іордаки призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:—Коли кто останется въ живыхъ, пусть отпишетъ къ сестрѣ моей, передастъ ей мое благословеніе и скажетъ, что я умеръ за вѣру и отечество: такъ пусть не плачетъ!—Только мы и видѣлись. Чуть вышли за монастырскую ограду, Турки налетѣли на насъ словно пчелы на медовой сотъ; мы тли-было кучкой, да гдѣ удержаться! Не успѣешь отмахиваться,—смотришь, то съ того боку нѣтъ товарища, то съ другаго; то тамъ колютъ тебя самого, то тамъ задѣнетъ. Капитана въ куски искрошили; а что Турковъ навалило, Господи, твоя воля! Какъ-вдругъ отхлынули они отъ насъ, какъ-будто все порѣшили и кинулись къ монастырю. Я посмотрѣлъ туда: вороты монастырскія на-стежь. Турки такъ и лѣзутъ въ нихъ.—А что будетъ? спросили меня товарищи.—Худо, брате!—Не успѣлъ я договорить, какъ земля дрогнула подъ нами, надъ монастыремъ поднялся густой столбъ дыму и пыли, и рухнули монастырскія зданія.—Іордаки взорвалъ порохъ и поднялъ себя и Турковъ на воздухъ.... Юнаку юнакская и смерть! Царство ему небесное!

И всѣ перекрестились.

—Было уже совсѣмъ темно. Нашихъ собралось человѣкъ съ пятокъ, кто безъ ноги, кто безъ руки, кто безъ ружья. На Турковъ итти было нельзя; пожалуй, еще бы поломали. Мы пошли въ австрійскія земли. Съ-тѣхъ-поръ я попробовалъ-было еще поскитаться по свѣту,—да всё какъ-то стало горько на свѣтѣ, тяжело на душѣ, хоть совѣсть и чиста.... Я пошелъ въ монастырь!

Къ этому отчетливо-историческому разсказу прибавимъ описаніе наружности Іордаки: его помнятъ еще многіе здѣсь. Іордаки былъ средняго росту, худощавъ; въ карихъ глазахъ его и во всѣхъ чертахъ лица отражалось совершенное спокойствіе и твердость воли непоколебимая; онъ никогда не измѣнялъ своему слову и былъ вѣренъ дружбѣ, какъ истый Славянинъ. Іордаки нѣкогда ратовалъ за

Digitized by Google

одно дѣло съ нашими отрядомъ въ Сербіи и за свою отчаянную храбрость получилъ офицерскій чинъ; можетъ-быть, еще здѣсь кто изъ нашихъ и, вѣрно, съ сердечнымъ удовольствіемъ вспомнитъ объ немъ.—«Не убивайте его» повторилъ забіячковатый Ахметъ-Паша, посылая отрядъ противъ Гердыки: такого другаго человѣка не скоро найдете въ свитѣ».

На другой день, рано, оставили мы гостепріимныхъ покоевъ Пешери. Солнце вставало, вершины горъ уже освѣщались изъ тьмы, а низменность еще покоилась въ туманѣ. На то ещѣ и горы, не то такъ и высоки, чтобы бодрствовать и не дремать надъ тѣмъ что у нихъ!

Digitized by Google

IV.

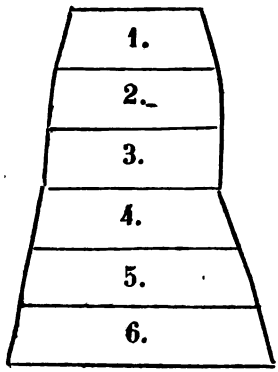
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
и
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПЧЕЛОВОДСТВО ВЪ РОССІИ.

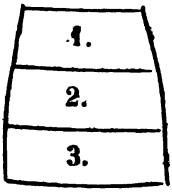
Статья третья и послѣдняя.

Вотъ нашъ колоколообразный улей. Фигура первая представляетъ верхнія его части, которыя могутъ составить малый улей; фигура вторая—нижнія части или подставки; фигура третья—тѣ и другія вмѣстѣ, или большой составной улей.

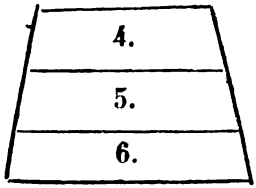
Фиг. III.

Фиг. I.

Фиг. II.

Digitized by Google

При первомъ взглядѣ на полный составной улей (фиг. III) видно, что онъ одинъ заключаетъ въ себѣ улей малаго, средняго и большаго объема; что при нашемъ ульѣ пчелъ не нужно перегонять изъ одного дома въ другой ни въ благопріятные годы ни втеченіи неблагопріятнаго времени, потому что наше изобрѣтеніе доставляетъ вамъ возможность по произволу увеличивать или уменьшать объемъ пчельнаго жилища. Этотъ улей ставится на скамейку или бревно, но не прямо на землю. Каждая изъ частей его дѣлается отдѣльно.

Если лѣто хорошее, то должно подъ малый улей (фиг. I) подставлять просторныя подмостки, (фиг. II), одну, двѣ, три, сколько понадобится; впродолженіи ненастныхъ лѣтъ, пчелы должны оставаться въ улѣ тѣсноватомъ.

Мы должны предупредить читателей, что подставки употребляются только втеченіи двухъ лѣтнихъ, изобилующихъ медомъ, мѣсяцевъ, то есть, когда въ маломъ ульѣ число рабочихъ пчелъ значительно пріумножается, и сверхъ-того, на цвѣткахъ оказывается обиліе сахарной влаги. Если не подложить ни одной изъ подставокъ, то пчелы будутъ праздновать лѣтомъ на поверхности своего тѣсноватаго жилища, или же излишне роиться, по недостатку въ удобной вмѣстимости для занятій многочисленныхъ трудолюбивыхъ работницъ. Употребляя эти подставки въ свое время, легко воспрепятствовать пчеламъ роиться, особенно тогда, когда онѣ уже дотого размножились, что цвѣты едва въ состояніи доставлять имъ такое изобиліе медовой жидкости, какое нужно и для ихъ пропитанія и для снабженія владѣльцевъ желаемымъ количествомъ меду. По введеніи въ употребленіе этого улья отъ насъ будетъ зависитъ, чтобы это насѣкомое роилось или же не роилось. Устройство колоколообразнаго улья ясно показываетъ и то, что рои должны зимовать въ одной, или же въ двухъ частяхъ малаго улья: слѣдовательно, не будутъ терпѣть отъ стужи въ большомъ жильѣ. Втеченіи весны и въ самомъ началѣ лѣта, пчелы также нуждаются въ теплой квартирѣ, спо-

Digitized by Google

собствующей созрѣванію и рожденію нѣжныхъ рабочихъ пчелъ, необходимыхъ какъ для постройки сотовъ, такъ и для снесенія взятка. Когда и число медоносицъ, и сахарная жидкость въ цвѣтахъ, и солнечные жары, увеличились, самъ глазъ показываетъ смѣтливому пасѣчнику, что его пчелы нуждаются уже въ просторнѣйшемъ жилищѣ не только въ длину, но и въ ширину; одинъ взглядъ на нашъ улей показываетъ, что легко удовлетворить этому требованію пчелъ, подставивъ подъ наполненный верхній улей, сначала подмостку 4, а потомъ 5; впослѣдствіи замѣтивъ, что обѣ подмостки совершенно наполнены, а прибыль на цвѣтахъ еще не прекратилась, должно подставить и пустую подмостку 6. Такимъ образомъ пасѣчнику остается только исполнять приказанія пчелъ, то есть, подставлять пустыя подставки или, въ отсутствіи пчелъ, вынимать оставленныя ими подмостки. У насъ величайшій недостатокъ въ пасѣчникахъ и бортникахъ, понимающихъ свое дѣло; выписывать ихъ изъ за границы стоитъ многихъ денегъ и хлопотъ. Поэтому-то намъ и хотѣлось изобрѣсть такой улей, чтобы всякой смышленый крестьянинъ, всякая смѣтливая баба, въ состояніи были ухаживать за пчелами. Не наше дѣло судить, достигли мы этой цѣли или нѣтъ.

Пчелы по природѣ своей любятъ жить въ многочисленномъ семействѣ; но онѣ не должны быть стѣсиены мѣстностію своего пріюта—онѣ любятъ приволье, особенно во время занятій. Сто тысячъ медоносицъ охотно будутъ оставаться неразлучными въ ульѣ, то есть, не будутъ роиться изъ милаго материнскаго гнѣздышка, лишь бы въ немъ привольно могли трудиться.

Если желаете увеличить число ульевъ съ пчелами, въ свое время, до-нельзя, то не подставляйте пустыхъ подмостокъ до-тѣхъ-поръ, пока не выйдутъ по два роя, втеченіи одного хорошаго лѣта, изъ отличныхъ ульевъ, составленныхъ изъ трехъ малыхъ частей. Но чтобы послѣ тѣ и другія излишне не роились, не праздновали по причинѣ недостатка въ удобномъ мѣстѣ, то не мѣшаетъ подставлять,

Digitized by Google

подъ роившіеся ульи, по надобности, пустыя подмостки. Въ истинѣ вышесказаннаго убѣдилъ насъ опытъ—впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ. Степные пчеловоды не были бы принуждены дѣлать вредныхъ подконовъ подъ своими бездонками, если бы обзавелись подмостками. Но мы такъ много говорили о пользѣ соломеннаго улья, что теперь насъ, можетъ-быть, спросятъ: «Развѣ и изъ соломы можно сдѣлать цѣлый этотъ улей?» Почему же нѣтъ: сплетайте крѣпко солому и вы увидите, что это возможно. Опытъ убѣдитъ читателей, что мы совѣтуемъ предпринимать и дѣлать только то, что возможно и полезно. Этотъ одинъ улей можетъ и долженъ доставлять роду человѣческому возможно величайшую и прочную прибыль. Онъ одинъ избавитъ нашу націю и отъ постыднаго убійства пчелъ—своихъ благодѣтельницъ. Но какъ къ устройству колоколообразнаго улья служила намъ руководствомъ не только одна природа пчелъ, но притомъ различныя обстоятельства и наши нужды, то составъ его, равно какъ и природу пчелъ перемѣнить не возможно; развѣ только удастся въ немъ кое-что по-проще сдѣлать. Взгляните вновь на чертежъ полнаго колоколообразнаго улья и вы легко убѣдитесь во всемъ томъ, что о немъ было сказано выше и о чемъ ниже будетъ упомянуто.

Положимъ, что малочисленный рой былъ, во время ройки, собранъ въ улейкѣ фиг. I. Это насѣкомое отлично трудится и охотно пріумножаетъ число сотрудницъ, если помѣщается въ улейкѣ, соотвѣтствующемъ его природѣ и нуждамъ. Въ благопріятное лѣто, пчелы наполняютъ свой домикъ втеченіи двадцати сутокъ, не болѣе, а мѣстами, въ иное лѣто впродолженіи нѣсколькихъ дней. Чтобы народившіяся пчелы не были праздны, надобно подъ улей подвести подставку 4, а позже и 5. Въ мѣстахъ гдѣ много медовыхъ цвѣтовъ, или медовой тли (aphis), и притомъ въ хорошую лѣтнюю погоду, рой недавно собранный, въ непроходимомъ лѣсу, пріумножаетъ свою силу дотого, что втеченіи одного, или двухъ мѣсяцевъ онъ совершенно наполняетъ медомъ составной улей (фиг. III). Но не позволяйте ро-

Digitized by Google

ятьея и самому отличному, собранному въ это лѣто рою, потому что вышедшій рой, происходящій отъ роя новаго, весьма часто разбойничаетъ — воруетъ медъ изъ чужихъ ульевъ. Бывали пагубныя слѣдствія, отъ *роевъ*, то есть, роевъ, происходящихъ отъ новыхъ. Въ отличномъ перезимовавшемъ семействѣ, бываетъ часто отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ рабочихъ пчелъ, во время богатой ройки; однако жъ ни одна пчела не празднуетъ на колокольномъ ульѣ, хорошо защищенномъ отъ солнечнаго жару. Ширина и длина его подмостокъ весьма удобна для занятій многочисленнаго роя. Въ верхней подставкѣ пчелы строютъ отъ девяти до десяти, во второй отъ десяти до тринадцати, въ третьей отъ тринадцати до шестнадцати сотовъ, длиною въ двѣнадцать вершковъ во всѣхъ, и такою же шириною внизу третьей подмостки. Лѣтики (очки), начавъ отъ улейка 1, до подмостки 6, постепенно должны быть просторнѣе.

Изъ всего этого ясно видно, что пчелы никакъ не могутъ ни праздновать на ульѣ нашего изобрѣтенія, ни ронться если мы не желаемъ пріумножить число роевъ. Людямъ смѣтливымъ не нужно и опытовъ, чтобы удостовѣриться въ его пользѣ.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы уже сказали нѣсколько словъ о томъ, какой ужасный вредъ дѣлаетъ пчеламъ дымъ: онъ изнурилъ не только домашнее пчеловодство, но отчасти и бортевое. Изъ колоколообразнаго улья и изъ ульевъ Дзиздика и Нутта, пчельныя произведенія собираются безъ дыму. Мы учились у нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и литовскихъ пасѣчниковъ и бортниковъ искусству возобновлять негодные соты, находящіеся вверху старинныхъ ульевъ и бортей, въ которыхъ рои обитаютъ уже вѣчевія пяти и болѣе годовъ. Мы говорили уже, что составляетъ нашихъ пчеловодовъ, незнающихъ этого искусства, ежегодно убивать множество безцѣнныхъ роевъ, такъ-называемыхъ старыхъ. Въ Россіи уже весьма мало пчелъ. Искусство возобновленія сотовъ, особенно въ бортяхъ, сопряжено не только съ непріятнымъ трудомъ, опасностью

Digitized by Google

ными бортника, съ потерею пчелъ и меду, но и съ опасностью отъ пожару: притомъ легко также погубить пчелиную предводительницу — душу роя. Рой, неимѣющій этой одной пчелы, и самъ скоро погибаетъ.

Имѣя отличныхъ пчелъ, купленныхъ въ южной, западной и сѣверной полосахъ, въ бездонныхъ и колодовыхъ ульяхъ, намъ хотѣлось, чтобы онѣ навсегда въ нихъ трудились. Мы пригласили со стороны, славнаго мастера-пчеловода для возобновленія въ нихъ старыхъ сотовъ; онъ употреблялъ всѣ способы, чтобы ни дымомъ, ни ножомъ не погубить ни малѣйшей части работницъ; но, къ-сожалѣнію, оказалось, что при этой операціи нѣтъ возможности остаться безъ чувствительнаго убытку. Мы никакъ не соглашались на употребленіе средствъ, на время умерщвляющихъ пчелъ: они такъ же вредны пчеламъ, какъ сильный пріемъ опіума человѣку; у тѣхъ мастеровъ, которые употребляли извѣстныя намъ средства, рои часто погибали. Во избѣжаніе злоупотребленія, мы ни о никъ, ни о многихъ подобныхъ не станемъ говорить. Отъ всѣхъ этихъ неудачъ, хлопотъ и убытковъ избавляетъ насъ колоколообразный улей.

Теперь мы приступимъ къ описанію раціональныхъ способовъ собиранія меду и воску, дѣлающихъ честь нынѣшнему просвѣщенію, доставляющихъ намъ возможно-большую прибыль отъ этого насѣкомаго. Медъ и воскъ собираются изъ нашего улья два раза въ году. Одинъ разъ снимается, втеченіи лѣта, та часть составнаго улья, которая долго находилась на самомъ верху подставныхъ частей, входящихъ въ составъ полнаго колоколообразнаго улья. Въ концѣ лѣта, вынимаются подставленные улейки, или подноски. Улеекъ, находящійся на самомъ верху, снимется въ третій или четвертый годъ длятого, чтобы мы не были принуждены вырѣзывать изъ него старыхъ, негодныхъ сотовъ, какъ мы уже сказали прежде, когда говорили о возобновленіи сотовъ въ прежнихъ ульяхъ и бортяхъ.

Рой, можетъ безпечно и выгодно жить втеченіи трехъ, четырехъ и пяти годовъ во всякомъ изъ улейковъ № 1

Digitized by Google

2 и 3; но лѣтомъ пятаго года его непремѣнно должно снять во избѣжаніе вышеобъявленной потери. Вырождѣніи благодатныхъ лѣтъ для медоносицъ, особенно въ странѣ, издревле славящейся удачею пчеловодства, самый верхній улекъ можно снять даже по прошествіи двухъ мѣсяцевъ; если въ немъ былъ собранъ отличный рой, въ самомъ началѣ іюня мѣсяца. Но какъ снимание полныхъ улейковъ, въ которыхъ рои обитаютъ недавно, не доставляетъ значительной выгоды, а трудъ неизбѣженъ, то довольно снимать ихъ въ четвертое или пятое лѣто, слѣдующимъ способомъ.

Во время ройки надобно часто заглядывать въ этотъ улекъ, четвертаго или пятаго лѣта, подъ которымъ уже находятся двѣ подставки; то есть, № 4 и 5. Во всякомъ изъ улейковъ, означенныхъ цифрами 1, 2, 3, должно находиться удобное отверзтіе въ стѣнкѣ, противоположной лѣтнику, для того, чтобы заглядывать въ него и для другихъ различныхъ занятій. Въ улеекъ, который мы намѣреваемся снять, должно заглядывать только во время тихой и самой прекрасной погоды, и притомъ утромъ, отъ десяти до двухъ часовъ по полудни, потому что вырожденіи этихъ четырехъ часовъ, наибольшее количество пчелъ вылетаетъ на цвѣты; слѣдовательно, немногія пчелы, оставшіяся дома, должны заниматься дѣломъ въ нижнихъ его частяхъ, и притомъ карауллить, чтобы въ него не ворвались хищники. Если усмотрите, что въ наблюдаемомъ улейкѣ нѣтъ уже пчелъ, то снимите его осторожно, и верхъ находившагося подъ нимъ, тотчасъ накройте доечечкою (кровелькою), чтобы пчелы въ оставшихся не тревожились. Вотъ вамъ первая добровольная добыча отъ пчелъ въ снятомъ улейкѣ, ни мало не закопченная горькимъ дымомъ! Вотъ легкій способъ возобновленія верхнихъ сотовъ, соотвѣтствующій понятіямъ свѣтлаго ума о совершенномъ ульѣ. Медъ, въ снятомъ улейкѣ, есть созрѣвшій плодъ, не насильно отдѣленный отъ своей материнской вѣтки, а медъ, собираемый изъ иныхъ ульевъ, подобенъ тому плоду, который деревенскіе мальчики сбиваютъ палкою съ плодоноснаго дерева. Почему

Digitized by Google

же пчелы не были въ снятомъ улейкѣ? Потому что наполнивъ его медомъ, онѣ должны были опуститься въ новоподставленныя пустыя части составнаго улья и ихъ также наполнять сотами и медомъ. Эти предусмотрительныя, умныя созданія усильно стараются напол... свое жилье сотами съ медомъ, чтобы не нуждаться въ кормѣ впродолженіи осени, зимы, неблагопріятной весны, и можетъ-статься, и такого же будущаго лѣта. Притомъ пчелы по инстинкту знаютъ, что чѣмъ меньше будетъ пустаго мѣста въ ихъ жильѣ, тѣмъ, конечно, теплѣе имъ будетъ зимовать. Наконецъ, пчелы измучились бы праздностью, имѣя сборъ на цвѣтахъ и пустыя кладовыя: онѣ весьма жадны къ труду.

Въ нашихъ городахъ сотовый медъ продается всего дороже перваго августа, по случаю поста передъ праздникомъ Успенія Богородицы. Снѣжно-бѣлый сотъ съ медомъ, вѣсящій два фунта, продается въ С. Петербургѣ по рублю серебромъ и дороже. Снимайте верхніе улейки и доставляйте ихъ въ цѣлости, передъ первымъ августа, въ богатые города. Городскіе жители, охотно будутъ покупать у васъ эти улейки по высокой цѣнѣ. Одинъ изъ помѣщиковъ санктпетербургской губерніи, генералъ Ш... недалекъ отъ этой торговлѣ прекрасный примѣръ инымъ пчеловодамъ, имѣющимъ составные ульи. Трудолюбивыя и разсчетливыя сельскія хозяйки, имѣя медъ, лѣтомъ, вѣроятно, приготовляютъ дома варенье, на цѣлый годъ; въ августѣ мѣсяцѣ ягодъ вдоволь, изъ которыхъ приготовляются вкусныя и вмѣстѣ почти даромъ пріобрѣтенныя варенья. Наши прабабушки и бабушки продавали, но не покупали это лакомство. Кіевскія обывательницы издавна извѣстны по всей Россіи, какъ мастерицы на варенье. Мы познакомились въ 1835 году съ самой знаменитой изъ нихъ. Она нажила хорошее состояніе однимъ этимъ промысломъ. Но какъ въ настоящее время цѣна на отличный медъ возвысилась, то къ меду примѣшиваютъ иногда патоки; это варенье, конечно, не только менѣе вкусно, но и легко можетъ портиться или окиснуть. Патока менѣе вкусна и менѣе полезна для здоровья, чѣмъ зеленый медъ, преимущественно

Digitized by Google

собранный пчелами на цвѣтахъ липъ, бодяковъ (cordnus acanloides) и на множествѣ другихъ ароматныхъ растеній, укрѣпляющихъ наше тѣло. Если когда-либо прѣсный и питейный медъ былъ полезенъ роду человѣческому, то именно въ настоящее время, прѣсный необходимо нуженъ, особенно для изнѣженныхъ дѣтей, а питейный для такихъ же родителей. Этими веществами можно поддержать хилое тѣхъ и другихъ здоровье.

Взгляните опять на чертежъ полнаго улья (фиг. III), чтобы удобнѣе понять второй способъ собиранія воску и меду, тоже безъ дыму.

Замѣтивъ, въ концѣ лѣта, что пчелы начинаютъ выгонять трутней изъ надежныхъ ульевъ, надобно немедленно, вынимать пустыя подмостки, но только въ холодноватое раннее утро, передъ восходомъ солнца, для того чтобы облегчить пчеламъ эту борьбу или войну; чтобы онѣ, выгнавъ тунеядцевъ, могли запасаться свѣжимъ медомъ, находящимся еще, въ концѣ лѣта, на цвѣтахъ растеній, поздно цвѣтущихъ. Наши сѣверныя медоносицы, услышавъ грустное прощаніе журавлей съ сѣвером, также заботятся о выгодной зимовкѣ. Изъ опыта извѣстно, что трутни передѣлываютъ медъ въ воскъ необходимый имъ для того, для постройки сотовъ или кладовыхъ на медъ и колыбелей для раждающихся медоносицъ; но въ концѣ лѣта сборъ меду уже прекращается, магазиновъ не нужно и потому трутни—вонъ изъ улья.

Сильный мужчина, здоровая крестьянка осторожно приподнимаетъ немножко вверхъ сложный, совершенно, или же отчасти наполненный улей, а мальчикъ, или дѣвочка, безъ шуму вынимаетъ пустыя подставки. Холодъ, прикосновеніе сердитыхъ жилицъ въ верхнихъ, теплыхъ этажахъ или частяхъ составнаго улья, не позволяетъ имъ обезпокоивать этихъ работниковъ. Во всякой подмосткѣ, какъ и въ ульяхъ № 1, 2 и 3, дѣлается отверзтіе большаго объема внизу, въ стѣнкѣ противоположной лѣтнику, для того, чтобы сквозь него удобно заглядывать въ нижнія части улья. Это отверзтіе служитъ, кромѣ-того и для освѣженія воздуха въ пчельномъ жильѣ, чтобы избавить

Digitized by Google

пчелъ лѣтомъ онъ излишней теплоты. Убѣдившись, что подмостки совершенно наполнены пчельными произведеніями, но что въ нихъ еще находится меньшее, или большее количество пчелъ, должно оставить ихъ въ покоѣ и дождаться болѣе усиленнаго холоду, который непремѣнно заставитъ ихъ совершенно убраться изъ холодноватыхъ нижнихъ частей улья, въ верхнія, теплыя. Онѣ должны зимовать только въ двухъ улейкахъ, наполненныхъ сотами съ медомъ. Поздно вечеромъ, въ холодноватое время, надобно отдѣлять или перерѣзать соты, идущіе сверху внизъ, тоненькою проволокою, чтобы они не препятствовали вынуть излишнія части сложнаго улья. Пчелы соберутъ медъ, появившійся на перерѣзанныхъ сотахъ. Передъ восходомъ солнца, въ прохладную пору, своихъ нужно часто заглядывать въ нижнія части улья, чтобы видѣть не оставили ли пчелы уже нижняго своего жилья. Въ такомъ случаѣ надобно поступать почти такимъ же способомъ, какъ вы поступали, вынимая пустыя подставки. Но какъ соты, въ двухъ вверхъ поднятыхъ улейкахъ, продолжены были до исподу нижняго улейка, или подмостка, то чтобы пчелы, находящіяся между пластами, и впредь имѣли сообщеніе между собою, надобно поставить снятые улейки на пустомъ, такомъ, котораго объемъ совершенно соотвѣтствуетъ нижнему улейку, наполненному медомъ. Этотъ, пустой, подставленный улеекъ будетъ служить, такъ-сказать, переднею для пчелъ, находящихся въ двухъ, на немъ стоящихъ. Вотъ второй плодъ, бывшій въ вынутыхъ подмосткахъ, доставленный вамъ пчелами безъ малѣйшаго насилія, безъ употребленія пагубнаго дыму и убійственнаго ножа! Кчему прибѣгать къ жестокимъ и вреднымъ способамъ собиранія меду и воску, имѣя способы и пріемы, одобренные яснымъ умомъ, опытомъ и запечатлѣнные очевидною пользою? Пчелы, какъ сказано, безъ дыму уступаютъ своему господину излишнюю часть своего сокровища — меду, лишь бы онъ поступалъ съ ними по законамъ природы и здраваго разсудка. Онѣ не покоряются только тому, кто не понимаетъ и не умѣетъ цѣнить ихъ. Но онѣ совершенно вѣжливы — съ

Digitized by Google

пчелиными и совершенно послушным тому, кто умѣетъ взять-ся за дѣло. Но развѣ пчелы такъ умны? О! всѣ дѣла этого насѣкомаго доказываютъ, что оно одарено сужденіемъ и предвидитъ будущее. Впродолженіи сорока-лѣтняго при-смотра и наблюденій за пчелами, мы много собрали та-кихъ фактовъ, которые должны убѣдить всякаго, что онѣ, кромѣ удивительнаго инстинкта, одарены и способно-стію сужденія, въ своей сферѣ; но не наше дѣло назна-чать границу этому сужденію. Если желаете познако-миться съ высшими ихъ дарованіями, читайте сочиненіе подъ заглавіемъ: «Die Bienenmucht von G. C. V Martin, Berp. 1839.» Не всѣ читатели знакомы съ естественною исторіею медоносицъ, но желательно, чтобы практики-пчеловоды знали то, что изъ шестидесяти тысячъ пчелъ, находящихся въ одномъ ульѣ въ концѣ ройки, остается, послѣ сбору сахарной влаги, на будущій расплодъ, только одна матка и отъ трехъ, до пяти тысячъ рабочихъ пчелъ. Избранныя, остаются въ материнскомъ гнѣздѣ, а прочія, безъ всякаго сопротивленія, добровольно улетаютъ изъ него скитаться по-міру. Вы съ сожалѣніемъ подумаете: бѣдныя изгнанницы! Онѣ безъ отдыху, усердно трудились днемъ и ночью, для общаго блага, а теперь безропотно подчиняются строгому закону судьбы и необходимости уменьшить число потребительницъ. Зная власть царицы этой семьи, любовь и почтеніе къ ней всѣхъ работницъ, нельзя не допустить, что здѣсь должна дѣйствовать ея вер-ховная воля, а можетъ-быть и прихотливая милость, кото-рая рѣшаетъ, кому съ ней оставаться, а кому пойти по-міру.... Этотъ таинственный процессъ, какъ и множество подобныхъ, донынѣ ускользаютъ отъ проницательности зоркихъ наблюдателей; но всякій, кто знакомъ съ удиви-тельною разсудительностію пчелъ, съ ихъ умомъ, съ ихъ сметливостію, вполнѣ чувствуетъ, что все здѣсь совер-шается по извѣстнымъ и логическимъ правиламъ. Кто умѣетъ чувствовать и познакомился сколько-нибудь съ природою этого насѣкомаго, у того одно выраженіе—пчела, воспламеняетъ воображеніе и возвышаетъ душу.

Если бъ Провидѣніе не одарило пчелъ такимъ див-

Digitized by Google

нымъ инстинктомъ, если бъ онѣ не умѣли въ случаѣ нужды разселяться, то слишкомъ размножившись, онѣ съѣли бы осенью, зимой и въ началѣ холодноватой весны, весь медъ, который лѣтомъ собрали, и человѣку изъ него ничего бы не оставалось. Что же сталъ бы дѣлать человѣкъ? Онъ, по своему обыкновенію, умерщвлялъ бы ихъ, чтобы воспользоваться чужимъ добромъ и, такимъ образомъ, медоносицы давно бы уже перевелись и мы не могли бы ни лакомиться ихъ вкуснымъ даромъ, ни освѣщать храмовъ Божіихъ и нашихъ жилищъ воскомъ.

Трудно объяснить здѣсь всѣ удобства и выгоды, доставляемыя колоколообразнымъ ульемъ, да притомъ мы и не предполагаемъ писать ему похвальнаго слова. Очевидно, что слишкомъ уменьшившееся число пчелъ, передъ зимою, не можетъ страдать отъ холоду, во время зимы и въ началѣ будущей весны, въ квартирѣ, соотвѣтствующей числу жилицъ, и что пчеловодъ легче можетъ перемѣстить улей, малаго объема, на время зимы, въ теплое строеніе, или же подъ крышу, чѣмъ огромную колоду, во внутренности которой находится нѣсколько фунтовъ меду и пригоршня пчелъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ наше время, мужики начали вводить въ употребленіе весьма пагубный способъ возобновленія старыхъ сотовъ въ обыкновенныхъ ульяхъ. Мы уже говорили, что пасѣчники и бортники вырѣзываютъ, почти всякой годъ, нижніе, свѣжіе соты изъ ульевъ и бортей, стариннаго изобрѣтенія, оставляя для пропитанія бѣдныхъ труженицъ зимою, верхніе, закопченные пласты, похожіе болѣе на подержаную черную кожу, нежели на восчаный сотъ, и что отъ этого пчелы погибаютъ, зимою, въ негодныхъ своихъ гнѣздахъ. Старинные пчеловоды, зная искусство возобновлять описанные пласты вырѣзываніемъ, не были принуждены ни убивать, такъ называемыхъ нынѣ старыхъ роевъ, ни перегонять ихъ изъ негодныхъ гнѣздъ, въ пустые ульи, чтобы въ нихъ строили новые соты, соотвѣтствующіе своимъ нуждамъ. Конечно, перегонять пчелъ

Digitized by Google

въ пустые ульи, всё-таки выгоднѣе, чѣмъ убивать ихъ; но мы постараемся доказать, что это перемѣщеніе старыхъ ровъ сопряжено не только съ трудомъ, но и угрожаетъ домашнему пчеловодству гибелью. Хозяева-эгоисты, жадные къ барышамъ не обращаютъ никакого вниманія на будущее: у нихъ лишь настоящее имѣетъ свою цѣну; они готовы всѣмъ пожертвовать своему корыстолюбію. Само собою разумѣется, что для такихъ людей удобства и выгоды потомства ровно ничего не значатъ. Дикарь срубаетъ дерево, чтобы достать съ него плоды. Но мы не можемъ, не должны такъ мыслить и дѣйствовать, и потому обязаны позаботиться, чтобы нетолько мы, но и потомки наши могли пользоваться выгодами отъ пчелъ. Впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, этого роду пчелогубцы, о которыхъ мы говоримъ, появились уже въ нѣсколькихъ лучшихъ для пчелъ губерніяхъ, потому что способу перемѣщать это насѣкомое легко научиться втеченіи одного или двухъ дней. Помѣщики, пренебрегая пчелами, получали отъ нихъ весьма ничтожную прибыль до-тѣхъ-поръ, пока не ввѣрили свои пасѣки этимъ пчеловодамъ. Не понимая слѣдствій, они считаютъ этотъ доходъ чистою находкой. Вотъ какъ эти люди перемѣщаютъ пчелъ. Они принуждены употреблять величайшее усиліе,—окуривать пчелъ жаркимъ дымомъ, чтобы заставить ихъ покинуть свое гнѣздо и въ немъ свое потомство и свое сокровище — медъ, и переселиться въ другой, пустой улей. Мы справедливо назвали бы жесточайшимъ варваромъ того, кто дерзнулъ бы насъ выгнать изъ собственнаго нашего всѣмъ изобильнаго жилья, и оставить въ немъ на вѣрную погибель не только средства къ семейной жизни, но и милыхъ намъ дѣтей. Всѣ животныя также имѣютъ родительскія чувствованія, болѣе или менѣе развитыя. Возьмите изъ гнѣздышка птенцовъ колибри, и вы увидите, что родители будутъ кормить своихъ малютокъ даже и тогда, когда они находятся плѣнниками въ вашихъ рукахъ, не обращая вниманія на опасность потерять свою жизнь. Пасѣчникъ, умертвивъ пчелиныхъ зародышей горячимъ дымомъ и отчасти огнемъ, принуж-

Digitized by Google

дастъ пчелъ непогибшихъ перемѣщаться въ пустой улей. Родители, принужденные жестокимъ насиліемъ переселиться въ новое жилище, потерявъ въ прежнемъ здоровье и часть своихъ дѣтенышей, не скоро забываютъ эту мучительную потерю: она разстроиваетъ ихъ здоровье и бываетъ причиною ихъ преждевременной смерти. А отъ дряхлыхъ родителей происходитъ и хилое потомство.

Въ пчельномъ гнѣздѣ, лѣтомъ, находится наибольшее количество зародышей рабочихъ пчелъ; а отъ числа работницъ, конечно, зависитъ и количество пчельныхъ произведеній. Во время описанной перегонки зародыши остаются въ покинутомъ ульѣ, и сверхъ-того, часть работницъ погибаетъ во время этой операціи. Если взятокъ на цвѣтахъ скоро прекратится послѣ этого перемѣщенія, то несчастныя, переселенныя пчелы, не успѣвъ запастись нужнымъ медомъ для собственнаго пропитанія, впродолженіи шести холодныхъ мѣсяцевъ, непремѣнно должны погибать отъ голоду, какъ это много разъ уже испытали тѣ, которые позволяли себѣ перемѣщать такимъ образомъ свои рои. Кромѣ-того, во время перемѣщенія пчелиная матка часто бываетъ изувѣчена или гибнетъ; а слѣдствія сиротства ужасны и въ пчеловодствѣ.

Этотъ способъ былъ извѣстенъ за границею въ послѣднемъ вѣкѣ, но ученые пчеловоды, убѣдившись во вредѣ отъ него происходящемъ, отвергнули его. Правда, мы и сами иногда принуждены были перегонять пчелъ изъ одного ульевъ въ другіе пустые, или же имѣющіе пустыя удобныя соты; но, сознаемся, что такое перемѣщеніе, при всемъ нашемъ знаніи сущности этого дѣла и величайшей осторожности, не всегда намъ удавалось. Это одна изъ причинъ, заставившихъ насъ заботиться объ изобрѣтеніи такого улья, который бы навсегда освободилъ насъ отъ насилія въ пчеловодствѣ. Впрочемъ не только наши колоколообразный улей, но и ульи: Нутта, Битла, Дюпуадина, Губерія и Бирненштоса совершенно освобождаютъ насъ отъ этого жестокаго средства. Зачѣмъ же прибѣгать къ нему? Медъ, собранный изъ помянутыхъ ульевъ, чистъ

Digitized by Google

ни сколько не горюютъ, слѣдовательно его всегда будутъ охотно покупать; а медъ, собранный выше описаннымъ способомъ, смѣшавшись съ побитыми червячками на грутней и пчелъ рабочихъ, и не только безвкусенъ, но легко окисаетъ. Цѣны на такой медъ слишкомъ незавидны; пудъ казанскаго меду стоитъ отъ сорока до шестидесяти рублей, а малороссійскаго пудъ сбывается по десяти рублей, потому что въ Малороссіи этотъ способъ въ большомъ употребленіи. По счастію, наши крестьяне не позволяютъ этимъ невѣждамъ губить свое добро, хотя и сами научились описанному способу. Удивительно, что помѣщики, которые должны лучше понимать слѣдствія отъ такого пагубнаго обычая, чѣмъ ихъ крестьяне, первые однако ихъ позволяютъ мучить пчелъ. Они постепенно получали бы гораздо большую прибыль отъ своего пчеловодства, если бы употребляли одинъ изъ вышепоименованныхъ ульевъ.

Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы уже говорили о преимуществѣ дикихъ пчелъ передъ тѣми, которыхъ человѣкъ держитъ въ искусственныхъ домахъ вокругъ своего жилища или даже въ лѣсахъ. Мы не станемъ обращаться снова къ этому предмету, хотя онъ требовалъ бы болѣе полнаго развитія, не допускаемаго здѣсь недостаткомъ мѣста; но поговоримъ о жизни этихъ дикихъ насѣкомыхъ, которыя, повторяемъ, изъ европейскихъ странъ, водятся только у насъ въ Россіи, потому что только у насъ есть еще дѣвственные, почти непроходимые лѣса.

Пчелиный рой, совершенно наполнивъ свое естественное жилище, дупло, восчаными сотами и медомъ, оставляетъ его съ этими сокровищами и отыскиваетъ другое, пустое, чтобы въ немъ по-прежнему столько удобно размножаться, но и трудиться. Сильныя пчелы не могутъ ни одной минуты оставаться въ праздности: онѣ, особенно во время обильнаго сбора, вдругъ наполняютъ своимъ добромъ вновь избранное дупло. Часть изъ нихъ строитъ восчаныя ладовыя—на медъ, и ячейки—на яички, часть рабочихъ пчелъ наполняетъ ихъ медомъ. Матка, обремененная со-

Digitized by Google

зрѣвшими во внутренности ея яичками, часто, напрасно отъискиваетъ пустой колыбели.

Если въ пчельномъ домикѣ совершенно нѣтъ уже мѣста для занятій пчеламъ, то пріискавъ новое мѣсто, онѣ прежнее втеченіи лѣта оставляютъ. Вотъ какимъ образомъ онѣ это дѣлаютъ. Почувствовавъ необходимость перемѣстить жилище, пчелы высылаютъ во всѣ стороны свои летучіе отряды квартирмейстеровъ, которыхъ Литовцы называютъ *скалею*. Открывъ удобное мѣсто, часть изъ нихъ остается для очищенія его, а часть отправляется на цвѣты, чтобы собрать пищу для работницъ, занятыхъ приготовленіемъ жилья; возвратившись съ кормомъ, онѣ выпускаютъ свой хоботикъ, изъ котораго струится сладкая жидкость; голодныя, принявъ крошечную частицу принесеннаго дара, какою гомеопаты подчуютъ своихъ паціентовъ, спѣшатъ снова къ начатымъ трудамъ. Въ минуту назначенную, кажется, пчелиною царицею, цѣлое общество вылетаетъ изъ своего гнѣзда, съ удивительнымъ торжествомъ, и несется на воздухѣ, какъ туча, на то мѣсто, куда ведутъ ихъ квартирмейстеры. Всякая пчела вбираетъ въ себя столько остающагося меду, сколько въ состояніи помѣстить въ своемъ пузырькѣ, на случай ненастья, то есть, когда дурная погода не позволяетъ вылетать имъ на цвѣты, для собиранія свѣжаго корму. Бортники приманиваютъ эти летучія партіи, въ свои пустыя борти, различными лакомствами: осѣнивъ прежде пустыя борти свѣжими вѣтками отъ несноснаго солнечнаго жару они стараются какъ-можно лучше очистить пустую борть. Эти пчеловоды, которыхъ народъ считаетъ чародѣями, укрывшись за вѣтвями деревъ съ бортью, часто присматриваются: понравилось ли квартирмейстершамъ приготовленное для нихъ мѣстечко. Замѣтивъ, что квартирмейстерши оставили тутъ караульныхъ, они уже знаютъ, что рой, въ награду за ихъ трудъ, наноситъ имъ меду. Въ доказательство, что дикія пчелы дѣйствительно перемѣщаются такимъ образомъ, мы приведемъ только слѣдующій случай. Во время

Digitized by Google

разнежонки одного спорнаго лѣсу, мужики, вырубая деревья на межѣ, свалили огромную старую липу, и въ дуплѣ нашли около пятнадцати пудовъ меду, бѣлаго какъ снѣгъ. Пчелы тутъ ни одной не было. Откуда же этотъ медъ? Пчелы, наполнивъ пустоту, перенеслись въ иную, чтобы не быть праздными.

Пчелы, укрывающіяся въ дуплахъ, выродолженіи многихъ столѣтій, всегда крѣпкаго тѣлосложенія, весьма сильны, плодородны, трудолюбивы, храбры; онѣ готовы отдать жизнь свою и погибнуть до послѣдней, но не уступятъ вамъ добровольно ни частички своего имущества. Онѣ часто ведутъ жестокую войну не только съ крошечными муравьями, но и съ огромнымъ звѣремъ; медвѣдь и человѣкъ для нихъ самые опасные враги; однако изъ медвѣдя онѣ часто жалами одолѣваютъ, но жаднаго человѣка съ топоромъ и огнемъ въ рукѣ, имъ весьма трудно побѣдить.

Дикія пчелы обыкновенно живутъ въ дуплахъ высокихъ деревьевъ. Въ жилищѣ ихъ есть только одно крошечное отверзтіе, сквозь которое медоносицы выходятъ изъ него за взяткомъ, и обратно входятъ съ медомъ. Къ меду, укрытому въ этой крѣпости, иногда весьма трудно пробраться и человѣку, снабженному топоромъ и огнемъ, потому что бортникъ виситъ на веревкѣ высоко отъ земли и находится въ опасномъ положеніи, а между-тѣмъ пчелы неотступно преслѣдуютъ его своими уязвленіями; защитившись отъ ихъ жалъ грубымъ платьемъ, онъ не можетъ свободно дѣйствовать; покрывъ лицо дурною маскою, чтобы лютыя медоносицы не могли повредить его зрѣніе, онъ, конечно, не въ состояніи всего хорошо видѣть. Часто голоция или курище гаснетъ, и тогда онъ непремѣнно долженъ спускаться внизъ; а неумолимыя пчелы преслѣдуютъ его даже и на землѣ.

Если бы природа не внушила пчеламъ лютости и геройскаго самоотверженія, если бъ она не снабдила ихъ ужасными для насъ средствами, необходимыми для поддержанія существованія этихъ насѣкомыхъ, то мы нынѣ не отвѣдывали бы зернаго меду, не любовались бы свѣтомъ вос-

ковыхъ свѣчъ, потому что люди, а отчасти и другія животныя, падкія на медъ, давно истребили бы это полезное насѣкомое.

Было время, когда люди чрезвычайно заботились о бортевыхъ пчелахъ. За истребленіе ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были даже назначены строгія наказанія. Во многихъ европейскихъ государствахъ искусство ухода за этимъ насѣкомымъ, процвѣтая, доставляло весьма значительную прибыль. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, составляющихъ нынѣшнюю Россійскую Имперію, пчеловодство было однимъ изъ прекраснѣйшихъ источниковъ прибыли отъ поземельныхъ имуществъ. Но какъ бортеваго пчеловодства нельзя поддержать въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ господствуютъ пожары и безпорядокъ, то старинные владѣльцы лѣсовъ употребляли всѣ мѣры, чтобы поддерживать цѣлость лѣсовъ и процвѣтаніе этой промышленности. Бортники, бродя по лѣсамъ днемъ и ночью, чтобы пчелогубцы не грабили бортей, смотрѣли также и за тѣмъ, чтобы пожаръ не причинилъ въ нихъ вреда бортничеству. Въ нашемъ большомъ сочиненіи о пчеловодствѣ есть любопытная, извлеченная изъ достовѣрныхъ документовъ вѣдомость о прекрасномъ доходѣ, который получали отъ пчелъ въ западныхъ губерніяхъ, втеченіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

По введеніи сахару въ употребленіе, пчеловодство начало упадать. Но дальновидные дѣды, а отчасти и отцы наши, старались однако жъ поддержать источникъ меду и воску. Къ сожалѣнію, внуки и сыновья не послѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ. Искусные, въ своемъ занятіи, бортники, не сообщали своего знанія наслѣдникамъ. Отцы наши, а отчасти и нѣкоторые изъ современниковъ, почувствовавъ недостатокъ прибыли отъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства, обратились было къ улучшенію своего пчеловодства; но не имѣя нужныхъ свѣдѣній о размноженіи пчелъ и сбереженіи ихъ отъ ущерба, подвергались нерѣдко неудачамъ. Впродолженіи однихъ благопріятныхъ лѣтъ и неопытные пчеловоды получали отъ своихъ насѣкомыхъ величайшую прибыль; но въ не-

Digitized by Google

частные годы, пчелы, обитавшія въ ульяхъ и бортяхъ, по большей части погибали. Помѣщики, много разъ испытавъ неудачу въ этомъ предпріятіи, вообразили себѣ будто прибыли отъ пчелъ ни какъ невозможно ни увеличить, ни упрочить.

Всѣ эти обстоятельства были причиною упадка не только бортеваго пчеловодства, но и лѣсовъ въ нашемъ отечествѣ. Нашлись (въ 1824 году) въ Царствѣ Польскомъ такіе близорукіе лѣсничіе, которые старались убѣдить всѣхъ и каждаго, будто бортевое пчеловодство бываетъ главною причиною пожаровъ въ лѣсахъ; они представляли нѣсколько свидѣтельствъ въ доказательство истины своихъ словъ, и приняты были мѣры для уничтоженія бортничества, несмотря на то, что оно исамые лѣса процвѣтали втеченіи многихъ прошлыхъ вѣковъ; поэтому мы старались изобрѣсти и такую борть, изъ которой удобно было бы собирать медъ и воскъ, не употребляя огня. Это намъ удалось.

Выше сказано, что множество пчелъ ежегодно погибаетъ въ ульяхъ и бортяхъ старинаго изобрѣтенія, по неимѣнію такихъ людей, которые знаютъ искусство возобновлять старые соты въ пчелиныхъ жилищахъ. Изъ борти нашего изобрѣтенія, такъ же какъ и изъ нашего улья, удобно собирать пчелиныя произведенія – безъ дыму; удобно такіе возобновлять и старые соты. Слѣдовательно, не только бортевое пчеловодство усовершенствуется, но и лѣсничіе впредь не будутъ жаловаться на бортниковъ, что они бываютъ причиною пожаровъ въ лѣсахъ. Теперь намъ недостаетъ только руководства къ бортевому пчеловодству: мы надѣемся пополнить этотъ недостатокъ, но не прежде какъ обозрѣвъ бортничество и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ мы до нынѣ не могли еще лично заняться изслѣдованіемъ его мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ сочиненіи будетъ описано и устройство и употребленіе изобрѣтенной нами борти.

Многіе изъ читателей, вѣроятно, пожелаютъ узнать: сто ли ульевъ съ пчелами, или сто такихъ же бортей достав-

Digitized by Google

ляютъ больше прибыли? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы часто, въ различныхъ странахъ, весили произведенія, собранныя изъ нѣсколькихъ ульевъ, и изъ такого же числа бортей, находящихся одни близъ другихъ, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ этого сравненія оказалось, что изъ десяти бортей, находящихся на опушкахъ лѣсовъ, и изъ десяти ульевъ, помѣщенныхъ близъ лѣсовъ, получается почти то же самое количество. Но меду и воску бываетъ гораздо болѣе, когда эти ульи находились въ началѣ весны въ лѣсу, а впродолженіи лѣта между яровыми посѣвами, и преимущественно если вблизи было вдоволь гречихи, а борти находились посереднѣ довольно обширнаго чернаго лѣсу.

Ульи доставляютъ своему владѣльцу самую важную выгоду въ роякъ; за перезимовавшій отличный рой можно получить отъ десяти до двадцати-пяти рублей ассигнаціями. Рой вылетѣвшій изъ борти, входитъ въ пустую борть тогда только, когда вашъ бортникъ приготовилъ ее по правиламъ искусства и когда въ лѣсу нѣтъ дуплистыхъ деревьевъ, удобныхъ для ихъ жительства. Въ противномъ случаѣ ваши рои изъ бортей улетаютъ въ сосѣднія борти, или же въ дуплы, находящіяся въ густомъ лѣсу. Но какъ это насѣкомое, по своей дикой природѣ и по своему инстинкту, всегда предпочитаетъ менѣе удобное дупло, чѣмъ старательно приготовленную борть, то искусство приготовлять пустыя борти весьма важно. И этимъ искусствомъ также славились наши старинные бортники; теперь оно осталось собственностію весьма немногихъ стариковъ, которыхъ мужики считаютъ колдунами. Народъ, во многихъ мѣстахъ, увѣренъ, что домовой загоняетъ рои въ однѣ только борти своихъ любимцевъ. Литовскіе неопытные и притомъ мстительные бортники разсказывали намъ, что *черноксёнжники*—пчеловоды никогда не приносятъ свѣчъ на жертвенникъ Всевышняго, приготовленныхъ изъ воску, выдѣланнаго собственными своими пчелами; но будто покупаютъ для этого воскъ у пасѣчниковъ которые трудятся по однимъ христіанскимъ законамъ.

Digitized by Google

Рой вылетѣвшій изъ улья, садится вблизи своего гнѣзда на вѣтви дерева, или на иномъ удобномъ мѣстѣ; онъ отдыхаетъ часъ, или два, въ такомъ мѣстоположеніи, въ которомъ имѣются дупла въ близкомъ лѣсу. Если пасѣчникъ не поспѣшитъ собрать его въ улей, и сверхъ-того, не запретъ въ клѣточкѣ его предводительницы, рой, отдохнувъ, несется далѣе въ лѣсъ. Въ степныхъ областяхъ, рой часто ночуетъ на избранномъ мѣстѣ, будто дожидаясь, чтобы пасѣчникъ собралъ его въ улей: здѣсь нѣтъ естественныхъ бортей или дупловъ; но если пасѣчникъ не замѣтитъ роя отдыхающаго въ травѣ, или между вѣтвями дерева, рано утромъ другаго дня, то рой улетаетъ отъ него, въ надеждѣ открыть удобное мѣсто. Поэтому въ степяхъ часто находятся рои въ разсѣлинахъ береговъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Но теперь, можетъ-быть, насъ спросятъ: «Почему же вы стараетесь поддержать бортевое пчеловодство, и даете ему преимущество передъ домашнимъ, если оно меньше приноситъ прибыли, чѣмъ домашнее?» Вотъ наши причины:

Пчелы, трудящіяся въ ульяхъ, по различнымъ причинамъ, весьма скоро теряютъ природныя свои качества; стало быть ихъ должно часто подкрѣплять лѣсными, то есть, живущими въ своей стихіи—на привольѣ. Въ Саксоніи и бортевыя пчелы также потеряли уже природныя свойства, потому что бортники часто мучатъ ихъ дымомъ; но какъ въ Саксоніи нѣтъ уже роевъ, живущихъ отъ вѣковъ, по законамъ одной природы, то тамошнія бортевыя пчелы, не быв подкрѣпляемы совершенно дикими, вскорѣ сдѣлаются совсѣмъ дряхлыми. Въ борти, приготовленныя рукою человѣка, часто вбираются и рои, выходящіе изъ естественныхъ бортей или дупловъ: эти рои подкрѣпляютъ и бортевое и домашнее пчеловодство. Къ-сожалѣнію, въ настоящее время пчелогубцы безнаказно убиваютъ пчелъ, открытыхъ въ дуплахъ, потому что не знаютъ цѣны имъ.

Пчелы находятъ въ лѣсахъ много сахарной жидкости; въ въ лѣсахъ то же имѣется тьма тьмущая тли (aphis, puce-

Digitized by Google

гопъ), о которой мы уже говорили. Въ сочиненіи о бортевомъ пчеловодствѣ мы постараемся убѣдить нашихъ согражданъ въ необходимости обратить на этотъ источникъ промышленности должное вниманіе, потому что отъ его благоразумнаго устройства зависитъ обиліе меду и воску.

Основываясь на описанныхъ выше свойствахъ пчелъ, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе классы. Къ первому принадлежатъ рои, которые, отъ созданія міра понынѣ не испытали ига человѣческаго. Онѣ блаженствуютъ въ тѣхъ русскихъ лѣсахъ, гдѣ изрѣдка показываются одни лишь отчаянные охотники до звѣриной ловли. Изъ непроходимыхъ лѣсовъ, онѣ часто переселяются и въ малые сосѣдніе. Второй классъ составляютъ рои, перебравшіеся изъ природныхъ бортей въ искусственныя, приготовленныя бортниками въ густыхъ лѣсахъ, но только на время, потому что онѣ почти всегда возвращаются въ свои прежнія жилища. Третій классъ заключаетъ въ себѣ роп, обитающіе въ бортяхъ, сдѣланныхъ недалеко отъ пасѣкъ: въ нихъ иногда входятъ на жительство и совершенно дикія медоносицы. Четвертый классъ состоитъ изъ такихъ пчелъ которыя находятся въ необыкновенныхъ лѣсахъ, но отдаленныхъ отъ домашнихъ пчелъ. Пятый классъ заключаетъ въ себѣ рои, живущіе въ серединѣ лѣсовъ незначительнаго пространства. Шестой—рои, живущіе въ бортяхъ на опушкахъ лѣсовъ и въ ульяхъ, прикрѣпляемыхъ въ лѣсу къ деревьямъ. Седьмой составляютъ пчелы трудящіяся въ ульяхъ, помѣщенныхъ въ пчельникѣ въ лѣсу, или близъ такихъ лѣсовъ, гдѣ пчелы живутъ не только въ бортяхъ, но и дуплахъ, особенно если пасѣчники часто подкрѣпляютъ свои ульи роями, собранными въ лѣсахъ. Осьмой классъ составляютъ пчелы живущія въ ульяхъ, въ лѣсной странѣ, гдѣ находятся борти. Девятый—рои, улетѣвшіе изъ пасѣкъ во время ройки, и блуждающіе въ окрестности. Наконецъ къ десятому принадлежитъ самая дряхлая порода этого насѣкомаго, находящаяся въ степныхъ странахъ, особенно если оно не было подкрѣплено боровками.

О пчелахъ писали весьма многіе; но какъ эти авторы не

Digitized by Google

изслѣдовали преимущества роевъ, обитающихъ въ различныхъ лѣсахъ, передъ трудящимися въ другихъ странахъ, то изложенная здѣсь постепенность доброты роевъ не была еще извѣстна.

Если хотите усовершенствовать свое пчеловодство и увеличить доходъ отъ земель, то пріобрѣтите пчелъ отличной породы, въ отдаленныхъ лѣсахъ, поручивъ это дѣло человѣку, въ знаніи и совѣстливости котораго нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ долженъ отправиться, передъ ройкою, въ лѣса не только изстари, но и понынѣ славящіеся процвѣтаніемъ бортничества. Купленные рои надобно помѣщать въ колоколообразныхъ ульяхъ, чтобы облегчить перевозку на отдаленное мѣсто. Эти рои должны оставаться до осени между яровыми посѣвами близъ лѣсовъ, гдѣ были пріобрѣтены. Недавно собранныхъ пчелъ надобно щедро снабжать чистымъ медомъ на ночь—втеченіи нѣсколькихъ сутокъ. Поздно осенью пчелы свободны отъ своихъ занятій; это лучшая пора для переселенія ихъ. Мы перевозили это насѣкомое, въ ульяхъ нашего изобрѣтенія, на разстояніи въ двѣсти верстъ и съ полнымъ успѣхомъ. Такъ какъ рои первыхъ классовъ привыкли лѣтомъ и зимою дышать свѣжимъ воздухомъ, то и переселенныя изъ лѣсовъ должны зимовать на поверхности земли, даже и въ степныхъ мѣстахъ. Не лишнимъ считаемъ предупредить владѣльцевъ, которые будутъ радоваться своими дикими пчелами, что онѣ гораздо невѣжливѣе и больнѣе жалятъ, нежели тѣ, которыя уже привыкли къ людямъ. Ихъ можно посѣщать только съ сѣткой на лицѣ и шерстяными перчатками на рукахъ. Но зато эти злыя насѣкомыя будутъ наносить вамъ множество меду; зато онѣ выдержатъ обыкновенныя злоключенія безвредно. Многіе изъ помѣщиковъ не вѣрятъ нынче, что усовершенствованное пчеловодство въ состояніи доставлять, особенно въ благопріятствующей ему странѣ, больше дохода, нежели земледѣліе. Не удивительно. Это происходитъ оттого что они не знаютъ способовъ ухода за этимъ насѣкомымъ, которые увеличиваютъ и упрочиваютъ доходъ отъ нихъ. Но пусть они послѣдуютъ нашимъ совѣтамъ, улуч-

Digitized by Google

нашихъ своей породы пчелъ пріобрѣтеніемъ пчелъ дикихъ и принявъ нашъ колоколообразный улей, избавятся отъ необходимости умерщвлять пчелъ дымомъ; тогда они въ нѣсколько лѣтъ убѣдятся, что наше отечественное пчеловодство, старинная промышленость нашихъ предковъ можетъ быть въ короткое время доведена до прежняго своего цвѣтущаго состоянія.

Н. Витвицкій.

=

Digitized by Google

V.

КРИТИКА.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ. *Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шиллера. Переводъ Ѳ. Миллера. Москва, въ Унив. тип., 1843 года, въ-8, стр. 146.*

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Барантъ, столь извѣстный своею «Исторіею герцоговъ Бургундскихъ», безспорно одинъ изъ первоклассныхъ талантовъ современной Франціи, подарившій соотечественниковъ превосходнымъ переводомъ драматическихъ сочиненій Шиллера, говоритъ въ жизнеописаніи его, приложенномъ къ переводу: «Не хочу, приводя произведенія Шиллера къ извѣстнымъ правиламъ, и сравнивая ихъ съ привычными намъ формами, разбирать хороши ли они, или дурны. Такой разборъ дѣло излишнее и безплодное. Напротивъ, весьма важно изыскать отношенія, какія имѣли творенія Шиллера къ характеру, положенію, мнѣніямъ его, и къ тому, что его окружало. Критическій взглядъ съ такой точки зрѣнія не имѣетъ характера столь легкаго, и столь рѣшительнаго, какой представляетъ намъ

Digitized by Google

критика осуждающая, или разрѣшающая, по бо́льшему или мѣньшему сходству предмета съ данными формами, но оно болѣе приближается къ изученію человѣка, къ наблюденію хода ума человѣческаго, наблюденію самому любопытному и самому полезному».

Мысль новой критики высказана здѣсь, но не вполнѣ. Именно только вторая критика намъ возможна и достижима въ настоящемъ состояніи нашего вѣдѣнія, какъ убѣдилъ насъ опытъ. Въ чемъ различается прежняя критика отъ нынѣшней—назовемъ первую *классическою*, другую *романтическою*, не привязываясь къ строгому значенію названій?

Принявъ за высшій идеалъ произведенія Грековъ и Римлянъ, классики предписали опредѣленныя правила искусства, вывели отсюда законы каждаго произведенія его, и критика ихъ составила повѣрку всякаго новаго произведенія съ догматизмомъ условныхъ правилъ. Вкусъ сдѣлался судьею вдохновенія поэтическаго и думы творческой.

Невѣрность такого уложенія оказывалась по немногу, и кончилась совершеннымъ разрушеніемъ законовъ классицизма.

Точно ли произведенія древнихъ составляютъ высшій идеалъ совершенства? Точно ли понимаете вы ихъ вполнѣ? Неужели искусство должно остановиться, и быть неизмѣняемо и вѣчно одинаково, когда все другое измѣнялось—религія, общественность, философія, нравы, обычаи, одежда, все рѣшительно? И почему маленькій уголокъ Греціи долженъ быть мѣркою прошедшей, настоящей и будущей дѣятельности человѣчества въ изящномъ? Греки не представляютъ намъ идеала ни религіи, ни общественности, почему же въ изящномъ они намъ вѣчный идеалъ? Не должно ли искуство быть проявленіемъ всей жизни того или другаго общества, если не сводить его на пустую потѣху лѣнивой праздности? И неужели надобно осу-

Digitized by Google

дить на ошибку и заблужденіе весь міръ, кромѣ Греціи, потому что произведенія искусства равно являлись всюду, хотя міръ древнихъ былъ вовсе неизвѣстенъ многимъ предшественникамъ и наслѣдникамъ древняго міра?

Вопросы эти такъ естественны, и отвѣты на нихъ такъ отрицательно рѣшаются противъ классиковъ, что нельзя не удивляться, какъ могли защищаться классики, и какой жестокой и долговременной битвы стоила побѣда надъ ними.

Дѣло наконецъ рѣшилось. Доказано, что классики далеко не вполнѣ знали міръ древнихъ, и произвольно вывели правила, какъ изъ твореній древнихъ, такъ и изъ природы, которую хотѣли они передѣлывать по-своему; что, составляя идеалъ изящнаго въ древнемъ мірѣ, древніе не могли быть идеаломъ совершенно измѣненнаго новаго міра. Мы узнали съ другой стороны созданія романтизма, какъ назвали мы все непринадлежащее къ міру классическому. Увидѣли недостатки созданій, произведенныхъ по законамъ классическимъ, и убѣдились, что недостатки ихъ происходили не отъ скудости силы творцовъ, но отъ ограниченныхъ и ложныхъ правилъ классической теоріи.

Что было слѣдствіемъ? Другая крайность. Теоріи нѣтъ и быть не можетъ, сказали преобразователи. Каждый творитъ какъ ему угодно, презирая всѣ мнимыя условія искусства.

Опять надобно было время опровергнуть новую ошибку, новое заблужденіе. Надобно было убѣдиться, что теорія и практика, идеалъ и олицетвореніе его въ вещественной формѣ, неразрывно связаны въ человѣкѣ, и что частные проблески изящнаго суть доказательства высшаго, общаго, недостигаемаго человѣкомъ идеала. Вы отвергаете всѣ правила, всѣ системы, но уже самое *отверженіе* ихъ не дѣлается ли вашимъ правиломъ, вашею системою?

Digitized by Google

И такъ догматизмъ искусства долженъ существовать. Но гдѣ и какой онъ? На какихъ созданіяхъ утвердить его? Гдѣ повѣрка его? Рѣшеній вкуса недостаточно, но неужели строгій умъ долженъ быть судьею изящныхъ созданій, и на чемъ же опереться ему? Гдѣ его повѣрка?

Прежде нежели все это будетъ опредѣлено и рѣшено, человѣку надобно совершить громадный трудъ, и онъ началъ его, но только-что началъ.

Прежде всего должно было ему поставить себя внѣ міра классическаго и романтическаго, отвергнуть всѣ личныя, своекорыстныя отношенія современности, и всѣ заученныя преданія. Съ такимъ отвлеченіемъ долженъ человѣкъ ознакомиться со всѣми созданіями искусства человѣческаго. Въ то же время рядъ обширныхъ изученій должно составить теоретическое познаніе законовъ творчества во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, повѣряемое великою наукою познанія человѣка, отвлеченнаго отъ его частнаго бытія, при изученіи частныхъ условій бытія его и дѣятельности. Тогда лѣтопись жизни человѣческой и художественныхъ созданій его представитъ намъ данныя для нашей теоріи.

Мы убѣдимся, что есть истины вѣчныя и неизмѣняемыя, есть законы, которыхъ никогда не перейти человѣку, если бы онъ и хотѣлъ переступить черезъ нихъ, уничтожить ихъ. Можете разбить ту, или другую форму—идея не гибнетъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ эта идея живетъ только безпрерывнымъ измѣненіемъ формы, и такое измѣненіе составляетъ жизнь ея, сообразно независящимъ отъ нея условіямъ мѣста и времени, гдѣ она является, при безпрерывномъ стремленіи къ недостигаемому идеалу. Тамъ, гдѣ она, ограниченная во времени и пространствѣ, восполняетъ требованія, ей современныя, удовлетворяетъ своевременному самодовольству человѣка, тамъ она прекрасна, изящна,

Digitized by Google

полна. Она сама себѣ составляетъ условія, предписываетъ законъ творчеству, является въ геніальныхъ творцахъ, вѣнцъ современнаго каждому изъ нихъ образованія, хотя несовершенство образованія всегда отражается на каждомъ геніи, которые всѣ суть посылки для рѣшенія задачи о жизни цѣлаго человѣчества.

Взглядъ съ этой точки примиряетъ насъ со всѣмъ, что производятъ тотъ или другой вѣкъ, та или другая страна, тотъ или другой геній. Какъ среди снѣговъ Сибири вы удивляетесь исполинской соснѣ, на знойныхъ берегахъ Индіи величественной пальмѣ, и на пескахъ Африки громадной адансоніи, такъ благоговѣйно преклоняетесь вы передъ поэмою Гомера, Данте, Гёте, передъ драмою Эсхила, Корнеля, Шекспира, и съ равнымъ наслажденіемъ остановитесь передъ пѣснью барда и менестреля, балладою Германіи, романсомъ Испаніи и народною пѣснью каждой страны. Здѣсь, обратно, вамъ будутъ понятны ошибки въ твореніяхъ искусства, объясняемыя условіями бытія его, недостаткомъ силъ творчества, законами его жизни и мѣста, или времени и пространства, здѣсь наконецъ объясняются законы критики и для современныхъ вамъ созданій искусства, составляется теорія искусства современнаго, какъ посылка для будущаго, и опредѣляются достоинства и заслуги писателя, или его творенія. Сужденіе ваше будетъ несовершенно, потому что вы также не можете выйти изъ условій вашего вѣка, но оно будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе живете вы жизнью вашего вѣка, какъ продолженія того, что прежде пережило и передумало человѣчество. Вы не можете предписывать закона творчеству, но укажете ему ошибку его, сообразно тому состоянію совершенства, которое показали вамъ практическое изученіе великихъ созданій, и данныя, извлеченныя изъ нихъ для теоріи.

Digitized by Google

Слѣдовательно, критика, которую назвали мы *романтическою*, въ противоположность классической, состоитъ не въ догматической повѣркѣ творимаго съ условными, неизмѣняемыми правилами, но въ изученіи того, въ какой степени то, или другое твореніе удовлетворяетъ современнымъ ему требованіямъ идеала, въ изысканіи причинъ, почему оно неудовлетворяетъ, въ указаніи чѣмъ могло бы оно удовлетворить.

Но такимъ образомъ, возразятъ намъ, вы опять составляете условія искусству, а каждое условіе не есть ли догматическое требованіе?—Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, не условія, а тѣмъ менѣе неизмѣнныя правила предписываемъ мы, но высказываемъ требованія наши, и если мы указываемъ на то, чѣмъ можно было удовлетворить насъ, съ тѣмъ вмѣстѣ мы готовы принять все, чѣмъ твореніе искусства превзойдетъ наши требованія, принять, какъ дополненіе къ кодексу условій искусства. Разница между классиками и нами та, что они указывали предѣлы искусству—мы требуемъ указанія ихъ отъ него. Они хотѣли изъ правилъ извлечь созданіе, мы отъ созданія требуемъ правилъ. Но въ такомъ случаѣ искусство отдается совершенному своеволію—скажутъ намъ. Да, своеволію генія, которое онъ обязанъ выкупить полнымъ удовлетвореніемъ нашихъ условій—условій, повторяемъ, не правилъ.

Теорія ваша признаетъ свое безсиліе, скажутъ намъ. Мы и не думаемъ гордиться силою ея, зная по умозрѣнію, что вся наша наука есть только стремленіе узнать истину, и по опыту, что всѣ мечты о мнимомъ достиженіи истины вполнѣ, чѣмъ гордились тотъ или другой вѣкъ, тотъ или другой мыслитель, всегда оказывались мечтами. Мы откровенно сознаемся даже и въ томъ, что заблужденіе и истина всегда идутъ рядомъ, и всѣ мы вносимъ въ сокровищницу вѣдѣнія человѣчества свой участокъ того и другаго; оно отдѣляетъ лигатуру, принимаетъ къ разсчету чи-

Digitized by Google

стый металлъ, и чеканитъ изъ него монету для общаго обращенія. Когда наполнится сокровищница человѣческаго знанія въ такой степени, что человѣкъ въ состояніи будетъ купить на него полное познаніе истины—мы не знаемъ.

По какую богатую добычу человѣку доставляетъ направленіе критики, объясняемое нами! Искусство свободно; генію нѣтъ закона, но всякое искаженіе изящнаго предупреждается; ошибка и неполнота творенія указаны, и указаны не произволомъ, но отчетомъ въ условіяхъ его творчества. Здѣсь опредѣляются подвигъ и заслуга каждаго дѣятеля, потому что если они оцѣняются мѣрою совершенства, тѣмъ не менѣе онъ отвѣчаетъ только за то, что могъ, но не за то, что долженъ былъ произвести. Каждое твореніе, каждый творецъ дѣлается предметомъ отдѣльнаго изученія, этюдомъ критики. И сколько истинъ открывается намъ, какъ раздвигается нашъ обзоръ, соединяя нравственную физіологію человѣка, психологическую исторію его съ истинами, извлеченными изъ теоріи изящнаго, повѣренной опытомъ! Какое дополненіе ко всякому другому изученію являетъ изслѣдованіе міра созданій искусства, вмѣстѣ съ изученіемъ ихъ причинъ и условій. Гамлетъ, Фаустъ, Божественная Комедія, соединенные съ исторіею творцовъ ихъ, вѣка ихъ, стоютъ изученія лѣтописи какого-нибудь общественнаго переворота. Въ этихъ великихъ созданіяхъ отражается жизнь общества, имъ современнаго, отражается человѣкъ, а какая же наука выше его изученія? Здѣсь невольно повторяете слова одного изъ самыхъ прозаическихъ поэтовъ, но слова глубокія: «Нескончаемая, важнѣйшая наука для человѣка, есть—человѣкъ».

И если хотите возвыситься отъ прозы жизни къ ея поэзіи, если хотите великихъ уроковъ искусства, да будетъ предметомъ изученія вашего великое и изящное человѣчества, тѣ люди, на челѣ которыхъ отражена

Digitized by Google

божественный свѣтъ неба. Довольно земной суеты, довольно грязи на тропинкѣ, которою идетъ каждый изъ насъ. Войдемъ отдохнуть въ храмъ души избраннаго, въ область человѣка, освященнаго геніемъ. Не будемъ входить въ эти храмы, эти области, съ чувствомъ изступленнаго изувѣра, но вступимъ въ нихъ съ любовью сердца и думой ума. Тогда посѣщеніе наше, услаждая душу среди бѣдности нашего бытія, возвыситъ ее, облагородитъ, напомнитъ ей небесную отчизну, укрѣпитъ на борьбу, примиритъ съ несовершенствомъ нашего жребія....

Просимъ извинить отступленіе отъ предмета насъ занимающаго. Оно было необходимо, какъ увидимъ далѣе, потому что мы хотимъ изучить одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій человѣчества въ прошедшемъ вѣкѣ, въ одномъ изъ самыхъ образованныхъ народовъ Европы. Шиллеръ и его творенія суть задачи для теоріи искусства и исторіи человѣка. Надобно условиться въ образѣ воззрѣнія нашего, тѣмъ болѣе, что, можетъ-быть, намъ еще не однажды придется передавать читателямъ нашимъ подобные отюды дѣятелей искусства.

Мы разсказали жизнь Шиллера, какъ гражданина того времени и того общества, когда и гдѣ онъ жилъ. Не предупреждая нашихъ сужденій и выводовъ, разсмотримъ жизнь его, какъ человѣка и художника.

Неразрѣшимою тайною Провидѣнія останется навсегда появленіе людей великихъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности человѣческой. Если иногда кажется, что мы понимаемъ необходимость явленія ихъ, сколько случаевъ отрицательныхъ, гдѣ мы готовы сказать, что великій человѣкъ, поэтъ, герой, царь, пришелъ слишкомъ рано, родился слишкомъ поздно. И сколько явленій не конченныхъ, такъ сказать, паденій отъ недостатка силъ, отъ упадка духа, отъ превратнаго стремленія въ жизни! Такъ непостижимо для насъ само

Digitized by Google

сложеніе нравственныхъ стихій, изъ коихъ созидается то или другое великое явленіе, и почему изъ окружающаго его устремляется онъ на то, а не на другое отношеніе. Для чего же теряться въ безполезныхъ догадкахъ? Намъ остается только наблюдать и описывать что видимъ.

Такъ непостижимою судьбою опредѣлено было, въ половинѣ прошедшаго вѣка, сыну полковаго лекаря и нѣмецкой булочницы, въ маленькомъ городкѣ виртембергскомъ, вмѣстить въ душѣ своей стихіи великаго поэта.

Слабое, но пылкое дитя, онъ видитъ вокругъ себя добраго отца, благочестивую мать, набожнаго пастора, и все желаніе его стремится быть пасторомъ, поучать ближняго добру, которымъ исполнено сердце его, святой вѣрѣ, которою согрѣта душа его. Мать читаетъ съ нимъ псалмы и басни Геллерта — первое впечатлѣніе стиха шевелитъ въ немъ какое-то созвучіе, какъ будто на слышимые имъ звуки отвѣчаютъ въ душѣ его такіе же звуки. Онъ хочетъ вызвать эти таинственные звуки изъ души своей, и они высказываются *молитвою:* первые стихи Шиллера были написаны имъ послѣ конфирмаціи, или перваго причащенія.. Но вотъ новое впечатлѣніе: Шиллеръ въ театрѣ, и его поражаетъ эта жизнь въ дѣйствіи, гдѣ слово и стихъ являются воплощенными въ видимой дѣйствительности. Вотъ онъ—міръ поэзіи, раскрывшійся передъ взорами ребенка, и вотъ она, жизнь, окружающая его, какъ-будто противоположность міру поэзіи: Шиллеръ въ школѣ, въ академіи, по-неволѣ сброшенный съ того пути, которымъ хотѣлъ онъ итти въ мірѣ.

Сколько чувствъ, сомнѣній, страданій, опытовъ должна была испытать душа Шиллера въ борьбѣ съ людьми и съ самимъ собою до двадцати лѣтъ возраста, когда кончился первый періодъ его жизни, и въ первой драмѣ своей высказалъ онъ тайну души, и бурю,

Digitized by Google

тревожившую его! Тяжесть борьбы не всегда можно оцѣнять огромностью предметовъ боренія. Наполеонъ, сражавшійся съ Европою, и юный умъ поэта въ битвѣ съ самимъ собою и съ мелкими отношеніями жизни, говоря собственно, оказываютъ одинакій подвигъ, если все бытіе ихъ увлечено въ борьбу. Шиллеръ боролся и съ общественными отношеніями, въ какія былъ поставленъ, и съ безсознательностью своего демона, и съ ничтожествомъ того, чѣмъ хотѣла и не могла выразиться душа его.

Какъ-будто вознаграждая высокое назначеніе быть мыслителями Европы, Германія лишена гражданской суетливости, лишена живости страстей, тревожащихъ другія общества. Порядокъ, чинность жизни, холодная нравственность, вмѣсто религіозной поэзіи, установленныя отношенія общественныя, наука, приведенная въ систему, семейная жизнь, какъ средство жить спокойно, общественныя увеселенія по разсчету и размѣру, и уровень посредственности надъ всѣмъ и надъ всѣми — такова страна Нѣмцовъ, парникъ человѣчества, страна табачнаго дыму и пива, добрыхъ хозяекъ, красивыхъ мечтательницъ дѣвушекъ, здоровыхъ дѣтей. Въ жизни Нѣмцовъ нѣтъ средоточія, куда устремлялась бы умственная и вещественная дѣятельность ихъ, и все опредѣлено, начиная съ проповѣди, которую слушаютъ по воскресеньямъ, до бесѣды въ клубѣ, которою заключаютъ день, съ чиннаго поздравленія при купели младенца до траурнаго платья при гробѣ отца, съ плана, по которому выигрываютъ побѣду, до трубки, которую выкуриваютъ поутру, потому что на ней вырѣзано: Morgen.

Не отъ такой ли сущности общей жизни Нѣмцовъ являются исключенія, великіе люди Германіи, Гёте, Гумбольдты, Гердеры, Канты, Шеллинги, путеводительныя звѣзды человѣчества? Не отъ того ли бываютъ великія пробужденія Нѣмцовъ, когда все за-

Digitized by Google

легавшее въ обществѣ и душахъ ихъ возмущается бурею, времена Реформаціи, время битвъ съ Наполеономъ? Не отъ того ли, когда минуетъ время такихъ великихъ волненій, все снова плотно улегается въ душахъ и обществѣ, и засыпаетъ эпименидовымъ сномъ? Не отъ того ли устремленіе въ жизнь духа и созерцанія, самодовольство самыхъ геніальныхъ Германцевъ, и «универсальность», такъ-сказать, которая поглощаетъ все, кладетъ все въ свое знаніе, какъ ростовщикъ кладетъ въ свою кладовую всякіе заклады?

Не бурному духу Шиллера можно было ужиться въ обществѣ нѣмецкомъ, какъ-скоро столкнули его съ пути, который онъ избиралъ себѣ. Онъ совлекся условій Нѣмца. У него уже не было цѣли въ жизни, не было отечества, котораго лишили его принужденіемъ воли: онъ Германецъ и поэтъ, возвѣститель тѣхъ страстей, тѣхъ идей, тѣхъ бурь, которыми полна душа его.

И первый откликъ этой пламенной, встревоженной, оскорбленной души, не тихая проповѣдь, которую готовилъ онъ нѣкогда собратіямъ, но вопль негодованія, укоръ обществу, насмѣшка надъ его условіями.

Успѣхъ «Разбойниковъ» произвелъ новый переворотъ въ душѣ поэта. «Слѣдственно есть люди, которые понимаютъ меня: скорѣе къ нимъ, къ этимъ людямъ, имъ все сказать, имъ передавать душу мою, жить съ ними!» И онъ готовъ записаться въ общество комедіантовъ; онъ называетъ себя гражданиномъ вселенной—онъ не Нѣмецъ и не гражданинъ нѣмецкій—онъ человѣкъ и поэтъ!

Семь лѣтъ, слѣдовавшихъ за побѣгомъ Шиллера изъ отцовскаго дома, представляютъ урокъ поучительный. Вездѣсущій странникъ, вольная птичка, Шиллеръ свергъ съ себя всѣ обязанности. Но здѣсь являются новыя требованія души и жизни. Его покоряютъ страсти; онъ самъ подчиняется обязанностямъ, которыя отвергалъ прежде, а недовольство самимъ собою засту-

Digitized by Google

паетъ мѣсто прежней безсознательности требованій его демона.

Требованіе разгадано: онъ поэтъ. Но что же будетъ онъ творить? Его первое созданіе принято съ восторгомъ, но величіе души именно сознается недовольствомъ успѣха, и всѣ могутъ быть довольны созданіемъ, кромѣ его. Умственное зрѣніе человѣка великаго тѣмъ болѣе просвѣтляется, тѣмъ дальновиднѣе становится онъ, чѣмъ идетъ онъ далѣе. Только посредственность засыпаетъ на успѣхѣ. Успѣхъ для человѣка великаго одръ Гватимозина, на которомъ самого себя допрашиваетъ онъ о сокровищахъ, сокрытыхъ въ душѣ его, и ему самому невѣдомыхъ. Тогда страшно состояніе его, если душа не отвѣчаетъ на вопросъ.

Шиллеръ увѣрился, что онъ долженъ быть поэтомъ драматическимъ. Но драма не можетъ быть вдохновеніемъ мимолетнымъ, вспышкою впечатлѣнія, безотчетнымъ порывомъ, чѣмъ бываетъ иногда лирическое созданіе. Драма требуетъ идеи болѣе окрѣплой, души, болѣе перегорѣвшей, познанія людей и свѣта, познанія жизни. Сказать свое чувство отъ самого себя, и пересоздать его въ жизнь, возсоздать его въ видимыхъ образахъ, разница огромная. Шиллеръ искалъ предмета драмы въ исторіи, находилъ его, и не могъ возсоздать ни одного. «Дайте мнѣ планъ—и возьмите у меня все!» говорилъ онъ. Онъ обращался къ образцамъ, къ твореніямъ другихъ, но нѣмецкая драма не могла удовлетворить его. Начало нѣмецкаго театра, какъ сценическаго искусства, восходитъ весьма не далеко. До двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Германіи вовсе не было правильнаго театра. Грубые фарсы Ганса Сахса и уродливыя трагедіи Грифіуса, были разъигрываемы охотниками и бродячими актерами. Готшедъ, Тредьяковскій Германіи, первый завелъ театръ въ Лейпцигѣ, переводилъ французскія трагедіи, и заставлялъ зѣвать за своими уродливыми переводами.

Digitized by Google

Илья Шлегель, Кронегкъ и другіе подражали Голландцамъ, Итальянцамъ, передѣлывали Англичанъ по правиламъ трехъ единствъ. Первый возсталъ противъ уродливаго классицизма Лессингъ, человѣкъ ума необыкновеннаго, критикъ остроумный, но умъ односторонній и не поэтическій, говорившій о Шекспирѣ, но не понимавшій его, способный разрушить, но не создать. Онъ хотѣлъ создать теорію и дать образцы, подражалъ реформаторамъ драмы во Франціи, увѣренный, что мѣщанская комедія и свобода романтизма въ трагедіи суть непремѣнныя условія настоящей драмы. Лессингъ образовалъ великія сценическія дарованія, увлекъ зрителей, породилъ подражателей и послѣдователей, между коими явились Гёте, которому тѣсно было въ драмѣ, Лейзевицъ и Герстенбергъ, съ дикими созданіями безотчетнаго воображенія, Энгель съ комедіями. Среди такого броженія и борьбы мнѣній явился Шиллеръ и три первыя драмы его были подражаніемъ твореніямъ Лессинга, Гёте и ихъ товарищей по формѣ. Но чѣмъ были они по сущности? Уродливыми произведеніями ума юнаго, не знающаго ни людей ни жизни, мечтателя о свободѣ, потому что его записали въ военную школу, и наказывали за невыучку уроковъ, юноши, стѣсненнаго существенностью, и видящаго въ каждомъ счастливцѣ міра злодѣя, въ каждомъ вельможѣ хитраго тирана. Буршевая жизнь нѣмецкаго студента, кипѣніе умовъ, начинавшееся за Рейномъ, манера Шекспира безъ познанія глубины его, приторная сентиментальность любви, начитанная въ Вертерахъ и Зигвартахъ, студенческая философія, со всѣмъ желаніемъ юноши выражаться вычурно и жеманно — вотъ чѣмъ были созданія Шиллера. Если чѣмъ могли они быть замѣчательны, то добродушною искренностью поэта, всего себя отдававшаго своему творенію, тѣми проблесками дарованія, которыя видны были въ твореніяхъ Шиллера, при высокой любви къ добру и ка-

Digitized by Google

комъ-то суевѣрія чести. Довольно для того, чтобы увлечь толпу, но не довольно для самого поэта, если онъ сознаетъ свое высокое призваніе, хоть темно, хоть безотчетно чувствуя, что не здѣсь тайна созданія твореній великихъ. Гдѣ же она? Шиллеръ самъ безжалостно осудилъ своихъ «Разбойниковъ,» когда они сводили съ ума современную молодежь. «Странное недоразумѣніе жребія заставило меня быть поэтомъ, говорилъ онъ, и осемь лѣтъ назначеніе мое боролось съ моею жизнью. Страсть поэзіи такъ же пламенна и бѣщена, какъ первая любовь. То, чѣмъ хотятъ затушить, только разжигаетъ ее болѣе. Спасаясь отъ моей жизни, я улеталъ въ міръ идеаловъ, когда міръ дѣйствительный оставался для меня невѣдомымъ, и я былъ отдѣленъ отъ него желѣзными затворами. Людей я не зналъ. Женщины были мнѣ неизвѣстны, потому что двери дома, гдѣ жилъ я, отпирались только для тѣхъ женщинъ, которыя еще не начинаютъ, или для тѣхъ, которыя уже перестали увлекать насъ. Не зная ни людей, ни человѣка, моя мысль по-неволѣ должна была перейти черезъ посредствующую черту между ангелами и демонами, и я долженъ былъ создать чудовищъ, по счастію не существующихъ въ мірѣ. Желаю имъ добраго здоровья, только для того, чтобы они показывали примѣръ нелѣпости, какая раждается изъ соединенія несообразностей. Мое твореніе явилось передъ людьми, и люди должны были имъ оскорбиться. Извиненіемъ меня могутъ быть только обстоятельства, въ какихъ я находился. Изъ всѣхъ обвиненій, какимъ подверглось мое созданіе, съ однимъ я соглашаюсь, съ тѣмъ, что я началъ изображать людей, не знавши ихъ. Мои «Разбойники» разлучили меня съ моимъ семействомъ и моимъ отечествомъ. Осудятъ ли меня? Въ томъ возрастѣ, когда голосъ большинства тревожитъ насъ, и управляетъ нашими чувствами и мыслями, когда кровь кипитъ при рукоплесканіяхъ, когда предчувствіе ве-

Digitized by Google

лячія, ожидающаго насъ, тревожитъ душу, когда впереди видимъ мы безсмертіе, среди наслажденія первыхъ похвалъ, неожиданныхъ и не заслуженныхъ, которыми упоили меня со всѣхъ сторонъ Германіи—мнѣ запрещено было писать»....

Мечта юноши! Теперь ему *не запрещаютъ* писать, что жъ онъ *не пишетъ*? Онъ берется за великія творенія Шекспира и не постигаетъ ихъ! «Когда въ первый разъ читалъ я Шекспира, говорилъ Шиллеръ—меня возмутили холодность и безчувствіе, съ которымъ онъ шутитъ въ самыя патетическія минуты, портитъ фарсами самыя раздирающія сцены Макбета и Лира, останавливается, когда всѣ чувства мои потрясены, и хладнокровно вырываетъ у меня сердце, едва оно затихло. Я читалъ и изучалъ Шекспира много лѣтъ прежде, нежели согласился съ его геніемъ. Я былъ еще не способенъ тогда схватывать природу съ перваго взгляду».

И такимъ образомъ началась новая борьба поэта съ самимъ собою. Цѣль жизни угадана, но все что̀ указало на нее, отвергнуто, какъ были отвергнуты всѣ первоначальные очерки, которые поэтъ осудилъ до рожденія ихъ. Странное положеніе: чувствовать силы создавать, и не умѣть создавать! Новая драма Шиллера носится передъ нимъ въ неясныхъ образахъ, а между тѣмъ начинается другая драма—дѣйствительной жизни, новое ученіе—наука людей и страстей. Ты говорилъ, что ошибался представляя людей, изображая ихъ чудовищами, что они не ангелы и не демоны. Изучи же, узнай ихъ, узнай и то, что̀ влечетъ ихъ въ небо и низвергаетъ въ адъ—узнай страсти людскія!

И когда голова Шиллера исполнилась мечтами объ искусствѣ, его окружаютъ люди, съ нимъ знакомятся ихъ отношенія, ихъ злость и дружба. Онъ хотѣлъ удалиться отъ сильныхъ и великихъ міра, но невольно увлеченъ къ нимъ; онъ мечталъ только о похвалахъ,

Digitized by Google

не теперь слышитъ и осужденія, горькія, несправедливыя, клеветы на свой умъ и сердце. Онъ испытываетъ при несправедливости осужденія и легкомысленность похвалъ, пустоту сужденій, и бѣгаетъ въ бурныя ночи на берега Эльбы укрыться отъ людей и отъ самого себя...

Да, и отъ *самого себя*. Міръ принялъ скитальца въ свои объятія, и потребовалъ отъ него, чтобы онъ узналъ и раздѣлилъ все, что терзаетъ и мучитъ этотъ міръ; онъ облекъ его въ ядовитую одежду Деяниры, и поэтъ, хотѣвшій отъ всего отторгнуться, воображавшій себя Геркулесомъ непобѣдимымъ, почувствовалъ всѣ мученія тлетворнаго яду, терзающаго другихъ людей.

Много было говорено противъ критики и за критику. Вопросъ не о пользѣ, потому что она неоспорима. Но критика въ отношеніи къ дарованію великому, судя его, указывая ему, вѣрно или невѣрно, ошибки его, не поселяетъ ли въ немъ недовѣрчивости къ самому себѣ, не отнимаетъ ли у него той смѣлости, которая необходима для свободныхъ созданій? Нѣтъ, отвѣчаемъ рѣшительно, потому что огромное, великое дарованіе всегда подписываетъ само себѣ такой строгій приговоръ, какого не подпишетъ никакой, самый угрюмый критикъ. Съ другой стороны поэтъ въ минуты творенія другой человѣкъ, и онъ столько же помнитъ тогда о справкахъ съ критикою, сколько о бумагѣ, на которую бросаетъ свою мысль, или о перѣ, о карандашѣ, которыми пишетъ? Но когда прошли эти святыя минуты самозабвенія, разсчетъ поэта съ самимъ собою конченъ. Онъ безжалостенъ къ самому себѣ. Извѣстно однако жъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, кто презиралъ критикою, кто менѣе всего могъ *бояться* ее, не могъ однако жъ безъ какого-то раздраженія *браться* за листочки рецензій. Тутъ совсѣмъ другое отношеніе. Самое великое дарованіе не того *ли* боится что выскажутъ собственное его мнѣніе объ его созданіи, скажутъ то, чего не смѣ-

Digitized by Google

етъ онъ сказать самому себѣ? Но критики никогда не достигнуть до такой степени. Потому Байронъ, нетерпѣливо пробѣгавшій всѣ статьи объ немъ англійскихъ Reviews, черезъ минуту бросалъ ихъ съ усмѣшкою, говоря: «Врутъ и ничего не понимаютъ!» Въ Шиллерѣ возбуждалось еще особенное чувство — прискорбія, и чѣмъ несправедливѣе была рецензія, тѣмъ болѣе, не оскорбляла, но печалила его: онъ страдалъ не за себя, но за глупость и безсовѣстность людскую...

Переходы отъ труда къ бездѣйствію, отъ надежды къ отчаянію, отъ міра идеаловъ къ міру существенному, истерзали Шиллера. Онъ перепуталъ, перемѣшалъ всѣ свои ученія, мнѣнія, планы, предпріятія—онъ начиналъ наконецъ терять даже свое внутреннее религіозное убѣжденіе. Бѣдствія революціи заставили его съ ужасомъ отвергнуть идеи, какія составлялъ онъ себѣ нѣкогда о благоденствіи людей при новомъ порядкѣ общественномъ. «Германскій поэтъ, говоритъ Барантъ, напитанный ученіемъ важнымъ и строгимъ, которое переходитъ далеко за время юности его, дѣлается потребностью и привычкою всей его остальной жизни, удаленный отъ развлеченій свѣта, преданный всѣмъ размышленіямъ, всѣмъ сомнѣніямъ умственнымъ, всѣмъ тревогамъ сердца, живетъ въ мірѣ доступномъ только тѣмъ, кто хоть иногда возносился размышленіемъ къ жизни созерцательной. Не поэтическія ли они, эти внутреннія скорби и радости, спокойствіе и тревога, возбуждаемыя въ насъ мыслью о судьбѣ человѣка, будущности, предоставленной ему, свободѣ его, колеблющейся между добромъ и зломъ, времени, мгновенно пролетающемъ, вѣчности, медленно приближающейся, и объ идеѣ, въ одно время необходимой и недостижимой, идеѣ Бога? Есть что-то трогательное и высокое въ характерѣ поэта, который со всѣми ощущеніями своими соединяетъ такія идеи и такіе образы, сливаетъ ихъ съ своею любовью, находитъ ихъ въ

Digitized by Google

глубинѣ души и въ окружающей его природѣ, не умѣетъ ни любить, ни удивляться безъ обращенія къ неисчерпаемому источнику всякаго удивленія и всякой любви. Мы во Франціи не знаемъ такой внутренней жизни, мы не понимаемъ людей, бытіе которыхъ протекаетъ въ тяжкихъ душевныхъ переходахъ, въ томленіи скептицизма, въ скорби при видѣ ослабляющихся, или вовсе исчезающихъ убѣжденій, и въ безпокойномъ старанія вновь пріобрѣсти ихъ. Исторія того или другаго нѣмецкаго писателя, жизнь котораго протекла однообразно, который спокойно прожилъ ее въ городкѣ своемъ и въ семьѣ своей, бываетъ иногда скорбною пѣпью, рядомъ бурь и битвъ внутреннихъ въ его нравственныхъ идеяхъ и въ его вѣрованіи. У насъ, послѣ нѣкотораго времени, умы укладываются въ порядокъ мнѣній, котораго держится, или который раздѣляетъ бо́льшее, или мѣньшее число людей образованныхъ. Чувствуютъ себя поддержанными въ своемъ убѣжденіи, утѣшенными въ сомнѣніяхъ, или развлеченными въ равнодушіи. Но не такъ бываетъ, когда люди живутъ среди уединеннаго созерцанія. Глубокіе вопросы овладѣваютъ всѣми способностями, потрясаютъ всю душу ихъ, и не даютъ имъ покою. «Сколько безсонныхъ ночей провелъ я, сколько слезъ пролилъ!» говорилъ человѣкъ, который далеко не былъ, ни столь страстнымъ, ни столь отвлеченнымъ, какъ Шиллеръ. Это говорилъ Виландъ, разсказывая о томъ времени жизни, когда невѣріе вольнодумцевъ поколебало мистическое направленіе души его».

Къ довершенію безпорядка въ душѣ Шиллера присоединилась несчастная любовь. Онъ влюбился въ жену друга своего, былъ любимъ взаимно, считалъ себя преступникомъ передъ дружбою, разрушителемъ священныхъ обязанностей супружества, нашелъ силы пожертвовать любовью долгу, но кровавыми слезами заплатилъ за жертву. Подъ именемъ Лауры, со всѣмъ

Digitized by Google

мистицизмомъ суевѣрной любви воспѣвалъ Шиллеръ свою идеальную Лауру, смѣшивая риторику школы съ восторгами поэзіи (Phantasie an Laura, Laura am Clavier, die Entzückung an Laura, das Geheimniss der Reminiscenz, Melancholie an Laura, der Triumph der Liebe; сюда можно причислить даже *Семелу*, драматическія сцены, гдѣ любовь Зевеса губитъ бѣдную любовницу его). «На крыльяхъ любви, восклицалъ Шиллеръ, будущее падаетъ въ объятія прошедшаго, и *время* преслѣдуетъ въ быстромъ полетѣ супругу свою—*вѣчность*! Я слышалъ голосъ оракула, говорившаго, что нѣкогда оно догонитъ ее, и когда время соединится съ вѣчностью, и загорѣвшейся міръ будетъ ихъ брачнымъ свѣтильникомъ, тогда, Лаура, прекраснѣе заляетъ заря для любви нашей, и продолжится во всю брачную ночь ихъ—Лаура, Лаура! радуйся!» Но самое замѣчательное стихотвореніе, въ которомъ осталась память несчастной любви его, было Resignation, предметъ восторга его современниковъ, одно изъ любимыхъ въ Германіи лирическихъ произведеній, которое тамъ всѣ знаютъ наизустъ. Оно такъ оригинально, такъ хорошо высказываетъ состояніе Шиллера, что мы передаемъ *содержаніе* его въ прозаическомъ переводѣ:

«И я также въ Аркадіи родился, и дадъ моею колыбелью также природа обѣщала радости—и я также въ Аркадіи родился, но мимолетная весна отдала мнѣ только слезы.

«Однажды цвѣтетъ, и не возвращается май жизни; онъ для меня отцвѣлъ. Богъ молчанія—плачьте, братья—Богъ молчанія обращаетъ къ землѣ факелъ свой — и огонь его погасъ.

«Здѣсь стою я на мрачномъ прагѣ твоемъ, обильная страхомъ Вѣчность! Возьми расписку свою на счастье — я приношу ее нераспечатанную: я не зналъ счастья.

* * *

Digitized by Google

«Передъ тронъ твой несу мои сѣтованія, безвѣстная богиня! На землѣ есть утѣшительное преданіе, будто ты царствуешь здѣсь съ вѣсами правосудія, и награждаешь по достоинству.

«Здѣсь, говорятъ, страхъ ожидаетъ зло, и радости суждены добрымъ. Ты раскроешь покрывало сердца, изъяснишь мнѣ загадку судьбы, и зачтешь мнѣ мои страданія.

«Здѣсь найдутъ убѣжище изгнанники, здѣсь кончится терновый путь терпѣнія. Дочь боговъ, которую называли мнѣ *Истиною*, которой бо́льшее число убѣгаетъ, которую знаютъ немногіе, связала жизнь мою тяжкими узами.

«Я заплачу́ тебѣ въ другой жизни — отдай мнѣ твою юность. Ничего не могу я дать тебѣ, кромѣ такого обѣщанія». Я взялъ у нея обѣщаніе на другую жизнь, и отдалъ ей юношескія радости.

«Отдай мнѣ женщину, столь дорогую твоему сердцу, отдай мнѣ твою Лауру. Скорбь твою награжу я за гробомъ». Я вырвалъ ее изъ растерзаннаго, окровавленнаго сердца, рыдалъ и отдалъ ее.

«Требуй уплаты по распискѣ у Смерти!» насмѣшливо говорилъ мнѣ свѣтъ.—«Ложь, подкупленная самовластіемъ, выдала тебѣ привидѣніе за истину, и ты ничто, едва привидѣніе исчезнетъ.

«Ядовитая насмѣшка преслѣдовала меня. «Передъ предразсудкомъ, освященнымъ годами трепещешь ты? Что́ такое твои боги, если не хитрая и произвольная развязка міра, которую умъ человѣческій придумалъ *для* человѣка?

«Что́ называешь ты будущимъ, которое закрыто гробомъ, вѣчностью, о которой столько говорятъ? Пустынная, потому что закрыта, исполинская тѣнь нашего страху, отразившаяся въ зеркалѣ нашей тревожной совѣсти!

«Ложное изображеніе жизни, мумія времени, сохраненная бальзамировкой надежды въ могильномъ холодѣ.

«А надежда — разрушеніе обличаетъ ложь. И ты отдаешь за нее вѣрныя блага? Шесть тысячъ лѣтъ молчитъ смерть, и пришелъ ли кто изъ могилы увѣрить въ воздаяніи?»

«Я видѣлъ время улетающимъ на берега твои. Цвѣтущая природа осталась послѣ него обезображеннымъ трупомъ,

Digitized by Google

ни одинъ мертвецъ не приходилъ ко мнѣ изъ могилы, но —твердо вѣрилъ я священному обѣщанію.

«Всѣми радостями пожертвовалъ я, и теперь повергаюсь передъ твоимъ правосуднымъ престоломъ. Я презрѣлъ насмѣшки толпы, и только твои блага считалъ сокровищами. Ты, обѣщавшая воздаяніе! я требую награды!

«Равною любовью люблю я дѣтей монхъ,» говоритъ мнѣ мерцающій геній, «и два цвѣтка, внимайте, сыны земли, два цвѣтка есть для мудраго искателя — они называются: *Надежда* и *Наслажденіе*.

«У кого одинъ изъ нихъ, не требуй другаго. Наслаждайся, кто не можетъ вѣрить. Это ученіе вѣчно, какъ міръ. Жертвуй, кто можетъ вѣрить. Исторія міра есть судъ міра.

«Ты *надѣялся*, и ты получилъ плату: твоя *вѣра* была твоимъ счастіемъ. Спроси вашихъ мудрецовъ. Чего не заплатило мгновеніе, того не возвратитъ Вѣчность»

Въ этотъ тревожный періодъ жизни, Шиллеръ перепыталъ всѣ роды занятій, отъ лирической бездѣлки до обширной трагедіи; начиналъ романъ, принимался за драму, писалъ исторію, переводилъ Шекспира, брался за комедію, и все бросалъ неконченное, едва начатое. Послѣ долгаго размышленія надъ своими «Разбойниками,» которыхъ хотѣлъ онъ, то дополнить, то передѣлать, онъ оставилъ ихъ, какъ они были. «Они похожи на шалуна, у котораго добрыя качества зависятъ, можетъ-быть, отъ его шалостей, а исправляя его, мы только уничтожимъ въ немъ хорошее, не сдѣлавши его добрымъ», говорилъ Шиллеръ. Какъ легко могла тогда погибнуть пламенная, младенческая, всемъ увлекаемая душа поэта! Его спасло чувство, которое прежде доводило его до безумія—любовь. Чѣмъ пожертвовалъ Шиллеръ Лаурѣ, то возвратила ему Шарлотта, милое, доброе созданіе, съ любовью кроткою и нѣжною, съ душою, доступною всему прекрасному. Она увела его подъ тихій кровъ семейнаго счастія—онъ не пѣлъ ее въ стихахъ своихъ—

Digitized by Google

Счастливцы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе крикунъ!

Но онъ любилъ ее и былъ счастливъ. Зато изъ прежняго міра своего, кромѣ любви Шиллеръ вынесъ только одно—убѣжденіе въ святомъ чувствѣ неба. Остальное все было потеряно. Онъ разочаровался даже въ мечтѣ быть поэтомъ, убѣдился въ недоступности тайнъ неба, человѣка и природы, рѣшился быть только семьяниномъ и полезнымъ трудами своими членомъ общества. Онъ примирился съ людьми, какъ съ избалованными, несчастными дѣтьми—онъ научился прощать имъ, жалѣть объ нихъ. Его звали ко двору—онъ отказался, какъ отказался отъ двора Клопштокъ, мирно доживавшій вѣкъ съ своею Минною. Шиллеръ, супругъ и отецъ, профессоръ Іенскаго университета, издатель книгъ и альманаховъ, счастливый въ своемъ садикѣ послѣ лекцій, добрый бюргеръ за рюмкою рейнвейна. Не троньте его ни судьба, ни люди. Дозвольте ему довольствоваться тихимъ пріютомъ на землѣ, съ надеждою неба за могилою. Люди и оставили, даже почтили Шиллера. Судьба лелѣетъ его, но самъ себя оставитъ ли онъ въ покоѣ? Удовольствуется ли его бурная душа мнимымъ спокойствіемъ и забвеніемъ своего призванія? Отъ чего же странная жизнь его? Для чего тяжкая, безпрерывная работа его? Откуда и грусть о прежнемъ, тревожномъ состояніи своемъ, выражаемая въ унылыхъ звукахъ, какъ-будто онъ жалѣетъ объ немъ?

Изъ всѣхъ сочиненій Шиллера того времени самыя замѣчательныя, по отношенію къ поэту, создавшему ихъ, два. Одно изъ нихъ *Идеалы* (die Ideale.) Оно переведено Жуковскимъ въ прелестныхъ стихахъ, хотя въ нихъ несохранены рѣзкія черты подлинника, нѣтъ и его *образности*, такъ сказать, или пластики, о чемъ поговоримъ мы далѣе, прилагая здѣсь переводъ Жуковскаго, потому что при всѣхъ недостаткахъ онъ вполнѣ

Digitized by Google

сохраняетъ *мысль* подлинника, и можетъ служить намъ примѣромъ *для* сужденій обо всемъ, что переводилъ изъ Шиллера Жуковскій. Вотъ переводъ *Идеаловъ:*

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая! постой,
О дней моихъ весна златая,
Постой!.... Тебѣ возврату нѣтъ —
Летитъ, молитвѣ не внимая,
И все за ней помчалось вслѣдъ!

О, гдѣ ты, лучъ путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей (*)?
Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты —
Добыча истинѣ унылой
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ,
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И, мертвый, былъ одушевленъ,
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была,
И полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

(*) Здѣсь въ первомъ изданіи «Идеаловъ» были еще осемь стиховъ, которые потомъ исключилъ Шиллеръ, но они замѣчательны, особливо четыре послѣдніе:

Die schöne Frucht, die kaum zu keimen
Begann, da liegt sie schon erstarrt,
Mich weckt aus meinen frohen Träumen
Mit rauhem Arm die Gegenwart.

Die Wirklichkeit mit ihren Schranken
Umlagert den gebund'nen Geist,
Sie stürzt die Schöpfung der Gedanken,
Der Dichtung schoner Flor zerreisst.

Digitized by Google

И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ,
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣменн сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ!
Но, ахъ! сколь мало въ немъ развито,
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ! (*)

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ несвязанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было — исполненье!
Успѣхъ отвагу пламенилъ —

(*) Здѣсь въ первомъ изданіи слѣдовало живописное сравненіе стремленія поэта къ природѣ съ стремленіемъ водъ въ океанъ:

Wie aus des Berges stillen Quellen
Ein Strom die Urne langsam füllt,
Und jetzt mit königlichen Wellen
Die hohen Ufer überschwillt;
Es werfen Steine, Felsenlasten
Und Wälder sich in seine Bahn,
Er aber stürzt mit stolzen Masten
Sich rauschend in den Ocean!

So sprang, и прочее, какъ въ послѣдовавшихъ потомъ изданіяхъ. Всѣ такія измѣненія любопытны для умнаго наблюдателя.

Digitized by Google

Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастіе ключомъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Истина лучомъ.

Но, ахъ! еще съ полу-дороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги —
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой Счастіе сокрылось,
Измѣной Знаніе ушло,
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной Истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный Слѣпу похищалъ,
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало,
Окрестъ меня и предо мной,
Едва Надежды лишь сіяло,
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатай,
Участникъ радостей и бѣдъ?
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ!

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана

Digitized by Google

Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердцѣ возвышая,
Беречь въ немъ ясность и покой.

Другое стихотвореніе показываетъ взглядъ Шиллера въ то время на знаніе: это *Закрытый истуканъ въ Саисѣ* (das verschleierte Bild zu Sais). Поэтъ разсказываетъ извѣстную легенду о погибели дерзкаго, осмѣлившагося заглянуть подъ покрывало, которымъ закрытъ былъ истуканъ Изиды въ египетскомъ, Саискомъ храмѣ. Мы приводимъ русскій переводъ довольно вѣрный, хотя далеко не передающій мелодическихъ стиховъ подлинника:

Юноша, жаждой познаній влекомый, въ древній Египетъ,
Въ храмъ Саискій пришелъ, у жрецовъ изучаться желая
Тайнамъ премудрости. Много онъ степеней быстро и скоро
Пылкимъ умомъ пролетѣлъ, и всегда испытующимъ духомъ
Рвался впередъ: іерофанты едва за нимъ успѣвали.
Въ нетерпѣливомъ стремленьи — «что я знаю, скажите,
Если *всего* я не знаю?» Такъ восклицалъ въ нетерпѣньи.
«Или и въ мудрости также найду я немного и много?
Или и мудрость земная, какъ счастье неполно земное,
Есть собранье познаній, которымъ и больше и меньше
Можемъ мы обладать, и всегда къ обладанью стремиться?
Развѣ мудрость не есть единое вѣчнаго духа?
Звукъ одинъ уничтожь — и разрушишь гармонію звуковъ;
Цвѣтъ единый изъ радуги вынь — и все остальное
Хаосъ нестройный, если прекрасное *все* не дополнитъ
Вновь, полнотою небесной гармоніи, цвѣта и звука!»
Такъ говорилъ онъ съ жрецомъ, и въ храмъ отдаленный вступаетъ.
Тихо было въ храмѣ, и жадные юноши взоры
Вдругъ засверкали: предъ ними гигантскій, закрытъ покрываломъ,

Digitized by Google

Въ мракѣ стоитъ истуканъ. Въ изумленіи юноша пылкій.
Онъ вопрошаетъ вожатаго: «Что это? Что здѣсь закрыто?
— Истина — такъ іерофантъ отвѣчаетъ. «Что слышу? Что
внемлю?»
Юноша быстро воскликнулъ. «Истина! Къ ней я стремлюся —
Здѣсь предо мною она, и ее отъ меня закрываютъ!»
— Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно — жрецъ отвѣчаетъ.
Смертный никто, да не смѣетъ — изрекъ оракула голосъ —
Вскрыть покрывало, доколѣ я самъ его не открою.
Кто жъ святотатской, преступной рукою посмѣетъ, дотолѣ
Тайное, вскрыть покрывало, безумною волей ведомый,
Тотъ — «Окончи скорѣе!» — Увидитъ Истины образъ....
«Странный оракулъ! Но ты мнѣ повѣдай: ужели донынѣ,
Ты никогда не дерзнулъ поднять, открыть покрывало?»
— Я? никогда не дерзнулъ и помыслить, и смѣю ль помыслить....
«Буду смѣлѣе тебя, и могу ль удержаться: предъ мною
Истина съ легкой завѣсой». — Но вспомни прещеніе Бога —
Такъ возразилъ ему жрецъ — и помысли, о сынъ мой, помысли:
Если бременемъ легкимъ рукѣ твоей будетъ завѣса —
Тяжко на землю падетъ преступленье божественной воли!—

Полный думы тяжелой, юноша въ домъ возвратился.
Жажда палящая знанія сонъ похищаетъ спокойный.
Онъ на одрѣ не находитъ покоя, горитъ нетерпѣньемъ....
Въ часъ полуночи оставилъ онъ одръ свой. Къ храму влечется
Робкимъ и косвеннымъ шагомъ, невольно робѣя во мракѣ;
Безъ затрудненія онъ переходитъ ограді храма,
И — въ средину храма заноситъ дерзкую ногу.... Свершилось!
Вотъ онъ одинъ, посреди, окруженный мертвымъ молчаньемъ,

Digitized by Google

Въ сумракѣ храма; все тихо вокругъ, только въ сводахъ высокихъ
Шорохъ шаговъ его вторится въ звукахъ глухихъ и неясныхъ,
Храма безмолвіе онъ нарушаетъ, и тихнетъ мгновенно.
Сверху сводовъ, въ окно, свѣтитъ мѣсяцъ туманный, неясно,
Блѣднымъ лучомъ серебрится помостъ обширнаго храма—
Ужасъ вселяя, какъ богъ преступленія мститель, во мракѣ,
Длиннымъ закрытъ покрываломъ, стоитъ истуканъ исполинскій.
Робкой стопой подошелъ къ нему юноша тихо—онъ хочетъ
Дерзкой рукой вопросить неиспытнаго страшную тайну;
Холодъ и жаръ протекли по костямъ его—будто безвѣстной
Онъ отодвинутъ десницей—и съ трепетомъ вспять отступаетъ!
«Что ты дерзаешь? Куда, несчастный безумецъ?» Такъ громко
Тайный въ душѣ его голосъ ему вопіетъ—«не трепещешь
Ты испытать непостижную тайну? Но вспомни глаголы—
Рекъ ихъ оракулъ священный: смертный никто, да не смѣетъ
Вскрыть покрывала, пока я самъ покрывала не вскрою!
Но не тотъ ли оракулъ прибавилъ глаголъ вдохновенный:
Если осмѣлится смертный—онъ Истину узритъ? Довольно—
О, что ни будетъ за сею завѣсой — я вскрою, увижу!»
Громкимъ воскликнулъ онъ голосомъ: «*Видѣть* хочу я!» И—
...«*Видѣть*!
Глухо отгрянуло въ сводахъ, и долго гулъ не утихнулъ....
Рекъ, приблизился смѣло, и—вскрылъ покрывало завѣта....
Что онъ увидѣлъ? вы спросите. — Что онъ нашелъ? — Я не знаю.
Слабый, безъ чувствъ, онъ найденъ былъ жрецами заутра во храмѣ,

Digitized by Google

Близъ истукана Изиды, повергнутъ во прахъ на помостѣ.
Что онъ видѣлъ? Что онъ нашелъ? Никому не повѣдалъ
Косный языкъ его. Онъ навсегда погубилъ свою младость:
Мрачный, погасшій, онъ скорбью увлекся къ раннему гробу.
«Горе,» такъ онъ изрекъ въ минуту кончины правдиво,
«Горе тому, кто мудрость купилъ преступленьемъ закона:
Онъ не радостной — страшной, погибельной тайной владѣетъ....»

Но дерзкій ученикъ египетскихъ іерофантовъ купилъ познаніе истины цѣною преступленія. Тотъ не погибнетъ, кто ищетъ ее трудомъ, наукою, вѣрою во все прекрасное, доброе, великое. Онъ, можетъ-быть, заплатитъ за нее жизнью, но зато умретъ съ сознаніемъ, что исполнилъ *призваніе* свое, съ надеждой тамъ, гдѣ отчаяніе терзаетъ счастливца міра. Такъ сбылось съ Шиллеромъ.

Съ переселеніемъ его въ Іену начался третій періодъ жизни его, время самое счастливое. Услаждаемый любовью, онъ былъ утѣшенъ всеобщимъ уваженіемъ. Онъ увидѣлъ и узналъ любовь, дружбу и славу. Надобно было судьбѣ соединить окрестъ него столько счастливыхъ обстоятельствъ: милую жену, добрыхъ друзей, тихое довольство, людей высокаго образованія, страстныхъ просвѣщенія и образованности, и даже дворъ, напоминавшій что-то патріархальное, добродушно-германское, гдѣ новая драма была государственнымъ событіемъ, новое произведеніе искусства дѣломъ всѣхъ занимавшимъ. Не роскошествуя на собраніе мертвыхъ драгоцѣнностей, какъ дѣлали въ Дрезденѣ, не покупая античныхъ обломковъ, какъ въ Мюнхенѣ, герцогиня Амалія, и добродѣтельный, просвѣщенный сынъ ея, герцогъ Карлъ Августъ, искали живой бесѣды мудрыхъ, собирали около себя поэтовъ, любили германскихъ музъ, и покровительствовали имъ не тѣмъ

Digitized by Google

только, что давали имъ пенсіи и награды. Дворскій этикетъ былъ забытъ; любимые собесѣдники герцога Веймарскаго и матери его были ученые и литераторы, когда Гёте былъ министромъ ихъ, Виландъ воспитателемъ дѣтей герцога, Гердеръ придворнымъ проповѣдникомъ.

Мы говорили объ обществѣ, въ которомъ жилъ Шиллеръ, о занятіяхъ и образѣ жизни его въ Іенѣ. Здѣсь обратимъ вниманіе только на тѣ отношенія, какія имѣли на него сильнѣйшее вліяніе съ 1789 по 1799 годъ, когда онъ переселился въ Веймаръ, и которыя *выработали*, такъ сказать, изъ него то, чѣмъ является онъ при концѣ земнаго поприща.

Конечно, первымъ должно поставить вліяніе Кантовой философіи на Шиллера, потому что трудно себѣ вообразить важность переворота, произведеннаго на умы Германцевъ и отразившагося на всю Европу отъ новыхъ, живительныхъ идей кёнигсбергскаго мудреца. Что же должна была чувствовать впечатлительная душа Шиллера? Мы не будемъ здѣсь стоять ни за нѣмецкую философію, ни за философію вообще, тѣмъ болѣе, что Кантова философія была только критикою философическихъ идей. Мы сравнимъ только занятіе философіею съ наслажденіями купанья въ морѣ и укажемъ на поэзію самаго подвига Кантова, которая увлекла Шиллера въ неизвѣстный ему міръ. Она не рѣшила ему сомнѣній религіозныхъ, не опредѣлила его направленія художническаго, но она раздвинула объемъ идей его, убѣдила въ нелѣпости скептицизма, показала благородное направленіе ума человѣческаго въ трудѣ, которымъ долженъ онъ купить познаніе, покорить нау-

Digitized by Google

ку. Она возвысила передъ Шиллеромъ нравственное достоинство человѣка, убѣждая его силою ума въ небесномъ происхожденіи его, не доказывая этой высокой истины отверженіемъ перваго и единственнаго отличія человѣка отъ животныхъ, ума, не связывая воли его безусловнымъ повиновеніемъ угрюмому догмату, прежде всякаго изслѣдованія.

Но то, чего могъ лишить поэта философъ Кантъ, съ избыткомъ вознаграждалъ ему, нѣкогда ученикъ, тогда противникъ Канта—явленіе высокое и утѣшительное въ мірѣ мысленія, отрадное въ мірѣ поэзіи: мы говоримъ о *Гердерѣ*. Зная имя его, въ Россіи весьма мало знаютъ его многочисленныя, разнообразныя творенія. Уступая въ силѣ мысли Канту, служитель религіи, онъ шелъ въ философіи изъ противоположной точки зрѣнія, радужными цвѣтами поэзіи облекалъ уроки исторіи, и тамъ, гдѣ неумолимый Кантъ обращался къ силлогизму ума, онъ извлекалъ доказательства изъ вѣры сердца, можетъ-быть еще болѣе убѣдительной, нежели доказательства логики, если она освѣщена свѣтомъ ума. Необъятная ученость философа Канта замѣнялась у Гердера энциклопедическимъ образованіемъ поэта, и приводя къ единству идеи историческія, такъ же къ единству приводилъ онъ безчисленные звуки, которыми отозвалась въ мірѣ поэзія. Гердеръ знакомилъ Германію съ Шекспиромъ и Кальдерономъ, съ востокомъ и сѣверомъ. Какъ человѣкъ, въ противоположность Канту, уединенному, суровому, справедливому, Гердеръ былъ весь любовь, весь чувство.

Къ Канту и Гердеру присоединился еще одинъ че-

Digitized by Google

ловѣкъ необыкновенный, мистикъ въ сердцѣ, эпикуре
ецъ въ твореніяхъ, стоикъ въ жизни, роскошный лю
бимецъ граціи, германецъ душою и житель Аѳинъ п
образованію, сохранившій до глубокой старости безза
ботную веселость младенца — *Виландъ*, бывшій двад
цатью пятью годами старше, и осьмью годами пере
жившій Шиллера. Его остроумная насмѣшливость, ег
страсть къ міру древнихъ, его критическое наблюде
ніе увлекали Шиллера въ поэтическую область искус
ства древнихъ, знакомили съ изученіемъ пластическа
го взгляда ихъ на природу. Если Кантъ указывалъ
поэту на безконечную область вѣдѣнія, Гердеръ напол
нялъ ее идеями, Виландъ уводилъ Шиллера къ юно
сти человѣчества.

Обращаемся наконецъ къ тому, кто болѣе всѣхъ дру
гихъ споспѣшествовалъ перевоспитанію Шиллера—то
былъ *Гёте*.

Не мѣсто здѣсь изображать исполинской образъ че
ловѣка, втеченіи шестидесяти лѣтъ пережившаго и
перечувствовавшаго всѣ идеи, всѣ впечатлѣнія своего
времени. Не замѣчательно ли, что если Гёте не понра
вился Шиллеру при первомъ свиданіи, Шиллеръ так
же не понравился Гёте, считавшему его безразсуднымъ
мечтателемъ? Уже въ бытность Шиллера въ Іенѣ, не
чаянный разговоръ послѣ засѣданія ученаго общества
сблизилъ ихъ. Съ-тѣхъ-поръ дружба ихъ продолжа
лась до кончины Шиллера, и едва-ли Шиллеръ не
былъ единственнымъ исключеніемъ, для котораго Гё
те нарушилъ недоступность сердца, и безстрастіе, въ
чемъ полагалъ онъ высшую степень силы человѣче
ской. Гёте съ восторгомъ смотрѣлъ на Шиллера, какъ

Digitized by Google

на истинный идеалъ поэта, изучалъ въ немъ святое чувство поэзіи, и самъ оживалъ новою жизнью въ бесѣдѣ съ нимъ. Въ 1794 году писалъ онъ Шиллеру: «Всегда удивлялся я той прямодушной и столь рѣдкой добросовѣстности, которая видна во всемъ, что вы пишете и дѣлаете, и отъ васъ самихъ хочу я узнать переходы вашего духа, особенно въ послѣдніе годы». Черезъ четыре года потомъ Гёте говорилъ Шиллеру: «Если я былъ для васъ представителемъ внѣшняго, вы отвлекли меня отъ внѣшняго къ внутреннему изученію самого себя — вы создали мнѣ вторую юность — снова сдѣлали меня поэтомъ». Все, что писалъ Гёте, посылалъ онъ Шиллеру, руководствовался его совѣтами, сообщалъ ему свои планы, идеи, мысли, чувства, сочинялъ съ нимъ вмѣстѣ, и вдохновеній сердца его слушался болѣе рѣшеній собственнаго ума. Но зато онъ показалъ Шиллеру дѣтское мелочничество современнаго искусства, научилъ его презирать то, что «всѣ хвалятъ, кромѣ самого художника», научилъ его «не жалѣть о томъ, чего у насъ нѣтъ, и цѣнить то, что мы имѣемъ», дорожить мыслью, и предоставлять все остальное случаю и времени. Гёте открылъ Шиллеру великую тайну простоты творенія при самопознаніи, и тайну самобытности духа среди внѣшнихъ впечатлѣній. Онъ показалъ ему сущность изящнаго, видимую въ твореніяхъ древнихъ, чего не могли объяснить ни Виландъ, ни эстетики.

И среди столь различныхъ элементовъ изученія, при неусыпномъ трудѣ, созрѣлъ геній Шиллера.

Тихою грустью сердца сдѣлались его прежніе порывы скорби, мирнымъ весельемъ души стали его необузданные восторги. Онъ нашелъ миръ между идеалами

и существенностью въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни, хотя иногда прорывалась невольная жалоба изъ его болящей груди. Вотъ замѣчательное стихотвореніе, которымъ встрѣтилъ онъ *новый*, столь много обѣщавшій, столь мало исполнившій, *девятнадцатый* вѣкъ:

«Благородный другъ! гдѣ найдутъ себѣ убѣжище миръ и свобода? Въ буряхъ кончился вѣкъ протекшій, и смертью являетъ себя новый вѣкъ

Разорваны связи между народами, сокрушились прежнія формы, и бѣшенства войны не смирили ни Океанъ, ни богъ Нила, ни древній Рейнъ.

Два могучіе народа спорятъ о владычествѣ надъ міромъ, и двигаютъ молніями и трезубцемъ, уничтожая свободу всѣхъ другихъ народовъ.

Всѣ должны нести имъ золото, и какъ древле Бренъ, Франкъ кладетъ булатный мечъ свой на вѣсы справедливости.

Торговые флоты свои простираетъ повсюду Британецъ, какъ многорукій полипъ, и область свободной Аонитриды хочетъ замкнуть, какъ замкнулъ свое царство.

До безвѣстныхъ звѣздъ южнаго полюса простираетъ онъ набѣгъ, захватываетъ острова и прибрежья, и — нигдѣ не находитъ рая.

Ахъ! тщетно на картѣ земли будешь ты искать счастливой страны, гдѣ были бы вѣчно зеленѣющіе сады радости и продолжалась прекрасная юность человѣчества.

Безконечно разстилается передъ тобою міръ, и едва можетъ самое мореплаваніе измѣрять его, но на его неизмѣримой поверхности нѣтъ мѣста и десяти счастливымъ.

Въ святое уединеніе сердца долженъ ты бѣжать отъ волненій міра! Радость осталась только въ области мечтаній, а прекрасное цвѣтетъ только въ пѣснопѣніяхъ!»

Руководимый Гёте, Шиллеръ перенесъ многостороннюю дѣятельность науки въ единство труда, и всеобъемлемость духа въ созданія поэтическія. Но въ идеалахъ искалъ онъ теперь жизни, но научился въ

Digitized by Google

сферах жизни открывать идеалы, и возводивать могучею фантазіею поэта живые образы ея. *Валленштейнъ* былъ плодомъ мысли, возведенной въ художественное твореніе. *Марія Стуартъ*, *Орлеанская Дѣва*, *Мессинская Невѣста* были твореніемъ генія, сознавшаго себя и жизнь. *Вильгельмъ Телль* явился послѣднимъ выраженіемъ плодотворной мысли поэта, который понялъ тогда Шекспира. Такимъ долженствовалъ быть и его *Лжедимитрій Самозванецъ*, котораго хотѣлъ докончать Гёте по смерти друга своего.

Гёте не присутствовалъ при смертномъ одрѣ Шиллера. Онъ самъ былъ тогда боленъ, и отъ него скрывали опасность и смерть Шиллера, котораго встрѣтилъ онъ за нѣсколько дней, выйдя подышать свѣжимъ воздухомъ весны. Шиллеръ, уже больной, шелъ въ театръ. «Я потерялъ друга», писалъ Гёте черезъ мѣсяцъ по смерти Шиллера, «и въ немъ потерялъ половину моего бытія. Мнѣ надобно бы теперь начать новый образъ жизни, но въ мои годы это невозможно. Смотрю на грядущіе дни не думая о себѣ, дѣлаю что ближе ко мнѣ, и ничего не предполагаю для завтра... Мнѣ предлагаютъ торжествовать память умершаго театральнымъ праздникомъ—люди изъ всякой потери и всякаго несчастія дѣлаютъ себѣ забаву (einen Spass herauszubilden suchen)»...

Заключимъ указаніемъ на одно изъ послѣднихъ стихотвореній Шиллера—«*Прощаніе съ читателемъ*», которое начинаетъ онъ словами: «Умолкла муза, и съ дѣвственною стыдливостью ждетъ приговора, который чтитъ она, но котораго не боится. Она чувствуетъ себя достойною вѣнка изъ рукъ того, въ чьей груди бьется сердце для изящнаго».

«Не долго хотятъ жить мои пѣсни, говорилъ унылый поэтъ» не долго—пусть только порадуется ими чувствующее сердце, которое окружатъ они созданіями фантазіи и побудятъ къ высокимъ сочув-

Digitized by Google

ствiямъ. Не хотятъ они устремляться къ отдаленному потомству. Мгновенно рожденныя, онѣ улетаютъ съ полетомъ времени, окруженныя легкимъ хороводомъ часовъ!

«Пробудилась весна, и на согрѣтыхъ солнцемъ лугахъ возбуждена свѣжая жизнь; жадно пьетъ ее прозябеніе, и подъ небесами раздаются веселые хоры пѣвцовъ; старецъ и юноша спѣшатъ наслаждаться вѣяньемъ весны и веселить слухъ и взоръ».

Der Lenz entflieht! Die Blume schiesst in Samen,
Und keine bleibt von allen, welche kamen....

«Пролетѣла весна; *цвѣты* превратились въ *сѣмена*, и *никто не остается изъ тѣхъ, которые приходили.*

Какія *сѣмена* принесла человѣчеству весна поэтической жизни Шиллера? Что осталось отъ него въ сокровищницѣ поэзіи? Переходимъ къ его твореніямъ. Поэта мы теперь знаемъ.

Digitized by Google

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФЕВРАЛЬ, 1844.

НОВЫЯ КНИГИ.

ЭХО БЕРЕГОВЪ СОСНЫ. *Стихотворенія* И. Суслова. *Москва, 1844, въ тип. университетской. Двѣ части, стр. 149—158.*

Шумитъ Сосна широкая, и съ живописныхъ береговъ ея несутся къ намъ разныя *эхи*. Ахъ! какихъ тамъ нѣтъ *эхъ*! Есть *эхи* сердитые, *эхи* нѣжные, *эхи* печальные, *эхи* радостные. Одно эхо говоритъ прозою, что, авторъ живетъ въ деревнѣ, «на берегу Сосны, которая протекаетъ въ орловской губерніи и, на границѣ елецкаго уѣзда, впадаетъ въ рѣку Донъ». А другое эхо отвѣчаетъ тому эху акростихомъ: — А у нашего автора есть жена *Грушенька*!.... Третье эхо вѣщаетъ, что у нихъ есть дочь *Машенька*. Изъ четвертаго раздается интересное извѣстіе, что брата ихъ зовутъ *Орестомъ любезнымъ*. По свидѣтельству прочихъ *эхъ*, авторъ воспитывался въ Дворянскомъ Полку, попалъ въ 1812 году въ Лобановское ополченье, дошелъ до Дрездена, потомъ квартировалъ въ Клину, былъ въ

Digitized by Google

области Ирана, за Балканами «зарубилъ *сто зампоковъ на челахъ сыновъ Ислама*», и теперь пишетъ стихи-эхи. Вотъ, примѣрно сказать, эхо, которымъ берега Сосны оглашаетъ ракъ. Авторъ, въ дѣтствѣ, пошелъ купаться и ракъ имѣлъ несчастіе укусить его. Ракъ былъ въ отчаяніи, но авторъ не внялъ его слезамъ, — раздавилъ дерзкаго черепокожнаго:

«Я думалъ — прекрасно
Такъ раку отмстить,
Анъ лучше бы было
Его мнѣ простить.
Вѣдь раки не люди,
Не знаютъ того,
Что могутъ кого-нибудь
Поранить кого.
Природа дала имъ
Инстинктъ, а не умъ,
У нихъ нѣтъ разсудка,
Нѣтъ ясныхъ тѣхъ думъ,
Которыми въ свѣтѣ
Свой радуетъ взоръ,
Вѣнецъ всѣхъ твореній,
Съ душой человѣкъ.
Все это постигъ я
Ужъ поздно умомъ,
И вотъ какъ сперва мнѣ
Вступило о томъ:
Когда отъ сосѣдей
Узнала *маманъ*,
Какой я для рака
Былъ лютый тиранъ,
Велѣла Егоркѣ
Березовый прутикъ....
Мнѣ цѣлыя сутки
Нельзя было сѣсть.»

Прямо отсюда проистекаетъ нравоученіе:

«Вотъ такъ-то....
Попалъ я въ просакъ,
И *вѣчно осталъ*
Мнѣ памятенъ ракъ.
Но польза и въ этомъ,
Безспорно, видна:
И съ малыхъ созданій
Есть умъ вынести....»

Digitized by Google

Бытя?.... Быть не можетъ! Это, вѣроятно, ошибается: смыслу не выходитъ. Вѣрно, *битя*, а не *бытя*,—потому что —

«Хотя бы березокъ
Егоръ не привесъ,
Читать этой сказки
Тебѣ бъ не пришлось.»

Послѣ этого происшествія, благодаря искусной операціи Егорки, взбитая березками поэзія начала быстро подниматься въ голову автора, и лишь-только онъ былъ въ состояніи *сѣсть*, — что, какъ извѣстно, случилось уже по истеченіи сутокъ, — стихи полились изъ него рѣкою, шире Сосны, плавнѣе Дона:

«Ночь апрѣльская зефирная
Осіяла горній сводъ,
Надъ высокими холмами
Блещетъ мѣсяца восходъ.
Спятъ и рощи, и долины,
Тихи селы и поля,
Только *льдится сквозь скрыны*
Запрудненная струя,
И какъ-будто кто порою,
Скрытъ воздушной пеленою,
Говоритъ вблизи меня....

.....

Кустъ шатнулся *девясила*,
Молодой потрясся *дубъ*:
Подхожу узнать, *что было?*
Конный ежъ свернулся въ клубъ!
Слышу, горлица воркуетъ:
Кто *сравнѣлъ* ее съ *голубкой*!
О *дружкѣ* ль она тоскуетъ,
Про любовь ли съ нимъ поетъ?
Вижу, вижу тутъ впилися
Двѣ пчелы въ листокъ цвѣтка.
Тамъ на воздухъ понеслися
Два прекрасныхъ мотылька.
Въ тинѣ *бросивъ* черепъ *лапкой*,
И почуя клена вѣтвь,
Тихо выползла улитка
Поглядѣть на Божій свѣтъ.
Вотъ надъ зыбкою долиной
Вьется мошекъ чудный строй.
Вотъ комаръ, *соперникъ львиной*,

Водить танцы съ стрекозой:
Прочь, крылатый волокита,
Иль не слышишь ты, хитрецъ,
Что къ бѣлянкѣ, гдѣ ракита,
Стрекозу зоветъ самецъ!
Не тебѣ чета уборомъ,
Весь блистаетъ, какъ лазурь,
Изъ тебя онъ *выбьетъ скоро*
Соблазнительную дурь!
Заигралася плутовка,
Къ ней летитъ ревнивый *другъ*,
И *чирокнувши* съ *улевкой*
На врага пустился *вдругъ*;
И соперникъ льва задорный,
Въ этой битвѣ—стыдъ и срамъ! —
Обезкрыленный, пол-мертвый,
Палъ въ добычу муравьямъ....»

И такъ далѣе, до безконечности. Такова, на берегахъ Сосны, *природа*, вообще. А вотъ какова тамъ *дѣва*, въ особенности:

«Сапфиръ блеснулъ въ ея очахъ
Лучемъ чувствительности пылкой,
Сіяли розы на щекахъ,
Уста *цвѣтомъ* улыбкой.
Младые локоны *ея*
Вились *эѳирными струями*,
И арфа *пѣла* у *нея*
Подъ легкими перстами!»

Но не должно думать, чтобы на берегахъ Сосны все было такъ пасторально, такъ нѣжно, такъ сапфирно. Когда Сосна въ дурномъ расположеніи духа, то *ахи* береговъ ея раздаются прегорькими эпиграммами.

—

«Въ Москвѣ твой купленъ модный токъ,
Жеманна Степанида,
Но ты и въ немъ—о жалкій рокъ! —
Какъ дѣва Эвменида!»

—

«Астахъ, ловецъ нашъ удалой,
Далъ нынѣ грубую промашку:

Digitized by Google

Травилъ онъ волка за горой,
А затравилъ.... дворяшку!»

—

На берегахъ Сосны—кто бы подумалъ, судя по ея остроумнымъ *эхамъ*!—водятся даже плохіе стихотворцы.

ЭПИГРАММА.

«Лукавому нашъ Ринонъ вдался,
Знать за отцовскіе грѣхи:
Сперва *съ ума сойти сбирался*,
А тамъ *принялся.... за стихи!*»

Но авторъ *эхъ* уже схоронилъ его своею «эпитафіей»:

Умолкни, звукъ печальныхъ лиръ!
Разсыпься, громкихъ римъ создатель!
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ
Плохой поэтъ, дурной писатель.»

БАГИРЪ-ХАНЪ. *Татарское преданіе. Сочиненіе* М. Горева. *Вильно, въ тип. Гликсберга, 1842., стр. 36.*

«Тамъ, гдѣ съ шумомъ о скалы
Море бьетъ волнами,
И Кавказъ средь тонкой мглы
Дремлетъ подъ снѣгами;
Налъ лиманомъ, на брегахъ,
Съ крѣпкою стѣною,
Съ минаретами въ дворахъ,
Съ грубой пестротою,
Станъ бакинскій оживлялъ
Глушь природы дикой.
И на воды *выглядалъ*
Пальмами открытый....»

Тамъ жилъ *Багиръ Крутой*, и вздумалъ свататься на красавицѣ, которую любилъ сынъ его.

«Сынъ не вѣдалъ, что отецъ
Любитъ съ нимъ *одну*,
И съ ней *свадебный вѣнецъ*
Вилъ себѣ въ *кручину*.»

Digitized by Google

Пока сынъ вилъ свадебный вѣнецъ, *Багиръ Крутой* велѣлъ заковать его въ цѣпи и привезти къ себѣ невѣсту.

«Вотъ прошелъ недѣли кругъ
Время катится,
Сына полныхъ слезъ ждутъ,
Сердце потрясаетъ.»

Невѣсту привезли, но она рѣшительно не хочетъ быть женой *Багира Крутаго*. *Багиръ Крутой* сердится, —

«Предлагаетъ мерзкаго
Брата въ ея серали,
Нето—страшное вдовство
Или ее кинжалъ!

Между-тѣмъ отецъ невѣсты, узнавъ злость *Багира Крутаго*, собирается воиновъ, идетъ освободить сына, отдать ему дочь....

«Вдругъ, *откуда* ни возьмись
Хлынулъ рой *разбойный*,
Крики страшны раздались,
Бой вскипѣлъ *народный*.
«Нападаютъ на дворецъ
Воиновъ тма *дикихъ*,
И Зельмирынъ *тамъ* отецъ
Средь знаменъ *разцетыхъ*.
Осаждаютъ горцы валъ,
Въ двери, въ окна *лѣзутъ*,
И пробившись *чрезъ подвалъ*,
Слугъ Багира *рѣжутъ*.

Но они *взяли* поздно, потому что *дѣва* не дождалась ихъ, прыгнула съ горы, и —

«Алкоранъ одинъ лежалъ,
Свѣчка потушилась,
Дѣва съ бѣдная со скалы
Въ море утопилась.
Башня на холму стоитъ,
Памятникъ *прибрежный*,
Ханскій трупъ подъ ней лежитъ,
Мести пораженный.
А Кавказъ подъ сѣдиной

Digitized by Google

Изъ-за тучъ взираетъ,
Море какъ шумитъ волной,
Плещетъ и стонетъ.....

и перечь вдамъ береговъ Вилія. Но, нѣтъ, еще не конецъ: слѣдуетъ «Эпилогъ» о томъ, какъ —

«Счелъ годы и вѣка,
Битвы и раздоры,
Унесла временъ рѣка
Страшные позоры,
Свѣтъ оставилъ ее на потѣ,
Взрытый грабежами.....»

и о прочемъ. Входить въ подробности этого эпилога не предстоитъ ни какой надобности. Эпилогъ не уступаетъ въ достоинствахъ поэмѣ.

отшельникъ. *Романъ XIX вѣка. Москва, въ тип. Степанова, 1843, въ 12. Двѣ части, стр. 74—94.*

Авторъ этого *романа девятнадцатаго вѣка* — тоже человѣкъ военный. Генералъ Б*** однажды призвалъ его къ себѣ, далъ наказъ и велѣлъ поскорѣе отвезти въ городъ В***, къ тамошнему губернскому предводителю дворянства. «Сбо«ры военнаго не долги: чемоданъ, пистоль, двѣ подушки, «трубка и кисетъ, и дѣло въ шляпѣ!» И вотъ авторъ съ *чемоданомъ, пистолью, двумя подушками, трубкою, кисетомъ и дѣломъ въ шляпѣ*, ѣдетъ, пріѣзжаетъ въ деревню Ч***, велитъ поставить самоваръ, раскуриваетъ трубку, садится подъ окномъ, и размышляетъ: «О! какимъ *удивленіемъ* должны *быть объяты разумы человѣческіи* при взглядѣ на вселенную!...» Напившись чаю, онъ ѣдетъ: слышитъ звонъ колокола, видитъ монастырь, и опять размышляетъ.... До того размышляетъ, что, вмѣсто поѣздки въ городъ В***, куда его послали за спотребнымъ дѣломъ, онъ своротилъ въ монастырь и живетъ тамъ два дня. — Зачѣмъ? — Во-первыхъ, онъ «упалъ на колѣни и заплакалъ». Во-вторыхъ, увидѣлъ онъ Отшельника. «Представьте себѣ *бѣлое съ желтою лица, въ морщинахъ, исхудалое, сѣдую бороду*»,... и

Digitized by Google

авторъ «рѣшился, *во что бы то ни стало*, узнать короче» человѣка, у котораго *блѣдное съ желтью лицо*. Отшельникъ пошелъ къ могилѣ. Авторъ за нимъ. Отшельникъ — на колѣни и начинаетъ плакать. Авторъ тоже на колѣни и давай плакать съ нимъ дуэтъ, въ концѣ котораго, утирая слезы, открылъ онъ такой разговоръ: «Простите, что нарушаю ваше *спокойствіе*.» — Ничего! отвѣчалъ Отшельни: вы кто? — Такой-то. — А вы? — Я Отшельникъ. — Слово за словомъ, Отшельникъ началъ бранить себя, да такъ, что ужъ авторъ за него вступился. Отшельникъ вышелъ изъ себя. «Помилуйте! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ: «помилуйте, да если бы вы знали какой я мерзавецъ!... вы, ужаснувшись, убѣжали бы отъ меня!... Пойдемте, я *сообщу вамъ свою тайну*». И вотъ авторъ и отшельникъ *съ блѣдными съ желтью лицомъ* пошли, и послѣдній *сообщилъ* предпослѣднему нижеслѣдующую *жизнь:*

Послѣдній былъ сынъ купца третьей гильдіи, Григорья Дмитріевича Ядрова, который «понялъ вполнѣ землю и «человѣчество, и готовился вступить въ вѣчность». Мать была «женщина съ общими женскими слабостями: люби— «ла пересудить кого-нибудь, и тому подобное». Отшельникъ учился грамотѣ у дьякона, и опредѣлился въ лавку отцовскую. Старшій братъ его просился въ военную службу. «Родители, не видя въ немъ способности къ торгов- «лѣ, опредѣлили его *на славное поприще*». Въ 1800 году поступилъ онъ унтеръ-офицеромъ, и въ 1801 году пожалованъ прапорщикомъ. Не таковъ былъ Отшельникъ. Едва отецъ далъ ему волю, онъ поѣхалъ въ Нескучное, познакомился съ Карломъ Ивановичемъ Брокомъ..... влюбился въ его младшую сестру, написалъ къ ней письмо, и послалъ съ служанкою. Письмо было такое:

«Не почитайте меня безумнымъ, сударыня, когда прочтете это письмо. Любовь заставила написать его. Очарованный вами, я долго таилъ въ душѣ чувство любви, хотѣлъ забыть васъ, но напрасно. Во снѣ и на яву я думаю объ васъ. Ваши взоры преслѣдуютъ меня, и страдаю. Если вы человѣколюбивы, если не хотите моей смерти, не откажите мнѣ въ вашей любви. Въ противномъ случаѣ горесть сведетъ меня въ могилу».

Слѣдствіемъ письма было свиданіе, и Отшельникъ подарилъ мамзель Броцъ на платье пять сотъ рублей. Здѣсь

Digitized by Google

начинаются ужасы. «Довольный тѣмъ, что *побѣдилъ сердце любви,*» разсказываетъ онъ, «я возмечталъ о себѣ слишкомъ много, и *сдѣлался кокеткою*, даже рѣшился подкрашивать лицо свое бѣлилами и румянами!» Служанка Карла Ивановича Броца открыла Отшельнику, что Карлъ Ивановичъ совсѣмъ не Карлъ Ивановичъ, а Нилъ Ивановичъ, что мадамъ Броцъ не мать ему, а *мамзели* Броцъ совсѣмъ не сестры, а такъ, что-то не слишкомъ хорошее. Отъ такого открытія Отшельникъ выгналъ горячку съ пятнами, сталъ играть въ карты, сдѣлался шулеромъ, «въ двадцать четыре года отъ разврата походилъ на сорокалѣтняго, и получилъ ревматизмъ». Дошло наконецъ дотого, что отецъ рѣшился Отшельника — исправить домашнимъ наказаніемъ, то есть, женить. Женили Отшельника на Вѣрѣ Ивановнѣ, дочери почтеннаго купца, Ивана Ѳедоровича, и супруги его, Надежды Ивановны, Филатовыхъ. «Они «приказали ей любить меня и быть мнѣ послушной. Она «исполняла въ точности ихъ приказаніе. Но, поправивъ «черезъ ея приданое мое состояніе, я забылъ о милой же«нѣ и опять пустился въ распутство. Что я былъ въ ея «объятіяхъ? Каменная статуя, *нечувствительное животное*, «змѣя, которую согрѣвали на сердцѣ, и которая ужа«вила того, кто любилъ ее. Распутства мои умножались....» Словомъ, Вѣра Ивановна съ горя умерла, пришелъ въ Россію Наполеонъ, брата отшельникова, офицера, убили и Отшельникъ пошелъ мстить за него Наполеону.

Что до-сихъ-поръ говорилъ Отшельникъ, могло быть правдою. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что онъ ѣздилъ въ Марьину Рощу, къ Цыганкамъ; но далѣе онъ выдумываетъ немилосердо. Онъ говоритъ, что съ перваго дня подружился съ Кутузовымъ и произведенъ имъ въ прапорщики; что подъ Бородинымъ начальникъ его, капитанъ Самойловъ, убилъ болѣе пятидесяти Французовъ, а онъ Отшельникъ убилъ десять; что всего убито Французовъ *шестьдесятъ тысячъ*, и Наполеонъ съ остальными *бѣжалъ*. Потомъ Отшельникъ видѣлъ какъ умеръ Броцъ, въ страшныхъ терзаніяхъ совѣсти. Затѣмъ начали морить Наполеона въ Москвѣ. Иловайскій погналъ его изъ Москвы, а Отшельникъ гналъ до Бріенна, гдѣ у Наполеона убили 21,130 человѣкъ, по-

Digitized by Google

слѣ чего взяли Парижъ. Отшельникъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и поѣхалъ въ Москву.

Тутъ авторъ и Отшельникъ пошли домой, поужинали, и Отшельникъ продолжалъ разсказъ о томъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Москву, не засталъ въ живыхъ ни отца ни матери, напился чаю у дяди своего, Андрея Игнатьевича Сурмина, на Рождественкѣ, и опредѣлился въ Отшельники.

Авторъ сдѣлалъ Отшельнику послѣ того допросъ: — «Почему онъ поселился въ этомъ монастырѣ?» — Тутъ погребенъ мой братъ. — «Кто поставилъ надъ его могилою памятникъ?» — Я. — «Давно ли вы здѣсь?» — Пять лѣтъ. — «Не хотите ли опять въ міръ?» — Нѣтъ! и я то довольно натерпѣлся. — «Хорошо ли вамъ здѣсь?» — Нѣтъ, меня почитаютъ сумасшедшимъ.

Потомъ авторъ съ Отшельникомъ уснули, и на другой день авторъ уѣхалъ. На разсвѣтѣ другаго дня пріѣхалъ онъ въ В***, и отдалъ пакетъ предводителю. Тотъ отвѣчалъ: «Исполню непремѣнно». Авторъ напился чаю, и тотчасъ уѣхалъ въ Москву.

Черезъ семь мѣсяцевъ опять послали автора въ В***: онъ заѣхалъ въ монастырь и увидѣлъ, что Отшельника хоронятъ. «Крупная слеза вырвалась изъ глазъ моихъ. Утеревъ ее, я молился». Когда запѣли вѣчную память, авторъ «не могъ удержаться, чтобы не заплакать, и слезы «*ручьями струились по лицу*». Когда Отшельника схоронили, авторъ «ушелъ на могилу, и плакалъ, горько плакалъ, «*пока слезы не перестали течь*». Тогда, «*сѣвши нѣсколько кутью*», онъ произнесъ:

«Міръ праху твоему, богобоязненный мужъ! Покойся въ тишинѣ могильной. Ты научилъ меня смотрѣть на міръ *должными* глазами, и заставилъ жить *долгого*, чтобъ быть добродѣтельнымъ!

Въ заключеніе, онъ написалъ исторію Отшельника, назвалъ ее «*романомъ девятнадцатаго вѣка*», напечаталъ на сѣрой бумагѣ и поставилъ на обертокѣ: «Цѣна десять рублей пятьдесятъ копѣекъ».

Это твореніе носитъ на себѣ всѣ признаки *романа для иногороднихъ*.

Digitized by Google

Герой нашего времени. *Сочиненіе М. Лермонтова. Изданіе третье. СПб.—бургъ, въ тип. Глазунова. 1843, въ 12. Двѣ части, стр. 173—290.*

Книга эта возбудила нѣкогда въ нѣкоторыхъ своихъ судьяхъ страшный энтузіазмъ. Причина его весьма многимъ читателямъ казалась загадкою. Но возражать противъ такого энтузіазма было тогда неумѣстно: необузданные панегирики какъ-разъ обманули бы въ зависти всякаго, кто, при всемъ своемъ желаніи, не могъ подняться на безпредѣльные восторги. Теперь — *дѣло другое*. Для литера началось уже затишье, и о твореніи его можно разсуждать хладнокровно. Откровенностью никто теперь не захочетъ обманываться, исключая быть-можетъ однихъ издателей. Ну, такъ откровенно сказать, «Герой нашего времени»—не такое произведеніе, которымъ русская словесность могла бы похвастаться. «Герой *нашего времени*» вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ, по словамъ Пушкина,—

«..... отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствія пустыя».

Это, просто, неудавшійся опытъ юнаго писателя, который еще не умѣлъ писать книгъ, учился писать; слабый, неверный очеркъ молодаго художника, который обѣщалъ что-то;—великое или малое, не извѣстно,—но только обѣщалъ. Тутъ на великомъ шагу еще видимъ человѣкъ, который говоритъ о жизни безъ личной опытности, объ обществѣ безъ наблюденія, о «своемъ времени» безъ познанія прошедшаго и настоящаго, о свѣтѣ по сплетнямъ юношескимъ, о страстяхъ по слуху, о людяхъ не книгамъ, и думаетъ, будто понялъ сердце человѣческое—изъ разговоровъ въ мазуркѣ, будто можетъ судить о человѣчествѣ, потому что гладилъ въ коляскѣ на львенкахъ, гуляющихъ по тротуару. Дарованіе отъ природы Лермонтову повредило въ первой книгѣ именно то, что дѣлаетъ смѣшнымъ всякаго двенадцатилѣтняго мудреца. Онъ слишкомъ рано привыкъ къ

романъ: въ его лѣта еще не пишутъ этого роду сочиненій. Со-временемъ пришла бы и для него пора наблюденій зрѣлыхъ, основательныхъ отчетовъ въ сердцѣ и умѣ, прекрасныхъ разборовъ человѣка и прекрасныхъ книгъ. Онъ не дожилъ до той поры. Дарованіе его тутъ ни мало не виновато. Но не забавно ли, теперь, когда изъ этого дарованія уже нельзя ничего извлечь для своихъ страстей, выдавать «Героя нашего времени» за что-нибудь выше миленькаго ученическаго эскиза? Совѣстно повторить, за что выдавали его при жизни и продолжаютъ выдавать по смерти Лермонтова услужливость тѣхъ людей, которые на ним его дѣлаютъ *предпріятія*: она печатаетъ всѣ затерянные лоскутки стиховъ его, перепечатываетъ его книги безъ нужды, и, навязывая ихъ на публику объявленіями, хвалитъ все это такъ, что похвалу очень часто можно почесть за насмѣшку надъ покойнымъ поэтомъ или надъ родною словесностью. Но не станемъ терять времени надъ этимъ пошлымъ изданіемъ. Вотъ —

Очерки свѣта и жизни. *Повѣсти Владиміра Войта. СП.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-12., стр. 444.*

То же самое замѣчаніе, которое сейчасъ сдѣлано было о преждевременной попыткѣ Лермонтова изображать «свѣтъ и жизнь» не узнавъ ни того ни другаго, прилагается и къ этимъ «Очеркамъ». Молодые люди назначены природою быть героями повѣстей и романовъ, но не сочинителями ихъ. «Очерки свѣта и жизни» состоятъ изъ трехъ повѣстей. Съ одной изъ нихъ, «Новый Леандръ», читатели наши знакомы. Въ другой авторъ разсказываетъ «истинное событіе» изъ жизни одного изъ русскихъ боляръ временъ Екатерины. Третья повѣсть — современная; завязка ея начинается въ *креслахъ пятаго ряду въ Михайловскомъ Театрѣ*. Молодой сочинитель свѣта и жизни по своему вкусу, конечно, обладаетъ дарованіемъ, но оно требуетъ еще большихъ усовершенствованій. Авторъ этихъ повѣстей конечно будетъ очень пріятнымъ писателемъ, когда онъ лучше изучитъ жизнь, общество и его обычаи; глубже станетъ вникать въ то, что именно въ жизни и обществѣ можетъ быть предметомъ художественнаго повѣ-

Digitized by Google

ствованія, и что не стоитъ этой чести; тщательнѣе будетъ соображать планъ своихъ разсказовъ; когда онъ исправится отъ молодости фразы и изъисканности выраженія; когда узнаетъ со-временемъ всю прелесть простоты; когда разгадаетъ важную тайну экономіи на слова, и другую, не менѣе важную тайну—слова поставленнаго въ своемъ настоящемъ мѣстѣ, принадлежащемъ ему по праву логическаго владѣнія. Но тогда онъ, можетъ-быть, исправится вмѣстѣ и отъ повѣстей! Не предсказывая ничего—усовершенствованіямъ человѣка нѣтъ предѣловъ!—нельзя умолчать, на этотъ разъ, что повѣсти господина Войта напечатаны весьма красиво. Три картинки къ нимъ написаны графомъ Ѳ. П. Толстымъ, и хорошо литографированы, особливо одна, гдѣ къ слову о Паганини, умный художникъ изобразилъ скрыпичнаго чудодѣя окруженнымъ фантастическими образами, стекающимися на звуки его волшебнаго смычка.

Семейство, *или Домашнія радости и огорченія. Романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ. Переводъ съ подлинника. СП.-бургъ, въ тип. Фишера, 1842, въ-8., стр. 741.*

Очень рады встрѣтиться съ госпожей Фредерикой Бремеръ! Слава ея въ Швеціи, Норвегіи, Германіи, такъ велика, что «Библіотека для Чтенія», въ усердіи своемъ къ пользамъ русскихъ читателей, давно возъимѣла мысль познакомить ихъ съ этою свейской романисткою и, *на сей конецъ*, даже разорилась однажды: выписала себѣ полное собраніе ея сочиненій!... Что было послѣ, какъ она терпѣливо читала всѣ эти десять томовъ, какъ поминутно засыпала надъ ними, какъ не знала, что изъ нихъ взять, какъ чуть-чуть не взяла этого «Семейства», и какъ, наконецъ, благоразумно рѣшилась ничего не брать, это—секретъ редакціи, не подлежащій вѣдѣнію Лѣтописи. Но безспорно то, что «Библіотека для Чтенія» чрезвычайно рада, что не она, а кто-нибудь другой принялъ на себя трудъ представить русской публикѣ образецъ искусства, занимательности и хозяйственной философіи госпожи Бремеръ. Мы не говоримъ, чтобы романы ея были плохи или не стоили чтенія; но они.... не въ нашихъ читательскихъ нравахъ.

Digitized by Google

Нынѣшніе скрипачи, воспитанники пальцеломной школы Паганини, говорятъ о важныхъ классическихъ концертахъ Віотти, Роде, Шпора, что въ нихъ *ничего нѣтъ для скрипки: играть нечего!*.... То же самое нынѣшній читатель вправѣ сказать о романахъ госпожи Бремеръ: читать нечего!.... Въ этихъ Ла-фонтеновскихъ Familien-Gemälde, тихихъ, кроткихъ, безстрастныхъ, въ этихъ благонравныхъ разсужденіяхъ, безъ выходокъ противъ общества, безъ презрѣнія къ приличіямъ, безъ негодованія на весь ролъ человѣческій, въ этихъ цѣломудренныхъ событіяхъ, безъ преступленій, безъ ядовъ, безъ кинжаловъ, безъ виверновъ, нѣтъ ничего для чтенія! Герръ Іоллеріенъ-рать съ трубкой, фрау Іоллеріенъ-ретивая старушка, дѣвушки съ голубыми глазами, съ книжками въ рукахъ, съ идеалами въ сердцахъ, чудакъ докторъ, буршъ сынъ, маленькія любовницы, крошечныя страстишки,—немножко любятъ, не многожко впадаютъ въ заблужденіе, немножко раскаиваются, плачутъ, мирятся или прощаютъ, но крѣпко-на-крѣпко женятся въ заключеніе,—и все это безпрестанно завтракаетъ, пьетъ кофе, ходитъ въ гости, страдаетъ подъ шляпкою, радуется подъ зонтикомъ, и къ концу книги, становится такъ непростительно счастливо, что просто книга—изъ рукъ вонъ! Такъ точно бываетъ у Августа Лафонтена. Вы знаете, или уже не знаете, что въ прежнихъ темахъ у него всегда, не-немножко, но безпрестанно, страдали, а въ четвертомъ добродѣтель торжественно вознаграждалась, зло наказывалось, любовники женились и съ-тѣхъ-поръ были непомѣрно счастливы, — что совсѣмъ не въ духѣ нашего времени. При такомъ трогательномъ окончаніи романа, Нѣмецъ откладывалъ трубку, Нѣмка переставала вязать чулокъ, и все семейство восклицало:— Allerliebst! Лафонтенъ, говорятъ, читывалъ романы свои въ рукописи прежде всѣхъ женъ. Въ одномъ романѣ онъ заставилъ любовниковъ страдать болѣе обыкновеннаго, страдать ужасно. Жена закричала въ слезахъ: «*Мой другъ! да зачѣмъ же ихъ по-скорѣе!*»—Невозможно, душенька! отвѣчалъ романистъ: я обѣщалъ еще одинъ томъ... но, погоди, я ихъ сдѣлаю такъ счастливыхъ всѣхъ моихъ героевъ, какъ романъ кончится. — Такимъ *были* всегда развязки романическихъ процессовъ. О счастіи ли теперь рѣчь! Кто изъ

Digitized by Google

не интересуется чужимъ счастіемъ! Тѣ которые начали страдать въ первыхъ главахъ романа, должны въ концѣ книги, если хотятъ доставить истинное удовольствіе читателямъ, лопнуть или по-крайней-мѣрѣ взбѣситься отъ боли. Впрочемъ, при всемъ подражаніи готическій лафонтеновской методѣ, у госпожи Бремеръ есть свои отличія. Всего любопытнѣе у нея шведскіе семейные нравы. Герои этого романа—чиновникъ маленькаго, уѣзднаго шведскаго города, его жена, ихъ дѣти, родные, сосѣди. Событія состоятъ изъ миніатюрной живописи мелкихъ подробностей ихъ мелкой жизни. Весь романъ—рядъ картинокъ въ родѣ старинныхъ нюренбергскихъ группъ на стеклѣ. Трогательно, тихо, длинно и скучно, совершенно какъ въ семейномъ счастіи или какъ въ классическомъ романѣ. Послѣ Шведокъ, первыя читательницы госпожи Бремеръ—Нѣмки; но Нѣмкамъ, которыя въ послѣднее время сдѣлали удивительные успѣхи въ воззрѣніи на мужей, браки, любовь и счастіе, Нѣмкамъ, у которыхъ уже есть свои Жоржъ-Сандъ, знаменитая Gräffin von Hahn-Hahn, Нѣмкамъ эти романы кажутся уже немножко дальни. Русскимъ читательницамъ, привыкшимъ къ сильнымъ ощущеніямъ французской школы, къ бурямъ, вулканамъ, сердцетрясеніямъ романтическаго романа, они, я увѣренъ, непонравятся. Читательницы, однако жъ, давно наслаждающіяся блаженствомъ брака, могутъ сдѣлать изъ нихъ полезное домашнее употребленіе: романы госпожи Бремеръ вообще, и предлежащій романъ въ особенности—именно изъ тѣхъ романовъ, о которыхъ прежде говорилось—*мать позволитъ читать ихъ своей дочери*, а теперь говорится—*мать прикажетъ*.... потому что дочки нынче, безъ особеннаго приказанія, не жадны къ строгому классическому роду. Онѣ то же смѣкаютъ, что тутъ—*нѣтъ мяса для скрипки*!

Русскій переводъ сдѣланъ съ подлинника дамой, и сдѣланъ прекрасно.

Галерея женщинъ Жоржъ-Санда, *украшенная двадцатью четырьмя отлично гравированными на сталѣ портретами. Москва, въ тип. Семена, 1843, в-8, стр. XIX—269.*

Вотъ славная романистка! Вотъ писательница, которая

понимаетъ страсти, прелесть страданія и всю скуку счастія! Вотъ литература новѣйшей любви!... Но, собственно, литература тутъ въ отставкѣ. Книга чисто орнаментная. Спекуляція чисто коммерческая. Французское изданіе этихъ женскихъ фигуръ давно валяется на столикахъ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ. Оно уже затасканно, истерлось, разсыпалось. Вотъ, взамѣнъ его, чистое, свѣжее и, притомъ еще, русское изданіе. *Предпріятіе*, можетъ-быть, и не дурно. Иногородные, можетъ-быть, и бросятся на этихъ искусно подновленныхъ героинь Жоржа Санда. Но тѣмъ хуже для иногородныхъ. Они не вѣдаютъ, какъ всѣ подобныя женщины дѣлаются на свѣтѣ. Сперва красивая гравюра, изображающая миленькое женское лицо, украшаетъ какой-нибудь англійскій keepsake. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ та же гравюра, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ одинаковаго съ нею происхожденія, является, съ новою подписью, въ новой книгѣ, галереѣ шекспировскихъ или байроновскихъ женщинъ. Когда въ Англіи всѣ уже ее знаютъ, она по-тихоньку переходитъ на твердую землю, и, съ надлежащими измѣненіями въ подписяхъ, предстаетъ въ третій разъ передъ карманъ покупателя книгъ, во Франціи, какъ портретъ одной изъ героинь Жоржа Санда, въ Германіи—Шиллера или Гёте, въ Даніи—Эленшлегера, и такъ далѣе. Обойдя всю Европу, теперь, благодаря нанкинскому миру, она можетъ еще отправиться въ Китай и возродиться тамъ въ званіи подлиннаго портрета одной изъ любовницъ Конфуція. Но надѣюсь, что, прежде, Россія хорошенько попользуется этими красавицами. Теперь, въ подражаніе парижской спекуляціи, кипа нераскупленныхъ во Франціи гравюръ, браковыхъ оттисковъ, снятыхъ съ досокъ порядочно уже избитыхъ, съ присовокупленіемъ русскаго объяснительнаго текста, получила условленное заглавіе, «Галерея женщинъ Жоржа Санда». Вотъ Индіана, Лелія, Валентина, Лунза, Алезія, Юлія, Мареа, Джованна, Иуна, Полина, Фернанда, Консуэло, и прочая, и прочая, и, въ головѣ ихъ, сама Жоржъ Сандъ, съ растрепанными волосами, въ цвѣтахъ, въ перстняхъ, въ камняхъ. Любуйтесь на нихъ! Когда гравюры не пойдутъ на Руси въ этомъ видѣ, почему

Digitized by Google

бы нашей «предпріимчивости», года черезъ два, потому же способу не передѣлать ихъ *на русскіе нравы* и еще разъ не рыть за новость, уже какъ свое? Я совѣтовалъ бы обратить ихъ въ такомъ случаѣ въ «Галерею женщинъ *Мертвыхъ Душъ*». И это будетъ. Стоитъ только подать идею. О! при нынѣшней модѣ на *иллюстраціи* и *великолѣпныя изданія*, наша «предпріимчивость» съумѣетъ извлечь пользу изъ этихъ гравюръ! Увидите!.... когда-нибудь, быть-можетъ очень скоро, портретъ Жоржа-Санда вдругъ засіяетъ у насъ въ *великолѣпномъ изданіи* съ русскою подписью—Помѣщица Коровочка, а Лелія пріиметъ чинъ, имя и фамилію госпожи Собакевичевой!

Изданій подобныхъ этому мы не считаемъ достойными, не только похвалы, но даже и вниманія, какъ бы красивы они ни были. Чуждыя у насъ всякаго интереса, всякой цѣли, всякой пользы, и литературной, и художественной, они выражаютъ собою одну только торговую спекуляцію, одинъ, ничѣмъ благовиднымъ не прикрытый, разсчетъ жадности — выгодно сбыть русскимъ любителямъ красивыхъ книгъ дешево купленный за границею остатокъ гравюръ, которыя ровно ничего не представляютъ и ни къ чему не служатъ. Добро бы еще имѣли онѣ примѣчательныя достоинства—а то въ нихъ и этого нѣтъ! Книжная торговля, которая хоть нѣсколько уважаетъ свое почтеное званіе, не должна позволять себѣ подобныхъ *предпріятій*. Есть сотни англійскихъ и французскихъ книгъ, съ прелестными гравюрами, которыя продаются весьма не дорого на-мѣстѣ и съ которыми спекуляція могла бы выступить передъ публикою не краснѣя, потому что въ этихъ картинкахъ заключается всеобщій интересъ, наставленіе для читателей всѣхъ народовъ, удовлетвореніе просвѣщеннаго любопытства. Есть иллюстрированныя путешествія, чудесныя собранія видовъ архитектурныхъ памятниковъ, галереи портретовъ историческихъ лицъ. Всѣ этого роду гравюры позволительно спекуляціи переносить изъ одной земли въ другую, потому что онѣ могутъ быть полезны, даже нужны, читателямъ книгъ. Прибыль, получаемая на нихъ—совершенно законна. Но портреты *женщинъ Жоржа Санда*!.... портреты произвольные воображаемыхъ безнравственныхъ

Digitized by Google

существъ!.... художественныя пошлости пошлостей по поводу горячечныхъ грезъ женщины, отказавшейся отъ своего пола!..... Спекуляція впадаетъ иногда въ странныя отсутствія соображенія, увлекаясь надеждою на дурно разсчитанныя выгоды. Что бы ей, напримѣръ, взять, вмѣсто *женщинъ Жоржа Санда*, англійскій Christian Annual, это богатое собраніе прелестнѣйшихъ видовъ Палестины, Малой Азіи, и другихъ мѣстъ и памятниковъ, ознаменованныхъ событіями Священной Исторіи, интересныхъ для всякаго христіанина, любопытныхъ для каждаго грамотнаго человѣка? Спекуляція можетъ быть увѣрена, что подобное изданіе нашло бы на Руси тысячи жадныхъ покупателей. Сама критика охотно поддержала бы такое *предпріятіе*, хоть бы въ немъ литературнаго было, по обыковенію, не много. Но.... *женщины Жоржа Санда*!....

Анекдоты Наполеона, *съ очеркомъ сіо жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія; поэтическія возванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы. Собралъ А. С. Москва, въ тип. Степанова, 18[illegible]3, въ-18. [illegible]вѣ части, стр. 90 — 82.*

Товаръ — варяго-росскій. Эти *анекдоты* о бусурманѣ *Бонапарте* предназначены къ большому успѣху на Толкучихъ.

«Фортуна *есть* кокетка, *баба негодная. Надобно пользоваться ея благосклонностію, и страшиться ея гнѣва.* Она женщина!» такъ говорилъ *всегда* Наполеонъ маршаламъ».

Это *анекдотъ*. А вотъ характеристика онаго бусурмана:

Наполеонъ не жалѣлъ денегъ *на дворъ* свой, *на монументы, и другое тому подобное*, но былъ скупъ при выдачѣ слѣдующаго *на государственные расходы; въ этомъ случаѣ* онъ всегда находилъ отговорки и затрудненія. Всѣхъ чиновниковъ, которые завѣдывали расходами, онъ почиталъ плутами. — Чѣмъ менѣе кто изъ министровъ платилъ *по расходамъ*, тѣмъ болѣе *входилъ въ благосклонность*. Между странными привычками Бонапарте имѣлъ ту, что всегда *садился на первый попавшійся ему столъ*, правою рукою опираясь на того, съ кѣмъ разговаривалъ, *лѣвою обыкновенно качалъ въ воздухѣ*.

Хорошъ также *анекдотъ* на странницѣ 49, первой части: однажды, въ Тильзитѣ, Платовъ стоялъ передъ кабине-

Digitized by Google

томъ Императора Александра: входятъ Императоръ и Наполеонъ. Императоръ представляетъ Платова Наполеону. «Удивительно, что̀ сдѣлалось вдругъ съ Бонапартомъ: «онъ *измѣнился въ лицѣ, отскочилъ, и бѣгомъ скрылся «въ другую комнату*. Платовъ, увидя испугъ Наполеона, «сказалъ: «Что̀ онъ меня боится *какъ кабана?*»

Вотъ еще *анекдотъ*, удивительный въ своемъ родѣ:

«Странное дѣло, что Наполеонъ никогда не велъ себя съ дамами *приличнымъ образомъ*. Казалось, что онъ нарочно хотѣлъ возбудить къ себѣ ненависть. Весьма часто говорилъ онъ имъ не только странные, но даже непріятные для нихъ *комплименты*. Одной говорилъ онъ въ обществѣ: «Ахъ! Боже мой! какія у васъ красныя руки!» Другой: «Какая у васъ дурная прическа! Кто вамъ такъ *расчесалъ* волосы?»—Иногда: «Какъ *нечисто* ваше платье! Вы, вѣрно, *никогда его не перемѣняете*? Я видѣлъ его на васъ уже болѣе двадцати разъ!»

Библіотека для воспитанія. *Москва, въ тип. Семена, 1843, въ-12. Три части, стр. III — 363 — 212 — II, 113 — 325 — 86.*

Издатель предполагалъ въ 1843 году напечатать шесть частей. До новаго года онъ успѣлъ издать только три. «Библіотека» господина Семена должна состоять изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ назначены къ помѣщенію сочиненія о воспитаніи, заслужившія общей извѣстности, Песталоцци, Шварца, госпожъ Эджвортъ, Гемильтонъ, Гизо̀, Неккеръ – Соссюръ, и другихъ: эта часть — для родителей; во второмъ, избранныя статьи, повѣсти и разсказы, для дѣтей. Изъ перваго отдѣленія вышло только сочиненіе миссъ Эджвортъ о воспитаніи, рядъ весьма остроумныхъ и полезныхъ практическихъ замѣчаній. Второе гораздо богаче: сюда между прочимъ, внесены «Похожденія Петра Шлемиля», сказка Гофмана о Щелкунѣ, и изложеніе индѣйской миѳологіи, едва-ли нужное для дѣтей. Но сверхъ-того тутъ же находится множество очень хорошихъ статеекъ. Вотъ это *предпріятіе*, такъ истинно полезное и дѣлаетъ честь книжной торговлѣ! Цѣль прекрасна. Исполненіе вообще удовлетворительно. Изданіе, не только опрятное, но даже изящное. Для полноты пользы слѣдовало бы еще исходатайствовать у переводчиковъ нѣсколько болѣе вниманія: одинъ изъ этихъ господъ на-

Digitized by Google

званіе ораторіи Бетговена, «Іисусъ Христосъ на Горѣ Элеонской», переводитъ — «Христосъ въ оливковомъ саду». Другіе ему помогаютъ, каждый по своей части.

1. УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Курсъ чистой математики, составленный* А. Я. Кушакевичемъ и А. С. Кондеревымъ. *СП.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній. Часть пятая, 1843, въ-8., стр. 293.*

2. МАТЕРІАЛЫ КЪ СОСТАВЛЕНІЮ УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Всеобщая и Русская Исторія. Книга первая. Исторія древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ.* И. Шульгинымъ, *ученымъ наблюдателемъ преподаванія историческихъ наукъ въ Военно-учебныхъ Заведеніяхъ. СП.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1843, въ-8., стр. III, VI и 144.*

3. КРАТКІЙ КУРСЪ МАТЕМАТИКИ. *Основанія Ариѳметики, съ присовокупленіемъ Логариѳмовъ простыхъ чиселъ. Составилъ* Петръ Леймантъ. *СП.-бургъ, въ тип. Морскаго Корпуса, 1843, въ-8., стр. 170.*

Два первыя сочиненія принадлежатъ къ прекрасному, и донынѣ у насъ единственному, систематическому кругу классныхъ руководствъ, которымъ начальство Военно-учебныхъ Заведеній обогатило эти училища и литературу, открывъ ученымъ средства къ удобному предпріятію и исполненію подобныхъ трудовъ при пособіи особеннаго капитала, возникшаго и безпрерывно увеличивающагося изъ произведенія тѣхъ же трудовъ. Объ этой благодѣтельной мѣрѣ уже было здѣсь говорено. Планъ успѣшно приводится въ исполненіе, и вскорѣ Военно-учебныя Заведенія будутъ обладать полнымъ собраніемъ своихъ собственныхъ руководствъ, совершенно приспособленныхъ, и къ нихъ потребностямъ, и къ современному состоянію каждой науки. Многія изъ этихъ руководствъ охотно принимаются и другими учебными заведеніями: неоспоримое доказательство ихъ внутренняго достоинства.

Третья книга, трудъ господина Леймана, предназначена къ употребленію воспитанниковъ Училища Торговаго Мореплаванія.

Digitized by Google

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРІЯ, *въ видѣ учебника. Сочиненіе* Н. И. Павлищева, *члена Совѣта Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. Варшава, въ казенной типографіи. 1843, въ-8., стр. 272, съ таблицами и картами.*

Также — классное руководство. Оно написано для гимназій Царства Польскаго согласно съ системою мѣстнаго преподаванія. Книга обогащена синхронистическими таблицами и хронографическими картами. Изложеніе сжато, но ясно и даже изящно. Авторъ дѣлитъ исторію Польши на семь временъ: время основанія, время удѣловъ, время возсоединенія, время ограниченія самодержавія, время развитія анархіи, съ учрежденія избирательнаго престола, и время разрушенія, отъ кончины Іоанна III Собѣскаго. Исторія заключается 1795-мъ годомъ.

1. КРАТКАЯ ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ. Константина Арсеньева. *Осьмнадцатое изданіе, вновь исправленное. С.П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1843, въ-8., стр. 284.*

2. КРАТКАЯ ГЕОГРАФІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, *изданная по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера И. А. Гейма. Двѣнадцатое изданіе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-12., стр. 159.*

Первая изъ этихъ двухъ безсмертныхъ, то есть, не умирающихъ, учебныхъ книгъ, такъ извѣстна, что и говорить объ ней нечего. Исторія второй болѣе любопытна. Въ началѣ девятнацаго столѣтія трудолюбивый лексикографъ, И. А. Геймъ, издалъ довольно посредственную компиляцію, подъ названіемъ «Начертаніе всеобщаго землеописанія». Одинъ изъ учениковъ Гейма, въ 1823 году, выбралъ изъ книги его цыфры и имена, назвалъ книжечку «Краткою географіей для дѣтей, *по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера И. А. Гейма*», и пустилъ въ книжную торговлю. Уже двадцать два года какъ умеръ Геймъ, какъ умерло его «Землеописаніе», а «Краткая географія *по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера*, И. А Гейма», который и не думалъ никого *руководствовать*, живо, здраво, перепечатывается до безконечности отъ слова до слова, съ сохраненіемъ даже всѣхъ его титуловъ на заглавномъ листѣ, и благополучно продается почтенному со-

Digitized by Google

словію родителей, во умноженіе разума ихъ потомства и блага издателей. Но замѣчательнѣе всего, что критика всегда, постоянно, періодически при каждомъ новомъ изданіи, твердила во всеуслышаніе — книжка, именуемая «Краткая географія *по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера И. А. Гейма*»—вздорная книжка!—и, несмотря на всѣ ея возгласы, разсужденія, доказательства, книжка живетъ, перепечатывается, продается, достигла двѣнадцатаго изданія и не думаетъ подавать въ отставку. Послѣ этого, скажите: къ чему служитъ критика!

COURS ÉLÉMENTAIRE D'HISTOIRE NATURELLE, *à l'usage des établissements de* SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE, *par* E. Ménétriès *et* L. Loustannau. *Première partie. Zoologie. St.-Pétersbourg, chez Edouard Pratz, 1844, 8-vo., pp. XX, 444.*

Послѣ хорошаго учебнаго руководства къ географіи, нѣтъ, можетъ-быть, ничего труднѣе какъ написать хорошее учебное руководство къ естественной исторіи. Оба предмета необыкновенно обширны, съ обоими сопряжена огромнѣйшая номенклатура, занимательность того и другаго заключается вся въ безчисленныхъ подробностяхъ каждаго отдѣльнаго предмета; но если рама тѣсна, то сочинитель принужденъ на каждомъ шагу разставаться съ самыми любопытными подробностями, чтобы сохранить полноту въ чемъ-нибудь, хоть въ исчисленіи предметовъ, хоть въ одной терминологіи, и тогда содержаніе книги по необходимости состоитъ почти изъ простаго списка собственныхъ именъ и техническихъ названій. Это, разумѣется, не удовлетворяетъ читателя. Но какъ сдѣлать иначе? Многіе пытались держаться середины, и никому не удалось составить что-нибудь порядочное: пускаясь въ подробности нѣкоторыхъ предметовъ, избирая предпочтительно одни предметы передъ другими, устраняя произвольно разныя составныя части цѣлаго для краткости, не было и нѣтъ возможности составить полезной книги. Отсюда — столько плохихъ, безобразныхъ руководствъ къ географіи и къ естественной исторіи.

При этомъ общемъ и, можно сказать, непреодолимомъ неудобствѣ обѣихъ наукъ, естественная исторія имѣетъ однако жъ важное преимущество передъ географіей: она

Digitized by Google

обладаетъ ученою, превосходно обработанною, системою классификаціи, тогда какъ географія совершенно лишена этого важнаго пособія. Учебное руководство къ естественной исторіи, которое представляетъ ясно, правильно, отчетливо, всю систему науки въ ея современномъ видѣ посредствомъ настоящей классификаціи предметовъ, тѣмъ самымъ уже — превосходное *руководство*, хоть бы оно состояло изъ простаго списка терминовъ: съ помощію его, ученикъ вдругъ обнимаетъ все зданіе трехъ царствъ природы, преподаватель, слѣдуя принятому въ немъ порядку предметовъ, съ удобною постепенностью можетъ развивать ихъ подробности, почерпнутыя въ безчисленныхъ монографіяхъ, слушатель, и читатель книгъ по этой части, легко классифируютъ въ памяти получаемыя свѣдѣнія, и учебная книга вполнѣ достигаетъ своего назначенія. Идея, кажется, проста, но и тутъ не многіе умѣютъ выпутаться изъ затрудненій. Иные, держась слишкомъ близко ученой точности системы, составляютъ классныя книги, слишкомъ ученыя для начинающихъ. Другіе, стараясь быть популярными, не даютъ ни какого понятія о настоящемъ видѣ науки. Нѣкоторые умудрившись, рѣшаются, съ горя, изобрѣтать свои собственныя *краткія системы* и производятъ книги, совершенно смѣшныя. Въ такихъ учебныхъ книгахъ у насъ нѣтъ недостатку. Казалось, даже, что намъ суждено не видать у себя порядочнаго учебнаго руководства къ естественной исторіи. Къ счастію, наконецъ, дѣло поступило въ руки отличнаго теоретическаго и практическаго натуралиста, опытнаго преподавателя, человѣка съ яснымъ воззрѣніемъ и со вкусомъ. Господинъ Менетріе показалъ образецъ того, какъ должно составлять для низшихъ училищъ руководства по части естественной исторіи. Изъ предисловія видно, что, кромѣ этого ученаго естествоиспытателя, тутъ участвовалъ еще и другой извѣстный натуралистъ Императорской Академіи Наукъ, именно, господинъ академикъ Брандтъ, а заглавный листъ показываетъ, сверхъ-того, содѣйствіе третьяго, знакомаго съ дѣломъ, сотрудника. Изъ сліянія такой массы познаній должна была возникнуть книга, совершенно соотвѣтствующая и своему назначенію и наукѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ

Digitized by Google

«Начальномъ курсѣ естественной исторіи», написанномъ на французскомъ языкѣ для заведеній Ея Императорскаго Величества, очень искусно соединена ученая форма системы съ популярною удобопонятностью; ничего не забыто, и нѣтъ ничего лишняго; объемъ каждаго отдѣленія хорошо соображенъ съ его относительной важностью; подробности устранены, но всѣ главныя, характеристическія черты отдѣловъ обрисованы надлежащимъ образомъ въ изложеніи сжатомъ, быстромъ, и между-тѣмъ занимательномъ; преподаватель и ученикъ имѣютъ передъ глазами все, что нужно для начинающихъ, — полную систему органической природы въ настоящемъ состояніи знанія, подлинную классификацію ея предметовъ, терминологію на трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, главнѣйшія отличительныя свойства и примѣчательнѣйшіе общіе нравы каждой породы, наконецъ необходимыя анатомическія данныя, которыми должно руководствоваться при изслѣдованіи живыхъ существъ. Отъ преподавателя теперь зависитъ изустно распространить каждую статью наблюдательными частностями сообразно со временемъ, предписаннымъ для курса, и съ понятливостью слушателей. Литература естественной исторіи такъ обширна, наблюденія надъ частностями такъ разнообразны и любопытны, что преподавателю стоитъ только имѣть нѣсколько начитанности и вкусу, чтобы, съ такимъ учебникомъ въ рукѣ, увлечь воображеніе юношества и поселить въ немъ любовь, страсть, энтузіазмъ къ изученію природы. Когда такимъ же образомъ будетъ изложена, во второй части, естественная исторія растительнаго царства,—въ этой первой заключается все царство животное,—лучшей учебной книги невозможно и желать для заведеній, въ которыхъ преподаются первыя основанія зоологіи и ботаники.

Священная исторія *въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Сочиненіе А. Ишимовой. Изданіе второе. С. П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ. 1844, въ-16., стр. VII и 153 съ картинками.*

Сочинительница этой книги обладаетъ особеннымъ даромъ говорить съ дѣтьми. Никто по-русски не умѣетъ говорить съ ними такъ просто, понятно и занимательно.

Digitized by Google

Ея «Русская исторія для дѣтей» пользуется большою любовію у маленькихъ читателей и давно уже напечатана вторымъ изданіемъ. «Священная исторія для дѣтей» также является въ свѣтъ вторично. Это у нихъ—одна изъ самыхъ любимыхъ книгъ.

Покровъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы надъ Россіею, *или Сказанія о святыхъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери, въ нашемъ отечествѣ прославившихся. Москва, въ тип. Университетской, 1843, въ 12., стр. VIII —203.*

Трудъ, достойный вниманія всякаго православнаго христіанина. Авторъ представляетъ свѣдѣнія о двадцати одной чудотворной иконѣ изъ числа знаменитѣйшихъ. Сколько святыхъ, великихъ воспоминаній раждаются при этомъ благочестивомъ чтеніи! Тамъ празднество «Владимірской иконы» знаменуетъ избавленіе Россіи отъ полчищъ Тамерлана. Здѣсь праздникъ «Ѳедоровской Богоматери» говоритъ объ избраніи на престолъ царя Михаила. При имени «Донской Богоматери» предстаетъ избавленіе Москвы отъ крымскихъ хищниковъ. Торжество «Казанской иконы» говоритъ объ освобожденіи Москвы въ 1613 году. Отъ «Знаменія Новгородской» враги бѣгутъ отъ стѣнъ Новгорода. Въ «Смоленской иконѣ» отражается великій *двѣнадцатый* годъ. Передъ нею преклонялись сѣдоволосый вождь Русскихъ и тысячи подвластныхъ ему воиновъ наканунѣ бородинской битвы. «Тихвинская икона» —память спасенія Тихвина въ бѣдственную годину Самозванцовъ. Сочинитель, вѣроятно, будетъ продолжать свой трудъ. По изданнымъ извѣстіямъ, число чудотворныхъ иконъ Богоматери простирается въ Россіи до ста тридцати. Если съ нѣкоторыми изъ нихъ не соединяются историческія замѣчанія, зато объ нихъ извѣстны трогательныя преданія. Таковы иконы Богоматери «Неопалимыя купины», донынѣ выносимой на пожары, «Взысканія погибшихъ», передъ которою молятся о тѣхъ, чья судьба остается безвѣстною въ далекихъ странствованіяхъ, «Всѣхъ Скорбящихъ Радости», «Благоуханный цвѣтъ», «Призри на смиреніе», «Слово плоть бысть», «Мати дѣво»,

Digitized by Google

«Живоноснаго источника», «Утоли моя печали», и многія другія.

Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ. *Изданіе второе. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1844, въ 16, стр. 204.*

Одно изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ созданій автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ», которыми пріобрѣлъ онъ почетное мѣсто въ русской духовной литературѣ и сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ людей, услаждающихъ душу назидательнымъ чтеніемъ. Оно уже извѣстно читателямъ этого журнала. Второе изданіе, исправленное авторомъ, напечатано очень красиво.

Письма Русскаго изъ Персіи. *Н. М. СП.—бургъ, въ тип. Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1844, 18. Двѣ части, стр. 315—334.*

Надо наконецъ принять рѣшительную мѣру съ нашими романистами! Долго ли будутъ они потчивать насъ безвкусными вымыслами, небывалыми характерами, скучнымъ разсказомъ, рогатыми фразами, дикими понятіями о жизни и человѣкѣ? Станемте читать путешествія! Авось испугаются и напишутъ что-нибудь порядочное. Начнемте вотъ съ этого, съ «Писемъ Русскаго изъ Персіи». Какая разница съ романомъ!.... Нашъ путешественникъ ничего не выдумываетъ, не сочиняетъ *жизни какъ она есть*, а подбираетъ жизнь готовую вдоль большой дороги и кладетъ ее въ книгу безъ передѣлки, безъ разсужденій, безъ слогу, безъ всякой фальши. Съ предшественниками своими онъ нигдѣ не встрѣчался, все, что видѣлъ, видѣлъ собственными своими глазами, и все, что говоритъ, говоритъ по своему крайнему разумѣнію: нельзя не любить нашего соотечественника за его рѣдкую откровенность. Онъ—человѣкъ военный, словомъ хитрить не любитъ, въ красный стиль не вдается, и пишетъ такъ, какъ путешествуетъ, верхомъ. Онъ былъ отправленъ въ Персію съ особеннымъ препорученіемъ, прибылъ въ Тебризъ въ маѣ 1839 года, поѣхалъ въ Тегеранъ, прожилъ тамъ болѣе года, поѣхалъ въ Испаганъ, и, черезъ Гульпайганъ, Гамаданъ и Загнянъ, воротился опять въ Тебризъ. Дорогою замѣчалъ онъ все, Персію, Персіянъ,

Digitized by Google

даже Персіянокъ: къ досадѣ, не зналъ персидскаго языка, и принужденъ былъ сообщаться съ ними черезъ переводчиковъ. Это существенно помѣшало его удовольствію, но ни сколько не помѣшало наблюдательности. Онъ мало говорилъ, зато много смотрѣлъ, на Персію, на Персовъ, на Персіанокъ, на все.

«Базаръ въ Персіи мѣсто сборища всѣхъ праздныхъ и тунеядцовъ. Туда идутъ курить кальянъ, пить кофе, разсказывать свои новости, узнавать чужія, и покупать товары. Базары на Востокѣ вообще великолѣпны, а въ Тавризѣ особенно. Это широкая улица, покрытая высокими стрѣльчатыми сводами, въ которыхъ вверху продѣланы, на опредѣленныхъ разстояніяхъ одно отъ другаго, небольшія отверзтія для освѣщенія внутренности. Свѣтъ падаетъ сверху, яркими столбами, на шумную толпу, на пестрые товары, разложенные по бокамъ и на прилавкахъ, и чудно освѣщаетъ все зданіе, перспектива котораго великолѣпна. Купцы сидятъ на коврахъ посереди своихъ товаровъ, или курятъ кальяны въ самыхъ лавкахъ, вдающихся углубленіями въ каменныя стѣны базара, въ видѣ обыкновенныхъ комнатъ, запираемыхъ снаружи крѣпкими дверьми. Отъ прямой главной улицы идутъ боковыя, ведущія въ разные караванъ-сэраи, которые называются по именамъ хозяевъ ихъ, или областей и земель, которымъ принадлежатъ торговцы, какъ-то: «армянскій, грузинскій» караванъ-сэрай, или наконецъ по именамъ откуда преимущественно доставляются продаваемые въ каждомъ изъ нихъ товары. Многіе караванъ-сэраи весьма красивы, и всѣ вообще весьма грязны. Въ каждомъ изъ нихъ довольно большая площадка, окруженная каменнымъ двухъ-этажнымъ строеніемъ, смѣшанной, но болѣе однако жъ арабской архитектуры, владычествующей на Востокѣ, и вмѣстѣ съ магометанствомъ оставшейся памятникомъ двухъ-вѣковаго владычества Калифовъ. Посереди площадки бассейнъ съ водою, и иногда фонтанъ. Вокругъ разстилаютъ ковры, и на нихъ нѣжатся Персіяне, въ черныхъ шапкахъ, съ черными бородами своими, въ красивой, привольной одеждѣ, съ важною осанкою и съ богатыми кальянами. Иные изъ караванъ-сэраевъ покрыты высокимъ и широкимъ куполомъ. Средя ужасныхъ жаровъ здѣшнихъ въ нихъ всегдашняя прохлада, и азіятская лѣнь находитъ роскошное мѣсто отдыха. Впрочемъ, не подумайте, что таковы всѣ караванъ-сэраи. Въ большей части ихъ всегдашняя нечистота и неопрятность, и во всѣхъ отъ зари до зари шумъ и толкотня. Кромѣ-того на базарахъ порядочная грязь, что однако жъ дѣлается съ умысломъ для уничтоженія пыли, взбиваемой тысячами народа и всякихъ четвероногихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для прохлады, за которою такъ же гоняются здѣсь, какъ у насъ за тепломъ. Всегда съ большимъ удовольствіемъ гуляю я по тавризскому базару. Пестрота, разнообразіе, шумъ здѣсь такъ велики, что кажется будто вся жизнь городская соединилась на базарѣ, и остальная часть города, или полу-жива, или вовсе мертвая. Разнообразіе истинно образцовое. Подъ однимъ и тѣмъ же сводомъ найдешь кузнеца

Digitized by Google

подкоситъ лошадь, портного сшить платье, повара накормить, чѣмъ угодно, купца удовлетворить изящный вкусъ всѣми восточными рѣдкостями, шалями, шелковыми тканями, коврами. Тутъ все имѣетъ роскошь и бѣдность. Въ суетливой толпѣ видите множество мишеней, съ головы до ногъ закрытыхъ темно-синими, бумажными и шелковыми фатами, съ длинными, бѣлыми покрывалами, которые на затылкѣ придерживаются красивыми, а часто драгоцѣнными крючками; спереди, противъ глазъ, въ нихъ кисейныя, шитыя рѣшетки, сквозь которыя смотрятъ на Божій свѣтъ огненные восточные глаза, соблазнительные какъ запрещенный плодъ.

Нашъ путешественникъ видѣлъ перваго министра *Тѣни Аллаха на землѣ*, Ходжху Мирза-Агасси, представлялись шаху, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ, въ лѣтнемъ лагерѣ близъ Тегерана. Шахъ и его министры жили въ палаткахъ. Жаръ доходилъ до двадцати осьми градусовъ. Лагерь являлъ картину безобразной пестроты и толкотни. Сотни просителей тѣснились у входу въ палатку визиря, и получали въ отвѣтъ непрерывные удары палками отъ ферраши и часовыхъ. Министръ всталъ при входѣ гостей, употчивалъ ихъ шербетомъ, кальяномъ и конфектами, разсыпался въ изъявленіяхъ преданности Россіи, въ похвалахъ Русскимъ, хвасталъ своимъ арсеналомъ, и лгалъ—*ниначалнихъ!* — по-персидски.

«Хаджи старъ, но еще бодръ, хотя ему будетъ лѣтъ шестьдесятъ пять; говоритъ съ большою живостью, внимательно слушаетъ, и весьма разговорчивъ. Черные, блестящіе глаза его выразительны; римскій носъ, смуглое, худощавое лицо и маленькая, рѣдкая бородка, составляютъ въ цѣломъ что-то значительное; глубокія морщины говорятъ о минувшихъ страстяхъ, бѣглые глаза о хитромъ умѣ, и перемѣнчивый разговоръ объ уклончивомъ характерѣ и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ. Онъ былъ простой мулла, школьный учитель и астрологъ. Строгою жизнью и происками обратилъ онъ на себя вниманіе любимцовъ Фетхъ-Али-шаха, дѣда нынѣ царствующаго Магометъ-Шаха. Избранный въ наставники Магомета, бывшаго въ то время еще принцомъ, Хаджи овладѣлъ умомъ его и довѣренностью, участвовалъ въ заговорѣ противъ Каймакама, перваго министра при Фетхъ-Али-шахѣ, а въ началѣ царствованія нынѣшняго государя Персіи, старался о низверженіи Каймакама, и когда по повелѣнію шаха задушили его, Хаджи сдѣлался его преемникомъ и первымъ министромъ. Нынѣ власть его неограниченная. Онъ дѣлаетъ все, чего захочетъ шахъ, а шахъ дѣлаетъ только то, чего хочетъ его министръ. Но Хаджи никогда не хвалится своею властью; онъ знаетъ, что такая похвальба погубила его предмѣстника. «Я факиръ, я нищій!» говоритъ онъ каждому. «У меня ничего нѣтъ, и я ничего

Digitized by Google

не могу сдѣлать. Идти къ шаху, молиться о милости, и онъ все сдѣлаетъ! Надобно однако жъ сказать, что Хаджи добръ, часто удерживаетъ шаха отъ жестокости, и рѣдко отойдетъ отъ него бѣдный безъ помощи. Онъ женатъ на дочери Фетхъ-Али-шаха.

«Отъ перваго министра отправились мы къ шаху. Онъ принялъ насъ въ саду, въ кругломъ кіоскѣ, устланномъ кашмирскими шалями. Передъ дверьми сада, отъ которыхъ тянулась длинная аллея вплоть до кіоска, возвышалась, въ родѣ ширмы, небольшая стѣна. Зайдя за нее, мы увидѣли шаха, сидѣвшаго въ возвышенномъ кіоскѣ на полу, поджавши ноги по восточному обычаю. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мы остановились, и приложили правыя руки къ шляпамъ; пройдя половину разстоянія, мы опять остановились и сдѣлали то же; третій привѣтъ нашъ былъ у кіоска, куда мы вошли не снимая шляпъ, и только оставя у дверей галоши. Подлѣ шаха, на коврахъ, лежали пара пистолетовъ и сабля; передъ нимъ стояла чернильница, и разбросане было нѣсколько бумагъ. Съ привѣтливою улыбкою благодарилъ онъ посланника за посѣщеніе, пригласилъ сѣсть въ креслахъ, шагахъ въ пятнадцати отъ него. Когда посланникъ представилъ меня, шахъ обратился ко мнѣ съ непринужденнымъ радушіемъ, проговорилъ обыкновенный Персидскій привѣтъ: «*хошъ омедидъ*» (добро пожаловать, и «здоровы ли вы?») и обращаясь къ посланнику, прибавилъ: «Каждый новый русскій гость доказываетъ новое къ намъ расположеніе русскаго императора. Мы умѣемъ цѣнить это, и просимъ васъ, господинъ министръ, изъявить Е. И. В., отъ имени нашего признательность за вниманіе его». «Гдѣ видѣли вы въ послѣдній разъ императора? каково здоровье его?» были первые вопросы шаха мнѣ, и когда я отвѣчалъ, онъ продолжалъ разговоръ опять вопросами: «Сколько дней ѣхали вы? Такъ ли тепло теперь въ Петербургѣ, какъ здѣсь въ Тегеранѣ?» Потомъ шахъ началъ разспрашивать посланника: «Не пріѣхалъ ли къ нему курьеръ изъ Петербурга? Что пишутъ новаго? Что дѣлаютъ Англичане въ Китаѣ, и Магометъ-Али въ Египтѣ?» Шахъ большой охотникъ до новостей. Любимцы ежедневно являются къ нему по утрамъ съ большими запасами новостей; и если сказать нечего, выдумываютъ ихъ и собираютъ на базарахъ, гдѣ часто старое продается за новость. У шаха пріятная наружность; лицо полное, бѣлое; прекрасные, выразительные, черные, блестящіе глаза, и густая, окладистая борода; ростъ средній; черты лица пріятны, и въ нихъ нѣтъ ничего суроваго, хотя суровость часто является въ его дѣлахъ. Бывши принцемъ, Магометъ-шахъ подавалъ большія надежды, отличался дѣятельностью и воинскими способностями, находясь при отцѣ своемъ, Аббасъ-Мирзѣ, преобразователѣ персидскихъ войскъ. Онъ долженъ былъ завоевать престолъ Персіи, хотя и по праву принадлежавшій ему. Теперь онъ совершенно ввѣрился своему первому министру, и изъ когтей орла едва-ли не попался въ когти ястреба, потому что тому или другому можно уподобить каймакама и Хаджи. У шаха не подавали ни перьевъ, ни чернилъ: кажется, такую почесть оказываютъ только первому министру его. Мы откланялись шаху по прежнему, тремя привѣтами....

Digitized by Google

Вотъ что нашъ путешественникъ видѣлъ въ Гамаданѣ.

«Прежде всего отправился я осматривать гробницу Эсенри и Мардохея. Моріеръ говоритъ, что это зданіе должно отнесть къ первымъ вѣкамъ исламизма, а Мальколмъ приводитъ переводъ еврейской надписи, сдѣланной на плитѣ, находящейся въ стѣнѣ зданія, внутри. Надпись увѣряетъ, что зданіе построено въ 4474 году отъ С. М., надъ гробницами Эсенри и Мардохея. Исторія Мардохея извѣстна. Плѣнникъ Навуходоносора, онъ принялъ вмѣсто дочери Эсенрь. Она была потомъ супругою Артаксеркса, и Мардохей сдѣлался спасителемъ Евреевъ. Суза была тогда мѣстомъ пребыванія царей. Какимъ образомъ очутились въ Гамаданѣ гробницы Эсенри и Мардохея? Но Евреи свято вѣрятъ преданію объ нихъ. Зданіе страннаго, некрасиваго виду, четыреугольное, съ эллиптическимъ куполомъ и небольшою пристройкою, служащею входомъ, или сѣнями; ихъ запираютъ большимъ камнемъ, въ видѣ двери. Все зданіе кирпичное, и оштукатурено. Насилу могъ я дождаться старика-жида, у котораго былъ ключъ; занимъ надобно было итти въ домъ его, и главное—обѣщать ему денегъ. Онъ отперъ маленькую дверь особымъ ключемъ, просунувши руку внутрь зданія, черезъ отверстіе въ двери. Первая комната была завалена соромъ. Тутъ видна плита, подъ которою находится прахъ какого-то «Даніила Начальника». Больше жидъ ничего не умѣлъ сказать. Не помню, читалъ ли я гдѣ объ этой могилѣ, но проводникъ говорилъ, что Даніилъ погребенъ здѣсь давно. Отсюда надобно было пробраться въ другую комнату, черезъ квадратное, фута въ полтора отверстіе, служащее вмѣсто двери, что особенно трудно было для приземистаго Армянина, моего гамаданскаго чичероне. Посереди небольшой комнаты, освѣщенной сверху нѣсколькими маленькими окнами, продѣланными въ куполѣ, я увидѣлъ двѣ гробницы, на подобіе саркофаговъ. Рѣзныя, пирамидальныя крышки ихъ сдѣланы изъ кипариснаго дерева, и покрыты лакомъ, но многіе кусски крышъ отвалились; мѣсто ихъ замѣнила бумага, а отпавшіе куски дерева сдѣладись предметомъ промышленности жидовъ, которые продаютъ ихъ желающимъ. Съ боковъ, гробницы обиты досками. На стѣнахъ комнаты видны кое-гдѣ еврейскія надписи изъ Тальмуда. Полъ выстланъ камнемъ. Украшеній никакихъ нѣтъ, кромѣ кучъ сору въ углахъ. Этотъ памятникъ считается священнымъ у Евреевъ. Они приходятъ сюда для поклоненіе изъ далекихъ областей Персіи, по которой разсѣяно племя ихъ, какъ всюду по лицу земли. Въ Гамаданѣ до двухъ-сотъ еврейскихъ семействъ. Они платятъ въ годъ до пяти сотъ червонцевъ подати, и занимаются только мелочною торговлею.

Нашъ путешественникъ видѣлъ еще множество другихъ вещей, но объ нихъ надо читать въ книгѣ, которая совершенно заслуживаетъ этой чести.

Правила, мысли и мнѣнія Наполеона *о военномъ искусствѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ, изъ сочиненій*

Собранныя Ф. Кауглеромъ, переведъ по-
...го штаба Я. Леонтьевъ. СП.-бургъ, въ
въ-8. Двѣ части, стр. 520—270.

чимательное, не только для воен-
читателей. Всякой, кто любитъ
— немножко военный. Воззрѣ-
...ликаго истребителя своихъ
...ожать ополченія народовъ
... этого искусства, не мо-
...общаго любопытства. Кни-
...а. Переводъ прекрасенъ.

...авитный указатель къ Исторіи Го-
...ского, Н. М. Карамзина, составленный,
...ленный, исправленный и приспособленный къ
...му ея изданію, П. Стоевымъ, *и двадцать четыре, со-*
...ленныя Карамзинымъ и Строевымъ родословныя таб-
...ъ князей россійскихъ. Изданіе И. Эйнерлинга. СП.-бургъ,
...г. Прага, 1844. въ-8., стр. 495 и 45.

рекрасное предпріятіе Эйнерлинга исполнено самымъ
тательнымъ образомъ. «Исторія Россійскаго Госу-
ства», огромная и, безспорно, первая книга въ рус-
литературѣ, ему обязана наконецъ достойнымъ се-
зданіемъ, которое тѣмъ болѣе примѣчательно, что
асотою, изящностью, полнотою и уютнымъ объемомъ,
единяетъ еще важное достоинство чрезвычайно умѣ-
ой цѣны. Вся «Исторія Росссійскаго Государства»
ъ теперь не болѣе шестнадцати рублей серебромъ.
игъ господина Эйнерлинга дѣлаетъ честь русскому
ечатанію. Частный человѣкъ, не типографъ, не
родавецъ, совершилъ то, чѣмъ могли бы гордиться
, Морре или Дидо. Русская публика оцѣнитъ усер-
устраннаго и искуснаго издателя. У кого есть преж-
изданія «Исторіи,» Карамзина, и тѣ запасутся изда-
ъ господина Эйнерлинга, потому что оно лучше всѣхъ
ихъ, полнѣе, богаче драгоцѣнными статьями, удоб-
ъ употребленію. «Ключъ къ Исторіи Россійскаго Го-
ства» — необходимое дополненіе къ этому великому
нію. Господинъ Эйнерлингъ обогатилъ свое изданіе

Digitized by Google

и этимъ важнымъ пособіемъ къ справкамъ. «Ключъ» составляетъ отдѣльный томъ: онъ напечатанъ въ томъ же форматѣ и такъ же красиво какъ и текстъ исторіи.

Памятная книжка практической механики, *для Артиллерійскихъ офицеровъ и для инженеровъ военныхъ и гражданскихъ. Сочиненіе А. Морена, изданная по Высочайшему повелѣнію, подъ руководствомъ Военно-ученаго Комитета. Перевелъ съ французскаго* К. Майдель. *СП.-бургъ въ тип. Артиллерійскаго Департамента В. М., 1843, въ-8., стр. 405.*

Сводъ положеній и формулъ механики, утвержденныхъ практикою и необходимыхъ въ практикѣ. Теоретическія доказательства устранены и тѣмъ книга сдѣлана удобною для всеобщаго употребленія. Переводчикъ, воспитанникъ Артиллерійскаго Училища, офицеръ гвардейской артиллеріи, выполнилъ дѣло свое отлично, внимательно, добросовѣстно. Даже французскіе вѣсы и мѣры въ многочисленныхъ таблицахъ приведены всѣ въ русскія: одинъ уже этотъ огромный и скучный трудъ показываетъ рѣдкую тщательность переводчика. Наши переводчики обыкновенно не утруждаютъ себя такими хлопотливыми дѣлами.

1. О средствахъ къ пособію отравленнымъ разными ядовитыми составами. *Профессора Е. Р. Геппера. Съ нѣмецкаго перевелъ, съ добавленіемъ способовъ къ открытію ядовъ въ судебныхъ случаяхъ, докторъ* Павелъ Нароновичъ. *СП.-бургъ, въ тип. Краія, 1844, въ-8., стр. VII, и 175.*

2. Клиническая карманная энциклопедія. *Содержащая (въ себѣ) описаніе всѣхъ внутреннихъ болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ, съ изложеніемъ ихъ признаковъ, распознаванія и леченія, съ прибавленіемъ краткой рецептуры и фармакологіи. Составленная для врачей и учащихся, докторомъ Марнеллома Шрамомъ. Перевелъ съ нѣмецкаго* Константинъ Рубенштейнъ. *Москва, въ Университетской тип., 1845, въ-16., стр. VI, 768 и 10.*

3. Практическое руководство къ изученію венерическихъ болѣзней, *или Критическія и опытныя из-*

следованія подъ применительно этихъ болѣзней, съ терапіею и рецептами. Сочиненіе Рикора. Переведъ съ французскаго Степанъ Клименковъ. *Москва, въ Университетской тип., 1845, въ-8., стр. II, 642 и IV.*

Первое изъ этихъ трехъ сочиненій заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: токсикологія, — вопросъ совершенно современный; она занимаетъ теперь множество врачей и химиковъ, и притомъ книга сама по себѣ можетъ быть полезна въ домашнемъ и хозяйственномъ быту. Прибавленіе переводчика о способахъ къ открытію ядовъ въ судебныхъ случаяхъ доказываетъ его доброе намѣреніе, но, какъ человѣкъ ученый, онъ вѣроятно и самъ не принимаетъ нѣсколькихъ страницъ рѣчи о такомъ сложномъ, нѣжномъ и спорномъ предметѣ, за что-нибудь серіозное въ 1844 году.

Къ чему можетъ служить вторая книга, которая хочетъ лечить людей карманно по алфавиту, о томъ знаютъ ея издатели. Надо имѣть странное понятіе о нынѣшнемъ состояніи медицины, и какъ науки, и какъ практическаго искусства, чтобы переводить и издавать такія сочиненія!

Третья книга, сочиненіе Рикора — полная и дѣльная монографія своего предмету. Авторъ ея—первый по этой части практикъ во Франціи. Онъ рѣшительный меркуріалистъ. Новыя методы леченія не увлекаютъ его, и, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительность ихъ еще не доказана. За переводъ этого примѣчательнаго трактата русская врачебная практика должна быть благодарна господину Клименко.

Книга объ исчисленіи процентовъ, *по билетамъ банковъ и Сохранной казны. Составилъ М. Подшебеский. СПб-бургъ, въ тип. Виневера, 1844, въ-8., стр. 168.*

Авторъ желаетъ, чтобы критику на его книгу написали капиталисты.

—

Новыя брошюры.

О еврейскихъ праздникахъ. *Магистра іеромонаха Іосафа. Одесса, 1843.* — Праздники у Евреевъ — дво-

Digitized by Google

якіе, «постоянные» и «переходящіе». Къ первымъ относятся субботы и новомѣсячія; ко вторымъ Пасха, Пятидесятница, Кущи, называемыя большими праздниками, Новый Годъ, Очищеніе, Радость о законѣ, Обновленіе, *Фури*, или Жребій и праздникъ седмицъ. Пятидесятый день послѣ Пасхи празднуется Евреями въ память полученія Закона на Горѣ Синайской. Праздникъ Кущей, или Сѣней, отправляется въ сентябрѣ, въ память странствованія Израильтянъ въ пустынѣ. Въ праздникъ Новаго года, начинаемаго съ сентября, Евреи приносятъ покаяніе, потому что думаютъ, что Богъ судитъ въ тотъ день всѣхъ людей на небесахъ и вноситъ жребій ихъ въ книги праведныхъ, грѣшниковъ, и кающихся, которые могутъ еще покаяніемъ спасти себя отъ осужденія. Въ десятый день послѣ Новаго года наступаетъ праздникъ Очищенія. Каждый мужчина зарѣзываетъ бѣлаго пѣтуха, и каждая женщина курицу, съ особенными обрядами. Пока женщины жарятъ эти жертвы Очищенія, мужчины совершаютъ въ синагогѣ *молгать*, или покаяніе: каждый становится на колѣни и получаетъ отъ другаго тридцать девять ударовъ бичомъ, читая про себя исповѣдь во всѣхъ грѣхахъ и ударяя каждый разъ въ грудь руками. По возвращеніи домой, одѣтые въ бѣлыя рубашки по-верхъ платья, Евреи съѣдаютъ курицъ и пѣтуховъ, поутру зарѣзанныхъ. Праздникъ Радости о законѣ, *Симхасъ тора*, установленъ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., вмѣсто прежняго торжества Субботнихъ лѣтъ, то есть, каждаго седьмаго года, и Юбилея, или пятидесятаго года, которые отправлялись нѣкогда въ храмѣ іерусалимскомъ. Онъ бываетъ въ сентябрѣ, по окончаніи праздника Кущей, и состоитъ въ чтеніи закона Моисеева. Днемъ Обновленія, въ ноябрѣ, воспоминается обновленіе храма при Маккавеяхъ: онъ отличается зажженіемъ свѣчъ по домамъ Евреевъ. Наконецъ, послѣдній праздникъ, *Фуримъ* или *Пуримъ*, въ февралѣ, посвященъ памяти о спасеніи при Мардохеѣ. Это—родъ масляницы, и тогда совершается большая часть свадебъ у Евреевъ. Талмудъ разрѣшаетъ даже выпить лишнее.

Извѣстно, что Евреи раздѣляютъ годъ на лунные мѣсяцы. Многія изъ молитвъ Евреевъ трогательны. Каждую

Digitized by Google

субботу вечеромъ они поютъ въ синагогахъ: «Милосердый Богъ! Ты прощаешь и не губишь грѣшника; скорый на отвращеніе гнѣва Своего, Ты не изливаешь на насъ всей ярости Твоей! Боже, не лиши насъ милости Твоей, и да охраняютъ насъ милость и истина Твоя! Явщамъ, Боже, спасеніе наше, и навеки насъ изъ среды злыхъ никовъ!» Мысль, что пророкъ Илія предстоитъ возвѣстить имъ пришествіе Мессіи, выражается особенною поэтическою пѣснью. «Это перъ царя Давида!» восклицаетъ Еврей, совершая *провожаніе субботы*.

ПРИЗВАНІЕ *на престолъ всероссійскій Михаила Ѳеодоровича Романова. Сочиненіе* Георгія Львова. *СП.-бургъ, 1843.* — Это собственно — поясненіе на картину, которую весьма давно обѣщалъ выдать господинъ *Георгій* Львовъ и, наконецъ, выдалъ весьма недавно. Картина нельзя сказать, чтобъ была ужасно удивительна, но зато поясненіе написано великолѣпно, высокимъ слогомъ, и безъ правописанія. Тутъ не говорятъ, а *рекутъ*, не идутъ, но *шествуютъ*, и такъ далѣе. Авторъ почерпаетъ историческую мудрость изъ *Ядра Россійской Исторіи*, источника всякой мудрости.

ТРУБКА ТАБАКУ. *СП.-бургъ, 1844.* — Пуфъ во славу одного табачнаго фабриканта. Настоящая цѣль брошюры — объявить, какъ-будто не нарочно, объ его лавкѣ. Литературнымъ образомъ рекомендуютъ вамъ покупать табакъ у «*добраго* Винклера, въ домѣ Рѣшетниковой, по Гороховой Улицѣ, у Каменнаго моста». Тамъ «*добрый* Винклеръ» снабжаетъ лучшими сигарами и двухъ рублевымъ вагштафомъ, который, говоритъ «Трубка табаку», гораздо лучше нежели вагштафъ «знаменитаго, но неглижирующаго, проводителя».

О ВОЛОСАХЪ. *Философическое и практическое сочиненіе, съ подробнымъ изложеніемъ удивительныхъ лекарственныхъ силъ макассарскаго масла. Сочиненіе Румальди. Переведъ съ французскаго* Н...ръ В...ова. *Изданіе второе. Москва, 1843.* — Приглашеніе покупать макассарское масло. Это *философическое сочиненіе* принадлежитъ къ парикмахерской литературѣ. Знаменитый Геліо каждый годъ

Digitized by Google

пишетъ на него *философическія* возраженія, доказывая, что гораздо согласнѣе съ философіей волосъ — покупать его на рынкѣ.

APERÇU DE DIVERS GENRES DE MÉDICATONS *et des bains de vapeur, par M. le docteur* Franceschi. *St.-Pétersbourg, 1843.* — Медико-философическая вывѣска къ заведенію паровыхъ ваннъ, учрежденному въ Петербургѣ авторомъ. Авторъ доказываетъ, что всѣ извѣстные способы врачеванія, аллопатія, гомеопатія, гидропатія — вздоръ: однимъ только способомъ можно возстановить свое здоровье, именно, его паровыми ваннами; ни болѣзни, ни даже старость, не осмѣлятся заглянуть въ двери къ тѣмъ, кто захочетъ употреблять ванны доктора Франчески.

О МИЛОСТЫНѢ. *Москва, 1843.* — Авторъ открылъ, что помогать бѣднымъ — весьма похвально и совѣтуетъ подавать милостыню.

БЕСѢДЫ О МІРОЗДАНІИ. *Сочиненіе* Ильина. *Москва, 1843.* — Авторъ, человѣкъ весьма ученый, посвятивъ книжечку свою «Его высокоблагородію Павлу Платоновичу Григоровичу», подробно излагаетъ тайну сотворенія міра. Одного только не можетъ разгадать онъ вопроса, именно, того, «который, при разсмотрѣніи видимаго міра, невольно *рождается* въ умѣ нашемъ: долго ли будетъ существовать вещественный составъ міра?» За этотъ неизъяснимый вопросъ, который, впрочемъ, какъ изъ дѣла видно, «*невольно родился* въ умѣ» автора, онъ дѣлаетъ своему уму строгій выговоръ, и объявляетъ: «Рѣшеніе столь важнаго вопроса недоступно пытливости человѣческаго ума, и результатомъ всѣхъ соображеній можетъ выходить: «*Я не знаю этого!*»

КНИГА ХАМЕЛЕОНЪ. *Забавная фокусная игрушка для дѣтей. СП.-бургъ, 1843.* — Тетрадка съ картинками и буквами, которую можно вертѣть на четыре манера, и каждый разъ выходитъ другой манеръ буквъ и картинокъ.

БЕРЕГИТЕСЬ, РЕЦЕНЗЕНТЫ! *Разсказъ Августа Левальда. Рисунки Бируста. СП.-бургъ, 1844.* — Объ рецензентахъ тутъ ничего нѣтъ. Вся исторія состоитъ въ слѣдующемъ:

Digitized by Google

смерти, до нѣмецкаго остроумія, разсказъ о томъ, какъ молодая актриса заочно влюбилась въ рецензента, который написалъ ей похвалу: она зоветъ его къ себѣ, пріѣзжаетъ старый, лысый уродъ гелертеръ, и уѣзжаетъ обратно съ длиннымъ носомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Выходящее въ Москвѣ «*Живописное Обозрѣніе*» объявляетъ о вступленіи своемъ въ осьмой годъ благополучнаго существованія. Въ ряду нашихъ иллюстрированныхъ изданій оно, безспорно, занимаетъ первое мѣсто и заслуживаетъ перваго вниманія. Поговоримъ объ немъ. Начатое господиномъ Семеномъ и впослѣдствіи перешедшее во владѣніе Ксенофонта Алексѣевича Полеваго, «Живописное Обозрѣніе» первое познакомило русскихъ читателей съ иллюстрированными, и втеченіи семи лѣтъ составило богатое, чрезвычайно разнообразное, собраніе красивыхъ и любопытныхъ картинокъ, выбирая лучшія изъ англійскаго Penny Magazine и французскаго Magasin pittoresque. Кромѣ иностранныхъ рисунковъ, оно дало читателямъ сотни любопытныхъ изображеній отечественныхъ предметовъ, видовъ русскихъ городовъ, церквей, монастырей и памятниковъ; портретовъ; снимковъ съ подписей; народныхъ костюмовъ, и прочая. Число всѣхъ этихъ картинокъ простирается до двухъ тысячъ, составляя очень занимательную галерею исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, художественныхъ произведеній и этнографическихъ данныхъ. Статьи, которыя служатъ имя поясненіемъ, всегда очень хорошо обдѣланы; онѣ даже большею частью оригинальныя и, кромѣ-того, между ними соблюдается систематическое соотношеніе: содержаніе каждаго года внимательно соображено съ содержаніемъ всѣхъ предыдущихъ годовъ. Такимъ образомъ составился живописный курсъ знаній, доступныхъ для каждаго, по ясности изложенія и по необыкновенно дешевой цѣнѣ. Съ новаго года «Живописное Обозрѣніе» присовокупило особенный листокъ, гдѣ помѣщаются библіографическія замѣчанія о новыхъ

Digitized by Google

книгахъ. Два дошедшіе извѣстные намъ нумера нынѣшняго года богаты содержаніемъ: Болгары, Араратъ, Несеніе креста (картина Себастіана дель-Піомбо), Діогенъ (картина Сальватора Розы), Сочельникъ и Новый годъ, Зима (рисунокъ Гранвилля), Дѣвушка съ собачкою (картина Грёза), Нѣмецкій разнощикъ, Соборная толедская церковь, Парки (статуя Пилона), Еврей музыкантъ, Морская битва: тринадцать большихъ рисунковъ и тринадцать статей, написанныхъ занимательно, легко, живо. Два листка библіографическихъ извѣстій наполнены короткими, но хорошими, замѣчаніями. Говорятъ, будто «Живописнаго Обозрѣнія» расходится три тысячи экземпляровъ и будто издатель очень доволенъ этимъ. Издатель, если ему угодно, можетъ себѣ быть доволенъ, но мы не довольны. На это же самое изданіе въ Англіи считаютъ *сто двадцать тысячъ* подписчиковъ, во Франціи—*сорокъ тысячъ*, въ Германіи—почти столько же. По народонаселенію, эти страны далеко не стоютъ Россіи: а между-тѣмъ въ Россіи на такое красивое, привлекательное, полезное и дешевое чтеніе—только три тысячи подписчиковъ!.... три тысячи въ осьмомъ году существованія!.... и этимъ еще издатель, говорятъ, *доволенъ*!.... Плохой признакъ. Люди не хотятъ просвѣщаться, даже и за безцѣнокъ. Неужели любовь къ чтенію, рвеніе къ образованности, у насъ ослабѣваютъ?.... Наше русское сердце будетъ тогда только довольно, когда намъ скажутъ, что у господина Ксенофонта Полеваго на «Живописное Обозрѣніе»—полтораста тысячъ подписчиковъ.

— «*Санктпетербургской Флоры*», издаваемой господами Левинымъ и Селезневымъ, вышла осьмая книжка. Въ ней двадцать пять рисунковъ, по-прежнему, отлично литографированныхъ и хорошо раскрашенныхъ.

— На-дняхъ выйдетъ *Описаніе турецкой войны 1828 года*», составленное Н. А. Лукьяновичемъ и обогащенное девятнадцатью планами сраженій и осадъ, и двумя картами. Авторъ уже съ выгодной стороны извѣстенъ прежними трудами. Ему были открыты всѣ военные архивы.

Digitized by Google

VII.

СМѢСЬ.

AU JOUR LE JOUR. *Поденщина господина Фредерика Сулié.* Новости свѣжѣе быть не можетъ: романъ написанъ *поденно*,—нынѣшніе романисты хвастаютъ этимъ,—и *поденно* напечатанъ въ фёльетонѣ Journal des Débats, втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, въ родѣ ежедневной газеты чувствъ героини и героя. Такую форму пріиметъ окончательно романъ: между переворотами сердца, которые донынѣ составляли предметъ искусства, поэтическаго соображенія, художественнаго труда, и «испанскими дѣлами», не будетъ ни какого различія; читатель, каждое утро, узнаетъ за завтракомъ изъ своей любимой газеты, что̀ третьяго дня сдѣлалъ Нарваэсъ и сколько слезъ пролила вчера Лидія или Лиза. Свѣтъ достигаетъ удивительнаго совершенства! Несправедливо было бы не довести тотчасъ же до свѣдѣнія нашихъ читателей такихъ новыхъ сердечныхъ событій. Вотъ какъ происходила эта исторія:

Вечеромъ двадцать-пятаго декабря прошлаго 1843 года, въ столичномъ городѣ Парижѣ, комнаты мосьё Симо̀на, стряпчаго, были освѣщены, какъ-будто для балу. Въ столовой накрытъ былъ столъ. А между-тѣмъ, въ десять часовъ никто еще не пріѣзжалъ. Мадамъ Симо̀нъ, женщина лѣтъ тридцати-шести, еще недурная, очень просто, но очень мило одѣтая, ходила по комнатамъ, чтобы посмотрѣть все

Digitized by Google

ли такъ приготовлено, какъ она приказала. Молоденькая дѣвушка сидѣла за фортепіано и небрежно проигрывала какіе-то танцы. По-временамъ она зѣвала и переворачивая ноты, всякой разъ окидывала глазами комнату и бормотала:

— Какъ скучно! Боже мой, какая скука!

Нарядъ ея былъ слишкомъ простъ для балу, но слишкомъ богатъ для такой молоденькой дѣвушки. Ей было только семнадцать лѣтъ. Сѣрое атласное ея платье съ высокимъ воротомъ, застёгивалось сверху до низу бѣлыми пуговками; изъ-подъ широкихъ рукавовъ, разрѣзныхъ до локтя, выставлялись другіе рукава изъ стариннаго венеціянскаго кружева: они одни стоили добраго наряда; на лѣвой рукѣ сіялъ браслетъ: одинъ брилліантъ въ самой простой оправѣ; но съ однимъ этимъ браслетомъ скромное семейство могло бы прожить всю жизнь въ довольствѣ: брилліантъ стоитъ тысячъ пятьдесятъ. Съ перваго взгляду ее можно было бы принять за молоденькую женщину во всемъ блескѣ первыхъ дамскихъ нарядовъ, которые составляютъ главную прелесть медоваго мѣсяца; но поглядѣвъ хорошенько, несмотря на ея гордый видъ, нельзя было не догадаться, что тутъ еще не бывало ни любви, ни брака. Въ двойной дѣвственности молоденькой дѣвушки есть что-то сухое, натянутое, и оно тотчасъ бросается въ глаза. Смотритъ она прямо; жесты у ней какіе-то угловатые, сжатые. Любовь, такъ сказать, развязываетъ этотъ взоръ; дѣлаетъ его гибкимъ, придаетъ ему и милую томность и внезапный блескъ, которые обличаютъ біеніе сердца; замужство точно такъ же развязываетъ походку, жесты, всѣ движенія: женщина становится вольнѣе и болѣе гибкою, хотя больше прежняго чувствуетъ свое достоинство.

Въ туалетѣ этой дѣвушки можно было охуждать многое; въ ней самой ничего. Она была красавица въ полномъ смыслѣ слова; не только прекрасна, но сверхъ-того и миловидна; потому что съ красотою, которая происходитъ отъ правильности чертъ лица, она соединяла и ту, болѣе рѣдкую красоту, которую придаетъ физіономія. Лицо ея выражало величіе, рѣшительность и умъ, что, конечно,

Digitized by Google

не могло нравиться тѣмъ мужчинамъ, которые боятся женскихъ претензій на независимость.

Сначала дѣвушка жаловалась на скуку про себя, потомъ вполголоса, потомъ и вслухъ, такъ что наконецъ мадамъ Симонъ услышала и остановилась посереди залы.

— Тебѣ скучно, Сабина? сказала она протяжнымъ, снисходительнымъ тономъ, но безъ всякой примѣси пугливой привязанности, по которой тотчасъ можно узнать мать.

— Мнѣ, маменька (такъ называла она мадамъ Симонъ, хотя была и не дочь ей): нисколько.

И покраснѣла.

— Что жъ ты такое говорила?

— Мнѣ досадно, что я не могу порядочно разыграть вотъ этого пассажа: десять разъ его твердила.

— О, нѣтъ, что-нибудь да не то. Ты играешь эти ноты прекрасно, да и другія, по-труднѣе этихъ... Тебѣ не нравятся наши обыкновенные гости, тебѣ скучно у насъ.

— О, маменька, какъ вы можете это думать? вскричала Сабина, вскочивъ и подбѣжавъ къ мадамъ Симонъ: неужели я такъ неблагодарна, что не умѣю цѣнить вашей привязанности ко мнѣ?

— Это еще не значитъ, чтобы ты была неблагодарна. Я увѣрена, что ты умѣешь цѣнить нашу привязанность, наши попеченія о тебѣ. Но, мы ли виноваты, или ты сама, только все это ни къ чему не ведетъ. Ты скучаешь у насъ.

Сабина опустила голову и слезки выкатились изъ прекрасныхъ глазъ ея.

— Да, признаюсь, я несчастлива.

Мадамъ Симонъ подвела ее къ кушеткѣ и внутренно смѣясь надъ тѣмъ, что эта молоденькая, прекрасная, богатая дѣвушка, вздумала считать себя несчастною, она сказала:

— Сядь-ка сюда; разскажи мнѣ о своемъ горѣ. Что тебя мучитъ? Какая негодная мысль забралась тебѣ въ голову? Признайся и увидишь, что твое горе разсѣется, какъ-скоро ты ввѣришь мнѣ свою тайну.

Дѣвушка отвернулась и молчала.

— Но скажи же мнѣ, что съ тобою?

— Ничего, маменька, право ничего. Я несчастлива и

Digitized by Google

только. Меня тоска беретъ, когда я подумаю, что сегодня надобно веселиться.

— Да чего же тебѣ недостаетъ? чего тебѣ хочется?

— Ничего.

— Полно ребячиться, [illegible]давай, порассудимъ вмѣстѣ...

— Можно ли разсуждать о томъ, что чувствуешь невольно?

— Ну, вотъ это одна изъ тѣхъ готовыхъ, стереотипныхъ фразъ, которыя мужъ мой такъ ненавидитъ. Если бъ онъ это слышалъ, онъ бы завелъ съ тобой ссору.

— Папенька всегда очень добръ до меня, почти такъ же какъ вы, сказала Сабина; но онъ не понимаетъ женскаго сердца.

Мадамъ Симонъ улыбнулась такъ лукаво, что на минуту десятью годами помолодѣла.

— Съ этимъ я не согласна, моя милая, сказала она. Я, напротивъ, думаю, что мужъ мой очень хорошо знаетъ женское сердце. Я женщина, а я его люблю. Мнѣ было осьмнадцать лѣтъ, когда я его полюбила; теперь мнѣ тридцать шесть, а я всё-еще люблю его.

— О, неужели вы были влюблены въ него? вскричала Сабина съ такимъ простодушнымъ удивленіемъ, что нельзя даже было и обидѣться этимъ вопросомъ.

— Да, влюблена; любила его страстно, со всѣми признаками пламенной любви. Не спала по ночамъ. Когда онъ долженъ былъ прійти къ намъ вечеромъ, я ждала его съ самаго утра. Когда онъ приходилъ, я на него и не смотрѣла, боясь, чтобы не замѣтили моей радости. Если онъ говорилъ съ другой, я наблюдала за измѣненіями его лица, угадывала его слова, сердце у меня сжималось. А когда онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ приближался ко мнѣ, сердце мое распускалось, мнѣ было легче, я свободнѣе дышала; я была счастлива.

— Неужели? спросила опять Сабина, съ тѣмъ же простодушнымъ удивленіемъ: но онъ тогда еще не былъ стряпчимъ?

Ясно, что эти двѣ идеи, любовь и стряпчій, никакъ не вязались въ умѣ Сабины.

— Нѣтъ, онъ и тогда былъ стряпчимъ. Но теперь онъ толстъ, тяжелъ, волосы у него съ просѣдью; а тогда вѣдь

Digitized by Google

онъ былъ не такой. Онъ былъ молодъ, хорошъ, ловокъ, одѣвался прекрасно; серіозенъ, когда нужно, веселъ какъ-нельзя болѣе — при случаѣ и однажды — вообрази, какой дерзкой: и не подумалъ о томъ, что онъ — страпчій — однажды онъ сказалъ мнѣ: «Mademoiselle [illegible] люблю васъ, и если это вамъ не противно, то я буду просить у батюшки вашей руки». Я задрожала и, помнится, сказала, что надо бы было прежде всего обратиться къ батюшкѣ. Онъ отвѣчалъ съ такою же дерзостію и такой же почтительностію: «Знаю, но не лучше ли прежде узнать не противно ли это вамъ, чтобы не навлечь на насъ непріятностей, если бъ батюшка принялъ мое предложеніе благосклонно; а вы отказались?» Я не знала, что дѣлать, а онъ сказалъ — и несмотря на всю его самоувѣренность и рѣшимость, голосъ его дрожалъ — онъ сказалъ:

— Симонъ — имя не громкое.

— Это всегда будетъ имя почтенное.

— Бываютъ чувствованія, продолжала мадамъ Симонъ, которыхъ во всю жизнь не забудешь и не умѣешь себѣ порядочно объяснить. Онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза; грудь его сильно вздымалась; онъ былъ блѣденъ и сжалъ зубы, какъ-будто боялся, чтобы то, чѣмъ волновалось его сердце не поднялось на губы. Наконецъ, нестерпимое его счастье таки вырвалось наружу... слезы покатились у него изъ глазъ... Краснорѣчивѣе этого выразиться было невозможно. Я ушла... О, моя милая, повѣрь мнѣ, невольно полюбишь человѣка, котораго сдѣлаешь до такой степени счастливымъ, хоть бы онъ былъ страпчій... хоть бы...

— И вы до-сихъ-поръ его такъ любите? спросила Сабина, которая слушала все это, какъ-будто ей разсказывали волшебную сказку.

— Теперь немножко иначе, отвѣчала смѣясь мадамъ Симонъ.

— Я такъ и думала, сказала Сабина, улыбаясь.

Мадамъ Симонъ приняла серіозный видъ и продолжала:

—Немножко иначе, но такъ же сильно. Проживъ двадцать лѣтъ съ человѣкомъ, который всегда любилъ и уважалъ тебя; кротко но твердо управлялъ твоею жизнію; не сердился за то, что ты всегда скучна или весела безъ при-

Digitized by Google

ницы; доставлялъ тебѣ общее уваженіе, потому что самъ умѣлъ пріобрѣсть это; заботился всю жизнь о томъ, чтобы тебѣ было хорошо — этого человѣка нельзя не любить, Сабина; [redacted]шь, конечно, не съ первымъ пыломъ юношества, [redacted] съ нѣжною, спокойною и неизмѣнною привязанностію.

Сабина выслушала все это съ большимъ вниманіемъ, потомъ сказала: — А, такъ вы были счастливы!

— А ты никогда не будешь счастлива? Не правда ли? спросила мадамъ Симонъ, снова развеселившись.

— О, я, это дѣло совсѣмъ другое, отвѣчала Сабина, и прекрасное лицо ея покрылось горестію.

— Ты сиротка, моя милая, и, конечно, это большое несчастіе; какъ бы мы ни любили тебя, ничто не замѣнитъ мать.... отца....

Сабина покраснѣла и крупныя слезы покатились изъ глазъ ея.

— Вы знаете, сказала она, что на это я ничего не могу вамъ отвѣчать; вы знаете, что здѣсь же, у васъ въ домѣ, одинъ человѣкъ сказалъ: лучше ей быть сиротой, чѣмъ имѣть такого отца.... я....

— Извини, моя милая, сказала мадамъ Симонъ, нѣжно обнявъ ее: я тебя огорчила.... мнѣ бы не должно было говорить объ этомъ... Но вѣдь ты не разсудительна. Тебѣ семнадцать лѣтъ, ты хороша какъ ангелъ, добра, хотя немножко избалована, ты чрезвычайно богата ... кто бы тебѣ ни понравился, всякой за счастье, за честь почтетъ быть твоимъ мужемъ.....

— Поэтому-то я и не могу быть счастлива, отвѣчала Сабина. Меня, можетъ-быть, будутъ любить, потому что я хороша, а это, просто, тщеславіе.... Или потому только что я богата, а это низость.

Мадамъ Симонъ хотѣла было отвѣчать, но Сабина продолжала съ живостію:

— О, я совсѣмъ не такъ безразсудна, какъ вы думаете. Вотъ уже полгода какъ я вышла изъ пансіона. Лѣтомъ, у васъ на дачѣ, всѣ за мною ухаживали, а на другихъ дѣвушекъ и не обращали вниманія.... Признаюсь, покуда я оставалась въ гостиной, такое предпочтеніе меня веселило; но уйдя въ свою комнату и порадумавъ объ этомъ, я

Digitized by Google

сама себя упрекала.... Я видѣла ясно, что мнѣ только льстятъ, а не любятъ меня и что эти люди ухаживаютъ только за моими богатствами.

— Какъ можно такъ думать! В[illegible] твоихъ обожателей есть напримѣръ мосьё де-Белле[illegible]. У тебя сто тысячъ доходу, а у него десять или двѣнадцать милліоновъ капиталу: такъ ты бѣдна передъ нимъ и ужъ онъ-то, вѣрно, ухаживаетъ не за твоимъ богатствомъ.

— Ну, этотъ напрасно трудится, сказала смѣясь Сабина: я его терпѣть не могу. Онъ ходячій милліонъ; на лицѣ написано сколько у него доходу.... Этотъ... .

— Этотъ нынче здѣсь ужинаетъ. Твой ходячій милліонъ такъ откровенно напрашивался, что мужъ не могъ не пригласить его.

— А, такъ по-крайней-мѣрѣ, у насъ будетъ одинъ порядочный танцоръ и хорошій музыкантъ....

— То есть, всѣ другіе неучи, чурбаны....

— Нѣтъ! Но..... признайтесь откровенно..... конторщики стряпчаго!... Вѣдь это, право, народъ не слишкомъ любезный ...

Въ эту самую минуту кто-то весело закричалъ въ другой комнатѣ: — Кто здѣсь дурно говоритъ о конторщикахъ стряпчаго?

— Ай, ай! вскричала Сабина, закрывая лицо руками: папенька! Достанется мнѣ теперь.

И Симонъ принялся исчислять всѣ добродѣтели, которыми одарены конторщики стряпчихъ. Правда, сказалъ онъ взаключеніе, они не обязаны быть остроумными, но какъ законъ запрещаетъ имъ произносить рѣчи въ судахъ, такъ они по-крайней-мѣрѣ не адвокаты, а это стоитъ многихъ первоклассныхъ добродѣтелей.

Окончивъ свою рѣчь, Симонъ усѣлся передъ каминомъ, а Сабина сказала:

— Если они не говорятъ рѣчей въ судахъ, то говорятъ ихъ дома.

— Послушай, Сабина, вскричалъ Симонъ, если ты назовешь меня адвокатомъ, я тебя разбраню.

— А вѣжливы ли конторщики съ дамами? спросила Сабина.

— О, иные изъ нихъ страшные курмахеры.... сколько

Digitized by Google

можно въ вытертомъ фракѣ и съ пятидесятью франками въ мѣсяцъ жалованья.

— А когда они сами дѣлаются стряпчими, такъ эта вѣжливость совсѣмъ [illegible] пропадаетъ?

— Это что зна[illegible]тьмъ я передъ тобой провинился?

— Кажется, мы съ вами еще сегодня не видались.

— Да, да, а я забылъ поцѣловать тебя, сказалъ Симонъ, вставая.

Сабина убѣжала на другой конецъ комнаты, закричавъ: — Теперь поздо....

— Ну, если ты хочешь, чтобъ я гонялся за тобою, чтобы поцѣловать тебя, такъ погоди немножко, сказалъ Симонъ, снова садясь на свое мѣсто: дай мнѣ отогрѣть ноги. Я ужасно прозябъ.

— А я кое-что объ васъ знаю, сказала Сабина, взявъ его своими хорошенькими ручками за голову:... Вы были влюблены....

— Ба!

— И я за это еще больше люблю васъ, сказала Сабина, кокетничая съ своимъ старымъ опекуномъ.

— Счастье мое, что я не имѣлъ дѣла съ такою ужасной кокеткой, какъ ты.

— Какъ я? вскричала Сабина съ величайшимъ простодушіемъ: какъ можно такъ ужасно клеветать на меня!

— Ну, да хорошо, этому скоро будетъ конецъ: у меня уже цѣлый десятокъ жениховъ для тебя, и....

— Какіе вы сегодня несносные! сказала Сабина, съ досадою садясь играть за фортепіано.

— Что съ ней? спросилъ Симонъ, смотря на жену.

Та отвѣчала ему ужимкою, какъ-будто хотѣла сказать: «Такъ, ничего; дѣвичьи капризы». Въ это самое время человѣкъ доложилъ, что пріѣхалъ маркизъ де-Беллестаръ.

Маркизъ Александръ де-Беллестаръ былъ рослый, дюжій молодецъ, крѣпкій на своихъ жилистыхъ ногахъ; подъ пестрымъ, раззолоченнымъ его жилетомъ скрывалась широкая, могучая грудь; геркулесовскія его руки съ трудомъ прятались въ узкихъ перчаткахъ. Сабина видывала его уже и прежде, однако теперь бросила на него взглядъ болѣе чѣмъ любопытный, одинъ изъ тѣхъ непостижимо быстрыхъ взглядовъ, которыми дѣвушки въ секунду

Digitized by Google

осматриваютъ мужчину, если предугадываютъ въ немъ мужа.

Какой бы ни былъ результатъ этого экзамена, онъ не проявился на лицѣ Сабины, и когда маркизъ поклонился ей, она отвѣчала ему съ ловкостью и [illegible]остію благовоспитанной дѣвицы. Мосьё Симонъ нахмурился: ему не нравилось, что молоденькая дѣвушка до такой степени владѣетъ собою.

Начался общій разговоръ и маркизъ, довольно ловко пользуясь обстоятельствами, обращался къ Сабинѣ. Извѣстно, что во Франціи существуетъ обычай дѣлать въ Новый Годъ подарки. Такъ какъ это время приближалось, то маркизъ де-Беллестаръ говорилъ о безчисленномъ множествѣ прелестныхъ вещицъ, выставленныхъ въ магазинахъ. Онъ вездѣ былъ, все видѣлъ, все оцѣнилъ и если не все купилъ, то только потому, что ему некого окружать блескомъ роскоши.

При всемъ своемъ умѣ, мосье Симонъ былъ только мужчина. Ему показалось, что все это было сказано хорошо и кстати. Мадамъ Симонъ, напротивъ, нашла, что маркизъ слишкомъ явственно намѣкалъ на то какъ весело было бы его женѣ. Что думала Сабина, этого никто бы не узналъ; а пріятельницы ея были одного мнѣнія съ мадамъ Симонъ, такъ что когда одна изъ нихъ спросила какъ зовутъ этого молодаго человѣка, другая отвѣчала: — Маркизъ Вещицынъ.

Тутъ между дѣвушками начались разговоры, шопотъ, тихій хохотъ, маркиза разобрали по ниточкѣ и это имя осталось его неотъемлемымъ достояніемъ.

Кромѣ Беллестара тутъ было еще нѣсколько молодыхъ людей; но тѣ держались встороннѣ, по-дальше отъ важнаго гостя, въ общій разговоръ не пускались и толковали между собою, тоже насмѣхаясь надъ бѣднымъ маркизомъ: то были конторщики мосьё Симона.

Въ это самое время въ дверяхъ гостинной показался какой-то молодой человѣкъ. Хозяинъ тотчасъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Молодой человѣкъ подалъ ему нѣсколько бумагъ и поговоривъ съ нимъ, хотѣлъ уйти.

— Какъ, Сильвестръ, вы не остаетесь съ нами? сказалъ Симонъ.

Digitized by Google

— Извините: мнѣ пора домой; тётушка будетъ безпокоиться, если я ворочусь позже обыкновеннаго.

— А я просилъ васъ предувѣдомить ее; нужды нѣтъ, я пошлю ей сказать, что вы у насъ.

Молодой человѣкъ былъ въ большомъ смущеніи. Онъ съ печальнымъ и кроткимъ видомъ посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-будто подумалъ: «Что мнѣ дѣлать посереди этой роскоши и веселости?» Потомъ онъ сказалъ:

— Я не здоровъ, мосьё Симонъ, и мнѣ лучше бы....

— Если бъ надобно было проработать всю ночь, вы были бы здоровы, возразилъ Симонъ съ дружескимъ упрекомъ. Вы не слушаетесь меня оттого, что мы теперь не въ конторѣ. Гортензія, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ: помоги мнѣ; скажи мосьё де-Прони, что ты разсердишься, если онъ не останется у насъ.

Отговариваться дольше было невозможно, и Сильвестръ остался. Разговоръ его съ хозяевами обратилъ на него общее вниманіе. Молодые конторщики смотрѣли на него съ почтеніемъ и одинъ изъ нихъ сказалъ:—Онъ еще блѣднѣе обыкновеннаго. Дѣвушки поглядывали на него украдкой и, видно, онъ показался имъ очень замѣчательнымъ, потому что онѣ всѣ вмѣстѣ спросили:—Кто это? Де-Белластаръ тоже устремилъ на него свои большіе глаза и принялъ самый надмѣнный видъ. Ему стало досадно: у этого молодаго человѣка было все, чего недоставало богатому маркизу: умное, благородное выраженіе лица, гибкій и стройный станъ, маленькія, красивыя руки и ноги. Де-Прони было только двадцать лѣтъ; но онъ казался старше, потому что лицо у него было смуглое и почти всегда задумчивое.

Что касается до Сабины, то по лицу ея теперь, какъ и всегда, нельзя было узнать что она думаетъ; но черезъ минуту глаза ея пробѣжали по комнатѣ и остановились тамъ, гдѣ былъ де-Прони: ясно, что она не только замѣтила, но даже искала его. Сильвестръ держалъ въ рукахъ альбомъ и смотрѣлъ рисунки; нѣкоторые онъ перевернулъ, какъ-будто они не стоютъ вниманія; другіе разсматривалъ съ видомъ знатока. Наконецъ онъ вдругъ остановился какъ-будто его поразило что-то необыкновенное: брови его нахмурились, на устахъ мелькнула горькая,

Digitized by Google

надменная улыбка; онъ въ ту же минуту поднялъ глаза, какъ-бы искалъ кого-то и встрѣтился съ глазами Сабины. Она удивилась, замѣтивъ, что онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ-будто обидѣлся тѣмъ, что на него смотрятъ. Онъ тотчасъ отошелъ отъ стола и такъ скоро, что оставилъ альбомъ раскрытымъ на той самой страницѣ, гдѣ былъ рисунокъ, который такъ встревожилъ его.

Сабина продолжала разговаривать съ своими пріятельницами, не не спускала глазъ съ альбома, и, увидѣвъ, что де-Прони ушелъ въ комнату мадамъ Симонъ, смежную съ гостиною, предложила своимъ подругамъ показать имъ свои рисунки и побѣжала къ столу, чтобы другой кто не взялъ альбома прежде ея. Онъ былъ раскрытъ на акварельномъ рисункѣ самой Сабины. Тутъ изображены были ея замокъ и паркъ, и она постичь не могла отчего этотъ рисунокъ такъ взволновалъ де-Прони.

Въ это время пришли сказать, что ужинъ готовъ. Сабина замѣтила, что одинъ Сильвестръ не поторопился подать руку дамѣ. Онъ стоялъ второнѣ. Сабина, какъ воспитанница хозяина, пропускала всѣхъ впередъ. Отъ этого вышло, что они остались вдвоемъ позади всѣхъ. Сабина остановилась какъ-будто удивляясь, что осталась одна, пожала плечами, какъ-будто хотѣла сказать: «меня-те и забыли», потомъ притворившись будто теперь только замѣтила де-Прони, и сказавъ:—«Ахъ, извините», пошла въ столовую.

Женщины безжалостны. Это пожатіе плечами, это извиненіе значили: «Вы неучь; вы такъ неучтивы, что даже не подали мнѣ руки». И за что же такая немилость? За то, что бѣдный молодой человѣкъ съ досадою смотрѣлъ на очень посредственный рисунокъ мамзель Сабины Дюранъ. Мамзель Дюранъ! Имя, слишкомъ не аристократическое, не громкое, а оно между-тѣмъ принадлежало дѣвушкѣ прекрасной, богатой, которая, по словамъ мадамъ Симонъ, могла выйти за кого хотѣла. Но при этомъ простомъ имени было сто тысячъ доходу съ прекрасныхъ земель въ Нормандіи и Симонъ увѣрялъ, что такая прелесть на эти земли стоитъ любаго диплома, хоть бы маркизскаго, или герцогскаго.

Угадалъ ли Сильвестръ что значила ужимка и извине-

Digitized by Google

нія Сабины, или что другое его огорчало, только онъ съ самымъ недовольнымъ видомъ вошелъ въ столовую.

Замѣтивъ, что Сабина сидитъ на концѣ стола и какъ-будто боясь, чтобы его не посадили подлѣ ея, онъ помѣстился на другомъ краю, гдѣ бы слѣдовало сидѣть младшему изъ конторщиковъ стряпчаго. Мадамъ Симонъ хотѣла посадить его по-выше, но мужъ остановилъ ее и сказалъ:

— Оставь; этакъ очень хорошо: наши дѣти не обоимъ концамъ стола.

Это сказано было очень не-вопадъ. Сабина сдѣлала самую надмѣнную минку, обижаясь, что ее поставили на одну доску съ какимъ-нибудь конторщикомъ, а Сильвестръ, для котораго это должно бы быть лестнымъ, вздрогнулъ какъ-будто ему сказали что-нибудь оскорбительное.

Маркизъ де-Беллестеръ замѣтилъ досаду Сабины и былъ очень доволенъ ею. Потомъ взглянулъ на Сильвестра, у котораго на лицѣ было написано огорченіе, и сказалъ довольно громко своей сосѣдкѣ мадамъ Симонъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, вѣрно, лишился своихъ родителей, что онъ такой печальный.

— И родителей и всего своего имѣнія, холодно отвѣчала мадамъ Симонъ.

— А велико оно было? спросилъ презрительно де-Беллестеръ.

— Огромное.

— А что за люди были его родители? спросилъ опять маркизъ, развалившись на стулѣ, чтобы придать своему вопросу еще болѣе надмѣнности.

— Онъ изъ очень хорошей фамиліи.

— Какъ же его зовутъ?

— Мосьё де-Прони.

— Позвольте, я что-то слышалъ объ этихъ де-Прони. Кажется, замокъ Ріёзъ близъ Кодебека былъ ихъ.

— Да.

— Помню, помню.... Тутъ было скверное дѣло, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и взглянувъ на Сабину, которая съ жадностью вниманіемъ подслушивала ихъ разговоръ.

Де-Беллестеръ бросилъ на нея одинъ изъ своихъ са-

Digitized by Google

мыхъ побѣдоносныхъ и вмѣстѣ самыхъ скромныхъ взглядовъ. Онъ убѣдился, что Сабина глазъ съ него не спускаетъ. Сабина потупила глаза и покраснѣла. Маркизъ благосклонно самъ себѣ улыбнулся. Напрасно трудился. Сабина слушала его потому, что онъ говорилъ о Сильвестрѣ, котораго досаду она замѣтила; и покраснѣла не оттого, что смотрѣла на Беллестара и онъ поймалъ ее, а оттого, что подслушивала, что̀ онъ говорилъ о Сильвестрѣ. Она задумалась: теперь она понимала отчего рисунокъ въ ея альбомѣ до такой степени взволновалъ Сильвестра. Этотъ рисунокъ представлялъ замокъ Ріёзъ, который нѣкогда принадлежалъ де-Пронй или его роднымъ; а теперь принадлежитъ ей, мамзель Дюранъ.

Было о чемъ задуматься, было о чемъ и пораздумать. Но шутливыя ссоры хозяина съ гостями за то, что они мало ѣдятъ и мало пьютъ и забавныя жадность младшаго изъ конторщиковъ мосьё Симо̀на, шестнадцати-лѣтняго Радино̀, который какъ ребенокъ восхищался всѣмъ что̀ ѣлъ и видѣлъ, безпрестанно развлекали Сабину.

Послѣ ужина мадамъ Симо̀нъ устроила танцы. Маркизъ де-Беллестаръ торжественно подошелъ къ мамзель Дюранъ съ приглашеніемъ, но маленькой Радино̀ уже предупредилъ его. Сабина иногда принимала важный видъ, но несмотря на то была еще настоящій ребенокъ, веселый и рѣзвый. Она танцовала съ Радино̀, танцовала съ де-Беллестаромъ, танцовала со всѣми желающими и совершенно забыла, что тутъ въ комнатѣ есть человѣкъ, который въ одинъ вечеръ два раза непріятно на нея подѣйствовалъ. Сильвестръ, напротивъ, какъ всѣ люди, у которыхъ въ сердцѣ настоящее горе, былъ печаленъ; общее веселье не только не развлекало его, но даже какъ-будто огорчало. Между-тѣмъ онъ сидѣлъ въ углу и не трогался съ мѣста. Что̀ жъ его тутъ удерживало? Этого, вѣроятно, онъ и самъ не умѣлъ бы объяснить. Онъ былъ еще тутъ, когда мадамъ Симо̀нъ предложила дѣвицамъ спѣть что-нибудь. Ни одна не рѣшалась начать. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Сабина храбро подошла къ фортепіано и взяла первый попавшійся романсъ. То былъ извѣстный романсъ L'Orphelin.

Когда сердце взволновано какимъ бы то ни было ощу-

Digitized by Google

щеніемъ, то оно гораздо легче чѣмъ въ спокойное время поддается ощущенію, совершенно противоположному. Такъ было и теперь. Сабина сѣла за фортепіано съ ощущеніемъ безотчетной радости, между-тѣмъ меланхолическая музыка романса постепенно овладѣла ею, такъ, что она пѣла съ возрастающимъ чувствомъ, и дойдя до припѣва

Pitié, Madame,
Pour l'orphelin,
Qui vous réclame
Un peu de pain,

(сжальтесь надъ сироткой, который проситъ куска хлѣба), пропѣла ихъ съ такимъ чувствомъ, что со всѣхъ сторонъ раздались восторженныя рукоплесканія. Это значило еще ударить по струнѣ, которая и безъ того уже сильно звучала. Совершенно предаваясь своему чувству, Сабина уже не однимъ голосомъ, но взорами, игрою физіономіи, съ такою истиною выражала отчаяніе нищеты, которая проситъ хлѣба, что по окончаніи втораго куплета, рукоплесканія раздались еще громче прежняго. Но они еще не дошли до ея слуха, какъ она услышала заглушенный крикъ горести и увидѣла, что Сильвестръ сидѣлъ, закрывъ глаза руками и тщетно стараясь удержать свои слезы. Разумѣется, что такое торжество было лестно для самолюбія Сабины. Начавъ третій куплетъ, она обратилась въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ де-Прони и при второмъ стихѣ встрѣтилась съ нимъ глазами. Но глаза его были уже сухи; онъ смотрѣлъ на пѣвицу прямо, рѣшительно, какъ-будто стыдясь своей слабости и стараясь, чтобы никто не могъ и подозрѣвать ея. Мало-по-малу глаза его принимали выраженіе угрожающее. Сабина хотѣла бы скрыться отъ этого взгляду, но, поддаваясь какому-то обаянію, никакъ не могла не смотрѣть на Сильвестра и это такъ на нея подѣйствовало, что она смѣшалась, послѣднія слова замерли у нея на устахъ и она вдругъ остановилась.

Всѣ бросились къ ней, думая что она не здорова. Она скоро оправилась: де-Прони уже не было въ залѣ; но съ этой минуты Радино уже не веселилъ ее своей дѣтской живостью и даже маркизъ не казался ей смѣшнымъ. Впрочемъ, балъ черезъ нѣсколько времени кончился и она ушла въ свою комнату.

Digitized by Google

На другой день, въ праздникъ Рождества Христова, бѣдная церковь Saint-Vincent-de-Paule была рано утромъ уже полна народомъ. Недалеко отъ дверей сидѣла старуха, высокая, худая, въ черномъ платьѣ, въ бѣдномъ перкалевомъ чепчикѣ. Тонкія, блѣдныя ея губы быстро шевелились, произнося молитвы, которыя она читала уже шестьдесятъ лѣтъ и которыя, можетъ-быть, ни разу не доходили до ея сердца. Это было замѣтно и по взглядамъ, которые она по временамъ бросала вокругъ себя: въ глазахъ ея сверкала злоба старой дѣвки, которая ненавидитъ все, что̀ моложе, лучше, богаче, счастливѣе ея. То была мамзель де Прони, тётка Сильвестра, такъ же какъ и онъ, разоренная Дюраномъ, отцомъ Сабины. Сильвестръ стоялъ подлѣ старухи на колѣнахъ, погрузившись въ размышленія, не безъ примѣси мірскаго, но между-тѣмъ сообразныя съ священнымъ мѣстомъ гдѣ онъ находился. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что ненавидитъ невинную Сабину, какъ-будто дочь можетъ отвѣчать за низкіе поступки отца, въ которыхъ не участвовала, о которыхъ даже не знала.

Вдругъ позади послышался шумъ: стоящіе разступались, чтобы кого-то пропустить. Сильвестръ оглянулся и очутился лицомъ къ лицу съ мамзель Дюранъ, которая, пріѣхавъ въ церковь съ старой гувернанткою, искала глазами свободнаго стула. Де-Прони машинально всталъ и уступилъ ей свой стулъ. Сабина холодно поклонилась, по-видимому, и не замѣтивъ, что это онъ, и сѣла на его мѣсто. Въ это время мамзель де-Прони оглянулась и устремила на сосѣдку злые глаза свои: она увидѣла только молоденькую и хорошенькую дѣвушку, но уже и отъ одного этого глаза ея налились желчью. Но, Боже мой, что̀ сказала бы она, если бъ узнала, что племянникъ усадилъ подлѣ нея дочь Дюрана, того Дюрана, котораго она называла не иначе какъ воромъ, грабителемъ, злодѣемъ, извергомъ! Сильвестру это тотчасъ пришло въ голову и онъ былъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ умѣ его блеснула другая тягостная, ужасная мысль. Что̀ подумаютъ, когда узнаютъ, что онъ оказываетъ услуги дочери человѣка, который своими низкими поступками довелъ все его семейство до нищеты. Разумѣется, добрые люди скажутъ:

Digitized by Google

—«Что же ему дѣлать! конечно, онъ помнитъ, что отецъ этой мамзель Дюранъ ограбилъ и свелъ въ гробъ его отца, но вѣдь она воспитанница мосьё Симона, а у де-Прони только и за душой, что полторы тысячи франковъ, которые онъ получаетъ отъ хозяина, такъ по-неволѣ станешь гнуться, когда ѣсть нечего!»

Въ эту минуту бѣдный Сильвестръ готовъ былъ бѣжать къ Симону, чтобы отказаться отъ своего мѣста, но онъ не могъ оставить тётку одну. Эта мысль напомнила ему, что отецъ его говорилъ о ней на смертномъ одрѣ. «Бѣдная сестра, по моей винѣ лишилась всего что имѣла, такъ по-крайней-мѣрѣ ты долженъ кормить ее». Конечно, онъ могъ бы пріискать другое мѣсто; но другаго мѣста пришлось бы, можетъ-быть, прождать цѣлый мѣсяцъ; чѣмъ же въ это время содержать бѣдную старуху? Что же ему, несчастному, оставалось дѣлать? Подавить благородную гордость, которая кипѣла у него въ груди и нести свое тяжелое бремя.

Служба кончилась. Уходя, Сабина поблагодарила де-Прони и взглянула на него: на лицѣ Сильвестра выражалась такая суровость, такая жестокая угроза, что она затрепетала и въ смущеніи опустила голову. Тутъ она еще разъ увѣрилась, что у этого человѣка непремѣнно должно быть что-нибудь противъ нея. Мамзель де-Прони встала и подавая ему руку спросила:

— Кто эта долговязая дылда, которую ты усадилъ подлѣ меня?

Сказать что это мамзель Дюранъ, разумѣется, было невозможно. Сильвестръ хорошо зналъ, какая лавина ругательствъ обрушилась бы вслѣдъ затѣмъ и на Сабину и на него. Онъ смутился и запинаясь отвѣчалъ:

— Это одна дѣвушка, которую я видѣлъ у мосьё Симона.

— А! сказала мамзель де-Прони, устремивъ на него свой кошачій взглядъ.

— Она дочь одного изъ его довѣрителей, продолжалъ Сильвестръ.

— И ѣздитъ въ церковь безъ матери?

— Кажется, у ней нѣтъ матери.

— Зачѣмъ же отецъ отпускаетъ ее одну?

— Она, кажется, круглая сирота, отвѣчалъ Сильвестръ, стараясь увернуться отъ этого допросу.

Digitized by Google

— А какъ зовутъ эту сиротку?

Въ эту минуту Сильвестръ довольно грубо оттолкнулъ какую-то старуху, вскричавъ:

— Да смотри же: ты по ногамъ ходишь.

Бѣдная старуха и не дотрогивалась до него.

— Съ которыхъ это поръ, Сильвестръ, ты научился обходиться такимъ образомъ съ женщинами? сказала мамзель де-Прони. Ты грубишь ей, потому что она стара и дурна, а если бъ она была похожа на ту фрейлину, такъ ты бы сталъ извиняться передъ ней, хоть бы она наступила тебѣ на ногу.

Сильвестръ былъ внѣ себя отъ досады, и надѣялся только на то, что какой-нибудь случай обратитъ вниманіе его тётки на другой предметъ и заставитъ ее прекратить свои разспросы. Между-тѣмъ они вышли изъ церкви и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что мамзель Дюранъ стоитъ на троттоарѣ, ожидая своей кареты. Нищіе, увидѣвъ богатую даму, толпой бросились къ ней: Сабина раздавала имъ всякія монеты какія попадались подъ руку. Карета подъѣхала, заставивъ отступить тѣхъ, которые уже сошли-было съ троттоара. Сабина стала на подножку и обернувшись, чтобы сказать человѣку куда ѣхать, увидѣла Сильвестра. Она вспыхнула, Сильвестръ поклонился, не зная самъ что дѣлаетъ и она отвѣчала ему холоднымъ, но вѣжливымъ поклономъ. Оглянувшись на тётку, де-Прони увидѣлъ, что она впилась ему въ лицо своими желтыми глазами.

— Гм! сказала злая дѣвка: сиротка, которая катается въ каретѣ, пріѣзжаетъ въ церковь безъ матери.... знаемъ мы что это за птицы!

Сильвестръ притворился будто не слыхалъ; но у тётки его были когти на языкѣ, и она продолжала царапать племянника, чтобы заставить его кричать.

— Стыдъ и срамъ, право! Этакія времена! Эти твари вѣдь и не стыдятся....

— Тётенька, помилуйте, что это вы говорите? вскричалъ Сильвестръ съ негодованіемъ.

— Станетъ ли порядочная дѣвушка разъѣзжать одна!... Ну, да, впрочемъ, если ты ее знаешь.... А какъ зовутъ эту чистую голубицу?

Этого-то Сильвестръ и боялся.

Digitized by Google

— Ее зовутъ.... Право, не помню.

— А! ты не помнишь какъ зовутъ женщину, которую ты посадилъ подлѣ тётки.... которая краснѣетъ, раскланиваясь съ тобою.... которой дѣла въ рукахъ твоего хозяина.... сиротка, которая разъѣзжаетъ въ щегольскомъ экипажѣ! Хорошо.... хорошо....

— Но, тётушка....

— Прошу не забывать, Сильвестръ, что есть вещи, которыхъ я не хочу знать....

— Но, тётушка....

— Лишь бы только эти интрижки не отвлекали тебя отъ дѣла....

— Но, тётушка....

— Только въ другой разъ прошу покорно не назначать свиданія при мнѣ: я не намѣрена играть роль....

Это хоть кого бы вывело изъ терпѣнія. Сильвестръ бросилъ ея руку и пошелъ впередъ. Мамзель де-Прони окаменѣла отъ злости. Но Сильвестръ тотчасъ пришелъ въ себя и воротился.

— Тётушка, сказалъ онъ, прошу васъ покорнѣйше не дѣлать обидныхъ предположеній насчетъ этой дѣвушки. Вы ея совсѣмъ не знаете и распускать объ ней подобные слухи было бы гнусно.

Твердость Сильвестра остановила потокъ ругательствъ, который кипѣлъ уже на языкѣ злой дѣвки; однако жъ она не намѣрена была уступить такъ скоро и продолжала:

— Тѣмъ лучше для нея, если она изъ порядочнаго семейства.

Сильвестръ вздрогнулъ: по инстинкту злости мамзель де-Прони попала прямо на слабое мѣсто своей жертвы. Старуха почувствовала, что Сильвестръ задрожалъ, и продолжала ироническимъ тономъ:

— Тѣмъ лучше для тебя, мой милый. Бывало не разъ, что конторщики стряпчихъ женились на богатыхъ и сами дѣлались стряпчими. А когда дѣвушка не только богата, да и хороша, такъ тѣмъ лучше.

Мысль соединить имя свое съ именемъ дочери банкрота Дюрана, какъ громомъ поразила Сильвестра.

— Ради Бога, тётушка, вскричалъ онъ, оставьте эту

Digitized by Google

женщину въ покоѣ. Вы не можете представить себѣ, какъ вы меня мучите.

Между-тѣмъ они дошли до дверей своего дому.

— Мнѣ надобно итти въ контору, сказалъ Сильвестръ.... Прощайте, тётушка.

— Я думала, что въ Рождество не работаютъ, сказала она.... Впрочемъ, я не хочу мѣшать ничьимъ свиданіямъ....

Сильвестръ не отвѣчалъ, но отвернулся и пошелъ.

— То есть, свиданіямъ по дѣламъ, прибавила она злобно смѣясь.

Она остановилась на порогѣ и посмотрѣвъ вслѣдъ за нимъ, сказала:

— Я узнаю, я все узнаю; отъ меня ты не украдешься.

Мысль о возможности союза между нимъ, Сильвестромъ де-Прони, и Сабиною Дюранъ, заставила его разобрать, изслѣдовать свои чувства и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что въ сердцѣ его вмѣсто ненависти врядъ-ли не кроется любовь. Какъ, влюбиться такъ скоро въ дѣвушку, которой почти не знаешь!... Объяснять непостижимыя странности человѣческаго сердца мы не беремся, но только человѣкъ взбѣшенный тѣмъ, что влюбился, можетъ быть до такой степени не въ духѣ, какъ былъ Сильвестръ, когда пришелъ въ контору, особенно, когда ему сказали, что теперь нельзя видѣться съ мосьё Симѳономъ.—Отчего? Оттого, что у него въ кабинетѣ мамзель Дюранъ; двое или трое уже приходили и имъ отказали. Это чрезвычайно удивило Сильвестра, тѣмъ болѣе что мосьё Симѳонъ жилъ въ бель-этажѣ, а кабинетъ и контора его были совершенно отдѣльно, на верху, и потому Сабина никогда туда не заходила. Но онъ еще болѣе удивился бы, если бъ зналъ о комъ тамъ разговариваютъ.

Воротившись изъ церкви, Сабина пошла прямо, не въ свою комнату, а въ кабинетъ своего опекуна.

— Господи, Боже мой! вскричалъ онъ шутя, когда Сабина отворила дверь: ужъ не процессъ ли какой завелся у тебя? О какомъ ты дѣлѣ пришла со мной посовѣтоваться?

— О дѣлѣ очень важномъ, отвѣчала она серіозно.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Усаживая Сабину подлѣ себя, Симѳонъ внимательно по-

Digitized by Google

смотрѣлъ на нея и замѣтилъ, что она дѣйствительно чѣмъ-то занята. Ему пришло въ голову, что ее пугаетъ то, что онъ говорилъ вчера о женихахъ и то, что онъ пригласилъ къ себѣ маркиза де-Беллестара. Поэтому мосьё Симонъ чрезвычайно удивился, когда она вдругъ спросила его:

— Скажите мнѣ, папенька, что такое мосьё де-Прони?

— Де-Прони? сказалъ Симонъ, пристально смотря на нея.... Сильвестръ?

— Ну, да, Сильвестръ де-Прони, вашъ старшій конторщикъ.

Видно, этотъ вопросъ былъ не такъ простъ, какъ могъ бы показаться съ перваго взгляду, потому что такое нечаянное нападеніе чрезвычайно смутило стараго стряпчаго. Онъ нахмурился, завертѣлся въ креслахъ и сдѣлавъ два или три глухихъ восклицанія, наконецъ сказалъ:

— Да онъ мой старшій конторщикъ, какъ ты сама сейчасъ сказала: больше ничего.

— Вы очень понимаете, что я не объ этомъ васъ спрашиваю.

— Онъ прекрасный молодой человѣкъ, сказалъ Симонъ немножко оправившись.

— Благородный человѣкъ и съ большими достоинствами: это вы сами при мнѣ не разъ говорили.

— Ну, такъ что жъ тебѣ еще хочется знать? Да притомъ, что это за вопросы?

— Ради Бога, папенька, не спрашивайте меня, а отвѣчайте.... Мнѣ хочется и.... мнѣ непремѣнно нужно знать, кто такой этотъ мосьё де-Прони.

Мосьё Симонъ молчалъ и почесывалъ себѣ лобъ.

— Странно, что ты меня объ этомъ спрашиваешь, сказалъ онъ наконецъ: однако жъ....

Онъ остановился и задумался.

— Да ради Бога, отвѣчайте же мнѣ, сказала дѣвушка съ нетерпѣніемъ.

— Милая моя, сказалъ онъ: это дѣло важное, очень важное....

— Такъ я не ошиблась! вскричала Сабина съ живостію: скажите же мнѣ все.... вы должны мнѣ все сказать....

Симонъ взялъ воспитанницу свою за руки и, замѣтивъ,

Digitized by Google

что у ней на глазахъ слезы, понялъ, что она угадала истину.

— Сабина, отвѣчалъ онъ, я скажу тебѣ все, что тебѣ нужно знать; но прежде всего ты должна мнѣ признаться, зачѣмъ ты у меня это спрашиваешь.

Сабина покраснѣла и не знала что отвѣчать; наконецъ, потупивъ глаза, она сказала:

— Можетъ-быть, мосьё де-Прони принуждаетъ меня къ этому своимъ поведеніемъ.

— Своимъ поведеніемъ! вскричалъ Симонъ. Неужели онъ сдѣлалъ тебѣ какую-нибудь неучтивость, или сказалъ что-нибудь неприличное?

— О, нѣтъ! мосьё де-Прони человѣкъ слишкомъ благовоспитанный для этого. Но иногда и безъ того можно видѣть, что кому-нибудь непріятно встрѣчаться съ вами.

— Неужели онъ тебѣ это показалъ?

— Онъ, можетъ-быть, не хотѣлъ показать, но я замѣтила.

— Ты правду говоришь, Сабина? сказалъ Симонъ съ строгимъ видомъ. Я очень люблю Сильвестра, потому что онъ дѣйствительно прекрасный человѣкъ; а, можетъ-быть, отчасти и потому, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Но я бы никогда не простилъ ему, если бъ онъ какимъ-нибудь образомъ показалъ тебѣ, что ему можетъ быть непріятно встрѣчаться съ тобою.

— А, такъ онъ имѣетъ причины не любить.... можетъ-быть ненавидѣть меня?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать; но есть вещи, которыя трудно забыть.... Но, признайся мнѣ откровенно: кто сказалъ тебѣ, что по нѣкоторымъ причинамъ, Сильвестру, можетъ-быть, тяжело когда онъ встрѣчается съ тобою?

— Никто, я сама замѣтила и догадалась по нѣкоторымъ словамъ, которыя случайно слышала.

Сабина разсказала опекуну исторію о своемъ альбомѣ; потомъ какимъ образомъ узнала, что рисунокъ, который Сильвестръ нашелъ тамъ, долженъ былъ произвести на него непріятное впечатлѣніе. Потомъ она говорила о странномъ смущеніи Сильвестра, когда она пѣла романсъ. Однимъ словомъ, она сказала ему все, исключая только того, чего женщины никогда не говорятъ и почему именно онѣ

Digitized by Google

чувствуютъ, понимаютъ, угадываютъ тысячи вещей тамъ, гдѣ мы, мужчины, ровно ничего не видимъ. Она не сказала, что, сдѣлай то же самое кто-нибудь другой, она бы этого и не замѣтила. Впрочемъ, ей не для чего было хитрить съ опекуномъ; онъ задумался и совсѣмъ не намѣревался добиться отчего все это такъ интересуетъ его воспитанницу. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ сказалъ:

— Ты меня ставишь, Сабина, въ самое затруднительное положеніе. Мнѣ очень не легко сказать то, о чемъ ты спрашиваешь.

Сабина вздрогнула и опустила голову.

— Я долженъ сказать тебѣ это и скажу въ свое время; но разсказъ мой теперь могъ бы имѣть послѣдствія, въ которыхъ меня непремѣнно будутъ обвинять. Мнѣ надобно подумать, принять нѣкоторыя мѣры. Дай мнѣ мѣсяцъ сроку.

— Ни дня, ни минуты, сказала Сабина дрожащимъ голосомъ. О, я понимаю, я все понимаю.... Теперь я все знаю. Мосьё де-Прон разоренъ моимъ.....

Она не успѣла выговорить слова, которое такъ пріятно для всѣхъ дѣтей, а для нея такъ тягостно было произнести: у дверей кто-то постучался и Радинò—кромѣ его никто и не посмѣлъ бы этого сдѣлать—Радинò доложилъ, что нѣсколько человѣкъ, которымъ Симòнъ назначилъ въ этотъ день свиданіе по дѣламъ, давно уже ждутъ его.

Радинò надѣялся-было взбѣсить хозяина, прервавъ его разговоръ со своей питомицей, но онъ ошибся: мосьё Симòнъ очень радъ былъ, что это избавляетъ его отъ необходимости отвѣчать Сабинѣ и велѣлъ позвать всѣхъ. Потомъ, обернувшись къ Сабинѣ, онъ сказалъ:

— Мы еще поговоримъ съ тобою объ этомъ завтра.

Чтобы возвратиться въ свою комнату, Сабина должна была пройти черезъ кабинетъ Сильвестра и контору, гдѣ работали другіе писцы. Сильвестръ сидѣлъ, какъ-бы читая дѣло. Но онъ дотого погрузился въ свои размышленія, что даже не замѣтилъ той, о комъ въ эту самую минуту думалъ. Она остановилась, чтобы посмотрѣть на него. Горестная преданность судьбѣ своей, выражавшаяся на лицѣ этого молодаго человѣка, такъ сильно подѣйствовала на Сабину, что у ней навернулись на глазахъ слезы..... Она сдѣлала шагъ къ нему... Онъ оглянулся и, увидѣвъ

Digitized by Google

ее, чуть не вскрикнулъ, но тотчасъ удержался, всталъ, и почтительно поклонился.

Сабина ушла, сдѣлавъ легкое движеніе нетерпѣнія.— Ахъ, думала она, если бъ я была мужчина, я бы протянула къ нему руку и сказала: подѣлимтесь какъ братья.

Мосьё Симонъ воспитывалъ Сабину не такъ какъ обыкновенно воспитываютъ опекуны и даже многіе родители. Онъ заботился не о томъ только, чтобы она хорошо держалась, хорошо танцовала и училась музыкѣ: онъ обращалъ самое строгое, бдительное вниманіе на ея нравственное воспитаніе, тщательно удалялъ отъ нея дурные примѣры, развивалъ въ ней чувства строгой честности, однимъ словомъ, неусыпно пекся о сохраненіи дѣвственности души ея во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь это поставляло его въ самое затруднительное положеніе.

Сабина была, къ несчастію, дочерью человѣка, который нажилъ себѣ состояніе нечестными, постыдными спекуляціями, но дѣлалъ ихъ всегда такъ, что придраться къ нимъ, законнымъ образомъ, было не возможно. Мать Сабины не участвовала въ этихъ гнусныхъ дѣлахъ, но была нѣкоторымъ образомъ нравственною сообщницею мужа, потому что хранила богатство, неправедно пріобрѣтенное. Имѣніе ея было совершенно отдѣльно отъ мужняго и при всякомъ банкротствѣ Дюрана, имѣніе жены его увеличивалось. Поэтому когда Сабина начинала разспрашивать о своихъ родителяхъ, мосьё Симонъ и жена его уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, или отлагали свои объясненія до другаго времени. Между-тѣмъ несмотря на всѣ предосторожности, Сабина вдругъ узнала, что есть человѣкъ, который имѣетъ полное право негодовать на эти богатства, не честно пріобрѣтенныя. Что жъ должна была дѣлать Сабина, судя по чувствамъ, которыя опекунъ внушилъ ей? Если бъ она узнала навѣрное, что отецъ ея лишилъ семейство де-Прони всего его состоянія, она, конечно, захотѣла бы возвратить Сильвестру все отнятое. Поступокъ благородный, который сдѣлалъ бы величайшую честь и ей и ея опекуну, если бъ она была мужчина. Но теперь враги Симона стали бы разславлять, что это онъ побудилъ, даже принудилъ свою питомицу къ такому безкорыстному поступку—вѣроятно, не безъ выгоды для само-

Digitized by Google

го себя—а у него, какъ у всякаго честнаго человѣка, враговъ было много. Сабинѣ было уже почти осьмнадцать лѣтъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлалась бы совершеннолѣтнею и воспользовалась бы, по влеченію сердца, свободою располагать своимъ имуществомъ. Что жъ оставалось дѣлать опекуну? Выдать ее по-скорѣе замужъ, чтобъ она не оставалась безъ руководителя. Разсудивъ такимъ образомъ, мосьё Симонъ написалъ къ маркизу де-Беллестару, прося его на другой день къ себѣ; потомъ пошелъ въ свою комнату, надѣясь найти тамъ жену и Сабину. Но онъ узналъ, что воспитанница его, подъ предлогомъ головной боли, заперлась въ своей комнатѣ. Онъ хотѣлъ итти къ ней, но жена остановила его и спросила: — Скажи, пожалуйста, что такое было у васъ съ Сабиной?

— Я разскажу тебѣ послѣ; а ты, сдѣлай одолженіе, вози ее куда-нибудь съ собою всѣ эти дни. Новый Годъ на дворѣ; притомъ въ концѣ недѣли ея именины; надобно покупать подарки, обновы; таскай ее, подъ этимъ предлогомъ, по магазинамъ и пусть она покупаетъ что ей вздумается. Можешь истратить на это хоть десять тысячъ.

— Странное дѣло! Вообрази, какой вопросъ она мнѣ сдѣлала. Вдругъ говоритъ: скажите мнѣ откровенно, какъ вы думаете: если я попрошу у папеньки сто тысячъ франковъ изъ моихъ денегъ, — дастъ ли онъ мнѣ ихъ?

— Я такъ и думалъ! вскричалъ Симонъ съ досадою.

Удивленная тѣмъ, что этотъ смѣшной вопросъ сердитъ мужа, мадамъ Симонъ сказала: — Разумѣется, я расхохоталась и отвѣчала, что ты не долженъ и не можешь этого сдѣлать.

— Разумѣется, не долженъ и не могу.... И послѣ этого-то она ушла въ свою комнату?

— Да, скоро послѣ этого. Но, кажется, мой отвѣтъ нисколько не оскорбилъ и даже не удивилъ ее. Но только она просила меня не сказывать этого тебѣ.

Симонъ разсказалъ женѣ въ короткихъ словахъ свой разговоръ съ Сабиною и просилъ сходить за нею. Она тотчасъ воротилась съ извѣстіемъ, что Сабина послала нанять фіакръ и по-тихонько уѣхала со двора съ своей гувернанткой. Это чрезвычайно поразило и мужа и жену, особенно когда они узнали, что гувернантка справлялась

Digitized by Google

у людей, гдѣ живетъ де-Прони. Однако жъ мосьё Симонъ просилъ жену показать будто она совсѣмъ не знаетъ этого и обѣщалъ развѣдать зачѣмъ Сабина ѣздила.

Съ часъ спустя послѣ этого Сабина воротилась. Черезъ полчаса послѣ того, мадамъ Симонъ вошла въ ея комнату и тотчасъ догадалась, что случилось что-нибудь чрезвычайное, потому что Сабина была необыкновенно весела, и въ глазахъ ея блистало чувство самодовольства. Мадамъ Симонъ, зная, что въ радости человѣкъ всегда довѣрчивъ, спросила:

— А что твоя головная боль? прошла?

— Совсѣмъ прошла.

— Вѣрно, оттого что ты проѣздилась?

— О, да, я увѣрена.

— Такъ, видно, ты надѣлала много хорошаго?

— Да, я надѣюсь, что сдѣлала хорошо.

— Нельзя ли узнать что это такое?

— Узнаете въ Новый Годъ. Это маленькой сюрпризъ, который я готовлю и вамъ и доброму папенькѣ.

Вскорѣ послѣ этого пришелъ къ Симону брилліантщикъ, мосьё Леонаръ, который работалъ для родителей мамзель Дюранъ, зналъ ее съ дѣтства, и былъ давно знакомъ съ мосьё Симономъ. Леонаръ сказалъ, что къ нему пріѣзжала мамзель Дюранъ и просила ста тысячъ франковъ взаймы, подъ закладъ своихъ брилліантовъ, которые стоили гораздо болѣе. Изумленный такою просьбою молоденькой дѣвушки и зная, что она еще несовершеннолѣтняя, онъ не рѣшился тотчасъ дать ей денегъ, обѣщалъ принести отвѣтъ на другой день и долгомъ счелъ предувѣдомить объ этомъ опекуна. Хорошо зная свою воспитанницу и вспомнивъ свой утренній разговоръ съ нею, мосьё Симонъ, не показывая ни малѣйшаго удивленія, сказалъ Леонару, чтобы тотъ принесъ на другой день деньги, прибавивъ, что онъ ручается въ уплатѣ ихъ.

На другой день маркизъ де-Беллестаръ явился въ назначенное время къ мосьё Симону. Входя въ кабинетъ, чванный богачъ сказалъ:

— Вамъ угодно было видѣться со мною, мосьё Симонъ. Я къ вашимъ услугамъ и очень радъ буду, если могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ.

Digitized by Google

— Благодарю васъ, маркизъ. Я только хотѣлъ спросить васъ объ одномъ дѣлѣ, весьма важномъ для меня.

— Что вамъ угодно?

— Скажите мнѣ откровенно: угадалъ ли я ваши намѣренія? Вы желали быть на моей вечеринкѣ и, мнѣ кажется, что вамъ всего больше хотѣлось видѣть мою воспитанницу, мамзель Дюранъ.

— Быть-можетъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ спросить: что вы о ней думаете?

— Что она прекрасна, очень умна, хорошая музыкантша и восхитительно танцуетъ.

Этотъ отвѣтъ совершенно сбилъ Симона съ толку: онъ воображалъ, что де-Беллестаръ влюбленъ въ Сабину. Но чтобы тотъ не подумалъ, будто онъ навязываетъ ему свою воспитанницу, Симонъ тотчасъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, извините, маркизъ, что я васъ побезпокоилъ.

Удивленный тѣмъ, что его такимъ образомъ спроваживаютъ, маркизъ сказалъ:

— Но кромѣ моего мнѣнія о мамзель Дюранъ, вы, вѣрно, еще о чемъ-нибудь хотѣли спросить меня?

— Ни о чемъ больше, отвѣчалъ мосьё Симонъ. Но я не знаю кчему намъ хитрить. Скажу вамъ откровенно: мнѣ казалось, что воспитанница моя вамъ нравится. Добиваясь приглашенія на мою вечеринку, вы ясно выказали мнѣ свои намѣренія; но по тому какъ вы отозвались теперь о Сабинѣ, я вижу, что свиданіе съ нею въ воскресенье, измѣнило ваши намѣренія. Такъ оставимте этотъ разговоръ.

— О, вы слишкомъ проворны, любезный мосьё Симонъ, сказалъ маркизъ. Женитьба дѣло серіозное: тутъ торопиться нельзя. Вы угадали: мамзель Дюранъ дѣйствительно мнѣ очень нравится; но прежде нежели предложить ей свою руку, я бы хотѣлъ короче познакомиться съ ея характеромъ, съ привычками, узнать кое-что объ ея вкусахъ, объ ея....

Маркизъ остановился.

— О чемъ же еще? спросилъ мосьё Симонъ, замѣтивъ

Digitized by Google

что Беллестаръ съ особеннымъ выраженіемъ проговорилъ послѣднія слова.

— Объ ея поступкахъ, если вамъ непремѣнно угодно знать.

— Какъ объ ея поступкахъ! вскричалъ Симонъ, почти обидѣвшись.

— О, я увѣренъ что всѣ они совершенно невинны, отвѣчалъ маркизъ; но, можетъ-быть, не всѣ они запечатлѣны осмотрительностію, благоразуміемъ, необходимыми въ свѣтѣ, гдѣ должна жить жена моя.

— Маркизъ, смѣю васъ увѣрить, что поступки моей воспитанницы не заслуживаютъ ни малѣйшаго порицанія.

— Всѣ безъ исключенія? спросилъ де-Беллестаръ съ хитрымъ видомъ.

— Признаюсь вамъ, маркизъ, я не понимаю что вы хотите сказать; но во всякомъ случаѣ, ясно, что вы сомнѣваетесь, и потому я прошу васъ покорно объяснить мнѣ ваши слова.

— Я думалъ, что объясненій вамъ никакихъ не нужно, сказалъ маркизъ.

Это уже относилось прямо къ Симону: маркизъ, явно, обвинялъ его въ томъ, что онъ кое-что знаетъ, но старается утаить. Мосьё Симону и въ голову не приходило, чтобы Беллестаръ зналъ о томъ, что Сабина была наканунѣ у Леонара; онъ сталъ бояться не надѣлала ли она сама чего и потому сказалъ съ нѣкоторою живостію:

— Маркизъ, я привыкъ отвѣчать откровенно, когда меня откровенно спрашиваютъ. Такъ позвольте мнѣ замѣтить, что послѣ того что вы сказали, вы и для меня и для чести моей воспитанницы должны объясниться съ полною откровенностію.

Маркизъ, помолчавъ съ минуту, отвѣчалъ: — Само собою разумѣется, почтеннѣйшій мосьё Симонъ, что я не имѣю никакого права дѣлать вамъ вопросы. Да и о чемъ мнѣ васъ спрашивать? О мадмоазель Дюранъ? Я знаю, что она во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка рѣдкая. Объ ея состояніи? Я увѣренъ, что оно въ самомъ лучшемъ положеніи, потому что оно въ вашихъ рукахъ.

Симонъ ясно видѣлъ, что какое-то непостижимое для него обстоятельство совершенно измѣнило намѣреніе де-

Digitized by Google

Беллестара въ отношеніи къ Сабинѣ, и потому сказалъ съ нѣкоторою запальчивостію:

— Признаюсь, маркизъ, я ожидалъ отъ васъ болѣе искренности и — благородства.

— Мосьё Симонъ! вскричалъ маркизъ.

— Маркизъ, отвѣчалъ стряпчій: намъ не для чего продолжать этотъ разговоръ. Повторяю вамъ: я всегда готовъ отвѣчать откровенно, когда меня откровенно спрашиваютъ; а на слова, которыхъ смыслу я не понимаю, хотя и вижу въ нихъ недоброжелательство, мнѣ отвѣчать нечего.

— Какъ угодно, сказалъ съ досадою маркизъ: желаю вамъ найти для мадмоазель Дюранъ мужа, менѣе взыскательнаго чѣмъ я.

Симонъ поблѣднѣлъ отъ досады, и сказалъ:

— Мосьё де-Беллестаръ, вотъ уже десять лѣтъ, какъ я завѣдываю вашими дѣлами: желаю вамъ найти стряпчаго, который бы велъ ихъ лучше меня.

Маркизъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и хотѣлъ поправить дѣло.

— Право, я не понимаю что вы хотите сказать, мосьё Симонъ.

Вспыльчивый Симонъ едва удерживался, чтобы не поссориться съ маркизомъ слишкомъ рѣшительно и какъ-бы для того, чтобы заставить себя быть еще осторожнѣе при свидѣтеляхъ, онъ отворилъ дверь своего кабинета и кликнулъ Сильвестра. Тотъ испугался, взглянувъ на блѣдное лицо и дрожащія губы своего хозяина.

— Мосье де-Прони, сказалъ Симонъ, прикажите приготовить къ сдачѣ всѣ бумаги по дѣламъ маркиза де-Беллестара и сдайте тому, кому поручено будетъ принять ихъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Сильвестръ.

Тутъ маркизъ ясно увидѣлъ, что довольно глупо сыгралъ роль, которую придумалъ для себя и надѣясь еще какъ-нибудь поправить свой промахъ, продолжалъ сидѣть у камина. Симонъ, воображая, что маркизъ не понимаетъ, что ему остается только взять шляпу и итти вонъ, спросилъ Сильвестра:

— Не дожидается ли кто тамъ меня?

— Брилліантщикъ мосьё Леонаръ давно ужъ ждетъ.

— Мосьё Леонаръ! Я очень радъ! вскричалъ маркизъ.

Digitized by Google

Не понимая чему маркизъ обрадовался, Симонъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ. Тотъ наконецъ рѣшился приступить прямо къ дѣлу и, какъ-бы отвѣчая на безмолвный вопросъ, сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— Я сейчасъ отъ него, носьё Симонъ.

Эти слова остановили Симона. Теперь ясно было, что Леонаръ проговорился. Поступокъ Сабины, конечно, долженъ былъ обезпокоить человѣка, который имѣлъ на нея виды и, слѣдственно, необходимо надобно было объяснить дѣло.

— Попросите носьё Леонара подождать; черезъ нѣсколько минутъ я къ его услугамъ, сказалъ печально Симонъ.

Сильвестръ вышелъ; опекунъ Сабины воротился къ маркизу и тотъ, не дожидаясь вопроса, сказалъ.

— Я случайно узналъ отъ Леонара зачѣмъ мадмоазель Дюранъ пріѣзжала къ нему, но онъ сказалъ, что далъ знать объ этомъ вамъ и, признаюсь, мнѣ не вѣрилось.

— Леонаръ сказалъ вамъ правду; онъ дѣйствительно увѣдомилъ меня объ этомъ и я просилъ его дать Сабинѣ деньги, которыхъ она просила. Теперь она его ждетъ и надобно чтобы онъ снесъ ей эту сумму: иначе я не достигну своей цѣли.

Симонъ кликнулъ брилліантщика и сказалъ ему:—Подите къ мадмоазель Дюранъ; отдайте ей деньги, которыхъ она просила взаймы; но не забудьте: она должна думать, что никто кромѣ васъ объ этомъ не знаетъ.

Брилліантщикъ ушелъ и Симонъ сказалъ маркизу:—Случай принудилъ меня къ объясненію, которое для меня очень тягостно по многимъ причинамъ, и я готовъ бы даже былъ принять эти сто тысячъ франковъ на свой счетъ, лишь бы только избавиться отъ объясненія.

Маркизъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Выслушайте меня, сказалъ Симонъ, и вы увидите, что это съ моей стороны совсѣмъ не такъ великодушно, какъ вы, можетъ-быть, думаете. Впрочемъ, теперь я уже не прошу васъ объяснить мнѣ свои намѣренія насчетъ моей воспитанницы. Каковы бы они ни были, я во всякомъ случаѣ долгомъ считаю сдѣлать вамъ это объясненіе, и я думаю, что вамъ слѣдовало бы потребовать его

Digitized by Google

отъ меня откровенно. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что все это останется между нами.

Де-Беллестаръ обѣщалъ никому не сказывать, и Симонъ разсказалъ ему, что де-Прони, отецъ Сильвестра, ввѣрилъ все свое и сестрино имѣніе Дюрану, и тотъ, просто, ихъ ограбилъ; говорилъ о томъ какія высокія понятія имѣетъ Сабина о честности; но это, по-видимому, не слишкомъ понравилось маркизу; наконецъ разсказалъ, что было между его воспитанницей и Сильвестромъ и взаключеніе объявилъ, что Сабина, безъ всякаго сомнѣнія, хочетъ отдать эти деньги де-Прони Но и это не развеселило маркиза. Впрочемъ, Симонъ очень хорошо понималъ, что тотъ думаетъ.

Дѣйствительно, маркизъ говорилъ самъ себѣ: если Сабинѣ вздумается возвратить все неправедно пріобрѣтенное, по принадлежности, то у нея, пожалуй, и ничего не останется. Чтобы успокоить его, Симонъ сказалъ:

— Если бъ я мѣсяца два назадъ выдалъ Сабину замужъ, то, конечно, она не сдѣлала бы безъ воли мужа того, что сдѣлала теперь не спросившись у опекуна. Конечно, и теперь она не имѣла на это никакого права, и я могъ бы остановить ее однимъ словомъ, но вотъ почему я на это не рѣшился. Она повиновалась бы мнѣ безъ ропоту, но не покинула бы своего намѣренія и подождала бы того времени, когда будетъ имѣть полное право располагать своимъ состояніемъ какъ ей угодно. Если бъ я удержалъ ее теперь, она сдѣлала бы тогда еще больше. Давъ ей волю, я выигрываю мѣсяцъ, можетъ-быть два, а между-тѣмъ я выдамъ ее замужъ и тогда новыя обязанности заставятъ ее быть осторожнѣе.

Все это развеселило маркиза, на лицѣ его снова появилась улыбка, и онъ сказалъ:

— Вы очень хорошо сдѣлали, и....

Пользуясь такимъ добрымъ расположеніемъ, Симонъ рѣшился довершить свою побѣду и сказалъ:

— Теперь вотъ почему я охотно бы заплатилъ сто тысячъ франковъ за то только, чтобы не быть обязаннымъ предоставлять объясненія кому бы то ни было, и вотъ почему тутъ не было бы съ моей стороны большаго великодушія. Я довольно богатъ; дѣтей у меня нѣтъ и потому

Digitized by Google

я намѣревался отказать бо́льшую часть моего имѣнія Сильвестру де-Прони и притомъ больше чѣмъ сколько хочетъ дать ему Сабина. Слѣдственно, я ничего бы не потерялъ, принявъ эти сто тысячъ на себя, когда надобно будетъ отдавать отчетъ по опекѣ....

— О, этотъ отчетъ не затруднитъ васъ: я готовъ подписать его не читавши, сказалъ де-Беллестаръ.

— Что́ вы этимъ хотите сказать, маркизъ?

— Я прошу у васъ руки вашей воспитанницы; а что́ касается до этихъ ста тысячъ франковъ, то я принимаю ихъ на свой счетъ.... если только она согласится выйти за меня.

— Извините, маркизъ, сказалъ Симо́нъ: Сильвестръ гордъ, и онъ не согласится принять отъ чужаго....

— О, онъ не долженъ знать объ этомъ: пусть онъ думаетъ, что это деньги мадмоазель Дюранъ.

— Какъ же вы это хотите сдѣлать?

— Позвольте мнѣ не говорить вамъ объ этомъ, пока я не узнаю, что мадмоазель Дюранъ принимаетъ мое предложеніе. Женихъ это можетъ сдѣлать, но отъ человѣка посторонняго оно было бы неприлично.... даже невозможно. Помогите только мнѣ и извините, что я сначала колебался. Когда любишь, то всего боишься.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказалъ Симо́нъ. Послѣ завтра именины Сабины. Вы этого не должны знать; но если вамъ угодно пріѣхать, то мы будемъ очень рады.

Маркизъ вышелъ изъ кабинета стряпчаго, съ самымъ торжественнымъ видомъ, чрезвычайно довольный собою: онъ придумалъ средство сдѣлать вмѣстѣ доброе дѣло, пріятный подарокъ и произвести одинъ изъ тѣхъ поразительныхъ эффектовъ, которые съ-разу покоряютъ сердца дѣвушекъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ своей выдумки.

Когда онъ проходилъ черезъ кабинетъ Сильвестра, тотъ сказалъ ему:

— Кому прикажете, маркизъ, передать ваши дѣла?

— Ба! отвѣчалъ онъ, оставьте ихъ у себя. Мы помирились, и кто знаетъ, можетъ-быть, это будетъ полезно и для васъ.

— Какимъ это образомъ? спросилъ сухо Сильвестръ.

Digitized by Google

— Узнаете послѣ.... Прощайте, прощайте: мнѣ некогда.

Де-Беллестаръ ушелъ и де-Прони сѣлъ на свое мѣсто, сказавъ про себя:—Видно, онъ женится на ней.

Послѣ, Радино переписывая бумагу, которую въ то время составлялъ де-Прони, нашелъ въ ней чернильное пятно: чернила расплылись по слезѣ.

На другой день одна изъ пансіонскихъ пріятельницъ Сабины, Аврелія С*** получила отъ нея слѣдующее письмо:

«Милая моя Аврелія, ты не можешь вообразить какъ много мнѣ надобно разсказать тебѣ. Ты уже знаешь, что я обѣщала мадамъ Симонъ проѣздить съ нею нынче цѣлый день по магазинамъ. Я послала къ опекуну попросить денегъ, потому что я не хочу тратить своихъ ста тысячъ франковъ; притомъ, если бъ я показала, что у меня есть деньги, то, разумѣется, стали бы допытываться, откуда я ихъ взяла. Утромъ опекунъ пришелъ ко мнѣ, положилъ на столъ четыре свертка золота и спросилъ:—Довольно?

Это меня удивило. Бывало, онъ принесетъ нѣсколько лундоровъ, и еще изъ-дали бранится:—Вѣчно этой дѣвочкѣ давай денегъ.... Вы, сударыня, мотаете ужасно. Да ужъ кончено: это въ послѣдній разъ я исполняю ваши прихоти.

Еще въ прошломъ году это такъ было. Я, бывало, называю его скупымъ, скрягой, вытягиваю у него по лундору вдесятеро противъ того, сколько онъ принесъ сначала, прошу его, умоляю, плачу, грожу, а онъ смѣется. Дѣло доходило до того, что я крала у него кошелекъ. Мы чуть не дрались и исторія кончалась тѣмъ, что мы оба принимались хохотать: онъ какъ ребенокъ, какъ я, а я какъ мнѣ, я думаю, уже не хохотать.

И что же ты думаешь? теперь мнѣ какъ-то страшно, больно стало, что добрый мой опекунъ не бранитъ меня. Точно, какъ-будто онъ сказалъ мнѣ: «Теперь ты остаешься одна». Мнѣ сгрустнулось; и онъ, замѣтивъ это, спросилъ: что со мною. Нельзя же было мнѣ сказать, что я грущу оттого, что онъ не бранитъ меня. Но онъ и не добивался. Если онъ имѣетъ противъ меня что-нибудь, такъ отчего же не сказать? Неправда ли, это не хорошо?

Digitized by Google

Я уже хотѣла спросить его въ чемъ я виновата, но пришла горничная мадамъ Симонъ, сказать, что она готова и тутъ только опекунъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ нужно серіозно поговорить съ тобою; но теперь уже некогда.

Я непремѣнно хотѣла знать тотчасъ въ чемъ дѣло.

— Какая ты любопытная и своенравная, сказалъ онъ шутя.

— О нѣтъ, это не любопытство, но я вижу, что вы на меня сердиты...а я не хочу, чтобы вы на меня сердились... я хочу знать въ чемъ я виновата....

Никогда не видывала я, чтобы мой опекунъ былъ такъ растроганъ. Онъ взялъ меня за обѣ руки, задумчиво посмотрѣлъ на меня, потомъ обнялъ меня съ удивительнымъ чувствомъ и сказалъ:

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты была моя дочь!

Онъ ушелъ и въ дверяхъ встрѣтился съ женою. Та чрезвычайно удивилась, замѣтивъ, что мы оба такъ растроганы, и спросила меня что это случилось. Я разсказала, и вообрази, она тоже, съ какимъ-то горестнымъ выраженіемъ, вскричала:

— О, какъ бы и мнѣ этого хотѣлось для него.... для себя.... да и для тебя, бѣдняжка.

— Да скажите же, ради Бога, что это значитъ?

— Онъ самъ тебѣ скажетъ. Но не бойся: горесть его происходитъ отъ тебя, но ты не виновата....

— Да растолкуйте же мнѣ, ради Бога...

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь проговориться.... Пойдемъ скорѣе. Не бери своихъ денегъ: мы велимъ принести сюда все что купимъ, а если понадобится, то я тебѣ дамъ.

Она проворно собрала свои перчатки, муфту и вышла изъ моей комнаты, не дожидаясь меня. Я побѣжала за нею и замѣтила, что она украдкой отерла слезу. Ума не приложу, что все это значитъ.

Мы перебывали во всѣхъ магазинахъ.... и знаешь ли ты, чего мы искали? Помнишь ли ты мое кисейное платье съ матовыми полосками, то самое, которое было на мнѣ, когда послѣ долгой ссоры, мы съ тобой помирились и подружились? Ну, мнѣ непремѣнно хотѣлось точно такое платье, и—представь—мадамъ Симонъ, узнавъ отчего мнѣ вздума-

Digitized by Google

лось купить точно такое платье, принялась искать его такъ же усердно, какъ я. Но что же ты думаешь?... какъ нарочно, нигдѣ нѣтъ: эта кисея вышла изъ моды. Надъ нами чуть не смѣялись, когда мы ее спрашивали. Наконецъ мы пріѣхали въ магазинъ de la Ville de Paris — попытаться послѣдній разъ. Покупателей было безчисленное множество. Прикащики какъ угорѣлые кидались во всѣ стороны. Какъ тутъ прикажешь сыскать кисейное платье! Однако жъ я ухитрилась. Сначала мы вошли въ ту комнату, гдѣ шелковые товары. Я отобрала пять платьевъ и объявила рѣшительно, что эти я покупаю; потомъ велѣла отложить еще пять, и сказала, что объ этихъ мы поговоримъ послѣ, на что прежде всего мнѣ надобно сыскать такой-то кисеи.... Ну, ужъ, mesdames, я надѣюсь, что въ нынѣшнемъ году вы будете довольны моими подарками: я всѣмъ вамъ купила премиленькія матеріи, прелесть!.... Прикащикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, однако жъ тотчасъ повелъ насъ въ ту комнату, гдѣ кисея, и сказалъ тамъ другому прикащику, чтобы непремѣнно нашли мнѣ платье какого я требую. Тотъ отвѣчалъ:

— Если непремѣнно надобно, такъ будетъ найдено.

Онъ перерылъ всѣ свои товары, но нигдѣ не нашелъ; однако жъ сказалъ намъ, что достанетъ въ другомъ магазинѣ и усадилъ насъ сколько можно лучше посереди толпы покупателей. Подлѣ насъ продавались платья простыя.... ты не повѣришь, какія дешевыя!... такъ что вокругъ насъ былъ Богъ знаетъ что за народъ. Что за лица, ma chère! и что за вещи эти люди покупали! Толстыя матушки покупали *гостинцы* для своихъ дочекъ (я думаю такихъ же толстыхъ); молодые люди для кого-то, мужья для женъ. Первыя и послѣднія разсказывали во всеуслышаніе для кого они покупаютъ эти подарки, молодые люди секретничали и брали все, о чемъ прикащикъ, по обыкновенію, говорилъ:—Этой матеріи нынче очень много спрашиваютъ.

Это насъ ужасно забавляло. Вдругъ, смотрю, идетъ мосьё Сильвестръ. Онъ подошелъ къ прилавку, прямо противъ насъ, и потому мнѣ очень хорошо было его видно, а онъ насъ и не замѣтилъ. Мнѣ, да и мадамъ Симонъ, ужасно хотѣлось знать, что онъ покупаетъ.

Мы не слыхали что онъ говорилъ, но видѣли, что передъ

Digitized by Google

нимъ разложили мериносы; онъ тотчасъ отбросилъ всѣ свѣтлые и яркіе цвѣта. Онъ стоялъ бокомъ къ намъ и потому мнѣ очень хорошо было видно его лицо.... Ясно было, что онъ не знаетъ на что рѣшиться. Долго разсматривалъ мериносъ каштанноваго цвѣту и потомъ сказалъ что-то прикащику. Я не слыхала что онъ сказалъ, потому что онъ говорилъ очень тихо; но прикащикъ отвѣчалъ довольно громко:

— Это самый широкій и добротный.... Меньше шестнадцати франковъ за метръ взять никакъ нельзя.

На лицѣ мосьё де-Прони выразилось огорченіе; онъ опять спросилъ что-то и прикащикъ отвѣчалъ:

— Пять или шесть метровъ.

Ты не можешь вообразить, ma chère, какъ мнѣ больно было смотрѣть на него. Этотъ прекрасный молодой человѣкъ, такой благородный, такой трудолюбивой, рѣшившись сдѣлать подарокъ, и то только одинъ, принужденъ хлопотать изъ какихъ-нибудь двухъ трехъ лундоровъ, между-тѣмъ какъ я истратила Богъ знаетъ что безъ всякой нужды.... потому что — признайтесь, mesdames, вамъ вѣдь нѣтъ ни какой надобности въ моихъ подаркахъ: вы всѣ сами богаты. Все это пришло мнѣ въ голову не вдругъ, а по-немногу, и особенно потому, что мадамъ Симонъ, которая тоже всё на него смотрѣла, сказала вполголоса:

— Бѣдный Сильвестръ!

Я молча пожала ей руку, но очень сильно, потому что говорить я была не въ состояніи. Не знаю, угадала ли она что у меня было на умѣ, или ей пришло то же самое въ голову.... ты не можешь вообразить какая она добрая!... Она встала и пошла въ ту сторону, гдѣ былъ де-Прони. Въ это время онъ сказалъ:

— Не знаю, хорошо ли это будетъ.

— Смотря по тому для кого вы изволите покупать, отвѣчалъ прикащикъ.

— Для женщины старой, которая одѣвается очень просто.

— Вѣрно, для старой нянюшки?

Бѣдный Сильвестръ вздрогнулъ, какъ-будто его булавкой укололи. Въ это самое время мадамъ Симонъ сдѣлала видъ какъ-будто только увидала его и, сказала:

Digitized by Google

— Ахъ, здравствуйте, мосьё де-Пронѝ. Что̀ это вы покупаете?

Сильвестръ оглянулся и покраснѣлъ. Я думала, что ему досадно будетъ, что мадамъ Симо̀нъ его тутъ застала. Однако жъ, кажется, нѣтъ; онъ вѣжливо поклонился и даже улыбнулся, хоть немножко принужденно.

— Не знаю самъ что̀ бы мнѣ купить, мадамъ Симо̀нъ.

— Да я думаю! Вы, мужчины, въ этихъ дѣлахъ толку не знаете.... Позвольте я вамъ куплю.

— Сдѣлайте милость, но....

— Не безпокойтесь, я много не истрачу, сказала мадамъ Симонъ, улыбаясь....

Она такъ мило улыбается, ma chère, что тогда кажется, будто ей только двадцать пять лѣтъ....

— Лишняго я не дамъ, но мы, женщины, умѣемъ покупать. Спросите у Сабины, какъ мы все хорошо купили.

Онъ еще не видалъ меня, а тутъ принужденъ былъ подойти ко мнѣ. Я угадала намѣреніе доброй мадамъ Симо̀нъ и рѣшилась удержать его, чтобы онъ не видалъ, что̀ она тамъ дѣлаетъ.

— Сколько хлопотъ всѣмъ въ это время, сказала я, взглянувъ на него ласково.

Я взглянула на него такъ, ma chère, какъ-будто хотѣла сказать:—Я, право, добра, и, повѣрьте, что я умѣю цѣнить ваши достоинства.

— Да, сказалъ онъ: много хлопотъ тѣмъ, у кого много друзей и кому надобно дѣлать много подарковъ.

— Дарить такъ пріятно! сказала я не подумавши.—Что̀ ты прикажешь дѣлать! Я знала, что онъ несчастливъ, мнѣ хотѣлось бы утѣшить его вниманіемъ, лаской, и между-тѣмъ я невольно оскорбила его чувствительную душу. Онъ обернулся-было, чтобы итти къ мадамъ Симо̀нъ. Она прислала мнѣ его за тѣмъ, чтобы я удержала его, и я рѣшилась удержать его во что̀ бы то ни стало. Къ счастію, въ это самое время воротился прикащикъ, который ходилъ за кисеею. Я воспользовалась этимъ и сказала де-Пронѝ.

— Такъ какъ мадамъ Симо̀нъ взялась купить за васъ, то посмотрите покуда мои покупки.

Онъ, по-видимому, не зналъ что̀ ему дѣлать.

Digitized by Google

— Пойдемте, пожалуйста, прибавила я: одна я никакъ не рѣшусь подойти къ прилавку.

Тогда мнѣ и въ голову не пришло, что я отдаюсь, нѣкоторымъ образомъ, подъ его покровительство; но я тотчасъ замѣтила, что онъ смутился, и смотрѣлъ на меня съ какимъ-то безпокойствомъ, какъ-будто не вѣрилъ ушамъ своимъ. Мнѣ казалось, что ему досадно, что ненависть ко мнѣ выходитъ изъ его души.... Мнѣ показалось.... Но нѣтъ, этого я не скажу, даже и тебѣ.

Я подошла къ прилавку и принялась отыскивать свое платье. Мосьё де-Пронѝ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вы, вѣрно, удивляетесь, что я покупаю кисейное платье зимой, сказалъ я.

— Это, вѣрно, для какой-нибудь дѣвушки, чтобъ она могла нарядиться весною?

— Совсѣмъ нѣтъ, для себя и на пятницу.

Онъ всё смотрѣлъ на меня, вѣроятно, удивляясь моей фамиліярности съ нимъ. Мнѣ хотѣлось занять его, а можетъ-быть и показать, что я гораздо простѣе и добрѣе, чѣмъ какъ онъ думалъ. Я сказала:

— Мнѣ хочется сыскать точно такое платье, какое было на мнѣ, когда мы сошлись съ теперешнею моей лучшей пріятельницей. Мы ненавидѣли другъ друга, потому что одна другой не знали, а впрочемъ, можетъ-быть, мы уже и тогда любили другъ друга, да только сами этого не понимали.

Тутъ я увидѣла свое платье, и ты не можешь вообразить какъ я обрадовалась!

— О, это платье принесетъ мнѣ счастье! Теперь я увѣрена, что въ пятницу у меня будетъ очень весело:—въ пятницу у меня вечеръ, въ моихъ комнатахъ, сказала я де-Пронѝ, совсѣмъ забывъ что̀ было между нами.

Онъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ; но ты можешь вообразить, какъ онъ изумился, когда я прибавила:—У меня будутъ всѣ свои; если бы вы пришли, мосьё де-Пронѝ, я была бы очень благодарна.

Тогда мнѣ казалось, что все это простая учтивость; а теперь, какъ я принуждена вспоминать всѣ эти слова, чтобы написать ихъ, такъ мнѣ самой страшно. Сама посуди, ma chère: вѣдь я ему говорила, что иногда можно нена-

Digitized by Google

видѣть другихъ по тому только, что не знаешь ихъ хорошенько, можно любить самъ того не понимая, сказала что у меня будутъ только свои, что это платье принесетъ мнѣ счастье, да, какъ-тутъ, и пригласила его. Право, я и теперь краснѣю; а тогда ничего. Вотъ что̀ значитъ, ma chère, говорить не подумавши.

Въ это время подошла къ намъ мадамъ Симо̀нъ и я весело сказала ей:

— Я пригласила мосьё де-Пронѝ къ себѣ на вечеръ. Не правда ли, что онъ непремѣнно долженъ прійти?

— О, конечно, любезный мосьё Сильвестръ, приходите. Это будетъ очень хорошо, сказала мадамъ Симо̀нъ.

Я замѣтила, что это было ей очень пріятно.

— Непремѣнно буду, отвѣчалъ де-Пронѝ. Я очень благодаренъ вамъ, прибавилъ онъ кланяясь мнѣ.

— Я купила вамъ что̀ нужно, сказала мадамъ Симо̀нъ, и велѣла положить съ нашими вещами. Намъ принесутъ, все это домой со счетомъ.... и тогда мы разочтемся съ вами. Правду сказать, я издержала больше чѣмъ думала, но зато хорошо.

Ты видишь какъ она добра. Притворяется, будто слишкомъ много издержала, для того чтобы де-Пронѝ не догадался, что она дѣлаетъ ему подарокъ!

Мадамъ Симо̀нъ пошла съ нимъ подъ руку; мы еще кое-что̀ купили и отправились домой.

Какъ-скоро мы воротились, опекунъ сказалъ мнѣ:—Мнѣ надобно поговорить съ тобою, моя милая, нынче вечеромъ.

Что̀-то онъ мнѣ скажетъ! Подожди до завтра....

Да, чуть не забыла сказать: смотри же, въ пятницу, ты непремѣнно должна быть у меня: безъ тебя мнѣ и праздникъ не въ праздникъ.

Приписка поздо ночью. Ахъ, ma chère, что̀ со мною было. Ты не можешь вообразить себѣ!... Но я буду разсказывать все по порядку.

Мы пообѣдали довольно скучно, какъ бываетъ обыкновенно, когда ожидаешь важнаго происшествія. Послѣ мы всѣ трое сидѣли нѣсколько времени молча; наконецъ мадамъ Симо̀нъ сдѣлала мужу знакъ; онъ усѣлся подлѣ меня и сказалъ:

Digitized by Google

— Ты знаешь, моя милая, какъ мы съ женою тебя любимъ. Теперь наша привязанность къ тебѣ подвергается жестокому испытанію.

— О, повѣрьте, и я не меньше люблю васъ, и готова выслушать все что бы вы мнѣ ни сказали.

Я думала, что онъ хочетъ побранить меня за то, что я сдѣлала у Леонара. Не знаю, почему мнѣ всё казалось, что опекунъ непремѣнно долженъ знать объ этомъ; но я нисколько не боялась: я была увѣрена, что когда онъ узнаетъ на что мнѣ нужны эти деньги, то непремѣнно одобритъ мое намѣреніе. Вообрази же мое удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ:

— Я долженъ сказать тебѣ, Сабина, что на тебѣ сватается маркизъ де-Беллестаръ.

— Маркизъ де-Беллестаръ! сказала я съ неудовольствіемъ. Я такъ и думала, что этимъ кончится.

Мадамъ Симонъ взглянула на мужа, какъ-будто хотѣла сказать: Видишь, я поняла? Я, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о маркизѣ, и сдѣлалась смѣлѣе. Мужъ сердито посмотрѣлъ на нея и сказалъ:

— Маркизъ де-Беллестаръ проситъ руки твоей и я обѣщалъ ему отвѣтъ черезъ два дня.

— Можете отвѣчать хоть сегодня. Я не согласна.

— Послушай, Сабина, сказалъ опекунъ: подумала ли ты о томъ что дѣлаешь?

— Нисколько, да и надобности нѣтъ. Я отказываю ему, просто, потому что онъ мнѣ не нравится.

— Онъ человѣкъ знатный.

— Знаю.

— Можетъ современемъ занять важное мѣсто.

— Быть-можетъ.

— Человѣкъ честный.

— Иначе бы вы, конечно, и не предлагали мнѣ его въ мужья.

— Человѣкъ благородный и у него гораздо больше нѣжности чувствованій, чѣмъ какъ ты, можетъ-быть, думаешь.

— Вѣрю.

— И послѣ всего этого ты ему отказываешь?

— Послушайте, папенька, сказала я опекуну: ненави-

Digitized by Google

сти я не знаю, да притомъ и смѣшно было бы мнѣ ненавидѣть мосьё де-Беллестара; но я вамъ скажу только одно: мнѣ страшно, когда я подумаю, что могла бы быть его женою; я готова выйти Богъ знаетъ за кого, лишь бы только не за него.

— Позволь, моя милая, поразсудимъ объ этомъ вмѣстѣ, сказалъ онъ взявъ меня за руку. (Это онъ всегда дѣлаетъ, когда хочетъ убѣдить меня, что я сама не знаю что говорю и потому я поостереглась.) Ты уже знаешь маркиза мѣсяцовъ пять или шесть; видѣла его, хоть не часто, однако жъ довольно, чтобы составить себѣ о немъ свое мнѣніе.

— Да у меня и есть свое мнѣніе объ немъ, и очень рѣшительное.

— Позволь, позволь: ты не даешь мнѣ говорить, какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, которые боятся, чтобы ихъ не убѣдили. Выслушай меня, и отвѣчай тогда только, когда я спрошу. Тебѣ въ первый разъ говорятъ, что маркизъ де-Беллестаръ на тебѣ сватается; но мысль, что это можетъ случиться, вѣрно, не разъ приходила тебѣ въ голову, когда ты замѣтила, что онъ чаще сталъ ѣздить къ намъ, или когда мы шутили на этотъ счетъ. Отчего же тогда она тебя не пугала?

Этого мнѣ и въ голову не приходило; но оно, точно, правда. Я покраснѣла и, подумавъ немножко, сказала:

— Правда, эта мысль прежде меня не пугала; а теперь она для меня ужасна, но не потому, чтобы съ тѣхъ поръ я имѣла какія-нибудь новыя причины нелюбить мосьё де-Беллестара.... Послушайте, вы сами не разъ называли меня кокеткою: можетъ-быть, мнѣ пріятно было, что такой знатный, богатый, свѣтскій человѣкъ за мною ухаживаетъ, и я никогда не подумала серіозно о томъ, что онъ можетъ просить руки моей; но теперь, какъ надобно рѣшить участь всей моей жизни, мысль быть его женою меня испугала. Да притомъ я не могу объяснить вамъ того, чего сама хорошенько не понимаю. Вы спрашиваете меня, и я отвѣчаю вамъ откровенно. Вы хотите знать согласна ли я выйти за мосьё де-Беллестара и я говорю вамъ рѣшительно:—Никогда, ни за что на свѣтѣ.

– Однако жъ тебѣ пора подумать о замужствѣ, Сабина,

Digitized by Google

сказалъ опекунъ: не хочешь за того, кого я предлагаю, такъ выбери сама жениха.

—Да я совсѣмъ не тороплюсь выйти замужъ я, и безъ того счастлива, и....

— Ба! сказалъ опекунъ: всѣ дѣвочки то же говорятъ.....

Мнѣ стало досадно.—Да, я счастлива... или лучше сказать была счастлива, но если я вамъ въ тягость, если вамъ хочется по-скорѣе сбыть меня съ рукъ....

— Фи, Сабина! Этого я отъ тебя не ожидалъ, вскричалъ опекунъ съ досадою. Кто-жъ тебѣ сказалъ, что ты намъ въ тягость?

Я заплакала. Мадамъ Симонъ подошла ко мнѣ, обняла меня и сказала:—полно, моя милая.... Вѣдь тебя никто не принуждаетъ. Ну, ты рѣшительно не хочешь за маркиза де-Беллестара?

— Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ.

— Да скажи же, ради Бога, отчего? вскричалъ съ досадою опекунъ мой.

— Э, Боже мой, отчего! отвѣчала мадамъ Симонъ. Да, просто, оттого, что не хочетъ; онъ ей не нравится: вотъ и все тутъ.

Тутъ мнѣ пришло въ голову то, что опекунъ говорилъ мнѣ утромъ. Онъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ. Я высвободилась изъ объятій мадамъ Симонъ и пошла прямо къ нему. Онъ остановился.

— Что вы хотѣли сказать нынче утромъ? спросила я.

— Что такое?

— Что значатъ ваши слова:—О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты была моя дочь....

— О, да, какъ бы я этого желалъ! вскричалъ онъ, поднявъ глаза кверху, какъ-будто призывалъ небо въ свидѣтели искренности своего желанія.

— Да отчего же?

— Отчего?... Черезъ три мѣсяца тебѣ будетъ осьмнадцать лѣтъ. Я сдамъ тебѣ твое имѣніе. Что ты тогда будешь дѣлать?

— Я останусь жить у васъ.

— А добрые люди станутъ говорить, что я держу тебя у себя, для того, чтобы управлять твоимъ имѣніемъ и не давать отчетовъ попечителю и фамильному совѣту.

Digitized by Google

— Я избавлю васъ отъ клеветы. Я буду жить одна.

— Одна! Это невозможно.

Я видѣла ясно, что ему надобно что-то сказать мнѣ; но онъ не рѣшается.—Послушайте, сказала я: вы не откровенны со мною.... Я вижу, что вы что-то отъ меня скрываете. Неужели вы считаете меня не достойною довѣренности? Вы на меня сердитесь. Если я въ чемъ-нибудь виновата, такъ для чего же вы не скажете прямо? Я постараюсь оправдаться.

— Нѣтъ, моя милая, ты ни въ чемъ не виновата.... Но ты правду говоришь; ты дѣвушка съ характеромъ: съ тобой можно и должно говорить откровенно. Ты спрашиваешь отчего бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты была моей дочерью..... Оттого, что тогда ты была бы мамзель Симонъ.....

— А не мамзель Дюранъ.... О, теперь я все понимаю! вскричала я заливаясь слезами.

Я закрыла лицо обѣими руками и упала въ кресла. Мадамъ Симонъ обняла меня и сердито посмотрѣла на мужа.

— О, да, конечно, это жестоко, сказалъ опекунъ; но послушай, Сабина, неужели ты думаешь, что клевета пощадила бы прекрасную, богатую мамзель Дюранъ, которая жила бы одна, въ полной свободѣ?

— Я заставлю ее замолчать, сказала я съ твердостію.

— Заставишь ее замолчать! Но на тебя уже и теперь клевещутъ. Читай, сказалъ опекунъ, подавая мнѣ письмо.

О, моя, милая! что я прочла тутъ! Это было письмо къ маркизу де-Беллестару. Его стыдили, что онъ хочетъ жениться на дочери вора, наслѣдницѣ грабителя ... Этого мало.... тутъ говорили, что я.... Но нѣтъ, этого я не въ состояніи написать.... Ты, дочь честныхъ родителей, ты не должна и знать подобныхъ словъ.... Боже мой! что я имъ сдѣлала!... Моя ли вина!... Это гнусное письмо опекунъ мой получилъ отъ маркиза при благородной, прекрасной запискѣ, въ которой онъ говоритъ, что ничто на свѣтѣ не помѣшаетъ ему дать мнѣ свое имя, потому что я этого заслуживаю своими качествами и добродѣтелями; что онъ поставитъ меня въ свѣтѣ такъ высоко, что никакія грязныя воспоминанія не могутъ запятнать моего добраго име-

Digitized by Google

ни; что послѣ такой клеветы, онъ хотѣлъ бы отвѣчать злымъ людямъ объявленіемъ о нашей помолвкѣ.

— Если ты выйдешь за бѣдняка, говорилъ мнѣ опекунъ: то въ свѣтѣ станутъ говорить, что ты заплатила ему своимъ богатствомъ за его имя ...

Но нѣтъ, я не стану пересказывать тебѣ всего что онъ говорилъ. Онъ былъ такъ добръ, такъ благороденъ, такъ нѣжно убѣждалъ, такъ трогательно просилъ меня....

Теперь все кончено: я просила опекуна написать нынче же къ маркизу, что я принимаю его предложеніе.

А между-тѣмъ.... Аврелія.... я....

Нѣтъ, нѣтъ: я невѣста де-Беллестара.

О, какъ я несчастна!....

«Сабина».

На другой день послѣ ссоры Сильвестра де-Прони съ тёткой, онъ, чтобы она не начала опять разговору о вчерашней встрѣчѣ, сказалъ ей, что мамзель Дюранъ, по всей вѣроятности, выходитъ за маркиза де-Беллестара и подарилъ ей платье, которое мадамъ Симонъ для него купила. Это однако жъ не умилостивило старой дѣвки и она разразилась ругательствами противъ человѣка, который не стыдится жениться на дочери вора, и прочее. Теперь не мудрено догадаться кто писалъ безъимянное письмо, которое получилъ маркизъ де-Беллестаръ.

На другой день, мосьё Симонъ, идя въ свой кабинетъ, позвалъ Сильвестра, взялъ нѣсколько связокъ бумагъ и сказалъ ему: —Любезный другъ, у меня есть до васъ просьба: сдѣлайте мнѣ одну работу.

— Я всегда готовъ исполнять свою обязанность, отвѣчалъ Сильвестръ.

— Это не касается до вашей обязанности; это мое собственное дѣло, и его надобно сдѣлать скоро, а мнѣ некогда. Надобно составить счетъ по управленію имѣніемъ Сабины Дюранъ.

Мосьё Симонъ не рѣшился взглянуть въ это время на Сильвестра, развязалъ неизвѣстно зачѣмъ одну кипу и сказалъ:—Вы найдете здѣсь всѣ нужныя бумаги, крѣпости, инвентарія, контракты, квитанціи....

Онъ готовъ бы былъ исчислить всѣ бумаги, какія тутъ есть и какихъ нѣтъ, чтобы только не глядѣть на де-Про-

Digitized by Google

нѝ; но потомъ ему стало страшно, что тотъ молчитъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что лицо Сильвестра судорожно сжалось и онъ тяжело дышетъ, какъ человѣкъ, который получилъ сильный ударъ въ сердце и съ трудомъ приходитъ въ себя.

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ.

Сильвестръ не могъ выговорить ни слова, но сдѣлалъ жестъ, который значилъ: — Ничего.

— Вы нездоровы?

— Да, я немножко не здоровъ: у меня нынче иногда голова кружится; но это скоро проходитъ, отвѣчалъ де-Пронѝ глухимъ голосомъ.

— Можетъ-быть вамъ трудно будетъ заняться этой работой?

— Нисколько.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы занялись этимъ здѣсь, у меня въ кабинетѣ и кончили ее по-скорѣе.

— Очень хорошо.... Къ какому дню прикажете кончить?

— Да дня въ два, въ три. Я, кажется, выдамъ Сабину за маркиза де-Беллестара; такъ мнѣ хотѣлось бы показать ему отчетъ еще до помолвки. Если будутъ какіе-нибудь споры, такъ лучше кончить ихъ теперь, чѣмъ послѣ.

— Ваша правда, отвѣчалъ холодно де-Пронѝ: когда прикажете начать?

Лицо его было спокойно, голосъ твердъ, но душевное страданіе всѐ-таки было замѣтно: глаза его блуждали, грудь высоко вздымалась, сердце билось такъ сильно, что удары его были слышны. Мосьѐ Симо̀ну стало стыдно, что онъ, по настоя̀ніямъ жены своей, рѣшился подвергнуть несчастнаго молодаго человѣка такому жестокому испытанію, и онъ отвѣчалъ, вставая:

— Начните.... послѣ.... я вамъ скажу....

И ушелъ изъ кабинета, хлопнувъ дверью такъ сильно, что она опять отворилась. И пора было ему уйти: Сильвестръ могъ бы умереть, если бъ принужденъ былъ долѣе удерживаться и скрывать свою горесть. Симо̀нъ остановился въ сосѣдней комнатѣ, самъ совершенно разстроенный. Вдругъ онъ услышалъ шумъ, заглянулъ въ свой кабинетъ: Сильвестръ упалъ на кресло, гдѣ долженъ былъ

Digitized by Google

работать, и ударился головою объ столъ. Кулаки его были сжаты надъ головою, какъ-будто онъ хотѣлъ раздавить ее тутъ; изъ груди его вырвались глухіе стоны. Симонъ не смѣлъ подойти, чтобы своимъ присутствіемъ еще не усилить его горести. Наконецъ съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ сдѣлался страшный нервическій припадокъ; онъ бился, говорилъ, плакалъ, рыдалъ. Пароксизмъ ослабѣвалъ на минуту и потомъ снова усиливался. Симонъ подошелъ, обнялъ бѣдняка и сказалъ:

— Полноте, Сильвестръ, полноте, успокойтесь.

Этого было довольно. Сильвестръ видѣлъ, что есть человѣкъ, который понимаетъ его и принимаетъ въ немъ участіе. Онъ сталъ по-немногу успокоиваться и приходить въ себя.

—Простите меня, Сильвестръ, и бросьте эти бумаги, сказалъ Симонъ черезъ нѣсколько времени.

— О нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ де-Прони, рѣшительно вставая: я непремѣнно долженъ сдѣлать эту работу.

— Послушайте, Сильвестръ, это уже упрямство: я виноватъ передъ вами и вы, принуждая себя къ этой работѣ, хотите сдѣлать меня виноватымъ до конца.

— О нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ де-Прони, я не противъ васъ, а противъ себя принимаю это намѣреніе. — Онъ горько улыбнулся и продолжалъ:

— Въ матеріальной жизни я былъ сурово воспитанъ; я долженъ такъ же воспитать и свое сердце. Послѣ отца я остался двѣнадцати лѣтъ, съ бѣдной моей тѣткой. Ей почти нечѣмъ было жить, а у меня были дѣтскія прихоти: я любилъ то, не любилъ другаго.... батюшка баловалъ меня.... онъ былъ такъ добръ!

Двѣ слезы выкатились изъ глазъ Сильвестра при этомъ воспоминаніи. Онъ опять улыбнулся и продолжалъ:

— Но тётушка не была снисходительною къ дѣтскимъ прихотямъ; она говорила: что хорошо для однихъ, то хорошо и для всѣхъ; она говорила, и говорила правду, что кто бѣденъ, тотъ не долженъ ничѣмъ не пренебрегать, ничѣмъ не брезговать. И она нарочно приготовляла намъ къ обѣду то, чего я не любилъ, чего никогда прежде не ѣлъ.... Трудно мнѣ было преодолѣть отвращеніе, которое

Digitized by Google

я считалъ непреодолимымъ, однако жъ я переломилъ себя: я ко всему привыкъ....

Симонъ слушалъ его съ такимъ печальнымъ видомъ, что тотъ опять улыбнулся и сказалъ:

— А, вы, видно, не имѣли понятія о такихъ страданіяхъ нищеты!.... О, то ли еще въ ней есть!

И улыбаясь, онъ продолжалъ:

— То, что тётушка сдѣлала для моей физической природы, я хочу, я долженъ сдѣлать для своей нравственной природы. Во мнѣ есть, можетъ-быть чувствованія.... несправедливая ненависть.... идеи.... которыя я долженъ уничтожить, вырвать съ корнемъ изъ своего сердца.... Я буду *жевать* эту работу, пока не сдѣлаюсь нечувствительнымъ къ ея отвратительности — какъ бывало дѣлалъ съ любимыми кушаньями тётушки. Кто бѣденъ, тотъ ничего не долженъ ненавидѣть.

И отвернувшись, онъ прибавилъ:—И ничего любить.

— Если вы непремѣнно хотите, сказалъ Симонъ съ явнымъ удовольствіемъ: то тѣмъ лучше.... тѣмъ лучше. Любезный другъ, прибавилъ онъ, подавая Сильвестру руку: теперь я уже не сержусь на жену за то, что она заставила меня подвергнуть васъ такому жестокому испытанію....

— Для чего же?....

— Обнимите меня, любезный Сильвестръ. Я только теперь знаю всю цѣну вамъ; но женщины въ этихъ вещахъ проницательнѣе насъ.

— Что это значитъ?...

— Вы будете завтра у Сабины?

Де-Пронй покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, потомъ опять покраснѣлъ. Симонъ боялся, чтобы съ нимъ снова не сдѣлался припадокъ.

— Приходите... Вы, можетъ-быть, мнѣ понадобитесь.... А счетъ бросьте: онъ теперь уже не такъ нуженъ.

Къ счастію, Сильвестръ не понялъ, что Симонъ хотѣлъ этимъ сказать.

На другой день вечеромъ въ комнатахъ Сабины собрались всѣ ея пансіонскія пріятельницы, свѣженькія, розовенькія дѣвушки. Ни Сильвестра, ни Беллестара еще не было. Маленькая гостиная Сабины была убрана букетами.

Digitized by Google

Между всѣми красовался одинъ букетъ, который отличался отъ другихъ своей огромностью и тѣмъ, что въ немъ было кое-что кромѣ цвѣтовъ. Вокругъ корешковъ было великолѣпное жемчужное ожерелье, и брилліантовыя серьги, изъ середины букета выглядывалъ огромный солитеръ; который стоилъ страшной суммы. Разумѣется, что это былъ букетъ де-Беллестара, а брилліанты тѣ самые, которые Сабина заложила Леонару, а маркизъ выкупилъ. Билеты были присланы при слѣдующей запискѣ:

«Mademoiselle, принимая мою руку и мое имя, вы дали мнѣ право надѣяться, что съ-этихъ-поръ у насъ будетъ все общее. Позвольте же мнѣ принять участіе и въ вашемъ добромъ дѣлѣ».

— Хорошо, печально сказала мадамъ Симонъ, передавая письмо Сабины.

— Да, не дурно, отвѣчалъ Симонъ.... Но потомъ прибавилъ вполголоса: — Однако жъ посмотримъ.

Прочитавъ записку, Сабина покраснѣла. Надобно было объяснить ей какимъ образомъ маркизъ узналъ о ея займѣ. Мосьё Симонъ и жена его старались выставить поступокъ Беллестара въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; они говорили долго... Сабина молчала. Ее возмущала дерзость человѣка, котораго она почти не знала и который безъ спросу вмѣшался въ ея доброе дѣло. Но она старалась увѣрить себя что ошибается и что поступокъ де-Беллестара долженъ быть прекраснымъ, когда такіе люди, какъ опекунъ и мадамъ Симонъ, его хвалятъ.

Наконецъ явился и самъ маркизъ, разфранченный, раздушенный. Увидѣвъ свой букетъ, онъ преисполнился огромнаго торжества, радости во сто тысячъ франковъ. Къ счастію его, Сабина была въ это время въ своей комнатѣ и не видала этого. Потомъ раскланиваясь съ нею, онъ сказалъ вполголоса:

— Вы ангелъ.

— Вы очень добры, отвѣчала она.

Маркизъ де-Беллестаръ подошелъ къ мадамъ Симонъ. Въ это время Сабина увидѣла, что Сильвестръ вошелъ въ комнату и остановился у дверей. Онъ поклонился ей изъдали, но безъ малѣйшаго смущенія: лицо его было спокойно; ничто въ немъ не обличало внутренняго волненія. Са-

Digitized by Google

бинѣ стало грустно. Она надѣялась, что онъ будетъ такъ же печаленъ какъ она; напротивъ, во весь вечеръ онъ велъ себя какъ всѣ, принималъ участіе въ общемъ разговорѣ, не старался обращать на себя вниманія неумѣстной живостію, но и не удалялся отъ веселостей. Она цѣлый вечеръ любезничала, улыбалась, смѣялась, но на душѣ у нея было тяжело. Оба были несчастны. Сабина не поняла какихъ усилій стоило несчастному Сильвестру это наружное хладнокровіе. На другой день она написала объ этомъ къ своей пріятельницѣ Аврелін С*** и простодушно выразила горькое чувство обманутой любви. Отправивъ это письмо, она подъ предлогомъ головной боли, оставалась въ своей комнатѣ; только вечеромъ ѣздила куда-то съ своей гувернанткой въ наемной каретѣ.

Де-Прони цѣлый день не былъ дома и воротился только около полуночи. Придверникъ дому, гдѣ онъ жилъ, не имѣлъ обычая разговаривать съ такими ничтожными жильцами какъ Сильвестръ; но тутъ онъ остановилъ его и сказалъ съ важностію.

— Мосьё де-Прони, здѣсь происходятъ дѣла дивныя, которыя мнѣ совсѣмъ не нравятся.

— Что такое?

— Изволите видѣть: часовъ въ шесть,..... да, должно быть такъ, потому что мы съ женою садились обѣдать.... часовъ въ шесть входитъ въ мою каморку какая-то дама, или дѣвица что ли.... Богъ ее вѣдаетъ. Она была въ бѣломъ чепчикѣ и пріѣхала въ фіакрѣ.... входитъ, подаетъ мнѣ какой-то пакетъ и говоритъ: «Отдайте мосьё де-Прони». Это былъ какой-то портфѣль или книга, завернутая въ бумагу и запечатанная сургучомъ по всѣмъ швамъ.

— Хорошо, сказалъ я: положите вотъ тутъ.

— Это вещь очень важная, чтобы она не затерялась; и ради Бога, отдайте самому мосьё де-Прони, въ руки.

— Не затеряется, отвѣчалъ я, никогда: мосьё де-Прони скоро прійдетъ; онъ обыкновенно около этого времени возвращается домой: я даже удивляюсь, что его до-сихъ-поръ нѣтъ.

Только-что я это выговорилъ, за дверьми послышался тоненькой голосокъ:—Пойдемъ, пойдемъ скорѣе, говорилъ кто-то: Боже мой! если онъ насъ здѣсь застанетъ!

Digitized by Google

Старуха ушла, догнала другую, молоденькую.... я не видалъ ее въ лицо, а увѣренъ, что она молоденькая: у ней голосокъ такой свѣженькой... залѣзли въ фіакръ, да и слѣдъ простылъ.

— Ну, гдѣ жъ этотъ пакетъ?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать прямо, придверникъ продолжалъ свой разсказъ по плану, заранѣе составленному.

— Я хотѣлъ-было спрятать пакетъ въ ящикъ. Вдругъ кто-то стучится, какая-то рожица всовывается въ мое оконце и говоритъ тоненькимъ голоскомъ:—Письмо къ мамзель де-Проні.

— Положите вотъ тутъ, говорю я мальчику, а онъ, плутъ, смотритъ на пакетъ, и, видно, разобралъ уже адресъ.

— Надо отдать по-скорѣе, сказалъ онъ: это очень нужно.

— Ну, такъ снесите сами.

Я имѣлъ полное право послать его самого, потому что, согласитесь, я не обязанъ безпрестанно бѣгать по лѣстницамъ.

— Не снести ли кстати ужъ и этотъ пакетъ?

Онъ уже и схватился-было за него.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій, не извольте-ка это трогать. Это велѣно отдать самому мосьё де-Проні, въ собственныя руки.

Это не удивило Сильвестра, потому что онъ посылалъ Радино къ тёткѣ съ запиской.—Да дайте же мнѣ этотъ пакетъ, сказалъ онъ.

— Позвольте, позвольте; дайте разсказать порядкомъ. То ли еще было! Минутъ черезъ двадцать мальчикъ сбѣжалъ съ лѣстницы, постучался комнѣ въ окно, и закричалъ: — «Спрячь свой пакетъ, старый хрычъ», да и былъ таковъ. Я слишкомъ разсудителенъ, чтобы обращать вниманіе на ругательства мальчишки. Только вотъ приходитъ сама тётушка, съ такимъ ласковымъ видомъ, что я тотчасъ подумалъ, ужъ извините:—вѣрно, мерзость какую-нибудь хочетъ сдѣлать!

— Нѣтъ ли чего къ намъ? спросила она.

— Ничего.

— Странно: племянникъ пишетъ, что принесутъ пакетъ

Digitized by Google

на его имя и проситъ, чтобы я отнесла этотъ пакетъ к нему въ контору: говоритъ, что очень нужныя бумаги.

Я, дуралей, подумалъ, что она и правду говоритъ. Д отчего же бы и не повѣрить? Сами посудите. Вынулъ пакетъ изъ ящика, пощупалъ со всѣхъ сторонъ; внижу,—бу маги; я и отдалъ ей и говорю: — Вотъ онъ; снесите по скорѣе къ вашему племяннику.

Она такъ и схватила, да и говоритъ: — Хорошо, хоро шо, я ужъ знаю что̀ съ нимъ дѣлать.

— Вы говорили, что это такъ нужно?

— Да вѣдь нельзя же мнѣ итти со двора не одѣвшись.

И то дѣло. Тётушка ваша недобрая женщина, но я е уважаю, потому что она ваша тётушка. Нельзя же мнѣ бы ло отнять у нея пакетъ, хоть правду сказать, я больш жалѣлъ, что отдалъ ей. Посмотримъ, думаю я себѣ, пой детъ ли она со двора. Проходитъ четверть часа: нейдетъ полчаса: всё нейдетъ; часъ: всё-таки нейдетъ Плохо, ду маю я, семъ пойду спрошу куда она дѣвала пакетъ. При хожу къ вашей квартирѣ, звоню разъ, звоню два, три: ни гугу! Что̀ за притча! думалъ я. Звоню во всю мочь, такъ что всѣ ваши сосѣди сбѣжались. — Что̀ тутъ такое? — Ни чего, мнѣ только надобно знать дома ли мамзель де-Прони

Одинъ сосѣдъ, котораго окна прямо противъ вашихъ говоритъ:—Какъ не дома: вонъ у ней и свѣчка горитъ, она безъ нужды свѣчей тратить не станетъ.

Я зналъ, что это она хитритъ; однако жъ, чтобы жильцы не удивлялись, я и говорю имъ: — Давича приходилъ къ ней какой-то молодой человѣкъ, а я знаю, что ей надоби было со двора итти. Я боюсь, ужъ не случилось ли съ ней чего.

Вотъ мы и принялись шумѣть; кто звонитъ, кто кричитъ кто кулаками колотитъ. Гвалтъ подняли такой, что Бож упаси. Доняли-таки мы ее! Кричитъ:—Что̀ тамъ такое? Кт это тутъ стучитъ?

Я закричалъ ей сквозь замо̀къ: — А, такъ вы живы? пакетъ-то? Куда вы его дѣвали?

— Пакетъ тамъ, гдѣ ему должно быть.

— Ну, ну, хорошо; только ужъ будьте увѣрены, что разскажу объ этомъ мосьё де-Прони, какъ-скоро онъ при детъ.

Digitized by Google

— Спасибо, сказалъ, де-Пронѝ, не видя во всемъ этомъ ничего особенно важнаго, и хотѣлъ-было итти домой; но придверникъ удержалъ его.

— Позвольте, позвольте, еще не все. Черезъ полчаса послѣ этого, смотрю, мамзель де-Пронѝ опять ко мнѣ пожаловала, да такая тихая, водой не замутитъ. Ну, думаю я себѣ, опять надуть хочетъ!

— Какъ это вамъ не стыдно, любезный другъ, говоритъ она съ улыбочкой (вѣдь этакія притворщицы, эти женщины; Господи, Боже мой, что̀ за племя такое кошачье!): какъ это вамъ не стыдно стучаться такимъ образомъ въ двери!

— А зачѣмъ же вы это подтибрили у меня пакетъ на имя вашего племянника?

— Ахъ, Боже мой, какое счастье, что онъ не попался ему въ руки! Вообразите, цѣлая куча ругательныхъ писемъ. Онъ бы, бѣднякъ, съ ума сошелъ, если бъ прочиталъ ихъ! Вѣдь есть же на свѣтѣ такіе злые люди! Ради Бога, мой любезный, не говорите ему ничего объ этомъ пакетѣ: что̀ его, бѣднаго, тревожить.

Да какъ бы вы думали: даетъ мнѣ десять франковъ, когда мнѣ отъ нея во всю жизнь и соломенки не досталось. Видно, ужъ что́-нибудь не даромъ.

Де-Пронѝ поблагодарилъ придверника и пошелъ домой. Все это его встревожило. Что̀ жъ это за пакетъ могъ быть? Кто его принесъ? И зачѣмъ тётка его скрыла?

Сильвестръ, какъ и всѣ, у кого слугъ нѣтъ, всегда носилъ въ карманѣ второй ключъ отъ своей квартиры. Онъ отперъ замо̀къ; но дверь не отворялась: она была заперта изнутри задвижкою. Мамзель де-Пронѝ въ состояніи была бы не пускать его домой, просто, за то, что онъ поздно воротился; но послѣ того, что̀ говорилъ ему придверникъ, эта предосторожность поразила его. Онъ звонилъ нѣсколько разъ; никто не отпиралъ. Сильвестръ призадумался и не зналъ на что̀ рѣшиться. Подождалъ немножко; потомъ приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и услышалъ, что кто-то тихонько крадется въ двери. Онъ кликнулъ тётку; она не отвѣчала. Сильвестръ позвонилъ и ему послышалось, что задвижку отодвинули; попробовалъ: дверь отперта. Онъ вошелъ: вездѣ темно; обыкновенно если его не было, тётка, ложась спать оставляла ночникъ:

Digitized by Google

теперь ночника не было; а между-тѣмъ запахъ отъ сальной свѣчки, только-что затушенной, показывалъ, что мамзель де-Прони до-тѣхъ-поръ не спала. Сильвестръ вошелъ въ комнату тётки: огонь въ каминѣ не былъ погашенъ, а между-тѣмъ она, изъ предосторожности отъ пожару, всегда гасила на ночь огонь. Де-Прони отыскалъ ощупью щипцы, досталъ изъ камина уголь, долго раздувалъ его. Все это дѣлало такой шумъ, что въ другой разъ тётка его непремѣнно пробудилась бы, но она не шевелилась. Наконецъ онъ добылъ огню. Тётка его лежала на постели подъ одѣяломъ и притворялась спящею; но, посмотрѣвъ на нея внимательнѣе, онъ замѣтилъ, что она совсѣмъ одѣта. Сильвестръ рѣшился надѣлать такого шуму, чтобы она не могла уже притворяться, будто не слышитъ. Онъ нарочно уронилъ желѣзные щипцы на полъ. Мамзель де-Прони вздрогнула, но не подымалась.

Сильвестръ пошелъ въ свою комнату, думая что, можетъ-быть, она тамъ гдѣ-нибудь положила пакетъ; но его нигдѣ не было. Роясь въ ящикахъ, Сильвестръ наконецъ открылъ тотъ, въ которомъ обыкновенно лежали платье и бѣлье мамзель де-Прони: ящикъ былъ пустъ. Онъ сталъ искать и увидѣлъ, что узелъ съ платьемъ и бѣльемъ лежалъ въ комнатѣ тётки подъ столомъ. Ясно было, что она хотѣла совсѣмъ уйти отъ него и рѣшилась во что бы то ни стало, избѣжать немедленнаго объясненія. Сильвестръ сталъ думать о томъ что говорилъ ему придверникъ, соображать всѣ обстоятельства, и вдругъ, какъ-бы пораженный внезапною мыслію, онъ закричалъ: — Тётушка! Тётушка!

Притворяться долѣе было невозможно и она отвѣчала сонным голосомъ: — Что тебѣ нужно?

— Извините, что я разбудилъ васъ: ко мнѣ принесли пакетъ. Гдѣ онъ?

— Я никакого пакета не видала, сказала она, садясь на постели.

Она точно была совсѣмъ одѣта.

— Я знаю навѣрное, что пакетъ принесли. Пожалуйте мнѣ его.

— Я ничего не знаю, отвѣчала она; легла опять, повернулась къ стѣнѣ и закрылась одѣяломъ.

Digitized by Google

— Послушайте, тётушка, это дѣло важное; пакетъ адресованъ на мое имя и вы не имѣете права его удерживать.

Мамзель де-Проні поднялась опять и указывая на узелъ съ платьемъ, сказала:—Видишь, тебѣ недолго ждать: скоро ты отъ меня совсѣмъ избавишься. Мнѣ надобно было бы уйти нынче же вечеромъ, я отложила до завтра и Богъ наказалъ меня за это.

— Да зачѣмъ вамъ уходить?

— За тѣмъ, что мнѣ надоѣло жить съ тобою: ты гуляка, негодный развратникъ. Ты думаешь, я не знаю, что ты былъ совсѣмъ не въ конторѣ, а таскался Богъ вѣсть гдѣ. Живи себѣ какъ хочешь, а я буду жить одна.

— Да чѣмъ же вы будете жить?

— Ужъ объ этомъ не изволь безпокоиться: я отъ тебя ничего не потребую.

Это еще болѣе изумило Сильвестра; но ему и въ голову не приходило, чтобы у ней были какія-нибудь тайныя средства для жизни. Онъ думалъ, что это просто капризъ, угроза, которой она не можетъ исполнить и потому сказалъ:— Удерживать васъ я не могу, но прежде вы должны отдать мнѣ мой пакетъ.

— Говорятъ тебѣ, что пакета никакого нѣтъ.

— О, такъ я же найду его, вскричалъ Сильвестръ съ досадою, бросившись къ постели, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли пакета подъ подушкою.

Старуха вскочила, съ бѣшенствомъ оттолкнула его и вскричала:

— Неужели ты осмѣлишься наложить на меня руку?

— Говорятъ вамъ, отдайте мнѣ пакетъ, сказалъ де-Проні, наконецъ совершенно выведенный изъ терпѣнія.

Старуха забыла роль, которую хотѣла играть и сверкая глазами, какъ львица, у которой хотятъ отнять дѣтеныша, вскричала дрожащимъ отъ ярости голосомъ: — Не отдамъ! Хоть убей, не отдамъ!

И говоря это она собирала вокругъ себя юбки. Ясно было, что она спрятала что-то въ свои большіе карманы, которые, по-старинному, носила подъ платьемъ.

— Тётушка, сказалъ Сильвестръ, помолчавъ немного: клянусь вамъ честью моего отца: вы не выйдете отсюда, пока не отдадите мнѣ пакета.

Digitized by Google

— Такъ ты хочешь убить меня, злодѣй? закричала старуха, отступая въ уголъ.

Глаза ея блуждали, какъ у помѣшанной, губы дрожали; она была страшна.

— Тётенька, сказалъ Сильвестръ кротко: прійдите въ себя, подумайте, что вы дѣлаете. Этотъ пакетъ адресованъ на мое имя; онъ мой, а не вашъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала мамзель де-Прони, глухимъ голосомъ: это мое добро; она возвратила его мнѣ и я не выпущу его изъ рукъ.

Эти слова, вырвавшіеся у испуганной старухи, еще болѣе изумили Сильвестра. Онъ еще не догадался въ чемъ дѣло; но начиналъ приближаться къ истинѣ. Онъ подошелъ по-ближе. Старуха совсѣмъ прижалась въ уголъ, какъ хищный звѣрь, на котораго нападаютъ въ берлогѣ.

— Этотъ пакетъ привезла мамзель Дюранъ?

— Не знаю.

— И въ немъ, можетъ-быть, были..... деньги?

— А, ты хочешь украсть ихъ у меня? Ограбить меня? закричала старуха, поднося когти прямо къ лицу Сильвестра.

Теперь де-Прони видѣлъ ясно, что ему прислали деньги, что эти деньги прислала или привезла мамзель Дюранъ! Онъ забылъ на минуту и сопротивленіе тётки и странное свое положеніе въ отношеніи къ ней и чувствовалъ только свое униженіе.

— О! деньги! денегъ мнѣ! вскричалъ онъ со слезами ярости и отчаянія. Потомъ внѣ себя началъ ходить большими шагами по комнатѣ, рвалъ на себѣ волосы, стоналъ и плакалъ, восклицая по временамъ: Деньги! мнѣ деньги!

Покуда онъ ходилъ, старуха съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдовала за нимъ глазами; но отчаяніе, горесть племянника нисколько не возбужали ея состраданія. Она думала только объ одномъ, какъ бы отстоять сокровище, которое хотѣла себѣ присвоить. Вдругъ Сильвестръ остановился передъ нею и сказалъ рѣшительно:

— Отдайте мнѣ эти деньги.

Она не отвѣчала, но злобно захохотала.

— Подайте деньги! вскричалъ онъ внѣ себя.

Въ этой тѣсной комнатѣ двѣ страшныя страсти сталки-

Digitized by Google

вались между собою. Гордость Сильвестра бушевала при мысли оставить у себя хоть что-нибудь изъ милостыни, которую ему прислали. Въ душѣ мамзель де-Прони кипѣло корыстолюбіе старухи, которая всю жизнь терпѣла нищету, теперь получила неожиданно средства существовать безбѣдно и ихъ хотятъ отнять у нея!

Она молчала. Тутъ Сильвестръ совершенно вышелъ изъ себя, схватилъ ее за обѣ руки, сжалъ ихъ изъ всей силы и сказалъ:—Подайте деньги!

Старуха не вырывалась, но, задыхаясь отъ ярости, проговорила:—Убійца! Убійца!

Эти слова привели Сильвестра въ себя; онъ опустилъ руки мамзель де-Прони, упалъ на постель и вскричалъ со слезами:—О, я несчастный! Зачѣмъ я родился на свѣтъ! Потомъ, онъ всталъ и подойдя къ тёткѣ, сказалъ:—Да развѣ вы не понимаете, что если я не возвращу ей этихъ денегъ, то долженъ убиться, потому что буду обезславленъ на всю жизнь?

— Пустяки, не убьешься! отвѣчала старуха, пожавъ плечами.

— Клянусь вамъ, сказалъ Сильвестръ: если я завтра же не возвращу этихъ денегъ той, которая осмѣлилась прислать мнѣ ихъ, то я застрѣлюсь: клянусь вамъ честью отца моего.

— Ну, такъ что жъ, пожалуй: лучше застрѣлиться, чѣмъ умереть съ голоду, и если тебѣ охота стрѣляться, такъ кто жъ не велитъ? отвѣчала старуха.

Несчастный Сильвестръ былъ совершенно уничтоженъ. Эти слова разрушали его единственную привязанность, ту, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ, для которой обрекъ себя на нищету. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на тётку, какъ-будто думая, что не такъ понялъ, что она сказала; но мамзель де-Прони, пользуясь его унынiемъ, сказала еще холоднѣе прежняго:

— Кто жъ не велитъ! Ты не первый и не послѣдній убьешься оттого, что у тебя нѣтъ ни характера, ни воли. Да, правду сказать, я плохо и понимаю, зачѣмъ и жить на свѣтѣ человѣку, который ни на что не годенъ.

Въ этихъ словахъ было какое-то радостное, свирѣпое выраженіе, котораго передать невозможно. Не мудрено.

Digitized by Google

Чорствая холодность сердца старой дѣвки во сто разъ непостижимѣе самыхъ бурныхъ волненій души пылкой женщины.

Де-Пронѝ погрузился въ глубочайшее уныніе. Онъ понималъ, что старуха, тётка его, считаетъ эти деньги своей собственностью, своей послѣдней, неожиданной надеждою и ни за что въ свѣтѣ добровольно съ ними не разстанется; но онъ чувствовалъ также, что надобно возвратить ихъ во что бы то ни стало. Долго стоялъ онъ молча; наконецъ сказалъ:—Завтра я рѣшу что мнѣ дѣлать; до-тѣхъ-поръ прошу васъ только объ одной милости: не уходите, не поговоривъ со мною.

Старуха съ презрѣніемъ отвернулась отъ мужчины, котораго побѣдила своей непоколебимой твердостью. Сильвестръ ушелъ въ свою комнату. Въ головѣ у него было темно и осталась одна только ясная мысль, сознаніе, что онъ дошелъ до крайней степени злополучія и что ему не остается другаго убѣжища, кромѣ смерти.

Само-собою разумѣется, что де-Пронѝ не смыкалъ глазъ въ эту ужасную ночь. Мысли, однѣ другихъ печальнѣе, однѣ другихъ ужаснѣе, безпрестанно смѣнялись въ головѣ его. Впрочемъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что ему удастся преодолѣть сопротивленіе тётки и думалъ только, какъ бы наказать ту, которая осмѣлилась подать ему милостыню.

Не спала и мамзель де-Пронѝ. Она слышала какъ Сильвестръ ходилъ по комнатѣ, рыдалъ и говорилъ вслухъ самъ съ собою. Нѣсколько разъ подходила она на цыпочкахъ къ стеклянной двери, отдѣлявшей ея комнату отъ комнаты Сильвестра и убѣдилась, что украдкою уйти невозможно, а надо уйти, чтобы поселившись гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголку, жить подъ чужимъ именемъ и спокойно наслаждаться тѣмъ что судьба послала. Ей и въ голову не приходило, чтобы она не имѣла права воспользоваться этими деньгами. Но какъ удержать ихъ? Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, она убѣдилась, что надобно возвратить часть, чтобы спасти остальное. Сколько жъ отдать? Такъ какъ это милостыня, даръ, то могли прислать и не сто тысячъ, а тридцать, двадцать, десять, даже пять, даже три: даръ всё-таки значительный. И она

Digitized by Google

отложила пять тысячъ; ну, а если Сильвестръ не повѣритъ, что прислали такъ мало? Нѣтъ, надобно прибавить. И она, терзаясь, прикладывала еще пять тысячъ, доходила постепенно до тридцати, потомъ опять отлагала десять, двадцать пять тысячъ. Тяжела была ей эта борьба! Наконецъ она завернула особо двадцать тысячъ, и въ это время послышались у дверей шаги Сильвестра: борьба прекратилась. Мамзель де-Прони проворно легла опять въ постель. Сильвестръ подошелъ къ ней и сказалъ съ величайшею кротостію:

— Ну, что жъ, тётенька, одумались ли вы? рѣшились ли возвратить деньги, которыхъ мы не должны принимать, не можемъ принять?

Мамзель де-Прони медленно вытянула изъ-подъ одѣяла руку и, подавая Сильвестру пачку банковыхъ билетовъ, сказала:

— Вотъ они. Оскорбили не меня, а тебя; дѣлай что хочешь. Оставь меня только въ покоѣ. Страданія мои скоро кончатся. Я надѣюсь уже не вставать съ постели.

Бѣдный Сильвестръ съ восторгомъ поцѣловалъ изсохшую руку злой старухи. — Вы спасли мнѣ жизнь! вскричалъ онъ. Взглянувъ на пачку, де-Прони тотчасъ увидѣлъ, что тутъ должно быть тысячъ двадцать, и ему даже въ голову не пришло спросить: всё ли тутъ. Внѣ себя отъ радости, онъ отъ души благодарилъ тётку, просилъ у ней прощенія и ушелъ въ свою комнату. Мамзель де-Прони съ безпокойствомъ ждала когда онъ пойдетъ со двора, чтобы потомъ самой бѣжать.

Это было въ воскресенье. Вечеромъ, въ гостиной у стряпчаго сидѣли онъ самъ, мадамъ Симонъ, Сабина и маркизъ де-Беллестаръ. Симонъ велѣлъ всѣмъ отказывать, чтобы доставить жениху и невѣстѣ случай сблизиться. Но и опекунъ, и жена его, и ихъ питомица были скучны и молчаливы. Симонъ шевелилъ уголья, мадамъ Симонъ вышивала въ пяльцахъ, Сабина разсѣянно перелистывала альбомъ. Одинъ Беллестаръ, грѣясь у камина, говорилъ безъ-умолку, изчислялъ свои богатства, толковалъ о томъ, какія удовольствія ожидаютъ маркизу де-Беллестаръ посереди упоенія самой роскошной жизни въ большомъ свѣтѣ. Онъ не обращалъ вниманія ни на что и самодовольно

Digitized by Google

любовался планами, которые созидалъ для будущей своей брачной жизни.

Въ это время слуга пришелъ доложить, что мосьё де-Пронѝ неотступно проситъ, чтобы его впустили, говоря, что ему необходимо нужно повидаться съ мосьё Симо́номъ.

Это всѣхъ поразило. Маркизъ, досадуя, что ему помѣшали, вскричалъ:—Да развѣ ты не сказалъ ему, что никого не велѣно принимать? Можетъ прійти и въ другой разъ.

Мосьё Симо́нъ, напротивъ, вскричалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, позови его. И потомъ, какъ-бы извиняясь, прибавилъ: — Можетъ-быть, у него есть какія-нибудь важныя дѣла.

Черезъ минуту Сильвестръ вошелъ въ комнату. Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ; глаза его потускли. Онъ походилъ болѣе на ходячій трупъ, чѣмъ на живаго человѣка.

— Что̀ съ вами, любезный Сильвестръ? сказалъ Симо́нъ, подходя къ нему.

— Сейчасъ скажу вамъ; но позвольте мнѣ собраться съ мыслями.... Я не думалъ найти здѣсь....

— Пойдемте въ мой кабинетъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте мнѣ говорить здѣсь.... Это нужно, необходимо для моей чести.... моего достоинства... моей....

Онъ не могъ выговорить слова «мести.» При видѣ Сабины все негодованіе, весь гнѣвъ его исчезли, и въ сердцѣ у него осталась только горесть.

— Мосьё Симо́нъ, сказалъ онъ, помолчавъ немного: вотъ уже семь лѣтъ какъ я имѣю честь работать у васъ, былъ такъ счастливъ, что заслужилъ вашу довѣренность и старался всегда быть достойнымъ вашихъ милостей.

— Я всегда былъ доволенъ вами, какъ нельзя болѣе, всегда имѣлъ къ вамъ полную довѣренность, а то что̀ вы называете моими милостями, не что̀ иное какъ справедливость, и даже очень не щедрая.

— Благодарю васъ, сказалъ де-Пронѝ, кланяясь: послѣднія ваши слова помогаютъ мнѣ приступить къ предмету, о которомъ мнѣ безъ того трудно было бы говорить. Да, вы платили мнѣ не много, но вы не могли больше давать мнѣ: иначе всѣ ваши товарищи стали бы на васъ жа-

Digitized by Google

ловаться. Я зналъ, что ожидаетъ меня и добровольно избралъ эту карріеру. Конечно, я жилъ въ бѣдности, почти въ нищетѣ; но слыхали ли вы отъ меня когда-нибудь хотя малѣйшую жалобу на мое положеніе? Пенялъ ли я когда-нибудь на жестокость судьбы? Вспоминалъ ли о богатствѣ, котораго лишился?....

— Никогда, никогда! сказалъ Симонъ: вы всегда вели себя какъ благородный человѣкъ, который чувствуетъ свое достоинство и не унижается безплодными жалобами.

— Если такъ, продолжалъ Сильвестръ, дрожащимъ голосомъ: то растолкуйте мнѣ, почему кто-то, кого я не знаю.... и не хочу знать, прибавилъ онъ едва слышно— счелъ себя въ правѣ бросить милостыню бѣдняку, который ни у кого ничего не просилъ?

Положеніе дѣйствующихъ лицъ этой маленькой драмы было довольно странно: всѣ знали, что хотѣлъ сказать Сильвестръ, а, между-тѣмъ, всѣ должны были показывать, что ничего не знаютъ. При словѣ «милостыня», Сабина потупила глаза, сознавая свою ошибку; мадамъ Симонъ печально улыбнулась, но съ гордостію взглянула на Сильвестра: ей пріятно было что человѣкъ, котораго она такъ любитъ и уважаетъ, снова занимаетъ мѣсто, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ. Беллестаръ улыбнулся и слегка пожалъ плечами, какъ-будто подумалъ:—Сколько хлопотъ изъ пустяковъ! Одинъ Симонъ хорошо игралъ свою роль и сказалъ:

— Милостыню, вамъ! Я не понимаю что вы хотите сказать, любезный другъ.

Де-Пронй поглядѣлъ на мадамъ Симонъ, на Беллестара, и тотчасъ увидѣлъ, что они все знаютъ.

— Какъ же иначе назвать, сказалъ онъ: значительную сумму, которую кто-то привезъ къ намъ въ домъ и велѣлъ отдать мнѣ, сумму, на которую я не имѣлъ ни малѣйшаго права, кромѣ моей бѣдности?

— Что жъ тутъ мудренаго? сказалъ де-Беллестаръ. Вѣрно, какой-нибудь человѣкъ богатый, чувствительный и великодушный, зная васъ, захотѣлъ помочь вамъ.

Не будь тутъ Беллестара, де-Пронй, вѣроятно, кончилъ бы свои объясненія съ такою же умѣренностію, какъ на-

Digitized by Google

чалъ; но внѣшательство этого человѣка было искрою, брошенною въ порохъ. Сильвестръ вспыхнулъ:

— Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы допрашиваться по какой причинѣ надо мною сжалились, а чтобы объявить, что мнѣ не нужно этого соболѣзнованія, что я считаю его оскорбленіемъ для себя и если бы я зналъ, что сердце, въ которомъ родилось это состраданіе, бьется .. подъ синимъ фракомъ, то я бы потребовалъ удовлетворенія отъ того, кто осмѣлился оскорбить меня.

Маризъ застегнулъ свой синій фракъ до самаго верху, какъ-будто приготовляясь къ рукопашному бою и окинулъ Сильвестра взорами съ головы до ногъ.—Сердце, которое бьется подъ синимъ фракомъ, сказалъ онъ: нисколько не виновато въ состраданіи, котораго васъ считали достойнымъ, но я готовъ принять отвѣтственность за это на себя.

— Господа, вскричала мадамъ Симонъ, вставая съ своего мѣста и указывая на Сабину: вы забываете, что мы здѣ[illegible] И она побѣжала къ мамзель Дюранъ, которая, закинувъ голову назадъ, прижавъ руку къ сердцу, казалось, задыхалась.

— Мосьё де-Прони, сказалъ съ строгимъ видомъ Симонъ, ставъ между Сильвестромъ и Беллестаромъ: развѣ вы пришли сюда за тѣмъ, чтобы заводить ссоры? въ моемъ домѣ?

— Извините меня, отвѣчалъ Сильвестръ: я искренно сожалѣю, что навлекъ на себя упрекъ въ неуваженіи къ вашему дому, особенно, когда я здѣсь въ послѣдній разъ; но, мнѣ кажется, что здѣсь всѣ понимаютъ, о чемъ я говорю и только не хотятъ признаться.

Никто не сказалъ ни слова. Сильвестръ посмотрѣлъ на тѣхъ, которыхъ называлъ своими друзьями, на тѣхъ, съ кѣмъ разставался и, снова погрузившись въ горесть, вскричалъ почти со слезами:

— О, вы всѣ знали!

Потомъ, обращаясь къ каждому по-одиначкѣ, онъ сказалъ мадамъ Симонъ, которая держала Сабину въ своихъ объятіяхъ:—Вы знали, но я не сержусь за то, что вы до этого допустили, потому что вы не знали меня. И вы знали, мосьё Симонъ, и позволили сдѣлать мнѣ эту обиду! Развѣ

Digitized by Google

я когда нищенствовалъ? Развѣ я жаловался на свою бѣдность? Развѣ я не трудами добывалъ себѣ насущный кусокъ хлѣба? За что жъ было оскорблять меня?

Потомъ онъ обратился къ Сабинѣ, которая горько плакала, и сказалъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ:—Что я вамъ сдѣлалъ? Развѣ я когда-нибудь нарушалъ уваженіе, которымъ обязанъ вамъ... не только потому, что вы питомица человѣка, который мнѣ покровительствовалъ, но и потому, что вы добры, благородны, украшены всѣми добродѣтелями.... неужели вы не знаете, что дать мужчинѣ денегъ значитъ нанести ему жесточайшее оскорбленіе?... Но нѣтъ, вы знали, потому что сдѣлали это украдкой....

Сабина вырвалась изъ объятій мадамъ Симонъ и подойдя къ Сильвестру, сказала съ неизъяснимымъ выраженіемъ гордости и мольбы:

— Клянусь вамъ честью, я не знала, что это унизительно для васъ; но я знала, что отъ меня вы ничего не примете.

— Ни отъ васъ, ни отъ кого на свѣтѣ! сказалъ съ мрачнымъ видомъ Сильвестръ.

— Но отъ меня это была не милостыня, а возвращеніе....

— Сабина, Сабина, ты ничего не должна Сильвестру! вскричалъ Симонъ, видя, что приближается опасность, которой онъ такъ старался избѣжать.

— Мосьё Симонъ совершенно правъ, сказалъ де-Проні: вы мнѣ ничего не должны, и мнѣ очень совѣстно, что я такъ жестоко упрекалъ васъ въ поступкѣ, причиною котораго была чистота и благородство вашихъ чувствованій. Повѣрьте, я умѣю цѣнить ихъ, я искренно благодаренъ вамъ, но согласитесь, что я не могу принять отъ васъ денегъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Сабина: вы не принимаете, и хорошо дѣлаете; а я не хочу пользоваться имѣніемъ, которое неправедно отнято у васъ, и тоже хорошо дѣлаю.

Твердая рѣшимость, съ которою она произнесла эти слова, всѣхъ испугала. Симонъ, жена его, Сильвестръ, вскрикнули вмѣстѣ:

— Что ты дѣлаешь, Сабина?

Digitized by Google

— Что̀ это ты говоришь, моя милая?

— Что̀ вы хотите сказать, мамзель Дюранъ!

— Это уже слишкомъ!

Разумѣется, что послѣднее восклицаніе сдѣлалъ Беллестаръ.

Сабина, какъ-будто ничего не слыхала и продолжала съ прежнею рѣшительностію.

— Ни милостыни, ни дара тутъ быть не можетъ; между нами можетъ быть только разсчетъ, и я непремѣнно хочу, чтобы разсчетъ былъ сдѣланъ.

— Ты забываешь, что я здѣсь, сказалъ Симо̀нъ: ты не можешь располагать своимъ имуществомъ.

— Я скоро буду имѣть право располагать имъ и тогда, мосьѐ де-Пронѝ, я надѣюсь, что вы не будете имѣть причины на меня жаловаться.

Дѣло, по-видимому, должно было тѣмъ и кончиться, но маркизъ де-Беллестаръ, нѣсколькими словами придалъ ему совсѣмъ новый оборотъ.—Мы всѣ понимаемъ, сказалъ онъ Сильвестру: благородныя чувствованія, которы[illegible] заставляютъ васъ отказаться отъ этихъ ста тысячъ; но, будьте великодушны, примите ихъ.

— Какъ..... какъ вы сказали..... сто..... сто тысячъ франковъ? вскричалъ Сильвестръ прерывающимся голосомъ.

— По-крайней-мѣрѣ я слышалъ, что мамзель Дюранъ хотѣла послать къ вамъ сто тысячъ.

— Э, Боже мой, что̀ за надобность сколько тутъ было! сказала Сабина.

— О, ради Бога, сжальтесь надо мною, скажите: вы мнѣ послали сто тысячъ? вскричалъ Сильвестръ въ невыразимомъ разстройствѣ чувствъ.

Сабина въ испугѣ потупила глаза, а Симо̀нъ вскричалъ съ нетерпѣніемъ:

— Да говори же: сколько ты ему послала?

— Сто тысячъ.

— Сто тысячъ! закричалъ де-Пронѝ въ совершенномъ отчаяніи... О, я бѣгу, сказалъ онъ, бросаясь къ дверямъ; но сдѣлавъ два шага, онъ остановился и схватился за сердце. Симо̀нъ подбѣжалъ къ нему. Лицо Сильвестра исказилось, глаза закрылись; онъ проговорилъ невнятно:

Digitized by Google

— Бѣгите.... бѣгите на мою квартиру.... тётушка.... и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Онъ лежалъ совершенно неподвижно. Когда Симонъ съ помощію лакея сталъ поднимать его, члены Сильвестра сгибались безъ малѣйшей упругости и были тяжелы какъ члены трупа. Лицо покрыто смертною блѣдностью, ротъ полу-раскрытъ и изъ него выступали одна за одной капли крови; грудь сильно вздулась. Больнаго положили на диванъ; безжизненное лицо его было обращено къ серединѣ комнаты, какъ-будто онъ глядѣлъ на окружающихъ. Симонъ, стоя на колѣняхъ, щупалъ пульсъ его, который не бился. Мадамъ Симонъ бѣгала и суетилась; приносила разные спирты и соли. Маркизъ де-Беллестаръ велѣлъ взять свою карету, чтобы послать за докторомъ; потомъ сталъ по-прежнему къ камину и, по-видимому, очень жалѣлъ, что попалъ въ такой свѣтъ, гдѣ бываютъ подобныя сцены. Сабина стояла въ ногахъ дивана; онущенныя ея руки скрестились пальцами; голова наклонилась впередъ; глаза, неимѣрно раскрытые, были устремлены на Сильвестра; ротъ немножко открытъ. То было выраженіе испуга и горести, доведенныхъ до высочайшей степени. То была превосходная статуя, почти такая же бѣлая какъ мраморъ, такая же неподвижная и столь же холодная. Въ эту минуту Сабина не думала. Мысль, самая мимолетная, хоть на мгновеніе нарушила бы эту совершенную неподвижность. Но Сабина не думала: она страдала, страданіемъ глубокимъ, но безъ порывовъ. Жизнь Сабины, казалось, улетѣла вмѣстѣ съ жизнью Сильвестра и когда онъ вздохнулъ и кровь сильно полилась у него изъ горла, она тоже испустила глубокій вздохъ: они вмѣстѣ возвратились къ жизни.

Разумѣется, что де-Беллестаръ не понималъ тайной причины горести своей невѣсты. Онъ одаренъ былъ блаженнымъ самодовольствомъ глупцовъ и ему никогда въ голову не приходило, чтобы женщина, которую онъ удостоилъ своего вниманія, могла думать о комъ-нибудь другомъ. Когда Сильвестръ сталъ оживать, маркизъ подошелъ къ Сабинѣ и сказалъ:

— Успокойтесь; это ничего: просто, обморокъ; теперь нѣтъ никакой опасности....

Сабина не слушала его, не взглянула на него, не спуска-

Digitized by Google

ла глазъ съ лица Сильвестра и проговорила почти шопотомъ: — О, да, я спасу его....

— Но теперь онъ уже спасенъ, сказалъ де-Беллестаръ: успокойтесь, пріидите въ себя....

Тутъ она точно пришла въ себя, возвратилась къ дѣйствительной жизни, то есть, возвратилась къ де-Беллестару, и какъ-будто видъ его напомнилъ ей все прошедшее, какъ-будто онъ сдѣлалъ новое предложеніе, она отвѣчала отвернувшись....

— О, теперь никогда!... никогда!...

Де-Беллестаръ не понялъ, но эти слова поразили его.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ докторъ и велѣлъ пустить кровь. Маркизъ отправился домой. Сабина принуждена была уйти. Входя въ свою комнату, она остановилась и стала прислушиваться: часы пробили двѣнадцать. Начался Новый Годъ.

Втораго января, съ маркизомъ случилось происшествіе, которое имѣло сильное вліяніе на судьбу героевъ нашего романа, и мы тотчасъ разскажемъ этотъ случай, чтобы скорѣе воротиться къ людямъ, по-интереснѣе этого ходячаго милліона.

Отъ скуки онъ поѣхалъ къ своему брилліантщику, Леонару, смотрѣть вещи, которыя заказалъ для невѣсты. Само собою разумѣется, что Леонаръ питалъ глубокое уваженіе къ такому богатому покупщику какъ маркизъ; притомъ Леонаръ былъ чрезвычайно болтливъ и ему непремѣнно надобно было разсказывать слухи, сплетни, пустяки, что бы то ни было, лишь бы только разсказывать. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ долгомъ почелъ сообщить де-Беллестару разговоръ, который происходилъ дня за три передъ тѣмъ у него въ магазинѣ между двумя дѣвицами. Одна изъ этихъ дѣвицъ была мамзель Авредія С***, къ которой Сабина питала неограниченную довѣренность, другая, по-видимому, ихъ общая, пансіонская подруга.

Онѣ, къ большому удивленію Леонара, разговаривали о брилліантахъ, которые Сабина у него заложила, и потомъ Авредія С*** сказала вполголоса, но такъ, что эти слова дошли до чуткаго слуха любопытнаго Леонара: — Вообрази, ma chère, она выходитъ за этого бѣднаго маркиза, а сама по-уши влюблена въ Сильвестра де-Прони. — Быть не

Digitized by Google

можетъ!—У меня есть письмо, въ которомъ она сама мнѣ призналась.

При извѣстныхъ намъ чувствованіяхъ маркиза де-Белестара и мнѣніи его о себѣ самомъ—разумѣется, это извѣстіе поразило его какъ громомъ, и онъ думалъ только о томъ какъ бы скорѣе и самымъ чувствительнымъ образомъ показать недостойную, которая не умѣла оцѣнить его.

Какъ-скоро Сильвестру стало по-лучше, Симонъ послалъ къ нему въ квартиру узнать, тамъ ли его тётка. Ее не было; она ушла тотчасъ послѣ него, и оставила у придверника письмо на имя Сильвестра. Въ этомъ письмѣ, злая старуха, осыпая ругательствами и покойнаго Дюрана, и несчастную Сабину и самого Сильвестра, объявляла, что такъ какъ покойный де-Прони, братъ ея и отецъ Сильвестра, взялъ у нея 309,522 франка и ввѣрилъ ихъ Дюрану, за которымъ они и пропали, то эту сумму долженъ ей Сильвестръ, и потому она рѣшилась подать на него просьбу, чтобы черезъ него добраться до Сабины. «Она хотѣла зажать намъ ротъ своими ста тысячами! писала мамзель де-Прони: погоди, голубушка! Я тебя выведу на свѣжую воду. Начнется процессъ, такъ весь свѣтъ узнаетъ подлости отца твоего, узнаютъ и за что ты такъ щедро платишь моему племяннику» и прочее и прочее. Между-тѣмъ Симонъ принужденъ былъ сообщить это письмо Сабинѣ. Можете представить себѣ каково было несчастной дѣвушкѣ читать такія мерзости! Но это было нужно для того, чтобы показать, что хотя мамзель де-Прони, конечно, не можетъ выиграть своего нелѣпаго процесса, однако жъ при помощи какого-нибудь адвоката-сутяги — а ихъ въ Парижѣ не мало — можетъ надѣлать бѣдной мамзель Дюранъ множество непріятностей. Оставалось одно средство избавиться отъ всѣхъ этихъ непріятностей: отъискать мамзель де-Прони и отъискать ее какъ-можно скорѣе, пока она еще не успѣла подать просьбы, и какъ-нибудь сдѣлаться съ нею. Къ счастію, это былъ Новый Годъ, а въ этотъ день ни одного адвоката нѣтъ дома. Всѣ рыщутъ по городу; да если бы какой-нибудь лѣнивый или слишкомъ важный, и былъ дома и согласился приняться за работу, такъ всѣ-таки просьбы подать нельзя. Разсудивъ такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ и составивъ планъ поведенія, дѣятельный Симонъ тотчасъ пустился въ путь.

Но пусть его ищетъ, а мы между-тѣмъ посмотримъ, что дѣлаетъ Сильвестръ.

Всю ночь у него былъ страшный жаръ, и въ бреду онъ высказалъ все что у него было на душѣ. Такимъ образомъ, Сабина, которая сидѣла у его постели съ опекуномъ своимъ и женой его, убѣдилась наконецъ въ томъ, что другіе давно знали. Къ-утру онъ успокоился и лежалъ въ совершенномъ изнеможеніи физическомъ и душевномъ. Въ это время пріѣхалъ де-Беллестаръ. Узнавъ, что Симона нѣтъ дома, а мадамъ Симонъ и Сабина не принимаютъ, онъ прошелъ прямо въ комнату Сильвестра и, подходя къ его кровати, сказалъ:

— Я пріѣхалъ, мосьё де-Прони, узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, маркизъ, за участіе, отчего бы оно ни происходило.

— Оно очень естественно, отвѣчалъ маркизъ: всѣ здѣсь васъ любятъ: мосьё Симонъ называетъ васъ своимъ другомъ, мадамъ Симонъ любитъ васъ какъ сына, мамзель Дюранъ вамъ покровительствуетъ.

— Дорожусь дружбою мосьё Симона и расположеніемъ ко мнѣ его почтенной супруги; что касается до покровительства мамзель Дюранъ, то вы видѣли какъ я на это смотрю.

— Но вы, кажется, не понимаете причинъ этого покровительства.

— Я очень понимаю отчего оно происходитъ: она знаетъ, что часть ея имѣнія принадлежитъ намъ и я удивляюсь какъ вы этого не знаете, когда это имѣніе скоро будетъ вашимъ.

— Вы ошибаетесь. Можетъ-быть причины ея поступка съ вами, заставятъ меня отказаться отъ своего предложенія.

Сильвестръ вообразилъ себѣ, что де-Беллестаръ хочетъ отказаться отъ руки Сабины, потому что боится процесса. Это его взволновало.—Я въ отчаяніи, сказалъ онъ, если своими необдуманными словами подалъ поводъ къ разрыву, всегда непріятному. Мы не имѣемъ никакого пра-

Digitized by Google

требовать отъ мамзель Дюранъ возврата того, что отнялъ у насъ отецъ ея. Имѣніе ея совершенно свободно.

— О, я знаю, что имѣніе ея свободно; но я желалъ бы, чтобы она сама и сердце ея были также свободны, прибавилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на Сильвестра.

Надобно быть Беллестаромъ, чтобы говорить постороннему такія вещи о своей невѣстѣ, но надобно быть и Сильвестромъ, человѣкомъ, угнетеннымъ нищетою, чтобы не понять такого намека. Онъ не понялъ.

— Какъ, вскричалъ онъ простодушно: вы думаете, что мамзель де-Прони не свободна, что опекунъ ея употребляетъ во зло власть свою?

Беллестаръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: — Ни сколько! Но я думаю не занято ли ея сердце, не любитъ ли она кого?

Глаза де-Прони помутились, лицо его снова приняло страшное выраженіе. Мысль, что Сабина кого-нибудь любитъ, чуть не задушила его и онъ произнесъ глухимъ, прерывающимся голосомъ: — Вы думаете, что она любитъ?... Сабина любитъ ... но кого же?...

— Можетъ-быть васъ.

— Меня!... меня!.....

Сильвестръ закрылъ глаза, какъ-будто любовь Сабины молніей блеснула передъ нимъ. Онъ едва дышалъ. Потомъ какъ-бы встряхнулся, чтобы разогнать видѣніе, сѣлъ на постели и принялся пристально смотрѣть на Беллестара. Что происходило въ это время въ головѣ его, мы не знаемъ, но, видно, въ идеяхъ его произошелъ быстрый переворотъ, потому что онъ вдругъ сказалъ: — Вы подлецъ!

Маркизъ, сидѣвшій подлѣ постели Сильвестра, вскочилъ, блѣднѣя отъ ярости; изъ груди его вырвался глухой крикъ и рука невольно поднялась. Эта угроза какъ-бы оживила Сильвестра; онъ нагнулся къ маркизу и сказалъ: — Да, вы подлецъ: вы клевещете на дѣвушку, потому что она беззащитна, что у ней нѣтъ родныхъ.... потому что она, можетъ-быть, показала вамъ, не знаю какъ, что она васъ не любитъ!... Она, конечно, васъ не любитъ, она слишкомъ умна, слишкомъ благородна, слишкомъ возвышенна для этого.... И вы, съ досады, обвиняете ее въ любви ... къ кому же?... (Сильвестръ горько улыбнулся).... ко мнѣ!...

Digitized by Google

когда она меня совсѣмъ почти не знаетъ.... когда я ничтò... когда я долженъ бы быть ея непріятелемъ... Да, да, это подлость.... но вы ея никому не повторите.... потому что.... я....

Онъ пытался подняться съ постели, но не могъ. Беллестаръ холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ: — Когда вы въ состояніи будете встать съ постели, мы поговоримъ объ этомъ.

— Теперь же.... теперь! вскричалъ де-Пронѝ.

— Не торопитесь для меня: я отъ этого не хуже буду спать.

И онъ ушелъ.

Сильвестръ снова опустился на постель, сказавъ самъ себѣ: — О, мерзавецъ! И онъ говоритъ, что она меня любитъ....

Мы уже сказали, что Симòнъ отправился отыскивать мамзель де-Пронѝ; но найти ее было не легко. Она, разумѣется, не сказала дома куда переѣзжаетъ. Симòнъ осмотрѣлъ ея квартиру: всѣ ящики были открыты; платье и бѣлье унесено. Значитъ, съ нею былъ большой узелъ. Не сама же она несла его. Ясно, что она взяла фіакръ или коммиссіонера. Кучеръ или коммиссіонеръ должны знать куда она отправилась. Но всѣ фіакры на сосѣднихъ площадяхъ были въ разгонѣ, коммиссіонеры въ сосѣднихъ улицахъ всѣ разосланы. Затрудненія никогда не останавливали Симòна. Онъ велѣлъ придвернику созвать вечеромъ всѣхъ ближнихъ коммиссіонеровъ, а самъ отправился въ конторы фіакровъ и просилъ прислать кучеровъ въ квартиру мамзель де-Пронѝ, говоря, что она съ ума сошла и убѣжала. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ своего младшаго каиторщика Раднò. Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ Симòна: Раднò былъ у мамзель де-Пронѝ въ то самое время, какъ Сабина привезла деньги. Можетъ-быть, она что-нибудь говорила ему. Симòнъ зазвалъ Раднò завтракать и, точно, узналъ отъ него больше чѣмъ надѣялся. Раднò служилъ прежде у одного мосьѐ Фюмтіѐра. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда адвокатомъ, выключенъ изъ сословія за плутни и теперь занимался запрещеннымъ ремесломъ: содержалъ родъ ломбарда; давалъ денегъ взаймы ремесленникамъ за огромные проценты,

Digitized by Google

подъ залогъ платья и всякой дряни. Радино часто видывалъ мамзель де-Пронѝ у этого человѣка. Она приходила къ нему совѣтоваться какъ бы завести съ мамзель Дюранъ процессъ, чтобы возвратить свое потерянное имущество. Симо̀нъ отправился съ Радино̀ къ Фюмтіѐру. Мамзель де-Пронѝ была тамъ. Выгнанный адвокатъ, за «приличное вознагражденіе» убѣжденіемъ, угрозами, заставилъ ее подписать формальную бумагу, въ которой она признавалась, что получила отъ племянника осемьдесятъ тысячъ франковъ и за то передавала ему всѣ свои права и претензіи по имуществу, которые похитилъ у нихъ Дюранъ. Такимъ образомъ это непріятное дѣло было кончено и опасность со стороны злой старухи миновалась.

Тотчасъ послѣ Беллестара, пріѣхалъ къ Сильвестру докторъ. Найдя больнаго въ ужасномъ волненіи, онъ далъ ему успокоительное лекарство и заставилъ его спокойно лежать въ постели. На другой день, то есть, втораго января, Сильвестръ всталъ съ постели, сидѣлъ въ комнатѣ Симо̀на, и былъ счастливъ, потому что мечталъ. Утромъ зашелъ къ нему на минуту Симо̀нъ. Потомъ пришла мадамъ Симо̀нъ, усѣлась подлѣ него и ласково разговаривала съ нимъ о разныхъ постороннихъ вещахъ. Черезъ нѣсколько времени пришла и Сабина. Она была блѣдна и еще прекраснѣе обыкновеннаго. Спросивъ Сильвестра о здоровьи, она сѣла подлѣ мадамъ Симо̀нъ, и потупивъ глаза, погрузилась въ глубокую задумчивость, какъ-будто приготовлялась къ тяжкому испытанію. Сильвестръ посматривалъ на нея съ боязливымъ удивленіемъ. Черезъ нѣсколько времени человѣкъ пришелъ сказать мадамъ Симо̀нъ, что ее зоветъ мужъ. Сабина съ трепетомъ схватила ее за руку, но та сдѣлала ей знакъ, чтобы она осталась, сказавъ:—«Я скоро ворочусь». Ясно было, что мадамъ Симо̀нъ хотѣла доставить имъ свиданіе наединѣ. Зачѣмъ?

Оба долго молчали. Оба не рѣшались начать говорить. Наконецъ Сабина, собравшись съ силами, сказала:

— Вы теперь совсѣмъ поправились?

— Да, мнѣ теперь лучше.... и я очень благодаренъ вамъ за участіе.

— Мосьё де-Пронѝ, мнѣ о многомъ надобно поговорить

Digitized by Google

съ вами, сказала Сабина, чтобы чѣмъ-нибудь начать разговоръ.

— Со мной.... со мной? спросилъ Сильвестръ, трепеща всѣмъ тѣломъ.

Сабина замѣтила его волненіе и ободрилась.

— Да, съ вами, отвѣчала она, печально улыбаясь: и прежде всего я должна просить у васъ прощенія въ томъ, что безъ намѣренія оскорбила васъ....

— О, не говорите объ этомъ! вскричалъ Сильвестръ: я самъ виноватъ, я не понялъ вашего прекраснаго, благороднаго намѣренія.... Ради Бога, не говорите больше объ этомъ....

Бѣднякъ воображалъ, что Симонъ прислалъ къ нему свою питомицу просить прощенія. Сабина рѣшилась поглядѣть на него. Онъ сидѣлъ опустивъ голову, съ трудомъ дышалъ и, казалось, едва удерживался, чтобы не закричать.

— Вамъ дурно? сказала она.

— О, я страдаю не оттого, что боленъ! вскричалъ онъ.

Сабина знала, что онъ ее любитъ. Она и въ этомъ восклицаніи видѣла выраженіе любви его.

— Но что же съ вами? спросила она, трепеща отъ надежды услышать отвѣтъ, какого желала.

— Что со мною?.... Вы хотите знать, отчего я страдаю?.... Горесть моя для васъ чужда....

— О нѣтъ, ваша горесть не чужда мнѣ....Можетъ-быть, я затѣмъ и пришла, чтобы утѣшить васъ....

Сердца, угнетенныя злополучіемъ, не вѣрятъ счастію... Сильвестръ смотрѣлъ на нея и не вѣрилъ ни глазамъ ни ушамъ своимъ. Сомнѣніе затмѣвало для него очевидность. Наконецъ онъ сказалъ:

— У меня нѣтъ горести, въ которой бы вы могли утѣшить меня..... Будьте только вы счастливы..... Я больше ничего не желаю.... И если для этого вамъ нужна жизнь моя.... О, съ какою радостію я бы ее отдалъ!...

Онъ замолчалъ.

— О! говорите же, говорите, сказала Сабина, подавая ему руку.

Сильвестръ взялъ ея руку и сказалъ:—О, я знаю, вы добры.... вы великодушны.... я бы хотѣлъ вамъ выра-

Digitized by Google

зить это какъ чувствую, но... О, ради Бога, скажите мнѣ, зачѣмъ вы пришли сюда.... Вы видите, что я не понимаю.... не смѣю понять васъ... Скальтесь надо мною....

— Зачѣмъ я пришла?... какъ же мнѣ сказать это.... вы знаете, что я страдаю.... не правда ли?.... вы знаете, что есть вещи, которыхъ я должна стыдиться....

— О, нѣтъ, вскричалъ Сильвестръ: нѣтъ, вамъ не въ чѣмъ упрекать себя.... вы ни въ чемъ не виноваты....

— Благодарю васъ; но я хотѣла бы загладить зло, въ которомъ не виновата....

— Опять! опять! вскричалъ онъ и началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ. Теперь Сабина его не понимала. Наконецъ онъ остановился передъ нею и сказалъ:— Послушайте, чтобы успокоить вашу совѣсть, я сдѣлаю для васъ то, чего бы ни одѣлалъ ни для кого на свѣтѣ.... Вы такъ достойны счастія!... Я хочу, чтобы вы были счастливы.... (Онъ задыхался.)... Я приму отъ васъ какъ уплату долга то, чего не могу принять какъ даръ....

— О, да я не то хотѣла сказать, вскричала Сабина, со слезами на глазахъ... то, что дѣлается общимъ... не даръ и не уплата долгу....

Сильвестръ едва дышалъ.... Она ждала, чтобы онъ сказалъ что-нибудь.... Онъ не вымолвилъ ни слова. Она отвернулась и со слезами на глазахъ проговорила:

— Если вы меня не понимаете, такъ-мнѣ нечего больше сказать вамъ.

Теперь онъ понималъ, но не вѣрилъ своему счастію. Онъ думалъ, что Сабина сама ошибается, что она состраданіе принимаетъ за любовь, что великодушіе вводитъ ее въ заблужденіе.... Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ выговорить ни слова.

— Вы знаете, что я нынче утромъ отказала маркизу, сказала Сабина послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, слава Богу! вскричалъ онъ: вы не могли бы быть съ нимъ счастливы; онъ не въ состояніи понимать вашего сердца.... Слава Богу! теперь я свободенъ!....

Онъ думалъ о томъ, что теперь можетъ драться съ маркизомъ, не подвергаясь опасности убить жениха Сабины. Она поняла это иначе и сказала, протягивая къ нему руку:

Digitized by Google

— И я тоже свободна!

Прекрасное лицо ея выражало такую небесную радость, такую нѣжную мольбу; она съ такимъ дѣтскимъ простодушіемъ, съ такою чистосердечною любовью сама предлагала ему свою руку, что наконецъ онъ сталъ вѣрить, что она его любитъ.... неможно.... Теперь ему стало страшно.... умереть когда она его любитъ!

— О, нѣтъ! вскричалъ онъ.... Это невозможно.... невозможно.... ради Бога, не говорите мнѣ этого.... нѣтъ, вы не любите меня.... Это неправда.... не можетъ быть.... вы не знаете....

И несчастный пріискивалъ всевозможныя причины, чтобы только оттолкнуть ее отъ себя:—Нѣтъ, говорилъ онъ почти въ безпамятствѣ: нѣтъ, и что объ этомъ скажутъ.... Де-Ронй и мамзель Дюранъ.... это будетъ ужасно.... на меня будутъ клеветать.... обвинять меня... Это было бы несчастіе.... ужасное несчастіе....

И онъ заплакалъ.

— Сабина! вскричалъ онъ: я родился на несчастіе.... я готовъ отдать вамъ жизнь.... но....

Въ это время онъ взглянулъ на Сабину: она сидѣла опустивъ голову. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію. Видно было, что она старается подавить нестерпимое страданіе. Сильвестръ бросился къ ногамъ ея:

— Что съ вами?... Боже мой, что съ вами?... Я огорчилъ.... я оскорбилъ васъ.... О, я люблю васъ.... люблю какъ безумный.... Говорите, говорите, ради Бога, что я долженъ дѣлать?...

— Ничего, сказала она съ величайшей холодностію: ничего.... Теперь и я наконецъ поняла васъ.

Она встала. Онъ хотѣлъ удержать ее. Сабина, безъ гнѣва, но съ ледяной холодностію вырвала у него свою руку и ушла.

— Боже мой! Что я надѣлалъ! сказалъ онъ, и въ совершенномъ изнеможеніи опустился на кровать. Онъ не въ состояніи былъ отдать себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ случилось.

Сабина побѣжала къ себѣ въ комнату. Тамъ ждала ее мадамъ Симонъ. Та, взглянувъ на разстроенное лицо дѣвушки, вскричала:—Что съ тобою?

Digitized by Google

— Какой стыдъ! Какой стыдъ! сказала Сабина вполголоса и съ помутившимися глазами.

— Онъ тебя не любитъ?

— Любитъ и отказывается: мосье де-Прони низко жениться на мамзель Дюранъ....

— Быть не можетъ, чтобы онъ это сказалъ тебѣ....

— Сказалъ.

— Но....

— О, ради Бога, не говорите объ этомъ.... никогда.... Я одного такого удара довольно, чтобы умереть.

Утромъ этого дня Симонъ написалъ къ маркизу де-Белестару письмо, въ которомъ говорилъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ мамзель Дюранъ «принуждена отказаться отъ чести, которую онъ сдѣлалъ ей своимъ предложеніемъ». Черезъ нѣсколько часовъ онъ получилъ отвѣтъ. Маркизъ писалъ, что «по нѣкоторымъ причинамъ» онъ самъ принужденъ бы былъ отказаться отъ своего предложенія; что, впрочемъ, эти причины видны изъ письма, которое онъ посылаетъ; наконецъ, что онъ уже просилъ руки мамзель Авреліи С***. Онъ прислалъ то самое письмо Сабины, въ которомъ она признавалась своему другу Авреліи С***, что любитъ Сильвестра де-Прони. Симонъ цѣлое утро не былъ дома; воротившись, онъ нашелъ у себя это письмо и пошелъ съ нимъ въ комнату Сабины. Мадамъ Симонъ плакала; Сабина лежала въ ужасномъ жару.—Что это значитъ? вскричалъ Симонъ.—Она говоритъ, отвѣчала мадамъ Симонъ вполголоса: что онъ признался ей въ любви, но считаетъ для себя унизительнымъ жениться на мамзель Дюранъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ Симонъ. Что онъ, съ ума что ли сошелъ!

Онъ побѣжалъ въ комнату Сильвестра. Его тамъ уже не было. Больной ушелъ, неизвѣстно куда. Думая, что де-Прони воротился домой, Симонъ написалъ къ нему письмо, наполненное упреками и поздно вечеромъ получилъ отвѣтъ, въ которомъ Сильвестръ объяснялъ свой поступокъ, и въ пламенныхъ выраженіяхъ говорилъ о любви своей къ Сабинѣ. Въ припискѣ было сказано: «Если вы не получите другаго письма отъ меня, одинъ изъ моихъ пріяте-

Digitized by Google

лей скажетъ вамъ гдѣ я. Прощайте.... Можетъ-быть навсегда»....

Симонъ не зналъ, что де-Беллестаръ былъ у Сильвестра и, слѣдственно, ничего не подозрѣвалъ; ему не приходило также въ голову, чтобы де-Прони думалъ убиться; онъ вообразилъ, что Сильвестръ хочетъ уѣхать изъ Парижа; но какъ было уже поздно, то Симонъ отложилъ свиданіе съ нимъ до утра.

На другой день докторъ, за которымъ мадамъ Симонъ посылала, нашелъ, что Сабина въ довольно опасномъ положеніи. Ему разсказали причину ея нездоровья, и мадамъ Симонъ предлагала прочесть ей письмо Сильвестра, чтобы успокоить ее; но докторъ отвѣчалъ: —

— Теперь она не въ состояніи понимать его.

— Неужели она такъ плоха?

— Она недалека отъ воспаленія въ мозгу. Возбудить въ ней сильное чувство, какое бы то ни было, значило бы усилить болѣзнь. Ей надобно пустить кровь.

И онъ такъ усердно пустилъ ей кровь, что Сабина совершенно ослабѣла. Мадамъ Симонъ, да и самъ твердый Симонъ, сидя у ея постели, съ безпокойствомъ смотрѣли на свою милую питомицу. Она взяла ихъ руки и сказала едва слышнымъ голосомъ:—Вы-то меня любите... Неправда ли?

— Слава Богу, вскричалъ докторъ: она спасена!

— Она очень слаба, замѣтила вполголоса мадамъ Симонъ.

— Э, да развѣ вы не видите, что она спасена: она чувствуетъ потребность быть любимой.

Мадамъ Симонъ чуть не обняла доктора за эти слова.

Это было пятаго января утромъ. Успокоившись насчетъ Сабины, Симонъ поѣхалъ къ де-Прони. Его не было дома; онъ приходилъ наканунѣ и ушелъ со двора рано утромъ, сказавъ тѣткѣ, что, можетъ-быть, не увидится съ нею, потому что отправится въ далекое путешествіе. Старуха не обратила на это ни малѣйшаго вниманія: она думала только о своихъ семидесяти тысячахъ.

Тутъ только Симону пришло въ голову, что, можетъ-быть, маркизъ де-Беллестаръ вызвалъ Сильвестра на дуэль, чтобы отмстить за предпочтеніе, которое оказала ему

Digitized by Google

Сабина. Симо̀нъ тотчасъ поѣхалъ къ маркизу. Беллестаръ тоже рано утромъ уѣхалъ со двора. Плохо. Симонъ сталъ разсчитывать. Съ маркизомъ поѣхали двое изъ его пріятелей, а за ними повезли въ каретѣ шесть собакъ и охотниковъ. Люди знали только, что баринъ поѣхалъ на охоту къ одному изъ этихъ двухъ господъ. Симо̀нъ слышалъ, что у нихъ обоихъ есть помѣстья, но въ разныхъ сторонахъ. Куда ѣхать? Онъ разсудилъ, что маркизъ, на своихъ лошадяхъ далѣе первой станціи не поѣдетъ; слѣдственно, чтобы узнать куда онъ отправился, стоило только дождаться возвращенія кучера. Но ждать надобно было еще часа два. Чтобы какъ-нибудь убить время, Симо̀нъ отправился на станцію руанской желѣзной дороги, думая что можетъ-быть тамъ удастся что̀-нибудь узнать. Но тамъ ни собакъ ни охотниковъ не видали. Оттуда онъ пустился на станцію орлеанской желѣзной дороги. Тамъ сказали, что точно два охотника съ собаками поѣхали по желѣзной дорогѣ.

— А три молодыхъ человѣка въ охотничьихъ платьяхъ, тоже?

— Да почемъ мы знаемъ? Мы вѣдь не смотримъ кто въ какомъ платьѣ.

— Не брали ли у васъ трехъ билетовъ на имя маркиза де-Беллестара?

Никто не хотѣлъ искать. Симо̀нъ упрашивалъ, умасливалъ; наконецъ одинъ кассиръ порылся въ книгѣ и сказалъ:—Взято три мѣста до Шанрозѐ, но только на имя не маркиза де-Беллестара, а мосьё де-Пронѝ.

Чего же лучше? Надобно ѣхать въ Шанрозѐ. Но до времени отправленія поѣзда оставалось еще три четверти часа; а между-тѣмъ мало ли что̀ могло случиться. Симо̀ну и въ голову не приходило, что они отправились уже два часа назадъ и что если они поѣхали съ тѣмъ, чтобы драться, то разнимать ихъ уже поздно. Эти три четверти часа показались ему тремя вѣками. Чтобы жена не безпокоилась, онъ написалъ ей: «Я напалъ на слѣдъ Сильвестра; ѣду въ Корбель, и надѣюсь привести вамъ его живымъ и здоровымъ», и послалъ записку съ своимъ кучеромъ.

Наконецъ поѣздъ отправился. Пріѣхали въ Шанрозѐ. Тамъ, точно, видѣли собакъ съ двумя охотниками и еще

Digitized by Google

тронѣ молодыхъ людей. О Беллестарѣ и его пріятеляхъ не было ни слуху. Они, видно, пріѣхали въ каретѣ. Симо̀нъ побѣжалъ по всѣмъ трактирамъ этого мѣстечка, чтобы узнать не останавливались ли тамъ охотники. И точно, они были въ одномъ изъ нихъ. Трактирщикъ слышалъ только какъ они говорили, что охота будетъ въ помѣстьѣ графа Б*** *послѣ дѣла*. Симо̀нъ взялъ проводника и отправился туда. Это путешествіе было ужасно *для* него. «Если они охотятся, думалъ онъ, значитъ, что Сильвестръ убитъ или раненъ; они бросили его гдѣ-нибудь въ деревнѣ, а сами изволятъ забавляться». Онъ каждую минуту останавливался и прислушивался—можно вообразить себѣ съ какимъ чувствомъ. Вдругъ вдали послышался лай. Черезъ нѣсколько минутъ показались три охотника; Симо̀нъ бросился къ нимъ: Беллестара тутъ не было. Потомъ пронесся мимо доѣзжачій. Симо̀нъ хотѣлъ спросить его; но тотъ даже не оглянулся. Въ это время въ сосѣдней, темной аллеѣ послышался веселый разговоръ: ѣхали дама верхомъ и съ нею кавалеръ.

— Какъ, говорила смѣясь амазонка: неужели совсѣмъ оторванъ?...

— Какъ-будто и не бывало....

— А какой носъ-то былъ прекрасный! вскричала дама, захохотавъ во все горло.

— И этотъ великолѣпный носъ изорванъ, изломанъ, уничтоженъ пулею какого-то контрабандиста, сказалъ молодой человѣкъ, смѣясь.

— Какъ! вскричалъ Симо̀нъ, бросаясь къ нимъ.... а Сильвестръ...?

Молодой человѣкъ взглянулъ очень неласково на докучнаго человѣка, который прерывалъ такой интересный разговоръ.

— Что̀ вамъ угодно? сказалъ онъ.

— Скажите, ради Бога, что̀ сталось съ его противникомъ?...

— Я почемъ знаю, спросите у....

— Какъ вы безжалостны, сказала вполголоса амазонка: это, вѣрно, отецъ его: видите какое испуганное лицо. Потомъ, обратившись къ Симо̀ну прибавила:—Вашъ сынокъ

Digitized by Google

храбрый молодой человѣкъ, а маркизъ остался на всю жизнь безъ носу.

— О, да благословитъ васъ Богъ за это извѣстіе! вскричалъ Симо̀нъ. Но не знаете ли вы гдѣ жъ онъ теперь?

— Я слышала, воротился въ городъ.

Кавалеръ былъ одинъ изъ самыхъ короткихъ пріятелей и секундантъ де-Беллестара, а дама — прекрасная львица, которую маркизъ перекупилъ за огромную сумму у одного голландскаго банкира.

Шестаго января, въ праздникъ Рождества Христова, въ пять часовъ по полудни, комнаты стряпчаго мосьё Симо̀на были освѣщены точно такъ же, какъ въ тотъ день, когда началась наша повѣсть. Симо̀нъ точно такъ же сидѣлъ у камина и ворочалъ уголья; мадамъ Симо̀нъ точно такъ же ходила и смотрѣла все ли хорошо приготовлено. Только Сабина сидѣла не за фортопіанами, а въ большихъ креслахъ, блѣдная, слабая; но лицо ея было озарено тихой радостью. Между-тѣмъ время текло; стали сбираться гости: нѣсколько дѣвушекъ, подругъ Сабины; нѣсколько пожилыхъ пріятелей и пріятельницъ Симо̀новъ и добрый докторъ. Всѣ переглядывались, шептались между собою и по временамъ посматривали на часы. Пробило шесть часовъ, и всѣ стали безпокоиться. Мадамъ Симо̀нъ подошла къ мужу и спросила: — Увѣренъ ли ты, что Сильвестръ получилъ твое письмо?

— Вообразите, докторъ, сказалъ Симо̀нъ врачу, который стоялъ недалеко отъ нихъ: жена заводитъ со мной ссору за то, что нашъ побѣдоносный герой полуминутою опоздалъ.

Мадамъ Симо̀нъ пожала плечами и сказала:—А всё-таки лучше было съѣздить самому.

— Ну, сами посудите, докторъ, сказалъ Симо̀нъ: Д*** который былъ секундантомъ Сильвестра, привезъ мнѣ отъ него, нынче утромъ, самое сумасбродное письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что готовъ застрѣлиться для счастья Сабины. Д*** сказалъ мнѣ, что Сильвестръ остался въ Корбелѣ и ждетъ моихъ приказаній. Конечно, я бы могъ ѣхать съ Д***, но у меня уже и отъ вчерашней скачки все тѣло какъ-будто избито. Я просилъ Д*** чтобы онъ непремѣнно привезъ Сильвестра сегодня и далъ записку къ нему.

Digitized by Google

— И вотъ я часовъ шесть не могу добиться, что онъ къ нему писалъ, сказала мадамъ Симонъ.

— Смотрите, любезный другъ, сказалъ улыбаясь докторъ: отъ слишкомъ напряженнаго любопытства происходятъ иногда разныя болѣзни. Чтобъ не пришлось вамъ платить мнѣ за визиты!

— Вы шутите, докторъ, а посмотрите какъ Сабина безпокоиться, сказала мадамъ Симонъ.

— Совсѣмъ не безпокоиться; она держитъ руку въ карманѣ, а въ карманѣ у ней письмо де-Прони. Она не можетъ читать его при всѣхъ, такъ держитъ въ рукѣ, и счастлива.

— Ну, что же ты написалъ? спросила мадамъ Симонъ.

— Опять-таки! Этакая неотвязная! Ну, вотъ что я написалъ: — «Да пріѣзжай же, сумасшедшій!»

— Ну?

— Больше ничего.

— Больше ничего!

— Ничего. Только я вложилъ въ пакетъ письмо Сабины, которое прислалъ мнѣ маркизъ, а самому Д*** отдалъ письмо маркиза, чтобы онъ показалъ его Сильвестру. Послѣ этого пріѣдетъ, не бойтесь.

— Но, замѣтилъ докторъ: такъ какъ побѣдоносный герой не могъ пріѣхать прежде шести часовъ, то надобно было сказать, что онъ будетъ въ девять.

— Да подите жъ вы съ женщинами! отвѣчалъ Симонъ: это все вышло оттого, что я при женѣ разсчитывалъ, въ которомъ часу Сильвестръ можетъ пріѣхать. Она и разболтала.

— Велите подавать кушать. Я берусь сказать мамзель Дюранъ, что ея любезный не можетъ пріѣхать раньше, какъ часа черезъ два.

Мадамъ Симонъ вышла, чтобы распорядиться объ обѣдѣ, а докторъ подошелъ къ своей больной и разсказалъ ей въ смѣшномъ видѣ о ссорѣ мужа съ женой. Она улыбнулась и сказала:

— Они такіе добрые! И вы тоже, докторъ! И всѣ тоже. Когда человѣкъ счастливъ, ему всѣ кажутся добрыми.

За столомъ докторъ усѣлся подлѣ Сабины и не давалъ ей ни минуты покою, говорилъ безъ умолку, смѣшилъ,

Digitized by Google

сердилъ, то позволялъ ей кушать, то запрещалъ, чтобы только развлечь и не давать ей задумываться и безпокоиться. Но онъ уже истощилъ всѣ свои усилія; Сабина то вздрагивала, то съ безпокойствомъ посматривала на дверь, дыханіе ея становилось прерывистымъ.... Вдругъ раздался звонокъ, хлопнула дверь, потомъ другая, и Сильвестръ явился съ своимъ пріятелемъ. Всѣ вскрикнули отъ радости, всѣ руки протянулись къ пришедшему; потомъ всѣ обернулись къ Сабинѣ. Она лежала, блѣдная, безжизненная, на спинѣ кресель, а докторъ, безъ милосердія, рѣзалъ столовымъ ножомъ поясъ, ленты, шнурки. — Ничего! ничего! кричалъ онъ, только воздуху и холодной воды!

Сильвестръ бросился-было къ ней, но мадамъ Симонъ его удержала. Сабину вынесли и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ лежалъ Сильвестръ: онъ, пораженный ужаснымъ ударомъ; она, постигнутая внезапнымъ счастіемъ.

Мадамъ Симонъ, докторъ и нѣсколько женщинъ остались съ больною, всѣ прочіе воротились въ столовую. Одни стоятъ съ салфеткою въ рукѣ, другіе еще держатъ на вилкѣ кусокъ, котораго не успѣли положить въ ротъ. Всѣ спрашиваютъ, всѣ безпокоются. Наконецъ всѣ обратились къ Сильвестру и пристаютъ къ нему, отчего онъ такъ поздо пріѣхалъ. Но онъ стоитъ, прижавшись ухомъ къ двери и не отвѣчаетъ, потому что ничего не слышитъ. Наконецъ мадамъ Симонъ растворила немножко дверь, и, просунувъ только голову, сказала: — Ей лучше.

— Что она, совсѣмъ пришла въ себя? спросилъ Симонъ.

— Да. Она раскрыла глаза и посмотрѣла на меня. Я сказала:—Онъ здѣсь. Она отвѣчала:—Знаю. Я его видѣла. Но она еще очень слаба, и докторъ не велѣлъ впускать никого, никого.

Второе «никого», разумѣется, относилось къ Сильвестру.

Тутъ всѣ опять обратились съ вопросами къ Сильвестру, но ему было не до того, и Д*** принялся разсказывать ихъ приключенія: какъ они выѣхали изъ Корбеля, какъ загнали лошадь, какъ потомъ скакали оба на одной лошади, безпрерывно давая на водку, чтобы хозяинъ несчастной клячи не сердился; какъ свалились въ грязь и нѣ-

Digitized by Google

сколько времени бѣжали пѣшкомъ, какъ наконецъ на послѣдней станціи у нихъ не стало денегъ и Д*** принужденъ былъ заложить свои часы, чтобы достать лошадей. Сабина услышала говоръ и смѣхъ, спросила что это такое, и мадамъ Симонъ безпрестанно, то выходила въ столовую послушать что говоритъ Д***, то возвращалась къ Сабинѣ, чтобы пересказать ей что слышала.

Черезъ нѣсколько времени отданъ былъ приказъ садиться за столъ и объявилъ, что больная выйдетъ какъ-скоро одѣнется. Наконецъ она появилась, опираясь на руку доктора. Сильвестръ бросился-было къ ней; но докторъ тихонько оттолкнулъ его, сказавъ: — Хорошо, хорошо, ваша рѣчь впереди.

Бѣдняка де-Прони усадили по-дальше отъ Сабины. Докторъ опять помѣстился возлѣ нея. Сабина слушала росказни доктора, Сильвестръ шутки Симона; но влюбленные видѣли и слышали только другъ друга, хотя оба сидѣли, потупивъ глаза въ тарелку и, молча, улыбались.

Подъ конецъ обѣда подали огромный великолѣпный пирогъ. Въ немъ спрятанъ былъ бобъ. Извѣстно, что кто найдетъ этотъ бобъ, тотъ дѣлается королемъ или королевой. Всѣ заранѣе радовались и дѣлали самыя блестящія обѣщанія на случай повышенія. Пирогъ разрѣзали, роздали и всѣ принялись искать боба. Никто не находилъ, стали уже думать, что кто-нибудь нашелъ и спряталъ, чтобы не исполнять своихъ обѣщаній; наконецъ тихій, слабый голосъ сказалъ:

— У меня.

— Со всѣхъ сторонъ раздалось:—Сабина! Мамзель Дюранъ! Да здравствуетъ Сабина! Да здравствуетъ мамзель Дюранъ!

И потомъ всѣ вмѣстѣ воскликнули:—Да здравствуетъ королева!

Тутъ, заглушая шумъ, Симонъ вскричалъ:—Но этой королевѣ надобно король.

Все смолкло. Всѣ взоры обращались съ Сабины на Сильвестра, съ Сильвестра на Сабину.

Сильвестръ дрожалъ. Сабина покраснѣла, не смѣла смотрѣть, не могла вымолвить ни слова. Выбрать его, значило признаться передъ двадцатью человѣками въ люб-

Digitized by Google

ви къ нему. Наконецъ она замѣтила безмолвіе, которое воцарилось вокругъ нея; взяла трепещущей рукой бобъ, приподнялась, протянула руку къ Сильвестру и сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Хотите быть моимъ королемъ?

Радостные крики, громкія рукоплесканія заглушили отвѣтъ Сильвестра. Онъ вскочилъ и бросился къ ногамъ Сабины. Мадамъ Симонъ обняла ихъ, Симонъ тоже, докторъ тоже, всѣ тоже и....

Свадьба ихъ назначена десятаго февраля.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les Mystères de Paris, *Парижскія таинства*, романъ въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, господъ Sue и Dinaux.

Полтора года тянулся этотъ романъ, въ journal du Debats, полтора года вниманіе читателей во всей Европѣ было напряжено до такой степени, что нѣсколько разъ обрывалось. Во Франціи еще хуже: тамъ Mystères de Paris читали всѣ кто умѣетъ читать, читали даже и тѣ, которые читать не умѣютъ: они наслаждались общимъ ужасомъ при помощи какого-нибудь грамотнаго дворника или таковой же кухарки. Послѣ этого не мудрено, что въ день перваго представленія драмы, выкроенной изъ этого романа, за мѣста въ театрѣ платили огромныя суммы, дороже чѣмъ мы платимъ за италіянскую оперу, и полицейской командѣ было больше дѣла, чѣмъ въ дни возмущеній. Спектакль продолжался съ семи часовъ до втораго. Не мудрено. Легко ли втиснуть осемь томовъ романа въ драму? А урѣзать почти невозможно: все золото, вся грязь этого романа сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ публики и она не уступитъ изъ нихъ ни кусочка, ни горсти. Спрашивается: хороша ли драма?— Превосходна! говорятъ одни журналы. — Несносна! кричатъ другія. А между-тѣмъ ее даютъ всякой день и театръ всякой день переполненъ, какъ стаканъ воды, въ который уже нельзя положить и розоваго листочка. Дѣло въ томъ, что роль нотаріуса Жака Ферраца играетъ Фредерикъ Лемэтръ, актеръ не только даровитый, но геніальный. Эта роль, говорятъ, его лучшее созданіе.

2. Le vieux Consul, *Старый Консулъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Ponroy.

Digitized by Google

Слава господина *Понсара*, автора «Лукреціи», не давала спать господину Понроа, до-тѣхъ-поръ, пока и онъ не написалъ трагедіи по всѣмъ формамъ классической школы. Старый Консулъ — Марій. Трагедія начинается нѣжнымъ объясненіемъ въ любви.

Этого, я думаю, довольно для васъ, проницательные читатели, чтобы обсудить достоинство и не желать знать содержанія новаго произведенія «возвратной» школы французскихъ драматурговъ.

3. Cagliostro, комическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, слова господъ Скриба и Сенъ-Жоржа, музыка *Adam*'а.

Тутъ имя, а не исторія Кальіостро. Знаменитый шарлатанъ, который, въ самый невѣрующій вѣкъ заставилъ Французовъ вѣрить, что онъ умѣетъ дѣлать золото и эликсиръ молодости и долгой жизни — не дѣлалъ того, что заставляетъ его дѣлать Скрибъ, однако жъ могъ дѣлать, а этого и довольно.

Какъ бы то ни было — Кальіостро во всей своей славѣ и силѣ. Правда, его сажаютъ въ тюрьму за долги; ему бы, конечно, стоило только изготовить слитокъ золота, чтобы раздѣлаться съ кредиторами, но онъ лѣнится и вмѣсто того доказываетъ имъ, что его взяли по ошибкѣ, по странному его сходству съ однимъ негодяемъ, по имени Джованомъ Бальзамо, а что онъ, графъ Кальіостро никому ничего не долженъ. А дѣло въ томъ, что Джовано Бальзамо и графъ Кальіостро одно и тоже, а у этого одного и того же нѣтъ ни гроша. Чтобы помочь горю, онъ рѣшается жениться на дѣвушкѣ, за которой милліонъ приданаго. Правда, тѣтка этой дѣвушки, маркиза Вольмеранжъ, не согласится выдать ее за него и притомъ сама дѣвушка, графиня Цецилія, любитъ другаго, но это все препятствія пустыя. Кальіостро видѣлъ какъ жениху и кузену Цециліи, таинственно подали какое-то письмо. Этого довольно, чтобы возбудить ревность дѣвушки. И дѣйствительно, кузенъ былъ нѣкогда влюбленъ въ италіянскую пѣвицу Корилу, которую спасъ, когда она тонула въ Тибрѣ. Корилла и сама является, передаетъ молодой графинѣ письма, подарки кузена и молодые люди ссорятся. Одно препятствіе устранено. Теперь стоитъ только поладить съ маркизою. Это бездѣлка. Маркиза проситъ живой воды, чтобы помоло-

Digitized by Google

дѣть. Но этотъ эликсиръ у Каліостро весь вышелъ. Правда, есть нѣсколько капель, но отъ нихъ можно помолодѣть развѣ только минуты на двѣ.—Нужды нѣтъ, дайте хоть эти, говоритъ маркиза. Она пьетъ. Входитъ маркизъ Карраколи и, увидѣвъ ее, спрашиваетъ:—Кто эта молоденькая дѣвушка? Маркиза въ восторгѣ:—Зеркало! ради Бога зеркало! Зеркала Каліостро припряталъ. Входятъ другія, но.... живая вода уже перестала дѣйствовать: маркиза опять старуха. Надобно вамъ замѣтить, что маркизъ Карраколи не кто иной, какъ слуга, шпіонъ и помощникъ Каліостро. Впрочемъ, великій алхимикъ приготовитъ живой воды, если маркиза выдастъ за него свою племянницу. Маркиза на все согласна.

Но кузенъ покупаетъ у Карраколи всѣ секреты Каліостро и даже письменныя инструкціи, которыя онъ давалъ всякой день своему помощнику. Въ комическихъ операхъ плуты всегда очень неосторожны. Кузенъ является съ этими бумагами въ лабораторію графа и требуетъ, чтобы тотъ подписалъ формальное отреченіе отъ руки Цециліи. — Согласенъ, говоритъ Каліостро. Не угодно ли? прибавляетъ онъ подавая кузену свою табакерку. Тотъ нюхаетъ и—засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Его опускаютъ въ подземелье—и дѣло съ концомъ.

Свадебный договоръ графа Каліостро съ графинею Цециліей уже готовъ: остается только подписать. Маркиза отдаетъ ему портфѣль съ приданымъ, а Каліостро подноситъ ей бутылочку живой воды. Маркиза хочетъ тотчасъ выпить.—Позвольте, позвольте, говоритъ шарлатанъ: этому эликсиру надобно простоять въ бутылкѣ по-крайней-мѣрѣ три мѣсяца: иначе онъ не произведетъ никакого дѣйствія.

Вдругъ являются три новыхъ лица, которыя портятъ все дѣло. Невѣста Корилла, баварскій князь, который хочетъ на ней жениться и самъ кузенъ, который вырвался изъ подземелья. Корилла знала, что Каліостро обѣщалъ показать гостямъ ясновидящую. Она является подъ подрываломъ этой ясновидящей; Каліостро ее магнитизируетъ и предсказанія начинаются.—«Я вижу плута Бальзамо, говоритъ ясновидящая: онъ женатъ въ Италіи, и теперь хочетъ жениться отъ живой жены».—Боже мой,

Digitized by Google

чей это голосъ! Калiостро срываетъ съ нея покрывало. Это жена его! «Да, это я, говоритъ она, и если ты не уступишь невѣсты и приданаго прежнему жениху, я донесу на тебя, и ты будешь повѣшенъ за то, что хотѣлъ жениться отъ живой жены». Калiостро повинуется. Ясновидящая продолжаетъ:—«Я вижу несчастную италiянскую пѣвицу которой бракъ съ плутомъ Бальзамо растерзнутъ папою». — Боже мой! я былъ свободенъ!

Но уже поздо. Онъ принужденъ возвратить маркизѣ ея слово и отказаться отъ невѣсты и приданаго. Тронутая его мнимымъ великодушiемъ, маркиза подаетъ ему руку и говоритъ:—Поступокъ вашъ не останется безъ награды. Черезъ три мѣсяца — я ваша.

Музыка Адана легка, мила, и даже не такъ небрежно написана, какъ у него часто водится.

Кромѣ этого есть еще два или три водевиля, но это водевили чисто карнавальные: они и не имѣли претензiи прожить долѣе масляницы, слѣдственно и не имѣютъ никакого права на ваше вниманiе.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.—Первая половина музыкальной нашей эпохи проходитъ довольно вяло. Много было надеждъ, и почти всѣ онѣ рушились, одна за другою. Сервѣ не пріѣхалъ: энтузiазмъ Берлинцевъ преградилъ ему путь въ Петербургъ, и вѣроятно мы не услышимъ его до весны. Эрнстъ предпочелъ Парижъ. Сёстры Миланолло, въ путешествiи своемъ на сѣверъ, съ трудомъ пробрались сквозь лавры до Лейпцига, гдѣ онѣ находятся въ эту минуту, и откуда поѣдутъ еще въ Берлинъ. Три первыя недѣли Великаго Поста наполнены были однимъ пѣнiемъ. Рубини, Тамбурини, Гарсiя—Гарсiя, Рубини, Тамбурини—всѣ одни и тѣ же лица—всѣ однѣ и тѣ же аріи—ну, право, слава Богу, что это безконечное наслажденiе на первый случай кончилось! Разнообразiе тоже имѣетъ свое достоинство въ человѣческихъ удовольствiяхъ. Но надо отдать справедливость Рубини и Тамбурини: они участвовали во всѣхъ концертахъ, которые даны были въ пользу другихъ, въ пользу нуждающихся въ этомъ пособiи, но сами не дали концертовъ,

Digitized by Google

предоставляя вниманіе, время и деньги концертной публики менѣе счастливымъ артистамъ, тѣмъ, чье единственное средство къ существованію — концерты.

Это благородное безкорыстіе Рубини и Тамбурини достойно ихъ великихъ талантовъ и не можетъ не доставить имъ особеннаго уваженія русской публики.

Лишь-только Европа узнала о новой страсти Петербурга, объ его furore къ пѣнію, она прислала ему цѣлый хоръ пѣвицъ и пѣвцовъ. Рубини, Тамбурини, Пазини; Гарсія, Ассандри, Тадини, Шюцъ: этихъ вы уже знаете. Но въ Петербургѣ находятся еще — знаменитая Ронци, пѣвица временъ Каталани, — знаменитая Деранкуръ, — знаменитая Финкъ-Лоръ, — знаменитая Шоберлехнеръ. Сколько обѣщали намъ чудесъ! Сколько было ожиданій! И чѣмъ они кончились? Синьора Ронци отказалась отъ своего концерта. Мадамъ Деранкуръ, кажется, не понравилась публикѣ. Госпожа Шоберлехнеръ рѣшилась дать только одинъ концертъ. Вся надежда теперь на госпожу Финкъ-Лоръ: эта еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и голосу; объ ея талантѣ говорятъ много хорошаго; первый концертъ ея будетъ въ понедѣльникъ, 6 марта. Слышали ль вы, что мамзель Пажъ тоже ѣдетъ къ намъ? Вы спросите: кто такова мамзель Пажъ?.... Да я по чему знаю, кто она такова! Я читалъ только, что она къ намъ ѣдетъ. Жюль Жаненъ говоритъ, что она чудесно играетъ le gamin de Paris. Въ Парижѣ давали недавно новый водевиль, Les Gamins de Paris, во множественномъ числѣ. «Le roi de ces gamins, говоритъ онъ, c'était Mlle Page, et elle y était avenante, jolie, très délurée. Je dis: *y était*, car elle n'y est plus. Elle quitte sa ville de Paris. A peine a-t-elle fait ses preuves de gentillesse, Mlle Page s'en va, et pour aller—qui le croirait? — en Russie! — Mais on ne va pas en Russie, quand on est jeune, quand on commence à peine à être belle et fêtée. On va en Russie à quarante ans, et encore! — Voilà à quoi sert de dire tout-de-suite à ces enfans qu'elles ont les plus beaux yeux du monde: elles le croient, et pour s'en assurer elles s'en vont dans *le pays des glaces*. Oh! le mauvais calembour! «Сорокъ лѣтъ! Очень благодарны! Нотò-то и бѣда,

что мы сами, нашимъ раболѣпствомъ къ старой славѣ, нашею неопытностью въ дѣлахъ искусства, поселили мнѣніе въ этихъ дамахъ вообще, и въ вокальныхъ знаменитостяхъ въ-особенности, будто въ Россію довольно отправиться въ сорокъ лѣтъ, et encore!.... Что̀ видя, и господинъ Молякъ съ своей скрипкой отправился въ нынѣшнемъ году dans le pays des glaces. Ему слѣдовало пріѣхать двадцать лѣтъ тому назадъ, et encore!....

— Клара Викъ (госпожа Шуманъ) даетъ первый свой концертъ 3 февраля.

— Листъ проводитъ зиму въ Веймарѣ, гдѣ онъ занимаетъ должность директора придворной капеллы, которая подъ его руководствомъ исполнила недавно нѣсколько большихъ классическихъ твореній.

— Любительницы фортепіано, Листа, восторговъ, меланхоліи, и прочаго, очень хорошо знаютъ очаровательную піесу La Complainte, которую *онъ* (Листъ!) игралъ нѣсколько разъ въ здѣшнихъ концертахъ, которая получила такой необыкновенный успѣхъ, которой было съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій. дотого что въ эту минуту ее разыгрываютъ во всѣхъ концахъ Россіи. Піеса была сочиненія господина Шиллера, одного изъ превосходнѣйшихъ піанистовъ нашихъ, который къ своей прекрасной игрѣ присоединилъ въ послѣднее время новый примѣчательный талантъ и обѣщаетъ сдѣлаться любимымъ композиторомъ сердецъ нѣжныхъ, любящихъ, задумчивыхъ. Этотъ самый артистъ издалъ теперь, у господина Бернара, новую піесу, L'Echo du passé: она кажется еще плѣнительнѣе первой, — прелестное мечтаніе,—трогательная и премило развитая идея грусти, таинственныхъ воспоминаній и нѣжнаго сожалѣнія о прошедшемъ,—голосъ души, исполненный глубокаго чувства и чрезвычайно сладкаго выраженія. Сочиненіе это предназначено безъ-сомнѣнія къ такому же успѣху какъ и La Complainte, потому что оно вмѣстѣ и прекрасно и нетрудно: нельзя не отдать полной похвалы господину Шиллеру за то, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ думаетъ прежде всего объ идеѣ и правильномъ ея развитіи, не запутывая счастливой музыкальной мысли пошлыми *блестящи-*

Digitized by Google

ми пассажами, натянутыми *эффектами* изъисканной и бо́льшею частію ложной гармоніи, и сумасбродными *трудностями*, этимъ любимымъ щегольствомъ нынѣшнихъ фортепіанныхъ писателей, въ которыхъ однако жъ можетъ перещеголять ихъ всякая кошка, прыгая ночью по клавитурѣ.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

MEMOIRE SUR LE CATARRHE DE L'OREILLE moyenne et sur la surdité, qui en est la suite, par Hubert-Valleroux — in-8. Paris, 1843. (72 c.)

COMPLEMENT AUX SOUVENIRS D'UN AVEUGLE. — Voyage autour du monde par E. Guillou, mis en ordre par J. Arago. 2 vol. gr. in-8. ornés de gravures. Figures noires (4 r. 57 c.) même ouvrage, fig. color. (6 r.)

CONSEIL AUX INSTITUTEURS, par Dubois. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (30 c.)

TRAITÉ DE CRISTALOGRAPHIE, par W. H. Miller, trad. par de Senarmont. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 43 c.)

TRAITÉ DE PERSPECTIVE PRATIQUE, pour dessiner d'après nature, par. Thénot. 1 vol. gr. in-8. orné de 28 planches. Paris, 1843. (2 r. 85 c.)

RELATION DE VOYAGE en Orient, de 1830 à 1838, par Aucher-Eloy, revue et annotée par le Comte Jaubert. 2 vol. gr. in-8, Paris, 1843. (3 r. 43 c.)

TABLEAUX DE LA SOCIÉTÉ CHRETIENNE, au IV siècle, d'après les lettres des pères l'Eglise grecque, par Genin. gr. in-8. Paris, 1842. (75 c.)

CATÉCHISME, ou Abrégé de la foi, illustré par 9 belles gravures sur acier. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (1 r. 28 c.)

LA GASTRITE, par Besuchet. 3 édit. 1 vol. gr. in-8. (1 r. 15 c.)

MANUEL COMPLET DE GALVANOPLASTIE, par Smée. Suivi d'un traité de Daguerrotypie par Valicourt gr. in-18, avec fig. Paris, 1843. (1 r.)

MANUEL COMPLET DU FILATEUR, par M. M. Jullian et Lorentz. 1 vol. gr. in-18, avec planches. Paris, 1843. (1 r.)

TRAITÉ DE GÉODÉSIE, ou exposition des methodes trigonométriques et astronomiques, par Puissant. 3 édition. 2 vol. gr. in-4. Paris. (11 r. 43 c.)

LE MARIAGE AU POINT DE VUE CHRETIEN, ouvrage specialement adressé

Digitized by Google

aux jeunes femmes du monde. 3 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (4 r. 60 c.)

LA PASSION de N. S Jesus-Christ, suivant la concorde des quatre évangélistes, précédée d'un pèlérinage à Jerusalem. 1 beau vol. gr. in 8, illustré, par Owerbeck. Paris, 1843. (2 r. 85 c.)

ETRENNES POUR 1843. Les Eglises de Paris, 20 gravures sur acier, avec le texte. 1 beau vol. gr. in-8. Paris 1843. (3 r. 43 c.)

ESSAI SUR LES OBUSIERS par Ed. Dusaert. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)

PETITE MÉTÉOROLOGIE DU JEUNE AGE, ou les météores à la portée des enfants, par J. Denay. Paris, 1843. (50 c.)

DE LA PAIX, de son principe et de sa réalisation, par Pecqueur, ouvrage couronné par la société de la morale chretienne. gr. in-8. Paris, 1842. (2 r.)

NOUVEAU PROJET DE TRAITÉ DE PAIX PERPÉTUELLE, par P. R. Marchand, gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 72 c.)

L'ANGLETERRE, L'IRLANDE ET L'ECOSSE. Souvenirs d'un voyage solitaire ou meditations sur le caractère national des anglais. 2 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (4 r. 57 c.)

LE CANADA PITTORESQUE, faisant suite aux voyages en Amerique, en Suisse, en Ecosse etc. 60 Livraisons, gr. in-4, avec 120 gravures sur acier. (21 r. 43 c.)

ESSAI D'ETYMOLOGIE PHILOSOPHIQUE, ou recherche sur l'origine et les variations des mots qui expriment les actes intellectuels et moraux, par l'abbé Chavée, gr. in-8. Bruxelles, 1843. (50 c.)

LE VERITABLE MANUEL DES CONJUGAISONS ou les conjugaisons miser à la portée de tout le monde, par M. M. Bescherel frères. 1 vol. gr. in-18. Paris, 1843. (85 c.)

TABLES DES POUSSÉES DES VOUTES EN PLEIN CEINTRE, par Garidel, gr. in-4. Paris. (2 r. 40 c.)

NOTICE sur la fabrication des eaux minérales artificielles, par Soubeiran. 3 édit. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r. 15 c.)

MÉMORIAL DE GOUVERNEUR MORRIS, homme d'Etat Americain, ministre plenipotentiaire des Etats-Unis en France, de 1792 à 1794, trad. de l'anglais de J. Sparks. 2 vol. gr. in-8. Paris. 1842. (4 r. 30 c.)

COURS DE PHILOSOPHIE POSITIVE, par A. Comte. 6 gros vol. gr. in-8. Paris. (14 r. 30 c.)

CAMPAGNE DE CIRCUMNAVIGATION DE LA FRÉGATE L'ARTÉMISE, pendant les années 1837, 38, 39 et 40, sous le commandement de M. Lapiace. Livrais. 1 à 4; gr. in-8. Paris. (8 r.)

LE LIVRE DE LA JEUNE FEMME CHRÉTIENNE. Lettres à ma filleule pour les différens ages de sa vie. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843.

Digitized by Google

GUIDE PITTORESQUE DE L'ÉTRANGER, dans Paris et ses environs avec 40 vignettes sur bois dans le texte et un plan de Paris. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r. 30 c.)

TRAITÉ DES ERREURS ET DES PRÉJUGÉS, par Gratien de Semur. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r.)

HISTOIRE MILITAIRE DES ÉLÉPHANTS depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu, par Armandi. 1 vol. gr. in 8. Paris, 1843. (2 r. 30 c.)

KEEPSACK TYROL par M. Mercey. 1 vol. gr. in-4, avec gravures sur acier. Paris, 1842, relié, tranche dorée. (4 r.)

NOTICE HISTORIQUE SUR LA GUYANE FRANÇAISE par Ternaux-Compans, gr. in-8. Paris, 1843. (1 r.)

JÉROME PATUROT à la recherche d'une position sociale et politique. 3 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (6 r.)

HISTOIRE MARITIME DE FRANCE, par L. Guerin. 2 gros vol. gr. in-8, orné de 32 belles gravures. Paris, 1843. (5 r. 72 c.)

HISTOIRE DE LA PEINTURE AU MOYEN-AGE, par Emeric-David, avec une notice sur l'auteur, par Jacob, gr. in-12. Paris, 1842. (85 c.)

ETAT DE LA QUESTION D'AFRIQUE par G. de Beaumont. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (50 c.)

TRAITÉ DE LA LÉGISLATION et de la jurisprudence des chemins de fer, par Nogent-St.-Laurens. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1842. (2 r. 30 c.)

COURS D'ASTRONOMIE, et cours de minéralogie, géologie et géognosie, à l'usage des gens du monde, par M. M. Mutel et Barruel. 2 vol. gr. in-8. Paris, 1843 avec planches. (2 r. 85 c.)

LES MUSÉES D'ESPAGNE, d'Angleterre et de Belgique, guide et mémento de l'artiste et du voyageur, par L. Viardot. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r.)

DE L'AGRANDISSEMENT DE L'ENCEINTE DES FORTIFICATIONS DE PARIS par Rabusson, gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 15 c.)

JOURNAL DES OPÉRATIONS DE L'ARTILLERIE AU SIÈCE DE SCHWIDNITZ en 1807, par Marion, gr. in-8 Paris, 1842 (90 c.)

TRAITÉ DE PHYSIOLOGIE, considerée comme science d'observation, par C. F. Burdach, avec des additions; trad. de l'Allemand par Jourdan. 9 vol. gr. in-8; avec planches. (18 r.)

LES AENATURES DE JEAN-PAUL-CHOPPART par L. Desnoyer. Un beau vol. gr. in-8, illustré. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)

COURS RAISONNÉ ET PRATIQUE D'AGRICULTURE ET DE CHIMIE AGRICOLE, par Schedweiler. 2 vol. gr. in-8. Bruxelles, 1841—43. (4 r. 30 c.)

Digitized by Google

ESSAI SUR L'ÉDUCATION DES ANIMAUX, le chien pris pour type, par A. Léonard. 1 vol. gr. in-8. Lille, 1842, (1 r. 43 c.)

GERUSALEMMA LIBERATA DI TORQUATO TASSO, guestra editione précédata della vita di Tasso. 1 bellissimo vol. gr. in-8, adorno di 180 vignette. Brusselle, 1843. (4 r.)

OPERE COMPLETE DI A. MANZONI con un discorso préliminaire di N. Tommaseo, ed. agguentè e osservazioni critice. 1 vol. gr. in-8. Orné de grav. Paris, 1843. (3 r. 43 c.)

MÉMORIAL DE L'ARTILLERIE, ou recueil de mémoires, experiences, observations et procédés relatifs au service de l'artillerie No. 5. 1 vol. gr. in-8; avec plan. Bruxelles, 1843. (2 r. 15 c.)

MÉMOIRE SUR LES ÉQUIPAGES DES PONTS MILITAIRES, par J. Cavalli. 1 vol. gr. in-8; avec 10 planches. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)

DE L'ORGANISATION DES PRINCIPALES PARTIES DU SERVICE DE L'ARTILLERIE, par un officier. Paris, 1843. gr. in-8. (80 c.)

Въ томъ же магазинѣ поступило въ продажу Путешествіе по Святой Землѣ, А. Норова. Изданіе второе, дополненное, *съ приложеніемъ на путешествіе Игумена Даніила въ XII-мъ вѣкѣ*. Два тома, въ 6. 8-ю долю листа, съ 12-ю гравюрами на стали, двумя планами, картою и еще неизданнымъ изображеніемъ внутренности Вертепа Гроба Господня, цѣна 5 р. 75 к. сер. безъ пересылки.

Тутъ же можно получить книгу того же автора:

Путешествіе по Египту и Нубіи, служащее дополненіемъ къ Путешествію по Святой Землѣ, 2 тома въ 6. 8-ю д. л. съ 20 гравюрами и картою, цѣна 5 р. 75 к. серебромъ.

Вышелъ и раздается подписчикамъ шестой выпускъ Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона, издаваемаго господами Лесаж, Тарасовымъ и Стрелковскимъ.

Выпускъ седьмой выйдетъ въ концѣ марта. Господамъ подписчикамъ выдаются вновь полученные нумера журнала l'Illustration, и журналы брюссельскаго изданія, полученные сухимъ путемъ.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова, комиссіонера библіотеки гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ въ Гостинномъ Дворѣ No 22.

—

Digitized by Google

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Для скрипки съ аккомпанименто̀мъ фортепіано.

BERIOT. Scène et air varié, oeuvre 42. (2 r.)
JANSA. Dix airs de Frantz Schubert, oeuvre 62. (3 r. 43 c.)
— Idem, seconde collection, oeuvre 63. (3 r. 72 c.)
KALLIWODA. Introduction et variations sur un thème original, oeuvre 118. (1 r. 29 c.)
LÉON DE ST. LUBIN. Poème d'amour de Henselt, transcrit. (1 r. 15 c.)
RIES (H.) Souvenir : deux chants, oeuvre 19. (1 r. 15 c.)

Для одной скрипки.

BACH (J. S.) Six sonates, publiées par David ; trois cahiers, chaque (1 r. 72 c.)
BERIOT. Trois études pour deux violons, oeuvre 43. (2 r.)
KAYSER. Terpsichorens Lieblingsklänge, pour violon seul, quatre cahiers, chaque (58 c.)
Сто русскихъ народныхъ пѣсенъ. (2 r.)

Для двухъ фортепіано.

CHERUBINI. Ouverture des Deux journées, à 8 mains. (1 r. 72 c.)
GLUCK. Ouverture d'Iphigénie en Aulide, à 8 mains. (1 r. 72 c.)
HERZ. Quatrième concert, oeuvre 131. (4 r.)
MOZART. Sinfonie en ut majeur, à 8 mains. (6 r. 29 c.)
WEBER. Ouverture solennelle, à 8 mains. (2 r. 15 c.)

Этюды для фортепіано.

BERTINI. Cinquante préludes, oeuvre 141, trois cahiers. chaque (1 r. 72 c.)
— La gymnastique des doigts, préparation à l'étude. (1 r. 29 c.)
CRAMER. Vingt-quatre préludes d'utilité générale, oeuvre 96. (1 r. 15 c.)
CZERNY. Vingt-quatre études de salon, caractéristiques et pittoresques oeuvre 692, 4 N-os, chaque (2 r.)
DOHLER. Cinquante études de salon, oeuvre 42, deux livraisons, chaque (5 r. 72 c.)
HERZ. Trente études progressives, oeuvre 119, dont quinze pour les petites mains. (2 r. 58 c.)
HUNTEN. Vingt-cinq études nouvelles, oeuvre 114. (2 r. 58 c.)
KALKBRENNER. Douze nouvelles études progressives. (2 r. 58 c.)
SCHAD. Le casse-bras, étude-exercice, oeuvre 27. (85 c.)
VOLLWEILER. Trois études mélodiques. (1 r. 29 c.)

Для фортепіано въ четыре руки.

BERTINI. Grand duo, d'après l'opéra : La part du diable. (1 r. 72 c.)
CHOPIN. Quatre mazurkas, oeuvre 30. (1 r. 15 c.)
DOHLER. Fantaisie brillante d'après Beatrice di Tenda. (2 r.)
HÜNTEN. Italia, trois fantaisies variées, oeuvre 115, trois cahiers, chaque (1 r. 15 c.)

Digitized by Google

LEMOINE. Les deux frères : deux petits rondos, chaque (94 c.)
LISZT. Fantaisie sur Robert. (2 r. 29 c.)
LOUIS. Variations brillantes d'après Parisina, oeuvre 84. (1 r. 50 c.)
MENDELSOHN. Préludes et fugues. (1 r. 29 c.)
ONSLOW. Quatuor oeuvre 62. (2 r. 58 c.)
SCHUNKE. Bibliothèque du jeune pianiste, 7 cahiers, chaque. (72 c.)

Для одного фортепіано.

BURGMÜLLER. Fantaisie et rondo pastoral (air suisse) oeuvre 79. (1 r. 29 c.)
BURGMÜLLER. Sans amour, souvenir de Masini, fantaisie. (1 r. 15 c.)
CZERNY. Rondino d'après La favorite, oeuvre 711. (1 r.)
DOEHLER. Impromptu fugitif, oeuvre 39. (58 c.)
DREISCHOCK. Impromptu, oeuvre 21. (94 c.)
DUVERNOY. Petites pièces sur des thèmes favoris de Halevy, Meyerbeer et Weber, oeuvre 118, trois cahiers, chaque (58 c.)
EWERS. Chansons d'amour, oeuvre 13, six cahiers, chaque (86 c.)
HELLER. Fantaisie sur la Juive, oeuvre 31. (1 r.)
HERZ. Trois airs de ballet de Charles VI en rondos brillants, chaque (86 c.)
LEMOINE. Les riens, deux petits rondos. (94 c.)
OSBORNE. Grande fantaisie sur les plus jolis motifs de Bellini. (1 r. 72 c.)
ROSELLEN. Fantaisie brillante sur Don Pasquale. (1 r. 43 c.)
ROSÉNHAIN. Grande valse de concert. (1 r.)
SCHAD. Divertissement sur des airs tyroliens, oeuvre 16. (1 r. 15 c.)
TAUBERT. Variations sur des airs Ecossais, oeuvre 53. (1 r. 29 c.)
THALBERG. Grand caprice sur Charles VI, oeuvre 48. (1 r. 72 c.)
WOHLFAHRT. L'ami du piano, leçons progressives pour les enfans. (1 r. 43 c.)
WOLFF. (E.) Six mélodies caractéristiques, oeuvre 60, chaque (86 c.)

Танцы для фортепіано.

BERNARD. Souvenir de M-me Viardot-Garcia, grande valse d'après la Somnambula, avec portrait. (1 r.)
СОКОЛОВЪ. Воспоминаніе о Рубини, большой вальсъ. (85 с.)
LÉANDRE. La Péri, contredanses nouvelles d'après ce ballet. (60 c.)
OSSIPOFF. Le voleur, contredanses favorites. (60 c.)
BERNARD. Souvenir, nouvelles contredanses. (60 c.)
ЛЯДОВА. Молодой невѣстѣ, французскій кадриль. (60 с.)
ЕГО ЖЕ. A la plus belle, contredanses françaises. (60 c.)
Le maître de danse, collection de toutes les danses caractéristiques, Menuet, Allemande, Gavotte, Pas de châle, Tyrolienne, la Russe avec châle, Pas tambourin, la Russe, la Cachucha, Solo Espagnol, Boléro et Pas de folies. (1 r. 15 c.)

Вальсы для всего оркестра.

STRAUSS. Minos-Klänge. — Lustwandler. — Walhalla-Toaste, chaque (1 r.)
LANNER. Die Schönbrunner. — Heimweh. — Hexen-Tänze, chaque (1 r.)

Digitized by Google

LABITZKY. Londoner saison. — Leinate's Klänge. — Catherinen-Walzer, chaque (3 г. 15 с.)

Новѣйшіе французскіе кадрили А. Лидова, для небольшаго бальнаго оркестра (8 инструментовъ), каждый (2 р.)

Парижскіе Метрономы 17 р. — съ колокольчикомъ 20 р.

Парижскіе отличные смычки, по 14 р. Парижскій лучшій канифоль по 60 к. за штуку.

Настоящія италіянскія струны для скрипки, віолончеля и гитары, также лучшія струны для фортепіано.

Скрипки, цѣной отъ 50 р. до 300 р. асс:— шести и семи-струнныя гитары, віолончели, фортепіано и флигеля лучшихъ мастеровъ и прочее.

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чапыгина.)

Тутъ же раздается вышедшая перваго марта третья тетрадь музыкальнаго журнала: «Нувеллистъ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

LISZT. Il m'aimait tant, mélodie. — KULLAK. Romance des Capuletti Montechi, transcrite. — WOLFF. La coquette, impromptu. — BERTINI. La chasse à l'ours, bagatelle. — LEANDER. La Peri, contredanses. — МАССИНИ. Романсъ: «Узнай, пойми любовь мою.» — Nouvelle romance française. Литературное прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сер. съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

МОДЫ.

— Бальныя платья въ это время не нужны. Вотъ нѣсколько скромныхъ, но милыхъ нарядовъ, въ которыхъ можно явиться всюду въ постное время. — Платье атласное гранатоваго цвѣту, убранное кругомъ двумя широкими biais изъ темнаго бархату той же тѣни; корсажъ высокій, гладкій; рукава гладкіе; все убрано бархатомъ. — Платье зеленое, атласное, убранное широкимъ воланомъ изъ чернаго кружева; корсажъ высокій, гладкій; рукава гладкіе. — Платье поплиновое моаре, коричневаго цвѣту, убранное впереди вдоль юбки пятью полосами бархату, того же цвѣту, узкими и сближенными у кушака, расходящимися къ низу, гдѣ онѣ также становятся шире; корсажъ высокій, гладкій, съ отворотами, обшитыми бархатомъ; рукава гладкіе, съ бархатными браслетами.

— Главное дѣло теперь — миленькій верхній костюмъ, въ которомъ можно было бы явиться поутру въ публичномъ

мѣстѣ, въ концертѣ, на прогулкѣ, и такъ далѣе. Вотъ очень милая маркиза съ капюшономъ, черная, атласная, убран-

ная на концахъ и кругомъ пелерина широкой изъ того же атласу оборкой; кругомъ нашитъ маленькій атласный буффъ того же цвѣту. Къ ней утренній капотъ кашимировой фіолетоваго цвѣту, подбитый такимъ же атласомъ; корсажъ раскрытый, впереди до кушака съ атласными отворотами; рукава восточные, подбитые атласомъ и отороченные. Или капотъ зеленый съ коричневыми клѣтками; юбка раскрытая съ бархатными отворотами; корсажъ высокій, гладкій съ бархатными отворотами, обшитыми по краямъ

Digitized by Google

и около маленькаго воротничка узенькимъ аграмантомъ; рукава à la religieuse съ бархатными отворотами, также обшитыми аграмантомъ.

— Но вотъ капотъ-чудо, вмѣстѣ капотъ и маркиза, созданіе совершенно художественное, изобрѣтеніе достойное сонмета: капотъ кашмировой или другой, расходящійся на юбкѣ, убранный того же цвѣту темнымъ тисненымъ

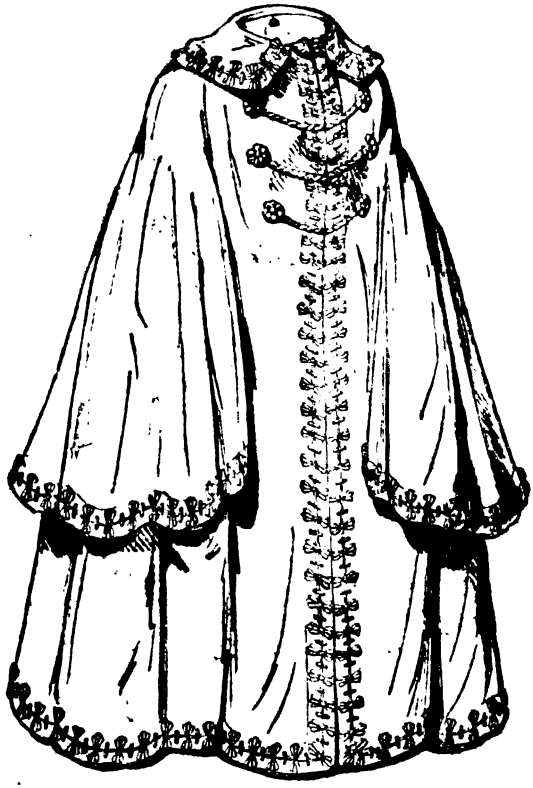

бархатомъ, который обходитъ всю юбку кругомъ и кромѣ того на корсажѣ и на полахъ образуетъ видъ маркизы: другими словами, къ капоту, котораго подолъ обшитъ такимъ изъ бархатомъ, пришита маркиза той же матеріи, такъ, что полы капота и маркиза расходятся вмѣстѣ; маркиза спереди повсюду прикрѣплена къ капоту и въ самомъ узкомъ мѣстѣ таліи собрана мелкими складками, какъ со-

Digitized by Google

бираются теперь многіе шарфы и маркизы; на плечахъ — пелерины, граціозно огибающій рукава, такъ что, когда рука спущена, маркиза кажется отдѣльно надѣтою; пелеринъ также обшитъ тисненымъ бархатомъ; по обѣимъ сторонамъ бархату пришита еще узенькая, атласная лента, собранная, въ серединѣ или узенькое кружево; корсажъ подъ пелериномъ обыкновенный, гладкій; рукава, выходящіе изъ-подъ пелерина — à la religieuse, съ обшлагами, по которымъ нашиты въ видѣ клѣтокъ бархатныя ленточки того же цвѣту какъ и вся уборка.

— Плащи, приготовляемые для весны удивительно кра-

сивы. Вотъ общая ихъ форма. Ихъ дѣлаютъ изъ темныхъ атласовъ съ аграмантными украшеніями.

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
CANCELLED
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ОСВОБОЖДЕННЫЙ УЗНИКЪ.

Снова я на свободѣ; полнѣе вздохнуть,
Больше воздуха проситъ усталая грудь.

Я и веселъ и свѣжъ,—а давно ли
Въ безотрадной томился неволѣ;

А давно ль я всё думалъ,—вотъ идутъ за мной...
Да мурлыкалъ мнѣ пѣсни сосѣдъ за стѣной....

Послѣ все разскажу вамъ отъ скуки;
Отъ цѣпей отдохнули бы руки.

Нѣтъ, не видѣлъ я васъ, и съ неробкимъ челомъ
Безответенъ стоялъ передъ грознымъ судомъ!

Но, друзья мои, если бъ вы знали,
Какъ они меня тяжко пытали....

Я какъ камень молчалъ,—а вверху надо мной
Сквозь рѣшетку окна яркій лучъ золотой

Проливала младая денница—
И свѣтила на мрачныя лица....

Я взглянулъ на окно, я припомнилъ о васъ,
Что друзья не забудутъ условленный часъ!....

Digitized by Google

И теперь, на веселомъ просторѣ,
Мы размыкаемъ старое горе!—

Гдѣ мой конь?... полетѣть бы хотѣлось скорѣй,
Повидаться съ одною знакомкой моей;

Что она,—весела, ниль уныла,
Иль меня равнодушно забыла?....

А. ПАЛЬМЪ.

АМУРЪ-ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Изъ Гёте.)

Утромъ рано, сидѣлъ я на дикой скалѣ, неподвижно
Взоръ устремивъ на влажный туманъ: безпредѣльный и сѣрый,
Какъ нагрунтованный холстъ, отъ меня закрывалъ онъ окрестность.

Въ эти минуты малютка ко мнѣ подошелъ, и сказалъ онъ:
Удивляюсь, пріятель, что тебѣ за охота
Такъ прилежно, часъ цѣлый, смотрѣть на пустую холстину?...
Развѣ навѣкъ потерялъ ты любовь къ рисованью и полнымъ
Жизни картинамъ?—И думалъ я, смотря на ребенка:
Крошка! хочетъ учителемъ быть, даетъ мнѣ совѣты....

— Если ты будешь всегда безпеченъ и грустенъ, сказалъ мнѣ
Мальчикъ: увянетъ, исчезнетъ на-вѣки твое дарованье.
Вотъ, поучись у меня рисовать картинки,—я тотчасъ
Нарисую тебѣ красивый ландшафтъ, для примѣру....
И, протянувъ ручонку, на сѣромъ коврѣ беззаботно
Началъ писать картинку, пальчикъ поднявши румяный.

Digitized by Google

Прежде всего, начертилъ онъ янтарно-румяное солнце,
Такъ естественно, что въ глазахъ у меня заблестѣло;
Послѣ разсыпалъ груду золотыхъ облаковъ въ поднебесьи.
Поднялъ холмы одинъ за другимъ, и душистыя липы
Къ злачному скату горы нагнулись густыми кудрями;
Дальше, провелъ онъ рѣку, такъ живо, легко, что, казалось,
Звонкія воды плескались, и солнце сквозь нихъ проникало.

Яркій рубинъ и смарагдъ разсыпалъ въ лугу благовонномъ,
Пологъ тумана согналъ съ глубоко-лазурнаго неба,
И открылъ мнѣ цѣпь горъ, увѣнчанныхъ синими льдами.
И восхищенный нежданной картиной и возрожденный
То на художника, то на картину смотрѣлъ я безмолвно.

«Вотъ теперь ты узналъ, что я понимаю искусство,
Мальчикъ сказалъ: но картина еще не готова». И послѣ,
Тамъ, гдѣ солнце роняло сквозь вѣтви на ясныя воды
Дождь лучей золотыхъ, представилъ онъ стройную дѣву.
Тонкая ткань обвила ея лилейные члены,
А каштановыхъ кудрей каскадъ, волнуемый свѣжимъ
Сіяньемъ утра, бросалъ на лицо ея зыбкія тѣни.

— Чудный мальчикъ! вскричалъ я: ради Бога, скажи мнѣ,
Кто тебя научилъ такъ вѣрно, умно и проворно
Мысли свои отражать на холстѣ, оживлять ихъ перстами?....

И, пока я говорилъ, подулъ вѣтерокъ, закачались
Яркіе листья деревъ, зашумѣла рѣка, распахнулся
Флёръ, закрывавшій красы плѣнительной дѣвы,—
И, едва касаясь волнъ бѣлоснѣжною ножкой,
Приближалась она къ скалѣ, на которой сидѣлъ я,
Нѣмъ и недвижимъ, какъ камень, взоръ устремивъ на картину....

И. КРЕШЕВЪ.

1841 г.

Digitized by Google

* * *

Не вѣряйся, другъ мой, счастью,—
Счастье—вѣтеръ перемѣнный....
Не вѣряйся клятвамъ страстнымъ, —
Клятвы такъ обыкновенны!

Свѣжихъ чувствъ живыя искры
Не растрачивай напрасно; —
Вѣрь, дается намъ немного
Дней безоблачныхъ и ясныхъ....

Въ битвѣ жизни ты увидишь
Мало витязей отважныхъ; —
Мы впередъ идемъ безпечно, —
Оглянуться только страшно....

А. ПАЛЬМЪ.

(Изъ Шенье.)

Приди къ ней поутру, когда пробуждена,
Подъ легкимъ пологомъ покоится она;
Ланиты жаркія играютъ алой кровью,
И грудь роскошная волнуется любовью,
А юное чело и полный нѣги взоръ
Еще ведутъ со сномъ неясный разговоръ....

А. ПАЛЬМЪ.

Digitized by Google

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Графиня Марія жила въ Вѣнѣ очень скромно, но пріятно, и даже счастливо. Весною она обыкновенно уѣзжала къ водамъ, въ Германію, Францію или Италію; осенью возвращалась на берега Дуная и, среди столичной толпы, среди забавъ, шалостей и шуму, проводила зиму въ отрадномъ уединеніи, на степной сторонѣ бурной жизни-рѣки, въ пустыняхъ дружбы и умной бесѣды. Звуки радости, отголоски глупостей, вздохи досады, потѣхи клеветы, доходили до отшельницы любви и страстей, но она не участвовала, ни въ радостяхъ, ни въ глупостяхъ, ни даже въ клеветѣ. Рѣшительно отказалась она отъ звучныхъ и яркихъ бурь свѣта, и приняла на себя должность умной женщины, которая, забывъ, что была нѣкогда прелестною, и даже, что не совсѣмъ еще лишилась миловидности, позволяетъ всѣмъ по-моложе себя безпрепятственно быть красавицами по личному усмотрѣнію каждой.

Графиня Марія уже вступала въ старость: она это чувствовала, и благовременно, лишь-только послѣднія

Digitized by Google

розы начали терять свое благоуханіе, приняла мѣры чтобы сдѣлаться плѣнительною старушкою. Теперь она уже не обрѣзывала своего возрасту: напротивъ, съ неподражаемою наглостью прибавляла себѣ шесть лишнихъ годовъ, чтобы приводить въ изумленіе новыхъ знакомцевъ необычайнымъ сохраненіемъ своей наружности и поселять въ нихъ родъ восторгу къ себѣ, какъ необычайному явленію. Тѣ, кого она увѣряла, что ей уже «подъ шестьдесятъ», съ перваго слова были въ восхищеніи отъ нея, по личной выгодѣ: каждый или, всё-равно, каждая,—потому что въ этомъ случаѣ пѣтъ родовъ въ грамматикѣ человѣческаго самолюбія,—утѣшался пріятною мыслью о возможности для себя быть молодымъ еще въ шестьдесятъ лѣтъ, невольно любилъ графиню Марію какъ живое доказательство основательности этой надежды, и, въ энтузіазмѣ, прибавлялъ ей отъ себя еще шесть годовъ, такъ, что о графинѣ Маріи говорили въ Вѣнѣ какъ о феноменѣ: свѣтская миѳологія создала для ея отдаленной молодости баснословную красоту, и, если бы благоразуміе подавшаго въ отставку идола не окружало его таинственнымъ уединеніемъ, нашлись бы еще изувѣры, готовые положить свѣжіе вѣнки на жертвенникъ прежде-бывшей Венеры.

Но мало произвесть этотъ эффектъ: отшельница умѣла еще усилить его полнымъ отсутствіемъ притязаній на наружность; она какъ-будто не замѣчала разительнаго противорѣчія между приписываемымъ ей маститымъ возрастомъ и пріятностью своего лица, бѣлизною и гладкостью шеи, превосходно отдѣляющейся отъ глубокаго траура, безукоризненнымъ цвѣтомъ волосъ, заботливо поддерживаемыхъ въ надлежащей свѣжести, и примѣчательною красотою руки, маленькой, мягкой, полной, совершенно классической. Все искусство употребила она на украшеніе этой удивительной старости прелестями ума, любезности и кротости. Мужчины любили ея общество; и какъ она соблюдала строгій вы-

Digitized by Google

боръ въ знакомствахъ, допуская къ себѣ только людей примѣчательныхъ, то снискать ея дружбу равнялось для многихъ диплому на умъ и высокую образованность. Даже и до траура она мало выѣзжала въ свѣтъ, никогда не являлась въ большихъ собраніяхъ, жила въ небольшомъ кругу избранныхъ, составленномъ изъ свѣтскихъ, ученыхъ и артистическихъ «геніальностей», какъ говорятъ въ Вѣнѣ, съ необходимою прибавкою двухъ или трехъ молодыхъ и миленькихъ женщинъ, совершенно преданныхъ умному, безпечному доброму другу, хозяйкѣ. Домъ ея сдѣлался любимымъ центромъ занимательнѣйшихъ людей въ австрійской столицѣ изъ туземцевъ и путешественниковъ разныхъ націй: тѣ, которые были приняты, чувствовали себя счастливыми въ этой роскошной атмосферѣ дружескихъ вниманій, теплаго участія въ прекрасномъ, непринужденной веселости, увлекательныхъ и разнообразныхъ разсужденій, любопытныхъ разсказовъ о всѣхъ странахъ, всѣхъ знаменитыхъ людяхъ, всѣхъ великихъ событіяхъ и надеждахъ искусства.

Старшая дочь графини Маріи, Катенька, и мужъ ея, находились также въ Вѣнѣ: они, по праву, принадлежали къ этому обществу, но вообще мало имъ пользовались. Маркизъ не понималъ пристрастія своей тещи къ умнымъ людямъ и бѣгалъ этихъ утомительныхъ бесѣдъ, въ которыхъ человѣкъ явственно выходитъ изъ нормальнаго состоянія своей породы, употребляя голову, и привѣшенный къ ней языкъ, главное орудіе питанія и личныхъ выгодъ, на предметы, выходящіе изъ кругу положительной жизни. Катенька, сдѣлавшаяся тигрицею ревности, преслѣдовала супруга своего по пятамъ во всѣхъ его уклоненіяхъ къ другаго роду удовольствіямъ. Такимъ образомъ, дружескія собранія у графини Маріи благополучно избавлялись и отъ злобы Катеньки и отъ глупости маркиза, къ великому удовольствію хозяйки.

Изъ женщинъ, самымъ замѣчательнымъ членомъ

Digitized by Google

этого общества была одна молодая соотечественница и отчасти родственница графини Маріи, прелестная вдовушка лѣтъ двадцати-пяти или шести, рѣзвая, веселая, острая, исполненная талантовъ, добродѣтелей и душъ. Она недавно пріѣхала въ Вѣну изъ Карльсбада, куда возила своего возлюбленнаго мужа, преждевременнаго старика, вѣчно больнаго тирана. Прославленныя цѣлительныя воды оказали дѣйствіе, достойное ихъ врачебной знаменитости: мужъ мигомъ умеръ. Полина Ч***, оросивъ потоками слезъ драгоцѣнный прахъ супружескаго счастія, прямо съ могилы порхнула свободною птичкою въ Вѣну, гдѣ у нея вовсе не было знакомыхъ и гдѣ, поэтому, присутствіе, ласковый пріемъ и, въ скоромъ времени, дружба почтенной родственницы сдѣлались для нея настоящимъ кладомъ. Графиня Марія, казалось, нѣжно любила мадамъ Ч***, и мадамъ Ч*** оказывала ей искреннюю преданность. Есть читательницы, которыя не вѣрятъ въ дружбу двухъ женщинъ; я самъ вѣрю только вполовину, но дѣло въ томъ, что, недавно надѣвъ трауръ, графиня Марія считала молодую вдову-родственницу весьма приличною для себя подругою на указное время горести. Обѣ безутѣшныя легко сблизились другъ съ другомъ, находя въ этомъ обоюдную пользу,—мадамъ Ч*** очень пріятный печальный домъ въ незнакомомъ городѣ,—графиня Марія очень занимательное для посѣтителей украшеніе дому. Какъ бы то ни было, обѣ вдовы, и мудрая и прелестная, были неразлучны, къ несказанному удовольствію знаменитыхъ друзей мудрой.

По мужской части, въ эту зиму самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, самымъ дорогимъ гостемъ, самымъ уважаемымъ другомъ, числился тоже одинъ соотечественникъ графини Маріи, человѣкъ, славный тогда во всей Европѣ своими военными подвигами, умомъ и благородствомъ души, мужчина лѣтъ сорока-двухъ, не совсѣмъ хорошій собою, съ сухими и рѣзкими чертами лица, но съ чрезвычайно умнымъ выраженіемъ и

Digitized by Google

съ такими глазами, которые женщины, черезъ полчаса знакомства, провозглашали чудесными. Въ Вѣнѣ, куда пріѣхалъ онъ провесть зиму послѣ курса водъ въ южной Германіи, любопытство всего общества было обращено на него. Но онъ, по-возможности, избѣгалъ достойно заслуженныхъ почестей, жилъ очень скромно и почти не показывался свѣту: его можно было встрѣтить поутру только на какомъ-нибудь уединенномъ гульбищѣ или въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ онъ забиралъ книги цѣлыми кипами. Графиня Марія усердно за нимъ ухаживала: сама она искала его общества и дружбы, гордилась его вниманіемъ, всѣми мѣрами привлекала его къ себѣ и, казалось, успѣла. Этотъ интересный путешественникъ полюбилъ ея домъ, и вскорѣ сталъ посѣщать почти ежедневно любезную соотечественницу, которой наконецъ сдѣлался онъ короткимъ и искреннимъ другомъ. Нѣкоторые остроумные туземцы замѣчали, что графиня Марія питаетъ къ нему даже болѣе чѣмъ дружбу: внимательность ея къ знаменитому иностранцу доходила до материнской нѣжности и онъ, съ своей стороны, нерѣдко показывалъ при всѣхъ чувства благодарнаго и почтительнаго сына. Съ нимъ однимъ говорила она о своихъ семейныхъ дѣлахъ, ему одному ввѣряла душевныя скорби и тайныя слезы, для него, преимущественно, изобрѣтала удовольствія, въ которыхъ должны были участвовать прочіе друзья дому. Европа, тогда, только-что начинала отдыхать послѣ продолжительной политической бури, какъ-вдругъ зашумѣла страшная буря литературная: предводительствуя вѣдьмами, мертвецами, висѣльниками, палачами, каторжниками, привидѣніями, порокомъ, безобразіемъ, преступленіемъ, ужасомъ, романтизмъ поднялъ открытый бунтъ противъ чиннаго классическаго прекраснаго, котораго безплодный деспотизмъ всѣмъ было наскучилъ; для человѣчества начиналась новая эра: въ то же время, какъ на землѣ явилась первая желѣзная дорога, изобрѣтена была и первая тридцати-лѣтняя жен-

Digitized by Google

щина, и тутъ же сдѣлали чрезвычайно важное для повѣствовательной занимательности открытіе — что у дѣтей, обыкновенно, нѣтъ отцовъ. Эти великія идеи начинали уже проникать въ Вѣну съ первыми незабвенными романами юной школы, и сказанные остроумные туземцы, соображая *сію* материнскую нѣжность и *оную* сыновнюю почтительность (слогъ того времени), нерѣдко восходили до высокаго романтическаго умозаключенія, что тутъ скрывается вещь крайне интересная, — преступленіе, — промахъ юности, — или другое прекрасное новаго изобрѣтенія.

Знаменитый путешественникъ зашелъ однажды къ графинѣ Маріи, возвращаясь съ прогулки. Хозяйка была занята съ своимъ докторомъ въ кабинетѣ. Онъ не хотѣлъ докладывать о себѣ: сказавъ, что подождетъ въ гостиной, пока докторъ не уйдетъ, онъ сѣлъ въ кресла чтобы отдохнуть и предаться той задумчивости, которая составляетъ отличительный признакъ и первое наслажденіе великихъ умовъ. Консультація длилась безъ конца. На столикѣ лежалъ великолѣпный альбомъ графини Маріи, наполненный прелестными рисунками, произведеніями карандаша и кисти всѣхъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Онъ взялъ альбомъ и сталъ ихъ разсматривать. На четвертой или пятой страницѣ, поразилъ его внезапно портретъ женщины удивительной красоты: это былъ портретъ Анны, старшей дочери хозяйки. Путешественникъ долго и внимательно всматривался въ эти чудесныя черты; онъ какъ-будто былъ взволнованъ: закрылъ страницу и переходилъ къ другимъ рисункамъ; потомъ вдругъ возвращался къ портрету и смотрѣлъ на него съ новымъ восхищеніемъ или новымъ безпокойствомъ. Этотъ рисунокъ, это расположеніе подробностей, эта кисть, вся эта картинка, казались ему знакомыми. Наконецъ, одинокимъ зрителемъ невольно овладѣла глубокая дума; нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ совершенномъ забытьѣ; раскрытый альбомъ лежалъ у него на колѣняхъ, и онъ не при-

Digitized by Google

мгновенія, какъ въ гостиную вбѣжала легкими шагами молодая и стройная женщина въ дорожномъ траурномъ костюмѣ. Карета ея стояла еще у подъѣзду: путешественница, вспорхнувъ на крыльцо, была принята слугами съ признаками изумленія и почтительной радости; они толпою провожали ее вверхъ по лѣстницѣ, хотѣли опередить, бѣжать съ докладомъ, но гостья удержала ихъ положительнымъ приказаніемъ не давать знать объ ея пріѣздѣ, предоставляя себѣ удовольствіе нечаяннаго появленія. Слуги остались у дверей гостиной: гостья вбѣжала одна и, скользя по ковру, невидимо приблизилась къ неподвижному гостю, задумчивому наблюдателю портрета, сидѣвшему спиною къ дверямъ. Она остановилась недалеко отъ столика, передъ которымъ сидѣлъ незнакомый другъ хозяйки, и начала разглядывать фигуру. Лица гостя не было видно вполнѣ, но портретъ, приведшій его въ интересную меланхолію, могла она ясно различить съ того мѣста, гдѣ стояла. Видъ этого портрета возбудилъ ея женское любопытство: она, безъ шуму, немножко подвинулась впередъ, чтобы мелькомъ заглянуть въ лицо любителю столь занимательной живописи, который, вдругъ увидѣвъ гостью передъ собою, вскочилъ съ кресель какъ бы испуганный и едва успѣлъ положить незакрытый альбомъ на столъ. Было мгновеніе, когда той и другому казалось, будто они видятъ сонъ: гость не постигалъ чуда, которое такъ внезапно осуществило передъ нимъ портретъ, гостья не вѣрила столь неожиданной встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго полагала въ другомъ концѣ свѣта и не надѣялась никогда увидѣть. Они покраснѣли, оба вмѣстѣ. Сильное душевное волненіе, котораго невозможно было скрыть при такой нечаянности случаю, привело ихъ въ *толикое* (такъ тогда говорили) замѣшательство, что они забыли даже поклониться другъ другу.

— Вы здѣсь!

— Вы здѣсь!

Digitized by Google

Невольно, и какъ-бы со страхомъ, произнесено было съ обѣихъ сторонъ въ одно и то же время. Анна принуждена была присѣсть, чувствуя, что ноги ея дрожатъ. Валеріанъ подражалъ ея примѣру. Два неумышленные преступника находились другъ противъ друга; портретъ—corpus delicti — лежалъ между ними, и ни какое оправданіе не было возможно. Оба они, не зная что̀ сказать, изъ-дали, смотрѣли украдкою на этотъ портретъ. Такой странной окказіи я не читалъ ни въ одномъ романѣ!

Присутствіе портрета на столѣ принесло большое удовольствіе Аннѣ, потому что показывало, чѣмъ гость занимался въ минуту ея появленія; впрочемъ, она давно знала, черезъ Софію, что онъ сохраняетъ особенную привязанность и удивленіе къ той, которую нѣкогда любилъ такою прекрасной любовью. Въ Валеріанѣ этотъ портретъ производилъ совсѣмъ противное дѣйствіе: онъ напоминалъ ему самыя горестныя минуты жизни: это былъ тотъ роковой портретъ, который стоялъ на столѣ у покойной тётки Анны въ страшный день вѣчнаго прощанія со счастіемъ, и который просилъ онъ мадамъ Б*** сберечь какъ памятникъ. Передъ смертью, она завѣщала его графинѣ Маріи, потому что, видя дочь несчастною въ замужствѣ, графиня горько сожалѣла о прошедшемъ и себя обвиняла во всемъ. Валеріану давно былъ извѣстенъ переходъ незабвеннаго портрета въ руки прежней своей гонительницы, старавшейся теперь нѣжною дружбою и безкорыстною преданностью загладить прежнюю вину честолюбивой матери: онъ столько разъ видѣлъ, такъ хорошо помнилъ эту картинку, что не могъ не узнать ея теперь въ альбомѣ; а узнавъ, нельзя ему было не подумать печально о томъ, какой женщины, какого друга для всей жизни, лишился онъ въ этихъ печальныхъ происшествіяхъ. Валеріанъ находился именно въ томъ возрастѣ, когда холостяки начинаютъ болѣе чѣмъ когда-либо дорожить воспоминаніями и ощущать при

Digitized by Google

ихъ сильныя сожалѣнія: встрѣча съ портретомъ растрогала его до глубины души, и Анна застала экс-поэта среди самыхъ грустныхъ размышленій о прошедшемъ и о настоящемъ. Что̀ касается до нея, то вамъ уже извѣстно, что первый предметъ страсти остался навсегда въ ея душѣ идеаломъ, невидимымъ другомъ, таинственнымъ утѣшителемъ, которому посвящались всѣ минуты уединенія среди бѣдствій, униженій и страданій: она постоянно думала объ немъ, думала съ восторгомъ, съ любовью, которой самая чистота усиливала огонь, пожирающій воображеніе, и мечтамъ которой предавалась она тѣмъ свободнѣе, что вѣчная разлука и потеря всякой надежды дѣлали ихъ невинными и совершенно безопасными. О состояніи ея сердца часто разсуждала съ Валеріаномъ Софія, сдѣлавшаяся, послѣ смерти матери, его лучшимъ и даже единственнымъ другомъ вдали отъ столичнаго шуму. Смыслъ волненія Анны точно такъ же не могъ ускользнуть отъ его проницательности, какъ для нея была ясна причина задумчивости надъ портретомъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, два самые умные человѣка, встрѣтясь нечаянно и прочитавъ въ глазахъ другъ у друга свои завѣтныя тайны, не съумѣютъ сказать ничего умнаго. Въ доказательство этой истины, я привожу коротенькій разговоръ прежде-бывшихъ жениха и невѣсты.

— Матушка, кажется, совсѣмъ не ожидала васъ.

— По-крайней-мѣрѣ не ожидала меня прежде весны, но я скорѣе рѣшилась подвергнуться непріятностямъ зимняго пути чѣмъ ждать такъ долго.

— И вы пріѣхали одне!

— Мужъ мой изъ Дрездена отправился въ Парижъ. Я продолжала путь одна.

— Вы храбры. Дороги должны быть ужасны.

— Отъ Праги я встрѣчала много снѣгу.

— Я читалъ въ газетахъ, что многія рѣки выступили изъ береговъ, и прочая.

Digitized by Google

Они непремѣнно дошли бы до дошля, который тогда шелъ на дворъ, если бы графиня Марія не услышала разговору въ гостиной и не вышла съ докторомъ изъ кабинета. Анна бросилась въ объятія матери. Докторъ, замѣтивъ взрывъ семейныхъ чувствъ, ударилъ въ разсыпную, кланяясь во всѣ стороны. Валеріанъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы закрыть альбомъ, и намѣренъ былъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, удалиться, не желая мѣшать первому свиданію матери съ дочерью послѣ долговременной разлуки.

— Гдѣ же твои дѣти? спросила мать.

— Они скоро будутъ, отвѣчала Анна: ѣдутъ въ другой каретѣ, съ гувернанткой. Я опередила ихъ, чтобы скорѣе васъ увидѣть.

Мать еще разъ нѣжно поцѣловала ее, и, тогда, обратилась со всѣмъ своимъ вниманіемъ къ Валеріану. Завязался разговоръ, не занимательный ни для одного изъ трехъ собесѣдниковъ, потому что каждый думалъ о другомъ. Валеріанъ замѣтилъ, что мать вовсе не спрашиваетъ о мужѣ Анны: она даже избѣгала рѣчи объ немъ. «Тутъ скрывается что-то непріятное!» подумалъ онъ. Анна примѣчала ту же самую осторожность и безпокоилась о причинѣ такого благоразумія, полагая, что клевета уже успѣла опередить ее.

Валеріанъ собрался итти домой. Напрасно графиня Марія задерживала его своей любезностью: онъ чувствовалъ себя слишкомъ разстроеннымъ, слишкомъ полнымъ чувства, и непремѣнно желалъ удалиться. Мудрая женщина поняла его побужденія и, не сопротивляясь долѣе, провожала друга до дверей прихожей.

— Надѣюсь, сказала она, при прощаніи: что этотъ нечаянный пріѣздъ не разстроитъ нашей дружбы, и что вы будете навѣщать меня такъ же часто какъ прежде.

— Этого не могу обѣщать вамъ, отвѣчалъ Валеріанъ съ улыбкою, которою хотѣлъ закрыть свое смущеніе.

— Послушайте, мой другъ! съ живостью возразила

Digitized by Google

графиня! это.... смѣшно! У васъ столько ума и благородства души, что и того и другаго слишкомъ достанетъ на подобный случай. Для общаго счастія, намъ, всѣмъ троимъ, не слѣдовало никогда разлучаться. Богъ судилъ иначе.... Я вѣчно буду упрекать себя за.... многое... Простите матери... Воротить прошедшаго не возможно. Но можно облегчить горе несчастныхъ великодушіемъ и благородствомъ. Замѣните прежнія чувства свои къ этой бѣдной женщинѣ доброю дружбою къ матери и дочери. Это доставитъ намъ... родъ счастія... утѣшеніе, въ которомъ мы очень нуждаемся... особенно она.... Не оставляйте сиротъ. Она то же сирота, какъ и я.

— Сирота? повторилъ Валеріанъ съ изумленіемъ.

— Да! она сдѣлала глупость, которой я бы воспрепятствовала, если бъ была на-мѣстѣ, но которой теперь.... по-крайней-мѣрѣ по моему убѣжденію... уже нельзя поправить. Женщина никогда не должна разставаться съ мужемъ... каковъ бы онъ ни былъ; но, однажды допустивъ до этого....

— Такъ они разстались? спросилъ Валеріанъ, еще болѣе изумленный этою неожиданною развязкою своихъ недоумѣній.

— Ахъ, не говорите объ этомъ! печально отвѣчала графиня Марія. Узнаете все отъ другихъ, потому что уже начинаютъ говорить..... Такихъ вещей невозможно долго скрывать. Но вы видите, что намъ обѣимъ очень нужна ваша помощь, ваша дружба, ваши совѣты. Къ кому могу я обратиться? кому ввѣриться?.... Моему любезному зятю маркизу? Хорошъ совѣтникъ! Притомъ, онъ сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ.... Не оставляйте насъ!

Валеріанъ съ чувствомъ пожалъ руку, которую она къ нему протягивала, и сказалъ:

— Пришлите за мною, когда я буду вамъ нуженъ.

— Нѣтъ, этого я не хочу. Посѣщайте меня по-прежнему, какъ будто ничего не случалось. Не теряйте

Digitized by Google

твердости духа: вы доказали, что она велика въ васъ..... когда захотите. Надобно только захотѣть. Мужайтесь. Изъ-дали или вблизи—вѣдь всё-равно!... Мы обречены быть другъ для друга постояннымъ источникомъ многихъ, многихъ страданій.... и нѣсколькихъ утѣшеній.... тѣхъ утѣшеній, которыя доставляетъ дружба и которыя теперь я предпочитаю всѣмъ прочимъ.... Анна тоже: жизнь и ее надѣлила опытностью. Да и вы, мой другъ, тоже! Неправда ли?.... Я такъ думаю.

— О!... да! отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и цѣлуя руку ея. Прощайте!... до свиданія.

Они разстались. Графиня Марія возвращалась въ гостиную совершенно довольная своимъ материнскимъ благоразуміемъ. Она съ перваго взгляду вполнѣ разгадала тайныя чувства потерянаго зятя и несчастной дочери. Воспрепятствовать развитію этихъ чувствъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не было возможности, если предоставить имъ естественное теченіе. Но она надѣялась управлять ими съ помощью своего искусства. Мудрость опытной матери присовѣтовала ей дать имъ другое, болѣе невинное, направленіе и, вызвавъ противника на благородство, устранить всю опасность. Это почитала она долгомъ, при всей снисходительности своихъ старинныхъ правилъ къ страстямъ, и, зная Валеріана, была увѣрена въ успѣхѣ. Но, въ гостиной, съ досадою увидѣла она дочь въ слезахъ. Анна стояла передъ раскрытымъ на столикѣ альбомомъ, держа руку на своемъ портретѣ, и плакала. Примѣтивъ мать, она подбѣжала къ ней и судорожно сжала въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ! мамепька! какая встрѣча! вскричала она. Могла ли я ожидать ея?.... Могла ли думать, что, именно здѣсь, именно сегодня, буду плакать по другой причинѣ кромѣ радости видѣть васъ?... Какой жестокій ударъ!

Мать была встревожена, и растрогана сама этимъ

Digitized by Google

взрывомъ долго подавляемаго чувства, но отвѣчала съ притворнымъ равнодушіемъ мудрецовъ:

— Что же тутъ за ударъ? Я не вижу ничего особеннаго. Мало ли кому случается въ жизни, вдругъ встрѣтить человѣка, котораго мы нѣкогда любили....

— И не переставали любить.... подхватила Анна, рыдая.

— И это случается, продолжала мать. Тогда мы употребляемъ всю нашу волю, при помощи которой, для женщины, нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы не обнаружить этого, чтобы превратить слѣпую страсть въ благородное чувство, въ состояніе сердца болѣе тихое, но зато и болѣе прочное, даже болѣе усладительное, особенно по прошествіи первой молодости. Если захочешь умно вести себя съ нимъ, можешь имѣть теперь, подобно мнѣ, добраго и преданнаго друга. Мы даже и нѣсколько обязаны вознаградить его вѣрною дружбою за страданія, которыя причинили, за счастіе, котораго онъ лишился и ничѣмъ замѣнить не можетъ. Онъ говоритъ, что теперь уже не въ состояніи ощущать любви. Тѣмъ лучше! Для тебя, можетъ-быть, и совсѣмъ нечего сожалѣть о прошедшемъ. Вышедши за него, ты вѣроятно перестала бы любить.... потому что ужъ всегда таковъ конецъ! А мужчинъ, подобныхъ ему, такъ мало на свѣтѣ, что, изъ такого человѣка, право, жаль дѣлать мужа.... созданіе.... которое рано или поздно надо разлюбить, по положенію, лишивъ душу восторговъ и, слѣдственно, счастія. Если бъ мы, женщины, были умны, то такихъ мужчинъ всегда берегли бы себѣ на дружбу. Въ мужья годятся и другіе. Не много въ нихъ пользы!..... ты сама знаешь. За что ты прогнала своего?

— Я?.... я его прогнала! вскричала Анна, блѣднѣя. Кто вамъ это сказалъ?

— Я знаю все, отвѣчала мать, смягчая голосъ и переходя отъ разсужденія къ нѣжности. Говори со мной, мой ангелъ, откровенно. Вовсе не думаю дѣлать тебѣ

Digitized by Google

упреков: я всегда этого ожидала.... или, скорѣе, боялась.

— Но я его не прогоняла!

— Однако жъ ты здѣсь, а онъ теперь въ Парижѣ: маркизъ получилъ письма оттуда, и увѣряетъ, что Эдуардъ тамъ слываетъ холостякомъ, получаетъ большіе успѣхи у женщинъ, предался отчаянной игрѣ, и о тебѣ вовсе не думаетъ. Катенька имѣетъ извѣстія изъ Германіи отъ своихъ пріятельницъ: по ея реляціи, вы поссорились за долги, которые Эдуардъ сталъ вновь дѣлать, ты отказала ему въ деньгахъ и велѣла убираться. Говорятъ, ты сдѣлалась ужасно скупою и жадною.

— О томъ, какъ онъ ведетъ себя въ Парижѣ, я ничего не знаю, и знать не хочу, спокойно отвѣчала Анна. Я готова вѣрить, что извѣстія Катеньки справедливы. Насчетъ новыхъ долговъ, васъ не обманули. Но все остальное — ложь. Въ скупости и жадности никто упрекать меня не можетъ. Мы не ссорились, и я не велѣла ему убираться: напротивъ, онъ неожиданно далъ мнѣ отпускную, самъ, добровольно, уѣхалъ отъ меня, и едва-ли съ намѣреніемъ воротиться. Когда дѣла наши нѣсколько поправились послѣднимъ благодѣяніемъ покойнаго батюшки, Эдуардъ, по страсти своей къ роскоши и блеску, началъ снова мотать. Требованія его сдѣлались непомѣрными и настойчивыми: онъ старался убѣдить меня въ необходимости поддерживать свое достоинство, но, послѣ столькихъ бѣдствій, убѣжденія эти не могли казаться мнѣ непреложными. Я не могла согласиться на его желанія, да и не имѣла права: вы знаете, что покойный батюшка, все что сберегъ, оставилъ не мнѣ, а моимъ дѣтямъ, а меня назначилъ только попечительницею ихъ имѣнія. Эдуардъ сердился, хотѣлъ употребить власть свою, истолкованіе его на мнимую скупость мою перетолковывалось изъ всѣхъ границъ приличій, но я отражала всѣ приступы моимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ. Онъ принужденъ былъ уступить. Зависимость отношеній моза-

Digitized by Google

лась ему несносною. Обращение со мною принядо видъ досады и, даже, озлобленія. Видныя связи, очень сомнительнаго качества, всегда занимали Эдуарда гораздо болѣе чѣмъ семейныя обязанности. Я терпѣла все безъ малѣйшей жалобы и безъ упрековъ: вы знаете мой характеръ и можете мнѣ вѣрить. Мы жили безъ ссоръ, но уже были совершенно чуждые другъ для друга. Заплативъ долги, которые мужъ сдѣлалъ, я приняла мѣры противъ возобновленія подобнаго случаю. Мы ѣхали къ вамъ, и остановились въ Дрезденѣ. Эдуардъ завелъ тамъ знакомства, которыми я могла бы болѣе правомѣрно пользоваться, принялся играть, и принудилъ меня написать къ вамъ, что мы останемся въ Дрезденѣ на всю зиму, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, и явимся сюда только весною. Впрочемъ, и нельзя было двинуться съ мѣста: мой мужъ истратилъ на прихоти своихъ знакомствъ почти всю нашу дорожную сумму. Надобно было ждать присылки денегъ. Между тѣмъ онъ игралъ въ карты и, однажды, выигралъ довольно много. Это дало совсѣмъ другое направленіе его мыслямъ. Онъ хотѣлъ показать мнѣ, что можетъ не зависѣть отъ жены и не нуждается въ ея недоразумѣніяхъ. Его новыя знакомства увлекали въ Парижъ: онъ объявилъ вдругъ, что не поѣдетъ въ Вѣну, что я могу продолжать путь одна, а онъ останется до весны въ Дрезденѣ, гдѣ ему весело, или, смотря по обстоятельствамъ, отправится во Францію. Онъ далъ мнѣ свои деньги на путешествіе, убѣждая поспѣшить къ вамъ. Вы согласитесь, маменька, что тутъ уже нечего было ждать долѣе. Я повиновалась съ перваго слова. Просьбы мои не могли бы перемѣнить его намѣреній. На что полетитъ, куда увлекли его новыя страсти, кромѣ стыда и разоренія не могла я ожидать ничего для себя и для моихъ дѣтей: навѣрное пришлось бы выкупать, изъ отца, ихъ же мотивомъ, тѣ или другія [illegible] сдѣлать свидѣтельницею публичнаго соблазна. Эдуардъ сталъ для меня ужасенъ. Одинъ видъ его заставлялъ

Digitized by Google

меня дрожать. Рѣшите теперь сами, маменька: должна ли я была оставаться долѣе при немъ, противъ его желанія?.... должна ли была удерживать его при себѣ?

Мать глубоко вздохнула.

— До послѣдней минуты, увѣряю васъ, продолжала Анна: мы сохранили наружное согласіе; я сочла нужнымъ употребить всю кротость, все терпѣніе, чтобы не показать мужу того, что уже чувствовала и знала, а именно—что меня покидаютъ. Это было единственное средство отклонить явный разрывъ. Я собралась въ дорогу безъ роптанія. Эдуардъ провожалъ меня до первой станціи отъ Дрездена. Онъ не говорилъ, когда и гдѣ мы увидимся, и я, съ моей стороны, не спрашивала. Мы разстались какъ добрые знакомые. Вотъ вся истина, которой Богъ и моя совѣсть свидѣтели....

Анна принуждена была остановиться: слезы подавляли ея голосъ. Мать не нарушала ни однимъ словомъ своего торжественно-печальнаго молчанія. Спустя нѣсколько времени, Анна присовокупила:

— Я медленно и грустно добралась до Праги, но далѣе не могла ѣхать. Ужасное чувство—быть покинутой мужемъ—разстроило мое воображеніе и здоровье. Я приходила въ отчаяніе, желала умереть, и первое появленіе лихорадки обрадовало меня какъ доска спасенія. Но вскорѣ физическія страданія заглушили бурю души: я вдругъ ощутила мрачное спокойствіе, мало-помалу привыкла къ своему новому положенію, и наконецъ перестала думать о томъ, что случилось. Случай доставилъ мнѣ извѣстіе, что мой мужъ, вскорѣ послѣ моего отъѣзду, поскакалъ въ Парижъ за моей недостойной соперницей: и выслушала это, признаюсь, такъ равнодушно, какъ-будто дѣло шло о постороннемъ для меня человѣкѣ. Я чувствовала, что между нами все кончено. Болѣзнь, однако жъ, при тревожномъ и медленномъ выздоравливаніи, задержала меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Прагѣ. Я не хотѣла писать къ вамъ, добрая маменька, чтобы не опечалить васъ неожиданно

Digitized by Google

моимъ несчастіемъ, и въ той надеждѣ, что горесть ваша будетъ сноснѣе, когда, при личномъ свиданіи, вы раздѣлите ее со мною и я доставлю ей всѣ нужныя объясненія.

Графиня Марія нѣжно прижала дочь къ сердцу и заплакала вмѣстѣ съ нею.

— Я и очень рада, сказала она, что ты уже успокоилась и не требуешь утѣшеній. Я совершенно одобряю твое поведеніе. Сожалѣю только объ одномъ: зачѣмъ ужъ лучше ты не поссорилась въ заключеніе? Надобно было вспылить, сдѣлать сцену, разъиграть трагедію.

— Какъ, трагедію?

— Да такъ!... какъ водится!... какъ исконй принято въ подобныхъ случаяхъ. Кчему эта кротость. Ты говоришь, все кончено: къ несчастію, ничего тутъ не кончено. Послѣ ссоры, послѣ упрековъ, послѣ обнаруженія всей его низости, онъ не смѣлъ бы являться къ тебѣ на глаза: а теперь, какъ вы разстались друзьями, того и жди, что, надѣлавъ глупостей и долговъ, преспокойно протянетъ въ первой бѣдѣ законныя объятія къ своей кроткой овечкѣ, которая, какъ ему навѣрное кажется, ничего не понимаетъ и всегда вдастся въ обманъ. Разлука, конечно — большое несчастіе, но разлука безъ ссоры—большая ошибка! Какъ теперь сдѣлать, чтобы преградить этому негодному человѣку обратный путь къ тебѣ?... Валеріанъ, одинъ, можетъ подать намъ добрый совѣтъ.

— Боже мой! вы хотите, маменька, сообщить ему такую унизительную для меня тайну?

— Тайну, которую уже знаютъ весь Дрезденъ и весь Парижъ, и которую вскорѣ будетъ знать половина Вѣны?... Не забудь, Анна, что съ твоей красотою нельзя нигдѣ остаться не замѣченною, и что пріятельницы Катеньки уже расписываютъ о твоей тайнѣ очень любопытныя записочки. Скрывать такія вещи отъ благородныхъ и умныхъ друзей, которые могутъ намъ помочь, смѣшно и опасно. А впрочемъ не безпокойся: онъ уже знаетъ....

Digitized by Google

— Уже знаетъ? Скоро же по міру ходитъ недоброе!.... Что же онъ думаетъ обо всемъ этомъ?

— То, что долженъ думать всякой умный человѣкъ, который тебя знаетъ.

— Я опасаюсь его состраданія. Презрѣнія его не боюсь. Я чувствую, что тверже перенесла бы его насмѣшки чѣмъ состраданіе. Если онъ сталъ золь или считаетъ себя обиженнымъ, то теперь имѣетъ полный предлогъ надсмѣхаться надо мною. Я гордо попрала его прекрасную любовь: и какъ наказана!... О! да, да! пусть онъ знаетъ, какъ я несчастна. Разскажите ему все, маменька. Нѣкогда онъ понималъ и умѣлъ читать мои побужденія: быть не можетъ, чтобы онъ забылъ ихъ. Но если мое отреченіе отъ его любви было для него полезно, если оно сдѣлало его великимъ человѣкомъ и онъ наполнилъ своимъ именемъ Европу, если новая и неожиданная слава доставила ему минуты высокаго упоенія.... о! пусть же онъ знаетъ, какими страданіями, какими бѣдствіями купила я ему у судьбы все это. Что былъ бы онъ теперь, если бъ я, какъ монастырка, вышла за него, тогда, ничего не разбирая въ человѣкѣ, который мнѣ понравился, все въ женихѣ своемъ находя прелестнымъ, и безотчетно восхищаясь всѣми сластями возлюбленнаго? Вѣрно, это замѣчаніе не-разъ и ему приходило въ голову. Что былъ бы онъ теперь?... мой мужъ, и только! Я хорошо поступила.... Вы правы, маменька, прибавила она, улыбаясь сквозь слезы: изъ такихъ мужчинъ какъ онъ, жаль дѣлать мужей, даже и для себя. Ахъ! если бы, хоть за все что я перенесла для его блага, и что должна еще перенесть, онъ согласился быть мнѣ истиннымъ другомъ.... я была бы еще горда собою, вознаграждена и счастливѣйшая изъ женщинъ....

— Ты еще его очень любишь, я вижу! печально спросила мать.

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣчала Анна. Что только я живу! Мнѣ ли можно было разучиться любить его!

Digitized by Google

Съ той минуты, какъ я узнала, что желаніе сдѣлать-ся-лучшею-мною-передъ достойнымъ тебя любви, кото-рую я къ нему чувствовала, развило въ немъ нѣжную душу, которой прежде не было, душу способную по-мнящую слабости, и возвеличило между людьми, онъ сталъ мнѣ дороже всѣмъ, кого-либо. Всѣ мои страданія ничего не значили въ сравненіи съ добромъ, которое принесла ему первая ихъ причина. Они казались мнѣ долгомъ, потому что ручались за его твердость и счастіе. Если я передъ нимъ виновата, часто думала я, если заслужила наказаніе за ослѣпленіе, которое нанесла ему, такъ пускай буду на-казана: тѣмъ гнѣвнѣе справедливый Богъ умѣетъ меня, тѣмъ болѣе возлюбитъ за то его.....

— Вы неблагоразумно вдались въ восторженности, про-молвила мать.

— Онъ очень естественны въ горѣ и несчастіи, маменька. Онъ — утѣшеніе, даже спасеніе, слабыхъ, страждущихъ душою. Съ этими добрыми чувствами, которыя вамъ кажутся восторженностями, я твердо, спо-койно и, смѣю сказать, безъ пятна, прошла черезъ все это страшное испытаніе, которое небо послало моей слабости. Онъ меня защитилъ отъ всѣхъ соблазновъ и, даже, отъ отчаянія. Я столько же обязана его благо-родной любви, сколько его мнѣ. Мы должны быть друзьями, и если вы это устроите, маменька, я буду вамъ обязана счастіемъ, о которомъ много мечтала, но котораго никогда не смѣла надѣяться....

— Я думаю, сказала графиня Марія, съ примѣтною веселостью: что это сдѣлается само собою, безъ всяка-го устройства. Вы оба, кажется, такъ хорошо расно-ложены другъ къ другу, что навѣрное не поссоритесь съ перваго разу изъ-за пустяковъ. Остальное зависитъ отъ твоего благоразумія.

Анна усмѣхнулась, и разсказала матери о томъ, какъ нашла его въ гостиной и въ какомъ положеніи застала молодаго гостя. Онъ пустился въ разныя одно-

винныя замѣчанія, которыя женщины умѣютъ дѣлать съ такою прелестью насчетъ тѣхъ, кого любятъ.

— Онъ немножко дикарь, сказала взаключеніе графиня Марія. Онъ несчастенъ душою, то есть, душа ему въ тягость, не знаетъ, бѣдный, что съ ней дѣлать и куда ее дѣвать, какъ всѣ неправильныя холостяки, которые до сорока лѣтъ сохранили душу.... ныя у мужчинъ—чрезвычайная рѣдкость. Всѣ люди, среди самаго полнаго внѣшняго благополучія, всегда томятся желаніемъ внутренняго, душевнаго спасія, хотя, обыкновенно, ему не вѣрятъ и не умѣютъ имъ пользоваться, когда оно предстанетъ.

— А онъ такой добрый, такой благородный! приговорила Анна, вздыхая снова. Онъ такъ достоинъ быть вполнѣ счастливымъ, не только во внѣшнемъ мірѣ, но и въ своемъ внутреннемъ, въ которомъ только умная и нѣжная женщина можетъ разлить настоящее блаженство! Ваша дружба, маменька, должна приносить ему большое наслажденіе. Боже мой! чего не сдѣлала бы я для его удовольствія, для его счастія!... все, все на свѣтѣ!...

— Ну! я полагаю, что въ твоей дружбѣ найдетъ онъ несравненно болѣе наслажденія чѣмъ въ моей, замѣтила мать, улыбаясь и призадумываясь.

О чемъ же она думала?.... Читатели—читательницы я не боюсь, онѣ понимаютъ дѣло—читатели: тотчасъ вообразятъ, будто, при этой готовности влюбленной и восторженной дочери сдѣлать все на свѣтѣ для *его* счастія, матери пришли въ голову какія-то странныя наслажденія—не то чтобъ лишнія — для счастія нѣтъ ничего лишняго—а, такъ сказать, не совсѣмъ правильныя въ дружбѣ. Такія мысли не могли даже родиться въ умѣ опытной женщины. Она ничего не боялась, и если читатели боятся, то они, значитъ, не имѣютъ яснаго понятія о разницѣ между любовью и дружбою, о сущности той и другой. Дружба, самая настоящая дружба, можетъ существовать между

Digitized by Google

влюбленными: это несомненно. Любить душою — любить сердцем — любить головою — любить любовью — любить дружбою, это — такія пустыя выраженія, которыхъ и разбирать не стоитъ. Кто любитъ, тотъ любитъ, и всегда любитъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ, головою, то есть, воображеніемъ, то есть, душою. Сердце, самый безчувственный мускулъ въ тѣлѣ, ничего не любитъ, ни ненавидѣть не можетъ: оно совершенно отлично отъ головы, отъ души, отъ воображенія, во всемъ что касается до приписываемыхъ ему ощущеній, желаній, чувствованій. Двухъ душъ нѣтъ въ человѣкѣ: такъ и нѣтъ двухъ способовъ любить всей душою, какъ любятъ въ страстной любви или въ страстной дружбѣ. Обожаніе друга или обожаніе любовницы всегда и во всякомъ случаѣ — одинаковое состояніе души и, относительно къ чувству, между дружбою и любовью нѣтъ различія ни на волосъ. Пламенная дружба, пламенная любовь — чувства совершенно тождественныя, всѣ та же любовь. Но оно можетъ сочетаться, въ людяхъ вообще и въ женщинахъ въ особенности, съ другимъ какимъ-нибудь чувствомъ, напримѣръ, съ любопытствомъ. Исторически извѣстно, что любовь, въ общепринятомъ значеніи этого слова, родилась изъ чистой любви-дружбы черезъ присоединеніе къ ней любопытства. Это — фактъ. Онъ вѣченъ и неизмѣненъ. Основываясь на немъ, очень легко сдѣлать точное, простое и удивительно краткое опредѣленіе любви и дружбы двухъ половъ: любовь съ любопытствомъ, это — любовь; любовь безъ любопытства, это — дружба. Вотъ и все тутъ. Какое же любопытство могло быть у женщины, давнымъ-давно вышедшей замужъ? Ясное, я не умѣю выразиться; но дѣло въ томъ, что за прекрасную Анну нечего было опасаться, и графиня Марія призадумалась совсѣмъ о другомъ. Она, просто, не знала, какъ сказать дочери объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ, — не знала съ чего начать, — и, подумавъ немножко, начала такъ:

Digitized by Google

— Ты говоришь, мой другъ, что все сдѣлала бы для его счастія. О счастіи его и сама я тогда рѣшила. Его надо женить. Можетъ-статься, онъ думаетъ, что, нѣкоторымъ образомъ, я лишила его счастія, тѣмъ, что, безъ меня, ты былъ бы теперь его женою, и знаю, что покойная твоя тётка, его пріятельница, мнѣ одной приписывала всѣ неудачи вашей любви. Это несправедливо, какъ тебѣ самой извѣстно; но можетъ-быть онъ такъ думаетъ до-сихъ-поръ, и потому, я считаю себя какъ бы обязанною теперь замѣнить ему давно потерянное счастіе другимъ, найти, сосватать. У меня составился маленькій планъ. Мнѣ хотѣлось бы женить его на тебѣ самой: милой, прелестной, женщинѣ, ученицѣ, можетъ-быть, не всему тебѣ равной, богатой..... съ которою онъ скоро познакомится и, я увѣрена, подружится. Сюда недавно пріѣхала, молодая вдова, Полина Г***, племянница моей покойной тётки. Ты помнишь объ ней я писала: ее почти прямо изъ института выдали замужъ за большаго человѣка, который обращался съ нею дурно. Это такое — одно изъ непоколебимыхъ ея достоинствъ. Полинька вышколилъ ее отлично, она пріобрѣла опытность въ счастіи горькомъ, и будетъ хорошая жена для человѣка, который восхититъ ее собою; а она въ ужасномъ восхищеніи отъ Валеріана. Она, просто, влюблена въ него. Хорошо, что ты пріѣхала во время. Если ты его такъ любишь и все готова сдѣлать для его счастія..... и..... разумѣется..... если найдешь сама, что Полина Г*** стоитъ его... ты поможешь мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Ему непремѣнно нужно жениться: онъ погибнетъ отъ скуки своей холостой жизни. —

Во время этой мудрой рѣчи, лицо Анны постепенно помрачалось, и при заключеніи она чуть не заплакала. Конечно, можно охотно все на свѣтѣ сдѣлать для счастія обожаемаго друга, но все же съ нѣкоторыми ограниченіями: напримѣръ, очень досадно подѣлиться его счастіемъ съ другою. Что за другъ — милый мужчина!...

Digitized by Google

особенно, мужчина только-что женившійся на молодой и прекрасной женщинѣ!... Къ нему онъ годится? Мужчины должны служить только интересамъ, пока не женаты. Женись, Лиза, сегодня, завтра всѣ женщины найдутъ, что онъ играетъ безъ чувства, и что его длинные волосы ужасны. Привыкнувъ, что Анна молчитъ, онъ присмотрѣлся....

— Какъ ты объ этомъ думаешь, мой другъ?...

— Я думаю, маменька, то же что вы, равнодушно отвѣчала Анна. Но я еще не знаю Полины Ч***. Чтобы составить основательное мнѣніе о такомъ предметѣ, мнѣ нужно очень наблюдать ее..... наблюдать ее.... Уфимку. Если убѣждусь, что она дѣйствительно достойна его и можетъ сдѣлать его счастливымъ.... Но что-то онъ?... добрая маменька? прибавила она съ живостью: время терпитъ. Позвольте очень мнѣ, бѣдной, нѣсколько насладиться его обществомъ, не дѣлясь имъ ни съ кѣмъ другой.

— О! это само-себою разумѣется! сказала графиня Марія, обнимая дочь, огорченную безъ умысла. Я и не думала оцѣнить. Посмотришь, увидишь, и полюбишь сама? Все здѣсь зависитъ отъ тебя.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ пріѣздомъ дѣтей Анны, двухъ прелестныхъ малютокъ, отъ которыхъ графиня Марія пришла въ такое восхищеніе, что на долгое время забыла о всѣхъ своихъ планахъ. Анна, напротивъ, находилась въ самомъ тревожномъ состояніи духа: эта встрѣча, эти планы матери, въ благорастворенныхъ которыхъ нельзя было не согласиться, это новая и нежданная неизвѣстность насчетъ чувствованій и будущей судьбы любимаго человѣка, разстроили ее совершенно. Съ Полиной Ч*** познакомилась она, какъ съ врагомъ, недовѣрчиво и со страхомъ; но вскорѣ увидѣла, что Полина вовсе не коварная и не опасная женщина, — милая, рѣзвая, откровенная болтушка, слишкомъ откровенная, — слѣдовательно, недальновидная и созданная для того, чтобы ее управля-

84636(9)
CANCELLE

на другіе. Черезъ нѣсколько дней знакомства, Полина была уже въ рукахъ Анны, которую легкость этого завладѣнія значительно успокоила. Она убѣдилась, что эта женщина, въ нужномъ случаѣ, можетъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ ея воли и, при всѣхъ своихъ пролестяхъ, никогда не будетъ имѣть большой власти надъ умомъ Валеріана, по-крайней-мѣрѣ власти, вредной для бывшей его невѣсты. Полина, даже, не угадала вовсе настоящаго чувства Анны къ Валеріану, ни обратно. Она вѣрила, что все прошедшее давно кончено, забыто и невозвратимо, — потому что сама неспособна была любить слишкомъ сильно и долго,—какъ и три четверти женщинъ, по-крайней-мѣрѣ,—или, если угодно, какъ всѣ обыкновенныя женщины. Это зависитъ отъ большой нѣжности ихъ существа, простое слѣдствіе которой — необыкновенная подвижность воображенія и неспособность его очень долго удерживать впечатлѣнія. Либихъ почти того мнѣнія, что женское воображеніе—некристаллизирующаяся жидкость въ безпрерывномъ броженіи. Буддійскіе мудрецы утверждаютъ, что мужчина созданъ Хормуздою изъ огня, а женщина изъ воды: подложи огонь подъ воду, она кипитъ, но продолжительнаго кипѣнія не можетъ вынести,—или испарится и улетитъ въ небеса,—или побѣжитъ черезъ края, потушитъ огонь, простынетъ, и прійдетъ снова въ совершенное спокойствіе, какъ-будто ни въ чемъ не бывала, до подложенія новаго огня. Огонь и вода—враги: оттого мужья и жены не могутъ жить въ согласіи. Эти нехристи все на свѣтѣ объясняютъ такимъ образомъ! Однако жъ, въ ихъ ученіи, есть одна дѣльная статья: огонь, говорятъ они, созданъ сіять, освѣщать, жечь, уничтожать и производить, словомъ, творить чудеса: обязанность его—нагрѣвать воду постоянно и такъ искусно, чтобы она всегда кипѣла въ ровной мѣрѣ, не испаряясь, и не проливаясь; тогда и огонь веселъ и вода въ восторгѣ отъ него: любуется на блескъ, и *любитъ огонь*. Когда водѣ посчастливится попасть

Digitized by Google

на такой отличный огонь, то она можетъ кипѣть до безконечности. Взаключеніе, буддійскіе философы допускаютъ, — и нынѣшній Далай-лама написалъ объ этомъ книгу на Тибетскомъ языкѣ,—что между огнями, созданными Хормуздою изъ своего дыханія, есть такіе дрянные огнишки, которые ни свѣтятъ ни жгутъ; они — настоящее мученіе воды, однажды пришедшей съ ними въ прикосновеніе; бѣдная вода, немножко согрѣтая или по-немножку и неровно нагрѣваемая, такимъ ничтожнымъ, темнымъ огонькомъ, ни холодна ни кипятокъ; всѣ надѣется закипѣть, всѣ ждетъ, что еще будетъ веселою, счастливою, и высыхаетъ до дна въ этомъ безплодномъ стремленіи къ наслажденію. *Омъ мани падма!* да сохранитъ великій Хормузда всякую свѣтлую и сладкую воду отъ подобнаго испытанія, потому что изъ воды и создано небо! говоритъ Далай-лама.

Но оставимъ въ покоѣ эти азіатскія умозрѣнія. Я долженъ сказать вамъ, что если положеніе Анны, въ первые дни пребыванія ея въ Вѣнѣ, было довольно мучительное, Валеріанъ тоже не наслаждался отличною веселостью. Встрѣча съ Анной произвела въ немъ сильное сотрясеніе. Природная склонность къ уединенію и задумчивости всегда поддерживали въ душѣ его нѣжную память о той, которая своей красотою и своей любовью озарила его молодость. Онъ былъ увѣренъ, что другой такой женщины не встрѣтитъ на свѣтѣ и что любви для него уже не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Анны, трудно было влюбиться въ другую мужчинѣ, такъ мало матеріальному какъ онъ. Жениться безъ любви онъ не хотѣлъ, находилъ это отвратительнымъ, и онъ рѣшился-было доживать вѣкъ въ холостомъ чинѣ. Въ минуты одиночества, скуки, душевнаго томленія, когда человѣкъ ищетъ въ мірѣ своего воображенія увлекательныхъ образовъ и забвенія настоящаго, образъ Анны являлся ему добровольно и, часто, при этихъ случаяхъ, трогательная слеза собиралась на глазахъ его: онъ чувствовалъ въ

Digitized by Google

сердца неволную привязанность къ исправленной женщинѣ, которая имѣла такое вліяніе на его судьбу, думалъ объ ней съ признательностью и уваженіемъ, сострадалъ къ ея несчастіямъ, любилъ знать все, что до нея касалось, и искренно желалъ ей какого-нибудь утѣшенія. Она была любимымъ предметомъ бесѣдъ его съ Софіей, съ которою онъ такъ часто видѣлся въ послѣднее время. Тайное влеченіе къ Аннѣ сблизило его съ Анной и съ графинею Маріей, хотя съ нею не могло быть подобныхъ разговоровъ. Изъ этого видно, что, не будучи влюбленнымъ въ давнопрошедшую невѣсту, онъ тоже не переставалъ любить ея, даже любить очень-давно, и что въ душѣ сдѣлалась вся приготовленія къ тому, чтобы опять влюбиться при первомъ удобномъ случаѣ. Эта бѣда съ нимъ и приключилась. Нѣсколько минутъ свиданія воскресили всю прежнюю страсть, и онъ почувствовалъ себя несчастнымъ! Подобное увлеченіе, въ положеніи Анны, не могло принести ему ничего кромѣ страданій: онъ зналъ это, и приходилъ въ отчаяніе, что не можетъ преодолѣть склонности, съ которою уже сроднился. Совѣтъ графини Маріи—прибѣгнуть къ спасительнымъ дружескаго союза двухъ душъ—казался ему мудрымъ, и онъ рѣшился принять предложеніе немедленно, какъ единственное средство къ успокоенію и себя и Анны. «Не оставляйте сиротъ!» были послѣднія слова матери. Вспомнивъ ихъ, Валеріанъ не могъ уже и колебаться долѣе: онъ самъ пошелъ къ Аннѣ, они безъ всякихъ объясненій подали другъ другу руку, и черезъ пять минутъ были уже такая пара, какихъ нѣтъ примѣру во всей древней исторіи.

Здѣсь я хотѣлъ распространиться о великомъ между философами вопросѣ, дружбѣ между лицами двухъ различныхъ половъ. Многія читательницы вѣроятно и ожидаютъ отъ меня полной диссертаціи о такомъ важномъ предметѣ. Но, собравшись одинъ, другой, я не вижу, что тутъ можно сказать новаго, послѣ буддійскихъ мудрецовъ, которыхъ теорія о водѣ и чаѣ

Digitized by Google

утверждена самимъ Далай-ламою, и после нашего опредѣленія любви и дружбы. Любовь безъ любопытства!... и дѣлу конецъ. Всякая любовь можетъ быть дружбою, какъ скоро къ ней не примѣшивается любопытство, безпокойное чадо воображенія, пытка и кукла роду человѣческаго. Стоитъ только не давать воли воображенію, — а въ большей части случаевъ это такъ легко!—и при любви, дружба готова. При дружбѣ точно такъ же готова любовь, когда злой духъ возбуждаетъ воображеніе, подстрекая любопытство. Въ раю, любовь была дружбою, пока была чистою. Очистивъ помножимъ любовь, такъ чтобы она опять была дружбою, каждые два человѣка могутъ еще возсоздать для себя рай на землѣ. Умныя женщины совершенно правы, предпочитая пробные дружбу любви: чувство — то же; восторгъ, очарованіе, внутреннее самодовольствіе, сладкія вибраціи сочувствія, блаженство — тѣ же; словомъ, настоящая любовь безъ всѣхъ неудобствъ и тяжестей любви.

Но полно разсуждать. Приступимъ къ фактамъ. Анна и Валеріанъ, въ садахъ своей прекрасной дружбы, были счастливы какъ въ раю. Сколько любопытныхъ, занимательныхъ, трогательныхъ вещей могли они умно, мило, но спокойно разсказать каждый разъ другъ другу изъ исторіи своего сердца и своей души! Блаженство этихъ волшебныхъ бесѣдъ было достойно неразлучно пройти весь путь на свѣтѣ. Каждый изъ двухъ принялъ живѣйшее участіе во всемъ, что касалось другого, былъ самымъ внимательнымъ его слушателемъ, самымъ милымъ его разсказчикомъ, самымъ острымъ угадчикомъ его мыслей, самымъ тонкимъ предупредителемъ его желаній, нуждъ и удовольствій. Почему жъ это не рай!... Прибавьте, что ихъ свиданія, ихъ прощанія, не были ни слишкомъ часты, ни слишкомъ продолжительны, что никто изъ нихъ не выѣзжалъ, какъ другой, отвозить и Турки закрыть свою земной рай, со всѣми своими волшебствами, съ л

бовью, со счастіемъ, съ кейфомъ, исчезъ отъ перваго звѣка!

Счастіе Анны, однако жъ, не было совсѣмъ безоблачно. Самъ Валеріанъ нагналъ на него тучу. Графиня Марія требовала отъ него совѣту насчетъ мѣръ, которыя надлежало принять, чтобы обезпечить Анну отъ возвращенія къ ней Эдуарда со срамомъ и долгами, и Валеріанъ, привыкшій брать все приступомъ, рѣшилъ, что надо просить о разводѣ: законныя поводы были въ ея пользу; Эдуардъ бросилъ жену, не даетъ о себѣ знать, ведетъ жизнь неприличную, подаетъ соблазнъ. По мнѣнію Валеріана, эти поводы слѣдовало употребить въ дѣло безъ отлагательства, потому что они исчезнутъ, если мужъ вдругъ проиграется и будетъ принужденъ искать у жены прибѣжища. Валеріанъ настаивалъ на разводѣ. Но время текло, графиня говорила что ей нужно постепенно приготовить дочь къ такой важной мѣрѣ, и прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ безъ всякаго рѣшенія. Одна мысль объ этомъ ужасала Анну: она не хотѣла отнять отца у своихъ дѣтей, не хотѣла вайѣщать опасный семейственный примѣръ дочери, опасалась быть принужденною, при разводѣ, видѣть своего сына безнравственному отцу, будучи увѣрена что онъ непремѣнно потребуетъ своего любимца. Графиня Марія совсѣмъ не была противницею развода, хоть почитала эту крайность большимъ несчастіемъ для семейства: она наконецъ дала уразумѣть дочери, что когда Валеріанъ такъ горячо желаетъ полнаго ея освобожденія, то онъ вѣроятно готовъ самъ на ней жениться. Этихъ словъ было достаточно чтобы произвести страшную бурю въ душѣ бѣдной Анны. Должна ли она еще разъ отказаться отъ единственнаго въ мірѣ счастія — для дѣтей — для своего долгу — для самого Валеріана? Съ дѣтьми и съ долгомъ можно бы какъ-нибудь сдѣлаться, но существующимъ на подобный случай приговоромъ. Она не перестанетъ быть для нихъ обращенною матерью. Въ знаменитомъ своемъ отчаяніи она ни-

Digitized by Google

ли бы и лучшій примѣръ и вѣрнѣйшую опору, чѣмъ въ такомъ отцѣ какъ Эдуардъ или чѣмъ въ покинутой, беззащитной матери. Но Валеріанъ?... Онъ, конечно, изъ любви къ ней, пріметъ чужихъ дѣтей великодушно и будетъ имъ нѣжнымъ отцомъ: но не обременятъ ли они его?..... онъ не богатъ; слава далеко не увеличила его состоянія..... будетъ ли онъ счастливъ съ этою прибавкою заботъ? не огорчатъ ли эти дѣти его когда-нибудь своимъ поведеніемъ? не станутъ ли со-временемъ ненавидѣть собственныхъ его дѣтей, не внесутъ ли въ домъ неудовольствій, завистей, раздоровъ?.... О! отказаться слишкомъ трудно! Но согласиться не легко для совѣстливо любящей души, которая чувствуетъ всю обширность своихъ нравственныхъ обязанностей. Анна провела нѣсколько дней въ самомъ мучительномъ бореніи съ самой собою: она плакала, впадала въ отчаяніе, и даже мудрость матери не могла тутъ ничего помочь; напротивъ, еще увеличивала пытку, потому что графиня Марія, взамѣнъ каждой важной невыгоды, находила по два десятка маленькихъ, но весьма пріятныхъ выгодъ въ послѣдованіи совѣту Валеріана. Нѣсколько дней сряду была она грустна и молчалива въ его присутствіи, и онъ тщетно старался вывѣдать причину этого состоянія. Но, однажды, когда имъ удалось провести весь вечеръ безъ свидѣтелей—втроемъ—онъ, она, и дружба—въ этотъ длинный какъ книга, короткій какъ счастіе вечеръ, который остался незабвеннымъ въ лѣтописи человѣческаго сердца,—словомъ, однажды, когда Анна вышла къ нему съ заплаканными глазами и съ блѣднымъ лицомъ, измученнымъ безсонницею, онъ, отъ имени дружбы и всего что для нихъ было свято, потребовалъ доставить доказательство полной и безусловной довѣренности, заклиная ее спокойствіемъ всей своей жизни.

— Хорошо, сказала она: я ничего не утаю, но эта

Digitized by Google

откровенность будетъ послѣднимъ роковымъ приговоромъ всему моему счастію.

— Что вы это говорите, мой добрый другъ? вскричалъ встревоженный Валеріанъ, судорожно схвативъ ея руку. Во мнѣ ли вы сомнѣваетесь?

— О! нѣтъ! Напротивъ, все горе въ томъ, что я не могу въ васъ сомнѣваться.

— Такъ горя для васъ нѣтъ ни какого, пока я живъ. Говорите теперь все. Я за все отвѣчаю. Я теперь ужъ не отстану. Вы молчите?..... Такъ постойте же: я понимаю, что для васъ трудно произнесть первое слово. Лучше, стану говорить я за васъ. Вы озабочены моимъ настойчивымъ предложеніемъ развестись съ вашимъ недостойнымъ мужемъ?

— Вы этого желаете непремѣнно?

— Непремѣнно, нѣтъ; но если вы меня любите,

— Если я васъ люблю! Такъ это ужъ не совѣтъ друга, а приговоръ судьбы? Мнѣ остается только слѣпо повиноваться?

— Какъ-скоро это слово — для васъ судьба, то покоритесь ему какъ судьбѣ. На этотъ разъ, особенно когда мы сами пріймемся дѣлать для себя судьбу, судьба можетъ-статься будетъ благосклоннѣе и справедливѣе къ намъ обоимъ.

— Великодушный человѣкъ! сказала Анна, устремляя на него свои чудесные глаза, покрытые блестящею слезою страсти, признательности и печали: вы хотите дать пристанище любви и блаженства женщинѣ обезславленной, покинутой, преслѣдуемой; существу предназначенному быть всегда....

— Не употребляйте этихъ словъ со мною, Анна! съ ужасомъ возразилъ Валеріанъ. Вы для меня, до-сихъ-поръ, та же, безъ всякихъ измѣненій, какою были, когда я васъ оставилъ.... когда вы меня отвергли.....

— Для вашего же блага....

— Согласенъ. Но вы видите, что я исправился. Я теперь..... не *малодушный*.

Digitized by Google

— Но..... зато..... жестокій, замѣтила она, прелестно улыбаясь.

— Да еще и злопамятный, прибавьте, примолвилъ Валеріанъ весело: ничего не забылъ!.... даже того какъ вы удивительны, какъ прекрасны.... и умомъ, и сердцемъ, и всѣмъ, какъ невыразимо можно быть счастливымъ съ вами.

— Счастливымъ!.... со мною!..., грустно повторила она, съ выраженіемъ горькаго сомнѣнія.

— Что это значитъ, Анна? вскричалъ встревоженный Валеріанъ. Неужели, если бъ вы были теперь свободны, вы отвергли бы меня во второй разъ?

Несчастная женщина зарыдала и, упадая къ нему на грудь почти безъ чувствъ, произнесла тихо, едва внятнымъ, голосомъ:

— Отвергла бы.....

Валеріанъ былъ пораженъ какъ громомъ. Изумленный, дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ, онъ употреблялъ всѣ усилія дружбы, нѣжности, участія, чтобы успокоить ее и получить объясненіе этого страшнаго слова. Но она, задыхаясь отъ плачу, говорила только: «Для вашего счастія!.... потому что слишкомъ люблю васъ!..... не помрачу такой прекрасной жизни!.... умру...., простите меня!» Бѣдный отверженный плакалъ вмѣстѣ съ нею, цѣлуя голову своего убійцы, прижимая друга къ сердцу, и не понимая, за что получилъ отъ него новый ударъ. Наконецъ, Анна пришла постепенно въ себя и могла отвѣчать на его вопросы.

— Ваша маменька вчера еще говорила мнѣ, что вы согласны на разводъ?

— Если нужно.... я буду просить о разводѣ..., но что жъ изъ этого?.... вы сожалѣли бы потомъ сами, что подали мнѣ такой совѣтъ.

— Я не могу сожалѣть ни въ какомъ случаѣ, потому что не могъ подавать его иначе какъ только съ цѣлью, которая не терпитъ двухъ поясненій, выходя изъ устъ

Digitized by Google

человѣка, благороднаго и постигающаго всю важность такого совѣту.... и которую вы должны были понять тотчасъ.

— Я поняла.... сначала, не хотѣла вѣрить сама своему счастію.... такъ оно велико!... мысленно поцѣловала ваши руки изъ благодарности.... но я поняла также.... О! мой другъ! когда вы нашли меня сегодня въ такомъ разстроенномъ и жалкомъ видѣ, это значило, что я вполнѣ измѣрила бездну моихъ несчастій и, въ отчаяніи, прорыдала цѣлую ночь, сообразивъ все и убѣдясь окончательно, что не могу составить вашего счастія.... что цѣной вашего покою я не должна покупать для себя блаженства....

— Моего покою?.... Я не вижу, чѣмъ тутъ мой покой нарушится такъ жестоко? Я, слава Богу, не ребенокъ, и знаю, что кто желаетъ имѣть жену, тотъ долженъ немножко побезпокоиться, а кому небо пошлетъ такую жену какъ вы, тотъ и очень можетъ подвергнуть себя нѣкоторымъ безпокойствіямъ: онъ слишкомъ щедро награжденъ за нихъ впередъ.... Вы, конечно, говорите о своихъ дѣтяхъ; о томъ, что они не слишкомъ богаты и, вѣроятно, будутъ бѣдны, потому что большую часть ихъ имѣнія прійдется уступить отцу ихъ для полученія разводу; о томъ, что мое состояніе также невелико, а я, по любви къ вамъ, захочу воспитать, содержать и пристроить ихъ прилично званію ихъ матери и моему наравнѣ съ..... прочими..... (Поцѣлуй въ ручку) что это можетъ мнѣ быть въ тягость..... Не бойтесь, милая Анна: я не пропаду. Богатымъ я никогда не буду, потому что не къ тому стремлюсь, да и не умѣю стремиться: различіе въ состояніяхъ, у вашихъ и нашихъ дѣтей, не могло бъ быть поводовъ къ взаимной зависти; всѣ они были бы равно богаты — богаты честною умѣренностью и нашею любовью.

— Благодарю васъ, добрый другъ. Я была въ томъ увѣрена. Но не то хотѣла я сказать, хотя много размышляла о нашихъ общихъ средствахъ. Я знала

Digitized by Google

напередъ, что передъ такого роду затрудненіями ваше великодушіе и ваша любовь не остановятся, и это — послѣдняя статья, на которую желала я обратить ваше вниманіе. Не станемъ говорить объ ней: лишнія издержки могла бы я вознаградить вамъ порядкомъ, заботливостью, попеченіями о домѣ. Даже трудъ, если бы онъ былъ нуженъ, не страшенъ для меня: я уже была въ нищетѣ. Но есть другія, гораздо важнѣйшія уваженія, которыхъ моя любовь не можетъ упустить изъ виду. Выслушайте меня.

— Слушаю, сказалъ Валеріанъ уныло.

— Я опасная женщина.

— Ужасно!

— Не шутите. Мое лицо зловѣщее.

— Вотъ этого я и не примѣтилъ! Въ самомъ дѣлѣ?.... Позвольте взглянуть.....

Онъ вдругъ посмотрѣлъ ей въ глаза такимъ выразительнымъ, такимъ свѣтлымъ и умнымъ взоромъ любви, удивленія, восторгу, что она затрепетала отъ сладости, потеряла память, и опустила голову на его плечо. Дыханіе сперлось въ груди. Она не могла говорить. Валеріанъ съ жаромъ цѣловалъ ея руку.

— Зловѣщаго рѣшительно ничего нѣтъ, произнесъ онъ спокойно, взаключеніе.

Анна молчала.

— Кромѣ красоты, похвалы которой вамъ уже наскучили, я не вижу въ лицѣ вашемъ.....

— Не смотрите на меня такъ, въ другой разъ, прервала она тихимъ, полнымъ нѣги голосомъ: я не выдержу, и сдѣлаю васъ несчастнымъ.....

— И безъ того уже вы дѣласте меня довольно несчастнымъ.

Она вздохнула.

— Хуже настоящаго быть не можетъ, примолвилъ онъ печально.

— О! не говорите! въ тысячу разъ можетъ быть хуже! сказала она, вдругъ опомнившись. Какъ, кромѣ красо-

Digitized by Google

ты, вы въ лицѣ моемъ ничего не видите?... Если еще остался какой-нибудь слѣдъ ея, онъ долженъ быть мнѣ дорогъ, потому что это—слѣдъ того, чѣмъ я некогда обратила на себя ваше вниманіе. Но я васъ увѣряю, что въ моемъ лицѣ есть что-то недоброе: оно привлекаетъ бѣду изъ-подъ земли, какъ магнитъ—желѣзо. За мною слѣдуютъ несчастія всюду, куда я ни повернусь. Домъ, въ которомъ я живу, уже означенъ пальцемъ рока. Не придумаешь, откуда берутся мерзости, ужасныя исторіи, клевета, гоненія, горе.....

— Вы слишкомъ много страдали отъ злобы и глупости людей за свою удивительную, идеальную красоту, замѣтилъ Валеріанъ, и поэтому вамъ кажется.....

— А вы ни сколько не страдали отъ нихъ же за свой необыкновенный умъ, за свой геній? съ живостью прервала она. Можете ли сказать, что и теперь не страдаете по той же причинѣ? что вы не окружены враждою? что подъ вами не роется зависть и клевета? что посредственность не составляетъ противъ васъ во мракѣ кововъ и заговоровъ?

Валеріанъ вздохнулъ въ свою очередь, не отвѣтивъ ни малѣйшаго слова.

— Нѣтъ, мой единственный, несравненный другъ! продолжала она съ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Я не присовокуплю моего горя къ вашему, чтобы вы страдали вдвойнѣ. Я — женщина обезславленная: не запятнаю вашего порогу моей нечистой ногой, не свалю на ваше прекрасное имя всей грязи, которую люди набросали на мое, не сдѣлаю васъ предметомъ насмѣшекъ для легкомысленности за покровъ, который вы распрострете надо мною, не уменьшу собою уваженія, которымъ вамъ обязаны даже и враги ваши. Вокругъ меня кипятъ вражды, ненависти, мщенія: хотите ли, чтобы я принесла вамъ ихъ въ приданое? чтобы я, которая люблю васъ въ тысячу разъ болѣе себя, ставлю выше всего въ мірѣ, обожаю, добровольно повергла мой идолъ въ подлую борьбу съ ними? чтобы васъ преслѣдо-

Digitized by Google

вали еще и за меня? чтобы даже на васъ указывали пальцами за то блаженство, которое вы мнѣ подарите? Нѣтъ, нѣтъ, я не достойна быть вашей женою!.... теперь ужъ не достойна!.... Вамъ нужно чистое имя, которое было бы подъ пару вашему. Мое слишкомъ затаскано безсовѣстною наглостью людей.....

Она горько заплакала. Валеріанъ тихо жалъ ея руку и смотрѣлъ на нее съ глубокимъ соболѣзнованіемъ. Онъ не смѣлъ говорить изъ уваженія къ ея добродѣтельной и святой горести.

— Ахъ, мой другъ! сказала она утирая слезы: кто столько перенесъ въ жизни за то, что вы у меня называете красотою, тотъ долженъ подумать дважды, прежде чѣмъ отдастъ себя любимому человѣку—и еще какъ любимому!.... Помните ли ваше прекрасное и поэтическое сравненіе, которое меня такъ восхищало, сравненіе большой женской красоты съ большимъ мужскимъ геніемъ? Оно, можетъ-быть, справедливо; эти двѣ вещи очень сходны между собою: но какая, въ то же время, ужасная разница между ними! Вашъ геній мощенъ, силенъ; наша красота — слаба и беззащитна. Тотъ производитъ все благое на землѣ; другая разсѣваетъ только зло и горе какъ изъ Пандорина ящика — куда ни ступитъ ногой, новый гробъ растетъ — какъ подъ ногами Чумы поэта — гдѣ ни мелькнетъ, кипятъ всѣ звѣрскія страсти, вспыхиваютъ раздоры, увядаетъ счастіе. Я понимаю, какимъ образомъ многіе народы нѣкогда сочли женщину серіозно началомъ зла: они думали о женщинѣ какъ о представительницѣ идеальной красоты. Страшный даръ для такого нѣжнаго существа какъ женщина! Пагубная игрушка! Всякое дыханіе падаетъ на блескъ ея ѣдкимъ пятномъ. Человѣкъ носитъ для ней въ сердцѣ только..... сумасбродное обожаніе и остервененіе разъяреннаго тигра. О! сколько я вытерпѣла за нее! сколько бѣдствій разлила она вокругъ меня? Да и что принесла она мнѣ въ супружествѣ? Эдуардъ глупъ, это правда: но я чувствую сама, что большую

Digitized by Google

часть его глупостей вызвала моя несчастная красота, усиливъ и подстрекая его тщеславіе. Для полноты моего униженія недоставало только того, чтобы эта красота встрѣтила срамъ въ той самой оградѣ, которая должна была служить ей защитою, въ нѣдрахъ самаго брака. Судьба не забыла послать мнѣ и это. Повѣрите ли?.... вамъ могу я открыть то, чего не смѣю сказать родной матери..... повѣрите ли, что мой мужъ..... дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу при одномъ воспоминаніи о такой низости..... что когда мечты его самолюбія стали оказываться пустымъ дымомъ, когда надежды его были одна за другой обмануты, онъ вдался въ искушеніе употребить мою красоту орудіемъ къ своему возвышенію и запуталъ-было меня въ такія сѣти, изъ которыхъ я едва спаслась, примѣтивъ погибель уже на краю ея.....

— Мерзавецъ! подумалъ Валеріанъ, съ негодованіемъ, между-тѣмъ какъ Анна продолжала:

— Съ той минуты между нами все было кончено. Я гнушалась его какъ гада, и можете быть увѣрены, что теперь, когда, къ счастію, собственная вѣтренность этого ужаснаго человѣка унесла его отъ меня, никогда рука моя не коснется его руки, никогда взоръ такого мужа не упадетъ на то безсильное но гордое чело, которое онъ сбирался помазать срамомъ въ пользу своего честолюбія. Я чувствую къ нему омерзеніе!... О прочихъ его поступкахъ не говорю: я забыла ихъ въ презрѣніи, котораго они заслуживаютъ. Таковы были для меня, въ бракѣ, выгоды той красоты, которую столько женщинъ легкомысленно мнѣ завидовало. Кончились ли мои несчастія? Достигла ли я уже предѣла мученій, которыя она доселѣ мнѣ причиняла? О! далеко нѣтъ! Вражды, ненависти, мщенія, не утихнутъ, когда уже и слѣда яблока раздору не станетъ: они слишкомъ глубоки и слишкомъ многочисленны. Гоненіе пойдетъ еще и за моимъ гробомъ на кладбище: самолюбія злопамятны; легкомысленность всегда дѣ-

Digitized by Google

ятельна. Я знаю что̀ меня ждетъ! Мои дѣти, для которыхъ я только и дышу воздухомъ, будутъ меня стыдиться и ненавидѣть: клевета и преслѣдованіе доползутъ до нихъ подъ личиною участія, мои палачи взбунтуютъ ихъ противъ меня, самъ отецъ ихъ, а когда отца не станетъ, то его родственники, друзья, товарищи разврату, научатъ ихъ быть моими злодѣями, помогутъ имъ обременить меня упреками и огорченіями, исторгнуть предназначенное имъ имѣніе изъ моихъ рукъ, довести мать до униженія и нищенства. Моя дочь, эта милая крошка, которую вы такъ любите, но, которой, какъ кажется, не суждено быть красавицей, уже и теперь меня не любитъ: ни какими нѣжностями я не могу внушить ей привязанности къ себѣ. Вижу ясно, что въ ней растетъ — первый и самый опасный врагъ мнѣ. О! я это предчувствую — послѣднія слезы моей жизни будутъ слезы матери, растерзанной неблагодарностью дѣтей..... Могу ли я принять васъ, моего ангела, въ долю по такой печальной будущности? Смѣю ли ввести въ вашъ домъ, среди вашихъ добрыхъ дѣтей, такое опасное прибавленіе къ семейству, каковы дѣти Эдуарда? Какой подадутъ они примѣръ тѣмъ, которыхъ Богъ дастъ нашей любви? какое доставятъ вамъ утѣшеніе? Охъ!... умоляю!... прогоните меня отъ себя? оставьте мнѣ одной нести крестъ, къ которому я приговорена судьбою! не берите его на свои невинныя плеча: на немъ постыдная и мучительная погибель! Я — несчастіе, Валеріанъ! не дотрогивайся до меня! оттолкни меня отъ себя!... я не въ силахъ отстать сама.... оттолкни!

Валеріанъ, напротивъ, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ самыя губки, на которыя изъ глазъ его упали двѣ крупныя слезы. Анна совсѣмъ и не защищалась. Отъ чего жъ тутъ защищаться!.... Онъ хотѣлъ что̀-то сказать. Она закрыла ему ротъ своей чудесной ручкою. Онъ поцѣловалъ и это.

— Не говорите!... Я не въ силахъ.... Я совершенно

Digitized by Google

въ вашей власти. Вамъ стоитъ только протянуть руку и взять меня: но, заклинаю васъ, не берите!... Не говорите, не говорите ни слова! Не хочу слушать! Голова и безъ того ходитъ у меня кругомъ. Скажете слово, и я.... погублю васъ! Позвольте мнѣ, свѣтлая звѣзда моя, изъ-дали обожать васъ и молиться о вашемъ спокойствіи: для меня и это—слишкомъ много счастія! Подарите мнѣ навсегда свою дружбу. Она моя—честь, мой рай на всю остальную жизнь. Дайте мнѣ слово, что о другомъ никогда не упомянете.... что откажете мнѣ, если бы я, быть-можетъ, завтра стала предлагать вамъ сама.... потому что я за себя не отвѣчаю! Пріидетъ ночь, я опять проплачу до утра: знаю, что буду въ отчаяніи, буду сожалѣть.... но я полагаюсь на вашу твердость.... Не правда ли, мы навсегда, навсегда, останемся друзьями?

Валеріанъ, въ отвѣтъ, осыпалъ ея руку кругомъ поцѣлуями, длятого чтобы скрыть свою улыбку и не говорить, пока она совсѣмъ не успокоится. Этой улыбки Анна не примѣтила, и, среди ласкъ, продолжала уже небрежнымъ тономъ, съ очаровательною беззаботностью самаго дружескаго изліянія души, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какъ-будто бы изнемогала отъ наслажденія и болтала только для потѣхи:

— Друзьями! Я такъ свободно говорю объ этомъ великомъ счастіи, какъ-будто родилась не подъ своей звѣздою. А я знаю, что лишусь и его! Даже предчувствую, что лишусь вашей сладкой дружбы по какому-то ужасному случаю. Всѣ мои несчастія я предчувствовала за долгое время; этотъ зловѣщій даръ—ужаснѣйшее изъ моихъ мученій. Кассандра—не басня. Я вѣрю, что она существовала, и многія женщины, судя по себѣ, должны вѣрить подобно мнѣ. Когда одна и та же мысль, обыкновенно печальная, станетъ возвращаться періодически, въ извѣстное время, это у меня—вѣрный признакъ, что она сбудется. Давно ли я въ Вѣнѣ?.... Сама не помню... Кажется, третій или четвертый мѣсяцъ?

Digitized by Google

Это время, благодаря вамъ, мой добрый другъ, пролетѣло для меня какъ молнія, въ упоеніи и радости, какихъ я никогда не ощущала. Я даже и Вѣны не примѣтила. А между-тѣмъ Вѣна уже примѣтила меня! Никуда не ѣзжу, ни съ кѣмъ не знакома, видѣли меня всего только два или три раза на гуляньѣ въ Пратерѣ, и уже всѣ знаютъ обо мнѣ, уже что-то такое говорятъ.... сестра не хочетъ сказать, что..... Не то ли, что недавно видѣла я во снѣ? Поздно вечеромъ, послѣ того какъ вы ушли.... мы въ тотъ вечеръ много говорили съ вами о сладостяхъ нашей дружбы.... когда я ложилась спать, мнѣ отдали съ почты письмо, изъ нашего отечества, отъ одной моей знакомки. Я начала читать. У меня вдругъ зарябило въ глазахъ: всѣ цвѣта радуги замелькали на бумагѣ, и каждое слово казалось написаннымъ другими чернилами. Въ третьей строчкѣ было слово «*дружба*»: буквы его всѣ явились мнѣ красными. Я не могла дочитать до конца, бросила письмо и потушила свѣчи. Во снѣ я увидѣла, будто читаю это письмо и знакомка моя пишетъ, что она знаетъ все: въ Вѣнѣ мнѣ очень весело, я открыто живу съ любовникомъ, именно, съ вами, и поѣздка моя къ матери—вещь условленная; мы заранѣе согласились съѣхаться съ вами здѣсь, у маменьки, которая потворствуетъ нашей интригѣ, а мужу дали денегъ и отправили бѣдняжку въ Парижъ. Я проснулась въ испугѣ, съ глазами въ слезахъ. Уже было свѣтло въ комнатѣ. Въ письмѣ, сколько я помнила, не упоминалось ничего подобнаго. Мнѣ тотчасъ всѣпало на мысль, что это, вѣрно, та самая исторія, которой Катенька не хочетъ сказать.... та, которую теперь разсказываютъ въ Вѣнѣ. Со мной другихъ и не бываетъ!... Мигомъ сочинятъ цѣлый романъ глупостей, и такъ хорошо подберутъ обстоятельства, что, не въ добрый часъ, можно самой на себя всему повѣрить. Я взяла письмо: у меня снова начало рябить въ глазахъ, и то же самое слово «дружба» опять представилось мнѣ краснымъ.... ка-

Digitized by Google

кого-то кроваваго отливу. Съ трудомъ могла я прочитать его до конца. Вижу, вздоръ! въ письмѣ и помину нѣтъ о нашей интригѣ!..... Бьюсь объ закладъ, что это — Катенькина исторія! Не хочу только разспрашивать, потому что заботливая сестрица ничего не можетъ разсказать, чтобъ не прибавить своихъ милыхъ замѣчаній, которыя всегда злѣе самой злобы и огорчаютъ меня болѣе чѣмъ клевета постороннихъ. Объ исторіи я скоро забыла; но эти кровавыя буквы слова «дружба» поразили меня съ тѣхъ поръ тягостнымъ предчувствіемъ, неотвязною мыслью о крови, которая, вотъ уже третій разъ предстаетъ передъ меня первая поутру, когда я просыпаюсь. Во снѣ являются мнѣ гробы, кладбища, мертвыя головы. Я вижу несчастіе! У меня отнимутъ твою дружбу. Я погибну.... Addio, mio dolce bene!

Она произнесла эти послѣднія слова такъ хладнокровно, съ такимъ страшнымъ спокойствіемъ, что Валеріанъ ужаснулся. Рука его случайно коснулась ея лица, брошеннаго небрежно на подушку оттомана: уши, лобъ и носъ Анны были холодны какъ ледъ, изъ глазъ, неподвижно устремленныхъ въ потолокъ, тихо текли слезы, блѣдная кожа щекъ мерцала мелкими каплями росы, какъ, въ утреннее время, поверхность мраморной статуи. Въ этомъ состояніи болѣзненнаго раздраженія, при классической, истинно художественной красотѣ всѣхъ чертъ и формъ, она дѣйствительно походила на Праксителеву статую прорицающей Кассандры, — если только искусство можетъ состязаться съ природою въ осуществленіи типовъ совершенства. Рука Валеріана прошла по ея лицу и шеѣ: она не чувствовала этого и, не перемѣняя положенія, продолжала, въ забытьѣ:

— Бѣгите меня!....

«Per me si va nella città dolente,
Per me si va nel eterno dolore..... *»

* Черезъ меня — дорога во градъ скорбящій! Черезъ меня — дорога въ печаль безконечную!» Начало надписи на воротахъ ада, у Данте.

Digitized by Google

Валеріанъ вскочилъ съ своего мѣста, приподнялъ голову одной рукою и, обвивъ другою плечи, посадилъ Анну прямо.

— Ну, теперь ужъ полно! сказалъ онъ, крѣпко поцѣловавъ своего страшнаго друга: видите, я до-сихъ-поръ не прерывалъ васъ, слушалъ со вниманіемъ; сердце у меня разрывалось, но я молчалъ, благоговѣя передъ вашею святою скорбью и удивляясь красотамъ вашей души. Далѣе слушать не хочу. Вы больны, ваши нервы сильно разстроены, воображеніе доведено страданіемъ до страшнаго напряженія воспріимчивости. Вамъ надо успокоиться.

Она безчувственно посмотрѣла на Валеріана. Потомъ глаза ея вдругъ заблистали любовью, она бросилась къ нему на шею, судорожно прижалась къ груди и вскричала:

— Ахъ! я съ ума сойду!.....

Спустя минуту, руки ея добровольно упали и она снова погрузилась въ нервическое изнеможеніе.

— Развеселись, мой чудесный другъ, нѣжно говорилъ ей Валеріанъ: перестань думать о прошедшемъ, брось эти мрачныя мысли, эти предчувствія, всѣ эти горькія наслажденія отчаянія; имѣй болѣе упованія на конечное торжество блага и добродѣтели, и не говори мнѣ впередъ такихъ вещей: я не стану ихъ слушать.... Сегодня я не хочу объясняться съ тобой: ты, бѣдная моя Анна, не въ такомъ положеніи, чтобы.....

— Не брани меня!.... прервала она тихимъ голосомъ. Вѣдь ты требовалъ отъ меня полной довѣренности.... безусловной откровенности.... я открыла тебѣ всю мою душу.... всю.... Въ ней темно и страшно: не правда ли?.... Хочешь на мнѣ жениться: такъ долженъ знать что я за женщина!.... Напоившаяся здѣсь.... (Она положила руку его на своемъ сердцѣ).... горечь обидъ разлилась по всему существу моему.... Я ужасно перемѣнилась: теперь во мнѣ не узнаешь своей Анны-

Digitized by Google

невѣсты!.... Гдѣ то время? Какъ теперь къ нему воротиться?....

— Не бойся, мой добрый ангелъ, воротимся, воротится и то время, само, будешь еще весела, будешь еще блаженствовать и благодарить Бога за жизнь, которая теперь представляется тебѣ бременемъ: я.... отвѣчаю за твое счастіе. Только не плачь сегодня ночью: усни спокойно, съ моей любовью, а завтра прійдутъ другія мысли, и все устроится....

— Едва-ли!

— Я.... говорю, что все устроится. Въ израненномъ состояніи души, тебѣ нельзя вѣрно судить о вещахъ, слишкомъ близко касающихся сердца. Огорченіе всегда преувеличиваетъ. Ты должна слушаться меня, исполнять, что я скажу: я смотрю на все съ большимъ хладнокровіемъ. Обѣщаешь слушаться лучшаго своего друга?

— Не бери меня! вскричала она, сильно сжавъ его руку.

— Возьму!... ты принадлежишь мнѣ,... одному мнѣ! отвѣчалъ Валеріанъ съ нѣжною твердостью.

— Будешь сожалѣть!

— Это ужъ мое дѣло.

— Люди завидять тебя за меня!

— Я теперь умѣю бить людей.

— Но сама я—несчастіе!.... я—начало зла!.... Страшись меня!

— Я не боюсь несчастія. Уже имѣлъ я честь сказать тебѣ, что теперь я не—малодушный.

— Но я была бы малодушна, если бы, затрепетавъ теперь передъ своимъ горемъ, съ которымъ такъ долго боролась, принесла тебя въ жертву ему, чтобы умилостивить губителя.

— Твой избранный полъ застрахованъ у природы, и убыткамъ отъ малодушія не подвергается: оно, напротивъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ прелестей «слабости, которую зовутъ женщиною».

Digitized by Google

— Такъ дѣлай со мной что хочешь, злой волшебникъ! сказала она, увлекаемая безъ сопротивленія страстными объятіями возраждающагося изъ пеплу жениха. Тебѣ одному знать. Я — твоя, всегда сердцемъ и душой принадлежала тебѣ. Спаси меня, если можешь.... если еще возможно.

— Не думай ни объ чемъ, милая Анна! говорилъ онъ съ жаромъ, внѣ себя отъ радости: ввѣрься моей защитѣ! полагайся на силу моей любви! Этимъ талисманомъ, и злой взоръ завистника оттолкнется отъ твоего жилища и голова твоя закроется отъ всѣхъ стрѣлъ горя. Мы будемъ счастливы!... невыразимо счастливы!....

И такъ далѣе. Очень длинно.

Полчаса спустя, голова Анны снова покоилась на подушкѣ дивана, прелестно откинутая назадъ; вѣки были спущены; правая рука играла волосами Валеріана, который, сидя въ низкихъ креслахъ возлѣ, гладилъ и цѣловалъ лѣвую. Анна говорила:

— Странное дѣйствіе восторженнаго блаженства! Душа, кажется, тонетъ, тонетъ, въ сладости и сонъ разливается по всему тѣлу..... Тишь послѣ бури..... Не могу раскрыть глазъ.... и все передо мною такъ свѣтло, такъ ясно!.... Нѣтъ, я такого сильнаго счастія не вынесу. Я такъ счастлива, такъ счастлива, что непремѣнно заплачу за эти минуты высокаго наслажденія какою-нибудь жестокою потерею.... О! если бъ гроза обрушилась только на меня и миновала твою драгоцѣнную голову!... Милый мой воскреситель! останемся друзьями.... Не спѣши: подумай хорошенько обо всемъ, что я говорила, возьми срокъ, тогда мнѣ скажешь, и я все исполню по твоему рѣшенію. Нето, я тебѣ объявляю.....

— Анна, ты опять принимаешься за свое! съ живостью перебилъ Валеріанъ. Что это значитъ? Давно ли дала ты свое согласіе? давно ли осчастливила?.... а теперь....

— Развѣ я дала мое согласіе?

Digitized by Google

— Да какъ же!

— Нѣтъ, согласія я не давала, не дамъ. Я предоставила все твоей волѣ. Бери меня насильно. Хочешь бѣды?.... бери самъ!.... я не даю, буду защищаться.... среди самаго блаженства.... Ахъ! какъ мнѣ сладко!.... не дамся!

— Знаешь, мой прекрасный другъ, что ты теперь дѣлаешь? замѣтилъ Валеріанъ, стараясь казаться веселымъ: какъ это называется въ прозаическомъ языкѣ людей?

— Что такое?

— Да то, что ты дѣлаешь!

— Что жъ я дѣлаю особеннаго?

— Капризы, мой ангелъ.

— А въ самомъ дѣлѣ: можетъ, это и капризы?

— Чистѣйшіе!... увѣряю тебя. Я, прежде, не зналъ за тобою этого искусства.

— Искусства дѣлать капризы?... Немудрено, что не зналъ, потому что я, до-сихъ-поръ никогда и не дѣлала. Не противъ кого было дѣлать! Не было милаго. Не было моего солнца!... Я всю жизнь была такъ печальна!

— Такъ это новое изобрѣтеніе, нарочно въ честь мою?

— Да. А развѣ оно тебѣ непріятно?

— Не то чтобъ непріятно, но и нельзя сказать, чтобы было очень восхитительно.

— А я думала, напротивъ, тебѣ что тебѣ очень весело видѣть меня счастливою до сумасбродства, до капризовъ. Что же тутъ неестественнаго?... Счастіе въ броженіи!

Валеріанъ засмѣялся и расцѣловалъ свою несравненную.

— Видишь, каково дѣлать счастливыми не рожденныхъ для этого состоянія! продолжала тѣмъ же беззаботнымъ тономъ: они даже и не умѣютъ наслаждаться счастіемъ. Вотъ я уже сдѣлала капризъ! Не знаю какой и какъ. Да онъ самъ собою сдѣлался. Но, видно,

Digitized by Google

былъ не изъ огромнѣйшихъ, когда ты смѣешься. Жаль! А я желала бы сдѣлать такой страшный капризъ, чтобы испугался, чтобы я тебѣ опротивѣла.

— Опять! вскричалъ Валеріанъ.

— Да! опять! отвѣчала она задумчиво. Зачѣмъ тебѣ не нравится, когда я хочу любить тебя такъ, какъ сама разумѣю! любить безъ эгоизма, любить болѣе самой себя, любить какъ любятъ въ небѣ — для твоего счастія, а не для своего наслажденія? Когда я вижу, чувствую, имѣю предчувствіе, что ты дѣлаешь пагубную ошибку, сбираешься уронить себя по великодушію ко мнѣ, бредешь въ бездну печалей, въ которой мнѣ суждено непремѣнно погибнуть, зачѣмъ не позволяешь мнѣ удержать тебя во что бы то ни стало? Всѣ средства ускользнули изъ моихъ рукъ: я теперь безоружна, и мнѣ остаются только одни капризы. Погоди, твоя Анна еще надѣлаетъ ихъ столько, и такихъ огромныхъ, что ты ужаснешься, и она спасетъ тебя.

Валеріанъ всталъ и взялъ со столика шляпу.

— Что это? спросила Анна съ безпокойствомъ: ты хочешь уйти?

— Сейчасъ уйду, если ты не перестанешь предсказывать мнѣ и себѣ несчастій, которыя существуютъ только въ твоемъ воображеніи.

— Перестану! перестану!.... Не уходи, я умру. Не оставляй меня одну въ этомъ положеніи, въ которое самъ ты меня привелъ. Между желаніемъ себѣ величайшаго на землѣ счастія, которымъ одинъ можешь подарить меня, и невольнымъ, неотвязнымъ, непреодолимымъ опасеніемъ за твое, я теряю умъ и память. Останься. Сядь возлѣ меня и поговоримъ о другомъ дѣлѣ. (Валеріанъ уже сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, цѣловалъ ея руку, и снова прошло нѣсколько времени въ ласкахъ, взглядахъ, трепещущемъ страстью молчаніи, блаженствѣ.) Ахъ! мой другъ! впервые я сегодня узнала чары поцѣлуя!.... Это сожигаетъ душу. Я и забыла о дѣлѣ. Что же я хотѣла тебѣ сказать!.... Не

Digitized by Google

бойся, мой очаровательный «равнодушный»!.... ты всё боишься..., Ничего не стану предсказывать. Хочу просить тебя объ одномъ предметѣ, который давно уже лежитъ на сердцѣ. Любишь ли меня искренно, глубоко, какъ любилъ нѣкогда?

— О! мой ангелъ! моя жизнь! моя надежда! люблю тебя въ тысячу разъ живѣе чѣмъ тогда, потому что ты въ тысячу разъ возвышеннѣе и удивительнѣе. Сказать не могу какъ люблю!

— Все для меня сдѣлаешь?

— Все, все на свѣтѣ!

— Исполнишь о чемъ буду просить?

— Исполню. Разумѣется, что просьба будетъ сообразна съ благоразуміемъ и моими силами.

— О! совершенно сообразна! Благоразумнѣе ничего придумать нельзя. Съ нѣкоторыхъ поръ, это—лучшая мечта моя.

Она быстро придвинулась къ Валеріану и взяла между двухъ ладоней одну его руку. — Помните ли, Валеріанъ, я говорила вамъ сегодня о необходимости имени чистаго, неосквернennаго безчестьемъ малымъ, подъ пару къ вашему славному, прекрасному имени?

— Помню. Что жъ изъ этого?

— Женитесь на Полинѣ Ч***!

— На комъ? спросилъ онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, и какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ.

— На Полинѣ Ч***, племянницѣ вашего друга, мужа покойной моей тётушки. Развѣ вы ея не знаете?

Валеріанъ опять хотѣлъ встать. Она удержала.

— Да вы, милая Анна, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходите! сказалъ онъ, глядя на нея съ нѣжнымъ упрекомъ и, въ досадѣ, отодвигаясь съ креслами.

Анна такъ крѣпко держала руку Валеріана, что, при этомъ движеніи, соскользнула съ оттомана на коверъ и очутилась передъ нимъ на колѣняхъ. Валеріанъ хотѣлъ поднять ее. Она не допустила: осталась на ко-

Digitized by Google

ть, въ полу-сидячемъ положеніи, опираясь локтями и грудью на его колѣни.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая! говорила она со страстью. Не обижайте этого сердца, которое бьется только для васъ...,

— Такихъ предложеній я не хочу слушать, и не стану.

— Вы должны слушать!... должны выслушать меня до конца! должны оказать эту честь моей любви, моей преданности, моимъ жестокимъ мукамъ! Это не капризъ. Я говорю очень серіозно. Не забудьте, что я убиваю себя, чтобы моей кровью купить для васъ у судьбы покой жизни и отрадный семейный бытъ. Я даю вамъ жену, которая совершенно можетъ обезпечить то и другое. Она мила, добра, кротка: вы сами говорили мнѣ недавно, когда я спрашивала, какъ ее находите, что она прелестна! Она васъ любитъ: не любить васъ нельзя; всякая женщина, которая васъ узнаетъ, предастся вамъ душой и сердцемъ. Имя ея не запятнано клеветою и не навлечетъ, на васъ, злорѣчивыхъ толковъ, на вашъ домъ—обидныхъ подозрѣній. Степень красоты ея именно такова, что вполнѣ прельщаетъ взоръ, не возбуждая сильной зависти въ женщинахъ и бурныхъ страстей въ мужчинахъ. Она моложе меня. Дѣтей у нея нѣтъ. Если угодно, то она и богата; во сто разъ богаче меня, у которой своего нѣтъ ни гроша,... Бери ее!

Анна вдругъ выпрямилась на колѣняхъ, и, судорожно сжавъ обѣ его руки, продолжала говорить съ жаромъ, глотая слезы, потоками лившіяся изъ полныхъ огня глазъ.

— Валеріанъ!... Заклинаю тебя моей любовью, моимъ счастіемъ, бери ее! женись на ней! предоставь меня моей страшной судьбѣ, только, и сожалѣй о твоей злополучной Аннѣ. Съ этою женщиною будешь счастливъ. Мнѣ доставишь покой и утѣшеніе. Полина искренно меня любитъ, и я, со временемъ, заслужу еще большую ея привязанность. Она благородна и умѣетъ цѣнить чувство

Digitized by Google

вать: сама втайнѣ любя тебя, она уважаетъ нашу любовь и нерѣдко плачетъ со мною обо мнѣ. Она позволитъ тебѣ любить меня, быть другомъ бѣдной Аннѣ.... На старости лѣтъ, когда вражды втолкнутъ меня въ тину послѣднихъ униженій, когда мои дѣти меня ограбятъ и доведутъ до нищеты, я прійду въ вашъ домъ, буду вамъ служить, буду воспитывать вашихъ дѣтей, внушу имъ къ тебѣ мою любовь.... мою!... знаешь ее?... и буду счастлива, глядя на ваше счастіе. Соглашусь быть у васъ ключницей, кухаркой, прачкой, судомойкой: только позволь мнѣ служить тебѣ, заботиться о твоихъ удобствахъ, видѣть и любить тебя....

Она страшно зарыдала и, безъ памяти, упала, сперва къ Валеріану на колѣни, а потомъ на полъ. Онъ, съ разорваннымъ сердцемъ, съ лицомъ плавающимъ въ слезахъ, дрожащими руками поднялъ ее съ земли и положилъ на оттоманъ. Моленія, ласки, поцѣлуи любви, постепенно привели ее въ чувства. Она открыла глаза.

— Ты должна чувствовать себя въ высшей степени несчастною, сказалъ Валеріанъ: когда создаешь такія мечты и рѣшаешься дѣлать мнѣ такія предложенія.

— Да! прошептала она.

— Бѣдный мой другъ!... какой адъ клокочетъ въ твоей истерзанной душѣ!

— Что?... онъ ужасенъ?...

— О! да! свыше всего что можно представить себѣ воображеніемъ.

— Ты не зналъ еще, не видалъ никогда, настоящей любви слабости къ могуществу и совершенству, которымъ она удивляется?... Нѣтъ, ты не могъ имѣть понятія о любви Анны!... Знай же, что такой адъ происходилъ въ ней во всѣ дни ея жизни.... въ день ея злосчастной свадьбы.... въ роковой часъ вѣнчанія.... въ ночь, которая за тѣмъ послѣдовала.... въ минуты, когда она съ притворнымъ спокойствіемъ улыбалась раболѣпствующей толпѣ, и во всѣ минуты твоихъ тор-

Digitized by Google

ществъ и твоихъ опасностей.... Думалъ ли ты, въ сраженіяхъ, что сердце Анны всегда трепещетъ возлѣ тебя?... Куда же ему было бѣжать, гдѣ искать пріюта, отъ обидъ, отъ низости и злобы людей? Оно, невидимо, жалось къ тебѣ, повсюду слѣдовало за тобою, и всегда терзалось страшною пыткою безсильной заботы о счастіи своего идола. Встань, не стой на колѣняхъ: это —мое мѣсто.... Сядь, мой другъ, сюда, и поцѣлуй меня.... дай мнѣ еще одинъ.... одинъ только поцѣлуй.... тотъ, котораго я всю жизнь ждала какъ награду за все! Мы не дорого продаемъ вамъ бездны мученій нашей любви, не правда ли?... Вотъ этимъ поцѣлуемъ все заплачено!... и еще какъ щедро!... Бѣдныя мы существа!... Ты не чувствовалъ, какъ мое сердце жалось къ тебѣ?

— Нѣтъ, Анна, не говори этого! сказалъ Валеріанъ. Нельзя мнѣ было не чувствовать всего, что происходило въ этомъ благородномъ сердцѣ. Я зналъ все, и не по одному сочувствію: положительно и подробно зналъ я о твоихъ чувствованіяхъ, о твоихъ мученіяхъ, о твоемъ страшномъ горѣ, сокрушался ими, благоговѣлъ передъ силою твоей любови ко мнѣ, какъ теперь благоговѣю передъ ея деликатностью и ея высокимъ, восторженнымъ самоотверженіемъ, хоть и не одобряю ихъ.

— Не одобряешь? спросила она, прелестно улыбаясь. Ну, это я напередъ знала. Вы, мужчины, не любите въ насъ слишкомъ сильной привязанности, пугаетесь настоящей женской любви, къ слову «восторженность» привязываете насмѣшливое значеніе. Но, мой другъ, истинная любовь, въ женщинѣ, которая хоть нѣсколько выше простыхъ скотскихъ ощущеній, не что иное какъ восторженное состояніе ума, воображенія, души! Она родится изъ восторгу, питается восторгомъ, и живетъ только до-тѣхъ-поръ, пока горитъ восторгъ. Вы, господа, не очень жалуете такую любовь: тонкость ея условій и требованій тягостна для

Digitized by Google

васъ, и вы предпочитаете — по-меньше любви, но по
большей уступчивости и овечьей кротости. Валеріан
можешь ли быть совершенно откровенень со мною?..
такъ откровенень какъ я сегодня была съ тобой?

— Могу. И хочу.

— Такъ скажи по совѣсти, что ты думаешь обо мн
въ эту минуту?

— Я думаю, что ты и твоя любовь заслуживают
высочайшаго удивленія.

— Только-то?

— Только.

— Нѣтъ, ты думаешь еще что-то. Я вижу это въ тво
емъ лицѣ, читаю въ глазахъ.

— Читай вслухъ. Слушаю.

— Ты думаешь, что мы, то есть, я съ моей любовью
порядкомъ помучили тебя сегодня!

Онъ улыбнулся и поцѣловалъ ее.

— Видишь, что это — правда! Вы требуете отъ жен
щинъ, непремѣнно, истинной любви...: на меньше и н
соглашаетесь!... но когда она передъ васъ предстанетъ
вы — назадъ! Право, ты стоишь того чтобъ тебя рас
цѣловать: ты еще малодушенъ. Всѣ вы малодушны, в
этомъ отношеніи. Я очень рада, что ты неосторожно
приказалъ мнѣ сегодня быть безусловно откровенною
и я предъявила тебѣ всю свою любовь.... собственно
не всю: о! ты еще не знаешь и половины того, как
я тебя люблю!... Но съ тебя довольно и этого! ты уж
немножко испугался такой любви; станешь думать, н
пугаешься еще болѣе; а тамъ мало-по-малу, придетъ т
бѣ въ голову, что такая любовь, какова напримѣр
Полинька, въ самомъ дѣлѣ удобнѣе для супружеств
нежели ужѣ о многихъ другихъ неудобствахъ, со
пряженныхъ со мною. Я заронила въ тебя эту идею
она разовьется, вырастетъ, и хоть выборъ твоего серд
для меня, не сомнителенъ,—увидишь!—ты однако ж
предпочтешь мнѣ Полину и, взаключеніе спектакл
женишься на ней.

Digitized by Google

— Ты ужасная насмешница! сказалъ Валеріанъ, хохоча. Какъ острота, это—предположеніе очень мило: изъ него можно было сдѣлать хорошую комедію; но какъ примѣненіе ко мнѣ, оно совсѣмъ неумѣстно. Женой у меня можетъ быть только одна женщина: ты — или никто! И что ты будешь моей женою, это я тебѣ объявляю.

— А у меня есть предчувствіе, что будетъ Полина.

— Шути, сколько угодно, но я получилъ твое согласіе, и не возвращу его. Ты — моя, и дѣло съ концомъ: распорядись, какъ хочешь съ своими самоотверженіями и опасеніями за мое счастіе. Нѣтъ! такой женщины какъ ты, я не выпущу изъ рукъ, хоть бы мнѣ это стоило головы. Чтобъ провести съ такимъ другомъ остатокъ этой ничтожной жизни, которую я столько разъ предавалъ на волю пулѣ перваго попавшагося на встрѣчу дурака, я оставлю свое поприще, затворюсь съ тобою въ предѣлахъ скромной частной жизни, удалюсь, самъ, и удалю тебя отъ злобы людей, и мы будемъ счастливы какъ-нельзя болѣе. Опасность несогласій въ семействѣ по поводу дѣтей графа Эдуарда, единственное важное обстоятельство изъ всѣхъ, которыми ты меня пугаешь — потому что — извини! — твоей необъятной любви я не пугаюсь ни сколько, и противопоставлю ей другую такую же, свою! — опасность этихъ несогласій и соблазновъ весьма легко предупредить: стоитъ только отдать, теперь же, все имѣніе отцу ихъ, а обезпеченіе ихъ судьбы я беру на себя. Нѣтъ имѣнья, нѣтъ и разсчетовъ. За это имѣнье, которое мигомъ доставитъ согласіе графа Эдуарда на разводъ и которое онъ непремѣнно промотаетъ, можно вознаградить дѣтей его твоей частью изъ имѣнія нашей матушки; долю свою уступишь имъ заранѣе, и когда они подрастутъ, бабушка будетъ очень рада взять ихъ къ себѣ, окончить ихъ воспитаніе и надѣлить ихъ по своей смерти благами земными, отъ которыхъ мы напередъ отказываемся. Такимъ образомъ они будутъ вполнѣ

Digitized by Google

зависѣть отъ бабушки, и отецъ ихъ съ ней станетъ вѣдаться, ей угождать, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться отъ своего потомства или по случаю его. Видишь, мое сердце, что все можно устроить....

— Ты уже слишкомъ великодушенъ! сказала Анна, пожимая ему руку съ благодарностью.

— Что̀ за великодушіе — купить себѣ и милому другу счастіе души цѣною денегъ! возразилъ онъ. Это, просто, торговая операція, въ которой выгода — очевидно на моей сторонѣ. Для счастія души, для соединенія въ это счастіе двухъ такихъ испытанныхъ любвей какъ наши, милая Анна, можно сдѣлать всѣ пожертвованія; но самопожертвованій и я теперь не одобряю, а деликатности твои нахожу рѣшительно неумѣстными. Вѣдь ты же, нѣкогда, прогнала меня отъ себя за самопожертвованія?... вспомни только, мой другъ!... оно было безполезно: ты насмѣхалась надъ ними, и справедливо.... а теперь сама хочешь ихъ дѣлать.... Нѣтъ, на самопожертвованія я теперь не согласенъ!... Хоть ты—и женщина, хоть совершенство и слезы—ваше дѣло, какъ ты тогда говорила. Отложимъ деликатности всторону: за ними не доберешься до счастія никогда. Когда женщина и мужчина вступаютъ въ бракъ, они, если не круглые глупцы, должны напередъ знать, что супружеское блаженство ихъ нераздѣльно съ разными житейскими непріятностями, какъ для одной стороны такъ и для другой. Имъ обоимъ равно слѣдуетъ вѣдать, что покровительство, защита и удовольствія жены будутъ стоить мужу хлопотъ и трудовъ; что вознагражденіе мужа за это потребуетъ отъ жены терпѣнія и причинитъ ей разныя безпокойства. Если бы пришлось подниматься на самопожертвованія, чтобы доставить другъ другу вполнѣ беззаботное блаженство, такъ нельзя было бы заключить ни одного брака: обѣ стороны самопожертвовали бы собою, чтобы не помѣшать взаимному спокойствію, и не кому было бы жениться. Ты принуждаешь теперь свою любовь отказы-

Digitized by Google

ваться отъ меня по случаю непріятностей, которыя могутъ причинить мнѣ твоя знаменитая красота и проистекшія отсюда обстоятельства твоего положенія. Моя любовь точно такъ же могла бы отказаться отъ тебя не далѣе какъ по тому великодушному уваженію, что сказанная любовь можетъ подвергнуть тебя опасности быть больной каждые два года. Подумай только, мой другъ, до чего было бы доведено человѣчество деликатностями взаимной любви!... (Анна засмѣялась.) Мой другъ! когда невѣста и женихъ разсчитываютъ, что, въ ихъ брачномъ счастіи, удовольствія и непріятности каждаго будутъ на-половину, это уже — очень выгодный бракъ, отличное земное счастіе, и они должны жениться тутъ же на-мѣстѣ. Можно согласиться и на три доли непріятностей. Заключеніе: въ супружествѣ, кромѣ общихъ удовольствій любви и дружбы, обѣ стороны ищутъ своихъ выгодъ, ведутъ эгоизмъ по правиламъ двойной бухгалтеріи, живутъ въ долгъ другъ у друга, и никогда не сводятъ счету, не сравниваютъ итоговъ, если знаютъ свое ремесло, ремесло быть счастливымъ вдвоемъ. На этомъ основаніи, я насильно — потому что тебѣ такъ угодно! — женюсь на моей Аннѣ, приказываю тебѣ выйти за меня замужъ безъ церемоній, а тамъ употреблю мою верховную супружескую власть чтобы безъ церемоній тебя заставить быть совершенно счастливою, сколько это возможно въ «сей юдоли плача». Я скомандовалъ.

— Слушаю-съ.

— Вотъ это умно!

— Такъ мы съ тобой рѣшительно женихъ и невѣста вторично? сказала Анна, съ нѣжностью протягивая къ нему руку.

— Рѣшительно и невозвратимо, отвѣчалъ Валеріанъ, пламенно прижимая эту драгоцѣнную руку къ сердцу. Спокойна ли ты теперь? Не будешь плакать ночью?

— Нѣтъ, плакать не буду. Буду лелѣять всей душою сладкую мечту нашего счастія. Дай Богъ, чтобы

Digitized by Google

она не скоро разсѣялась и мое блаженство продолжилось. Ты, однако жъ, Валеріанъ, не забывай о Полинѣ. Будь съ ней милъ: можетъ пригодиться.

— Несносная! замѣтилъ онъ шутливымъ тономъ.

— Это настоящій мой титулъ въ любви, возразила она, цѣлуя его. Ты меня имъ не обидишь. Твое дѣло—разсуждать, мое — чувствовать. Ты разсуждаешь такъ убѣдительно, что я не придумаю ни какого возраженія на твои доводы. Я чувствую, тоже, убѣдительно, но не могу передать этого роду убѣжденія. Въ числѣ этихъ чувствованій есть и предчувствія.... Но не станемте смущать ими нашего настоящаго блаженства.... Будемте однако жъ осторожны.

— Осторожность, во всякомъ случаѣ, необходима, присовокупилъ Валеріанъ: необходима и для самаго успѣху. Я желаю, чтобы наши надежды оставались тайною между тобою, мной и матушкой, до окончанія разводу. Я самъ поговорю съ нею. Знаешь ли, что мнѣ вдругъ пришло въ голову?

— Что такое?

— Полина навѣрное не твое изобрѣтеніе. Это—проектъ графини Маріи, бьюсь объ закладъ.

— Вы, мужчины, удивительно догадливы. Только теперь приходитъ тебѣ въ голову такое великое открытіе?

— Какъ же мнѣ было угадать!

— Однако жъ матушка, до моего пріѣзду, усердно хлопотала о томъ, чтобы вознаградить тебя Полиной за потерю Анны!

— Теперь.... какъ все соображаю.... Но можетъ-быть она еще не оставила своего человѣколюбиваго плану? Что, какъ она, въ отвѣтъ, заговоритъ мнѣ о Полинѣ....

— Не заговоритъ. Планъ оставленъ съ той минуты, какъ ты завелъ рѣчь объ разводѣ. Что ей Полина!

— Вознаградить! сказалъ Валеріанъ про себя. Какая странная идея! Вознаградить меня Полиной за Анну!

Digitized by Google

— А Полина все-таки ползетъ тебѣ на умъ! замѣтила Анна съ усмѣшкою.

Бесѣда любовниковъ, бесѣда нужная къ свѣдѣнію для читателя, почти тѣмъ и кончилась: о прибавленіяхъ къ ней, маловажныхъ для исторіи, здѣсь для краткости не упоминается. Прибавленія продолжались болѣе двухъ часовъ. Я чувствую, что и это уже слишкомъ длинно: но—не забудьте—весь вечеръ! и какой еще вечеръ!... Чего не наговорятъ другъ другу любовники во весь вечеръ! Надо же было привести хоть треть ихъ бесѣды. Я очень не охотно разстаюсь съ прибавленіями: они были очаровательны. Но надо!

Что Анна, послѣ этого вечера, чувствовала себя невыразимо счастливою, несмотря на привычку къ опасеніямъ, вперенную слишкомъ частыми бѣдствіями жизни, это не подлежитъ ни спору ни сомнѣнію. Но точность повѣствованія принуждаетъ меня сказать, что блаженство ея было, на слѣдующее же утро, нарушено маленькою семейною непріятностью. Маркизъ, который всегда подлипалъ къ Аннѣ, душевно ненавидѣлъ Валеріана, еще съ оныхъ временъ, во-первыхъ, по-дѣломъ, за свое супружеское счастіе, потому что по милости этого стихотворца невзначай женился на ангелѣ доброты, Катенькѣ, во-вторыхъ, по-пустякамъ, за то что этотъ генералъ мѣшалъ ему теперь строить свои глупые глаза прекрасной свояченицѣ, единодушно прозванной въ Вѣнѣ—die Göttliche. Тотчасъ послѣ пріѣзду Анны, любезный Джуліо нашелъ средство дать знать въ Парижъ графу Эдуарду, что его жена часто видится и очень дружна съ прежнимъ своимъ женихомъ. Эдуардъ, занятый игрою и своей пѣвицей, сначала не обратилъ вниманія на это извѣстіе. Но вскорѣ дѣла его стали приходить въ упадокъ, онъ предвидѣлъ необходимость обратиться къ денежнымъ средствамъ супруги, маркизъ притомъ тайно написалъ ему, что дѣло, какъ кажется, клонится къ формальному разводу, и негодный мужъ счелъ за-нужное вдругъ сдѣлать грозное нападеніе на покинутую же-

Digitized by Google

ну, чтобы, настращавъ ее и поставивъ въ виноватыя, содрать что-нибудь съ несчастной для почину, а тамъ, если можно, захватить опеку надъ имѣніемъ и дѣтьми. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Аннѣ безсовѣстное письмо, исполненное наглостей, упрековъ и угрозъ, называя себя «обманутымъ» и «обиженнымъ» супругомъ, а ее «невѣрною» и «преступною» женою, измѣнницей, безстыдницей, которая «срамитъ его ни какимъ позоромъ не запятнанное имя», своимъ «безнравственнымъ поведеніемъ» подаетъ публичный соблазнъ, живетъ открыто съ любовникомъ, котораго, будто-бы, онѣ съ матерью заранѣе вызвали въ Вѣну, удаливъ мужа подъ благовиднымъ предлогомъ, и прочая, и прочая. Мессиръ Эдуардъ грозилъ Аннѣ не болѣе и не менѣе какъ процессомъ и заключеніемъ въ монастырь. Такого же роду письмо написалъ онъ и къ графинѣ Маріи, обвиняя ее въ безчестномъ содѣйствіи къ интригѣ и развратy дочери, съ намѣками на торжественное и примѣрное мщеніе. Можно себѣ представить впечатлѣніе, которое эти два отвратительныя посланія произвели въ домѣ. Анна упала въ обморокъ, рыдала, негодовала. Графиня Марія получила припадокъ истерики, и немедленно послала за маркизомъ, будучи увѣрена, что примѣрный зять горячо вступится за честь тещи и свояченицы. Но, къ удивленію ея, синьоръ Джулію принялъ сторону герръ Эдуарда. Онъ важно заговорилъ о супружескихъ правахъ почтеннаго свояка, о приличіяхъ, о пользѣ благопристойнаго поведенія, и тому подобномъ, и, когда негодующая мать мимоходомъ намѣкнула о разводѣ, италіанскій дипломатъ явился такимъ горячимъ защитникомъ общественной нравственности въ этомъ отношеніи, какъ-будто ему обѣщали за это кардинальскую шляпу, предсѣдательствомъ священной инквизиціи и чинъ primus defenssor matrimonii. Графиня Марія поссорилась съ нимъ на-голову, выбранила и прогнала. Анна между-тѣмъ написала записочку къ Валеріану.

Digitized by Google

Лишь-только онъ пріѣхалъ, мать и дочь выбѣжали къ нему, съ письмами Эдуарда въ рукахъ.

— Читайте!

Онъ прочиталъ.

— Что же вы теперь скажете о моихъ предчувствіяхъ, спросила Анна. Вотъ, мой сонъ! Вотъ, слово въ слово, исторія, которую я вамъ еще вчера разсказывала!

Валеріанъ, негодуя всей душою на низкій поступокъ Эдуарда, очень посредственно былъ изумленъ сходствомъ сновидѣнія съ клеветою, заключенною въ этомъ письмѣ. Всѣ наши сны, какъ иногда ни кажутся намъ длинными, происходятъ въ тотъ моментъ, когда мы просыпаемся въ короткое время переходу умственныхъ органовъ отъ соннаго оцѣпенѣнія къ бдящей дѣятельности мозгу, освѣженнаго отдыхомъ. Для хорошо устроенныхъ головъ, это вообще—минута самыхъ свѣтлыхъ помысловъ. Часто, задачи, которыхъ мы ни какъ не могли разрѣшить вечеромъ, разрѣшаются на слѣдующее утро сами собою, тотчасъ послѣ пробужденія,—на «свѣжій умъ», какъ исконѣ говорится,—или даже въ самое мгновеніе пробужденія: тогда эта счастливая мысль, это самое и простое и самое естественное выраженіе затруднявшаго насъ обстоятельства, проснувшемуся кажутся «сновидѣніемъ». Не мудрено, что Анна, которая, наканунѣ, весь день мучила себя догадками о томъ, «что скажутъ», «что могутъ сказать», «что уже и говорятъ», объ ея отношеніяхъ къ Валеріану, на другой день, просыпаясь, вдругъ получила, въ видѣ сна, ясное соображеніе того, что, судя по наружностямъ, можно было сказать объ этихъ отношеніяхъ клевещи, то есть, связывая наружности между собою самымъ простымъ или самымъ глупымъ образомъ, и что въ самомъ дѣлѣ уже говорили. Клевета—удивительная мастерица на простоту, которой лицевая сторона — геній, а изнанка — глупость. Стоитъ только вдругъ впасть на простоту, съ той или другой стороны: сдѣлаешь или chef-d'oeuvre искусства или глупость пер-

Digitized by Google

вой руки. Разгадываніе глупостей принадлежитъ къ лицевой сторонѣ простоты, къ сторонѣ, изъ которой вытекаютъ самыя высокія явленія въ наукахъ и художествахъ. Дѣлать глупости весьма легко — взять да и дѣлать!—мы это знаемъ по опыту, — но подражать глупостямъ — верхъ ума и искусства человѣческаго. Одни только геніи дѣлаютъ истинно хорошія подражанія глупостямъ. Такія поддѣльныя глупости называются «высокимъ комизмомъ», когда рѣчь идетъ о глупостяхъ очень смѣшныхъ. И это — самая трудная умственная фабрикація. Моліеръ всегда будетъ великъ за то, что такъ подражалъ чужимъ глупостямъ, какъ будто онѣ были его собственныя, натуральныя. Подражать и разгадывать — всѣ-равно: для подражанія нужно разгадать. Глупость и клевета—тоже всѣ-равно. Коротко сказать, есть мгновенія, гдѣ мы, не будучи ни геніями ни духовидцами, угадываемъ глупость, клевету, вовсе объ ней не думая, вдругъ, невзначай, просыпаясь и еще не раскрывъ глазъ. Такіе же моменты пробужденія, моменты самыхъ естественныхъ представленій, самой прямой связи между разнородными или разбросанными идеями, словомъ, такіе же «вѣщіе сны» случаются и наяву: но они вообще не имѣютъ ни опредѣлительности ни живаго колориту настоящихъ сновидѣній, вспыхивающихъ въ головѣ послѣ ночнаго отдыха мозгу, и извѣстны подъ именемъ «предчувствій». У женщинъ съ хорошо устроенною головою, при особенной нѣжности органовъ умственнаго дѣйствія, слишкомъ скоро подвергающихся утомленію, такіе ясные «вѣщіе сны наяву» весьма обыкновенны. У мужчинъ, способныхъ къ болѣе продолжительному и болѣе сильному напряженію головы, если голова — не тыква, они, изъ предчувствія, тутъ же превращаются въ великія открытія и чудныя изобрѣтенія. Однажды Ньютонъ ходилъ по саду. Умъ спалъ въ головѣ преспокойно. Яблоко упало съ яблони. Умъ проснулся. Онъ увидѣлъ связь

на-яву, развившійся вдругъ предчувствіемъ повсемѣстнаго присутствія тяжести въ природѣ. Въ другой, хорошей, но менѣе сильной головѣ, это «предчувствіе» и осталось бы предчувствіемъ. У Ньютона, при его терпѣніи, оно повело умъ къ угаданію законовъ всеобщаго тяготѣнія тѣлъ, однихъ на другія. Отысканіемъ этихъ удивительныхъ законовъ обылось предчувствіе Ньютона. Я, темный человѣкъ, клянусь, не вижу, почему предчувствіе какой-нибудь бѣды, прямого слѣдствія человѣческихъ глупостей, было бы мудренѣе предчувствія всеобщаго тяготѣнія, дѣла прехитраго и глубоко запрятаннаго. Когда обылось, отъ слова до слова, предчувствіе Ньютона о стремленіи тѣлъ падать одни на другія, то такъ же легко можетъ сбыться и мое, напримѣръ, предчувствіе о великой бѣдѣ, которая меня ожидаетъ: у меня есть невольное предчувствіе, что мой читатель засѣетъ въ этомъ мѣстѣ. Но это философико-филологическое отступленіе написано здѣсь, не какихъ-нибудь теорій ради, а для оправданія моей исторической правдивости, да не скажутъ люди, будто я представляю Анну существомъ сверхъестественнымъ или новой Пиѳіей. Я представляю ее такъ точно, какъ она была, и какъ бываютъ другія, — очень умною женщиною, съ воображеніемъ чрезвычайно быстродвижимымъ и доведеннымъ страданіями до высокой степени восторженности, чрезвычайно дѣятельнымъ и, поэтому, безпрерывно впадавшемъ въ утомленія, отъ которыхъ оно часто пробуждалось вдругъ весьма свѣтлыми, то есть, весьма простыми и естественными идеями, въ видѣ утреннихъ сновидѣній, назавтрея ей и многимъ вѣрными предсказаніями будущаго, или въ видѣ неясныхъ сновъ на-яву, называемыхъ его предчувствіями.

Почему Валеріенъ не крайне удивился сходству клеветы, переданной графу Эдуарду коварнымъ маркизомъ, съ откровеннымъ разсказомъ Анны о письмѣ, читанномъ ею во снѣ? Потому что знаетъ сбывающихся сновъ

онъ былъ совершенно того же мнѣнія, какъ и я: эти лица всегда — такія умныя идеи, такія простыя, прямыя и естественныя наведенія, что, въ свѣтлую минуту ума, ихъ право можно выдумать и не ложась спать. На этомъ основаніи онъ отвѣчалъ Аннѣ только:

— Вижу. Вы правы.

И, обращаясь къ графинѣ Маріи, замѣтилъ:

— Послѣ этихъ мерзкихъ и наглыхъ обвиненій, въ которыхъ замѣшано мое имя, ваше дѣло становится личнымъ моимъ дѣломъ. Честь Анны и ваша не могутъ страдать за меня: я долженъ закрыть васъ обѣихъ собою, и вашей дочери, графиня, не остается другаго средства къ оправданію законности отношеній своихъ ко мнѣ какъ принять мое имя.

Анна схватила его за руку и упріютилась у его плеча, какъ серна, спасающаяся подъ дубъ отъ бури.

— Я именно хотѣлъ сегодня поговорить съ вами объ этомъ. Вчера графиня Анна осчастливила меня своимъ согласіемъ: теперь я прошу васъ даровать мнѣ лестное право именоваться вашимъ сыномъ и утвердить нашу взаимную, долговременную привязанность вашимъ благословеніемъ.

— Ахъ! отъ всей души благословляю васъ, мои дорогія дѣти! вскричала мать, со слезами на глазахъ цѣлуя Валеріана и Анну. Любите другъ друга, и любите меня. Не могу вамъ высказать, какъ я рада, что наконецъ сбылось мое пламеннѣйшее желаніе видѣть васъ обоихъ счастливыми вмѣстѣ! Моя Анна очень, очень виновата, что такъ долго церемонилась съ этимъ извергомъ и сопротивлялась разводу. Надобно было начать дѣло тотчасъ, не ждать обидныхъ нападеній, предупредить замыслы негодяя. Теперь вотъ ужъ онъ грозитъ намъ процессомъ? Какъ мы съ нимъ раздѣлаемся?

— Будьте совершенно спокойны, добрая маменька, отвѣчалъ Валеріанъ: я съ нимъ скоро раздѣлаюсь; за деньги онъ продастъ душу свою, и мы уже говорили вчера съ Анной о предложеніяхъ, которыя можно ему

Digitized by Google

сдѣлать съ совершенною надеждою на успѣхъ. Я сейчасъ поѣду къ адвокату, посовѣтуюсь, и все устрою. Изъ нѣкоторыхъ выраженій этихъ писемъ, я заключаю, что графъ Эдуардъ намѣренъ разгласить по всей Вѣнѣ то, что онъ называетъ своей «обидой». Васъ здѣсь всѣ знаютъ, и его дерзкія обвиненія могли бы подать поводъ къ пересудамъ, отъ которыхъ всегда выгоднѣе уклониться благовременно. Это тѣмъ болѣе необходимо, что здѣсь, какъ кажется, у него есть сообщники. Позвольте мнѣ быть совершенно откровеннымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вашей чести и вашемъ спокойствіи. Я съ нѣкоторыхъ поръ сильно подозрѣваю, что маркизъ состоитъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Эдуардомъ, и что этою неприличною выходкою вы обязаны именно его вмѣшательству: я знаю его вражду ко мнѣ и особенную способность къ подобнымъ продѣлкамъ.

— О! въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! прибавила графиня Марія. Я уже примѣтила это сегодня сама. Они составили планъ преслѣдовать насъ клеветою. Я боюсь, что графъ Эдуардъ, спасаясь отъ долговъ и тюрьмы, пожалуетъ сюда лично: когда оба зятя соединятся здѣсь противъ меня, я не въ состояніи буду и оправдаться передъ общимъ мнѣніемъ. Вы совершенно правы: надо по-скорѣе оставить Вѣну. Они, пожалуй, согласятся между собою дѣлать намъ непріятности повсюду. Но мы исчезнемъ такъ, что они не догадаются, куда мы дѣвались. Нѣтъ ничего легче какъ скрыть отъ маркиза сторону, въ которую мы уѣдемъ: я съ нимъ только-что поссорилась. Онъ знаетъ нашъ планъ отправиться на лѣто въ Баденъ-Баденъ, и я скажу Катенькѣ адрессовать свои письма ко мнѣ туда, а сама съ Анной уѣду въ Женеву. Изъ Женевы мы можемъ перепорхнуть....

— Въ Баньеръ, маменька! быстро подхватила Анна, которой было извѣстно, что Валеріанъ намѣренъ провесть тамъ лѣто.

Digitized by Google

— Хорошо, въ Баньеръ, продолжала мать. Мнѣ давно совѣтовали побывать на этихъ водахъ. Поѣздка въ Баньеръ тѣмъ болѣе кстати, что мы разъѣдемся съ графомъ Эдуардомъ въ двѣ противныя стороны, если ему вздумается искать насъ здѣсь или въ Баденъ-Баденѣ.

— Если вы рѣшаетесь ѣхать въ Баньеръ, то я отправляюсь съ вами, я буду вашимъ провожатымъ, сказалъ Валеріанъ.

— Вотъ и прекрасно! воскликнула графиня Марія. Такъ рѣшено: секретъ, и черезъ двѣ недѣли — мы ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, сперва, въ Швейцарію.

— Черезъ двѣ недѣли слишкомъ скоро, замѣтилъ Валеріанъ: я бы совѣтовалъ оставаться здѣсь до полученія изъ Парижа согласія на разводъ; тогда и вы будете спокойнѣе, и я получу полное право сопутствовать вамъ открыто. На это нужно по-крайней-мѣрѣ недѣли три или четыре. Притомъ, и дороги, до конца нынѣшняго мѣсяца, будутъ еще очень дурны.

— Хорошо, сказала графиня Марія: мы сдѣлаемъ, какъ вы желаете. Вы нашъ защитникъ: мы отъ васъ зависимъ.

Валеріанъ поѣхалъ къ своему банкиру. Вамъ у него десять векселей; каждый по двадцати тысячъ франковъ, и забравъ нужныя справки, онъ отправился къ извѣстнѣйшему брачному дѣлъ стряпчему, преестественному плуту, то есть, очень искусному ходатаю. Въ три дня все было готово, все довѣренности, отказы, условія, прошенія, записки. Анна приложила руку, и стряпчій самъ поскакалъ въ Парижъ: онъ долженъ былъ, въ случаѣ упрямства Эдуарда, подкрѣпить устныя Анны и свои убѣжденія волшебнымъ видомъ наличности, противъ которой онъ не можетъ устоять. Валеріанъ поручилъ стряпчему торговаться, прибавляя по двадцати тысячъ, послѣдовательно отъ сорока до двухъ сотъ.

Прошли двѣ недѣли. Графиня Марія начала дѣлать приготовленія къ путешествію. Любопытныя были за-

Digitized by Google

няты своимъ счастіемъ, для котораго составляли они самые очаровательные планы, какъ-вдругъ Анна замѣтила въ своемъ другѣ необыкновенную задумчивость и съ трудомъ скрываемое безпокойство. Нѣсколько дней тщетно упрашивала она объяснить причину этого грустнаго состоянія. Валеріанъ говорилъ, что онъ чувствуетъ себя не здоровымъ, наконецъ признался, что ему необходимо отлучиться изъ Вѣны недѣли на двѣ по весьма нужному дѣлу. Сначала онъ не хотѣлъ сказать, куда ѣдетъ. Наконецъ, назвалъ Базель. Анна желала знать по-крайней-мѣрѣ сущность этого весьма нужнаго дѣла. Валеріанъ долго избѣгалъ прямаго отвѣту, но, напослѣдокъ, долженъ былъ открыть, что получилъ письмо изъ этого города, отъ одного изъ своихъ друзей и сослуживцевъ, который, находясь въ опасномъ состояніи здоровья, желаетъ непремѣнно увидѣть любимаго товарища передъ смертью и поручить ему свое семейство и свои дѣла. Валеріанъ увѣрялъ, что это предложеніе и эта поѣздка крайне ему непріятны, но долгъ дружбы и чести не позволяютъ отказаться. Анна была печальна, однако жъ успокоилась.

Наканунѣ отъѣзду Валеріана получены были извѣстія изъ Парижа. Эдуардъ все подписалъ за уступку части дѣтскаго имѣнія и ста двадцати тысячъ наличными деньгами при подписаніи. Дѣти оставались за матерью, но подъ опекою бабушки и на ея попеченіи. Радость Анны не знала предѣловъ. Валеріанъ, напротивъ, казался довольно равнодушнымъ къ столь вожделѣнному успѣху. На заботливое замѣчаніе Анны онъ отвѣчалъ, что, въ немъ, успѣхъ не можетъ дѣлать такого впечатлѣнія, потому что онъ ни одной минуты не сомнѣвался въ его неизбѣжности.

День прощанія съ милымъ, день самыхъ горькихъ слезъ и самыхъ сладкихъ поцѣлуевъ, прошелъ благополучно для Анны. Валеріанъ былъ чрезвычайно нѣженъ, много говорилъ о будущемъ, о семейномъ блаженствѣ, котораго онъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ,

Digitized by Google

объ удовольствіяхъ предстоящаго имъ общаго путешествія въ Баньеръ, о прелестяхъ уединенныхъ прогулокъ въ Пиренеяхъ, о восторгахъ, о любви, и о прочемъ; разсчитывалъ день своего возвращенія и его радости; но, главное, обѣщалъ писать каждый третій день съ дороги. Анна много плакала, но, внутренно, была спокойна. О предчувствіяхъ, при прощаніи, не было и рѣчи. Къ великой радости Валеріана, тревожныя предчувствія Анны совершенно исчезли съ нѣкотораго времени: умъ пѣжился довѣрчивымъ сномъ на розахъ счастливой любви, не подвергаясь, болѣе, внезапнымъ непріятнымъ пробужденіямъ. Надо сказать правду—не въ обиду чьему бы то ни было уму, а такъ, вообще —что, въ счастіи, умъ дѣлается большимъ осломъ.

Валеріанъ, съ примѣрною акуратностью, сдержалъ обѣщаніе. Черезъ каждые три дня, Анна, просыпаясь, получала отъ него письмо. И какое письмо! Вы знаете, что Валеріанъ былъ нѣкогда превосходный поэтъ, обладалъ удивительнымъ даромъ выражать звучно, тонко и вѣрно всякія чувствованія и ощущенія, придавать каждой ихъ подробности колоритный оттѣнокъ, мысли превращать въ образы, слова зажигать огнемъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ сжегъ стихи, онъ писалъ только прозою, но и въ прозѣ сохранялъ онъ то же самое художественное богатство чувства и слогу. Долгъ истины однако жъ вынуждаетъ меня внести въ эту нелицемѣрную лѣтопись фактъ, прискорбный для всей человѣческой натуры, что, несмотря на торжественную клятву не заниматься впередъ стиходѣльнымъ ремесломъ, несмотря даже на генеральскій чинъ, Валеріанъ, по-временамъ, кропалъ украдкою стишки,—признаться, довольно посредственные, за потерею снаровки въ этомъ мудреномъ дѣлѣ, — которые тутъ же онъ и бросалъ въ огонь. Русская пословица правду говоритъ—пьяницу могила, рюмача палка не исправятъ. Таковъ человѣкъ! Пиши онъ въ прозѣ умнѣе и изящнѣе самого Платона, а всё-таки нечистый клонитъ грѣшную руку

Digitized by Google

къ рюмованной околесицѣ, если умъ съ-молоду въ ней развратился. Но забудемъ эту слабость Валеріана. Онъ выкупилъ ее другими достоинствами. Проза его была такъ хороша, такъ живописна, свѣтла, легка, блестяща, такъ литературно изящна, что знатоки удивлялись столь высокой степени искусства въ человѣкѣ непечатанномъ, не-литераторѣ: поэтому, можно себѣ представить, какъ были написаны письма къ Аннѣ! У ней кружилась голова. Она перечитывала ихъ по двадцати разъ каждое, и чувствовала себя такъ счастливою въ этой звучно вибрирующей атмосферѣ художественнаго языка страсти, что ей чуть-чуть не захотѣлось рѣшительно, чтобы отсутствіе милаго продлилось цѣлый годъ, для собранія бо́льшаго числа такихъ писемъ. Особенно живое и трогательное письмо было отъ 28 апрѣля, писанное въ четыре часа утра изъ Базеля: оно жгло душу знойнымъ дыханіемъ страсти, раздирало сердце болѣзненными стонами любви, тоски, грусти, и какихъ-то неясныхъ нареканій на судьбу. Но оно было и послѣднее. Прошло три, четыре, пять, шесть дней: писемъ нѣтъ. Анна ужасно встревожилась. Она не постигала причины этого жестокаго молчанія: перечитывала послѣднее письмо, взвѣшивала каждое его слово, старалась проникнуть тайный смыслъ непонятныхъ иносказаній, поразившихъ ее еще при первомъ чтеніи, и не могла вывести ни какого вѣроподобнаго заключенія. Глаза уже начинали плакать, но сердце всё-еще надѣялось.

На десятый или одиннадцатый день послѣ этого письма, Катенька пріѣхала къ матери и, посидѣвъ у ней минутъ пять, пошла къ Аннѣ. Катенька была беззаботна, весела, какъ-будто не примѣчала печали сестры: поговоривъ о послѣднихъ вѣнскихъ гуляньяхъ, позлословивъ своихъ австрійскихъ знакомокъ, она завела рѣчь о театрѣ, о музыкѣ, о новыхъ романахъ,—отсюда перескочила къ весеннимъ шляпкамъ,—наконецъ пошла посмотрѣть работу Анны. Нагнувшись надъ пяль-

Digitized by Google

цами и пристально глядя на рукодѣлье, она сказала:

— Чудесный узоръ! Гдѣ ты его купила?... А ты знаешь, Анна, что съ тобой случилось большое несчастіе?

— Знаю, отвѣчала она равнодушно: я неосторожно прорѣзала канву ножницами. Но это можно задѣлать.

— Конечно, можно. Кстати, ты не слыхала, куда уѣхалъ *генералъ*?

Катенька передъ ней всегда такъ называла Валеріана, съ особенною ужимкою въ произношеніи. На этотъ разъ она еще усилила терпкость своей ужимки. Анна вздрогнула и поблѣднѣла. Тогда только догадалась она, что злая сестрица клонитъ рѣчь къ какому-то несчастію другаго роду. Катенька, не сводя глазъ съ узора, изъподлобья наблюдала Анну съ любопытствомъ змѣи, ужалившей безпечнаго путника. Чтобы не доставить ей наслажденія любоваться на свои страданія, Анна подавила въ себѣ всѣ движенія трепещущей души и хладнокровно отвѣчала:

— Какъ же мнѣ не знать, куда уѣзжаютъ лучшіе друзья наши? Онъ уѣхалъ на Рейнъ, кажется, въ Базель.

— А не знаешь зачѣмъ?

— Слыхала что-то, но не помню. По своимъ дѣламъ.

— Удивительныя дѣла!.... У него тамъ была назначена дуэль.

— Дуэль? повторила Анна съ удивленіемъ.

— Конечно, дуэль. Они дрались на шпагахъ.

— Кто, *они*?.... Съ кѣмъ онъ дрался?

— Вотъ пріятныя шутки! Какъ-будто ты не знаешь! Возможно ли не знать, куда уѣзжаютъ и съ кѣмъ дерутся наши лучшіе друзья?

— Увѣряю тебя, что я вовсе ничего не знаю. Говори, съ кѣмъ, за что, что такое случилось? Говори все, не мучь меня!

— Случилось, мой другъ.... случилось.... говорила толстая маркиза, расхаживая по комнатѣ въ своемъ широкомъ траурѣ, съ важностью погребальной колесницы: случилось то, чего и произнести нельзя, не

Digitized by Google

разорвавъ твоего сердца.... Дрались извѣстно за что!.... за что обыкновенно дерутся мужчины: за красавицу. Твой мужъ....

— Мой мужъ? вскричала Анна съ ужасомъ, вскакивая съ дивана. Онъ дрался съ моимъ мужемъ?.... Онъ дрался съ графомъ Эдуардомъ на шпагахъ?.... Такъ онъ убитъ!.... Онъ убитъ!.... Этотъ звѣрь кололъ фехтовальныхъ учителей.

— Хорошо же ты чествишь своего мужа!

— У меня нѣтъ мужа! Онъ меня оставилъ. Онъ отрекся отъ меня.... и отрекся какъ негодяй.... за деньги! Вотъ, на столѣ, бумаги, имъ подписанныя, которыми все между нами уничтожено. Я ни знать его ни слышать объ немъ не хочу!

— Такъ вы уже — въ формальномъ разводѣ? Извини, Анна; я этого не знала.... вы отъ меня все скрываете. Разводъ!.... это однако жъ ужасное дѣло!... ты должна быть очень несчастна.

— Я, напротивъ, очень счастлива, что избавилась отъ такого злодѣя. Говори мнѣ всю правду: генералъ убитъ?

— Но мужъ.... мой другъ.... всё-таки мужъ! ядовито продолжала Катенька, какъ-будто не слыша вопросу сестры.

— Повторяю тебѣ, Катенька, что у меня нѣтъ мужа! съ твердостью сказала Анна. Ты, я вижу, пришла сюда надсмѣхаться надо мною, играть моими страданіями? Это безсовѣстно со стороны сестры! Ты, всю жизнь свою, употребляла во зло мою кротость и уступчивость въ отношеніи къ тебѣ: но это превосходитъ уже всякую мѣру. Я долѣе не могу выдержать. Извини, если я тебѣ скажу мое настоящее мнѣніе о твоихъ поступкахъ. Ты—не женщина, а тигрица. Ты—предательница. Эта дуэль — твоя работа съ мужемъ! Вы ее устроили! Я отдамъ свою голову, что это— вы! Знаю я васъ! Вы завидовали всякой минутѣ моего покою, вы отравляли каждое мое невинное удовольствіе, вы, первые, поддерживали своимъ притворнымъ

Digitized by Google

участіемъ и злобнымъ соболѣзнованіемъ всѣ клеветы глупаго свѣта на меня. У меня былъ другъ.... единственный человѣкъ, котораго я любила.... ты донесла на меня нашей матери, и я никогда не забуду, какъ ты бросила мнѣ въ голову альбомомъ, гдѣ я скрывала его имя. Съ-тѣхъ-поръ и донынѣ твое величайшее наслажденіе — раздирать мнѣ сердце всѣмъ, что до него касается; твой мужъ, также, всегда меня за него преслѣдуетъ, и вы-то, вы, лишили теперь меня и моихъ дѣтей послѣдней опоры въ этой жизни!...

Анна закрыла лицо руками и горько зарыдала, съ отчаяніемъ кидаясь всѣмъ тѣломъ на софу. Къ удивленію, бѣшеная Катенька не вспылила: она такъ привыкла къ смиренной терпѣливости сестры, что эта вспышка, это смѣлое и неожиданное обличеніе ея козней, привели ее въ замѣшательство.

— Ты... *видно.... очень...:* разстроена своимъ душевнымъ горемъ, когда принимаешь такой обидный тонъ съ сестрою, сказала она смущеннымъ голосомъ, въ которомъ примѣтно трепетала испуганная злоба. Я никогда еще не видала тебя въ такомъ раздраженіи. Правда, у тебя всегда былъ другой, твой любимый, способъ —оскорблять меня молчаніемъ: одно другаго стоитъ!... Ты меня обвиняешь въ несчастіи, которое тебя постигло.... Изъ уваженія къ твоему страданію и моему достоинству, я не стану и оправдываться. Время покажетъ, кто тутъ, собственно, виноватъ. Ты никогда меня не любила, не знаю за что, и можешь, по обыкновенію, продолжать свои несправедливости ко мнѣ, сколько тебѣ угодно. Я лишила тебя друга! Я лишила тебя послѣдней опоры въ жизни! Если онъ тебѣ— другъ и опора, такъ утѣшься: онъ живъ и здоровъ!.... наслаждайся себѣ имъ, а сестры по-напрасну не обижай!

— Онъ живъ?... вскричала Анна, срываясь съ софы. Онъ живъ!... Боже милосердый! благодарю Тебя.....

Она упала на колѣни и стала молиться.

— Но это... однако жъ... большое несчастіе... для всего

Digitized by Google

семейства.... и для тебя въ-особенности, что.... онъ живъ, присовокупила Катенька, продолжая ходить по комнатѣ и спуская слова по каплѣ, какъ драгоцѣнный аптечный ядъ. Ужъ лучше бы онъ погибъ. Несчастіе!... страшное несчастіе!

— Я не понимаю, Катенька, сказала Анна, вставая: что такое онъ тебѣ сдѣлалъ? зачто желаешь ты ему погибели? зачто называешь жизнь его несчастіемъ для всего семейства?... Ты очевидно намѣрена—терзать меня сегодня для своей потѣхи.

— Ты всё сердишься, Анна, холодно отвѣчала маркиза: ты думаешь, будто я хочу мучить тебя, а я, только не знаю съ чего начать, какъ приступить къ горестному извѣстію, которое мы сегодня получили, и которое наполнило нашъ домъ новымъ трауромъ. Я боялась разразить тебя, объявивъ вдругъ.... Твой мужъ убитъ!

Анна посмотрѣла на нее пристально, и отворотилась. Холодная дрожь пробѣгала по всему ея прекрасному тѣлу. Малютка дочь подбѣжала къ ней въ эту минуту съ своей игрушкой: она положила руку на ея головку, и не трогалась. Маркиза, съ послѣднимъ своимъ словомъ, уже надѣвала шляпку передъ зеркаломъ.

— Ну, вотъ ты всё сердишься! сказала она, оборачиваясь къ остолбенѣвшей сестрѣ и завязывая ленты подъ своимъ жирнымъ подбородкомъ. Впрочемъ, это очень естественно: я совершенно вхожу въ твое положеніе, понимаю, что такое—потерять мужа!... Прощай. Мнѣ некогда. Я должна по-скорѣе возвратиться домой: мужъ ждетъ ѣхать въ Пратеръ. Прощай, мое сердце!... не печалься: вѣдь онъ живъ!... Это напечатано въ базельской газетѣ, а завтра, вѣрно, напечатаютъ и здѣсь. Но ты ужъ начала молчать: хочешь непремѣнно взбѣсить меня!.... Нѣтъ, ты — недобрая. Прощай. — Да! да! договаривала она, удаляясь: страшное, невознаградимое несчастіе для жены — потерять мужа!...

Анна поворотила свою чудесную голову, чтобы съ презрѣніемъ взглянуть на толстую змѣю, тяжело пре-

Digitized by Google

смыкающуюся къ дверямъ съ своимъ отвратительнымъ жаломъ впереди, и приняла прежнее положеніе. Холодная какъ ледъ, бѣлая и неподвижная какъ парооскій мраморъ, безъ мысли, безъ чувства, безъ сознанія самой себя, она была похожа на стоячую статую, опирающуюся одной рукою на играющаго ребенка, съ глазами поднятыми вверхъ, и лицомъ, выражающимъ окаменѣвшую на вѣчныя времена безнадежность.

— *Дружба* красными чернилами,... кровавыми буквами... произнесла она вполголоса, и снова замолкла.

Спустя минутъ пять, она сѣла и хотѣла думать.... о себѣ.... или о чемъ-нибудь: не могла. Брала книгу, брала работу: но занятіе не шло никакъ. Хотѣла плакать: слезы не текли, хотя дыханіе спиралось отъ давленія душевной боли. Въ этой мучительной безчувственности провела она около часу, пока не пріѣхала Полина Ч***.

Едва войдя въ комнату, добрая подруга бросилась прямо къ бѣдной Аннѣ, обняла ее и заплакала.

— О чемъ ты плачешь, мой ангелъ? спокойно спросила Анна.

— О тебѣ! объ васъ, несчастныхъ! отвѣчала Полина. Можно ли не плакать?

— Развѣ ты уже знаешь?

— Знаю! знаю!... всѣ подробности, всѣ мерзости, всѣ подлости....

— Отъ кого?

— Этого ужъ никакъ не могу сказать..... по-крайней-мѣрѣ пока не услышу твоего мнѣнія.

— Да у меня ни какого мнѣнія быть не можетъ. Подробности мнѣ вовсе неизвѣстны. Разскажи сперва. Ты уже знала прежде?

— Кое-что знала.... а именно то, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ.

— Какъ же ты мнѣ, ничего не сказала?... Какой же ты мнѣ другъ въ бѣдѣ?

— Нельзя было, душенька, никакъ нельзя! Возможно ли смущать твое спокойствіе, наполнять твою душу

Digitized by Google

тревогою, страхомъ, опасеніями, на все продолженіе такого длиннаго дѣла?... дѣла неизбѣжнаго, неотвратимаго, но которое между-тѣмъ могло кончиться безъ важнаго послѣдствія? Да ты бы, до-сихъ-поръ, уже умерла! Притомъ, я дала слово.

— Кому?

— Кому жъ болѣе какъ не твоему Валеріану? Онъ пріѣхалъ ко мнѣ, чрезвычайно разстроенный и печальный: жаль было смотрѣть!... и сказалъ, что долженъ мнѣ.... мнѣ одной!... вѣрить очень важную тайну, какъ лучшему твоему другу, потому что черезъ недѣлю можетъ-быть очутится самъ онъ въ сырой землѣ рейнскихъ береговъ и не будетъ свидѣтеля передъ тобою его послѣднему горестному положенію. Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что дня черезъ три послѣ полученія тобой этого негоднаго письма отъ мужа, какой-то генералъ, кажется, маркизовъ пріятель, лично вручилъ ему письмо отъ графа, исполненное самыхъ гнусныхъ обвиненій и угрозъ. Письмо оканчивалось вызовомъ на дуэль, какъ твоего обольстителя. Податель былъ одинъ изъ-секундантовъ графа Эдуарда. Твой Валеріанъ не далъ тотчасъ отвѣту: онъ даже хотѣлъ окончательно отвергнуть этотъ поединокъ, какъ вещь недостойную ни его званія ни его имени. Но графъ Эдуардъ, какъ-будто опасаясь отказу, наслалъ къ нему, одно за другимъ, три письма, еще наглѣе и обиднѣе перваго, и копіи этихъ писемъ маркизъ раздавалъ самъ всѣмъ знатнѣйшимъ сослуживцамъ Валеріана, которые здѣсь находятся, и многимъ австрійскимъ генераламъ. Такія же копіи были распространены въ Парижѣ между знакомцами Валеріана. Кромѣ-того графъ Эдуардъ расписалъ объ немъ, прямо отъ своего лица, ужаснѣйшія мерзости къ разнымъ почтеннымъ лицамъ въ Вѣнѣ. Люди маркиза разносили эти письма. Тогда еще я не знала, но теперь мнѣ извѣстно, что графъ Эдуардъ, самъ, не только вовсе не думалъ о дуэли, но даже положительно отвергъ первый намекъ маркиза объ ней: собственные его секунданты

Digitized by Google

разсказываютъ это, и самъ онъ, говорятъ, умирая, сказалъ Валеріану: «Не извиняйтесь, не вы меня убили, а этотъ интригантъ, Италіянецъ, мой свояк. Онъ всему виноватъ. Я не думалъ васъ обижать: онъ меня принудилъ.» Словомъ, душенька мой другъ, маркизъ, да и твоя сестра, столько настаивали на необходимости этой дуэли, и такъ горячо заклинали графа Эдуарда вступиться за честь свою, обмыть въ крови стыдъ, нанесенный всему семейству, и прочая, и прочая, обѣщая разныя выгоды отъ этого, что онъ наконецъ рѣшился. Особенно настращали они его разводомъ и раздражили увѣреніемъ, будто Валеріанъ повсюду публично называетъ его подлецомъ: а Валеріанъ клянется, что, никогда, даже имя графа Эдуарда не было имъ произнесено передъ людьми, исключая дружескихъ разговоровъ съ тобой и съ твоей маменькой. Рѣшась однажды, графъ Эдуардъ сказалъ другу маркиза, какому-то парижскому Италіянцу, котораго твой зять приставилъ къ нему, для подстреканія: «Я студентскихъ дуэлей за угломъ не люблю. Притомъ у меня всегда было правиломъ — драться за всѣхъ женщинъ, но никогда за жену. Если я нарушу теперь правило, такъ ужъ развѣ для того чтобы объ этой дуэли заговорили въ Европѣ. Драться, такъ драться на славу и весь міръ.» Какъ имя Валеріана славно во всей Европѣ, то графъ Эдуардъ, просто, затѣялъ въ этой дуэли спекуляцію на знаменитость, увидѣлъ въ ней средство сдѣлаться интереснымъ особенно въ Парижѣ. Съ этою цѣлью они расписали письма, распечатали статейки по газетамъ, всѣми мѣрами придавали гласность дѣлу и поддерживали его занимательность для публики. Твоему Валеріану, душенька, никакъ невозможно было отказаться!... по ихъ мужскимъ законамъ. Онъ принялъ; выборъ оружья предоставилъ секундантамъ графа Эдуарда, но требовалъ чтобы дуэль состоялась сейчасъ, безъ отлагательства, на границѣ Швейцаріи. Валеріанъ самъ назначилъ мѣсто и день. Послали эстафету

Digitized by Google

въ Парижъ: и вообрази, какой странный случай! Эстафета опередила вашего стряпчаго: у графа Эдуарда, который все до послѣдней копѣйки истратилъ на шалости или проигралъ, не на что было даже выѣхать изъ Парижа. Онъ находился въ величайшемъ затрудненіи, какъ-вдругъ — комедія! — является человѣкъ съ выгодными предложеніями и съ кучею денегъ: говорятъ, съ Валеріана же съ деньгами!.... Не правда ли, что это странно?

Анна только вздохнула. Полина продолжала:

— Опоздай стряпчій дня два: дуэль не состоялась бы, графъ Эдуардъ не явился бы въ назначенный день на Рейнѣ. Онъ по-скорѣе кончилъ дѣло со стряпчимъ, подписалъ бумаги, получилъ деньги, и поскакалъ въ Базель. Мнѣ сказывали, будто онъ поспѣлъ туда только за три часа до назначеннаго сроку. Валеріанъ ждалъ уже полторы сутки: думали, что противникъ не явится. До отъѣзду своего отсюда, твой добрый Валеріанъ принималъ всѣ возможныя мѣры, чтобы слухъ о дуэли не дошелъ до васъ, для твоего же, душенька, спокойствія. Въ его отсутствіе, мнѣ поручено было сторожить тебя: и, видишь, я почти не выходила отсюда! Къ счастію, маменька твоя была не совсѣмъ здорова и никого не принимала: въ противномъ случаѣ, я, право, не знала бы какъ отклонить бѣду; весь городъ говоритъ объ этой дуэли. Какъ она происходила, этого описать я не умѣю: секунданты графа Эдуарда, по его желанію, избрали расправу на шпагахъ,... онъ, говорятъ, чрезвычайно искусенъ въ этомъ оружіи!... твой не сдѣлалъ ни какого возраженія; начали драться, и дрались, очень, очень долго.... не могу сказать сколько времени.... противникъ оказывалъ большую запальчивость и кольнулъ твоего въ плечо, но желѣзо скользнуло по кости, а самъ онъ наткнулся на шпагу Валеріана. Онъ жилъ еще четыре часа послѣ этого. Ахъ! эти мерзкіе мужчины, съ ихъ дуэлями!.... Ну, что имъ за охота?

— Такъ Валеріанъ раненъ? задумчиво спросила Анна.

Digitized by Google

— Раненъ въ правое плечо.... Но не безпокойся, душенька мой другъ!.... пожалуйста не безпокойся!.... въ самомъ верху.... очень легко.... говоритъ—ничего!

— Ты, милая Полина, проболталась. Значитъ, онъ —здѣсь и ты уже съ нимъ видѣлась; ты знаешь все черезъ него.... Позволь, я лягу.... я очень слаба.... не могу говорить.

— Право, его здѣсь нѣтъ! сказала Полина, покраснѣвъ до ушей, между-тѣмъ Анна ложилась на софѣ.

Анна посмотрѣла ей въ глаза.

— Право, нѣтъ! повторила Полина, краснѣя еще болѣе: увѣряю тебя, душенька!

— Что ты меня обманываешь, добрая душа? Какъ ты мило ни вертѣлась въ своемъ разсказѣ, я примѣтила, по многимъ выраженіямъ и подробностямъ, что твои свѣдѣнія происходятъ изъ самаго достовѣрнаго и притомъ самаго свѣжаго источника. Признайся: онъ—у тебя, и онъ тебя прислалъ сюда? Ты даже не сняла шляпки: спѣшишь къ нему съ отвѣтомъ.

Полина, красная какъ раскаленный уголь, кинулась къ Аннѣ на шею, цѣлуя и прося извиненія.

— *Онъ* этого желалъ, говорила она: ему такъ угодно, чтобы ты не знала объ его пріѣздѣ, нѣсколько времени. Я—такая безтолковая!.... никакъ сплутовать довко не умѣю.... хоть это иногда и очень нужно. Меня всегда поймаютъ! Умоляю тебя, душенька другъ мой, ангелъ-Анна моя прелесть, не выдавай меня: онъ подумаетъ, что я—ужасная дура!.... не говори ему, что я такъ дурно исполнила его порученіе, когда съ нимъ увидишься.

Анна тяжело воздохнула и, возведя глаза къ небу, повторила грубымъ голосомъ:

— Когда я съ нимъ увижусь!...

Въ этомъ же положеніи она впала въ глубокую задумчивость. Полина долго ждала, пока Анна заговоритъ, но та всё смотрѣла вверхъ, и нѣжная душа, въ безпокойствѣ своемъ, рѣшилась спросить:

—

Digitized by Google

— Что это значитъ, Анна? Что ты это хотѣла сказать?

Анна не слышала. Полина взяла ее за руку: рука была холодна и какъ-будто не принадлежала къ живому тѣлу. Подруга потрясла эту руку, дергала къ себѣ, схватила обѣими своими руками и жала изо всей силы. Несчастная ничего не чувствовала.

— Анна!.... Анна!.... что съ тобой! Анна!.... другъ мой!.... отвѣчай!.... я стану плакать.

Она поворотила ей голову, начала цѣловать, шевелить, кликать. Анна нѣсколько освободилась отъ оцѣпенѣнія.

— Боже мой! страшно на тебя смотрѣть! говорила кузина. Какъ ты себя чувствуешь?

— Я.... убита, отвѣчала она едва внятнымъ голосомъ.

— Лягъ немножко выше.

Она помогла ей приподняться.

— Когда же вы увидитесь?

Анна, открывая глаза, снова посмотрѣла въ небо и сказала:

— Тамъ!..... если можно.....

— Анна!... ради Бога!.... что ты это говоришь?.... ты его убиваешь!

Анна произнесла, глухимъ голосомъ, какъ будто изъ дна могилы:

— Кровь отца дѣтей моихъ между нами.... ея нельзя переступить.... намъ нѣтъ возможности видѣться.

— Бѣдные вы! уныло воскликнула Полина, и слезы полились изъ глазъ ея. Бѣдные, бѣдные!.... Онъ былъ увѣренъ, что ты это скажешь.... Боже мой! надобно же было такое несчастіе! такое стеченіе обстоятельствъ!.... Онъ говоритъ, Анна, что, безъ тебя, ему счастія на свѣтѣ нѣтъ. И я вѣрю. Представить себѣ не можешь, какъ онъ огорченъ этимъ происшествіемъ, какъ печаленъ, въ какомъ унынье.... и какъ тебя любитъ!.... какъ удивляется твоей прекрасной душѣ, твоему уму, сердцу, твоей высокой.... какъ онъ говоритъ, «ясновидящей» любви!.... какъ

Digitized by Google

сострадаетъ къ твоему положенію! Въ самомъ дѣлѣ, ты, вмѣстѣ, и самая чудесная и самая несчастная женщина въ мірѣ.

— О! если бъ я могла заплакать!... болѣзненно простонала Анна, стараясь выдохнуть изъ груди страданіе, которое уже не истекало спасительною влагою глазъ. Но, нѣтъ! я уже плакать не буду..... Отъ страшнаго удару въ душу источникъ слезъ вдругъ изсякъ. Въ мозгу и во всѣхъ нервахъ я чувствую жесткую деревянную сухость. Голова и грудь придавлены двумя утесами. Вѣроятно, такъ останусь навсегда..... Лишиться слезъ, Полина: какое мучительное состояніе!....

Она должна была остановиться и замолкнуть на нѣсколько минутъ, чтобы собрать остатки силъ: потомъ продолжала, тѣмъ же слабымъ голосомъ, съ частыми остановками.

— Что со мной будетъ?.... Сойду ли я съ ума?... Это было бы большое счастіе для меня!.... Здѣсь, подлѣ этого столика, часа два тому, стояла я..... когда въ ушахъ моихъ громомъ разразилось убійственное извѣстіе..... и осталась какъ вкопанная. Не знаю, что со мною происходило послѣ этого: помню только..... что первая мысль..... невольное движеніе души.... была — броситься изъ окна на мостовую.... подошелъ ребенокъ: я вспомнила о дѣтяхъ, и удержалась..... Теперь ты — единственная приличная связь между мною и нимъ..... подъ однимъ кровомъ мы съ нимъ никогда быть не можемъ, для этихъ дѣтей, которые однако жъ..... О! я знаю мою участь..... и онъ ее знаетъ..... Вотъ еще прибавился для нихъ новый и страшнѣйшій изъ всѣхъ предлогъ вражды, ненависти и презрѣнія къ матери..... Меня раздавятъ этимъ обвиненіемъ.... Долгъ! долгъ!.... страшное слово! Жертвуй всѣмъ для него, хоть знаешь напередъ, чѣмъ тебѣ заплатятъ... Было у меня, въ мечтѣ, послѣднее убѣжище, послѣднее душевное счастіе, которое берегла я на это страшное будущее..... теперь и оно пропало! Теперь мнѣ уже нельзя быть и вашею слугою!

Digitized by Google

— *Чьей* слугой? спросила Полина, съ особеннымъ удареніемъ любопытства на первомъ словѣ.

— Спроси у Валеріана, сказала Анна. Онъ знаетъ, чьей..... Спроси непремѣнно: скажи, что я хочу, чтобъ онъ тебѣ сказалъ.... Прощай, мой ангелъ: поѣзжай домой..... онъ тебя ждетъ.

Полина поцѣловала у Анны оба глаза, закрытые блѣднымъ вѣкомъ съ богатою рѣсницей, постояла нѣсколько мгновеній возлѣ софы, глядя на нее съ глубокимъ прискорбіемъ, и ушла тихими шагами. Она была уже у дверей, когда Анна кликнула ее.

— Воротись, Полина.... Дай я тебя поцѣлую. (Она открыла глаза и съ чувствомъ поцѣловала ее въ красивыя розовыя губки.) Это мой послѣдній.... прощальный.... поцѣлуй Валеріану: отдай ему когда-нибудь.... постарайся, отдать по-скорѣе. Я свода положила залогъ счастія для него. Вся моя *жизнь* тутъ. Вмѣсто *жизни* у меня теперь — долгъ. Я больше не живу.

Полина удалилась, желая себѣ отъ своего сердца скорѣйшей возможности исполнить со всей точностью порученіе Анны, на прочномъ основаніи законовъ. Она и исполнила, не далѣе какъ черезъ годъ. Валеріанъ подвергся операціи съ удивительною твердостью.

Анна уѣхала съ матерью въ Баденъ-Баденъ и вскорѣ воротилась въ свое отечество. Ея уже никогда не видали въ обществѣ: она жила затворницей, посвятивъ себя исключительно воспитанію дѣтей, которые, достигнувъ совершеннолѣтія, своей неблагодарностью вполнѣ оправдали опасенія матери. Негодная дочь продала ее родственникамъ мужа за нѣсколько лоскутковъ. Сыновья, два достопамятные негодяя, связавшись съ ними же, и съ старинными врагами Анны, которые съ радостью удостоили ихъ своего покровительства, обѣднили съ матерью почти какъ съ убійцей ихъ добродѣтельнаго родителя, обижали ее, обирали, и замучили окончательно отчетами въ управленіи имѣніемъ. Графиня Марія прожила за границею свое имѣніе: доля Анны

оказалась такой ничтожною, что она, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтилась бы еще разъ лицомъ къ лицу съ нищетою, если бъ нѣжныя, нагляя оскорбленія со стороны дѣтей не сократили ея страдальческой линіи. Она умерла, сорока-четырехъ лѣтъ отъ роду, еще почти такой же удивительной красавицей, какъ была въ Вѣнѣ. Несмотря на уединеніе и скромность жизни, украшенной всѣми добродѣтелями, клевета не забыла терзать ея до послѣдней минуты; всѣ предубѣжденія противъ нея сократили свою силу, всѣ средства униженія свою дѣятельность; ей и въ сорокъ три года приписывали еще любовниковъ; еще и въ этомъ возрастѣ честь знаменитой красавицы нерѣдко дѣлалась жертвою безстыднаго самохвальства мужчинъ.

Замѣчательно, что со времени потрясенія тѣла внѣшнимъ происшествіемъ, она уже не могла плакать.

Краткое, но чистосердечное, объясненіе съ прелестными читательницами.

Льщу себя надеждою, что онѣ благоволятъ еще отчасти помнить тотъ роскошный вечеръ высокаго сердечнаго наслажденія, въ который покойница Анна разсказывала Валеріану о замѣчательномъ явленіи, писемъ, покрывающемся радужными цвѣтами, и словѣ «дружба», принимающемъ среди этихъ цвѣтовъ кровавый отливъ, — вечеръ незабвенный, — единственный во всей ея жизни вечеръ настоящаго чувства блаженства любить и быть любимой, гдѣ все совокупилось, и дружба, и любовь, и пламенныя рѣчи, и восхитительныя бесѣды, и важныя разсужденія, и порывы, и взрывы, и тиши, и бури волнующагося чувства, и нервныя забытья отъ душевной сладости, и восторги, и слезы, и горесть, и надежды среди отчаянія, и спасенія среди обольстительной надежды, и лесть, и упоеніе, и немощи любопытства — немножечко! — и, для полноты блаженства, капризъ... (какое гадкое слово!)... другимъ, лучшимъ словомъ — мученіе возлюбленнаго отъ избытку счастія. Все тутъ было, — ни чего нѣтъ пред-

Digitized by Google

чувствіе, что прелестныя читательницы странно вознегодуютъ на меня за введеніе капризовъ въ картину этого вечера любви и дружбы, пріймутъ ато за личность, пойдутъ жаловаться на меня въ цензуру. Оправданіе мое было бы очень легко: для меня, не было бы ничего легче какъ выпустить капризы—развѣ я такой до нихъ охотникъ!—прочь ихъ, и пишу далѣе: но для вѣрности фактовъ я долженъ былъ ввести ихъ: не лгать же мнѣ!... не могу жъ я всенародно увѣрять, что не было ни одного каприза, когда были — и порядочные! Что сказала бы исторія? Но оправдываться я не хочу; въ судѣ прелестныхъ читательницъ оправданія не пріемлются: Приказали—скучно!... и меня, безотвѣтнаго преступника, ведутъ на казнь позорную. Такъ побивайте же меня каменьемъ гнѣву своего! Такъ рвите же мою правдивую, ничего не выпускающую и ничего не прибавляющую лѣтопись любви и дружбы въ куски, въ клочки, въ щепотки! Разнесите всѣ странички ея по воздуху!... Исполняйте же, сударыни, свой грозный приговоръ,—я жду,—и пусть первую страничку вырветъ изъ моей книги та, которая когда-либо провела вечеръ истиннаго душевнаго блаженства съ милымъ и не помучила его, отъ избытку счастія, ни однимъ капризомъ....

Что касается до самаго явленія, именно, до явленія слова «дружба» въ красномъ или кровавомъ видѣ,—а это уже касается собственно до читателей,—то смѣю доложить, что тутъ не было ни симпатическихъ примѣтъ, ни мистическихъ предзнаменованій, ни магнитической чертовщины,—не было ничего особеннаго,—и меня со всѣмъ незачѣмъ вести на правежъ критики, править съ меня долгъ вѣроподобію. Дружба Анны съ Валеріаномъ, особенно при совершенно вѣроятномъ и даже неизбѣжномъ вмѣшательствѣ такихъ родныхъ какъ маркизъ и Катенька, могла естественно, и должна была необходимо, имѣть послѣдствіемъ дуэль и погибель одного изъ двухъ, мужа или его преемника. Это послѣд-

Digitized by Google

ствіе — такой логическій выводъ изъ окружавшихъ Анну обстоятельствъ, что онъ самъ добровольно, даже безъ участія воли, выводился изъ идей этихъ обстоятельствъ, идей уже присутствующихъ въ умѣ, существовалъ въ немъ безъ ея вѣдома, *не ясно*, и долженъ былъ существовать. Онъ только не выходилъ наружу,—не проявлялся, какъ говорятъ мудрецы,—не принималъ формы настоящей, то есть, *ясной* и опредѣлительной, мысли, и только потому что Анна не засѣла размышлять формальнымъ образомъ или избѣгала размышлять о самомъ прямомъ по человѣческой логикѣ послѣдствіи всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ. Не въ одно изъ пробужденій ума, — здѣсь онъ пробудился отъ попавшагося въ письмѣ слова «дружба»,—въ одинъ изъ тѣхъ сновъ наяву, которые случаются передъ настоящимъ сномъ, когда рябитъ въ глазахъ разными цвѣтами, этотъ, уже тайно существовавшій въ умѣ, готовый логическій выводъ принялъ на-мгновеніе форму видѣнія, и скрытыя въ выводѣ понятія дуэли, смерти, крови, выразились колоритно, краснымъ цвѣтомъ буквъ слова «дружбы». Понятіе «кровь» такой прямой отвѣтъ на понятіе «дружба» при мужѣ дуэлистѣ и затѣ истительномъ врагѣ, что въ случаѣ мерцанія разныхъ цвѣтовъ въ глазахъ, настоящее чудное дѣло было бы тогда только, когда бы попавшееся подъ это мерцаніе слово «дружба» принято, не красный, а голубой цвѣтъ. «Дружба» зеленаго цвѣту, тоже, не была бы чудное дѣло, потому что зеленый цвѣтъ — гармоническій съ краснымъ и служитъ ему отвѣтомъ въ гаммѣ. Это оптика, а не примѣты или предзнаменованія. А впрочемъ, для меня всё-равно: я писалъ дѣло, разсказывалъ какъ оно было, и вѣроподобіемъ отчету не отдаю.

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

Digitized by Google

КАБАНИСЪ.

РОМАНЪ АЛЕКСИСА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ третьемъ этажѣ довольно большаго дома въ Дрезденѣ, посереди обширной залы былъ круглый столъ, покрытый камковою скатертью; на столѣ стояли расписанныя фарфоровыя чашки, а вокругъ него стулья съ высокими спинками; на стульяхъ сидѣли дамы съ напудренными волосами и въ платьяхъ съ фижмами. Между ними не было ни одной хорошенькой, не исключая даже и молоденькой дѣвушки лѣтъ семнадцати, чинно сидѣвшей возлѣ матери. Это было одно изъ такъ называемыхъ *кофейныхъ* собраній, въ которыя, по обычаю утвержденному вѣками, и понынѣ еще существующему въ Германіи, мужчины не допускаются.

Но, вѣроятно, въ этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, потому что передъ дамами стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ красивомъ французскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, и съ странными, танцорскими ужимками.

Хозяйка безпрестанно наполняла чашки чернымъ, крѣпкимъ кофе, суетилась около гостей и по временамъ уходила въ другую комнату.

Digitized by Google

— Что это сдѣлалось съ доброй нашей Клинкауфъ? спросила одна изъ *кофейницъ*, когда хозяйка опять удалилась: ей не сидится на мѣстѣ—она точно осьмнадцатилѣтняя дѣвушка. Каммергеръ, не знаете ли, что это значитъ?

Мужчина лукаво улыбнулся, погладилъ мопса и, приложивъ палецъ къ губамъ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Она наблюдаетъ.

— За кѣмъ? за чѣмъ? спросили всѣ кофейницы вмѣстѣ.

— За семействомъ графа Мероии.

— Фи! вотъ скверные люди! сказала одна толстая кофейница.

— Терпѣть ихъ не могу! прибавила другая, худощавая.

— И есть за что! продолжала дородная. Привезли съ собой раненаго гусара и ухаживаютъ за нимъ какъ Богъ знаетъ, за кѣмъ. Говорятъ даже, что дочь-то сидѣла возлѣ кровати и читала ему.

— Можетъ ли это быть! вскричали всѣ, и мать закрыла опахаломъ лицо своей дочери. Всѣ приступили къ каммергеру, чтобы онъ, знакомый съ домомъ графа, разсказалъ что тамъ дѣлалось.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ онъ съ притворною скромностію.

— Полноте, баронъ фонъ-Курцъ: вѣдь тутъ всѣ свои: таиться нечего, сказала толстая дама и пожала руку каммергеру.

— Ну, такъ и быть! отвѣчалъ баронъ: я могу разсказать вамъ все что видѣлъ, безъ зазрѣнія совѣсти, потому что они сами ни отъ кого не скрывали своихъ поступковъ. Дочь графа еще прошлымъ лѣтомъ познакомилась съ однимъ гусарскимъ поручикомъ. Графъ замѣтилъ, что отъ этого знакомства добра не будетъ, и строго-на-строго запретилъ дочери имѣть какое-либо сношеніе съ этимъ человѣкомъ. Но, вѣдь вы знаете, графиню....

— Знаемъ, знаемъ! воскликнули хоромъ кофейницы.

— Запрещеніе отца только раздражило ее, продолжалъ баронъ: и, говорятъ, что не смѣя дѣйствовать явно, она каждый день принимала къ себѣ поручика, переряжающагося крестьянкой и даже.... не ручаюсь за достовѣрность этого—сама ходила къ нему въ гусарскомъ костю-

Digitized by Google

мѣ. Наконецъ они условились бѣжать и въ ту самую ночь, когда возгорѣлась гохкирхенская битва. Объ этомъ узналъ какой-то прусскій ротмистръ, который также волочился за графинею. Онъ вызвалъ почтеннаго господина Стефана на дуэль и былъ убитъ. Ротмистръ былъ любимецъ короля и потому поручика немедленно арестовали. Но послѣдній впадаетъ въ горячку, сбиваетъ съ себя цѣпи, садится на коня и стремглавъ мчится къ графскому дому, гдѣ дочь графа ожидала уже его въ мужскомъ платьѣ. Они хотятъ бѣжать, раздается выстрѣлъ и поручикъ безъ чувствъ падаетъ на землю. Графиня бросается съ пистолетомъ къ отцу и съ угрозами заставляетъ его взять съ собою раненаго.—Вотъ какъ было дѣло!

— Боже мой! до чего мы дожили!

— А что еще хуже, прибавила толстая: такъ поручикъ этотъ — австрійскій дезертёръ, убѣжавшій, съ полковой казною, къ Пруссакамъ. Это вѣрно: иначе они не поторопились бы выслать его по-скорѣе изъ Дрездена.

— А развѣ его выслали?

— А вы не знаете? Какъ же! въ графскомъ фаэтонѣ еще! Я сама, собственными глазами видѣла. Когда экипажъ доѣхалъ до валу, то Кроаты подскочили къ нему....ихъ хотѣли остановить, говоря, что тутъ лежитъ тяжело раненый, но они не обратили на это вниманія, и одинъ изъ нихъ полѣзъ уже въ карету, какъ-вдругъ оттуда полетѣли ему въ голову перины и подушки, и въ то же мгновеніе выскочилъ больной, и съ такими проклятіями и крикомъ, что десятеро здоровыхъ не перекричали бы его, бросился на Кроатовъ, и давай колотить, кого по головѣ, кого по спинѣ!.....

— Чѣмъ же это кончилось?

— Ужасной суматохой, во время которой, больной выхватилъ у одного Кроата лошадь, вскочилъ на нее и ускакалъ!....

Всѣ молчали и мѣняясь значительными взглядами, покачивали головами.

— Странно!

Въ это самое время отворилась боковая дверь, изъ-за которой выглянула хозяйка.

— Баронъ Курцъ! сказала она таинственно.

Digitized by Google

Баронъ послѣдовалъ за нею и дверь затворилась.

— Это еще страннѣе! сказала дородная дама, вставъ съ мѣста и величественно прохаживаясь по комнатѣ.

Тощая дама сказала, что она не понимаетъ, что̀ сдѣлалось съ хозяйкой.

— Это даже не прилично! продолжала толстая: пригласить насъ къ себѣ и уходить въ другую комнату! Это, просто, оскорбительно!

— И что̀ она за знатная дама такая, что осмѣливается такъ дерзко поступать съ нами? спросила одна изъ кофейницъ.

— А вотъ я пойду и напрямки скажу ей, что она поступаетъ невѣжливо, вскричала толстая, и пошла въ дверь, которая въ то же мгновеніе отворилась.

— На минуточку, ma chère, сказала хозяйка, сдѣлавъ знакъ толстой дамѣ, чтобы она послѣдовала за нею.

Дверь опять затворилась.

— Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ воонъ! закричала тощая.

— Маменька, они даже закрыли замочную скважину, сказала молодая дѣвушка, которая по неопытности своей на цыпочкахъ подошла къ дверямъ и приложила глаза къ замкѹ.

— Что̀ у нихъ тамъ за тайны?

Дверь опять отворилась.

— Милая Зюсмильхъ: на одно словечко! произнесла хозяйка сладкимъ голосомъ. Тощая послѣдовала за нею и дверь опять была заперта.

Это было знакомъ ко всеобщему возстанію.

— Мы не останемся здѣсь ни минуты! насъ дурачатъ, и оскорбляютъ! заговорили всѣ вмѣстѣ, хватаясь за платки, шляпы, зонтики.

— Постойте, mesdames, сказала рѣшительно мать молодой дѣвушки: если мы уйдемъ, то ничего не узнаемъ, а чѣмъ мы хуже другихъ? Войдемте прямо въ комнату, и докажемте, что мы не позволимъ водить себя за носъ!

— Докажемъ!.... подтвердили всѣ.

Отступленіе было отмѣнено—аттака рѣшена. Но прежде чѣмъ онѣ успѣли подойти къ двери, она еще разъ отворилась.

Появился каммергеръ. Осторожно затворилъ онъ за со-

Digitized by Google

бою дверь и приложивъ палецъ къ губамъ, тихо сказалъ, что онъ пришелъ съ объясненіями.

— Съ объясненіями! вскричали всѣ въ одинъ голосъ. Прошла гроза, всѣ лица прояснились.—О, говорите! милый каммергеръ! Что̀ такое?

— Государственное дѣло! Только, mesdames, умоляю васъ: будьте скромны. Это главное условіе милой хозяйки нашей: она прислала меня къ вамъ съ приглашеніемъ на рекогносцировку....

Едва произнесъ баронъ слово приглашеніе, какъ всѣ дамы бросились въ сосѣднюю ко̀мнату....

Графъ Мерони сидѣлъ на софѣ въ одной изъ комнатъ своего дома. Взоръ его безпрестанно обращался съ невыразимымъ безпокойствомъ на дверь къ алькову, находившемуся въ глубинѣ комнаты. Дочь его сидѣла у окна.

— Ты удивительно перемѣнилась, Евгенія, сказалъ графъ, прервавъ наконецъ молчаніе: втеченіи одного года, ты, изъ гордой, своенравной амазонки, сдѣлалась покорной рабой тысячи мело̀чныхъ, ничтожныхъ обстоятельствъ.

— Вы опять начинаете разговоръ, который мнѣ такъ не нравится?

— Это одно замѣчаніе. Впрочемъ, я правъ. Больному нашему сто̀итъ только поднять голову и ты вскакиваешь, бѣжишь къ нему. Онъ вздохнетъ—ты бѣжишь смотрѣть не слишкомъ ли много дровъ въ каминѣ; онъ накинетъ на себя одѣяло и ты спѣшишь узнать не открыто ли въ цѣломъ домѣ гдѣ-нибудь окно.

— Вы знаете, батюшка, что насмѣшки ваши мало дѣйствуютъ на меня; ктому же вы забываете условіе наше....

— Нисколько. Я согласился оставить его у себя въ домѣ, скрыть его, потому что ты говорила, что онъ слишкомъ нездоровъ и не можетъ слѣдовать за выступавшими Пруссаками, а ты обѣщала мнѣ....

— Отказаться отъ него — прервала Евгенія рѣшительно.

— Точно; ты обѣщала это мнѣ въ вознагражденіе за опасности, которымъ я подвергаюсь.

— Я обѣщала это вамъ, потому что не предвидѣла другихъ средствъ спасти его: но, довольно.

Digitized by Google

— И ты сдержишь обѣщаніе?

— Я никогда не измѣняла своему слову.

Въ это время изъ двери алькова вышла Амалія. Тихо притворила она дверь и приблизясь съ недовольнымъ видомъ къ разговаривавшимъ, сказала:

— Если вы не забыли, что здѣсь въ комнатѣ больной, то говорите по-тише.

— Не требуетъ ли онъ Евгеніи къ себѣ? спросилъ насмѣшливо графъ.

— Онъ спитъ, отвѣчала Амалія, удаляясь.

— Батюшка, еще разъ повторяю, насмѣшки ваши....

Слова Евгеніи были прерваны слугой, который принесъ нѣсколько писемъ. Печать и надпись на одномъ изъ нихъ обратили не себя вниманіе графа.

— Наконецъ! вскричалъ онъ, распечатывая письмо. Онъ читалъ и лицо его мало-по-малу прояснялось; нѣчто въ родѣ радости сверкнуло въ глазахъ его; онъ снова прочелъ письмо; потомъ съ выраженіемъ внутренняго удовольствія сложилъ его, посмотрѣлъ на дочь и сказалъ:

— Онъ ѣдетъ.

— Кто? спросила Евгенія равнодушно.

— Кто?.... Старый другъ, о которомъ мы совсѣмъ почти забыли. Онъ ѣдетъ въ Дрезденъ.

— Я не знаю всѣхъ вашихъ друзей.

— Но этого ты знаешь. Маркизъ будетъ къ намъ.

— Врагъ Пруссаковъ!

Графъ недавно только разлучился съ Пруссаками, а потому еще невольно вздрогнулъ при этомъ недипломатическомъ восклицаніи дочери.

— Осторожнѣй, Евгенія! сказалъ онъ оглядываясь.

— Ужъ не боитесь ли вы больнаго?

— Вояться! намъ нечего бояться. Дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Конечно, и на меня слава Фридриха подѣйствовала, и меня она ослѣпила, но теперь я вспомнилъ, что я Саксонецъ, и чѣмъ обязанъ отечеству! сказалъ графъ патетически.

— За чѣмъ же приказываете вы мнѣ быть осторожной? спросила Евгенія и скоро вставъ, пошла къ альнову: ей послышалось, что больной проснулся. Она отворила дверь,

Digitized by Google

но увидѣвъ, что ошиблась, воротилась къ отцу, оставивъ дверь не затворенною.

— А! другъ мой, продолжалъ графъ: Фридрихъ намъ не такъ уже страшенъ, но у него есть деньги, а *qui pecuniam habet, habet omnia*!

Графъ попалъ на любимую свою тему и по-видимому, намѣревался распространиться насчетъ прусскаго короля, когда вошла Амалія. Взоръ ея упалъ на растворенную дверь алькова; съ быстротою молніи бросилась она туда и, захлопнула дверь, вскрикнувъ:

— Боже мой! что вы сдѣлали?

— Что такое? спросилъ графъ, вскочивъ съ дивана.

— Сколько разъ говорила я вамъ, что не должно оставлять этой двери отворенною! Если госпожа Клинкауфъ дома, то все погибло!

— Почему?

— Да развѣ вы не знаете, что любимое занятіе ея наблюдать за тѣмъ что происходитъ у сосѣдей и особенно у насъ?

— Въ такомъ случаѣ онъ не можетъ долѣе оставаться у насъ! вскричалъ графъ. Надо отправить его!

— Поздно! отвѣчала Амалія, подойдя къ окну. Все открыто!

—Открыто! повторила Евгенія съ выраженіемъ боязни.

Вмѣсто отвѣту Амалія показала ей на другую сторону улицы. Изъ окна третьяго этажа была направлена къ нимъ внизъ зрительная труба. Нельзя было видѣть кто наблюдалъ, потому что труба выставлялась между задернутыми занавѣсами, но по безпрестанному движенію ея и по изрѣдка показывавшимся пальчикамъ можно было заключить, что хозяйка этой квартиры была не одна.

— О, Евгенія! что ты сдѣлала! вскричалъ графъ, опустившись опять на диванъ.

— Горевать нечего! сказала Амалія: теперь надо подумать о томъ, какъ поправить дѣло.

Графъ вскочилъ: — Я самъ отправлюсь къ австрійскому комменданту. Одна *благородная* откровенность можетъ спасти насъ.

— Ни съ мѣста! вскричала Евгенія, схватившъ отца за руку.

Digitized by Google

— Смѣлѣе, графиня! сказала Амалія, на-скоро надѣвая шляпку и шаль. Я помогу вамъ!

— Я надѣюсь, что вы не осмѣлитесь въ моемъ домѣ....

— Запереть васъ? прервала его Амалія: и ключъ возьму съ собою, если вы не останетесь въ покоѣ.

— Вы забываетесь! вскричалъ графъ, стараясь придать себѣ всевозможную важность: я приказываю вамъ, я умоляю васъ. Что вы хотите дѣлать?

— Итти къ Клинкауфъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.... чтобы выиграть время, которымъ вы, я надѣюсь, будете умѣть воспользоваться.

— Неужели вы думаете, что заставите все общество ея молчать?

— Можетъ-быть.

— Не можетъ быть! Не навлекайте на меня непріятности! Какія средства думаете вы употребить?

— Я налью яду въ ихъ кофе!...

И Амалія выбѣжала изъ комнаты. Графъ хотѣлъ догнать ее, но едва вышелъ онъ на лѣстницу, какъ уже компаньонка была на улицѣ.

— Батюшка, сказала ему Евгенія, когда онъ воротился въ комнату: простите меня. Еще разъ даю вамъ твердое обѣщаніе, изгнать изъ сердца своего привязанность къ этому человѣку и навсегда отказаться отъ него!.....

— Не въ томъ дѣло теперь, сказалъ отецъ, съ безпокойствомъ прохаживаясь по комнатѣ:—Подумай, что предстоитъ намъ! Его разстрѣляютъ, а я буду обезчещенъ, лишусь имѣнія....

— Какъ! вы думаете, что его будутъ судить какъ дезертёра?...

— Ничего я не думаю и думать не хочу! Твое легкомысліе, твое своенравіе навлекли на насъ бѣду.... Конечно, его будутъ судить какъ дезертёра! Кажется, и не ошибутся.

— Это было бы ужасно!

— То-то ужасно! Теперь ты опомнилась. Тѣмъ болѣе, что ты его никогда не любила, никогда; это была просто одна прихоть....

— Хоть бы я его и не любила, но спасу его. Жизнію своей пожертвую....

Digitized by Google

— Тише!

Дорожная карета, запряженная шестью почтовыми лошадьми, подъѣхала къ графскому дому. Графъ выглянулъ въ окно и поспѣшно отскочивъ вскрикнулъ съ отчаяніемъ:

— Это онъ!

— Кто?

— Маркизъ.

— О, какая идея!

— Что такое?

— Послушайте, батюшка: маркизъ вашъ другъ.... мы вѣримся ему..., начинаетъ смеркаться.... въ дорожной каретѣ маркиза отправимъ мы сегодня же больнаго изъ Дрездена.

— Вздорная идея! Одно имя Пруссака ненавистно маркизу. Все погибло, если онъ узнаетъ, кого мы скрываемъ. Надобно, чтобы онъ не засталъ насъ здѣсь; пойдемъ, скорѣй!

Но уже было поздно, потому что въ то же мгновеніе камердинеръ отворилъ дверь и мужчина, невысокаго росту, закутанный въ широкую дорожную шинель, вскочилъ въ комнату и бросился къ графу.

— Получили письмо мое? спросилъ рѣзкій, звонкій голосъ.

— Только-что получилъ, любезнѣйшій маркизъ. Вашъ пріѣздъ....

— Это дочь ваша? спросилъ вновь прибывшій, не давъ договорить графу и подходя къ Евгеніи.

— Дочь моя, Евгенія.

— Какъ она выросла, похорошѣла!... Графиня, вотъ уже будетъ лѣтъ десять, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ.

Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на графиню, онъ сбросилъ съ себя шинель. На немъ былъ красный французскій кафтанъ, великолѣпно украшенный золотымъ шитьемъ, но по покрою уже нѣсколько вышедшій изъ моды. Съ придворною ловкостью поклонился маркизъ Евгеніи и, по старому обычаю, подошелъ къ рукѣ. Только потомъ бросился онъ съ необыкновенною живостію въ объятія графа.

— Давно мы съ вами не видались; жаль, жаль!... Бур-

Digitized by Google

ное, ненавистное время.... А pгоров, который годъ графинѣ?

Евгенія хотѣла отвѣчать, но маркизъ, какъ-бы забывъ вопросъ свой, продолжалъ, обратившись къ графу:

— Славная была бы парочка—мой сынъ и ваша дочь, а?

— Вы, кажется, воспитываете сына вашего за границей? возразилъ графъ, стараясь измѣнить направленіе разговора.

— Я его не воспитываю — жизнь должна воспитать его, вотъ мое правило!

— Вы, вѣроятно, устали, другъ мой. Въ ваши лѣта....

— Что въ мои лѣта? Тотъ, кого одолѣваютъ лѣта, не мужчина, а баба! вскричалъ маркизъ вскочивъ и вытянувшись, какъ-бы желая показать, какъ онъ еще твердъ. Знаете ли въ чемъ состоитъ настоящее мужество? Развѣ тотъ мужественъ, кто прокалываетъ насквозь друга и недруга? Ничего не бывало. Только тотъ мужественъ, кто умѣетъ управлять судьбой, кого три раза поражаетъ громъ, а онъ всё твердъ на ногахъ! Тотъ мужественъ, кто будучи три раза выброшенъ за двери, войдетъ въ нихъ и четвертый разъ и не боится бороться ни съ предразсудками..... ни съ лѣтами!...

Гордо прохаживался онъ по комнатѣ, но вдругъ остановился; отъ проницательнаго взору его не ускользнули боязливые взгляды Евгеніи и отца ея.

— Тамъ у васъ больной? спросилъ онъ, указавъ на альковъ.

— Дальній родственникъ.... но перейдемте лучше въ другую комнату: тамъ будетъ лучше.

— Онъ раненъ?

— Нѣтъ, такъ.... простуда.... съ замѣшательствомъ отвѣчалъ графъ.

— А эта перевязка откуда?

— Ему пускали вчера кровь.... скоро сказала Евгенія.

— Это не такая повязка! Она покрывала рану, нанесенную саблей. Я это хорошо знаю: я вѣдь учился хирургіи. Покажите мнѣ больнаго.

— Ради Бога, вскричала Евгенія, бросившись къ маркизу.... но онъ уже былъ у двери алькова....

Digitized by Google

— Успокойся! Онъ вѣдь его не знаетъ, шепнулъ графъ дочери.

—

Амалія скоро перешла черезъ улицу и на лѣстницѣ дома, въ которомъ жила фрау Клинкауфъ, встрѣтила гостей ея. На лицахъ, сіяющихъ радостью, прочла она намѣреніе ихъ, итти пересказывать только-что собранныя новости. Встрѣча съ Амаліей остановила ихъ.

— Вы еще не знаете?... спросила Амалія послѣ первыхъ привѣтствій.

— Что такое? спросила Клинкауфъ, провожавшая гостей.

— Новость! отвѣчала Амалія и это могущественное слово произвело магическое дѣйствіе на всѣхъ дамъ: всѣ лица опять обратились къ лѣстницѣ.

— Зайдите, миленькая, зайдите! просила хозяйка.

— И мы! вскричали хоромъ кофейницы.

— О, нѣтъ, сказала Амалія, зачѣмъ вамъ безпокоиться... вы сами скоро узнаете эту исторію....

Почтенныя дамы въ нерѣшимости поглядывали одна на другую.

— Еще довольно рано и милая наша Клинкауфъ, вѣроятно, позволитъ намъ?... сказала дородная.

— Пожалуйста, пожалуйста, вы меня премного обяжете!

Нѣсколько минутъ спустя всѣ уже опять сидѣли около кофейнаго стола.

— Какъ давно мы не видались! говорила Амалія; такъ ли поступаютъ съ друзьями, милая фрау Клинкауфъ! Графъ говоритъ: «я, вѣроятно, чѣмъ-нибудь обидѣлъ фрау Клинкауфъ: она не ходитъ къ намъ, не кланяется; что бы это значило?»—Если и въ самомъ дѣлѣ графъ провинился въ чемъ-нибудь, то мы-то чѣмъ виноваты? за что же мы терпимъ? Ахъ, и добрая графиня неутѣшна. Помните ли, гдѣ мы въ послѣдній разъ видѣлись? У католической церкви. Мы шли у церкви, а вы у моста.... нѣтъ, виновата. Мы шли у моста, а вы у церкви.... кажется такъ? И вы погрозили еще намъ пальцомъ. Да, да, много горя перетерпѣли мы въ послѣднее время! О, милая, душечка, фрау Клинкауфъ, какъ я рада, что вижу васъ. Какъ провели вы все это время?

— Но вы, кажется, хотѣли.... начала тощая.

Digitized by Google

— Ахъ, фрейлейнъ Зюсмильхъ! Божусь, васъ узнать нельзя: какъ вы пополнѣли! Вотъ, подумаешь, иные худѣютъ, а другіе полнѣютъ! Все зависитъ отъ характеровъ.... ахъ, скажите пожалуйста, была ли у васъ вода въ погребахъ во время послѣдняго сильнаго вѣтру?

— Кофе ужъ простылъ, а нето я предложила бы вамъ чашечку, сказала хозяйка.

— О, кофе вашъ пользуется такою славой въ Дрезденѣ, что грѣшно было бы отказаться, возразила неожиданно Амалія и подвинула стулъ по-ближе къ кофейнику.

— Но что же случилось? спросила толстая дама, подсѣвъ къ Амаліи.

— Сейчасъ, сейчасъ! Я такъ устала.... крутая лѣстница. Позвольте мнѣ кусочекъ пирожнаго....

— Вы хотѣли намъ разсказать, — начала опять хозяйка, подавая Амаліи тарелку съ пирожнымъ, за которое она схватилась съ жадностію избалованнаго ребенка. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Амалія не могла уже болѣе отговориться.

— Можно ли при ребенкѣ? спросила она, взглянувъ на молодую дѣвушку. .

— Оттилія, ступай въ другую комнату! сказала мать; но Оттилія не повиновалась.

— Маменька, вы сказали, что когда я буду *большая*, то могу все знать.

— Оттилія, не упрямься.

— Маменька, вы говорили, что я теперь большая.

Каммергеръ вышелъ изъ сосѣдней комнаты. Онъ не зналъ о прибытіи Амаліи и разслышавъ послѣднія слова молодой дѣвушки, подскочилъ къ ней, поцѣловалъ руку ея и сказалъ:

— Кто можетъ огорчать васъ?

— Фрейлейнъ Амалія хочетъ разсказать исторію, а мнѣ велятъ выйти въ другую комнату.

— Фрейлейнъ Амалія!...

Появленіе каммергера спасло Амалію; она скоро подошла къ нему и дружески схватила его за руку:

— Добрый, добрый каммергеръ! вотъ мы опять вмѣстѣ. Помните, какъ я боялась за васъ. Нѣтъ ничего хуже боязни! Не правда ли?

Digitized by Google

Каммергеръ не зналъ, что отвѣчать; Амалія не знала чѣмъ все это кончится и какимъ образомъ ей выпутаться изъ бѣды.

— Слава Богу, продолжала она: теперь вы спасены! А худо бы вамъ пришлось, если бъ попались Пруссакамъ въ руки.

— A propos! сказала дородная дама, кстати о Пруссакахъ! Счастливо ли выѣхалъ изъ городу прусскій поручикъ, который жилъ у васъ въ домѣ? Я видѣла, какъ его сажали въ карету; онъ, бѣдненькой, былъ едва живъ; мнѣ было очень жаль его, такъ и казалось, что онъ умретъ, не доѣхавъ до заставы.

— Что дѣлать! Мы всѣ смертны, отвѣчала Амалія.

— Такъ онъ уѣхалъ? спросила хозяйка, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Уѣхалъ, ma chère, равнодушно отвѣчала Амалія: да и Богъ съ нимъ, онъ мнѣ порядочно надоѣлъ.

— Но скажите намъ, пожалуйста, милая Амалія, кто у васъ въ домѣ боленъ?

Этотъ рѣшительный вопросъ наэлектризовалъ все общество; злобные взгляды были устремлены на молодую дѣвушку, которая невольно покраснѣла, потупила глаза, но тотчасъ же поправилась и схвативъ руку сосѣдки своей, сказала таинственно:

— Слѣдовательно вамъ все извѣстно!... Полагаюсь на скромность вашу.... сдѣлайте одолженіе, заприте двери на замокъ....

Желаніе ея было тотчасъ исполнено.

— Ваша проницательность не обманула васъ. Точно, мы скрываемъ у себя человѣка, который ни за что въ мірѣ не хочетъ, чтобы кто-нибудь въ Дрезденѣ зналъ, что онъ здѣсь въ городѣ....

— Кто же это? Кто же это? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Онъ полагается на вашу скромность.... продолжала Амалія. Маркизъ де-Кабанисъ здѣсь!...

— Маркизъ! вскричали всѣ.

— Я только-что хотѣлъ доложить вамъ о томъ, сказалъ каммергеръ.

— Какъ! вскричала хозяйка: вы, баронъ, это знали и— молчали?

Digitized by Google

— Карета маркиза только-что подъѣхала къ графскому дому и я спѣшилъ сюда, чтобы передать вамъ эту новость, когда....

Въ то же мгновеніе всѣ были уже у оконъ.

Амалія стояла одна посереди комнаты и только наступившія сумерки могли скрыть блѣдность, покрывшую щеки ея. Судорожно сжавъ въ рукахъ батистовый платокъ свой, она грызла зубами кончикъ его и нетерпѣливо ударяла ногой по полу.

Когда карета была разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ, то кофейницы воротились на прежнія мѣста и хозяйка иронически взглянувъ на Амалію, сказала:

— Странно! Какъ это маркизъ пріѣхалъ, когда онъ уже такъ давно лежитъ въ постели, больной, и у васъ же въ домѣ?

— Да, это точно было бы очень странно, сказала Амалія, принужденно засмѣявшись. Но у насъ въ домѣ другой и маркизъ только теперь пріѣхалъ....

— Чтобы навѣстить его! сказала одна изъ дамъ.

— Именно.

— А тотъ больной?

— Вотъ это-то и есть тайна! Но вы скоро ее узнаете.... Позвольте мнѣ только сходить домой.... Я тотчасъ ворочусь и тогда вы узнаете, кто этотъ таинственный незнакомецъ, которому теперь, вѣроятно, уже нечего опасаться!

Она пошла къ дверямъ, но ее не пустили.

— Постойте, вскричала хозяйка: я пойду съ вами.

— И мы, и мы! закричали гостьи.

— Ради Бога, говорила Амалія, вы знаете маркиза.... мы помѣшаемъ ему.... радость свиданія съ человѣкомъ, котораго онъ такъ любитъ....

— Это, вѣроятно, сынъ его! закричала торжествуя фрау Клинкауфъ.

Амалія замолчала; сумерки вторично послужили ей скрыть радостную улыбку, появившуюся на лицѣ ея. Она бросилась на грудь къ хозяйкѣ.

— Боже мой! вскричала она: не измѣните мнѣ; я вамъ ничего не говорила!

— Это сынъ его! повторили всѣ въ комнатѣ. Амалія рѣшилась воспользоваться изумленіемъ, которымъ пора-

Digitized by Google

зала всѣхъ неожиданная новость, чтобы удалиться, но едва подошла она къ дверямъ, какъ онѣ съ шумомъ распахнулись и комната освѣтилась....

Два высокіе каммердинера съ зажженными свѣчами въ рукахъ остановились на порогѣ, черезъ который величественно перешагнулъ маленькій человѣкъ въ великолѣпномъ красномъ французскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ. Бросивъ пуховую шляпу подъ мышку, онъ остановился и окинулъ все собраніе быстрымъ, испытующимъ взоромъ. Эффектъ былъ самый театральный и замѣтно было, что онъ былъ подготовленъ съ намѣреніемъ.

Когда собравшіяся дамы пришли нѣсколько въ себя, легкій шопотъ пробѣжалъ по комнатѣ.

— Это маркизъ! это маркизъ!

— Имѣю честь кланяться, mesdames! сказалъ вошедшій, слегка кивнувъ головою, и всѣ дамы низко присѣли, только одна Кликаусъ бросилась къ маркизу.

— Oui, c'est mon cher marquis! вскричала она.

— Bonjour! отвѣчалъ ей маркизъ ласково и указавъ на Амалію, продолжалъ тихо: — А что, эта дама нездорова?

Бѣдная Амалія была въ отчаяніи. Она видѣла, что всѣ хитрости ея ни кчему не послужили и что появленіе маркиза разстроитъ все дѣло.

— Ma chère, сказала торжествуя хозяйка: вотъ маркизъ самъ пришелъ разсказать намъ то, что вы такъ упорно отъ насъ скрывали.

— А! теперь знаю, сказалъ маркизъ и подойдя къ Амаліи, съ участіемъ взялъ ее за руку и продолжалъ: благодарю васъ! Я знаю, что тайна вамъ ввѣренная, для васъ святое дѣло!

— Тайна! повторили всѣ; наконецъ-то мы все узнаемъ!

— Именно! вскричала хозяйка рѣшительно, бросивъ недовѣрчивый взглядъ на Амалію: скажите намъ откровенно, mon cher marquis, кто этотъ больной, который скрывается въ домѣ Мерони — прусскій офицеръ или сынъ вашъ?

Амалія невольно вздрогнула.... но какъ описать изумленіе ея, когда маркизъ отвѣчалъ:

— Мой сынъ!

Digitized by Google

Не довѣряя своему слуху, Амалія съ изумленіемъ смотрѣла на маркиза; она готова была броситься къ нему на шею.

— Какъ благодаренъ я вамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Амаліи: за вашу скромность. Но теперь я готовъ самъ все объяснить; потрудитесь только сказать мнѣ, что вы имъ уже сообщили.

— Ничего, ничего! вскричали дамы, но Амалія разсудила, что это *ничего* не дурно объяснить нѣсколькими словами, за которыми маркизъ слѣдилъ весьма внимательно. Когда она кончила, то маркизъ ласково кивнулъ головою и началъ чрезвычайно длинную рѣчь о дружбѣ, благородствѣ, скромности и любви къ ближнему. Многія изъ дамъ приложили платки къ глазамъ и самъ маркизъ казался весьма растроганнымъ.

— И онъ былъ спрятанъ тамъ во все время осады? спросила хозяйка.

Маркизъ поднялъ руки къ небу и сталъ говорить объ ужасахъ войны, объ опасностяхъ, о жестокости солдатъ и, вѣроятно, еще болѣе отдалился бы отъ своего предмета, если бъ фрау Кликауфъ, съ жаромъ преслѣдовавшая идею свою, не прервала его.

— Но зачѣмъ вы это такъ долго отъ насъ скрывали?

— Завтра, завтра все узнаете; завтра передъ вами откроется завѣса.... теперь же я долженъ удалиться; мнѣ надо отдохнуть....

Амалія, не понимавшая причины, заставлявшей маркиза такъ дѣйствовать и приписывавшая это одной изъ тѣхъ странныхъ прихотей, которыми онъ отличался, была очень рада тому, что онъ рѣшился наконецъ удалиться. Она боялась, чтобы другая прихоть не заставила его перемѣнить своей идеи и испортить все дѣло.

— Еще одна просьба, mesdames! говорилъ маркизъ прощаясь. Не давайте никому знать о томъ, что вы узнали, пока я не поговорю съ комендантомъ. Мало ли что можетъ выйти.... многое еще долженъ я буду вамъ сообщить, mesdames.... онъ предназначенъ къ чему-то высокому, великому.... а потому, промолчите только одинъ денёкъ!

Всѣ обѣщали исполнить его желаніе.

Выходя на улицу, маркизъ спросилъ Амалію:

— Какъ вы думаете: промолчатъ ли онѣ до утра?

Digitized by Google

— Промолчатъ, отвѣчала она: потому что теперь разсказывать некому: всѣ уже спятъ.

Въ домѣ графа, маленькаго маркиза считали какимъ-то непонятнымъ существомъ. У него вездѣ были повѣренные, начиная отъ графа и до каммердинера его; но каждому повѣрялъ онъ что-нибудь другое и когда случайно повѣренные измѣняли ему, то выходило, что каждому повѣрилъ онъ вещи совершенно противорѣчившія одна другой и никто не могъ понять ни настоящихъ мнѣній, ни намѣреній маркиза. Несмотря на то его очень уважали; графъ всегда слѣдовалъ совѣтамъ его, хотя неизвѣстно было, дѣлалъ ли онъ это изъ уваженія къ уму или же изъ уваженія къ богатствамъ и вліянію его. Чувства Евгеніи къ маркизу составляли нѣчто среднее между недоброжелательствомъ и презрѣніемъ; бывали однако жъ минуты, когда ей казалось, что воодушевленіе чудака было неподдѣльно и выказывало душу благородную. Амалія менѣе другихъ была расположена къ нему и только у фрау Клинкауфъ она впервые посмотрѣла на него пріятно, не чувствуя однако жъ охоты сдѣлаться повѣренною его и не желая даже разспрашивать о причинѣ его непонятнаго поступка.

Только одно въ маркизѣ было ясно и неизмѣнно — это была ненависть его къ королю прусскому. Человѣкъ, который окутывалъ какою-то таинственностію самые незначительные поступки свои, который скрывалъ каждый шагъ свой, переставалъ быть дипломатомъ, когда рѣчь заходила о Фридрихѣ. Тогда онъ забывалъ все и ненависть его выражалась потокомъ словъ.

Возвратившись съ Амаліей въ домъ графа, маркизъ, забывъ все до того происшедшее, пустился съ хозяиномъ въ длинныя разсужденія о Фридрихѣ и этотъ разговоръ, не прерываясь ни на минуту продолжался во все время ужина, когда наконецъ Евгенія и Амалія, вставъ съ мѣстъ своихъ, не дали знать гостю, что пора итти спать.

Графъ проводилъ маркиза въ приготовленную для него комнату и тамъ спросилъ его, гдѣ онъ пропадалъ впродолженіи цѣлаго года и чѣмъ въ это время занимался.

— Сейчасъ узнаете, отвѣчалъ маркизъ, пристально по-

Digitized by Google

смотрѣвъ на него; потомъ побѣжалъ къ сундукамъ своимъ, вынулъ изъ одного что-то блестящее и съ торжествующимъ видомъ обратился къ графу.

— Это что? спросилъ изумленный хозяинъ.

— Корона! отвѣчалъ маркизъ; потомъ вынулъ ландкарту и раскрылъ ее на столѣ.

— Это что? спросилъ онъ, указывая на одну точку пальцемъ.

Графъ наклонился:—Островъ Корсика, если я не ошибаюсь.

— Вы не ошибаетесь.

— Но что же это значитъ?

— А вы еще не поняли?

— Ничего.

Маркизъ презрительно пожалъ плечами.

— Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ: что предки мои въ седьмомъ колѣнѣ происходятъ отъ королей аррагонскихъ, а въ третьемъ отъ графовъ савойскихъ? Вслѣдствіе этого я имѣю полное и законное право на опустѣвшій престолъ корсиканскій!...

Графъ невольно улыбнулся, но маркизъ не замѣтилъ того, и продолжалъ:

— А знаете ли кому этотъ народъ предложилъ корону? Фридриху прусскому!... Понимаете ли, графъ, Фридриху прусскому! Понимаете ли, сколько мужества надо имѣть, чтобы состязаться съ этимъ человѣкомъ, котораго они называютъ великаномъ?

— Я удивляюсь, началъ графъ....

— И очень хорошо дѣлаете. Спокойной ночи.

Графъ поклонился съ полу-комическою торжественностію и удалился; онъ слышалъ какъ маркизъ заперъ двери на замокъ и задвижку.

Все утихло въ домѣ графа. Онъ самъ давно уже спалъ. Удалившись въ свою комнату, онъ долго разсуждалъ самъ съ собою и сравнивалъ честолюбіе маркиза съ своимъ собственнымъ—тамъ несбыточныя фантазіи, тутъ существенность. Маркизъ, подвергаясь тысячѣ опасностей, всѣ оставался на одной и той же точкѣ; онъ же, обезопасивъ себя со всѣхъ сторонъ, быстро достигалъ честолюбивыхъ цѣлей своихъ, хитро вкравшись въ милость двухъ

Digitized by Google

враждебныхъ державъ. Императрица австрійская довѣряла ему, король прусскій видѣлъ въ немъ человѣка, искренно преданнаго ему!.... Однако къ сны его не согласовались съ этими сладкими мечтами; что-то тяжёлое лежало на груди его и давило ее; онъ хотѣлъ бѣжать, но не могъ; хотѣлъ звать на помощь, но у него не было голосу.... еще одно усиліе и онъ проснулся....

Башенные часы пробили три, комната графа была освѣщена и передъ кроватью его стояла странная фигура, которая могла занять весьма приличное мѣсто въ его сновидѣніяхъ.... въ развѣвающейся ночной рубахѣ, съ обнаженными ногами, безъ парика и съ свѣчою въ рукахъ, стоялъ передъ нимъ маркизъ....

— Что вамъ угодно? вскричалъ графъ голосомъ, дрожащимъ отъ страху и ужасу. Онъ хотѣлъ вскочить, броситься на ночнаго посѣтителя, схватить его за горло и задушить, но маркизъ, какъ-бы предвидя нападеніе, сталъ уже въ оборонительную позицію.

— Протрите глаза, сказалъ онъ.

— Горитъ! вскричалъ графъ вскочивъ.

— Нѣтъ еще, но надъ головами нашими собирается гроза; молнія можетъ ударить, и тогда.... я не шучу.... вставайте скорѣй!

Графъ всталъ. Между-тѣмъ какъ онъ, полу-сонный, одѣвался на-скоро, странный гость его скорыми шагами, почти припрыгивая, бѣгалъ изъ одного угла въ другой.

— Готовы ли? спросилъ онъ наконецъ, остановившись передъ графомъ. Садитесь же: я разскажу вамъ все дѣло, а вы принимайте мѣры.

— Но, ради Бога, почтенный другъ мой, вы простудитесь.

— Не бѣда! Когда непріятель у дверей, намъ не до панталонъ!

— Я не думаю.... сказалъ графъ боязливо: кажется, все тихо въ домѣ.

— Но на долго ли? спросилъ маркизъ, надѣвая мѣховой халатъ, который подалъ ему графъ. Едва успѣли они сѣсть на диванъ, какъ на дворѣ послышалась суматоха. Изъ сараевъ вытаскивали кареты, изъ конюшенъ выводили лошадей, кучера бранились.

Digitized by Google

— Ужъ не хотите ли вы ѣхать, маркизъ?

— До разсвѣту.

— Что же такое случилось? Вы не могли получить никакого извѣстія съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались. Вамъ, вѣрно, приснилось.

— А что такое жизнь наша, какъ не сонъ?

— Не въ томъ дѣло теперь, маркизъ. Зачѣмъ вы разбудили меня?

— Надо его спасти!

— Кого?

— Этьена.

— Но мы уговорились о томъ уже вчера.

— Я съ вами, графъ, никогда не уговаривался. Вы всё лавируете. Во время бури не должно лавировать. Корабль лежитъ въ непріятельской гавани. Надо выбраться изъ нея въ ночной темнотѣ....

— Но мы успѣемъ завтра....

— Не завтра, а сейчасъ! Австрійцы шутить не любятъ, Клинкауфъ молчать не можетъ; что вчера знали тринадцать бабъ, о томъ сегодня узнаетъ весь городъ и тринадцать деревень! Этьенъ долженъ сейчасъ же удалиться изъ Дрездена.

— Помилуйте, вы подвергаете жизнь его опасности....

— Ничего не бывало. Онъ свѣжъ и здоровъ. Я сейчасъ былъ у графини....

— Въ этомъ костюмѣ?

— Ничего! Послѣ завтра онъ будетъ совсѣмъ здоровъ; сегодня жъ мы уложимъ его еще въ подушки. Я послалъ уже за паспортами. Теперь остается мнѣ еще спросить: остаетесь вы или ѣдете съ нами? Поѣдемте.

— Но откуда взялась эта необыкновенная заботливость ваша? Вы цѣлый годъ не безпокоились о немъ, вы молчали когда онъ вступилъ на службу къ королю, котораго вы ненавидите, вы даже не знали, гдѣ онъ....

— Несмотря на то, я не переставалъ заботиться о немъ! Если бъ я сдѣлался королемъ корсиканскимъ, то онъ былъ бы наслѣднымъ принцомъ!

— Да, но признали ли бъ Корсиканцы его сыномъ вашимъ?

Digitized by Google

— Говорятъ вамъ, что онъ сынъ мой, мой собственный, мой родной сынъ!

— Но я не понимаю....

— И не зачѣмъ! — Хотите или не хотите? спросилъ маркизъ, вскочивъ съ мѣста и протягивая къ графу его панталоны. Графъ сталъ одѣваться, а маркизъ, скрестивъ руки на груди, продолжалъ:

— Я очень доволенъ, что онъ любитъ дочь вашу и любимъ ею. Она обратитъ его на путь истинный. Ну, скажите сами, какъ можно любить короля прусскаго?

— Конечно, но если вы надѣетесь на помощь Евгеніи, то можете ошибиться. Она не захочетъ....

— Мы должны хотѣть, женщины жъ должны повиноваться.

Графъ пожалъ плечами:—Но если она сама любитъ прусскаго короля?

Эти слова поразили маркиза своею неожиданностію. Вытаращивъ глаза, открывъ ротъ, смотрѣлъ онъ на графа впродолженіи нѣсколькихъ минутъ; потомъ махнулъ рукою, улыбнулся и весело сказалъ:

— Тѣмъ лучше!.... Знаете, что мы тогда сдѣлаемъ? Мы оставимъ его въ прусской службѣ. Онъ отличится. Мужествомъ и пріятной наружностью одаряла его природа, благородную гордость внушилъ ему отецъ, деньги у него будутъ, умъ есть. Онъ скоро сдѣлается ротмистромъ, маіоромъ, полковникомъ, генераломъ.... Онъ уже спасъ королю жизнь, спасетъ еще другой и третій разъ. Рѣшительное сраженіе. Подъ королемъ убита лошадь. Этьенъ уступаетъ ему свою. Фридрихъ находится въ опасности попасть въ плѣнъ. Этьенъ, освобождаетъ его, собираетъ гусаровъ, нападаетъ на непріятеля, обращаетъ въ бѣгство и одерживаетъ побѣду. Фридрихъ бросается къ нему на шею, генералы снимаютъ шляпы.—«Этотъ человѣкъ спасъ Пруссію!» восклицаетъ король....

— И?....

— И Этьенъ дѣлается необходимымъ ему. Тогда я, какъ отецъ Этьена, заставлю Фридриха возвратить мнѣ то, что онъ отнялъ у меня его отецъ!

— Планъ вашъ прекрасенъ, но.... подумаемте прежде о

Digitized by Google

томъ, какъ бы вывезть по-скорѣе сына вашего изъ Дрездена.

— Справедливо! отвѣчалъ маркизъ и услышавъ приближавшіеся шаги, проворно выскочилъ изъ комнаты. Въ то же время въ другую дверь вошла Евгенія, одѣтая по дорожному. Она подошла къ отцу и подала ему руку.

— Я вижу, сказалъ графъ: что вы не только уговорились безъ меня, но и привели уже все въ исполненіе. Но, милая моя, выдержитъ ли больной?....

— Посмотрите на него, отвѣчала Евгенія, засмѣявщись, и отворила дверь.

Въ залу, гдѣ подъ присмотромъ Амаліи укладывались и увязывались ящики, чемоданы и сундуки, вошелъ больной офицеръ, поддерживаемый двумя слугами. Лицо его было еще блѣдно, глаза тусклы, но довольно твердая походка и свѣжій цвѣтъ губъ, свидѣтельствовали о счастливомъ выздоровленіи. Графъ ласково подошелъ къ нему и занявъ мѣсто одного слуги, самъ взялъ больнаго подъ руку и пошелъ съ нимъ къ софѣ.

— Вы слишкомъ добры, графъ, сказалъ больной. Надѣюсь, что скоро я уже не буду вамъ въ тягость.

— Вы очень поправились въ послѣдніе дни.

— Я всѣмъ обязанъ попечительности милаго вашего семейства, однако жъ и свиданіе съ покровителемъ, вторымъ отцомъ моимъ, имѣло на меня благодѣтельное дѣйствіе....

Дѣла и хлопотъ было болѣе, нежели можно было ожидать. Паспортовъ долго не присылали, почтовыя лошади опоздали и свѣтлое солнце осенняго утра освѣщало уже дрезденскія кровли, когда вещи не были еще уложены, а лошади не запряжены. Любопытство сосѣдей заставляло графа страдать; онъ былъ всѣмъ недоволенъ, и при малѣйшемъ шумѣ вздрагивалъ. Наконецъ затрубили почталіоны....

— Больнаго надо посадить въ мою карету, сказалъ маркизъ: она удобнѣе другихъ. Но ему необходимъ женскій присмотръ.

— Такъ дочь моя поѣдетъ съ нимъ, сказалъ графъ.

— Амалія поѣдетъ съ поручикомъ, сухо отвѣчала Ев-

Digitized by Google

генія, гордо посмотрѣвъ на отца: она лучше умѣетъ ухаживать за нимъ.

Наконецъ всѣ усѣлись. Одинъ маркизъ замѣшкался, но и онъ поставилъ уже одну ногу на подножку, какъ вдругъ кто-то схватилъ его сзади за руку. Онъ оглянулся—передъ нимъ стояла фрау Клинкауфъ.

— Что это значитъ? спросила она.

Маркизъ нѣсколько смутился, но тотчасъ же довольно забавная мысль блеснула въ умѣ его.

— Сядьте со мною, сказалъ онъ таинственно: я вамъ сообщу вещи, отъ которыхъ у васъ волосы дыбомъ станутъ!

Но фрау Клинкауфъ была хитра; изъ подлобья взглянула она на дорожную карету:

— Вы уѣзжаете? Зачѣмъ? Куда?

— Счастливъ тотъ, кто можетъ теперь оставить Дрезденъ!

— Отчего? Что такое? продолжала она, крѣпко сжавъ руку маркиза. Чего намъ бояться?

— Всего!

— Отъ Фридриха?

Маркизъ утвердительно кивнулъ головою.

— Кто больной?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Говорите, я не отпущу васъ, маркизъ. Кто больной?

Маркизъ съ безпокойствомъ сталъ оглядываться. Вдругъ увидѣлъ онъ незнакомаго мужчину, выходившаго изъ сосѣдняго дома и указавъ на него пальцомъ, сказалъ:

— Спросите его. Онъ все знаетъ!

— Неужели? Поэтъ нашъ, господинъ Робенеръ! воскликнула Клинкауфъ, всплеснувъ руками. Маркизъ воспользовался этимъ случаемъ, вскочилъ въ карету и Клинкауфъ не успѣла еще опомниться, какъ колеса застучали по мостовой.

Поэтъ Робенеръ очень удивился, когда на него налетѣла фрау Клинкауфъ и на всѣ разспросы ея отвѣчалъ, что семейство графа Мерони очень милое, любезное семейство, но когда она стала называть его измѣнникомъ, сообщникомъ тайныхъ замысловъ и заговоровъ графа, человѣ-

Digitized by Google

комъ скрытнымъ, то поэтъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой и поворотивъ въ другую улицу, проворчалъ сквозь зубы:

— Бѣдняжка! Я давно замѣчаю, что она не въ полномъ разумѣ!....

Фрау Клинкауфъ ничего больше не узнала.

—

Солнце давно уже закатилось и путешественники наши счастливо выбравшись изъ Дрездена, были уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ городу.

Мѣсяцъ освѣщалъ песчаную дорогу, по которой медленно тянулись экипажи. По обѣимъ сторонамъ дороги лежали огромные камни, казавшіеся при лунномъ свѣтѣ какими-то блѣдными привидѣніями; далеко распространялся мелкій сосновый и еловый кустарникъ, только на горизонтѣ присоединявшійся къ черному, мрачному бору.

Стефанъ ѣхалъ въ одной каретѣ съ Амаліей. Оба молчали. Вдругъ поручикъ вздрогнулъ....

— Что̀ съ вами? спросила Амалія.

— Мнѣ показалось, что кто-то сидѣлъ на одномъ изъ этихъ камней и скрылся при нашемъ приближеніи.

— Вы еще въ горячкѣ. Кто рѣшится ночевать въ такомъ мѣстѣ?

— Вы не вѣрите въ привидѣнія?

— Ради Бога, не говорите теперь о привидѣніяхъ.

— Какъ! такъ и вы, безстрашная спасительница моя, можете бояться?

— Все хорошо въ свое время. Днемъ я могу смѣяться надъ привидѣніями, но ночью и въ лѣсу.... это дѣло другое!

Стефанъ поспѣшно схватился за пистолеты.

Этьенъ, ради Бога, что̀ это?....

— Ничего, ничего! Вѣроятно, колеса дурно смазаны.

— Опять!.... Нѣтъ, это свистъ.

— Успокойтесь, привидѣнія никогда не свищутъ, отвѣчалъ Стефанъ, медленно взводя курокъ.

Нѣсколько свистковъ раздались съ разныхъ сторонъ.

— Поѣзжай скорѣе! закричалъ Стефанъ кучеру, опустивъ стекло и высунувъ голову въ каретное окно. Пошелъ!

Digitized by Google

— Ради Бога, не кричите! сказала Амалія, схвативъ руку поручика: — Они услышатъ..... посмотрите..... тамъ....

Этьенъ почти невѣжливо оттолкнулъ Амалію. Онъ видѣлъ, что возлѣ экипажей, ѣхавшихъ впереди и сзади, двигались какія-то длинныя тѣни....

— Это не привидѣнія, шепнулъ Этьенъ Амаліи, которая едва дышала.

— Австрійскіе патрули?

— Хуже!

— О, что̀ жъ это кучера̀ не погоняютъ лошадей....

— Мы въ глубокомъ песку....

— Что̀ вы дѣлаете?

— Посмотрите.... тамъ, въ кустарникахъ.....

— О, ради Бога, не стрѣляйте, Этьенъ!.... Дайте мнѣ одинъ пистолетъ.

Была мертвая тишина, даже лошади, казалось, были объяты страхомъ; онѣ не ржали, копыта ихъ углублялись въ песокъ. Вдругъ послышался опять рѣзкій свистъ и въ то же мгновеніе что̀-то затрещало, застучало и громкій крикъ прервалъ тишину ночи.... Этьенъ растворилъ дверцы кареты, выстрѣлилъ....

Амалія закрыла глаза и громкими криками звала на помощь, пока голосъ Стефана не заставилъ ее замолчать.

— Ступайте, помогите, сказалъ онъ, и Амалія чрезвычайно удивилась, когда вся помощь, которую отъ нея требовали, состояла въ томъ, чтобы пособить Евгеніи выбраться изъ опрокинувшейся кареты. Она больно ушиблась, рука ея была въ крови.

Графъ, дрожа какъ осиновый листъ; бросился къ дочери и заключилъ ее въ свои объятія.

— Слава Богу, вскричалъ онъ: все кончилось!

— Но что̀ случилось? спросила Евгенія, какъ-бы пробудившись отъ сна.

— Это объяснитъ тебѣ другъ и спаситель нашъ, отвѣчалъ графъ и обратился къ Стефану: — Въ кого вы стрѣляли?

— Не знаю, отвѣчалъ разсѣянно поручикъ.

Кучера̀ и каммердинеры громко спорили. Кучера̀ говори-

Digitized by Google

ли, что это съ ними пошутили лѣшіе, а каммердинеры утверждали, что за кустами были мародёры.

— Я видѣлъ, говорилъ одинъ каммердинеръ: своими глазами видѣлъ, и готовъ побожиться, что это были прусскіе мародёры, и если бъ поручикъ не выстрѣлилъ во-время, то намъ пришлось бы плохо! Я самъ видѣлъ, какъ они разбѣжались по кустамъ!

— Разбѣжались? сказалъ одинъ изъ кучеровъ. Ну, плохо же ты знаешь прусскихъ мародёровъ! Ихъ и пушка не испугаетъ, не только-что пистолетный выстрѣлъ.

— Боже мой, Боже мой, что теперь дѣлать! вскричалъ графъ съ отчаяніемъ. Они могутъ воротиться и вторично напасть на насъ!.... Евгенія, у тебя кровь на рукѣ!....

— Что я сдѣлалъ! вскричалъ Стефанъ, бросившись къ Евгеніи, между-тѣмъ какъ Амалія обвязывала ей руку.

— Успокойтесь, Этьенъ, отвѣчала графиня ласково. Я упала на стекло каретнаго окна. Это ничего!

Между-тѣмъ послышался конскій топотъ. Прусскіе гусары въ бѣлыхъ шинеляхъ показались на поворотѣ дороги. Всѣ чрезвычайно обрадовались; гусары приблизились и узнавъ въ чемъ дѣло, помогли поднять карету; вскорѣ все снова пришло въ прежній порядокъ.

Только тогда замѣтили отсутствіе маркиза. Его искали, звали, но тщетно. Всѣмъ пришло тогда на мысль, что, вѣроятно, онъ попался въ руки мародёрамъ. Дамы стали просить гусаровъ, чтобы они пустились за ними въ погоню, но старый унтеръ-офицеръ отказался, говоря, что число гусаровъ, бывшихъ съ нимъ, слишкомъ не велико, чтобы можно было итти на встрѣчу отчаяннымъ мародёрамъ.

— Притомъ же, говорилъ онъ: если въ самомъ дѣлѣ мародёры овладѣли имъ, то тутъ можетъ помочь только добрый выкупъ, между-тѣмъ какъ насиліе и угрозы могутъ подвергнуть опасности жизнь господина маркиза!

Путешественники наши, видя, что всѣ старанія ихъ отыскать маркиза, были тщетны, поѣхали наконецъ далѣе, сопровождаемые гусарами, или лучше сказать, слѣдя за ними. Много было догадокъ, предположеній о томъ, куда дѣвался маркизъ и всѣхъ утѣшала мысль, что маркизъ такой человѣкъ, который съумѣетъ выпутаться изъ бѣды.

Digitized by Google

Переночевавъ на небольшомъ постояломъ дворѣ, путешественники рано утромъ собрались опять въ дорогу, вслѣдъ за гусарами. Наконецъ къ вечеру увидѣли они колокольню графскаго села и крышу замка. Графъ вздохнулъ свободно.

Съ грустнымъ, тягостнымъ чувствомъ вступили путешественники наши въ опустошенный замокъ. Полу-сгнившая солома, сѣно, отбитые кирпичи, доски и куски разбитой посуды валялись по паркетамъ. Въ одной изъ комнатъ, середина полу была прожжена. Видно было, что солдаты, недовольствуясь печами, вздумали разводить огонь посереди комнаты. Великолѣпныя дубовыя двери и мебель были употреблены на дрова, окна и зеркала разбиты, картины изрублены саблями, обои оборваны!

— Не знаю, какъ мы тутъ устроимся! говорилъ графъ вздохнувъ; потомъ обратившись къ крестьянамъ, которые собрались, чтобы встрѣтить своего господина и съ печальными лицами слѣдовали за нимъ, онъ сказалъ:

— Васъ, вѣроятно, они еще хуже обидѣли? Все перепортили?

— Нето, что перепортили, а просто ничего не оставили, отвѣчалъ староста.

— Отъ кого же вы больше потерпѣли?

— Всѣ хороши! и свои и чужіе. Только отъ одного избави насъ, Боже: отъ нападенія мародёровъ. Ихъ не слыхать, не видать, какъ–вдругъ, откуда ни возьмись, налетятъ; смотришь..... анъ на небѣ ужъ зарево!

Графъ старался успокоить крестьянъ, хотя самъ безпокоился чуть ли не больше ихъ и отпустилъ депутацію съ обѣщаніями постараться вознаградить всѣ ихъ потери и убытки.

По счастію оказалось, что въ верхнихъ этажахъ замка сохранился еще нѣкоторый порядокъ; только кое–гдѣ были разбиты стекла, тутъ нѣсколько пуль всажено въ стѣну, тамъ къ женскимъ головкамъ на картинахъ приклеены усы изъ войлока или лошадинаго волосу.

Въ разоренномъ селеніи графа стоялъ отрядъ прусскихъ солдатовъ, и въ начальникѣ ихъ, семейство графа узнало стараго знакомаго, капитана, квартировавшаго у нихъ и въ прошломъ году. Это утѣшило графа, но не на долго:

Digitized by Google

онъ узналъ, что отрядъ долженъ былъ выступить въ тотъ же вечеръ. Тогда опять овладѣлъ имъ страхъ, при воспоминаніи объ ужасахъ, разсказываемыхъ про мародёровъ и трусливый придворный внутренно раскаявался, что покинулъ Дрезденъ.

Смеркалось. Вдругъ сильный шумъ и крикъ на дворѣ замка вызвали всѣхъ обитателей его на крыльцо. Толпа крестьянъ съ криками мести тащила кого-то къ замку.

— Поймали, поймали! разбойника! зажигателя! слышались восклицанія въ толпѣ.

Сердце Стефана невольно сжалось..... Онъ хотѣлъ скорѣе увидѣть обвиняемаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшился этой минуты.

— Спасите! Освободите меня изъ рукъ этихъ невѣждъ! кричалъ чей-то голосъ и графъ съ невыразимымъ изумленіемъ узналъ..... маркиза!

— Что вы дѣлаете? закричалъ графъ крестьянамъ: вы ошиблись!

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ дюжій парень, тащившій маркиза за галстухъ: у меня, кажись, свои глаза — я не ошибся, потому что со вчерашней ночи преслѣдую этого молодца! Скажи-ка, зачѣмъ ты бродилъ около деревни, когда стало смеркаться? зачѣмъ перескочилъ ты черезъ изгородь, когда я окликнулъ тебя? зачѣмъ убѣжалъ ты въ лѣсъ, когда я за тобой погнался? Зачѣмъ залѣзъ ты на сѣнникъ, гдѣ я тебя поймалъ? Э, братъ, ты малъ, да удалъ! Ну, отвѣчай же! и крестьянинъ такъ крѣпко дернулъ маркиза за галстухъ, что чуть не задушилъ его. Видите ли, ваше сіятельство, онъ молчитъ — значитъ, онъ настоящій разбойникъ!

Крестьянинъ говорилъ съ такою увѣренностію, что въ толпѣ товарищей его послышался грозный для маркиза ропотъ.

— Ради Бога, объяснитесь, маркизъ, сказалъ графъ.

— Онъ говоритъ правду — только въ послѣднемъ солгалъ. Похожъ ли я на разбойника?

— Зачѣмъ же вы не вошли прямо въ замокъ?

— Зачѣмъ? Неужто вы хотите, чтобы я жилъ въ одномъ домѣ съ ненавистными Пруссаками? Теперь они удалились и я вернулся къ вамъ!

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой! А мы думали, что вы попались въ руки разбойникамъ?

— Подите вы, съ вашими разбойниками! Гдѣ они у васъ? Да и могутъ ли быть разбойники въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ, ни пещеръ? Могутъ ли быть разбойники въ песчаной степи? У васъ крадутъ, воруютъ, грабятъ, убиваютъ, а разбойниковъ быть не можетъ! Скажите вы сами, олухи, продолжалъ маркизъ съ жаромъ, обращаясь къ крестьянамъ: куда могутъ скрыться ваши разбойники, когда выпадетъ снѣгъ? Говори ты, дуралей!

При послѣднихъ словахъ маркиза, увѣренность въ томъ, что онъ поймалъ разбойника, покинула крестьянина; онъ отпустилъ галстухъ маркиза, почтительно снялъ шапку и отступилъ на нѣсколько шаговъ, почесывая голову.

Стефанъ обнялъ маркиза, но послѣдній, казалось, не былъ расположенъ къ нѣжности.

— Могъ ли я остаться съ вами, продолжалъ маркизъ, обращаясь къ графу: когда полетѣли къ вамъ на помощь прусскіе гусары? Я ушелъ въ кустарникъ и не показывался, хотя очень хорошо слышалъ, какъ вы звали меня.

— Жаль только, замѣтилъ графъ, что вы попались въ руки крестьянамъ.....

— Это не бѣда! Мужикъ не можетъ обидѣть дворянина; толчки ихъ получило платье мое, а не я!

Крестьяне разошлись.

За ужиномъ маркизъ, по обыкновенію своему, сталъ бранить Пруссаковъ и съ живостію переходя отъ одного предмета къ другому, опять заговорилъ съ графомъ о союзѣ дѣтей ихъ, которые вставъ изъ-за стола удалились въ углубленіе окна и тамъ дружески разговаривали.

— Графъ! вскричалъ маркизъ, поднявъ стаканъ съ виномъ: за здоровье дѣтей нашихъ!

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ графъ. Этьенъ, Евгенія! Ступайте сюда!

— Обнимитесь! закричалъ маркизъ.

Стефанъ покраснѣлъ; Евгенія поблѣднѣла; слезы выступили на глазахъ ея и она бросилась въ объятія Амаліи.

Маркизъ нахмурился, недопилъ стакана и вскорѣ удалился. Графъ послѣдовалъ за нимъ.

Digitized by Google

— Этьенъ, другъ мой, сказала графиня, когда они остались одни: я давно желала поговорить съ вами. Мы были увлечены однимъ чувствомъ — мы думали, что любимъ другъ друга, но вскорѣ я замѣтила, что вы сдѣлались холодны ко мнѣ, что вы поняли, что не можете быть счастливы со мною.....

— Евгенія! прервалъ слова ея Стефанъ: вы ошиблись! Могу ли, смѣю ли я любить васъ?.... Вѣроятно, есть еще люди, изъ соотечественниковъ моихъ, которые видятъ во мнѣ не что иное какъ измѣнника, дезертёра; ни чѣмъ еще не удалось мнѣ оправдать себя въ глазахъ товарищей, Фридриха, въ вашихъ глазахъ, Евгенія!.... Надѣяться на богатства, которыя обѣщаетъ мнѣ странный покровитель мой, называющій себя отцомъ моимъ по какой-то непонятной прихоти, было бы неблагородно!.... Себѣ одному хочу я быть обязанъ вашей.... вашей дружбой!

Евгенія промолчала нѣсколько секундъ, потомъ продолжала:

— Вы благородный человѣкъ, Этьенъ! и я надѣюсь, что мы останемся друзьями..... добрыми друзьями! Я понимаю, что вы можете и должны любить Фридриха, одного Фридриха. Вы Пруссакъ. Вы дрожите?..... Дайте мнѣ руку..... Я поклялась отцу моему, что откажусь отъ васъ, но только одно желаніе спасти васъ, могло исторгнуть у меня эту клятву. Теперь отецъ мой съ радостію готовъ дать согласіе на союзъ нашъ, потому что онъ вѣритъ словамъ маркиза, что вы законный сынъ его..... но я буду тверже отца моего.... я сдержу слово свое..... Прощайте, Этьенъ, другъ мой!

И странная дѣвушка, которой весь характеръ состоялъ изъ противорѣчій, еще разъ пожала руку Стефану и удалилась, но едва вышла она за дверь, какъ вся твердость покинула ее; слезы ручьями покатились по щекамъ ея..... героиня была слабая дѣвушка.

Прошло нѣсколько дней въ скучной, томительной однообразности.

Однажды Стефанъ засталъ маркиза въ своей комнатѣ. Гусарскій мундиръ его лежалъ на полу.

— Что это значитъ? спросилъ Стефанъ.

— Я не хочу, чтобы ты больше носилъ этотъ мундиръ

Digitized by Google

Съ живостію схватилъ Стефанъ долманъ свой и вмѣсто отвѣта поцѣловалъ вышитый на немъ вензель короля, счистилъ пыль и бережно повѣсилъ его на мѣсто.

— Кчему это? сказалъ Этьенъ послѣ нѣкотораго молчанія: вы должны знать, что никакія угрозы не заставятъ меня....

— Да я развѣ угрожаю? Я прошу, умоляю! Послушай, Этьенъ, будь разсудителенъ. Славѣ и могуществу Фридриха пришелъ конецъ. При Гогкирхенѣ онъ былъ побѣжденъ; при Кайѣ онъ потерялъ цѣлую армію; при Куннерсдорфѣ его окончательно уничтожили. Онъ самъ лежитъ въ Глогау, закутанный въ фланель: у него хирагра и подагра; руками не можетъ пошевелить, ноги окоченѣли.....

— Но голова жива и здорова!

— А кчему ему теперь голова? Повѣрь мнѣ, Фридрихъ ужъ не поправится: онъ погибъ безвозвратно!....

Стефанъ схватилъ со стѣны саблю, до половины обнажилъ ее и воскликнулъ:

— Такъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ будетъ не одинъ, когда наступитъ послѣдній часъ его!

Движеніе это понравилось маркизу, однако жъ преслѣдуя идею свою, онъ продолжалъ:

— Не думай, что Фридрихъ умретъ славною смертію... нѣтъ! онъ погаснетъ какъ лампа, въ которой выгорѣло все масло. Да и что тебѣ въ Фридрихѣ?

— Спросите лучше всю Европу, весь міръ: всѣ удивляются этому чудному генію! Отчего не одна Пруссія, а даже непріятели отдаютъ ему справедливость!.... И вы сами можете ненавидѣть его, но невольно должны удивляться ему!....

— Но, послушай, продолжалъ маркизъ: что ты будешь отвѣчать, когда я тебѣ скажу, что, во-первыхъ, ты совсѣмъ не Пруссакъ; что родительскій домъ твой не въ Берлинѣ; что предки твои молились не въ лютеранскихъ церквахъ; что кости ихъ покоятся не въ Пруссіи; если я скажу тебѣ, что....

— Остановитесь! вскричалъ Стефанъ. Смертная блѣдность покрывала щеки его. Онъ схватилъ руку маркиза и вперивъ въ него неподвижный взоръ, произнесъ мрачнымъ, дрожащимъ голосомъ: — Если убѣжденія, доказательства

Digitized by Google

ваши могутъ быть оскорбительны для моей матери, то не говорите.... не снимайте завѣсы съ тайны, хотя бы за нею скрывалось блаженство всей моей жизни. Не разрушайте единственныхъ драгоцѣнныхъ воспоминаній, которыя я унесъ изъ родительскаго дому!

Маркизъ молча смотрѣлъ на Стефана.... слезы катились по щекамъ страннаго старика. Вдругъ бросился онъ на шею къ Стефану, и крѣпко прижалъ его къ груди своей.

— Тебѣ нечего краснѣть за мать; ты можешь гордиться ею, точно такъ, какъ и она можетъ гордиться такимъ сыномъ!.... Завтра, продолжалъ маркизъ съ чувствомъ пожавъ руку Стефана: завтра ты все узнаешь!

— Завтра, отвѣчалъ поручикъ: завтра сюда ожидаютъ гусаровъ и я намѣренъ послѣдовать за ними....

— И я больше не стану удерживать тебя! Ты вездѣ и всегда будешь благородный человѣкъ!.... Жди меня къ себѣ въ полночь.... благословляю тебя, сынъ мой!.... Маркизъ еще разъ поцѣловалъ молодаго человѣка и скоро вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта сильно взволновала Стефана. Въ комнатѣ ему было душно: онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Солнце чрезвычайно теплаго весенняго дня благодѣтельно подѣйствовало на него. Воздухъ освѣжилъ его горящее лицо. Медленно прохаживался Стефанъ по липовой аллеѣ. Спокойствіе и тишина опять возвратились въ селеніе; дѣти весело рѣзвились на солнышкѣ; женщины развѣшивали бѣлье. Всѣ ласково кланялись молодому офицеру, который неоднократно навѣщалъ нуждающихся и помогалъ имъ.

Сухіе листья хрустѣли подъ ногами его, когда Стефанъ направилъ шаги къ небольшой рощѣ. Свѣтлое, голубое небо блестѣло надъ пространными полями; жаворонки взвивались высоко, и весело распѣвали. Было воскресенье и, казалось, сама природа праздновала день отдохновенія и молитвы.... Стефанъ мысленно перенесся въ Берлинъ....

Громкій лай вывелъ его изъ задумчивости. Огромная, косматая собака, оскаливъ зубы, ворчала на Стефана. Она сторожила спящаго путника, лицо котораго было обращено къ забору; возлѣ него лежали посохъ, связка лохмотьевъ и сапоги. Только разсмотрѣвъ огромное тѣло, мускулистые члены, широкія плечи и огрубѣлыя, загорѣ-

Digitized by Google

лыя ноги путника, можно было понять, какъ онъ могъ такъ спокойно и крѣпко спать на твердой землѣ, на пыльной подушкѣ, на крапивѣ, которая не имѣла никакого дѣйствія на его твердую кожу. Муравьи, жилище которыхъ путникъ прижалъ локтемъ, не безпокоили его, осы и пчелы тщетно жужжали надъ самымъ ухомъ..... Онъ спалъ, сторожимый вѣрной собакой.

Увидѣвъ, что Стефанъ остановился, собака опять легла, не переставая однако жъ глухо ворчать и глазами слѣдя за каждымъ движеніемъ незнакомаго человѣка. Вѣтеръ наносилъ на спавшаго сухіе листья.... Сколько бѣдствій перенесъ, вѣроятно, этотъ бѣднякъ и всѣ они, казалось, скользили по очерствѣлой натурѣ его, такъ же легко, такъ же незамѣтно, какъ и поблекшіе листья!... Онъ терпѣлъ голодъ и жажду и едва-ли когда бывалъ сытъ.—Онъ терпѣлъ морозъ и забывалъ все, когда ему приходилось провесть ночь возлѣ печи.—Онъ странствовалъ по свѣту босыми ногами длятого, чтобы при людяхъ являться въ сапогахъ!...

Стефанъ наклонился, чтобы положить въ руку бѣдняка монету.... Но собака бросилась на него и монета упала на землю, возлѣ изголовья путника, лицо котораго всё-еще было обращено къ забору....

— Что вы тамъ дѣлаете? вскричалъ чей-то голосъ, Стефанъ быстро оглянулся и увидѣлъ графа, проѣзжавшаго въ кабріолетѣ. —Погода чудесная и мнѣ хочется осмотрѣть свое имѣніе; поѣдемте со мною.

Стефану не хотѣлось, чтобы графъ увидѣлъ спавшаго бѣдняка, хотя самъ не зналъ почему; онъ скоро пошелъ къ кабріолету и занялъ мѣсто возлѣ графа.

—

Задумчиво сидѣлъ Стефанъ въ комнатѣ своей, у окна. Была ночь. Вихорь, уже съ вечера подымавшій пыль, былъ предвѣстникомъ грозы, нагонявшей тяжелыя тучи на горизонтъ. Теплый воздухъ превратился въ рѣзкій, ночной холодъ; только изрѣдка проглядывали кое-гдѣ на небѣ звѣздочки и появлялась тусклая луна, какъ-бы изъ-за туману. Верхушки липъ шумѣли, ударяясь одна о другую и жалобно завывалъ вѣтеръ въ трубѣ....

Digitized by Google

На башенныхъ часахъ пробило три удара—три четверти двѣнадцатаго.

— Онъ придетъ, думалъ Этьенъ:—и я все узнаю! Зачѣмъ? Отчего сердце мое сжимается при этой мысли?...

Въ корридорѣ послышались медленные, легкіе шаги.... Кто-то подошелъ къ дверямъ....

— Кто тамъ? спросилъ Стефанъ; отвѣту не было. Онъ взялъ свѣчу, отворилъ двери—въ корридорѣ никого не было, только свѣтлые глаза большой собаки блестѣли въ темнотѣ. Стефанъ узналъ собаку; появленіе ея въ замкѣ удивило и обезпокоило его, тѣмъ болѣе, что однимъ прыжкомъ вскочила она въ комнату, обнюхала всѣ углы и какъ-бы не находя того, чего искала, такъ же скоро убѣжала, прежде нежели молодой офицеръ могъ прійти въ себя.

Опять наступила тишина. Вѣтеръ нѣсколько утихъ, хотя верхушки деревъ еще покачивались со стороны на сторону и вороны, съ зловѣщимъ карканьемъ, летали по воздуху, не рѣшаясь еще искать убѣжища на шевелившихся вѣтвяхъ. Небо обложилось тучами. Стефанъ подошелъ опять къ окну и мало-по-малу, когда глаза его привыкли къ мраку, онъ сталъ различать предметы.... Тамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, близъ корчмы, что-то двигалось.... Тучи разступились и блѣдный свѣтъ луны упалъ на выбѣленную стѣну корчмы ... Тамъ стояла толпа людей.

Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу. Этьенъ оглянулся—передъ нимъ стоялъ маркизъ.

— Этьенъ, видишь? сказалъ онъ тихимъ голосомъ: Нѣтъ, тутъ не видно; пойдемъ къ тому окну.

— Я ничего не вижу.

— Тамъ—огонёкъ....

— Это не огонёкъ.

Вдругъ что-то яркое поднялось изъ-за деревьевъ саду.... По небу распространилось красное зарево.

— Этьенъ, гдѣ это?

— У овчарни!

Въ то же мгновеніе у воротъ замка кто-то закричалъ:

— Пожаръ! И эхо, разносясь по пустымъ покоямъ нижняго этажа, повторяло: пожаръ! пожаръ!...

Digitized by Google

— Отчего тамъ могъ сдѣлаться пожаръ? съ живостію спросилъ маркизъ, между-тѣмъ какъ Стефанъ уже опоясывалъ саблю.

— Позаботьтесь о томъ, чтобы пробили тревогу!... И Этьенъ сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ конюшню, разбудилъ денщика своего и самъ отвязывая лошадь, кричалъ:—На коней! Къ оружію! Пожаръ!

Когда лошадь была осѣдлана, тревога распространилась уже по всему замку и въ деревнѣ крестьяне выбѣгали на улицы, разбуженные звономъ колокола, висѣвшаго посереди деревни, на площадкѣ.... Маркизъ никому не хотѣлъ передать приказанія молодаго офицера, онъ самъ стремглавъ бросился къ колоколу и звонилъ изъ всей мочи.

Овчарня лежала внѣ деревни, за рощей. Крестьяне бросились туда.... Высокимъ столбомъ подымалось пламя къ небу. Изрѣдка слышались отчаянный крикъ и жалобное блеяніе овецъ.

— Скорѣй ребята! закричалъ Стефанъ: спасемте, что̀ еще можно!

Ворота были немедленно выломаны и овцы, стадами выбѣжали оттуда. На нѣкоторыхъ ярко пылала жирная шерсть. Стали искать овчара. Его нашли въ постелѣ, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ.

— Кто связалъ тебя? спрашивали крестьяне.

— Извѣстно кто! отвѣчалъ несчастный, избитый овчаръ.

— Они хотѣли тебя сжечь?

— Не меня одного, а всѣхъ и все!

Странное предчувствіе овладѣло Стефаномъ.

— Говори, вскричалъ онъ: что̀ они хотѣли дѣлать?

— Поджечь замокъ и все селеніе, отвѣчалъ овчаръ, котораго наконецъ развязали. Они грозили, что съ меня съ живаго сдерутъ шкуру, если только пикну.—Сжальтесь надо мной, ваше благородіе: защитите отъ извергов, а я-таки буду кричать во все горло; не боюсь ихъ!

Стефанъ провелъ рукою по лбу, на которомъ, несмотря на нестерпимый жаръ, выступилъ холодный потъ.

— Всемогущій! вскричалъ онъ; поспѣшимъ назадъ, къ замку!

— Замокъ горитъ, замокъ горитъ! закричали голоса

Digitized by Google

въ толпѣ; и точно, башни замка, виднѣвшіяся изъ-за рощи, были ярко освѣщены.

— Къ замку! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Въ овчарнѣ уже нечего было спасать. Овецъ оставили на произволъ судьбы, и всѣ бѣгомъ отправились къ замку. Всякой понималъ, что овчарня была зажжена только для того, чтобы отвлечь вниманіе крестьянъ отъ села и замка.

Всѣ въ селеніи были на ногахъ. Женщины, старики, дѣти, бѣгали, суетились съ крикомъ и воплемъ.... Никто не думалъ о сопротивленіи. Несчастные хозяева домовъ сами на своихъ плечахъ выносили на площадь вещи, которыми разбойникамъ-мародёрамъ угодно было овладѣть. Посереди кучъ наваленныхъ вещей, пожитковъ, стоялъ у колокола маркизъ; потъ градомъ катился съ лица его, но онъ неутомимо продолжалъ звонить, не обращая вниманія на мародёровъ, окружавшихъ его, съ громкимъ смѣхомъ.

Наконецъ Стефанъ съ бо́льшею частію крестьянъ подоспѣлъ къ замку. Далеко разливался свѣтъ отъ яркаго пламени, и старый замокъ, освѣщенный тысячами огней, блестѣлъ какъ волшебное зданіе. Вездѣ шумъ, трескъ, крики и вопль!... Въ погребахъ буйная толпа ликовала вокругъ бочекъ съ виномъ. Слуги графа мужественно защищались и отстаивали каждый шагъ. Стефанъ, пробравшійся во внутренность замка, по пылающей лѣстницѣ, хотѣлъ броситься на помощь къ слугамъ, какъ-вдругъ на встрѣчу къ нему прибѣжала горничная, съ распущенными волосами, въ изорванномъ платьѣ, спасавшаяся отъ преслѣдованій пьянаго мародёра:

— Спасите, спасите! Тамъ.... на верху.... графиня! вскричала она.

Ударъ сабельными ножнами повергъ преслѣдователя на полъ, и однимъ скачкомъ Стефанъ очутился въ залѣ. Тамъ буйство было въ полномъ разгулѣ. Опрокинутая мебель, разбитыя стекла, пьяные мародёры....

Кто-то дрожащимъ голосомъ звалъ Стефана на помощь; онъ бросился къ двери въ сосѣднюю комнату—она была заперта.

— Сюда, сюда! вскричала Амалія, вбѣжавъ въ залу, и схвативъ офицера за руку, потащила его за собою.

Digitized by Google

Раненный графъ съ дочерью спасался отъ разбойниковъ изъ одной комнаты въ другую. Наконецъ попали они въ комнату, откуда уже не было выходу; по счастію, они успѣли еще захлопнуть за собою и замкнуть плотную дубовую дверь, но это не остановило канибаловъ. Евгенія и отецъ ея слышали страшныя проклятія и тяжелые удары потрясали дверь. Евгенія прижалась къ отцу, который находился въ состояніи близкомъ къ отчаянію.... Съ одной стороны дверь трещала подъ тяжелыми ударами злодѣевъ, съ другой пламя длинными полосами врывалось въ окна....

Вдругъ съ страшнымъ трескомъ сорвалась дверь съ петлей и повалилась на разбойниковъ,—они невольно отступили, но въ то же мгновеніе опять хотѣли броситься впередъ, когда передъ ними стала Евгенія, величественная, гордая.... Взоръ ея былъ подобенъ взору разгнѣванной богини.

Несмотря на то, одинъ изъ дерзкихъ злодѣевъ осмѣлился протянуть къ ней руку, но другой оттолкнулъ его.

— Ты развѣ забылъ, что она принадлежитъ мнѣ! закричалъ повелительный голосъ.

— Сжальтесь, сжальтесь! Это единственное дитя мое! умолялъ отецъ.

Все бы погибло, если бъ въ это время не подоспѣлъ Стефанъ съ Амаліей. Съ саблей въ рукахъ пробилъ онъ себѣ дорогу и напалъ на начальника шайки такъ неожиданно, что тотъ пошатнулся, однако жъ устоялъ на ногахъ. Одинъ взглядъ Евгеніи придалъ молодому офицеру непонятную силу и онъ во второй разъ напалъ на того, который казался начальникомъ шайки. Оба противника скрежетали зубами и дрались съ ожесточеніемъ. Наконецъ Стефанъ начиналъ одолѣвать, когда неизвѣстно откуда появившаяся, огромная собака напала на него сзади и вцѣпилась зубами въ воротникъ. Тщетны были всѣ усилія офицера освободиться отъ этого неожиданнаго противника.... Онъ находился въ страшной опасности....

На дворѣ раздались пистолетные выстрѣлы, трубные сигналы и Амалія, съ лицомъ, сіяющимъ радостью, вбѣжала въ комнату, крича:—Спасеніе! о счастіе, спасеніе!

Стефанъ взглянулъ противнику своему въ лицо и за-

Digitized by Google

дрожалъ...: Нѣсколько минутъ спустя все въ залѣ утихло— мародёры частію успѣли убѣжать, частію были схвачены; собаки не было, страшный начальникъ шайки исчезъ!

Жители зàмка были обязаны спасеніемъ отряду кирасировъ подъ начальствомъ полковника, который въ прошломъ году, будучи еще маіоромъ, квартировалъ у нихъ съ своимъ отрядомъ.

Вскорѣ явился унтеръ-офицеръ, съ раппортомъ, что бóльшая часть мародёровъ была поймана, и что крестьянамъ, съ помощію солдатъ, скоро удастся затушить пожаръ. Мало-по-малу всѣ успокоились. Передъ уходомъ въ свою комнату, Евгенія поблагодарила Стефана краснорѣчивымъ, выразительнымъ взглядомъ. Графъ также удалился къ себѣ и Стефанъ, на-единѣ съ полковникомъ, объявилъ ему твердое намѣреніе свое не оставаться болѣе въ бездѣйствіи и присоединиться къ полку.

— Прекрасно! сказалъ полковникъ, крѣпко пожавъ руку молодаго офицера: но я бы вамъ посовѣтовалъ, удалиться отсюда по-скорѣе и безъ прощаній, которыя, я знаю по опыту, чертовски тягостны!

— Я готовъ повиноваться вамъ, полковникъ, отвѣчалъ Стефанъ съ живостію: только, мнѣ хотѣлось бы....

— Повидаться съ маркизомъ, благодѣтелемъ вашимъ, который, какъ я слышалъ, здѣсь? прервалъ его полковникъ. Это совершенно справедливо. А я велю покуда сѣдлать лошадей и готовиться къ отъѣзду....

Стефанъ еще разъ пожалъ руку полковнику и приказалъ денщику своему укладывать вещи.

— Господинъ поручикъ, сказалъ управляющій графа, встрѣтивъ Стефана на лѣстницѣ: извините, что я безпокою васъ; однако жъ долгомъ считаю доложить вамъ....

— Что такое? Ты отъ маркиза?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ управляющій, съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой: господинъ маркизъ опять исчезъ и мы, вѣроятно, не раньше увидимъ его, какъ когда выступятъ отсюда Пруссаки. Но, извольте видѣть, у меня всѣ ключи отъ погребовъ и я нѣкоторымъ образомъ сдѣлался тюремщикомъ пойманныхъ мародёровъ. Они не уйдутъ: за это я ручаюсь. Но одинъ изъ нихъ — по-видимому начальникъ шайки, почему мы и посадили его осо-

Digitized by Google

бо и надѣли на него цѣпи, по приказанію полковника — убѣдительно просить, чтобы ему позволили поговорить съ вами.

— Со мной? Что ему до меня?

— Я бы не осмѣлился доложить вамъ объ этомъ, если бъ онъ не просилъ такъ убѣдительно. Онъ раненъ и такъ ослабѣлъ отъ потери крови, что мнѣ даже казалось, что у него былъ бредъ, когда онъ умолялъ меня отдать вашему благородію этотъ бисерный кошелёкъ.

Управляющій испугался живости, съ которою Стефанъ схватилъ кошелёкъ, съ трепетомъ разсматривая его.

— Впрочемъ, я могу поручиться за него; онъ въ такомъ состояніи, что не можетъ имѣть злаго умысла.

Стефанъ задумался, закрывъ руками лицо; потомъ, подня въ голову, съ боязненнымъ ожиданіемъ спросилъ управляющаго:

— Какъ ты думаешь, какая участь ждетъ этого несчастнаго?

Управляющій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Если военный судъ не приговоритъ его къ пулѣ, то врядъ-ли крестьяне наши оставятъ его въ-живыхъ! Вѣдь тутъ разбой и зажигательство.

— Въ военное время на эти вещи не такъ строго смотрятъ! сказалъ съ неудовольствіемъ Стефанъ.

— Это вамъ лучше знать, отвѣчалъ медленно управляющій и поклонился, не безъ изумленія посмотрѣвъ на офицера: — У меня ключи съ собою, и если вамъ угодно, то я проведу васъ къ погребамъ.

—

Въ низкомъ, узкомъ, мрачномъ и сыромъ подвалѣ сидѣлъ гусарскій офицеръ на табуретѣ, поддерживая голову рукою. У ногъ его стоялъ фонарь, а возлѣ табурета лежалъ на соломѣ плѣнный. Онъ спалъ, побѣжденный слабостью или усталостью. Уже нѣсколько разъ подносилъ офицеръ фонарь къ лицу его; онъ схватилъ плѣнника за руку, чтобы разбудить его, но тотчасъ осторожно оставилъ ее, какъ-бы желая и страшась его пробужденія. Нѣсколько разъ уже отиралъ онъ слезы, которыя упорно струились изъ глазъ его.... Сердце его сильно билось, но жалобное ви-

Digitized by Google

зжанье собаки, царапавшейся у желѣзной рѣшетки подвальнаго окна, заглушало громкое біеніе сердца офицера....

Визгъ собаки разбудилъ наконецъ несчастнаго.

— Ты здѣсь? спросилъ онъ, скоро поднявшись и думая увидѣть возлѣ себя собаку. Онъ осмотрѣлся, отвелъ рукою волосы, омоченные кровью и опустившіеся къ нему на лицо. Взоръ его остановился на офицерѣ, который, закутавшись въ бѣлый плащъ, сидѣлъ возлѣ него неподвиженъ и безмолвенъ, какъ мраморная статуя. Дрожащій свѣтъ фонаря освѣщалъ блѣдное, юношески прекрасное лицо офицера, имѣвшее на себѣ выраженіе грусти, и рѣзкія, жесткія черты преступника, осѣненныя всклоченной бородой; на этомъ лицѣ выражались жестокость и тупоуміе, только въ большихъ глазахъ былъ еще лучъ утѣшительный, заставлявшій надѣяться, что не всѣ еще человѣческія чувства угасли въ этомъ несчастномъ!...

Наконецъ офицеръ прервалъ свое выразительное молчаніе.

— Что тебѣ надо? спросилъ онъ.

Плѣнникъ щелкнулъ пальцами, показалъ на окно и сказалъ:

— Это моя собака.

— Ты, вѣроятно, позвалъ меня не длятого, чтобы говорить о собакѣ?

— Это доброе животное. Лучше другаго человѣка.

— Да, лучше зажигателей и воровъ, съ невольнымъ трепетомъ произнесъ Стефанъ.

— Я никогда не воровалъ.

— Что тебѣ надо отъ меня?....

— Я только хотѣлъ просить васъ о собакѣ.... я досталъ ее щенкомъ.... Она никогда не покидала меня.... право, никогда.... управляющій хочетъ взять ее себѣ!

— Всякой имѣетъ на то право.

— Пускай ее лучше впустятъ ко мнѣ. Вѣдь собака не поджигала замка!

— Несчастный! Неужели ты меня ни о чемъ другомъ не хочешь просить, какъ.... о собакѣ?

Плѣнникъ молчалъ. Онъ посмотрѣлъ на офицера, потомъ на полъ; щелкнулъ языкомъ и опять сталъ смотрѣть на окно, возлѣ котораго всё-еще визжала собака.

Digitized by Google

— Неужели ты думаешь, что я пришелъ за этимъ?

Онъ молчалъ.

— Знаешь ли ты меня?

Онъ бросилъ на офицера взглядъ быстрый, какъ молнія, и опять опустилъ глаза.

— Ты знаешь? повторилъ офицеръ вздрогнувъ.

— Я зналъ, что вы придете...:.

— Готлибъ! вскричалъ офицеръ, не въ силахъ будучи болѣе противиться одолѣвшему имъ чувству.

Плѣнный задрожалъ такъ сильно, что по подвалу разнесся звукъ затряслихся цѣпей. Глаза его засверкали лихорадочнымъ огнемъ; губы дрожали, дыханіе сдѣлалось шумнымъ; какой-то глухой свистъ слышался въ груди его, но онъ молчалъ.

— О, Готлибъ! вскричалъ Стефанъ, между-тѣмъ какъ слезы брызнули изъ глазъ его, и протянувъ руку къ несчастному продолжалъ: — Братъ! такъ ли мы должны были встрѣтиться!

Цѣпи зазвучали громче прежняго и плѣнникъ бросился на протянутую къ нему руку. Онъ всё-еще дрожалъ, но взоръ его былъ мягче; нѣжнѣйшія, умершія чувствованія пробудились въ немъ какъ-бы нечаянно, противъ его воли. Почти нельзя было узнать голосу, которымъ онъ произнесъ:

— О! я былъ увѣренъ....

— Что я тебя узнаю, Готлибъ?

— Они гоняли меня сквозь строй, спороли воротникъ съ моего мундира, изгнали меня, топтали ногами, а вы всё-таки узнали меня! Да вознаградитъ васъ за то Господь!

— Готлибъ, мы когда-то говорили другъ другу — ты.

— Когда-то!... Но вы теперь знатный офицеръ, баринъ, а я даже не дослужился и до ефрейтора!

— Но мы братья! сказалъ Стефанъ и сжалъ голову брата въ рукахъ своихъ.

Не какъ журчащій ручей, но какъ бурный потокъ, уносящій съ собою и части береговъ, между которыми течетъ, какъ волканъ, извергающій накопившіяся горючія вещества, излилась горесть Готлиба. О чемъ говорили братья, что они говорили другъ другу — никому не извѣстно; такъ точ-

Digitized by Google

но протрезвившійся не помнитъ что̀ говорилъ, когда винные пары бродили въ головѣ его.

— Я всегда думалъ: онъ не забылъ меня, говорилъ Готлибъ, держа руку брата: вѣдь я жъ не забылъ его. Во всю жизнь мою, только одинъ маленькій Францъ любилъ меня.... онъ даже плакалъ, когда меня били и просилъ за меня. Это одно пріятное воспоминаніе, которое я унесъ съ собою изъ отцовскаго дому!

Стефанъ отеръ слезу и сдѣлалъ знакъ, чтобы братъ его пересталъ объ этомъ говорить.

— О, любезнѣйшій господинъ ротмистръ, или какой вашъ чинъ: позвольте мнѣ высказать все, что̀ у меня на душѣ. Я уже въ то время зналъ, что вы будете знатнымъ бариномъ, а я останусь ничтожнымъ бѣднякомъ. Но помните ли, какъ я васъ уже и тогда умолялъ, не презирать бѣднаго Готлиба. И вы исполнили просьбу мою: я негодяй, а вы знатный баринъ, но несмотря на то, всё-таки пришли навѣстить меня! Вы не испугались цѣпей моихъ, вы пожали мнѣ руку!...

— И ты думалъ обо мнѣ?

— О, часто! Я узналъ, что вы ушли отъ Австрійцевъ и я болѣе прежняго полюбилъ васъ. Я всё надѣялся, что мы гдѣ-нибудь встрѣтимся; однако жъ я опускался всё ниже и ниже. О, все пошло бы иначе, если бъ вы были со мною! А то, я нигдѣ не встрѣчалъ ласковаго лица. Всѣ называли меня негодяемъ.... О! я еще отплачу имъ за это! вскричалъ вдругъ Готлибъ, въ которомъ непріятныя воспоминанія пробудили опять чувство мщенія и злобы.... Но, продолжалъ онъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: я увѣренъ, что вы добрый начальникъ и никого напрасно не наказывали. Если бъ я провинился, вы наказали бы меня, да потомъ опять посмотрѣли бы ласково и все было бы хорошо. Неправда ли, вы взяли бы меня къ себѣ въ деньщики и, клянусь, я никому не сказалъ бы, что я братъ вашъ!... О, тогда все пошло бы иначе!

Слова эти, на которыя Стефанъ не зналъ что̀ отвѣчать, какъ-бы облегчили грудь несчастнаго; онъ дышалъ свободнѣе, голосъ его становился мягче. Стефанъ пришелъ съ намѣреніемъ сдѣлать Готлибу строгіе упреки и выговоры за его преступленія, но теперь онъ не зналъ что̀

Digitized by Google

говорить, онъ не могъ пріискать словъ довольно нѣжныхъ для несчастнаго, съ души котораго отпала грубая кора отъ одного прикосновенія нѣжнѣйшихъ воспоминаній.

— Ахъ, Готлибъ, вскричалъ онъ наконецъ: если бъ я могъ спасти тебя!

— Исполняйте долгъ вашъ: я заслужилъ наказаніе. Но повѣрьте, я былъ не дурной солдатъ, божусь вамъ — подлецъ тотъ кто скажетъ противное! Я славно дрался, добрый ротмистръ: только на бѣду мою, не могъ сносить обидъ!

— Но, несчастный, ты былъ начальникомъ шайки разбойниковъ!

— Славный былъ народъ!

— Какъ ты попалъ къ нимъ?

— Изъ полку меня выгнали, такъ куда жъ мнѣ было дѣваться? Я не могъ кланяться и улыбаться, когда спина болѣла отъ фухтелей; не могъ не пить, когда жажда мучила меня; не могъ не играть, когда были деньги и не понималъ зачѣмъ мужику жить лучше меня. Десять разъ обѣщали произвесть меня въ унтеръ-офицеры, но для этого нужно было ладить съ мужиками; а я не хотѣлъ! Саксонцы враги короля моего, а его враги — мои враги!.... Я билъ крестьянъ; они жаловались; меня наказывали — прогнали.... что жъ мнѣ было дѣлать?

— Ты сдѣлался зажигателемъ, Готлибъ!

— Каково горѣло? а?

— Несчастный! ты еще шутишь! Что тебѣ сдѣлалъ графъ?

— Что сдѣлалъ? Я до него давно добираюсь! Ну, да можетъ-быть и не ушло еще!

— Графиня твоя благодѣтельница!

— Ее никто и не смѣлъ трогать. Я взялъ ее подъ свою защиту и, клянусь вамъ, не причинилъ бы ей ни малѣйшаго зла! Я помню, какъ она бросила мнѣ кошелёкъ: васъ я тогда не узналъ. А я никогда не забываю если мнѣ что-нибудь сдѣлаютъ, доброе или злое. Я дурной человѣкъ, это правда, но во мнѣ есть еще кое-что доброе.

— Однако ты не раскаиваешься въ своихъ преступленіяхъ! Ты могъ равнодушно смотрѣть на пламя, пожиравшее добро столькихъ невинныхъ людей.

Digitized by Google

— Да вѣдь это непріятели наши, ротмистръ. Пруссаку я въ жизнь не сдѣлалъ зла. А что жъ касается до пламени, то я, напротивъ, даже очень радъ ему, потому что только тогда, когда оно освѣтило лицо ваше, я узналъ своего маленькаго Фрица и ужъ тогда не подымалась у меня рука, хоть бы меня тутъ же на мѣстѣ убили.

— Да проститъ Господь тѣмъ, которые вынудили тебя сдѣлаться преступникомъ! сказалъ офицеръ, прижавъ голову брата къ груди своей.

— Позвольте жъ узнать, продолжалъ плѣнникъ послѣ нѣкотораго молчанія: исполните ли вы теперь просьбу мою?

— О чемъ же ты просишь?

— О собакѣ. Если бъ она умѣла говорить, то сказала бы вамъ, что я ее не укралъ и что я очень любилъ ее. Правда, она напала на васъ, но винить ее въ этомъ нельзя. Если бъ теперь кто-нибудь вздумалъ обидѣть васъ, то и я бросился бы на того какъ собака....

Стефанъ обѣщалъ исполнить желаніе брата и какъ-бы стыдясь, что не могъ сдѣлать большаго для него, перемѣнилъ разговоръ. Въ это время на дворѣ послышалось пѣніе стараго кирасира, сѣдлавшаго лошадь. Онъ пѣлъ пѣсню, сложенную солдатами на смерть генерала Шверина и каждый куплетъ оканчивался слѣдующими стихами:

На полѣ битвы палъ,
Шверинъ, мой генералъ!
Умеръ Шверинъ!

Готлибъ приподнялъ голову; глаза его блестѣли; громкимъ голосомъ повторилъ онъ:

На полѣ битвы палъ,
Шверинъ, мой генералъ!

— Ты былъ въ прагскомъ сраженіи?

— Я стоялъ за генераломъ, когда онъ палъ. О, это былъ великій день!.... И опять пробудился въ плѣнникѣ жаръ, при воспоминаніи о знаменитомъ днѣ. Стефанъ внимательно слушалъ, съ какимъ восторгомъ описывалъ онъ битву и побѣду. Слѣдовательно, не все еще умерло въ несчастномъ!

Digitized by Google

— Ты еще Пруссакъ въ душѣ?

— По гробъ!

— Ты любишь короля?

— Всей душой.

— Обстоятельства его плохи. Онъ боленъ. Непріятель приближается къ Берлину. Готлибъ, если бъ ты былъ свободенъ, перемѣнилъ ли бы ты свое поведеніе?

— Я бы сталъ жить и дѣйствовать только за короля своего, Фридриха единственнаго! вскричалъ Готлибъ, зазвучавъ цѣпями.

За замкомъ раздались звуки трубъ. Долгъ службы звалъ Стефана. Онъ готовъ былъ отдать пол-жизни своей, лишь бы снять съ Готлиба оковы.

— Не унывай, Готлибъ, говорилъ онъ, прижимая его къ груди своей: мы еще увидимся. Не унывай, король твой живъ еще и ты Пруссакъ!

Затворивъ за собою дверь погреба, офицеръ вынулъ кошелёкъ свой и хотѣлъ уже обратиться къ управляющему, но, къ изумленію своему, увидѣлъ вмѣсто него двухъ кирасировъ, поставленныхъ на часы къ плѣнникамъ.

— Одно средство осталось, подумалъ Стефанъ и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Случаю ли, или чему-нибудь другому онъ обязанъ былъ что встрѣтилъ Евгенію въ залѣ. О, какъ нѣженъ былъ теперь взоръ ея, какъ она ласково подала ему руку, которую Стефанъ схватилъ съ жаромъ и прижалъ къ губамъ своимъ.

— Евгенія, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, не откажите мнѣ въ просьбѣ моей....

— Я готова отдать за своего избавителя жизнь мою... Но это одни пустыя слова... Говорите! Чѣмъ могу я быть вамъ полезною?

— Примите подъ свое покровительство несчастнаго, окованнаго цѣпями — начальника шайки мародёровъ.... онъ можетъ еще исправиться.... Притомъ же онъ мнѣ.... Это несчастный братъ мой! О, Евгенія, обстоятельство это становитъ, можетъ-быть, между нами вѣчную преграду, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно привязываетъ меня къ вамъ узами благодарности! О, спасите его, спасите! Это единственное желаніе мое, Евгенія....

Digitized by Google

— Я свято исполню его..... отвѣчала она и молодые люди упали другъ другу въ объятія.... Они уже не говорили ни слова, ни одинъ звукъ не исторгся изъ груди ихъ и никто не помѣшалъ долгому, нѣмому, горестному, сладкому прощанію....

Только тогда, какъ въ третій разъ прозвучали трубы, когда Стефанъ сидѣлъ уже на лошади, вошла Амалія; графиня приложила горящее лицо къ груди подруги, и обѣ молча прислушивались къ удалявшемуся топоту коней и утихавшему звуку трубъ.... Все смолкло.

Слезы ручьями струились по щекамъ Евгенін, но она не могла выговорить ни слова....

—

Прошелъ еще годъ. Зима 1759 году явилась новой непріятельницей ничѣмъ непоколебимаго героя — Фридриха. Войска его много пострадали на зимнихъ квартирахъ въ Саксоніи, но Фридрихъ доказалъ, что умѣетъ бороться и со стихіями. Съ свѣжими войсками выступилъ онъ въ походъ въ новомъ году, но новыя бѣдствія поразили его. Преслѣдуемый Дауномъ и въ свою очередь преслѣдуя Ласси, знаменитый государь-полководецъ совершилъ славный переходъ изъ Саксоніи въ Силезію, и изъ Силезіи въ Саксонію. Никто не осмѣливался напасть на льва, котораго армія изнывала отъ іюльскихъ жаровъ.—Наконецъ, собравъ послѣднія силы, Фридрихъ, вмѣсто того чтобы защищаться, атаковалъ непріятеля и осадилъ Дрезденъ. Прусскія бомбы громили стѣны столицы, но всё было тщетно; Фридрихъ долженъ былъ отступить и самъ чуть не попался въ руки осажденныхъ. Непобѣжденный однако жъ отступилъ онъ въ Силезію, но тамъ еще большая опасность ожидала его. Малочисленная армія прусская была окружена при Лигницѣ, желѣзныя руки охватили Фридриха, и, казалось, наступилъ послѣдній часъ великаго!.... Тогда геній его пробудился, величественнѣе нежели когда-либо. Вечеромъ всѣ считали его погибшимъ, но прежде нежели лучи утренняго солнца озарили лагерь Дауна, Фридрихъ успѣлъ уже побѣдить Лаудона и шелъ къ спасенному Бреславлю!

Надобно было отказаться отъ надежды побѣдить Фридриха. Рука, подымавшаяся на него дрожала, хорошо разсчитанный ударъ дѣлался невѣрнымъ, отъ одного взгля-

Digitized by Google

ду Фридриха. Тогда непріятели рѣшились лишить прусскаго короля средствъ къ продолженію войны. Берлинъ былъ средоточіемъ цвѣтущей промышлености; тамъ, какъ гидра, выростало войско, оттуда наполнялась касса Фридриха, и туда-то обратились взоры политическихъ его противниковъ. Уже грозныя тучи собирались надъ столицей Пруссіи, когда Фридрихъ узналъ о томъ.

Въ рѣшительныя минуты Фридрихъ никогда не колебался. Два гусарскіе офицера были немедленно посланы изъ главной квартиры съ депешами въ Берлинъ. Въ депешахъ были только слѣдующія слова: — *Фридрихъ идетъ.* Но эти слова стоили цѣлой арміи. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы по-скорѣе дать знать коменданту Берлина, что Фридрихъ знаетъ о нападеніи непріятеля и что онъ идетъ уже изъ Силезіи, чтобы спасти свою столицу — но исполненіе этого препорученія было трудно, опасно. Уже въ окрестностяхъ Берлина стали появляться австрійскіе волонтеры; только черезъ чащу сосновыхъ кустарниковъ, черезъ песчаныя степи, гдѣ нельзя было встрѣтить грабителей, могли пробираться офицеры.

Одному изъ нихъ не суждено было дойти до Берлина; онъ попался въ руки австрійскимъ бродягамъ и былъ убитъ!

Терпя голодъ и жажду добрался наконецъ другой офицеръ до небольшаго городка Вендишъ-Буххольцъ. Тамъ рѣшился онъ перемѣнить мундиръ на одежду простаго гражданина, по общему совѣту всѣхъ жителей городка и по убѣдительной просьбѣ самаго бургомистра.

— Не безпокойтесь, говорилъ послѣдній: король узнаетъ васъ и въ этой одеждѣ!

Молодой офицеръ былъ не кто иной, какъ поручикъ Стефанъ; но трудно было узнать его; лицо его загорѣло, и мягкое, нѣсколько томное выраженіе его приняло характеръ твердости. Только глаза остались тѣ же, хотя въ нихъ свѣтилось что-то болѣе рѣшительное....

Провожаемый благословеніями жителей городка, Стефанъ пошелъ по дорогѣ къ Берлину. Не зная хорошенько дороги, онъ заблудился въ лѣсу, и послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы, выбрался наконецъ на большую дорогу; но тутъ новая бѣда ожидала его. Едва про-

Digitized by Google

шелъ онъ нѣсколько шаговъ, утопая въ глубокомъ песку, какъ на него наѣхалъ отрядъ казаковъ, которые взяли его въ вожатые. Стефанъ даже обрадовался этому случаю, потому что усталъ до крайности; вскочивъ на маленькую, но быструю и живую казацкую лошадь, повелъ онъ отрядъ, и такимъ образомъ скорѣе и безопаснѣе приближался къ своей цѣли.

Мѣстоположеніе измѣнялось—рыхлая земля становилась всё тверже и тверже, свѣтлая зелень пробивалась по сторонамъ дороги и вмѣсто сосновыхъ кустарниковъ на сырой почвѣ высились березы. Стефанъ зналъ, что черезъ березовый лѣсъ дорога вела прямо къ Берлину, башни и колокольни котораго стали уже показываться на горизонтѣ.... сердце его сильно билось.... онъ оглянулся и увидѣлъ, что казаки нѣсколько поотстали отъ него и о чемъ-то съ жаромъ разговаривали.... онъ поворотилъ лошадь, пришпорилъ ее и успѣлъ уже ускакать шаговъ пятьдесятъ, прежде нежели за нимъ пустились въ погоню.....

Громкіе крики непріятелей и шпоры Стефана какъ-бы придали лошади крылья; она летѣла.... ее даже не остановилъ широкій ровъ.... привыкнувъ къ подобнымъ препятствіямъ, она перескочила черезъ него, но по ту сторону было глубокое болото.... Несмотря на то, она смѣло шла впередъ, но съ каждымъ шагомъ углублялась всё болѣе и болѣе.... почуявъ опасность, она остановилась... ни шпоры, ни удары, ничтò не дѣйствовало, лошадь не трогалась съ мѣста....

За Стефаномъ слышался громкій, дикій смѣхъ.... но вотъ, одинъ казакъ свистнулъ и лошадь подняла голову, выпрямила уши.... еще свистъ, другой, третій и лошадь поворотила назадъ....ничтò не могло удержать ее; съ изумительными усиліями бросилась она къ своимъ, не давъ даже всаднику соскочить съ нея. Дюжая рука схватила Стефана и сбросила его на-земь, въ то же мгновеніе блеснули острія нѣсколькихъ пикъ, но начальникъ отряда остановилъ казаковъ и сказалъ имъ нѣсколько словъ на языкѣ, непонятномъ Стефану. Казаки опустили пики и, громко смѣясь, схватились за нагайки. Кровь закипѣла въ жилахъ Стефана, онъ хотѣлъ вскочить, но старый казакъ

Digitized by Google

остановилъ его, приставивъ конецъ пики къ груди его и сказавъ:

— Никсъ, мусье! никсъ!

Скрежеща зубами выхватилъ Стефанъ изъ-за пазухи небольшой пистолетъ и прицѣлился имъ въ лицо казака, который замахнулся на него нагайкой. Это движеніе, казалось, рѣшило судьбу его.... нѣсколько пикъ были занесены надъ нимъ, еще минута и....

— Стой! закричалъ кто-то повелительнымъ голосомъ: что это значитъ? И казаки остановились въ недоумѣніи.

Генералъ съ нѣсколькими другими офицерами подскакалъ къ казакамъ и требовалъ, чтобы ему объяснили дѣло; потомъ, сдѣлавъ знакъ Стефану, чтобы онъ всталъ, устремилъ на него проницательный взглядъ.

— Не крестьянинъ? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Я Пруссакъ.

— Откуда?

— Изъ Вассербурга.

— Куда?

— Въ Берлинъ. Меня взяли въ вожатые....

— Зачѣмъ пистолетъ?

— Меня хотѣли.... Грозный взглядъ Стефана и нагайки въ рукахъ казаковъ, объяснили генералу все дѣло. Онъ еще нѣсколько секундъ внимательно смотрѣлъ на Стефана.

— Но зачѣмъ ты носишь при себѣ оружіе?

— Военное время, генералъ.

— Ты имѣешь важныя дѣла въ Берлинѣ?

— Малѣйшее замедленіе можетъ принесть въ подобное время большой убытокъ помѣщику.

Генералъ посмотрѣлъ еще на Стефана, потомъ пожалъ плечами, какъ-бы сожалѣя, что долженъ былъ исполнить долгъ свой, и приказалъ одному изъ офицеровъ имѣть надзоръ надъ плѣннымъ.

— Пока не рѣшится судьба Берлина, дѣла твои надобно отложить, сказалъ генералъ: но мы еще увидимся! прибавилъ онъ, и ускакалъ.

Неожиданное заступничество спасло Стефана отъ смерти, но, несмотря на то, онъ былъ несчастливъ, тѣмъ болѣе, что не могъ даже узнать имени своего избавителя.

Digitized by Google

Но что ему было въ жизни, когда онъ не могъ итти въ Берлинъ? На груди его была нѣкра, которая могла превратиться въ свѣтлое пламя, если бъ онъ могъ перекинуть ее въ Берлинъ; но теперь она только жгла внутренность его, убивала его!.... Стефанъ пролежалъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и однажды узналъ изъ разговора двухъ офицеровъ, говорившихъ по-французски, что Берлинъ еще не взятъ. Это успокоило молодаго Пруссака.

Вдругъ пришло приказаніе перевесть Стефана съ гауптвахты въ одну изъ комнатъ замка, въ которомъ была главная квартира. Тамъ наконецъ удалось ему утолить голодъ и жажду, мучившіе его на гауптвахтѣ, гдѣ никто о немъ не заботился. Къ крайнему удивленію, ему предоставлены были даже нѣкоторыя удобства, которыхъ военнопленный и ожидать не могъ. Никто изъ окружавшихъ его не говорилъ ни по-нѣмецки, ни по-французски, а потому Стефанъ ни какъ не могъ узнать, кому обязанъ этими милостями.

Окно новой темницы его было безъ рѣшетокъ, но оно приходилось надъ самой рѣкой, въ самомъ широкомъ и быстромъ мѣстѣ. О бѣгствѣ нечего было и думать.

Около вечера вошелъ въ темницу офицеръ, съ препорученіемъ отъ генерала Тотлебена, который требовалъ Стефана къ себѣ. Молодой Пруссакъ послѣдовалъ за офицеромъ и былъ введенъ къ генералу, спасшему ему жизнь.

Генералъ Тотлебенъ прохаживался съ адъютантомъ своимъ взадъ и впередъ по комнатѣ; увидѣвъ Стефана, онъ отдалъ адъютанту нѣсколько приказаній, и обратившись къ вошедшему, заговорилъ съ нимъ по-французски:

— Вы вассербургскій помѣщикъ?

Стефанъ только наклонилъ голову: онъ не могъ изустно подтвердить ложь свою.

— Слѣдовательно наружность обманчива, продолжалъ генералъ: казаки приняли васъ за военнаго и вотъ причина ихъ дурнаго обхожденія съ вами. Я очень радъ, что увѣрился теперь въ томъ, что вы не военный.

— Ваше превосходительство, каждый Пруссакъ — солдатъ, когда рука его нужна королю.

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливо прервалъ его генералъ: въ Берлинѣ вы должны будете представить мнѣ бу-

Digitized by Google

маги и документы ваши. Теперь прошу у васъ извиненія въ обидѣ, причиненной вамъ на большой дорогѣ. Въ военное время этого избѣгнуть нельзя.

— Человѣколюбіе вашего превосходительства всѣмъ извѣстно и сверхъ признательности цѣлаго народа, вы пріобрѣтете уваженіе великаго монарха, котораго завистники и недоброжелатели называютъ честолюбцемъ....

— Вы горячо стоите за вашего короля.

— Встрѣчали ли вы, ваше превосходительство, Пруссака, который бы говорилъ или думалъ иначе?

— Но вы не природный Пруссакъ....

Стефанъ смутился; онъ чувствовалъ, какъ щеки его горѣли....

— Я, кажется, имѣлъ уже честь доложить вашему превосходительству....

— Хорошо, хорошо! прервалъ генералъ слова его: я ошибся—извините. Но скажите, долго ли продолжится прусскій восторгъ вашъ? — Положимъ, что онъ устоитъ еще во время войны, потому что здѣсь онъ находитъ на каждомъ шагу пищу, но, что будетъ тогда, какъ Фридрихъ состарѣется и въ мирное время перестанетъ быть идеаломъ тѣхъ, которые ждутъ отъ него перерожденія цѣлаго міра; когда мнительность его увеличится съ годами, и когда надежда не будетъ уже оживлять свѣтлые, большіе глаза одинокаго старца?—Хоть я нахожусь въ числѣ враговъ Фридриха, но не думайте, чтобы я былъ нечувствителенъ къ очарованію, производимому однимъ его присутствіемъ. Я жилъ при Потсдамскомъ дворѣ, я самъ жаждалъ взгляда Фридриха и при ласковомъ словѣ его, зима превращалась для меня въ прелестнѣйшее лѣто, на сухихъ, мерзлыхъ сучьяхъ цвѣли роскошнѣйшіе цвѣты! Разговоръ его былъ увлекателенъ, остроуміе очаровательно!.... Но съ каждымъ годомъ это солнце издавало менѣе свѣту. Взоръ его дѣлался серіознѣе, мрачнѣе, разговоръ отрывистѣе, остроуміе болѣе ѣдкимъ и колкимъ. Самое счастіе перестало уже имѣть вліяніе на нравъ его, мнительность его была оскорбительна, упрямство нестерпимо. Пусть онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой войны, пусть онъ состарѣется еще десятью годами и едва-ли тогда будетъ считать кого-нибудь изъ окружающихъ его до-

Digitized by Google

стойнымъ ласковаго слова; когда, мучимый подагрой, съ пасмурнымъ лицомъ и опершись на костыли, будетъ онъ бродить какъ пришлецъ съ того свѣта, когда любимая собака его и флейта не вызовутъ на уста его улыбки, когда Потсдамъ, боясь угрюмаго короля, онѣмѣетъ какъ могила—тогда мы увидимъ, устоитъ ли еще восторгъ вашъ!

— Ваше превосходительство.... началъ Стефанъ, съ изумленіемъ смотря на генерала, въ словахъ котораго выражалось глубокое убѣжденіе.

— Не удивляйтесь откровенности моей, продолжалъ Тотлебенъ болѣе спокойнымъ голосомъ: я люблю открытыя, прямыя лица и читаю въ нихъ охотнѣе, нежели въ запечатанныхъ документахъ. Ваше лицо дышетъ прямодушіемъ.

На лицѣ Стефана выступила яркая краска.

— При всемъ умѣ и учености, которые встрѣчались при дворѣ Фридриха, мнѣ не случалось видѣть тамъ лицъ, подобныхъ вашему. Всѣ, по-видимому, старались быть похожими на Фридриха; носы и подбородки заострялись, всѣ черты принимали какую-то рѣзкость; не было прямаго, открытаго лица, на которомъ взоръ могъ бы отдохнуть. Всѣ хотѣли казаться умными.

— О той тѣни, которую вы, ваше превосходительство, можете набрасывать на героя нашего, подданные его и подумать не смѣютъ....

— Да, подданные! сказалъ генералъ, бросивъ значительный взглядъ на молодаго офицера: но три четверти солдатъ его иностранцы.... Кстати, вотъ что можетъ подтвердить слова мои. Послушайте, я разскажу вамъ содержаніе этого письма; огорченный отецъ проситъ меня позаботиться объ его сынѣ. Молодой человѣкъ, повинуясь юношескому восторгу, произведенному дѣяніями Фридриха, оставилъ знамена своей императрицы и перешелъ на службу къ королю прусскому. Отецъ, сильно негодуя на поступокъ сына, узналъ въ послѣднее время, что на него возложено порученіе, которое можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія для молодаго человѣка....

— Гдѣ теперь этотъ отецъ? неосторожно прервалъ Стефанъ генерала.

— Я не имѣю права открыть мѣстопребыванія его, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что на самомъ письмѣ не означено мѣсто, откуда оно отправлено. Впрочемъ, мнѣ пріятно услужить старому другу.... Вы, можетъ-быть, знаете его сына, поручика Стефана? Онъ служитъ въ черныхъ гусарахъ.

— Воспитанника маркиза де-Кабаниса? спросилъ Стефанъ. Сердце его сильно билось.

— Именно. Если случай сведетъ васъ съ нимъ, то предостерегите его. Если я узнаю его, то долженъ буду немедленно арестовать и передать Австрійцамъ.

— Я слышалъ однако жъ, что онъ получилъ въ Австріи отставку, на которую имѣлъ полное право.

— Но если я имѣю хотя не оффиціальныя, но частныя извѣстія, что поручикъ Стефанъ съ тайнымъ порученіемъ отъ короля прусскаго, пробирается въ Берлинъ, черезъ лагерь соединенныхъ войскъ, чтобы возпрепятствовать счастливѣйшему случаю къ окончанію войны, то хотя вы и не военный, но согласитесь, что молодой Стефанъ можетъ сильно повредить намъ, и что попавшись намъ въ руки, онъ будетъ преданъ военному суду. Благодарю Создателя, что не имѣю оффиціальнаго описанія приметъ молодаго человѣка, чтобы, если я случайно и встрѣчусь съ нимъ, *имѣть право не узнать его*, потому что, увѣряю васъ, по долгу службы я долженъ былъ бы погубить сына моего друга!... Потрудитесь передать слова мои молодому офицеру, если вы его знаете—скажите ему, чтобъ онъ повѣрилъ словамъ человѣка, хорошо знающаго Фридриха. Я знаю его.

— Но если другъ мой, началъ говорить Стефанъ, послѣ минутнаго молчанія: отдавая полную справедливость вашей проницательности, и вопреки признательности за великодушіе вашего превосходительства, останется вѣрнымъ Фридриху?

— Я и тогда не перестану уважать его, сказалъ съ живостію Тотлебенъ и пожалъ молодому человѣку руку.

Офицеръ, явившійся съ докладомъ къ генералу, прервалъ разговоръ. Стефанъ отступилъ почтительно.

— Дѣла ваши, господинъ помѣщикъ, продолжалъ генералъ, вы должны будете отложить на нѣкоторое время. Всѣ сообщенія съ столицей пресѣчены и, я надѣюсь,

Digitized by Google

вы *извините* необходимость, заставляющую меня удержать васъ въ главной квартирѣ нашей *гостемъ*.

— Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, отправить въ Берлинъ письмо, которое объяснитъ пріятелямъ моимъ причину моего отсутствія.

— Я надѣюсь, я увѣренъ, отвѣчалъ генералъ пожавъ плечами: что вы покоритесь необходимости — и не будете писать.

—

Отчего легкое одѣяло, которымъ снабдила Стефана необычайная предусмотрительность кастеляна замка, гдѣ онъ былъ заключенъ, отчего это одѣяло давило его свинцовою тяжестью? И ночь была такъ холодна! Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, надъ широкой Шпреею носился вѣтерокъ, струившій гладкую, зеркальную поверхность ея, въ которой въ тысячи искрахъ отражалась луна.

Онъ вскочилъ. Все было тихо. Только по ту сторону рѣки, отъ песчаной поляны, ярко освѣщенной лучами мѣсяца, отдѣлялась фигура быстро скакавшаго всадника. Онъ подъѣхалъ къ подъемному мосту и требовалъ, чтобы его спустили, но сторожъ не повиновался—надобно было доложить коменданту. Наконецъ цѣпи зазвучали, мостъ опустился и всадникъ поскакалъ къ замку.

Зачѣмъ пріѣхалъ этотъ курьеръ? Съ приказаніемъ итти на Берлинъ? Съ извѣстіемъ о сдачѣ столицы? Можетъ-быть, Фридрихъ приближался?... Сильно билось сердце Стефана. У него на груди было письмо Фридриха, письмо, которое могло спасти всю Пруссію — и онъ не могъ летѣть въ Берлинъ! Отчаяніе овладѣло имъ.... съ движеніемъ нетерпѣнія, досады, бросился онъ къ двери.... она не была заперта. Что это значило?

Увы! она была замкнута крѣпчайшимъ замкомъ—великодушіемъ генерала! Онъ зналъ настоящее имя своего плѣнника, зналъ о возложенномъ на него порученіи — и молчалъ. Нѣтъ! Стефанъ не могъ употребить его довѣренности во зло; съ горестнымъ чувствомъ затворилъ онъ дверь и воротился къ окну, гдѣ холодный ночной воздухъ нѣсколько освѣжилъ горѣвшее лицо его.

Вдругъ какой-то звукъ достигъ до его слуху.... ему показалось, что кто-то произнесъ имя его.... Не былъ ли

Digitized by Google

это обманъ взволнованной фантазіи?... Но нѣтъ.... опять.... и опять все утихло, только вода плескала о стѣны замка. Стефанъ выглянулъ въ окно. Луна вполовину скрылась за сосновый лѣсъ и освѣщала только верхнюю часть замка; рѣка и мостъ были погружены въ глубокій мракъ. Однако жъ Стефану показалось, что кто-то шевелится подъ окномъ его. Всмотрѣвшись пристальнѣе, онъ увидѣлъ челнокъ, приставшій къ самой стѣнѣ и въ немъ человѣка, облокотившагося на весло. Ни одинъ лунный лучъ не освѣщалъ лица незнакомца, ночной вѣтеръ не доносилъ до Стефана словъ, которыя онъ произносилъ, однако жъ ему казалось, что онъ узналъ незнакомца, слышалъ слова его!

Тысячи предположеній тѣснились въ умѣ Стефана. Онъ высунулся изъ окна, и шопотомъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Пріятель, отвѣчалъ незнакомецъ.

Плѣнникъ не колебался болѣе. Онъ обвязалъ платкомъ бумажникъ, въ которомъ хранилась депеша, поцѣловалъ его и сложилъ руки, какъ-бы къ молитвѣ.... незнакомецъ слѣдилъ за всѣми движеніями Стефана и одобрительно покачивалъ головой. Бумажникъ выпалъ изъ рукъ офицера, вода всплеснула отъ движенія, приданнаго челноку незнакомцемъ, старавшимся поймать драгоцѣнную вещь.... Незнакомецъ поднялъ голову, еще разъ кивнулъ плѣнному и отчалилъ. Стефанъ показалъ на Берлинъ, потомъ протянулъ надъ незнакомцемъ обѣ руки, какъ-бы благословляя его и тотъ, по-видимому, понялъ его.

Незнакомецъ едва касался веслами поверхности воды, несмотря на то, челнокъ его летѣлъ. Онъ присталъ къ противоположному берегу; тамъ кто-то ждалъ и вскорѣ оба исчезли.... все утихло, только покинутый челнокъ медленно плылъ по теченію....

Свинцовая тяжесть свалилась съ груди молодаго офицера. Онъ упалъ на колѣни и горячею молитвою благодарилъ Всевышняго....

Утромъ вошелъ къ Стефану кастелянъ или управитель замка.

— Что мнѣ съ вами дѣлать? спросилъ онъ остановившись у дверей и съ видимой нерѣшительностію почесывая за ухомъ.

Digitized by Google

— Я плѣнный, возразилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ Стефанъ.

— Да у кого вы въ плѣну?

— У Русскихъ.

— Ну, такъ съ Богомъ, вы можете отправляться отсюда. Русскіе удалились.

— Удалились! вскричалъ Стефанъ съ невыразимой радостью; слѣдовательно Берлинъ спасенъ?

Управитель пожалъ плечами.

— Взятъ? Отвѣчай же!

— Нѣтъ еще, по счастію.

— Сдался на капитуляцію?

— На капитуляцію, утвердительно повторилъ управитель.

Стефанъ съ отчаяніемъ ударилъ себя въ голову.

— Да, ваше благородіе, продолжалъ кастелянъ, если бъ напримѣръ тамошніе генералы узнали, что всемилостивѣйшій король нашъ идетъ къ нимъ на помощь, то все было бы иначе.

Кастелянъ не могъ понять причины горести, овладѣвшей Стефаномъ, однако жъ счелъ за нужное, посовѣтовать ему не ходить въ Берлинъ.

— По-крайней-мѣрѣ, шепнулъ онъ ему еще на-ухо, когда офицеръ выходилъ уже изъ замка: сбрейте усы и накленьте парикъ, а то прусскаго военнаго легко узнать. Да хранитъ Господь короля нашего!

Стефанъ и не хотѣлъ скрываться. Мысль сдѣлаться мученикомъ, не устрашала его—онъ смѣло пошелъ по дорогѣ къ Берлину. Она была покрыта болѣе крестьянами, отправлявшимися съ припасами на рынокъ, нежели солдатами. Но иногда останавливали ихъ проѣзжавшія пушки и военные обозы. Помѣщики въ тяжелыхъ, старомодныхъ каретахъ ѣхали въ столицу, надѣясь быть тамъ въ безопасности отъ бродившихъ мародёровъ.

Вездѣ слышались разсказы о великодушныхъ поступкахъ гражданъ, о мужествѣ гарнизона. Но увы! всѣ усилія ихъ были тщетны—непріятель былъ въ Берлинѣ. Невдалекѣ отъ столицы дорога перерѣзывается длиннымъ болотомъ, черезъ которое идетъ мостъ. Тамъ собралась толпа народу, остановились нѣсколько экипажей и взоры

Digitized by Google

слѣдили за рукой человѣка, разсказывавшаго о геройскихъ подвигахъ нѣсколькихъ пѣхотинцевъ и объяснявшаго мѣстность, гдѣ происходило дѣло.

—Вотъ тамъ, говорилъ онъ: у сосны, казаки догнали ихъ. Пѣхотинцы ретировались на мостъ; они лучше бы сдѣлали, если бъ прямо бросились въ тростникъ; вотъ тамъ у того камня упалъ одинъ изъ нихъ, пронзенный пикою—еще трое остались на мосту. Они выстрѣлили залпомъ и два казака были убиты. Тогда они стали защищаться прикладами....

— Откуда шли эти солдаты? спросилъ кто-то въ толпѣ.

— Отъ замка, въ которомъ была главная квартира русскихъ войскъ. Казаки еще ночью замѣтили ихъ и преслѣдовали до утра. Долго дрались они, наконецъ изъ трехъ остался одинъ, высокій, дюжій молодецъ. Огромная собака не отставала отъ хозяина и отчаянно грызлась;—разбивъ прикладъ, онъ сорвалъ деревянную планку съ перилъ и защищался ею, но и та вскорѣ разлетѣлась въ щепы. Ему приходилось плохо; онъ понялъ это, свистнулъ собакѣ, и вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ, спрыгнулъ въ воду—собака за нимъ.

— И утонулъ?

— Нѣтъ. Онъ добрался до камышу, и по поясъ въ водѣ, пробирался далѣе. Два казака послѣдовали за нимъ.... раздались два выстрѣла. Пули засвистѣли въ камышѣ, но Пруссакъ присѣлъ, исчезъ и показался только тамъ, гдѣ, какъ вы видите, столько желтенькихъ цвѣтковъ. Казаки закричали что-то по-своему и пустились за нимъ въ погоню, но лошадь одного заупрямилась, и онъ долженъ былъ вернуться. Другой казакъ ѣхалъ далѣе.... Онъ почти настигъ Пруссака, какъ-вдругъ собака бросилась на лошадь, схватила ее за гриву.... она на дыбы, а Пруссакъ воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, нанесъ казаку дубиной такой ударъ, что тотъ покачнулся, да и бухъ въ воду!... Посмотрѣли бъ вы тогда, какъ озлились казаки, оставшіеся на мосту! Одинъ скомандовалъ и страшные выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ потрясли воздухъ....

— И Пруссакъ потибъ?

— Не извѣстно.. Тамъ, гдѣ такъ высоко растетъ камышъ выглянулъ онъ въ послѣдній разъ. Но собака страш-

Digitized by Google

но была, изъ чего мы и заключили, что солдатъ либо убитъ, либо утонулъ.....

Съ стѣсненнымъ сердцемъ слушалъ Стефанъ этотъ разсказъ; мрачно смотрѣлъ онъ на проѣзжавшихъ непріятелей, и вмѣшавшись опять въ толпу, пошелъ далѣе.

Думалъ ли Этьенъ, что воротится на родину при такихъ тягостныхъ, грустныхъ обстоятельствахъ?... Онъ всегда воображалъ, что воротится домой въ тихій, мирный воскресный день; при торжественномъ колокольномъ звонѣ думалъ онъ ступить на чисто выметенную мостовую, по которой медленно шелъ изъ церкви разряженный народъ. На всѣхъ лицахъ надѣялся онъ увидѣть спокойное, благочестивое выраженіе и ему казалось, что только изрѣдка взоръ ихъ обращался на загорѣлаго незнакомца.—Случай привелъ Этьена къ тѣмъ самымъ воротамъ, въ которыя онъ вышелъ изъ Берлина, но гдѣ же было воскресенье, тишина, миръ, спокойствіе? Колокола были въ движеніи, но звонъ ихъ былъ заглушенъ крикомъ, шумомъ бушевавшей толпы.

Онъ остановился у отворенной калитки кладбища. Верхушки акацій и платановъ медленно покачивались, стряхивая желтѣющіе листья на черные кресты, на мраморныя плиты съ золотыми надписями, и на вѣчнаго ангела смерти, съ опрокинутымъ факеломъ.... Было тихо и пусто на обширномъ кладбищѣ.... только какой-то старикъ, медленно вставъ съ широкой мраморной плиты, тихими шагами шелъ къ выходу. Онъ долженъ былъ итти мимо Стефана. Мѣсто, уравнивающее королей и нищихъ, сближаетъ и незнакомцевъ. Молодой человѣкъ поклонился старику; тотъ тоже поклонился и бросивъ на незнакомца равнодушный, холодный взглядъ, пошелъ далѣе.

Стефанъ не могъ тронуться съ мѣста. Онъ прислонился къ вязу, обхватилъ стволъ его и неподвижнымъ взглядомъ слѣдилъ за старикомъ....

То былъ отецъ его!

Этьенъ хотѣлъ бѣжать за нимъ, броситься къ ногамъ его, прижать его къ груди своей!.. Но нѣтъ—зачѣмъ? Не выражалось ли во взорѣ старика холодное, ледяное равнодушіе?... Нѣтъ! не равнодушіе, но горесть, глубокая горесть всегда была въ потухшемъ взорѣ его, во впалыхъ

Digitized by Google

щекахъ, въ дрожащихъ рукахъ... одна горесть привела его сюда.

Но кого оплакивалъ бѣдный старикъ?

Колѣни Стефана дрожали, грудь его сжалась, когда онъ нетвердымъ шагомъ подошелъ къ бѣлой мраморной плитѣ, на которой такъ долго сидѣлъ старикъ, отецъ его.... Сквозь горячія слезы, выступившія на глазахъ его, онъ съ трудомъ прочелъ слѣдующее:

«Здѣсь покоится прахъ Анны, Софіи, Стефаніи Бомъ, «родившейся 3 мая 1712 года, скончавшейся 1 мая 1760 го- «ду. Она перешла въ вѣчность, гдѣ краткую страдалицу, вѣр- «ную супругу и добрую мать ждетъ вѣнецъ, который ей «нитъ ее Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, въ «награду за безчисленныя страданія, которыя она по конецъ «жизни своей, переносила съ терпѣніемъ и примѣрною покор- «ностью христіанки.

«Да покоится мирно прахъ ея!

«Супругъ ея

«Карлъ, Готлибъ, Христіанъ Бомъ.»

Стефанъ уже не плакалъ. Источникъ слезъ его, казалось, изсякъ—глаза горѣли. Онъ читалъ и перечитывалъ надпись, пока всѣ буквы не слились въ глазахъ его... надгробный камень то повышался, то понижался, все на кладбищѣ вертѣлось около него, воздухъ сдѣлался тяжелымъ, точно будто передъ грозой....

Неизвѣстно, долго ли сидѣлъ Стефанъ на надгробномъ камнѣ матери, но когда онъ пришелъ въ себя, то успокоительныя слезы тихой грусти текли по щекамъ его. Онъ плакалъ долго и, казалось, все окружающее его, сочувствовало его скорби о невознаградимой потерѣ.

Стефанъ всталъ, хотѣлъ разогнать непріятный сонъ, но увы! все это была истина!... Въ чащѣ кладбища было мрачно, но на горизонтѣ стала уже появляться утренняя заря.... послѣднія звѣзды угасали. Онъ всталъ, стряхнулъ ночную росу съ сюртука своего и готовился итти—куда? Что ему теперь дѣлать въ Берлинѣ?.... Исполнить порученіе короля и посмотрѣть на старый, отцовскій домъ!

Было свѣтлое, холодное осеннее утро. Утренняя заря освѣщала красноватымъ свѣтомъ сѣрыя кровли королев-

Digitized by Google

ского замка, величественно возвышавшагося надъ невысокой массой домовъ, тонувшихъ еще въ сѣромъ туманѣ. Все еще спало; даже часовые дремали, опершись на ружья; не слышно было ни рыночнаго шуму, ни стуку колесъ на мостовой, но только однообразное хлопанье отдаленныхъ мельницъ. Стефанъ долго бродилъ по городу и когда все въ немъ стало оживать, когда на башенныхъ часахъ пробило семь, онъ вошелъ въ улицу, дорогу къ которой никто ему не показывалъ, хотя уже двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ какъ онъ не былъ въ ней....

Ставни были закрыты. Паутины затянули подвальныя окна и трава пробивалась между щелями каменныхъ ступеней. Дверь была заперта изнутри, что можно было узнать по концу ключа, высовывавшемуся изъ замочной скважины; слѣдовательно, домъ былъ обитаемъ, хотя въ немъ и вокругъ него царствовала мертвая тишина..... Стефанъ стоялъ уже у дубовой двери, окрашенной темной охрой; стальная колотушка была уже въ рукахъ его, но онъ не смѣлъ постучаться; что-то невѣдомое его удерживало.

Изъ-за угла показались два человѣка; оба были стары и оба торопились.... въ одномъ Этьенъ узналъ отца своего, а въ другомъ доктора Цирлейна, котораго двадцать лѣтъ не могли измѣнить. Старики шли прямо къ дому. Докторъ первый замѣтилъ Этьена и указывалъ на него тростью, отецъ пожалъ плечами и отвѣчалъ что-то очень равнодушно. Кровь бросилась молодому офицеру въ лицо, онъ весь задрожалъ и однимъ прыжкомъ соскочилъ съ крылечка и, не оглядываясь, убѣжалъ. Поворотивъ за-уголъ сосѣдней улицы, онъ устыдился своей трусости; вернулся, но уже было поздно. Дверь только-что захлопнулась и ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Стефанъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на домъ, въ которомъ онъ провелъ дѣтство. Тысячи воспоминаній, горестныхъ, тягостныхъ, тѣснились въ умѣ его....

Между-тѣмъ улицы оживлялись. Рѣдко можно было встрѣтить порядочно одѣтаго человѣка; на всѣхъ лицахъ было написано безпокойство, всѣ какъ-будто куда-то торопились, едва даже кланяясь знакомымъ. Около главной гауптвахты, которую занялъ непріятель, было пусто, толь-

Digitized by Google

ко на близлежащемъ булеварѣ, увидѣлъ Стефанъ двухъ маститыхъ Евреевъ, съ длинными бородами и въ богатыхъ костюмахъ; оба казались погруженными въ разговоръ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ шелъ молодой человѣкъ; по костюму его, изъ тонкаго сукна и шелку, по бѣлью удивительной бѣлизны, по тщательно завитому и напудренному парику, и, наконецъ, по легкой, граціозной походкѣ можно было узнать человѣка, принадлежащаго къ французской колоніи; а полу-скрытыя брыжжи свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ духовнаго званія. На молодомъ лицѣ его выражалось добродушіе, умъ, но въ это время болѣе всего любопытство. Онъ остановился, осмотрѣлся и не увидѣвъ никого, приставилъ находившуюся тутъ лѣстницу къ окну караульни, взобрался на нее, взглянулъ въ окно, вскрикнулъ съ ужасомъ и упалъ бы навзничъ, если бъ одинъ изъ подоспѣвшихъ Евреевъ не поддержалъ его.

— Герръ кандидатъ, что съ вами? О вай, герръ Эфраимъ: посмотрите, какъ онъ блѣденъ!

— О вай, герръ Ицигъ, какъ бы онъ не умеръ у насъ на рукахъ, отвѣчалъ Эфраимъ, помогая пріятелю своему поддерживать молодаго человѣка.

— Нѣтъ, нѣтъ; онъ ужъ открываетъ глаза.... Онъ приходитъ въ себя.... Герръ кандидатъ, что съ вами?

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ; только съ выраженіемъ ужасу указывалъ на окно караульни, откуда выглядывало широкое лицо казака, съ длинною черною бородой и изрубленное нѣсколькими сабельными ударами. Кандидатъ хотѣлъ посмотрѣть въ окно и лицо его почти столкнулось съ лицомъ казака: тотъ смѣялся надъ молодымъ человѣкомъ, на котораго одинъ видъ грознаго казака, произвелъ такой ужасъ!

Замѣтивъ, что онъ находился въ рукахъ Жидовъ и что вокругъ нихъ начинала уже собираться толпа народу, молодой кандидатъ испугался этого почти столько же, сколько казака. На-скоро поклонившись Жидамъ и поблагодаривъ ихъ за помощь, онъ увѣрялъ, что одно желаніе взглянуть по-ближе на сыновъ Урала, заставило его посмотрѣть въ окно караульни, и поспѣшно удалился. Этьенъ вмѣшался въ толпу и вмѣстѣ съ нею бродилъ изъ одной

Digitized by Google

части города въ другую, безъ всякой цѣли. Онъ видѣлъ, какъ австрійскіе солдаты, не обращая вниманія на запрещенія начальниковъ, грабили мирныхъ гражданъ; онъ видѣлъ, какъ они бросали изъ оконъ магазиновъ товары на улицу, только для того, чтобы разбить или разорвать ихъ. Не-разъ кипѣла въ немъ кровь, и онъ готовъ былъ измѣнить себѣ, но толпа не давала ему времени исполнить это, увлекая его всё далѣе и далѣе. Наконецъ, измученный, усталый, голодный, опустился онъ на скамью передъ питейной лавкой, не заботясь о шумѣ, въ ней происходившемъ. Тамъ толпились Австрійцы, Русскіе, Берлинцы, мужчины, женщины и дѣти; слышались угрозы, смѣхъ, ругательства, драка. Изъ лавки тащили за хвостъ старую, уже негодную казацкую лошадь, на которой сидѣла верхомъ, обратившись спиной къ лошадиной головѣ и держась за хвостъ, безобразная старуха, раскраснѣвшаяся отъ злобы. Чепчикъ былъ надѣтъ на головѣ ея задомъ-на-передъ, длинные, грязно—сѣдые волосы были растрепаны, изорванная гусарская куртка играла роль шпенсера и на одной ногѣ старухи была ботфорта. Но болѣе всего обезображивало ее бѣшенство, которое не находило приличныхъ словъ, чтобы излиться наружу. Судороги подергивали распухшее лицо, глаза были на выкатѣ, на губахъ пѣна.

Толпа уличныхъ мальчишекъ съ громкимъ смѣхомъ попрыгивала около нея, напѣвая:

Фрау Курцина, фрау Курцина,
Гадкая ты образина!

Изъ разговоровъ мальчишекъ Этьенъ узналъ, что Курцинна осмѣлилась ударить казака! Она не испугалась тѣхъ, передъ которыми отступила въ Шпандау храбрая, двадцати-тысячная прусская армія! Но дорого поплатилась супруга адвоката за одинъ ударъ. Казаки съ громкимъ смѣхомъ рѣшили заставить ее проѣхаться на старой клячѣ и въ такомъ нарядѣ по всему городу. Бурнымъ потокомъ лились ругательства изъ устъ озлобленной старухи, когда вдругъ она увидѣла при поворотѣ въ другую улицу человѣка, который привлекъ на себя все ея вниманіе.

Окруженный нѣсколькими австрійскими солдатами край-

Digitized by Google

ся около стѣнъ согбенный, полу-отжившій, худощавый старичишка. Лицо его было похоже на старый измятый пергаментъ и сѣрые глаза, въ которыхъ выражались зависть и недоброжелательство, свѣтились въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ. Онъ шелъ опираясь на палку, и когда нахлынувшая изъ-за угла толпа заставила его остановиться, взоръ его встрѣтился со взоромъ старухи и, казалось, въ послѣднемъ выразилось еще болѣе ненависти.

— Куда изволите пробираться, герръ адвокатъ? вскричала она; что это головушку изволили повѣсить? Кажись, вы богатый человѣкъ? Не прикажете ли рюмочку сладкой водочки? Нечего! другіе безъ васъ все выкушали. Опоздали! что дѣлать!.... А куда дѣвался мужъ, когда чужіе люди обижали жену? а?

Адвокатъ молчалъ и очень равнодушно слушалъ ругательства жены.

— Не бойсь, оглохъ?.... Такъ я жъ тебя отрекомендую, постой! — Знаете ли, кто этотъ человѣкъ? Каверза, крючкотворецъ, скупецъ, обманщикъ, мошенникъ, онъ укралъ и уничтожилъ для своей пользы духовную, женился на честной вдовѣ, чтобы лишить ее всего, онъ выгнанъ изъ службы, замаранъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ уже подъ висѣлицей и опять туда попадетъ! Это мужъ мой, адвокатъ Шлипаліусъ!

Адвокатъ всё молчалъ; слова старухи, казалось, не производили на него никакого впечатлѣнія; это дотого взбѣсило ее, что она готова бъ была соскочить съ лошади и броситься на мужа, если бъ не была привязана.

— Постой, дружокъ, я жъ тебѣ прочищу слухъ, да открою глаза! Вы думаете, что я не знаю, куда онъ идетъ? Онъ хочетъ показать гдѣ хранится казна королевская! Ахъ, онъ извергъ, злодѣй, Каранбъ! Всмотритесь, добрые люди, въ лицо измѣнника, предателя! Это мужъ мой, адвокатъ Шлипаліусъ!

Послѣднія слова уже не достигли цѣли своей. Австрійская стража увлекла своего плѣнника. Неизвѣстно, чего ожидали Австрійцы отъ адвоката, однако жъ видно дѣло было немаловажное, потому что два военные коммиссара уже ждали на гауптвахтѣ, куда его привели. Ходьба утомила его. Онъ попросилъ, чтобы ему позволили от-

Digitized by Google

дохнуть и дали чѣмъ-нибудь подкрѣпить силы. Солдаты разгоняли народъ, толпившійся у входа, между-тѣмъ какъ адвокатъ, обмакивая ломтики бѣлаго хлѣба въ рюмку ликеру, съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ былъ не одинъ. Возлѣ него сидѣлъ молодой человѣкъ съ усами.

— Только одно слово, подлецъ, шепнулъ молодой человѣкъ на-ухо адвокату: и ты погибъ!.... И изъ-подъ полы сюртука его высунулось дуло пистолета.

— Что вамъ угодно? спросилъ дрожащимъ голосомъ Шлипаліусъ, уронивъ ломтикъ хлѣба въ рюмку.

— Негодяй! Что ты хочешь дѣлать?

— Ничего.....

— Измѣнить королю!

— Сжальтесь, нѣтъ..... я несчастный, обиженный, разжалованный чиновникъ.....

— Я тебя знаю, молчи!.... Если ты покажешь комиссарамъ мѣсто, гдѣ они могутъ найти только одинъ мѣшокъ съ деньгами, запечатанный королевскою печатью, только одинъ талеръ съ изображеніемъ короля, такъ знай, что я, какъ злой геній твой, буду всюду преслѣдовать тебя и ты не избѣгнешь моего мщенія. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я тебя знаю и что ты нѣкогда зналъ меня.

— Кто.... кто вы? спросилъ адвокатъ вперивъ безжизненный взоръ въ незнакомца.

— Сынъ инспектора Бома; тотъ самый, котораго ты оклеветалъ, отвѣчалъ Этьенъ и вскочилъ:—Помни, что я тебѣ сказалъ.

— Всемогущ..... началъ адвокатъ, но слова замерли на языкѣ его, руки его судорожно сжались и онъ повалился на полъ; голова его упала на ногу Этьена.

Слова Этьена убили стараго скрягу!....

— Что это? вскричалъ молодой офицеръ съ ужасомъ.

— Что это? повторило за нимъ нѣсколько голосовъ.

— Старикъ умеръ!

— Онъ задушилъ его!

— Это шпіонъ!

— Ловите его!

Но Этьенъ открылъ уже окно и хотѣлъ выскочить на улицу, какъ-вдругъ нѣсколько человѣкъ схватили его. Всякое сопротивленіе было напрасно и Этьенъ бы погибъ,

Digitized by Google

если бъ въ то же время не послышался крикъ часоваго:

— Къ оружію! къ оружію!

Солдаты въ суматохѣ бросились вонъ; Этьенъ былъ свободенъ и хотѣлъ уже выскочить въ окно, какъ вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ за пазухой адвоката бумажникъ: въ немъ, можетъ-быть, хранились бумаги, которыя могли быть полезны непріятелю. Онъ выхватилъ его съ непріятнымъ чувствомъ, и минуту спустя, былъ уже на улицѣ.

Стефанъ хотѣлъ войти въ какой-нибудь домъ, но вездѣ двери и ворота были заперты. Онъ бѣжалъ, и тяжелые шаги преслѣдовавшихъ слышались за нимъ. Вдругъ изъ-за угла выѣхали нѣсколько русскихъ офицеровъ; въ генералѣ, ѣхавшемъ впереди, Стефанъ узналъ Тотлебена.

— Куда? закричалъ послѣдній громовымъ голосомъ, обращаясь не къ бѣглецу, а къ преслѣдовавшимъ его Австрійцамъ. Грабить запрещено! Назадъ—по домамъ!

— Мы за бѣглецомъ, отвѣчалъ Австріецъ.

— Кто онъ? Что онъ сдѣлалъ?

— Убилъ проводника на гауптвахтѣ.

— Это дѣло другое, вскричалъ Тотлебенъ, удаляясь: исполняйте вашу обязанность.

Но уже было поздно. Стефанъ успѣлъ поворотить зауголъ, увидѣлъ полу-растворенную дверь, бросился къ ней, захлопнулъ ее за собою и не останавливаясь побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Взбѣжавъ на чердакъ, онъ увидѣлъ, что не было спасенія.... шумъ приближался... онъ могъ уже разслышать голоса Австрійцевъ, подымавшихся вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.... Стефанъ подбѣжалъ къ слуховому окну, крыша не крута и плотно примыкала къ кровлѣ сосѣдняго дому.... не разсуждая объ опасности, которой подвергался, онъ взобрался на крышу, счастливо достигнулъ до третьяго дому, опять спустился въ слуховое окно на чердакъ. Тамъ силы покинули его, но онъ былъ спасенъ... вдали слышался еще глухой гулъ, на улицѣ раздавался барабанный бой.... но шумъ мало-по-малу утихалъ. Опустившись на жесткій полъ, Стефанъ былъ побѣжденъ усталостію и вскорѣ глубокій сонъ оковалъ его изнеможенные члены....

На башенныхъ часахъ пробило полночь, когда Стефанъ открылъ глаза. Онъ находился въ глубокомъ мракѣ и спо-

Digitized by Google

койно могъ бы дождаться утра, чтобы выйти изъ этого дому, если бъ его не мучилъ—не страхъ, не безпокойство—но голодъ! Онъ во весь прошедшій день не бралъ куска хлѣба въ ротъ. Куда итти? Что предпринять?... Ощупью нашелъ онъ маленькую дверь, которая уступила давленію руки его... по узенькой, крутой лѣстницѣ, придерживаясь за веревку, служившую перилами, спустился онъ къ другой двери, которая, по счастію, не была заперта... но въ цѣломъ домѣ былъ глубокій мракъ и мертвая тишина.... онъ продолжалъ пробираться ощупью и дотронулся до ручки двери.... придавилъ ее, ручка заскрипѣла, дверь отворилась.... По запаху Стефанъ узналъ, что находился въ кухнѣ; но увы! въ кухнѣ царствовала нѣмецкая аккуратность: все было заперто, тарелки вымыты, нигдѣ даже нельзя было найти корки черстваго хлѣба.... Съ невыразимой досадой хотѣлъ уже Стефанъ разломать замокъ шкафа съ съѣстными припасами, какъ-вдругъ его поразилъ лучъ или, лучше сказать, точка свѣту, пробивавшагося сквозь замочную скважину.... слѣдовательно, въ сосѣдней комнатѣ горѣла свѣча или лампа. Онъ приложилъ ухо къ двери.... ничего не было слышно. Постучаться ли? думалъ Стефанъ приложивъ руку къ двери; но она была только притворена и отворилась безъ малѣйшаго шуму.

Стефанъ очутился въ маленькой, уютненькой комнатѣ; двѣ нагорѣвшія свѣчи стояли на кругломъ столѣ; на зеленомъ диванѣ сладко дремала молодая дѣвушка, съ прелестными, нѣжными чертами лица. Она сидѣла такъ мило, какъ-будто бы прежде чѣмъ сонъ овладѣлъ ею, каждая складка платья ея была живописно расположена; бѣленькія ручки лежали на колѣняхъ; ножки, обутыя въ атласные башмачки на высокихъ каблукахъ, покоились на скамейкѣ; головка, съ высокой, затѣйливой прической, была прислонена къ подушкамъ осторожно, чтобы не испортить, не измять прически. Если бъ грудь не подымалась при ровномъ, спокойномъ дыханіи дѣвушки, то ее можно было бы принять за прелестную восковую фигуру въ брачномъ нарядѣ!.... Точно, это была невѣста, счастливая невѣста: завтра предстоялъ ей радостный день.... все это можно было прочесть на лицѣ ея....

Какъ человѣкъ, знакомый со всѣми обычаями бердич-

Digitized by Google

цевъ, Этьенъ понялъ, что одна прическа была причиной страннаго, необыкновеннаго положенія молодой дѣвушки. Утромъ парикмахеру нельзя было привесть ее въ порядокъ, потому что она требовала долгаго, тщательнаго труда, и для того это обыкновенно дѣлалось съ вечера!

Этьенъ снялъ со свѣчей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на очаровательное существо, одинъ видъ котораго удалялъ всякую недобрую мысль! Какъ все мило было въ маленькой комнаткѣ, въ которой нигдѣ не замѣтно было ни богатства, ни роскоши, но вездѣ удобство, вкусъ и чистота!.... Стефану страшно было посмотрѣть на себя, оборваннаго, замараннаго, небритаго!.... Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы онъ разбудить дѣвушки, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ удалиться.... онъ приблизился къ лицу ея и увидѣлъ очаровательную улыбку. Она, вѣроятно, мечтала о женихѣ!....

Чѣмъ болѣе всматривался Стефанъ въ прелестное личико, тѣмъ знакомѣе оно ему казалось. На груди молодой дѣвушки что-то блеснуло — это былъ медаліонъ. Этьену былъ знакомъ портретъ, на этомъ медаліонѣ представленный.... такъ точно! Это былъ портретъ тётушки его совѣтницы! Медаліонъ же прислалъ онъ самъ изъ Вѣны, въ подарокъ милой кузинѣ своей, Стефаніи....

Такъ это была она! Прелестная дѣвушка, очаровательная невѣста, была кузина его, Стефанія....

Нѣтъ! онъ не хотѣлъ испугать ея. Онъ хотѣлъ воротиться на лѣстницу, въ сѣни, на чердакъ и ждать тамъ появленія дня.... но надобно же было проститься съ милою подругою дѣтскихъ игръ его.... Мысленно и душевно желая ей счастія въ предстоящемъ бракѣ, Этьенъ приложилъ губы къ бѣлому лбу ея.... но онъ забылъ, что прошло болѣе недѣли, какъ бритва не касалась подбородка его.... Молодая дѣвушка вздрогнула.... проснулась.... открыла глаза, но тотчасъ же опять закрыла ихъ....

Испугавшись, Этьенъ хотѣлъ отступить, но нечаянно задѣлъ за столъ.... услышавъ шумъ, она поняла, что страшное видѣніе не было сномъ и опять открыла глаза.

— Боже милосердый! прозвучалъ серебристый голосокъ. Ручки ея судорожно сжались, сердце перестало биться, она содрогалась.....

Digitized by Google

Ночной гость, испугавшійся не менѣе ея, показывалъ ей знаками, чтобы она молчала, но она, вѣроятно, не поняла движенія его и вскрикнула.... по счастію страхъ и ужасъ нѣсколько заглушили голосъ ея....

— За что хотите вы убить меня?.... Ахъ!.... сжальтесь! произнесла она замирающимъ голосомъ, когда страшный незнакомецъ схватилъ ее за руку.... Ей казалось, что послѣдняя минута ея настала, глаза ея невольно сомкнулись, губы дрожали, она готова была лишиться чувствъ.

Долго Этьенъ шепталъ ей на-ухо тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:—Стефанія! милая Стефанія!.... Она не слышала или не понимала значенія словъ его.

— Я не убійца, не разбойникъ, продолжалъ онъ: не съ дурнымъ намѣреніемъ пришелъ сюда.... Меня преслѣдуютъ.... я Пруссакъ.... старый знакомый.... другъ, родственникъ....

Слова эти, казалось, нѣсколько успокоили молодую дѣвушку; она опять открыла глаза, однако жъ не безъ страху и трепету смотрѣла на страшнаго незнакомца, съ длинными усами, небритой бородой, загорѣлымъ и замаранымъ лицомъ, въ грубомъ, фризовомъ сюртукѣ.... онъ сидѣлъ возлѣ нея, на диванѣ, куда не садился еще ни одинъ мужчина и тѣмъ болѣе въ полночь и наединѣ съ нею!.... И въ жесткой, растрескавшейся рукѣ солдата, лежала бѣленькая, пухленькая ручка молодой дѣвушки.... Онъ пристально смотрѣлъ на нея, но во взорѣ его она прочла не злобу, а дружбу и участіе....

— Какъ ты похорошѣла! сказалъ онъ, какъ-бы въ невольномъ восхищеніи....

И она уже не кричала, сердце ея опять забилось, румянецъ выступилъ на свѣжихъ щечкахъ....

— Боже мой! Что со мною? Что это значитъ? произнесла она едва слышнымъ голосомъ и слезы выступили на глазахъ ея.

— Не сердитесь на меня, кузина.

— Но кто вы? спросила она глубоко вздохнувъ и пристально взглянувъ на незнакомца.

— Я былъ нѣкогда принятъ какъ родной въ домѣ вашемъ, милая Стефанія. Мы часто видѣлись, мы играли

Digitized by Google

вмѣстѣ, мы любили другъ друга.... меня зовутъ Этьеномъ!.... Мать моя умерла, она была родная сестра твоего отца.

Слезы ручьями полились по щекамъ Стефаніи.... Стефанъ прижималъ маленькую ручку къ губамъ своимъ.

— Ахъ, мосьё Этьенъ: кто бы могъ это ожидать!

— Милая, прелестная кузина, вы не забыли меня! сказалъ Этьенъ, приблизивъ лицо свое къ лицу молодой дѣвушки....

— Я невѣста! сказала она быстро отвернувшись.

— Отъ души поздравляю васъ! возразилъ Этьенъ задумчиво.

Наступило минутное молчаніе, во время котораго Стефанія, закрывъ лицо руками, какъ-бы старалась привесть въ порядокъ мысли, толпившіяся въ умѣ ея.

— Сколько времени прошло съ-тѣхъ-поръ.... сказала она наконецъ глубоко вздохнувъ.

— Какъ я не переступалъ черезъ порогъ вашего дому? прервалъ ее Этьенъ: и какъ все перемѣнилось!

— Ахъ, Боже мой! Вы, можетъ-быть, несчастны?.... Зачѣмъ не пришли вы къ намъ днемъ?....

— Никто не долженъ знать, что я въ Берлинѣ! Тотъ, кто произнесетъ мое имя, погубитъ меня!

Стефанія вздрогнула и невольно приблизилась къ гостю, котораго голосъ былъ чрезвычайно нѣженъ, хотя видъ очень страшенъ.

— Ради Бога, скажите, что же вы сдѣлали?

Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ онъ ей положеніе свое и случай, приведшій его въ этотъ домъ. Она вздрогнула при мысли объ опасности, которой онъ подвергался, пробираясь по крышамъ....

— Но по какому случаю, продолжалъ онъ: застаю я кузину свою, дочь такой примѣрной хозяйки, въ этомъ странномъ положеніи?

— Вы, можетъ-быть, помните еще мосьё Трепсона, нашего парикмахера? отвѣчала молодая дѣвушка, между-тѣмъ какъ яркій румянецъ разлился по щекамъ ея:—Ему завтра нельзя рано прійти, такъ онъ убралъ мнѣ голову съ-вечера, чтобы завтра не было задержки....

— А завтра что?

Digitized by Google

Она отвѣчала легкимъ пожатіемъ руки.

— Но зачѣмъ же въ такое безпокойное время? прелестная кузина.

— Родители наши давно уже назначили этотъ день.

— А кто же счастливецъ?

— Мосьё Меранъ, добрый двоюродный братъ нашъ. Вы, вѣроятно, помните его.

— Счастливый Меранъ!.... Онъ, кажется, учился богословію?

— Боже мой! если бъ онъ зналъ, вскричала Стефанія, какъ-бы невольно, и закрыла руками лицо.

— Я пойду къ нему. Еще до разсвѣту узнаетъ онъ, какой случай....

— Ради Бога, не дѣлайте этого! Никто, никто не долженъ знать....

— Такъ я удалюсь изъ Берлина прежде, нежели кто-нибудь узнаетъ, что я былъ здѣсь.

— О, это было бы ужасно!

Этьенъ понялъ тогда, какой опасности, какому позору подвергалась бѣдная Стефанія. Невольное посѣщеніе его навѣки могло разстроить счастіе и спокойствіе цѣлаго семейства.

— Будьте счастливы, милая, добрая Стефанія, сказалъ онъ съ рѣшимостію.

— Куда вы?.... Она быстро встала.

— Прочь отсюда, прочь изъ дому вашего прежде, нежели кто-нибудь увидитъ меня. Отоприте мнѣ дверь.

— Невозможно! У маменьки ключъ.

— Слѣдовательно, милая кузина, намъ остается разбудить маменьку вашу и сдѣлать ее нашей повѣренною.

— Ахъ! и это невозможно....

— Почему? Неужели вы думаете, что маменька ваша....

— Я должна итти черезъ спальню маменьки. Пудель брата моего бросится на меня; моська, которая спитъ на стулѣ, возлѣ постели маменьки, залаетъ, и въ домѣ поднимется страшная суматоха. Невозможно!

— Но тамъ, кажется, комната слугъ. Кто нибудь изъ нихъ согласится....

— Этьенъ!.... ради Бога: вы погубите меня!

Digitized by Google

— Однако жъ здѣсь оставаться я не могу и не должонъ. Я проберусь опять въ сѣни или на чердакъ, и утромъ, когда двери будутъ отворены, удалюсь изъ этого дому.

Стефанія закрыла глаза платкомъ.

— Не плачьте, милая кузина. Никто не увидитъ меня и вы не подвергаетесь ни малѣйшей опасности.

— Нѣтъ, братецъ, сказала Стефанія съ внезапною твердостію, которой она и сама въ себѣ не подозрѣвала: Нѣтъ я не согласна на это. Въ домѣ нашемъ квартируетъ австрійскій маіоръ, а на чердакѣ спитъ деницикъ его; Онъ можетъ увидѣть васъ, и тогда вы погибли.

— Такъ мнѣ остается только выпрыгнуть въ окно.... или провесть ночь въ кухнѣ.

— Нѣтъ, кухарка встаетъ съ разсвѣтомъ.

— Что же прикажете мнѣ дѣлать?

— Извините, братецъ, но.... согласитесь ли вы провесть остальную часть ночи въ моей гардеробной? Помните ли какъ мы, въ дѣтствѣ, скрывались тамъ играя въ прятки?

— Я буду вспоминать о прекрасномъ прошедшемъ времени.

— Но я запру васъ на ключъ....

— Я на все согласенъ.

— Ахъ, Боже мой! тамъ нѣтъ софы.... вскричала Стефанія, отворивъ дверь тесненькой гардеробной.

— На полу всё-таки мягче, нежели на мерзлой землѣ или на голыхъ каменьяхъ, отвѣчалъ Этьенъ улыбаясь.

— Неужели вамъ приходилось?...

— Вотъ уже два года, какъ я прусскій солдатъ и во все это время надъ головами черныхъ гусаровъ не было другой палатки, кромѣ небеснаго свода.

— И офицеры? Ахъ, какая ужасная вещь война!

— До свиданія, милая Стефанія. Забудьте нарушителя вашего спокойствія....

— Какъ вы блѣдны!... Вы, можетъ-быть, нездоровы?

— Завтра, не болѣе какъ въ полчаса, я вылечусь.

— О, говорите, что у васъ болитъ! Вотъ въ этомъ ящикѣ домашняя аптечка маменьки.

Этьенъ, улыбаясь, взглянулъ на ящикъ.

Digitized by Google

— Не трудитесь, милая кузина, сказалъ онъ: эти порціи слишкомъ малы — онѣ мнѣ не помогутъ.

— Неужели жъ я вамъ ничѣмъ не могу помочь? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Я уже самъ искалъ лекарства въ кухнѣ, но ничего не нашелъ.

— Въ кухнѣ?

— Когда не поѣшь часовъ пятьдесятъ сряду, то кусокъ хлѣба лучше лекарства!

— Кусокъ хлѣба? Ахъ, Боже мой, вы, вѣроятно, еще не ужинали?

— Не ужиналъ, не обѣдалъ и не завтракалъ. Впрочемъ, это не бѣда; завтра я поправлюсь. Спокойной ночи.

Однако жъ послѣднее сообщеніе Этьена испугало будущую хозяйку чуть-ли не болѣе самаго появленія его. До-тѣхъ-поръ ей казалось, что пропустивъ одинъ обѣдъ или ужинъ, можно умереть съ голоду, а потому не говоря ни слова, она схватила ключи, пошла въ чуланъ, находившійся возлѣ самой кухни, и тотчасъ же воротилась съ холодными кушаньями.

— Помните ли, братецъ, шопотомъ говорила Стефанія Этьену, который помогалъ ей ставить блюда на столъ: помните ли, какъ мы иногда забирались въ чуланъ?

— Помню, помню! отвѣчалъ молодой поручикъ, съ жадностію посматривая на блюда.

— Я не могу достать вина, продолжала молодая дѣвушка — оно на погребѣ; ктому же, мнѣ кажется, что вамъ въ теперешнемъ состояніи, вино можетъ повредить....

— Конечно, конечно.... только, кажется, я видѣлъ тамъ двѣ бутылки?

— Это ликеръ и желудочная водка, которую вы, вѣроятно, не станете пить.

— О нѣтъ, нѣтъ; впрочемъ, если водка полезна для желудка, то, знаете, не худо бы попробовать ее, если позволите....

Въ нѣсколько минутъ исчезло все съ блюдъ и тарелокъ, стоявшихъ на столѣ. Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣла Стефанія на своего кузена: все это еще казалось ей сновидѣніемъ; но Этьенъ кончилъ, всталъ, поцѣловалъ руку

Digitized by Google

молодой дѣвушки, простился съ нею и пошелъ къ маленькой двери гардеробной.

— Будетъ ли отецъ мой въ числѣ гостей вашихъ? спросилъ онъ, остановившись на порогѣ.

Стефанія глубоко вздохнула и опустила глаза: — Ахъ, вы, вѣроятно, не знаете, какъ все измѣнилось....

— Послѣ смерти моей матери?

— Да; она много пострадала отъ несчастія, постигшаго вашего батюшку.

— Несчастія?

— Всему виной адвокатъ Шлипаліусъ.

— Онъ не избѣгнетъ наказанія.

— О, если бъ вы знали, какъ жестоко поступилъ онъ съ батюшкой вашимъ, затѣявъ съ нимъ процессъ, отъ котораго герръ инспекторъ лишился всего своего имѣнія.

— Небо справедливо! невольно воскликнулъ Этьенъ.

— Всѣ родственники отступились отъ вашего батюшки.... дурныя были времена!

— Но я увѣренъ, что въ вашемъ домѣ, отецъ мой находилъ всегда дружбу, утѣшеніе?

— Мы очень сожалѣли о немъ. Но, не желая ссориться съ другими родственниками, папенька не могъ принимать его у себя въ домѣ.... однако жъ маменька часто посылала къ вамъ въ домъ, съ нашего стола....

— О, какъ вы были добры къ моей матери! Вы посылали ей съ вашего стола! Боже мой, какая невыразимая милость!... вскричалъ молодой офицеръ съ горестнымъ чувствомъ.—Спокойной ночи, кузина. Завтра наступитъ торжественнѣйшій день вашей жизни.... Стефанія, одного желаю вамъ: чтобы судьба никогда не довела бы васъ до того, чтобы почтенная родня посылала вамъ съ своего стола!... Лучше страдайте, умирайте съ-голоду, но не принимайте того, что̀ сострадательность родственниковъ пришлетъ вамъ съ своего стола!

Этьенъ не могъ уснуть. Онъ слышалъ какъ Стефанія плакала, несмотря на то, что она крѣпко прижимала платокъ ко рту, чтобы заглушить рыданія свои, и онъ плакалъ вмѣстѣ съ нею!...

Все уже начинало оживать въ домѣ, когда Стефанъ

Digitized by Google

услышалъ, что кто-то вошелъ въ комнату молодой дѣвушки. Это была ея мать, совѣтница.

— Каково провела ты ночь, моя милая? спросила она.

— Хорошо, маменька, право хорошо.

— Что съ тобой? Ты неспокойна. Ты плачешь?... Перестань, моя милая, у тебя раскраснѣются глаза.... Говори, что у тебя на сердцѣ?

— Ничего....

— У тебя руки замараны въ сажѣ....

— Нѣтъ, это такъ.... я....

— Ты опять была въ кухнѣ.... я узнаю въ тебѣ дочь мою: ты будешь хорошая хозяйка.... Но какой здѣсь безпорядокъ, коверъ затоптанъ....

— Ахъ, маменька, если бъ вы знали, что происходитъ въ душѣ моей....

— Э! другъ мой, какъ мнѣ не знать! Я сама была молода. Конечно, грустно оставлять родительскій домъ, но вѣдь ты выросла вмѣстѣ съ женихомъ своимъ, вы не чужіе. Онъ добръ, кротокъ, любимъ и уважаемъ всѣми; притомъ же ты сама знаешь, какъ онъ повинуется намъ. Я должна благодарить Господа, что прежнія надежды и желанія мои не исполнились.... Я очень любила маленькаго Этьена, но ты сама знаешь, какимъ дурнымъ человѣкомъ онъ сдѣлался....

— Ради Бога, говорите тише, маменька!

— Никто не услышитъ насъ.... я очень была расположена къ этому мальчику, но умерла бы съ горя, если бъ военный сдѣлался членомъ нашего мирнаго, благочестиваго семейства! Подумай сама, милая Стефанія: если бъ какой-нибудь гусарскій офицеръ поднесъ прелестную, бѣленькую ручку твою къ губамъ своимъ.... ѳи! какой ужасъ!... Боже милостивый, что съ тобой?... Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ...; она падаетъ.... въ обморокъ!... Помогите!

Стефанія не упала въ обморокъ, потому что тогда нервы молодыхъ дѣвушекъ были еще не такъ слабы и раздражительны, какъ въ наше время, но поражена словами матери, она опустилась на диванъ, въ то самое время, когда совѣтникъ вошелъ въ комнату съ женихомъ ея.

— Что съ вами? вскричалъ женихъ, бросившись къ дивану.

Digitized by Google

— Слабость! голова кружится.... отвѣчала мать: — но вотъ она уже поправляется, скоро все пройдетъ.... Ветань, дочь моя; мосьё Меранъ, препоручаю вамъ заботиться о счастіи моей дочери. Дай Богъ, чтобы вы умѣли оцѣнить прекраснѣйшее сокровище, которое можетъ вамъ вручить материнское сердце.

Молодой человѣкъ съ чувствомъ приложилъ руку невѣсты къ груди своей и молча поцѣловалъ ее въ лобъ.

Двери растворились и кто-то вошелъ сказать, что кареты поданы и священникъ ждетъ.

Этьенъ слышалъ удалявшіеся шаги, двери затворились и все утихло. Что дѣлать? Дверь гардеробной осталась запертою; Этьену не возможно было выйти.... Безпокойство начинало овладѣвать имъ, когда онъ услышалъ, что дверь съ шумомъ растворилась, кто-то вбѣжалъ въ комнату, бросился къ двери гардеробной и въ то же мгновеніе отперъ ее.

Этьенъ увидѣлъ передъ собою жениха, мосьё Мерана, и узналъ въ немъ того самаго молодаго человѣка, котораго такъ испугало страшное лицо казака....

— Этьенъ! вскричалъ молодой человѣкъ, схвативъ офицера за руку и бросившись къ нему на грудь. Стефанія мнѣ все открыла, мнѣ одному! Я выведу васъ изъ дому. Спасайтесь, если въ Берлинѣ вамъ нельзя остаться! Возвратитесь, когда пройдетъ опасность и не забывайте, что у васъ здѣсь есть друзья, искренно привязанные къ вамъ.... Прощайте! теперь каждая минута дорога.... Отсутствіе мое можетъ возбудить подозрѣніе.... а вы знаете родственниковъ нашихъ....

— Благородный человѣкъ! вскричалъ Этьенъ. Господь вознаградитъ васъ. Мы еще увидимся!

— Да хранитъ Господь великаго короля нашего, вскричалъ Меранъ, и даруетъ побѣду храбрымъ его воинамъ! Богъ съ вами, Этьенъ! Вы не забудете, гдѣ оставляете искреннихъ друзей.

Нѣсколько минутъ спустя Этьенъ былъ уже на улицѣ. Куда итти?... И, самъ не зная какъ, онъ опять очутился у того дому, къ которому вчера боялся подойти.... Онъ постучался.... Ему отворили и слуга, лицо котораго было

Digitized by Google

ему незнакомо, проводилъ его въ залу и пошелъ доложить о немъ хозяину.

Оставшись одинъ, Этьенъ осмотрѣлся. Все было холодно, чуждо ему. Сквозь потускнѣвшія окна, затянутыя паутиной, скупо пробивался дневной свѣтъ; штукатурка сыпалась со стѣнъ и съ потолка; на полу, на мебели, вездѣ было замѣтно отсутствіе взора заботливой хозяйки.... Никто не замѣтилъ бы, если бъ бѣдный Готлибъ вступилъ въ эту комнату, не отряхнувъ снѣгу съ сапоговъ своихъ!

Дверь растворилась и старикъ, котораго Этьенъ видѣлъ на кладбищѣ, вошелъ въ комнату. Онъ кашлялъ и равнодушно смотрѣлъ на незнакомаго человѣка. Въ звукахъ голосу его была еще та рѣшимость, съ которою онъ прежде приступалъ къ каждому дѣлу.

— Кто вы? Что вамъ надо?

Куда дѣвалась твердость Этьена? Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ большимъ усиліемъ произнесъ:

— Я нѣкогда былъ не чужой въ домѣ вашемъ.... Неужели вы не узнаете меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ.

— Неужели черты мои совершенно изгладились изъ вашей памяти?

— Некогда мнѣ вспоминать о старыхъ знакомыхъ. Меня всѣ забыли.

— Однако жъ въ этомъ домѣ провелъ я дѣтство свое.... я....

Дрожащій голосъ Этьена заставилъ старика пристальнѣе взглянуть на него.

— Меня зовутъ Этьеномъ....

Сильно подѣйствовало это имя на стараго адвоката Шапаліуса, на милую Стефанію; свѣжо было оно еще въ памяти совѣтницы, а здѣсь.... здѣсь оно не произвело никакого дѣйствія!... Нѣтъ, этотъ старикъ, который спокойно смотрѣлъ въ лицо молодому человѣку, не могъ быть отцомъ его!

— Простите, продолжалъ старикъ такимъ же холоднымъ, безвыразительнымъ голосомъ: зрѣніе мое ослабѣло.... притомъ же мы такъ давно не видались....

— Но въ этомъ домѣ называли меня сыномъ, здѣсь жила мать моя!

Digitized by Google

Старикъ покачалъ головой и утеръ слезу.

— Присядьте, маркизъ: здѣсь все въ такомъ безпорядкѣ.

Этьенъ не ожидалъ отцовской любви; онъ думалъ, что будетъ встрѣченъ съ гнѣвомъ, но не съ такимъ равнодушіемъ! Какъ ледъ былъ холоденъ полъ подъ ногами его, кровь застывала въ жилахъ!... Онъ надѣялся еще, что рука въ руку съ человѣкомъ, который назывался отцомъ его, онъ прольетъ слезу о добой матери своей.... но увы! лѣта все уничтожили!

— Садитесь, маркизъ, повторилъ инспекторъ, подавая стулъ молодому человѣку. Оба сѣли.

— Плохія времена теперь, маркизъ, продолжалъ старикъ: я вамъ крайне благодаренъ, что вы пришли навѣстить меня. Никто ко мнѣ не ходитъ.

— Никто?... А родственники?

Инспекторъ пожалъ плечами.

— Кто пойдетъ къ раззорившемуся старику? Ни на кого полагаться не должно. Я былъ долго боленъ и тогда узналъ, что есть на свѣтѣ злые люди!

Стефанъ вскочилъ — ему жаль стало старика. Тотъ проводилъ рукою по лбу, какъ-бы желая прогнать тягостныя воспоминанія.

— Зачѣмъ вспоминать прошедшее! сказалъ опять инспекторъ: я ставлю себѣ за особую честь, маркизъ, что вы удостоили посѣтить старика въ убогомъ его жилищѣ. Вы здѣсь, вѣроятно, съ австрійскими войсками?

— Я на службѣ у великаго Фридриха, отвѣчалъ Этьенъ.

— Да, да, сказалъ старикъ, какъ-бы припоминая что-то: — это очень похвально съ вашей стороны, что вы не совсѣмъ забыли Пруссію. Чѣмъ могу я служить вамъ?

Молодой человѣкъ съ чувствомъ схватилъ руку старика:

— Благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для матери моей — я видѣлъ ея надгробный камень.

Инспекторъ отвернулся, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы Этьенъ молчалъ; потомъ глубоко вздохнувъ, сказалъ: — Она теперь покоится въ мирѣ. Прекрасная была женщина!

— Скажите мнѣ, какъ она провела послѣдніе дни свои?

— Зачѣмъ припоминать прошедшее!

— Я не видѣлся съ нею послѣ того, какъ ушелъ изъ вашего дому.

Digitized by Google

— Это не моя вина!... Спросите у маркиза, зачѣмъ у него на все есть свои причины.

— Маркизъ? Боже мой! Онъ здѣсь?

— Былъ.

— Онъ былъ здѣсь, и несмотря на то вы въ бѣдности и нуждѣ? невольно вскричалъ молодой офицеръ.

Инспекторъ пожалъ плечами, и отвѣчалъ:

— Онъ уже такъ много для меня сдѣлалъ, что невѣжливо было бы просить его....

— Просить! Но развѣ онъ не могъ видѣть своими глазами, что вы находитесь въ бѣдности? Маркизъ не скупъ.

— Онъ былъ не при деньгахъ.

— Видѣлъ ли онъ матушку?

— Она умерла на рукахъ его.

— И она ему простила?

Старикъ поднялъ глаза къ небу: —Этотъ ангелъ ни на кого, въ жизнь свою, не сердился!

— Неужели жъ я ничего не узнаю о послѣднихъ минутахъ ея жизни?

— Маркизъ можетъ разсказать вамъ, какъ все было. Три дня онъ не отходилъ отъ ея постели.

— Неужели.... неужели она.... и не вспомнила обо мнѣ?

— Не помню.... ахъ, нѣтъ! виноватъ, вспоминала... она всѣ писала къ вамъ письма....

— И вы не говорите мнѣ о томъ ни слова! Гдѣ же письма? Давайте ихъ скорѣе!

— Маркизъ взялъ ихъ съ собою.

— Всѣ?

— Нѣтъ.... она оставила мнѣ одно, съ тѣмъ, чтобы я доставилъ его къ вамъ; но гдѣ жъ мнѣ было искать васъ, въ военное время....

— Давайте скорѣе!

— Сейчасъ принесу.

Этьенъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но старикъ остановилъ его и сказалъ:

— Нѣтъ, останьтесь здѣсь: вы не можете слѣдовать за мною.... у меня есть еще свои заботы, свои тайны, которыхъ ни съ кѣмъ не хочу раздѣлять. Я тотчасъ возвращусь.

Молодой человѣкъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на старика, однако жъ, не понимая даже смысла словъ его, не-

Digitized by Google

вольно остановился при повелительномъ его движеніи. Не прошло минуты послѣ ухода старика, какъ дверь опять растворилась и въ залу вошелъ докторъ Цирлейнъ.

— Salve! salve! закричалъ онъ. Старые знакомые. Salve, domine! Хе, хе! постарѣли, подросли, загорѣли.... ну что, отвѣдали пороху? Хе, хе! Вы видите, я всѣ тотъ же, на ногахъ днемъ и ночью, зимой и лѣтомъ, въ снѣгъ и дождь!

— Вы остались истиннымъ другомъ стараго инспектора; вы поступили какъ благородный человѣкъ! сказалъ Этьенъ, съ чувствомъ пожимая руку стараго доктора.

— Я держусь старинныхъ правилъ; не люблю слѣдовать модѣ, domine.

— Вы были здѣсь при несчастіи, постигшемъ инспектора?

— Еще бы! Я и самъ кое-что потерялъ при этомъ дѣлѣ..., не бѣда! А всѣмъ одолженъ почтенному Шлипаліусу, пьяницѣ, крючку....

— Какъ могъ отецъ мой довѣриться этому человѣку?

— Cœcus, значитъ по-латыни слѣпой, а Французы говорятъ aveugle. Я не глазной врачъ, а то вылечилъ бы слѣпоту вашего батюшки. Слушать не хотѣлъ — ну, вотъ и поплатился. Шлипаліусъ подобралъ всѣ дѣла его къ рукамъ, да и спросилъ: quid nunc, domine?

— Негодяй! Но судьба наказала его.

— Слышалъ, слышалъ. Ударъ in flagranti!... Туда и дорога!

— А какъ здѣсь въ домѣ?

— Плохо.

— Очень плохо?

— Очень плохо.

— Нельзя ли нѣсколько помочь ему, на первый случай, двумя стами червонцевъ?

Докторъ посмотрѣлъ на офицера, и отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Смерть не Шлипаліусъ: ее не подкупишь.

— Смерть?

— Да, смерть; это кровожадный звѣрь, domine: это ползущая змѣя, акула, хищная птица: отъ нея не спасетесь ни въ воздухѣ, ни въ водѣ, ни въ землѣ, ни въ ог-

Digitized by Google

нѣ. Докторъ! кричатъ всѣ, чини тутъ, поправляй тамъ.... Да! чини—себѣ, сколько хочешь, а всё-таки лекарство не кровь, пластырь не мясо, а травами не заткнешь дыры, въ которую пролетѣла пуля! Чини, чини! А что тутъ чинить, когда все сукно протерлось!... Со смертью не совладаешь; придетъ она за всѣми, какъ теперь пришла за Готлибомъ Бёномъ!

— Готлибомъ! вскричалъ Этьенъ, схвативъ доктора за руку.

— Да, да; онъ долго боролся со смертью, но видно пришла пора покориться ей. Пуля не своей братъ!

— Онъ раненъ пулей?

— Пулей! Нѣтъ, одной мало для такой здоровой натуры. Онъ прострѣлянъ какъ рѣшето.

— При осадѣ Берлина?

— Да; вотъ идетъ самъ отецъ его; пускай онъ вамъ разскажетъ все дѣло. Готлибъ былъ бы добрый малый, если бъ ему умѣли внушить страхъ Божій.

Старикъ остановился на порогѣ и знакомъ подозвалъ къ себѣ молодаго офицера.

— А мнѣ нельзя? спросилъ докторъ.

— Готлибъ желаетъ поговорить съ Этьеномъ, любезный докторъ: а вы знаете, что минуты его сочтены.

— Понимаю, понимаю. Онъ хочетъ отдать послѣдній рапортъ офицеру—однако присутствіе доктора необходимо, чтобъ было кому сказать: hic est finis!

Инспекторъ провелъ Этьена въ комнату больнаго. Докторъ послѣдовалъ за ними; отецъ раненаго съ осторожностію затворилъ дверь, чтобы сквозной вѣтеръ не обезпокоилъ больнаго; потомъ, сложивъ руки, сталъ у постели его. Но глаза умиравшаго были обращены на одного Этьена. Загорѣлое лицо сдѣлалось желтымъ; губы шевелились, но онъ не могъ произнесть ни одного слова.

— Ты раненъ, Готлибъ? спросилъ Этьенъ, протянувъ къ нему руку.

Больной кивнулъ головою; но, какъ-будто новая жизнь пробудилась въ старикѣ, отцѣ его; на исхудалыхъ, блѣдныхъ щекахъ инспектора выступила краска, глаза засверкали и опершись одной рукою на спинку кровати, онъ произнесъ съ жаромъ:

Digitized by Google

— Раненъ ли ты, Готлибъ! спрашивали они:—Покажи же тѣло свое, покажи то мѣсто, по которому не проскользнула пуля, на которомъ нѣтъ рубца!... Конечно, ты раненъ, потому что не прятался за кусты, во время опасности! Ты также бѣжалъ, преслѣдуемый непріятелями, но, какъ храбрый солдатъ короля прусскаго не надѣвалъ чужого сюртука, не снималъ своего мундира! Ты пришелъ въ Берлинъ и тутъ еще доказалъ свое мужество..... Да! если бъ всѣ Берлинцы были похожи на тебя, то непріятель не прогуливался бы по нашимъ улицамъ!... Клянусь тебѣ, Готлибъ: послѣ подобнаго поступка я въ душѣ просилъ у тебя прощенія, въ томъ что такъ жестоко поступалъ съ тобою! Но Господь знаетъ, что я хотѣлъ сдѣлать изъ тебя честнаго человѣка!...

И старикъ опустилъ голову на грудь....

— Готлибъ, ты не узнаешь меня? спросилъ Этьенъ.

— Ахъ, поручикъ, я надѣялся, что увижусь съ вами при лучшихъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ больной съ усиліемъ.

— Называй меня братомъ, Готлибъ!

— Тотъ долженъ гордиться, кого ты назовешь братомъ! вспыльчиво закричалъ старый инспекторъ:—Когда его высочество вступитъ въ Берлинъ, то я самъ пойду къ нему и разскажу, какъ ты одинъ дрался съ десятью непріятелями! И король повѣритъ словамъ престарѣлаго отца! Да, маркизъ: я горжусь такимъ сыномъ и хоть я долженъ буду самъ остаться безъ куска хлѣба, но поставлю ему великолѣпный памятникъ, потому что онъ пожертвовалъ своей жизнію за отечество!

— Только не хочу попасться къ нимъ въ плѣнъ, произнесъ тихимъ голосомъ больной, не спуская глазъ съ брата.

— Будь спокоенъ. Говорятъ, что непріятель выступаетъ изъ Берлина.

— А-га!... Докторъ, дайте мнѣ ружье.

Докторъ пожалъ плечами и значительно взглянулъ на Этьена.

— Докторъ, ружье! повторилъ больной, протягивая къ чему-то руку; глаза его страшно блуждали.

— Готлибъ, братъ: ты еще слишкомъ слабъ.

Digitized by Google

— Я не слабъ! Я двухъ гусаровъ однимъ ударомъ выбилъ изъ сѣдла. Ухъ, какъ они полетѣли!

— Подожди, когда силы опять воротятся....

— Ужъ ты не опять ли у Австрійцевъ?

— Я добрый Прусакъ и подобно тебѣ, пробрался въ Берлинъ. Успокойся, любезный Готлибъ: иначе мы попадемся въ руки къ непріятелю!

Больной пристально взглянулъ на него мутными глазами и какъ-будто бы только теперь узналъ, схватилъ Этьена за руку и притягивая его къ себѣ, произнесъ тихимъ голосомъ:

— Тише, тише! Мнѣ надо поговорить съ тобою.

Больной знаками показывалъ отцу и доктору, чтобы они удалились.—Докторъ отступилъ, но инспекторъ не хотѣлъ итти. Минуты сына его были сочтены и онъ долженъ былъ оставить его одного съ незнакомцемъ! Но этотъ незнакомецъ былъ такъ растроганъ, съ такою нѣжностію обнялъ одною рукою больнаго, съ такою любовію называлъ Готлиба братомъ и слезы, катившіяся по щекамъ его были такъ краснорѣчивы! Старикъ удалился съ докторомъ.

Этьенъ стоялъ одинъ у постели больнаго, который крѣпко сжималъ руку его....

— Я вѣдь зналъ, что ты не забудешь меня! Ты не дашь меня въ обиду!

— Никогда, Готлибъ.

— Ахъ, вы такой знатный баринъ.—Я даже не секретарь; нѣтъ у меня здѣсь товарищей кромѣ одного, который никогда не покидалъ меня.

— Кто это?

— Клянусь небомъ, я не оставлю руки вашей, хоть бы смертный холодъ уже разливался по членамъ моимъ, я не оставлю васъ, пока вы не дадите слово исполнить мою просьбу.

— Что такое?

— Возьмите его къ себѣ.

— Кого?

— Берегите его, какъ-будто-бы онъ вамъ спасъ жизнь.

— Друга твоего?

— Да, да, единственнаго моего друга — мою собаку.

Digitized by Google

Чтобы она не попалась къ Австрійцамъ. Хоть она только собака, но, право, лучше многихъ людей. Братъ, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Вѣдь это вамъ ничего не стоитъ; о, она хитра и умна; она сама добудетъ себѣ кусокъ хлѣба.

— Не безпокойся о собакѣ своей, любезный Готлибъ.

— Слѣдовательно, вы согласны...

— Охотно.

— О, благодарю! Вы увидите, какъ она будетъ любить васъ.... Тирасъ, Тирасъ!

Собака, лежавшая подъ кроватью и не трогавшаяся съ мѣста, вѣроятно изъ боязни, чтобы ее не прогнали, вдругъ однимъ прыжкомъ очутилась на постели и стала ласкаться къ хозяину, который нѣжными словами отвѣчалъ на ея радость. Казалось оба совершенно понимали другъ друга.... собака лизала руки хозяина, который гладилъ ее....

— Оставь ее, Готлибъ: она безпокоитъ тебя, сказалъ Этьенъ; но больной ничего не слышалъ.

— Да, да, назови ее Готлибомъ!.... Прелестная графиня называла ее этимъ именемъ....

— Обѣщаю тебѣ все, что ты хочешь, только оставь ее теперь....

— Прелестная графиня очень любила ее. Она позволяла ей класть голову къ себѣ на колѣни и гладила ее.... она тамъ такъ избаловалась, что на хлѣбъ и смотрѣть не хотѣла.... Смотри же, назови ее Готлибомъ и проси графиню, когда ты на ней женишься, чтобы она не велѣла сажать ее на цѣпь: это вѣрное животное! И я былъ вѣренъ.... Я ничему не учился, не могъ сносить обидъ, но былъ вѣренъ, Богъ свидѣтель....

Этьенъ употребилъ усиліе, чтобы заставить его замолчать; Готлибъ повиновался, но еще молча, съ умоляющимъ взоромъ указывалъ на собаку, которая, опустивъ голову, опять ушла подъ кровать.... Тогда, казалось, разсудокъ покинулъ Готлиба, онъ сталъ кидаться со стороны на сторону съ такой силой, что Этьенъ принужденъ былъ позвать доктора.

— Пускай идутъ, закричалъ больной, когда дверь отворилась: пускай всѣ идутъ! Я съ ними справлюсь!.... Тирасъ! Пиль!

Digitized by Google

Когда инспекторъ вбѣжалъ съ докторомъ въ комнату, то больной, съ необыкновенной силой оттолкнувъ отъ себя офицера, принялъ на постели оборонительное положеніе. Въ это же время случайно подъ окнами проходилъ отрядъ австрійскихъ солдатъ. Знакомая музыка поразила слухъ больнаго.

— Сюда!.... Я Пруссакъ, закричалъ онъ:—Сюда, я покажу вамъ, какъ мы умѣемъ драться прикладами.... Играйте, насвистывайте, барабаньте!... ура! впередъ! Съ нами Фридрихъ! Впередъ!

Пароксизмъ достигъ высочайшей степени и пока старики старались успокоить больнаго и заглушить крики его; Этьенъ не могъ усмирить собаку, которая съ громкимъ лаемъ бросалась къ окну.

— Поймать меня! продолжалъ больной, между-тѣмъ какъ барабанный бой Австрійцевъ сопровождалъ дикія его восклицанія:—Какъ бы не такъ! Вотъ депеши! Братъ, лови ихъ.... Фридрихъ идетъ къ Берлину!.... Прочь съ моста! За мной, вѣрная моя собака!.... И онъ выхватилъ изъ-за пазухи бумажникъ, бросилъ его къ Этьену, потомъ оттолкнувъ стариковъ, соскочилъ съ постели и закричалъ: Побѣда! и безъ чувствъ упалъ на полъ... Силы покинули его, раны его раскрылись; съ страшнымъ, предсмертнымъ хрипѣніемъ лежалъ онъ на полу....

— Сынъ мой, сынъ мой, говорилъ съ рыданіями старикъ, когда больнаго опять уложили на кровать: не умирай! Поживи еще, и прости отцу своему, который былъ строгъ, потому что любилъ тебя болѣе, нежели отецъ долженъ любить сына! Открой еще разъ глаза, скажи еще одно слово, выслушай меня, взгляни еще разъ на меня!.....

Слова эти были произнесены тихимъ, задыхающимся голосомъ; лицо старика покоилось на груди умирающаго... докторъ отступилъ; старикъ поднялъ голову и взглянулъ на доктора, какъ-бы желая прочесть утѣшительную мысль на лицѣ его.... Вдругъ свѣтлый солнечный лучъ проникъ въ окна и палъ на лицо Готлиба.... казалось, послѣдній взглядъ его былъ обращенъ къ отцу.

Прошло еще нѣсколько минутъ гробовой тишины; по-

Digitized by Google

тотъ докторъ медленно подошелъ къ Этьену и шепнулъ ему на-ухо:

— Его уже не постигнетъ теперь никакое несчастіе!

— Онъ простилъ, шепнулъ Этьенъ старому отцу, неподвижно стоявшему возлѣ покойника.

Прошло около четверти часа.... всѣ опустили головы, преклонили колѣни, и, казалось, молились.... Инспекторъ всталъ первый.

— Ну, что, старый дружище? спросилъ докторъ, слегка ударивъ старика по плечу.

— Теперь я одинъ.... сказалъ отецъ. Голосъ его былъ тверже прежняго.

Этьенъ сказалъ нѣсколько словъ доктору на-ухо и вложилъ ему въ руку кошелекъ.

— Это очень кстати, отвѣчалъ Цирлейнъ: потому что послѣднія деньги свои онъ употребилъ на мраморную плиту, на могилѣ вашей матушки.

Они вышли въ другую комнату. Необыкновенная твердость выражалась въ поступи и во взглядѣ инспектора, когда онъ послѣдовалъ за ними и замкнулъ за собою дверь. Онъ молча смотрѣлъ на доктора и офицера, какъ-бы ожидая, чтобы они удалились, и не желая задержать ихъ новымъ разговоромъ.

— Что теперь, старый дружище? спросилъ докторъ.

— Благодарю васъ за услуги, докторъ; онѣ мнѣ теперь уже не нужны.

— О-го, инспекторъ: моихъ рукъ вы не минете. Мы еще увидимся.

— Благодарю и васъ, маркизъ, за вашу услужливость, и не забуду ея.—Старикъ поклонился.—Не могу ли я чѣмъ служить вамъ?

— Вы забыли.....

— Я ничего не забылъ!

— Письмо матери моей.

— Виноватъ ...Онъ вынулъ изъ стараго бюро письмо.... загадка жизни Этьена была уже въ рукахъ его, и онъ скорыми шагами подошелъ къ окну.

— О, нѣтъ, маркизъ, не здѣсь! вскричалъ старикъ, остановивъ его. Въ этомъ домѣ довольно горя.... Не хочу, чтобы посторонніе страданія стали между мною и сыномъ

Digitized by Google

моимъ. Прощайте, маркизъ.... вамъ здѣсь нечего дѣлать и домъ этотъ принадлежитъ мнѣ—пока я еще живъ. Желаю вамъ счастливаго пути—прощайте!

Захлопнулась за Этьеномъ дверь дома, который онъ нѣкогда называлъ родительскимъ!.... Съ невыразимо-тягостнымъ чувствомъ стоялъ онъ на улицѣ, когда кто-то слегка ударилъ его по плечу.

— Salve, faveque, domine! сказалъ докторъ. Зачѣмъ грустить? Повѣрьте, вся наша жизнь не стоитъ одной слезинки! Гомеръ сказалъ: Одинъ день плачьте объ умершихъ, не болѣе. И такъ да хранитъ васъ Господь.—До свиданія!

—

Въ куртки простаго ремесленника вышелъ Этьенъ въ Бранденбургскія ворота изъ Берлина, вторично простившись съ городомъ, который не хотѣлъ признать его сыномъ! Но какъ не сходны были чувствованія удалявшагося молодаго человѣка съ мечтаніями девяти-лѣтняго мальчика! Тогда маленькія ручонки его простирались къ безконечному міру какихъ-то неясныхъ ожиданій и надеждъ; теперь за нимъ лежала жизнь, исполненная грустныхъ испытаній, а передъ нимъ.... еще горести, еще страданія, еще испытанія!....

Несмотря на то, Этьенъ былъ спокойнѣе. Претерпѣнныя страданія казались ему уплаченными долгами въ счетѣ жизни. Онъ дышалъ свободнѣе, его поддерживала мысль, что теперь онъ самъ долженъ былъ создать себѣ будущность...

Этьенъ поднялъ бумажникъ, который бросилъ ему Готлибъ въ послѣднемъ пароксизмѣ горячки; онъ взялъ его съ собою, потому что это былъ тотъ самый бумажникъ, который онъ бросилъ неизвѣстному, подъѣхавшему ночью на лодкѣ подъ окно его тюрьмы. Депеши, которыя надо было вручить коменданту Берлина, были еще нераспечатаны; но, можетъ-быть, въ нихъ заключались приказанія, которыя могли имѣть нѣкоторую важность и послѣ занятія столицы непріятелемъ. Комендантъ и другіе генералы, къ которымъ были адрессованы депеши, всѣ находились теперь въ крѣпости Шпандау, слѣдовательно, туда долженъ былъ итти Этьенъ.

Былъ уже вечеръ, когда онъ вышелъ на дорогу къ крѣпости. Вскорѣ видны были мрачныя ея стѣны, около-

Digitized by Google

кольни и крыши домовъ. Множество палатокъ было разбросано по полю, дымъ отъ сотни сторожевыхъ огней кружился въ воздухѣ.... еще шагъ, и Стефанъ услышитъ клики прусскихъ часовыхъ: онъ будетъ между своими!

Но близъ подножія горы овладѣло имъ то благодѣтельное чувство безопасности, которое такъ часто вело Фридриха къ побѣдѣ и только однажды—при Гохкирхенѣ—было пагубнымъ. Этьенъ хотѣлъ еще разъ отдохнуть въ уединеніи, подумать о судьбѣ своей. Что ожидало его? Какъ примутъ его? Мечты о наградѣ улетѣли: онъ не выполнилъ порученія, даннаго Фридрихомъ!

Этьенъ выбралъ уединенное мѣсто подъ тремя, отдѣльно стоявшими березами, верхушки которыхъ слегка покачивалъ вечерній вѣтерокъ. Печать съ письма, въ которомъ заключались послѣднія слова и мысли матери его, сорвана.... Это была торжественнѣйшая минута его жизни.

Письмо было коротко — въ конвертѣ находилось еще другое письмо, написанное дрожащей рукой больной; вездѣ видны были слѣды слезъ....

«Бѣдный, бѣдный Этьенъ!—Какъ давно мы съ тобою не видались! — И меня заставляютъ просить тебя, угрожать тебѣ... нѣтъ, сынъ мой: это свыше силъ моихъ! Онъ хочетъ, чтобы ты вышелъ въ отставку и не служилъ болѣе королю. Люби, чти отца твоего, сынъ мой... онъ разлучилъ меня съ тобою, но я все простила ему. Повинуйся отцу твоему, онъ добръ.... О! если бъ ты видѣлъ, какъ онъ не отходилъ отъ постели моей; ночью не смыкалъ глазъ! Если въ душѣ моей и было какое-либо непріятное чувство къ нему, то послѣднее доказательство любви его примирило меня съ нимъ. Я опять люблю его, сколько мнѣ позволяетъ долгъ мой.—Хоть онъ и говоритъ, что ты скоро будешь здѣсь, но я чувствую, что уже не увижусь съ тобою!... Онъ разсказалъ мнѣ все, о чемъ ты умалчивалъ въ письмахъ твоихъ. Да благословитъ тебя Господь, сынъ мой! Благословляю графиню Евгенію... Люби отца своего, и слѣдуй добрымъ побужденіямъ твоего благороднаго сердца. Мы увидимся.... въ лучшемъ мірѣ. Господь съ тобою, нѣжно любимый сынъ мой, Господь съ тобою!

Душевно любящая тебя мать.»

Солнце уже низко опустилось, озаряя письмо краснымъ своимъ свѣтомъ; Этьенъ не сводилъ глазъ съ этихъ строкъ, на которыхъ высохли слезы драгоцѣннаго ему существа.

Digitized by Google

Какое-то движеніе заставило его посмотрѣть вторую. Возлѣ него на травѣ лежала собака. Вѣрное животное какъ-бы поняло желаніе покойнаго господина своего и послѣдовало за его братомъ!.... Этьенъ погладилъ собаку, потомъ обратилъ вниманіе на письмо, вложенное въ конвертъ; оно было отъ маркиза:

«Этьенъ, исполни волю твоей умирающей матери. О, если бы ты хоть нѣсколько былъ похожъ на нея! Она была настоящій ангелъ. Мы оба ея не стоимъ.—Не забывай кто ты, и дѣйствуй согласно съ именемъ и своимъ состояніемъ. Теперь ты самъ долженъ заботиться о себѣ. Денегъ я тебѣ присылать не могу. Вообще не надѣйся слишкомъ на меня. Съ Корсиканцами дѣлать нечего. Всѣ эти господа глупцы, не исключая графа Мерона. Не полагайся на него. Если Берлинъ будетъ занятъ, то на лондонскомъ Товерѣ опять будетъ развѣваться знамя Стуартовъ. Тогда мнѣ нужно будетъ туда направить виды свои, а для этого необходимы деньги. О, зачѣмъ я не набобъ! За деньги Англичанинъ поворотитъ назадъ теченіе Темзы. Если ты будешь въ Мадритѣ, то не прозѣвай боя быковъ — это все, что есть замѣчательнаго во всей Испаніи. Интриги, разбойники, дураки. Въ Лондонѣ мы подроемся подъ Фридриха. Если бъ ты остался въ австрійской службѣ, то командовалъ бы теперь полкомъ. Впрочемъ, это не ушло. Если ты образумился, то сожги по-скорѣе прусскій мундиръ свой, чтобы я не видѣлъ и пеплу!... Скромность и молчаніе.

Твой —.»

Равнодушно спряталъ Этьенъ это письмо въ карманъ: оно не пробудило въ немъ ни нѣжныхъ, ни грустныхъ ощущеній. Оставался еще бумажникъ-адвоката.

— Нѣтъ, сказалъ Этьенъ: это я просмотрю въ крѣпости; здѣсь для него воздухъ слишкомъ чистъ!

Онъ всталъ и когда первый прусскій часовой встрѣтилъ его обычнымъ окликомъ: Кто идетъ! — громко отвѣчалъ:

— Вѣрный слуга Фридриха!

—

Евгенія сидѣла въ своей комнатѣ, погрузившись въ глубокую задумчивость. Вѣтеръ завывалъ въ длинныхъ, пустыхъ корридорахъ; крупные хлопья снѣгу ударяли о стекла оконъ.

— Это ты, Амалія? спросила она вздрогнувъ и обративъ взоръ къ тихо отворявшейся двери.

— Кого же вы еще ждете? отвѣчала Амалія. Но какой

Digitized by Google

здѣсь сквозной вѣтеръ.... Боже мой, да у васъ открыто окно.... Посмотрите, сколько нанесло снѣгу!...

Графиня закрыла окно и спросила: — Неужели тебѣ холодно?

— Хорошъ вопросъ! Да посмотрите хоть сами на дворъ; посмотрите на эту угрюмую поляну, которая тянется въ безконечность и бѣлѣется въ ночной темнотѣ! Это ужасно! Какая польза отъ скучной зимы?

Графиня не отходила отъ окна и съ какимъ-то боязливымъ вниманіемъ смотрѣла вдаль, между-тѣмъ какъ компаньонка ея грѣла у камина руки.

— Дровъ больше нѣтъ. Я позвоню, чтобы принесли еще.

— Зачѣмъ? мы скоро пойдемъ спать.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ мы въ этомъ негодномъ замкѣ, я не могу спокойно провесть ни одной ночи.

— Давно ли ты сдѣлалась такой трусихой?

— Съ тѣхъ поръ какъ офицеры, которые у насъ квартируютъ, разсказываютъ намъ каждый день послѣ обѣда страшныя исторіи о привидѣніяхъ....

— Стыдись!

— А развѣ вамъ не страшно здѣсь?

— Что это.... Амалія!

— Боже мой, какъ вы меня испугали!... Это, вѣроятно, кошка пробѣжала по крышѣ.

— О, Амалія, посмотри какъ вихрь крутитъ снѣгъ. Теперь страшно быть въ дорогѣ.

— Ужъ не ожидаете ли вы *его* сегодня?

— Что-то тайное, необъяснимое говоритъ мнѣ, что я его скоро увижу.

— Какъ вы чудны! Вотъ уже два года, какъ мы его не видали, и вы непремѣнно думаете, что онъ нарочно выберетъ эту холодную, ненастную, страшную ночь, чтобы сдѣлать вамъ визитъ. Посмотрѣла бы я, что бы вы сказали, если бъ онъ прискакалъ теперь сюда замороженный, окоченѣлый, съ краснымъ носомъ и длинными ледяными сосульками на усахъ?

— Я бросилась бы ему на шею!

— Ахъ, какъ все измѣняется со временемъ! Сначала вы полюбили его, потомъ разлюбили....

Digitized by Google

— Не разлюбила, а отказалась отъ него по-необходимости.

— Потомъ опять полюбили....

— Узнавъ, что Этьенъ сынъ маркиза, отецъ мой самъ требовалъ, чтобы я за него вышла.

— И вы готовы повиноваться волѣ отца. О, какая примѣрная покорность! сказала Амалія съ легкой иронiей.

— Ты опять шутишь.

— А вы опять начинаете скучать, между-тѣмъ какъ весь нынѣшній вечеръ были такъ милы, такъ любезны, что очаровали всѣхъ офицеровъ и въ-особенности стараго генерала, который такъ полюбилъ Этьена.

— Если онъ любитъ Этьена, то зачѣмъ же онъ не вступился за него, когда его предали военному суду?

— Что ему было дѣлать? Самъ король приказалъ судить поручика.

— Судить! и за что? За то, что непріятели овладѣли Берлиномъ! Фридрихъ хотѣлъ наказать другаго за свою собственную оплошность.

— Вы могли бъ быть защитницей поручика передъ судомъ.

— Конечно; я бы спросила ихъ, какое они имѣютъ право судить человѣка, который одинъ пробрался черезъ пустыни, рѣки, озера, лѣса и непріятельскія цѣпи, на каждомъ шагу подвергаясь опасности быть схваченнымъ какъ шпіонъ, безчестно разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ, и все это изъ одной любви къ неблагодарному королю своему! Этьенъ дошелъ до Берлина, и его нельзя обвинять въ томъ, что гарнизонъ не могъ отстоять столицы!

— Да вѣдь его обвиняютъ не въ томъ; а за чѣмъ онъ остался нѣсколько дней въ Берлинѣ, и не отправился немедленно въ Шпандау?

— Надобно же было ему отдохнуть. Притомъ же братъ его умиралъ.

— Я вижу, что поручикъ сообщилъ вамъ мельчайшія подробности, въ письмахъ своихъ изъ Шпандау. Однако жъ онъ не упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ....

— О какомъ?

— Я не выдаю этого за правду..... только я слышала, будто онъ встрѣтилъ тамъ *первую любовь* свою....

Digitized by Google

— Какая низкая клевета! Ему было девять лѣтъ, когда онъ ушелъ изъ Берлина.

— Никто и не говоритъ, что онъ былъ влюбленъ въ Берлинѣ, а только они тамъ встрѣтились.... случайно....

Крикъ ужасу прервалъ слова Амаліи. Нѣсколько обломковъ кирпичей съ грохотомъ повалились въ каминъ, сорванные сильнымъ порывомъ вѣтру, дверь съ шумомъ растворилась и Амалія бросилась на грудь къ подругѣ, съ ужасомъ восклицая: Тамъ! тамъ — и указывая на дверь.

— Это онъ! Это онъ! вскрикнула Евгенія, высвободившись изъ объятій Амаліи и бросившись ласкать и обнимать чернаго, косматаго пуделя, который радостно подбѣжалъ къ ней.

— Откуда эта собака? Что съ вами, графиня? спросила наконецъ Амалія, опомнившись.

Но Евгеніи уже не было въ комнатѣ. Скоро послѣдовала она за собакой..... сбѣжала съ лѣстницы, въ сѣни.... широкая дубовая дверь отворилась снаружи и холодный, ночной воздухъ охватилъ молодую дѣвушку; вѣтеръ со свистомъ ворвался въ сѣни и каменный полъ вмигъ покрылся хлопьями снѣгу....

— Ты [illegible]! вскричала Евгенія и бросилась на грудь къ входившему.

Счастливецъ испугался опасности, которой подвергалось это молодое существо, полное жизни.... Онъ окуталъ Евгенію плащомъ своимъ и прижалъ губы ко лбу ея.

Она не взглянула еще на лицо его. Мысли сверкали въ головѣ ея, какъ молніи отъ встрѣчи двухъ громовыхъ тучъ. Что, если это не онъ? Зачѣмъ онъ молчалъ?... о! это было бы ужасно.... она не перенесла бы этого! Вся душа ея излилась молитвой ко Всевышнему; и Онъ услышалъ ея мольбы!... То былъ Этьенъ. Она узнала это по первымъ звукамъ его голосу, когда онъ произнесъ ея имя.

— Это ты, говорила она: ты живъ, ты со мною.... это не сонъ, не обманъ воображенія! Но что же ты молчишь?

— Я Евгенія, я, отвѣчалъ Этьенъ, стараясь затворить одной рукою дверь, которая безпрестанно отворялась отъ сильнаго напору сквознаго вѣтру.

— Прочь, прочь отсюда, вскричала Евгенія: это та са-

Digitized by Google

мая дверь, возлѣ которой мы стояли, когда въ первый разъ разлучались. Не хочу болѣе разлучаться съ тобою!...

Она повела его въ залу. На томъ же диванѣ, на которомъ онъ сидѣлъ въ первый разъ раненный и въ венгерскомъ мундирѣ, сидѣлъ онъ и теперь съ Евгеніей; рука ея обвилась вокругъ его шеи.... Она плакала на груди его.... Онъ былъ такъ счастливъ.... Они говорили много, много, сами не зная о чемъ.

— Боже мой! Ты ѣхалъ верхомъ въ такую бурную ночь! Руки твои холодны. Ужъ не раненъ ли ты?...

— Добрый геній провожалъ меня и защищалъ отъ всѣхъ опасностей.

— Слѣдовательно, ты подвергался опасностямъ? О, я не хочу, чтобы ты больше подвергался имъ....

Вмѣсто отвѣту, Этьенъ скоро всталъ.

— Что съ тобою?... Евгенія подняла голову и увидѣла, что они были не одни. Зала была наполнена народомъ. Улыбки, любопытство, изумленіе, удовольствіе выражались во всѣхъ взорахъ. Нѣсколько свѣчей освѣщали счастливую чету, которая не замѣтила прихода столькихъ людей. Только одно лицо было нерадостно — лицо хозяина замка.

— Честь имѣю доложить вашему превосходительству, началъ Этьенъ, подойдя къ генералу и приложивъ руку къ каскѣ.

— Что вы счастливо прибыли, прервалъ его, улыбаясь, генералъ:—Это меня радуетъ тѣмъ болѣе, что прелестная хозяйка наша осчастливлена вашимъ пріѣздомъ.

— Я долженъ доложить вашему превосходительству.... повторилъ поручикъ.

— Послѣ, послѣ! Несправедливо было бы помѣшать радости, блаженству перваго свиданія послѣ долгой, мучительной разлуки. Эта радость, прибавилъ онъ вполголоса: можетъ вознаградить за несправедливость монарха. Почтенный хозяинъ нашъ, вѣроятно, того же мнѣнія, продолжалъ генералъ, обратившись къ графу.

— Конечно, конечно; мнѣ только жаль, что дорогимъ гостямъ моимъ причинили это безпокойство.... возразилъ графъ, съ притворной улыбкой.

— Можно ли это назвать безпокойствомъ? прервалъ его

Digitized by Google

генералъ, указывая на Евгенію, которая теперь только, казалось, вполнѣ наслаждалась блаженствомъ свиданія. Блестящимъ, свѣтлымъ взоромъ смотрѣла она на все собраніе, какъ-бы желая показать всѣмъ, какъ она счастлива!

— Вотъ, господа, поручикъ Этьенъ, недавно исполнивший весьма почетное и трудное порученіе, которымъ король хотѣлъ заставить его исправить ошибку, сдѣланную въ первомъ порученіи; поручикъ счастливый женихъ графини, милой хозяйки нашей. Поздравляйте, господа, поздравляйте! А я прежде всего поздравлю достойнаго хозяина нашего. Взоръ его блеститъ радостно, руки невольно простираются къ давно ожидаемому зятю! Не противьтесь побужденіямъ вашего сердца, графъ.

Графу показалось, что въ послѣднихъ словахъ генерала скрывалась насмѣшка, но скрывъ неудовольствіе, онъ съ притворной радостью обнялъ поручика.

— Я жду васъ у себя, шепнулъ генералъ Этьену на-ухо и простился съ Евгеніей, сказавъ голосомъ, въ которомъ было истинное, душевное участіе: — Надѣюсь, графиня, что вы будете довольны мною.

Вскорѣ всѣ разошлись. О, какъ Евгенія была счастлива, когда у себя въ комнатѣ, могла броситься на шею къ Аміи, проливая радостныя слёзы!

—

Этьенъ пошелъ къ генералу и очень удивился когда тотъ, зѣвая, сказалъ ему:

— Ахъ, вы ещё съ докладомъ; а я хотѣлъ лечь спать.

— Я пришелъ по приказанію вашего превосходительства, чтобы доложить.... началъ Этьенъ, тѣмъ болѣе изумленный, что ему извѣстна была аккуратность генерала въ дѣлахъ службы.

— Что все удалось? Я это знаю, прервалъ его генералъ: —Подробности завтра разскажете.

— Я имѣю сообщить важныя обстоятельства....

— Тѣмъ лучше. Вы удивляетесь, какъ я могу быть такъ невнимателенъ къ вашимъ докладамъ? Я хочу избавить васъ отъ сухихъ служебныхъ дѣлъ послѣ такой блаженной минуты. Завтра, любезный поручикъ: завтра. Желаю вамъ спокойной ночи.

Digitized by Google

— Другихъ приказаній не будетъ, генералъ? спросилъ Этьенъ улыбаясь.

— Приказаній? Боже сохрани! Сегодня никакихъ приказаній не будетъ. А каковъ воздухъ въ моей комнатѣ?

— Здѣсь немного холодно.

— Мнѣ кажется, что возлѣ постели моей откуда-то дуетъ. Сдѣлайте одолженіе, не въ службу, а въ дружбу: помогите мнѣ перенесть кровать мою къ той стѣнѣ.

Этьенъ исполнилъ желаніе генерала, который попросилъ еще взвесть курки своихъ заряженныхъ пистолетовъ и положить ихъ на столикъ передъ кроватью.

— Неужели вы боитесь нападенія, генералъ?

— Нѣтъ, но безъ этихъ предосторожностей я не могу уснуть. При малѣйшемъ шумѣ, хватаюсь я за пистолеты и мнѣ не-разъ уже случалось стрѣлять въ стѣну. Поэтому я всегда сплю одинъ. Прощайте, любезный поручикъ: я надѣюсь, что никто не обезпокоитъ меня въ эту ночь, прибавилъ генералъ, возвысивъ голосъ и значительно улыбаясь.

—

Пѣтухи уже пропѣли, когда Евгенія стала засыпать, но зато сонъ ея былъ тѣмъ покойнѣе и продолжительнѣе. Было уже совершенно свѣтло, когда прервалось какое-то сладостное сновидѣніе графини и она проснулась, подкрѣпленная и освѣженная. Она открыла глаза, вздрогнула, громко вскрикнула и спряталась подъ шелковое одѣяло....

Передъ кроватью ея, у самаго изголовья, сидѣлъ какой-то мужчина, въ старомъ, истертомъ костюмѣ, съ измятыми манжетами и фризурой. Положивъ одну ногу на другую, онъ казался углубленнымъ въ чтеніе какой-то книги.

— Каково изволили почивать, графиня? спросилъ онъ, вѣжливо наклонившись къ Евгеніи.

— Кто вы? Прочь отсюда, прочь! вскричала она.

— Неужели вы меня не узнаете? спросилъ мужчина, не трогаясь съ мѣста.

— Но зачѣмъ вы пришли сюда? Какъ вы осмѣлились, маркъ.....

— Тсъ! Не произносите моего имени....

— Но скажите мнѣ, ради Бога, маркизъ: кто вамъ далъ право и возможность войти ко мнѣ?

Digitized by Google

— Права никто мнѣ не давалъ, а возможность доставили вы мнѣ сами, когда вчера выбѣжали съ фрейлейнъ Амаліей на встрѣчу Этьену, не затворивъ дверей.

— Слѣдовательно, вы провели всю ночь въ моей комнатѣ? Это ужасно! Но гдѣ вы были?

— Тамъ, въ большомъ платяномъ шкафу.

— Какъ можно провесть тамъ ночь!

— Я прекрасно спалъ. О, если бъ вы знали, въ какихъ непріятныхъ положеніяхъ долженъ былъ проводить дни несчастный Карлъ Эдуардъ, претендентъ на шотландскій престолъ, такъ вы пролили бы горячія слезы!...

— Я очень сожалѣю объ участи претендента, но не понимаю съ какой стати....

— Съ какой стати? вскричалъ маркизъ, вскочивъ съ креселъ. Это я вамъ сейчасъ объясню. Извольте видѣть....

— Я вижу, маркизъ, что вы забываете, что находитесь въ комнатѣ чужой дѣвицы....

— Чужой!.... Развѣ отецъ не имѣетъ права входить во всякое время въ комнату своей дочери?

— Я еще не имѣю права называть васъ отцомъ, отвѣчала Евгенія покраснѣвъ: притомъ же сынъ вашъ, вѣроятно, не знаетъ, что вы здѣсь?

— Не знаетъ. Много будетъ знать, скоро состарѣется. Ктому же я хочу, чтобы вы разсказали ему все дѣло. Готовы ли выслушать меня?

— Подумайте, маркизъ, положеніе мое....

— Пустяки! Слушайте: У Гуго Капета было семь сыновей....

— Боже мой! вы, кажется, хотите заставить меня выслушать всю французскую исторію, до Людовика Пятнадцатаго?

— Правда, я началъ немножко издалека. Скажу вамъ только одно: родъ Кабанисовъ происходитъ отъ графа Парижскаго, дяди Гуго Капета; слѣдовательно, это, во всякомъ случаѣ, должно оправдать участіе, которое я принимаю въ дѣлѣ Стуартовъ. Я могу повѣрить вамъ за тайну, что я нахожусь въ близкихъ сношеніяхъ съ шотландскимъ претендентомъ; въ письмѣ, которое я вчера получилъ изъ Рима, претендентъ обѣщаетъ мнѣ пожаловать

Digitized by Google

Этьена въ полковники, когда Французы пристанутъ къ берегамъ Шотландіи, чтобы защищать правое дѣло.

— Такъ вы только за этимъ пришли сюда, маркизъ? Ради Бога, подумайте о моемъ положеніи и оставьте меня одну....

— Вы хотите встать?... Что жъ вы прежде не говорили? Извините меня, я сейчасъ исчезну, или, — знаете что — я обернусь къ вамъ спиной, вы спокойно встанете, будете одѣваться, а я между-тѣмъ разскажу вамъ всю родословную нашу.

Графиня, невольно улыбаясь, отвергла это забавное предложеніе.

— Ну, всё-равно, отвѣчалъ маркизъ: завтра, въ это же время, я опять буду у вашей постели и вы узнаете, кто Этьенъ и кчему онъ предназначенъ.

— Зачѣмъ же вы хотите отложить это до завтра?

— Днемъ я принужденъ прятаться. Никто не долженъ знать, что я здѣсь; я надѣюсь, что вамъ не нужны будутъ платья изъ этого шкапу?

— Какъ, вы хотите провесть тамъ цѣлый день?

— Вы можете запереть меня на ключъ.

— Ни за что!

— Какъ хотите! Я знаю всѣ закоулки въ этомъ замкѣ, и потому найду себѣ другое убѣжище. Завтра въ это же время мы увидимся. Будьте здоровы.

Онъ проскользнулъ въ дверь и исчезъ.

—

Никогда еще Евгенія не одѣвалась такъ скоро и безъ помощи горничной. Она сошла въ залу, гдѣ уже ожидалъ ее Этьенъ. Они упали другъ другу въ объятія и молчаніе, краснорѣчивѣе всякихъ словъ, длилось долго, долго....

— Этьенъ, сказала наконецъ графиня: счастливъ ли ты теперь?

— О, Евгенія!

— Неправда ли, мы уже никогда не разстанемся?... Ты молчишь?

— Служба....

— Я хочу, чтобъ ты оставилъ службу! вскричала графиня съ живостію! И что, кромѣ непріятностей, доставила тебѣ до-сихъ-поръ эта служба?

Digitized by Google

— Неужели ты хочешь, чтобы я вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика?

— Ты честолюбивъ, Этьенъ....

— Нѣтъ, Евгенія, я не ищу ни чиновъ, ни славы; я только хочу, чтобы Фридрихъ принужденъ былъ взглянуть на меня милостиво и сказалъ: «Онъ исполнилъ долгъ свой!» Неужели ты хочешь, чтобы я оставилъ службу, едва избавившись отъ военнаго суда? Нѣтъ, Евгенія: я хочу выйти съ честію!

— Но развѣ удачнымъ исполненіемъ новаго опаснаго порученія ты не искупилъ того, что̀ они называютъ твоимъ преступленіемъ?

— Я исполнилъ долгъ свой....

— Опять долгъ!... Разскажи мнѣ лучше въ чемъ состояло это порученіе?

— Счастливый случай помогъ мнѣ удачно исполнить его. При быстрой, неожиданной перемѣнѣ маршрута нельзя было взять съ собою полковой казны, въ которой заключалась весьма значительная сумма. Она была зарыта въ болото въ надеждѣ, что на обратномъ пути ее можно будетъ найти и взять съ собою. Однако вскорѣ Австрійцы заняли это мѣсто. Войска наши остановились зимовать въ недальнемъ разстояніи; мы узнали, что кладъ нашъ, незамѣченный непріятелемъ, находился въ томъ же мѣстѣ; что непріятельскіе по̀сты были тамъ не сильны. Фридрихъ нуждался въ деньгахъ — онъ требовалъ, чтобы кто-нибудь рѣшился достать оставленную сумму и генералъ, покровитель мой, посовѣтовалъ мнѣ взять это порученіе на себя. Мѣстность мнѣ была знакома; я зналъ, что тутъ силой ничего нельзя сдѣлать; надобно было дѣйствовать хитростью — и дурная погода помогла намъ. Съ эскадрономъ смѣльчаковъ пробрался я ночью, въ страшную мятелицу, къ нашему кладу.... Мы ночевали въ кустахъ, въ чащѣ лѣсной, въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ....

— Фи! прервала его Евгенія: и все это за ящикъ золота! Я понимаю, что можно жертвовать жизнію за короля, за друга своего, но чтобы....

— Чтобы встрѣтить отца своего! прервалъ Этьенъ улыбаясь.

Digitized by Google

— Маркиза?

— Именно. Занимаясь химерическими проектами своими, онъ какъ-то случайно узналъ о зарытой казнѣ нашей. Маркизъ былъ въ Англіи, гдѣ сдѣлался ревностнѣйшимъ приверженцомъ Стуартовъ, но услышавъ объ оставленной кассѣ Фридриха, немедленно воротился въ Германію. Тутъ онъ узналъ, что его кто-то предупредилъ. Несмотря на то, онъ доложилъ о томъ фельдмаршалу и пока тотъ дѣлалъ нужныя распоряженія, маркизъ самъ отыскалъ мѣсто и впродолженіи двухъ дней сторожилъ его, бродя въ окрестностяхъ. Мы встрѣтились ночью въ жалкой корчмѣ. Маркизъ крайне обрадовался, припявъ насъ за Австрійцевъ, присланныхъ за казной, но каковъ былъ ужасъ его, когда онъ узналъ Пруссаковъ, и меня! Однако съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа, онъ употребилъ всю хитрость свою, чтобы помочь намъ переправиться за границу. Полковая казна была уже въ рукахъ нашихъ. Маркизъ переряжается крестьяниномъ, пѣшкомъ идетъ на встрѣчу къ Австрійцамъ и сбиваетъ ихъ съ толку и съ дороги; а намъ показываетъ путь, по которому мы счастливо воротились домой; потомъ маркизъ исчезъ.

— Мнѣ кажется, что и мой отецъ зналъ о зарытыхъ деньгахъ, и что онъ первый далъ знать о томъ фельдмаршалу.

— Я увѣренъ....

Разговоръ ихъ былъ прерванъ офицерами, которые вошли въ залу вмѣстѣ съ графомъ.

На всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе; только графъ одинъ не могъ даже притвориться веселымъ. Угрюмо смотрѣлъ онъ на дочь свою, которая съ лицомъ, блестящимъ радостью, слушала привѣтствія и комплименты офицеровъ. Нѣсколько разъ прошелся графъ по залѣ, надѣясь, что мрачный видъ его разгонитъ счастіе, выражавшееся на лицѣ Евгеніи, но она и не взглянула на него. Наконецъ, какъ-бы выведенный изъ терпѣнія—онъ подошелъ къ Евгеніи, и не обращая вниманія на поручика, сказалъ, что желаетъ поговорить съ нею до обѣда. Генералъ, разслышавъ слова его, значительно улыбнулся и сказалъ:

— Это будетъ, вѣроятно, весьма интересный разговоръ, и я охотно подслушалъ бы его за дверьми, если бъ въ такомъ

Digitized by Google

благовоспитанномъ обществѣ подслушиванье было позволено.

Графъ поблѣднѣлъ, съ безпокойнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на генерала, не говоря ни слова вышелъ въ другую комнату, бросился на диванъ и тяжело вздохнулъ.

— О чемъ вы задумались? спросила Амалія, которая пришла вслѣдъ за нимъ. Кажется, вамъ не понравились слова генерала?...

— Кажется, вамъ не нравится жить въ моемъ домѣ? Мы разстанемся, если вамъ угодно, отвѣчалъ графъ, не смотря на нея.

— Извольте приказывать, я буду умѣть отвѣчать вамъ, сказала Амалія, съ шумомъ придвинувъ стулъ къ дивану.

Графъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нея и спросилъ: не хочетъ ли она *его* выгнать изъ замка.

— Можетъ-быть, отвѣчала она. Любезный дядюшка, пора намъ поговорить по-серіозне и опредѣлить взаимныя наши отношенія. Вы не знаете сколько слезъ пролила я втайнѣ, когда вы поступали со мною какъ съ Сандрильоной.... но всему свой чередъ. Теперь я требую, чтобы со мною поступали не какъ съ ребенкомъ, не какъ съ бѣдной родственницей, живущей у васъ изъ милости, а какъ съ племянницей и воспитанницей графа Мерони!

— Давно ли вы перестали быть ребенкомъ?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ научилась подслушивать за дверьми, произнесла она громко и ударяя на каждомъ словѣ: съ-тѣхъ-поръ какъ я узнала, что любезный дядюшка мой находится въ перепискѣ съ австрійскими генералами и доноситъ имъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ....

— Тише, тише, ради Бога! прервалъ ее графъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, продолжала Амалія тѣмъ же голосомъ: какъ я узнала, что онъ послалъ нарочно въ австрійскій лагерь, чтобы дать знать о скрытой полковой казнѣ....

— Въ умѣ ли вы!...

— Я вамъ сказала, какое участіе я принимаю въ прусскомъ королѣ, а потому берегитесь, чтобы мнѣ не пришла охота....

— Ради Бога, милая Амалія, замолчите!... Говорите, что вамъ угодно?

Digitized by Google

— Видите ли, дядюшка, я говорила, что мы поймемъ другъ друга. Не правда ли?

— О, какъ-нельзя лучше, отвѣчалъ графъ поморщась.

— Такъ на первый случай, мы оставимъ Фридриха въ покоѣ, и поговоримъ о свадьбѣ....

— О свадьбѣ?

— На которую вы должны дать свое согласіе.

Графъ съ гнѣвомъ приподнялся, но встрѣтивъ взоръ племянницы, онять опустился на диванъ и съ принужденною ласкою отвѣчалъ:

— Но, скажите мнѣ, милая Амалія, какія права можетъ имѣть этотъ несносный поручикъ на руку моей дочери?

— Не о томъ рѣчь. Дочь ваша сама съумѣетъ постоять за себя. Я говорю о себѣ и хочу просить милостиваго соизволенія вашего на трудный, важный поступокъ, къ которому хочу приступить.... Я хочу замужъ.

— И вы уже.... то есть, васъ уже выбрали? По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Я сама избрала. Ахъ, любезнѣйшій дядюшка, сказала Амалія опустивъ глаза: я была бы чрезвычайно неблагодарна, если бъ не вознаградила привязанности барона фонъ-Курца. Вы, вѣроятно, сами замѣтили, какъ онъ обходится со мною, съ-тѣхъ-поръ, какъ живетъ здѣсь въ замкѣ. Да и самое присутствіе его въ замкѣ, занятомъ Пруссаками, не есть ли доказательство....

— Мнѣ кажется, вы не въ своемъ умѣ.... вы, за каммергера?

— Конечно, любезный дядюшка, я сама знаю, что онъ не дальняго ума, что остроуміе его не замѣчательно, что онъ даже.... глуповатъ. Но, признаюсь вамъ, я всегда желала себѣ глупаго мужа. Всякій умный человѣкъ по долгу христіанина и любви къ ближнему, долженъ защищать и брать подъ свое покровительство человѣка.... не умнаго. Вотъ почему мнѣ кажется, что, не унижая своего достоинства, я могу выйти за барона.

— Еще бы! вскричалъ графъ, какъ-бы испугавшись дерзости молодой дѣвушки. Каммергеръ, баронъ, наслѣдникъ майората!...

— На колѣняхъ признался мнѣ въ искренней, пламен-

Digitized by Google

ной, вѣчной любви своей! Я сжалилась надъ нимъ и рѣшилась осчастливить его!

— Каммергеръ съ ума сошелъ!

— Напротивъ, я думаю, что это самая умная вещь, которую онъ сдѣлалъ въ жизнь свою.

Графъ презрительно пожалъ плечами.

— Благословите жъ меня, дражайшій дядюшка! вскричала Амалія, опустившись на колѣни.

— Пожалуй, если баронъ рѣшился.... *сдѣлать эту глупость*, хотѣлъ сказать графъ, но остановился и продолжалъ: жениться на васъ.

— Не въ томъ дѣло, дядюшка. Ужъ если я хочу, то ему и говорить нечего. Благословите жъ меня, дядюшка.

— Съ Богомъ, даю вамъ мое полное и совершенное благословеніе!

— Сколько это: полное и совершенное?

— Я не понимаю васъ.

— То есть, сколько дадите вы мнѣ приданаго?

Графъ всталъ и хотѣлъ удалиться, но Амалія удержала его.

— Любезный дядюшка, сказала она: при всякой перемѣнѣ жизни, человѣкъ долженъ приводить въ порядокъ дѣла свои....

— Какое безстыдство!

— Гдѣ же тутъ безстыдство? Вѣдь я прошу денегъ не для себя, а для васъ же. Неужели вы хотите, чтобы я поѣхала въ церковь въ обноскахъ графини, вашей дочери? Что скажутъ тогда про васъ? Васъ назовутъ скупцомъ. Неужели это вамъ пріятно?

— А какъ высоки требованія ваши?

— Они должны быть согласны съ знатнымъ именемъ и богатствомъ вашимъ.

— Вы получите въ приданое триста талеровъ, сказалъ графъ вставая.

— Триста талеровъ! Ахъ, любезнѣйшій дядюшка, мнѣ бы довольно было сотой доли этого; но подумайте, здѣсь дѣло идетъ о вашей чести. Свѣтъ не долженъ имѣть права сказать, что вы скупецъ.

— Шестьсотъ талеровъ, и оставьте меня въ покоѣ!

Digitized by Google

— Вы шутите. Неужели вы не понимаете, что менѣе шести тысячъ талеровъ я отъ васъ и принять не могу?

— Что.... шесть тысячъ талеровъ!

— Чего вы испугались? Вѣдь это всё для васъ.... и если хорошенько подумать, такъ, право, и шести тысячъ мало. Только десять тысячъ талеровъ можете вы дать племянницѣ, которую воспитали какъ родную дочь, которой извѣстны всѣ домашнія и всѣ государственныя ваши тайны. Да, дядюшка, вы должны быть, и будете великодушны! До свиданія, искренно любимый дядюшка: добрый дядюшка, замѣнившій мнѣ отца, до свиданія!

Еще болѣе раздосадованный рѣшительнымъ и смѣлымъ поступкомъ Амаліи, графъ пошелъ къ дочери съ твердымъ намѣреніемъ вступить въ права отца. Нахмурившись, угрюмый, мрачный, вошелъ онъ въ комнату дочери и безъ обиняковъ объявилъ, что никогда и ни за что въ мірѣ не согласится на бракъ ея съ безъимяннымъ, съ несноснымъ поручикомъ, какъ онъ называлъ Этьена.

— Я сначала соглашался на этотъ бракъ, говорилъ онъ: потому что повѣрилъ сумасбродному маркизу, но теперь ясно вижу, что все это одинъ обманъ! Неужели ты не замѣтила еще, что маркизъ, чтобы достигнуть цѣли своей, готовъ создать себѣ отчизну, родословную? Неудивительно послѣ этого, что ему вздумалось создать себѣ и сына!

— Помилуйте, батюшка, отвѣчала Евгенія съ улыбкой и спокойствіемъ, которое крайне изумило отца ея: есть доказательства....

— Хороши доказательства! возразилъ съ досадой графъ: это поддѣльное, фальшивое! Если маркизу вздумается, все докажетъ тебѣ, что Этьенъ сынъ Маріи Терезіи! то онъ Повѣрь мнѣ, моя милая, выбрось эти пустыя мечты изъ головы и п одумай о томъ, что молодой человѣкъ, безъ ро- ду, безъ пле чени, безъ состоянія, безъ всякихъ видовъ на будущее, тебѣ не мужъ!.... Если Этьенъ повѣритъ ста- рому сумасброду, то вмѣстѣ съ нимъ сдѣлается посмѣ- щемъ цѣлаго свѣта; да, дочь моя, я готовъ сказать это въ глаза маркизу....

Двери съ шумомъ раскрылись и слуга громкимъ голосомъ доложилъ:

Digitized by Google

— Маркизъ де-Кабанисъ!

Въ то же мгновеніе маленькій человѣчекъ стоялъ посереди комнаты и простиралъ руки къ графу. Они дружески обнялись.

— Какъ я счастливъ, что вижу лучшаго, искреннѣйшаго моего друга! воскликнулъ графъ.

— Очень радъ, очень радъ, говорилъ маркизъ: но, ради Бога, удалите людей и говорите тише; никто не долженъ знать что я здѣсь. Мнѣ нужно сообщить вамъ кое-что весьма важное, графъ, но послѣ, послѣ; теперь потрудитесь прислать ко мнѣ сюда, молодаго маркиза де-Кабаниса.... Послѣднія слова произнесъ онъ съ особеннымъ напыщеннымъ выраженіемъ.

Графъ и дочь его удалились и нѣсколько минутъ спустя, Этьенъ стоялъ передъ диваномъ, на которомъ лежалъ маркизъ.

— Этьенъ! вскричалъ послѣдній, вскочивъ съ дивана и схвативъ молодаго офицера за грудь: я въ жизнь свою не видѣлъ такого безтолковаго, не говорю дипломата, а просто человѣка, двуногое животное! А между-тѣмъ я доѣзжалъ до границъ Азіи и былъ на островахъ Атлантическаго Океана. Глупѣйшій изъ свиты мароккскаго государя, умнѣе этого Мерони! Онъ воображаетъ себя тонкимъ дипломатомъ, а между-тѣмъ онъ больше ничего, какъ.... безтолковое животное! Не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла, и ты, Этьенъ, долженъ поклясться мнѣ, что не женишься на его дочери....

— Не могу исполнить вашего желанія....

— Ты благородный человѣкъ, Этьенъ: обними меня! Требованіе мое жестоко, несправедливо.... выборъ твой прекрасенъ. Графиня дѣвушка благородная; ктому же она не дочь его....

— Какъ! вы думаете....

— Ничего я не думаю и ничего думать не хочу; только, не можетъ быть, чтобы она была его дочь! Въ жилахъ графини течетъ другая кровь; я сейчасъ перечту тебѣ всѣхъ кавалеровъ, которые были въ то время при саксонскомъ дворѣ....

— Ради Бога, батюшка, не дѣлайте такихъ предполо-

Digitized by Google

женій. Обида, нанесенная покойной матери ея, можетъ крайне огорчить Евгенію....

Старый маркизъ схватилъ руку Этьена и съ особеннымъ выраженіемъ нѣжности посмотрѣлъ на него.

— А что, если бъ кто-нибудь осмѣлился оскорбить твою мать, Этьенъ?.... Ты блѣднѣешь.... Старикъ опустилъ руку офицера и украдкой утеръ слезу.

— Оставимте мрачныя мысли, сказалъ Этьенъ:—Мы такъ давно не видались, что я не имѣлъ еще случая поблагодарить васъ за то, что вы сдѣлали для бѣдной страдалицы на смертномъ одрѣ ея. Мать моя умерла на вашихъ рукахъ.

Старый чудакъ былъ удивительно растроганъ: онъ цѣловалъ, обнималъ Этьена, плакалъ, рыдалъ.

— Хотите ли наконецъ поднять завѣсу, скрывающую мое происхожденіе? спросилъ Этьенъ, потому что онъ видѣлъ, что старику надобно было наконецъ повѣрить кому-нибудь свою тайну.

— Да, Этьенъ, отвѣчалъ маркизъ растроганнымъ голосомъ: не хочу болѣе скрывать отъ тебя тайны твоего происхожденія. Ты родился подъ злополучнымъ созвѣздіемъ, но тебѣ, Этьенъ, остается въ утѣшеніе, что ты не можешь обвинить ни меня, ни мать твою; она страдала, она была ангелъ, я поступилъ съ нею безчеловѣчно....

Старикъ замолчалъ, побѣжденный горестными воспоминаніями; въ это время послышался звонъ колокола, звавшаго обитателей замка къ обѣду.

— Я пошлю сказать, что я боленъ, вскричалъ Этьенъ; но маркизъ принудилъ его итти, объявивъ, что онъ теперь ничего разсказывать не можетъ и не будетъ, и чтобы Этьенъ обождалъ до вечера.

Всѣ сидѣли уже за столомъ, когда молодой офицеръ сошелъ въ столовую. Всѣ были веселы, разговорчивы, только одинъ Этьенъ сидѣлъ задумавшись....

— О чемъ вы задумались? сказала Амалія, схвативъ поручика за руку: послушайте лучше исторію, которую обѣщаетъ разсказать генералъ. Онъ говоритъ, что это будетъ что-то страшное, очень страшное!

Генералъ улыбнулся: — Я увѣренъ, что повѣсть эта на-

Digitized by Google

пугаетъ не однѣхъ дамъ, сказалъ онъ, значительно взглянувъ на графа. Слушайте!

— Слушайте, слушайте! вскричала Амалія, дернувъ за руку каммергера, который разговаривалъ о чемъ-то съ однимъ изъ офицеровъ.

Настало молчаніе и генералъ началъ:

— Знаете ли вы, что̀ такое геній-истребитель? Нянюшки и горничныя наговорили мнѣ о немъ столько ужасовъ, что я, будучи еще ребенкомъ, составилъ себѣ самое странное понятіе объ этомъ таинственномъ, загадочномъ существѣ. Никто въ семьѣ нашей не позаботился о томъ, чтобы изгнать эту дурь изъ головы моей и когда я вступилъ въ лицей, то сдѣлалось еще хуже. Я жилъ въ грязномъ, отвратительномъ, жидовскомъ кварталѣ, у портнаго. Однажды вечеромъ, я слышалъ, какъ воротившись домой отъ какого-то умиравшаго родственника, жена портнаго сказала: «Я думаю, что въ эту ночь придетъ за нимъ истребитель».

Я былъ малый не трусливый, но эти слова такъ подѣйствовали на меня, что я долго не могъ уснуть. Это было въ дождливую, ноябрьскую ночь. Вѣтеръ завывалъ въ трубѣ, срывая съ крышъ черепицы. Я видѣлъ, какъ какое-то невѣдомое мнѣ существо слетѣло на домъ родственника хозяйки моей. Я хотѣлъ бѣжать, кричать, но не могъ. Вдругъ я проснулся и услышалъ, какъ пробило три часа. Потъ такъ и лилъ съ меня. Я помолился Богу, спрятался подъ одѣяло и спокойно проспалъ до утра. Представьте себѣ ужасъ мой, когда утромъ хозяйка сказала мнѣ: «Ровно въ три часа ночи пришелъ за моимъ родственникомъ геній-истребитель!» Понимаете ли? — ровно въ три часа!

— Это ничего не доказываетъ, сказалъ графъ.

— Да, если бъ видѣнія мои этимъ и ограничились; но послѣ этого истребитель мнѣ часто являлся, отвѣчалъ генералъ задумчиво. Сколько разъ предвѣщалъ онъ мнѣ смерть людей близкихъ моему сердцу, товарищей.... Слушайте далѣе. Я вступилъ въ полкъ. Въ силезскую войну я былъ тяжело раненъ; меня отослали въ госпиталь. Чѣмъ болѣе усиливалась болѣзнь моя, тѣмъ явственнѣе представлялся мнѣ истребитель. Во снѣ и на яву слышалъ и видѣлъ я, какъ онъ заходилъ въ нумера, и обни-

Digitized by Google

малъ опасно больныхъ. Однажды, ночью, мнѣ явственно представилось, какъ этотъ страшный геній медленно вошелъ въ нумеръ пятый. Утромъ я спросилъ фельдшера: «Кто скончался въ эту ночь?»—«Фельдфебель, въ пятомъ нумерѣ!»

Слѣдующая ночь была еще безпокойнѣе. Къ утру вынесли изъ лазарета человѣкъ пять или шесть. Мнѣ хотѣлось пожить, господа; карріера моя была хороша, раны не опасны, король не-разъ милостиво заговаривалъ со мною—слѣдовательно, вы поймете, отчего сердце мое такъ сильно забилось, когда, въ одну изъ этихъ страшныхъ ночей, я услышалъ, что истребитель подошелъ къ моей двери.... Постоялъ нѣсколько секундъ, оборотился и вошелъ къ моему сосѣду, молодому прапорщику, который въ ту же ночь Богу душу отдалъ. Докторъ нашелъ, что болѣзнь моя приняла весьма дурное направленіе, онъ сомнительно покачивалъ головою и приказалъ, чтобы въ слѣдующую ночь меня не оставляли одного. Приказаніе врача крайне обрадовало меня. Можетъ-быть, привидѣніе испугается совершенно здороваго человѣка!

Наступилъ вечеръ, ночь, полночь; пѣтухи пропѣли, все было тихо. Сердце мое стало биться ровнѣе, дыханіе мое сдѣлалось легче, свободнѣе.... вдругъ слышу въ корридорѣ знакомые шаги... дверь въ мою комнату растворилась и *онъ* вошелъ..., Не могу описать вамъ ужасу, который тогда овладѣлъ мною; часъ мой пробилъ, подумалъ я, и лишился чувствъ....

Генералъ замолчалъ. Всѣ присутствовавшіе не сводили съ него глазъ.

— Однако жъ вы не умерли, сказалъ съ недовѣрчивой улыбкой Этьенъ.

— Нѣтъ. Но въ эту самую ночь заболѣлъ фельдшеръ, спавшій у меня въ комнатѣ; утромъ его вынесли отъ меня безъ чувствъ, а къ полудню онъ скончался.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ кто-то: лучше всего удаляться отъ вашей спальни.

— Именно! сказалъ генералъ и строго посмотрѣлъ на хозяина, который невольно потупилъ глаза.

Нѣсколько минутъ спустя, генералъ продолжалъ:

— Прошло нѣсколько лѣтъ; видѣнія были рѣже или же

они предвѣщали мнѣ кончину людей мало мнѣ знакомыхъ. При самомъ началѣ этой компаніи я стоялъ въ Магдебургѣ съ гарнизономъ. Въ домѣ, который я занималъ, вовсе не было жильцовъ; слуги жили въ нижнемъ этажѣ. Однажды ночью, лишь-только я погасилъ свѣчу, мною овладѣло какое-то странное ощущеніе.... въ бюро моемъ было нѣсколько тысячъ талеровъ золотомъ и другія драгоцѣнныя вещи; мнѣ было досадно, что я не помѣстилъ возлѣ себя человѣка. Однако безпокойство это скоро прошло и я уснулъ.... Скрыпъ корридорной двери разбудилъ меня. Кто-то подходилъ къ моей комнатѣ..... Это было шарканье генія-истребителя.... Глухо кашляя, остановился онъ у двери моей.... она была заперта на замокъ и на задвижку, но несмотря на то, отворилась.... Я хотѣлъ вскочить, вступить въ борьбу съ смертоноснымъ привидѣніемъ, но не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ, не могъ отвесть отъ него взору.... Медленно подошло оно къ моей кровати, протянуло костлявыя руки и.... Я лишился чувствъ.

Однако жъ сила воли моей была въ этотъ разъ такъ могущественна, что черезъ нѣсколько минутъ я опять пришелъ въ себя. Видѣніе исчезло. Я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, но несмотря на то, былъ твердо убѣжденъ, что на слѣдующій день долженъ буду умереть. Минуты мои были сочтены. Я хотѣлъ смѣло итти на встрѣчу смерти; вскочилъ съ постели, на-скоро одѣлся, опоясалъ саблю и позвонилъ. Мнѣ принесли огню, я тотчасъ же послалъ за докторомъ и когда тотъ пришелъ, я рѣшительно объявилъ ему, что долженъ черезъ нѣсколько часовъ, можетъ-быть и минутъ, умереть. Докторъ пощупалъ пульсъ мой и, покачивая головой, съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Вотъ ужъ въ этотъ разъ совсѣмъ непонятно, по какому чуду вы остались въ-живыхъ!... замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вдругъ въ домѣ поднялась страшная суматоха, продолжалъ генералъ: деньщикъ мой случайно нашелъ подъ кроватью моею бѣглаго арестанта, который убилъ унтеръ-офицера. Я, вѣроятно, не избѣгъ бы участи послѣдняго, если бъ геній-истребитель не предостерегъ меня. Арестан-

Digitized by Google

та схватили, предали военному суду и въ тотъ же день онъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на свѣтъ Божій.

— Непостижимо! сказалъ Этьенъ.

— Непостижимо, какъ человѣкъ можетъ до такой степени поддаваться обману слишкомъ пылкаго воображенія, замѣтилъ графъ, пожавъ плечами и поднявъ глаза къ потолку.

— Вы думаете? спросилъ генералъ съ грустной улыбкой.

— Что же, спросила Амалія, это было послѣднее видѣніе ваше?

— Извините, но я не хочу болѣе продолжать разговора, непріятнаго нашему хозяину, отвѣчалъ генералъ.

— Ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ! вскричалъ графъ, съ притворной веселостью:—Всякая сказка должна имѣть какой-нибудь конецъ.... продолжайте, генералъ, продолжайте!

— Мнѣ непріятно....

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали всѣ присутствовавшіе, разсказывайте все, все!

— Господинъ поручикъ, продолжалъ генералъ, обращаясь къ Этьену: вы очень удивились, заставъ меня вчера вечеромъ въ такомъ странномъ расположеніи духа. Я долженъ признаться вамъ, что имѣлъ какое-то предчувствіе.... Вы ушли. Я боялся погасить свѣчу; на замерзлыхъ стеклахъ рисовались страшныя лица, дрова въ каминѣ трещали болѣе обыкновеннаго, со всѣхъ сторонъ дулъ сквозной вѣтеръ.... я замкнулъ дверь, положилъ заряженные пистолеты со взведенными курками возлѣ себя и старался уснуть.... Въ цѣломъ домѣ царствовала мертвая тишина; вдругъ услышалъ я знакомое кашлянье, и шорохъ костлявыхъ шаговъ....

— Въ этомъ замкѣ?

Генералъ кивнулъ головою.—Это былъ геній-истребитель. Я не сомнѣвался въ томъ. Дверь растворилась и..... но избавьте меня отъ дальнѣйшихъ разсказовъ....

— Батюшка, что съ вами! вскричала графиня.

— Ничего, милая Евгенія, ничего, возразилъ графъ, отклоняя отъ себя дочь: —Продолжайте, продолжайте, генералъ.

— Я кончилъ.

Digitized by Google

— И вы увѣрены, что, видѣли это не во снѣ?

— Совершенно.

— Что это? Какъ графъ поблѣднѣлъ! замѣтилъ кто-то.

— Вамъ нечего безпокоиться, графъ, сказалъ генералъ: я увѣренъ, что это посѣщеніе касается собственно до меня: подъ кроватью у меня ни кого не было, а за обоями могутъ скрываться развѣ только мыши, и я сомнѣваюсь, чтобы геній-истребитель сталъ безпокоиться для нихъ.

— Когда это было? спросилъ графъ, едва слышнымъ голосомъ. Всѣ посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Ровно въ два часа.

— Возможно ли! проговорилъ или, лучше сказать, простоналъ хозяинъ.

— Графу дурно! вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Всѣ бросились помогать хозяину, но онъ, собравъ послѣднія силы, всталъ, взялъ дочь за руку и молча поклонившись собранію, пошелъ къ дверямъ; но у самаго порогу упалъ безъ чувствъ.

Суматоха, страхъ, безпокойство. Одинъ генералъ, не трогаясь съ мѣста, улыбался и поглаживалъ усы. Наконецъ графа привели въ чувство и онъ могъ удалиться. Евгенія хотѣла послѣдовать за нимъ, но генералъ остановилъ ее и шепнулъ ей на-ухо:

— Успокойтесь, прелестная графиня: батюшка вашъ не умретъ — я за это ручаюсь.

Потомъ обратившись къ Этьену, онъ спросилъ:

— Поняли ли вы меня? — Я надѣюсь, что графъ не захочетъ болѣе подслушивать за деревянной перегородкой, когда вы придете ко мнѣ съ докладомъ.

—

— Милая дочь, сказалъ графъ на другой день Евгеніи: ты не оставила еще своего намѣренія выйти за Этьена?

— Только смерть одного изъ насъ, можетъ заставить меня отказаться отъ этой мысли....

— Охъ! не говори о смерти, сказалъ графъ вздохнувъ, и позвонилъ. Онъ спросилъ вошедшаго слугу, куда дѣвался маркизъ.

— Онъ исчезъ со вчерашняго вечеру, отвѣчалъ камердинеръ.

— Ну, такъ позовите ко мнѣ молодаго поручика.

Digitized by Google

— Что вы хотите дѣлать, батюшка? Вамъ нуженъ покой; вы дурно спали....

— Я хочу привесть дѣла свои въ порядокъ: а какое дѣло можетъ быть для меня важнѣе твоей будущности, милая моя! Я согласенъ на бракъ твой съ Этьеномъ.... Что почести и всѣ блага земныя для человѣка, который стоитъ на краю могилы!...

— Батюшка, напрасно вы думаете....

— Оставь, дитя мое.... Этьенъ добрый молодой человѣкъ, только жаль, что у него такой безтолковый отецъ! Этотъ старый, безхарактерный маркизъ воображаетъ себя тонкимъ дипломатомъ. Смѣшно и жалко!...

Графъ замолчалъ, увидѣвъ поручика. Онъ приказалъ ему преклонить вмѣстѣ съ Евгеніею колѣни, сложилъ руки ихъ, благословилъ, обнялъ и сдѣлался гораздо спокойнѣе.

Нѣсколько минутъ спустя въ комнату графа вошелъ съ веселымъ видомъ генералъ.

— Не боюсь болѣе смерти! вскричалъ онъ, смѣясь отъ души: вообразите, графъ, денщикъ мой нашелъ за обоями мертвую летучую мышь! Вотъ зачѣмъ приходилъ страшный истребитель.... Вы не повѣрите, какъ я радъ этому случаю.

— Такъ вы думаете?... спросилъ графъ, посмѣшно вставъ.

— Конечно! это не первый примѣръ; точно такъ далася мнѣ однажды истребитель, чтобы предсказать смерть дворовой собаки....

И графъ видимо сталъ поправляться; онъ сдѣлался веселѣе, разговорчивѣе и болѣе другихъ смѣялся надъ суевѣріемъ генерала....

—

Ждали генерала. Онъ поскакалъ со свитой своей въ главную квартиру, къ королю, чтобы доложить ему о счастливомъ спасеніи полковой казны; уѣзжая онъ пожалъ Этьену руку и шепнулъ ему:

— Надѣюсь возвратиться сегодня съ доброй вѣстью: заслуга ваша такъ очевидна, что король долженъ будетъ отдать вамъ справедливость.

Сумерки покрывали уже пространныя снѣговыя поля и

Digitized by Google

замерзшіе пруды, которые видны были изъ оконъ залы. Легкій вѣтерокъ поднималъ на воздухъ прозрачную снѣговую пыль. Къ замку подъѣзжала толпа всадниковъ.

Этьенъ былъ въ залѣ съ Евгеніей; склонивъ голову на грудь его, она шептала ему:

— Надѣйся, Этьенъ, надѣйся! О, какъ сердце твое бьется! Это добрый знакъ.... генералъ возвращается съ радостною вѣстью!

Этьенъ молча, съ грустнымъ выраженіемъ лица, покачалъ головой.....

Офицеры собрались уже въ залѣ; генералъ разговаривалъ съ хозяиномъ.

— Понимаешь ли ты теперь, что сказалъ про меня король? спросилъ Этьенъ кивнувъ графинѣ.

— Но вѣдь генералъ не сказалъ тебѣ еще ни слова.

— Неужели ты думаешь, что онъ сталъ бы медлить, если бъ имѣлъ сказать мнѣ что-нибудь радостное?

Въ это время генералъ подошелъ къ нимъ. Молча пожалъ онъ руку Этьену и отвелъ его въ сторону.

— На одно слово, поручикъ! сказалъ онъ. Вы сами знаете, какъ я люблю васъ... исполните же мою просьбу.

— Приказывайте, ваше превосходительство.

— Выходите въ отставку.

Этьенъ молчалъ.

— Вы независимы, продолжалъ генералъ: богаты, счастливы.... не ищите ни славы, ни почестей: вамъ навсегда дорога закрыта къ нимъ. Божусь вамъ, мнѣ жалко, мнѣ грустно разставаться съ вами, но.... выходите въ отставку!

Этьенъ слегка поклонился и отвѣчалъ твердымъ голосомъ:—Ваше превосходительство, я остаюсь на службѣ.

— Этьенъ, сказалъ генералъ съ чувствомъ: выходите въ отставку.

— Что предстоитъ мнѣ, если я не послѣдую вашему совѣту?

— Вы никогда, никогда не оправдаетесь передъ нимъ!

— Такъ я, по-крайней-мѣрѣ, надѣюсь оправдаться передъ собственною совѣстью и соотечественниками своими. Да, генералъ, хоть бы война эта продолжалась еще тридцать лѣтъ, хоть бы волосы мои посѣдѣли, хоть бы я по гробъ

Digitized by Google

остался поручикомъ, но до окончанія компаніи въ отставку не выйду.

Генералъ смотрѣлъ на него съ выраженіемъ внутренняго удовольствія.

— Что всѣ мои убѣжденія противъ такой рѣшимости? сказалъ онъ пожавъ плечами:—Но ищите себѣ награды въ собственномъ мужествѣ, въ собственномъ геройзмѣ своемъ!.... Фридрихъ молчалъ во все время, какъ я ему докладывалъ о вашихъ дѣйствіяхъ. Я кончилъ и ожидалъ отвѣта или какого-нибудь замѣчанія. «Прощай!» сказалъ король разсѣянно. Воспользовавшись этимъ я рѣшился предложить ему повышеніе ваше—но ошибся. Нахмуривъ брови посмотрѣлъ онъ на меня и спросилъ насмѣшливо: «Ты думаешь?» потомъ понюхалъ табаку, и прибавилъ: «А я не думаю!» и отвернулся.

— Это еще слишкомъ милостиво, сказалъ Этьенъ съ горькой насмѣшкой: я думалъ, что онъ спроситъ, всѣ ли деньги? Не утаилъ ли я чего-нибудь?

— Не судите великаго слишкомъ опрометчиво, другъ мой. Сохраните еще въ душѣ часть того чувства, которое вы нѣкогда питали къ нему. О, если бы вы его теперь увидали! Онъ быстро клонится къ упадку, послѣдніе жизненные соки его изсякли... Онъ сталъ мнительнѣе нежели когда-либо, носитъ ядъ на груди!—Побѣда при Торгау, вѣроятно, послѣдній перлъ въ діадемѣ его славы!... Дай Богъ еще, чтобы эта великая звѣзда нашего столѣтія угасла въ какой-нибудь славной битвѣ!....

— Но я слышалъ, что онъ успѣлъ уже сформировать новую армію? спросилъ Этьенъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Кчему же это поведетъ? возразилъ генералъ. Мы побьемъ еще какого-нибудь Дауна, поразимъ Шведовъ, и хоть бы каждый изъ новобранцевъ нашихъ былъ вмѣстѣ и Геркулесъ и Леонидъ, то невозможно бороться съ страшными силами, которыя шлетъ на насъ Елизавета. Отъ Ледовитаго Моря и отъ Урала, изъ Сибири и съ Китайскихъ границъ летятъ на Пруссію войска, которыя подавятъ ее.... если неожиданное чудо не спасетъ насъ!

—

Digitized by Google

Никогда еще обитатели замка не были такъ молчаливы за ужиномъ. Мокрый снѣгъ, бившій въ стекла, и завываніе вѣтру навело на всѣхъ какую-то тоску. Ранѣе обыкновеннаго поднялся генералъ.... Вдругъ послышался сильный звонъ у наружныхъ дверей.

— Кто это въ такую погоду?

Это былъ фельдъегерь; тяжелые шаги его уже слышались на лѣстницѣ.

— Это должно быть что-нибудь важное, сказалъ генералъ, посмотрѣвъ на часы: потому что фельдъегерь отправленъ изъ лагеря два часа спустя послѣ нашего выѣзда оттуда.

— Ваше превосходительство, сказалъ курьеръ: важная депеша отъ его высочества принца Генриха, который изъ особеннаго благоволенія къ вашему превосходительству, приказалъ мнѣ доставить ее непремѣнно сегодня же.

Графиня посмотрѣла на Этьена; онъ отрицательно покачивалъ головой.

Генералъ разломалъ печать, руки его дрожали, лицо измѣнилось.... Какъ-бы невольно сложилъ онъ руки, измявъ депешу.... на глазахъ выступили слезы радости. Потомъ, обратившись къ присутствовавшимъ, произнесъ онъ торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Пусть каждый изъ насъ, кто Пруссакъ въ душѣ, воздастъ Всевышнему искреннюю, благодарственную молитву.... Фридрихъ спасенъ! Елисавета, императрица россійская, скончалась. Петръ Третій вступилъ на престолъ и предлагаетъ королю нашему свою помощь!.... Да здравствуетъ король нашъ, Фридрихъ, во вѣки! Онъ побѣдилъ самую судьбу!....

Письмо Этьена къ Евгеніи.

Мы стояли передъ Швейдницемъ. Едва показались первые лучи солнца на горизонтѣ, какъ непріятель привѣтствовалъ насъ залпомъ изъ всѣхъ своихъ орудій. Тогда Фридрихъ скомандовалъ на приступъ и черезъ нѣсколько минутъ завязался страшный бой. Съ саблей въ рукахъ преслѣдовали мы Австрійцевъ.... О! Евгенія, ты не можешь понять, какое блаженство ощущали мы, сражаясь передъ глазами Фридриха! Солнце радостно освѣщало поле кровавой бит-

Digitized by Google

вы.... Ты видишь, какъ война дѣлаетъ насъ безчувственными, заставляя говорить о блаженствѣ и радости тамъ, гдѣ текла кровь тысячи людей.

Послушай же, Евгенія, чѣмъ кончился для меня этотъ день. Ты легко повѣришь, что я неисполнялъ долгъ свой. Полкъ нашъ дѣлалъ чудеса храбрости. Быстро взобрались мы на высоты, на которыя были направлены. Австрійскіе кирасиры отступили ... сквозь густой пороховой дымъ замѣтили мы еще небольшой отрядъ непріятельской конницы, прикрывавшій медленное отступленіе какого-то знатнаго генерала.

— Дѣти! вскричалъ командиръ нашъ: кто хочетъ отрѣзать этому отряду дорогу? Охотники, впередъ!

Мы всѣ двинулись впередъ.

— Поручикъ, шепнулъ мнѣ генералъ, указывая саблей на отступавшихъ непріятелей: тамъ вы можете выслужиться въ ротмистры. Самъ Фридрихъ смотритъ на васъ!

Трубы зазвучали; высоко поднялась пыль подъ копытами лошадей нашихъ. Надежда ослѣпила меня.... Я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не разсуждалъ и опомнился тогда только, когда лошадь моя остановилась какъ вкопанная, на краю пропасти. Какъ описать тебѣ то, что я ощущалъ, когда увидѣлъ, что маіоръ Индицъ, поступившій хладнокровнѣе и, слѣдовательно, благоразумнѣе меня, почти настигъ непріятельскій отрядъ....

— Маршъ, маршъ, друзья! закричалъ я, и отчаяніе ли, выразившееся въ этомъ восклицаніи или что другое, придало лошадямъ нашимъ крылья.... мы летѣли и вскорѣ опередили маіора! Непріятель былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, какъ вдругъ.... передъ глазами Фридриха, лошадь моя споткнулась.... я упалъ! Радостные клики возвѣстили мнѣ, что Индицу удалось отрѣзать дорогу непріятелю и взять въ плѣнъ раненнаго генерала!....

Не стану описывать тебѣ боли отъ ранъ, полученныхъ мною при паденіи; она ничто въ сравненіи съ мученіями, терзавшими мою душу.

Никто изъ окружавшихъ Фридриха, не смѣлъ вымолвить слова, когда начальники прискакали съ раппортами. Всѣ ожидали грозы. Меня тутъ не было, но мнѣ послѣ передали слово въ слово весь разговоръ его.

— Честь имѣю доложить вашему высочеству, сказалъ добрый другъ и покровитель мой, генералъ: — что поручика Стефана за опрометчивость слѣдовало бы арестовать....

— Ты думаешь? спросилъ король.

— Точно такъ, ваше высочество: я думаю, что онъ заслужилъ строгій выговоръ.

Digitized by Google

— Ты хочешь, кажется, учить меня, какъ я долженъ поступать?

— Надобно показать примѣръ, ваше высочество; не только за то, что поручикъ поступилъ такъ безразсудно, но....

— Кто изъ насъ не ошибался?

— Но, продолжалъ генералъ: ясно, что поручикъ поступалъ изъ одного честолюбія и притомъ, чтобы только перебить дорогу маіору Ицвину не пожалѣлъ лошадей, пустивъ ихъ во весь опоръ....

— Неужели ты думаешь, что ошибки нельзя исправить?

— Я только хотѣлъ посовѣтовать вашему высочеству....

— Не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ, вспыльчиво закричалъ король и велѣлъ позвать меня.

Не могу описать тебѣ того сладостнаго ощущенія, которое произвели на меня слова короля!

— Я знаю, сказалъ онъ: ты храбрый офицеръ и зато я даю тебѣ орденъ pour le mérite; что ты поторопился, ошибся, это не бѣда! Постарайся только при первомъ случаѣ исправить свою ошибку — это долгъ всякаго благороднаго человѣка!

И собственными руками привѣсилъ онъ мнѣ крестъ; руки его коснулись груди моей.... Что еще разсказывать? О, если бъ ты была со мною! Мы въѣхали въ завоеванный городъ. Звонятъ во всѣ колокола.... Товарищи поздравляютъ меня.... генералъ съ лукавой усмѣшкой ударилъ меня по плечу и велитъ тебѣ кланяться. Не забывай его въ своихъ молитвахъ.... до свиданія!

—

Евгенія нѣсколько разъ поцѣловала эти драгоцѣнныя строки и уже легкая, красноватая полоса показалась на горизонтѣ, когда она уснула..... но душа ея была слишкомъ полна счастіемъ, радостью — она не могла долго спать. Теплые лучи лѣтняго солнца пробивались сквозь бѣлый какъ снѣгъ пологъ кровати. Графиня отдернула занавѣсъ и съ удивленіемъ опять увидѣла возлѣ кровати своей, чудака въ изношенномъ красномъ французскомъ кафтанѣ, маркиза де-Кабаниса.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ разговоръ его съ Этьеномъ былъ прерванъ обѣденнымъ звономъ, старый чудакъ исчезъ и не появлялся въ замкѣ.

— Каково изволили почивать, графиня? спросилъ онъ, положивъ книгу, которую читалъ.— Я удивляюсь, что вы такъ рано проснулись.

Digitized by Google

— А я еще болѣе удивляюсь, что нахожу здѣсь васъ, вмѣсто моей горничной. Потрудитесь сперва позвать ее, потомъ я буду къ услугамъ вашимъ.

— Въ предстоящемъ намъ дѣлѣ присутствіе горничной вашей совсѣмъ не нужно. Будьте какъ дома, милая дочь моя!

— Покорно благодарю за гостепріимство, отвѣчала Евгенія съ улыбкой.

— Нѣзачто! Я пришелъ, чтобы передать вамъ вотъ эти двѣ бумаги. Судья и его актуаріусъ просидѣли у меня цѣлую ночь, писали, подписывали и запечатывали; я люблю, чтобы у меня все шло живо, живо! Такъ какъ я посыпалъ золотымъ пескомъ, то перья летѣли! Вотъ, милая Евгенія, примите эти документы.....

— Что это?

— Я дарю вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе весь этотъ замокъ со всѣми его принадлежностями!

— Этотъ замокъ? Помилуйте, маркизъ: вѣдь онъ принадлежитъ отцу моему?

— Принадлежалъ! До полуночи. Вчера вечеромъ я его купилъ, въ полночь была заключена и подписана купчая, слѣдовательно, вы можете спокойно оставаться въ постели: вы у себя дома.

Евгенія съ изумленіемъ смотрѣла то на маркиза, то на бумаги, съ огромными печатями.

— А-га! продолжалъ онъ: посмотримъ, скажетъ ли еще батюшка вашъ, что отдаетъ дочь свою за нищаго. Давайте мнѣ еще три, четыре, пять такихъ замковъ, какъ этотъ, и я сейчасъ же заплачу вамъ за нихъ наличными деньгами!

— Вы великодушный отецъ, сказала Евгенія, и подала ему руку.

— Это еще не все! Пусть меня только удовлетворятъ, я съ такимъ блескомъ явлюсь въ Берлинѣ, что обо мнѣ заговорятъ и во дворцахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ! Тогда я не побоюсь Фридриха, пусть онъ опять подыметъ на меня палку....

— Боже мой, что случилось?

— Что случилось!... Онъ не хотѣлъ дать мнѣ удовлетворенія и когда я настаивалъ, онъ даже замахнулся на меня

Digitized by Google

своею тростью! Я вызывалъ его на дуель, а онъ отвѣчалъ, что если я хочу встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, то могу вступить на службу къ Австрійцамъ. Отвѣтъ не дуренъ, но мнѣ оттого не легче! И я былъ на службѣ у Австрійцевъ, я былъ даже въ Крыму, у хана. Спросите-ка, зачѣмъ ханъ не прислалъ войска свои на помощь къ прусскому королю? Зачѣмъ не пришли Турки, которыхъ онъ звалъ? О, хоть бы онъ позвалъ къ себѣ на помощь самого китайскаго императора, такъ я отправился бы и къ нему! Я старикъ, но въ позорѣ моемъ я нашелъ жизненный эликсиръ, давшій мнѣ новыя силы!

— Но что сдѣлалъ вамъ король прусскій?

— Не хотѣлъ дать удовлетворенія!

— Но за что?

— За то, что отецъ его оскорбилъ, опозорилъ меня, травилъ жизнь мою, заставилъ меня сдѣлаться жестокимъ, безчеловѣчнымъ!.... Я вызывалъ старика, но онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я заказалъ себѣ сперва по-выше калуки, чтобы достать до него!

— Въ чемъ же состояло это оскорбленіе?

— Неужели долженъ я пересказать вамъ слово въ слово какъ онъ.... Нѣтъ, ни за что въ мірѣ!

— Я желала только знать причину.

— Причина та, что я сдѣлался католикомъ! продолжалъ маркизъ, съ особеннымъ жаромъ. Я принялъ католическую вѣру, потому что *долженъ* былъ принять ее. Только съ этимъ условіемъ мнѣ были возвращены всѣ мои имущества, находившіяся на югѣ. Бѣднякомъ-протестантомъ уѣхалъ изъ Берлина и возвратился туда маркизомъ, богачомъ, католикомъ. Я представился королю, чтобы поблагодарить его за милости, оказанныя отцу моему. Но онъ забылся и прикрикнулъ на меня какъ на измѣнника, отступника. Чувствуя свое достоинство, я отвѣчалъ ему тѣмъ же тонѣ. Короля мучила въ то время подагра, и онъ наскочилъ на меня, поднялъ руку.... и не знаю какимъ образомъ я полетѣлъ съ лѣстницы! Я былъ обезчещенъ, опозоренъ, лишенъ дворянства!

— Я могу представить себѣ, любезный маркизъ, сказала Евгенія: какъ это-пріятно; но вы напрасно обращаете

Digitized by Google

такъ много вниманія на вспышку стараго, угрюмаго короля. Притомъ же съ тѣхъ поръ прошло столько времени.

— А знаете ли, когда это было? За нѣсколько дней до рожденія Этьена.

— Кажется, въ это время маленькая непріятность должна была бы изгладиться изъ вашей памяти.

— Маленькая! вскричалъ маркизъ и слезы навернулись на глазахъ его, между-тѣмъ какъ онъ продолжалъ болѣе и болѣе растроганнымъ голосомъ: можно ли назвать маленькимъ несчастіе, уничтожившее всѣ надежды, все благополучіе мое! Изъзнатнаго, богатаго, всѣми уважаемаго человѣка, я сдѣлался изгнанникомъ, бѣглецомъ, изъ счастливаго мужа вдовцомъ....

— Боже мой, неужели горесть убила жену вашу? О, это не можетъ быть....

— Слушайте, слушайте.... продолжалъ маркизъ; рыданія заглушали голосъ его;—Я пришелъ домой. Она стояла передо мной во всей красотѣ, юности, материнской непорочности, женскаго смиренія.—«Что съ тобою?» спросила она, бросивъ безпокойный взглядъ на мое разорванное платье, на растрепанные волосы, на мое блѣдное лицо, на блуждающій, дикій взоръ.... О, она была чиста, непорочна, и должна была остаться такою. — Я, отвѣчалъ ей: вы отдали руку вашу благородному дворянину.... Я теперь болѣе не дворянинъ: я лишенъ чести, шпага моя сломана, шляпа моя затоптана въ грязи.... бракъ нашъ не дѣйствителенъ....

— Безумный человѣкъ! вскричала Евгенія съ ужасомъ: —Вы могли это сдѣлать!

— Графиня, честь всякаго дворянина неприкосновенная святыня, отвѣчалъ маркизъ съ величіемъ, которое поразило графиню изумленіемъ.

— Что же вы сдѣлали? спросила она послѣ минутнаго молчанія, во время котораго маркизъ рыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Я развелся съ ней, отвѣчалъ маркизъ, утеревъ слезы.

— Несчастная!

— Точно, она не была счастлива. Моя ли это вина? отдалъ ее за добраго, честнаго человѣка. Онъ былъ дворянинъ, слѣдовательно, могъ быть прибитъ, не л

Digitized by Google

шаясь чести. Этьенъ родился за нѣсколько дней до вторичной свадьбы матери его.... могъ ли я знать, что ни онъ, ни она не будутъ счастливы?...

— О, маркизъ! вскричала Евгенія съ невольнымъ чувствомъ ужасу: вы поступили безчеловѣчно! Вы убили жену свою, наполнивъ жизнь ея страданіями; вы разстроили всю будущность вашего сына! О, это безчеловѣчно!

Маркизъ былъ такъ пораженъ словами ея, что нѣсколько минутъ не могъ вымолвить ни одного слова. Потомъ онъ схватилъ руку Евгеніи и вскричалъ:

— Зачѣмъ же никто не остановилъ, не предостерегъ меня! .. О, вы правы, я убійца.... жены.... сына.... я самоубійца!...

И изнеможенный, онъ опустился въ кресла. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Да, сказалъ наконецъ старикъ болѣе спокойнымъ голосомъ: теперь я вполнѣ постигаю, что не одно дворянство дастъ человѣку честь и благородство.... Умѣть сбрасывать съ себя обиды подобно лебедю, счищающему грязь съ бѣлоснѣжныхъ крыльевъ своихъ, есть также достоинство; не тотъ дворянинъ у кого орденъ на груди, а тотъ, у кого онъ въ сердцѣ....

— Ахъ, знаете ли, вскричала Евгенія, желая дать другое направленіе мыслямъ маркиза: знаете ли, что Этьенъ получилъ отъ короля крестъ Pour le mérite?

— Этьенъ!... Крестъ.... Pour le mérite.... отъ короля.... отъ Фридриха Великаго! вскричалъ маркизъ, вскочивъ съ кресель.

— Я вчера получила о томъ извѣстіе отъ самого Этьена. Король былъ очень милостивъ къ нему.

Маркизъ прохаживался большими шагами по комнатѣ, разстегнувъ кафтанъ свой.

— Фридрихъ настоящій король! онъ великій, онъ единственный король!—говорилъ старикъ. Боже мой! Да какъ же это онъ далъ орденъ Этьену?... О, не разсказывайте. Я все понимаю. Одного взгляда генія достаточно, чтобы понять человѣка достойнаго. Онъ знаетъ, что такое честь. Теперь все поправится. Извините! Мнѣ душно въ комнатѣ! Король отдалъ наконецъ справедливость моему Этьену; да еще какой король—Фридрихъ! Это, просто, чудо. Или,

Digitized by Google

лучше сказать, тутъ никакого нѣтъ чуда. Не имѣете ли вы какихъ порученій къ Этьену? Скорѣй, скорѣй, вставайте же скорѣе!—Онъ позвонилъ.—Пишите, если хотите, только скорѣе, потому что черезъ четверть часа я ѣду въ Силезію. Посмотрю, присталъ ли крестъ единственному сыну моему, маркизу Этьену де-Кабанису!

—

Великій документъ славы Фридриха, начатый словомъ *Мольвицъ*, былъ наконецъ заключенъ словомъ *Губертсбургъ*! Наступилъ миръ послѣ семи лѣтъ опустошительной, кровавой войны.

Войска Фридриха возвращались въ Берлинъ.... Стеченіе народа у заставъ было многочисленное; мартовское солнце освѣщало движущіяся массы, экипажи, лошадей, загорѣлыя лица побѣдителей.

Нѣсколько всторонѣ отъ дороги остановилась коляска. Дѣвушка, стоявшая въ ней, съ безпокойнымъ вниманіемъ слѣдила за медленно проходившими солдатами. Старикъ, углубившись въ уголъ коляски, съ недовольнымъ видомъ смотрѣлъ на оборванныхъ мальчишекъ, взлѣзавшихъ на запятки, даже на козлы, несмотря на толчки лакея и кучера и со всѣхъ сторонъ окружавшихъ карету.

— Евгенія, ради Бога, не высовывайся изъ коляски, шепталъ старикъ:—всѣ на тебя смотрятъ!

— Всѣ такъ заняты собственными ожиданіями и радостями, что никто не обращаетъ на насъ вниманія, отвѣчала графиня.

— Мы слишкомъ удалены отъ дороги; онъ, во всякомъ случаѣ, не узнаетъ тебя.

— О, я увѣрена, что онъ узнаетъ меня.

Графъ покачалъ головой. Громко зазвучали трубы, шапки и шляпы полетѣли вверхъ, восторгъ былъ невыразимый, крики мальчишекъ оглушали графа и онъ мысленно проклиналъ необузданную, грубую радость черни, когда Евгенія растворила дверцы и минуту спустя лежала на груди статнаго, загорѣлаго и запыленнаго гусара.

— Я говорила вамъ, что онъ узнаетъ меня! твердилъ взоръ Евгеніи, полный блаженства и обращенный къ отцу, который пришелъ еще въ большее отчаяніе, увидѣвъ какъ эта сцена свиданія заняла мальчишекъ, которые

Digitized by Google

тутъ же принялись представлять ее. Одинъ занялъ роль поручика, другой лошади его, третій графини и громко смѣявшаяся толпа безпрестанно требовала повторенія этой сцены. Евгенія улыбнулась, раздѣлила между мальчишками всѣ деньги, которыя были у ней въ кошелькѣ и обрадовала отца, сказавъ ему, что она пойдетъ пѣшкомъ съ Этьеномъ, который отдалъ лошадь свою слугѣ. Нѣсколько минутъ раздавались еще въ воздухѣ восклицанія мальчишекъ: «да здравствуетъ статный поручикъ! да здравствуетъ красавица графиня!»

Вскорѣ Евгенія вышла съ женихомъ своимъ изъ толпы.

— Что съ тобой, Этьенъ? спросила графиня, почувствовавъ пожатіе руки жениха своего, который невольно остановился.—На кого ты такъ пристально смотришь?

Мимо ихъ проходилъ старикъ, котораго велъ подъ-руку слуга. Онъ былъ одѣтъ скромно, но чисто и опрятно. Старикъ часто останавливался, какъ-бы для того, чтобы погрѣться на весеннемъ солнышкѣ; видно было, что зрѣлище проходившихъ солдатъ радовало его.

— Давно уже, сказалъ онъ проводнику своему голосомъ, дрожащимъ отъ дряхлости: давно уже солнышко не было такъ ясно и такъ тепло. Жаль, что оно не свѣтитъ, не грѣетъ въ могилѣ.... тамъ такъ мрачно и холодно.

Онъ пошелъ далѣе.

— Это *онъ*, сказалъ Этьенъ шопотомъ.

— О, я узнала его! отвѣчала Евгенія. Этьенъ, не правда ли, мы завтра же постараемся облегчить участь бѣднаго старика?...

Этьенъ молча пожалъ руку ея.

— Завтра же, продолжала она: а нето будетъ поздно!... Этьенъ молча пожалъ ея руку.

— Теперь, Этьенъ, продолжала она: пойдемъ туда, гдѣ покоится прахъ доброй твоей матери. Я сорву листокъ съ плакучей ивы, осѣняющей могилу ея и буду хранить его какъ святыню. Пойдемъ, Этьенъ, она благословитъ насъ свыше, и это, вѣрно, принесетъ намъ счастіе....

Заходящее солнце бросало послѣдніе лучи свои на счастливую чету; вечерній вѣтерокъ начиналъ уже шумѣть въ древесныхъ листьяхъ. Долго и молча сидѣли молодые лю-

Digitized by Google

ди на бѣлой мраморной плитѣ, покрывавшей могилу добродѣтельной женщины....

Когда они возвращались въ городъ, то имъ опять попалась толпа мальчишекъ. Опять раздались восклицанія: «да здравствуетъ статный поручикъ и красавица графиня!» Крики эти оглушали Евгенію, а потому она просила Этьена, чтобы онъ заставилъ мальчишекъ замолчать.

— Ты не знаешь берлинскихъ мальчишекъ, возразилъ онъ улыбаясь. Угрозы только увеличатъ зло. Самъ Фридрихъ признаетъ ихъ могущество.

Несмотря на то, что послѣднія слова были сказаны по-италіянски, мальчишки прочли на лицѣ графини неудовольствіе.

— Эй, вы! закричалъ одинъ изъ буйной толпы: слышите ли, графиня не знаетъ по-нашему; она башкирская принцесса и поручикъ похитилъ ее! Кричите громче, авось она что-нибудь пойметъ!... И мальчишки принялись кричать еще съ большимъ ожесточеніемъ.

— Ты видишь, другъ мой, сказалъ Этьенъ улыбаясь.

— О, я уже однажды пострадала, и, кажется, на этомъ самомъ мѣстѣ, отъ вашихъ уличныхъ мальчишекъ, возразила Евгенія: но это было очень давно. При начатіи первой силезской войны, отецъ мой, бывшій посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, долженъ былъ возвратиться въ Дрезденъ. Около этой самой заставы насъ стала преслѣдовать толпа уличныхъ мальчишекъ. Кучеръ, камердинеры и самъ папенька тщетно приказывали имъ оставить насъ въ покоѣ. Особенно помню я одного предерзкаго мальчишку, который прицѣпилъ санки свои къ нашему экипажу и ни за что не отпускалъ, хотя кучеръ больно стегнулъ его по лицу кнутомъ. Я помню, какъ мнѣ стало жаль бѣднаго мальчика, я заступилась за него, но онъ отвѣчалъ мнѣ что-то очень грубо....

— Боже мой! вскричалъ Этьенъ съ изумленіемъ: да развѣ ты не читала записокъ моихъ?

— Странное наказаніе бѣднаго Готлиба произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я не могла читать дальше.

— О, Евгенія, слѣдовательно мы старые знакомые. Посмотри на этотъ значокъ на щекѣ моей: это слѣды отъ удара, нанесеннаго мнѣ кучеромъ!

Digitized by Google

— Возможно ли! вскричала Евгенія, сжавъ руку жениха своего.

Сдѣлалось темно, и при свѣтѣ фонарей Этьенъ показалъ графинѣ мѣсто, гдѣ онъ чаще всего игралъ въ шарики. Евгенія просила его, чтобы онъ показалъ ей домъ, гдѣ протекло дѣтство его.

— Въ другой разъ, въ другой разъ, Евгенія! отвѣчалъ поручикъ съ невольно грустнымъ чувствомъ. Они прошли далѣе.

— Видишь ли ты на сѣромъ домѣ свѣтъ? Въ этомъ домѣ жилъ Шлипаліусъ, а свѣтъ происходитъ....

— Отъ лампы Фрау Курцинны! прервала графиня съ живостію. Жива ли она?

— Я думаю, отвѣчалъ поручикъ, потому что подошедъ по-ближе къ лавкѣ, они услышали громкій хриплый женскій голосъ. Евгенія взглянула въ окно и увидѣла старуху, еще бодрую, которая разсказывала сосѣдямъ и прохожимъ, окружившимъ двери лавки о чемъ-то, съ большимъ жаромъ. Она бранила казаковъ, которые хотѣли не платя, ѣсть кислую капусту.ея, бранила адвоката и всѣхъ прежнихъ мужей своихъ; бранила молодыхъ людей, стариковъ, погоду, войну, миръ, магистратъ, Французовъ, прусскихъ генераловъ и самого короля; а мальчишки, которыхъ она безпрестанно отгоняла, по-прежнему распѣвали:

Фрау Курцина, фрау Курцина,
Гадкая ты образина!

Было поздно, когда молодые люди воротились домой. Графъ, обезпокоенный продолжительнымъ отсутствіемъ дочери и маркизъ де-Кабанисъ, встрѣтили ихъ на крыльцѣ.

—

Внезапная смерть стараго инспектора Бома заставила отложить свадьбу молодыхъ людей на нѣсколько недѣль. Между-тѣмъ Фридрихъ очень ласково принималъ графа Мерони и наконецъ изъявилъ желаніе видѣть при дворѣ дочь графа и будущаго зятя его. Маркизъ былъ крайне обрадованъ честію, которую король оказалъ его сыну.

За день до свадьбы, графъ съ Евгеніей и Этьеномъ явился во дворецъ.

Digitized by Google

Король стоялъ у небольшаго мраморнаго столика окруженный величественными полководцами во всевозможныхъ мундирахъ, важными дипломатами и дамами, разряженными со всѣмъ великолѣпіемъ тогдашней моды. Вездѣ видно было шитье, ордена, брилліанты, золото—и посереди всего этого блеску стоялъ Фридрихъ, небрежно одѣтый, съ желтымъ лицомъ, изпещреннымъ морщинами, но съ блескомъ генія въ глазахъ, съ блескомъ, передъ которымъ тускнѣли брилліанты и блѣднѣли самыя яркія краски. Передъ королемъ стояла дама, высокаго росту, въ великолѣпномъ нарядѣ, и о чемъ-то очень живо разговаривала съ монархомъ. Возлѣ нея стоялъ баронъ фонъ-Курцъ, въ почтительномъ разстояніи.

Евгенія ощущала какую-то невѣдомую робость. Колѣни ея подгибались; она машинально подвигалась впередъ. Каково жъ было изумленіе ея, когда дама, разговаривавшая съ Фридрихомъ, оглянулась, ласково кивнула ей и сдѣлала знакъ, чтобы она подошла....

— Это супруга гофмаршала фонъ-Курца, саксонскаго чрезвычайнаго посланника при берлинскомъ дворѣ! произнесъ кто-то тихимъ голосомъ за графиней.

Евгенія не слышала, что̀ говорилъ ей король; онъ сказалъ ей нѣсколько словъ, удивившихъ всѣхъ придворныхъ, не привыкшихъ къ любезностямъ Фридриха. Она пришла въ себя только тогда, когда король обратился къ Этьену.

— Что̀? спросилъ онъ его: тебѣ всё-еще хочется воевать?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Этьенъ: тотъ васъ худо понимаетъ, кто не знаетъ, что вы сами въ душѣ желаете мира.

— Ты на дѣлѣ доказалъ неустрашимость свою, но всё-таки не годишься для военной службы; ты слишкомъ горячъ; все мѣтишь въ фельдмаршалы и забываешь, что не всякому удается быть и генераломъ.

Этьенъ молчалъ; король хотѣлъ уже удалиться, но остановился, и опять обратившись къ поручику, сказалъ ему шопотомъ:

— Я еще въ долгу у тебя. Понимаешь? Проси себѣ какой-нибудь награды. Проси!

— Ваше высочество, проговорилъ Этьенъ, едва слыш-

Digitized by Google

нымъ отъ внутренняго счастія голосомъ: послѣдними словами я вознагражденъ за все....

— Такъ я жалую тебя въ каммергеры. Понимаешь? Я ѣду сейчасъ въ оперу. Ты будешь тамъ съ своей невѣстой? Она прелестна. Поздравляю тебя.

И быстро отвернувшись, Фридрихъ удалился.

Кто могъ быть счастливѣе Этьена? Графъ и баронъ фонъ-Курцъ пожимали ему руку, поздравляли его; супруга гофмаршала, Амалія, обнимала графиню и обращаясь къ дамамъ, окружавшимъ ее, говорила:

— Рекомендую вамъ, mesdames, милую кузину мою, о которой я вамъ говорила. Сдѣлайте одолженіе не сердитесь на нея за то, что она похищаетъ у васъ одного изъ любезнѣйшихъ кавалеровъ. Вы не можете вообразить себѣ, mesdames, какъ мы дружны.... О, обними меня еще разъ, ma chère petite cousine!

Выходя изъ дворца, Евгенія невольно вздрогнула, когда какой-то придворный лакей бросился на шею къ отцу ея, потомъ къ ней, потомъ къ Этьену и какъ помѣшанный отъ радости, кидался, во всѣ стороны.

— Я все слышалъ, все видѣлъ! вскричалъ маркизъ де-Кабанисъ — это былъ онъ! — Фридрихъ поступилъ какъ праведный судья, какъ король! На это только Фридрихъ способенъ, одинъ Фридрихъ! Сынъ мой, каммергеръ... Теперь моя очередь. Ступайте, ступайте! послѣ оперы мы увидимся. Ступайте скорѣй, Фридрихъ идетъ!

—

Едва началась опера, какъ дверцы ложи графа Мерони безпрестанно отворялись. Посланные отъ маркиза являлись одинъ за другимъ, съ порученіями отъ стараго чудака. Онъ просилъ, чтобы Этьенъ и Евгенія не засиживались въ театрѣ, и по-скорѣе возвратились домой. Привыкнувъ къ странностямъ маркиза, они не обратили на это вниманія, и просидѣли до окончанія спектакля; но чрезвычайно удивились, когда подъѣзжая къ дому своему увидѣли, что онъ весь былъ иллюминованъ. По обѣимъ сторонамъ каждой ступени стояли плошки, внутри люстры, кенкеты, лампы, подсвѣчники были развѣшаны и разставлены. Корридоры были убраны цвѣтами, апельсинны-

Digitized by Google

ми и другими душистыми деревьями. Слуги были въ парадныхъ ливреяхъ и самъ маркизъ въ новомъ ярко-пунцовомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ, съ треугольной шляпой на головѣ, сидѣлъ на креслахъ, поставленныхъ на нѣкоторомъ возвышеніи, какъ-бы для того, чтобы придать имъ видъ трона. Передъ нимъ на столѣ лежала шпага. Онъ хотѣлъ торжественно принять вышедшихъ, но не выдержалъ, соскочилъ съ кресель, обнималъ всѣхъ, плакалъ, рыдалъ, снималъ со свѣчей, усаживалъ всѣхъ по мѣстамъ и, наконецъ, ударивъ по шпагѣ, воскликнулъ:

— Теперь я смѣло могу носить ее! Старый долгъ уплаченъ, честь моя возстановлена. Этьенъ, милый сынъ мой, если ты когда-нибудь поколеблешься, чтобы отдать жизнь за этого великаго короля и за весь домъ его, то проклятіе мое и всѣхъ предковъ твоихъ, до Гуго Капета, падетъ на тебя! Тутъ справедливость, милость, истина, lux in aeternum!... Я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, онъ только-что хотѣлъ садиться въ карету:

— Ваше высочество! закричалъ я ему: требую справедливости!

— Кто ты?... Ты не лакей! вскричалъ король: орлиный взглядъ его узналъ подъ ливреей, дворянина.

— Non, sire, je suis un outragé, возразилъ я.

— Мнѣ надо ѣхать въ оперу....

— Дайте мнѣ сатисфакцію!

— Какую тебѣ сатисфакцію? И Фридрихъ засмѣялся.

— Ваше высочество, я отецъ поручика и каммергера Этьена де-Кабаниса.... Я тотъ несчастный, на котораго опустилась рука отца вашего. Рука эта теперь окаменѣла: она не можетъ возвратить мнѣ чести моей. Эта же рука, ваше высочество! вскричалъ я, схвативъ руку короля: это рука побѣдоноснаго героя и отъ нея требую я удовлетворенія!... Фридрихъ нахмурился, пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Ты, кажется, перемѣнилъ вѣру?

— Точно такъ, ваше высочество: но развѣ католикъ не вправѣ требовать отъ васъ удовлетворенія?

— Хорошо, хорошо, послѣ оперы, завтра, послѣ завтра, когда-нибудь....

Digitized by Google

— Ваше высочество, италіянская опера и плясуны не убѣгутъ отъ васъ, потому что вы надѣли на нихъ золотыя кандалы.... Не бѣда, если васъ и подождутъ минутъ пять, между-тѣмъ какъ я ждать не могу: я старъ и могу умереть черезъ пять минутъ....

— Правда, правда, сказалъ король призадумавшись: что же тебѣ нужно? Ты обиженъ,—не такъ ли?—отцомъ моимъ, и я долженъ отвѣчать за него. Чего же ты требуешь?

— Государь, вскричалъ я: я требую, чтобы вы возвратили мнѣ честь, какъ возвратили ее сыну моему.

— Не хочешь ли ты, чтобы я и тебя сдѣладъ каммергеромъ?

— Я каммергеръ двора его высочества короля Сардинскаго.

— Не требуешь ли ты денегъ?

— Я богатъ.

— Денегъ бы ты и не получилъ отъ меня, замѣтилъ король засмѣявшись. Какое жъ тебѣ дать удовлетвореніе?

Я задрожалъ и бросилъ взглядъ на шпагу Фридриха.

— А-га! сказалъ онъ: въ тебѣ, я вижу, течетъ дворянская кровь. Обнажай шпагу, защищайся!

— Государь, вскричалъ я внѣ себя и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ невыразимой радости, государь! Я не ношу шпаги съ-тѣхъ-поръ, какъ....

— Всё-равно! отвѣчалъ Фридрихъ, обнаживъ шпагу, сталъ во вторую позицію, коснулся до меня остріемъ и спросилъ:—Удовлетворенъ ли ты теперь?

— Государь, я не смѣлъ ожидать такого счастія! закричалъ я, бросился ему въ ноги, цѣловалъ сапоги его и выплакалъ бы на нихъ послѣднія слезы свои, если бъ онъ не отдернулъ ноги..... не вставая прислушивался я къ удалявшимся шагамъ короля.... Друзья мои, друзья мои! Понимаете ли вы мое счастіе? Со мной дрался Фридрихъ, Фридрихъ великій, Фридрихъ единственный!...

Этьенъ долженъ былъ надѣть отцу своему шпагу и торжественное волненіе старика какъ-бы невольно сообщилось всѣмъ присутствовавшимъ. Растроганнымъ голосомъ благословилъ старикъ дѣтей своихъ.....

На другой день была свадьба.

Digitized by Google

Радость была общая и она еще болѣе увеличилась, когда вдругъ передъ самымъ обѣдомъ совершенно неожиданно явился Фридрихъ. Онъ поздравилъ молодыхъ и назвалъ Этьена однимъ изъ храбрѣйшихъ своихъ офицеровъ. Посѣщеніе короля было непродолжительно; онъ зашелъ мимоѣздомъ, отправляясь въ Потсдамъ, но маркизъ сталъ съ-тѣхъ-поръ утверждать, что весь домъ дрожитъ отъ радости, почему впослѣдствіи и велѣлъ срыть его и на этомъ самомъ мѣстѣ выстроилъ огромное, великолѣпное зданіе.

Еще надобно замѣтить, что въ самый день свадьбы, рано утромъ, явился на кухню плѣшивый, худощавый старикъ, Италіянецъ, который настоятельно требовалъ, чтобы ему позволили приготовить бывшему ученику своему полленту....

П. ФУРМАННЪ.

=

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на дѣла

ИРЛАНДІИ.

Въ нынѣшнее время вниманіе всей Европы возбуждено въ высочайшей степени страннымъ зрѣлищемъ, которое представляютъ Ирландія и Англія, готовыя дойти до величайшихъ крайностей въ ссорѣ, которая многимъ на твердой землѣ кажется настоящею загадкою. Чтобы вполнѣ постигнуть сущность этой распри, надобно знать подробности историческаго хода соединенія этихъ двухъ странъ, то, какимъ образомъ Англія завоевала Ирландію, духъ законодательства покоренной страны, измѣненія, которыя произведены въ немъ впослѣдствіи. Тѣ, которые толкуютъ о послѣднихъ событіяхъ въ Ирландіи, судятъ о нихъ бо́льшею частію ложно, потому что не потрудились познакомиться съ событіями прежнихъ временъ, изслѣдовать источникъ борьбы, въ которой, по-видимому, принимаютъ столь живое участіе. Впрочемъ, участіе къ судьбѣ Ирландіи происходитъ бо́льшею частію не отъ искренняго состраданія къ соотечественникамъ О'Коннеля, а отъ болѣе или менѣе скрытной ненависти къ Англіи. Тѣ, которые всего больше толкуютъ объ ирландскихъ дѣлахъ, очень бы затруднились, если бы ихъ спросили въ чемъ состоятъ эти страданія и до какой степени справедливы жалобы и требованія Ирландцевъ. Общее мнѣніе на твердой землѣ вообще не располо-

Digitized by Google

жено въ пользу Англіи. Крайнія партіи, ни въ чемъ несогласныя между собою, дружно ненавидятъ Англію. Умѣренныя партіи любятъ ее—по теоріи, но на практикѣ совсѣмъ не расположены къ ней. Одни только люди, которые въ состояніи возвыситься надъ страстями толпы, питаютъ къ англійской націи уваженіе, котораго вполнѣ заслуживаетъ одинъ изъ величайшихъ народовъ въ мірѣ, нація, которая весьма сильно содѣйствовала матеріальному и нравственному развитію человѣчества. Массы почти вездѣ расположены къ ней враждебно, по соперничеству въ промышлености и торговлѣ. Политическія партіи во Франціи, въ Германіи, въ Италіи и другихъ странахъ, враги постепеннаго и умѣреннаго развитія человѣчества, также почитаютъ Англію своею самой страшной противницей. Для первыхъ она горнило, гдѣ вырабатываются революціи; другіе, съ большею основательностію, считаютъ англійскую аристократію основнымъ камнемъ общественнаго европейскаго зданія и самою важною препоною въ достиженіи своихъ демократическихъ цѣлей. Не мудрено, что при такомъ положеніи вещей, особенно когда къ этому примѣшается незнаніе исторіи, почти всѣ плохо понимаютъ причины борьбы между Ирландіею и Англіею и публицисты толкуютъ о ней вкривь и вкось.

Мы намѣрены бросить бѣглый взглядъ на исторію взаимныхъ сношеній британскихъ острововъ и, можетъ-быть, эту статью съ удовольствіемъ прочтутъ въ такое время, когда всѣ публицисты разсуждаютъ о процессѣ О'Коннеля и газеты наполнены описаніемъ малѣйшихъ его подробностей.

Списокъ бѣдствій Ирландіи очень длиненъ. Осемь столѣтій эта несчастная страна терпѣла всѣ роды угнетеній. Прежде всего является въ этомъ спискѣ завоеваніе Ирландіи варварами, и угнетеніе кельтическаго племени племенемъ англо-норманскимъ. Завоеваніе совершено было довольно страннымъ образомъ: островъ бѣдный, почти дикій, лежащій подлѣ Англіи, не обращалъ на себя вниманія ея правительства; но и онъ годился для тогдашнихъ Нормандцевъ для того, чтобы имѣть удовольствіе покомандовать тамъ. Они предприняли на свой собственный счетъ по-

Digitized by Google

сколько экспедицій къ ту страну, завоевали часть острова, построили тамъ укрѣпленные замки и образовали, подъ покровительствомъ Англіи, родъ феодальной колоніи. Вскорѣ въ этой части острова начали строиться города и основалось особенное правительство, имѣвшее свои права и преимущества. Завоеватели были Англичане, но составляли нѣкоторымъ образомъ отдѣльный народъ, повиновавшійся тому же государю и этотъ народъ всё болѣе и болѣе распространялъ свои завоеванія и покорялъ себѣ туземцевъ. Исторія этого времени представляетъ безпрерывный рядъ войнъ и возмущеній, которыя часто возобновляли всѣ бѣдствія первоначальнаго завоеванія. Ирландія среднихъ вѣковъ, всегда побѣждаемая, никогда не была вполнѣ порабощена. Могущественные норманскіе бароны, которые распространили свое владычество по всей Англіи и уничтожили даже тѣнь саксонской національности, ни какъ не могли утвердить своего господства на томъ же основаніи по ту сторону канала Святаго Георгія. Обширныя болота Ирландіи и дремучіе лѣса, покрывающіе западную часть ея, особенно Коннахтъ, нѣсколько вѣковъ представляли надежное убѣжище непокорнымъ Цельтамъ и дали имъ возможность, цѣною бѣдности и всѣхъ возможныхъ лишеній, сохранить свою дикую независимость.

Съ царствованія Генриха Втораго и до Елисаветы, исторія Ирландіи не что иное какъ цѣпь возмущеній, то погашаемыхъ, то снова вспыхивающихъ. Во все это время, Англичане, можно сказать, не селились, а стояли лагеремъ въ Ирландіи. Владычество ихъ никогда не простиралось далѣе Линстера, провинціи, самой близкой къ Англіи. Далѣе этихъ предѣловъ они только производили набѣги, изъ мщенія или для добычи. Три четверти Ирландіи провели эти четыре вѣка въ безпрерывной войнѣ; туземцы нато терпѣли пораженія, но покорены никогда не были. Въ той-то безпрерывной борьбѣ образовался энергическій, мощный характеръ Ирландцевъ. Привычкамъ, пріобрѣтеннымъ въ непрестанныхъ битвахъ обязаны они дивной стойкостію, по которой, уже и лишившись возможности матеріальнаго сопротивленія, они умѣли сохранить неприко-

Digitized by Google

сновенными, даже до нашего времени, свои національные нравы, вѣру, физіономію.

Многіе публицисты восхищаются усиліями Ирландцевъ сохранить свою независимость, но надобно признаться, что для этого народа было бы гораздо лучше, если бъ Англичане совершенно покорили его еще во времена Генриха Втораго. Утвердивъ свое владычество надъ коренными жителями, норманскіе бароны не считали бы уже себя предводителями войска, расположеннаго въ землѣ завоеванной; они современемъ полюбили бы свое новое отечество и одарили бы его мудрыми законами, которые, еще въ средніе вѣки, упрочили благосостояніе Англіи. Четырехъ вѣковъ было бы слишкомъ достаточно длятого, чтобы племя завоевателей слилось съ племенемъ покоренныхъ, такъ что когда во время реформаціи, вспыхнула религіозная война, къ ней не примѣшивалась бы національная ненависть.

Начиная съ царствованія Елисаветы, къ гоненію политическому присоединилось гоненіе религіозное. Ирландцы, изъ ненависти къ завоевателямъ, не хотѣли принять протестантской вѣры Англичанъ, хотя тѣ употребляли и угрозы и обольщенія, чтобы заставить ихъ отказаться отъ католицизма. При Елисаветѣ они боролись явно, открытой силою; но были побѣждены и при Іаковѣ Первомъ, при Карлѣ Первомъ оказывали сопротивленіе скрытное и страдали отъ надменнаго владычества послѣдней изъ Тудоровъ столько же, какъ и отъ жестокостей Стуартовъ.

Когда началась парламентская революція, Ирландцы подумали, что это самое удобное время длятого, чтобы отмстить Англичанамъ, которыхъ они въ то время считали не только притѣснителями, но гнусными еретиками. Они поднялись всѣ до одного, чтобы истребить своихъ завоевателей и произвели ужаснѣйшія убійства. За страшнымъ мятежемъ 1641 года послѣдовали войны еще болѣе ужасныя и месть кровавая. Дикая жестокость республиканскихъ генераловъ, судебныя злодѣйства Кромвелля, если не оправдывали, то по-крайней-мѣрѣ заставляли забывать преступленія, совершенныя инсургентами.

Digitized by Google

При возстановленіи дома Стуартовъ, Ирландія страдала и волновалась, но не прибѣгала къ насиліямъ. Она питала тайную, какъ-бы инстинктивную, привязанность къ Стуартамъ, хотя Карлъ Второй, не столько по злости, какъ по слабости характера, предалъ своихъ вѣрныхъ католическихъ подданныхъ тиранству англійскихъ протестантовъ.

Послѣ революціи 1688 года, Ирландія еще разъ попыталась завоевать свою независимость. Она сражалась за своего короля, за свою вѣру, за свое политическое существованіе, но счастіе, по-прежнему, ей не благопріятствовало. Ирландцы, разбитые на-голову въ Боинскомъ сраженіи, снова, безъ силы и безъ всякихъ средствъ сопротивленія, подпали подъ власть побѣдителей протестантовъ.

Битва Боинская и взятіе Лиммерика, были послѣдними дѣйствіями гражданскихъ и религіозныхъ войнъ, терзавшихъ Ирландію впродолженіи цѣлыхъ шести столѣтій. Англійское владычество непоколебимо утвердилось на всемъ островѣ. Даже Коннахтъ, послѣднее убѣжище непокорныхъ Ирландцевъ, былъ совершенно порабощенъ. Начиная съ 1690 года, войны и матеріальныя насилія прекратились; но вмѣсто-нихъ явилось законное тиранство и судебное притѣсненіе. Богатые помѣщики, владѣльцы укрѣпленныхъ замковъ, граждане главныхъ торговыхъ городовъ, военные и гражданскіе чиновники, были или Англичане и протестанты, или Цельты, измѣнившіе вѣрѣ своихъ предковъ, и принявшіе новую религію съ обыкновеннымъ фанатизмомъ новообращенныхъ. Собственно народъ состоялъ изъ однихъ бѣдняковъ и сохранилъ католическую религію. Надобно впрочемъ признаться, что эта вторая часть ирландской націи была тогда совершенно ничтожна, невѣжественна, суевѣрна и чрезвычайно безпокойна. Все народонаселеніе острова составляло не болѣе милліона душъ, и самая богатая, дѣятельная, промышленая, просвѣщенная часть его была ревностно привязана къ протестантской религіи. Законы, которыми управлялась Ирландія, были составлены протестантами: само собою разумѣется, что они писали ихъ для себя, чтобы упро-

Digitized by Google

чить свое владычество и обуздать католиковъ, еще слишкомъ склонныхъ къ дикой независимости своихъ предковъ.

Въ царствованіе Вильгельма Третьяго и королевы Анны мало-по-малу составлялось чудовищное законодательство, извѣстное подъ названіемъ уголовнаго уложенія, котораго явною, признанною цѣлію было удерживать католиковъ въ нищетѣ и униженіи, нарушая ихъ публичныя и частныя права, оскорбляя ихъ вѣрованія и самыя привязанности. Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь подробности этого варварскаго кодекса: съ-тѣхъ-поръ какъ публика занимается Ирландіей, газеты обратили общее вниманіе на главныя его постановленія.

Слѣдствія этихъ законовъ были пагубны. Съ Ирландіей поступали жестоко въ томъ убѣжденіи, что она не успокоится, пока народъ не будетъ мало-по-малу принужденъ принять протестантскую религію и не будетъ находиться подъ вліяніемъ болѣе просвѣщеннаго духовенства. Все это было безполезно: католицизмъ не только не ослабѣвалъ, но укрѣплялся ненавистью бѣдныхъ къ религіи богатыхъ. Всѣ усилія заставить Ирландцевъ принять протестантскую вѣру были тщетны. Уголовные законы, наполненные религіознымъ фанатизмомъ, мало-по-малу лишились своего первоначальнаго характера, и сдѣлались, въ рукахъ ирландскихъ протестантовъ, средствомъ гражданскаго преобладанія. Впродолженіи большей части семнадцатаго столѣтія, поселянинъ католикъ былъ настоящимъ рабомъ своего господина, протестанта. Законы исполнялись такимъ образомъ, что ему тогда труднѣе было добиться правосудія отъ протестантскаго судьи, чѣмъ нынѣ невольникамъ въ колоніяхъ отъ европейскихъ судей. Въ весь этотъ періодъ Ирландія представляла самое прискорбное зрѣлище, какое только можетъ встрѣтиться глазамъ наблюдателя въ образованномъ обществѣ: богатые угнетали бѣдныхъ, владѣльцы земель притѣсняли работниковъ, и все это на основаніи религіозныхъ законовъ, исполняемыхъ протестантскими правителями и судьями.

Размышляя о вліяніи какое все это должно было производить на взаимныя сношенія различныхъ классовъ обще-

Digitized by Google

ства, легко понимаешь отчего происходитъ затруднительность нынѣшняго положенія Ирландіи и ясно видишь, откуда проистекаютъ глубокая антипатія, безпрерывное противоборство, существующія и понынѣ, хотя уже *всѣ* уголовные законы отмѣнены, отчего и понынѣ ирландскій поселянинъ и помѣщикъ совершенно чужды другъ другу. Вотъ въ чемъ заключается главное препятствіе, встрѣчаемое людьми, которые искренно желали бы содѣйствовать нравственному и матеріальному улучшенію этой несчастной страны.

Перечитывая описаніе столькихъ бѣдствій, столь долговременнаго угнетенія, невольно начинаешь строго судить о народѣ, который былъ виновникомъ всего этого или по-крайней-мѣрѣ сообщникомъ своихъ правителей. Но подвергая это благородное негодованіе холодному разбору разсудка, не можешь не сознаться, что Англичане временъ Вильгельма Третьяго и королевы Анны, совсѣмъ не такъ виновны, какъ кажутся, когда судишь о нихъ по понятіямъ и чувствованіямъ девятнадцатаго столѣтія. Законы противъ ирландскихъ католиковъ были дѣломъ не Англичанъ, но самихъ Ирландцевъ, протестантской части народонаселенія острова и, надобно замѣтить, что она главнѣйшимъ составляла изъ туземцевъ. Ирландія управлялася своимъ собственнымъ парламентомъ, и всѣ члены его были протестанты. Англійскіе протестантскіе парламентъ и правительство, только поддерживали своимъ могуществомъ національное правительство Ирландіи. Угнетая католиковъ, употребляя всѣ средства, чтобы сдѣлать отправленіе ихъ религіи не только затруднительнымъ, но даже унизительнымъ, государственные люди того времени не сознавали преступленія, которое совершали противъ человѣчества; они только соображались съ тогдашними мнѣніями, строго примѣняли на дѣлѣ правила нетерпимости, противъ которыхъ никто въ Европѣ не возставалъ. Прежде нежели осудимъ ихъ, вспомнимъ, что они были современниками благочестивыхъ прелатовъ, по настоянію которыхъ отмѣненъ «Нантскій эдиктъ» и что они жили въ такое время, когда изданіе «Чернаго кодекса» было почитаемо дѣломъ, истинно филантропическимъ.

Въ первой половинѣ осьмнадцатаго столѣтія духъ вѣро

Digitized by Google

терпимости сдѣлалъ большіе успѣхи въ Великобританніи. Современники Лока и Юма не могли питать ненависти къ иновѣрцамъ, которою одушевлены были послѣдователи Мильтона. Поэтому всѣ образованные люди въ Англіи мало-по-малу стали смотрѣть съ настоящей точки зрѣнія на уголовные законы тяготѣвшіе надъ ирландскими католиками и общее мнѣніе съ возрастающимъ жаромъ требовало отмѣны этихъ варварскихъ постановленій.

Въ Дублинѣ былъ особый ирландскій парламентъ, но политическія преобразованія на дѣлѣ зависѣли отъ Англіи. Ирландское законодательное собраніе, на основаніи статутовъ, изъ которыхъ самый древній носитъ имя Пойнинга, намѣстника Генриха Седьмаго, до такой степени зависѣло отъ лондонскаго правительства, что оно, собственно говоря, было не что иное какъ орудіе въ рукахъ его. Пока партія Стуартовъ сохраняла еще признаки жизни, для ирландскихъ католиковъ ничего не хотѣли сдѣлать, потому что они считались самыми ревностными приверженцами этой партіи. Но когда она совершенно исчезла, правительство стало выказывать болѣе благопріятное расположеніе къ нимъ. Однако жъ только въ 1778 году, когда война за независимость Америки потрясла въ Англіи власть министерства лорда Норта, приверженцы вѣротерпимости могли наконецъ разрушить часть чудовищнаго зданія уголовныхъ законовъ, воздвигнутаго въ Ирландіи по ненависти къ католикамъ.

Не одна отмѣна уголовныхъ законовъ была слѣдствіемъ американской революціи; она въ-особенности произвела сильное вліяніе на ирландское народонаселеніе Ирландіи. До того времени оно терпѣливо сносило политическое владычество Англіи, безъ котораго и не могло бы силою поддерживать свои религіозныя преимущества и свое гражданское господство надъ католическимъ народонаселеніемъ. Ирландскіе протестанты жертвовали своими политическими правилами долгого, чтобы имѣть средства держать въ рабствѣ земляковъ своихъ, исповѣдовавшихъ другую вѣру. Движеніе, произведенное въ умахъ событіями великой борьбы Америки съ Англіею, и распространеніе идей вѣротерпимости, измѣнили расположеніе умовъ ир-

Digitized by Google

ландскихъ протестантовъ и побудили ихъ требовать большей національной независимости.

Обстоятельства имъ чрезвычайно благопріятствовали. Регулярныя войска были почти всѣ въ колоніяхъ и потому англійское правительство, чтобы защитить Ирландію отъ угрожавшей ей высадки, принуждено было обратиться къ достаточнымъ классамъ ирландскаго народонаселенія, состоявшимъ почти исключительно изъ протестантовъ и образовать изъ нихъ отряды милиціи, которые приняли названіе соединенныхъ-волонтеровъ. Эти отряды составляли довольно значительный корпусъ: онъ предохранилъ Ирландію отъ войны съ иностранцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ англійскаго парламента уравненія Ирландіи въ политическихъ правахъ съ Англіею и требовалъ такъ, что отказать было невозможно.

Торжество волонтеровъ совершилось въ 1782 году. Министерство Фокса объявило, что англійскій парламентъ никогда не имѣлъ права издавать законовъ для Ирландіи и нарушать независимость ирландскаго парламента. Это значило отказаться, по-крайней-мѣрѣ оффиціально, отъ всякаго владычества надъ Ирландіею, даже отъ всякаго вліянія на эту страну. То было совершенное освобожденіе Ирландіи, уничтоженіе опеки, которую Англія присвоила себѣ надъ этой страною.

Движеніе въ 1782 году было чисто протестантское; католики принимали въ немъ только страдательное участіе, одобряли его, но существенно ему не содѣйствовали. Однако жъ патріотическій подвигъ волонтеровъ, по-крайней-мѣрѣ въ минуту торжества, не могъ не имѣть вліянія и на судьбу католиковъ. Поэтому первымъ дѣйствіемъ ирландскаго парламента, сдѣлавшагося независимымъ, была отмѣна части уголовныхъ законовъ, оставшихся послѣ переворота 1778 года.

Какъ ни выгоденъ былъ для Ирландіи мирный переворотъ 1782 года, онъ однако жъ далеко не обезпечилъ независимости ирландской націи. Правда, ирландскій парламентъ объявленъ независимымъ и во всемъ равнымъ парламенту англійскому; но такъ какъ составъ его не былъ преобразованъ, то и перемѣна была весьма незначительна. Ирланд-

Digitized by Google

ская нижняя палата состояла большею частію изъ представителей такъ-называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ» и городскихъ сословій, весьма немногочисленныхъ и совершенно преданныхъ протестантскому дѣлу. Палата состояла изъ трехъ сотъ членовъ, а графства избирали только двадцать четыре изъ нихъ; города, имѣющіе болѣе шести тысячъ жителей, около пятидесяти членовъ; остальные были избираемы богатыми владѣльцами мѣстечекъ, а эти владѣльцы жили большею частію въ Англіи и находились въ совершенной зависимости отъ министерства.

Безъ преувеличенія можно сказать, что ирландскій парламентъ, даже и послѣ 1782 году, былъ сословіемъ самымъ продажнымъ и недобросовѣстнымъ. Конечно, и въ немъ были исключенія, имена незапятнанныя, какъ напримѣръ, Генри Гратёма, лорда Чарльмонта, люди, на которыхъ не могло падать ни малѣйшее подозрѣніе; но эти рѣдкіе примѣры дѣлаютъ еще болѣе разительною бессовѣстность большинства.

Добившись національной независимости, соединенные волонтеры стали требовать парламентской реформы; но дѣйствовали въ этомъ случаѣ уже не съ такимъ жаромъ и не съ прежнимъ единодушіемъ. Многіе изъ нихъ боялись приступить къ внутреннимъ преобразованіямъ на основаніи правилъ справедливости, чувствуя очень хорошо, что это повело бы къ уравненію католиковъ въ правахъ съ протестантами, чего, конечно, не желалъ никто изъ нихъ. Однако жъ, такъ какъ идеи вѣротерпимости всё болѣе и болѣе распространялись, то весьма вѣроятно, что искренніе ирландскіе реформаторы восторжествовали бы наконецъ надъ религіозными предразсудками и непріязнію, если бъ война съ французскою республикою не остановила правильнаго теченія преобразованій въ Англіи. Государственные люди этой страны чувствовали необходимость измѣненій въ законодательствѣ, требуемыхъ духомъ времени. Извѣстно, что Питтъ, министръ короля, который не любилъ нововведеній, объявилъ однако жъ, еще въ 1785 году, что въ парламентѣ должно быть произведено рѣшительное преобразованіе. Онъ, вѣроятно, и произвелъ бы его еще до

Digitized by Google

французской революціи, если бъ его не остановили болѣзнь Георга Третьяго и явное нерасположеніе принца Валлійскаго.

Если бы Питту удалось осуществить въ Англіи свой планъ парламентскаго преобразованія, онъ, безъ-сомнѣнія, распространилъ бы его и на Ирландію, а эта мѣра была бы для нея величайшимъ благодѣяніемъ, потому что невозможно было бы коснуться политическаго зданія, воздвигнутаго тамъ протестантами на основаніи искусственномъ, не довольно широкомъ, не признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ правъ католической части народонаселенія и не уравнявъ ее съ остальною. До-тѣхъ-поръ католики не могли занимать никакихъ гражданскихъ должностей, не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Впрочемъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ это не казалось такою чудовищною несправедливостію, какъ нынѣ. Народонаселеніе острова было весьма незначительно и католическую религію исповѣдывали только низшіе, невѣжественные классы общества. Но съ того времени народонаселеніе быстро возрастало, промышленость обогатила множество католическихъ фамилій, просвѣщеніе распространилось между классами самыми необразованными. Устранить долѣе католиковъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ было невозможно.

Если бъ парламентское преобразованіе и уравненіе въ правахъ католиковъ съ протестантами были произведены до 1792 года, когда еще революціонныя страсти не волновали этой страны и не возжигали слова вѣковой ненависти между различными племенами, населявшими Ирландію, то это избавило бы ее отъ длиннаго ряду страданій и несчастій. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы эти благодѣтельныя мѣры осуществились въ то время.

Французская революція застала ирландскихъ реформаторовъ въ самомъ началѣ поприща и остановила ихъ усилія. Въ 17[illegible] году они еще добились отмѣны остальныхъ уголовныхъ законовъ, тяготѣвшихъ надъ католиками и доставили имъ право подавать голоса на выборахъ: это была уже уступка огромная, и она, конечно, повела бы къ совершенному уравненію, если бъ Ирландія не остановилась на пути правильнаго и мирнаго возрожденія, на поприщѣ, которое открыла Американская война.

Digitized by Google

Неистовства демократическаго духа во Франціи, гнусные ужасы 1793 года произвели рѣшительное противодѣйствіе въ богатыхъ и образованныхъ классахъ Англіи и Ирландіи. Волонтеры были распущены безъ малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны; предводители ихъ даже и не протестовали противъ этой мѣры. Всѣ, которые въ 1782 году были реформаторами, сдѣлались рѣшительными охранителями, какъ-скоро анархическая пропаганда французскаго конвента начала потрясать общественный порядокъ въ самомъ основаніи. Между-тѣмъ событія во Франціи, разстроившія высшіе классы партіи реформатовъ, устремили остатки этой партіи на путь революціи. Нѣкоторые изъ прежнихъ волонтеровъ составили тайное общество подъ названіемъ Соединенныхъ-Ирландцевъ и старались привлечь къ себѣ низшіе классы безъ различія исповѣданія и происхожденія, чтобы ниспровергнуть весь общественный порядокъ. Ультра-демократическій и республиканскій духъ этого общества, его явное намѣреніе послѣдовать примѣру Франціи, удалило отъ него всѣхъ людей, которые по своему просвѣщенію, характеру или богатству занимали въ свѣтѣ почетное мѣсто.

Соединенные-Ирландцы, ослѣпленные своими страстями, заблуждаясь насчетъ своихъ силъ, даже насчетъ числа своихъ членовъ и особенно, надѣясь на сильное пособіе со стороны Франціи, попытались въ 1798 году произвести революцію. Въ результатѣ этой попытки нельзя было и сомнѣваться. Не имѣя ни предводителей, ни опредѣленнаго направленія, ни заранѣе принятыхъ плановъ, инсургенты только производили ужасные безпорядки и мстили тѣмъ, которыхъ считали своими врагами, особенно же Англичанамъ. Они нигдѣ не могли устроить порядочнаго сопротивленія и разсѣялись почти безъ битвы, какъ-скоро англійская армія выступила въ поле.

Правительство поступило съ ними строго: наказаніе походило болѣе на отмщеніе, чѣмъ на справедливое возмездіе подданнымъ, которые вовлечены были въ заблужденіе. Какъ бы то ни было, англійское правительство достигло своей цѣли. Революціонный духъ былъ подавленъ, и реформаторская партія почти совсѣмъ уничтожена.

Digitized by Google

Инсуррекція 1798 года доставила великому министру, управлявшему тогда судьбами Англіи, Питту, предлогъ и средства къ исполненію плана, который, онъ, по всей вѣроятности, давно уже замыслилъ. Ведя борьбу на-смерть съ Франціею, онъ, вѣрно, не-разъ имѣлъ случай замѣтить, какимъ опасностямъ подвергала Англію законодательная независимость Ирландіи и, конечно, желалъ соединить дублинскій парламентъ съ лондонскимъ. Общее мнѣніе въ Англіи было сильно расположено въ пользу этой мѣры и парламентъ доставилъ министру всѣ средства для ея исполненія.

Но надобно было преодолѣть важное затрудненіе: необходимо было истребовать на это согласіе ирландскаго парламента и заставить его произнести смертный приговоръ себѣ самому. Питтъ думалъ-было рѣшить дѣло явной борьбою; но это ему не удалось. Первый проектъ законодательнаго союза, представленный въ 1799 году, былъ отвергнутъ ирландскою нижнею палатою. Тогда министерство прибѣгло къ мѣрѣ, которая всегда удавалась въ дублинскомъ парламентѣ: оно началу производить подкупы въ огромномъ размѣрѣ. Питтъ купилъ множество «гнилыхъ мѣстечекъ»; раздавалъ мѣста, почести, пенсіоны, и въ какой-нибудь годъ пріобрѣлъ такой успѣхъ, что билль о соединеніи ирландскаго парламента съ англійскимъ былъ утвержденъ большинствомъ ста-шестидесяти-осьми голосовъ противъ семидесяти-трехъ.

Остановимся на минуту, чтобы разсмотрѣть этотъ знаменитый актъ, который служитъ теперь, если не причиною, то по-крайней-мѣрѣ предлогомъ къ волненію въ Ирландіи. Не станемъ разбирать дѣйствій и достоинствъ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ событіи, но постараемся изслѣдовать, дѣйствительно ли эта мѣра такъ незаконна и несправедлива въ отношеніи къ Ирландіи, какъ обыкновенно говорятъ, и заслуживаетъ ли она упреки и ругательства, которыми осыпаютъ ее О'Коннель съ братіей.

Мѣра, сама по себѣ, была полезна. Соединяя ирландскій парламентъ съ англійскимъ, Питтъ не дѣйствовалъ исключительно въ пользу какой-либо политической партіи

Digitized by Google

или религіозной секты. Онъ старался собрать подъ сводами Вестминстера всѣ совѣщательныя сословія не для того, чтобы поработить Ирландію, чтобы заставить ее повиноваться своей деспотической волѣ. Для этого не стоило бы и трудиться: онъ очень хорошо зналъ, что ирландскій парламентъ, въ тогдашнемъ своемъ составѣ всегда будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ умнаго министра. Инсуррекція 1798 года показала ирландскимъ протестантамъ, которые одни пользовались политическими правами, что безъ помощи англійскихъ штыковъ, они сдѣлались бы жертвами ненависти и жажды къ мести, которыми одушевлено огромное большинство католическаго народонаселенія. Поэтому чувство собственной слабости постарялло партію, изъ которой исключительно состоялъ ирландскій парламентъ, въ совершенную зависимость отъ лондонскаго кабинета. Если бы Питтъ хотѣлъ только господствовать въ Ирландіи, то ему стоило бы лишь объявить дублинскому парламенту, что англійское министерство не будетъ болѣе защищать его противъ католиковъ, и парламентъ, чтобы не лишиться его покровительства, сдѣлалъ бы все, что ему было угодно. Но не такова была цѣль его. У него была мысль великая. Соединяя подъ однимъ правительствомъ оба острова, раздѣленные между собою каналомъ Святаго Георгія, онъ надѣялся подкрѣпить могущество Великобританіи, которое подвергалось тогда сильнымъ ударамъ. Онъ осуществлялъ идею одного изъ людей, которые наилучшимъ образомъ понимали науку правленія, Кромвелля: тотъ, за два вѣка передъ тѣмъ, тоже хотѣлъ слить ирландскій и англійскій парламенты въ одно сословіе. Первою мыслью Питта было усилить правительство, сдѣлавъ законодательную власть общею обѣимъ странамъ; но онъ хотѣлъ также принести пользу Ирландіи, избавивъ ее отъ господства протестантской партіи, слѣпой и несправедливой. Онъ хотѣлъ, посредствомъ соединеннаго парламента, доставить католикамъ совершенное уравненіе въ правахъ, чего никогда не добился бы отъ отдѣльнаго ирландскаго парламента. Питтъ не исполнилъ этого прекраснаго плана по тому только, что не могъ преодолѣть сопротивленія Георга Третьяго, особенно въ такое время, когда могущество Франціи угрожало самой Англіи.

Digitized by Google

Вообще этого знаменитаго государственнаго человѣка плохо понимаютъ. Питтъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и никогда не былъ заражёнъ религіозною нетерпимостію. Конечно, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые пристращаются къ своимъ мечтамъ, и, какъ-скоро рѣчь идетъ о любимыхъ ихъ планахъ, не обращаютъ вниманія ни на какія препятствія, ни на неудобства, которыя могутъ повлечь за собой ихъ завѣтная идея. Онъ не походилъ на тѣхъ отважныхъ и пустозвонныхъ политиковъ, которые, опираясь на гуманитарныя, неисполнимыя идеи, хотятъ перестроить все общественное зданіе сверху до-низу. Питтъ былъ геній глубокій и холодный, одушевленный только любовью къ отечеству. Вступивъ на поприще, онъ тотчасъ увидѣлъ, какія части зданія требуютъ поправки и вознамѣрился передѣлать ихъ. Если бъ онъ управлялъ Англіею во время мирное и спокойное, то былъ бы реформаторомъ подобно Пилю и Каннингу, соединяя въ себѣ одномъ смѣлость и обширность замысловъ втораго съ благоразуміемъ и ловкостью перваго. Но какъ-скоро началась буря французской революціи, Питтъ, съ обыкновенной проницательностью высшихъ умовъ, угадалъ какія буйства произведетъ разнузданный духъ демагогіи и какимъ опасностямъ подвергнетъ онъ всю Европу. Осторожный министръ тотчасъ отложилъ свои планы преобразованій, чтобъ быть въ готовности встрѣтить бурю. Онъ понялъ, что при разлитіи революціонныхъ идей, которыя могли проникнуть и въ Англію, не благоразумно было бы ослабить уваженіе націи къ историческимъ преданіямъ, перестроивая части зданія, освященнаго вѣками. Какъ-скоро революція начала угрожать Европѣ, Питтъ, чтобы удержать пожаръ въ предѣлахъ несчастной страны, гдѣ онъ начался, объявилъ войну Франціи. Онъ обратилъ всѣ свои силы на этотъ главный предметъ и пожертвовалъ ему всѣми другими политическими видами. Такимъ образомъ онъ спасъ общественный порядокъ въ Европѣ и удержалъ цивилизацію въ границахъ правильнаго, постепеннаго развитія, въ которыхъ она доселѣ заключалась. Угнетать Ирландію онъ и не думалъ. Это доказывается и самымъ актомъ законодательнаго соединенія двухъ частей Великобританіи.

Digitized by Google

Главныя постановленія этого акта заключаются въ слѣдующихъ осьми статьяхъ:

1, Королевства Англія и Ирландія соединяются впредь на вѣчныя времена, въ одно государство, подъ названіемъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи.

2, Право наслѣдія престола Соединеннаго Королевства опредѣляется нынѣ существующими законами.

3, Соединенное Королевство имѣетъ быть представляемо однимъ парламентомъ, который называется парламентомъ Великобританскимъ и Ирландскимъ.

4, Двадцать осемь мірскихъ ирландскихъ перовъ, избираемыхъ на всю жизнь соединенными перами, такъ же какъ и четыре епископа, смѣняющіеся по очереди, принимаются въ палату перовъ Соединеннаго Королевства; въ нижнюю палату Ирландія посылаетъ сто членовъ, именно: шестьдесятъ четырехъ членовъ, избираемыхъ тридцатью двумя графствами, одного отъ дублинскаго университета, четырехъ отъ городовъ Дублина и Корка, и тридцать одинъ отъ тридцати-одного изъ главныхъ городовъ или мѣстечекъ.

5, Церкви (протестантскія) Англіи и Ирландіи соединяются и составляютъ одну церковь подчиненную тѣмъ же законамъ, тѣмъ же правиламъ (discipline), какъ національная англійская церковь.

6, Подданные обоихъ государствъ пользуются въ-отношеніи къ промышлености, торговлѣ и навигаціи одинакими правами.

7, Англія и Ирландія участвуютъ въ общихъ государственныхъ издержкахъ въ пропорціи пятнадцати къ двумъ. Это распредѣленіе установляется на двадцать лѣтъ; по истеченіи же означеннаго сроку издержки распредѣляются соединеннымъ парламентомъ.

8, Существующіе нынѣ законы и судебныя мѣста продолжаютъ свои дѣйствія и впредь, за исключеніемъ апелляціи на рѣшенія канцлерскаго суда, которая представляется палатѣ перовъ Соединеннаго Королевства.

Изъ этого видно, что въ постановленіяхъ о гражданскихъ условіяхъ и экономическихъ отношеніяхъ обоихъ королевствъ актъ соединенія не подлежитъ ни малѣйшему

Digitized by Google

упреку. Англія и Ирландія совершенно сравнены между собою. Если и есть пожертвованія и уступки съ которой-либо стороны, то, конечно, со стороны Англіи, потому что она согласилась открыть Ирландіи свои колоніи и раздѣлить съ нею выгоды монополіи, которою дотолѣ одна пользовалась.

Въ отношеніи религіозномъ, союзъ не такъ благопріятенъ католическому большинству ирландской націи. Законы, существовавшіе по этому предмету, оставлены въ своей силѣ, а на основаніи этихъ законовъ католикамъ воспрещены всѣ гражданскія и судебныя должности. Но измѣнить эти законы Актомъ Соединенія было невозможно. Не надобно забывать, что Англія заключала союзъ съ представителями власти, то есть, съ протестантами, которые никогда не отказались бы отъ своихъ правъ, если бъ вѣковыя привиллегіи ихъ не были оставлены за ними.

Впрочемъ, это условія второстепенныя: главныя постановленія акта тѣ, которые распредѣляютъ политическую власть и общественныя тягости между обѣими странами.

Послѣ соединенія обоихъ королевствъ, нижняя палата состояла изъ шести-сотъ-пятидесяти-осьми членовъ: въ томъ числѣ Ирландіи должны были принадлежать сто членовъ, остальные за тѣмъ пять сотъ пятьдесятъ осемь Великобританіи. Въ палатѣ перовъ Ирландія имѣла тридцать-два представителя. Наконецъ изъ государственныхъ расходовъ на ея долю падали двѣ семнадцатыхъ части. Развѣ это можно назвать распредѣленіемъ несправедливымъ, злоупотребленіемъ власти, унизительными условіями, предписанными побѣдителемъ народу побѣжденному? Минутное размышленіе убѣдитъ насъ въ противномъ.

Число представителей Ирландіи въ палатѣ перовъ покажется съ перваго взгляду слишкомъ незначительнымъ, особенно, если сравнить его съ нынѣшнимъ числомъ членовъ палаты перовъ. Но надобно вспомнить, что въ 1800 году это число было гораздо менѣе и потому неравенство совсѣмъ не такъ велико. Притомъ, что̀ такое было Ирландская палата перовъ? Собраніе людей, которые продавались лондонскимъ министерствамъ и отдавали Ирландію на-придачу. Уничтоженіе такой палаты было настоящею услугою этой странѣ; но допущеніе въ верхнюю па-

Digitized by Google

лату ирландскихъ перовъ было совсѣмъ не благодѣяніемъ для Ирландіи. Съ 1800 года и до нашего времени они составляли самую рѣшительную часть партіи, которая постоянно противится всѣмъ уступкамъ и преобразованіямъ.

Министры, слѣдовавшіе за Питтомъ, давали перское достоинство многимъ Ирландцамъ: теперь ихъ въ верхней палатѣ болѣе пятидесяти, кромѣ тридцати двухъ прежнихъ представителей ирландскаго перства. Весьма сомнительно, чтобы истинные друзья Ирландіи радовались этой милости.

Что касается до состава нижней палаты послѣ Союза, то, какъ мы уже сказали, Ирландія имѣла въ ней сто представителей, Англія и Шотландія пять сотъ пятьдесятъ осемь: слѣдственно, политическое вліяніе первой въ отношеніи къ вліянію Великобританіи было какъ 1 къ 5. Въ то время содержаніе между народонаселеніями той и другой страны представляло почти ту же пропорцію. Въ 1800 году въ Англіи и Шотландіи считалось одиннадцать милліоновъ жителей, въ Ирландіи не было четырехъ. Слѣдственно пропорція между тѣмъ и другимъ народонаселеніемъ была какъ 1 къ 4. Разница незначительная. Несправедливости тутъ не было никакой, особенно потому, что Англія была несравненно богаче, образованнѣе, могущественнѣе Ирландіи. Притомъ въ 1800 году ревизіи въ Ирландіи еще не было и вообще полагали, что ея народонаселеніе гораздо менѣе. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ 1785 года сказано, что въ Ирландіи жителей 2.845,000, и очень естественно, что люди, занимавшіеся распредѣленіемъ политическаго вліянія, приняли за основаніе своихъ разсчетовъ ато самое число, а оно именно и представляетъ пропорцію какъ 1 къ 4.

Разсматривая распредѣленіе общественныхъ тягостей, надобно признаться, что Ирландіи также не на что жаловаться, потому что на ея долю пала только осьмая часть расходовъ, между-тѣмъ какъ она получила пятую часть политическаго вліянія. Если бы даже тѣ, которые теперь хотятъ расторгнуть Союзъ, были призваны тогда распредѣлить между обоими государствами участіе въ правленіи и въ расходахъ, то, вѣрно, и они не могли бы сдѣлать больше Питта.

Digitized by Google

Съ 1800 года Ирландія была управляема, какъ и остальныя части государства, законодательными властями, засѣдающими въ Вестминстерѣ. Но не лишилось ли чего-нибудь при этой перемѣнѣ огромное большинство жителей Ирландіи и не имѣютъ ли они причины сожалѣть о національномъ парламентѣ? Ни сколько. Дублинскій парламентъ состоялъ изъ однихъ протестантовъ и хотя въ 1792 году католики получили право участвовать въ выборахъ, однако жъ никогда не могли бы имѣть вліянія на нижнюю палату, потому что, за исключеніемъ графствъ, которыя избирали весьма небольшую часть палаты (шестьдесятъ четыре члена изъ трехъ-сотъ), они нигдѣ не могли пользоваться своимъ правомъ. Въ двадцати-шести главныхъ городахъ депутатовъ избирали городскія сословія, а они состояли изъ самыхъ отчаянныхъ протестантовъ. Что касается до мѣстечекъ, которыя избирали сто-осемьдесятъ-четырехъ депутатовъ, то они состояли въ совершенной зависимости отъ богатыхъ помѣщиковъ-протестантовъ, а тѣ, располагая большинствомъ въ нижней палатѣ, обыкновенно продавали его, для собственной своей пользы, англійскому правительству. Воскресить такое анти-національное собраніе было бы безразсудствомъ, истиннымъ несчастіемъ для Ирландіи. Если бы нынче англійское правительство возвратило Ирландіи ея прежній парламентъ, оно должно было бы дать ему армію, чтобъ удерживать безпокойныхъ католиковъ; и тогда, безъ-сомнѣнія, вся Ирландія въ одинъ голосъ требовала бы сохраненія нынѣшняго порядка вещей, потому что онъ несравненно лучше того, которымъ бы его замѣнили. Прежняя ирландская конституція была чудовищнымъ сборищемъ несправедливостей и насильствъ; преобразовать этого было невозможно, такъ надобно было уничтожить. Но еще большимъ несчастіемъ было бы для Ирландіи, если бъ Англія, сдѣлавъ все по-старому, устранила ее отъ участія въ торговлѣ съ колоніями, а она имѣла бы на то полное право. Ирландія, съ своимъ независимымъ правительствомъ, въ два года была бы совершенно разорена.

По всѣмъ этимъ причинамъ Актъ Соединенія былъ истиннымъ благодѣяніемъ для Ирландіи. Питтъ считалъ его единственнымъ средствомъ упрочить въ Ирландіи матері-

Digitized by Google

альное благосостояніе и религіозный миръ. Онъ обѣщалъ католикамъ представить въ соединенный парламентъ, какъ-скоро тотъ устроится, билль о дарованіи имъ всѣхъ правъ англійскихъ гражданъ. Уравненіе ихъ въ правахъ съ протестантами было, въ глазахъ его, необходимымъ слѣдствіемъ соединенія обѣихъ странъ. Къ несчастію, планы его встрѣтили неодолимое сопротивленіе.

Пока продолжалась война съ Наполеономъ, парламентъ не имѣлъ ни времени ни охоты заниматься преобразованіями гдѣ бы то ни было, въ Англіи или въ Ирландіи. Виги, во время непродолжительнаго своего управленія дѣлали, ничего не сдѣлали для послѣдней страны. По заключеніи мира, огромные успѣхи, пріобрѣтенные правительствомъ, которые партія тори, по справедливости приписывала себѣ, придали ей такую силу, что всѣ реформы, казалось, были отложены на неопредѣленное время. Уравненіе католиковъ въ правахъ съ протестантами, которое въ 1800 году едва не совершилось; въ 1817 считалось невозможнымъ.

Однако жъ духъ преобразованій подавленный заботами о войнѣ и радостью торжества, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, пробудился съ новой силою. Со всѣхъ сторонъ раздалась энергическія жалобы на несправедливое неравенство, освященное закономъ. Просвѣщеннѣйшіе члены партіи тори почувствовали всю важность этого движенія умовъ и разсудили, что наступило время удовлетворить нѣкоторымъ изъ требованій реформистской партіи. Каннингъ и друзья его, проникнутые этой идеею, стали распространять ее въ своей партіи и съ жаромъ принялись за дѣло вѣротерпимости.

Между-тѣмъ ирландскіе католики, которые, благодаря гражданской свободѣ, дышали свободно, чрезвычайно размножились, разбогатѣли и просвѣтились. Предводители ихъ поняли, что время мятежей и насильственныхъ переворотовъ прошло; что они могли достигнуть своей цѣли только продолжительнымъ, искуснымъ употребленіемъ законныхъ средствъ. Еще въ 1810 году, въ Дублинѣ образовался комитетъ для того, чтобы всѣми законными средствами поддерживать права католиковъ. Этотъ комитетъ, которымъ сначала нѣсколько лѣтъ управлялъ John Leogh,

Digitized by Google

распространилъ свои отрасли по всей Ирландіи. Онъ разростался въ безмолвіи и прежде чѣмъ англійское правительство узнало о его существованіи, уже устроилъ во всей странѣ огромное общество, къ которому принадлежало почти все католическое народонаселеніе.

Это знаменитое общество, извѣстное подъ именемъ Католическаго, дисциплинированное своимъ начальникомъ О'Коннелемъ, вдругъ показалось на свѣтъ въ 1835 году. Огромность его состава и страшное вліяніе, которое оно имѣло на массы ирландскаго народа, произвело въ Англіи величайшій эффектъ. Общество, не выходя изъ границъ законности, произвело и поддерживало столь грозное волненіе, что въ нѣсколько лѣтъ поставило англійское правительство въ необходимость или уничтожить его силою, или обезоружить уступками. Предводители партіи тори, управлявшіе тогда государствомъ, долго колебались и, наконецъ, рѣшились прибѣгнуть ко второму изъ этихъ средствъ. Герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ покинули Каннинга, чтобы не слѣдовать за нимъ по новому пути, который онъ хотѣлъ проложить для внутренней политики; теперь они рѣшились исполнить всѣ требованія католиковъ. Поведеніе ихъ было весьма благоразумно. Они уступили, чувствуя, что англійская нація не стала бы ихъ поддерживать, если бъ они вздумали, для поддержанія преимуществъ ирландскихъ протестантовъ, прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, которыя были въ употребленіи у реформаторовъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій.

Билль 1829 года, начертанный сэромъ Робертомъ Пилемъ, былъ безъ всякихъ ограниченій. Исключенія, которыя тяготѣли надъ католиками впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были совершенно уничтожены. Имъ не дозволено было только носить званія регента государства, лорда-намѣстника Ирландіи, канцлеровъ Англіи и Ирландіи и президента генеральнаго собранія шотландской церкви. Эти исключенія основаны на причинахъ весьма важныхъ, они имѣютъ въ себѣ ничего несправедливаго въ отношеніи къ католикамъ, ничего оскорбительнаго для нихъ.

Однако жъ этотъ актъ, которымъ католики обязаны были не доброй волѣ, а опасеніямъ парламента, не удовлетво-

Digitized by Google

рыхъ католической партіи. Она требовала еще отмѣны десятины, и послѣ 1830 года волненіе началось снова и еще сильнѣе прежняго.

О'Коннель, полновластно управлявшій католической партіею, началъ съ министерствомъ лорда Грe достопамятную борьбу, которая, по-видимому, должна была повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Но министерство представило свой знаменитый билль о преобразованіи парламента, и О'Коннель тотчасъ прекратилъ всѣ свои нападенія, всѣ непріязненныя дѣйствія. Вполнѣ постигая всю важность этой мѣры для католиковъ, онъ вдругъ перешелъ отъ мятежной оппозиціи къ самой неограниченной преданности партіи виговъ.

Пока судьба билля была еще сомнительна и реформа не рѣшена, ирландскіе католическіе члены палаты были самыми вѣрными союзниками, самою надежною опорою лорда Грe. Имъ надобно приписать добрую часть побѣды, которую этотъ министръ, поддерживаемый общимъ мнѣніемъ, одержалъ надъ палатою перовъ.

Билль о реформѣ былъ полезенъ также и для Ирландіи, въ-особенности для католиковъ. Ирландіи даровано было пять новыхъ представителей: одинъ дублинскому университету и четыре городамъ, которыхъ населеніе увеличилось. Избирательныя права были распространены. До того времени этими правами пользовались только городскія сословія мѣстечекъ, состоявшія исключительно изъ протестантовъ-фанатиковъ; на основаніи билля о реформѣ всѣ обыватели мѣстечекъ, платящіе десять фунтовъ стерлинговъ за наемъ квартиры, получили право подавать голосъ на выборахъ и католики пріобрѣли большинство почти вездѣ.

Какъ-скоро этотъ законъ былъ принятъ, именно съ 1849 года, волненіе началось еще грознѣе прежняго. Оно въ-особенности направлено было противъ десятины, налога, который былъ довольно тягостенъ и притомъ казался имъ унизительнымъ, потому что католики платили его протестантскимъ пасторамъ. Въ этотъ разъ О'Коннель не совладалъ съ волненіемъ, которое самъ возбудилъ и не могъ удержать его въ предѣлахъ законности. Католическіе поселяне, приведенные въ отчаяніе бѣдностію и раздраженные тѣмъ, что надежды ихъ на уничтоженіе десятины не исполнились, объявили протестантскому духовенству страш-

Digitized by Google

ную войну. Сопротивленіе взиманію этой подати было такъ сильно, что протестантскіе пасторы не могли собирать ее даже при помощи полиціи и солдатъ регулярной арміи. Министерство лорда Грe тщетно пыталось преодолѣть это всеобщее сопротивленіе строгими мѣрами. Даже и пользуясь властію, которая дарована была правительству биллемъ 1833 года, оно не могло заставить католическихъ поселянъ платить протестантскимъ пасторамъ установленную подать; правительство, чтобы облегчить нищету, въ которую впало духовенство, взяло десятину на откупъ, но и тутъ всѣ дѣйствія его остались безъ успѣху.

Министерство было не единодушно насчетъ мѣръ, которыя надлежало принять въ отношеніи къ католикамъ. Нѣкоторые изъ членовъ кабинета были расположены къ уступкамъ; по ихъ настоянію, вмѣстѣ съ биллемъ о мѣрахъ строгости противъ непослушныхъ, парламенту представленъ былъ другой биллъ, которымъ положено начало преобразованію протестантской церкви въ Ирландіи. По силѣ этого закона, который, послѣ долгой борьбы, былъ принятъ обѣими палатами, католики избавились отъ налога, извѣстнаго подъ названіемъ церковной подати (vestry cess), которую протестанты имѣли право разлагать на всѣхъ жителей приходу для поддержанія своихъ храмовъ. Сборъ, доставляемый этимъ налогомъ, замѣненъ былъ вычетомъ изъ доходовъ духовныхъ бенефицій и доходами десяти епископствъ и другихъ высшихъ духовныхъ званій, которыя положено было уничтожить по смерти тогдашнихъ сановниковъ.

Этотъ биллъ былъ важнымъ событіемъ для католической Ирландіи, и по преобразованіямъ, которыя онъ производилъ, и потому, что могъ служить примѣромъ на будущее время. Правительство однажды уже коснулось церковныхъ доходовъ и потому обстоятельства могли заставить его сократить доходы духовенства до того, чтобы они удовлетворяли только существеннымъ потребностямъ небольшаго числа жителей Ирландіи, исповѣдующихъ протестантскую религію. О'Коннель неотступно этого требовалъ, а правительство старалось привлечь его къ себѣ, благопріятствуя его видамъ.

И дѣйствительно, большинство министерства вскорѣ на-

Digitized by Google

чало извлекать изъ начала, постановленнаго биллемъ 1833 года, послѣдствія, по его мнѣнію необходимыя. Оно поддерживало мистера Ward'a, когда тотъ предлагалъ парламенту объявить, что правительство имѣетъ право присвоить лишніе доходы духовенства мірскому употребленію, и именно обратить ихъ на учрежденіе въ Ирландіи безвозмездныхъ школъ. Четыре министра, ревностные протестанты, лордъ Стенли, сэръ Джемзъ Гремъ, герцогъ Ричмондъ и лордъ Годричъ, не соглашаясь съ этимъ, вышли изъ кабинета. Лордъ Гре, который неохотно слѣдовалъ политикѣ своихъ товарищей въ отношеніи къ Ирландіи, послѣдовалъ примѣру этихъ четырехъ министровъ и также оставилъ свое мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы эти государственные люди дѣйствовали по чувству религіозной непріязни къ католикамъ. Требованіе католической партіи было въ сущности совершенно несправедливо. Богата или бѣдна протестантская партія, это до католиковъ не касается. Католики не имѣютъ никакого права на богатства протестантовъ. Довольно и того, что они ничего не платятъ на содержаніе духовенства не своего исповѣданія и имъ нѣтъ никакого дѣла до доходовъ этого духовенства точно такъ же, какъ протестантамъ до доходовъ католической церкви. Да и этими доходами они обязаны великодушію протестантовъ и церковнымъ имѣніямъ, принадлежащимъ по закону ихъ церкви. Такимъ образомъ теперь уже католики начинаютъ угнетать протестантовъ. О'Коннель и его послѣдователи хотятъ ограбить протестантскую церковь въ пользу своей партіи. Четыре министра, которые не хотѣли удовлетворить этого беззаконнаго требованія и сэръ Робертъ Пиль, который объявилъ, что никогда на это не согласится, совершенно правы. Теперь уже требуютъ отъ протестантовъ не удовлетворенія справедливыхъ жалобъ, не прекращенія дѣйствительныхъ страданій, а непріязненныхъ дѣйствій противъ своей собственной церкви.

По удаленіи изъ кабинета несговорчивыхъ протестантовъ, образовалось министерство лорда Мельборна, которое, за исключеніемъ кратковременной и тщетной попытки министерства сэра Роберта Пиля, управляло государствомъ шесть лѣтъ. Образованіе министерства лорда Мельборна

Digitized by Google

было важнымъ событіемъ для Ирландіи. Оно было составлено съ явною цѣлію удовлетворить ея справедливымъ требованіямъ. Въ первый разъ еще министерство пало, потому что отказалось исполнить желаніе Ирландцевъ, и новый кабинетъ громко изъявилъ намѣреніе одинаково обходиться и съ протестантами и съ католиками. Въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ вѣковъ католики заняли важныя судебныя и государственныя должности. Назначеніе господина О'Лохлена директоромъ дѣловыхъ очередей, то есть, вторымъ лицомъ въ совѣстныхъ судахъ, и господина Шиля членомъ тайнаго совѣта, ознаменовали наступленіе для Ирландіи новой эры, начиная съ которой религіозныя различія совершенно уничтожались въ глазахъ либеральной партіи.

Лордъ Мельборнъ ввѣрилъ управленіе Ирландіею людямъ съ характеромъ твердымъ и примирительнымъ, которые умѣли пріобрѣсти довѣренность и уваженіе католиковъ. Два лорда-намѣстника, которые управляли Ирландіею при этомъ министерствѣ, лордъ Мельгревъ и лордъ Фортски, дѣйствовали сообразно съ истинными выгодами страны; благодаря ихъ справедливости и безпристрастію, въ Ирландіи воцарилось спокойствіе, о какомъ тамъ до того времени и не имѣли понятія.

Ирландія многимъ обязана этимъ лордамъ-намѣстникамъ, но еще болѣе министру статсъ-секретарю Ирландіи, лорду Морпету, который впродолженіи шести лѣтъ употреблялъ власть свою на то, чтобы изгладить слѣды религіозныхъ распрей и исцѣлить язвы страны. Вѣроятно, что этотъ государственный человѣкъ, самый отличный въ партіи виговъ по своимъ талантамъ, будетъ еще имѣть случай, какъ министръ или какъ лордъ-намѣстникъ, довершить дѣло примиренія, которое онъ началъ при Мельборнѣ.

Законодательныя попытки министерства въ пользу новыхъ требованій католиковъ не имѣли такого успѣху, какъ его административныя мѣры. Оно принуждено было отказаться отъ знаменитаго начала присвоенія лишнихъ доходовъ церкви мірскому употребленію, чтобы парламентъ согласился принять билль о замѣнѣ десятины постоян-

Digitized by Google

нымъ доходомъ и пять разъ принималось за дѣло, чтобы провести законъ о преобразованіи городскихъ сословій въ Ирландіи, да и тутъ должно было согласиться на разныя измѣненія своего проэкта, которыя нѣсколько уменьшили его дѣйствительность. Несмотря на это, два закона, о которыхъ мы говоримъ, принесли Ирландіи большую пользу.

Законъ, превратившій десятину въ постоянный денежный налогъ, сократилъ ее до трехъ четвертей того количества, которое она составляла, когда была платима натурою. Сверхъ-того налогъ почти прямо обращался не на помѣщиковъ, которые большею частію протестанты, и это прекратило щекотливыя отношенія между лютеранскими пасторами и католическими поселянами. Съ изданія этого закона, безпокойства въ земледѣльческихъ округахъ совершенно прекратились и духовенство государственной церкви стало получать свои доходы безъ малѣйшихъ препятствій и затрудненій. Помѣщики платятъ налогъ правительству и оно уже содержитъ протестантское духовенство.

Преобразованіе городскихъ сословій, хотя не столь полное, какъ въ Англіи и Шотландіи, было однако же чрезвычайно важнымъ торжествомъ для католиковъ. Эти городскія сословія были какъ-бы цитаделями протестантскими, гдѣ еще держался духъ нетерпимости прошлыхъ вѣковъ. Уничтоживъ ихъ привиллегіи, даровавъ всѣмъ гражданамъ право занимать публичныя должности, и распространивъ право участвовать въ выборахъ на всѣхъ тѣхъ, которые владѣютъ нѣкоторымъ состояніемъ, законъ доставилъ католикамъ перевѣсъ въ управленіи почти всѣхъ городовъ. Этому-то закону католики обязаны были удовольствіемъ видѣть какъ предводитель ихъ О'Коннель, занимая первую въ государствѣ муниципальную должность, въ званіи дублинскаго лорда мера, выступалъ въ торжественныхъ процессіяхъ тотчасъ вслѣдъ за лордомъ-канцлеромъ, выше всѣхъ должностныхъ лицъ и даже самого лорда-канцлера.

Во все продолженіе министерства лорда Мельборна, Ирландія была совершенно покойна. О'Коннель и другіе начальники католической партіи вели себя весьма благора-

Digitized by Google

зущно. Отказавшись отъ волненія и преувеличенныхъ требованій, они всѣми силами старались сохранить въ государствѣ спокойствіе. Дѣло въ томъ, что имъ уже ничего не оставалось требовать отъ протестантовъ: одновѣрцы ихъ пользовались совершенно одинаковыми правами съ гражданами, исповѣдующими государственную религію, и Ирландія наслаждалась всѣми торговыми и промышленными выгодами, которыя доставилъ ей актъ законодательнаго соединенія Ирландіи съ Англіею. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ королевы Викторіи, Національное Собраніе, по предложенію О'Коннеля, приняло слѣдующее опредѣленіе, которое показываетъ тогдашнее расположеніе католической партіи.

«Національное Собраніе, проникнутое живѣйшей признательностію къ лорду Мюльгреву (впослѣдствіи лорду Норманби) за его твердое, человѣколюбивое и безпристрастное управленіе, вполнѣ полагаясь на благодѣтельныя намѣренія ея величества, а главное, исполненное искреннѣйшей и почтительнѣйшей признательности къ ея величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, за національную, просвѣщенную политику, ознаменовавшую начало ея царствованія, объявляетъ, что желая доказать полную свою довѣренность къ правительству, оно расходится и предоставляетъ исполненіе своихъ намѣреній ирландскимъ членамъ парламента, поддерживающимъ правительство».

Это благоразумное рѣшеніе, принятое по требованію О'Коннеля, составляетъ разительную противоположность съ непріязненными, злобными чувствами противъ Англіи и самихъ виговъ, которыя онъ выказывалъ при всякомъ случаѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ этомъ опредѣленіи не узнаешь человѣка, который во время борьбы своей съ министерствомъ лорда Грэ, доходилъ дотого, что совѣтовалъ своимъ согражданамъ не потреблять никакихъ продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ или таможенными пошлинами, дотого, чтобы уменьшить доходы казны. Спокойное, порядочное поведеніе Ирландцевъ во время министерства лорда Мельборна доказываетъ также успѣхи, которые этотъ народъ сдѣлалъ въ истинной ци-

Digitized by Google

вилизаціи. Какъ-скоро этотъ столь буйный народъ перестали унижать несправедливыми законами, онъ началъ уважать законы и спокойно переносилъ страданія своей коренной нищеты, которой никакими средствами невозможно прекратить въ короткое время.

Но вскорѣ все измѣнилось. Министерство виговъ, надѣлавъ множество ошибокъ, всё болѣе и болѣе теряло своихъ приверженцевъ въ Англіи. Оно запутало государственные финансы, и озлобило протестантовъ своею снисходительностію къ несправедливымъ требованіямъ О'Коннеля. Съ другой стороны, самъ О'Коннель, видя что вліяніе его въ Ирландіи уменьшается, потому что онъ поддерживаетъ министерство слабое, которое уже ничего не можетъ для нея сдѣлать, рѣшился возобновить волненіе; но теперь оно уже не имѣло другой цѣли, кромѣ доставленія ему личныхъ выгодъ и удовлетворенія его тщеславія. Образованіе министерства изъ членовъ партіи тори было для него ударомъ ужаснымъ. Онъ падѣялся, что новое министерство начнетъ противодѣйствіе, будетъ унижать католиковъ, угнетать Ирландію, и такимъ образомъ, произведетъ тамъ общее раздраженіе. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Сэръ Робертъ Пиль вѣрилъ управленіе Ирландіею человѣку кроткаго характера и всѣми уважаемому. Онъ съ удивительной энергіею сдерживалъ свою партію, которая хотѣла бы отмѣнить уступки, уже сдѣланныя Ирландіи. Онъ объявилъ, что всегда готовъ произвести всѣ реформы, полезныя для этого острова, лишь бы только не касались собственности протестантскаго духовенства и не жертвовали имъ фанатизму католиковъ, которые изъ гонимыхъ пытались сдѣлаться гонителями. О'Коннель понялъ, что при подобномъ министерствѣ, которое притомъ располагало въ обѣихъ палатахъ огромнымъ большинствомъ, ему уже не добиться отъ парламента ничего такого, что бы могло придать ему, О'Коннелю, еще большую важность въ глазахъ Ирландцевъ. Онъ сталъ бояться, чтобы соотечественники его не привыкли мало-по-малу къ министерству тори, и не стали ожидать всего добраго отъ него, оставивъ въ покоѣ своего «Избавителя», который теперь уже могъ быть уволенъ въ отставку. Чтобы избѣжать этой бѣды, онъ вдругъ принялъ отважное и безраз-

Digitized by Google

судное намѣреніе: покинулъ скамьи нижней палаты, отправился со всѣми католическими членами въ Ирландію и снова началъ тамъ свои интриги, провозглашая повсюду необходимость отдѣлить Ирландію отъ Англіи расторженіемъ законодательнаго союза. Цѣль его была очевидна. Не пользуясь ни какимъ вліяніемъ въ парламентѣ великобританскомъ, онъ надѣялся самовластно господствовать въ парламентѣ ирландскомъ и управлять родиною по своему произволу. Ясно, что если бы ему удалось образовать ирландскій парламентъ, то въ Ирландіи началось бы рѣшительное гоненіе противъ протестантовъ и страна снова погрузилась бы во всѣ ужасы религіозныхъ войнъ. Чтобы прикрыть настоящія свои намѣренія, О'Коннель придумалъ разныя неосновательныя причины неудовольствій и жалобъ, льстилъ тщеславію католиковъ надеждою обобрать и унизить протестантское духовенство, старался воспламенить патріотизмъ ирландскихъ протестантовъ возможностію сдѣлать свое отечество государствомъ самостоятельнымъ и такимъ образомъ ему удалось ввести въ заблужденіе католическое народонаселеніе селъ и деревень, невѣжественное, исполненное фанатизма, и нѣсколькихъ протестантовъ, честолюбивыхъ, и близорукихъ. Съ помощію католическаго духовенства, которому подавалъ безумныя надежды добиться преобладанія надъ духовенствомъ протестантскимъ и отмстить своимъ противникамъ, онъ производилъ настоящіе театральные эффекты, чтобы ослѣпить толпу, но ему не удалось ввести въ заблужденіе министерства тори. Сэръ Робертъ Пиль очень хорошо понялъ, что общественное мнѣніе въ Ирландіи совсѣмъ не поддерживаетъ этихъ фарсовъ, что всѣ разсудительные Ирландцы, протестанты и католики, страшатся разрыва союза, какъ конечнаго разоренія для своего отечества и что можно дѣйствовать открыто противъ человѣка, который вдается въ подобныя сумасбродства. «Избавителя» отдали подъ судъ. Остальное извѣстно. О'Коннель, своими земляками, приговоренъ къ тюремному заключенію. И тотъ, кто вчера еще слылъ великимъ человѣкомъ, сегодня кажется смѣшнымъ большей части своихъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ. Можно сказать, не боясь ошибиться, что серіозная роль О'Коннеля кончена

Digitized by Google

навсегда. Расторженіе союза, идея безразсудная, вредная для Ирландіи и даже неудобоисполнимая, не могла не погубить его въ общемъ мнѣніи и его паденіе есть, безъ-сомнѣнія, самое важное благодѣяніе, какое Ирландія получила отъ него со времени отмѣны десятины и преобразованія городскихъ сословій.

Digitized by Google

КАРДИНАЛЪ РИШЛІЁ.

Великія событія порождаютъ великихъ людей. Бываютъ времена, когда царства идутъ путемъ однажды проложеннымъ. когда никакая могучая идея не тревожитъ умовъ; въ эти времена люди являются мелкими, ихъ страсти, ихъ честолюбіе, все уравнивается съ обстоятельствами и мы готовы обвинять природу въ безсиліи. Но Провидѣніе какъ-бы соразмѣряетъ людей съ обстоятельствами и какъскоро царство созрѣло къ перевороту, въ немъ является человѣкъ, который возвышается надъ толпою, владычествуетъ надъ событіями и мощной рукою ведетъ народъ къ цѣли ему предназначенной.

Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ и Ришліё. Изученіе жизни человѣка, который ниспровергъ остатки феодализма, утвердилъ во Франціи монархическую власть, и имѣлъ сильное вліяніе, не только на свое отечество, но и на судьбу всѣхъ другихъ европейскихъ державъ, безъ-сомнѣнія, предметъ чрезвычайно завлекательный. Не мудрено, что многіе занимались этимъ изученіемъ, но никто изъ историковъ, писавшихъ о Ришліё, не разсмотрѣлъ этого необыкновеннаго явленія съ такою подробностію, проницательностію, многосторонностію, какъ господинъ де Карнѐ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ публицистовъ нашего времени, и мы долгомъ считаемъ представить нашимъ читателямъ сокращеніе его статьи; впрочемъ будемъ смотрѣть на знаменитаго министра Людовика Тринадцатаго, какъ долженъ смотрѣть иностранецъ, на котораго не дѣйствуютъ ни

Digitized by Google

національныя привязанности, ни политическія идеи для него чуждыя.

Чтобы составить себѣ полное понятіе о дѣйствіяхъ Ришліё и средствахъ которыя онъ употреблялъ, чтобы видѣть съ чего онъ началъ и до чего дошелъ, надобно бросить бѣглый взглядъ на положеніе Франціи передъ тѣмъ, какъ власть перешла въ его мощныя руки.

Вѣсть о несчастной кончинѣ Генриха Четвертаго поразила Францію неожиданнымъ ударомъ. Знаменитый министръ его, старикъ Сюлли, скрылся въ Бастилію, чтобы выждать событія, протестанты заперлись въ укрѣпленныхъ городахъ своихъ, правители провинцій, не открывая своихъ намѣреній, готовились пристать къ той сторонѣ, которая восторжествуетъ; но герцогъ д'Эпернонъ, угрозами, принудилъ парижскій парламентъ провозгласить регентство вдовствующей королевы. Къ счастію, въ это время, принцевъ королевской крови, которые могли бы оспаривать регентство у Маріи Медичи, не было въ Парижѣ. По совѣту старыхъ министровъ Генриха Четвертаго, принцамъ и знатнымъ розданы были огромныя суммы, сокровища, накопленныя втеченіи минувшаго царствованія истрачены въ нѣсколько дней и тѣмъ куплевъ миръ какихъ-нибудь года на два.

Черезъ нѣсколько времени принцы вступили въ союзъ съ любимцемъ королевы, извѣстнымъ Кончини, который сдѣлался уже маршаломъ и маркизомъ Анкрскимъ. Совѣтники покойнаго короля, управлявшіе дѣлами въ первое время регентства, были устранены и власть перешла въ руки хитраго Италіянца. Но союзъ принцевъ и знатнѣйшихъ во Франціи дворянъ съ такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, не могъ быть продолжительнымъ; Кончини очень хорошо это чувствовалъ и потому старался раздѣлить ихъ, противопоставляя принцевъ Лотарингскихъ принцамъ королевскаго дому, то подкупая однихъ, то задаривая другихъ. Но подобныя средства могли только на короткое время удержать ихъ отъ явнаго возстанія, потому что казна была уже истощена. Чтобы пріобрѣсть для себя надежную опору въ преемникѣ Карла Пятаго, королева-правительница, не посовѣтовавшись съ принцами, вдругъ заключила договоръ о бракосочетаніи еще малолѣтнаго Людовика Три-

Digitized by Google

надцатаго съ инфантиною Анною Австрійскою и принцессы Елисаветы Французской съ принцемъ, который назывался впослѣдствіи Филиппомъ Четвертымъ. Вѣсть объ этомъ событіи, которое должно было придать королевскому дому новую силу для борьбы съ гугенотами, возстановила всѣхъ знатныхъ. Имъ уже наскучило жать пустую губку, какъ говоритъ одинъ современный писатель. Принцъ Конде и герцогъ Буліонскій удалились отъ двора; герцогъ Вандомскій убѣжалъ изъ Лувра, гдѣ онъ былъ заключенъ и отправился въ Бретанью, которою онъ управлялъ; герцогъ Неверскій овладѣлъ Мезіеромъ; маркизъ де Кёвръ-Ланомъ; герцогъ Маеннскій лучшими крѣпостями въ Иль-де-Франсѣ; Пикардія возстала подъ предводительствомъ своего правителя, герцога Лонгвилльскаго и вся страна отъ Поату до береговъ Прованскихъ оглашалась грозными криками реформатовъ. Конде издалъ манифестъ, въ которомъ, по обыкновенію, говорилъ объ униженіи дворянства, угнетеніи народа, растратѣ казны, розданной тѣмъ же самымъ, которые на это жаловались, и заключеніе требовалъ созванія генеральныхъ штатовъ. Противиться было трудно: требованія мятежниковъ были исполнены, бракосочетаніе короля отложено до его совершеннолѣтія, и генеральные штаты созваны, сначала въ Сансѣ, а потомъ въ октябрѣ 1614 года въ Парижѣ. Между-тѣмъ подкупы начались снова и главные заговорщики, Конде и герцоги Менскій, Неверскій, Буліонскій, Лонгвилльскій и Роганскій положили оружіе. Одинъ герцогъ Вандомскій въ Бретаньи, не хотѣлъ примириться съ регентствомъ.

Между-тѣмъ, наступило совершеннолѣтіе короля, то есть, ему исполнилось тринадцать лѣтъ и генеральные штаты собрались. Принцы надѣялись было, при этомъ случаѣ, низвергнуть приверженцевъ регентши и потомъ управлять королемъ-ребенкомъ по своей волѣ. Но Кончини дѣйствовалъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ чрезвычайно искусно: подъ предлогомъ необходимости смирить герцога Вандомскаго, онъ повезъ Людовика Тринадцатаго въ Бретанью и такимъ образомъ выигралъ нѣсколько недѣль, составилъ по выбору королевы тайный совѣтъ и когда генеральные штаты собрались, ко-

Digitized by Google

роль торжественно объявилъ, что онъ совершенно доволенъ управленіемъ своей родительницы и оставляетъ ей ею власть, которою она дотолѣ пользовалась.

Дворъ старался посѣять раздоръ между членами штатовъ и успѣлъ въ томъ какъ-нельзя болѣе: собраніе, отъ котораго принцы такъ многаго ожидали, разошлось, постановивъ только нѣкоторыя незначительныя мѣры. Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи съ этой стороны, принцы пытались достигнуть той же цѣли посредствомъ парижскаго парламента. Это судебное мѣсто приглашено герцоговъ и перовъ для общаго совѣщанія о бѣдствіяхъ государства и представленіяхъ, который надлежитъ сдѣлать королю. Канцлеръ Силльри, именемъ короля объявилъ, что судебныя мѣста не имѣютъ права заниматься безъ королевскаго требованія государственными дѣлами, и одного этого протеста довольно было, чтобы уничтожить оппозицію парламента, который въ то время не имѣлъ приверженцевъ.

Восторжествовавъ такимъ образомъ надъ всѣми своими противниками, Марія Медичи и маршалъ Анкрскій рѣшились совершить оба брака, которые должны были достовить колеблющейся монархіи надежную помощь кастильскаго престола. Юный король, сопровождаемый цѣлой арміею, отправился черезъ непокорныя провинціи, чтобы встрѣтить невѣсту на предѣлахъ своего государства и проводить сестру до испанской границы. Принцы снова протестовали противъ союза съ Испаніею, отказались слѣдовать за дворомъ, и рѣшились собраться въ Парижѣ, и овладѣть особою короля. Обстоятельства имъ благопріятствовали, потому что, подъ предлогомъ нарушенія какихъ-то привиллегій, реформаты подняли оружіе въ Поату, въ Дофинѣ, въ Лангдокѣ. Генеральное собраніе протестантскихъ церквей, созванное на основаніи королевскаго поселенія, въ Гренобле, перешло, по собственному произволу и несмотря на запрещеніе двора, въ Нимъ. Реформаты, посредствомъ своихъ уполномоченныхъ, обѣщали остаться вѣрными королю, но съ условіемъ, чтобы требованія феодальнаго союза были исполнены. Такимъ образомъ протестантизмъ превратился изъ религіозной секты въ политическую партію. Въ свитѣ вдовствующей королевы былъ

Digitized by Google

молодой прелатъ, который понялъ это очень хорошо и не забывалъ во всю жизнь.

Маршалъ Анкрскій, расположившись въ Пикардіи, принялъ Парижъ армією; маршалъ Вов-Дофинъ выступилъ въ поле, чтобы удерживать принцевъ, которые владѣли лучшими крѣпостями въ государствѣ. Повсюду вспыхнула война; но война мелочная и по причинамъ и по своимъ дѣйствіямъ. Герцогъ де-Гизъ, которому обѣщано было званіе коннетабля, пристала ко двору и предводительствуя десятью тысячами человѣкъ, прикрывалъ королевскій поѣздъ, который, впрочемъ, медленно подвигался впередъ и принужденъ былъ часто останавливаться, чтобы отражать непріятеля.

Наконецъ, въ 1615 году двойственный союзъ былъ заключенъ. Это событіе нанесло сильный ударъ партіямъ гугенотской и феодальной. Теперь всѣ силы испанской монархіи всегда готовы были поддержать французскій королевскій домъ; притомъ средніе классы и народъ были совсѣмъ не расположены къ принцамъ и общее мнѣніе было въ пользу этого союза. Дворъ искусно воспользовался такимъ направленіемъ умовъ; и, употребивъ обыкновенное свое средство, подкупъ, отвлекъ отъ союза сначала герцоговъ Маенскаго и Лонгвилльскаго, а потомъ и Буліонскаго, всегда готоваго на интриги и предательство. Справедливыя и даже неосновательныя жалобы реформатовъ были удовлетворены, англійскій посланникъ принялъ на себя посредничество между ними и дворомъ, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали королевскіе коммисары, агенты принца Конде и депутаты протестантскихъ церквей, миръ заключенъ былъ въ Луденѣ.

Принцъ Конде, который еще недавно объявленъ былъ внѣ закона, а теперь велъ съ дворомъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, послѣ этого мира, вообразилъ, что онъ уже можетъ по своему произволу управлять государствомъ. Онъ переселился со своими приверженцами въ Парижъ, велъ себя съ чрезвычайной наглостью, составилъ вокругъ себя настоящій дворъ, такъ что Лувръ опустѣлъ, завелъ обыкновенныя свои интриги въ парламентѣ, вступилъ въ тайныя сношенія съ англійскимъ посланникомъ и агентами

Digitized by Google

ми Нидерландовъ. Все это возбудило зависть юнаго короля и опасенія вдовствующей королевы.

Первый принцъ королевскаго дома, пользуясь народною ненавистью къ маршалу Анкрскому, вознамѣрился нанести послѣдній ударъ партіи регентства. Но отъ хитраго Италіянца не скрылось, что въ тайномъ совѣтѣ принцевъ замышляютъ на жизнь его, и, по его внушенію, Марія Медичи, трепеща за своего любимца, рѣшилась на поступокъ отважный. Принцъ Конде, въ Луврѣ, посереди своихъ приверженцевъ, былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Бастилію. Впрочемъ, эта мѣра была не столь отважна, какъ казалось съ перваго взгляду. Принцы не имѣя приверженцевъ ни между низшими классами, ни даже между мелкимъ дворянствомъ. Попытка произвести въ Парижѣ возмущеніе кончилась только разграбленіемъ дома маршала Анкрскаго, и принцы, удалившись въ Соассонъ, тщетно старались возжечь снова въ провинціяхъ междоусобную войну. Правительство опять прибѣгло къ обыкновеннымъ своимъ средствамъ и отпаденіе герцога де-Гвиза отъ феодальной партіи привело ее въ совершенное безсиліе. Принцы, лишившись при новомъ разладѣ съ дворомъ, всѣхъ своихъ окладовъ и пенсіоновъ, пламенно желали съ нимъ помириться. Имъ помогло злодѣйство мелкаго провансальскаго дворянчика, сокольничаго, Альберта де-Люиня. Праздная жизнь Людовика Тринадцатаго была долговременнымъ дѣтствомъ безъ простодушія, безъ нѣжности, дѣтствомъ, за которымъ должна была послѣдовать преждевременная старость и совершенное оцѣпенѣніе чувствъ и души. Де-Люинь, забавляя несчастнаго монарха, вкрался въ его довѣренность и сдѣлался его неразлучнымъ собесѣдникомъ. Пользуясь въ началѣ своего поприща покровительствомъ маршала Анкрскаго, онъ уже достигъ при дворѣ до важныхъ званій, но ему хотѣлось играть роль политическую, а для этого необходимо было пріобрѣсти покровительство могущественныхъ непріятелей маршала. Для достиженія своей цѣли, онъ вознамѣрился убить Кончини, и такимъ образомъ помирить дворъ съ его главными вассалами, и де-Люинь сталъ обдумывать свой умыселъ съ спокойствіемъ совѣсти, которое можно объяснить только гнусными правилами, или лучше сказать отсутствіемъ всѣ-

Digitized by Google

кихъ нравственныхъ правилъ, порожденнымъ обстоятельствами того смутнаго времени.

Чтобы исторгнуть у короля согласіе на такое злодѣйство, надобно было поссорить его съ матерью, отравить умъ его безпокойствомъ и опасеніями, овладѣть его слабой, себялюбивой душою, посредствомъ страху. Де-Люинь приписывалъ преступныя причины малѣйшимъ поступкамъ маршала, представлялъ королю, что этотъ иностранецъ пользуется неограниченною властью и принимаетъ мѣры, чтобы сдѣлаться совершенно независимымъ отъ короля и быть въ состояніи даже противиться ему въ случаѣ нужды; что онъ совершенно овладѣлъ умомъ вдовствующей королевы, склоняетъ ее къ младшему сыну, Гастону, и возбуждаетъ противъ старшаго; онъ показывалъ королю подложныя письма, наполненныя оскорбленіями и угрозами противъ монарха и даже пользовался вліяніемъ на суевѣрнаго Людовика астрологовъ и гадальщицъ. Однимъ словомъ, онъ не давалъ ни минуты покою болѣзненной душѣ слабаго юноши и, наконецъ, достигъ своей цѣли, получивъ желаемое повелѣніе. Послѣдствія извѣстны. Кончини былъ умерщвленъ въ самомъ дворцѣ, трупъ несчастнаго растерзанъ яростною чернью и сожженъ у подножія статуи Генриха Четвертаго, и вдовствующая королева получила отъ семнадцати-лѣтняго сына повелѣніе отправиться въ изгнаніе.

Такимъ образомъ Людовикъ Тринадцатый началъ кровавою уступкой въ пользу феодальной партіи царствованіе, которому суждено было уничтожить эту партію.

Таково было положеніе Франціи передъ появленіемъ на политическомъ поприщѣ человѣка, жизнь котораго мы намѣреваемся изобразить. Королевская власть не имѣла никакой силы, не пользовалась никакимъ уваженіемъ; принцы королевскаго дому и другіе знатные дворяне, составляли заговоры, занимались интригами, думали только о себѣ, нисколько не помышляя объ общемъ благѣ; тѣ, которые должны были бы печись о благосостояніи и неприкосновенности отечества, безъ зазрѣнія совѣсти соединялись то съ гугенотами, то съ Испанцами; парламентъ въ государственныя дѣла почти не вмѣшивался; низшее дворянство и граждане о нихъ и не заботились; повсюду цар-

Digitized by Google

створало совершенное безначаліе. Такое положеніе дѣлъ необходимо должно было измѣниться. Орудіемъ для совершенія переворота Провидѣніе избрало Армана-Жана Дюплессй де-Ришліё.

Жизнь этого человѣка, занимательная во всѣхъ отношеніяхъ, совсѣмъ не отличается тѣмъ характеромъ строгаго единства, который старались придать ему многіе историки. Стремясь къ власти, онъ выказывалъ качества совершенно противоположныя тѣмъ, которыя проявились въ немъ съ такимъ блескомъ, когда онъ достигъ власти и Шатобріанъ справедливо сказалъ о немъ, что «возвышеніемъ своимъ обязанъ онъ своей гибкости, славою—своей гордости».

Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина изъ провинціи Поатъ, и родился въ 1585 году. Въ молодости Арманъ Дюплессй служилъ въ военной службѣ; но одинъ изъ его братьевъ, Альфонсъ, бывшій люсонскимъ епископомъ, отказался отъ своего званія и пошелъ въ монастырь; тогда Арманъ рѣшился посвятить себя духовному званію, чтобы, по обычаю того времени, не выпускать изъ своей бѣдной фамиліи, мѣста почетнаго и доходнаго. Онъ занимался нѣкоторое время богословіемъ, отправился въ Римъ и двадцати-двухъ лѣтъ отъ-роду былъ облеченъ въ санъ люсонскаго епископа. Возвратившись во Францію, онъ, казалось, совершенно посвятилъ себя духовному званію, снова принялся за изученіе богословія, писалъ полемическія сочиненія противъ реформатовъ, нѣсколько постовъ говорилъ проповѣди въ Парижѣ, и такъ протекала его безвѣстная юность. Марія де-Медичи съ удовольствіемъ слушала молодаго прелата, который обратилъ на себя вниманіе двора своимъ правильнымъ, одушевленнымъ лицомъ и благороднымъ видомъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти покровительство маршала Анврскаго, и тотъ представилъ его вдовствующей королевѣ. Ришліё былъ избранъ въ депутаты при собраніи генеральныхъ штатовъ 1614 года, приставалъ къ партіи королевы, съ жаромъ защищалъ союзъ съ Испаніею, доказывалъ необходимость оставить власть въ рукахъ регентши и сильно противился всѣмъ мѣрамъ, которыя внушены были генеральнымъ штатамъ принцами.

Такая преданность не осталась безъ награды. Черезъ

Digitized by Google

нѣсколько мѣсяцевъ по закрытіи штатовъ, по волѣ вдовствующей королевы, онъ былъ наименованъ великимъ милостыне-раздавателемъ Анны Австрійской. Маршалъ Анкрскій выхлопоталъ ему позволеніе продать свою должность и это доставило Ришліе возможность жить при дворѣ довольно открытымъ образомъ. «Я пріобрѣлъ благорасположеніе маршала, говоритъ самъ Ришліе въ своихъ Запискахъ: и понравился ему съ перваго нашего свиданія. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что у него есть подъ рукою молодой человѣкъ, который поучитъ tutti barboni. Потомъ онъ сталъ неблаговолить ко мнѣ, во-первыхъ, потому что видѣлъ противорѣчіе, котораго не ожидалъ отъ меня, во-вторыхъ, потому что мнѣ много вредилъ Русселіе, который не упускалъ ничего чтобы погубить меня, и Барбёнъ».

Послѣ бракосочетанія короля, Кончини, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи испанскаго двора, намѣревался отправить туда епископа люсонскаго. Ришліе очень радъ былъ принять на себя это порученіе; но по волѣ принца Конде подъ стражу и разграбленіе дому маршала Анкрскаго, регентша и Кончини сочли необходимымъ измѣнить составъ совѣта и допустить въ него только людей, совершенно имъ преданныхъ. Ришліе они назначили для исправленія должности государственнаго секретаря вмѣстѣ съ старикомъ Вильруа, который, прослуживъ при трехъ царствованіяхъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, не имѣлъ уже силы характера, необходимой въ трудныхъ обстоятельствахъ. Сдѣлавшись товарищемъ Манго и Барбёна, покорныхъ рабовъ регентши, повинуясь маршалу Анкрскому, котораго не любилъ и не уважалъ, Ришліе былъ въ этомъ кабинетѣ орудіемъ послушнымъ и второстепеннымъ. Въ одномъ только случаѣ проявилась его собственная, твердая воля. Маршалъ назначилъ ему, по званію статсъ-секретаря, большое жалованье и требовалъ, чтобы онъ отказался отъ своего епископства, «но, принимая въ соображеніе, говоритъ Ришліе, обстоятельства, могущія случиться, какъ отъ непостоянаго характера этого человѣка, такъ и отъ перемѣны въ его собственномъ положеніи, я никакъ на это не согласился, за что онъ, напрасно, на меня сердился». Изъ этого видно, что первые успѣхи

Digitized by Google

не ослѣпляли молодаго министра, что онъ не хотѣлъ играть въ слишкомъ большую игру и умѣлъ соглашать честолюбіе съ благоразуміемъ.

Въ послѣдніе дни жизни маршала Анкрскаго, между нимъ и новымъ статсъ-секретаремъ были неудовольствія; но тону Записокъ Ришліё ясно видно, что онъ предугадывалъ паденіе своего покровителя и принималъ уже мѣры, чтобы сблизиться съ принцами и съ братьями королевскаго любимца де-Люиня. И онъ дѣйствовалъ не безъ успѣху. Тотчасъ по умерщвленіи несчастнаго Флорентинца, Ришліё былъ призванъ во дворецъ и король объявилъ ему, «что не смѣшиваетъ его съ коварными совѣтниками маршала и будетъ обходиться съ нимъ хорошо». Де-Люинь увѣрялъ его въ своей преданности и, объявилъ, что онъ одинъ сохранитъ мѣсто свое въ совѣтѣ и что король приказалъ ему немедленно туда отправиться.

Пожертвовать маршаломъ было не мудрено, потому что его уже не было на свѣтѣ; но вдовствующая королева была жива, она имѣла нѣкогда большое вліяніе на короля, могла и снова овладѣть умомъ его: въ этомъ отношеніи надобно было поступать очень осторожно. Марія съ высоты могущества низверглась вдругъ въ самое жалкое положеніе: у дверей ея спальни стояли солдаты и даже въ ея постели искали пороху, который, какъ увѣряли, она прятала въ своей комнатѣ, чтобы взорвать сына на воздухъ. Отказаться отъ своей покровительницы въ такое время было бы постыдно, недостойно дворянина и еще болѣе епископа, да притомъ и опасно; но совершенно предаться ей въ несчастіи было бы самопожертвованіемъ, труднымъ, и можетъ-быть безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ. Ришліё удалось выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія; поставленный обстоятельствами между вдовствующею королевою и королемъ, онъ съ изумительной ловкостью умѣлъ сохранить привязанность одной и пріобрѣсти благорасположеніе другаго, не нарушилъ приличія и не повредилъ своимъ выгодамъ. «Я спросилъ де-Люиня какъ-можно осторожнѣе, чтобы не разсердить его: позволитъ ли онъ мнѣ видѣться съ бывшею регентшею, прибавивъ, что если ему угодно будетъ сдѣлать мнѣ эту милость, то я, конечно, буду стараться не раздра-

Digitized by Google

жать, а укрощать королеву». Это было позволено. Когда Ришліё въ первый разъ явился въ совѣтъ, новые министры объявили, что не хотятъ имѣть съ нимъ никакого дѣла; это показало люсонскому епископу, что при дворѣ ему удержаться будетъ трудно и потому онъ рѣшился играть роль мученика вѣрности. Въ то самое время, какъ любимая подруга Маріи Медичи была приговорена къ казни за колдовство и чародѣйство, и мятежные принцы съ торжествомъ возвратились въ Лувръ, Марія Медичи, съ немногими служителями, отправилась въ мѣсто своего изгнанія, городъ Блоа. «Я провожалъ ее изъ Парижа, говоритъ Ришліё и мнѣ пріятнѣе было принимать участіе въ ея скорби, нежели пользоваться благами, которыми хотѣли надѣлить меня враги ея». А за этимъ въ его Запискахъ слѣдуетъ довольно замѣчательное признаніе. «Я непремѣнно хотѣлъ имѣть на это письменное дозволеніе отъ самого короля, для того, чтобы они не поставили потомъ мнѣ въ вину, что я за нею послѣдовалъ и не стали бы утверждать, будто я сдѣлалъ это по собственному побужденію». Какая осторожность!

Въ Блоа Ришліё сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Маріи Медичи, и тотчасъ вступилъ въ сношенія съ де-Люинемъ, отдавалъ ему самый подробный отчетъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ и ручался за ея поведеніе. Нелегко было выдержать эту двуличную роль. Король и его любимецъ де-Люинь, были довольно хорошо расположены къ епископу люсонскому, но члены совѣта не довѣряли ему, ненавидѣли его и, наконецъ, по ихъ настоянію, король приказалъ ему выѣхать изъ Блоа. Ришліё тщетно расточалъ въ письмахъ къ Людовику Тринадцатому и къ де-Люиню увѣренія въ своей преданности къ нимъ; онъ принужденъ былъ удалиться, сначала въ свое епископство, а потомъ въ Авиньонъ. Это пріобрѣло ему полную довѣренность Маріи Медичи: она считала удаленіе епископа новымъ гоненіемъ на себя.

По-неволѣ возвратившись на два года къ своей паствѣ и къ духовной жизни, Ришліё написалъ нѣсколько богословскихъ твореній, впрочемъ очень посредственныхъ.

Ссылка въ Авиньонъ, чрезвычайно прискорбная для Ришліё, положила, однако жъ, начало его быстрому возвыше-

Digitized by Google

нію. Въ темную зимнюю ночь вдовствующая королева убѣжала изъ блоаскаго замка, спустившись со стѣны по веревочной лѣстницѣ. Герцогъ д'Эпернонъ, поссорившійся съ дворомъ, собралъ цѣлую армію и принялъ Марію Медичи въ области, которая состояла подъ его управленіемъ. Вдова Генриха Четвертаго сдѣлала воззваніе ко всѣмъ недовольнымъ, то есть, ко всѣмъ честолюбцамъ и гроздила снова начать противъ сына междоусобную войну, одна только погибшую.

Со времени смерти маршала Анкрскаго ничто не измѣнилось, ни коренныя убѣжденія, ни планы и надежды знатныхъ. Де-Люинь, умертвивъ Кончини, удовлетворилъ ихъ мести, и союзъ между нимъ и феодальной партіею былъ запечатлѣнъ этой кровью; но потомъ обстоятельства заставили его мало-по-малу отдѣлиться отъ нея и его стали обвинять въ томъ, что онъ измѣнилъ друзьямъ своимъ, между-тѣмъ какъ онъ только защищался. Новые министры не согласились возвратить свободу принцу Конде и предать опасносы государства на разграбленіе знатнымъ, не давали однако жъ имъ ни областей въ управленіе, ни укрѣпленныхъ городовъ, чтобы сохранить цѣлость государства. Притомъ большая часть добычи отъ Кончини и несчастной жены его, досталась де-Люиню и въ этомъ состоялъ, если не единственный, то по-крайней-мѣрѣ главный результатъ послѣдняго переворота. Де-Люинь очень хорошо понималъ, что для сохраненія власти и для спасенія трона, необходимо примириться съ вдовствующей королевою, которая находилась въ Ангулемѣ и имѣла уже въ своемъ распоряженіи значительныя силы. Гугеноты сбѣгались со всѣхъ сторонъ и предлагали ей свои небескорыстныя услуги, а слабое и нерѣшительное управленіе герцога де-Люиня снова обратило общее мнѣніе въ пользу Маріи Медичи. Поэтому примиреніе было нелегко и герцогъ поручилъ это дѣло епископу люсонскому. Ришліё, въ величайшей своей радости, получилъ въ Авиньонѣ королевское повелѣніе немедленно отправиться къ вдовствующей королевѣ. Но ловкій прелатъ увѣрилъ ее, что онъ предпринялъ это путешествіе не по приказанію двора, а изъ преданности къ ней. Поэтому, прибывъ въ Ангулемъ, онъ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ королевы, руководителемъ всѣхъ ея

Digitized by Google

дѣйствій. Ему не трудно было внушить ей желаніе сблизиться съ сыномъ и съ дворомъ, но Марія Медичи, какъ и всѣ предводители партій, совершенно зависѣла отъ своихъ приверженцевъ: поэтому всѣ усилія Ришліе почти годъ оставались тщетными. Свиданіе матери съ сыномъ въ Турѣ не произвело ничего, кромѣ лицемѣрныхъ увѣреній во взаимной преданности и привязанности. Притомъ бывшая регентша заботилась не о томъ, чтобы привлечь къ себѣ сердце Людовика Тринадцатаго, а чтобы снова овладѣть потерянною властью, а при видѣ матери, въ душѣ молодаго короля снова возникли подозрѣнія, мучившія его во всю жизнь.

Тутъ случилось событіе, которое весьма хорошо характеризуетъ эти времена слабости и безначалія. Опасаясь знатныхъ, которые грозили ему своей местью за измѣну, де-Люинь пытался было сблизить короля съ вдовствующею королевою; но потомъ, замѣтивъ что Марія Медичи желаетъ только одного—власти, онъ рѣшился противопоставить ей принца Конде, и предводитель мятежной партіи принцевъ, провидѣвъ три года въ заключеніи, былъ освобожденъ. Приведенная въ негодованіе этой отмѣною главной мѣры ея управленія, вдовствующая королева тотчасъ прервала свои переговоры съ дворомъ и призвала къ себѣ на помощь всѣхъ внутреннихъ честолюбцевъ, всѣхъ внѣшнихъ непріятелей. Принцы и знатные раздѣлились: каждый предъявлялъ свои требованія и готовился поддерживать ихъ со шпагою въ рукахъ. Въ Мэнѣ, въ Анжу, въ Поату, въ Сентонжѣ, раздались звуки оружія и частная ссора между герцогомъ де-Люинемъ и герцогомъ д'Эпернономъ разрослась въ междоусобную войну.

Армія сошлись близъ Анжера, но дрались неохотно и предводители ихъ поняли, что пора перестать играть въ войну. Начались переговоры; епископъ люсонскій принялъ въ нихъ дѣятельное участіе и въ августѣ 1620 борьба окончилась всеобщимъ миромъ, заключеннымъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ предъидущіе мирные договоры. Знатные обѣихъ партій получили все чего не требовали. Въ дуракахъ остались только скромные; но этихъ было не много. Въ лотереѣ междоусобной войны, каждый получилъ какой нибудь выигрышъ, а Ришліе самый большой: ему на-

Digitized by Google

значена была кардинальская шапка. Для него еще не настало время вступить въ совѣтъ: тамъ засѣдали люди, сдѣлавшіеся министрами по умерщвленіи маршала Анкрскаго; но въ санѣ кардинала можно было и подождать, да притомъ этотъ же самый санъ подавалъ ему надежду, что ждать придется не долго. Ришліё, къ удовольствію всего двора, и особенно Маріи Медичи, выдалъ любимую свою племянницу за маркиза Комбалѐ, племянника герцога де-Люиня. Вдовствующая королева надѣлила эту дѣвушку приданымъ и твердо была увѣрена, что ея вѣрный совѣтникъ, единственно изъ преданности къ ней, рѣшился вступить въ свойство съ любимцемъ короля.

Несмотря однако жъ на обѣщанія, данныя люсонскому епископу въ Анжерѣ, онъ долго не получалъ кардинальской шапки, потому ли что римская канцелярія была нерасположена къ нему или по интригамъ его непріятелей, которые боялись, что это еще увеличитъ могущество Ришліё. Какъ бы то ни было, только онъ уже въ 1622 году, по кончинѣ кардинала де-Ретцъ былъ возведенъ въ санъ кардинальскій. Между-тѣмъ событія шли своей обычной чередою, дѣла запутывались и по-немногу приближали честолюбиваго прелата къ цѣли всѣхъ его желаній.

Король вознамѣрился дозволить въ Беарнѣ исповѣдованіе католической религіи, которое уже лѣтъ пятьдесятъ было запрещено въ этой провинціи, и реформаты снова принялись за оружіе. Въ Ла-Рошелѣ составилось собраніе; правительство требовало, чтобы оно разошлось; собраніе отказалось и напомнило королю, что реформаты возвели отца его на тронъ.

Находясь въ сильно укрѣпленномъ городѣ, собраніе нисколько не боялось королевскихъ войскъ, и спокойно занималось правительственными мѣрами. Оно раздѣлило все государство на осьмнадцать церковныхъ округовъ, которые подраздѣлялись еще на церкви простыя и слоѣныя. Въ каждый изъ этихъ округовъ опредѣлены были военные начальники и гражданскіе правители; изданы законы для управленія государствомъ и въ мирное и въ военное время. Герцогъ Роганскій и братъ его, герцогъ Субизскій, назначенные главнокомандующими гугенотскихъ войскъ, готовили себѣ такое же положеніе, какое за-

Digitized by Google

нялъ въ Нидерландахъ домъ Оранскій. «По всему было видно, говоритъ Ришліе, что они намѣревались учредить въ государствѣ республику».

Людовикъ Тринадцатый выступилъ въ походъ. Въ этой войнѣ онъ выказалъ блистательную храбрость, единственное качество, которымъ отличался жалкій монархъ, совершившій великія дѣянія тогда только, когда совершенно подчинялся своему министру. Жители Ла-Рошели были объявлены государственными преступниками и виновными въ оскорбленіи королевскаго величія. Людовикъ Тринадцатый взялъ приступомъ городъ Сенъ-Жанъ д'Анжели, а между-тѣмъ герцогъ Мэнскій овладѣлъ Неракомъ и многими крѣпостями въ Гюеннѣ. Но соперничество принцевъ, мучившее Людовика въ Луврѣ, не оставляло его въ покоѣ и въ лагерѣ. Онъ безпрестанно опасался своей матери, которая слѣдовала за арміею; а самонадѣянная неопытность де-Люиня, который былъ пожалованъ въ коннетабли, тяготѣла надъ военными дѣйствіями. Осада Монтобана положила конецъ успѣхамъ королевскаго оружія. Всѣ силы монархіи не могли преодолѣть надежнаго оплота реформатовъ, не столько по геройской оборонѣ жителей этого города, какъ по слабости двора и унынію арміи. Герцогъ Мэнскій палъ подъ стѣнами Монтобана и французское дворянство неохотно повиновалось коннетаблю, который былъ нѣкогда сокольничимъ и учился военному искусству на охотѣ. Де-Люинь былъ вмѣстѣ и хранителемъ печати и коннетаблемъ, почему современники говорили о немъ, что онъ чрезвычайно способный правитель въ военное время и генералъ—въ мирное.

Де-Люинь принужденъ былъ снять осаду Монтобана, не могъ даже взять Монгёра, ничтожнаго мѣстечка въ Лангдокѣ. Притомъ король всѣ болѣе и болѣе охладѣвалъ къ нему, общественное мнѣніе всё болѣе и болѣе противъ него возставало и онъ не чувствовалъ въ себѣ силы бороться съ всеобщимъ, заслуженнымъ презрѣніемъ. Горесть свела его въ гробъ; онъ умеръ и король остался одинъ, безъ опоры. Кто жъ овладѣетъ теперь милостію и довѣренностію государя? спрашивали всѣ, потому что никому и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ дѣйствовать самъ собою. Власть перешла въ могучія руки человѣка, который дол-

Digitized by Google

тое время безмолвно готовился къ борьбѣ на-смерть съ безпокойною, мятежной знатью. Утомленная безпрерывными переворотами, Франція желала власти сильной, съ такой же пламенной страстью, съ какою стремилась она къ деспотизму послѣ всѣхъ безпорядковъ, и Ришліё послѣ регентства, былъ почти тѣмъ же, чѣмъ Наполеонъ послѣ директоріи.

И какія трудныя политическія и общественныя задачи надлежало рѣшить въ то время и во Франціи и въ Европѣ! Во Франціи протестанты, образуя государство въ государствѣ, почти безпрерывно бунтовали; дворъ раздѣлялся на нѣсколько партій, къ которымъ вскорѣ присоединилась еще партія Гастона Орлеанскаго, брата Людовика Тринадцатаго. Европа, взволнованная реформою, еще не устоялась. Въ Германіи начиналась Тридцати-лѣтняя война. Императоръ Фердинандъ Второй восторжествовалъ надъ Богеміею и выгналъ оттуда курфирста Фридриха, на котораго протестанты возложили королевскую корону; но протестантскіе принцы возобновили Смалькальденскій союзъ и Швеція уже готовилась выступить вслѣдъ за Даніею на поприще битвъ. Императоръ съ своей стороны дѣлалъ огромныя приготовленія и вокругъ него собирались всѣ силы католиковъ. Валленштейнъ возникался какъ звѣзда первой величины на мрачномъ горизонтѣ Германіи и уже изучалъ въ небесахъ таинственныя предвѣщанія своего величія. Императоръ Фердинандъ старался возобновить тѣсную связь Австріи съ Испаніею и дѣйствовалъ за-одно съ кабинетомъ Санъ-Лоренсо, чтобы господствовать надъ Италіею. Главною мыслію его было снова начать дѣло Карла Пятаго. Филиппъ Четвертый, который по смерти отца своего вступилъ на престолъ испанскій и владѣлъ всею полуденною Европою, отъ Неаполя до Лиссабона, во всемъ согласовался съ своимъ родственникомъ. Принудить Англію къ бездѣйствію, возбудивъ тамъ католическую партію, лишить Францію вліянія на внѣшнія дѣла, подкупивъ принцевъ и знатныхъ, которые безпрерывно возмущали ея внутреннее спокойствіе; уничтожить Голландію и отмстить ей за долговременное перемиріе, къ которому принудила она своихъ прежнихъ властелиновъ; привлечь къ себѣ герцога Савойскаго, чтобы безпрепятственно

Digitized by Google

управлять дѣлами Италіи; противопоставить папу Венеціи и древнее величіе имперіи замысламъ куропрестовъ: за-нозъ былъ обширный планъ, внушенный испанскому кабинету его ненавистною мыслію о всесвѣтной монархіи.

Въ началѣ этой долговременной борьбы императоръ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Извѣстно, что положеніе дѣлъ измѣнилось тогда только, когда, по вступленіи Франціи, вступила на поприще Швеція. Если бы Ришліе своими смѣлыми соображеніями не остановилъ торжества австро-испанской политики, Франція, не имѣя никакого вліянія на эти важныя событія, конечно, спустилась бы, и можетъ быть на долго, на степень державъ второстепенныхъ.

И между-тѣмъ судьба человѣка, который своими отважными планами и побѣдоноснымъ оружіемъ, приводилъ въ трепетъ всю Европу, зависѣла отъ прихотей королевы, отъ интригъ Гастона, отъ какого-нибудь разговору короля съ своимъ духовникомъ, отцомъ Госсеномъ, или мадмоазель ла-Файеттъ. Вся драматическая занимательность жизни Ришліе заключается именно въ рѣзкой противоположности между строгостію предпріятій и шаткостію основанія колосса, который ихъ замыслилъ.

По смерти коннетабля де-Люиня, вдовствующая королева получила позволеніе засѣдать въ совѣтѣ, и разсчитавшая умѣренность, съ которою она пользовалась этимъ правомъ, расположила на время всѣ опасенія ея сына. Вступленіе Маріи Медичи въ совѣтъ необходимо должно было повлечь за собою вступленіе Ришліе въ министерство. Видя, что это неизбѣжно, и желая угодить вдовствующей королевѣ, герцогъ де-ла-Вьёнвиль предложилъ назначить его статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и король изъявилъ на то свое согласіе. Ришліе было тогда тридцать девять лѣтъ.

Кардиналъ, достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, отказывался отъ званія, которое король возлагалъ на него. Въ Запискахъ своихъ онъ подробно излагаетъ причины, которыя представлялъ Людовику Тринадцатому въ оправданіе своего отказа. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ въ его «Политическомъ завѣщаніи».

«Кардиналъ, говоритъ онъ, по многимъ соображеніямъ

Digitized by Google

и многимъ причинамъ, отказывался сколько было возможно. Онъ представлялъ королю, что Господъ Богъ надѣлилъ его нѣкоторыми качествами и силою ума, но съ такою слабостію тѣла, что это послѣднее качество мѣшаетъ ему пользоваться остальными въ шумѣ и треволненіи свѣта. Въ доказательство справедливости словъ своихъ, онъ говорилъ, что готовъ исполнять все, что̀ королю угодно будетъ возложить на него и въ публичныхъ и въ частныхъ дѣлахъ, готовъ служить ему всѣми своими способностями, не только не присутствуя въ совѣтѣ. Чтобъ быть членомъ совѣта, надобно выполнять столько условій несовмѣстныхъ съ слабостію его сложенія, не всѣмъ извѣстною, что онъ считаетъ долгомъ совѣсти отказаться отъ этой чести» и прочее.

Чтобы попасть въ совѣтъ, Ришліё указывалъ на свой костыль; вступивъ туда, онъ его отбросилъ. Принявъ управленіе иностранными дѣлами, онъ на другой же день началъ распоряжаться въ совѣтѣ самовластно. Кардинальскій санъ давалъ ему право предсѣдательствовать въ совѣтѣ, чего, впрочемъ, никто у него и не оспоривалъ, и этотъ человѣкъ, столь покорный при маршалѣ Анкрскомъ, столь гибкій и уступчивый при коннетаблѣ де-Люинѣ, вдругъ обнаружилъ свой повелительный характеръ, котораго никто и не подозрѣвалъ въ немъ. Дѣло въ томъ, что теперь уже передъ нимъ не было никого, кто бы могъ ему противиться, и необходимо было господствовать надъ королемъ: иначе бы онъ увернулся отъ своего министра и подставилъ шею подъ ярмо какого-нибудь ничтожнаго любимца. Въ то время, когда Ришліё вступилъ въ совѣтъ, мѣсто было не занято и надлежало тотчасъ овладѣть имъ, чтобы самому удержаться.

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ какими средствами ему удалось надолго подчинить себѣ непостояннаго Людовика Тринадцатаго.

=

Digitized by Google

О ВЪ УЧРЕЖДЕНІИ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЧЕСКОЙ КОМПАНІИ НА АКЦІЯХЪ

ДЛЯ ТОРГОВЛИ ХЛѢБОМЪ.

Тысячу разъ было сказано, и никто въ томъ не сомнѣвается, что, въ Россіи, главный источникъ государственнаго и народнаго богатства — земледѣліе. Много пишутъ, разсуждаютъ и говорятъ о способахъ къ его усовершенствованію, но оно всё-таки какъ будто не подвигается. Удачные частные примѣры, мѣстныя хорошія нововведенія, остаются только примѣрами и нововведеніями, изъятыми случаями отдѣльныхъ успѣховъ, которымъ не стараются подражать даже ближайшіе сосѣди. Равнодушіе! невѣжество! рутина—говорятъ агрономы: пусть ихъ говорятъ; а кто посудитъ здравымъ русскимъ толкомъ, несбитымъ мечтательными теоріями, такъ скажетъ, что это—очень натурально: иначе и быть не можетъ! Вы намъ говорите, господа агрономы: «учитесь *ученому* земледѣлію, учитесь земледѣлію *раціональному*, подражайте земледѣлію англійскому, бельгійскому, ломбардскому, китайскому, покупайте усовершенствованныя орудія, разводите скотоводство и плодопеременности». Очень хорошо. Но кто мнѣ возвратитъ капиталъ, который я положу на мое ученіе, на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ орудій, на покупку богатыхъ породъ скота? Мои произведенія? мой хлѣбъ, котораго пудъ я продаю по гривеннику, когда годъ мало-мальски урожайный или, всё-равно, когда земледѣльческія усовершенствованія мои и моихъ сосѣдей вѣнчаются успѣхомъ и доставляютъ всѣмъ намъ хорошія жатвы? Я готовъ, по вашему совѣту, перенять всѣ пріемы у англійскаго, бельгійскаго и ломбардскаго

Digitized by Google

земледѣлія, если вы мнѣ доставите англійскіе, бельгійскіе и ломбардскіе пути сообщенія, которыхъ огромная, плоская, безрѣчная, почти безморская Россія, по своему геологическому устройству и географическому положенію, имѣть не можетъ, эти частые, многочисленные города, которые на всемъ пространствѣ страны содержатъ хлѣбъ въ высокой и, главное, вездѣ *ровной* цѣнѣ. Безъ этого, по-напрасну хлопочете. Не только полеводство и скотоводство, но даже и инструментная часть сельскаго хозяйства не выйдетъ изъ своего первобытнаго, грубаго состоянія, потому единственно, что земледѣльцы наши не видятъ вознагражденія за труды свои по причинѣ ничтожества цѣнъ на хлѣбъ, даже при посредственномъ урожаѣ. Исполненный патріотическихъ чувствованій, всякой русскій хозяинъ съ признательностью смотритъ на заботливость нашихъ экономистовъ и агрономовъ объ улучшеніи и усовершенствованіи отечественнаго земледѣлія. Равнодушія въ насъ нѣтъ. Къ рутинѣ мы отнюдь не такъ привязаны, какъ насъ увѣряютъ. Боже мой! можно ли русскаго человѣка обвинять въ пристрастіи къ старинѣ послѣ Петра Великаго? Наша нынѣшняя слабость напротивъ—подражать всему иностранному, подражаемому и неподражаемому. Да и кто себѣ врагъ на пахатной землѣ? Какъ можно не цѣнить, не перенимать, не заводить на своемъ родномъ полѣ того, что должно умножить наши доходы и уменьшить опасности отъ голодныхъ годовъ! То, чему насъ учатъ, что намъ преподано, мы все поняли и уразумѣли досконально. Мы вытвердили наизустъ всѣ способы распознавать почвы, удобрять ихъ сообразно съ качествомъ, давать каждому растенію кушать то, что ему по сердцу и по животу; новыя, чудесныя земледѣльческія орудія и машины намъ указаны и мы съ полнымъ вниманіемъ наблюдали примѣненіе ихъ къ практическому дѣйствованію. Наша братья готова все это принять въ повсемѣстное руководство и увѣрена какъ-нельзя лучше, что образцовыя выгоды, которыя должны доставить намъ нововведенія, могутъ осуществиться. Это несомнѣнно. Но мы требуемъ разсмотрѣнія слѣдующаго вопросу: возможно ли частному лицу, одинокому земледѣльцу, изучившему и узнавшему все это, возмож-

Digitized by Google

но ли ему личными трудами своими, по показаннымъ въ книгахъ и даже на дѣлѣ образцамъ, обработать свой участокъ земли и завести на немъ такія орудія и машины? Если предположить у насъ капиталы,—предположеніе было бы довольно смѣлое, но предполагать можно все на свѣтѣ, даже деньги у русскаго земледѣльца,—и предположить въ насъ всю подобающую готовность употребить эти капиталы на орудія и машины, то надо также предположить и кое-какое знаніе ариѳметики. Каждый изъ насъ прежде всего долженъ же спросить себя: можетъ ли капиталъ, положенный на это, быть вознагражденъ, за покрытіемъ всѣхъ годовыхъ издержекъ, годичнымъ урожаемъ, хотя бы урожай былъ самъ-двадцать? и въ состояніи ли будетъ, при этихъ издержкахъ, земледѣлецъ, взятый въ одномъ тяглѣ, бездоимочно уплачивать государственныя подати, когда цѣна на хлѣбъ не болѣе двадцати-пяти копѣекъ ассигнаціями за пудъ, какъ то часто бываетъ во многихъ губерніяхъ, лишенныхъ водяныхъ сообщеній и способовъ сбывать свои сельскія произведенія?

Люди, въ ариѳметическомъ дѣлѣ смышленые, очень легко могутъ вычислить всѣ потребности поселянина, оцѣнить ихъ количествомъ пудовъ хлѣба, а не рублями, и изъ итога пудовъ хлѣба, по соображенію цѣнъ, вывести денежныя силы земледѣльца. При этомъ разсчетѣ, если оставить земледѣльцу необходимое количество хлѣба на продовольствіе его семейства и скота, откроется, что въ лучшій урожай онъ не болѣе можетъ удѣлить въ продажу, какъ сто пудовъ разнаго хлѣба, и это еще слишкомъ много. Изъ пятаго нумера Санктпетербургскихъ Вѣдомостей благополучно наступившаго 1844 года, каждый можетъ видѣть, что мы — слава Богу! — сыты, жаловаться не можемъ, хлѣбъ повсюду очень дешевъ, а въ черниговской губерніи, гдѣ мимоходомъ будь сказано, течетъ Днѣпръ, рѣка великая и славная, пудъ ржи недавно продавался по четырнадцати копѣекъ ассигнаціями. Слѣдовательно за 100 пудовъ земледѣлецъ тамъ получилъ только 14 рублей ассигнаціями, или четыре цѣлковыхъ. А между-тѣмъ нужды поселянина, государственныя и житейскія, едва-ли можно удовлетворить ста рублями. Сто рублей! Это для нѣкоторыхъ губерній представляетъ около *семи сотъ пудовъ*

хлѣба, для другихъ пять сотъ, триста или, по меньшей мѣрѣ двѣсти! Безъ ста рублей трудно справиться поселянину. На одно тягло надо положить три души малолѣтнихъ, съ умершими и отданными въ рекруты: слѣдовательно, однѣхъ государственныхъ податей и другихъ повинностей оно должно платить въ общей сложности до шестидесяти рублей ассигнаціями. А житейскія его потребности, ремонтъ сбруи, сохи, косы, серпа, топора, покупка соли, и прочая: все это, какъ извѣстно, требуетъ пятидесяти рублей въ годъ. По ограниченной пропорціи, ведро вина на тягло,— безъ этого русскій крестьянинъ не сдѣлаетъ ни помочи при уборкѣ хлѣба, ни проведетъ своего праздника, ни даже не отдохнетъ отъ трудовъ,—на эту статью нужно ему десять рублей пятьдесятъ копѣекъ. Для выкурки этого ведра купятъ у него не болѣе одного пуда десяти фунтовъ ржи. Между-тѣмъ, земледѣлецъ, на покупку этого ведра вина долженъ употребить по черниговскимъ цѣнамъ семьдесятъ пять пудовъ ржи. Вотъ уже слишкомъ сто двадцать рублей неизбѣжныхъ издержекъ въ году для поселянина. Послѣ этого, нечего приписывать затрудненій земледѣльца необразованности земледѣлія. Эти затрудненія всегда будутъ существовать, потому что нужды его увеличиваются безпрестанно, а цѣны на хлѣбъ, въ урожайный годъ, и теперь еще такія же, какія были въ шестнадцатомъ столѣтіи. Не остается другаго средства какъ, для удовлетворенія неизбѣжныхъ нуждъ, продавать рабочій скотъ и лишаться самыхъ земледѣльческихъ орудій. Въ оренбургской губерніи, во многихъ татарскихъ селеніяхъ, гдѣ, слѣдовательно, даже и вина не пьютъ, гдѣ вовсе не предаются невоздержности, поселяне дошли до того, что семь и десять дворовъ, на правѣ товарищества, составляя для пашни одинъ только сабанъ въ видѣ обыкновенной сохи, запрягаемый въ пять или шесть лошадей, обработываютъ землю поочередно, три дни для одного, потомъ для другаго, и такъ далѣе, теряютъ короткое рабочее время, засѣваютъ хлѣба слишкомъ мало и терпятъ величайшую нужду; бо́льшая часть ихъ, вовсе оставила домашнее хозяйство, и вѣчно нанимается въ годовые работники за плату, едва достаточную на взносъ податей. Невѣжество ли въ земледѣльческомъ дѣлѣ виновато этому? Нѣтъ.

Digitized by Google

нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Виновато одно только то обстоятельство, что цѣны на всѣ предметы безпрерывно возвышаются, а цѣны на хлѣбъ остаются всё тѣ же, по физическимъ неудобствомъ русской земли. Какъ можно сказать, что русское земледѣліе неподвижно, что оно не дѣлаетъ успѣховъ? На томъ же мѣстѣ, гдѣ за полтора столѣтія жило двѣнадцать милліоновъ человѣкъ, теперь живетъ сорокъ осемь милліоновъ кореннаго русскаго народа, новей почти нѣтъ, почвы выпахались, и при малѣйшемъ урожаѣ некуда дѣвать хлѣба! Можно ли сравнить упряжь, инструменты, заботливость, трудолюбіе, промышленость нынѣшняго нашего земледѣльца съ тѣмъ, что было при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ? Нѣтъ, порокъ земледѣлія нашего не состоитъ въ неподвижности; оно напротивъ движется впередъ слишкомъ скоро въ сравненіи съ цѣнами на его произведенія, потому что кормитъ нынче вчетверо болѣе народу и всё-таки принуждено сбывать свои продукты по цѣнамъ, водившимся при вчетверо меньшемъ населеніи. Горе его, слѣдовательно, не невѣжество, не неумѣнье добывать большое количество произведеній, не равнодушіе къ улучшеніямъ, но окаменѣлость цѣнности хлѣба, пораженной вѣковою неподвижностью. Этотъ несомнѣнный фактъ подаетъ поводъ многимъ изъ нашихъ ученыхъ экономистовъ къ выхваливанію чудесныхъ дѣйствій мануфактурной промышлености. По ихъ теоріи, въ мануфактурахъ—единственное спасеніе для нашего земледѣлія: надо, говорятъ они, уменьшить число рукъ, добывающихъ хлѣбъ, обративъ ихъ къ промышлености другаго роду; тогда одна половина народа будетъ пахать землю, а другая кушать плоды трудовъ ея, и цѣнность хлѣба возвысится. Съ перваго взгляду, эта блистательная мечта кажется похожею на дѣло. Но не трудно доказать, что она —только мечта, чадо пылкаго воображенія и обольстительной односторонности. Намъ указываютъ на Англію. Да въ Англіи, — въ этихъ случаяхъ говорится всегда о собственной Англіи, а не о всей Великобританіи,—высокія цѣны на хлѣбъ происходятъ вовсе не отъ того, что мануфактурною промышленостью занимается тамъ пятая часть народонаселенія (3,000,000 человѣкъ), но единственно отъ ровнаго всегда раздѣленія хлѣба по всему государству при

Digitized by Google

сжатости совершенно морской страны, при возможности и помощи безчисленныхъ и отличныхъ путей сообщенія и благодаря сильной торговой промышлености. Мы видимъ, сколько могутъ произвесть издѣлій три милліона человѣкъ, отданныхъ мануфактурамъ. Земля уже тѣсна для плодовъ ихъ труда, размножаемаго волшебствомъ машинъ. Если Россія когда-либо увидитъ у себя три милліона мануфактурныхъ работниковъ, то и она не будетъ знать, куда дѣвать свои издѣлія. Для внутренняго потребленія нашего три милліона мануфактуристовъ — самое высокое число рукъ, какое можно отдѣлить отъ производства хлѣба. Это кушающее народонаселеніе можетъ образоваться у насъ только изъ дворовыхъ людей и отставныхъ солдатъ. Но оно существуетъ и теперь! У насъ несравненно болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ, которые хлѣба не производятъ, а только потребляютъ его, не считая городовъ. Возьмите огромную массу нашихъ дворовыхъ людей, возьмите огромнѣйшую въ мірѣ армію, возьмите еврейское народонаселеніе: окажется, что у насъ, непроизводящихъ потребителей хлѣба, желудковъ, соотвѣтствующихъ англійскимъ мануфактурнымъ, въ полтора раза болѣе чѣмъ въ Англіи. Однако жъ это не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на цѣнность нашего хлѣба. Прибавьте къ нимъ, если угодно, еще три милліона предполагаемыхъ въ будущемъ мануфактурныхъ работниковъ: цѣнность хлѣба всё-таки не измѣнится, потому что въ то же время общее народонаселеніе государства умножится десятью или двадцатью милліонами душъ, бо́льшее количество земель будетъ разработано и земледѣліе произведетъ новую прибавочную массу хлѣба.

...Неужели же мы на вѣчныя времена обречены продавать нашъ хлѣбъ по четырнадцати, двадцати пяти или сорока копѣекъ?.... Вотъ на что́ наши агрономы и экономисты не обращаютъ вниманія: не два или три милліона лишнихъ непроизводящихъ потребителей опредѣляютъ въ Англіи и вездѣ, гдѣ есть хорошія и легкія сообщенія, цѣну хлѣба но сама природа, другими словами, *неурожаи*. Несмотря на всѣ усовершенствованія сельскаго хозяйства въ Англіи, такъ же какъ у насъ, каждый годъ извѣстная часть государства болѣе или менѣе страждетъ неурожаемъ, а круглымъ числомъ каждые пять лѣтъ случается общій неурожайный

Digitized by Google

годъ. Обладая на маленькомъ пространствѣ безчисленными каналами, каменными и желѣзными дорогами, сплавными рѣками и огромнѣйшимъ развитіемъ морскихъ береговъ, Англія, при помощи богатыхъ и дѣятельныхъ торговыхъ компаній, безпрерывно передвигаетъ свой хлѣбъ по всему государству съ удивительною легкостью, какъ шашки по шахматной доскѣ, мгновенно наполняя имъ пустыя мѣста и сохраняя избытокъ въ запасѣ на случай общаго неурожайнаго года. Такимъ образомъ, хлѣбъ тамъ всегда распредѣленъ по-ровну на всей поверхности острововъ и цѣны вездѣ ровны: между Лондономъ и самымъ отдаленнымъ мѣстечкомъ почти нѣтъ примѣтной разницы въ цѣнахъ этого основнаго матеріала питанія; всегда повсюду удерживается онъ въ одинаковой цѣнѣ, пудъ пшеницы отъ 5 до 6 рублей ассигнаціями, пудъ ржи отъ 3 до 4. Вотъ настоящая тайна англійскаго земледѣлія какъ народнаго богатства! То же самое происходитъ въ Бельгіи и въ Италіи. Хорошо быть земледѣльцемъ тамъ, гдѣ произведенія вашей земли тотчасъ сами собою приходятъ въ движеніе, легко отыскиваютъ себѣ выгодный сбытъ и не залежатся на-мѣстѣ. Плохо земледѣльцу тамъ, гдѣ, по физическому устройству страны, надо продать свой тяжелый, неподвижный хлѣбъ за безцѣнокъ, чтобы добыть копѣйку на удовлетвореніе первыхъ потребностей.

Не обвиняйте же насъ въ невѣжествѣ, когда земледѣліе наше не перенимаетъ вашихъ ученыхъ пріемовъ. Не для чего перенимать: вотъ и все тутъ! Тогда какъ въ окрестностяхъ двухъ или трехъ большихъ городовъ и въ областяхъ пораженныхъ частнымъ неурожаемъ, цѣны на хлѣбъ довольно выгодны, въ остальной части нашей сухой и обширной земли онъ отдается почти даромъ жителю среднихъ городовъ или жадному спекулянту, потому что онъ самъ собою *неподвиженъ*. Но вы тотчасъ заговорите мнѣ о годахъ болѣе или менѣе общаго неурожаю. Тутъ-то и ожидаю я васъ, господа земледѣльческіе раціоналисты. Да! общій неурожай постигаетъ насъ положительно одинъ разъ каждые пять лѣтъ; тогда сами земледѣльцы вынуждены покупать для себя хлѣбъ слишкомъ по два рубля за пудъ. Съ перваго взгляду, такое возвышеніе цѣны подаетъ умозри-

Digitized by Google

дѣлать поводъ къ совершенно естественному заключенію, будто одинъ неурожайный годъ покрываетъ четыре урожайныхъ и дешевыхъ. Но возьмемъ дѣло на мѣлокъ: нѣтъ ничего яснѣе ариѳметики. Тягло, какъ мы видѣли, можетъ продать въ годъ много-много сто пудовъ разнаго хлѣба. Положимъ четыре года постояннаго и большаго урожаю. Положимъ, что втеченіи этого времени тягло продавало даже по полтораста пудовъ. Положимъ еще, что при такомъ изобиліи хлѣба, какимъ-то чудомъ цѣны были постоянно выгодныя, напримѣръ по осьмидесяти копѣекъ за пудъ. Это составитъ сто двадцать рублей въ годъ: мы видѣли, что тяглу на подати и первыя потребности жизни и хозяйства нужно именно сто двадцать рублей ежегодно. Сколько же тутъ осталось на худой годъ? Въ неурожайный годъ у хозяина ровно нечего продать: вотъ онъ уже въ долгу покрайней-мѣрѣ рублей на шестьдесятъ: это итогъ податей съ его тягла. Теперь надо купить хлѣба на прокормленіе семейства и обсѣмененіе полей: опять рублей шестьдесятъ долгу. Хорошо покрытіе четырехъ хорошихъ годовъ пятымъ худымъ! Стоитъ только взглянуть въ началѣ самаго урожайнаго года на пустоту сельскихъ гуменниковъ, чтобы убѣдиться до какого положенія приводитъ поселянина страшная несоразмѣрность цѣнъ на хлѣбъ въ урожайные годы съ дороговизною всего прочаго и съ безпрерывнымъ увеличеніемъ его необходимыхъ издержекъ. Онъ долженъ былъ продать даже количество хлѣба, нужное на сѣмена. Словомъ, урожайный годъ — разореніе для земледѣльца, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ сбыту; а неурожайный — гибель его: онъ обогащаетъ однихъ только хлѣбныхъ торговцевъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, запасающихся хлѣбомъ за безцѣнокъ во время урожаевъ; для земледѣльцевъ же дорогой годъ ни мало неутѣшителенъ; а если не родилось и столько, сколько нужно для семейнаго продовольствія, то дорогой годъ — бѣда его. Вотъ причина, отнимающая у него охоту, не только къ изъисканному, мудреному обработыванію земли, но даже къ вѣковому, обыкновенному рутинному, *невжественному*, какъ вы изволите говорить. Не видя вознагражденія за труды, онъ вдается въ мелочное торгашество, пріучающее простолюдиновъ къ плутовству и вредному праздношатательству.

Digitized by Google

Для улучшенія быту земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, для усовершенствованія нашего земледѣлія, нужно только одно, — именно, то, что̀ способствуетъ въ Англіи, Бельгіи и Италіи процвѣтанію сельскаго хозяйства, — нужно привесть въ возможное однообразіе цѣны на хлѣбъ по всему государству. Когда пудъ хлѣба будетъ повсюду, въ урожайные и неурожайные годы, не дешевле и не дороже одного рубля двадцати копѣекъ, тогда наше земледѣліе разовьется удивительнымъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ и мы докажемъ, что въ невѣжествѣ и пристрастіи къ рутинѣ упрекать насъ нельзя.

Но какъ достигнуть до этого результата? Кто можетъ пособить вѣковому горю? Кто долженъ подумать о приведеніи цѣнъ на хлѣбъ въ ровность и выгодное состояніе? Отвѣтъ: сами производители хлѣба; помѣщики; землевладѣльцы. Отчего бы всѣ русскіе помѣщики не могли составить между собою всеобщей торговой компаніи на акціяхъ, которая покрыла бы Россію сѣтью своихъ операцій, взяла въ руки продажу произведеній своихъ акціонеровъ, и распредѣляла хлѣбъ нашъ по ровну на всемъ пространствѣ государства. Нужна только умная голова для управленія дѣломъ: капиталы найдутся. Благодѣтельное Правительство, за важныя услуги и обязанности, которыя такая компанія приняла бы на себя, охотно даровало бы ей разныя привилегіи и льготы. Ея облигаціи принимались бы всѣми, какъ наличныя деньги и, когда кредитъ компаніи утвердился бы на прочномъ основаніи, само казначейство не отказалось бы отъ уваженія къ столь вѣрнымъ векселямъ. Компанія обязалась бы продовольствовать всю Россію всегда по одинаковымъ цѣнамъ, установленнымъ по согласію съ правительствомъ на извѣстное число лѣтъ, и улучшать пути доставленія въ мѣстахъ, лишенныхъ водяныхъ и желѣзныхъ сообщеній: въ этомъ послѣднемъ условіи, столь выгодномъ для государства — нужда и польза самой компаніи; она, по естественному ходу дѣлъ своихъ, принуждена была бы пролагать на свой счетъ дороги къ большимъ рѣкамъ, класть торцовые проѣзды и желѣзные рельсы, очищать главныя теченія отъ препятствій и опасностей, чтобъ быстро, удобно и дешево

Digitized by Google

передвигать массы хлѣба въ тѣ мѣста, гдѣ обнаруживается неурожай, заграничное требованіе или вызовъ военныхъ начальствъ. Монополіи тутъ быть не можетъ. Какая монополія, гдѣ *всѣ* производители участвуютъ въ продажѣ своихъ собственныхъ продуктовъ черезъ свое довѣренное лицо, правленіе компаніи? Одни лабазники пострадали бы при этомъ случаѣ: но пусть ихъ продаютъ хлѣбъ насчетъ компаніи по ровнымъ, установленнымъ, цѣнамъ, съ приличнымъ процентомъ въ свою пользу. Это по-крайней-мѣрѣ будетъ честная мелочная торговля, чуждая безнравственной спекуляціи на нужду поселянина или мотовство помѣщика. Большіе хлѣботорговцы, привыкшіе къ своему обороту и имѣющіе связи съ иностранными рынками, упроченныя многолѣтнимъ кредитомъ, промыслу этого не оставятъ: они охотно будутъ платить за хлѣбъ дороже, покупая его безъ хлопотъ и обмановъ у компаніи, и перепродадутъ всегда съ большою выгодою; они даже очень рады будутъ отдѣлаться такимъ образомъ отъ нынѣшнихъ *закупщиковъ*, которые такъ часто причиняютъ имъ важные убытки своей несостоятельностью, неакуратностью, готовностью на разныя хитрости и приносятъ столько вреда русскому кредиту по заграничной торговлѣ. Но продавая дороже, компанія поставитъ русскій хлѣбъ иностраннымъ коммиссіонерамъ всё-таки дешевле нынѣшняго, потому что теперь, черезъ бородатыхъ закупщиковъ, хлѣбъ, котораго пудъ стоитъ во внутреннихъ губерніяхъ осемь гривенъ, обходится лондонскому купцу въ четыре и пять рублей. Одно уже это обстоятельство показываетъ, что торговлю хлѣбомъ надо подчинить особеннымъ правиламъ, съ пользою для государства и для земледѣльцевъ.

Откуда взять капиталъ, достаточный на такіе обширные обороты?—Отъ самихъ же производителей хлѣба, отъ землевладѣльцевъ.—Чтобы пользоваться выгодами, приносимыми компаніею, надо вступить въ нее. Она должна положить правиломъ, что покупаетъ хлѣбъ по установленнымъ, довольно высокимъ цѣнамъ только у своихъ акціонеровъ, то есть, у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые, напримѣръ, на сто душъ крестьянъ возьмутъ одну акцію во сто рублей се-

Digitized by Google

ребромъ. Вся Россія вступитъ въ компанію; самый мелкій и бѣдный землевладѣлецъ тотчасъ найдетъ сотню рублей, потому что въ одинъ годъ онъ выручитъ за нихъ вдвое или втрое болѣе. Акціи непремѣнно пойдутъ вверхъ, и въ скоромъ времени эти сто рублей будутъ представлять капиталъ въ пятьсотъ или тысячу рублей. Какъ не достать денегъ! Казна сама возьметъ акціи на томъ же положеніи за своихъ крестьянъ. Вотъ уже капиталъ въ двадцать милліоновъ рублей серебромъ. Капиталисты и богатое купечество возьмутъ на свою долю акціи на десять милліоновъ, какъ скоро увидятъ успѣшное начало. Въ три или четыре года соберется капиталъ милліоновъ въ тридцать серебромъ. Образованіе его пойдетъ тѣмъ легче, что значительную часть своихъ акцій компанія можетъ промѣнять на товаръ, на хлѣбъ. Учреждаясь на правилахъ публичнаго банка, компанія исходатайствуетъ себѣ уставомъ право выпустить въ обращеніе своихъ кредитныхъ облигацій на сумму равную ея наличному капиталу. Вотъ уже шестьдесятъ милліоновъ рублей серебромъ. Правительство имѣло бы всегда достаточное обезпеченіе: во-первыхъ, въ огромныхъ запасахъ хлѣба въ магазинахъ компаніи; во-вторыхъ, въ самыхъ ея наличныхъ капиталахъ, остающихся безъ употребленія, которые были бы всегда помѣщены въ государственныхъ банкахъ; сверхъ-того компанія приняла бы на себя всю поставку провіанта для армій; она продовольствовала бы народъ въ случаяхъ частнаго и общаго неурожая; она кормила бы города. Правленіе ея состояло бы, разумѣется по выборамъ акціонеровъ, изъ знаменитѣйшихъ сановниковъ государства, важнѣйшихъ землевладѣльцевъ и первыхъ въ имперіи негоціантовъ, изъ людей съ вѣсомъ и умомъ, опытныхъ въ дѣлахъ, усердныхъ къ общему благу, благоразумныхъ въ совѣтахъ. Государственное казначейство находилось бы по-необходимости въ текучемъ разсчетѣ съ кассою компаніи. Въ случаѣ непредвидимой нужды оно могло бы дѣлать значительные займы у компаніи за весьма умѣренные проценты съ предоставленіемъ ей права вычесть полученную впередъ сумму изъ платы землевладѣльцамъ, которые осенью представятъ ей свой хлѣбъ, и снабдить ихъ квитанціями: казначейства пріймутъ эти квитанціи въ счетъ податей. Та-

Digitized by Google

нимъ образомъ для государственнаго казначейства образовался бы родъ Англійскаго Банка, солидный въ денежныхъ дѣлахъ товарищъ и помощникъ, источникъ неисчислимыхъ благъ для земледѣлія и промышлености, для финансовъ и для народа. Для правительственныхъ финансовъ первымъ благомъ было бы уже то, что, при этой системѣ, голодные годы вовсе не страшны, а податныя недоимки невозможны, и что всѣ поставки провіантовъ для армій производились бы исправнѣе, дешевле, по опредѣленнымъ и постояннымъ цѣнамъ. Для ближайшаго наблюденія за благоразуміемъ дѣйствій компаній и для легкости взаимныхъ сдѣлокъ, операцій, и условій между ней и правительствомъ, довѣренные члены министерствъ финансовъ, удѣловъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ могли бы быть членами ея правленія. Какъ весь хлѣбъ, производимый землевладѣльцами и ихъ поселянами, поступалъ бы въ продажу не иначе какъ черезъ компанію, то правительство, безъ всякихъ хлопотъ, тотчасъ узнало бы земледѣльческіе доходы всѣхъ частныхъ имѣній и опредѣлило бы настоящую цѣнность различныхъ земель: контроля вѣрнѣе нельзя и придумать, а тамъ уже легко было бы опереть подати на землю, отчего государственные доходы умножились бы несомнѣнно. Развитіе народнаго богатства, естественно слѣдующее за присвоеніемъ произведеніямъ земледѣлія приличной, ровной и на извѣстное число лѣтъ постоянной цѣнности, доставило бы государству новый источникъ доходу изъ постепенно усиливающагося потребленія предметовъ, обложенныхъ пошлинами. Самая служба много выиграла бы отъ учрежденія такой компаніи: землевладѣльцы, находящіеся на службѣ, пользуясь болѣе ровными и выгоднѣйшими доходами отъ своихъ отчинъ, не были бы такъ часто принуждаемы вдругъ оставлять свое поприще, чтобы спасать имѣніе отъ слѣдствій урожайныхъ или неурожайныхъ годовъ. Крестьяне почти повсюду достигли бы приличнаго довольства и благословляли бы свою судьбу.

На случай неурожайныхъ годовъ, почти всѣ государства съ давняго времени предпринимали заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; но опытъ доказалъ, что ни пра-

Digitized by Google

вительства, ни частные люди не имѣли въ этомъ желаемаго успѣху. Нынче у насъ продовольствіе обезпечивается гораздо благонадежнѣе учрежденіемъ общественныхъ запашекъ. При всемъ томъ, продажа этого хлѣба за безцѣнокъ не вознаграждаетъ земледѣльца за труды. Въ мѣстахъ, не имѣющихъ никакого сбыту, цѣны на произведенія земли устанавливаются винокурами и немногими торговцами, которые, пользуясь народною нуждою передъ срокомъ взносу податей, и зная, что кромѣ ихъ купить некому, рѣшаютъ судьбу земледѣльцевъ по своему корыстолюбивому произволу. Компанія, которая, по условію съ правительствомъ, обязалась бы покупать и продавать хлѣбъ и въ урожайные и въ неурожайные годы по одинаковымъ цѣнамъ, нашла бы въ нынѣшнихъ заведеніяхъ для народнаго продовольствія важную помощь на первый случай: существующія зданія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ надлежало бы предоставить въ ея распоряженіе. Хлѣбъ, купленный компаніей у землевладѣльцевъ, могъ бы оставаться нѣкоторое время въ этихъ зданіяхъ, въ вѣдѣніи ея приставовъ и приказчиковъ, пока не предстанетъ нужда двинуть его въ мѣста потребленія. Землевладѣлецъ, продающій свой хлѣбъ компаніи, обязался бы содержать въ совершенной исправности дорогу, ведущую черезъ его имѣніе къ ближайшей изъ пристаней, избранныхъ на берегахъ сплавныхъ рѣкъ или моря, гдѣ будутъ учреждены главные складочные анбары. Онъ даже принялъ бы на себя доставку своихъ произведеній въ эти анбары по первому хорошему пути. Въ областяхъ, удаленныхъ отъ пристаней, компанія могла бы назначить одинъ или два самые удобныя для себя пункта, куда землевладѣльцы, по востребованію, свозили бы купленный у нихъ хлѣбъ, а отъ этихъ пунктовъ уже сама компанія двигала бы его въ приличное время до береговъ рѣкъ или въ ту сторону, гдѣ возникаетъ требованіе: землевладѣльцы помогли бы ей и подводами и исправленіемъ мѣстной торговой дороги, согласно съ ея правилами или съ временными условіями. Землевладѣльцы радушно оказали бы всевозможное содѣйствіе своей благодѣтельницѣ. Компанія могла бы выдавать имъ, въ несчастныхъ случаяхъ, ссуды подъ залогъ хлѣба, за приличные проценты, и принимать на страхъ

Digitized by Google

хлѣбъ на корню отъ градобитія и даже отъ другихъ физическихъ опасностей. Самимъ уже вступленіемъ въ эту компанію, землевладѣлецъ сдѣлался бы капиталистомъ; его акція или акціи, сначала представляющія малое достоинство, въ скоромъ времени превратились бы для него въ важное денежное средство. Полисы акцій передавались бы изъ рукъ въ руки, какъ наличныя суммы. Онѣ были бы принимаемы и казною, наравнѣ съ банковыми билетами, въ залоги при всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ и подрядахъ. Такимъ образомъ Россія наполнилась бы безпрерывно движущимися капиталами, и изъ совокупленія акцій, изъ мелкихъ вначалѣ взносовъ, вдругъ возникъ бы огромнѣйшій въ государствѣ народный капиталъ, котораго цѣнность возвышалась бы постоянно, потому что компанія получила бы большія и несомнѣнныя выгоды, доказываемыя ежегодно хорошими дивидендами. Выгоды компаніи ясны: если бы она продавала хлѣбъ только десятью процентами дороже того, какъ будетъ покупать его, какой огромный доходъ составило бы это отъ всей массы хлѣба, продающагося въ Россіи! Кромѣ того, при продажѣ каждаго имѣнія, новый владѣлецъ, чтобы пользоваться выгодами учрежденія, долженъ былъ бы вступить въ компанію, то есть, внести вновь въ ея кассу первоначальную цѣну акцій по числу душъ, живущихъ на купленной землѣ, потому что старыя акціи, возвысившіяся въ цѣнѣ, остались бы за прежнимъ владѣльцемъ, а новый, не будучи акціонеромъ не имѣлъ бы права продавать своего хлѣба конторамъ компаніи. Одна уже эта статья приносила бы ей ежегодно огромный доходъ. Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ бы, для своей пользы, выписать себѣ журналъ компаніи, въ которомъ она печатала бы всѣ свои рѣшенія: вотъ опять добрый милліонъ цѣлковыхъ чистаго барыша. Дивиденды могли бъ быть очень велики и лѣтъ черезъ двадцать всякая акція компаніи несомнѣнно равнялась бы порядочному состоянію. Кредитъ ея былъ бы колоссальный, внутри государства и за границею. Кредитные билеты компаніи благоразумно выпускаемые въ оборотъ, оживляли бы промышленность и предпріятія новыми приливами вѣрныхъ замѣнъ монеты. Народное наше богатство начало бы съ этого важного учрежденія новую и весьма блистательную эру, и тогда-то

Digitized by Google

Россія вступила бы дѣйствительно въ кругъ промышленныхъ земель. Она кромѣ того имѣла бы то важное преимущество передъ другими подобными странами, что промышленность ея была бы основана на земледѣліи и въ точности сообразена съ этимъ угловымъ камнемъ всякой полезной и правильной дѣятельности народовъ. Компанія была бы обязана имѣть всегда въ своихъ магазинахъ запасное количество хлѣба, достаточное на потребности цѣлаго года впередъ; впослѣдствіи она могла бы имѣть и двойное количество, на случай двухъ неурожайныхъ годовъ и на непремѣнимыя требованія заграничной торговли. Зная, что происходитъ на поляхъ и анбарахъ всѣхъ земледѣльцевъ, она заранѣе разсчитывала бы съ достовѣрностью нужды продовольственныя и коммерческія, и покупала бы только то количество, которое можетъ быть употреблено выгодно для производителей и безъ отягощенія для потребляющихъ классовъ. Землевладѣлецъ, обезпеченный въ своихъ постоянныхъ доходахъ хорошими цѣнами, не имѣя нужды и *права* продавать за безцѣнокъ на-сторону остальное количество своего хлѣба, не купленное компаніей, принужденъ былъ бы сохранить его на черную годину. Если бы у него накопилось довольно много такихъ остатковъ, онъ понялъ бы, что хлѣба производить слишкомъ много, болѣе нежели какъ нужно на потребности внутренняго и заграничнаго продовольствія и обратился бы къ другому роду сельской промышленности. Компанія такимъ образомъ была бы вѣрнымъ регуляторомъ земледѣльческаго производства, и такъ же спасительно управляла бы движеніемъ нашего хлѣба, первымъ богатствомъ Россіи, какъ Англійскій Банкъ управляетъ движеніемъ денегъ, главною статьею государственныхъ силъ Англіи. Съ начала весны, уѣздныя или губернскія конторы компаніи, состоящія изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ акціонеровъ, исправляющихъ, если угодно, должность свою по выборамъ, срочно и даже безденежно, получали бы ежемѣсячно отъ всѣхъ землевладѣльцевъ, на форменныхъ печатныхъ листахъ, свѣдѣнія о состояніи и успѣхахъ хлѣба ихъ на полѣ. Въ свѣдѣніи своемъ за августъ мѣсяцъ, каждый землевладѣлецъ долженъ былъ бы означить, сколько онъ въ нынѣшнемъ году можетъ представить компаніи хлѣба своего и крестьянскаго

Digitized by Google

въ зернѣ и къ какому времени, или сколько долженъ будетъ купить у нея, въ случаѣ неурожаю, и въ какое именно время. Мѣстныя конторы, составивъ изъ этихъ донесеній табели, отправили бы ихъ въ правленіе компаніи, которое такимъ образомъ знало бы съ достовѣрностью въ началѣ сентября, сколько въ эту минуту хлѣба во всей Россіи и сколько его въ каждомъ уголку, гдѣ избытокъ, гдѣ недостатокъ, откуда надо взять и куда перекинуть, какое количество нужно имѣть въ запасѣ для внутреннихъ потребностей и сколько надо держать въ готовности для заграничной торговли, по свѣдѣніямъ и мнѣнію негоціантовъ, членовъ правленія. Къ октябрю мѣсяцу правленіе компаніи сдѣлало бы общій разсчетъ, и обнародовало бы черезъ свой журналъ, что оно покупаетъ *весь* объявленный хлѣбъ или только *извѣстную его пропорцію*, — три четверти, двѣ трети, пять-седьмыхъ, и такъ далѣе. Преувеличивать своихъ урожаевъ или неурожаевъ землевладѣльцы не могли бы ни подъ какимъ видомъ, потому что болѣе дѣйствительно нужнаго компанія не купитъ, а всякое ложное показаніе имъ же нанесетъ убытокъ. Все было бы ясно и чисто какъ солнце. Цѣнность каждаго имѣнія тотчасъ пришла бы въ самую точную извѣстность. При продажѣ имѣній не могло бъ быть обмановъ. Цѣны на поземельную собственность неизбѣжно возвысились бы отъ возвышенія доходовъ. Всѣ выиграли бы при этой великой мѣрѣ, и частные люди и казна,—казна вдвое,—потому что съ качествомъ своимъ сборщицы податей она соединяетъ званіе самой значительной землевладѣлицы въ государствѣ. Такъ точно, посредствомъ своихъ конторъ Англійскій Банкъ управляетъ движеніемъ капиталовъ въ государствѣ и даже за его предѣлами. Этотъ банкъ, мудрѣйшее и самое благодѣтельное изъ всѣхъ финансовыхъ учрежденій, своимъ благоразуміемъ всегда склоняетъ въ пользу Англіи балансъ обращающихся въ мірѣ денежныхъ массъ. Русская компанія, которая была бы не что иное какъ *взаимное всеобщее застрахованіе урожаевъ, выгодъ и доходовъ всѣхъ земледѣльцевъ имперіи*, умѣла бы очень легко склонить въ пользу Россіи балансъ движенія хлѣба во всемірной торговлѣ. Этотъ результатъ такъ простъ и неизбѣженъ, что предложеніе и не требуетъ доказательствъ. Ка-

Digitized by Google

Какъ скоро могли бы выдержать соперничество съ Россіей, когда компанія дешевле и своевременно начала бы бросать въ торговлю русскія горы хлѣба?

Такимъ мои послѣдніе земледѣльческіе размышленія, которыя иногда веду я въ головѣ своей, между тѣмъ какъ непривычная къ перу рука, держа безприбыльную соху...

.....paterna rura bobus exercet suis.

Мнѣ, повторяю, скажутъ, что я размышляю по-пустому, создаю мечту, предлагаю дѣло, вожделѣнное, спасительное, даже необходимое, но несбыточное. Какъ, мечту? Какъ, несбыточное дѣло? Да что жъ я тутъ предлагаю новаго и невиданнаго? Я просто предлагаю учредить на Руси, изъ частныхъ и правительственныхъ вкладовъ, изъ ничтожнаго взносу отъ каждаго землевладѣльца, по цѣлковому съ православной души, *Королевскій Англійскій Банкъ*. Но предлагаю, не копировать Англійскій Банкъ буквально, а завести подобный ему, существенно приспособленный къ особенному положенію и капитальной нуждѣ Россіи. Тотъ банкъ — для денегъ, а этотъ былъ бы — *банкъ для хлѣба*; для хлѣба, который — наша деньга, нашъ капиталъ, голова и сердце нашихъ финансовъ. Что сдѣлано въ Англіи, то можетъ быть сдѣлано и вездѣ: не боги жъ горшки обжигаютъ! Надобно только вылѣпить горшокъ по печкѣ и поставить его въ своемъ мѣстѣ—*приспособить*—какъ говорится. Если угодно, то, другими словами, предлагаю я, по примѣру германскаго *Zollverein*'а завести на землѣ русской *Brodverein* между землевладѣльцами всѣхъ губерній. Что такое нѣмецкій Цольферейнъ, если не взаимное всеобщее застрахованіе коммерческихъ и финансовыхъ выгодъ между разными частями Германіи, если не торговое общество, которому отдѣльныя владѣнія ввѣрили дѣла свои для избѣжанія затрудненій, отягощавшихъ всю страну, когда каждое владѣніе дѣлало обороты на свой собственный счетъ и по своему личному разумѣнію? Извѣстно всякому, какъ благодѣтельно для Германіи это учрежденіе. Почему жъ русскіе землевладѣльцы не могли бы заключить между собою подобной сдѣлки посредствомъ учрежденія общей компаніи, которой ввѣрили бы они управленіе своимъ хлѣбомъ, отдавъ ей каждый нынѣшнія свои права личной

Digitized by Google

продажи его по разнообразным случайным ценам? Я думаю, что это очень просто, вразумительно и совершенно удобоисполнимо. Это я и предлагаю. Разумеется, умные люди не станут слушать меня, темного Сибиряка. Мне ли подавать им советы! Да я об этом и не думаю. Советовать, сочинять проекты — сохрани меня Боже! Я только бросаю идею. Авось она жива и на семя годна. Авось упадет на богатую умом почву, разовьется, и вырастет великолепным деревом, под сенью которого не будем мы бояться разорения и голоду от неурожайные годы и продавать нашего хлеба по четырнадцати копеек медью от годы обильи и благоденствия, которые — то же разорение. О чем и плачевно молю Всевышнего.

НИКОЛАЙ ТИМАШЕВЪ.

Бугульма.

Digitized by Google

Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла. П. И. Пирогова, *доктора медицины, ординарнаго профессора Императорской Медико-хирургической Академіи, и прочая. Атласъ съ текстомъ русскимъ и нѣмецкимъ. Изданіе М. Д. Ольхина. Санктпетербургъ, 1843—1844.*

Великолѣпнѣйшее и самое замѣчательное въ русской медицинской литературѣ твореніе, плодъ долголѣтнихъ трудовъ геніальнаго человѣка, изданіе, приносящее истинную честь патріотическому усердію перваго изъ нашихъ книгопродавцевъ, должны найти себѣ мѣсто въ этомъ журналѣ, несмотря на кажущуюся неприступность предмету. Мы смѣло говоримъ — «кажущуюся»: это обще принятое мнѣніе о неприступности анатомическихъ разборовъ человѣческаго тѣла для свѣтскаго читателя основано единственно на остаткахъ стариннаго предубѣжденія толпы противъ вскрыванія мертвыхъ; въ сущности—все здѣсь одушевлено занимательностью истинно романическою, все приводитъ въ восхищеніе умъ, расположенный къ любознанію, все просто, ясно, привлекательно, для самаго обыкновеннаго вниманія. Разсматриваніе внутренняго устройства нашего тѣла возноситъ насъ выше самихъ себя и составляетъ источникъ высокаго удовольствія для души: проникая взоромъ въ этотъ удивительный механизмъ, на который исчерпаны всѣ средства земной природы, человѣкъ чувствуетъ себя благороднѣе, убѣждается въ выспренности своего назначенія и, съ искреннею, просвѣщенною вѣрою, предается волѣ благаго

Digitized by Google

Провидѣнія, которое такъ мудро, такъ внимательно расположило въ немъ все для его дѣятельности, могущества, наслажденія и счастія. Нельзя безъ глубокаго восторгу смотрѣть на это изумительное произведеніе божественной механики, на это безподобное сплетеніе тысячи рычаговъ, пружинъ, привязей, подпорокъ, трубокъ, сосудовъ, каналовъ, теченій, дѣйствующихъ за-одно съ математическою вѣрностью на всемъ пространствѣ. Чудное зрѣлище получаетъ еще бо́льшую степень занимательности, когда умный ножъ Пирогова срѣзываетъ ихъ постепенно слоями въ прекрасномъ рисункѣ, на отлично оттѣненныхъ и раскрашенныхъ таблицахъ, и, какъ-будто приподнявъ занавѣсъ, ясно, осязательно обнаруживаетъ ихъ взаимныя отношенія, порядокъ, цѣль и пользу, въ каждомъ отдѣльномъ членѣ. Надобно только слѣдовать за нимъ и смотрѣть. Пять донынѣ вышедшихъ тетрадей этого превосходнаго творенія посвящены разбору руки. Мы будемъ говорить о рукѣ. Отъ всѣхъ тонкихъ и глубокихъ подробностей, которыя могли бы затруднить непривычное вниманіе читателя, мы напередъ отказываемся. Цѣль наша просто—показать точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать предметы, изображенные въ этихъ таблицахъ. Это, вмѣстѣ, облегчитъ просвѣщенному любопытству чтеніе пояснительнаго текста, излагающаго названія, форму и назначеніе каждой части, мастерски приспособленнаго къ достиженію предположенной пользы въ искусствѣ, и исполненнаго чрезвычайно свѣтлыхъ взглядовъ, счастливыхъ соображеній, новыхъ открытій.

Если общій механизмъ человѣческаго тѣла—верхъ совершенства во всемъ созданіи, то рука, безспорно, цвѣтъ и честь этого механизма. Въ природѣ, нѣтъ ничего выше и удивительнѣе. Рука—наружное орудіе безсмертной души, внѣшняя исполнительница всѣхъ ея помышленій, дѣйствующій рычагъ сокровенной частицы Божества.

Digitized by Google

которую мы носимъ въ себѣ, магическій жезлъ владычества человѣка надъ природою. Рука—творящій источникъ всего нашего благосостоянія, всего величія. Рука—самое неисповѣдимое проявленіе безконечной созидательной Мудрости, которая все устроила и все охраняетъ. Пораженные ея глубоко разсчитаннымъ устройствомъ, Галенъ и Авиценна, написали отдѣльные трактаты объ этомъ чудесномъ членѣ. Белль избралъ устройство руки главнымъ доказательствомъ существованія всеобщаго Провидѣнія и величія Творца, и посвятилъ этому предмету цѣлую книгу. Пироговъ начинаетъ съ руки разборъ человѣческаго тѣла. Все это показываетъ, что мы приступаемъ къ предмету, истинно великому и въ высочайшей степени способному вознаградить читателя удовольствіемъ за вниманіе, несмотря что дѣло идетъ объ *анатоміи*. Не пугайтесь названія. Анатомія—земная астрономія. Чудеса неба она показываетъ здѣсь на землѣ, въ этихъ маленькихъ мірахъ, которые мы называемъ органическими существами.

Наука имѣетъ полное право почитать руку исключительною принадлежностью человѣка. Если подъ словомъ «рука» разумѣть только членъ, на которомъ большой палецъ можетъ принимать перпендикулярное положеніе къ другимъ пальцамъ и составлять орудіе для лучшаго схватыванія, то сюда подойдутъ и такъ называемыя *четверорукія* животныя, или обезьяны. Но у обезьянъ и переднія и заднія оконечности, то есть, и руки и ноги, приспособлены къ ихъ образу хожденія, перелазыванію и перескакиванію съ одной вѣтви дерева на другую, къ чему у нѣкоторыхъ породъ этихъ животныхъ служитъ и хвостъ, составляя для нихъ пятый, очень полезный членъ.

Вооруженныя оконечности приносятъ большую пользу многимъ животнымъ. Но человѣкъ утратилъ бы все свое могущество съ такими орудіями. «Если бы чело-

Digitized by Google

вѣкъ, давно сказалъ Галенъ, былъ одаренъ орудіями защиты, данными лошадямъ, онъ никогда не сдѣлался бы работникомъ и художникомъ, не имѣлъ бы латъ, не сковалъ бы меча и копья, не сдѣлалъ бы узды, чтобъ управлять конемъ и, сидя на немъ, не могъ бы преслѣдовать льва. Онъ не зналъ бы музыки, не изобрѣлъ бы ни флейты, ни лиры, не построилъ бы домовъ, не воздвигъ бы храмовъ, не написалъ бы законовъ; безъ письменъ и исскуства руки, онъ не могъ бы бесѣдовать съ мудрецами древности и сегодня разсуждать съ Платономъ, а завтра съ Аристотелемъ или Гиппократомъ».

Рука не—отдѣльный инструментъ; это не—прибавочная часть. Все тѣло соображено съ рукою, и движется за нею. Нельзя разсматривать только одну ея кисть: мы должны обозрѣть всѣ части, которыя находятся въ связи съ ручною кистью. Напримѣръ, кости, начиная отъ плеча до концовъ пальцевъ, такъ связаны между собою, что по-необходимости надобно обратить на нихъ вниманіе. Съ другой стороны, чтобъ понять, какъ расположены органы, приводящіе въ движеніе пальцы, надобно сравнить устройство человѣческаго тѣла съ тѣлами животныхъ.

Ни что такъ удивительно не приспособлено и не приналравлено къ своей цѣли, какъ кости, посредствомъ которыхъ производится движеніе «верхнихъ оконечностей», или рукъ. Со способностью сгибать и распрямлять руку, мы соединяемъ обширное и свободное движеніе и возможность направлять пальцы во всѣ стороны: но такія же кости, которыя изумляютъ насъ въ человѣкѣ, находимъ мы и въ переднихъ пластахъ кита, и въ ногахъ черепахи, и въ крылѣ птицъ. Тѣ же самыя кости, какъ и у человѣка видимъ мы превосходно приналовленными къ хожденію въ лапѣ льва и медвѣдя, въ копытѣ лошади, въ ногѣ верблюда; къ лазѣнью и рытью

Digitized by Google

земли — въ одаренныхъ длинными когтями лапахъ лѣнивца, котораго Бюффонъ, именно за эти лапы, оплакивалъ какъ созданіе обиженное природою, какъ жертву промаховъ ея въ органической механикѣ.

Путешественники нашего времени изъявляютъ такое же сожалѣніе къ этимъ животнымъ. Между-тѣмъ какъ другія четвероногія, разказываютъ они, живо мелькаютъ въ поляхъ и лѣсахъ, лѣнивецъ виситъ на деревѣ, ухватившись за него своими сильными лапами. Взоръ, движенія, крики этого бѣднаго, безобразнаго, хилаго животнаго возбуждаютъ состраданіе. Его заднія ноги слишкомъ коротки, шерсть похожа на засохшій жиръ. Его визгъ заставляетъ тигра дрожать и убѣгать. Эта картина не вѣрна: лѣнивецъ не можетъ ходить подобно другимъ четвероногимъ, это правда; но, онъ вытягиваетъ переднія лапы, цѣпляется когтями за неровности, встрѣчаемыя на поверхности, и притягиваетъ свое туловище впередъ. Вотъ что̀ подало поводъ путешественникамъ называть его беззащитнымъ, изувѣченнымъ твореніемъ. Но если этому уродливому созданью удастся доползти до какой-нибудь вѣтви, покрытой жесткою корою, тогда движенія его дѣлаются быстрѣе: протягивая надъ головою длинную переднюю лапу, лѣнивецъ перелѣзаетъ съ сучка на сучокъ, съ вѣтви на вѣтвь, съ одного дерева на другое; буря для него — счастье; когда вѣтеръ шумитъ, сгибая деревья и заставляя вѣтви переплетаться между собою, тогда-то лѣнивецъ идетъ быстрымъ шагомъ.

Состраданіе естествоиспытателей къ участи неуклюжихъ животныхъ вовсе не основательно. Имъ бы ужъ слѣдовало сожалѣть столько же объ участи личинки мухи, потому что она не можетъ летать. Нельзя предполагать, чтобы насѣкомое, не побуждаемое къ летанью, не получившее для этого еще крыльевъ, могло имѣть инстикты, не соотвѣтствующіе своей организаціи. На

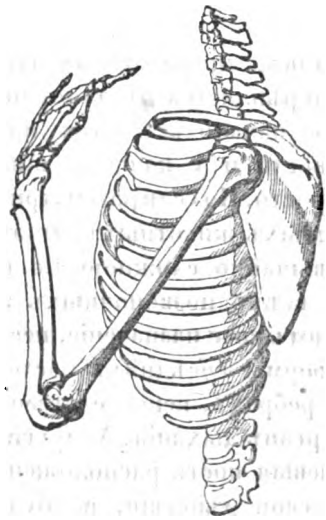
Digitized by Google

землѣ, движенія лѣнивца дѣйствительно медленны; его длинныя переднія лапы и короткія заднія ноги могутъ затруднять движенія, но когда животное находится въ своемъ элементѣ, посреди деревъ и вѣтвей, тѣ же самые члены становятся орудіями, которыя доставляютъ ему пищу, кровъ и защиту отъ враговъ. Не должно судить о неудобствахъ движеній животныхъ по нашимъ чувствамъ. Движеніе клюва ласточки, когда она ловитъ насѣкомое, такъ быстро, что мы не видимъ его: только слышимъ, какъ клювъ щелкнетъ; напротивъ, какія противоположныя средства употребляетъ хамелеонъ, чтобы добыть себѣ пищу! Онъ лежитъ тихо, какъ высохшій листъ, кожа его принимаетъ цвѣтъ окружающихъ предметовъ; между-тѣмъ какъ въ другихъ животныхъ видна живость, сообразная съ быстротою ихъ желаній, въ его сморщенной мордѣ едва замѣтны признаки жизни; его вѣки едва открыты; но медленность, съ которою онъ протягиваетъ свой языкъ къ насѣкомому, вѣрнѣе поражаетъ жертву чѣмъ самыя ловкія движенія.

Все въ природѣ соображено съ назначеніемъ существа и съ его пользами. Всѣ существа, принадлежащія къ огромному отдѣлу позвоночныхъ животныхъ, имѣютъ черепъ для охраненія мозгу, сердце для кругообращенія крови, и пять отдѣльныхъ органовъ для внѣшнихъ чувствъ. Главная особенность, отъ которой они получили названіе «позвоночныхъ», заключается въ цѣпи костей, соединяющихъ голову съ туловищемъ. Эта цѣпь костей, называемыхъ «позвонками», какъ стволъ, служитъ основаніемъ для реберъ, и для особеннаго прибору, посредствомъ котораго совершается дыханіе. Къ ея положенію, крѣпости и формѣ приноровлены кости переднихъ оконечностей, то есть, лапъ и рукъ.

Рука, раздѣляется на три части,—плечо, руку и кисть.

Digitized by Google

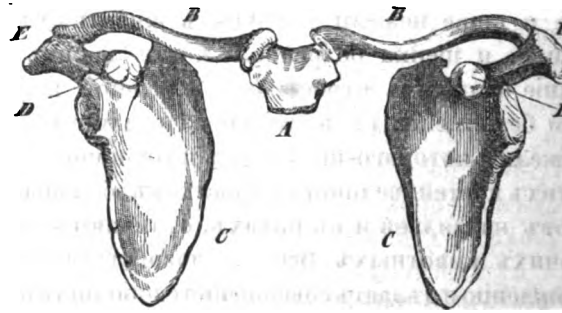
При взглядѣ на человѣческій скелетъ, насъ тотчасъ поражаетъ въ немъ разница въ силѣ и твердости между верхними и нижними оконечностями. Не только нижнія оконечности въ человѣкѣ, относительно, длиннѣе и шире нежели у другихъ животныхъ, но и тазъ шире, и шейка бедренной кости лежитъ косѣе. Разстояніе большихъ отростковъ бедренной кости отъ впадины безъименныхъ костей гораздо длиннѣе у человѣка нежели у котораго-нибудь изъ позвоночныхъ. Твердость этихъ костей, величина отростковъ, большая масса мускуловъ на лядвеѣ и въ пахахъ, отличаютъ человѣка отъ прочихъ животныхъ. Все это способствуетъ къ прямому хожденію и дѣлаетъ совершенно свободнымъ владѣніе рукою для исполненія искусственныхъ работъ. Разсматривая самыхъ похожихъ на человѣка животныхъ, именно, обезьянъ, тотчасъ видно, что ихъ тазъ и нижнія оконечности не созданы собственно для прямаго хожденія. Между-тѣмъ тотчасъ же замѣтно, что въ своихъ сильныхъ, длинныхъ рукахъ эти животныя имѣютъ

Digitized by Google

только вѣрное средство къ защитѣ и оборонѣ отъ непріятеля.

Плечевой суставъ, посредствомъ котораго верхняя оконечность прикрѣпляется къ туловищу, и отъ котораго берутъ свое начало всѣ мускулы руки, у человѣка въ особенности и у каждаго животнаго вообще устроенъ очень просто. Но если разсматривать его во всемъ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ, то эта простая вещь становится чрезвычайно сложною. Со всѣмъ тѣмъ мы увидимъ, что у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ эти кости удерживаютъ свое назначеніе, несмотря на странное измѣненіе формы сосѣднихъ частей. У человѣка онѣ лежатъ на ребрахъ, непосредственно на приборѣ, окружающемъ органъ дыханія. У другихъ животныхъ, напротивъ, плечевыя кости расположены такъ, что могутъ совершать свои дѣйствія, не будучи поддерживаемы грудною клѣткою.

Ключица — косточка (B), идущая отъ передней верхней части груди (A) вбокъ къ отростку (E) лопатки (C), котораго другой конецъ (D) называется *вороньимъ носомъ*.

Отъ этой кости очень много зависитъ четыреугольный видъ груди и свободное движеніе руки. Она удерживаетъ плечо въ отдаленіи отъ груди и направляетъ дѣйствія мускуловъ, проходящихъ отъ груди на верх-

Digitized by Google

нюю половину руки, или на собственно такъ называемую плечевую кость, которая безъ того притянулась бы впередъ къ груди и сжала бы верхнюю часть туловища.

Разсматривая движеніе передней оконечности у различныхъ животныхъ, мы легко можемъ отъискать причину, почему у однихъ находимъ ключицы, у другихъ — нѣтъ. Животныя, которыя летаютъ, роютъ землю, или лазятъ, какъ напримѣръ, летучія мыши, кроты, дикобразы, векши, муравьеѣды, броненосцы, лѣнивцы, снабжены этою костью, потому что по ихъ организаціи передняя оконечность должна двигаться вбокъ и кнаружи. Такое же свободное движеніе передней оконечности замѣчаемъ мы у льва, собаки, куницы, медвѣдя; они берутъ лапою, обращаютъ и поворачиваютъ ее болѣе или менѣе ловко. Поэтому и у нихъ есть ключица, хотя и несовершенно образованная. У многихъ изъ этихъ животныхъ, даже у льва, кость, замѣняющая ключицу, тоже очень несовершенна: она, правда, соединяется съ лопаткою, но не съ грудною костью. Она лежитъ между мясомъ и представляетъ только начатокъ кости. Когда медвѣдь поднимается на заднія ноги, по его неуклюжей фигурѣ и движеніямъ лапъ ясно видно, что кости его переднихъ оконечностей устроены иначе нежели у пережевывающихъ животныхъ и у лошади. Медвѣдь можетъ снять шляпу съ своего вожатаго и держать ее, онъ можетъ задавить звѣря. Медвѣдь-муравейникъ, у котораго зубы очень малы, имѣетъ чрезвычайно сильныя лапы: онъ можетъ ими задавить самаго сильнаго изъ своихъ враговъ, ягуара. Эти движенія, такъ же какъ способность лазить, зависятъ отъ присутствія ключицы, хоть она и не вполнѣ развита.

У животныхъ разрывающихъ землю, и летающихъ, кромѣ летучей мыши, ключицы, относительно, очень длинны и крѣпки.

Какъ ни неуклюжею кажется намъ фигура кенгуру, или двуутробки, и въ ней мы находимъ удиви-

Digitized by Google

тельное отношеніе между костями оконечностей. Двуутробка сидитъ на своихъ сильныхъ заднихъ ногахъ и на хвостѣ, какъ на треножникѣ: переднія лапы у нея, слѣдовательно, остаются свободными. Двуутробка одарена ключицею, а имѣя эту кость она можетъ употреблять переднія лапы для своей защиты; ими она схватываетъ самую сильную собаку, поднимаетъ одну изъ заднихъ ногъ, и острымъ копытомъ раздираетъ на части своего врага. А между-тѣмъ кангуру животное не слишкомъ поворотливое, у него нѣтъ ни роговъ, ни зубовъ, ни когтей, оно совершенно беззащитно!

Ни гдѣ такъ ясно не обнаруживается, что употребленіе данной части тѣла опредѣляетъ ея форму въ природѣ, какъ въ ключицѣ и лопаткѣ птицъ.

Плечо у птицъ составлено изъ соединенія трехъ костей, лопатки, ключицы и дужки (furcula). Всѣ эти части вовсе непохожи на тѣ, съ которыми ихъ сравниваютъ. Лопатки у нихъ—длинныя, тонкія, какъ лезвее ножа; кости ключицы, напротивъ, крѣпкіе куски

Digitized by Google

костянаго вещества, соединяющіеся своими нижними концами передъ грудиною, гдѣ онѣ образуютъ вилочку. Дужковая кость — часть свойственная исключительно птицамъ. Вѣроятно, она не что иное какъ, измѣненный организаціею, клювовидный отростокъ лопатки. Какъ бы то ни было, въ расположеніи этихъ костей природа нашла самое удивительное средство укрѣпить плечевое сочлененіе и выиграть мѣсто для прикрѣпленія мускуловъ, движущихъ крыло.

Другое замѣчательное обстоятельство въ организаціи птицъ—то, что при полетѣ, онѣ не двигаютъ своихъ крыльевъ попеременно, а въ одно время. Вотъ почему у нихъ три плечевыя кости соединены между собою такъ, что образуютъ твердую подпорку, fulcrum.

При разсматриваніи лопатки открывается вліяніе плечевыхъ костей на движеніе и поворотливость животныхъ. Лопатка — плоская, треугольная кость, лежащая надъ ребрами, на слоѣ мускуловъ. На переднемъ углу ея находится сплюснутая поверхность, или ямочка, для головки кости верхней половины руки. Лопатка опускается и поднимается при каждомъ движеніи члена. Со всѣхъ сторонъ, отъ головы, спины, реберъ, грудной кости, къ ней идутъ мускулы и подвигаютъ ее въ разныя стороны. Всѣ эти мускулы, дѣйствуя въ одно время, укрѣпляютъ лопатку, и приподнимаютъ ребра для дыханія или укрѣпляютъ вообще все туловище.

Такое двойное назначеніе лопатки весьма замѣчательно: съ одной стороны, она служитъ основаніемъ для костей переднихъ оконечностей, и всегда находится у животныхъ, у которыхъ есть хоть что-нибудь похожее на руку; съ другой, она—центръ и point d'appui мускуловъ дыхательныхъ и дѣйствуетъ даже когда животное вовсе лишено оконечностей.

Мы видимъ, что только въ извѣстныхъ классахъ жи-

Digitized by Google

вотныхъ лопатка соединяется съ костями туловища посредствомъ ключицы. Малѣйшее углубленіе на отросткѣ лопатки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно прикрѣплена ключица, показываетъ уже геологу, къ какому классу долженъ онъ отнести окаменѣлые остатки животнаго.

Чрезвычайно замѣчательно положеніе лопатки у лошади. У ней нѣтъ ключицы. Передняя нога прикрѣплена къ туловищу только одними мускулами. Мускулъ serratus magnus, широкій у человѣка, у лошади особенно силенъ, потому что вся тяжесть туловища падаетъ на него. Вся быстрота бѣгу у лошади и у другихъ четвероногихъ зависитъ отъ силы лядвей и заднихъ ногъ. Единственно дѣйствіемъ лежащихъ здѣсь мускуловъ подвигается животное впередъ при галопѣ или бѣгѣ. Очевидно, что если бы переднія оконечности были крѣпко соединены съ туловищемъ, и еще посредствомъ кости, они не были бы въ состояніи выдержать удару всей тяжести животнаго, при паденіи тѣла его на переднія ноги. Если бы даже переднія ноги лошади были такъ же крѣпко устроены какъ заднія, и тогда они переломились или были бы вывихнуты.

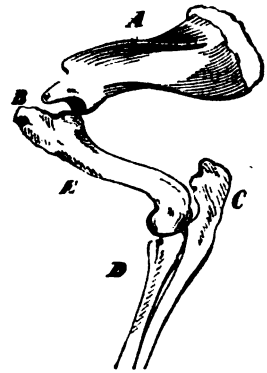

Въ костяхъ передней оконечности лошади, мы за-

Digitized by Google

мѣчаемъ, что лопатка лежитъ косвенно къ груди, а кость верхней половины руки, humerus—косвенно къ лопаткѣ, и что кости нижней половины руки лежатъ подъ угломъ къ плечевой кости. Если бы эти кости лежали на прямой линіи, концомъ къ концу, толчокъ при опущеніи передней части тѣла передавался бы какъ въ плотномъ столбѣ, и кости ноги или ихъ сочлененія много бы пострадали.

Бо́льшая или мѣньшая сила члена, если не свобода и быстрота движенія, зависитъ отъ угла, подъ которымъ кости лежатъ одна къ другой. Мы ясно чувствуемъ, что у насъ меньше силы въ рукѣ, когда она вытянута, и что, по мѣрѣ того какъ сгибаемъ руку, силы

у насъ становится больше; однимъ словомъ, что въ рукѣ нашей тѣмъ болѣе развивается силы, чѣмъ сухожильная часть мускуловъ болѣе приближается къ перпендикуляру съ костью, или съ рычагомъ. Чѣмъ острѣе уголъ, составляемый лопаткою съ плечевою костью, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ мускулы, которые отъ лопатки идутъ къ плечевой кости; потому что, въ этомъ случаѣ, уголъ, образуемый прикрѣпленіемъ мускуловъ къ кости, болѣе подходитъ къ прямому. Стоитъ только взглянуть на скелетъ слона, быка, оленя, чтобы убѣдиться въ вѣрности этого закона. Если лопатка

Digitized by Google

лежитъ косвенно къ груди, зубчатый мускулъ, который, начинаясь отъ реберъ, прикрѣпленъ къ самой высокой ея части, пріобрѣтаетъ самую бо́льшую силу для поворачиванія ея. Если же лопатка составляетъ прямой уголъ съ плечевою костью, въ такомъ случаѣ, мускулъ, прикрѣпленный къ послѣдней кости дѣйствуетъ сильнѣе. На основаніи того же самаго закона, при косвенномъ положеніи плечевой кости, и въ отношеніи къ двумъ костямъ предплечія, локтевой кости и лучу, увеличивается сила мускула, прикрѣпленнаго къ головкѣ локтя. Вообще, при такомъ положеніи плечевой кости къ предплечію, членъ выигрываетъ и въ силѣ и въ упругости. Отъ этого, при скачкѣ, животное можетъ прыгнуть дальше, не подвергаясь ни какой опасности, потому что тяжесть его тѣла слабо давитъ на переднія части. Прямо стоящій человѣкъ не можетъ вспрыгнуть тотчасъ : онъ сначала долженъ присѣсть, длятого чтобы дать костямъ ногъ угловое положеніе. Сайга, и другія робкія животныя этого класса, могутъ сдѣлать скачокъ па бѣгу : преимущество это зависитъ отъ угловаго расположенія костей въ оконечностяхъ.

Въ этомъ рисункѣ изображены нога слона и нога верблюда. Съ перваго взгляду видно, что нога слона назначена для поддержанія тяжелаго тѣла, и что со-

Digitized by Google

вершенную противоположность съ нею составляетъ нога верблюда. Далѣе, мы видимъ, что косвенно лежащая плечевая кость необходимо должна быть коротка, иначе нога будетъ отодвинута слишкомъ назадъ, и тогда шея и голова выдадутся слишкомъ впередъ. Въ лошади, короткая плечевая кость—необходимое условіе. Но не одни быстрыя животныя являютъ эту отличительную черту въ организаціи: у птицъ съ долгимъ полетомъ, напримѣръ у ласточки, плечевая кость короткая. Это однако жъ должно, кажется, приписать еще другому обстоятельству, а именно: чѣмъ короче плечо, тѣмъ быстрѣе раскрываются крылья.

У человѣка и у млекопитающихъ, плечевая кость, кромѣ-того что служитъ основаніемъ для прочихъ костей члена, составляетъ еще чрезвычайно важную часть для органа дыханія. Мы находимъ однако жъ, что у нѣкоторыхъ животныхъ, лопатка и ключица не лежатъ на ребрахъ. Очевидно, что эти кости, для составленія плеча требуютъ какой-нибудь другой подпоры, или должны быть расположены инымъ образомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, у лягушки, механизмъ дыханія совершенно отличенъ отъ млекопитающихъ. У нея нѣтъ реберъ. Поэтому у лягушекъ кости плеча образутъ широкое плоское кольцо.

Еще яснѣе видно это устройство въ скелетѣ сирены и протея.

Digitized by Google

У этихъ пресмыкающихся, которыхъ ребра просто — крошечные отростки, выходящіе изъ переднихъ спинныхъ позвонковъ, кости плеча, не имѣя подпоры въ груди, предоставлены самимъ себѣ, и поэтому грудина, ключицы, лопатки, прикрѣпляются къ позвоночному столбу подобно тазу, образуя кольцо, къ боковымъ частямъ котораго прилегаютъ ручныя кости.

У черепахъ мы опять находимъ новое расположеніе этихъ костей, зависящее отъ одного чрезвычайно замѣчательнаго обстоятельства. Ребры и позвоночный столбъ у нихъ, подобно стропиламъ на крышѣ, лежатъ подъ толстою покрышкою, или щитомъ. Будучи соединены съ верхнимъ пластомъ, эти кости, расположены, слѣдовательно, снаружи плеча. Такимъ образомъ лопатки и ключицы, вмѣсто того чтобъ быть снаружи, вдаются внутрь груди. Не находя подпоры ни въ позвоночномъ столбѣ, ни въ ребрахъ, лопатки и ключицы должны по-необходимости упастъ другъ на друга и образовать кольцо.

Въ рыбахъ, у которыхъ дыхательный приборъ устроенъ по совершенно особенному плану и у которыхъ нѣтъ собственно реберъ, плечевыми костями можно назвать тѣ кости, отъ которыхъ идутъ грудныя перья; но у нихъ такъ называемый отростокъ лопатки прикрѣпленъ уже не къ ребрамъ или къ позвоночному столбу, а къ пловѣ, и оба плеча составляютъ кольцо.

Спрашивается: почему жъ у низшихъ позвоночныхъ животныхъ плечевой составъ имѣетъ такую неполную форму? Эти животныя—холоднокровныя; имъ не нужно дышать такъ часто, какъ животнымъ теплокровнымъ, и они должны часто долго оставаться подъ водою. Вотъ почему у нихъ легкія — пузырчатыя, и почему они глотаютъ, а не вдыхаютъ воздухъ. Вотъ, наконецъ, почему гады могутъ жить и въ водѣ и на сушѣ. Будь у нихъ такія же легкія какъ у теплокровныхъ, сжимающіяся только въ слабой степени, имъ не было бы возможности оставаться подъ водою: они не могли

Digitized by Google

бы нырять, потому что имъ пришлось бы бороться съ легкостью своего тѣла, подобно нѣкоторымъ млекопитающимъ при нырянiи. Костяной поясъ, составляющiй у нихъ плечо, поэтому, находится въ извѣстномъ отношенiи со способомъ ихъ дыханiя: грудь ихъ, заключающая въ себѣ пузырчатыя легкiя, сжимается, для-того что бы удѣльный вѣсъ тѣла могъ уменьшиться.

Разсмотримъ теперь локтевую кость, но не съ той сухой стороны, съ которой разсматриваютъ ее обыкновенно. Головка этой кости у человѣка имѣетъ большую полу-сферическую поверхность, которая входитъ въ суставную впадину лопатки. Мы видимъ также, что два возвышенiя, къ которымъ прикрѣплены мускулы, не выдаются слишкомъ много впередъ, такъ что, при поворачиванiи руки, никакъ не могутъ столкнуться съ краями плечевой впадины и, слѣдовательно, не могутъ помѣшать движенiю руки.

Для убѣжденiя себя въ томъ, что отъ строенiя плеча зависитъ форма всей руки, предположимъ, что натуралистъ находитъ въ землѣ кость такого виду:

Какому животному принадлежала она? Шарообразная форма суставной поверхности и слабо выдающiеся возвышенiя показываютъ, что членъ дѣйствовалъ свободно и обнималъ большое пространство. Свобода движенiя въ плечѣ ведетъ къ заключенiю, что оконечность, или лапа, тоже двигалась свободно, и что запястье могло поворачиваться ладонью вверхъ. Мы тотчасъ бросаемъ взглядъ на ту часть кости, отъ которой начинаются мускулы выворачивающiе. Возвышен-

Digitized by Google

ность и длина гребешка, на нижней и внѣшней части локтевой кости доказываютъ, что тутъ находились сильные мускулы, и что, слѣдовательно, лапа имѣла крѣпкое движеніе. Изъ этого мы заключаемъ, что кость принадлежала по всему вѣроятію медвѣдю.

Представимъ себѣ теперь, что головка у этой кости такая:

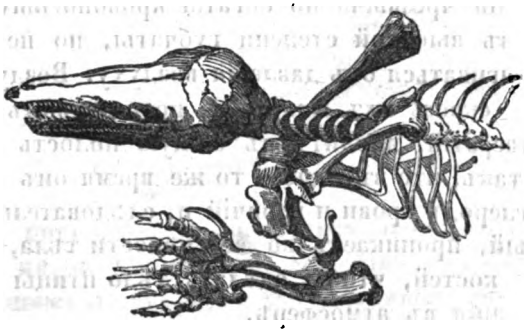

что бугорки очень возвышены и допускаютъ одинъ только видъ движенія; что суставная поверхность гораздо менѣе выпукла. Разсматривая нижнюю часть такой кости, мы найдемъ, что выемки, въ которыя входятъ головки костей предплечія, такъ глубоки, что членъ могъ двигаться только наподобіе петли у дверей. Далѣе мы замѣтимъ, что ни форма суставной поверхности, ни возвышенность отъ гребешка, о которомъ мы говорили, не даютъ намъ повода думать, чтобы животное могло поворачивать лапу. Изъ этого ты выводимъ заключеніе, что животное, которому принадлежала эта кость, было травоядное четвероногое, съ копытами.

Скелеты крота и летучей мыши представляютъ намъ лучшій примѣръ того, какъ форма костей оконечностей соотвѣтствуетъ образу жизни животнаго. Кроту назначено природою витать подъ землею. У летучей мыши—тѣ же кости, но они расположены такъ, что составляютъ крыло, которое поддерживаетъ ее на воздухѣ и даетъ ей возможность прицѣпляться къ стѣнамъ. У обоихъ этихъ животныхъ мы можемъ отличить всѣ кости верхней конечности: но какъ различно онѣ сформированы и какъ различно расположены! У крота

Digitized by Google

грудная кость и ключицы чрезвычайно широки, лопатка похожа на рычагъ, локтевая кость толстая и короткая, съ выдающимися гребешками. Гребешки, отъ которыхъ берутъ свое начало мускулы, поворачивающіе ладонь, необыкновенно высоки; собственная лапа—широкая, плоская и такъ выворочена, что можетъ отбрасывать землю всторону, какъ плугъ.

Въ скелетѣ летучей мыши все противоположно этому. Кости тонки и нѣжны. Несмотря, что всѣ кости у нихъ очень вытянуты, пальцы однако жъ такъ длинны, что трудно съ перваго разу отгадать что это такое.

Digitized by Google

Первое условіе въ жизни птицъ—чтобъ тѣло ихъ имѣло малый удѣльный вѣсъ, второе—чтобъ поверхность груди была сколько можно обширнѣе и движеніе реберъ какъ-можно менѣе, для того чтобы крыловые мускулы имѣли достаточно мѣста для своего прикрѣпленія. Оба эти условія достигаются небольшимъ измѣненіемъ въ устройствѣ дыхательнаго прибора. Ихъ легкія чрезвычайно богаты кровоносными трубками и въ высокой степени губчаты, но не способны растягиваться отъ давленія воздуху. Воздухъ прогоняется сквозь ихъ мякоть и, посредствомъ множества отверстій, входитъ въ общую полость груди и брюха, такъ, что въ одно и то же время онъ и сожигаетъ углеродъ крови и горячій и, слѣдовательно, разрѣженный, проникаетъ во всѣ полости тѣла, даже въ пустоты костей, чтобы сдѣлать тѣло птицы легкимъ для плаванія въ атмосферѣ.

Мы видѣли какъ важенъ для силы мускуловъ вѣсъ тѣла, и не трудно теперь понять, почему походка птицъ такъ не тверда. Съ другой стороны замѣчено, что очень небольшая прибавка къ вѣсу тѣла мѣшаетъ птицѣ подняться на воздухъ. Извѣстно, что коршунъ, если его испугать, тотчасъ послѣ того какъ онъ поѣстъ, не иначе можетъ подняться какъ извергнувъ рвотою все что у него есть въ желудкѣ.

Всякому извѣстно, что грудная кость у птицъ идетъ во всю длину тѣла, такъ что покрываетъ общую полость груди и брюха. Очевидно, что для дыханія довольно если эта кость только немного подвинута; но тутъ выигрывается мѣсто для помѣщенія и прикрѣпленія крыловыхъ мускуловъ. Другая замѣчательная вещь въ скелетѣ птицъ—та, что заднія позвонки, не отдѣльныя косточки, а соединены въ одну плотную массу. Это было необходимо, потому что для чрезвычайно усиленнаго дѣйствія крыловыхъ мускуловъ нужно, чтобъ они были привязаны къ крѣпко соединен-

Digitized by Google

нымъ между собою костямъ туловища. У страуса и казуара, птицъ не летающихъ, позвоночный столбъ состоитъ изъ отдѣльныхъ позвонковъ, какъ у всѣхъ млекопитающихъ.

Какъ у птицъ позвоночный столбъ — одна, плотная кость, и такъ высоко поднятъ къ верху, то туловище не можетъ гнуться: въ противномъ случаѣ, этому помѣшала бы грудная кость. Вотъ почему устройство шеи и головы у птицъ — вещь въ высокой степени изумительная. Гибкая, длинная шея, на которой помѣщена голова съ клювомъ, съ одной стороны, замѣняетъ имъ руку, а съ другой, служитъ вмѣсто баланса и даетъ способъ удерживать въ равновѣсіи тѣло при хожденіи, бѣгѣ и полетѣ. Страусъ — безъ гребешка на грудной кости, между-тѣмъ какъ перелетную птицу тотчасъ можно отличить по величинѣ этого отростка. И въ самомъ дѣлѣ, въ углу, который этотъ гребешокъ образуетъ съ тѣломъ грудины, помѣщается сильный летательный мускулъ, — мускулъ

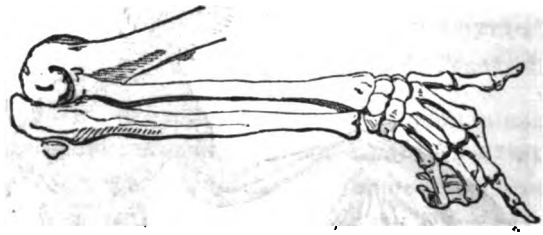
грудной. По вычисленію Борелли, онъ по вѣсу тяжелѣе всѣхъ прочихъ мускуловъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Но кромѣ птицъ и летучихъ мышей, другія животныя могутъ также держаться въ воздухѣ, напри-

Digitized by Google

мѣръ, летающія ящерицы, летающія ящерицы. У ящерицъ ребры, которые тутъ не нужны для дыханія, очень длинны, и покрыты тонкою перепонкою, наподобіе зонтика.

Еще болѣе любопытный примѣръ страннаго образованія передней оконечности видимъ мы у допотопнаго птеродактыла. Это животное опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ зоологическія системы. Его морда была похожа на птичій клювъ, шея была длинная и гибкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ ротъ вооруженъ зубами, какъ у крокодила, кости переднихъ оконечностей — длинныя и расположенныя какъ въ крылѣ птицы. Все убѣждаетъ, что тѣло птеродактыла не было покрыто перьями, потому что у него не было клюва. Точно также строеніе его заднихъ оконечностей не похоже на ноги летучей мыши, потому что у него особенно длиненъ только второй палецъ, между-тѣмъ какъ третій, четвертый и пятый, совершенно такіе же какъ пальцы прочихъ четвероногихъ и вооружены острыми, тонкими когтями, похожими на ногти. Запястье съ пальцами — вдвое длиннѣе всего тѣла, и весьма вѣроятно, что это животное было, какъ летучая ящерица, покрыто кожею.

На концѣ верхней части локтевой кости находится «головка», крючковатый отростокъ, нѣчто похожее на шарниръ. Лучевая кость, напротивъ, близъ локтя имѣетъ маленькую, гладкую, круглую головку, прикрѣпленную къ локтевой кости посредствомъ связокъ. Въ этихъ связкахъ лучевая кисть, или лучъ, двигается свободно. Сверхъ-того на краю головки она имѣетъ впа-

Digitized by Google

дицу съ гладкою поверхностью, которая прилегаетъ къ возвышеніямъ кости верхней половины руки. Лучъ двигается только въ направленіи своей оси и вертится около локтевой кости, какъ при локтѣ такъ и около кисти. Вмѣстѣ съ поворотомъ луча поворачивается и кисть. Такое движеніе у животныхъ съ копытами было бы не только безполезно, но даже вредно. У лошади поэтому кости нижней части руки твердо соединены между собою и не могутъ поворачиваться ладонью вверхъ. Человѣкъ, незнающій анатоміи, найдя гдѣ-нибудь кость, скажетъ только, что на этомъ мѣстѣ жило и умерло какое-то животное. Анатомъ, напротивъ по этой одной кости опредѣлитъ, нетолько какъ велико было животное, но даже форму тѣла, устройство челюстей, зубовъ, ногъ и, наконецъ, внутреннее расположеніе органовъ. Вотъ онъ нашелъ кость, соотвѣтствующую у четвероногихъ лучу человѣческой руки. Разсматривая форму кости, онъ открываетъ, что членъ не имѣлъ движенія въ различныя стороны, какъ у животныхъ плотоядныхъ; слѣдовательно, служилъ только къ поддержанію тѣла и хожденію, а не къ хватанію добычи; слѣдовательно, у этого животнаго не было ни руки, ни пальцевъ, ни когтей; слѣдовательно, кости ручной кисти соединялись какъ у лошади въ одну кость, такъ называемую копытную.

Движенія ноги у копытнаго животнаго состоятъ въ простомъ сгибаніи и выпрямливаніи, и предполагаютъ отсутствіе ключицы, слѣдовательно очень ограниченное движеніе въ плечевомъ составѣ. Животное копытное не имѣетъ нужды въ такихъ зубахъ, какіе бываютъ у плотоядныхъ животныхъ, потому что для хватанія живой добычи необходима подвижная лапа. Поэтому уже ясно, что животное передними зубами могло только щипать траву, а задними ее пережевывать. Расположеніе зубовъ въ челюсти придаетъ ей особенную форму. Отъ этого и мускулы, приводящіе

Digitized by Google

ее въ движеніе, получаютъ особенную форму. Тутъ сейчасъ можно составить себѣ предварительный очеркъ черепа. По свойству зубовъ дѣлается заключеніе о формѣ желудка, кишеннаго канала и такъ далѣе.

Вотъ, какъ тѣсно связаны между собою всѣ части скелета!

Въ кисти человѣческой руки содержатся осемь костей запястья, такъ плотно соединенныхъ между собою, что они составляютъ шаръ, подвижной при нижнемъ концѣ костей второй половины руки. Между этими костями и пальцами лежатъ кости пясти, составляющіе ладонь. Большой палецъ не имѣетъ пястной кости, и непосредственно лежитъ на костяхъ запястья. Поэтому кисть состоитъ изъ двадцати девяти костей, которыя расположены такъ, что рука получаетъ большую силу, упругость и подвижность.

Посмотримъ еще разъ переднюю ногу лошади. Кости этой оконечности книзу становятся постоянно тверже. Двѣ кости, соотвѣтствующія костямъ нижней части человѣческой руки, слились у лошади въ одну и движеніе локтеваго сустава ограничивается сгибаніемъ и выпрямливаніемъ члена. Запястье, которое у лошади неправильно называется колѣномъ, устроено особеннымъ образомъ: пястныя кости и пальцы совершенно измѣнены, такъ что ихъ едва можно узнать. Вмѣсто четырехъ костей пясти, у лошади мы находимъ одну крѣпкую кость, такъ названное берцо, позади котораго лежатъ двѣ небольшія косточки, похожія на грифель; головки ихъ служатъ отчасти къ образованію колѣннаго сустава, между тѣмъ какъ къ нижнему концу своему онѣ становятся постепенно тоньше и соединяются съ берцомъ посредствомъ упругихъ связокъ.

При здоровомъ состояніи сочлененія, эти маленькія косточки играютъ роль пружинъ, которыми, при поднятомъ состояніи ноги, распрямляется согнутое колѣно.

Digitized by Google

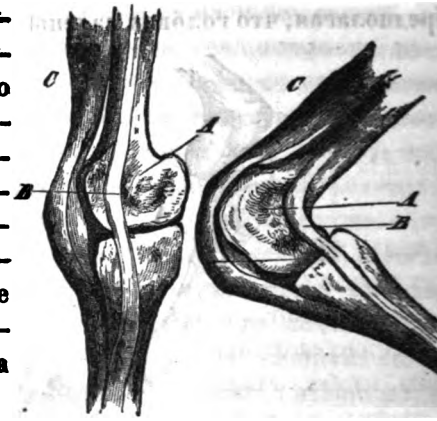
Предполагая, что голонка маленькой пястной кости, *A*;

служитъ отчасти къ образованію сустава, всё-таки не видно, какимъ образомъ при выпрямленіи ноги кости запястья, лежа на большой пястной или большеберцовой кости, могутъ опускаться внизъ; также непонятно, какимъ образомъ эта кость можетъ усиливать упругость ноги. Но, обративъ вниманіе на то, что головка грифельной кости лежитъ въ суставѣ позади центра движенія, мы тотчасъ поймемъ, что, при сгибаніи сустава, во время поднимания ноги, она претерпѣваетъ такое сильное давленіе, что опусканіе ея становится неизбѣжнымъ. Ясно, что при каждомъ поднятіи и сгибаніи члена, грифельная кость сдавливается книзу: она упруга, и потому помогаетъ выпрямленію члена вмѣстѣ со всѣми мускулами, служащими къ выпрямленію колѣна. Далѣе мы видимъ, что какъ-скоро грифельныя кости, окостенѣвая, теряютъ свою упругость и сливаются съ большимъ берцомъ, то лошадь, лишаясь этого механизму, необходимаго для быстраго выпрямленія члена, начинаетъ часто, что называется, падать на ноги. У страуса, колѣно—на *пружинѣ*. Въ прямомъ положеніи ноги связка *B* (стр. 66) лежитъ въ лѣвой, передней ямкѣ, возлѣ гладкаго бугорка *A* головки кости, но какъ скоро колѣно начинаетъ гнуться, связка скользитъ по

Digitized by Google

бугорку и переходить въ лѣвую, заднюю ямку, такъ что мускулъ *C*, лежащій на колѣнѣ, можетъ удобно растягиваться. Это скольженіе связки — настоящее пружинное дѣйствіе, бросающее уголъ колѣна впередъ.

Сравнивъ со строеніемъ человѣческой руки, мы замѣчаемъ, что въ лошадиной ногѣ первые пять пальцевыхъ костей сливаются въ одну большую *путовую кость*, что второй рядъ этихъ костей слитъ тоже въ одну кость, по-меньше, и, наконецъ, третій рядъ костей, то есть, ноготныхъ превратился въ копыто. Естественное жилище лошадей — обширныя равнины и степи: поэтому и всѣ части лошади удивительно приспособлены къ этого роду мѣстности. Болѣзни, которыя такъ часто поражаютъ ноги городскихъ лошадей, происходятъ именно отъ того, что наши твердыя мостовыя дѣйствуютъ чрезвычайно вредно на ихъ ноги, приспособленныя природою къ почвѣ болѣе уступчивой. Лошадь, по своей тяжести и силѣ, должна имѣть ноги крѣпкія и упругія, и мы видимъ, что расположеніе костей вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ главнымъ условіямъ. Если бы кости, составляющія ногу лошади, лежали прямо одна на другой, нога не имѣла бы ни какой упругости; природа предупредила этотъ недостатокъ: у лошадей кости ногъ большею частію лежатъ косвенно, и сзади идетъ крѣпкая связка, прикрѣпленная къ самой оконечности ноги, къ копыту.

У верблюда кости ноги покоятся на мягкой, упругой подушкѣ.

Digitized by Google

Въ лошадиной ногѣ существуетъ подобная же ткань, но она не приходитъ въ прикосновеніе съ землею, и назначеніе ея совсѣмъ другое. У лошади пяточная поверхность ноги тоже не претерпѣваетъ давленія тяжести цѣлаго животнаго: поверхъ роговаго пласта, или треугольнаго отростка, входящаго въ полость копыта, лежитъ другой мягкій слой, упругая подушка. Вотъ какія части поддерживаютъ всю тяжесть тѣла; онѣ выдавливаютъ наружу роговую часть копыта, и ее-то мы видимъ, когда лошадь ставитъ ногу на землю. Передній конецъ копытной чашки или та часть, которая при подниманіи копыта послѣдняя отдѣляется отъ земли, одарена особенною крѣпостью. Крѣпость эта необходима для того, чтобы выдерживать напоръ тяжести по направленію къ землѣ и впередъ, тогда какъ боковыя части копытной чашки болѣе упруги и эта упругость защищаетъ ногу отъ вреднаго дѣйствія сильныхъ сотрясеній. Эта стѣнка не сливается съ копытомъ: между ними лежатъ упругія пластинки. Когда лошадь становитъ ногу на землю, тяжесть всего тѣла упирается на копыто; но, какъ копыто соединяется съ кольцомъ роговой стѣнки съ помощью упругихъ пластинокъ, то боковыя части копыта раздаются, и тяжесть удерживается краемъ стѣнки; при чемъ пяточная поверхность не должна опускаться до земли, иначе это — вѣрный признакъ страданія ноги. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между внутреннимъ устройствомъ стопы и наружною ея покрышкою, будь это ноготь или копыто, цѣльное или раздвоенное, всегда находится постоянное отношеніе. Примѣромъ можетъ служить также лошадь. Случались нѣкоторые, впрочемъ очень рѣдкіе, примѣры лошадей, у которыхъ на ногахъ вмѣсто копытъ были пальцы. Светоній говоритъ, что такая лошадь находилась въ конюшняхъ Цезаря, другая была у Льва Десятаго, и, наконецъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ видѣлъ лошадь, у которой на пе-

Digitized by Google

переднихъ ногахъ было по три, а на заднихъ по четыре пальца. Понятно, что у такихъ лошадей пальцы ногъ оканчивались, уже не копытомъ, а ногтями, и вообще должно замѣтить, что какъ-только у животнаго пять пальцевъ съ принадлежащими имъ костями, то эти пальцы всегда снабжены правильно образованными ногтями, если же нога оканчивается только двумя пальцами, раздвоенною ступнею какъ у пережевывающихъ, то пальцы бываютъ окружены роговымъ пластомъ; наконецъ, если каждый рядъ пальцевыхъ костей переобразовался въ одну сплошную кость, нога животнаго заключается роговою чашкою или копытомъ, какъ у лошади, зебра, осла, и прочая. У животныхъ пережевывающихъ, какъ и у лошади, пястныя кости, состоятъ изъ одной трубчатой кости, то есть, большаго берца, но ступня раздвоена: такое устройство, усиливая упругость ноги, выполняетъ еще и другое, болѣе важное назначеніе; нога труднѣе входитъ въ мягкую почву и притомъ легче можетъ быть изъ нея вынута. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что корова вынимаетъ свои ноги изъ болотистой почвы гораздо удобнѣе чѣмъ лошадь: это зависитъ отъ того, что, во время вынманія ноги, подъ круглою и притомъ вогнутою поверхностью лошадинаго копыта, образуется безвоздушное пространство, тогда какъ раздвоенная ступня, по своей конической формѣ, глубоко проникая въ землю, легко изъ нея освобождается. У серны и другихъ животныхъ, похожихъ на оленя, находимъ еще одинъ боковой палецъ: на него упирается меньшая пястная кость съ двумя соотвѣтствующими ей путовыми костями; она лежитъ

Digitized by Google

позади большой пястной кости, но прикрѣплена къ ней связками, отчего этотъ палецъ пріобрѣтаетъ значительную упругость. Къ этому же пальцу идетъ часть сухожилья большаго сгибающаго мускула, отъ чего упругость еще болѣе увеличивается, особенно когда животное, лежа на землѣ, вспрыгиваетъ на ноги. Рисунокъ показываетъ, что меньшая пястная кость, находившаяся въ колѣнномъ составѣ лошадей подъ видомъ грифельной кости, тутъ служитъ къ усиленію упругости оконечностей.

У свиньи, два боковые пальца коротки и не касаются земли, однако жъ содѣйствуютъ къ опорѣ животнаго въ то время, котда ноги погружаются глубже въ мягкую почву. У оленя, какъ видно въ томъ же рисункѣ, эти кости крѣпки, но лежатъ глубоко внизу, палецъ выдается кзади, и даетъ ступнѣ горизонтальное положеніе. Ступня, представляя такимъ образомъ большую поверхность для опоры животнаго, замѣняетъ для него лыжи, столь необходимыя для ходьбы по снѣгамъ Лапландіи.

Мы показали уже, почему въ ногѣ слона кости стоятъ совершенно прямо одни надъ другою: въ костяхъ составляющихъ ступню этого животнаго, есть тоже нѣкоторыя отличія. Ступня живаго слона кажется на-видъ простою, круглой, гибкой массою. Когда животное стоитъ, эта часть ноги имѣетъ сходство съ основаніемъ столба или съ нижнею частью пня въ большомъ деревѣ; но, разсматривая кости ступни, найдемъ, что это широкое основаніе состоитъ изъ запястья, пясти, и пальцевыхъ суставовъ, и что притомъ эти кости получили совершенно другое назначеніе нежели тѣ же кости у животныхъ, о которыхъ было говорено. Онѣ не соединяются съ подвижнымъ рычагомъ и не имѣютъ собственнаго движенія, какъ у животныхъ плотоядныхъ, но служатъ только для того чтобы расширять основаніе столба, то есть, ступню, и придать ей извѣстную степень упругости.

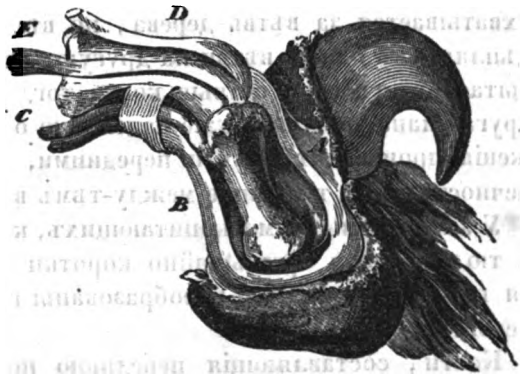
Digitized by Google

Мы уже видѣли, въ рисункѣ, кости ногъ верблюда и слона. Въ ногѣ верблюда, которая не поддерживаетъ такой огромной массы тѣла какъ нога слона, онѣ расположены косвенно и самое направленіе плюсневыхъ костей указываетъ на желаніе природы сдѣлать животное болѣе легкимъ. Нижняя часть ноги плоска, какъ подошва башмака, но между подошвою и костями съ лежащими возлѣ нихъ сухожиліями, находится столь мягкая и упругая подушка, что поступь животнаго чрезвычайно легка и надежна. Замѣтимъ, что ступня страуса имѣетъ сходство со ступнею верблюда.

Животныя, принадлежащія къ породѣ собакъ и кошекъ вообще плотоядны, и у обоихъ породъ пальцы снабжены ногтями или когтями, но нравы этихъ двухъ породъ и способъ, употребляемый ими для добыванія пищи, совершенно различны. У собакъ преобладаютъ тонкое обоняніе и неутомимость въ бѣгѣ; онѣ гоняютъ добычу до-тѣхъ-поръ, пока она падетъ отъ изнеможенія. Напротивъ, кошки отличаются остротою зрѣнія, терпѣливостью, бдительностью и способностью ползать. Кошка не гоняется за своей добычей, но бросается на нее въ нѣсколько прыжковъ, и если попытка не удалась, кошка, мурлыча, ложится снова на сторожку. Кости и тутъ вполнѣ приспособлены къ образу жизни. У собаки и волка когти жестки, крѣпки, выносятъ давленіе и тренie и назначены къ тому, чтобы во время продолжительнаго бѣганія покрывать ступню и доставлять ногѣ большую опору. Тигръ, напротивъ, прыгаетъ на добычу и запускаетъ въ тѣло пойманнаго животнаго свои острые, кривые когти. Какъ эти когти закривлены и очень остры, то ступня одарена слѣдующимъ удивительнымъ приборомъ, который защищаетъ ихъ отъ страданія: послѣдняя пальцевая кость съ прирѣзнымъ на концѣ когтемъ помѣщается сбоку и такъ сочленена,

Digitized by Google

что упругая связка *A*, оттягивая кость назадъ, вместѣ съ тѣмъ острый конецъ ногтя направляетъ кпереди. Она огибаетъ кость снизу, между головкою и подушкою, и вторая половина ея *BC* придерживаетъ ноготь въ этомъ положеніи, дѣйствуя наподобіе шнура на тѣлярномъ колесѣ. *D* и *E* мускулы, служащіе къ выпрямливанію ногтя.

Передніе концы послѣднихъ пальцевыхъ костей, при обыкновенной походкѣ животнаго, упираются въ землю, при чемъ когти сами собою входятъ въ свои влагалища, но когда оно бросается на добычу, сухожиліе сгибающаго мускула выдвигаетъ кости впередъ. Когти бенгальскаго тигра такъ остры и крѣпки, а лапа его такъ сильна, что, бросаясь на человѣка, онъ однимъ ударомъ пробиваетъ у него черепъ.

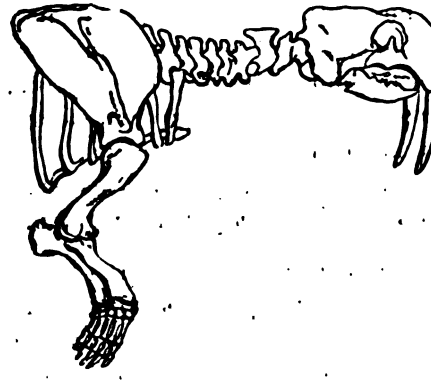
Устройство костей, соединяющихся съ когтями, представляетъ разительный примѣръ того согласія, которое существуетъ между образомъ жизни животныхъ и общимъ ихъ развитіемъ въ отношеніи руки. Впрочемъ должно замѣтить, что между оконечностями животныхъ, обитающихъ въ лѣсахъ и оконечностями тѣхъ животныхъ, которыя лазятъ по сучьямъ деревьевъ, есть нѣкоторыя различія. У вѣнцы когти расходятся въ обѣ стороны, и она бѣгаетъ съ необыкновенною легкостью по дереву вверхъ, внизъ, и крѣпко удерживается за углы вѣтвей. Обезьяна лазитъ тоже по деревьямъ и, прыгая съ одной вѣтви на другую, отнимаетъ задніе когти прежде чѣмъ передніе увяжутся за

Digitized by Google

новую опору, однако же прыжки ея легки и всегда вѣрны. Лѣнивецъ, напротивъ, лишенъ возможности схватывать; его пальцы просто — крюки, и вся его сила заключена въ однихъ только плечахъ. Онъ не ухватывается за вѣтвь дерева, но впивается на ней и цѣпляясь съ одной вѣтви на другую, отнимаетъ лапу и вытаскиваетъ свои острые когти тогда только, когда другая лапа получила уже надежную опору; такія движенія производитъ онъ и передними, и задними оконечностями, а туловище между-тѣмъ виситъ.

У земноводныхъ млекопитающихъ, какъ то, у моржа и тюленя, ноги чрезвычайно коротки и едва выдаются изъ тѣла, а пальцы преобразованы въ плавательныя перья.

Кости, составляющія переднюю ногу моржа, по своему полному развитію, совершенно согласуются съ

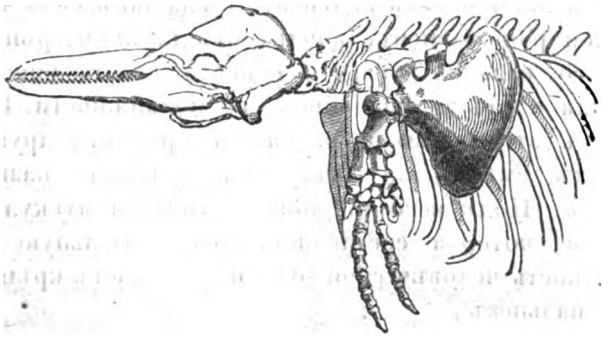

прочими частями животнаго. Эти кости участвуютъ въ составленіи плавательнаго прибору, потому что моржъ живетъ въ водѣ; выходя на берегъ только за тѣмъ, чтобы накормить своихъ дѣтенышей или погрѣться на солнцѣ и очутясь внѣ воды, онъ становится самымъ неловкимъ и беззащитнымъ животнымъ. Въ китахъ мы видимъ млекопитающихъ безъ заднихъ ногъ: они получили широкую лопатку, кости верхняго плеча имѣютъ чрезвычайно коротки, а кости нижней части

Digitized by Google

руки и ладони плоски и соединены кожистыми перепонками. Отъ этого образуется плавательное перо. Киты живутъ постоянно въ водѣ и выходятъ на поверхность ея только для перемѣны воздуха.

У дельфина мы опять встрѣчаемъ кости переднихъ

оконечностей, но форма ихъ отлична отъ тѣхъ же костей у другихъ животныхъ. Тюлени и моржи выходятъ иногда изъ воды и остаются нѣкоторое время на берегу: дельфины безъ исключенія находятся постоянно въ водѣ и оконечности ихъ преобразовались въ плавательныя перья или въ руль. Кто видалъ дельфина въ бурномъ морѣ, тотъ знаетъ, какъ искусно владѣетъ онъ этимъ орудіемъ, и какъ удачно приноровленъ самый приборъ къ жидкой стихіи.

Послѣдніе примѣры мы приведемъ изъ міра допотоннаго. Возьмемъ плесіосаура и ихтіосаура.

Эти животныя занимали мѣсто между крокодилами и рыбами; оконечности или рули ихъ состоятъ изъ множества взаимно сочленяющихся костей, и между ними замѣчаются верхнее плечо, локтевую кость, лучъ, кости запястья и пальцевъ.

Въ лапахъ этихъ животныхъ видно преобразованіе ногъ въ плавательныя перья рыбъ.

Убѣдясь, что всѣ измѣненія костей, встрѣчающіяся въ переднихъ оконечностяхъ животныхъ, соотвѣтствуютъ извѣстнымъ опредѣленнымъ цѣлямъ, бросимъ бѣг-

Digitized by Google

лый взглядъ на образованіе костей въ рукѣ человѣка и потомъ обратимся къ другой половинѣ нашего предмету.

Отличіе руки орангъ-утанга отъ руки человѣка состоитъ въ малости большаго пальца, который доходитъ едва до основанія прочихъ пальцевъ, тогда какъ сила человѣческой руки зависитъ вполнѣ отъ длины и крѣпости большаго пальца, отъ способности дѣлать боковыя движенія и отъ чрезвычайной его подвижности. Какъ крѣпость этого пальца равняется крѣпости другихъ четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ, то ему присвоено названіе *большаго*. Подъ него подложена толстая мускульная подушка, которая составляетъ исключительную принадлежность человѣческой руки и усиливаетъ крѣпость всѣхъ пальцевъ.

Альбинусъ называлъ большой палецъ *меньшою рукою, помощницею большой*, — *manus parva, majori adjutrix*. Потерять большой палецъ значитъ почти то же что потерять цѣлую руку.

Всякому извѣстно, что мускулами называются тѣ части животнаго тѣла, которыя составляютъ собственно такъ называемое «мясо». Мускулъ сдѣланъ изъ параллельно положенныхъ волоконъ (фибръ), которыя одарены особенною способностью укорачиваться и удлиняться. Эта способность извѣстна на рогатомъ языкѣ науки подъ именемъ «мышечной раздражительности». Каждый мускулъ состоитъ изъ соединенія милліоновъ такихъ волоконъ, которыя начинаются гдѣ-нибудь отъ одной общей точки и сходятся снова въ одинъ волокнистый кончикъ, — сухую жилу, — прикрѣпляющійся къ какой-нибудь подвижной части. Мѣсто, гдѣ сухая жила соединяется съ такою подвижною частью, называется точкою прикрѣпленія. Въ плечѣ и рукѣ человѣка, найдено болѣе пятидесяти мускуловъ, которые всѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ для произведенія одного движенія. Но это еще не объясняетъ намъ игры разныхъ частей руки

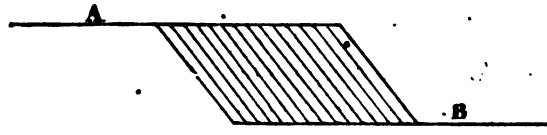
Digitized by Google

при каждомъ произвольномъ движеніи. Взаимное отношеніе мускуловъ становится особенно ощутительнымъ, когда одинъ изъ большихъ членовъ тѣла пораженъ тѣмъ, что медицина называетъ «воспаленіемъ». Въ стоячемъ положеніи, мы не можемъ поднять или выпрямить руки безъ измѣненія положенія цѣлаго тѣла; тѣло стремится найти равновѣсіе, и въ этомъ дѣйствіи участвуютъ цѣлыя сотни мускуловъ. Въ мускулахъ заключается *сила* тѣла. Каждый мускулъ содержитъ въ себѣ часть этой общей силы, но эти части силы уравновѣшены между собою самымъ чуднымъ образомъ. Какъ-скоро членъ долженъ быть приведенъ въ движеніе дѣйствіемъ одного или цѣлою партіею мускуловъ, сложная сила всѣхъ этихъ мускуловъ не можетъ превзойти силы мускуловъ, имъ противодѣйствующихъ, или антагонистовъ. Что же происходитъ? Мускулы-антагонисты тотчасъ теряютъ свою напрягательную силу, ослабѣваютъ, удлинняются и облегчаютъ дѣйствіе первыхъ. Когда членъ находится въ покоѣ, сила мускуловъ, вслѣдствіе кореннаго закона, приходитъ въ равновѣсіе: такое состояніе называется *тономъ* или *естественнымъ напряженіемъ* мускуловъ. Привязывая тяжесть къ сухожилію разгибающаго мускула, находимъ, что мускулъ вытягивается до-тѣхъ-поръ, пока его тонъ, или естественное напряженіе, противодѣйствуетъ тяжести; но если вмѣстѣ съ тѣмъ вытягивается и сгибающій мускулъ,— естественный антагонистъ разгибающаго, — тяжесть опускается еще ниже, потому что разгибающій мускулъ ослабѣваетъ и становится *длиннѣе*. Движеніе члена порождаетъ дѣятельность въ обоихъ родахъ мускуловъ; но эта дѣятельность, находящаяся подъ вліяніемъ воли, въ однихъ мускулахъ обнаруживается сокращеніемъ, въ другихъ растяженіемъ. Если бы не было такого устройства, тѣло, вмѣсто естественныхъ, непринужденныхъ и нѣжныхъ дѣйствій членами, при каждой попыткѣ къ движенію впадало бы въ судо-

Digitized by Google

роги, которыя случаются всякой разъ, когда два мускула тянутъ въ двѣ противныя стороны и одинъ не можетъ преодолѣть другаго или преодолѣваетъ съ большою трудностью.

Посмотримъ теперь механизмъ дѣйствія мускуловъ въ рукѣ. Во всѣхъ мускулахъ оконечностей, фибры, или волокна, имѣютъ косвенное направленіе между линіями движенія.

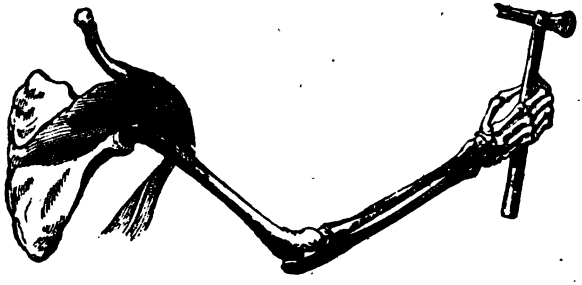
Здѣсь: *A* сухожильное начало мускула, *B* его сухожильное окончаніе или точка прикрѣпленія, и между обоими сухожиліями мясистыя волокна, идущія въ косвенномъ направленіи. Мускульное волокно, дѣйствуя въ такомъ направленіи, теряетъ нѣсколько своей силы, но зато пріобрѣтаетъ свойство, сокращаясь, протягивать дальше подвижную часть, къ которой прикрѣплено сухожиліе, и приноситъ выигрышъ во времени. Этотъ механизмъ объясняется тѣмъ закономъ, что быстрота движенія въ пространствѣ, и сила, или тяжесть, которая движетъ, всегда ровны, слѣдовательно, съ увеличеніемъ силы въ мускулѣ, замедлялась бы быстрота движенія. Съ тою же цѣлію, сухія жилы мускуловъ проходятъ черезъ суставы оконечностей; онѣ дѣйствовали бы несравненно сильнѣе, если бы направленіе ихъ къ оконечностямъ пальцевъ было совершенно прямолинейное; но какъ онѣ уклоняются отъ этого направленія, то пальцы движутся со скоростью, пропорціональною потерѣ въ силѣ.

Теперь посмотримъ на сходство этихъ явленій съ явленіями въ нѣкоторыхъ механическихъ снарядахъ. Положимъ, что машина приведена въ движеніе силою вѣтру или воды: желая увеличить быстроту колеворот-

Digitized by Google

наго движенія, приспособляютъ особеннаго роду балансъ съ длинными рычагами. Сначала колесо вертится очень медленно, но постепенно, ускоряя ходъ отъ дѣйствія новыхъ толчковъ, пріобрѣтаетъ наконецъ неимовѣрную быстроту и неимовѣрную центробѣжную силу; если при такомъ постоянно ускоряющемся движеніи тяжесть колеса будетъ слишкомъ велика, то машина разлетится въ куски, да и самыя стѣны зданія растрескаются. Тѣло, находящееся въ покоѣ, получивъ толчокъ отъ другаго тѣла, приходитъ въ движеніе; второй толчокъ сообщаетъ тѣлу уже гораздо болѣе быстры, потому что сила, которая содержала первое тѣло въ первоначальномъ покоѣ, уже уничтожилась; вся сила втораго толчка обращается на ускореніе движенія. Слѣдующіе толчки дѣйствуютъ точно такъ же. Движеніе ускоряется до-тѣхъ-поръ, пока получитъ быстроту, равную силѣ давленія того тѣла, которое дало ему первоначальный толчокъ.

Въ механикѣ животнаго тѣла, замѣчается такой же размѣнъ силы на быстроту, только въ низшей степени. Напримѣръ, когда человѣкъ ударяетъ молотомъ, то лежащій на плечѣ мускулъ (deltoideus), дѣйствуя на плечевую кость и поднимая длинный рычагъ,

образуемый всею рукою и молотомъ, теряетъ очень много своей силы, потому что точка его прикрѣпленія находится слишкомъ близко къ плечевому суставу. Но

Digitized by Google

такая потеря силы вознаграждается другимъ путемъ: потеря силы въ мускулѣ, зависящая отъ его прикрѣпленія, возстановляется быстротою, сообщенною молотку, потому что, пробѣгая бо́льшее пространство, онъ пріобрѣтаетъ болѣе быстроты, а быстрота — та же сила. При быстромъ паденіи тяжелаго тѣла, прибыль въ силѣ обнаруживается тѣмъ, что толчокъ такого тѣла производитъ дѣйствіе, гораздо значительнѣе нежели дѣйствіе, зависящее отъ взаимнаго напряженія всѣхъ мускуловъ. Мы видимъ, что этотъ механизмъ основанъ на началахъ маховаго колеса, отъ котораго машина получаетъ такую силу, что ея толчокъ чеканитъ золото и серебро. Чѣмъ отличается механизмъ руки отъ книгопечатнаго станка? На концѣ рычага въ этой машинѣ утвержденъ тяжелый шаръ, и потому его трудно привести въ движеніе. Типографщикъ берется за рычагъ вблизи шара и приводя его въ движеніе, сообщаетъ шару быстроту, не превышающую быстроты руки; рычагъ подвигается впередъ, а рука типографщика къ винту. Если бы онъ съ самаго начала ухватился за рычагъ въ этой точкѣ, онъ не сдвинулъ бы его даже съ мѣста, но какъ рычагъ уже приведенъ въ движеніе, то рука, всею своею силою, дѣйствуетъ на него въ точкѣ ближайшей къ винту, между-тѣмъ какъ быстрота движенія тяжелаго шара на переднемъ концѣ рычага усиливается болѣе и болѣе. Отъ такого соединенія силы съ быстротою, винтъ въ станкѣ получаетъ гораздо болѣе давленія чѣмъ при постоянномъ дѣйствіи руки на рычагъ вблизи шара.

Здѣсь также мускулъ плеча поднимаетъ длинный рычагъ руки очень медленно; но какъ-скоро рука приведена въ движеніе, то это движеніе усиливается съ каждымъ слѣдующимъ сокращеніемъ мускула, а движеніе передняго конца руки становится гораздо быстрѣе нежели быстрота движенія въ точкѣ прикрѣ-

Digitized by Google

плеча сухожилія. При дѣйствіи другаго мускула, опускающаго руку внизъ, участвуютъ двѣ соединенныя силы, тяжесть и собственная сила мускула. Когда молотъ упадаетъ, движеніе его ускоряется дѣйствіемъ собственной его тяжести; но если къ этому присоединится еще дѣйствіе самаго мускула, то отъ слія-нія двухъ, постоянно увеличивающихся силъ, быстрота движенія внизъ значительно ускорится.

Движенія ладони и пальцевъ совершаются по такимъ же законамъ, и эти части руки удивительно приспособлены къ дѣйствіямъ живымъ и очень быстрымъ. Руки піаниста и наборщика могутъ служить лучшимъ примѣромъ этой быстроты. Ступня и ножные пальцы одарены также большою силою, быстро-движностью и упругостью. Движенія пальцами совершаются не только посредствомъ большихъ, на нижней половинѣ руки лежащихъ мускуловъ; эти мускулы служатъ единственно для обнаруженія силы болѣе значительной; на ладони и между плоскими костями помѣщены маленькіе мускулы (такъ называемые червообразные и межкостные), — они-то производятъ быстрыя и нѣжныя движенія въ пальцахъ и отводятъ ихъ одинъ отъ другаго по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Эти маленькіе мускулы прикрѣплены къ нижнимъ концамъ пальцевыхъ костей въ томъ мѣстѣ, гдѣ кости образуютъ первый суставъ; какъ прикрѣпленіе находится почти возлѣ самой центральной точки движенія, точки покою, то концы пальцевъ отъ дѣйствія маленькихъ мускуловъ движутся чрезвычайно быстро. Кромѣ этихъ мускуловъ, есть еще другіе, но они имѣютъ уже совсѣмъ другое назначеніе. При схватываніи и сжатіи рукою какого-нибудь тѣла, соединенная сила мускуловъ должна быть весьма значительна. Посмотрите на матроса, который, ухватившись за канатъ, повисаетъ всею тяжестью своего тѣла на одной рукѣ. Легко предста-

Digitized by Google

вить себѣ, какъ сильно должно быть давленіе на эту руку! Оно превышаетъ крѣпость костей и сухожилій: сосуды и нервы разорвались бы непремѣнно, если бы ладонь, нижняя поверхность и концы пальцевъ не были окружены подушками, которыя защищаютъ руку точно такъ же, какъ упругая ткань защищаетъ ногу у лошади и верблюда. Въ помощь этой подушкѣ далъ особенный мускулъ, идущій поперечно черезъ ладонь и при внутренней, то есть, локтевой ея сторонѣ служащій подпорою мясистой подушкѣ; при схватываніи, этотъ мускулъ дѣйствуетъ очень сильно, кромѣ того поднимаетъ края ладони и черезъ это образуется горсть, ковшъ, которымъ Діогенъ пилъ воду. На концахъ пальцевъ такія же подушки помогаютъ еще чувству осязанія и усиливаютъ воспріимчивость нервовъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Всѣ эти поясненія, взятыя изъ механики, заставляютъ удивляться степени силы мускуловъ, и въ самомъ дѣлѣ эта сила заслуживаетъ удивленія. Никогда тяжесть, сила воды, расширеніе и сгущеніе паровъ, образованіе газу, упругость воздуху и другія силы, всѣ вмѣстѣ или каждая отдѣльно, не могутъ имѣть столь разнообразнаго приложенія какъ эта чудная сила мягкихъ ниточекъ, волоконъ, или *фибръ*, заключающихся въ мускулахъ. Она основана вся на свойствѣ мускуловъ—сокращаться, или сжиматься. Это свойство многимъ показалось такимъ чуднымъ, что для него придумали мистическое названіе — *жизненность*. Но животная фибра сокращается и въ мертвомъ состояніи, внѣ тѣла. Баранья струна віолончели или скрипки—не что иное какъ пучокъ тѣхъ же фибръ, тотъ же мускулъ, только волокна здѣсь скручены, для прочности. Когда эта струна находится въ вибраціи, она—длиннѣе обыкновеннаго; середина ея качается далеко въ обѣ стороны, хотя струна крѣпко натянута и концы ея укрѣплены. Прикоснитесь до нея въ это время чѣмъ-нибудь:

Digitized by Google

вибрація мгновенно прекращается, струна приходитъ въ спокойствіе и становится короче, *сокращается*. Въ живомъ тѣлѣ должно происходить то же самое: фибры мускуловъ должны находиться въ постоянномъ вибраціонномъ напряженіи или растяженіи, а нервы очевидно служатъ къ ограничиванію въ нихъ вибрацій, отъ чего они и сокращаются. Такимъ вѣроятно образомъ мускульная сила играетъ свою важную роль при движеніи, давленіи, дыханіи, рѣчи, пищеваренія, употребленіи пищи и кровообращеніи.

Въ тѣлѣ животнаго, каждый мускулъ имѣетъ свой собственный, опредѣленный образъ дѣйствія; это общее правило проявляется во всѣхъ мускулахъ, начиная съ постоянно и неутомимо сжимающагося и растягивающагося сердца, до такого мускула дѣйствующаго на писчее перо во время писанія. Въ однихъ мускулахъ постоянная дѣятельность прерывается короткими промежутками покою, въ другихъ она обнаруживается правильными періодами; одни подвержены вліянію воли, другіе не зависятъ отъ этого вліянія.

Ежели артерія оконечности раздѣлена на четыре или пять вѣтвей, которыя вновь соединяются, какъ напримѣръ, у лѣнивцевъ, то черезъ это возбуждается большее расширеніе и большая сжимаемость и такія, чисто механическія, проявленія всегда бываютъ соразмѣрны усиленію или уменьшенію кровообращенія. Особенное образованіе кровоносныхъ сосудовъ оконечностей можетъ замѣнять обращеніе только во время покою животнаго; но если члены находятся въ движеніи, то обращеніе крови пріобрѣтаетъ всегда ускоренное движеніе. Говоря о направленіи кровоносныхъ сосудовъ, мы касаемся вопросу: справедливо ли, что перевѣсъ правой руки надъ лѣвою зависитъ отъ направленія артеріальныхъ стволовъ въ обѣихъ рукахъ? Хотя замѣчено, что артерія правой

Digitized by Google

руки имѣетъ такое положеніе въ отношеніи къ сердцу, что кровь можетъ удобнѣе проникать въ тончайшія вѣточки этой руки, но такой взглядъ на предметъ слишкомъ ограниченъ: причина этого явленія скрыта гораздо глубже. Должно замѣтить, что вся правая сторона тѣла имѣетъ перевѣсъ надъ лѣвою, уступающею первой, не только въ силѣ мускуловъ, но и во всемъ своемъ устройствѣ. Органы движенія на правой сторонѣ развиты сильнѣе, въ чемъ можетъ убѣдить насъ непосредственное вымѣриваніе. Вообще принято, что такой перевѣсъ зависитъ отъ бо́льшаго упражненія правой руки, но перевѣсъ замѣчается даже въ самой конструкціи правой половины тѣла и члены лѣвой стороны скорѣе подвергаются разнымъ болѣзнямъ. Балетные танцоры выполняютъ всѣ труднѣйшіе па — правою ногою; для того чтобы выполнить то же лѣвою ногою, они должны упражняться вдвое больше. Наблюдая за походкою людей, мы рѣдко встрѣтимъ человѣка, который идучи дѣлалъ бы совершенно равныя движенія тѣломъ въ обѣ стороны; лѣвая нога становится не такъ твердо какъ правая и пальцы ея менѣе обращены кнаружи. Особенное устройство женщинъ, и то, что упругость ихъ походки зависитъ болѣе отъ движенія въ сочлененіи ступни съ голенью чѣмъ отъ бедръ, дѣлается причиною, что слабость лѣвой ноги у нихъ еще явственнѣе. Въ общежитіи все направлено къ правой сторонѣ; напримѣръ, ходъ винта, рѣжущая часть сверла, и такъ далѣе, можно принять, что это не дѣлается произвольно, но связано съ естественнымъ свойствомъ тѣлъ. И такъ, перевѣсъ правой руки не — слѣдствіе упражненія и особеннаго направленія артеріи, но природное, естественное устройство для весьма явственной цѣли. Читатели можетъ-быть помнятъ приведенныя здѣсь однажды изслѣдованія того же вопроса: изъ нихъ оказывалось, что бо́льшее развитіе правой стороны должно почесть за результатъ особеннаго положенія зародыша въ чревѣ матери.

Digitized by Google

Всѣ органы внѣшнихъ чувствъ, за исключеніемъ осязанія, развиты у животныхъ совершеннѣе чѣмъ у человѣка. У орла и сокола, у газели и у всѣхъ животныхъ изъ породы кошекъ, преобладаетъ чувство зрѣнія; собака, волкъ, гіена, одарены необыкновенно тонкимъ обоняніемъ; острота слуху — принадлежность низшихъ животныхъ; но чувство осязанія, котораго органъ рука, развито преимущественно въ человѣкѣ. Говоря о преимущественномъ развитіи какого-нибудь чувства въ извѣстномъ животномъ, не должно думать, чтобы, одни нервы были грубѣе образованы и менѣе чувствительны, другіе устроены нѣжнѣе и опредѣлены для впечатлѣній болѣе нѣжныхъ. Если глазные нервы тоньше чѣмъ нервы пальцевъ, то, съ другой стороны, должно помнить, что нервная оболочка глаза совершенно нечувствительна къ тѣмъ качествамъ матеріи, которыя мы узнаемъ съ помощію осязанія. Каждый нервъ чувствъ образованъ для одного извѣстнаго чувствованія, служитъ для опредѣленнаго отправленія, и нѣжность ткани не имѣетъ тутъ ни какого вліянія. Осязательный нервъ кожи нечувствителенъ къ впечатлѣніямъ свѣту и звуку совсѣмъ не потому чтобы строеніе его было нѣсколько грубѣе; полнота системы состоитъ въ томъ, что каждый нервъ одаренъ воспріимчивостью къ одному только опредѣленному впечатлѣнію. Нервъ кожи способенъ только къ осязанію, какъ глазной нервъ — только къ зрѣнію. Если бы такая способность зрительнаго нерва зависѣла отъ болѣе нѣжнаго строенія его ткани, если бы нервная сѣтка глаза (retina) была чувствительна къ свѣтовому началу потому только, что она нѣжнѣе и вообще чувствительнѣе остязательныхъ нервовъ, то нашъ глазъ испытывалъ бы постоянную боль; но уже сказано, что нервная оболочка глаза, нечувствительна къ боли и принимаетъ только впечатлѣнія свѣту и цвѣтовъ.

Digitized by Google

Боль и раздраженіе, ощущаемыя въ глазу отъ пыли или другихъ постороннихъ веществъ, которыя иногда попадаютъ въ него, зависятъ не отъ глазнаго нерва, а отъ другихъ нервовъ, и служатъ доказательствомъ, что поверхность глаза чувствительна къ впечатлѣніямъ совсѣмъ другаго роду. Во время операціи иссѣченія глаза, когда острее хирургической иглы проникаетъ черезъ наружныя оболочки глаза, больной чувствуетъ уколъ, и это зависитъ отъ раненія чувствительнаго нерва; но когда острее иглы проходитъ черезъ нервную сѣть глаза, которая не что иное какъ расширенный зрительный нервъ, выстилающій внутреннюю поверхность глазнаго яблока, больной видитъ только искры, оттого что зрительный нервъ столько же нечувствителенъ къ дотрогиванію сколько осязательный къ свѣту. Сильная чувствительность кожи къ самымъ маловажнымъ ранамъ породила мысль, будто боль должна быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже рана: это не справедливо, и не сообразно съ благими, вездѣ явственно обнаруживающимися законами творящей природы. Чувствительность кожи не только служитъ къ осязанію, но она вмѣстѣ такъ сказать охранный сторожъ глубже лежащихъ частей, и какъ къ этимъ частямъ не можетъ прикоснуться ни какое постороннее тѣло, не проникнувъ сначала кожи и не возбудивъ въ насъ чувства боли, то понятно, почему глубже лежащія части вовсе не нуждаются въ усиленной чувствительности. Если бы глубокія части, принимающія участіе въ движеніяхъ тѣла, обладали такою же чувствительностью какъ наружная кожа, это не только не приносило бы имъ ни какой пользы, но, напротивъ, при каждомъ естественномъ движеніи тѣла, было бы источникомъ постоянныхъ болѣзненныхъ ощущеній. Оперированные увѣряютъ, что самую сильную боль они ощущали при разрѣзѣ кожи, но при прониканіи но-

Digitized by Google

жа къ глубже лежащія части боль значительно умницалась. И такъ, чувствительность наружной кожи — спасительный предостерегатель раненія глубоко-лежащихъ, болѣе важныхъ частей. Теперь, раждается другой вопросъ: могутъ ли глубоко лежащія части подвергаться поврежденіямъ безъ предшествовавшаго раздѣленія цѣлости кожи? Это не подлежитъ ни какому сомнѣнію; онѣ подвержены переломамъ, вывихамъ и сотрясеніямъ, хотя кожа остается неповрежденною. Замѣчательно, что глубокія части, почти нечувствительныя къ дѣйствію ножа и огня, оказываютъ неимовѣрную чувствительность, подвергаясь разможенію или разрыву, и эта чувствительность скрытыхъ частей къ такого роду насиліямъ инстинктивно побуждаетъ насъ быть осторожными при соскакиваніи съ высокаго мѣста, при подниманіи слишкомъ тяжелаго или задерживаніи быстро движущагося тѣла, точно такъ же какъ чувствительность наружной кожи заставляетъ избѣгать остраго ножа и раскаленнаго желѣза.

Чувствительность руки къ теплотѣ не зависитъ отъ чувства осязанія; она имѣетъ мѣсто въ кожѣ и ограничивается поверхностью тѣла. Внутреннія части сохраняютъ всегда одинаковую температуру, но наружныя, будучи подвержены частымъ перемѣнамъ окружающей атмосферы, побуждаютъ насъ защищать ихъ отъ вреднаго дѣйствія холоду и жару. Когда рука лишается способности ощущать теплоту и холодъ, но въ ней еще остается движеніе, человѣкъ беретъ раскаленные металлы, и кожа сгараетъ, не ощущая ни малѣйшей боли. Въ такой рукѣ человѣкъ чувствуетъ постоянный холодъ, не увеличивающійся отъ прикладыванія веществъ, еще болѣе понижающихъ температуру, и не уменьшающійся отъ искусственной теплоты.

Намъ бы слѣдовало теперь поговорить еще объ общемъ расположеніи, въ рукѣ, мускуловъ, нервовъ и

Digitized by Google

кровоносныхъ трубокъ, но съ помощію нашихъ рисунковъ на деревѣ невозможно дать понятія о такихъ тонкихъ и сложныхъ пружинахъ. Читатель, котораго это общее, слишкомъ поверхностное, изложеніе предмету сколько-нибудь увлекло въ пользу анатоміи человѣческаго тѣла, долженъ обратиться къ огромнымъ, отлично нарисованнымъ, блестящимъ таблицамъ Н. И. Пирогова и къ подлинному тексту знаменитаго хирурга нашего, который въ то же время—превосходный писатель на обоихъ языкахъ.

Digitized by Google

МАРТЪ, 1844.

НОВЫЯ КНИГИ.

ОПЫТЪ НИДЕРЛАНДСКОЙ АНТОЛОГІИ. П. Корсакова. *СП.-бургъ, въ тип. К. Жернакова, 1844, въ-12., стр. 261.*

Имя П. А. Корсакова съ почетомъ запишутъ въ лѣтописи русской литературы за услугу, имъ оказанную: онъ первый познакомилъ соотечественниковъ съ голландскою поэзіею. Мы были старые знакомые съ голландскимъ языкомъ, съ наукою, искусствомъ, жизнью Голландцовъ, потому что первымъ европейскимъ урокомъ обязаны Голландіи. Но мы вовсе не знали, да и другіе плохо знали, что у флегматической Голландіи, у этихъ холоднокровныхъ, неподвижныхъ Голландцовъ, есть своя поэзія, своя, обширная, разнообразная словесность, и были дарованія необыкновенныя. Это было *открытіе*, вещь нынче очень рѣдкая. П. А. Корсаковъ былъ, не Колумбъ, но, по-крайней-мѣрѣ, Кукъ или Ванкуверъ литературный: онъ открылъ голландскую словесность. Этотъ журналъ радушно предоставлялъ нѣсколько разъ страницы свои въ распоряженіе П. А. Корсакова, и читатели, конечно, помнятъ любопытныя статьи его о голландской литературѣ и о Фонделѣ. Ободренный успѣхомъ первыхъ опытовъ, П. А. Корсаковъ продолжалъ труды свои. Они удостоились одобренія Ея Величества Королевы Нидерландской, Анны

Digitized by Google

Павловны, превосходно знающей языкъ своего новаго отечества, и которая, письменно, и лично, когда П. А. Корсаковъ въ 1841 году былъ въ Голландіи, изъявляла ему лестное желаніе, чтобы онъ не переставалъ своими переводами знакомить Русскихъ съ голландскою словесностью. Плодомъ усерднаго старанія П. А. Корсакова исполнить столь лестное порученіе была изданная нынче «Нидерландская Антологія», посвященная Великому Князю, генералъ-адмиралу, Константину Николаевичу, удостоившему ее самаго лестнаго вниманія.

Кто возьметъ эту антологію изъ одного любопытства, тотъ увлечется чтеніемъ ея. Переводчикъ собралъ дань болѣе нежели съ тридцати поэтовъ, а кромѣ *Бильдердейка*, *Катса*, *Фонделя*, *Фейта*, донынѣ едва-ли по именамъ знали мы Ансло, Беллами, Брейна, Вилье, Гейгенса, Геинзія, Гильмана, Гоофта, Хроота, Бреэта, Дехтера, Портюаля, Зеекота, Кирхнера, Лейкена, Сиффле, Смита, Хрофезанде, Схимегеймера, Тессельсхаде, Толленса, Шаранга, Коненга, Ферстехена, Финкенса, Хиселерса, которыхъ сочиненія передаетъ намъ П. А. Корсаковъ. Не бойтесь непоэтическихъ именъ, и прогуляйтесь по цвѣтословію, куда искусною рукой русскаго переводчика пересажены розы, крупнѣе драгоцѣнныхъ голландскихъ тюльпановъ. Все это тѣмъ любопытнѣе, что гораздо болѣе было переведено донынѣ и на французскій языкъ, и даже на нѣмецкій, несмотря на всепереводительность Нѣмцовъ, со шведскаго нежели съ голландскаго. Что это значитъ, случайность, или другое какое обстоятельство! Не говорю, что причиной — особенный характеръ голландской поэзіи или бѣдность ея. Она разнообразна и богата. Мы укажемъ еще на одну забытую богатую словесность: переведя такъ много съ испанскаго, Французы и Нѣмцы забыли о португальскомъ языкѣ, и португальская словесность совершенная terra incognita въ Европѣ. Всего скорѣе можно рѣшить это недоразумѣніе тѣмъ извѣстнымъ закономъ, что суженаго книгѣ или цѣлой литературѣ нѣмецкимъ терпѣніемъ не объѣдешь. Воспользуемся же счастливою случайностью трудовъ нашего соотечественника, и увѣримся, что Голландцы не только умѣютъ дѣлать сыръ и солить сельди, но сердца ихъ также отзываются

Digitized by Google

на всѣ прекрасныя думы человѣка, что эпиграмма ихъ также бываетъ остра и любовь также сумасшедшая.

Въ антологіи П. А. Корсакова помѣщено около ста сорока небольшихъ піесъ. Тутъ весь нашъ трудъ можетъ состоять въ указаніи на самое характеристическое: нельзя судить ни о поэтахъ отдѣльно, ни о словесности вообще, по выбору немногихъ піесъ. Ограничимся выпискою нѣкоторыхъ, искренно желая продолженія столь удачныхъ опытовъ.

Вы знаете *Гуґона Гроціуса*, то есть, *Гуґона де-Хроота*, какъ философа и юриста: но кто знаетъ, что онъ писалъ стихи? Вотъ стихи его, въ альбомъ другу, написанные въ 1621 году:

«Кто вѣкъ свой узникомъ проводитъ весь, какъ мы,
Изъ чрева матери, своей живой тюрьмы,
На свѣтъ выходитъ бѣлой,
Чтобъ душу запереть въ тюрьму другую—тѣло,
И заключиться вновь въ подземной тьмѣ гробницъ,
Того ли устрашатъ звукъ узъ и мракъ темницъ!»

Вотъ стихотвореніе Беллами «Другу Виллему Карпу».

«Какъ пышно высится въ концѣ пути,
Въ концѣ пути наземной жизни,
Недвижной вѣчности гора,
Гдѣ Божество отъ вѣка обитаетъ!
Да, тамъ Оно живетъ, на выси недоступной,
И въ безпредѣльный долъ временъ
Струитъ потоки благодати,
Живящіе стремленіе ручья.
Какъ ни горька временъ долины, почва,
Но сладости не портитъ горнихъ водъ,
И вкусомъ вѣчности, и силой,
Ихъ каждый отзывается глотокъ.
Присядемъ же, о другъ, на берегъ,
Мы у ручья воды живой,
И устремимъ свой взоръ на гору,
На гору вѣчности вдали.
Всмотрись въ нее: за длинными рядами,
Рядами длинными высокихъ тѣхъ деревъ,
Не видишь ли таинственнаго блеску
Въ дали глубокой ты?

Digitized by Google

Тамъ быть должна гора. Но что за дымъ, туманомъ,
Изъ-за лѣсовъ клубится вверхъ?
О, другъ! ужели свѣтъ туманный только проблескъ,
Или воистину сіяніе горы?
Встань, другъ мой! Что сидѣть безплодно!
Спокойно, весело отправимся мы въ путь.
У дальняго ручья истокъ быть долженъ къ выси —
Отправимся къ нему.
И вѣрно, другъ, въ концѣ того пути
Въ концѣ пути тревожной нашей жизни,
Найдемъ и мы желанный ключъ,
Живящія струи ручьевъ ея.
И, вѣрно, другъ, въ концѣ того пути
На гору вѣчности взберемся мы съ тобою,
И взоръ свой долу обращая,
Тамъ отдохнемъ у свѣжаго ключа.
Оттуда странникъ утомленный,
Блуждая взоромъ внизъ горы,
Увидитъ собственный свой путь —
Ручей, вьющійся въ долинѣ.
Оттуда странника послѣдняго внизу,
Въ долинѣ времени увидишь,
Когда и онъ, какъ ты,
На гору вѣчности взбираться также будетъ....
Взгляни, какъ вдругъ прочистилася даль,
Брось взоръ за эти пыльныя деревья —
О, другъ! воистину, за ними вижу гору,
Да, гору вѣчности — не дымъ!

Болѣе другихъ обильную жатву собралъ переводчикъ съ Бильдердейка и Катса, двухъ блестящихъ свѣтилъ голландской словесности. Мы приведемъ здѣсь «Сіамцовъ, восточную параболу», Бильдердейка.

«Гдѣ зло въ крови народа заключено,
Безсильна казнь тамъ зло остановить.
Но какъ мнѣ горю пособить?
А вотъ какъ — выслушайте дѣло.

*

Одинъ сіамскій царь воровъ велѣлъ карать
Ужасной казнью; въ порокѣ уличенымъ,
Онъ золотомъ топленымъ
Велѣлъ всѣмъ горла заливать.

Digitized by Google

Что ж вышло? Судьи, тѣ же люди,
Придумали и тутъ, какъ лапу понагрѣть:
Вмѣсто золота мѣдь желтую тонили,
А золото—въ карманъ! Когда жъ то зло открыли,
Судью съ грабителемъ одна постигла смерть.
Другіе, прежнихъ по-хитрѣе,
Придумали ту мѣдь томпакомъ замѣнять;
И хотъ обманъ ихъ обличать
Гораздо сдѣлалось труднѣе,
Но долго ль, коротко ль, а всѣ открылся онъ.
Въ правдивомъ гнѣвѣ, принужденъ
Былъ царь сіамскій убѣдиться,
Что воровство не прежде прекратится,
Какъ онъ всѣхъ подданныхъ сажетъ:
Надъ кѣмъ же царствовать тогда ему въ Сіамѣ?
Къ Задигу, мудрецу, тиберскому онъ Ламѣ,
Въ недоумѣніи спѣшитъ.
Мудрецъ былъ точно мудръ, не мялся, не ломался,
Царю все дѣло справить взялся.
«Чтобъ съ корнемъ воровство въ Сіамѣ истребить,
Ты долженъ, онъ сказалъ, воровъ—*перерѣшить*,
А къ этому твоей едва-ль достанетъ силы —
Горбатыхъ правятъ лишь могилы.
Но вотъ тебѣ, о царь, мой дружескій совѣтъ:
Карай преступника, гдѣ явно злодѣянье;
Гдѣ нѣтъ улики—молчи, скрывай негодованье.
Когда жъ пересоздать захочешь свѣтъ,
На это есть секретъ —
Образованье, воспитанье,
Устрой въ имперіи твоей
Ты школы, гдѣ бъ наставники дѣтей
Законамъ Божескимъ и честности учили;
Гдѣ бъ и наставники, какъ ты, добро любили,
И обновленный твой народъ
Цѣль правосудья безъ боязни,
По убѣжденію пойметъ,
И мудрому царю не нужны будутъ казни».

Заключимъ выписки, которыя отчасти могутъ показать и характеръ и разнообразіе «Нидерландской Антологіи», антологомъ Катса:

Въ пескахъ пустыни пилигримъ
Увидѣлъ пирамиду,

И думаетъ «Вотъ пышный домъ царей!
Его верхи сводъ неба подпираютъ!»
Глупецъ, не зналъ, что прахъ одинъ царей
Вмѣщаетъ пышная гробница—пирамида....

***

Кто по наружности лишь судитъ о вещахъ,
Тотъ строитъ домъ на облакахъ.

Во всемъ этомъ есть много своего, особеннаго, самобытнаго. Авторъ антологіи прибавилъ къ общей литературной исторіи замѣчательный фактъ, что изученіе голландской словесности несправедливо было до-сихъ-поръ пренебрегаемо образованною Европою, которая между-тѣмъ отъ всей души нерѣдко восхищается чухонскою и монгольскою литературами.

СТИХОТВОРЕНІЯ КАРА-ИСКАНДЕРА. *Москва, въ тип. Университетской, 1843, въ-12, стр. 108.*

Старая сказка! Несмотря на татарское имя, поэтъ — не большой бусурманъ, совсѣмъ не такой нехристь, за какого выдаетъ себя: онъ просто—приверженецъ извѣстнаго поэтическаго расколу, который вѣритъ въ могущество риемы, полагаетъ, что когда строчка короче ширины страницы, такъ это—*стихъ*, а если тутъ есть *дѣва*, *луна* и *мечта*, имѣющія въ основаніи своемъ *чашу*, такъ это — *поэзія*. Синьоръ Кара-Искандеръ увѣренъ даже и въ томъ, что если Пушкинъ писалъ поэму о Черкесахъ, то и другимъ непремѣнно надо писать черкесскія поэмы, и что если есть «Наложница» Баратынскаго, такъ всякій поэтъ обязанъ поставить литературѣ свою «Наложницу», дотого, что и герой *оной* наложницы долженъ называться Арсеніемъ, какъ у Баратынскаго.

Вслѣдствіе таковаго татарскаго вѣроисповѣданія своего, синьоръ Кара-Искандеръ ведетъ новаго Арсенія, скуки ради, куда-то на Востокъ, перевозитъ его въ какомъ-то мѣстечкѣ черезъ рѣку, ломаетъ ему, не голову, что было бы гораздо лучше, а дрогу. Прибѣгаетъ жидъ, тащитъ Арсенія къ себѣ въ домъ, беретъ «пещись о сломанной колескѣ», не «надѣвъ на душу маски», а между-тѣмъ —

Digitized by Google

Доставить гостю развлеченье
Желая какъ-нибудь *на дню*
Онъ дочь прекрасную свою
Ему *представилъ въ утѣшенье*....

Жидъ былъ человѣкъ радикально особенный, да и дочь его была жидовка необыкновенная.

Одни созданія искусствъ
Въ *гармоніи* поспорить стройной
Души и *формы* съ ней могли.
Какая жъ *дѣва* всей земли,
Всегда холодной и ненастной
Могла затьмить ее *красой*?....
Ее вы можете принять
За *дѣву лучшую земную*....
Она, *какъ птица*, и сама
Отрадныхъ жаждала познаній,
По днямъ любила изучать
Красы *художественныхъ* созданій,
И въ атмосферѣ ихъ дышать....

Пока починивали дрогу и отецъ Лейзы «*пекся* о сломанной колясцѣ», Арсеній, отъ нечего дѣлать, бродилъ по саду. Вы безъ всякаго поясненія понимаете, что Арсеній былъ самый «разочарованный юноша», полный поэтическій негодяй, какой только таскался съ хандрою и глупостью по бѣлому свѣту, что былъ мизантропомъ на балахъ, пилъ мертвую чашу съ подобными себѣ великими философами и курилъ сигары какъ дикій Sioux. Таковы нынче герои поэмъ!

Вдругъ слышитъ онъ, изъ-за кустовъ,
Аккорды звучные безъ словъ,
Какъ-будто персты пробѣжали
По струнамъ арфы золотой,
Предъ пѣньемъ *дѣвы* молодой,
И вслѣдъ за ними зазвучали,
И стройной полились волной
Напѣвы пѣсни неземной....

Арсеній тотчасъ понялъ напѣвы пѣсни неземной, и вотъ —

Вдругъ устремился быстро онъ
Въ закрытый *чащей* павильонъ....

Digitized by Google

И началъ говорить прямо:

«Къчему скрываться, онъ сказалъ:
Я васъ люблю, и такъ недавно
Признанье ваше услыхалъ,
Любовью дышащее равно.
Я васъ люблю, какъ не любилъ,
Я никого еще на свѣтѣ,
Съ стремленьемъ всѣхъ душевныхъ силъ,
Съ отрадой быть въ сватахъ обѣщь!
И если я счастливецъ такъ,
Къ кому любовь стремится ваша —
Клянусь — достойнѣй не найдетъ
Меня любви святая чаша!

Лейза отвѣчала Арсенію маленькою кабалистическою галиматьей:

И вы, вы любите меня?
Жидовку, жалкое творенье,
Лишенное небесъ дня?

На что Арсеній отвѣчалъ — crescendo:

Люблю ли я? кчему сомнѣнья,
И что дивку я вамъ въ отвѣтъ?
Въ моей любви различья нѣтъ,
Міръ всѣ равны произведенья —
Еврей, Французъ, Индѣецъ, Грекъ,
Лишь былъ бы существо живое,
Съ отзывчіемъ на все святое,
Въ высокомъ смыслѣ человѣкъ,
И ты не лучшее ль созданье
Среди созданій всѣхъ земель?
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существованье
Свое узрѣлъ — клянусь, досель
Тебя въ немъ не было прелестнѣй,
Ты совершенство идеалъ,
Ты ангелъ на землѣ небесный,
И предъ тобой я блѣденъ, малъ....
—Я недостойна сихъ похвалъ!

сначала стыдливо отвѣчала Лейза. Потомъ она восклицала: «Судьбы свершается опредѣленье!» Слѣдуютъ точки. Черезъ нѣсколько строчекъ, Арсеній холодѣетъ, не любитъ.... точки....

Digitized by Google

«Онъ пересталъ къ ней на свиданье
Являться вовсе въ павильонъ,»—

Наконецъ пришелъ, и безъ чиновъ говоритъ:

Я обманулъ тебя невольно,
Я [illegible] и больно
Мою сжимаетъ эта грудь,
О, Лейза! правыя проклятья
Обрушь на голову мою....
Кляни, кляни, кляни, кляни —
Теперь и въ будущіе дни!

Остальное тоже.....точки: разсказывать нечего. Лейза осталась «*безъ силъ, съ опухшими отъ слезъ глазами*», и, кажется, умерла. По-крайней-мѣрѣ, въ концѣ поэмы кого-то хоронятъ, «идетъ задумчивый отецъ, *и въ грудь съ отчаянья ударяетъ, отяжелѣвшею рукой*». Если этотъ *задумчивый отецъ*—мнѣ, отецъ Лейзы, такъ его стоило поколотить не по груди, а по спинѣ, за то что онъ *поздо овладѣлъ волей*, безъ всякаго печанія о дочери.....точки.

Другая поэма, или не поэма, а «эпизодъ изъ неоконченной поэмы» — преужасная поэма! Исторія начинается тѣмъ, что ѣдетъ Черкесъ, и у него —

«....Что-то въ буркѣ за сѣдломъ,
Большимъ *хвостается узломъ.*»

Черкесъ пріѣзжаетъ къ какому-то старику и разсказываетъ ему свои похожденія. Они впрочемъ давно были извѣстны изъ «Цыганъ» Пушкина. Черкесъ, какъ Алеко Замфиру, подстерегъ свою жену, которая пѣла, на голосъ —«Старый мужъ, грозный мужъ!»

«Милый другъ, нѣжный другъ!
Лишь узнала тебя,
Полюбила тебя,
Разлюбивъ его вдругъ!

*

Ты со мной наконецъ!
Навсегда я твоя
Не уйдемъ съ тобой
Мой первый отецъ!»

Потомъ дѣло пошло далѣе; разсказываетъ рогатый мужъ —

Digitized by Google

«....вслѣдъ за пѣсней до меня
Достигли, пламенней огня,
Лобзанья страстныя *двухъ устъ*!
Я задрожалъ, и *быстро въ кустъ*
Съ проклятьемъ бросился....»

Пока онъ оставался въ *кустъ*, любовникъ убѣжалъ. Рогачъ бросился его догонять, и когда, говоритъ, догналъ —

«Я весь затрясся — *мой языкъ*
Вдругъ *исчустилъ какой-то крикъ*!»

Потомъ разсказчикъ развернулъ и показалъ старику, что такое у него —

....въ буркѣ, за сѣдломъ,
Большимъ *моталося узломъ*.»

Старикъ полюбопытствовалъ, посмотрѣлъ, и увидѣлъ ..... страшныя точки!.... голову сына....словомъ, преужасный «Эпизодъ изъ неоконченной поэмы»!

Кромѣ одной полной поэмы и одного эпизода изъ поэмы, у Его Присутствія Кара-Искандера есть стихи къ *сосѣду*, который игралъ на гитарѣ, къ *сѣчкѣ*, которая горѣла на столикѣ, къ *чашѣ юности*, которую онъ выпилъ, къ *старому дому*, гдѣ онъ былъ молодъ, и еще кое-что для грузу. Лучше всего — *пѣснь Алкивіада на оргіи*. Онъ приказываетъ какимъ-то «прелестнымъ твореньямъ» сбросить «долой пышныя ризы», напиться до-пьяна, и плясать вокругъ себя безъ всего, даже безъ манишетокъ,—

«Чтобъ, въ блаженствѣ утопая,
Жизнь земную полюбить,
И о *сѣтломъ счастьи рая*
За могилой не просить!»

Какое татарское желаніе!

Кстати о пѣсни на голосъ «Старый мужъ, грозный мужъ». Мы чуть-чуть не забыли, что знаменитая *мадмоазель Элиза д'Улибишевъ* издала новый томикъ своихъ прелестныхъ стихотвореній на своемъ прелестномъ языкѣ, — съ предисловіемъ,—да еще какимъ! Въ предисловіи этомъ, есть нѣжная пѣсня на тотъ же голосъ, обращенная — къ кому, вы бы подумали?—къ *Осипу Ивановичу Сенковскому*, котораго мадмоазель Элиза д'Улибишевъ, видно, почитаетъ ав-

Digitized by Google

торомъ статейки, напечатанной здѣсь въ 1842 объ ея твореніи «Etincelles et cendres». Къ сожалѣнію, Осипъ Ивановичъ Сенковскій, которому некогда читать ни étincelles ни cendres мадмоазель Элизы д'Улибишевъ и который такою литературой никогда не занимался, вовсе не прикосновенъ къ этой статьѣ, и остроуміе мадмоазель Элизы пропадаетъ даромъ, а остается только неприличіе самопроизвольно выставлять въ печати, по однимъ догадкамъ, съ опасностью ошибиться и потомъ сожалѣть объ ошибкѣ, чужое частное имя, не подавшее ни какого поводу къ вызову себя на сцену. Мадмоазель Элиза потрудилась прислать въ редакцію Лѣтописи свое второе твореніе —

PENSÉES ET SOUCIS, *suivis de la Sylphide-poète, par mademoiselle* Elisa d'Oulibicheff, *auteur des «Etincelles et cendres», Moscou, 1843, 8vo,*—

и при томъ твореніи вторую пѣсню, адресованную къ нему же Осипу Ивановичу Сенковскому, но уже на голосъ болѣе жалобный, и которою она умоляетъ критиковъ —

«Laissez lui donc sa foi ! laissez lui sa chimère !
Laissez-la croire en elle, pour qu'elle croie en vos dieux !
Laissez l'être opprimé, méconnu sur la terre,
Exhaler vers le ciel sa plainte solitaire
En versant tous les pleurs que contiennent ses yeux !»

Доложивъ о таковомъ происшествіи, и считая долгомъ буквально исполнить столь справедливую просьбу, да и не предполагая въ читателяхъ большаго любопытства знать эти pensées et soucis, обращаемся къ нашему дѣлу. Вотъ —

1. ГЕЛІОДОРА, *или Греганка, играющая на лютнѣ. Сочиненіе Лиидау. Переводъ съ Нѣмецкаго. Изданіе второе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-12. Три части, стр. 210—188—178.*

2. ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА, *или Отецъ и Сынъ. Испанская повѣсть. Переводъ съ Французскаго.* А. Биструковой. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-18. Четыре части, стр. 84—82—72—53.*

Digitized by Google

3. КОНДРАШКО НУЛАНИНЪ, *бунтовщикъ, бывшій во царствованіе Петра I. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, въ тип. Степанова, 1845, въ-16. Двѣ части, стр. 87—89.*

4. ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОКЪ, *или Сказка о знаменитомъ рыцарѣ Родригѣ, и о волшебницѣ Родсѣ, продавшемъ душу свою демону. Москва, въ тип. Степанова, 1845, въ-12, стр. 192.*

Извините, что это все..... съ позволенія сказать..... романы. Всѣ они напечатаны на бумагѣ неопредѣленнаго цвѣту, таинственно грязнаго съ сѣрымъ отливомъ, съ картинками, писанными углемъ на лубкѣ. Видно, имѣютъ счастіе находить себѣ читателей, когда нѣкоторые изъ нихъ напечатаны уже вторично. И какъ было не найти! Тутъ все есть, — страшное, печальное, веселое, оригинальное и переводное. «Геліодора»—*романъ* чувствительный. Начинается тѣмъ, что корабль, на которомъ Геліодора съ лютнею, или лютня съ Геліодорою, плыли, разбивается. Все погибло, кромѣ Геліодоры и лютни, и вотъ—

«Солнце садилось. Величественно отражались темнѣющія скалы съ своими лѣсистыми *вершинами, кои ограничивали излучины прекраснаго залива* въ блестящемъ, тихо волнуемомъ морѣ. Въ царствующей *тишинѣ* слышно было *тихое дыханіе* дѣвушки, покоющейся близъ самаго берега на пригоркѣ. Незнакомка, въ *сей* день свершивъ продолжительное путешествіе, и своротивъ съ дежащей вправѣ большой дороги, заснула здѣсь, отдыхая, и наслаждаясь вечернею прохладою.»

Спящая незнакомка была Геліодора. Пока она спала—

«Медленно приблизился *юноша*, и увидѣлъ спящую дѣвушку. Подошедъ ближе, и прелестный видъ поразилъ взоры его. *Колеблющаяся* вечерняя заря падала на нее слабое *мерцаніе*, которое на нѣсколько минутъ *придало возбужденное воображеніе* юношѣ *мечтѣ*, будто онъ перенесенъ въ златыя времена, когда небесныя существа сходили къ роду смертныхъ, и ходя между ними, облегчали имъ труды дневныхъ работъ житейскихъ. Онъ сталъ на колѣни, почтительно наклонился къ спящей и мрачный видъ его развеселился при воззрѣніи на спокойствіе, *сіявшее* на *семъ* прелестномъ лицѣ. Иногда простиралъ онъ руку (не бойтесь ничего за Геліодору!). дабы разбудить ее, но наслажденіе пріятнымъ покоемъ, которое *познавалъ* по тихой улыбкѣ устъ ея,

Digitized by Google

удерживало его, и такъ, какъ *положенія* *ея было безопасно*, то онъ *довольствовался тѣмъ* (пожалуйста ничего не бойтесь за Геліодору!) что *дала* *ему* *победу взаимная* *склонность* *на ея предпочтеніе*....

Потомъ..... Потомъ ничего замѣчательнаго не было.

«Юноша сорвалъ въ Цесто одну изъ пріятно благоухающихъ розъ развалинами розъ. Она уже поблекла, но онъ положилъ ее осторожно на грудь дѣвушки, и удалился потомъ съ глубокимъ впечатлѣніемъ *сего* зрѣлища въ сердцѣ.»

Геліодора встала, и въ первой хижинѣ нашла своего отца. Затѣмъ она отправилась съ лютнею на свадьбу въ сосѣдній замокъ князя Гвидо; подслушала, какъ невѣста сговаривалась убѣжать съ тѣмъ юношею, который положилъ на грудь Геліодоры розу, и наконецъ Геліодору увезли ошибкою вмѣсто невѣсты. Слѣдуетъ описаніе утра: «Ясно восходило *младое утро*», и прочая, въ высокомъ слогѣ. Геліодора подошла къ окну, и заговорила: «Жизнь! гдѣ и какъ ты обнаруживаешься, любезное, пріятное явленіе! *Питая сосцами цѣлый міръ, ты весь исходишь удовлетворенный изъ твоихъ объятій!*» Является юноша, положившій розу. Онъ обрадовался, что вмѣсто невѣсты увезли Геліодору. «Съ завтрашняго дня я буду жить только *для услугъ тебѣ*! Тебѣ одной *посвящу храмъ сердца моего, и не оскверню никакой жертвой иному божеству*!»

Что было далѣе съ Геліодорою, лютнею и юношею, можно узнать изъ трехъ частей романа, весьма прекраснаго и чтенія достойнаго.

Кто желаетъ знать какіе страшные романы пишутъ нынче въ Парижѣ, тотъ долженъ непремѣнно прочитать «Желѣзную маску». Прекрасная переводчица изъясняетъ, что «Желѣзную маску» уже давно перевели, но она переводитъ ее вновь, надѣясь любителямъ страшнаго чтенія доставить высокое наслажденіе. Съ первой страницы начинаются ужасы: лица закрываютъ желѣзными масками герою и героинѣ, увозятъ бѣдняжекъ на необитаемый островъ, громъ разразится, маски, разбиваются корабли, рѣжутъ, губятъ, и наконецъ герой романа женится на своей дочери, сдѣлавшейся королевою. Окончаніе романа самое поэтическое:

«Донъ Педро пошелъ въ спальню своей супруги. Но *прежде* нежели *повиновался законамъ Гименея*, онъ на груди невѣрной увѣ-

Digitized by Google

далъ изображеніе желѣзной маски. «Ты дочь моя!» сказалъ донъ Педро, схватя въ углу стоявшую шпагу. «Нѣтъ! я не должна жить больше! Я вижу наказаніе неба!» при этихъ словахъ онъ *пронзилъ себя шпагою*. «Должна умереть и я!» сказала королева, вынимая шпагу изъ груди своего отца, и *пронзая свою собственную*. Молодой Криставаль также *пронзилъ свою грудь*. Должно на все остальное опустить занавѣсъ...»

Въ «Кондрашкѣ Булавинѣ» также «пронзительно» рѣжутъ, ругаются, дерутся, но всего больше пьютъ. Даже на картинкѣ «Кондрашка Булавинъ, въ городѣ Черкаскѣ, пируетъ съ своими товарищами».

«Волшебный замокъ»—ужасть, въ которой пронзительно дерутся рыцари. Вы, конечно, знаете, что рыцарскія сказки принадлежатъ къ любимому чтенію Варяго-Россовъ. Но надобно видѣть, какъ за прилавкомъ мелочной лавочки сидитъ бородатый чтецъ и душевно восхищается битвами Гуаковъ и Родриговъ, самодѣльщиной поставщиковъ его умственныхъ наслажденій! Пушкинъ въ этомъ мірѣ—писатель второстепенный, запутанный, темный, *неподробный*. Здѣсь, напротивъ, все..... *подробно*! — то есть, удивительно.

ТЫСЯЧА И ОДНА МИНУТА. *Собраніе русскихъ сказокъ, писанныхъ Иваномъ Ваненко. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ 12. Четыре части, стр. 209—248—246—248.*

Книга *расейская*. Но ее надо поставить отдѣльно отъ другихъ, во-первыхъ, потому что она напечатана весьма опрятно, а во-вторыхъ, помнится, мы уже встрѣчали прежде какое-то произведеніе шутливаго Ваненка. Новое — въ его же старомъ родѣ, но хуже стараго тѣмъ, что въ этой книгѣ больше книжности, сирѣчь, чопорности, а это-то и губитъ сочинителей въ тонѣ Ваненка. Надобно, либо оставаться въ своей кожѣ, либо совсѣмъ содрать ее съ себя. Умный мѣщанинъ ни мало не смѣшонъ, даромъ-что кланяется по-своему и говоритъ какъ умѣетъ мѣщанинъ. Смѣшонъ онъ, когда перенимаетъ ухватки свѣтскаго человѣка у водевильнаго актера и у чиновника тринадцатаго класса. Начитавшись другихъ *сочинителей*, Ваненко принялся разводить свою простонародную шутку модною болтовнею, и думаетъ, что — теперь-де я

Digitized by Google

і разговорился по-книжному. Какое заблужденіе! Онъ не знаетъ, что въ настоящемъ литературномъ искусствѣ лучшая книга всегда—та, которая менѣе другихъ походитъ на книгу, какъ въ живописи лучшая картина—та, которая какъ-можно менѣе напоминаетъ о краскахъ, кисти и полотнѣ.

1. ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ. *Романъ Еженя* (?) *Сю. Переведъ* В. Строевъ. *СП.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8. Два тома, въ семи частяхъ, стр. 114—80—92—135—118—104—140—123.*

2. ГЕРОЛЬШТЕЙНЪ. *Эпилогъ Парижскихъ Тайнъ. Сочиненіе Е. Сю. СП.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8.*

3. ЖЕЛѢЗНАЯ ЛАМПА ДАНІИЛА ГРАНИЛЬЩИКА. *Сочиненіе Мишеля Массона (Реймона). Переведъ съ французскаго бар. Вальсберъ. Москва, въ тип. Евреинова, 1843, въ-12. Три части.*

Вопросъ: литературное ли дѣло, *книга* ли — «Парижскія тайны?»..... Но этотъ вопросъ уже рѣшилъ Карлъ Нодіе. Рѣчь зашла о Бальзакѣ, Сю, Суліе, Жаненѣ. «Я всѣхъ ихъ очень люблю, сказалъ онъ: люблю за то, что — умные люди!.... пишутъ все, но литературой вовсе не занимаются. Она для нихъ—дѣло постороннее.»

Именно, на литературу смотрятъ они какъ на дѣло постороннее. Въ этомъ — вся тайна «Парижскихъ Тайнъ». Мірному, невинному человѣку приносятъ поутру чашку кофе, яйцо въ смятку, сигарку, стаканъ воды съ сахаромъ и газету. Онъ пьетъ кофе, съѣдаетъ яйцо, закуриваетъ сигарку и читаетъ попеременно, то газету, то и фельетонъ, перемѣшивая политику съ какой-то любовною исторіей, извѣстія о настоящихъ пожарахъ и настоящихъ преступленіяхъ съ разсказомъ о странныхъ бѣдахъ объ «аду въ сердцѣ», ... о невѣроятныхъ убійствахъ, измѣнахъ, вѣроломствахъ. Почитавъ полчаса, онъ доволенъ, бросаетъ листокъ подъ столъ, отправляется къ своимъ дѣламъ, и на другой день требуетъ опять такого же завтрака. Черезъ полгода, черезъ годъ, литераторъ, для котораго литература—дѣло постороннее, почтительно докладываетъ ему, что вы, дискать, прочитали мой *романъ*.—

Digitized by Google

Какой рóманъ?—Рóманъ въ фéльетонѣ; посмотрите: вотъ, изъ листковъ, вышла огромная *книга*.—Книга! Какъ, неужели я *читалъ книгу*? Вотъ какой вздоръ! Да я книгъ не читаю! —Поймали васъ, почтеннѣйшій! Это была книга. Вотъ она теперь—въ красивомъ форматѣ. Вотъ другое изданіе съ картинками. Не угодно ли купить?—На что?—Поставите въ своей библіотекѣ. Вѣдь листки вы растеряли!—Да на что мнѣ ваша *книга*! Я книгъ терпѣть не могу: только напрасну отнимаютъ время, отвлекаютъ отъ дѣла.... Притомъ и скучно: за книгу надо сѣсть какъ за работу..... трудиться..... читать..... Мнѣ лѣнь *читать*! — Такъ не угодно ли *посмотрѣть*? Вотъ вамъ билетъ въ кресла: я передѣлалъ мой рóманъ, не только въ книгу, но тоже и въ драму!—Но рóманы мнѣ надоѣли! — Помилуйте! развѣ это *рóманъ*?.... это только такъ говорится.... въ самомъ же дѣлѣ это—городскіе факты.... *жизнь, какъ она есть*.... картинки современныхъ нравовъ.—Чьихъ нравовъ?—Вашихъ, моихъ, всѣхъ. — Моихъ? Подите.... тутъ такія мерзости! — Извините, это все истины. Знаете ли? одного героя моего рóмана уже вчера послали на каторгу, а другой сегодня бросился въ Сену. — Да мнѣ-то что за дѣло до этихъ мерзавцевъ?—Какъ! развѣ они мерзавцы? Вглядитесь: это герои добра, чести, истины.... А тѣ, кого называете вы добродѣтельными людьми — негодяи и плуты! — Чего же смотрятъ? Для чего не уничтожатъ этого гнѣзда злодѣйствъ? — Объ этомъ все теперь заговорили, и мой рóманъ будетъ причиною великаго юридическаго и нравственнаго переворота. Посмотрите въ объявленіи моего книгопродавца: государственный вопросъ! объ немъ будутъ говорить въ палатѣ депутатовъ! Для пособія этимъ паріямъ человѣчества завтра даютъ балъ, послѣ завтра разыгрываютъ лотерею въ пользу Совъ и Шуриперовъ!... — Въ самомъ дѣлѣ? — Стану ли я лгать! Пожалуйте денежки за вашъ экземпляръ. Я пишу не изъ какого-нибудь безсмертія. Прахъ съ нимъ! Черезъ мѣсяцъ забудутъ мою книгу.... Я изготовлю между-тѣмъ другую... Хотите ли я введу вамъ другаго знатнаго человѣка забіякой въ трактирахъ, а дочь его кухаркой въ харчевнѣ....—А будетъ ли это такъ любопытно какъ... знаете?... та... пренепріятная исторія!... какъ-бишь ее?—Будьте спокойны: истина не

голо, трупъ въ анатомическомъ театрѣ..... Подпишитесь только на газету.—Непремѣнно!—А книга-то моя?....—Хорошо, дайте одинъ экземпляръ, въ маленькомъ форматѣ, и иллюстрированный. Да, кстати, дайте ужъ и билетъ на драму изъ вашей книги: надо посмотрѣть декорацiи. Хороши ли? — Съ натуры снятыя!..... Харчевня; потомъ тюрьма каторжныхъ, гдѣ они дерутся, и бьютъ другъ друга кандалами; потомъ удивительный домъ сумасшедшихъ.... еще лучше чѣмъ въ натурѣ..... двое сумасшедшихъ грызутъ другъ друга; а заключенiе..... хмъ!..... вы понимаете?.... будетъ такая декорацiя..... нельзя только вслухъ сказать.... да вы сами увидите. Все, увѣряю васъ, снято съ натуры!

Такимъ же образомъ создается и слѣдующiй *романъ*. Работа легкая: стоитъ только читать газету уголовнаго суда, и писать. Вкусъ, умъ, искусство..... въ нихъ ли дѣло!.... «Пишите *какъ-нибудь*..... да только по-скорѣй!» говоритъ издатель газеты.—Переводите какъ-нибудь! говоритъ другой: время пройдетъ, кто послѣ станетъ читать!

Русскiй переводъ, говорятъ, наполнялъ цѣлый годъ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ. Теперь изъ клочковъ сшитая книга полетитъ питать запоздалое любопытство провинцiй. Извините, что рѣчь объ ней помѣщена въ литературной лѣтописи: дѣло собственно принадлежитъ къ четвертому отдѣленiю журнала, да мѣста тамъ не достало, за другими промышленостями.

Переводъ «Желѣзной лампы» извѣстенъ еще съ 1836 года—тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

1. МАЛЕНЬКIЯ ДѢТИ. *Повѣсти. Подарокъ умненькимъ дѣтямъ на свѣтлый день праздника. СП.-бургъ, въ тип. Фишера, 184/, въ-12., стр. 205, съ картинками.*

2. СКАЗКА ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА НА СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ *1844 года.* А. П. Зонтагъ. *Изъ Гауфа. Москва, въ тип. Семена, 1844, въ-12., стр. 274.*

3. ВЕЛИКОЛѢПНАЯ РУССКАЯ АЗБУКА. *Подарокъ для добрыхъ дѣтей. СП.-бургъ, въ тип. Journal de Saint-Pétersbourg, 1844, въ-8.*

Книжки, глаголемыя *дѣтскими*, являются предпочти-

Digitized by Google

тельно передъ Новымъ Годомъ вмѣстѣ съ новыми куклами, и передъ Святой, вмѣстѣ съ красными яицами. Онѣ пишутся вовсе не для чтенія. Главная цѣль этой литературы — чтобы дѣти дрались между собою. Для этого, сказанныя книжки должны быть очень красивы, даже *великолѣпны*, какъ говоритъ «Великолѣпная русская азбука». У насъ эта отрасль промышлености только-что начинается, но все подаетъ надежду, что съ каждымъ годомъ она будетъ совершенствоваться. Въ Англіи, Германіи, Франціи она доведена до высшей степени развитія: дѣти регулярно дважды въ годъ выщибаютъ себѣ глаза и зубы... такъ хороши тамъ дѣтскія книги!

«Маленькія дѣти» — книжечка, выкопанная изъ груды книжечекъ старика Бланшара.

«Сказка въ видѣ альманаха»—перепечатка изъ «Библіотеки для воспитанія», господина Семена. «Желая доставить публикѣ возможность пріобрѣтать ее отдѣльно», говорятъ издатели, «*мы пускаемъ оную въ продажу.*»

«*Великолѣпная азбука*»—просто азбука съ бордюрами по страницамъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ *въ 1835 году*. Аврама Норова. *Изданіе второе, дополненное, съ примѣчаніями на Путешествіе игумена Даніила въ XII вѣкѣ. СПбургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1844, въ-8. Двѣ части, стр. VII и 384—366, съ картою, планами и рисунками.*

При первомъ изданіи этой прекрасной книги, мы отдали ей всю должную справедливость. Авторъ подвергнулъ свое превосходное сочиненіе исправленіямъ и дополненіямъ. Къ числу первыхъ принадлежитъ повѣрка со вновь вышедшими послѣ перваго изданія описаніями Палестины, особливо съ превосходными Biblical researches, Робинсона и Смита, напечатанными въ 1841 году въ Англіи. Повѣрка эта подтвердила точность изслѣдованій автора, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ англійскіе путешественники говорятъ въ духѣ протестантскомъ, отвергая нѣкоторыя изъ священныхъ преданій Палестины. Дополненія къ книгѣ господина Норова составились изъ повѣрки знаменитаго разсказу Даніила Паломника, драгоцѣнной рукописи, гдѣ какой-то *руо-*

Digitized by Google

ский игумень Даніилъ описываетъ свое странствованіе въ Палестину во время перваго крестоваго похода. Балдвинъ былъ тогда королемъ іерусалимскимъ. Текстъ Даніила Паломника приводилъ въ отчаяніе археографовъ грубѣйшими ошибками переписчиковъ, какъ приводили ихъ въ отчаяніе тексты космографіи Несторовой до Шлецера, и какъ теперь сердца ихъ болятъ отъ путешествія Аѳанасія Тверитянина въ Индію, матеріялу, любопытнаго для индѣйской географіи XV вѣка, но невѣроятно какъ обезображеннаго. Повѣрка господина Норова возвратила тексту путешествія Даніила все его историческое достоинство. Второе изданіе книги великолѣпно, какъ и первое, число гравюръ умножено новою, вырѣзанною на деревѣ, гравюрою Гроба Господня, съ рисунка господина Ефимова.

1. ОПИСАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 и 1829 ГОДОВЪ. *Сочиненіе гвардіи капитана* Лукьяновича, *съ приложеніемъ двухъ картъ и девятнадцати плановъ. СП.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ 8., двѣ части, стр. XIV и 360—362.*

2. КАРТЫ И ПЛАНЫ къ *Описанію турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, составленному Лукьяновичемъ. СП.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-8.*

3. ИСТОРІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ, *въ 1828 и 1829 годовъ. Варшава, въ тип. Глюксберга, 1843, въ-8. Двѣ части, стр. XXIII и 403—303, съ картою и планами.*

Сочиненіемъ господина Лукьяновича замѣщается промежутокъ, донынѣ ощутительный въ библіотекѣ русскаго военнаго читателя. Превосходными твореніями А. И. Даниловскаго изображены были подробности войнъ Отечественной, шведской и турецкой, происходившихъ въ царствованіе Императора Александра. Отъ этого знаменитаго писателя ожидаемъ мы еще окончанія галереи огромныхъ картинъ, начатыхъ имъ,—описанія двухъ великихъ войнъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, которыми дѣятельно занимается онъ теперь, и которыя, какъ слышно, дополнитъ послѣдствіи очеркъ персидской войны 1812 года. Такимъ образомъ всѣ военныя событія въ царствованіе Алек-

Digitized by Google

самдра поступятъ въ достояніе исторіи. Достопамятная во многихъ отношеніяхъ турецкая война 1828 и 1829 годовъ, возбуждающая донынѣ столько превратныхъ толковъ въ Европѣ, извѣстна была намъ только по частнымъ, по многимъ невѣрнымъ, и вообще недостаточнымъ, описаніямъ. Только подвигъ покорителя Эрзерума нашелъ себѣ достойнаго историка въ господинѣ Ушаковѣ. Но Варна, Шумла, Бойлешти, Браиловъ, Кулевча, Адріанополь, все, чѣмъ ознаменовалась война 1828 и 1829 годовъ въ Европейской Турціи, ждали своего рецензента. Они нашли теперь трудолюбиваго и дѣятельнаго лѣтописца въ господинѣ Лукьяновичѣ. Испросивъ позволеніе правительства, нѣсколько лѣтъ посвятилъ онъ разсмотрѣнію военныхъ архивовъ, извлеченію оттуда матеріаловъ, дополненію ихъ записками очевидцевъ и участниковъ, и, какъ опытъ своего труда подалъ теперь, въ двухъ томахъ, описаніе кампаніи 1828 года. Въ другихъ двухъ томахъ будетъ описана кампанія 1829 года. Стройность, ясность, безпристрастіе разсказу, основаннаго на официальныхъ документахъ, приносятъ честь автору и заставляютъ желать скорѣйшаго окончанія принятой передъ исторіей обязанности. Мы упомянули о запискахъ очевидцевъ и участниковъ. Ими снабдили господина Лукьяновича, особенно, генералъ-адъютантъ, нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, бывшій тогда начальникомъ главнаго штаба; генералъ-адъютантъ Головинъ, начальствовавшій отрядомъ подъ Варною; генералъ-лейтенантъ Купріяновъ, начальникъ отряда въ Праводадѣ; генералъ-маіоръ Трухинъ, и полковникъ Мендъ, начальствовавшіе надъ осадными работами подъ Варною; дѣйствительный статскій совѣтникъ Аппарати, прежде полковникъ генеральнаго штаба, предварительно изучившій мѣстность театра войны, а потомъ находившійся надъ Шумлою; генералъ-адъютантъ Сухозанетъ; и многія другія лица, о которыхъ съ благодарностью упомянетъ авторъ.

Сущность труда господина Лукьяновича выложена имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя говоритъ онъ, посвящая свое сочиненіе Государю Императору: «Вамъ угодно было повелѣть мнѣ составить изъ военныхъ архивовъ, дополнить записками очевидцевъ и участниковъ, и издать подъ Вашимъ Августѣйшимъ покровительствомъ исторію кампаніи 1828 года. Я старался исполнить Вашу волю, и, какъ опытъ моего труда, подалъ теперь, въ двухъ томахъ, описаніе кампаніи 1828 года. Въ другихъ двухъ томахъ будетъ описана кампанія 1829 года. Я старался, Государь, по возможности, изложить ее ясно, безпристрастно, основываясь на документахъ, и, по мѣрѣ силъ моихъ, не упустить ничего, что могло бы служить къ ея объясненію. Если я успѣлъ въ этомъ, то обязанъ тѣмъ Вашему Императорскому Величеству, которое, открывая мнѣ доступъ ко всѣмъ архивамъ, и, удостоивая меня Вашимъ Августѣйшимъ довѣріемъ, дало мнѣ возможность собрать, изъ первыхъ источниковъ, матеріалы, необходимые для составленія исторіи. Если я успѣлъ въ этомъ, то обязанъ тѣмъ также и тѣмъ, которые, по Вашему Императорскому Величеству повелѣнію, сообщили мнѣ свои записки, и которые, по Вашему же повелѣнію, были моими руководителями, при составленіи исторіи. Если я успѣлъ въ этомъ, то обязанъ тѣмъ, наконецъ, и тѣмъ, которые, по Вашему Императорскому Величеству повелѣнію, сообщили мнѣ свои записки, и которые, по Вашему же повелѣнію, были моими руководителями, при составленіи исторіи.

Digitized by Google

основанномъ на достовѣрныхъ историческихъ отчетахъ и запискахъ очевидцевъ и участниковъ войны. Излагая событія, я не дерзалъ судить объ нихъ. Исторія изречетъ судъ. Современникамъ принадлежатъ вѣрная лѣтопись и сохраненіе свѣдѣній».

Послѣ краткаго изложенія политическихъ событій, предшествовавшихъ войнѣ, авторъ описываетъ положеніе и состояніе земель, гдѣ она происходила, силы Россіи и Турціи, планы военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ и, послѣдовательно всѣ событія кампаніи 1828 года. Повѣствованіе заключается дипломатическими актами, и оффиціальными отчетами о состояніи войскъ.

Изданіе прекрасно. Оно дополнено планами битвъ и осадъ, и двумя, превосходно составленными, весьма хорошо литографированными, картами. Мы поговоримъ о содержаніи книги господина Лукьяновича въ отдѣльной статьѣ. И по предмету, и по достоинству, она вполнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Второе изданіе «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ», доказываетъ, какъ хорошо оцѣнила русская публика это важное сочиненіе. Въ свое время былъ здѣсь отданъ подробный отчетъ въ его содержаніи. Второе изданіе совершенно сходно съ прежнимъ и снабжено прежними картами и планами. Новымъ украшеніемъ его можно почесть портретъ князя Варшавскаго, гравированный въ видѣ медали, по способу Николя и Бота, въ Берлинѣ: этотъ способъ имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды, но отдѣлка прелестна.

ЗАПИСКИ *о Политической Экономіи.* Т. Степанова. *СП.-бургъ, въ тип. Ольхина, 1844, въ-8. Часть первая, стр. CIII и 370.*

Авторъ начинаетъ обозрѣніемъ всѣхъ политическихъ наукъ, и насчитываетъ ихъ, по числу семи древнихъ мудрецовъ, ровно семь.

«Что такое земной шаръ? что такое всѣ творенія живущія на немъ? въ какомъ *безусловномъ* отношеніи и связи находятся они между собою? какое должно быть *«опредѣленіе* ихъ? Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ

Digitized by Google

«составляетъ предметъ философіи. — *Философія* слово «*страшное* въ *обыкновенномъ понятіи людей*,» продолжаетъ авторъ: «подъ этимъ словомъ *поверхностные умы* «*разумѣютъ нѣчто сверхъестественное, неземное.* Отче«го это происходитъ? Оттого, что они не понимаютъ на«стоящаго значенія философіи. Есть ли въ мірѣ какой«либо *человѣкъ, который не былъ бы философомъ?* Ты имѣ«ешь *какое-нибудь* понятіе о томъ, какъ міръ сотворенъ, «что̀ такое ты самъ: *слѣдственно, ты философъ.*»

Какъ, по этому выходитъ, что и я—*философъ*?..... Вотъ этого ужъ я никакъ не полагалъ! Хорошо, что мнѣ пона«лась умная политическая экономія»! Въ умной книгѣ все найдешь.

«Часто однако жъ *понимаютъ* философовъ *за людей* «*странныхъ*, и *даже смѣшныхъ*. Этому другая причина: «человѣкъ, занимающійся отвлеченными понятіями, почти «всегда *разобщается* со многими обычаями, принятыми въ «*общественномъ мірѣ*; онъ посвящаетъ всего себя *міру* «*идеальному*, и люди, совершенно чуждые *самодѣятель«наго мышленія*, вмѣсто благодарности за труды, пред«принимаемые для пользы человѣчества, выказываютъ «къ нимъ холодность и пренебреженіе,» не понимая, разумѣется, что всѣ они сами — *философы*, и притомъ еще *безусловные*.

Да, *безусловные*! Вотъ и я самъ — философъ *безусловный*! Я чувствую, что я — совершенно *безусловный*. Этотъ титулъ мнѣ чрезвычайно нравится. Преумное слово! Этимъ словомъ, напримѣръ, авторъ доказалъ ясно, что естественное право принадлежитъ къ политическимъ наукамъ. «Естественное право,» говоритъ онъ, продолжаетъ «изслѣдованіе *природы человѣческой* тамъ, гдѣ оканчиваетъ «свои изысканія философія. Оно изъясняетъ *безусловные за«коны обществъ и народовъ*, то есть (слушайте! слушайте!) «*законы взаимнаго отношенія гражданъ въ частности, зако«ны гражданъ въ отношеніи къ обществу и правительству*, «и безусловные *законы взаимнаго отношенія народовъ меж«ду собою*. Политика, дипломація и политическая экономія «*основываются на естественномъ правѣ*. Они занимаются «изслѣдованіемъ законовъ, по которымъ государства *раз«крываются* въ нравственныхъ и физическихъ *силахъ*.

Digitized by Google

«*Политика показываетъ законы нравственнаго совершен-*«*ствованія*, по которымъ общества достигаютъ образован-«ности. Политическая экономія показываетъ законы *физи-*«*ческаго совершенствованія*, по которымъ общества дости-«гаютъ богатства. Дипломація поясняетъ начала, процесте-«кающія *изъ сущности условнаго развитія государствъ*».

Если кому не совсѣмъ понятно, тотъ, значитъ, плохой *философъ*. Но быть не можетъ, чтобы, прочитавъ цѣлую книгу, написанную такимъ образомъ, человѣкъ не составилъ себѣ *какого-нибудь* понятія о политической экономіи: а *какое-нибудь* понятіе — первый признакъ *философа*. Впрочемъ, много и понимать не надо, потому что — *есть ли въ мірѣ какой-либо человѣкъ, который не былъ философомъ?* Это — дѣло рѣшеное. Я, напримѣръ, совсѣмъ-таки непонимаю, какимъ образомъ *усовершенствуюсь я физически* (у меня отъ природы нѣтъ праваго глаза и лѣвой руки), какъ сдѣлаюсь я Аполлономъ или Геркулесомъ, когда *достигну богатства* по *законамъ* политической экономіи: но всё же я — *философъ*,, по собственнымъ словамъ ея.

Такія-то великія открытія дѣлаетъ политическая экономія въ своихъ «Запискахъ». За этимъ безусловно-глубокомысленными открытіями слѣдуетъ вступительная рѣчь, говоренная авторомъ въ 1832 году, потомъ опять рѣчь, говоренная въ 1835, потомъ наконецъ «Записки» вводятъ васъ въ тайны великой науки. Вообще онѣ очень не хвалятъ всѣхъ политическихъ экономистовъ, предшествовавшихъ своему автору. Этотъ хваленый Адамъ Смитъ.... что̀ такое *этотъ Адамъ Смитъ*?

«Онъ не могъ представить науки въ совершенствѣ; тво-«реніе его имѣетъ недостатки, ошибки; *предметъ машинъ* «*имъ не разгаданъ;* понятіе его о богатствѣ *приводитъ въ* «*затрудненіе и сбивчивость;* другія статьи *не полны, не вѣр-*«*ны*, а *иные* предметы вовсе упущены изъ виду!»

А Лодердаль? — «Въ немъ видѣнъ умъ *не всегда* основательный.»

А Рикардо? «Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ «чрезвычайно *кажется* холоднымъ, равнодушнымъ *въ* «*мнѣніяхъ о природѣ и человѣкѣ*.»

А Сисмонди? — Просто дрянь, даже не *философъ*, хоть, собственно, нѣтъ *во всемъ мірѣ человѣка, который не*

были бы философами. Хорошъ политическій экономистъ: «старается сблизить теорію съ опытами»! Ну, кому это... особенно для насъ, *безусловныхъ философовъ*, какъ мы всѣ мы, безъ исключенія.

«Записки» затьмили Смита, затьмили Рикардо и всю эту толпу старыхъ практическихъ болтуновъ. Онѣ придали совершенно новый видъ наукѣ; съ нихъ начинается новая эра политической экономіи. Опыты, факты—всторону! Умозрѣніе — впередъ! И «Записки» торжественно начинаютъ излагать свое ученіе объ искусствѣ быть богатымъ:

«*Духъ и матерія — двѣ главныя основанія всего существующаго*. Преобразуя матерію, *духъ произвелъ постепенный рядъ многообразныхъ твореній*. Высшее *раскрытіе* является въ человѣкѣ. Человѣкъ *субъектъ* въ *условномъ отношеніи*, а вся *низшая природа* его *объектъ*, а вообще человѣкъ и природа *объектъ* Творца, и никакъ не могутъ выступить изъ предѣловъ *безусловнаго дѣйствія*. *Исполняютъ* ли законы *условно*, или *не исполняютъ*, они, всѣ равно, *понимаемые безусловно*, или, лучше сказать, они *всегда исполняются положительно или отрицательно*. (Когда кто-нибудь, какой-нибудь *философъ*, занялъ у васъ деньги и не отдастъ, вы не должны подавать его векселя ко взысканію: онъ, знаете, *исполняетъ законъ*, только—*отрицательно*)... Всякая наука имѣетъ свои идеи. Идеи суть цѣли, назначенныя природою для *жизни человѣчества*, *индивидуальной, общественной и народной*. Въ обществѣ не должны быть бѣдные — *идея* (и еще какая умная! какая практическая!); всѣ производители должны пользоваться богатствомъ сравнительно съ физическими и нравственными силами — *идея* (чудесная!); торговля должна пользоваться *совершенною свободою* — *идея*!» (великолѣпная!)... А идеи-цѣли, назначенныя *природою* для человѣчества, предметъ для *науки*, мы это знаете.

Неужели въ самомъ дѣлѣ у природы когда-нибудь водилась такая *идея*, что въ *обществѣ не должны быть бѣдные*... Если она водилась, то какъ я ни *безусловный философъ*, а долженъ согласиться, что наука подхватываетъ у природы безусловно странныя *идеи*. Не далеко уйдетъ она съ ними!

Подъ картечнымъ огнемъ такихъ *идей*, я закрываю «За-

Digitized by Google

писки о политической экономіи,» и, клянусь вамъ, что впередъ они меня не поймаютъ: право!—какъ я *безусловный философъ*!—втораго тома читать не стану.

поѣздка въ якутскъ. *И. Шункина. Изданіе второе, исправленное и дополненное. СПб.-бургъ, въ тип. Д. Вотчинина Наслѣдниковъ, 1844, въ 8., стр. 111 и 316, съ картинками.*

Встрѣтивши одного стараго знакомаго, вы непремѣнно въ тотъ же день встрѣтите другаго и третьяго — вотъ! И, право, очень счастливы. Вотъ еще одинъ старый знакомый, простой, безхитрый, но умный и дѣльный. Для этой «Поѣздки» въ Якутскъ—какъ для иного прогулка въ Павловскій Вокзалъ; а кажется, не близко—чуть не девять тысячъ верстъ. Скажите, что видѣли новаго по дорогѣ, въ Якутскѣ? Оттаяла ли тамъ земля? По-прежнему ли мерзнетъ ртуть? Что знаменитый шергинскій колодецъ? Что якутскіе пѣвчіе, якутскіе балы, Якуты, Тунгусы, старикъ Яныгинъ, гусельныя горы, ленскія щеки, ленскіе столбы, *бурдукъ*, *юкола*, *сора*, *урюма*, *удань*? Вилите, мы не забыли ничего, что вы намъ однажды разсказывали. Нѣтъ ли прибавленій? Есть!... *берлы*, *улюгай*, *товы*!—Это очень любопытно. — Есть прибавленныя статистическія свѣдѣнія.—Хорошо; но мы выберемъ что-нибудь болѣе занимательное. Да чего лучше: золото! теперь всѣ бредятъ золотомъ!

Мы встрѣтили партію золотоискателей, производившихъ поиски по рѣкѣ Чуѣ, впадающей въ Лену. Далеко поднимались они по этой рѣкѣ вверхъ, объискали впадающія въ нее рѣчки, и находили почти вездѣ золото, но въ бѣдномъ содержаніи. Прошлаго лѣта поиски ихъ увѣнчались такъ же успѣхами. Золотоискательство вскружило теперь головы любителей денегъ. Читая въ газетахъ о блистательныхъ успѣхахъ нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, легко подумать всякому, что стоитъ только послать партію въ Сибирь, и оттуда богатство польется рѣкою. Пользуясь этимъ мнѣніемъ, аферисты, проѣзжіе Сибирь на почтовыхъ, выдаютъ себя въ столицахъ за людей, изучившихъ дѣло золотопромышленности, обольщаютъ будущими успѣхами, ссылаются на оффиціальныя свѣдѣнія и увлекаютъ незнающихъ дѣла. Составляется компанія, учреждаются цан, аферисты засигнуется огромное жалованье и содержаніе на счетъ вкладчиковъ.

Digitized by Google

Онъ ѣдетъ въ Сибирь, покупаетъ домъ, или нанимаетъ прекрасную квартиру, и пьетъ шампанское стаканами. А золото? Онъ посылаетъ въ разныя мѣста партіи, подъ предводительствомъ приказчиковъ, которые въ свою очередь не торопятся подвергать себя мучительнымъ трудамъ. Проходитъ лѣто, и золото найдено, но въ такомъ содержаніи, что не стоитъ разработки. Между-тѣмъ, каждая партія стоила въ лѣто тысячъ пятнадцать рублей ассигнаціями. Аферистъ пишетъ компаніи утѣшительное письмо, посылаетъ образчики найденнаго золота, и требуетъ денегъ на слѣдующее лѣто. — Оно проходитъ такъ же, какъ и прошедшее.

Конечно, мы читали въ газетахъ, что въ 1842 году на пріискахъ почетнаго гражданина Никиты Ѳедоровича Мясникова промыто золота болѣе ста пудовъ. Успѣхъ, превышающій всякое желаніе! Но кто знаетъ, что стоило г. Мясникову добраться до счастливой россыпи. Десять лѣтъ разъѣзжали партіи его по тайгамъ Сибирскимъ, истратили болѣе полумилліона, и только въ одиннадцатое лѣто награждено терпѣніе и возвращены убытки. Устоять въ своемъ намѣреніи, втеченіи десяти несчастливыхъ годовъ, могъ только г. Мясниковъ, при его богатомъ состояніи. Сколько же искателей разорилось, о томъ не пишутъ въ газетахъ. Въ 1841 году, изъ ста партій, разъѣзжавшихъ по Енисейской губерніи, нашли золото только двѣ, и то не весьма богатаго содержанія. Счастливцы на перечетѣ, а потерявшіе все состояніе—молчатъ.

Въ Россіи думаютъ, что золото промывается изъ песковъ, слѣдовательно легко. Нѣтъ, весьма часто золотоносный пластъ покрытъ валунами огромныхъ камней на сажень толщиною. Пробить шуръ на такой почвѣ стоитъ величайшаго терпѣнія, издержекъ и времени, а между-тѣмъ партія можетъ дѣлать поиски только впродолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ концѣ мая растаиваетъ земля, а въ началѣ сентября она опять покрывается снѣгомъ.

Золота ищутъ обыкновенно по берегамъ рѣчекъ. Эти берега бываютъ болотисты, завалены упавшимъ лѣсомъ и камнями. Слава Богу, если золотоискателю удастся въ день развѣдать на десять верстъ разстоянія!

Отправляясь на поиски, партія запасается съѣстными припасами, даже кормомъ для лошадей, потому что встрѣчаются такія мѣста, гдѣ нечѣмъ накормить коней. Жалованье приказчику, плата работникамъ, покупка лошадей, заготовленіе съѣстныхъ припасовъ, все вмѣстѣ взятое, составляетъ итогъ тысячъ въ пятнадцать рублей ассигнаціями.

Многіе, какъ говорится, промыли все свое состояніе; за всѣмъ тѣмъ, неудачи не останавливаютъ предпріимчивыхъ. Каждый годъ образуются новыя компаніи. Теперь искатели бросились въ вершины рѣки Олёкмы, и, говорятъ, поиски ихъ увѣнчались блистательными

Digitized by Google

успѣхами. Покатости Яблоноваго, или Становаго Хребта должны содержать въ себѣ богатую находку.—Но чего будетъ стоить доставка туда припасовъ, и гдѣ взять работниковъ? На промыслахъ работаютъ только поселенцы. Старожилъ не пойдетъ въ работники: у него есть домъ, пашня. Теперь выписываютъ Киргизовъ изъ Омской области. Есть проекты вызвать работниковъ изъ Вятской и Пермской губерній.

Работники на золотыхъ промыслахъ, впродолженіи четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, питаются говядиною, а разъѣзжающія партіи запасаются сушенымъ мясомъ; отъ того цѣна на говядину быстро возвысилась. Въ Красноярскѣ, отъ 1 руб. 80 коп., поднялась она до 11 руб. 50 коп. за пудъ.

Если разсматривать золотопромышленость со стороны пользы и вреда для жителей Сибири, выходятъ слѣдующія заключенія. Нѣсколько десятковъ человѣкъ обогатилось. Это золотопромышленники счастливые. Нѣсколько сотенъ разорилось отъ неудачъ. Чиновники, живущіе однимъ жалованьемъ, стали терпѣть нужду отъ дороговизны, а деньги, разсыпаемыя работникамъ, стекаются всѣ въ питейный откупъ!

ЕГИПЕТЪ ВЪ НЕЖНЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ. *Сочиненіе А. Б. Клота-Бея. Переводъ съ французскаго. Изданіе книгопродавца Василья Полякова. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. Внутренней Стражи и у Жернакова, 1842 — 1843, въ-8. Двѣ части, стр. XII, LXXI и 277—XII, IX и 439, съ картинками, планами и портретами.*

Переводъ извѣстной книги придворнаго историіографа паши египетскаго. О подлинникѣ читатели этого журнала знаютъ его мнѣніе; о героѣ книги—тоже. О переводѣ Лѣтопись не считаетъ умѣстнымъ говорить. Почему? — *Идея*!... и всё тутъ. Такова у ней *идея*, что это было бы неумѣстно, ненужно, невеликодушно.

НАВТИКОНЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ, *заключающій въ себѣ двенадцать литографированныхъ, на китайской бумагѣ отпечатанныхъ портретовъ, съ присовокупленіемъ біографіи каждаго лица. Изданіе второе. СП.-бургъ, въ тип. Соломона, 1843, въ-4, стр. 77, съ портретами.*

Краткія жизнеописанія и портреты Императора Алек-

Digitized by Google

сандра, Наполеона, Фридриха Великаго, Махмута, Евгенія Боарнэ, Каподистріи, Талерана, Кутузова, Веллингтона, Блюхера, Моро, графа Васильева. Главное достоинство сочиненія — въ этихъ портретахъ: они нисколько не измѣнялись со времени перваго изданія, сохранены въ совершенствѣ, — точно такъ же какъ и текстъ біографій, приложенныхъ къ портретамъ.

DIE PRAWDA RUSSKAJA. (Правда русская, *древнѣйшая русская книга правъ, по всѣмъ донынѣ открытымъ и собраннымъ рукописямъ сличенная, объясненная и изложенная, Д. П. Э. С. Тобиномъ* (E. S. Tobien), *доцентомъ русскаго права при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Часть I. Рукописи и изданія, систематическое изложеніе текста Русской Правды. СПБ.—Дерптъ въ тип. И. Академіи Наукъ, 1846, 8-д., стр. IV и 86, со снимками.*

Если такъ же тщательно будутъ обработаны авторомъ историческіе и юридическіе выводы изъ Русской Правды, какъ обработаны имъ источники, то можно поздравить исторію нашей юриспруденціи съ пріобрѣтеніемъ такого тщательнаго и такого ученаго сотрудника. Авторъ сверхъ того словечку перебралъ шесть извѣстныхъ донынѣ списковъ Русской Правды:—Татищева, Строева, Болтина, Костинина, Калайдовича и Карамзина,—работа неблагодарная, но необходимая. По выходѣ второй части труда господина Тобина, мы долгомъ почтемъ изложить подробнѣе результаты его трудолюбивыхъ изслѣдованій. Собственно, это—инаугуральное сочиненіе, написанное для публичной защиты тезъ въ здѣшнемъ университетѣ, при полученіи степени доктора правъ. Вотъ содержаніе этихъ тезъ.

Правда Русская относится, не только по времени до введенія христіанства въ Россіи, но даже до пришествія въ Россію варяжскихъ князей.—Вопреки мнѣнію Шлёцера, статьи, на которыхъ основывалось это мнѣніе, происхожденія Правды, можно почесть первостатейными у Славянъ Шлёцами. — Повальный обыскъ русскаго судопроизводства остатокъ древнѣйшаго права, объясняемаго Правдою. — Правда не была исключительнымъ правомъ одного Новго-

Digitized by Google

рода.—Самостатокъ устава о наслѣдствѣ въ древнѣйшихъ спискахъ — доказательство древности ихъ, а не малостатокъ въ спискахъ.—Сличеніе списковъ приводитъ къ выводу, что мы имѣемъ ихъ три самостоятельныя изданія, три памятника развитія права, и не должны почитать кратнихъ списковъ остатками (Trümmer) полнѣйшихъ, утраченныхъ.—Всѣ подробные списки имѣли одинъ источникъ.—Безпорядокъ статей Карамзинскаго списка произошелъ отъ недосмотрительности тѣхъ, которые разбирали его.

Слово *запа* (аще ли не имѣетъ на желѣзо, любо ли *запа* нань будетъ), значитъ по мнѣнію автора—средство для излеченія обжоги, *canon*, saro, savon. Seif, бывшее въ употребленіи при юридическихъ испытаніяхъ *судами Божіими*.

Непонятныя названія, *Изгой*, *Колбегъ*, и даже *Варягъ*, авторъ берется изъяснить латышскимъ языкомъ. Мы очень сожалѣемъ, что не слышали защищенія этой любопытной тезы. По явственному смыслу Правды, *Изгой* не можетъ означать никого другаго кромѣ человѣка финскаго или чудскаго происхожденія, потому что только этого племени нѣтъ въ исчисленіи русскихъ народовъ, а оно не могло быть пропущено въ законѣ. Если латышскій языкъ подтверждаетъ это значеніе, то латышскій языкъ правъ и чести достоинъ. Слово *Варягъ*, waring, происходитъ ли оно отъ war (война; waring, воинъ), или отъ voero (союзъ, долгъ, *вира*, вѣра), легко можетъ находиться въ латышскомъ языкѣ, въ которомъ находится такое множество словъ старинныхъ сѣверо-германскихъ, готскихъ. Но любопытно знать, какъ латышскій языкъ вывернется съ *Колбегомъ*. Развѣ ужъ Латыши, вправду, происходятъ отъ Турковъ? Потому что слово *Колбегъ*, собственно, *кулъ-бегъ* домашнее употребительно на всемъ Востокѣ и составляетъ такой общій, старинный, исторической титулъ всякаго *своего-служащаго*, получающаго постоянное жалованье отъ своего государя. До послѣдней минуты своего существованія титулъ этотъ носили и янычары. Въ Персіи и теперь солдатъ называется: въ отношеніи къ правительству, *кулъ*, «рабомъ», а въ отношеніи къ гражданскому сословію *бегомъ*, «господиномъ». Въ обыкновенномъ употребленіи оба слова часто соединяются вмѣстѣ и образуютъ

почетный титулъ *Кулбегъ*, «рабъ-господинъ». Не должно смѣшивать этого титула съ другимъ, который разнился только одною буквою, *куль-беги*, «господинъ рабовъ», и значитъ—начальникъ тѣлохранителей, капитанъ придворной стражи. То и другое слово — коренныя турецкія. Въ Правдѣ, названіе *Кулбегъ* явственно означаетъ гвардію русскихъ князей изъ Половцевъ или другихъ турецкихъ наемниковъ, какъ *Варягъ* гвардію изъ Норвежцевъ. « *Аще ли буди Руссинъ* (потомокъ Норманновъ), *любо Варягъ* (наемный воинъ Норвежецъ), *любо Колбегъ* (наемный воинъ Турокъ), *любо Словенинъ* (Новгородецъ, или житель изъ другаго мѣста, но того же *слова*, того же языка), *любо Изгой* (Финнъ, Чухонецъ)...» Самая исторія эпохи показываетъ, что приведенныя четыре слова не могутъ имѣть другихъ значеній. Мы предаемъ это невинное замѣчаніе критическимъ соображеніямъ ученаго автора при дальнѣйшихъ его изслѣдованіяхъ.

1. КРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ СВЯЩЕННИКА РОДІОНА ПУТЯТИНА. *Изданіе второе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ 8., стр. 146.*

2. СТРАЖДУЩІЙ И УМИРАЮЩІЙ ИСКУПИТЕЛЬ. *Благочестивыя размышленія и бесѣды о страданіяхъ Господа нашего, Іисуса Христа, на каждый день мѣсяца.* Аркадій Марковъ. *Москва, въ тип. Степанова, 1844, въ-12.*

Вотъ поученія, которыхъ надобно желать по-больше, подумаетъ каждый, читая собраніе поученій священника Родіона Путятина. Такъ должно говорить народу, научая его великимъ нравственнымъ истинамъ; говорить просто, избирая языкъ понятный, краткій, и растворяя его христіанской простотою бесѣды. И доказательство того—второе изданіе поученій: они нашли многихъ читателей? А какъ оцѣнить добро, которое посѣяли они словомъ истины, бесѣдою благочестія?...

Изъ посвященія книги Евгенію, архіепископу ярославскому, видно, что почтенный отецъ Родіонъ Путятинъ находится священникомъ при ярославскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Другая книга раздѣлена на множество небольшихъ ду-

Digitized by Google

ховныхъ «размышленій». Послѣ каждаго слѣдуютъ «Благочестивые обѣты».

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ РЫХЛОВСКОЙ ПУСТЫНИ, *или Пустынно-Рыхловскаго Николаевскаго Общежительнаго Мужескаго Монастыря, со дней явленія чудотворнаго образа святителя Христова Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи устроенъ сей монастырь, до настоящаго времени. Выбранное изъ разныхъ старинныхъ рукописей, исторіи, указовъ и Высочайшихъ граммотъ, хранящихся въ оной пустыни, тщаніемъ и трудами архимандрита Мельхиседека. Москва, въ тип. Университетской, 1844, въ-8., стр. 144, съ картинами.*

Рыхловская обитель находится въ черниговской губерніи, недалеко отъ береговъ Десны, въ двѣнадцати верстахъ отъ Коропа. Обитель славится чудотворною иконою, и строгимъ уставомъ, какой введенъ въ нее для общаго пустыннаго житія отшельниковъ. Уставъ этотъ приложенъ при «Описаніи,» и весьма любопытенъ, какъ излагающій подробно обѣты иноковъ, образъ жизни, имъ предписанный, труды и обязанности, на нихъ возлагаемыя. Кромѣ назидательной жизни, благоустройство и благолѣпіе обители возлагается на избранныхъ длятого братій, исполняющихъ должности ризничаго, главщика, уставщика, кружечнаго, будильщика, казначея, рухляднаго, экономa, келаря, повара, хлѣбопекаря, трапезнаго, больничнаго, гостепріимника, сторожа, и прочая. Должность каждаго опредѣлена, и опредѣленіе сопровождается благочестивыми поученіями о долгѣ и трудѣ его. Вотъ, для примѣру, обращеніе къ самому мѣньшему изъ братіи, иноку, завѣдывающему поварнею. «Къ тебѣ слово мое, о чадо повaре, иже женишся на всякій день отъ огня, и трудишися раскалювати дрова, варити вареніе, носити воду, чистити и очищати зеліе; и одымляется лицо твое, чернѣютъ одежды твоя, и все тѣло твое сажи наполняется, и уже потѣшися и изнеможешися отъ труда, да уготовляеши ястіе, яко да предложиши трапезу братіи, ты со святыми имѣти будеши наслѣдіе, и въ нѣдрѣхъ Авраамовыхъ успокоишися, точію терпи потерпи, и провождай дни твои радуяся, и толико да будеши усердонъ въ дѣлѣ твоемъ, яко и во снѣ твоемъ

Digitized by Google

да помышленія службу твою. Конѳы твои да не зѣло горятъ, имуще мало воды; мѣдни и треногя твои такіе да не горятъ праздно. Егда свариши варенїе, помой сосуды твоя, яко да не возмутъ запахъ и дадятъ братіи безсмачіе. Ястія же твоя да кипятъ добрѣ, зелїе подобнѣ; червленый лукъ да разварится въ варенїи, и да не останется суровъ и будетъ безполезенъ. Отъ утра, аки огнь, гряди на службу твою, и совершай добрѣ дѣло твое,» и прочая.

ОПИСАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛКВОЙ АРТИЛЛЕРІИ. *Сочиненіе Якоби, поручика прусской гвардейской артиллеріи. Перевелъ лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады поручикъ* Безакъ. *СП.-бургъ, въ тип. Артиллерійскаго Департамента В. М., 1843, въ-8., стр. VII—175, съ таблицами и рисунками.*

Если бы спросили, кто болѣе всѣхъ трудится у насъ въ литературѣ, и какая отрасль литературы богаче прочихъ, рѣшительно нужно было бы отвѣчать: военные, и военная. Въ послѣднее время особенно, безпрестанно стали выходить сочиненія и переводы по всѣмъ частямъ военныхъ знаній, начиная съ исторіи до частной техники. Всѣ они показываютъ знаніе дѣла въ тѣхъ, кто за нихъ берется, и, замѣтимъ, издаются со всею отчетливостью ученыхъ и дѣльныхъ книгъ.

Въ сочиненіи Якоби изложена система нынѣшняго устройства французской артиллеріи, со всѣми техническими подробностями, таблицами, рисунками. Это книга не для чтенія, и тѣмъ болѣе не для общаго чтенія, но она драгоцѣнность въ библіотекѣ военнаго человѣка. Какъ для него любопытно будетъ, напримѣръ, изложеніе споровъ о системахъ Грибоваля и Алиса!—потому что въ великомъ искусствѣ бить непріятеля бываетъ споровъ не менѣе какъ въ нѣмецкой философіи. Многія подробности любопытны однако жъ и не для артиллериста: напримѣръ, напр. что при началѣ 1813 года у Наполеона артиллерія состояла еще изъ 27,976 орудій, и что двѣ трети этого количества отобрали у него въ два года, до послѣдняго расчету съ нимъ подъ Ватерлоо.

Digitized by Google

Введеніе теоріи и практическихъ пріемовъ эмалеваннаго искусства, *составленное* К. Бенратомъ. *СП.-бургъ, въ тип. Д. Вишняя Терезина, 1843, въ 8., стр. VII–196, съ рисунками.*

Кто подумаетъ, что здѣсь описано производство эмалевыхъ вещей, тотъ ошибется: рѣчь просто— о *глазурованіи чугунной посуды*, которая могла бы замѣнить луженую мѣдную, и муравленную глиняную. Господинъ Бенратъ сперва излагаетъ *идею*, —*безусловную* важность своего предмету; потомъ слѣдуетъ *литература* искусства глазуровать чугунные горшки, литература обширная, великія творенія Эргардта, Эрбс, Прехтля, Шубарта, Лаудона, Пердонне, Флаха, Киля. Но важнѣе всѣхъ, по мнѣнію господина Бенрата, сочиненія Іордана, который обработалъ эту *вѣтвь человѣческихъ познаній въ теоретическомъ отношеніи*, сообщилъ нѣсколько рецептовъ и различныхъ предложеній, *не упомянувъ впрочемъ о разныхъ препятствіяхъ, затрудненіяхъ, и ложныхъ, недоказанныхъ взглядахъ и мнѣніяхъ* относительно къ искусству». Вообще, господинъ Бенратъ утверждаетъ, что «сочиненій въ техническо-химическомъ и аналитическомъ отношеніи, а равно какихъ-либо основательныхъ *теоретическихъ руководствъ* для практическаго производства глазуровки чугунныхъ горшковъ, *не имѣется*». Онъ «надѣется своею книгою пополнить столь существенный недостатокъ въ энциклопедіи человѣческихъ знаній». Право, это стоитъ «Записокъ о политической экономіи». Но вѣдь — *есть ли въ мірѣ хоть одинъ человѣкъ, который, лудя горшки, не былъ бы философомъ?*

—

Новыя игрушки.

Введеніе въ грамматику русскаго языка. *Москва, 1845. Тетрадь первая.* — Зачѣмъ читать прошлый годъ забытое? Какая тайна забавы, въ нашихъ безцвѣтныхъ рисункахъ! Хотите ли забавнаго? Читайте русскія грамматики: посмотрите какъ насъ учатъ *правильно говорить и правильно писать*. Невольно будете сивяться, читая, напримѣръ, хоть это *введеніе въ русскую грамматику*. На-

Digitized by Google

до знать, что она писана по той системѣ, по какой учился своему языку мосьё Журданъ, который сорокъ лѣтъ говорилъ прозою, самъ того не зная, что это — *проза*!... Не вводя въ святилище грамматики, «Введеніе» предлагаетъ вамъ сперва *осемьдесятъ два* вопроса. Когда вы изучите эти вопросы, тогда «Введеніе» поведетъ васъ въ грамматику. Оно беретъ въ основаніе слѣдующія «безусловныя» истины. «Птицы *раждаются для летанія*, кони *для бѣганія*, дикіе звѣри *для ярости*; такъ намъ свойственна *дѣятельность ума и смышленость*, и это увѣряетъ насъ *въ небесномъ происхожденіи души нашей*.» C'est de la *grammaire*, ma femme! comprends-tu? Первый вопросъ: «Что̀ значитъ—*говорить*?» Иной, пожалуй, отвѣтитъ, что «говорить» значитъ — раскрывать ротъ и издавать звуки, имѣющіе, если не здравый смыслъ, по-крайней-мѣрѣ какое-нибудь значеніе. Кто такъ отвѣтитъ, тотъ недостоинъ, во всю жизнь свою, быть введеннымъ въ грамматику. «Введеніе въ грамматику» объясняетъ, что «*говорить* значитъ *сказывать*.» Да! *сказывать*!... не сказки, — «что̀ мы видимъ, слышимъ, обоняемъ, вкушаемъ, осязаемъ», и прочая. Однимъ словомъ, «Введеніе» *сказываетъ*, что «*чего не знаемъ, того и сказать не можемъ*», а между-тѣмъ само берется *сказывать* намъ о грамматикѣ. Это называетъ оно — логикою. Но опять *сказывать* значитъ совсѣмъ не то, что̀ вы думаете. «*Сказывать* значитъ — словами *показывать*, ибо *кажу*, *кажешь*, *казать*, въ малороссійскомъ, значитъ *говорить*». Послѣ-того «Введеніе» словами показываетъ весьма тонкое различіе между *словами показывать* и *болтать*: «Онъ *болтаетъ*, то есть, производитъ словами дѣйствіе, подобное *болтанію сливокъ въ бутылкѣ*».

Дальнѣйшіе вопросы, которые должны вы разрѣшить до приступленія къ грамматикѣ: чѣмъ мы *видимъ*? чѣмъ *слышимъ*? чѣмъ *обоняемъ*? чѣмъ *вкушаемъ*? чѣмъ *осязаемъ*? что̀ *узнаемъ* посредствомъ зрѣнія, слуху, обонянія, вкусу, осязанія? что̀ такое умъ, воля, вселенная, природа, міръ, душа? что̀ такое наука, ощущеніе, созерцаніе, наблюденіе, вниманіе, бытіе? что̀ значитъ *условіе*? что̀ значитъ воспоминаніе, воображеніе, фантазія? И прочая, и прочая. И уже пропадши такимъ образомъ полную энциклопедію,

Digitized by Google

васъ спрашиваютъ: Что̀ такое грамматика? И открываютъ великую тайну: *Грамматика есть наука правильно говорить и писать.* Подите говорите!

И если пошли говорить правильно, такъ отвѣчайте мнѣ на слѣдующій вопросъ: что̀ такое вы дѣлаете, когда кладете въ ротъ кусокъ арбуза и жуете его?—Мы купаемъ.—Не правда! вы... вы *видоизмѣняете.* Я совѣтую вамъ говорить правильно. Кчему жъ грамматика!... Вы *видоизмѣняете*, собственно — *производите опыты* надъ арбузомъ (стр. 23). «Чтобы узнать внутренніе признаки предмета, его *видоиз-*«*мѣняютъ*: разрѣзываютъ ножомъ, разрубаютъ топоромъ, «распиливаютъ пилою, нагрѣваютъ, растопляютъ, смѣши-«ваютъ, измѣняютъ; напримѣръ: *кладете въ ротъ кусо-*«*чикъ арбуза, рыбы, гриба, горошенку перца, жуете*, — «это значитъ — *производите опыты.* Опыты, произво-«димые (надъ учениками?) посредствомъ *сѣченія*, назы-«ваются *анатомическими*, посредствомъ *нагрѣванія* — *хи-*«*мическими.*» Вотъ, какъ надо говорить *правильно, грам-матически!* А что̀ происходитъ съ вами, когда васъ «*про-*«*нутъ пальцомъ, ладонью, палкою?* когда засвиститъ въ-«теръ, *запищитъ* муха, *попадетъ въ ротъ сахаръ, перецъ,* «*ананасъ, рѣдька, мясо, рыба?* когда ноги устанутъ отъ «ходьбы, *мысли заролятся въ головѣ, закипятъ желанія въ* «*груди, сердце наполнится чувствованіями?*»—Вы.... *ощу-щаете!* Видите ли, что̀ значитъ наука грамматика! Сорокъ лѣтъ попадаетъ вамъ въ ротъ, то муха, то рѣдька, то ана-насъ, то рыба, и вы не знали того, что съ вами тогда про-исходитъ одно изъ удивительнѣйшихъ явленій въ приро-дѣ: вы—*ощущаете!* Теперь, еще одинъ вопросъ; если его разрѣшите, такъ ужъ я скажу, что вы знаете грамматику какъ само «Введеніе»: что̀ вышло бы, если бъ *дѣти были какъ стаканы?*... Не умѣете дать отвѣту? Согласитесь, од-нако жъ, что «когда предметы не имѣли бы ни малѣйшаго сходства между собою, или не имѣли ни какого различія, тогда бы *невозможно было знать что-нибудь.* Предста-вимъ себѣ *двѣнадцать человѣкъ дѣтей въ одномъ домѣ, со-вершенно сходныхъ между собою какъ дюжина стакановъ:* что̀ вышло бы?» Ну, говорите же!... Не знаете?... Вотъ ви-дите! сорокъ лѣтъ смотрите на дѣтей и на стаканы, и не можете догадаться, что если бы *дѣти были какъ стаканы,*

Digitized by Google

то «вышло бы.... *замышательство*»! Эту великую истину открываетъ намъ грамматика. Химія, какъ вы знаете, есть наука которая *производитъ* опыты *посредствомъ нагрѣванія*. Это — ея характеристика. Она утверждаетъ, что мѣдь растворяется только въ сѣрной и нѣкоторыхъ другихъ кислотахъ. Но пусть бы она спросила у грамматики: такъ узнала бы, что мѣдь очень удобно *разводится слюною*, отъ чего и происходитъ «мѣдный вкусъ». «Вкуша«емъ мы ртомъ, и узнаемъ вкусъ такихъ предметовъ, ко«торые *разводятся слюною*: напримѣръ, какой вкусъ имѣ«етъ хлѣбъ черный и бѣлый, ржаной, пшеничный, кру«пичатый, перецъ и сахаръ, медъ и уксусъ? Вкусъ пред«мета узнается, когда *лизнемъ* его, *положимъ* въ ротъ, «*разжуемъ*. Слѣдовательно, посредствомъ вкуса узнаются «*только тѣ* предметы, *которые растворяются слюною*». Посмотримъ, какъ *разогрѣетъ* химія это открытіе грамматики, которая учитъ *правильно говорить и писать*!

ІАРЪ. НОВОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ГОМЕОПАТІИ. Г. Г. Г. ІАРА. *Томъ первый. Руководство къ познанію гомеопатическихъ лекарствъ, или изложеніе главнѣйшихъ дѣйствій гомеопатическихъ лекарствъ, съ показаніемъ клиническихъ наблюденій. Тетрадь первая. Переводъ съ французскаго. Москва*, 1844.—Драгоцѣнность для любителей децилліонныхъ частицъ одного грана ромашки. Переводъ съ третьяго изданія. Гомеопатія дѣлаетъ удивительные успѣхи. Во время перваго изданія у нея было сто сорокъ пять лекарствъ противъ всѣхъ болѣзней, а теперь, въ третьемъ, уже *двѣсти три*, и всѣ—непогрѣшимыя.

О РАБОТАНІИ ШАЛЕЙ НАИДОБІЕ ДОРОГИХЪ, *съ указаніемъ практическимъ, упрощеннымъ и новѣйшимъ. Сочиненіе Ѳедора Дружинина. Москва*, 1843.—Сочинитель сочиненія велитъ ткать на жаккардовомъ станкѣ, и говоритъ, что рисовать узоры для шалей есть великій мастеръ въ Москвѣ, Иванъ Герасимовъ, который учился у Андреева, а Андреевъ у Иванова, а Ивановъ у Петрова, а Петровъ у тѣхъ, которые нѣкогда учились въ Англіи и во Франціи. Герасимовыхъ въ Москвѣ, намъ кажется, должно быть не одинъ десятокъ, а употребленіе жаккардова станка по-

Digitized by Google

вещество, но способъ выработки шалей рельефно на такомъ станкѣ принадлежитъ къ русскимъ изобрѣтеніямъ. Онъ изобрѣтенъ С. Д. Соповымъ, московскимъ фабрикантомъ, который получилъ на него привилегію, кажется въ 1836 году, и изобрѣтеніе господина Сопова давно обнародовано правительствомъ.

ЗАПИСКИ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА, *въ стихахъ. Книжка первая. СП.–бургъ*, 1844.

Начало:

Скучно. Плачетъ мой карманъ,
Нѣтъ въ немъ ни полтины,
И послѣдній рубль мой занятъ
Былъ одной дамѣ...

Середина:

«Вонъ, съ лорнеткою въ рукѣ,
Франтъ, причесанный на акъ,
Продолженной роли
Такъ гладитъ на лоскъ...»

Конецъ:

Говори еще мнѣ вздоръ,
Если хочешь ласки...
«Ой,» кричу я, «ой, ай, ой!
Ушибусь я вѣрно!
Если стукнусь головой,
Это будетъ скверно!»

Разумѣется! Даже *очень скверно!*

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ, *или Собраніе мелкихъ сочиненій* П. Машкова, *автора повѣсти «Мужъ подъ Башмакомъ»*. *СП.–бургъ*, 1844. — 2. ГРОШОВЫЙ МЕРТВЕЦЪ, *или Истинныя разбойники, новѣйшая сказка. Москва*, 1843, съ эпиграфомъ: «За деньги много бѣдъ мы получаемъ, — А безъ нихъ жизнь въ горести препровождаемъ.» — 3. СОЧИНЕНІЯ ЦИК. ВАЗИЛЕВИЧА, *изданіе второе. Москва*, 1853. — Три творенія «пестрой литературы», которую изобрѣлъ господинъ Машковъ.

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ. *Книжка вторая, изданная княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, и А. П. Заблоцкимъ. СПБ. бургъ, въ тип. М. Государственныхъ Имуществъ*, 1844, въ 8., *стр.* 188, *съ картинками.*

Первая книжка этого простонароднаго «чтенія», писаннаго простонароднымъ языкомъ, издана уже вторично.

Digitized by Google

СЕЛЬСКІЯ БЕСѢДЫ. *СП.-бургъ, въ тип. Фишера*, 1844, *въ*-12., *стр.* 340.

Гусь есть проза и стихи для парней:

Ой, люли, тара ра,
На горѣ стоитъ гора!
Воронъ на дубу
Играетъ въ дуду.
Пряниками заѣдаетъ;
Пошелъ хромой тараканъ
На улицу гулять.
Знай каждый сверчечекъ
Теплой своей шесточекъ...
Сказки не бранятся,
Въ деревянной ступѣ
Водою толкутся...

ВОСКРЕСНЫЯ ПОСИДѢЛКИ. *Книжка для добраго народа русскаго. Пятокъ первой и второй. СП.-бургъ, въ тип. Жернакова*, 1844, *въ*-16., *стр.* IV *и* 160—IV *и* 160.

Тоже книга *для парней*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Знаменитый военный писатель, А. И. Даниловскій, окончилъ и, какъ можно надѣяться, издастъ къ зимѣ новое твореніе: «*Описаніе войны съ Наполеономъ въ 1805 году*». Можно вообразить интересъ книги! Кромѣ-того, и другіе, не менѣе важные, труды генерала Даниловскаго, при его удивительной трудолюбіи, быстро подвигаются къ окончанію: они относятся къ войнамъ 1806 и 1807 годовъ. Это извѣстіе стоитъ трехъ сотъ другихъ литературныхъ извѣстій.

Digitized by Google

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Сомнительность нынѣшней химической теоріи окисленія крови кислородомъ воздуху при дыханіи. Замѣчанія господина Гей-Люссака.* Двѣ главныя теоріи дыханія предложены были физіологами и химиками. По одной, образованіе угольной кислоты, воды и свободнаго азоту въ выдыхаемыхъ ртомъ парахъ происходитъ въ легкихъ, въ моментъ прикосновенія кислороду вдохнутаго воздуху къ крови, содержащейся въ этомъ органѣ. По другой теоріи кислородъ не дѣйствуетъ такъ быстро на кровь: онъ только поглощается ею въ легкихъ; кровь уноситъ его съ собою въ потокъ кровообращенія, окисляется имъ въ артеріяхъ, здѣсь начинаетъ образоваться изъ него и углероду крови угольная кислота, кровь, испорченная ею, переходитъ въ вены и, наконецъ, возвращается въ легкія, гдѣ угольная кислота уходитъ въ горло, а новый воздухъ насыщаетъ ее опять кислородомъ для обратнаго поступленія въ артеріи.

Со времени тщательныхъ и весьма тонкихъ опытовъ господина Магнуса надъ артеріальною и венною кровью, вторая теорія получила большой вѣсъ въ наукѣ. Она теперь принята повсюду, и почти никто не сомнѣвается въ ея основательности. Господинъ Магнусъ открылъ угольную кислоту, кислородъ и азотъ въ самой крови, въ артеріяхъ и въ венахъ, и первая теорія упала.

Но результаты опытовъ господина Магнуса были ли разобраны съ строгимъ критическимъ разсчетомъ? Нѣтъ; никто не разбиралъ ихъ, и дѣло нынче пришло въ забвеніе.

Digitized by Google

Что первая теорія недоказана, объ этомъ и спору быть не можетъ. Но и вторая не можетъ представить правильныхъ доказательствъ въ свою пользу.

Если угольная кислота образуется въ крови послѣ выходу ея изъ легкихъ и выгоняется изъ нея вмѣстѣ съ азотомъ при возвращеніи въ легкія, то очевидно, что въ венахъ должно находиться угольной кислоты и азоту болѣе чѣмъ въ артеріяхъ. Количества угольной кислоты и азоту, найденныя господиномъ Магнусомъ въ крови артерій и въ крови венъ не согласны съ этимъ выводомъ: онъ получилъ гораздо болѣе и угольной кислоты и азоту изъ артеріальной крови, чѣмъ изъ венной.

Если угольная кислота, вода и азотъ выдыхаемаго воздуху образуются въ артеріяхъ и венахъ, то надобно было показать, что количества этихъ веществъ, открытыя въ венной крови, достаточны на потребности выдыханія. Между-тѣмъ господинъ Магнусъ показываетъ въ венной крови количества угольной кислоты, азоту и воды совершенно ничтожныя въ сравненіи съ тѣмъ, что мы выдыхаемъ.

Словомъ, разобравъ дѣло безъ пылкихъ увлеченій, должно сознаться, что мы еще вовсе не знаемъ, откуда берутся угольная кислота, азотъ и вода, выдыхаемые нами, гдѣ они образуются, къ чему служитъ воздухъ, поглощаемый горломъ, и какъ собственно происходитъ дыханіе.

Чтобы положить первое основаніе какой-нибудь правдоподобной теоріи дыханія, надо сперва предпринять опыты нарочно съ этою цѣлью, вывесть численные факты, все разобрать, взвѣсить, и сообразить. Принятое нынче толкованіе можетъ-статься и справедливо: но гдѣ на него доказательства? Господинъ Гé-Люссакъ объявляетъ, что онъ соединился съ господиномъ Мажанди, для произведенія новыхъ опытовъ по этому предмету, чтобы исправить столь важное и, въ самомъ дѣлѣ, досадное упущеніе со стороны науки.

(Въ послѣдніе мѣсяцы, засѣданія парижской академіи наукъ, которыя, какъ извѣстно, составляютъ главный центръ для ученыхъ извѣстій изъ всей Европы, были такъ мало занимательны, что мы не могли извлечь изъ нихъ ничего. Въ наукахъ, точно такъ же какъ и въ политикѣ, случаются эпохи безъ новостей.)

Digitized by Google

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

1. *Метеорологическій самонаблюдатель профессора Витстона.* Объ этомъ остроумномъ изобрѣтеніи была уже рѣчь на послѣднемъ ученомъ съѣздѣ въ Коркѣ. Всѣ барометрическія, термометрическія и психрометрическія наблюденія не требуютъ отнынѣ, ни нарочныхъ производителей, ни даже человѣческаго вниманія. Инструментъ профессора Витстона, его *самонаблюдатель*, Selfregistrator, производитъ ихъ каждые полчаса днемъ и ночью, и записываетъ на двѣ руки на листѣ бумаги впродолженіи трехъ недѣль безъ помощи человѣка. Пяти минутъ достаточно потомъ, чтобы пустить въ ходъ машину на другія три недѣли, то есть, завести часы, положить въ цилиндры новые листы бумаги и зарядить маленькую гальваническую банку. Снарядъ состоитъ изъ часовъ, завѣдывающихъ временемъ, и особенной механики, приводимой въ ходъ посредствомъ пружины или гиря. Здѣсь находятся цилиндры, которые тихо движась, подставляютъ бумагу подъ карандашъ или другой инструментъ, производящій на ней отмѣтки. Безъ рисунка невозможно дать понятія объ устройствѣ этого любопытнаго и полезнаго снаряду. Любители вѣрныхъ метеорологическихъ фактовъ давно уже хлопочутъ о замѣненіи усердія человѣческаго къ наукѣ о воздухѣ механизмами, которые не заснутъ, не пойдутъ въ гости къ пріятелямъ, не прогуляютъ урочнаго времени и, потомъ, не внесутъ градусовъ въ книгу на-угадъ, какъ ни попало: а надо признаться, что, досихъ-поръ, всѣ удивительные выводы, которые сдѣлали мы изъ метеорологическихъ наблюденій разныхъ странъ, основываются на наблюденіяхъ, записанныхъ именно съ такою аккуратностью. Въ новѣйшее время изобрѣтено нѣсколько различныхъ самонаблюдателей: одинъ въ-особенности, устроенный господиномъ Юргенсономъ въ Копенгагенѣ, отличался замысловатостью. «Но самонаблюдатель» профессора Витстона затьмѣваетъ все что̀ донынѣ сдѣлано по этой части.

2. *Вліяніе цвѣтныхъ свѣтовъ на ростъ и цвѣтъ растеній. Наблюденія профессоровъ Гонта и Дрепера и господина Гердпера.* Первыя произведены въ Европѣ, вторыя и третьи въ Америкѣ; но мы соединимъ ихъ вмѣстѣ. Господинъ Gardner сѣялъ въ Нью-Іоркѣ различныя растенія въ

Digitized by Google

ящикахъ, растилъ ихъ въ темной комнатѣ, и выставлялъ весьма подъ солнечный лучъ, проходящій сквозь сильную призму, которая, разумѣется, разбивала его на семь различныхъ свѣтовъ, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Подъ каждымъ изъ этихъ свѣтовъ находилось болѣе чѣмъ по ста молодыхъ растеній, блѣдныхъ, совершенно лишенныхъ зелени отъ темноты, въ которой они родились и воспитывались. Растенія, подверженныя дѣйствію желтаго свѣту, становились зелеными впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Профессоръ Draper нашелъ, что подъ этимъ свѣтомъ они поглощаютъ и разлагаютъ самое большее количество угольной кислоты, которая составляетъ основаніе ихъ питанія. Другіе свѣта оказали гораздо слабѣйшее дѣйствіе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Но всѣ вообще растенія склонились къ синему свѣту, такъ что отъ начала краснаго до предѣловъ синяго нагнулись они направо, подъ синимъ остались въ прямомъ положеніи, а подъ фіолетовымъ направились налѣво. Наблюденія профессора Гонта были уже записаны въ этомъ журналѣ: тѣ, о которыхъ теперь будемъ говорить, служатъ имъ только подтвержденіемъ и дополненіемъ. Профессоръ Hunt производилъ свои опыты, въ Ливерпулѣ, по другой методѣ; онъ не употреблялъ призмы, ставилъ растенія, просто, подъ свѣтъ, пропускаемый сквозь цвѣтныя стекла. Что до клоненія, то онъ получилъ одинаковый результатъ: растенія рѣшительно предпочитаютъ глядѣть на синій свѣтъ, и вытягиваются къ нему стволами непомѣрной длины, если стоятъ далеко отъ его предѣловъ. Отъ свѣту, проходящаго сквозь красное стекло, они, напротивъ, прячутся какъ отъ врага, и готовы тянуться до-нельзя чтобы выйти изъ-подъ его зловредной власти: большею частью, они пропадаютъ подъ нимъ. Но относительно къ способности придавать имъ зелень, желтый свѣтъ не оказалъ у профессора Гонта такой силы, какъ у господина Герднера. Самаго богатаго росту, самой сильной зелени достигали растенія у него подъ тѣмъ же синимъ свѣтомъ, къ которому и любятъ клониться. Это — нѣсколько понятнѣе американскихъ открытій, по которымъ растенія благоденствуютъ подъ однимъ свѣтомъ, а ползутъ къ другому. Профессоръ Гонтъ на-

Digitized by Google

ходитъ, однако жъ, что синій свѣтъ для нихъ слишкомъ силенъ: они развиваются непомѣрно въ большіе листья, толстые и высокіе стволы, растутъ безъ конца и не достигаютъ зрѣлости, не цвѣтутъ и не даютъ плодовъ. Желтый свѣтъ гораздо полезнѣе имъ: развитіе не такъ богато, зелень слабѣе, но зрѣлость вѣрна.

Всѣ эти опыты очень любопытны, но цѣль, для которой они дѣлаются, не заслуживаетъ большаго уваженія, потому что ни къ чему не ведетъ. Оптики увѣрили себя, будто въ бѣломъ солнечномъ свѣтѣ *заключается* семь цвѣтныхъ лучей, будто каждый бѣлый лучъ — *пучокъ* (faisceau) семи разноцвѣтныхъ ленточекъ; будто въ этомъ пучкѣ одни лучи назначены производить свѣтъ, другіе теплоту, третьи химическія явленія. Это просто — глазной обманъ, заблужденіе ошибочнаго произведства физическихъ опытовъ. Хотятъ добиться, какіе *лучи* бѣлаго *луча*, свѣтотворные, теплотворные или химическіе, даютъ жизнь растеніямъ; а такихъ лучей нѣтъ, и быть не можетъ, по здравой логикѣ. Кто говоритъ, что бѣлый лучъ *составленъ* изъ семи разноцвѣтныхъ лучей, тотъ ужъ не долженъ бы совѣститься доказывать, что и звукъ, ударяющійся объ наше ухо, *составленъ* изъ семи различныхъ звуковъ, изъ семи отдѣльныхъ нотъ, потому что одна и та же струна можетъ дать ихъ. Цвѣтные свѣта — *свойства* бѣлаго свѣту, его произведенія, чада, а не составныя части. Если подъ желтымъ свѣтомъ растенія живутъ лучше, совершеннѣе, чѣмъ подъ прочими, это просто оттого что желтый свѣтъ *свѣтлѣе* всѣхъ прочихъ, ближе къ бѣлому, натуральному, основному. Подъ бѣлымъ, солнечнымъ свѣтомъ жизнь ихъ еще правильнѣе чѣмъ подъ желтымъ.

3. *О должностяхъ кожи. Въ чемъ состоитъ простуда? Изслѣдованія доктора Виллиса.* Докторъ Willis, разными опытами и замѣчаніями, доказываетъ, что должность кожи состоитъ въ выпариваніи изъ насъ *чистой* воды, линней для тѣла, не пропуская ни какихъ солей или другихъ веществъ. Возраженіе противъ этого результата можно сдѣлать слѣдующее: сѣра, принятая внутрь, выходитъ же сквозь кожу?... Но докторъ Виллисъ въ правѣ отвѣчать: такъ не принимайте сѣры!... не выйдетъ! Она выходитъ,

Digitized by Google

потому что *лишняя* для тѣла, какъ выходитъ лишняя чистая вода; прочія вещества, которыя находятся въ тѣлѣ, не лишни для него и потому, въ здоровомъ состояніи человѣка, не выходятъ сквозь кожу. Впрочемъ, выводъ доктора Виллиса подходитъ подъ явленія химическаго выпариванія: соли и другія тѣла не улетаютъ изъ растворовъ при высыханіи въ нихъ воды. Въ сутки, человѣкъ выпариваетъ изъ себя сквозь кожу 33 унціи (два съ половиною фунта воды). Но нужно было бы еще удостовѣриться, не выходятъ ли или не входятъ ли газы? Всѣ животныя перепонки пропускаютъ воздухъ.

Животныя, по опытамъ доктора Виллиса, далеко не такъ способны выносить высокую температуру, какъ обыкновенно говорятъ въ физіологіяхъ. Въ комнатахъ, доведенныхъ до 40° теплоты, кровь животныхъ быстро разгорячается отъ 5° до 7° выше обыкновенной своей температуры, и они умираютъ, отъ усиленнаго выпариванія чистой воды сквозь кожу. Это вѣроятно: потому что тогда все должно сгущаться въ ихъ тѣлѣ. На-оборотъ: воспрепятствовавъ совершенно кожѣ пропускъ воды, остановивъ совсѣмъ испареніе, температура тѣла быстро понижается. Можно произвести искусственную простуду, необыкновенно сильную, въ самой жаркой комнатѣ. Fourcault, Becquerel, Breschet, покрывали у животныхъ кожу лакомъ, непропускающимъ ни водянаго пару! ни газовъ: внутренняя теплота ихъ быстро уменьшалась; животныя погибали черезъ нѣсколько часовъ. Пораженные водяною болѣзнію, у которыхъ кожа имѣетъ видъ тонкаго стекла, ощущаютъ, какъ извѣстно, сильный холодъ. Въ климатахъ жаркихъ и сухихъ животныя и люди скоро становятся тощими и ослабѣваютъ отъ сильной утраты воды сквозь кожу. Напротивъ, тамъ, гдѣ воздухъ очень сыръ, насыщенъ водою и не береть ея изъ кожи, болѣзнь и смерть скоро приходятъ отъ дѣйствія, подобнаго покрыванію кожи лакомъ, отъ простуды.

Простуда поэтому не что иное какъ засореніе поръ кожи вдругъ остановившимся въ нихъ веществомъ, обыкновенно жирнымъ, которое дѣлаетъ ее неспособною выпаривать изъ насъ по *девяти золотниковъ* чистой воды въ часъ, и все, что можетъ возвратить кожѣ надлежащую ея

Digitized by Google

скважистость, растворить замазку поръ—хорошее лекарство отъ простуды. Основываясь на теоріи доктора Виллиса, надо полагать, что обмываніе кожи амміакомъ — первое средство противъ простуды: извѣстно какъ онъ хорошо растворяетъ животные жиры. Натиранія спиртами не имѣютъ другой цѣли: крѣпкій спиртъ, вводимый въ поры натираніемъ кожи до-красна, растворяя жирныя частицы, освобождаетъ дирки отъ этихъ затычекъ. Часто горячія ванны производятъ то же самое дѣйствіе. Иной разъ и холодная вода, проливаемая въ большомъ количествѣ снаружи на кожу, можетъ раскрыть поры, вымывъ изъ нихъ соръ силою. Тогда кожа обильно потѣетъ: вотъ тайна гидропатіи. Потогонныя лекарства дѣйствуютъ обратнымъ образомъ: присутствіе ихъ въ тѣлѣ заставляетъ внутреннюю воду напирать на кожу, и вода выталкиваетъ пробки изъ поръ: это значитъ—клинъ клиномъ выгонять. Таковы прямыя послѣдствія теоріи доктора Виллиса о назначеніи кожи—служить тѣлу рѣшетомъ, пропуская воду, и останавливая растворенныя въ ней вещества, отъ чего происходитъ и наше здоровье и то неудобство, что эти останавливаемыя вещества легко запружаютъ рѣшотку при внезапной перемѣнѣ температуры воздуху и разныхъ другихъ случаяхъ. Странно, что такое малое количество воды—десятью золотниками въ часъ больше или меньше,—производитъ такія сильныя разстройства въ тѣлѣ!

ПОЛНАЯ НЕВѢСТА ВЪ ДВАДЦАТЬ ВЕРШКОВЪ. Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ сообщаютъ извѣстіе, что въ ла-маншскомъ департаментѣ, въ деревнѣ Морвилль, находится дѣвушка, двадцати четырехъ лѣтъ отъ-роду, ростомъ — аршинъ съ четвертью. Эта дѣвушка родилась надлежащей пропорціи и росла до половины четвертаго года; тутъ вдругъ ростъ ея остановился, но здоровье этимъ не разстроилось. Всѣ наружныя формы развились впослѣдствіи, какъ подобаетъ невѣстѣ: только понятія, умъ и характеръ остались тѣ же, какіе были у четырехъ-лѣтняго ребенка. По двадцать-первому году, въ 1840, она стала расти снова, подросла на пол-вершка, и опять ростъ ея остановился. Явленіе это интересно для физіологіи, но оно не такъ необыкновенно, какъ полагаютъ.

Освѣщеніе электричествомъ. Давно надѣялись, долго искали средствъ, и не могли никакъ примѣнить электрическую искру къ практической пользѣ, какъ средство къ дешевому, сильному, прекрасному и совершенно безопасному освѣщенію. Усилія этого роду, со времени Дѣви, были дѣлаемы многими и здѣсь, въ Петербургѣ, но такъ же безуспѣшно какъ и въ другихъ мѣстахъ. Затрудненія состояли въ томъ, что никогда не могли получить постояннаго продолжительнаго току изъ сильныхъ гальваническихъ баттарей; что сильныя баттареи обходились слишкомъ дорого, и въ постройкѣ, и въ содержаніи; и что, по мысли, поданной знаменитымъ опытомъ Дѣви, старались всегда помѣщать искру въ стекляныхъ сосудахъ, изъ которыхъ предварительно вытянутъ воздухъ. Два острые уголька, насаженные на концы двухъ проволокъ, прикрѣпленныхъ къ полосамъ сильной гальванической баттареи, вводятся въ стекляный безвоздушный шаръ или цилиндръ, и придвигаются близко другъ къ другу заостренными оконечностями: между ними тотчасъ является искра, невыносимой для глазъ бѣлизны, сіяніе, освѣщающее все вокругъ, если искра велика, на огромныя разстоянія, свѣтомъ совершенно солнечнымъ. Ночью, этотъ свѣтъ поражаетъ глаза настоящимъ блескомъ молніи во время ночной грозы. Всякое другое освѣщеніе дѣлается при немъ непримѣтнымъ и темнымъ. Но считали необходимымъ заключать угольки въ безвоздушное пространство, потому что, въ воздухѣ, кислородъ его, соединяясь съ углемъ, быстро пережигаетъ его, обращая въ угольную кислоту и золу. Въ безвоздушномъ пространствѣ, которое для обыкновенной практики слишкомъ затруднительно, этого быть не можетъ; но тамъ, до сихъ-поръ, встрѣчалось другое неудобство: сильный электрическій токъ переноситъ частички одного уголька на другой, по своему направленію, и это обстоятельство скоро разстраиваетъ опытъ. Но, въ Англіи, какъ кажется, успѣли преодолѣть всѣ эти, и другія, неудобства. Изъ The Mining journal видно, что, въ нынѣшнемъ году, уже многія рудокопни и ломни каменнаго угля освѣщены тамъ электричествомъ. Искра помѣщена, не въ безвоздушномъ шарѣ, а только въ шарѣ, очень сильна, необыкновенно продолжительна, и гальва-

Digitized by Google

ническій токъ, который производитъ ее, весьма умѣренный. Подробности устройства намъ неизвѣстны: они составляютъ секретъ изобрѣтателя, который получилъ привиллегію на свой снарядъ.

АНАТОМІЯ ЧЕРВЕЙ. Это заглавіе не должно ужасать, не только читателей, но даже и читательницъ. Въ природѣ все занимательно, все — повѣсть, все — рòманъ; да какой еще рòманъ! Можетъ ли «Новая Элоиза», или «Ваверли» сравниться съ одной главой этого рòмана, съ одной тетрадью Пирогова, изображающей внутренній механизмъ руки человѣческой? Но во всемъ этомъ безконечномъ и безконечно интересномъ рòманѣ, нѣтъ, можетъ-быть, главы любопытнѣе той, которая заключаетъ въ себѣ созданія, почитаемыя нами за самыя презрѣнныя: она почти вовсе неизвѣстна и каждая строчка ея открываетъ намъ чудеса, о которыхъ человѣкъ и не догадывался.

Въ природѣ, какъ извѣстно, каждая вещь имѣетъ два конца, начиная съ палки. Нѣмцы, которые во всемъ видятъ туманную задачу и поводъ къ сочиненію новаго слова, назвали это *полярностью*, терминомъ, заимствованнымъ отъ электричества, отъ янтаря и магнита, которыхъ одинъ конецъ притягиваетъ, другой отталкиваетъ, одинъ дѣйствуетъ, другой принимаетъ дѣйствіе. У палки, по ихъ теоріи, тоже два полюса: конецъ, который вы держите въ рукѣ, почитаютъ они, въ своихъ умозрѣніяхъ, за полюсъ отрицательный, а тотъ, который кладете или *полагаете* на спину ближняго, за полюсъ *положительный*. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ концѣ — довольно много положительнаго. Мужчина и женщина,—по-нѣмецки — не что̀ иное, какъ палка: тотъ—полюсъ положительный, та — полюсъ отрицательный. Теорія забавна и пуста, но фактъ занимателенъ для наблюденія: природа рѣшительно любитъ выворачивать каждое свое дѣло на изнанку и вездѣ показываетъ двѣ его стороны. Оно иначе и быть не можетъ: какъ все должно имѣть начало и конецъ, то есть два конца, или, если угодно, двѣ стороны, то когда мы видимъ какую-нибудь часть творенія, устроенную въ одномъ порядкѣ, навѣрное найдется другая часть, устроенная въ

Digitized by Google

обратномъ. Такимъ образомъ и животное царство представляетъ намъ два взаимно-обратные способа построенія живаго тѣла. Въ одной половинѣ этого царства каменное вещество поглощаемой пищи скопляется внутри тѣла и строитъ кости, остовъ, настоящія лѣса, на которыхъ мясо развѣшано: это такъ называемыя «*позвоночныя животныя*»; въ другой половинѣ та же самая каменная матерія пищи испаряется въ видѣ поту изъ мяса наружу и образуетъ около тѣла, внутри совершенно мягкаго, болѣе или менѣе твердую наружную кость, или скорлупу: такія животныя получаютъ названіе «*безпозвоночныхъ*» или «*мягкотѣлыхъ*»: сюда принадлежатъ раки, пауки, насѣкомыя, черви, улитки, кораллы, губки, и такъ далѣе. Всю эту вторую половину можно было бы назвать по-настоящему просто насѣкомыми, и вотъ почему. Въ отдѣлѣ созданій, имѣющихъ кости внутри тѣла, каждое животное составляетъ вольное, независимое отъ другаго существо; оно движется и живетъ на свой собственный счетъ, пользуясь свободною волею; нѣкоторыя позвоночныя животныя даже проводятъ всю жизнь свою совершенно одиноко; другія однако жъ, охотно соединяются въ пары, а иныя и составляютъ между собою болѣе или менѣе правильныя общества, какъ напримѣръ, люди, многія породы обезьянъ, дикія лошади, быки, восточныя собаки, американскія степныя собачки, шеншили, журавли, дикіе гуси, лягушки, и прочая; но каждое существо живетъ своей отдѣльной жизнью и имѣетъ отдѣльныя потребности. Въ отдѣлѣ животныхъ съ наружными костями замѣчается то же самое: есть существа, преданныя одинокой жизни; есть другія, созданныя для попарнаго быту; есть наконецъ настоящія общества. Но самый удивительный феноменъ этого роду представляютъ черви. Извѣстно, что тѣло ихъ составлено изъ большаго числа колецъ, отчего они и называются «*кольчатыми* животными». У другихъ животныхъ, позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, тѣло состоитъ всегда изъ трехъ частей, — головы, груди и желудка, соединенныхъ между собою двумя трубами, шеей и станомъ. У нѣкоторыхъ голова срастается съ грудью, у другихъ грудь съ желудкомъ, у иныхъ наконецъ всѣ три части бываютъ слиты

Digitized by Google

вмѣстѣ. Но у бо́льшей части, они отдѣлены болѣе или менѣе тонкими промежутками. У насѣкомыхъ и многихъ дѣвицъ эти три прибора жизни чуть-чуть держатся вмѣстѣ: такъ тонки у нихъ шейки и таліи! Несправедливо поэтому назначать эту отдѣльность головы, груди и желудка, отличительною чертою такъ называемыхъ *насѣкомыхъ*, за это присвоивать имъ исключительно такое имя, которое легко можно примѣнить ко многимъ существамъ съ внутренними костями. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ различаются охотничьи собаки и насѣкомыя? Гораздо основательнѣе было бы—всѣмъ животнымъ съ наружною костью дать одно общее имя, «насѣкомыя», обращая вниманіе болѣе на ихъ сущность, чѣмъ на форму, которая терпитъ разныя уклоненія отъ предполагаемаго типа. Каждое кольцо червя — совершенно отдѣльное существо, отдѣльное насѣкомое, имѣющее свои ноги, свой желудокъ, свое сердце, свою нервную систему: только головы нѣтъ, да еще противоположной оконечности. Видя, какъ часто своя голова у каждаго однороднаго общественнаго существа подаетъ поводъ къ безпорядкамъ, природа оборотила здѣсь человѣческое и другія позвоночныя и безпозвоночныя общества на-изнанку, — сдѣлала экономію головъ,—склеила вмѣстѣ рядъ отдѣльныхъ однопородныхъ существъ, составила длинныя четки снизанныхъ вмѣстѣ желудковъ съ ногами, сердцами, нервами, и въ началѣ этой цѣпи приставила одну общую голову, съ общимъ умомъ и ртомъ, приспособивъ, разумѣется, противоположный конецъ цѣпи къ другимъ общимъ потребностямъ.

Каждое кольцо такой цѣпи животныхъ съ одной общею головою, оторванное отъ своего длиннаго тѣла, можетъ жить отдѣльно: голова у него тотчасъ вырастаетъ сама собою, и велѣдъ затѣмъ оно производитъ позади себя дотомка, который образуетъ второе кольцо; далѣе, такимъ же образомъ появляется третье кольцо, или животное, между первымъ и вторымъ, котораго оно отпихиваетъ по-дальше; тамъ возникаютъ четвертое, пятое, шестое, и наконецъ одноголовное неразрывное семейство достигаетъ почтенной длины. Голова и половые органы, поэтому, существуютъ уже у этихъ животныхъ, когда

Digitized by Google

они еще склеены въ одного червя: эта головка, эти органы только не развиты, но могутъ правильно развиться при первомъ разъединеніи скованныхъ общею жизнію созданій. Все это еще болѣе уподобляетъ ихъ пчеламъ, и другимъ обществамъ насѣкомыхъ, состоящимъ изъ вольныхъ членовъ. Естественно, что такъ связанныя существа, не только живутъ общею физическою жизнію, но и чувствуютъ все за-одно.

Способъ соединенія этихъ животныхъ въ цѣпныя семейства и происходящіе отъ этого инстинкты кольчатыхъ тварей весьма различны. Есть кольчатыя кочующія, воинственныя, съ независимымъ духомъ, съ свободной жизнію. Есть другія кольчатыя, живущія въ трубочкахъ, сжиренные затворники, которые, по выходѣ изъ яйца, тотчасъ строютъ себѣ жилище въ видѣ трубочки и уже никогда оттуда не выходятъ. Это жилище, которое владѣлецъ дѣлаетъ длиннѣе и расширяетъ помѣрѣ своего росту, есть иногда известковая трубочка, а иногда состоитъ изъ вещества довольно похожаго на мокрыя кожу или пергаминъ. Оно плотно облегаетъ кольчатое животное, которое поднимается и опускается въ немъ, не имѣя надобности сгибаться: ноги его устроены такъ, что одинаково свободно и скоро движутся въ обоихъ направленіяхъ. Такимъ образомъ эти животныя проводятъ всю жизнь въ положеніи, похожемъ на положеніе ребенка въ пеленкахъ. Трубочка ихъ сзади плотно закрыта и только впереди имѣетъ круглое отверзтіе, единственное окошко, черезъ которое эти затворники могутъ выглянуть на окружающій міръ, схватить добычу, — свою пищу и подвергнуть кровь свою живительному дѣйствію воды, замѣняющей имъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Такъ не думайте, чтобы они почти безпрестанно выставляли свою богато убранную головку длятого, чтобы людей посмотрѣть и себя показать. Воспользуйтесь этой привычкою, которая для нихъ необходимость, и разсмотрите ихъ дивныя формы. Микроскопа тутъ не нужно. Положите только этотъ кусокъ камня, эту старую раковину, покрытую кольчатыми животными, въ сосудъ съ морской водою: вы тотчасъ увидите, что круглую пластинку, которою трубочка закрывается, потихонько, осторожно приподнимаютъ; это открывается ста-

Digitized by Google

вень дому; жилецъ скоро выглянетъ. Посмотрите: надъ каждою изъ этихъ затворокъ выставляется какъ-будто распуколка, темнаго фіолетоваго цвѣту, или краснаго, голубоватыя, желтоватыя, или испещренныя всѣми цвѣтами. Они растутъ, выставляютъ свои вѣтви, изукрашенныя самыми яркими цвѣтами; видомъ всѣ они похожи на страусовые перья или марабу. Точно цвѣты распускаются; но только эти цвѣты лучше тѣхъ, которые растутъ у насъ на клумбахъ: эти живые. При малѣйшемъ потрясеніи жидкости, блестящія былинки, съ быстротою молніи исчезаютъ, скрываются въ своей каменной одеждѣ, гдѣ они не боятся никакихъ внѣшнихъ непріятелей.

Къ кочующимъ кольчатымъ принадлежатъ хетоптеры, которые какъ-будто раздавлены посерединѣ и у которыхъ въ трехъ кольцахъ кишки, совсѣмъ открытыя, лежатъ на спинѣ; эхіуры, которыхъ зоологическія сродства замѣтны снаружи только по всовывающимся и высовывающимся крючечкамъ; сипункули, на цилиндрическомъ тѣлѣ которыхъ незамѣтно никакихъ членовъ, ни малѣйшаго раздѣленія на кольца; дюжардиніи, у которыхъ не видно никакихъ дыхательныхъ органовъ, и которыхъ ноги, покрытыя длинными щетинками, отнюдь не служатъ для движенія: эти животныя движутся въ жидкости посредствомъ маленькихъ кружковъ, состоящихъ изъ вибрирующихъ волосковъ и прикрѣпленныхъ по бокамъ тѣла, въ видѣ колесъ парохода. Къ кольчатымъ трубчатымъ принадлежатъ хлоремы, у которыхъ кровь зеленая, а тѣло окружено сваленными волосками въ нѣкотораго роду прозрачнаго желе и которыя могутъ прятать свои головы и вѣтви въ ящичекъ изъ перекрещенныхъ волосковъ; амфикоры, у которыхъ глаза и въ головѣ и на кончикѣ хвоста; теберелли, которые осуществляютъ басни о Бріареѣ, потому что у нихъ сто рукъ, которыми они строятъ себѣ жилища изъ песчинокъ, изъ обломковъ раковинъ, доставая иногда эти матеріалы футахъ въ двухъ отъ себя. Рядомъ съ этими двумя группами, и образуя два отдѣльныхъ типа, помѣщаются земляные черви, которыхъ всѣ знаютъ и піявки, къ которымъ врачи прибѣгаютъ такъ часто, что онѣ уже перевелись почти во всѣхъ европейскихъ болотахъ.

До-сихъ-поръ мы говорили еще только о наружности

Digitized by Google

кольчатыхъ животныхъ. Хотите ли теперь познакомиться съ ихъ внутреннею организаціею? Поглядите на эту eunice sanguinea, великолѣпную породу, которая бываетъ иногда фута въ два съ половиною. Это длинное тѣло раздѣлено на кольца, которыя не больше полуторы линіи въ длину и линій въ осемь или въ десять въ ширину. Отыскать въ этомъ узкомъ пространствѣ мускулы, посредствомъ которыхъ животное движется, кишки и другіе сосуды, которыми оно питается, нервы, которые придаютъ ему жизнь, не легко, тѣмъ болѣе, что всѣ эти ткани очень схожи между собою. Однако жъ не унывайте: прилѣпите кольчатое къ черному воску подъ водою, вооружите глаза простымъ увеличительнымъ стекломъ, руки самыми тоненькими щипчиками и иголками вмѣсто анатомическаго ножа; снимите эту кожу, покрытую переливающимися красками и взгляните на нея въ микроскопъ, чтобы видѣть рѣшетчатое строеніе, которое придаетъ ей эти красивые цвѣта; потомъ обнажайте, слой за слоемъ, органы животнаго и открытія, самыя любопытныя, вознаградятъ васъ за ваши труды.

Начните съ нервной системы, важнаго прибора, о которомъ говорили, что животное въ немъ и заключается. Вотъ во-первыхъ, мозгъ, расположенный въ головѣ, у спинной стороны. Отъ него идутъ нервы въ глаза и въ щупальцы, органы зрѣнія и осязанія. Позади начинается второстепенная нервная система, которая вся распредѣляется по хоботу и желудку; впереди, другая, особая система, которая идетъ къ губамъ и, вѣроятно, придаетъ имъ способность распознавать вкусъ. По бокамъ тянутся двѣ полоски, которыя образуютъ кольцо вокругъ полости рта и сходятся подъ брюхомъ. Оттуда начинается родъ лѣстницы, состоящей изъ двухъ снурковъ, идущихъ отъ одного конца тѣла до другаго и связывающихъ между собою продолговатыя массы, нервные узлы, находящіеся въ каждомъ кольцѣ. Эти нервные узлы придаютъ кольцамъ жизнь и чтобы умертвить которое-нибудь кольцо, стоитъ только вынуть или какъ-нибудь уничтожить принадлежащій къ нему нервный узелъ. Изъ обѣихъ сторонъ каждаго изъ этихъ центровъ, выходятъ пять нервныхъ стволовъ, которыхъ вѣтви распредѣляются по кишкамъ, мускуламъ туловища и

Digitized by Google

ногъ. Такъ какъ колецъ въ eunice sanguinea около трехъ-сотъ, то у этого кольчатаго животнаго одинъ мозгъ или главный нервный центръ, триста второстепенныхъ нервныхъ центровъ и три тысячи нервныхъ стволовъ, не считая тѣхъ, которые идутъ къ губамъ и хоботу, общимъ у всего общества этихъ слѣпленныхъ между собою организмовъ.

Перейдемъ къ прибору, назначенному для питанія животнаго. Ротъ его имѣетъ видъ воронки; въ глубинѣ рта толстый хоботъ, съ сильными мускулами и вооруженный осемью роговыми челюстями. Берегите пальцы: эти загнутые и острые зубы легко могутъ проткнуть вашу кожу и укусить васъ до-крови. За хоботомъ вы видите пищепроводное горло, потомъ цѣлый рядъ большихъ кармановъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ кольцу и отдѣленъ отъ двухъ сосѣднихъ узкимъ перехватомъ. Такимъ образомъ у этого животнаго около трехъ сотъ желудковъ.

Между мускулами и кишками, на спинной сторонѣ тѣла, находятся два извилистыхъ сосуда, наполненныхъ алою кровью. Это двѣ большія жилы, въ которыя съ обѣихъ сторонъ вливается кровь, послужившая уже для питанія и слѣдственно имѣющая нужду въ обновленіи воздухомъ. Жильный стволъ относитъ ее въ жабры, которыя съ обѣихъ сторонъ тѣла, начиная съ двадцать-пятаго кольца, образуютъ два ряда кисточекъ, то красныхъ, то желтоватыхъ, смотря потому, приливаетъ ли въ нихъ кровь или выгоняется оттуда. Другой сосудъ выходитъ изъ жабры и соединяется съ толстою артерісю, лежащею въ серединѣ между кишками. Изъ этой артеріи идетъ съ обѣихъ сторонъ и въ каждомъ кольцѣ толстый стволъ, котораго основаніе то сжимается, то расширяется и, такимъ образомъ, устремляетъ кровь въ вѣтви, разносящія ее по всѣмъ органамъ. Но отбросимъ всѣ подробности: всё-таки у eunice останется, кромѣ сосудовъ, которые идутъ съ одного конца тѣла до другаго, шесть сотъ жабръ, шесть сотъ сердецъ, и столько же главныхъ артерій и венъ. Изъ этого видно, что на каждый желудокъ приходится по два сердца, то есть, что въ каждомъ кольцѣ соединены въ одномъ существѣ два существа разныхъ половъ, и что eunice въ триста колецъ, собственно говоря,

Digitized by Google

есть цѣпь шести сотъ животныхъ, мужскихъ и женскихъ, которыя соединены по-парно и всѣ вмѣстѣ повинуются одной головѣ. Вотъ des ménages bien assortis!

Теперь удвоимъ свое терпѣніе: постараемся разобрать мускульные узлы, перекрещенные между собою и составляющіе мясо колецъ, которыя приводятъ въ движеніе ноги, ихъ два пучка острыхъ щетинъ, ихъ четыре иглы, коническія и крѣпкія, какъ охотничьи колья. Въ мясистой части каждаго кольца не меньше тридцати отдѣльныхъ мускуловъ. Въ каждомъ простѣнкѣ между кольцами по десяти мускуловъ. Съ каждой стороны два большихъ мускула, прикрѣпленныхъ къ серединѣ кольца и къ основанію ногъ, двигаютъ ихъ взадъ и впередъ. Мускулистый карманъ, состоящій изъ десятка связокъ, окружаетъ каждый пучокъ щерстинокъ и иголочекъ и служитъ для того, чтобы выдавливать ихъ наружу; съ каждой стороны осемь мускуловъ притягиваютъ ихъ внутрь и сообщаютъ движеніе разнымъ частямъ ноги. Такимъ образомъ каждое кольцо снабжено ста двадцатью мускулами, а принявъ въ разсчетъ мускулы хоботу и головы и разсматривая это общество существъ съ общей жизнію, какъ одно существо, мы увидимъ, что оно приводится въ движеніе слишкомъ тридцатью тысячами мускуловъ. Весьма вѣроятно, что въ иныхъ eunice это число бываетъ вдвое болѣе. Трудно опредѣлить до какой длины можетъ дойти это животное, потому что пока оно живо и производитъ потомство, къ нему прибавляются новыя кольца. Число этихъ колецъ, вѣроятно, ограничивается только продолженіемъ жизни животнаго и также трудностію доставлять питаніе послѣднимъ кольцамъ тѣла, уже слишкомъ длиннаго; брюха, помѣщенныя на оконечности тѣла, не получая достаточнаго количества пищи, дѣлаются слабыми и, наконецъ, останавливаютъ ростъ общаго тѣла.

Мы разсмотрѣли одну изъ породъ, которая наиболѣе приближается къ первоначальному типу кольчатыхъ. У другихъ соединеніе отдѣльныхъ существъ дотого тѣсно, что они сливаются между собою и образуютъ одну сплошную массу. Доверины напримѣръ, длиною въ нѣсколько линій; но посмотрите на нихъ въ микроскопъ: вы увидите ноги и органы. Вмѣсто кожи у нихъ прозрачная пле-

Digitized by Google

ва, мускулы туловища сливаются въ два или три плана, едва замѣтные; мускулы между кольцами не существуютъ и замѣняются простою перепонкою; ножные мускулы не что иное какъ однородные снурки изъ сжимающагося вещества. Пищеварительный приборъ, нервная система, почти тѣ же, зато обращательные органы состоятъ изъ одного спиннаго ствола, а органовъ дыханія совсѣмъ нѣтъ. У аѳлебинъ все тѣло составляетъ мѣшокъ, въ которомъ плаваетъ почти прямая кишка; внутреннихъ перегородокъ нѣтъ, обращательныхъ органовъ тоже, а жидкость, замѣняющая у нихъ кровь, приводится въ движеніе вибрирующими шерстинками, расположенными у основанія каждой ноги.

Это сліяніе отдѣльныхъ существъ въ одну массу доходитъ до крайнихъ своихъ предѣловъ въ классѣ собственно такъ называемыхъ червей. Здѣсь съ самомъ длинномъ тѣлѣ встрѣчается самое простое устройство. Большая немерта представляетъ весьма замѣчательный примѣръ этого. Вообразите себѣ животное въ тридцать или сорокъ футовъ длиною, въ пять или шесть линій шириною, плоское какъ тесемка, бураго или ѳіолетоваго цвѣту, гладкое и лоснящееся какъ лакированная кожа: такова немерта, которой анатомію понынѣ еще никто не изучалъ. Этотъ огромный червь живетъ обыкновенно подъ камнями, на днѣ моря, въ разсѣлинахъ скалъ, свернувшись, переплетшись такъ, что, кажется, никто его не распутаетъ; сжиманіемъ своихъ мускуловъ, онъ безпрерывно развязываетъ и завязываетъ новые узлы. Это животное питается тѣмъ, что сосетъ родъ маленькихъ, плоскихъ устрицъ, которыя пристаютъ къ подводнымъ камнямъ. Изсосавъ всѣхъ сосѣднихъ устрицъ, онъ вытягиваетъ изъ-подъ камня свою длинную темно-цвѣтную ленту, которая оканчивается головою, похожею на змѣиную, но безъ широкой пасти и безъ страшныхъ зубовъ. Глазъ не замѣчаетъ ни малѣйшаго сжиманія, никакой явной причины этого движенія и только микроскопъ показываетъ намъ, что немерта скользитъ въ водѣ посредствомъ вибрирующихъ, чрезвычайно тонкихъ щетинокъ, которыми покрыто все ея тѣло. Она сначала какъ-бы не рѣшается пуститься въ путь, поглядываетъ во всѣ стороны и осматриваетъ окрестность, пока

Digitized by Google

не найдетъ, иногда шагахъ въ пятнадцати или въ двадцати отъ себя, камня, который для нея годится. Тутъ она начинаетъ мало-по-малу распускаться, чтобы перенестись въ свое новое жилище и помѣрѣ-того какъ клубокъ развивается съ одного конца, онъ свивается и спутывается съ другаго. Ткани этого животнаго дотого упруги, дотого сжимаются, что немерта футовъ въ тридцать, становится не больше трехъ или даже двухъ съ половиною, какъскоро вы погрузите ее въ винный спиртъ.

Эти длинныя тѣла составляются изъ колецъ, изъ отдѣльныхъ животныхъ, изъ независимыхъ брюховъ и сердецъ, но потомъ они сливаются между собою до такой степени, что невозможно различить предѣлы этихъ частныхъ центровъ общей жизни. Въ немертахъ есть всѣ главные жизненные приборы, но въ самой простой формѣ; нервная система состоитъ изъ двухъ боковыхъ узловъ, отъ которыхъ идутъ до самыхъ конечностей тѣла два снурка, которые пускаютъ отъ себя только очень маленькія вѣтви. Два большіе сосуда лежащіе по бокамъ, идутъ вдоль этихъ нервныхъ стволовъ, третій извивается въ серединѣ: у всѣхъ трехъ нѣтъ никакихъ вѣтвей. Ротъ состоитъ изъ круглаго, едва замѣтнаго отверзтія. Онъ входитъ въ длинный кишечный хоботъ, который отдѣляется отъ кишки собственно перехватомъ и въ концѣ кишки отверзтія нѣтъ. Такимъ образомъ одно и то же отверзтіе служитъ для принимания пищи и для изверженія того, что остается послѣ пищеваренія. Отъ каждаго кольца остаются только яичники, которые хорошо развиты и соединеніемъ своимъ образуютъ длинныя полосы. Немерты, существа совершенно беззащитныя, которыхъ верхняя оболочка до чрезвычайности мягка и состоитъ изъ одной плевы, подвергаются въ первомъ періодѣ своей жизни множеству опасностей, и обыкновенно дѣлаются впослѣдствіи жертвами другихъ породъ, которыя лучше ихъ вооружены и питаются ими. Зато природа надѣлила ихъ чрезвычайною плодородностію. Во время метанія икры, многія изъ нихъ превращаются въ настоящіе мѣшки, наполненные яицами. Немерта, футовъ въ осемь или десять, производитъ по-крайней-мѣрѣ четыреста или пять сотъ яицъ.

Digitized by Google

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЛАМАНДСКАГО ЖИВОПИСЦА МААСА. *Разсказъ господина Берту.* Николай Маасъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Рембрандта, жилъ у воротъ Антверпена, въ предмѣстьи полу-испанскомъ, полу-брабантскомъ. Онъ занималъ одинъ изъ тѣхъ хорошенькихъ домиковъ, какіе умѣютъ строить только въ Бельгіи. Большой садъ, съ старыми деревьями и свѣтлымъ ручейкомъ, окружалъ домъ, по бокамъ котораго стояли двѣ легкія башенки, и лѣстница изъ голубоватаго песчанику развивалась широкой спиралью, съ рѣзными перилами. Лѣстница вела къ столовой, которая въ этотъ день, двадцать-девятаго сентября 1648 года, была убрана прекраснѣйшими цвѣтами, какіе только прелестная Дѣйвеке нашла въ саду. Стѣны, двери, столъ, все было убрано благовонными гирляндами и посереди комнаты былъ приготовленъ роскошный обѣдъ.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ день крестили перваго ребенка, котораго Богъ далъ Маасу и женѣ его, послѣ трехъ-лѣтняго счастливаго супружества. Воспріемникомъ былъ самъ Іордансъ, а жена бургомистра мейнгерра Роккокка, съ величайшемъ удовольствіемъ согласилась быть кумою знаменитѣйшаго въ Антверпенѣ живописца, и крестить сына артиста, котораго весь городъ уважалъ за честность, талантъ, и тихую, скромную жизнь. Само собою разумѣется, что при такомъ знаменитомъ кумѣ и такой прекрасной кумѣ, крестины должны были быть великолѣпны. Зато Дѣйвеке поднялась съ семи часовъ утра, и, въ коротенькой юбкѣ, съ засученными рукавами, принялась мѣсить пирожное и присматривать за приготовленіями къ пиршеству. Самое тонкое, прекрасное бѣлье вынуто было изъ завѣтныхъ шкафовъ, которые рѣдко отворялись; серебро на столѣ такъ и сіяло; Дѣйвеке всѣмъ распоряжала, все устроивала, за всѣмъ присматривала и только по-временамъ ходила въ дѣтскую, чтобы покормить своего ребенка; ему было еще только два мѣсяца, а мать воображала себѣ, что онъ уже улыбается. Счастливый Маасъ ничего не дѣлалъ: только любовался на жену и сына. Кисть была у него въ рукѣ, но онъ не писалъ и поминутно покидалъ картину, стоявшую на мольбертѣ, обнималъ мать и цѣловалъ пухленькую щечку здоровенькаго ребенка.

Наконецъ часъ великаго торжества приблизился и Ни-

Digitized by Google

колай Маасъ пошелъ надѣвать свое лучшее платье. Дѣйвеке тоже принарядилась по-праздничному и надѣла на свою хорошенькую головку одинъ изъ тѣхъ богатыхъ кружевныхъ чепцовъ, которые еще и понынѣ въ употребленіи въ той странѣ, и которыхъ длинныя барбы такъ хорошо идутъ къ свѣтлорусымъ волосамъ и голубымъ глазамъ. Вскорѣ послышался стукъ кареты и крики сосѣднихъ мальчишекъ, собравшихся вокругъ дому, возвѣстили о прибытіи кумы. Вслѣдъ за каретой появилась кавалькада: то были ученики Іорданса, сопровождавшіе своего учителя. Они прискакали такъ скоро, что Іордансъ успѣлъ спрыгнуть съ коня, преклонить колѣно и подать кумѣ руку, когда она выходила изъ кареты. Какъ-скоро она взошла на лѣстницу, гдѣ ожидали ее Маасъ съ женою, ее привѣтствовали громкими рукоплесканіями и веселая ружейная пальба бросила на воздухъ вѣнки дыму и пламени.

Кума, нѣжно обнявъ молодую родильницу, надѣла ей на шею богатую золотую цѣпь; потомъ взявъ изъ рукъ ея ребенка, положила ему на грудь серебряную погремушку, прекрасной работы и серебряный бокалъ. Между-тѣмъ четверо учениковъ Іорданса, по знаку учителя, поставили къ ногамъ бургомистерши двѣ деревянныхъ шкатулки, расписанныхъ рукою великаго мастера. Эти ларчики были гораздо драгоцѣннѣе богатыхъ кружевъ и превосходныхъ золотыхъ вещицъ, которыя въ нихъ лежали. На стѣнкахъ изображены были торжество святой Маргариты надъ нечистымъ и мученія святой Агаѳіи, которымъ праздновали въ день рожденія жены бургомистра Роккокка. Взамѣнъ этого подарка, она, съ обворожительной улыбкой надѣла на шею Іорданса шелковый шарфъ, который своими руками вышивала золотомъ, потому, говорила она, что вы съ этой минуты мой рыцарь.

Іордансъ почтительно поклонился и подалъ ей руку. Кортежъ устроился, выстрѣлы раздались снова, народъ принялся кричать пуще прежняго. Всѣ торжественно отправились въ церковь, гдѣ церемонія должна была совершиться съ подобающею пышностію. Духовенство было въ самыхъ богатыхъ облаченіяхъ и священникъ, совершавшій таинство, произнесъ коротенькую рѣчь, въ которой, какъ и слѣдовало, поздравилъ Мааса и жену его съ пре-

Digitized by Google

краснымъ выборомъ духовныхъ отца и матери новорожденнаго. Изъ церкви воротились съ такою же торжественностію и вскорѣ многочисленные гости усѣлись вокругъ пышно убраннаго стола. Остальная часть дня проведена была очень весело: пили за здоровье всѣхъ и каждаго и особенно новаго христіанина.

Когда обѣдъ кончился, кума встала изъ-за стола, обняла хозяйку, и простилась со всѣми присутствующими. Вскорѣ изъ многочисленныхъ гостей, которые сидѣли за столомъ живописца, не осталось никого. Послѣ шуму множества посѣтителей наступила тишина, къ которой такъ пріятно возвратиться послѣ волненія, даже и веселаго. Николай Маасъ усѣлся подлѣ жены, которая укачивала на рукахъ ребенка. Онъ положилъ голову на ея плечо и предался сладостнымъ мечтамъ и чувству своего блаженства, какъ-вдругъ въ дверяхъ показался путникъ, съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами. Маасъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, и побѣжалъ къ нему.

— Янъ! Янъ! сказалъ онъ: это ты! Осемь лѣтъ мы съ тобою не видались. О, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ и именно сегодня, въ такой счастливый для меня день!

— Къ несчастію, отвѣчалъ пришедшій: я принесъ не радостныя вѣсти.

— Что такое? спросилъ живописецъ.

И взявъ путешественника подъ руку, онъ повелъ его въ самую уединенную часть саду. Тамъ они проговорили съ четверть часа. Когда Маасъ воротился въ комнату, лицо его было покрыто смертною блѣдностію и онъ едва удерживалъ свои слезы. Онъ подошелъ къ Дѣйвеке, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Милая моя, я долженъ на нѣкоторое время разстаться съ тобою.

— Разстаться? вскричала она, поблѣднѣвъ не меньше мужа. Разстаться! Боже мой, что это значитъ?

— Послушай, Дѣйвеке, не правда ли, что, по-твоему, мнѣ лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться неблагодарнымъ, низкимъ, презрѣннымъ человѣкомъ?

— Да, проговорила она едва внятнымъ голосомъ.

— Прекрасно, моя милая: а если бъ я остался здѣсь и спокойно наслаждался своимъ блаженствомъ, я бы заслу-

Digitized by Google

жилъ, чтобъ ты меня презирала: я бы измѣнилъ всѣмъ обязанностямъ человѣка и христіанина.

— Такъ поѣзжай же, поѣзжай, и да хранитъ тебя Господь Богъ!

И говоря это, она обнимала сына, чтобы скрыть отъ мужа слезы, которыя катились изъ глазъ ея.

— Выслушай меня, Дѣйвеке, и рѣши сама, ѣхать мнѣ или оставаться. Лѣтъ пятнадцать назадъ я жилъ въ Голландіи, былъ безвѣстнымъ ученикомъ Рембрандта, окруженъ соперниками, мнѣ трудно было пробиться сквозь толпу, чтобы составить себѣ имя и состояніе. А между-тѣмъ надобно было выйти изъ бѣдности, во что бы то ни стало, потому что мать моя была уже стара и работать почти не могла. Я рѣшился на отважный поступокъ: надѣясь на счастье, я уѣхалъ въ Англію. Тамъ, говорилъ я самъ себѣ, ванъ-Дейкъ, такой же безвѣстный бѣднякъ, какъ и я, нашелъ славу и богатство. Продавъ все что у насъ было, мы съ матушкою, отправились въ Лондонъ. поселились въ дрянной, закопченной горенкѣ и вскорѣ начали жалѣть о нашей прекрасной Голландіи. Черезъ нѣсколько времени горе мое превратилось въ отчаяніе. Я не зналъ англійскаго языка, не имѣлъ въ Лондонѣ никакихъ знакомыхъ, былъ какъ-бы потерянъ въ огромномъ городѣ и средства мои вскорѣ истощились. Матушка никогда не жаловалась, скрывала отъ меня свое безпокойство, но я видѣлъ, что она день-ото-дня таетъ и, наконецъ, отъ трудовъ и лишеній, у ней началась медлительная лихорадка.

Однажды, когда я продалъ уже все что у меня было, даже платье, мы съ утра ничего не ѣли и я сидѣлъ въ безмолвномъ отчаяніи у постели моей бѣдной матери. Мы не смѣли взглянуть другъ на друга. Наконецъ, не могши удержать своихъ стоновъ, она проговорила едва слышнымъ голосомъ:

— Неужели Господь Богъ не сжалится надъ нами! И потомъ, помолчавъ немного прибавила:

— Мнѣ очень хочется ѣсть!

Она попыталась-было приподнять голову, но не могла, и сказала: — О, какъ ужасно умирать съ-голоду!

Я убѣжалъ.

Не знаю сколько времени блуждалъ я по городу безъ

Digitized by Google

цѣли, самъ не зная куда иду, въ совершенномъ безумiи. Наконецъ, совершенно изнуренный голодомъ, холодомъ, усталостiю, отчаяniемъ, я упалъ отъ слабости, у какой-то стѣны.

— О, Боже мой! сказалъ я: если это смерть, то благодарю тебя!

Въ это время мимо меня проѣзжалъ верхомъ какой-то господинъ. Услышавъ подобныя жалобы въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, онъ съ удивленiемъ остановился; сошелъ съ лошади и съ помощiю человѣка, который былъ съ нимъ, поднялъ меня.

— Кто вы? спросилъ онъ меня по-голландски: и отъ чего вы такъ желаете смерти?

— Несчастный иностранецъ, отвѣчалъ я: у меня нѣтъ ни куска хлѣба и мать моя умираетъ съ-голоду.

— И этакiя вещи случаются въ Англiи, въ Лондонѣ! вскричалъ онъ. Боже мой! какъ трудно дѣлать добро, даже при самомъ пламенномъ желанiи.

Онъ взялъ меня подъ-руку и съ величайшей внимательностiю поддерживалъ пока мы шли, минутъ семь или осемь. Наконецъ мы пришли къ одному домику и провожатый моего благодѣтеля отперъ ее. Я очутился въ комнатѣ, гдѣ топился каминъ; меня отогрѣли, накормили, дали мнѣ немножко вина и тогда только я снова получилъ сознанiе своего несчастiя.

— Матушка! вскричалъ я, матушка! О, ради Бога, позвольте мнѣ снести это кушанье къ ней: она умираетъ съ-голоду!

— Пойдемте къ ней вмѣстѣ, сказалъ незнакомецъ: я помогу ей.

Минутъ черезъ десять старушка моя ожила и благословляла Бога: благодѣтельный человѣкъ, который спасъ меня отъ смерти, положилъ на ея постель большой кошелекъ золота. Уходя, онъ сказалъ мнѣ:

— Помогая вамъ, я только исполнилъ долгъ христiанина въ отношенiи къ несчастному брату. Теперь, если вы достойны выйти изъ бѣдности, если вы честны и трудолюбивы, докажите это и увидите, что милость Божiя никогда не покинетъ того, кто ея достоинъ.

Digitized by Google

Маасъ прервалъ разсказъ свой, обнялъ жену и прижавъ ребенка къ груди своей, сказалъ:

— Милосердый Господь Богъ не покинулъ меня въ дни испытаній и злополучій; онъ не оставитъ меня и при исполненіи моего долгу.

Я былъ бы человѣкомъ низкимъ и неблагодарнымъ, если бъ не старался оказаться достойнымъ моего благотворителя. Мы перешли въ другую квартиру, по-здоровѣе и покойнѣе прежней, здоровье матушки моей стало поправляться и я принялся за работу: написалъ портретъ прехорошенькой дѣвушки, которая жила у насъ по сосѣдству. По англійскому обыкновенію, я выставилъ этотъ портретъ въ Темпльбарѣ. Но онъ не обратилъ на меня ни чьего вниманія и никто не заказывалъ мнѣ портретовъ. Я уже снова погружался въ уныніе, какъ однажды благодѣтель мой пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы еще у меня въ долгу; я доставлю вамъ средство расплатиться: сдѣлайте мой портретъ во весь ростъ.

Само собою разумѣется, что я съ живѣйшею радостью принялся за работу и трудился съ величайшимъ стараніемъ. Я кончилъ портретъ недѣли въ двѣ и спросилъ моего таинственнаго покровителя, куда отослать картину.

— Я самъ пришлю за нею, отвѣчалъ онъ.

Въ тотъ же вечеръ человѣкъ пришелъ за картиною, но и онъ не сказалъ мнѣ имени своего господина. На третій же день самые знатные и богатые придворные заказали мнѣ свои портреты, и я въ короткое время нажилъ себѣ состояніе.

Графъ Стратфордъ, который былъ въ то время всемогущъ при дворѣ, тоже заказалъ мнѣ свой портретъ. Ободренный его ласковымъ обхожденіемъ, я просилъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ честь сдѣлать портретъ короля. Онъ улыбнулся и велѣлъ мнѣ прійти на другой день во дворецъ. И, вообрази мое удивленіе, Лейвеке, когда я увидѣлъ, что Карлъ Первый—тотъ самый кавалеръ, которому я обязанъ былъ жизнью матушки, моей собственной жизнію и всѣмъ моимъ состояніемъ. Я упалъ къ ногамъ короля; онъ милостиво поднялъ меня и назначилъ своимъ придворнымъ живописцемъ.

Мы прожили въ Лондонѣ лѣтъ осемь, но матушкѣ моей

Digitized by Google

непремѣнно хотѣлось передъ смертью воротиться въ свой родной Антверпенъ и я долгомъ почелъ исполнить ея желаніе. Мы отправились изъ Лондона и я поселился здѣсь, къ моему счастію, потому что безъ того у меня можетъ-быть и не было бы такой жены, какъ ты, моя милая. Но между-тѣмъ, какъ я здѣсь блаженствовалъ съ тобою и нашимъ ребенкомъ, занимался только искусствомъ и нисколько не думалъ о политикѣ, въ Англіи происходили ужасныя вещи. Джонъ Стендишъ привезъ мнѣ горестныя извѣстія. Мятежные подданные заключили Карла Перваго въ темницу и даже угрожаютъ его жизни!

— Теперь я все понимаю, сказала Дѣйвеке, отирая свои слезы: поѣзжай, мой милый. Я тебя не удерживаю. Имѣніе твое, жизнь твоя, принадлежатъ твоему благодѣтелю. Если нужно, пожертвуй ими, чтобы спасти его. Поѣзжай. Богъ благословитъ тебя, а я буду молиться ему за васъ.

— О, благодарю, благодарю тебя, моя Дѣйвеке, за твое мужество, за твои благородныя чувствованія. Благодарю за то, что ты придаешь мнѣ душевную силу; теперь она необходима.

Они обнялись и черезъ три дня послѣ того Николай Маасъ и Джонъ Стендишъ вышли на берегъ въ Лондонѣ.

Между-тѣмъ какъ благодарный Фламандецъ отправлялся въ Англію, чтобы какою-нибудь отважной попыткой спасти своего благодѣтеля, королева Генріетта, удалившись во Францію, испрашивала пособій своему супругу; но благородныя ея усилія были тщетны: при смятеніяхъ и междоусобной войнѣ de la Fronde, никто не слушалъ просьбъ несчастной королевы. Когда королевская армія осадила *фрондеровъ* въ Парижѣ, озлобленные мятежники не постыдились излить месть свою на королеву, которая жила между ними въ Луврѣ. Однажды дочь Генриха Четвертаго подверглась оскорбленіямъ черни; стекла въ окнахъ ея комнатъ были выбиты и со всѣхъ сторонъ раздавались неистовые крики. Нѣсколько человѣкъ ворвались даже въ Лувръ и кто знаетъ, до чего дошла бы ихъ ярость, если бъ злодѣевъ не остановилъ одинъ иностранецъ; онъ благородилъ имъ дорогу и говорилъ имъ такъ убѣдительно, что они устыдились своего поступка и ушли.

Digitized by Google

Этотъ иностранецъ былъ Николай Маасъ. Онъ пошелъ потомъ къ королевѣ. Несчастная государыня сидѣла одна и, несмотря на холодъ, въ нетопленой комнатѣ. Генріэтта держала на колѣнахъ маленькую дочь свою и старалась согрѣть ея, прижимая къ своей груди. Сынъ ея, Карлъ, стоялъ поодаль и, обнаживъ маленькую свою шпагу, готовился защищать мать. Николай Маасъ, преклонивъ одно колѣно и привѣтствовалъ королеву по-англійски.

Вы Англичанинъ, вы можетъ-быть изъ Англіи пріѣхали! вскричала она. О, скажите мнѣ, что дѣлается съ королемъ. Вотъ уже почти двѣ недѣли какъ я не имѣю никакихъ извѣстій объ немъ; я живу въ нищетѣ въ Парижѣ. Французскій дворъ меня поноситъ и никто надо мною не смилуется! Меня заставляютъ терзаться неизвѣстностію и ожиданіемъ.

— Я изъ Англіи, ваше величество, отвѣчалъ Маасъ слабымъ и печальнымъ голосомъ.

— Что жъ король? Скажите мнѣ, что съ нимъ?

Маасъ горестно взглянулъ на небо и со слезами сталъ читать молитвы объ усопшихъ. Королева побѣлѣла какъ мертвецъ и судорожно прижала къ себѣ дѣтей.

— Стыдъ и горе землѣ предательской и преступной! вскричала она.

— Король, умирая, простилъ враговъ своихъ, произнесъ живописецъ.

Королева встала, начала ходить большими шагами по комнатѣ и потомъ упала въ кресла. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея, и это ее облегчило.

— Я всѣми силами старался спасти короля, сказалъ Маасъ; мы съ нѣсколькими пріятелями не щадили своей жизни и неразъ подвергали ее опасности. Но всѣ наши усилія остались тщетными и плодомъ ихъ было только то, что король мнѣ поручилъ передать вамъ свое послѣднее прощаніе.

Цѣлую недѣлю королева была въ ужасномъ положеніи между жизнью и смертью. Николай Маасъ не покидалъ ея ни на минуту. Какъ умный и преданный служитель, онъ раздѣлялъ горесть несчастной вдовы и безпрестанно говорилъ ей о материнскихъ ея обязанностяхъ, о томъ какъ нужна ея жизнь дѣтямъ. Благодаря такимъ утѣшеніямъ человѣка, который не-разъ подвергалъ себя опа-

Digitized by Google

сности за жизнь Карла Перваго, королева, убитая горестью, оправилась и сносила жестокое испытаніе, посланное Богомъ, съ терпѣніемъ истинной христіанки. Притомъ ей вскорѣ надобно было думать о томъ, какъ бы спасти дѣтей отъ холоду и голоду, потому что средства ея совершенно истощились, а французская регентша, Анна Австрійская, удалившись съ Людовикомъ Четырнадцатымъ въ Сенъ-Жерменъ, и сама претерпѣвая лишенія, забыла о страданіяхъ англійской королевы. Голодъ, который свирѣпствовалъ въ Парижѣ, проникъ и въ Лувръ, дошелъ и до той, которая нѣкогда занимала одинъ изъ прекраснѣйшихъ троновъ во всемъ мірѣ. Королева, двое дѣтей ея и двое или трое слугъ, которые остались ей вѣрными, терпѣли нужду во всемъ: у нихъ не было ни дровъ, ни хлѣба. Кардиналъ де-Резъ изобразилъ это жестокое положеніе нѣсколькими словами, ужасными въ простотѣ своей. «Потомство съ трудомъ повѣритъ, говоритъ онъ, что у дочери Генриха Четырнадцатаго, въ Луврѣ, не было ни полѣна дровъ, чтобы не дрожать отъ холоду, вставая съ постели».

Если бъ королева Генріетта была одна, она умерла бы, но не протянула бы руки, а теперь она принуждена была, какъ сама говоритъ, просить у парламента милостыни на пропитаніе. Парламентъ долго не отвѣчалъ. Однажды, дѣти Карла Перваго цѣлый день тщетно просили у матери куска хлѣба: наканунѣ она продала свои платья, чтобы накормить малютокъ. Таково было положеніе англійской королевы, когда однажды вечеромъ, Николай Мазъ съ радостнымъ видомъ вошелъ въ ея комнату и положилъ къ ногамъ ея около десяти тысячъ экю. Съ нимъ пришла молоденькая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вотъ, ваше величество, голубица, которая принесла намъ зеленую вѣтвь утѣшенія и надежды, сказалъ онъ, представляя свою дѣвѣку королевѣ.

Вдова Карла Перваго заплакала.

— Нѣтъ, сказала она, нѣтъ! Я не приму этого послѣдняго доказательства преданности; я не потерплю, чтобы вѣрный слуга пожертвовалъ мнѣ всѣмъ своимъ состояніемъ.

Digitized by Google

— Ваше величество ошибаетесь, отвѣчалъ Маасъ съ такимъ хладнокровіемъ, что королева повѣрила; я бы за счастье почелъ продать свой домъ, чтобы пособить вдовѣ государя, которому я обязанъ и жизнію и состояніемъ..... но это было не нужно. Эти деньги изъ Англіи. Одинъ вѣрный слуга вашего величества привезъ ихъ къ Дёйвеке; она тотчасъ пустилась въ путь и ей удалось пробраться въ Парижъ.

Онъ придалъ этой великодушной лжи такой видъ истины, что королева приняла его деньги. Сердце Мааса забилось высокой радостію, какую Богъ даруетъ только людямъ истинно благороднымъ. Когда Генріетта вышла изъ комнаты, онъ бросился на шею къ Дёйвеке и вскричалъ, плача отъ радости:

— Богъ наградитъ тебя въ лучшей жизни за то, что ты такъ хорошо поняла и исполнила мою мысль!

— Я не колебалась ни минуты, сказала она спокойно: я все продала.... твои картины, наше серебро, даже нашъ домъ, и привезла все это къ тебѣ для королевы. Богъ не оставитъ нашего ребенка, прибавила она, прижимая малютку къ своей груди.

Между-тѣмъ какъ супруги предавались радости свиданія и веселились тѣмъ, что съ такимъ великодушіемъ исполнили долгъ признательности, вокругъ Лувра раздались страшные крики: чернь снова пришла оскорблять англійскую королеву за то, что она не хотѣла измѣнить дѣлу регентши и Людовика Четырнадцатаго.

— Ваше величество, сказалъ Маасъ, бѣгите изъ Лувра: здѣсь вы не въ безопасности; поѣзжайте въ Шалію: тамъ, вы знаете, у васъ есть надежное убѣжище.

— Но какъ добраться туда? Какъ выйти изъ Парижа?

— Простыхъ людей и осаждающіе и осажденные пропускаютъ. Надѣньте платье моей Дёйвеке. Вѣрный слуга, котораго я научу что̀ ему дѣлать, проводитъ и будетъ охранять васъ. Я буду сколько можно удерживать этихъ безумцевъ, а вы между-тѣмъ проберетесь въ Шалію.

— Но вы?

— Я ужъ знаю, что̀ мнѣ дѣлать, ваше величество, отвѣчалъ Маасъ и переглянулся съ женою. Та поняла его и сказала:

Digitized by Google

— Я прошу ваше величество только объ одной милости: возьмите съ собою моего ребенка и примите его подъ свое покровительство.

— Такъ вы будете въ опасности? вскричала Генріетта: о, нѣтъ, я не хочу подвергать васъ опасностямъ, которыя угрожаютъ мнѣ одной.

— Неужели ваше величество думаете, что я рѣшился бы подвергать жену опасности? сказалъ Маасъ съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ. Благоволите послушаться моего совѣту и поѣзжайте въ Шаліо. Въ остальномъ положитесь на мое благоразуміе.

Королева согласилась, одѣлась въ платье Дёйвеке и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того благополучно пробралась черезъ шаліосскую заставу. Между-тѣмъ Николай Маасъ велъ переговоры съ негодяями, которые осаждали Лувръ, и, наконецъ, отворилъ имъ ворота. Неистовая чернь бросилась въ комнаты англійской королевы и схватила тамъ женщину въ траурномъ платьѣ и въ плащѣ. Они хотѣли уже вести ее въ Шатлѐ, какъ слуга королевы, Джонъ Стендишъ, воротился и сдѣлалъ Маасу условленный знакъ. Живописецъ тотчасъ побѣжалъ къ своей Дёйвеке.

— Прошу покорно, жена моя! вскричалъ онъ. Она и не понимаетъ, что эти добрые люди принимаютъ ее за королеву Генріетту. Говорятъ, господа, что королеву предувѣдомили о вашемъ посѣщеніи и она укрылась въ парламентѣ.

— Эта женщина обманула насъ, надсмѣялась надъ нами! Надобно отмстить ей! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Жена моя только-что пріѣхала изъ Нидерландовъ и не знаетъ ни слова по-французски. Она не понимаетъ, что вы говорите и потому не знаетъ зачѣмъ вы ее окружили и кого вы ищете.

— Вы служители Англичанки! Вы насъ обманываете!

— Если не вѣрите, то сведите насъ въ парламентъ. Тамъ вы узнаете, правду ли я сказалъ.

Хладнокровіе Мааса обмануло этихъ неистовыхъ злодѣевъ: они отпустили Дёйвеке и пошли въ парламентъ. Черезъ часъ послѣ того Николай Маасъ и жена его были уже у королевы, въ Шаліо, и внѣ всякой опасности.

Digitized by Google

Когда королева Генріетта основала въ Шалiо монастырь Визитандинокъ и миръ прекратилъ безпорядки, волновавшіе Францію, Николай Маесъ воротился въ Антверпенъ, и тѣмъ своими превосходными портретами снова нажилъ себѣ состояніе, равное тому, которымъ пожертвовалъ для вдовы короля, своего благодѣтеля. Впослѣдствіи онъ разбогатѣлъ дотого, что могъ принять званіе антверпенскаго бургомистра.

[illegible]. *Романъ графини Ганъ-Ганъ.* Мы представили читателямъ *нѣмецкіе Вальтеръ-Скотта.* Теперь, нужно еще представить ихъ *нѣмецкому Жоржу-Сандъ*, — потому что такой чинъ благородной графини Иды Ганъ-Ганъ въ нынѣшней германской литературѣ, пожалованный общимъ мнѣніемъ. Прозваніе это не совсѣмъ точно: между графиней Ганъ-Ганъ и баронессою Дюдеванъ, кромѣ примѣчательнаго писательскаго таланта, нѣтъ ни какого сходства. Всѣ особые сочиненія *madame* Дюдеванъ — болѣе или менѣе явныя, болѣе или менѣе неприличныя нападки на законы гражданскіе, нравственные и супружіе, и оподобленіе свое на все, что въ обществѣ мѣшало ея страстямъ или фантазіямъ, простираетъ она до демагогическаго мистицизму, котораго въ-особенности исполнены послѣднія творенія этой странной писательницы. Ничего подобнаго нѣтъ у графини Ганъ-Ганъ: она, напротивъ, увѣрена, что наши личныя «несчастія» происходятъ, не отъ организаціи нынѣшнихъ обществъ, не отъ принятыхъ между людьми правилъ или обыкновеній, но отъ насъ самихъ; она почитаетъ людей не закоснѣло-злыми, но закоснѣло-пустыми; совѣтуетъ, не предаваться страстямъ необузданно, но побѣждать ихъ, и утверждаетъ, что, на этотъ конецъ, для женщины, заниматься домашнимъ хозяйствомъ гораздо полезнѣе, чѣмъ носить усы и ходить въ венгеркѣ. Нѣмецкая романистка не отрекается отъ сана женщины, и въ скромности полагаетъ основаніе правъ ея пола на уваженіе. Брака она не уничтожаетъ; мужей, правда, не очень любитъ: да кто жъ ихъ нынче любитъ!.... такихъ тиранокъ!.... Отличительная черта ея ученія — отвращеніе непостоянства. Каждый разъ какъ заходитъ рѣчь объ этой статьѣ, она становится чрезвычайно красно-

Digitized by Google

рѣчивою и неисчерпаемою на доказательства. Любить, любить и любить! — такова ея теорія, но — любить *все* любезное — а не *одно* что-нибудь такое: это скучно! Любить одного, по ея мнѣнію — просто выдумка тяжелыхъ нѣмецкихъ педантовъ, которые въ любви и женщинахъ ничего не смыслятъ. На этомъ основаніи, героини ея романовъ, не переставъ еще любить одного героя, влюбляются уже въ другаго, и такъ далѣе, до безконечности, до сорока пяти лѣтъ. Въ этомъ сцѣпленіи любвей состоитъ, главнѣйшее единство ея сочиненій, которыя мы напрасно назвали *романами*: графиня Ганъ-Ганъ говоритъ, что она не пишетъ *романовъ*, а пишетъ дѣло, — о томъ, какъ любовь, въ любящемъ сердцѣ, всегда раждается изъ любви и, въ свою очередь, производитъ новую любовь. Преимущественно, этимъ направленіемъ отличается знаменитѣйшее изъ ея сочиненій, «Графиня Фаустина»: повѣствуется у мудрецовъ, будто *она*л графиня Фаустина—сама графиня Ида фонъ Ганъ-Ганъ лично. Это придаетъ особенный интересъ творенію, и мы должны непремѣнно познакомить нашихъ читателей вообще и читательницъ въ-особенности съ такою любопытною книгою. Но, сперва, въ виду имѣемъ мы и «Цецилія,» сочиненіе болѣе всѣхъ прочихъ подходящее къ роману.

Графиня Ганъ-Ганъ начала свое литературное поприще въ 1838 году, *былью* (Novelle,) подъ заглавіемъ «Aus der Gesellschaft». Въ слѣдующемъ году издала она «Der Rechte», въ 1840 «Gräfin Faustine», въ 1841 «Ulrich», въ 1842 «Reisebriefe», въ 1843 «Sigismund Forster» и «Cecil». Она также писала и въ стихахъ, и небольшой драматической поэмѣ своей дала названіе «Арабескъ.» Всѣ эти книги напечатаны въ Берлинѣ.

Графиня Ida von Hahn-Hahn, и по происхожденію и по замужству, принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ ганноверскихъ родовъ: десять столѣтій гнѣздятся въ ея благородномъ гербѣ. Будучи еще очень молода, вышла она замужъ за своего кузена, графа Ганъ-Гана, и спустя нѣсколько лѣтъ, развелась съ нимъ.... за *непостоянство*: тогда, видно, еще не знала она, что, въ природѣ, одна любовь раждаетъ другую. Послѣ-того жила она во многихъ

Digitized by Google

столицахъ Германіи и путешествовала по южнымъ странамъ Европы съ другомъ своимъ, Бистромомъ, которому посвящена «Фаустина». Года три тому, графиня Ганъ-Ганъ, въ то время еще очень миловидная, потеряла одинъ глазъ, по неосмотрительности извѣстнаго берлинскаго хирурга Диффенбаха, съ которымъ за этотъ глазъ завела потомъ процессъ, но, кажется, ничего не выиграла. Ей теперь почти тридцать пять лѣтъ, съ чѣмъ-то.

Вотъ, на первый случай, «Сигизмундъ Форстеръ,» въ самомъ сжатомъ очеркѣ, какъ необходимое вступленіе къ «Цецилѣ».

У профессора Целлера, въ Боннѣ, былъ балъ, — не какой-нибудь высоко-аристократическій, великолѣпный и скучный, но такой, какой можетъ быть у профессора балъ, на которомъ бо́льшая часть молодыхъ гостей — студенты. Было очень весело. Танцовали до-упа́ду.

Сигизмундъ Форстеръ, молодой студентъ, слушавшій курсъ правъ у профессора Целлера, вальсировалъ съ То̀ской Бейронъ, свояченицею того же профессора. Они носились по залѣ легко и согласно.

— Какой чудесный вальсъ! сказала То̀ска съ улыбкой полнаго удовольствія.

Музыка была самая обыкновенная.

Они вели ничего не значущій разговоръ, но Сигизмундъ находилъ, что каждый взглядъ То̀ски, каждая улыбка, каждый звукъ ея голоса восхитительны. Сигизмундъ впродолженіи всего бала танцовалъ только два, три раза и только съ То̀ской. Остальное время онъ смотрѣлъ, какъ танцуетъ она. Отъ дѣвушки такое обстоятельство никогда не укроется. То̀ска видѣла это и ей было жаль, что такой ловкій, прекрасный кавалеръ такъ мало танцуетъ; она какъ-будто боялась, чтобы онъ не соскучился, и потому, когда Сигизмундъ подошелъ просить ее на послѣдній вальсъ, она тотчасъ пошла, хотя помнила, что была уже ангажирована. Вслѣдъ за Сигизмундомъ подошелъ другой молодой человѣкъ, очень скромный, смирный, блондинъ, тотъ самый, которому вальсъ былъ обѣщанъ. То̀ска очень ловко сыграла роль изумленной; очень ласково извинилась, подарила бѣдняка улыбкой и тѣмъ дѣло кончилось. Тайно она дала

Digitized by Google

себѣ слово вознаградить господина фонъ-Гельдерна за потерянный вальсъ цѣлымъ котильономъ.

Такія маленькія бальныя плутовства у дѣвушекъ — не рѣдкость: со всякою случается. Дѣвушкѣ нельзя же сказать одному—«съ вами я не хочу» или другому—«съ вами мнѣ очень хочется танцовать». Она принуждена принимать всякое приглашеніе, и принимаетъ, хотя бы только изъ опасенія даже тѣни возможности просидѣть одинъ танецъ. Но потомъ, въ правильной очереди безъ труда производится умышленный безпорядокъ, и дѣвушка очень искусно умѣетъ устроить дѣла такъ, что страдаетъ всегда тотъ, кто по скромности, перенесетъ несправедливость не обидѣвшись, и кѣмъ она нисколько не интересуется. Почти у каждой хорошенькой дѣвушки есть на-примѣтѣ такой барашекъ, и она очень остерегается оскорбить въ подобномъ случаѣ кого-нибудь другаго. Безъ хитрости и жестокости почти ничего не дѣлается на свѣтѣ, а бальная зала—нашъ женскій приготовительный классъ.

Балъ кончился.

— Лампы совсѣмъ потускли отъ пыли, сказалъ Сигизмундъ одному изъ товарищей, провожая глазами уходящую Тоску. Пойдемъ домой.

— Пойдемъ. Что жъ мы будемъ дѣлать? Какой глаголъ ты хочешь спрягать? Пить? играть?

— Оба! Да, смотри, берегись! Мнѣ сегодня счастье везетъ!

Они пошли. Во всю остальную часть ночи предметомъ разговора была Тоска, — по-крайней-мѣрѣ Сигизмундъ постоянно сводилъ рѣчь на нее, такъ, что Фридрихъ наконецъ объяснилъ восторженному пріятелю, что онъ ему надоѣлъ.

— Жаль мнѣ тебя! возразилъ Сигизмундъ: что до меня, такъ я въ жизнь свою не бывалъ веселѣе сегодняшняго.

Къ нимъ пришло еще нѣсколько товарищей. Сигизмундъ приказалъ подать шампанскаго.

— Да будетъ вамъ извѣстно, что въ честь Тоски Бейронъ! сказалъ онъ: только шампанское достойно того, чтобы его пили за здоровье такой красавицы. Тоска Бейронъ! Тоска Бейронъ, цвѣтъ германскихъ дѣвушекъ!...

Digitized by Google

— Паскаль Вивасъ! Паскаль Вивасъ, цвѣтъ испанскихъ рицарей! перебилъ съ восторгомъ Фридрихъ.

— Ты, Сигизмундъ, въ восторженномъ бреду не замѣчаешь, что пародируешь Уланда, сказалъ третій.

— Виноватъ ли я, что Уландъ пользовался моими стихами? шутливо отвѣчалъ Сигизмундъ: впрочемъ, это Паскаль Вивасъ можетъ вмѣнить себѣ въ большую честь, что я вспомнилъ объ немъ именно теперь.

— А помнишь ли ты начало? «По залу, въ вечерней мглѣ, шла графиня Юлія....» Недурно бы, если бъ и тебѣ довелось стоять на такомъ же счету, на какомъ стоялъ Паскаль Вивасъ. Жаль только, что Тоска не графиня.

— Жаль? спросилъ Сигизмундъ протяжно.

— Разумѣется, жаль: оно звучитъ какъ-то торжественно, поэтически.... Графиня Тоска Бейронъ!

— Если бъ Тоска была графиня.... сказалъ Сигизмундъ съ живостью и вдругъ замолчалъ.

— Что жъ бы тогда?

— Тогда она была бы мнѣ не дороже этого! отвѣчалъ Сигизмундъ сшибая щелкомъ пробку съ шампанской бутылки.

— Это что-то непонятно, проговорилъ третій собесѣдникъ, видимо измѣнясь въ лицѣ.

— Не прогнѣвайся, дружище, сказалъ Сигизмундъ ласково: ты—графъ фонъ-Гогенбергъ, но я люблю тебя ровно столько, сколько любилъ бы просто господина Гогенберга. Между мужчинами это иная статья. Мужчины въ жизни лучше научаются понимать и больше имѣютъ средствъ доказать лично, въ чемъ заключается истинное благородство. Но женщины твоего званія вообще существа такія чопорныя, что я никакъ не могу преодолѣть своего отвращенія къ нимъ.

— Однако жъ, любезная и очень умная мать Тоски Бейронъ графиня же, замѣтилъ Гогенбергъ.

— Что? вскричалъ Сигизмундъ и, поблѣднѣвъ, поставилъ бокалъ на столъ.

— Да, да! я тебѣ говорю, что она графиня, и притомъ изъ весьма знаменитаго дому. Не могу только вспомнить фамиліи....

— Какъ же она вступила въ такой mesalliance? спросилъ Сигизмундъ внятельно, взявъ другой бокалъ.

Digitized by Google

— Неравный бракъ? возразилъ Гогенбергъ съ удивленіемъ: ну, признаюсь! строго же ты разграничиваешь сословія, когда находишь, что баронъ фонъ-Бейронъ-Кенигсегъ неровня какой бы то ни было графинѣ!

— А кто же этотъ баронъ фонъ-Бейронъ-Кенигсегъ?

— Боже, мой! генералъ, отецъ Тоски Бейронъ! отвѣчали разомъ Гогенбергъ и Фридрихъ.

— А! такъ она *баронесса фонъ*-Бейронъ! протянулъ Сигизмундъ медленно, въ раздумьѣ.

— Какъ же! можетъ «имѣть пріѣздъ» ко двору, нарядиться со всякою знатною дамой; насчитываетъ съ матерней и съ отцовской стороны до тридцати двухъ высокородныхъ предковъ.

— Чортъ побери всѣхъ предковъ! вскричалъ Сигизмундъ и, раздробивъ бокалъ, бросилъ черепки объ полъ.

Гогенбергъ вскочилъ.

— Полноте взбѣсить, ласково сказалъ Фридрихъ усаживая его: будь у Тоски шестьдесятъ четыре предка или не будь у ней ни одного, всё-таки она царь-дѣвица, красавица, миленькая вострушка, шиповничекъ,—какъ мы имѣли честь назвать ее за красоту и колкость, за привлекательность и восхитительные капризы. Однимъ словомъ, она красавица: это главное. Красотою она всѣхъ очаровываетъ, а это всякой дѣвушкѣ дороже истлѣвшихъ предковъ.

— Да; но ей не всё-равно кого очаровывать, возразилъ Сигизмундъ: графинѣ нуженъ по-крайней-мѣрѣ баронъ. Спроси-ка баронессу Тоску фонъ-Бейронъ, захочетъ ли она выйти за какого-нибудь доктора юриспруденціи или медицины?

— Я не вижу причины, почему бы ей особенно могъ полюбиться врачъ.... развѣ я удостоюсь этого счастія, возразилъ Фридрихъ шутливо: въ такомъ случаѣ оно еще было бы понятно. А что до юристовъ, такъ примѣръ—ея сестра, профессорша.

Сигизмундъ неистово захохоталъ.

— Любезнѣйшій! вскричалъ онъ: такой непригожей и, кажется, еще немножко горбатой дурочкѣ, безъ-сомнѣнія, было некого больше очаровывать кромѣ достопочтеннаго профессора Цеплера. Тоска, дѣло другое!

— Ну, да кто жъ станетъ тотчасъ заводить рѣчь о су-

Digitized by Google

пружествѣ? Съ такимъ шишовничкомъ потанцуешь, поболтаешь, пошутишь; тебѣ наскажутъ милыхъ колкостей и.... если счастье повлечетъ.... пожалуй, подъ-часъ сорвешь поцѣлуй....

— О! пусть теперь Тоска Бейронъ даже сама предложитъ мнѣ поцѣлуй.... я не пріиму! съ жаромъ вскричалъ Сигизмундъ.

— Толкуй, толкуй! возразилъ Фридрихъ: нѣтъ, братецъ, поцѣлуй во всякое время вещь очень милая, и говорить объ немъ съ пренебреженіемъ не позволительно,— у кого его ни возьми, у дочери ли Великаго Могола или у дочери университетскаго сторожа.

— Притомъ, Тоска Бейронъ едва-ли захочетъ поцѣловать тебя, замѣтилъ въ то же время Гогенбергъ.

— Да хоть бы она тысячу разъ хотѣла! я, Сигизмундъ Форстеръ, не захочу! Пусть отсохнутъ мои губы, если я этого захочу когда-нибудь....

— И все это потому, что Тоска дочь графини и барона? сказалъ Гогенбергъ съ досадой: я долженъ замѣтить тебѣ, товарищъ, что нахожу это больше нежели странымъ.

Наутро, изъ-за отвергнутаго заочно поцѣлуя Тоски Бейронъ, Сигизмундъ Форстеръ дрался на эспадронахъ съ задушевнымъ другомъ своимъ Гогенбергомъ, ранилъ его въ руку и самъ получилъ шрамъ во всю щеку.

Тѣмъ же утромъ Тоска Бейронъ сидѣла у окна въ своей комнатѣ и прилежно вышивала, чуть слышно напѣвая про себя мотивъ послѣдняго вальса. Она прислонилась къ спинкѣ стула и, изъ-дали посмотрѣвъ на свою работу, нашла, что китайская роза, только-что вышитая, необыкновенно дурно оттѣнена. Чтобы поправить ошибки, Тоска обратилась къ настоящей китайской розѣ, которая цвѣла у нея на окнѣ, опустила голову и въ раздумьѣ любовалась на прекрасный цвѣтокъ. Съ цвѣтка взглядъ ея нечаянно упалъ на улицу. А, можетъ-быть, и не нечаянно. Было половина одиннадцатаго, а ровно въ половинѣ одиннадцатаго мимо оконъ обыкновенно проходилъ Сигизмундъ Форстеръ, съ портфёлемъ подъ-мышкой, на лекцію. Онъ имѣлъ привычку ходить медленно и поглядывать на окна. Тоскѣ никогда не приходило въ голову смотрѣть на молодыхъ

Digitized by Google

людей, которые очень часто ходили мимо ея оконъ, совсѣмъ не потому, чтобы имъ тутъ было ближе. Она если и видѣла, такъ притворялась, что не видитъ и никогда не отвѣчала на ихъ поклоны. Но Сигизмундъ Форстеръ какъ-то нечаянно попалъ въ исключеніе изъ правила: его замѣчали и даже отвѣчали на поклонъ его, вѣроятно, потому что онъ всегда ходилъ одинъ. Въ первомъ часу, по окончаніи лекціи, онъ опять проходилъ мимо; иной день, случится, пройдетъ и послѣ обѣда раза два. Но тогда уже они не раскланивались, разсуждая, что одинъ разъ въ день учтивость требуетъ поздороваться, а больше ужъ не зачѣмъ, да и не ловко.

Въ это утро Тоска такъ заглядѣлась на цвѣты или на улицу, что совсѣмъ забыла про свою работу. Пробило одиннадцать, половина двѣнадцатаго.... прохожихъ было много, а поклониться некому. Сигизмундъ Форстеръ не являлся ни до обѣда, ни послѣ обѣда. Прошло нѣсколько дней; онъ не являлся. Что съ нимъ сдѣлалось? думала Тоска и терялась во всевозможныхъ и невозможныхъ догадкахъ. Наконецъ! наконецъ она увидѣла его. Онъ идетъ; скоро поровняется съ домомъ; подъ-мышкой портфель; лѣвая щека подвязана чернымъ шелковымъ платкомъ. Тоска такъ обрадовалась, что принуждена была на минуту отодвинуться отъ окна, чтобы не обнаружить всего своего восхищенія. Но эта предосторожность оказалась лишнею: Сигизмундъ Форстеръ прошелъ мимо и даже не взглянулъ, не только не поклонился. Тоска вообразила, что обозналась. Ее смутила черная повязка. Въ первомъ часу студентъ возвращался съ лекціи; Тоска вглядѣлась пристально и убѣдилась, что это точно онъ, Сигизмундъ Форстеръ, несмотря на лишнюю черную полосу на лицѣ. Но онъ опять прошелъ не взглянувъ и не поклонившись. У нея руки опустились отъ изумленія. «Что это значитъ? Неужто онъ оскорбленъ? Чѣмъ же? Вѣрно, какой-нибудь капризъ». Она старалась развлечься; прилежно вышивала, пѣла, и между дѣломъ не покидала надежды, что на слѣдующемъ балѣ все объяснится и обойдется какъ слѣдуетъ.

На другой день, когда Сигизмундъ шелъ мимо, Тоска такъ склонилась надъ пяльцами, что онъ не могъ бы замѣтить ея, если бъ взглянулъ на окно. Потомъ она бы-

Digitized by Google

отрѣ поднята голову и,... взоры ихъ встрѣтились! Онъ не утерпѣлъ, посмотрѣлъ, но такъ же быстро отвернулся.

— Такъ и есть! онъ разсердился. Но, Боже мой! за что же? подумала Тоска.

Сигизмундъ уже не ходилъ мимо оконъ Тоски Бейронъ. Она грустила, а онъ.... еще больше. «Она, гордая, сиѣжная барышня, какъ и всѣ онѣ,» говорилъ онъ самъ себѣ: «всѣ молодыя люди жалуются на ея надменное обхожденіе. Я не хочу дожидаться того, чтобы она и со мной обошлась такъ же какъ съ другими, и потому не хочу видѣть ея; не стану ходить мимо.... я не утерпѣлъ бы: мнѣ невозможно будетъ не взглянуть.... и..., она, пожалуй, вѣтъ-такъ опять очаруетъ меня своими черноволи обворожительными глазками. Не видя ея, мнѣ, можетъ-быть, удастся загляѣться на другую. Это будетъ лучше; это разсѣетъ меня».

И бѣдный Сигизмундъ принялся испытывать «самозащитный» способъ разсѣянія, между-тѣмъ какъ Тоска напрасно ломала голову, стараясь догадаться, что такое приключилось ему, несчастіе, бѣда, огорченіе или болѣзнь. Наконецъ она увѣрила себя, что онъ къ праздничному празднику Рождества уѣхалъ на родину, и успокоилась. Но на праздникахъ она встрѣтила его на улицѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми. Всѣ знали Тоску; всѣ поклонились. Сигизмундъ тоже поклонился, потому что не хотѣлъ явно отличаться отъ другихъ. Было холодно; Сигизмундъ былъ очень блѣденъ. Тоска замѣтила эту блѣдность и сказала про себя почти съ радостью: «Ай онъ былъ боленъ!»

Наканунѣ Новаго Года въ городѣ кто-то изъ общихъ знакомыхъ давалъ балъ. На этомъ балѣ Тоска надѣялась непремѣнно встрѣтить Сигизмунда и разрѣшить свое недоумѣніе. Сигизмундъ не былъ на балѣ. Онъ захворалъ передъ позднимъ нездоровьемъ. Тоска узнала это и такъ болѣла о бѣдномъ, что во весь вечеръ была не въ себѣ отъ горести. Но Сигизмундъ былъ здоровъ. Онъ не поѣхалъ на балъ, потому что не хотѣлъ встрѣчаться съ нею. Передъ товарищами онъ отговорился тѣмъ, что началъ имѣть съ первой минуты Новаго Года намѣреніе заниматься науками, перестать гулять и кутить, подумать о

будущемъ, остепениться. Тѣмъ больше, что день Новаго Года былъ день его рожденія. Чтобы набраться силы для исполненія всѣхъ этихъ добрыхъ намѣреній, онъ пригласилъ къ себѣ двухъ товарищей, которые и безъ того не могли быть на балѣ, и встрѣтилъ съ ними Новый Годъ за картами и шампанскимъ.

Но Тоска не знала этого. Утромъ она проснулась съ мыслью объ немъ. Ей грустно было, что онъ болѣетъ и проводитъ день своего рожденія въ одиночествѣ, и что, быть-можетъ, никто не думаетъ порадовать его чѣмъ-нибудь. Она встала, развернула занавѣсы, окошко и остановила взоръ на слегка замерзшихъ стеклахъ. Вотъ-тому вѣрили, что въ Новый Годъ по фантастическимъ узорамъ, какіе морозъ вывелъ на стеклахъ окна, можно разгадать содержаніе всего будущаго года. «Цвѣты! все цвѣты! Это хорошій знакъ!» прошептала Тоска. Съ ледяныхъ цвѣтовъ взоръ ея скользнулъ на дѣйствительные. «Цвѣты такъ милы... особенно въ день рожденія!» подумала она, и поспѣшно сорвала китайскую розу. «Но, я думаю, неприличнымъ будетъ послать ему букетъ?... Да вѣдь онъ не узнаетъ, отъ кого! А вѣдь онъ обрадуется, бѣдный!... И что я теперь стану дѣлать съ этою розой?... Маменькѣ отдать? Но маменька здорова... а онъ болѣетъ!» Она нарвала еще разныхъ цвѣтовъ и зелени, и съ трепещущимъ сердцемъ, дрожащими руками связала красивый букетъ, положила его на столъ, съ минуту еще подумала, потомъ съ живостью позвонила, отправила горничную съ надлежащими наставленіями, какъ сохранить тайну.

Сигизмундъ получилъ букетъ черезъ какого-то мальчика и изумился. Онъ сперва разсмотрѣлъ, нѣтъ ли записочки, которая бы объяснила, откуда подарокъ; потомъ — не знакома ли лента, но ничего не открылъ. Онъ глядѣлъ на цвѣты такъ внимательно, какъ-будто бы они могли сказать ему имя той, которая ихъ послала. И въ самомъ дѣлѣ, когда онъ остановилъ взоръ на китайской розѣ, въ умѣ его какъ молнія сверкнула мысль: Тоска Бейронъ. Проходя мимо оконъ, онъ слишкомъ часто видѣлъ эту розу; она была ему знакома. «О-го! вскричалъ онъ: такъ букетъ отъ нея! отъ нея! гордой, надменной баронессы! Тоска Бейронъ, я сказалъ, что не хочу твоего поцѣлуя....

Digitized by Google

и цвѣтовъ твоихъ мнѣ не надо.... я тебя не люблю.... я тебя терпѣть не могу, потому что у тебя бѣлокурые волосы и голубые глаза, а не черные.... потому что ты гордая, знатная дурочка!» Онъ разорвалъ букетъ, бросилъ прекрасные, съ такою нѣжностью взлелѣянные Тоскою цвѣты на столъ и сталъ обдумывать, какъ бы показать ей, что онъ презираетъ ея подарокъ. Нѣсколько товарищей прервали эту думу.

— Смотрите-ка! вскричалъ одинъ изъ нихъ: Сигизмундъ весь въ цвѣтахъ, словно богъ весны!

— Какая же это Флора такъ осыпала тебя своими дарами? воскликнулъ другой.

— Да, да! женщины вездѣ предупреждаютъ насъ своею внимательностью, замѣтилъ третій: едва разсвѣло, мы у тебя.... но женщина уже успѣла раньше принести тебѣ поздравленіе и, конечно, весьма многозначущее, не правда ли?

— Ну, сказывай же, кто эта Флора?.... Пожалуйста, не скрытничай, Сигизмундъ!.... Полно тебѣ скромничать! кричали они на-перерывъ.

— Я ничего не могу сказать, потому что ничего не знаю, отвѣчалъ Сигизмундъ.

— А! вздоръ! Кто этому повѣритъ!

— Скромность драгоцѣнное свойство.... передъ женщинами, но передъ друзьями....

— Да говорятъ вамъ, я ничего не знаю! возразилъ Сигизмундъ еще рѣшительнѣе: право, ничего не знаю.

Сигизмундъ былъ пылокъ и страстенъ какъ юноша, дерзокъ какъ мальчикъ, но не безсовѣстенъ.... чуть-чуть я ей сказала—какъ мужчина! Ни подъ какимъ видомъ онъ не назвалъ бы и не подалъ бы поводу отгадать имя, ни Тоски, ни какой бы то ни было другой невинной дѣвушки.

— Но странно! отчего же ты, при такой непомѣрной скромности, такъ дурно обращаешься съ этимъ «сокровищемъ любви».... Вишь, какъ разбросалъ по столу! сказалъ одинъ изъ студентовъ и, собравъ цвѣты, воткнулъ ихъ въ фарфоровую вазу, въ которой торчали сложенныя бумажки для закуриванія трубокъ.

Бѣдная Тоска! вотъ какое мѣсто ея цвѣтамъ дала чужая, равнодушная рука!

Digitized by Google

— Они не имѣютъ для меня цѣны, потому что я не знаю, откуда они, сказалъ Сигизмундъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Божусь!

— Такъ, стало-быть, мы можемъ подѣлиться? замѣтилъ другой, какъ-будто желая испытать Сигизмунда.

— Пожалуй, отвѣчалъ тотъ: мы раздѣлимъ ихъ; я возьму розу.

Бѣдная, бѣдная Тоска! Въ-мигъ цвѣты были схвачены, разрознены и воткнуты въ петлицы молодыхъ повѣсъ, вовсе ей незнакомыхъ. Потомъ заговорили о другомъ.

Около обѣда Сигизмундъ отправился со двора и прошелъ мимо оконъ Тоски Бейронъ, съ розою въ петлицѣ. Тоска, по обыкновенію, сидѣла за пяльцами, между-тѣмъ какъ мать ея принимала визиты. Тоска думала только о судьбѣ своихъ цвѣтовъ, о Сигизмундѣ, и вотъ онъ идетъ! вотъ и роза. Глаза ея просіяли, яркій румянецъ покрылъ щеки. Онъ носитъ цвѣтокъ: стало-быть, онъ радъ ему. Онъ не смотритъ вверхъ: стало-быть, онъ не подозрѣваетъ, откуда подарокъ, или, если подозрѣваетъ, не хочетъ поставить ее въ затруднительное положеніе. Она въ душѣ была ему чрезвычайно благодарна за то, что онъ не поклонился. Сигизмундъ очень хорошо замѣтилъ Тоску; онъ скорыми шагами прошелъ мимо, навстрѣчу молоденькой женщинѣ, своей хозяйкѣ, женѣ переплетчика, съ которою всегда былъ очень вѣжливъ, шутливъ и любезенъ. Онъ воротился съ нею, поздравилъ ее съ праздникомъ и предложилъ цвѣтокъ, сказавъ, что не имѣетъ ничего лучшаго, что бы могъ подарить ей. Она очень охотно приняла. Тоска всё-еще сидѣла въ прежнемъ положеніи, продолжая въ тайной радости своей смотрѣть на улицу. Вдругъ она вздрогнула: Сигизмундъ возвращался и съ нимъ молодая женщина, съ ея цвѣткомъ въ рукѣ. Они очень весело разговариваютъ, смѣются. Тоска поблѣднѣла. «Онъ знаетъ все и презираетъ меня!» подумала она и поспѣшно ушла въ свою комнату, упала на колѣни и горько заплакала. Сигизмундъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своей квартиры и никого къ себѣ не пускалъ.

Очевидно, что онъ страдалъ. Откуда же такая несообразность поступковъ съ чувствами? Неужто безъ причины,

Digitized by Google

безъ основанія? Нѣтъ, тутъ была причина, было основаніе. Къ разрыву Сигизмунда побудило неодолимое отвращеніе къ знатности рода Тоски, отвращеніе, которое запало ему въ душу еще въ дѣтствѣ. Онъ былъ мальчикъ довольно избалованный, немножко тщеславный и чрезвычайно властолюбивый: онъ повелѣвалъ своими братьями и сестрами безусловно и первенствовалъ во всѣхъ играхъ съ товарищами; даже родителей умѣлъ заставлять подчиняться своимъ прихотямъ. Ему было лѣтъ семь или осемь, когда его самолюбію былъ нанесенъ первый жестокій ударъ, когда онъ испыталъ первое уничиженіе. И этотъ ударъ нанесла ему маленькая, осьмилѣтняя дѣвочка, Антонія, дочь графа, жившаго по сосѣдству и водившаго знакомство съ семействомъ Форстеровъ. Дѣти обоихъ семействъ почти постоянно проводили время вмѣстѣ, особенно лѣтомъ. Сигизмундъ и Антонія были дружнѣе всѣхъ, вѣроятно потому, что и Антонія также между своими сестрами и братьями была первая. Однажды они играли въ саду вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми; затѣяли гоняться, ловить другъ друга. Сигизмундъ догналъ Антонію и какъ-то неосторожно схватилъ ее за развѣвавшіеся локоны. Она вскрикнула. Сигизмундъ испугался и съ отчаяніемъ молилъ прощенія; цѣловалъ локоны, чтобы утишить боль, но напрасно: Антонія была оскорблена и гордо ушла. Игра разстроилась. Сигизмундъ былъ во весь день печаленъ, мраченъ и уже рѣшился-было никогда не приходить въ садъ вмѣстѣ съ другими, чтобы не попадаться на глаза Антоніи. Но когда Антонія на другое утро, нечаянно встрѣтившись, первая привѣтствовала его съ милою улыбкой, онъ все забылъ и былъ опять счастливъ. Онъ любилъ Антонію. Черезъ нѣсколько дней потомъ родители Антоніи давали дѣтскій балъ. Маленькихъ гостей было много. Танцовали. Антонія была царицею этого бала и по чину хозяйки и по красотѣ. Сигизмундъ подошелъ просить ее на первый вальсъ; вслѣдъ за нимъ подошелъ другой мальчикъ, некрасивый, слабый, заика, на котораго Сигизмундъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, а Антонія отказала Сигизмунду и пошла съ заикой. Одна изъ подругъ стала упрекать ее въ несправедливости къ Сигизмунду и хотѣла, чтобы Антонія перемѣнила выборъ. «Нѣтъ, нѣтъ! возра-

Digitized by Google

зила та рѣшительно: онъ можетъ послѣ прійти; онъ не графъ!» Если бы она сказала: онъ не такъ хорошъ собою или тотъ мнѣ лучше нравится, Сигизмундъ простилъ бы ей, можетъ-быть, и самолюбіе утѣшило бы его, потому что онъ всѣ-таки чувствовалъ бы свое превосходство. Но это ужасное слово уязвило его тѣмъ глубже, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не былъ графомъ и не зналъ, что вмѣсто этого титула положить на вѣсы и чѣмъ замѣнить такой недостатокъ. Онъ чувствовалъ себя невыразимо униженнымъ и оскорбился тѣмъ болѣе, что любилъ, даже обожалъ Антонію. Съ этой минуты онъ возненавидѣлъ ее и всѣхъ графинь, всѣхъ знатныхъ, особенно женщинъ. За Антонію онъ возненавидѣлъ и Тоску. Но на этотъ разъ переходъ отъ любви къ ненависти былъ труднѣе.

Скоро въ городѣ разнесся слухъ, что Тоска Бейронъ больна, и что родители везутъ ее въ Швейцарію. Когда она, черезъ годъ, воротилась въ Бонинъ, здоровая, цвѣтущая, и еще прелестнѣе прежняго,—Сигизмунда Форстера уже не было.

Прошло десять лѣтъ. Въ Берлинѣ, въ день Новаго Года, во второмъ этажѣ серенькаго дома въ улицѣ «Подъ липами», за письменнымъ столомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти. Передъ нимъ лежало письмо женской руки. Онъ по временамъ взглядывалъ на него, улыбался и продолжалъ писать. Полуденное солнце весело освѣщало комнату, очень аккуратную и изящную безъ изысканности, но, какъ видно, жилище человѣка холостаго. Къ дому подъѣхала карета; изъ нея вышла дама, которая потребовала свиданія съ хозяйкою и говорила съ нею нѣсколько времени. Кончилось тѣмъ, что дама сказала съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Ну, такъ я сама поговорю съ нимъ! Потрудитесь доложить ему обо мнѣ.

Хозяйка повела даму вверхъ, постучала въ дверь и отворивъ ее, сказала громко:

— Господинъ совѣтникъ! ея превосходительство, генеральша фонъ-Бейронъ желаетъ поговорить съ вами.

Совѣтникъ встрепенулся, машинально схватилъ и надѣлъ очки, которыя лежали подлѣ него на столѣ, и всталъ.

Digitized by Google

— Вотъ герръ надворный совѣтникъ Форстеръ, сударыня, сказала хозяйка и вышла.

Тоска Бейронъ и Сигизмундъ Форстеръ стояли лицомъ къ лицу. Онъ узналъ её съ перваго взгляду. Онъ удивился, что она носитъ имя своей матери, но не сомнѣвался ни минуты, что она замужемъ. Тоска сохранила всю особенность своей физіономіи, свой величественный взглядъ, свою прелестную улыбку и непринужденную, гордую осанку; и черты были тѣ же, только выразительнѣе. Въ великолѣпномъ бархатномъ платьѣ, съ большимъ букетомъ весеннихъ цвѣтовъ въ рукахъ, посереди ярко освѣщенной солнцемъ комнаты она была восхитительна. Она не узнала Форстера. Его очень измѣнили очки и густыя бакенбарды, хотя умное лицо ничего не потеряло, сдѣлавшись изъ свѣжаго и румянаго юношескаго, нѣсколько смуглымъ и мужественно выразительнымъ.

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя, поклонившись сказалъ онъ своимъ звучнымъ, прекраснымъ голосомъ, который съ первой минуты внушалъ довѣріе.

— Меня привела надежда, что вы не откажете мнѣ въ большой, очень большой просьбѣ, сказала она откровенно.

Онъ предложилъ стулъ; она сѣла.

— Однимъ словомъ, продолжала она: я желала бы, чтобы вы уступили мнѣ вашу квартиру и заняли бы вмѣсто этой верхній этажъ, который теперь отдается. Мы только-что воротились изъ путешествія и ищемъ квартиры. По мнѣ всё-равно: я могла бы жить и въ четвертомъ этажѣ, и я не забочусь, на сѣверъ ли, на востокъ ли выходятъ окна: но мой мужъ боленъ, очень боленъ; каждый шагъ ему стоитъ большаго труда;—онъ, по обыкновенной прихотливости больныхъ, непремѣнно хочетъ, чтобы окна были на югъ и утверждаетъ, что именно эта квартира, въ которой мы жили три года тому назадъ, для него самая удобная и даже самая здоровая во всемъ Берлинѣ. Я уже объѣздила весь городъ и нигдѣ не могу найти квартиры съ окнами на югъ и во второмъ этажѣ. Здѣсь въ домѣ, по счастію, есть, да въ третьемъ. Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать, если.....

Digitized by Google

— Извольте, сударыня: квартира къ вашимъ услугамъ, перебилъ Сигизмундъ предупредительно.

— О! какъ вы добры! вскричала она съ живостью.

— Мнѣ, такъ же какъ и вамъ, совершенно всё-равно, жить ли во второмъ или въ третьемъ этажѣ, сказалъ онъ спокойно.

— Я очень рада, если вамъ не стоитъ большой жертвы исполненіе прихоти бѣднаго больнаго страдальца. Когда же вы можете перебраться—не торопясь?

— Шалашъ холостяка такъ же легко снимается, какъ и снова разбивается. Я переберусь сегодня же. Вѣроятно, вашему супругу пріятно будетъ по-скорѣе пріютиться.

Тоска встала и сдѣлала движеніе, какъ-будто хотѣла подать ему руку, но опомнилась, прижала обѣ руки къ груди, съ чувствомъ поблагодарила его и вышла. Сигизмундъ проводилъ ее до лѣстницы, потомъ воротился въ комнату и смотрѣлъ, какъ она садилась въ карету. Ему было такъ легко на сердцѣ; онъ радовался, что нашелъ случай поправить свою ребяческую глупость и оскорбленіе, которое нанесъ Тоскѣ въ Боннѣ. «Какъ она прекрасна! думалъ онъ глядя ей вслѣдъ: она совершенно такова, какъ надобно было ожидать. Прелесть, какъ хороша!» Подлѣ стула, на которомъ она сидѣла, лежала бѣлая маргаритка. Сигизмундъ поднялъ ее и положилъ въ свой бумажникъ. Потомъ онъ началъ перебираться. Въ этомъ прошелъ день. Вечеромъ онъ принялся писать. Три страницы были исписаны. На четвертой онъ написалъ:

«Мнѣ помѣшали, милая Агата. По ничего: я надѣюсь вскорѣ пріѣхать на нѣсколько дней къ вамъ, въ Магдебургъ, и тогда мы поболтаемъ, вознаградимъ то, что потеряно въ этомъ письмѣ. Эта новость, конечно, прояснитъ твои милые, ласковые глазки, не правда ли, моя Агата? Да хранитъ Богъ эти глазки, и пусть они на свѣтѣ не видятъ ничего, кромѣ счастія, радости и моей любви. *С. Г.*»

Болѣе трехъ четвертей страницы остались пустыми. Онъ запечаталъ письмо и самъ отнесъ на почту. Дорогою онъ думалъ о Тоскѣ Бейронъ. Она исчезла съ его горизонта какъ метеоръ. Форстеръ долго, многіе годы думалъ объ ней и тосковалъ. Гдѣ бы ни увидѣлъ онъ, бывало, хорошенькую блондинку, тотчасъ тайный голосъ шепчетъ ему:

Digitized by Google

«почти такъ же хороша какъ Тоска Бейронъ!» Между-тѣмъ онъ испыталъ много горя. Отецъ его умеръ и оставилъ большую семью безъ состоянія. Настала желѣзная пора заботъ и трудовъ. Семейство смотрѣло на него съ любовью и надеждой. Онъ былъ опорою, утѣшеніемъ и радостью всѣхъ своихъ. Онъ много трудился и постепенно довелъ свои дѣла до цвѣтущаго состоянія. Недавно, въ домѣ сестры, которая была замужемъ за докторомъ, его университетскимъ товарищемъ Фридрихомъ, въ Магдебургѣ, онъ познакомился съ одной дѣвушкою, полюбилъ ее, обручился и свадьба ихъ уже была назначена. Образъ Тоски въ душѣ его сначала поблѣднѣлъ, потомъ исчезъ, какъ мертвый въ могилѣ. Шумный потокъ жизни закрываетъ могилы, уноситъ насъ и такъ занимаетъ, что намъ нѣкогда подумать о нашихъ покойникахъ. Но если бы они встали изъ гробовъ въ своей прежней красотѣ, съ прежнимъ могуществомъ, они опять овладѣли бы нами такъ же, какъ владѣли прежде. Схоронить мы можемъ многое, но уничтожить ничего не можемъ. Сигизмундъ, какъ-будто опомнившись, старался отогнать отъ себя эти мысли и думать о будущемъ, но магнитическая сила влекла его въ прошедшее. «Агата! къ тебѣ, къ тебѣ!» сказалъ онъ вполголоса и пошелъ скорѣе.

На другой день, утромъ, генералъ Бейронъ переселился въ квартиру Сигизмунда. Двое слугъ подняли его изъ кареты и внесли на лѣстницу. У него была водяная въ груди. Тоска шла слѣдомъ. Ихъ принялъ молодой человѣкъ, который прибылъ нѣсколькими часами раньше съ работниками, носильщиками и мебелью.

— Надѣюсь, дядюшка, сказалъ молодой человѣкъ: что вы будете довольны моими распоряженіями.... даже, можетъ-быть, моя прекрасная тётушка скажетъ мнѣ сегодня ласковое слово.

— Добрый Игнатій, благодарю тебя, сказалъ генералъ ласково, подавая ему руку.

— Увидимъ, сказала Тоска и пошла осматривать комнаты.

Черезъ минуту она воротилась съ хохотомъ.

— Нечего сказать, стоитъ похвалить васъ, Игнатій! Во всѣхъ комнатахъ самые страшные недостатки: въ залѣ

Digitized by Google

нѣтъ ковра, на диванѣ моего мужа нѣтъ подушекъ, у меня въ комнатѣ цвѣтовъ!

— Видите, дядюшка, что я не даромъ жалуюсь на взыскательность тётушки. Вчера всѣ магазины были заперты, а сегодня, надѣюсь, я въ два часа успѣлъ сдѣлать все, что только можно сдѣлать въ такой короткій срокъ, все, что только подъ-силу человѣку....

— Полноте, пожалуйста, любезный племянничекъ! возразила Тоска съ улыбкой: вы всегда стараетесь увѣрить меня, что вамъ для угожденія мнѣ нужны сверхъ-человѣческія силы.

— Неправда ли, что она любезна? спросилъ генералъ племянника, тоже съ улыбкой.

— Ахъ! я невыразимо несчастливъ! вскричалъ Игнатій: я ничего не умѣю сдѣлать тётушкѣ въ-угоду. Если бъ у меня по-крайней-мѣрѣ было столько же силъ, сколько доброй воли....

— Съ доброю волею дѣлаютъ только фразы, перебила Тоска смѣясь: добывайте по-скорѣе подушекъ и ковровъ, а потомъ цвѣтовъ.

— Бѣгу, лечу. Но согласитесь, что больно никогда не видать ни какого поощренія, не слыхать никакой похвалы?

Онъ вышелъ.

— Какой человѣкъ! сказалъ генералъ: какое золотое сердце по преданности и любви! Право, онъ не нашего свѣта и не нашего вѣку....

— Я тоже такъ думаю иногда, возразила Тоска съ ироническою улыбкой.

Генералъ посмотрѣлъ на нея вопросительно.

— Да, продолжала она, съ лѣтами мы становимся мнительными. Я становлюсь старше и оттого начинаю подозрѣвать людей. Мнѣ кажется, что Игнатій разъигрываетъ комедію.

— Если это правда, замѣтилъ генералъ: то онъ по-крайней-мѣрѣ избралъ прекрасную и трудную роль.

— О! не трудную! вскричала Тоска.

Она подсѣла къ мужу, и взяла его исхудавшую руку въ свою нѣжныя, мягкія ручки.

— Всё-таки, ангелъ мой, сказалъ онъ печально: какую

Digitized by Google

жизнь ведете вы оба, вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ! Непріятно въ ваши лѣта ухаживать за больнымъ.

— Ему, быть можетъ, но не мнѣ. И что же я дѣлаю для тебя? что я сижу у тебя?.... и то ты не всегда позволяешь мнѣ.

— Конечно, нѣтъ! сказалъ онъ съ жаромъ: ты должна выѣзжать, должна искать развлеченія, посѣщать общество, которому ты можешь служить украшеніемъ. Это нужно тебѣ, нужно и мнѣ, потому что человѣкъ только тогда можетъ легко переносить труды жизни, когда онъ чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ, когда онъ доволенъ собою и другими. А тебѣ жизнь довольно трудна со мною. Стало-быть я долженъ заботиться, чтобы ты не соскучилась. Видишь, какой я эгоистъ?

— Я вижу только, какъ ты добръ! сказала Тоска, нѣжно поцѣловавъ его въ лобъ. И алмазная слеза наверпулась на ея густыхъ рѣсницахъ.

— Мнѣ легче видѣть кровь, чѣмъ слезы, сказалъ онъ.

Тоска закрыла глаза и опять открыла. Они сіяли весельемъ. Генералъ ласково кивнулъ головой.

— Скажи, продолжалъ онъ оглянувшись въ комнатѣ: какъ зовутъ жильца, котораго мы такъ жестоко выгнали изъ этой квартиры? Надобно попросить его и поблагодарить по-крайней-мѣрѣ.

— Это какой-то надворный совѣтникъ. Хозяйка сказала мнѣ и имя, да я не разслушала. Я была такъ занята. Я сейчасъ напишу къ нему.

Она написала: «Вы теперь по-неволѣ должны испытать слѣдствія своей удивительной доброты и доставить моему мужу случай высказать вамъ сердечную признательность. Ему больно было бы смотрѣть на вашу обязательность только какъ на милостыню.... и мнѣ то же. *Тоска Бейронъ*».

Записка была послана наверхъ. Обратно пришелъ изустный отвѣтъ, что совѣтникъ долгомъ почтетъ лично засвидѣтельствовать свое почтеніе.

На другой день вечеромъ Сигизмундъ былъ у Бейроновъ. Его принимала одна Тоска, потому что генералу нездоровилось; онъ спалъ. Когда слуга доложилъ и когда вслѣдъ за нимъ вошелъ Сигизмундъ, безъ очковъ, Тоска узнала

Digitized by Google

его и мгновенно покраснѣвъ сказала съ замѣшательствомъ:

— Ахъ! это вы?.... Боже мой!

— Да, кажется, мы старые знакомцы, возразилъ онъ: я не сомнѣвался въ этомъ уже въ первую минуту, когда имѣлъ честь увидѣть васъ.

— А я васъ не узнала.... вѣроятно, потому что ваши глаза были за очками какъ картины за стекломъ. Теперь я узнаю васъ очень хорошо. Вы мало измѣнились.

— О, довольно, я думаю. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы не видались прошло уже почти пол-жизни.

Они говорили много объ обыкновенныхъ предметахъ, о чужихъ краяхъ, о путешествіяхъ, объ искусствѣ, обществѣ, и такъ далѣе. Тоска много видѣла, много передумала, кое-что чувствовала, но ничего не испытала. Она проскользнула по жизни. Опытности и познанія людей не пріобрѣла. Въ этомъ отношеніи она была всё-еще дѣвушкой. Надворный совѣтникъ Форстеръ былъ отъ нея почти въ такомъ же восторгѣ, какъ и студентъ Сигизмундъ. Разговоръ ихъ затянулся бы, можетъ-быть, на долго, если бы не пришелъ Игнатій.

— Графъ Адлеркронъ, племянникъ моего мужа, рекомендовала Тоска.

Мужчины принужденно раскланялись. Игнатій произвелъ на Сигизмунда непріятное впечатлѣніе и тотъ на него то же. Графъ тотчасъ же оправился и былъ довольно любезенъ, но Сигизмундъ остался холоднымъ и гордымъ. Онъ скоро ушелъ. Ему не нравилась короткость Игнатія съ Тоской. «Демонъ тьмы подлѣ ангела свѣту!» думалъ онъ глядя на нихъ. Игнатій между-тѣмъ былъ очень хорошъ собою. Черныя какъ смоль густыя кудри облегали высокій лобъ, съ котораго прямо спускался красивый носъ. Глаза лежали глубоко подъ рѣзко очерченными, черными и ровными дугами бровей, и черныя, густыя рѣсницы такъ осѣняли ихъ, что они горѣли какъ-бы подземнымъ огнемъ. Около благообразнаго маленькаго рта постоянно играла сатирическая, коварная улыбка. Въ цѣломъ физіономія была больше поразительна, нежели пріятна. Названіе демонъ очень къ нему шло. Сигизмундъ съ перваго свиданія далъ себѣ слово не связываться съ этимъ человѣкомъ. Онъ ходилъ къ со-

Digitized by Google

сѣдлять только когда надѣялся миновать встрѣчи съ Адлеркроном и они въ самомъ дѣлѣ рѣдко встрѣчались. Генералъ принималъ Сигизмунда очень ласково и, когда чувствовалъ себя по-лучше, былъ очень разговорчивъ и любезенъ. Но чаще Тоска принимала его одна. Они вспоминали старину; Тоска весело, Сигизмундъ съ чувствомъ; они давно уже помирились. Тоска охотно простила надворному совѣтнику грубость студента, тѣмъ больше, что онъ обнаружилъ искреннее раскаяніе и объяснилъ причину своего почти невольнаго поступка. Онъ разсказалъ ей свое ребяческое приключеніе съ Антоніей, и Тоска была ему очень благодарна за этотъ разсказъ. Она радовалась отъ души, что не она была причиною разрыва, и благодарила Сигизмунда за его жестокій поступокъ еще и потому, что видѣла въ немъ урокъ, который помнила во всю свою жизнь и который предохранилъ ее отъ другихъ безразсудствъ.

Недѣли черезъ три послѣ переѣзда, генералъ захворалъ сильнѣе; Тоска была неотлучно при немъ и Сигизмундъ къ нимъ не ходилъ. Ему притомъ нужно было окончить большую работу, и онъ спѣшилъ, чтобы потомъ съѣздить въ Магдебургъ, къ невѣстѣ.

Однажды ночью, сидя за работою, онъ услышалъ вдругъ необыкновенное движеніе внизу у сосѣдей; раза два судорожно гремѣлъ звонокъ, потомъ отворялись двери, раздавались шаги, голоса. Мысль, что генералъ, быть-можетъ, умираетъ, а Тоска одна, испугала Сигизмунда. Онъ пошелъ провѣдать. Въ залѣ онъ встрѣтилъ Тоску.

— Ахъ, какъ хорошо, что вы здѣсь! сказала она съ радостью: вѣдь вы юристъ. Вы можете составить завѣщаніе, не правда ли?

— Завѣщаніе? повторилъ Сигизмундъ съ прискорбнымъ чувствомъ.

Онъ долго изучалъ людей и довольно хорошо зналъ ихъ. Когда онъ видѣлъ Игнатія, ему почти всегда казалось невѣроятною любовь Тоски къ мужу. Онъ даже подозрѣвалъ, что она ждетъ отъ него только наслѣдства. Когда онъ видѣлъ ее одну, это подозрѣніе опять исчезало. Но въ эту минуту, когда она просила его составить завѣщаніе, онъ былъ убѣжденъ, что видитъ передъ собой сребролюбивую

лицемѣрку и повторилъ ея слово, сказавъ почти съ презрѣніемъ:

— На это есть нотаріусы. Я ни для кого не составляю завѣщаній.

— И моего вы не хотите составить? спросила она печально, не замѣчая его тона.

— Вашего? вскричалъ онъ съ изумленіемъ: но время ли теперь думать о вашемъ завѣщаніи?

— А вы думали, я говорю о мужниномъ? сказала она, и слезы медленно покатились по прекрасному лицу: о! то давно сдѣлано. Я единственная его наслѣдница. Но по этому-то именно я и хочу теперь сдѣлать свое завѣщаніе или, лучше сказать, дарственную....

— Дарственную? перебилъ Форстеръ, еще больше изумившись.

— Да; я дарю все имѣніе графу Игнатію.

— А! вотъ что! проговорилъ онъ, опять остывши.

— Да, иначе адлеркроновская фамилія заведетъ страшную тяжбу, говоритъ Игнатій, продолжала она со слезами: а вы согласитесь, что я не могу у смертнаго одра и надъ могилою мужа тягаться изъ-за имѣнія съ его родными.

— И поэтому вы хотите все отдать графу? спросилъ Сигизмундъ въ крайнемъ изумленіи.

— Да, отвѣчала она: тогда онъ все устроитъ. Онъ это понимаетъ, а я — нѣтъ.

— Потому-то вы и не должны.... простите рѣзкое выраженіе.... поэтому-то вы и не должны поступать такъ безразсудно! возразилъ Сигизмундъ съ живостью: вѣдь вы совершенно отдаетесь въ руки графу Адлеркрону!

— Да; но вѣдь кто-нибудь долженъ же заниматься моими дѣлами. Почему же не поручить графу, когда ему извѣстны всѣ отношенія и обстоятельства?

— Я не сомнѣваюсь въ преданности къ вамъ графа Адлеркрона, ни въ его познаніяхъ. Но довольно ли онъ самостоятеленъ, чтобы не предпочесть чьи-нибудь,... я не говорю—свои собственныя.... выгоды вашимъ выгодамъ?

— Онъ не имѣетъ ни какого состоянія, сказала Тоска задумчиво: и у него притомъ мать и одиннадцать братьевъ и сестеръ.

Digitized by Google

— Заклинаю васъ, сказалъ Сигизмундъ торжественно: не торопитесь въ этомъ дѣлѣ! не довѣряйтесь ни кому такъ слѣпо; спросите напередъ людей, которые понимаютъ эти дѣла и которые могутъ судить безпристрастно....

— Я никого не знаю, кромѣ васъ, прервала она.

— Ну, такъ дайте мнѣ слово не предпринимать покуда ничего и не поддаваться ни какому принужденію безъ моего вѣдома.

— Хорошо; я послѣдую вашему совѣту. Благодарю васъ.

Тутъ вышелъ докторъ. Она бросилась къ нему и осыпала его вопросами. Докторъ успокоилъ ее, сказавъ, что припадокъ прошелъ и опасность миновала.

— Слава Богу! сказала Тоска и поспѣшила къ мужу.

Сигизмундъ пошелъ въ свою комнату, опустился въ кресла и склонилъ голову на руку. «Но вѣдь ее разорятъ, думалъ онъ, если она въ припадкѣ безразсуднаго великодушія сдѣластъ такую глупость! Этотъ человѣкъ.... у котораго одиннадцать братьевъ и сестеръ и нѣтъ состоянія... который, очевидно, побуждаетъ ее къ этому.... на него положиться!... О! меня онъ не проведетъ своими сладкими словами и вѣчною улыбкой. Я хорошо вижу, что кроется въ его сверкающихъ зеленоватыхъ глазахъ!» Онъ рѣшился предостеречь Тоску и наблюдать за Адлеркрономъ. Ему казалось, что онъ можетъ этимъ предупредить большое зло, разрушить тайные ковы, которыми хотятъ опутать неопытную женщину. Онъ въ душѣ просилъ прощенія у Тоски за свое подозрѣніе и радовался, что ея прекрасное сердце вполнѣ соотвѣтствуетъ прекрасной наружности. Онъ былъ такъ доволенъ, какъ-будто бы нечаянно нашелъ потерянное сокровище. Свѣтъ дотого погруженъ въ эгоизмъ, что ничто такъ не трогаетъ насъ, какъ безкорыстіе, — если только оно насъ трогаетъ: многіе, напротивъ, смотрятъ на эгоизмъ какъ на оборонительное оружіе противъ обмана, а на того кто пренебрегаетъ имъ, какъ на простофилю.

Когда генералъ Бейронъ, черезъ десять лѣтъ по смерти первой его жены, женился на своей семнадцати-лѣтней кузинѣ Тоскѣ Бейронъ, онъ нанесъ этимъ смертельный ударъ надеждамъ своей сестрицы графини Адлеркронъ, которая смотрѣла на его значительное имѣніе какъ на

Digitized by Google

законное достояніе двѣнадцати дѣтей своихъ. Она такъ была взбѣшена, что осыпала брата упреками, какъ за преступленіе, и надѣлала ему множество непріятностей, такъ, что они рѣшительно поссорились и перестали видѣться. Несмотря на это, генералъ однако жъ продолжалъ давать ей по-прежнему опредѣленную сумму на вспоможеніе, и графиня брала эти деньги, потому что безъ нихъ не могла обойтись, но платила брату и особенно его женѣ тайною злобой и ненавистью за благодѣянія. Прошло семь лѣтъ. Для супруговъ они были счастливы. Недостатокъ дѣтей не помѣшалъ ихъ согласію. Генералъ любилъ въ Тоскѣ жену, которую имѣлъ, и дитя, котораго у него не было. Однажды, на маневрахъ, онъ сильно простудился и получилъ болѣзнь, отъ которой уже не могъ избавиться, вышелъ въ отставку и поѣхалъ искать облегченія на водахъ. Въ душѣ графини Адлеркронъ сверкнула адская радость и вмѣстѣ адскій испугъ, когда она узнала о болѣзни брата. Съ одной стороны, если генералъ умретъ и оставитъ жену безъ дѣтей, то опять являлась возможность тяжбою, хитростью, ласкательствами, — какими бы то ни было средствами, — воротить имѣніе фамиліи Адлеркроновъ; съ другой, она разсуждала такъ: «у брата нѣтъ дѣтей; противъ вдовы его можно будетъ попытать интригу, но противъ матери его дѣтей нельзя! Что, если Тоска знаетъ это? Такую бѣду надобно предупредить, во что бы то ни стало». Графиня не знала Тоски: она считала ея способною къ низкому образу мыслей и къ неблагородному поступку.

Игнатію, старшему сыну графини Адлеркронъ, было тогда двадцать три года. Графиня дала своимъ дѣтямъ отличное свѣтское воспитаніе и въ нравственномъ отношеніи внушила одно только общее главное правило: имя Адлеркроновъ даетъ право на всевозможныя притязанія и для поддержанія его достоинства вамъ нужнѣе всего блескъ положенія въ свѣтѣ, блескъ знатности и богатства. На основаніи этого правила она и дочерей выдала замужъ. Она была хитрая интригантка; дочери были красавицы. Лишь-только одна подростетъ, мать тотчасъ устроитъ *приличную* партію. Старшая была выдана за человѣка до крайности слабоумнаго, за совершеннаго урода, но графа и съ огромнымъ имѣніемъ; вторая за негодяя, игрока и мо-

Digitized by Google

та, котораго древняя графская фамилія, родственная нѣкоторымъ владѣтельнымъ домамъ, служила матери ручательствомъ за счастіе пятнадцати-лѣтней дочери; третья за дряхлаго шестидесяти-лѣтняго старика, у котораго громкій титулъ и множество орденовъ должны были замѣнить молодость, состояніе, умъ и любезность. Четвертая не только составила партію, но дѣйствительно вышла за хорошаго мужа, который былъ и графъ и притомъ порядочный и богатый человѣкъ. Графиня Адлеркронъ торжествовала. Но у нея оставались еще двѣ дочери и, увы! столько же безобразныя, какъ первыя были хороши. За нихъ она трепетала и за шестерыхъ своихъ сыновей, большею частію еще малолѣтныхъ. Она старалась убѣдить себя, что поступитъ несправедливо въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, если не доставитъ имъ имѣнія генерала Бейрона, какою бы то ни было цѣною. Игнатій былъ ея любимцемъ. Въ немъ она видѣла свои правила въ полномъ цвѣтѣ. Дочери могли принять ихъ и слѣдовать имъ только страдательно. Но сынъ, красавецъ, ловкій, умный, могъ дѣйствовать гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе. Мать должна уже дойти до самой крайней, даже рѣдкой степени испорченности, чтобы на-прямки присовѣтовать дѣтямъ подлость. Этого графиня Адлеркронъ не сдѣлала. Но она воспитала своихъ дѣтей въ томъ чувствѣ, что дядя своею вторичною женитьбой причинилъ имъ ужаснѣйшее зло и несправедливость и что жена его хитрая кокетка и интригантка, которая пользуется его слабостью, чтобы самой обогатиться и сдѣлать ихъ всѣхъ несчастными. Она представила сыну, что теперь настала пора сопротивляться вліянію этой коварной женщины, и что все, что онъ сдѣлаетъ содѣйствуя этому, будетъ благодѣяніемъ семейству. Она убѣдила его, что ему непремѣнно надобно найти доступъ въ домъ генерала, потомъ пріобрѣсть тамъ силу, вліяніе и употребить это вліяніе на то, чтобы нѣсколько умѣрить неслыханныя притязанія молодой тётки. Игнатій понялъ намёки. Онъ самъ жаждалъ выйти изъ своего ограниченнаго состоянія и занять такое, которое бы соотвѣтствовало его гордымъ замысламъ и высокомѣрію. Онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ генералъ тогда лечился. Робко вступилъ онъ въ домъ его; робко обратился къ

Digitized by Google

Тоскѣ съ просьбою замолвить за него слово у дяди. Женщины любятъ протежировать, думалъ онъ. Но Тоска не думала протежировать, да и не нужно было. Генералъ принялъ племянника съ отверзтыми объятіями. Онъ не заключалъ по матери о сынѣ. Напротивъ, ему очень понравилось, что Игнатій явился именно теперь, когда дядя боленъ, въ отставкѣ, и, слѣдовательно, не могъ открыть ему никакой дороги. Игнатій умѣлъ сдѣлаться дядѣ сначала пріятнымъ, потомъ полезнымъ и, наконецъ, необходимымъ. Генералъ обращался съ нимъ какъ съ сыномъ и поручилъ ему всѣ свои денежныя и хозяйственныя дѣла, распоряженія по путешествіямъ, — дѣла, о которыхъ Тоска не имѣла понятія и которыя генералъ дотолѣ справлялъ самъ, не желая обременять молодой своей жены. Около Тоски Игнатій ухаживалъ усердно: онъ хотѣлъ добиться, чтобы она полюбила его, не потому что онъ любилъ ее или хотѣлъ обладать ею, но для того чтобы властвовать надъ нею. Власть ему удалось пріобрѣсть; любви нѣтъ. Они были очень коротки между собою, видѣлись каждый часъ, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ путешествовали. Онъ всегда игралъ роль пламеннаго обожателя и мало-по-малу успѣлъ увѣрить ее, что услуживаетъ генералу единственно для нея. Она благодарила, но не полюбила его. Игнатій обнаруживалъ припадки меланхоліи, унынія, даже отчаянія, все, что считалъ нужнымъ для произведенія эффектовъ. Тоска улыбалась, или утѣшала, или насмѣшкой прогоняла припадки. Онъ притворился даже, будто находился въ разладѣ съ матерью за то, что та по смерти генерала намѣрена завести тяжбу съ его вдовою. Тоска спрашивала его, нельзя ли этотъ процессъ предупредить мировою или раздѣломъ имѣнія и онъ съ чрезвычайною осторожностью, по-немногу, умѣлъ внушить ей, что если онъ хотя по названію только будетъ владѣльцемъ имѣнія, то мать, конечно, не станетъ тягаться съ сыномъ, котораго она такъ любила, и что Тоска можетъ быть увѣрена, что онъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ съумѣетъ отстоять ее, охранить ея пользы, потому что, какъ она сама давно видитъ, онъ нисколько не думаетъ о себѣ и помышляетъ единственно о ея счастіи и спокойствіи.

Вотъ какъ онъ помышлялъ объ этомъ: «Только бы

Digitized by Google

мнѣ прибрать имѣніе къ рукамъ! Тогда я ей дамъ приличный пансіонъ, а самъ, съ моимъ именемъ и съ этимъ состояніемъ составлю блестящую и богатую партію».

Отъ припадка генералъ къ вечеру другаго дня оправился почти совсѣмъ. Сигизмундъ давно кончилъ работу, послѣ которой намѣренъ былъ ѣхать въ Магдебургъ, но не ѣхалъ: припадокъ генерала удержалъ его. Увидѣвъ, что Тоска имѣетъ нужду въ добросовѣстномъ и преданномъ человѣкѣ, который бы помогъ ей устроить дѣла, онъ сталъ посѣщать своихъ сосѣдей почти ежедневно и невольно сблизился съ Тоскою, провожалъ ее на прогулкахъ, въ театръ и въ концерты, но никогда не заводилъ рѣчи о дѣлахъ, ограничиваясь только наблюденіемъ, а Тоска совершенно объ нихъ забыла. Недѣли черезъ четыре генералу приключился второй припадокъ, сильнѣе и продолжительнѣе прежняго, и это заставило Сигизмунда совсѣмъ отложить на-время свою поѣздку. Наблюденія и изученіе характера Игнатія подтвердили и усилили опасенія Сигизмунда за Тоску. Онъ считалъ долгомъ предохранить ее отъ несчастія, и потому не могъ оставить въ ту рѣшительную минуту, когда ея мужъ очевидно боролся уже со смертію. Мысль о положеніи Тоски, а можетъ-быть и объ ней самой, втеченіи всего этого времени такъ занимала Сигизмунда, что онъ рѣдко вспоминалъ о своей Агатѣ, писалъ къ ней еще рѣже и то очень коротко и какъ-то сухо, отрывисто, не такъ какъ прежде. Вообще мысль о невѣстѣ тяжелымъ камнемъ ложилась ему на сердце. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ такъ много измѣнилось въ его душѣ, онъ такъ далеко ушелъ отъ прежней дороги, что уже не зналъ, куда идетъ и зачѣмъ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ Агатой, но не спѣшилъ загладить вину и оправдывался передъ самимъ собой тѣмъ, что ѣхать ему нельзя, потому что его держитъ данное слово. Но Агатѣ онъ объ этомъ ничего не говорилъ: сказать правды не хотѣлъ, а лгать совѣстился. Почему онъ не писалъ къ ней такъ, какъ прежде, это онъ и самъ себѣ боялся объяснить. И оно бы, можетъ-быть, осталось необъясненнымъ, если бы за это не взялась сама Агата: она открыла Сигизмунду, что онъ любитъ Тоску Бейронъ, хотя вовсе не знала о существованіи такой женщины и

Digitized by Google

вовсе не подозрѣвала его въ положительной измѣнѣ. Но она начала упрекать жениха въ холодности; она жаловалась на короткія и сухія письма и спрашивала о причинѣ. Такое письмо съ упреками Сигизмундъ получилъ на другой день послѣ втораго пріѣзда съ генераломъ. Тутъ-то въ умѣ его впервые родилась опредѣленная мысль: «Что, если Тоска овдовѣетъ?...» И.... и такъ далѣе. Сигизмундъ крѣпко призадумался. «Но.... измѣнить обрученной невѣстѣ.... вѣдь это безчестно!» вскричалъ онъ вдругъ, и снова погрузился въ думу. Онъ не зналъ, будетъ ли, можетъ ли любить его Тоска; онъ не вѣрилъ этому, не смѣлъ надѣяться; но онъ.... онъ любилъ ее! Голова кружилась у него при мысли о женитьбѣ на другой: онъ чувствовалъ, что кромѣ собственнаго его отчаянія изъ этого родится еще и величайшее зло для Агаты, если она потомъ въ бракѣ, узнаетъ его настоящія чувства. Онъ ужаснулся. «Нѣтъ, нѣтъ! до этого я не доведу! сказалъ онъ рѣшительно: мнѣ невозможно жениться на ней: я погубилъ бы себя и ее. Я умру за нее, если она хочетъ, но жениться.... не могу!» Онъ схватилъ перо и написалъ.

«Агата! ты, вѣрно, уже предчувствуешь, что я скажу въ отвѣтъ на твои справедливые упреки. Да, вы уже знаете, Агата, вы должны знать: по всѣмъ вашимъ словамъ видно, что вы предчувствуете, что я скажу. Простите мнѣ! Но.... лучше отнять все сердце, чѣмъ половину. Жизнь иногда приводитъ насъ къ изумительнымъ точкамъ, съ которыхъ мы видимъ вещи совершенно въ иномъ свѣтѣ и въ другомъ порядкѣ. Это случилось и со мной, и вы замѣтили это. Я признаюсь, потому что не могу и не хочу лгать, и потому что желаю, чтобы вы повѣрили мнѣ, когда я скажу, что разрушаю свое настоящее, не имѣя ни какой надежды въ будущемъ. Я отказываюсь отъ мирнаго счастія, которое вы мнѣ обѣщали, и не получаю даже мечты объ иномъ счастіи. Но долженъ отказаться отъ васъ, чтобы не сдѣлать васъ несчастною. Больше ничего не могу вамъ сказать. Простите! *Сигизмундъ Форстеръ*».

Но этого письма онъ не послалъ: оно всё-таки казалось ему слишкомъ сильнымъ и неожиданнымъ ударомъ для бѣдной Агаты. Онъ написалъ другое, въ которомъ ста-

Digitized by Google

рался неподдѣльно приготовить ее. Черезъ два дня онъ вамъ получилъ письмо отъ матери Агаты.

«Любезный другъ, Форстеръ, писала она: такъ какъ я не знаю, что̀ такое вашло у васъ съ Агатою и не могу отъ нея добиться толку, то пишу вамъ только то, что̀ она поручила мнѣ. Она проситъ, чтобы вы недѣли три или четыре ничего не писали ей и не пріѣзжали бы. Для чего и почему, этого я ни какъ не понимаю. Вы знаете, что я вашихъ писемъ не читаю. Агата прочитываетъ мнѣ иногда тѣ мѣста, которыя могутъ быть любопытны для меня, но нынче я давно уже ничего не слышала, стало-быть вы лучше знаете, въ чемъ тутъ дѣло. Ваша, и прочая.

Сигизмундъ чрезвычайно обрадовался этому письму. Ему, правда, жаль было не отправлять своего письма, которое бы разомъ все покончило между нимъ и Агатой, но мысль, что она, быть-можетъ, сама помышляла уже о возможности разлуки, осчастливила его. Чѣмъ легче, чѣмъ менѣе мучителенъ будетъ разрывъ для Агаты, тѣмъ пріятнѣе ему. И все тщеславіе и вся себялюбивая жестокость, столь могучія въ мужчинѣ, совершенно исчезли передъ усладительнымъ чувствомъ возможности освободиться безъ насилія.

Черезъ недѣлю генералъ умеръ. Во все время его страданій Тоска была неотлучно при немъ и страдала не меньше его. Потомъ она казалась важною и спокойною и была столь же далека отъ отчаянія, какъ и отъ равнодушія. Въ послѣднія минуты у умирающаго вспыхнулъ слабый свѣтъ сознанія; онъ высказалъ женѣ слова признательности и любви, которыхъ она вполнѣ заслуживала, и она слушала его съ умиленіемъ. Его похоронили.

По окончаніи всѣхъ обрядовъ, Тоска велѣла позвать Игнатія и сказала ему, что хочетъ провести первыя шесть недѣль траура въ Берлинѣ, потомъ ѣхать въ Трирь, гдѣ хранится завѣщаніе генерала. Между-тѣмъ она хотѣла поговорить съ юристами о томъ, какъ лучше устроить дѣла по наслѣдству. Она не забыла, что̀ совѣтовалъ ей Сигизмундъ.

Тоска казалась совершенно самостоятельною: она какъ-будто чувствовала, что на будущее время должна сама о се-

Digitized by Google

бѣ заботиться, и говорила такъ ясно, такъ опредѣлительно, что надежды Игнатія разлетались дымомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что никакой юристъ въ свѣтѣ не присовѣтуетъ ей совершить дарственной записи, которая одна могла бы сдѣлать его обладателемъ всего имѣнія. Потомъ онъ далъ бы матери, сестрамъ и самой Тоскѣ часть доходовъ, прочее осталось бы ему и съ такимъ состояніемъ онъ могъ бы сдѣлать блестящую партію. Если же дѣло дойдетъ до законнаго раздѣла, если даже Тоска сама уступитъ хоть половину имѣнія, все это достанется его матери, а у него будетъ только то, что придется по раздѣлу съ сестрами и братьями. Жалкая доля! И онъ подумалъ: коли такъ, то все ужъ лучше жениться на Тоскѣ, и радовался, что уже давно закидывалъ на случай слова, которыя могли служить доказательствомъ глубокой, тайной страсти. Но вдругъ по этой выкладкѣ скользнула мокрая губка. Это была мысль о Сигизмундѣ Форстерѣ.

— Тоска! вскричалъ онъ съ чрезвычайною живостью: зачѣмъ вы говорите мнѣ объ имѣніи и деньгахъ? Развѣ у васъ нѣтъ другихъ словъ для меня?

— Ваша будущность очень близка моему сердцу, добрый Игнатій, отвѣчала она, потому что вы раздѣляли со мной тяжкое прошедшее. Я желала бы обезпечить и облегчить вашу будущность. Притомъ мы и прежде говорили объ этомъ ... даже наканунѣ смерти моего мужа. Какъ же это можетъ оскорблять васъ теперь?

— Не оскорбляетъ, но глубоко печалитъ меня, что вы не хотите понять моихъ чувствъ.... Простите! воскликнулъ онъ, когда Тоска посмотрѣла на него строго и съ укоромъ: простите! я молчу... теперь! Но, продолжалъ онъ въ обыкновенномъ своемъ тонѣ: зачѣмъ же вы хотите оставаться здѣсь шесть недѣль? У васъ здѣсь нѣтъ никого близкихъ, а тамъ, на Рейнѣ, ваши друзья приложатъ всѣ старанія, чтобы разсѣять васъ.

— Къ чему это? Разсѣяніе и безъ того приходитъ довольно скоро.

— Теперь, весною, пріятно было бы путешествовать.

— А еще пріятнѣе остаться здѣсь. Я не хочу безъ нуж-

Digitized by Google

ды, въ своемъ траурѣ, шататься по гостинницамъ большихъ дорогъ.

Игнатій внутренно бѣсился. Въ немъ разлилась горькая, страшная ненависть къ Сигизмунду. Онъ давно замѣтилъ расположеніе своей прекрасной тётушки къ совѣтнику и ясно видѣлъ, что теперь ее удерживаетъ онъ, а не трауръ, и что она дѣйствуетъ подъ его вліяніемъ.

«Но развѣ нѣтъ никакого средства избавиться отъ него? подумалъ Игнатій». Онъ не старался противорѣчить Тоскѣ; онъ зналъ, что ничто такъ крѣпко не привязываетъ людей къ ихъ мнѣніямъ, какъ противорѣчіе.

Когда Игнатій ушелъ, Тоска велѣла просить Сигизмунда. Онъ въ ту же минуту явился. Форстеръ былъ очень блѣденъ и важенъ. Легкая дрожь пробѣжала по членамъ Тоски; она сѣла. Сигизмундъ подошелъ, опустился на колѣно и подалъ ей руку. Тоска положила на нее свою руку; онъ принялъ ее на секунду, потомъ тихо опустилъ, поднялся и сѣлъ напротивъ. Все это сдѣлалось медленно, почти торжественно; ни онъ, ни она не сказали ни слова. Они только разъ взглянули другъ другу въ глаза. Потомъ онъ сказалъ твердымъ голосомъ: — Если вы въ какомъ бы то ни было обстоятельствѣ имѣете нужду въ преданномъ человѣкѣ, то располагайте мною.

Тоскѣ было очень отрадно, что ему не вздумалось утѣшать ее и что онъ выражалъ свое участіе не словами, а дѣломъ. Она говорила о благодарности, которою обязана Игнатію, и о своемъ желаніи сохранить согласіе съ роднею мужа.

— Покойный имѣлъ основательныя причины дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ, сказала она: и если онъ въ послѣдніе годы не измѣнялъ своего завѣщанія, то это потому, что зналъ, что я сама измѣню какъ должно и согласно его желанію. Игнатій велъ себя какъ преданный сынъ и потому, я думаю, онъ долженъ вступить въ права сына.

— Поступайте, какъ внушитъ вамъ ваше доброе сердце, возразилъ Сигизмундъ: но только не вдавайтесь ни въ какую зависимость отъ графа Адлеркрона. Такія отношенія всегда бываютъ тягостны, даже при самомъ благородномъ и чистомъ образѣ мыслей обѣихъ сторонъ; при-

Digitized by Google

томъ, могутъ случиться обстоятельства, которыя сдѣлаютъ эти отношенія невыносимыми. Поэтому заклинаю васъ оставить мысль о дарственной, о которой вы уже говорили мнѣ однажды.

— Я уже оставила ее, отвѣчала Тоска покраснѣвъ: но мнѣ очень хотѣлось бы обойтись безъ тяжбы.

Она просила Сигизмунда найти ей знающаго и надежнаго человѣка, которому бы она могла поручить это дѣло. Онъ предложилъ адвоката Клебера. Потомъ они помѣнялись еще нѣсколькими словами о здоровьѣ, о состояніи, и Сигизмундъ ушелъ такъ же спокойно, такъ же важно, какъ пришелъ. Тоска проводила его глазами до дверей и взоръ ея остановился на этихъ дверяхъ. «Что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ вести себя въ отношеніи къ нему?» думала она. Заключеніемъ цѣлаго ряда такихъ мыслей было: «ничего я не должна дѣлать, потому что я люблю его.... А онъ?»

На другой день Тоска говорила съ адвокатомъ, котораго рекомендовалъ ей Сигизмундъ, потомъ, недѣли черезъ полторы, она однажды утромъ призвала Игнатія и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ сказала ему, въ присутствіи адвоката:

— Милый Игнатій, я въ восхищеніи, что могу сообщить вамъ извѣстіе, которое будетъ вамъ пріятно, потому что уничтожаетъ тягостный споръ между мною и вашею матушкой. Вотъ, господинъ адвокатъ сказалъ мнѣ, что вамъ слѣдуетъ половина имѣнія....

— Я не говорилъ «слѣдуетъ», перебилъ адвокатъ.

— Извините мое неумѣнье выражаться, сказала Тоска, съ улыбкою: напишите это вашей матушкѣ, Игнатій, и попросите ее отъ моего имени забыть маленькую вражду, которая родилась безъ моего вѣдома и противъ моей воли. Тогда благородный покойникъ, котораго всѣ мы оплакиваемъ, будетъ доволенъ всѣми нами.

Свѣтлыя слезы тихо потекли по ея прекрасному лицу, когда она подала Игнатію руку. Онъ тоже очень чувствительно выражалъ свою благодарность, но думалъ про себя, не присовѣтовать ли матери начать тяжбу? Авось, еще удастся!

Сигизмундъ въ это утро былъ изумленъ, даже испуганъ.

Digitized by Google

нечаянным пріѣздомъ своего зятя, Фридриха. Форстеръ думалъ, что тотъ посланъ Агатою Оказалось, что совсѣмъ не то. Фридрихъ пріѣхалъ по своей надобности, на одинъ день, а на другой, утромъ, намѣревался отправиться обратно по желѣзной дорогѣ. Они сговорились обѣдать вмѣстѣ и когда Фридрихъ собрался итти со двора по дѣламъ, слуга доложилъ Сигизмунду, что генеральша проситъ его къ себѣ.

— Что это за генеральша? спросилъ Фридрихъ съ любопытствомъ.

— Генеральша Тоска Бейронъ, отвѣчалъ Сигизмундъ.

— Какъ! Тоска Бейронъ здѣсь?... Замужемъ?

— Генералъ двѣ недѣли назадъ умеръ и я съ адвокатомъ Клеберомъ взялся устроить ея дѣла, потому что она не имѣетъ здѣсь никого близкихъ, а родня мужа расположена къ тяжбамъ.

— Такъ Тоска Бейронъ здѣсь!... Мнѣ чрезвычайно пріятно было бы засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, вскричалъ Фридрихъ: попроси-ка у нея позволенія.

Сигизмундъ до-смерти испугался этого предложенія.

— Она въ это время еще никого не принимала, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— А! вотъ что?... Да, я забылъ тебѣ сказать, Агата тебѣ кланяется, сказалъ коварно Фридрихъ.

Сигизмундъ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Да, да! продолжалъ Фридрихъ смѣясь: ты, конечно, не стоишь этого, но она всё-таки кланяется тебѣ.... Да скажи, ради Бога, что такое съ вами сдѣлалось? Неужто вы поссорились? Вѣдь вамъ не долго и до свадьбы! Успѣли бы и послѣ ссориться.

— Нѣтъ, мы не поссорились..... Съ чего ты взялъ, отвѣчалъ Сигизмундъ и старался замять разговоръ.

Они обѣдали въ гостинницѣ съ нѣсколькими старинными университетскими товарищами. Подлѣ нихъ, за другимъ столомъ, сидѣлъ Игнатій съ двумя молодыми людьми. Въ пять часовъ Сигизмундъ оставилъ веселое общество, сговорившись съ Фридрихомъ сойтись въ театрѣ.

Когда онъ вошелъ къ Тоскѣ, она сказала:

— Я такъ рада видѣть васъ теперь, когда сердце мое облегчено отъ заботъ.

Digitized by Google

— О! это блаженство, когда чувствуешь облегчение сердца, хотя бы оно было, такъ какъ ваше, отягчено только пылинкою! сказалъ Сигизмундъ.

У него на сердцѣ было тяжело. Неразорванная связь съ Агатою терзала его. Между-тѣмъ какъ передъ свѣтомъ онъ еще обрученный ея женихъ, между-тѣмъ какъ она посылаетъ ему поклоны.... онъ душею и сердцемъ отдался уже другой! Онъ охотно преступилъ бы ея просьбу не писать и окончилъ бы все, но письмо, которое онъ приготовилъ три недѣли тому назадъ и которое еще лежало у него въ столѣ, тогда содержало въ себѣ правду, а теперь уже нѣтъ. Онъ теперь уже не могъ сказать, что отказывается отъ одного счастія безъ надежды на другое: онъ уже зналъ, что Тоска его любитъ, и будущее было открыто передъ нимъ, и въ этомъ будущемъ былъ цѣлый міръ счастія, блаженства. Онъ любилъ. Любовь дѣлаетъ сердце нѣжнымъ и чувствительнымъ даже къ другимъ. Сигизмундъ чувствовалъ, что Агата можетъ пострадать сильно и потому не рѣшался нанести ей удара: онъ надѣялся, что она сама на что-нибудь рѣшится; надѣялся, что она будетъ приготовлена его послѣднимъ письмомъ и, можетъ-быть, сама ему откажетъ.

Подлѣ Тоски Сигизмундъ успокоился. Думы его обратились только къ ней одной; стѣсненіе оставило его. Онъ чувствовалъ себя подлѣ нея въ другой, чистѣйшей и легчайшей атмосферѣ, которая питала, укрѣпляла его душу и освобождала отъ всего посторонняго. Выраженія любви и счастія, восторгу, безпрерывно носились на его устахъ, но онъ удерживалъ ихъ насильно. Ему казалось, что онъ еще не достоинъ выговорить ихъ. Эта борьба опять сдѣлала его печальнымъ, унылымъ. Тоска замѣтила это и молча обратила на него взоръ, въ которомъ дрожала слеза и выражался нѣжный вопросъ: «Зачѣмъ же ты не говоришь, когда у тебя тяжело на сердцѣ?»

Сигизмундъ увидѣлъ эту слезу, понялъ вопросъ и, закрывъ лицо обѣими руками, упалъ къ ея ногамъ. Она положила свои руки ему на голову и это легкое прикосновеніе какъ-будто сняло съ него тяжелыя оковы страданія. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нея и вскричалъ:

— Тоска! Тоска, можете ли вы любить меня?

Digitized by Google

Она наклонилась; уста ихъ магнетически сошлись. Это былъ короткій, робкій, трепетный поцѣлуй, который сдѣлало такимъ мгновеннымъ и летучимъ не недостатокъ, но чрезвычайное обиліе чувства.

— Подите теперь! сказала она съ такимъ сладостнымъ удареніемъ голоса, какого онъ никогда еще не слыхалъ, и такъ нѣжно, что ему невозможно было не повиноваться. Выйдемъ подъ открытое небо, блестѣвшее милліонами звѣздъ, онъ хотѣлъ опомниться, хотѣлъ обдумать какимъ образомъ посѣтило его такое великое счастіе. Онъ приложилъ руку ко лбу, и вдругъ задрожалъ. Онъ вспомнилъ слово, которое однажды произнесъ въ ребяческомъ безразсудствѣ: «Пусть отсохнутъ мои губы, если я когда-нибудь захочу поцѣловать Тоску Бейронъ!» Но онъ скоро оправился отъ этого испугу. «Глупость! ребячество!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Теперь только открывается настоящая, истинная моя жизнь!»

Онъ отыскалъ зятя въ театрѣ и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Тоска очень желала остаться одна, но не хотѣла отказать Игнатію, когда тотъ, по обыкновенію, пришелъ къ ней.

— Боже мой! вскричалъ онъ только-что вступивъ въ комнату: что съ вами случилось, тётушка? Лицо ваше сіяетъ радостью?

— Я читала, отвѣчала она немножко смутившись и положивъ книгу, которую держала въ рукѣ.

— Если вы читали, то ужъ, вѣрно, между строками, а не самыя строки, что случается часто.

— Но вы, Игнатій, сами необыкновенно веселы, замѣтила Тоска.

— Я тоже читалъ, прекрасная тётушка.

— Позвольте узнать, какого автора?

— Безъименнаго.

— Неужели? безъименнаго? Развѣ это нынче еще въ модѣ? Въ нашъ изобрѣтательный вѣкъ больше любятъ являться въ свѣтъ подъ вымышленными именами

— Да, письма иногда являются и безъ имени.

— А! такъ вы получили безъименное письмо?

— Да; назначеніе свиданія.

— И это вы разбалтываете? сказала она погрозивъ ему

Digitized by Google

пальцомъ: мужчины, право, не заслуживаютъ своего счастія: они не умѣютъ цѣнить его.

— О, что до этого, такъ я думаю, оно очень мало или вовсе не касается меня, сказалъ онъ вынимая изъ бумажника записку:—Прочтите.

Тоска прочитала: «Если графъ Адлеркронъ желаетъ получить важныя и любопытныя для него извѣстія касательно близкой ему особы, то пусть пожалуетъ завтра въ девять часовъ въ Звѣринецъ, гдѣ статуя Венеры Милосской».

— Что жъ? сказала Тоска: вѣроятно эта интересная новость вамъ уже извѣстна и касается именно того, кто писалъ.

— А если она касается васъ?

— Меня? вскричала Тоска испугавшись.

— Ужъ, конечно, вы для меня важнѣе чѣмъ кто-нибудь.

— Почемъ же знаютъ это ваши безъимянные корреспонденты? сказала она, бросивъ записку на столъ.

— Люди знаютъ все и во все вмѣшиваются. Лица, занимающія извѣстное положеніе въ свѣтѣ, обращаютъ на себя общее вниманіе.

— Вы, пожалуй, скажете, что глаза всего Берлина, всей Пруссіи обращены на меня.... не правда ли? Между тѣмъ я убѣждена, что мною занимаются развѣ только дюжина людей и то довольно поверхностно. Я увѣрена, что эта записка касается только васъ.

— Въ такомъ случаѣ не стоитъ и ходить.

— О, нѣтъ! пожалуйста, ступайте.

— Пожалуй, если вамъ непремѣнно угодно.

Игнатій за обѣдомъ слышалъ, какъ Фридрихъ, по уходѣ Сигизмунда, разсказывалъ пріятелямъ объ обрученіи и предстоящемъ бракѣ его зятя съ Агатой. Игнатій не проронилъ ни одного слова. Не имѣя привычки дѣйствовать открыто и честно, онъ не принесъ Тоскѣ этой новости прямо, а хотѣлъ помучить ее безпокойствомъ и для того выдумалъ записку и таинственное свиданіе. Онъ надѣялся такимъ образомъ однимъ ударомъ отомстить Сигизмунду и воротить свое вліяніе на Тоску. Онъ во весь вечеръ былъ чрезвычайно любезенъ съ нею.

На другой день, рано утромъ, пришелъ адвокатъ Кле-

Digitized by Google

беръ и принесъ акты, которые составилъ по желанію Тоски. Она была довольна имъ и удержала у себя, чтобы показать Сигизмунду и Игнатію. Когда адвокатъ ушелъ, она послала за Сигизмундомъ.

Форстеръ между-тѣмъ провожалъ зятя до желѣзной дороги и пришелъ очень разстроенный. Они съ зятемъ говорили объ Агатѣ. Тоска испугалась, когда увидѣла его.

— Что съ вами? вскричала она: вы больны!

Онъ оттоворился. Она хотѣла спросить его еще, но удержалась, какъ-будто желая, чтобы онъ самъ сказалъ, что у него на душѣ, и попросила посмотрѣть акты. Форстеръ взялъ бумагу, но рука его дрожала.

— Право, вы больны! сказала Тоска вставъ и взявъ у него бумагу.

Онъ съ живостію вскочилъ и, схвативъ ея руку, вскричалъ.

— Тоска! Тоска! можете ли вы любить меня?

Тутъ вошелъ Игнатій. Увидѣвъ, что Сигизмундъ держитъ Тоску за руку, онъ бросилъ на нихъ язвительный взглядъ. Тоска медленно и спокойно отняла свою руку, пожавъ Сигизмундову. Тотъ сѣлъ и сталъ читать акты.

— Вотъ, любезный Игнатій, бумага, которая все порѣшитъ между мною и вашимъ семействомъ, сказала Тоска.

— Какъ счастливъ господинъ Форстеръ, что вы въ такомъ важномъ дѣлѣ такъ совершенно довѣряетесь ему! возразилъ Игнатій язвительно.

Сигизмундъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Игнатія.

— Вы правы, Игнатій, сказала Тоска спокойно: я дѣйствительно совершенно довѣряю господину совѣтнику. Но въ этомъ дѣлѣ я еще пользовалась совѣтами адвоката Клебера, который и составилъ акты.

— Прекрасная тётушка, возразилъ Игнатій съ улыбкой: позвольте спросить, пользуетесь ли и вы такимъ же довѣріемъ у господина совѣтника? Открывалъ ли онъ вамъ, напримѣръ, что онъ обрученъ?

Сигизмундъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и сказалъ спокойно:

— Графъ! вы бездѣльникъ!

Тоска съ-высока бросила великолѣпный взглядъ и сказала съ неописаннымъ презрѣніемъ:

Digitized by Google

— А! вы пришли со своего свиданія съ безъименнымъ?

— Господинъ совѣтникъ! мы съ вами послѣ поговоримъ, сказалъ Игнатій и обратился къ Тоскѣ: нѣтъ, прекрасная тётушка, безъименные васъ не убѣдили бы; но господинъ Форстеръ, вѣрно, самъ признается. Сдѣлайте милость, спросите его, правда ли, что онъ въ половинѣ октября прошлаго года обручился съ дѣвицею Агатой, единственною дочерью совѣтницы Гертнеръ, и что въ нынѣшнемъ апрѣлѣ назначена свадьба, или эту исторію выдумалъ его зять, докторъ Фридрихъ, изъ Магдебурга? Я желалъ бы, господинъ совѣтникъ, чтобы вы и на это могли отвѣчать — лжешь! сказалъ онъ насмѣшливо обращаясь къ Сигизмунду.

Пока Игнатій говорилъ, Тоска смотрѣла на него такъ пронзительно, какъ-будто хотѣла прочитать истину на днѣ его души. Потомъ она съ умоляющимъ видомъ взглянула на Сигизмунда и какъ-будто заклинала, чтобы онъ однимъ словомъ опровергъ клевету. Но Сигизмундъ молчалъ. Онъ стоялъ какъ прикованный къ землѣ. Только въ глазахъ, обращенныхъ на Тоску, была еще жизнь. Взоры ихъ встрѣтились и Тоска вскрикнула: она чувствовала, что правый не молчалъ бы.

— Тоска! вскричалъ Сигизмундъ, упавъ передъ нею на колѣни.

Она подошла къ нему, пристально посмотрѣла въ лицо и, твердо положивъ обѣ руки ему на плеча, сказала торжественно:

— Сигизмундъ Форстеръ! ты спрашивалъ меня, могу ли я любить тебя. Вотъ мой отвѣтъ. Такъ сильно, такъ глубоко, такъ неизмѣнно какъ я любила тебя, такъ же сильно, глубоко и неизмѣнно я теперь тебя презираю!

Она медленно ушла въ свою комнату. Сигизмундъ и Игнатій помѣнялись нѣсколькими словами. Потомъ Сигизмундъ ушелъ къ себѣ наверхъ. На столѣ лежало письмо отъ Агаты. Онъ машинально распечаталъ его. Ему казалось, что онъ все покончилъ съ жизнью и со свѣтомъ; онъ былъ какъ-будто погребенъ подъ презрѣніемъ Тоски.

«Я хотѣла успокоиться, писала Агата, хотѣла, чтобы безъ гнѣву и поспѣшности сдѣлать послѣдній шагъ, тотъ, который разлучитъ насъ и котораго вы никогда отъ меня

ня. Я поняла смыслъ вашего послѣдняго письма. Покуда я была счастлива, я могла ошибаться насчетъ вашихъ чувствованій; теперь уже не могу. Я вижу, что вы никогда не любили меня всѣмъ сердцемъ. Это не ваша вина. Сердца наши въ рукѣ Божіей. Вы виноваты только въ томъ, что обручились необдуманно, но я васъ прощаю. Будьте счастливы. *Агата.*»

— Небо уже наказало меня, Агата! проговорилъ Сигизмундъ; сутки назадъ я съ этимъ письмомъ упалъ бы къ ея ногамъ и былъ бы счастливъ.... но теперь поздно!

Игнатій прислалъ своихъ секундантовъ. Сигизмундъ объявилъ свое согласіе. Назначили стрѣляться на другое утро, рано, на мекленбургской границѣ. Игнатій самъ пріѣхалъ къ Тоскѣ, но она не приняла его. Она была убита. Неслыханный обманъ Сигизмунда точилъ ея сердце, какъ ядъ, говорятъ, точитъ алмазъ. Между-тѣмъ иногда еще появлялась въ душѣ ея надежда,—какъ у больнаго горячкою сознаніе: — можетъ-быть все это и не правда. Но зачѣмъ же онъ не говорилъ, когда было нужно? зачѣмъ онъ не говорилъ? Онъ не могъ оправдаться! Это она повторяла себѣ разъ тысячу, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. И она такъ испугалась, что чуть не упала въ обморокъ когда вошла горничная съ двумя письмами. На одномъ адресѣ она узнала руку Сигизмунда. Она думала не лучше ли будетъ отослать назадъ не распечатывая. Но лучше или хуже, а до такого героизму сердце еще не доходило. Она распечатала конвертъ и изъ него выпали два письма,—одно отъ Сигизмунда къ Агатѣ, котораго онъ не посылалъ; другое отъ Агаты, только-что полученное, и больше ничего, ни строчки, ни слова. Тоска прочла письма, сличила числа и поняла ясно только одно, самое нужное, что Сигизмундъ любитъ ее, любитъ ее одну! Слезы, долгого ожиданія тяжелымъ льдомъ на ея сердцѣ, растаяли и освѣжили ее какъ благодатный весенній дождь послѣ грозы. Потомъ она замѣтила другое письмо. Оно было отъ Игнатія. Она распечатала его съ такимъ чувствомъ, какъ будто змѣя ползетъ у нея по рукѣ и, прочитавъ, окаменѣла отъ ужасу. Она закричала, чтобы позвали Игнатія. Въ четверть часа этого ожиданія надъ головою ея слышимо неслись цѣлыя столѣтія.

Digitized by Google

— Игнатій! вскричала она задрожавъ, когда онъ вошелъ: дуэль ваша не можетъ состояться! Вы должны просить у него прощенія!.... Да, вы должны, Игнатій! потому что все это неправда, что̀ вы слышали и сказали! Все, все, все ложь!

— А гдѣ же правда? спросилъ онъ холодно.

— Здѣсь! вскричала она и бросила ему письма.

— Хорошо; что̀ жъ этимъ уничтожается? спросилъ онъ равнодушно, когда прочиталъ.

— Уничтожается поводъ къ дуэли.

— Вовсе нѣтъ. *Онъ*,—какъ вы изволите называть его, —оскорбилъ меня.

— Но вы раздражили, оклеветали его....

— Я только сказалъ то, что̀ тогда было вѣрно и справедливо. И кто же знаетъ, не подложныя ли это письма?

— Игнатій ... вы низкій человѣкъ! сказала Тоска съ негодованіемъ.

— Прекрасно! вскричалъ Игнатій: я дѣйствую за васъ, для вашего блага и спокойствія; я спасаю васъ, а вы унижаете меня въ ту самую минуту, когда я иду, быть-можетъ, на смерть за васъ!

— О! Игнатій, ради Бога! вскричала она ломая руки: не говорите о смерти! Ни онъ, ни вы не должны умереть!.. . я не хочу этого.... Богъ не хочетъ!

— Одинъ изъ насъ долженъ умереть, возразилъ Игнатій рѣшительно.

— Ну, такъ я надѣюсь, что умретъ не онъ, сказала Тоска спокойно, съ величайшею ненавистью во взглядѣ на Игнатія.

— Вы такъ любите его?

— Да! отвѣчала она съ торжествующимъ видомъ.

— Вы выйдете за него замужъ?

— Да.

— И это говорите вы.... вы, на первыхъ дняхъ по смерти мужа, вашего благодѣтеля?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня! До-сихъ-поръ я сама себѣ еще не говорила этого.

— И онъ знаетъ ваше сердце?

— Я надѣюсь.

— Хорошо, хорошо; все это состоится въ случаѣ моей

Digitized by Google

смерти, но первый выстрѣлъ мой, а вы знаете, тётушка, какъ я стрѣляю.

— Игнатій! вскричала она и упала на колѣни.

— Есть только одно средство заставить меня отказаться отъ дуэли, сказалъ онъ, спокойно поднявъ Тоску, и только любовь моя къ вамъ внушаетъ мнѣ его. Отдайте мнѣ вашу руку....

— Вамъ?.... сказала она безсмысленно.

— Тогда вы его спасете, а меня осчастливите.

— Тогда я спасу его жизнь и убью сердце. Нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!

— Такъ вы будете виною его смерти! сказалъ Игнатій торжественно.

— Богъ милостивъ, возразила она и махнула рукою, чтобы онъ ушелъ.

Она написала Сигизмунду три слова,—древнѣйшее и вѣчно новое волшебное заклинаніе счастія, — «я люблю тебя!»

Черезъ минуту онъ лежалъ у ея ногъ и она смотрѣла на него съ невыразимою нѣжностью.

— Ты моя первая, моя послѣдняя.... моя единственная любовь! говорила она.

Она уже не жаловалась, не плакала. Она не хотѣла ослабить его сердца и помутить взгляда. Въ душѣ ея было убѣжденіе счастія; она покоилась въ своей любви. Имъ некогда было говорить о смерти и опасности. Они были счастливы. Тоска послала адвокату Клеберу акты съ просьбою исполнить ихъ въ этомъ видѣ, потомъ написала къ своему доктору, чтобы онъ къ десяти часамъ вечера пріѣхалъ проводить ее въ небольшую поѣздку.

— Начто? куда? спросилъ Сигизмундъ съ трепетомъ.

— Съ тобою, отвѣчала она спокойно.

— О! никогда! вскричалъ онъ.

— Развѣ ты хочешь, чтобы мука неизвѣстности убила меня? спросила она.

— Могучая душа! сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Скажи: любящее сердце, Сигизмундъ.

Въ десять часовъ вечера Игнатій съ своимъ докторомъ и секундантомъ, Сигизмундъ также съ секундантомъ, а Тоска съ своимъ докторомъ въ трехъ каретахъ выѣхали на мекленбургскую дорогу. Была сырая, холодная мартов-

Digitized by Google

ская ночь. Сквозь сгущенный туманомъ и снѣгомъ воздухъ каретные фонари едва мерцали какъ тусклые погребальные факелы. Подъ-утро они прибыли въ лѣсокъ на мекленбургской границѣ. Сигизмундъ вошелъ въ карету Тоски и заклиналъ ее, чтобы она проѣхала въ деревню, на постоялый дворъ.

— Нѣтъ, сказала она, я останусь такъ близко подлѣ тебя, какъ только можно.

Она была блѣдна, холодна и тверда какъ мраморъ. Прощаніе было ужасно. Когда онъ ушелъ, Тоска опустила створки и упала на колѣни. Богъ знаетъ, молилась ли она.

Раздался выстрѣлъ.

— Сигизмундъ! вскричала Тоска.

Втораго выстрѣла не было. Врачи и секунданты принесли Сигизмунда. Игнатій на курьерскихъ поскакалъ въ Гамбургъ. Его пуля прошла у Сигизмунда надъ самымъ сердцемъ. Малѣйшее движеніе, и онъ умретъ.

— Нѣтъ спасенія? спросила Тоска.

Врачи молчали.

— Тоска! вскричалъ Сигизмундъ, поднявшись и простирая къ ней руки.

Она обняла, поцѣловала его. Онъ умеръ.

Три дня и три ночи не отходила она отъ покойника, потомъ похоронила его на кладбищѣ въ Данненвальдѣ. Когда земля покрыла гробъ и поглотила все, что она любила, она сказала:

— Сигизмундъ! у тебя сердце мое пробудилось; у тебя оно и умерло. Все, что извѣдано мнъ счастія и скорби, пришло отъ тебя.... все отъ одного! Миръ тебѣ.... мнѣ тоже.

Она сѣла въ карету.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ докторъ.

— Миръ широкъ! отвѣчала она равнодушно.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les Amans de Murcie, *Мурсійскіе любовники*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Фредерика Суліе.

Было время, когда люди удивлялись, что Вольтеръ, который прожилъ осемьдесятъ лѣтъ, написалъ осемьдесятъ томовъ. Осемьдесятъ томовъ! Есть о чемъ говорить! По-

Digitized by Google

смотрите-ка что̀ написали Бальзакъ, Евгеній Сю, Фредерикъ Сулiѐ, Александръ Дюма! Драмы и романы, исторіи и путешествія, эти люди все дѣлаютъ, и ни одинъ изъ нихъ не помнитъ сколько чего у нихъ накопилось. Конечно, все это было бы лучше, если бъ они работали не такъ скоро. Да что̀ жъ прикажете дѣлать? Вѣкъ такой. Нынче люди только и думаютъ о скорости. Въ доказательство этого стоитъ лишь указать на желѣзныя дороги и пароходы. Какъ бы то ни было, но во всемъ что̀ эти люди дѣлаютъ, имѣетъ талантъ несомнѣнный. Новая драма Фредерика Сулiѐ, несмотря на свою запутанность, а можетъ-быть и по причинѣ своей запутанности, имѣла успѣхъ огромный. Вотъ она, или лучше сказать, скелетъ ея.

Ночь. Вокругъ страшнаго дома дона Энрико Пачехо, главы знатнѣйшей фамиліи во всемъ королевствѣ Мурсіи, бродятъ два человѣка. Одинъ изъ нихъ донъ Сильвіо Теллесъ (а надобно вамъ замѣтить, что Пачехо и Теллесы —Капулетти и Монтеки Мурсіи); другой—правитель Мурсіи, графъ Вильяфлоръ. Одного ведетъ любовь; другаго тщеславіе. Сильвіо любезный донны Стеллы Пачехо, дочери дона Энрико; Вильяфлоръ побился объ закладъ со своими пріятелями, такими-же распутными волокитами, какъ и онъ самъ, что преодолѣетъ добродѣтель гордой донны Стеллы и къ утру будетъ ея мужемъ или—умретъ. Одинъ знаетъ всѣ закоулки дома и идетъ прямо; другой пробирается ощупью, но увѣренъ, что достигнетъ своей цѣли, потому что онъ храбръ, отваженъ, гордъ и знаетъ, что снизу на него смотрятъ.

Сильвіо и Стелла вполнѣ предаются любви своей; но ночь такъ коротка: вотъ ужъ и заря; надобно разстаться. Стелла провожаетъ своего любезнаго черезъ потайную дверь; а между-тѣмъ Вильяфлоръ добирается наконецъ до ея спальни. Теперь ему надобно, чтобъ его всѣ видѣли и онъ скликаетъ друзей и недруговъ. Со всѣхъ сторонъ являются факелы и обнаженныя шпаги, сбѣгаются и старикъ донъ Энрико и сынъ его, пылкій юноша; одинъ мститъ дочери, другой сестры, и оба хотятъ отмстить за поруганную честь своего дому. Внизу толпа рукоплещетъ Вильяфлору, который выставляется изъ окна спальни доньи Стеллы. Вильяфлоръ совершенно спокоенъ: онъ вы-

Digitized by Google

игралъ парѝ и только удивляется, какъ его тотчасъ не убили. Молодой Пачехо уже заноситъ шпагу, но отецъ его останавливаетъ: надобно прежде рѣшить какимъ образомъ лучше загладить позоръ своего дому. Начинается совѣщаніе. Преступница должна погибнуть вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ. Ей предстоитъ или могила, или темница. Но тутъ въ сердцѣ старика пробуждается любовь родительская: ему жаль своей прекрасной Стеллы; онъ готовъ простить несчастную; онъ проситъ за нея и сына и всѣхъ членовъ своей поруганной фамиліи. Побѣда остается на его сторонѣ: Стелла не умретъ, но обольститель долженъ на ней жениться. Стелла согласна: она воображаетъ, что родныя ея задержали Сильвіо и тутъ только узнаетъ, что обольстителемъ ея считаютъ Вильяфлора. — Вильяфлоръ! Но я его не знаю; мой любезный, тотъ, кому я всѣмъ пожертвовала, мой мужъ—Сильвіо Теллесъ.—Сильвіо Теллесъ! врагъ дома Пачехо! О, теперь нѣтъ болѣе пощады: несчастная должна искупить вину свою, страдать всю жизнь въ объятіяхъ человѣка, котораго не любитъ. Дѣлать нечего: надобно покориться судьбѣ своей и дона Стелла Пачехо переименовывается въ графини Вильяфлоръ.

Впрочемъ, этотъ волокита Вильяфлоръ добрый малый и жена могла бы быть съ нимъ счастлива; но графиня Стелла не хочетъ быть счастливою съ нимъ, а хочетъ умереть съ голоду. Что прикажете дѣлать съ женщинами! Чтобы разсѣять ее хоть немножко, графъ даетъ великолѣпный балъ; кстати король приказалъ ему помирить во что бы то ни стало могущественныя фамиліи Пачехо и Теллесъ, и онъ приглашаетъ къ себѣ и тѣхъ и другихъ. Они являются, но мириться не расположены. Сильвіо упрекаетъ Стеллу въ невѣрности; Пачехо, молодые и старые, отвѣчаютъ на это ругательствами; обѣ стороны обнажаютъ шпаги; но Вильяфлоръ, какъ правитель королевства Мурсіи, приказываетъ имъ положить оружіе и объявляетъ, что они его плѣнники.

Сильвіо въ рукахъ своего соперника и врага Вильяфлора; но Стелла, пользуясь своимъ вліяніемъ на мужа, выпрашиваетъ своему любезному прощеніе. Освободившись изъ тюрьмы, молодой Теллесъ, чтобы отмстить фамиліи Пачехо, отрѣкается отъ своей религіи, дѣлается мусуль-

Digitized by Google

маниномъ и, предводительствуя войсками кордуанскаго халифа Абд-эль-Рахмана, беретъ Мурсію. Онъ обѣщаетъ жителямъ помилованіе, если ему выдадутъ враговъ его. И Пачехо, старыхъ и малыхъ, приводятъ съ босыми ногами, съ веревками на шеяхъ. Сильвіо торжествуетъ; но вдругъ является Вильяфлоръ, съ фирманомъ, которымъ халифъ предаетъ ему своего военачальника. Вильяфлоръ съ горстью храбрыхъ, пробился въ станъ Абд-эль-Рахмана, взялъ его въ плѣнъ, и вмѣсто выкупа, взыскалъ съ него *таковой* фирманъ. Теперь Пачехо свободны, и Сильвіо невольникъ. Но гдѣ же причина всѣхъ этихъ превратностей судьбы—Стелла? Стелла является, поддерживаемая своими женщинами. Она приняла яду и половину этого спасительнаго напитка уступила своему любезному, Сильвіо. Оба умираютъ. Пачехо и Теллесы мирятся надъ ихъ трупами и вмѣстѣ обращаютъ свое оружіе противъ общаго врага.

Драма искусно расположенная, исполненная занимательности и разительныхъ сценъ. Мы уже говорили, что она принята съ величайшимъ одобреніемъ.

2. La Comtesse d'Altenberg, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господъ Royer и *Vaëz*'а.

Графиня д'Альтенбергъ вѣрная супруга и женщина еще благовидная, а между-тѣмъ мужъ о ней и не думаетъ. Онъ ухаживаетъ за страшною кокеткой, мадамъ де-Розенталь, которая нетолько сводитъ его съ ума, но еще заставляетъ измѣнить своему долгу. По требованію этой женщины, графъ возстаетъ противъ сына покойнаго Курфирста Христіана Седьмаго, герцога Фридриха-Августа, у котораго честолюбивый регентъ оспариваетъ престолъ.

Изгнанный изъ Дрездена, принцъ укрывается въ замкѣ Альтенберга, куда привезла его мать графини. Но молодой герцогъ плохо платитъ за гостепріимство: отъ нечего дѣлать онъ обольщаетъ Марію, дочь графа д'Альтенберга, подъ пустымъ предлогомъ, что они другъ друга любятъ; но безъ намѣренія увѣнчать *оную* любовь бракомъ: напротивъ, уже ведутся переговоры о бракосочетаніи *сего* самаго принца съ принцессою ганноверскою. Графиня д'Альтенбергъ, не зная что случилось съ Маріею, объявляетъ принцу, что переговоры кончены и убѣждаетъ его

Digitized by Google

утвердить конвенцію. Онъ даетъ слово ѣхать въ Ганноверъ въ тотъ же вечеръ. Но вдругъ является графъ д'Альтенбергъ: интригантка Розенталь увѣдомила его, что въ его замкѣ скрывается какой-то таинственный незнакомецъ и намѣкнула, что это, по всей вѣроятности, долженъ быть любовникъ графини. Но одинъ изъ друзей графа и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха-Августа, выдаетъ принца за своего пріятеля. Чтобы изслѣдовать дѣло порядкомъ, графъ притворяется будто вѣритъ этой сказкѣ, а самъ изподтишка неусыпно наблюдаетъ за женою. Между-тѣмъ Марія, узнавъ что принцъ уѣзжаетъ, въ отчаяніи признается во всемъ матери. Графиня, трепеща за дочь, отыскиваетъ своего неугомоннаго постояльца и находитъ его тогда, когда онъ прощается съ графомъ. Она старается удержать его, но, разумѣется, при мужѣ, не можетъ сказать прямо, за чѣмъ она это дѣлаетъ. Подозрѣнія графа усиливаются, а герцогъ, не слушаясь никакихъ просьбъ, уѣзжаетъ.... Нѣтъ еще, не уѣзжаетъ: передъ отъѣздомъ онъ хочетъ еще разъ повидаться съ Маріею и пишетъ къ ней письмо, назначая свиданіе въ павильонѣ. Это письмо попадаетъ въ руки графа. Тотъ, прочитавъ его и воображая, что оно адресовано женѣ его, посылаетъ къ ней, и на свиданіе является не Марія, а сама графиня. Она увѣщеваетъ принца не погубить ея дочери; но графъ застаетъ ихъ и въ припадкѣ ревности объявляетъ имъ, что они оба имѣютъ быть въ непродолжительномъ времени убиты человѣкомъ присланнымъ отъ него. Надобно вамъ замѣтить, что Альтенбергъ имѣетъ обычай исправлять подобныя дѣла посредствомъ повѣренныхъ. Графиня могла бы тотчасъ оправдаться, обвинивъ дочь, но она молчитъ, чтобы спасти свою Марію. Но герцогъ говоритъ кто онъ, и графъ не рѣшается поднять руку, хоть бы и чужую, на своего законнаго государя. Но онъ непремѣнно хочетъ такъ или иначе возстановить супружескую честь свою и принуждаетъ графиню подписать просьбу регенту о разводѣ. Графиня соглашается и проситъ только позволенія повидаться въ послѣдній разъ съ дочерью.

При этомъ свиданіи, Марія обходится съ матерью холодно; она въ какомъ-то смущеніи, безпокойствѣ, и не-

Digitized by Google

счастная графиня догадывается, что она все знаетъ и считаетъ мать своею соперницею. Это ужасно! Мать всѣмъ пожертвовала дочери, а дочь ее подозрѣваетъ. Этого графиня уже не въ состояніи вынести; она всевысказываетъ.... Марія со слезами бросается къ ногамъ ея и проситъ прощенія: — О, говоритъ она: пусть батюшка убьетъ меня, лишь бы онъ зналъ, что вы невинны!—Нѣтъ, нѣтъ, молчи, ради Бога молчи, отвѣчаетъ графиня. Но въ это время является самъ графъ, Марія бѣжитъ къ нему на встрѣчу и признается въ своемъ проступкѣ.—Не слушайте ея, кричитъ графиня: она лжетъ, лжетъ, чтобы спасти мать.

Графъ въ большомъ затрудненіи: жена и дочь, обѣ обвиняютъ себя: которая же виновата? Къ счастію, приходитъ герцогъ и объявляетъ, что приверженцы его овладѣли Дрезденомъ, и что онъ, Фридрихъ-Августъ, вступаетъ на престолъ. — Принцъ, говоритъ графъ: здѣсь, въ моемъ домѣ, есть женщина обезчещенная. — Нѣтъ, отвѣчаетъ герцогъ: здѣсь только графиня фонъ Альтенбергъ и невѣста курфирста Саксонскаго!

По-видимому, эта драма стоитъ успѣху, который пріобрѣла она въ Парижѣ и, вѣроятно, будетъ имѣть у насъ, если роль графини приметъ на себя мадамъ Allan, а Маріи—мадамъ Alexandre-Mayer.

3. La Sirène, *Сирена*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба, музыка Обера.

Абруццскому священнику подкинули мальчика и дѣвочку. Добрый священникъ воспитываетъ своихъ найденышей въ страхѣ Божіемъ. Когда дѣвочка, Церлина, подросла, онъ отдалъ ее на воспитаніе въ женскій монастырь, а мальчикъ, Франческо, самъ уходитъ и опредѣляется на службу къ знаменитому контрабандисту Марко-Темпестѣ. Марко, умирая, объявляетъ Франческо, что онъ его сынъ, и передаетъ ему свою власть и самое имя, съ условіемъ только, чтобы онъ отыскалъ сестру.

Франческо является достойнымъ преемникомъ имени своего почтеннаго батюшки, продолжаетъ его подвиги, отыскиваетъ сестру и она своими сладкими пѣснями заманиваетъ неосторожныхъ путешественниковъ въ укромное мѣстечко, а тамъ Марко Темпеста Второй выбираетъ изъ ихъ багажу ромъ и табакъ и продаетъ эти благопріобрѣ-

Digitized by Google

тенные продукты, не платя пошлины неаполитанской таможнѣ. Тутъ является лицо, которое придаетъ много комизму этой запутанной интригѣ: синьоръ Бальбайа, импрессаріо, который ищетъ прима-донны. Его, разумѣется, тоже привлекла Сирена — Церлина. Вслѣдъ за нимъ является герцогъ Пополи, но совсѣмъ за другимъ дѣломъ: ему поручено, во что бы то ни стало, уничтожить шайку Марко-Темпесты и захватить самого предводителя, живаго или мертваго. Встрѣчаясь съ Франческо, онъ узнаетъ его: это Скопетто, который съ годъ назадъ былъ у него въ услуженіи и убѣжалъ наканунѣ того дня, когда контрабандисты чистенько обобрали его домъ. Принцъ отправляется на свиданіе къ одной дамѣ въ Піетра-Нера близъ трактира, который Франческо Скопетта, Темпеста тожъ, содержитъ въ горахъ Абруццскихъ. Но мы пропустили еще одно лицо: Сципіона, командира тартаны «Этна», который отбилъ у контрабандистовъ пять сотъ тысячъ скуди и передалъ ихъ герцогу Пополи. Не зная его въ лицо, Франческо дружится съ нимъ и предлагаетъ ему свою сестру въ замужство, но Сципіонъ уже любитъ другую дѣвушку. Разговаривая со своимъ пріятелемъ о томъ, о сёмъ, Сципіонъ разсказываетъ, какъ отбилъ у контрабандистовъ деньги. О, ужасъ! Тутъ только Франческо узнаетъ, что его другъ—его же злѣйшій врагъ. Между-тѣмъ герцогъ Пополи получаетъ примѣты Марко-Темпесты; Франческо похищаетъ у него эту бумагу и вмѣсто своихъ примѣтъ, ставитъ примѣты Сципіона, и герцогъ принимаетъ бѣднаго командира «Этны» за контрабандиста, который наридился морскимъ офицеромъ. Герцогъ намѣревается привлечь его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ Піетра-Нера, а тамъ предводителя контрабандистовъ уже ожидаютъ пятьдесятъ карабинеровъ.

Во второмъ дѣйствіи весь этотъ народъ сходится въ австеріи или гостинницѣ Франческо Скопетто. Товарищи Марко, узнавъ Сципіона, хотѣли-было убить его, но Марко защитилъ своего друга-врага и вслѣдъ ему отправиться на свою тартану, за бумагами, которыя доказываютъ, что онъ, Сципіонъ, съ-родни герцогу Пополи. Сципіонъ даетъ слово воротиться. Между-тѣмъ герцогъ Пополи и его команда, измученные поисками, пьютъ ромъ въ бѣдной го-

Digitized by Google

стинницѣ Франческо-Скопетто, и герцогъ жалуется, что погоня за проклятымъ Темпестою, мѣшаетъ ему заняться приготовленіями къ празднеству, которое будетъ въ его замкѣ завтра.—Этой бѣдѣ помочь не трудно, говоритъ Франческо: у меня здѣсь цѣлая труппа актеровъ и пѣвцовъ, которыхъ вчера обобрала въ горахъ шайка Темпесты. Вотъ директоръ, синьоръ Бальбайа; вотъ басъ, вотъ этотъ баритонъ, а вонъ тотъ, маленькой, теноръ. Правда, всѣ они смахиваютъ на разбойниковъ и немножко оборваны; да что жъ прикажете дѣлать? Вы знаете, что шайка Темпесты обираетъ народъ Божій чистенько. Если вашему превосходительству угодно, эти молодцы приготовятъ вамъ къ завтрему какую-нибудь піесу.—Хорошо бы, но я не слишкомъ довѣряю твоимъ артистамъ; этотъ толстякъ что всѣ дрожитъ, ихъ директоръ, что-то очень подозрителенъ; да притомъ, у васъ нѣтъ прима-донны. — Есть и прима-донна, ваше сіятельство. Франческо призываетъ Сирену, Церлину и велитъ ей показать свое искусство. И Церлина заливается трелями, руладами, всѣми возможными и невозможными фіоритурами. Герцогъ Пополи въ восторгѣ; Бальбайа восхищенъ дотого, что даже перестаетъ дрожать: онъ нашелъ прима-донну. Между-тѣмъ, Сципіонъ, вѣрный своему слову, возвращается. Герцогъ, всѣ думая, что это Марко-Темпеста, отправляетъ его, подъ карауломъ, на свою виллу. Туда же отправляются за герцогомъ Скопетто, Бальбайа, Церлина и вся труппа мнимыхъ пѣвцовъ, настоящихъ контробандистовъ.

Теперь мы въ прелестномъ неаполитанскомъ палаццѣ, на берегу моря. Бѣдный Сципіонъ запертъ въ подземелья и его отдаютъ подъ судъ. Но Марко, узнавъ, что Сципіонъ любитъ Церлину и любимъ ею, рѣшается спасти его и отмстить только герцогу Пополи, преслѣдователю контробандистовъ. Между-тѣмъ люди его занимаются дѣломъ, репетируютъ оперу «Али-Баба, или Сорокъ разбойниковъ», говоритъ Франческо; сверхъ-того онъ готовитъ герцогу сюрпризъ. И точно, нельзя было герцогу не удивиться, когда онъ вечеромъ узнаетъ, что весь палаццо его обобранъ, что мнимые артисты унесли и все серебро его и пять сотъ тысячъ скуди, отбитыхъ у нихъ Сципіономъ, да сверхъ-того еще весьма важныя бумаги, пере-

Digitized by Google

писку съ королемъ Іоахимомъ, которая можетъ погубить герцога. Вся шайка уже убралась и прячетъ драгоцѣнную свою добычу въ развалинахъ у подошвы Везувія; Сципіонъ убѣжалъ, съ помощію Церлины и снотворнаго рому, которымъ Марко напоилъ его стражей. Но пятнадцать человѣкъ, составлявшихъ экипажъ его тартаны, по приказанію великаго судьи, уже приблизились къ палаццо, чтобы захватить Марко-Темпесту. Церлина спасаетъ и брата. Она начинаетъ пѣть и моряки одинъ за другимъ покидаютъ свое судно, и перелѣзаютъ черезъ стѣну въ паркъ, чтобы лучше послушать обворожительную пѣвицу. Марко съ безпокойствомъ считаетъ ихъ; наконецъ, когда пятнадцатый перелѣзъ черезъ стѣну, Франческо объявляетъ герцогу, что Сципіонъ его племянникъ, и женится на Церлинѣ, а что Марко-Темпеста не кто иной, какъ толстякъ Бальбайа. «Ну вотъ, видите, говоритъ герцогъ: я вѣдь тотчасъ догадался. О, меня не проведешь!» Пока Бальбайа отпѣкивается и клянется всѣми святыми, что онъ совсѣмъ не разбойникъ, на морѣ раздается выстрѣлъ: это условленный знакъ, что товарищи Темпесты овладѣли тартаною. Марко бросается въ воду, солдаты герцога по немъ стрѣляютъ, мимо, и онъ, плывя, повторяетъ припѣвъ пѣсни контробандистовъ.

Музыку этой оперы хвалитъ даже строгій Берліозъ.

Вотъ вамъ двѣ драмы и одна опера, которыя имѣли большой успѣхъ; что̀ касается до новыхъ водевилей, то всѣ они упали плашмя: слѣдственно, не сто̀итъ и говорить о нихъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

HISTOIRE D'ANGLETERRE, contenant l'histoire complette de l'Empire Britannique dans les Indes. Nouvelle édition. 2 magnifiques vol. gr. in-8 illustrés par 500 grav. sur bois, et accompagnés de 8 cartes géographiques. Paris, 1844. (8 г.). 20 livrais. ont paru; l'ouvrage en aura 100.

ENCYCLOPEDIE DES CHEMINS DE FER et des machines à vapeurs à l'usage des praticiens et des gens du monde, par F. Tourneux, un vol. in-12, avec planches, Paris, 1844 (1 г. 40 с.).

Digitized by Google

VOYAGE EN PERSE de E. Flandin, peintre et Pascal Coste, architecte, attachés à l'ambassade de France en Perse pendant les années 1840—41.

Conditions de la Souscription:

L'ARCHITECTURE, LA SCULPTURE, les inscriptions cunéiformes et pehlvis, les plans topographiques, formeront 2 vol. gr. in folio, sur colombier, composés d'environ 25 planches, gravées d'après les dessins originaux de Flandin et Coste.

LES VUES PITTORESQUES formeront, un vol. gr. in folio composé de 100 planches lithographiées. Louvrage sera devisé en 70 livrais. il en paraitra 7 ou 8 par an. (Chaque livrais. 5 r. 72 c.).

Deux livr. ont paru.

ÉLÉMENS DE DROIT PUBLIC ET ADMINISTRATIF, ou Exposition méthodique des principes du droit public positif, par Foucart, 3-me édition. 2 vol. in-8, Paris 1844. (6 r. 85 c.)

CHIMIE APPLIQUÉE à la physiologie végétale et agriculture, par Justus Liebzig, 2 édition, un vol. in-8, Paris 1844. (2 r. 15 c.)

RAPPORT annuel sur les progrès de la Chimie, présenté le 31 mars 1843 par Berzelius. Un vol. in-8, Paris 1844. (1 r. 43 c.)

TRAITÉ PRATIQUE de la réduction des monnaies et changes étrangers, etc. par Vibert. Un vol. in-8, Paris 1844. (1 r.)

COURS DES SCIENCES PHYSIQUES à l'usage des élèves de philosophie, par Bouchardat. Histoire naturelle, 2 vol. in-18, Paris 1844. (2 r.)

SOUVENIRS DE LA TERREUR, par G. Duval, 4 vol. in-8, Paris 1843-44. (8 r. 57 c.)

MÉMOIRE A CONSULTER sur les chemins de fer en général, et sur le système Jouffroy en particulier. Un vol. in-4, Paris 1844.

MÉMOIRE sur la construction des batimens en fer, par M. Dupuy de Lôme. Un vol. in-4, Paris 1844. (7 r. 15 c.)

MATHILDE, par Eugéne Sue, édition illustrée, 2 vol. gr. 8, Paris 1843-44. (9 r) 60 ou 70 livraisons.

COURS DE MICROSCOPIE complémentaire des etudes médicales, par Donné. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

ESSAI SUR LE SYSTÈME SILURIEN de l'Amérique septentrionale, par E. de Castelnau. Un vol. in-4, plus de 27 planches, Paris 1843. (7 r. 15 c.)

HISTOIRE DES EXPEDITIONS MARITIMES DES NORMANS et de leur établissement en France au dixième siècle, par Depping, nouv. édition. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

AIDE-MÉMOIRE portatif d'art militaire et de fortification, par Lebas. 2-e édition, revue et augmentée. Un vol. in-12, Paris 1843. (1 r. 15 c.)

Digitized by Google

TYPOSTÉNOGRAPHIE, ou l'art d'écrire aussi vite que la pensée, système inventé par M. Patey. Un vol. in-8, Paris 1843.

LEÇONS DE MATHÉMATIQUES, par l'Abbé Bordes. 2-e édition, 1 et 2 parties, 2 vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 25 c.)

PETIT ATLAS complet d'anatomie descriptive du corps humain par J. N. Masse, in-18, Paris 1843. (7 r.)

CHIRURGIE OCULAIRE, ou traité des opérations chirurgicales qui se pratiquent sur l'oeil et ses annexes, par Ch. Deval. Un vol. in-8, Paris, 1843. (2 r. 28 c.)

DES CANAUX D'ARROSAGE de l'Italie septentrionale dans leur rapport avec ceux du midi de la France. Traité théorique et pratique des irrigations, 2 vol. in-8, avec atlas in-4, Paris 1843. (9 r.)

ELÉMENS D'ÉLÉCTRO-CHIMIE appliquée aux sciences naturelles et aux arts, par M. Becquerel. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

ANNUAIRE DES VOYAGES et de la géographie pour l'année 1844, de F. Lacroix, 1-re année. Un vol. in 18. (43 c.)

ECONOMIE RURALE considérée dans ses rapports avec la chimie, la physique et la météorologie, par Boussingault. 2 vol. in-8, Paris, 1844. (4 r. 28 c.)

HISTOIRE ANECDOTIQUE ET PITTORESQUE des habitations Napoleoniennes à Paris par E. M. de St. Hilaire. Un vol. (70 c.)

Romans.

ASCANIO, par A. Dumas, 3 vol. (2 r. 10 c.)

FERNAND, par Sandeau, 1 vol. 1844. (70 c.)

DAVID SÉCHARD, par Balzac, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.)

SANS CRAVATE, par P. de Kock, 3 vol. (2 r. 10 c.)

LE ROI DES ETUDIENS, par H. Kock. 1 vol. (70 c.)

LA FERMEDE L'OSERAIE, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.)

LE DERNIÈRS DES BARONS, par Bulwer, 4 vol. (2 r. 80 c.)

LE BALAFRÉ, par Brisset. T. 3 et 4, (1 r. 40 c.)

GUY FAWNES, ou la conspiration des poudres, par H. Ainsworth, trad. de l'anglais, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.

ARISTIDE FROISSART, par Goslan, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LA BARONNE DE KARLEYA, par Kératry. (70 c.)

ANDRÉ LE VENDÉEN, par madame Waldor, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LE COUVENT DES AUGUSTINS, par C. Robert. Un vol. (70 c.)

SAFIA, par R. de Beau voir, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LES MYSTÈRS DE PARIS, par E. Sue. 3-me édition, 15 vol. in-18. Bruxelles. (4 r.)

Digitized by Google

Вышелъ и раздается господамъ подписчикамъ седьмой выпускъ Военнаго Энциклопедическаго Лексикона, издаваемаго господами Леонъ, Тарасовымъ и Струйковскимъ.

Получены судовъ нумеръ изъ Парижа остальные нумера журнала L'Illustration. Подписка на второй годъ этого журнала начинается съ марта мѣсяца; цѣна за годъ безъ пересылки 10 р. 30 к., съ пересылкою 12 рублей.

(Всѣ эти книги можно получать въ магазинѣ И. А. Исакова, комиссіонера библіотеки гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостинномъ Дворѣ № 22.)

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

сочиненія.

(Цѣны на серебро.)

Увертюры для полнаго оркестра.

ADAM. Le roi d'Yvetot. Ouverture. (5 r. 15 c.)
AUBER. Actéon. (4 r. 29 c.)
BEETHOVEN. Egmont. (2 r. 58 c.)
— Fidelio. (2 r. 85 c.)
— Marche triomphale pour l'orchestre. (2 r. 30 c.)
BELLINI. Montecchi e Capuleti. (4 r.)
— Norma. (4 r. 29 c.)
CLAPISSON. La simphonie, opéra. (4 r. 50 c.)
DONIZETTI. La Favorite. (4 r. 58 c.)
— Les martyrs, ouverture avec chœurs. (7 r.)
HALEVY. Guitarrero. (4 r.)
— La juive. (6 r.)
KITTL. Ouverture de concert, oeuvre 22. (3 r. 15 c.)
LACHNER. Pot-pourri de l'opéra Cornaro pour un petit orchestre. (3 r.)
LINDLAINTNER. Ouverture guerière. (3 r. 58 c.)
MENDELSOHN. Ouverture de l'oratoire: Paulus. (3 r. 25 c.)

Квинтеты и квартеты для фортепиано.

KALLIWODA. Rondo facile pour piano, deux violons, viola et violoncelle. (1 r. 85 c.)
— Variations de concert pour piano, violon, viola et violoncelle, oeuvre 129. (2 r. 85 c.)

Digitized by Google

MAYSEDER. Variations concertantes pour piano, violon, alto et violoncelle, oeuvre 57. (2 r.)
REISSIGER. Quatrième grand quatuor. (3 r. 60 c.)
L. SCHUBERT. Grand quatuor, oeuvre 23. (3 r. 72 c.)

Трio для фортепіано.

FESCA. Premier trio pour piano, violon et violoncelle. (3 r.)
— Troisième, idem. (4 r.)
REISSIGER. Quatorzième trio, oeuvre 138. (3 r. 72 c.)
— Quinzième trio. (3 r. 72 c.)
— Trio facile et brillant. (3 r. 43 c.)
F. SCHUBERT. Grand trio, oeuvre 99. (6 r.)
SPOHR. Trio concertant, oeuvre 119. (5 r. 72 c.)

Италіянскія оперы для пѣнія съ акомпаніементомъ фортепіано.

Répertoire moderne du théâtre italien, collection d'opéras à bon marché, contenant:
DONIZETTI. L'elisire d'amore, Rossini; Otello; Cimarosa — Il matrimonio segreto; Rossini — Il barbieri; Meyerbeer — Il Crociato; Donisetti — Parisina; Donizetti — Anna Bolena; Nicolai — Il templario; (chaque à 4 r. 30 c.)

Для одного фортепіано.

BLANKMEISTER. Les regrets, mélodie. (50 c.)
BERTINI. La chasse à l'ours, bagatelle. (30 c.)
BRIX. Nocturne. (50 c.)
BANCK. Cavatine de la Lucia transcrite. (30 c.)
— Ariette, pensée mélodique. (30 c.)
BERNARD. Souvenir de M-me Viardot-Garcia, rondo-valse, avec portrait. (1 r.)
— Variations brillantes sur la romance favorite Черный глазъ. (1 r.)
— Variations sur l'hymne nationale: Боже Царя храни. (85 c.)
— Variations sur l'air favori bohémien: Ты не повѣришь. (85 c.)
— Variations sur l'air: Красный сарафанъ. (85 c.)
— Variations sur l'air russe: Лучина лучинушка. (60 c.)
CZERNY. Scherzo, oeuvre 671. (75 c.)
— Tarantella, oeuvre 639. (60 c.)
— Pensée fugitive. (50 c.)
DÖHLER. Souvenir de Florence, oeuvre 34. (60 c.)
— Impromptu, oeuvre 39. (30 c.)
— La Lontananza, romance sans paroles. (60 c.)
— Ballade. (75 c.)
— La complainte, mélodie. (30 c.)
— L'Hidalgo, mélodie espagnole. (85 c.)
— Afflitta, mélodie. (50 c.)

Digitized by Google

DREYSCHOCK. Le ruisseau, romance sans paroles. (50 c.)
— La coupe, chanson à boire. (60 c.)
ERNST. Elégie, transcrite par Czerny. (60 c.)
FESCA. L'espérance, nocturne. (60 c.)
— La mélancolie, nocturne. (60 c.)
HELLER. Fantaisie sur une romance de Charles VI, oeuvre 37. (1 r 15 c.)
— Bolero d'après la Juive de Halevy. (90 c.)
— Impromptu. (45 c.)
HERZ. Variations et rondino sur un motif de Clapisson, oeuvre 127. (1 r.)
— Galop favori de la Jolie fille de Gand. (75 c.)
KALKBRENNER. Fantaisie et variations sur le roi d'Yvetot, oeuvre 163. (1 r. 15 c.)
— L'écho, scherzo. (60 c.).
KULLAK. Romance de Bellini, transcrite. (75 c.)
LEGRAND. Air final de la Lucia, transcrit. (1 r.)
LEGRAND. Cujus animam, air du Stabat de Rossini, transcrit. (85 c.)
— La capricieuse, impromptu. (1 r.)
LANGER. Lutte intérieure, mélodie. (60 c.)
— C'est à vous queje pense, mélodie. (50 c.)
C. MAYER. Pensée fugitive. (60 c.)
— Valse-étude. (85 c.)
— Seconde valse-étude. (60 c.)
— Etude nouvelle. (50 c.)
MENDELSOHN. Air du gondolier. (30 c.)
— Air sans paroles, oeuvre 54. (30 c.)
MOSCHELES. Romance sans paroles, oeuvre 101. (50 c.)
— Rapsodie. (30 c.)
OSBORNE. Tarantella, morceau de salon, oeuvre 47. (75 c.)
— Fantaisie brillante sur le Guitarrero. (90 c.)
— Marie, rêverie, oeuvre 36. (60 c.)
— Fantaisi et variations sur la reine de Chypre, oeuvre 46. (90 c.
— Nocturne. (30 c.)
PIRKHERT. Nocturne. (45 c.)
ROSELLEN. Reminiscence de Beethoven. (60 c.)
— Fantaisie brillante sur Beatrice di Tenda, oeuvre 40. (1 r.)
— Fantaisie sur le rêve de Marie de Puget. (90 c.)
ROSENHAIN. Grande valse de concert. (1 r.)
— Lutte intérieure, mélodie. (75 c.)
THALBERG. Grazioso, romance. (50 c.)
— Romance san paroles. (60 c.)
— Thème original et étude. (1 r.)
VOLLWEILER. Sur le lac, nocturne. (85 c.)
THOMAS. L'absence, nocturne. (45 c.)

Digitized by Google

SCHAD. Le soupir, mélodie, oeuvre 19. (60 c.)
— Deux ames, mélodie. (60 c.)
E. WOLFF. La coquette. (50 c.)
— La sentimentale, mélodie. (50 c.)
— La rêveuse, mélodie. (60 c.)

(Toutes les piéces çi dessus nommées, pour le piano seul, sont extraites du Nouvelliste, journal de musique.)

Перваго апрѣля вышла четвертая тетрадь музыкальнаго журнала: «Нувеллистъ»; она содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы: 1. *Liszt*. Galop de Bulhakoff. 2. *Schiller*. Echo du passé. 3. *Rosellen*. Folâtre, rondo-valse. 4. Nouvelle mazurka. 5. *Балакиревъ*. Русскій романсъ. 6. Romance française. 7. Литературно-музыкальное прибавленіе.
Подписная цѣна 10 р. сер. съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина.)

=

МОДЫ.

=

— Новые плащи называются всѣ одинаково «пальто», но покрои ихъ очень разнообразны и такъ странны, что — чудо! Есть пальто *суконные*, длиной не много ниже колѣнъ, точно такіе же какъ носятъ мужчины, и такіе же рукава длинные, гладкіе, съ обшлагами, сверху до низу застегнутые на пуговицы; разница только та, что пуговицы маленькія, миленькія, блестящія; полы убраны каждая вдоль тремя рядами узенькихъ бархатныхъ лентъ; на обшлагахъ такія же нашитыя ленточки въ два ряда; впереди, на полахъ, съ каждой стороны, вкось вшитые внутренніе карманы; прорѣшки ихъ тоже обшиты двумя рядами узенькихъ бархатныхъ лентъ; на бокахъ и сзади нѣсколько глубокихъ складокъ; воротничокъ откидной, бархатный; подъ нимъ круглый пелеринъ, чуть покрывающій талію, также обшитъ ленточкой; вообще такое одѣяніе шьется довольно мѣшковатое. Шелковые пальто дѣлаютъ

совершенно въ родѣ ночныхъ кофточекъ; длиною они вершка два ниже колѣнъ; откидной воротничокъ; рукава безъ складокъ у проймы и широкіе, висящіе угломъ къ кисти руки; сзади нѣсколько сборокъ, стянутыхъ снуркомъ и завязанныхъ внутри, такъ, что полы остаются свободными. Пальто Моіse: круглый большой воротникъ, разрѣзанный отъ плечъ до низу и застегнутый потомъ на всемъ этомъ пространствѣ блестящими пуговками; носить его застегнутымъ или разстегнутымъ предоставлено вкусу и соображенію: въ обоихъ случаяхъ, это пальто мило, просто и удобно. Того же фасону клѣтчатые байковые; вверху и кругомъ безъ всякихъ украшеній, кромѣ тройнаго гроденаплеваго кантика. Кашмировыя пальто имѣютъ большой круглый воротникъ съ округленными полами, съ широкими, длинными китайскими рукавами; всѣ пальто изъ этой матеріи бываютъ вышиты: иные крученымъ тонкимъ шелкомъ гладью, и тамбуромъ очень толстымъ шелкомъ, рукава, полы и кругомъ; покрой кашмировыхъ пальто — совсѣмъ безъ воротничка, вырѣзъ около шеи, съ однимъ тоненькимъ кантикомъ, возлѣ котораго начинается вышивка, продолжаясь вокругъ, вездѣ одинаковой ширины, и составляетъ бортъ. Еще одинъ новой фасонъ: это уже не пальто, а вещь безъ названія, chose sans nom, черный атласный корсажъ на ватѣ, застегнутый впереди, и каракo, которое обыкновенно находилось у спинки, пришито съ боковъ на-передъ, и все обшито бархатомъ; воротничокъ бархатный; изъ-подъ него спускается округленный впереди кардиналъ, вверху несходящійся, такъ, что корсажъ и каракo видны. Наридъ очень странный, но весьма полезный для вечернихъ лѣтнихъ прогулокъ.

Новыхъ матерій для платьевъ не видно; пу-де-соа, двуличневый гроденаплъ, двуличневый поплинъ; шерстяныя кисеи однако новы, онѣ клѣтчатыя, яркихъ цвѣтовъ.

— Милое новое платье: пу-де-соа, темнаго песочнаго цвѣту, убранное двумя широкими зубчатыми оборками, надъ каждой изъ нихъ нашито три ряда бархатныхъ лентъ; корсажъ высокій, гладкій, разрѣзанный и заспурованный впереди бархатными ленточками; внизу батистовая манишка съ воротничкомъ, обшитымъ кружевомъ; рукава гладкіе, внизу разрѣзанные, и также заспурованные.

Digitized by Google

— Вотъ прелестный капотъ изъ пу-де-соа; низъ косая,

широкая оборка, вторая оборка — надъ ней, изъ той же матеріи, plissée à la vieille; такъ же убраны рукава и корсажъ; впереди шелковый снурокъ; нижніе рукава — кисейные съ кружевными пришивками и обшиты кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки.

— Шляпки весеннія дѣлаютъ изъ пу-де-соа, гроденаплю гладкаго, моарѐ и двуличневаго; въ фасонахъ перемѣны не примѣтно: всѐ такія же маленькія, только не-

Digitized by Google

много открытіе прошлогодних, предпочтительно взде-
нутыя на широких косточках, такъ, что на простран-
ствѣ прежних трехъ теперь — одна. У насъ, въ Петер-
бургѣ, покамѣстъ, шляпки — благоразумнаго объему; но,
въ Парижѣ такія крошечныя, что — смѣхъ сказать, и на-
зываются *невидимки*. Очень милы шляпки бѣлыя съ ро-
зовымъ подбоемъ, убранныя вѣнкомъ бѣлыхъ и розовых
розъ съ бѣлыми лентами; также бѣлыя изъ пу-де-соя,
подбитыя зеленымъ моарѣ изумруднаго цвѣту, убранныя
вѣткой дубовыхъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ темнымъ
плющомъ; или свѣтло-зеленыя яблочнаго цвѣту, убран-
ныя лентами и букетомъ марабутовъ; или лиловаго дву-
личневаго цвѣту, убранныя тонкими широкими кружева-
ми и тѣневыми лиловыми лентами.

=

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТЬЯГО

ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поэтическіе памятники осемнадцатаго столѣтія. Неизданныя стихотворенія Державина и фонъ-Визина..... 5.

I. Безпристрастный зритель нѣкоторыхъ состояній нынѣшняго вѣка. (1794 года.)..... 10.

II. Ода..... 22.

III. Посланіе къ творцу посланій, или Копія къ оригиналу..... 26.

Освобожденный Узникъ. *А. Пальма*..... 73.

Амуръ-живописецъ. *И. Крешева*..... 74.

*** *А. Пальма*..... 76.

(Изъ Шеніе). *А. Пальма*..... 76.

ПРОЗА.

Игрокъ. *Е. Гребенка*..... 31.

Идеальная Красавица. *Барона Брамбеуса*. Часть пятая и послѣдняя..... 77.

Digitized by Google

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Кабанисъ. Романъ Алексиса.
Часть первая..... 1.
Часть вторая и послѣдняя..... 111.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Паденіе Пскова. Историческая характеристика. Н. Савельева..... 1.
Карпатскія горы зимою. К..... 19.
Историческій взглядъ на дѣла Ирландіи..... 41.
Кардиналъ Ришліё..... 71.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пчеловодство въ Россіи. Н. Витвицкаго. Статья третья и послѣдняя..... 1.
Объ учрежденіи большой землевладѣльческой компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ. Николая Тимашева..... 25.

V.

КРИТИКА.

Вильгельмъ Телль. Сочиненіе Шиллера. Часть вторая и послѣдняя..... 4.
Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла. Н. И. Пирогова..... 37.

Digitized by Google

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1844. Новыя книги и брошюры..... 1.
— — Разныя извѣстія..... 37.
Мартъ, 1844. Новыя книги и брошюры..... 39.
— — Разныя извѣстія..... 76.

VII.

СМѢСЬ.

ФЕВРАЛЬ.

Au jour le jour. Поденщина, господина Фредерика Суліе..... 1.
Французскій театръ въ Парижѣ: 1. Les Mytères de Paris, романъ господина Сю. 2. Le vieux consul, трагедія. 3. Cagliostro, опера..... 81.
Музыкальныя новости..... 84.
Новыя книги..... 87.
Новыя музыкальныя сочиненія..... 91.
Моды..... 93.

МАРТЪ.

Парижская Академія Наукъ Сомнительность нынѣшней химической теоріи окисленія крови кислородомъ воздуху при дыханіи. Замѣчанія господина Гэ-Люссака..... 97.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ 1. Метеорологическій самонаблюдатель профессора Витстона..... 99.
2. Вліяніе цвѣтныхъ свѣтовъ на ростъ и цвѣтъ растеній. Наблюденія профессоровъ Гонта и Дрепера и господина Герднера..... 101.

Digitized by Google

3. О должностяхъ кожи. Въ чемъ состоитъ простуда? Изъ записокъ доктора Вудиса..... 101.
Полная невѣста въ двадцать вершковъ..... 103.
Освѣщеніе электричествомъ..... 104.
Анатомія нервей..... 105.
Благодарность фламандскаго живописца Мааса. Разсказъ господина Бертэ..... 115.
Сигизмундъ Форстеръ. Романъ графини Ганъ-Ганъ..... 126.
Французскій театръ въ Парижѣ: 1. Les Amans de Murcie, драма. 2. La Comtesse d'Altenberg, драма. 3. La Sirène, опера..... 167.
Новыя книги..... 175.
Новыя музыкальныя сочиненія..... 178.
Моды..... 181.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствѣ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнова, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Суконной Линіи), подъ № 13-мъ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

(Цѣны на серебро).

КОМЕРАЖИ

ПОСВЯЩЕНО А' CES DAMES.

Соч. Автора Сенсаціи Курдюковой.

Спб., 1844 года на лучшей веленевой бумагѣ. Съ 32 особо прилагаемыми политипажными рисунками, вырѣзанными на деревѣ барономъ Клотомъ и г. Бернадскимъ цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 фунтъ.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ.

Составленный изъ отборныхъ страницъ Русской Поэзіи. Спб. 1844 года съ портретомъ Лермонтова и восемнадцатью оригинальными рисунками Ковригина. Цѣна 1 руб. 25 коп., вѣс. за 1 ф.

Digitized by Google

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЗАЙЦА.

сочинение

В. Гребенки.

Съ девятью литографированными картинками Спб., 1844 г. Цѣна 75 коп., вѣс. за 1 ф.

СТО СЕМИЛЕТНІЙ СТАРЕЦЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ В. Р. ЩЕГЛОВСКАГО.

Съ его портретомъ. Спб. 1844 г. Цѣна 50 коп., вѣс. за 1 фунтъ.

УЧИВШИЙ

РУССКАГО ЧИСТОПИСАНІЯ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

А. А.

Спб. 1844 г. (in-4) на лучшей веленевой бумагѣ. Цѣна 2 руб., вѣс. за 2 фунта.

Digitized by Google

НОВЫЯ ДѢТСКІЯ

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ, СЪ ПРИЗДНИКАМИ.

Спб. 1844 г. Цѣна 60 коп., вѣс. за 1 фунтъ.

ОСНОВАНІЯ

ВСЕОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

И

ПРОИСХОЖДЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. О ГОТТЕСЪ.

Спб. 1844 г. Цѣна 1 руб., 50 к., вѣс. за 2 фунта.

ПОДРОБНАЯ

ПРОВІАНТСКАЯ РАСКЛАДКА

высчитаная на всякое число людей включительно отъ одного до ста, затѣмъ по полу сотнямъ до тысячи. (in-4)
Спб. 1844 года. Цѣна 2 руб., вѣс. за 2 фунта.

Digitized by Google

О НОВЫХЪ СПОСОБАХЪ

ХОЗЯЙСТВА и ЗЕМЛЕУДОБРЕНІЯ

ПО ЛИБИХУ,

для полученія вѣрныхъ и невзмѣнныхъ урожаевъ, съ образцами самыхъ плодоносныхъ туковъ. Спб. 1843 года.

Соч. Шелихова.

Цѣна за 2 книжки 1 руб., вѣс. за 1 фунтъ.

Выпущена и раздается Гг. подписавшимся

ДЕВЯТАЯ КНИЖКА.

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ФЛОРЫ

Съ раскрашенными рисунками. Составленная К. Лемнымъ. Изданіе И. Селезнева. Спб. 1844 года, подписная цѣна за шесть книжекъ 6 руб., вѣс. за 5 фун., безъ подписки каждая книжка продается по 1 руб. 50 коп. вѣс. за 2 фунта.

Тоже первыя шесть книжекъ, цѣна 6 руб. вѣс. за 4 фунта.

КНИГА ПЕРЕВОДОВЪ,

Съ русскаго на нѣмецкій, французскій, и англійскій языки. Спб. 1844 года. Цѣна безъ словаря 1 руб. вѣс. за 2 ф. Словарь выйдетъ въ августѣ нынѣшняго года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

С. Петербургъ, апрѣля 4-го дня 1844 года.

Цензоры А. Никитенко. С. Куторга.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

FEB 24 1937

Digitized by Google

Digitized by Google